

АЛЕКСАНДР
БОВИН

*Записки
ненастоящего посла*

ИЗ ДНЕВНИКА

ЗАХАРОВ • МОСКВА • 2001

УДК 882-94

ББК 84Р

Б 72

«Я замечаю, что любые воспоминания о чём-то всегда оказываются воспоминаниями о самом себе.

А вспоминать себя да ещё связно, толково, без выпячивания собственной «удивительной личности» — практически невозможно. И тут дело вовсе не в скромности или, наоборот, нескромности автора, а в том, что он волей-неволей обязательно становится неким судьёй, высшей инстанцией, которая начинает давать оценки людям, событиям, поступкам. Всё равно мир (тот, прошлый, давешний) становится искажённым, так или иначе выдуманным. И в этом искажённом выдуманном мире бродит тоже не шибко реальный «вспоминатель».

Роберт Рождественский

ISBN 5-8159-0118-0

© А.Е.Бовин, автор, 2000

© И.Захаров, издатель, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Книгу о своём пребывании в Израиле я запланировал ещё там, в Тель-Авиве. Рабочее название — «В гнезде сионизма» (шутка) или «Пять лет среди евреев» (и выжил, — добавляли местные остряки).

Вернувшись в Москву, заключил договор с издательством «Захаров». Обязался сдать рукопись не позже 1 сентября 1998 года. Разобрал, разложил по темам привезённые из Израиля бумаги и на этом иссяк. Надо было по возможности быстрее приспосабливаться к жизни в новой, незнакомой стране. Тревоги настоящего, мрачные раздумья о будущем не давали сосредоточиться на прошлом.

Жизнь иногда пыталась подтолкнуть. 12 февраля 1998 года «Советская Россия» опубликовала письмо М.Ткаченко (член КПРФ, инвалид ВОВ, Ставрополь), озаглавленное: «Вестям» не верю». Привожу полностью: «На днях в программе «Вести» господин Бовин, бывший посол России в Израиле, настойчиво объяснял нам, тупым, видно, по его мнению, какой нехороший Ирак, и такой и эдакий. У меня вопрос к господину Бовину: почему он, бывший посол, не рассказал нам, сколько раз Израиль совершал агрессии против арабских стран, сколько убил детей, женщин, стариков и как втихаря занимался разработкой атомного оружия? Не упомянул господин хороший и дядюшку Сэма, который без стеснения заявляет, что ему нужно другое правительство в Ираке, то есть послушное Америке. У меня «Вестям» предложение: чтобы не вызывать в последующем недоумения у телезрителей, представлять Бовина бывшим послом Израиля в Израиле. Тогда всё и понятно будет. А так претензий особых нет, господин Бовин отрабатывает «демократический» хлеб».

Такое вот милое послание. Но оно заставило меня задуматься. Если даже у такого человека, каковым является читатель «Советской России» товарищ Ткаченко, нет ко мне «особых претензий», значит я, напротив, не отрабатываю свой хлеб. И значит надо не тянуть резину, не откладывать книгу в долгий ящик, а написать её всё-таки. Чтобы поведать, в частности, и об «агрессиях» Израиля.

Но резина все-таки тянулась. То одно, то другое.

Решающий рывок был сделан только летом 1999 года. Взял за свой счёт два месяца отпуска. И не отрываясь, сидел напротив компьютера. Вокруг уже начинали грохотать предвыборные грозы — хлеб для журналиста. Но я заставил себя не покидать башню из еврейской

кости... Только иногда — чтобы выпить пару-другую кружек пива на углу Садового кольца и Зубовской улицы, в нескольких шагах от дома. 20 сентября рукопись была готова.

Бурные споры развернулись вокруг названия. Жена моя, Лена Петровна, возражала против «евреев». Я выдвинул такой аргумент: предположим, бывший посол в *Германии* (или — в *Китае*) напишет книгу «Пять лет среди *немцев*» (или — среди *китайцев*), ведь никаких проблем не будет. Значит, тот, кто возражает против моих *еврейских* пяти лет, самым этим возражением ставит евреев в какое-то двусмысленное положение. Лена Петровна задумалась — крыть ей было нечем. Но какой-то червячок сомнения продолжал меня точить. При случае заговорил на эту тему с Шамаем Голаном, советником по культуре израильского посольства в Москве. Аргумент ваш, сказал Голан, вроде бы звучит, а всё же — не надо... Мягко сказал, деликатно — и я понял: действительно, не надо. Так возникли «Записки ненастоящего посла».

Но тут заартачился издатель. Что значит «ненастоящего»? Читатель не поймет и не купит. Долго ломали головы. Наконец, компромисс был найден. Сокращенный вариант книги, рассчитанный на более широкий круг читателей, нарекли «Пять лет среди евреев и мидовцев». Так сказать, уравнисили. Именно этот вариант поступил в продажу в марте. А теперь очередь дошла до полного варианта записок. Надеюсь, он будет интересен специалистам.

Книга, по моему замыслу, должна быть трёхслойной. Слой первый — работа посла и посольства, слой второй — штрихи к портрету современного Израиля и слой третий — чуть-чуть истории и размышлений: почему и как появился Израиль и как ему удалось сохраниться. Слои могут пересекаться, перемешиваться, прерываться «вставными номерами». Хронологическая канва — лишь как шампур для нанизывания наблюдений, мыслей, деталей. В общем — фрагмент моей биографии на фоне времени или время сквозь биографическую призму.

Думаю, что записки можно начинать читать с любой страницы. А если станет скучно, можно перескочить в другую главу, точнее, в другой месяц или год, — вдруг будет интереснее.

Главная трудность — провести грань между тем, о чём следует писать и о чём — нет. Дело тут не в государственных, дипломатических «тайнах». Их очень мало, и они, как правило, не интересны широкому читателю. Дело в человеческих отношениях. Наверное, не все мои суждения о тех или иных людях, с которыми мне приходилось сталкиваться, могут показаться им справедливыми. И, наверное, не все люди, с которыми мне приходилось беседовать, будут рады увидеть на страницах этой книги свои мысли и соображения. Постараюсь быть

максимально тактичным, хотя не уверен, что это всегда получится. Так что заранее извиняюсь...

Записки не рассчитаны на любителей лёгкого чтения, всяких мемуарных откровений, сплетен и слухов. Я пишу для тех, кому интересно познакомиться с современным Израилем, посмотреть, как работают наши дипломаты, поближе познакомиться со мной, с моим отношением к жизни, работе и самому себе.

Буду цитировать документы, прессу, свои собственные интервью (так иногда хочется переделать! — но не стану). Это позволит читателям почувствовать аромат, вкус времени.

Ни в коей мере не претендую на «объективность», ибо изначально ограничен своей колокольной, своим видением, пониманием событий. Одно конкретное замечание по поводу «колокольни». Как посол, как официальное лицо я контактировал с официальным Израилем. С людьми, которые или родились в Израиле, или давно в нём живут. А просто как человек общался в первую очередь с «русскими», с теми, кто ещё не врос в Израиль. С русскоязычных газет начинался день. Мои друзья — среди новых репатриантов. С ними велись долгие душевные разговоры. Поэтому вполне возможно, что я вижу Израиль во многом их глазами.

Попробую избежать удручающей серьёзности и прежде всего — по отношению к самому себе. Замечу, забегая далеко вперёд, что чрезмерно серьёзное восприятие самих себя — беда многих наших дипломатов...

Могут встретиться неточности. Что-то подзабыл, что-то не удосужился перепроверить, что-то перепутал. И опять же извиняюсь заранее.

ДЕКАБРЬ-91

*Верительные грамоты — Из настоящего журналиста
в ненастоящего посла — Посол несуществующего
государства — Премьер-министр И. Шамир —
— Четвёртая молодость*

Вручение верительных грамот — самое для меня важное событие декабря 1991 года — состоялось 23 числа.

Наверное, читателям будет интересно узнать, что за штука такая — «верительные грамоты» (занятная деталь: «грамота», т.е. бумага, документ, она одна, но по сложившейся традиции именуется, как правило, во множественном числе). Привожу полностью текст.

**ПРЕЗИДЕНТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
М.С.ГОРБАЧЕВ**

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ХАИМУ ГЕРЦОГУ
ПРЕЗИДЕНТУ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ**

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО,

Следуя политике укрепления сотрудничества между народами и желая способствовать развитию дружественных отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Государством Израиль, я решил назначить при ВАС гражданина Александра Евгеньевича БОВИНА в качестве своего Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Аккредитуя гражданина Александра Евгеньевича БОВИНА настоящей грамотой, прошу ВАС, ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО, принять его с благосклонностью и верить всему тому, что он будет иметь честь излагать ВАМ от моего имени и от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

(М.Горбачев)

Скрепил (Э. Шеварднадзе)
Министр Внешних Сношений СССР
Москва, Кремль
11 декабря 1991 года».

Вот такая отточенная веками и дипломатами серьезная бумага.

В связи с именами Горбачева и Шеварднадзе хочу сделать небольшое (и не последнее) отступление от хронологии. В январе 1997 года в Аммане происходило кустовое совещание послов (Израиль и его арабское окружение). После праведных трудов гостеприимный хозяин А.В.Салтанов кормил нас и поил. Обычное русское застолье, только в Иордании. С удовольствием хвалили друг друга и пили за здоровье друг друга. Некоторые послы привезли жён. Одна из них расчувствовалась и «волнительно», как раньше говорили, подняла тост за «нашего дорогого министра» Евгения Максимовича Примакова. Все с понятным энтузиазмом поддержали. На это я заметил, что было бы логично, если бы присутствующие выпили за здоровье Козырева, благодаря которому они и сидят за этим столом. Ответ последовал незамедлительно. «А тебя вообще назначил Горбачев!», — парировал мой сирийский коллега В.Ю.Гогитидзе. Все дружно рассмеялись и не менее дружно выпили. Кто за кого хотел. В то время я находился в непьющей фазе, а то бы принял тройную дозу: за Горбачева, Шеварднадзе и Примакова.

Чтобы закруглить тему Горбачева, повторю то, что написал ещё тогда, когда Горбачев был у власти. «Горбачев — трагическая фигура. Помните? Дорога в ад вымощена хорошими намерениями. Он вымостил свою дорогу. Но он, безусловно, великая фигура, одна из великих политических фигур XX века. Он разрушил тюрьму, казарму, в которой мы жили десятки лет... Как Пётр I, он поднял Россию на дыбы. Но в отличие от Петра не сумел совладать с поводами. И это не столько вина его, не столько выбор, сколько беда, судьба. Он нужен был истории, чтобы сорвать оковы с России. Новую Россию будут создавать новые поколения людей. Критические выпады против Горбачева, не учитывающие («в уме», разумеется) этот исторический фон, всегда будут мелкими, мелочными, скользящими по поверхности вещей». Я и сегодня так считаю.

.....
Вернёмся в Израиль. Вручение верительных грамот состоялось, выражаясь мидовским новоязом, «при том понимании», что до 30 декабря я буду послом Советского Союза, а после — послом России.

Всё было как положено: эскорт мотоциклистов, оркестр, ковёр, флаги и т.д. Всё было расписано: куда идти, где стоять, куда поворачиваться. На мне был парадный мундир с золотым шитьём и маршальскими звёздами (последний, кажется, посольский мундир, сшитый в мидовском ателье). Первый и последний раз я был при галстуке. Посмотрел на себя в зеркало и подумал — ну, точно швейцар пятизвёздочного отеля. Но надо было терпеть.

Для любого посла вручение верительных грамот — праздник, торжественная и радостная процедура. И для меня, конечно, это был

праздник. Но — праздник со слезами на глазах. Я знал, что я — последний посол Советского Союза, что в последний раз поднимается наш Красный флаг, что в последний раз играют наш гимн. В последний раз... Всё как бы раздваивалось. Я делал ритуальные движения, произносил ритуальные фразы. А другая половина моего «я» прощалась с Советским Союзом, с великой страной, без которой мне трудно было представить себя.

В моей общественной, социальной жизни было две трагедии, две катастрофы. Первая — ввод войск в Чехословакию. И вторая — ликвидация Советского Союза. В обоих случаях трагедия явилась результатом недалековидности, ограниченности политических лидеров, обременённых правом принимать судьбоносные решения. Уверен, что суд истории их не оправдает...

Но это уже мысли на лестнице. Тогда же всё шло своим чередом. Обменялись речами с президентом Израиля Хаимом Герцогом, выпили по бокалу шампанского, побеседовали, отстояли небольшой приём в иерусалимском отеле «Кинг Дэвид» («Царь Давид», значит). На следующий день начались посольские будни, продолжавшиеся пять с половиной лет.

Прежде чем перейти к будням, расскажу историю моего превращения из журналиста в дипломата.

.....
Из «Известий» в Тель-Авив. В качестве журналиста я, естественно, касался ближневосточной проблематики. По понятным причинам мои речения и писания находились в русле официальной политики. Но иногда удавалось рисовать более взвешенную, более объективную картину событий. Перестройка существенно облегчила такой подход. Хотя односторонность, предвзятость прежней позиции преодолевались и ЦК КПСС, и МИДом с большим трудом.

Было понятно: нужно восстанавливать отношения с Израилем. Кстати, это стало понятно задолго до перестройки. Начали торговаться. Нашу цену чётко обозначил А.А.Громыко на конференции в Женеве в октябре 1973 года. СССР восстановит дипломатические отношения с Израилем, когда наметится заметный прогресс в урегулировании израильско-арабского конфликта. Предполагалось, что прогресс этот зависит от Израиля, от его уступок арабам. В последующие годы наше условие облекалось в различные словеса, но оставалось в силе. Так продолжалось и в горбачевскую эру.

В августе 1991 года я писал в «Известиях»: «Советскую дипломатию трудно упрекнуть в чрезмерной активности на Ближнем Востоке. Возникает такое впечатление, что наше «маневрирование» становится самоцелью, тактика превращается в стратегию. Вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Израилем не то что созрел, а

просто перезрел. Оговорка насчёт «контекста развёртывания переговорного процесса» (о, могучий русский язык!) юридически беспомощна, недальновидна политически и весьма уязвима в нравственном отношении. Негоже великой державе взимать плату за исправление собственной ошибки».

К тому времени мой известинский стаж приближался к двадцатилетию. Началось какое-то странное томление духа. Вроде бы уже обо всём писал. Причём — неоднократно. Ну, ещё один кризис на Ближнем Востоке. Ну, ещё одни выборы в Америке. Ну, ещё одни переговоры о разоружении. И т.д., и т.п. Возникла нахальная мысль переместиться на дипломатическое поприще.

Идея такая возникала и раньше. Просился послом в Люксембург. «Тесновато вам там будет», — криво усмехнувшись, заметил Громыко. Брежнев был откровеннее: «Тебе ещё работать надо!» И вот снова потянуло в дипломатию. «Поеду, — мечтал я, — в какую-нибудь небольшую, отдалённую, малопроблемную страну — в Новую Зеландию, например, — буду сидеть там тихо и сочинять книги». Начал толковать на эту тему с людьми из окружения Горбачева. На всякий случай говорил даже с А.В.Козыревым (он тогда ещё на Старой площади сидел в республиканском МИДе). Все слушали и с разной степенью выразительности кивали головами.

Но Веллингтон был далеко, а Тель-Авив почти рядом. В октябре меня пригласили посетить Израиль. И уже находясь в Израиле, узнал, что прилетает министр иностранных дел СССР Б.Д.Панкин подписывать соглашение о восстановлении дипломатических отношений в полном объёме и обмене дипломатическими миссиями на уровне посольств.

Эта давно назревшая акция имела длительную, так сказать, подпольную предысторию. Если верить израильским источникам, в апреле 1974 года заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений Е.М.Примаков встречался с премьером И.Рабиным, а в сентябре 1977 года — с премьером М.Бегиным.

В июле 1987 года Москва конкретизировала понятие «существенный прогресс». Он означал: возврат Израилем всех территорий, захваченных в 1967 году, ликвидацию всех израильских поселений на этих территориях, создание независимого палестинского государства и возвращение палестинских беженцев. В обмен Израилю предлагались «международные гарантии безопасности». Затем эта явно запросная позиция стала постепенно смягчаться. В ноябре 1988 года в Вене состоялась встреча специалиста по Ближнему Востоку полковника КГБ Ю.В.Котова с начальником канцелярии главы правительства Израйля Йоси Бен-Аароном. Котов не выдвигал жёстких условий. Скорее, как пишут в Израиле, он давал понять, что Советский Союз рассчитывает на израильскую экономическую помощь. К сожалению, Моск-

ве понадобилось ещё три года, чтобы принять единственно верное решение. И тогда Панкин появился в Иерусалиме.

Кстати, о Котове. Моше Жак, из статьи которого в газете «Маарив» я почерпнул сведения о тайных встречах, заключает: «С установлением дипломатических отношений между Израилем и Советским Союзом завершилась деятельность полковника Котова, отвечавшего за поддержание тайных контактов между двумя странами. Теперь в его услугах уже не нуждались». Жак ошибался. В 1994 году Котов прибыл в Израиль в качестве официального представителя Службы внешней разведки. В посольстве занимал должность советника. Не знаю, как он справлялся с основными обязанностями. Надеюсь, хорошо. По нынешним представлениям — «державник». Человек спокойный, обстоятельный, работоголик. Во всяком случае из посольства уходил позже всех. Его представления о происходящем в Израиле и вокруг часто отличались от моих. Иногда по традиции пытался «вникнуть» в личную жизнь сотрудников, выйти за пределы разведки «внешней». Тут мы не находили общего языка.

Панкина я знал давно, ещё по «застойным» временам. Уровень его порядочности был явно выше тогдашней нормы. Встречались по разным поводам. Бывал у него в Стокгольме, где Панкин возглавлял наше посольство. Потом он стал послом в Праге. Решительно, без колебаний (в отличие от многих послов) выступил 19 августа 1991 года против заговора гэкачепистов. Что и открыло ему дорогу к министерскому креслу. Успел взять у него интервью, пока он в этом кресле находился.

Итак, 18 октября. Уже упоминавшийся «Кинг Дэвид» — самая фешенебельная гостиница в Иерусалиме. Там обычно располагаются наиболее высокопоставленные гости. Стою в толпе журналистов. Ждём Панкина. Появляется в окружении, как и положено министру, сопровождающих лиц. И вдруг видит мою довольно заметную физиономию. Почти немая сцена. Нарушая протокольный порядок, подходит ко мне и шепчет на ухо: «Теперь я знаю, кто будет послом в Израиле». Или что-то в этом роде. На том и расстались. Долго отбивался от коллег, которые пытали меня на тему: «Что он тебе шептал?»

Слова Панкина я не воспринял серьёзно. Ведь и министры шутят. Вернувшись в Москву, даже жене ничего не сказал. Продолжал заниматься истинскими делами. Но в один прекрасный день мне позвонили из МИДа и потребовали «объективку». Бюрократическая машина начала делать первые обороты.

Судя по рассказам очевидцев, судьба моя решилась в самолёте, на котором Горбачев летел в Мадрид на конференцию по Ближнему Востоку. С подачи, как я полагаю, своего помощника А.С.Черняева первый (и последний) президент СССР сообщил приближённым, что у него есть «нестандартное решение» — направить Бовина послом

в Израиль. Приближённые поддержали эту идею. Правда, злые языки говорили, что В.Н.Игнатенко бросил реплику: «Пьёт он много». На что Горбачев ответил: «Но много и закусывает». Добрые языки утверждали, что не было этого. Наверное, не было. Но ведь в нашей жизни важны не только факты, но и легенды...

Где-то после ноябрьских праздников позвонил Горбачев. Передо мной, сказал, лежат две бумаги: о присвоении тебе звания посла и о назначении тебя послом в Израиль. «Не возражаешь?» Я не возражал.

Вновь назначенному послу, ежели он «со стороны», полагается пройти стажировку в соответствующем подразделении МИДа. То есть ходить по кабинетам, беседовать с профессионалами, читать документы. Немного походил и побеседовал. Получил дельные советы и напутствия. Однако пришлось вносить «поправку на ветер». Ведь профессионалы все были арабистами и видели Израиль сквозь привычные советско-арабские очки. Поэтому в основном я «стажировался» в моём уютном, обжитом известинском кабинете, штудирова имеющиеся в газете обширное досье по Израилю.

В конце ноября оказался в Штатах, на какой-то, не помню уж, конференции. Там в эти дни находился с визитом премьер-министр Израиля Ицхак Шамир. Через наше посольство в Вашингтоне его люди разыскали меня. Встретились в Нью-Йорке, в гостинице «Уолдорф-Астория». Когда поднимались к Шамиру на 19-й, кажется, этаж, сломался лифт. И в Америке такое бывает. Помню ещё, что в премьерских апартаментах было очень жарко. Видимо, поддерживалась привычная температура. Шамир выглядел усталым, утомлённым. Но сразу чувствовался острый, живой ум. Разговор получился не формальным.

.....
22 ноября в ведущей израильской русскоязычной газете «Вести» был опубликован мой разговор с главным редактором газеты Эдуардом Кузнецовым (тот самый, который по ленинградскому «самолётному делу» был приговорён к расстрелу)¹.

«— Когда послом в ту или иную страну назначают не кадрового дипломата, а общественно-весомую фигуру, которая не только выражает общественное мнение страны, но и формирует его, это означает одно из двух: или это общественно-политическая ссылка (порой в форме си-

¹ В июне 1970 года Кузнецов с группой (всего 16 человек) намеревались захватить Ан-2 и из Ленинграда податься в Швецию. Были арестованы у трапа самолёта. 24 декабря Кузнецова приговорили к смертной казни. Однако 28 декабря по указанию Брежнева, к которому обратился президент США Р.Никсон, Верховный суд РСФСР («по соображениям социалистической гуманности») заменил смертную казнь лишением свободы на 15 лет. Освобождён досрочно в 1979 году. Почти с гордостью Кузнецов говорит о своей высокой «меновой стоимости»: за него отдали двух советских шпионов плюс современную ЭВМ.

некуры), или свидетельство того, что политическое руководство придаёт особое значение данной стране.

— Ничего себе синекура! Израиль! Да нет, вероятно, труднее региона, чем ваш. Это одна из самых «горячих» дипломатических точек. Я-то подумывал о Новой Зеландии — ел бы там баранину да писал книжки. И ссылать меня тоже не за что — не заслужил. Ваш вопрос — типично советологический. Советологи, они ведь во всём усматривают далеко идущие расчёты, точно выверенные шаги... Вместе с тем в вашем вопросе есть своё рациональное зерно. Сейчас происходит радикальный поворот в нашей ближневосточной политике и, может быть, кому-то наверху показалось, что моя фигура вписывается в этот поворот, ибо, как вы знаете, я многие годы занимал особую позицию в вопросе о Ближнем Востоке... Так что, видимо, моя личная позиция сошлась с нынешним изменением советской политики.

— То есть, это означает, что предварительно вы на некоем высоком уровне не участвовали в выработке политической линии Советского Союза на Ближнем Востоке?

— Нет, не участвовал.

— Испокоен веку отношения с Израилем были во многом функцией не только внешней, но и внутренней политики. Ваше назначение послом в Израиле — назначение на этот пост общественной фигуры — я склонен рассматривать как свидетельство демократизации отношений с Израилем, свидетельство того, что таковые станут в значительной мере функцией общественного мнения СССР, в последнее время более благоприятного к Израилю.

— Я бы не сказал, что отношение среднего советского гражданина к Израилю и к евреям претерпело радикальные изменения. Ещё слишком для многих евреи — виновники всех бед. Но какие-то сдвиги в лучшую сторону всё же есть, внутренняя атмосфера в стране меняется, и это, конечно, будет сказываться на отношении к Израилю. И вообще это важно: как мы будем относиться к евреям здесь, так они будут относиться к нам — как к государству — там, в Израиле. Это всё взаимосвязано.

— Управление Ближнего и Среднего Востока МИДа, до сих пор определявшее советскую политическую линию в нашем регионе, традиционно поддерживало в арабо-израильском конфликте арабскую сторону. Не опасаетесь ли вы, так сказать, «варяг» — сопротивления со стороны «традиционалистов».

— Я думаю, что такое сопротивление неизбежно. Но ведь не я один осуществляю поворот в ближневосточной политике, его делают и Горбачев, и МИД. Я допускаю, что какие-то люди в Управлении будут действовать под давлением устоявшихся стереотипов, инерции... Всё это, конечно, будет, будут эти тормозящие воздействия. Но по-

скольку мне есть на кого опереться в самом верхнем эшелоне власти, думаю, что мы справимся.

— *МИД традиционно неприязненно относится к таким институтам, как КГБ, ГРУ, военно-промышленный комплекс (которые пытаются решать свои задачи под прикрытием дипломатического статуса), поскольку работа упомянутых институций мешает чисто дипломатическим усилиям МИДа и зачастую сводит их на нет. В частности, думается, что ваша дипломатическая миссия будет осложнена тем, что СССР продолжает массированные поставки оружия той же Сирии...*

— Буду стараться, чтобы наше посольство занималось только дипломатией как таковой. Думаю, что и в вопросе поставки оружия враждующим с Израилем странам будет что-то меняться. Сейчас американцы чуть-чуть отдаляются от Израиля и приближаются к арабам. А мы наоборот — мы чуть-чуть отдаляемся от арабов и приближаемся к Израилю. Эти изменения очень важны, и в этой системе координат нетрудно прогнозировать, что, наверное, мы уменьшим поставки оружия странам, враждующим с Израилем. И сделаем мы это не только из любви к Израилю, но исходя из общих принципов нашей внешней политики, которую мы сейчас формируем в рамках так называемого «нового политического мышления». Так что Израиль — это частный случай. А общий наш принцип состоит в том, чтобы свести торговлю оружием до минимума. Хотя тут уже вступает в силу не политический, а экономический фактор — нам ведь нужна валюта.

— *С улучшением отношений с Израилем таковой, в известном смысле, становится ареной противоборства советско-американских интересов. Как вам это видится?*

— Я намерен в своей работе в качестве советского посла осуществлять один принцип: делать лишь то, что отвечает государственным интересам Советского Союза. Так вот, если говорить о наших государственных интересах и американских государственных интересах, то окажется, что в ближневосточном регионе у американцев задействовано таких интересов больше. Для них это прежде всего нефть. Для нас этого вопроса не существует. Для них Израиль традиционно не только политическая, но и нравственная проблема, в рамках которой вопрос о безопасности Израиля — это государственный интерес США. Таких обязательств перед Израилем у нас нет пока, к сожалению. И третий фактор — хорошие отношения с арабами. Так вот у нас первого интереса совсем нет, третий интерес совпадает с американским, а второй наличествует лишь в зародыше. Причём, кто бы что ни говорил, СССР остаётся сверхдержавой. Мы таковой и ранее считались не из-за того, что у нас была прекрасная экономика, а потому что у нас было энное количество ракет. И сегодня они никуда не делись, они стоят там, где стояли. Если сейчас они разбросаны по

четырем независимым республикам, то всё равно пусковая кнопка находится в Москве. К тому же есть фактор, который, возможно, позволит нам переиграть американцев в Израиле. Ведь наших евреев в Израиле гораздо больше, чем американских. До сих пор это был для нас потерянный капитал, мы отторгали этих людей и сами в этом виноваты. Если мы опять сделаем этих людей нашими...

— В каком смысле?

— В том, что евреи теперь уже уезжают в Израиль не как изгой, отторгнутые советским государством, а как люди, имеющие право жить там, где им хочется. Они будут навещать СССР, они станут экономическими посредниками между Советским Союзом и Израилем, а для нас — через Израиль — со всем западным миром. Кстати, в качестве одного из первых шагов в Израиле я попытаюсь создать в Иерусалиме культурный центр под названием «Россия» — этаким клуб с газетами, книгами, кино... Надо будет обратиться к русским евреям в Израиле: посольство, мол, выделяет на этот центр, скажем, миллион долларов, а ещё миллион соберёте вы. Причём имя каждого жертвователя будет там выбито на мраморной стеле....

...Беда в том, что у нас нет хороших «евреистов». Евреев много, а специалистов по Израилю, по еврейской культуре нет. Но — буду искать. Конечно, МИД кого-то предложит, но я хочу найти кого-то сам, пусть без дипломатического опыта, но зато знатоков Израиля, людей со свежим взглядом на ситуацию. Вообще практически всё надо начинать с самого начала. Надо будет расширять консульскую службу, открыть консульские отделы в Хайфе, в Иерусалиме...

— А что насчёт того, чтобы перенести советское посольство в Иерусалим? При каких условиях это возможно?

— В обозримом будущем — ни при каких. Насчёт этого существует в мировом общественном мнении консенсус...

— То есть, первым Советский Союз этот консенсус не нарушит?

— Даже и вторым.

— А 12-м?

— Когда мировые державы договорятся об этом, тогда и мы не отстанем. Но для этого и Израиль должен чем-то поступиться....

— Когда вас ждать в Израиле?

— В начале декабря, думаю. Я, конечно, очень волнуюсь, но полагаю, что справлюсь как-нибудь со своей задачей. Конечно, немножко угнетает, что в Израиле чуть ли не до любой границы всего 20 минут езды.

— Вот видите, вы ещё не приехали в Израиль, а уже начинаете понимать, почему мы не можем уступать свои территории. Вон как у вас большинство населения выступает против возвращения Японии островов Курильской гряды. А ведь возвращение этих островов не угрожает существованию СССР.

— Я вас понимаю. Но и в позиции арабов есть своя правота. И тут у нас с американцами есть общий интерес — ликвидировать то, что делает Ближний Восток «горячей» точкой планеты. Мы с ними готовы стать гарантами безопасности Израиля.

— *Фактически Израиль становится сейчас экспериментальной площадкой для отработки систем взаимодействия между СССР и США в особо сложных — ближневосточных — условиях. Не так ли?*

— Именно. Это очень важный аспект моей будущей деятельности в качестве посла СССР в Израиле.

Такой вот получился разговор. Наивный несколько, если судить с нынешних позиций. Но достаточно полно показывающий мой настрой в те уже безумно далёкие дни.

В Москве тем временем нарастала неразбериха. Советский Союз уже треснул по всем швам. Из Иерусалима торопили с приездом, поскольку советскому послу надо было успеть вручить верительные грамоты, пока юридически Союз существовал. Помню, звонил кому-то из помощников Горбачева и просил воздействовать на шефа, чтобы он не слагал с себя президентских функций, пока я не вручу верительные грамоты. Шутка, но горькая...

Из Москвы вылетел 19 декабря. Тогда наши самолёты ещё не летали в Израиль, а МИД уже сэкономил валюту. Поэтому «Аэрофлот» доставил меня в Каир. Встречал наш Генеральный консул в Израиле А.Ф.Чистяков. После краткого, но содержательного завтрака у советского посла в Египте В.П.Полякова двинулись на машинах через Синай в Тель-Авив. Потом мне долго приходилось объяснять журналистам, почему я появился в Израиле «с чёрного хода». Никак не могли они поверить, что у советского МИДа нет денег на билет до Тель-Авива. Всё пытались докопаться до какого-то «подтекста»...

Жизнь в Тель-Авиве началась в субботу 21-го декабря, и началась она с отеля «Хилтон», куда меня поселили до подыскания резиденции. Встретил меня большой рыжий таракан левантйской, видимо, породы. Окна выходили на пустынный пляж и на зимнее, беспокойное Средиземное море. Вечером поехал в Иерусалим. В театре Семёна Злотникова (встречался с ним ещё в Москве) давали его же пьесу «Зеркало для олим первого года обучения». Так, с места в карьер, началось моё знакомство с жизнью «русской алии», «русского» Израиля.

«Олим» на иврите — множественное число от «оле», что значит «восходящий» (к Храму). Так торжественно именуют репатриантов. То есть они «восходят», поднимаются в Израиль. Но «русские» евреи включают ивритские слова в грамматические формы русского языка. Отсюда — «олим» (репатриант) и «олимка» (репатриантка). И множественное «русское» число — «олимы» (репатрианты). Такова ныне

разговорная речь. Но в 1991 году «русские» ещё не управились с ивритом. Поэтому Злотников написал «для олим». Сейчас он написал бы «для олимов». Словом «алия» обозначается переселение евреев в Палестину (Израиль). В более узком плане так называют группу евреев, прибывших из какой-либо страны или в какой-то определённый период. Говорят, например, «русская алиа» (приехавшие из России) или «первая алиа» (переселенцы конца XIX века).

Воскресенье здесь — день рабочий (и зовётся, разумеется, не «воскресенье», а просто «йом ришон», то есть «день первый», ибо с него-то и начинается еврейская неделя). С утра отправился в МИД. Таковой, — как и всё израильское начальство, — находится в Иерусалиме. А поскольку мировое сообщество не признаёт Иерусалим столицей Израиля, то все посольства (кроме Коста-Рики и Сальвадора) расположены в Тель-Авиве. Очень неудобно. Почти каждый день (а иногда и по два раза) приходилось мотаться туда и обратно, а это — 130 км и два часа без толку потраченного времени.

В этот же день — **первое посещение своего рабочего места**. Рабочее место — это Генеральное консульство СССР, ныне преобразованное в посольство.

Группа советских консульских работников (3 человека) прибыла в Тель-Авив в июле 1987 года. Формальная задача — переговоры о собственности русской православной церкви плюс некоторые консульские функции. Фактически таким путём было обозначено дипломатическое присутствие СССР в Израиле. Соответственно в июле 1988 года в Москве появилась консульская делегация Израиля. Договорённость об установлении консульских отношений была достигнута в Нью-Йорке 30 сентября 1990 года на встрече министров иностранных дел Э.А.Шеварднадзе и Д.Леви. В декабре было решено учредить генеральные консульства в Москве и Тель-Авиве.

Я хорошо знаю Арье Левина, генерального консула, а затем посла Израиля в России. Умный, интеллигентный человек. Профессионал высшей пробы. Прекрасно ориентировался в российских лабиринтах. Критически оценивал влияния израильской политики по отношению к Москве. «Когда большая алиа достигла пика, — говорил он в июле 1996 года, — Россия перестала интересоваться нас. Это ошибочный подход. Нельзя пренебрегать контактами с Россией, ссылаясь на нашу «проамериканскую» ориентацию. Нельзя забывать о том, что Россия — мощная держава. Сегодня она повержена, разъята, но, поверьте мне, через десять лет она вполне может наверстать упущенное».

Надеюсь встретиться и поговорить с Арье в 2006 году...

Советское генконсульство занимало несколько небольших комнат на 15-м этаже здания, носившего название «Мерказ текстиль» («Центр текстиля»). У входа в наши апартаменты стоял, вернее, сидел солдат с автоматом, именуемый «мальчик Мотя». Охранял нас, стало быть.

В кабинете всё было, как положено: портрет Горбачева, сейф и телефон с гербом Советского Союза на диске. Собрались — поговорили. Сотрудники с любопытством смотрели на меня, я — на них. Началась притирка, которая, как правило, никогда не кончается.

На следующий день после вручения верительных грамот состоялся **первый урок иврита**. Научить меня ивritу взялась очаровательная девушка из Грузии Нана Наш. Если сразу заглянуть в конец, то не научила. Может быть, потому, что процесс обучения интересовал меня больше, чем результат. Мои достижения — сотни полторы расхожих слов и выражений да ещё умение прочесть вывески на улице. Помогало создавать атмосферу...

С языками у меня такая штука. Люблю их изучать, но никак не могу выучить. Пятьдесят с лишним лет учил, к примеру, английский, даже один месяц — в Лондоне, но так и не научился свободно говорить. Еще хуже обстоит дело с французским, немецким и т.д. В порядке лингвистического баловства по десятку слов могу произнести на китайском или японском. Сказалось скорее всего то, что я никогда подолгу не жил за границей. И то, что никогда не было трудностей с переводчиками. Наверное, следовало бы проявить настойчивость, заставить себя, но всегда находилось что-то более интересное, чем уроки языка. Так что работал с переводчиками. Конечно, это сковывало, осложняло контакты, лишало их лёгкости, непосредственности. Я чувствовал это и будучи журналистом. Став послом — тем более. Особенно мешала безъязыкость в общении с коллегами из дипломатического корпуса. Пожалуй, тут было самое слабое место в моей дипломатической работе. «Окно уязвимости», если использовать термин из другого смыслового ряда.

.....
25 декабря в тель-авивском Доме журналистов прошла моя **первая пресс-конференция**. «Бовин сидит за столом в свободной, даже расслабленной позе, — рисует газета «Время». — Большой. Грузный. Ярко освещённый. Бесстрастное лицо. Никаких эмоций. На вопросы отвечает сразу, чётко и коротко. Иногда резковато, но тогда он смягчает свои слова лёгкой улыбкой. Трудно поверить, что дипломатическая карьера этого человека началась всего три дня назад». Далее фрагменты стенограммы.

«— Будет ли Российская Федерация проводить сбалансированную политику в отношении Ближнего Востока?

— Именно для этого я нахожусь здесь.

— Вы поддерживали не только служебные, но и хорошие личные отношения с Михаилом Горбачевым. В каких отношениях вы находитесь с Борисом Ельциным?

— Начиная с 1986 года я два раза говорил с Горбачевым: один раз при личной встрече и один раз по телефону. За то время, что Ельцин

находится в Москве, я ещё ни разу не разговаривал с ним. Конкретных поручений от Ельцина перед приездом сюда я не получал.

— *Учитывая сложность обстановки в Советском Союзе, в случае военного переворота будете ли вы представителем нового консервативного режима?*

— Я уйду в отставку.

— *Сегодня Михаил Горбачев выходит в отставку. Какие чувства вы испытываете?*

— Я очень высоко ценю Горбачева. Это один из великих политиков XX века. Он решил задачу невероятной трудности: разрушил ту тюрьму, которая создавалась 70 лет. Но силы человека ограничены. История возложила на него задачу разрушения. Кстати, это касается и Ельцина, и Шеварднадзе, и Яковлева. Задача всего их поколения — разрушить эту тюрьму. Следующая задача — созидание. Её предстоит решить другому поколению, тем, которым сейчас 30-40 лет. Они строят новую Россию. Я с огромной благодарностью провожаю Горбачева и, конечно, с грустью.

— *Какими вам представляются ваши задачи?*

— Буду стараться, чтобы отношения между нашими странами были максимально дружественными. Это касается политики, экономики, культуры. Здесь живут полмиллиона людей, которые приехали из бывшего Советского Союза. Сейчас это полмиллиона разорванных ниточек. Я попытаюсь связать их заново. И вижу в этом свою главную задачу...

— *Будете ли вы способствовать тому, чтобы Иерусалим всеми был признан столицей Израиля?*

— Мировое сообщество не признаёт Иерусалим столицей Израиля. В этом проблема. Она будет решаться не в Москве и не в Вашингтоне, а в ходе переговоров между Израилем и арабами. Мы готовы принять любое решение, которое будет отсюда исходить.

— *Что вы думаете об образовании палестинского государства на территории Иудеи и Самарии?*

— Думаю, что следует вспомнить историю. Разделение Палестины на два государства было предусмотрено решением ООН. Потом по разным причинам и по вине арабов оно не осуществилось. Возможно, всё вернётся на круги своя.

— *Одно палестинское государство уже существует — за рекой Иордан.*

— Оно существовало и в 1947 году. Однако Палестину всё-таки разделили на две части. Я стою на точке зрения самоопределения народов и наций. Если есть палестинцы, почему бы им не иметь своего домашнего очага? Юридическая форма — будет ли это суверенное государство, автономия или конфедерация с Иорданией — должна стать предметом переговоров. Наша задача не навязывать своих предложений, а поощрять переговоры.

— Вот вы говорите, что Россия не намерена экспортировать ядерную технологию, но разве мыслимо уследить за всеми учёными, которые уезжают за границу в надежде получить большие деньги за свои знания. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Если принять вашу логику, то вместо нераспространения ядерного оружия надо договариваться о нераспространении физиков. Что ж, по-вашему, мы должны всех физиков засадить в тюрьму и не пускать их никуда?»

.....
Приезд русского посла — хлеб для журналистов. Писали много и со вкусом. В общем, по-доброму писали. Встречались и забавности. Так, в газете «Знак времени» можно было прочитать: «Александр Бовин — посол несуществующего государства, вручение им верительных грамот — самое фантастическое событие в истории дипломатии». Я готов был обидеться, но за этой ехидной тирадой следовали «Сонеты Бовину», сочинённые Анатолием Добровичем.

1.

Любезный Александр, какая радость: Бовин!
Усилятся одышка в центре склок.
С Россией диалог во сне лишь полюбовен,
Но «оскорблённому есть чувству уголок».
В харчевне, где б хозяин приволок
Нам пива и маслин, и мяса из жаровен,
И левантийских всяких там хреновин,
Чтоб шел еврейско-русский диалог,
Как разговор, прервавшийся вчера,
В котором чувствуешь: политика — игра,
И нации — игра, и разница в широтах,
А не игра — такие вечера,
Свой человек, большущий, как гора,
И жемчуг мысли в общих нечистотах.

2.

В посольском кабинете день-деньской,
Но ранним утром — этакое диво:
По влажному бульвару Тель-Авива
Пройтись, как от Никитской до Тверской.
Нет-нет повеет нашею Москвой...
Гляди, она сместилась прихотливо
На Юг, её украсила олива,
Пророков гомон, ветерок морской.
А вдруг и вправду есть такой распил,
Где линии судеб нерасторжимы,
Хотя встают и падают режимы?
За это я б чего-нибудь распил...
Но, господин посол, державной чести школа
Диктует лишь поклон в пределах протокола.

Поэзия, пусть немножко замысловатая, примирила меня с прозой. Разговор, прервавшийся, к сожалению, не вчера и не позавчера, надо было начинать снова. Для этого меня и послали в Израиль.

Через некоторое время меня догнал приказ № 50 от 4 января 1992 года.

«О т. Бовине А.Е.

Бовина А.Е., посла СССР в Израиле, имеющего дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла, с 20.12.91 г. полагать выбывшим к месту работы и установить ему оклад 900 инвалютных и 100 советских рублей в месяц.

Заместитель министра иностранных дел Г.Ф.Кунадзе».

Для любопытных: 900 инвалютных рублей означали тогда 1581 доллар и 44, кажется, цента.

.....
Конец декабря прошел в протокольных визитах, которые я был обязан нанести своим коллегам. Начал по понятным причинам с посла американского, Уильяма Брауна. Он прекрасно ориентировался в израильских политических лабиринтах. Его оценки, характеристики, советы были весьма интересны и полезны.

30 декабря посетил премьер-министра И.Шамира.

У премьера бурная молодость. С конца 1942 года, бежав из тюрьмы, будущий премьер входит в руководящую «тройку» радикальной, ориентирующейся на террор организации ЛЕХИ («Борцы за свободу Израиля»). В отличие от другой подпольной группы ЭЦЕЛ («Национальная военная организация»), которой руководил другой будущий премьер М.Бегин и которая считала, что надо помогать англичанам бороться с гитлеровцами, ЛЕХИ видела в англичанах главных врагов и продолжала бескомпромиссную, жестокую борьбу с ними. Шамира снова арестовывают и ссылают в Джибути.

Какое-то время ЛЕХИ стояла на марксистских, точнее, сталинских позициях, призывала к созданию «народной демократии» восточно-европейского типа. Имела контакты с Коминформом. Но детская болезнь левизны скоро прошла. Сразу после провозглашения Государства Израиль ЛЕХИ влилась в состав ЦАХАЛа (Армия обороны Израиля). Шамир поступил на государственную службу, а в 70-х годах вернулся в политику.

Вспомнили встречу в Нью-Йорке. Поговорили о «русских корнях» Израиля. И о том, как преодолевать недоверие друг к другу, накопившееся за четверть века вражды. Поговорили и о перспективах мирного процесса. Здесь Шамир, один из главных израильских «ястребов», был крайне сдержан. Он не мог видеть себя за одним столом с Арафатом. Он решительно не был согласен с американской, как он считал, теорией «мир в обмен на территории». Он настаивал на интенсивном

строительстве еврейских поселений на оккупированных территориях, чтобы сделать невозможным их возврат палестинцам. «Господь дал нам так мало земли, — говорил Шамир в одном из интервью, — что наша святая обязанность сохранять её и никому не отдавать ни пяди». Как-то в Нью-Йорке Шамир встретился с Громыко. Громыко сказал Шамиру: «Мы ничего не имеем против Израиля, но дайте палестинцам возможность создать хотя бы маленькое, но своё государство». На что Шамир ответил: «Если сравнить территорию Советского Союза и Израиля, то весь Израиль занимает настолько маленькую площадь, что из неё невозможно скроить два государства». Громыко, вспоминает Шамир, «ничего не ответил и только улыбнулся».

Уйдя после поражения на выборах от активной политической жизни (плюс возраст, конечно), Шамир никогда не менял своих взглядов. Последняя встреча с ветераном израильской политики состоялась 15 апреля 1997 года, накануне моего отъезда. Он был похож на сердитого, взъерошенного гнома. Резко критиковал «несерьёзную политику» правительства Нетаньяху, самого Нетаньяху, который идёт вразрез с принципами, которые сам же провозглашал. По его мнению, нужно прекратить уступки, отступление, аннулировать все соглашения с Арафатом, вернуться на шесть лет назад, к Мадриду («где я ничего не обещал палестинцам»), и начать всё с начала. Я не был согласен с Шамиром, хотя его логика, логика ортодоксального сиониста, была мне понятна.

Примерно в те дни я написал письмо моему другу Володе Лукину.

«Дорогой профессор!

1. Пока, конечно, не работа, а слёзы. Мало дипломатов, а добавить нельзя: нет рабочих мест — ищем здание, что с нашим бюджетом — опять же слёзы...

Из игр интеллектуальных на первом месте сейчас разработка того, что можно назвать «концепцией» наших отношений с Израилем. Исходный пункт — чётко определить государственные интересы, т.е. чего мы хотим, в чём мы заинтересованы.

На первое место я бы поставил использование научно-технического и предпринимательского потенциала Израиля. Предпосылки этого: 1) зажим антисемитизма и режим наибольшего благоприятствования для еврейской культуры в России и 2) «реабилитация» уехавших евреев (надо принять закон, что все евреи, потерявшие наше гражданство из-за отъезда в Израиль, автоматически получают его).

Место второе. Стабильность ситуации на Ближнем Востоке. Реальная цель (пока мы вместе с американцами) — не допустить новой войны. Это потребует снизить поставки оружия в регион и выровнять наши отношения с арабами. Продолжать мирный процесс при пони-

мании а) главенствующей роли Вашингтона и б) недостижимости прочного мирного урегулирования, по крайней мере, до конца века.

И интерес третий. Нормализация российско-израильских отношений, равно как и нормализация отношений с евреями внутри России, несомненно, повысит наш «рейтинг» в развитых странах мира, особенно среди еврейской диаспоры, что — в данных конкретных обстоятельствах — было бы полезно.

Это, как понимаешь, самые общие прикидки. Беда, повторяю, в том, что нет людей. В «посольстве», если не считать консульской части, кроме меня три дипломата, причём их аналитические способности мне не известны.

Извини, разболтался».

Dixi et animam meam salvavi.

.....
Меня иногда спрашивали: что самое трудное в посольской работе. Отвечал: держать умное лицо, сидя в президиуме. Меня хватает минут на пять, не больше. И ещё — выступать по любому поводу. Не хотелось усыплять аудиторию. И поэтому приходилось изображать, что ты вроде бы в курсе. С некоторыми образцами моего ораторского искусства читатель обречён познакомиться.

Днём 31-го отлично посидел в хилтоновской сауне. Выпарил старые грехи. Получил хороший урок разговорного иврита.

Новый год встречал с журналистами. Было всё, как у нас. Снега только не было.

Так начиналась моя четвёртая молодость. Новая страна, новые проблемы, новые люди — всё это как ионизирующий душ. «Нет лет!» — утверждает Евтушенко.

Завершение первой молодости датируется окончанием аспирантуры (1959 год). Вторая молодость переживалась в журнале «Коммунист» и в аппарате ЦК КПСС (1959-1972 годы). Третья молодость — «Известия» (1972-1991). Далее — по тексту.

ЯНВАРЬ-92

*Первая депеша — Первый приём — Первый ресторан —
— Браки заключаются не на небесах — Яаков Кедми
и его контора — Первая (и последняя) вилла*

Особенность января 1992 года — всё первое, всё в первый раз в моей дипломатической практике.

Первая депеша. Назвал её «К перспективам российско-израильских отношений». Излагаю содержание.

Самоликвидация Союза ССР и, соответственно, радикальные перемены в международных отношениях и мировой политике требуют всесторонней проработки концептуальных основ внешней политики Российской Федерации. Исходный пункт такой проработки — чёткое определение государственных интересов России. В связи с этим представляю некоторые соображения применительно к частному случаю — нашим отношением с Государством Израиль.

Государственные интересы России здесь можно было бы сформулировать так:

во-первых, недопущение новой войны на Ближнем Востоке, содействие процессу мирного урегулирования и,¹

во-вторых, использование экономического, научно-технического и предпринимательского потенциалов Израиля для облегчения перехода России на рельсы рыночной экономики.

Далее рассматривались обе группы проблем.

Я полагал, что достижение прочного всеобъемлющего мира на базе приемлемых для обеих сторон компромиссов не может быть непосредственной целью нашей политики. Ибо для такого мира нет и ещё долго не будет реальной почвы. К нему не готово нынешнее поколение израильских и арабских политиков в любых возможных комбинациях. Реальна другая цель — не допустить резкой дестабилизации в регионе и — тем более! — новой войны. Эта реальность имеет вполне ясные граничные условия: если и пока мы будем действовать вместе

¹ Заканчивая в июле 2000 года расширенный вариант книги, я счёл возможным упомянуть о фактах и событиях, которые выходят за хронологические рамки записок. Все эти материалы собраны в конце книги в разделе «Дополнения». См. дополнение 1.

с американцами. США, видимо, всерьёз намерены сотрудничать с нами, так как по понятным причинам рост напряжённости, вспышка военных действий на Ближнем Востоке гораздо болезненней отражается на их интересах, чем на наших.

В последнее время, по моему мнению, и мы, и американцы начали корректировать свою ближневосточную политику. Американцы отдаляются от Израиля и приближаются к арабам. Мы отдаляемся от арабов и приближаемся к Израилю. Каждая из двух последних фраз нуждается в оговорках и уточнениях. Но смысл ясен и без них.

Практически тут важна мера. Американцы в общем её соблюдают. И поэтому (хотя не только поэтому) их позиции на Ближнем Востоке заметно укрепились. Нам же мера всегда давалась с большим трудом. За двадцать с лишним лет мы приучили арабов к тому, что кладём яйца только в их корзину. Теперь они обижаются. В определённой степени охлаждение наших отношений с арабами неизбежно и даже полезно. Но — как видится из тель-авивского угла — наступило переохлаждение. Наверное, было бы целесообразно сделать ряд шагов, выравнивающих положение.

Отрабатывая общий подход к ближневосточному урегулированию, следовало бы, как мне представлялось, иметь в виду два обстоятельства. Американцы играли и будут играть первую скрипку. И — на здоровье. В конце концов они работают и на нас, на наши интересы. Вторая скрипка — тоже неплохо. Если, конечно, играть на ней, а не просто держать в руках. Это — первое. И второе. В данном случае переговоры, если угодно, самоцель. Прочного мира не будет ещё долгое время. Переговоры важны сами по себе. Почти незаметно, но всё-таки они меняют атмосферу, дают опыт общения. Наша задача — не давать «советы», не предлагать — особенно, когда не просят, — варианты, а терпеливо внушать сторонам, что только они сами и только сидя за одним столом могут найти решения, устраивающие всех.

Как это ни парадоксально, — здесь я перехожу ко второй группе проблем, — но несмотря на то, что мы три десятилетия поносили Израиль, несмотря на то, что антисемитизм в СССР долгое время был почти официальной политикой, несмотря на мытарства, унижения, оскорбление человеческого достоинства, которые испытал каждый еврей, желавший уехать из нашей страны, — несмотря на всё это в Израиле сохраняется, если не иметь в виду всегда возможные исключения, доброе, благожелательное отношение к России и к русским.

Такой фон облегчает налаживание устойчивых, выгодных для России связей с Израилем. Здесь придётся решать две специфические задачи. Первая: восстановить доверие к нам со стороны «наших» евреев. Вторая: начать, наконец, решительную борьбу против антисемитизма в России.

Чтобы решить первую задачу, нужно ясно и чётко продемонстрировать на деле, что правительство России решительно изменило от-

ношение к «советской алии». Следовало бы принять закон, согласно которому все люди, которые автоматически теряли наше гражданство из-за выезда в Израиль, столь же автоматически могли бы восстановить его. Давно пора прекратить детские игры в «секретность», которыми занимается ОВИР. Необходимо также расширить и технически оснастить консульскую службу России в Израиле. При нынешнем положении со штатами, помещением, оргтехникой неизбежны очереди, волокита, недовольство людей.

Раньше, продолжал я, мы с удовольствием и злорадством сообщали о трудностях, с которыми сталкиваются репатрианты. Теперь надо принципиально изменить позицию. Россия должна ощущаться каждым эмигрантом не как враждебная территория, а как прочный тыл. Сказанное относится не только к евреям, но и к сотням тысяч русских, разбросанных ныне по всему свету.

Решение второй задачи выходит за рамки компетенции посольства. Но считаю нужным подчеркнуть: пока мы будем закрывать глаза на антисемитизм, снисходительно относиться к антисемитам, пока сохраняются трудности в развитии еврейской культуры, в обучении ивриту и идишу, строительстве синагог и т.п., отношения с Израилем будут лишены той прочности, основательности, устойчивости, которые отвечали бы интересам России.

И вывод: решение указанных задач позволило бы активно использовать богатейший интеллектуальный потенциал Израиля, его связи с еврейской диаспорой всего мира, возможности его экономики, науки, культуры. Если же учесть, что удельный вес «русской» общины в Израиле будет увеличиваться (а хаос в России когда-нибудь кончится), то нельзя исключать стратегического сближения обеих стран.

Такова была моя самопрезентация. Немного наивно, может быть. И, как мне потом пытались разъяснить, не совсем по чину. Начальству не нравится поучительный тон. Но это я мог пережить. Беда в другом. Отсутствовала обратная связь. Мои размышления по общим, концептуальным вопросам уходили в песок. Не только в данном случае. Вообще, МИД, как правило, молчал. Ведь ответ — это ответственность. А людей, которые не боятся взять на себя ответственность, никогда не было слишком много.

Ещё одна беда. У нас поначалу не было условий для приёма и отправки шифротелеграмм. Поэтому приходилось, накопив энное количество депеш, посылать дипломатов в Никозию или в Каир. На Кипр летали. В Каир ездили двумя машинами через Синай. Это было и накладно, и очень неудобно. Без толку — на переезды — тратилась уйма рабочего времени. Информация в центр запаздывала, «прокисала». Опаздывали и ориентировки, указания центра. Мы их получали пачками с очередным командировочным. Помогали, конечно, телефоны и факсы, но далеко не всё можно было пускать по открытым каналам.

Впрочем, поездки в Каир имели свои плюсы. Во-первых, постепенно все дипломаты и их семьи смогли за казённый счёт познакомиться со столицей Египта, осмотреть пирамиды. Во-вторых, продукты в Египте раза в два с лишним дешевле, чем в Израиле. Поэтому синайский продовольственный путь энергично использовался для наполнения «продовольственных корзин» сотрудников посольства. В основном мясом во всяких видах.

.....

Первый приём. Отмечался День независимости Мьянмы (Бирмы, по-старому). О проблеме с языком уже говорилось. Была ещё проблема галстука. У меня с галстуками всегда были нелады. Не умел их завязывать и не любил носить. Хотя несколько лет пытался себя перевоспитать, покупал всякие пижонские галстуки (даже бабочки!), просил друзей их завязывать, снимал и надевал через голову. Но в «Известиях» с галстуками было покончено. Переход в МИД меня не поколебал. Поскольку галстук входил в комплект парадного мундира, то при вручении верительных грамот я был во всей официальной красе. Потом снял и уж навсегда. Тут нет никакого принципа, просто — так мне удобнее. Сначала пари заключались: придёт Бовин в галстуке или без. Но скоро привыкли. У меня были союзники. Всегда без галстука появлялся бывший «американский шпион», а потом израильский министр Натан Щаранский и почти всегда — генерал Рафаэль Эйтан.

И последнее о галстуках. В Москву прибыл премьер-министр Израиля Рабин. Предстоит встреча с Ельциным. Меня включили в список допущенных. Накануне толпимся где-то в МИДе. Заместитель министра и более низшие чины. «А.Е., — обращается ко мне заместитель, — когда пойдёте к Ельцину, не забудьте надеть галстук». Все заинтересованно затихли. «По поводу моей формы одежды, — сказал я, — только жена может давать мне указания». Пауза. Хихикать низшим чинам нельзя. А Ельцин даже не заметил...

.....

Первый ресторан. В смысле — русский ресторан. Таковым оказалась «Берёзка» (позже по непонятным для меня причинам переименованная в «Rendez-vous»). Русский ресторан отличается от израильского (еврейского, марокканского, йеменского, румынского и какого угодно) прежде всего, естественно, кухней. Но не только. Еврей приходит в ресторан, чтобы чуть выпить, побольше закусить, посидеть и поговорить. «Русский» еврей приходит в ресторан, чтобы гульнуть. Поэтому гремит музыка. Поэтому танцы до упаду (и не только в переносном смысле). Что неудобно (с московской точки зрения) — события начинают разворачиваться не раньше 9-10 часов вечера. Видимо,

«среднему классу» не обязательно торопиться утром на работу. Когда я приехал в Израиль, таких ресторанов было, может быть, десятка полтора. Когда уезжал, далеко за первую сотню перевалило. «Русские идут», — как в той знаменитой картине...

В «Берёзке» приходилось бывать неоднократно. Со знаменитостями и без. Из знаменитостей: Алла Пугачева — и в пьющем виде, и в непьющем, Евтушенко, Рязанов, Малежик и мн. др. Появляясь в Тель-Авиве теперь уже в приватном порядке, я не обхожусь без ритуального визита в бывшую «Берёзку».

Давно знаю первый постулат Пардо: «Всё, что есть хорошего в жизни, либо незаконно, либо аморально, либо ведёт к ожирению». Но, увы! Любимым заведением был «Кавказ». Там колдовал мой друг бакинец Илюша Шамаилов. Ему помогали неизменно очаровательные Алла и Офра. Илюша готовил великолепный хаш. Выше всяких похвал была осетрина на вертеле с гранатовым соусом (в скобках: евреям можно есть только ту рыбу, у которой имеются плавники и чешуя; осетр по второму признаку не проходит; и тем не менее — о темрога! о тогес! — в одном из кибуцев на севере Израиля стали покупать мальков в Краснодарском крае и выращивать осетров; не знаю, как сейчас обстоит дело, но боюсь, что «батяка Кондрат» лишил-таки «сионистов» некошерной пищи). Не могу не упомянуть об огурцах и красных помидорах домашнего посола.

В «Кавказе» выгуливались гости политического плана. Устраивали мы там и свои коллективные посиделки: дни рождения, проводы, просто хорошее настроение — бывает ведь и такое. Теперь команда сменилась, и Илюша жалуется: экономный дипломат пошел, дома гуляет...

Разогнался — не останавлиюсь. Из ресторанов израильских любимых два. №1 — «У Бени-фишermana». В старом яффском порту, на самом берегу моря. Рыбаки-оптимисты стоят с удочками. Пахнет водорослями. Шумит волна. Когда штормит — приходится отодвигаться. Летом — открытая веранда под крышей из пальмовых листьев. В меню в основном рыба, которую тут же готовят на мангалах и противнях. Но главное — для меня — «морские гады», то есть абсолютно, по всем признакам некошерные, но отменно вкусные креветки и кальмары (желательно с чесночным соусом). Судя по обилию коренных израильтян, кошерность пищи их не особенно заботит.

С сидением у Бени связано несколько любопытных историй. Впервые я попал туда по приглашению генерального консула Чистякова в октябре 1991 года. Только что восстановлены дипломатические отношения. Разговор, естественно, коснулся кандидатуры будущего посла. Было видно, что Чистяков непротив занять это место. Мне же представлялось, что вряд ли такой вариант реален. «Мавр сделал своё

дело, мавр должен удалиться», — апеллировал я к классике. С учётом последующего развития событий мои «размышлизмы» звучат не очень деликатно. Но, как я уже писал, то, что Панкин накануне шепнул мне на ухо, я полностью пропустил мимо ушей. Так что ни сном, ни духом...

А в конце октября 1996 года Беню — по моему наущению — посетил Е.М.Примаков с «сопровождающими лицами». Всё — и «морские гады», и настроение министра — было на уровне. На уровне были и тосты. Меня всегда поражало, как разительно меняются в общем-то нормальные люди, когда становятся сопровождающими лицами и находятся рядом с тем, кого сопровождают. Конечно, доброе слово и кошке приятно. Конечно, прав Окуджава, призывая нас говорить друг другу комплименты. Но... Не буду углубляться, всем понятен смысл этого самого «но», выше которого, как почему-то утверждают французы, уши не растут. Я сидел, слушал, а в голове проворачивались строки Пастернака:

Когда я устаю от пустозвонства
Во все века вертевшихся лъстцов,
Мне хочется, как сон при свете солнца,
Припомнить жизнь и ей взглянуть в лицо.

Может быть стоило «озвучить», да жалко было Евгения Максимовича.

Однако этот вечер запомнился другим. Министр объявил громко и всем то, что каждый из нас уже слышал потихоньку и по отдельности: Бовина сменит Михаил Леонидович Богданов. Выпили за здоровье Богданова.

О любимом ресторане №2 расскажу позже.

.....
Первая полемика. Пресса в целом благожелательно относилась ко мне. Но иногда возникали любопытные завихрения, споры. 10 января известная возмутительница спокойствия, израильянка с 20-летним стажем Нелли Гутина опубликовала в газете «Время» статью «Наши люди в Тель-Авиве». В статье, в частности, говорилось: «Впервые у меня возникло ощущение, что вот оно, наконец-то у нас, бывших советских, появились подлинные представители. Официально они представляют не нас, а свою страну... но недалёк тот день, когда они будут представлять и нас совершенно официально... Вопрос о нашем представительстве в Кнессете будет стоять гораздо менее остро — мы можем уполномочить наших официальных представителей довести до сведения израильской общественности и правительства мнение нашей общины по тому или иному вопросу».

Нелли, конечно же, шутила. В гротескной, парадоксальной форме она хотела выразить неудовлетворённость «советской» общины её стату-

сом в Израиле. Но бдительные люди есть и среди израильтян. Через неделю в конкурирующей фирме «Вести» появилась статья Михаила Генделева. Лично меня Генделев не обидел, даже назвал послом «с человеческим лицом». Бедной же Нелли досталось по первое число. Приведу два выразительных абзаца.

«Прочитал я статью Нелли Гутиной: не ушат холодной воды, а совок со снегом высыпали мне за шиворот. Ибо тезы статьи, конечно, чрезвычайно, избыточно остроумны. Они парадоксальны эти тезы. Но, как бы это, несколько... сомнительны. Хорошо, Нелли. Это Твоё дело. Ты склонна доверить своё персональное «представительство» посланцам России. Таким образом российские интересы становятся и твоими. Например, в интересах России торговать, а точнее, приторговывать своим арсеналом, причём, выгодно торговать с теми, кто больше даст. А больше дают враги той страны, где Ты, Нелли, живёшь. Чёрт подери, «Скады» — они что, в Афуле сделаны? Господин Бовин представляет — с грацией — страну, до сих пор торгующую и вынужденную торговать, и не собирающуюся прекращать военные поставки Сирии, Ирану, Ливии и прочим саддамам... Это Твоя страна, Нелли, — родина «Скадов»!»

И под конец. Если всем нам «автоматически» возвратят гражданство, то «нам, гражданам России, надо держаться вместе. И демократическим путём, плебисцитом всем нам, автоматическим российским гражданам, надобно присоединиться. К России. Вместе с землёй. Имуществом. «Нас» скоро будет четверть от населения Израиля, а значит, пропорционально — четвёртая часть Территорий — наша. И все территории России тоже наши. Мы ведь имеем право избирать и быть избранными. Я лично голосую за Собчака. Собчака — в Кнессет! Нашим представителем. А Гамсахурдиа — мэром Иерусалима! Он сдюжит! Геулу Коэн на должность и зарплату Галины Старовойтовой. Она оправдает доверие. Шамира — в Мавзолей! Он справится. Переса — в стенку!

...А ещё давайте так играть, чтобы Бовин был нашим царём!!! Он такой импозантный. Боже, посла храни! Он представляет Гутину».

Эта забавная полемика характерна для «русскоязычной» прессы в Израиле. Слишком часто накал страстей, выбросы язвительности, сарказма диктуются не столько накалённостью предмета полемики, сколько личными взаимоотношениями, живучестью советской полемической школы. Разоблачительные словесные кружева, тончайшей иногда выделки, начинают жить как бы самодостаточной жизнью, опутывая не реального оппонента, а скорее некий фантом, созданный в сознании разоблачителя. Такова была школа. И остались неплохие ученики.

.....
Первое бракосочетание. Оно состоялось в посольстве 21 января. Всё как положено. Жених и невеста, цветы, шампанское. Даже музыка.

Теперь — по порядку. В Израиле не существует гражданского брака. Браки заключаются только «по законам Торы», а это значит, что и жених, и невеста должны быть иудейского вероисповедания. Но такое совпадение встречается — особенно в наши дни — далеко не всегда. В принципе может выручить международное право. Если, например, жених (или невеста) имеют российское (бразильское, немецкое и т.п.) гражданство, то брак может быть заключён в соответствующем посольстве (консульстве). При том, конечно, понимании, что это не противоречит законам и правилам Израиля.

Мы не видели такого противоречия. Во-первых, согласно действующему в Израиле Положению о полномочиях консулов, последние имеют право «совершать акты бракосочетания в случае, когда хотя бы одна из сторон является подданным данного консула». Во-вторых, Государство Израиль признаёт браки, заключённые за границей. В ходу два варианта. «Смешанная» пара может отправиться на Кипр и там заключить гражданский брак. Это обойдётся примерно в 1000 долларов. Такая же пара может через адвоката направить заявление в Парагвай (почему именно в Парагвай, никто не знает), и через некоторое время она получит свидетельство о браке. «Парагвайский» брак стоит дороже. Но зачем Кипр, зачем Парагвай, рассуждали мы, если с точки зрения международного права территория посольства не менее «заграница». Да и не у всех найдётся лишняя тысяча долларов...

Однако в МВД Израиля рассуждали иначе. Израильские чиновники не признавали действительными браки, заключённые в посольствах (консульствах). В октябре 1992 года — к этому времени мы зарегистрировали 42 брака — МИД Израиля попросил нас приостановить «на полтора-два месяца» процедуру регистрации браков. Аргументация: в Верховном суде Израиля рассматривается иск «смешанной» супружеской пары к МВД Израиля, которое отказалось признать законность брака, заключённого консульским отделом посольства Бразилии в Израиле. В зависимости от решения суда, сказали нам, будет определено отношение к смешанным бракам, зарегистрированным иностранными представительствами на территории Израиля.

Израильское судопроизводство неторопливо. Дело было рассмотрено 9 июня 1993 года. Решение было вынесено 30 июня 1994 года. Суд обязал чиновников МВД «записать истцов как мужа и жену». Газета «Время» ликовала: «Что означает это решение в нашей стране, где действует прецедентное право, говорить не приходится. Раз Верховный суд признал действительным брак, заключённый в посольстве Бразилии, то, как подсказывает логика, законными будут и все браки, оформленные в других посольствах. Министерства иност-

ранных и внутренних дел обязаны считаться с подобным решением и в корне изменить своё отношение к смешанным бракам. А это пусть маленькая, но революция!» В очереди у консульства России, сообщает газета, молодые люди «запрыгали от радости», узнав о решении суда. Однако «солидный мужчина», стоявший в той же очереди, сказал, что радоваться рано. «Не всё так просто. Есть ещё религиозные круги, которые костыми лягут, а не допустят подобного. А ведь за ними огромная сила». И автор завершает статью вопросом: «Неужели этот пессимист окажется прав?»

Пессимист оказался прав. Революция не произошла. 14 августа 1995 года посольство получило циркулярную ноту МИДа Израиля, которой препровождалось письмо юридического департамента. «В связи с тем, — уведомляли нас, — что существуют правовые разногласия относительно правомерности, с точки зрения израильского законодательства, проведения сотрудниками консульских служб церемоний бракосочетания между гражданином Израиля и иностранным гражданином или между обоими израильскими гражданами, Министерство просит сотрудников консульских служб воздержаться от проведения такого рода церемоний».

Все мои попытки убедить министров внутренних дел и юстиции, — а я встречался с ними неоднократно, — что позиция Израиля, особенно на фоне признания «кипрских» и «парагвайских» браков, выглядит весьма нелогично, что она ставит в трудное положение множество людей, не увенчались успехом. Причём, собеседники не ограничивались религиозными соображениями. Массовый наплыв иностранцев в Израиль, говорил мне в августе 1996 года министр внутренних дел Э.Суисса, стал «настоящим бедствием». В стране 100 тысяч нелегальных рабочих. И власти, подчёркивал министр, боятся, что консульская «лазейка» может быть использована для заключения фиктивных браков с целью получения легального статуса теми, кто права на такой статус не имеет.

В общем, нервов пришлось потратить много. Хотелось облегчить участь женихов и невест. Не получилось. Но проблема осталась. И нынешние методы её решения не представляются адекватными. Так что революция ещё предстоит...¹

.....

Первый мошав. Мошав — это кооперативное сельскохозяйственное поселение, где сочетаются элементы коллективного и частного хозяйства. Как правило, частное производство соседствует с коллективными формами снабжения и сбыта. В Израиле примерно 400 мошавов (160 000 человек в них), которые дают около 40% сельскохозяйственной продукции.

¹ См. дополнение 2.

Мошав, в который мы отправились вместе с Яаковом Кедми, был расположен на горе Кармель. Цель визита — особенности национальной охоты. На кабана, в частности. Но по погодным условиям пришлось ограничиться лишь знакомством с охотничьими трофеями, добытыми накануне.

Несколько слов о Кедми (в советском «девичестве» — Яша Казаков). Я познакомился с ним в конце 80-х, когда в Москве начала работать израильская консульская группа.

Яша довольно часто курсировал между Москвой и Иерусалимом, представляя так называемое Бюро по связям с еврейством Советского Союза (ныне — СНГ), которое, хотя и работало под мидовской крышей, подчинялось непосредственно премьер-министру Израиля¹. Кодовое название — «Натив» («Путь»). Разновидность «спецслужб». Бюро было создано в 1953 году для налаживания и поддержания контактов с евреями Восточной Европы и Советского Союза, поощрения алии, организации доставки евреев в Израиль. Работники Бюро всегда отличались неформальным подходом к делу, хорошим знанием обстановки и людей, умением проникать туда, куда дипломатам путь был закрыт.

После того, как выезд евреев из Советского Союза (стран СНГ) был разрешен, условия и формы работы Бюро заметно изменились. Стало меняться и отношение к нему в Израиле. Главными критиками и сторонниками закрытия Бюро выступают МИД и Еврейское агентство (Сохнут). Они полагают, что свободный выезд евреев снимает основания для существования Бюро. Длительное время атаки на Бюро не выходили за рамки дворцовых интриг. Не жаловал Бюро и Мосад. «Классикам» разведки мешала конкуренция «дилетантов».

Во второй половине 90-х годов напор на Бюро усилился. В докладе, который был подготовлен государственным контролёром Мирьям Бен-Порат и представлен премьер-министру Пересу, говорится о разбухании штатов Бюро, произвольных добавках к зарплате под предлогом «секретности», выходе представителей Бюро в Москве из-под контроля посла и т.п., и т.д. Для проверки обвинений, содержавших-

¹ МИД Израиля, будучи официальной «крышей» Бюро по связям, не менее официально от этого открешивалось. «Министерство иностранных дел не занимается проблемой репатриации из стран СНГ и не имеет к их решению никакого отношения, — заявила в январе 1996 года пресс-служба МИДа. — Всеми вопросами, касающимися репатриации евреев из стран СНГ, занимается — в эксклюзивном порядке — Бюро по связям, находящееся в непосредственном подчинении министерства главы правительства. Бюро по связям определяет политику в сфере репатриации, практически эту политику реализует и, соответственно, несёт ответственность за те просчёты, которые допущены как в самом определении этой политики, так и в её практической реализации. Поэтому все вопросы, имеющие отношение к репатриации из стран СНГ, следует адресовать руководству Бюро по связям, а не Министерству иностранных дел Израиля». Сурово и ясно.

ся в докладе, Перес создал комиссию во главе с генералом в отставке Рафаэлем Варди. В защиту Бюро выступили президиум Сионистского форума и комиссия Кнессета по алии и абсорбции.

Драка продолжалась и при правительстве Нетаньяху. В апреле 1997 года в газетах появились сообщения о ликвидации Бюро и передаче его функций в МИД и Мосад. Позже эти сообщения были опровергнуты.

Думаю, что атаки на Бюро в значительной мере связаны с фигурой Я.Кедми. Это умный, собранный человек, хорошо ориентирующийся в израильских и московских лабиринтах власти. Зная себе цену, он вёл себя слишком — по чиновничьим канонам — самостоятельно, мог перечить начальству, иметь и высказывать своё мнение. Что многим не нравилось, хотелось поставить его на место, вернее, лишить места.

В Израиль Кедми репатриировался в 1969 году. В 1978 году по рекомендации премьер-министра М.Бегина был взят на работу в Бюро, а в 1990 году стал заместителем начальника Бюро. Во время нашего посещения мошава Кедми ещё не знал, что скоро Шамир назначит его руководителем Бюро.

Мне и в Москве, и в Израиле было интересно встречаться и разговаривать с ним. Именно по его приглашению я оказался в Израиле в октябре 1991 года.

Знакомство наше, естественно, продолжалось, и когда я прибыл в Израиль в новом качестве. Продолжается оно и сейчас, когда я убыл из Израиля и снова оказался в старом качестве — журналиста. В новом качестве (в качестве генерала-пенсионера) теперь оказался и Яша. Укатали-таки Сивку крутые горки. Не соглашаясь с критикой в адрес «Натива», Кедми 30 ноября 1998 года подал Нетаньяху прошение об отставке. Премьер отставку отклонил. Взрыв произошел в конце апреля 1999 года; когда письмо Кедми, содержащее критические оценки позиции премьера, было оглашено по телевидению. Сам Кедми свою причастность к «утечке» документа отрицает. Как бы то ни было, Нетаньяху разбушевался. Кедми наотрез отказался предаться самокритике и хлопнул дверью.

Поскольку Кедми теперь уже не был связан правилами чиновничьей субординации, он поделился с журналистами своими мыслями по поводу Нетаньяху. Поверхностный, невежественный, склонный к показухе, нечестный — такие эпитеты использовались. «Я обязан предупредить общественность, — сказал бывший глава Бюро по связям, — что Биньямин Нетаньяху — опасный премьер-министр для Израиля. Опасен его образ мыслей, опасен путь принятия им решений, и это может привести государство к трагедии». Думаю, что выступления Кедми способствовали провалу Нетаньяху на выборах 1999 года.

Наши спецслужбы, разумеется, не жаловали ни «Натив», ни лично Кедми¹. Но мои отношения с Яшей лежали в другой плоскости, никак не «специальной»...

Но вернёмся в год 1992-й, вернёмся в мошав. Нас встречали крепко сбитые, обветренные люди, офицеры-отставники. Расположились в помещении мастерской, где ремонтировались ружья, набивались гильзы, ещё что-то охотничье делалось. Хозяин, его звали Додо, расстелил на столе газеты. На них навалили всяческую снедь. Почему-то запомнились жареные утки и копчёные кабаньи рёбра. Разговор шёл обо всём и на всех доступных языках. Постепенно — русский посол ещё был экзотикой — стали подтягиваться соседи. Кончилось всё пением казацких песен с Кубани. Кармелевские деды пели по-русски, хотя значения слов давно уже не помнили. На прощанье загрузили багажник копчёной кабанятиной. Было чем отчитываться перед коллективом.

Много поездил по стране, благо — маленькая. Убеждён, что вот такие встречи дают гораздо больше для понимания глубинных настроений, атмосферы, политической температуры, чем дипломатические рауты или беседы с начальством.

Вечером после «охоты» я встретился с корреспондентом латвийской газеты «Советская молодёжь» Инной Каневской. Интервью отражает проблемы и настроения тех дней.

Сообщив, что посол потчевал её кабанчиком, журналистская дама перешла к вопросам.

«— А.Е., глупо, конечно, спрашивать, но существует такой парадокс: когда человека назначают послом, скажем, в Польшу или Китай, все воспринимают это совершенно нормально. А вот если в Израиль, народ волнуется: «А он что — еврей?»

— Надо сказать, что все иностранные корреспонденты с этого вопроса и начинают — сразу видно, что вы уже из другого государства. А наши, обычно в конце беседы, застенчиво улыбаясь и запинаясь, выдавливают из себя: «Простите, пожалуйста, слухи всякие ходят, а вы действительно не еврей?» Вот так. Я уж не знаю, право, все мои дедушки, бабушки из города Шацка Рязанской губернии. По-моему, там от самого Рождества Христова никаких евреев не было. Так что слухи не оправданны. К сожалению.

— Я спросила это не просто так. Мне кажется, чтобы работа в чужой стране пошла успешно, нужно полюбить эту страну, а в данном случае немного «объевреиться».

¹ Советский резидент в Израиле (1962—1967 гг.) И.П.Дедюля, обозначая приоритетные направления работы резидентуры, писал: «Выявлять подрывную деятельность местных спецслужб и организаций, в первую очередь таких, как «Натив», на которую возлагается задача ведения шпионажа в нашей стране и разжигания антисемитизма с целью усиления эмиграции евреев в Израиль».

— Должен сказать честно, что я действительно люблю страну пребывания. Очень много занимался Израилем, был против той анти-израильской позиции, которую мы занимали почти 30 лет, — это было большой ошибкой. Потом как-то так вышло, что моя первая жена была еврейкой, и я понимал, какие проблемы стоят перед этим народом.

Здесь я прерву интервью, чтобы углубиться в волнующую многих тему моего еврейства. У меня есть друг — Леон Аршакович Оников. Типичный армянин тбилисского разлива. Долгие годы работал в аппарате ЦК КПСС, но никогда не был антисемитом. Даже написал секретарю ЦК Демичеву записку о необходимости изменить политику в «еврейском вопросе». А теперь я предоставлю слово самому Оникову. Несколько абзацев из его статьи «Как я стал евреем в аппарате ЦК КПСС».

«В столовой, во время обеденного перерыва, зав. сектором телевидения Гриша Оганов, армянин, как и я, лукаво прищурившись, вдруг спрашивает меня: «Леон, кто ты по национальности?» Отвечаю в той же тональности: «Шотландец». — «Нет, брат, ты — еврей. И числишься в тайном списке евреев аппарата ЦК под номером 21». — «Очко», — невольно вырвалось у меня.

Последующие события, — продолжает Оников, — убедили меня, что такой список (разумеется, неофициальный...) действительно существовал. Под номером один в нём значился Г.Цуканов — первый помощник Л.Брежневца... По какому признаку заносились имена в этот список, сказать трудно... В этом списке, кстати, числился и нынешний посол в Израиле А.Бовин. Почему? Видимо, он объективно высказывался по «еврейскому вопросу». Меня не раз спрашивали, не еврей ли Бовин. Отвечал: нет. Я лично был знаком с его матерью, родственниками — русские люди. На таком же основании, если речь идёт о добрых чувствах к какому-либо народу, его можно считать не только евреем, но и турком».

И далее Оников вспоминает забавную историю. «Входит как-то ко мне Бовин в кабинет. Это было в начале 80-х. Он тогда уже работал в газете «Известия». Спрашивает: «Ты не знаешь, старик, зачем меня вызывает Зимянин? Чувствую, не для дружеских объятий». Я не знал. Звоню своему приятелю — помощнику Зимянина. И он не знает. Спрашиваю: «За что, Саша, как ты сам думаешь, тебя могут звать на экзекуцию?» — «Видимо, — отвечает, — за турок. Дело в том, что я был недавно в Болгарии и резко отозвался о притеснении турок, назвал это геноцидом. Болгарские «друзья» тут же, оказывается, донесли об этом советскому послу, а тот «настучал» в ЦК».

Я, — пишет Леон, — с Бовиным был совершенно согласен. Будучи за год до него в той же Болгарии, я видел, как нагло тогдашнее руководство «оболгаривало» турок, лишая их национальных школ, запрещая говорить на родном языке. Вот и получалось, по «аппаратной логи-

ке», что раз вступился в защиту турок — значит, сам турок. Пишешь об евреях — еврей. И всё тут.

Через несколько дней звоню Бовину, спрашиваю, в чём было дело. «Не в турках, — отвечает, — в... Сталинграде». Оказывается, Бовину, недавно выступавшему перед ленинградским партийным активом, был задан вопрос: «Правда ли, что Волгоград будет переименован в Сталинград?»

Бовин ответил: «Слухи есть. Будет он переименован или нет, не знаю. Но, по-моему, переименовать необходимо. Большинство советских людей рождены после войны. Им следует знать имя человека, который допустил немцев до Сталинграда».

Вот такая была еврейско-турецко-сталинградская история. Кстати, за турок мне тоже попало. Но вернёмся к интервью.

«— Я и раньше читал книги по истории религии, иудаизма, Библию. Сейчас тоже читаю. Вот у меня на столе книжка лидера правых израильских групп, вон книжка Моше Даяна. Перечитал массу мемуарной литературы.

Много езжу. Сегодня, например, был в двух деревнях, в сельских кооперативах. У одного крестьянина — инкубатор. Индеек он выводит и продаёт цыплят. Есть у него и коровы, и ещё что-то. А у сына — маленький кондитерский цех. Пирожные они пекут типично русские, потому что у него жена русская, наша. А второй — отставной офицер. У него маленькая мастерская, он делает патроны для охотничьих ружей, набивает их порохом, дробью. Такой охотник классический. С семьями их пообщался, ещё люди подошли — слух ведь по округе прошел, что посол русский приехал.

— *На иврите общались?*

— Да нет, почти все по-русски говорят. Конечно, я фигурировал со своим ивритом, вставлял всякие выражения. Меня и там кое-чему научили — «пей до дна», например.

— *А вот в Библии есть любимые места, мысли?*

— «Суета сует». «Всякое познание умножает скорбь», — это я, к сожалению, часто на себе испытывал. Там много гигантских совершенно вещей, это великая литература.

— *Давайте поговорим теперь о русском посольстве. Наверное, проблем множество, ведь всё нужно начинать заново.*

— Самая первая проблема — нет здания. Мы занимаем несколько комнат на 15-м этаже офисного здания. Людей крайне мало, у нас огромные очереди к консулам, и посетители недовольны, потому что мы не успеваем проворачивать всё это.

Живу пока здесь, в «Хилтоне», но в ближайшее время перееду на представительскую виллу... Там и будет мой «белый дом», где будем жить со старухой. В Москву, которая требует сокращения штатов,

напишу, чтобы повара не присылали — я сам умею готовить, и старуха умеет. А если приём, попрошу помочь...

Вот такие первые проблемы. Самые простые — дом, люди, квартиры. Ну а политические, они — нормально, всё потихоньку... Мы должны собирать информацию, сообщать в Москву о том, что здесь происходит, какие проблемы, и разворачивать отношения. О сотрудничестве пока очень трудно говорить, потому что такой хаос в Москве. Допустим, есть какие-то проекты интересные, а с кем там разговаривать? К счастью, мои местные партнёры это прекрасно понимают, и кое-что всё-таки сделать пытаемся.

— *Ну а охрана у вас есть?*

— У нас сидит солдат, такой мальчик Мотя с автоматом. Вроде нас охраняет. Вокруг него девочки, тоже солдатки. Больше никого нет. Ко мне из службы местной обращались — дескать, вам не нужна охрана? Я сказал: вроде пока не нужно. До первого покушения, а там посмотрим...

Вот обо всём этом пишу в Москву. Объясняю, прошу, требую. Хочу в феврале на недельку слетать в Москву, буду просить начальство лично сюда приехать и посмотреть на наши беды. Да и старуху свою наконец привезу сюда... Думаю, устроит взбучку за виллу, скажет: «Как тебе не стыдно!» Она не любит этого.

— *Ну, пусть привыкает. Всё-таки положение обязывает.*

— Она считает, что все эти приёмы — глупая затея и пустые разговоры. Она — специалист по эстетике, прекрасный преподаватель. И я боюсь, что здесь ей будет тяжело, потому что я-то на работе, а она одна будет бегать по всем этим комнатам...

— *Вы, когда приехали, здесь уже были какие-то эмигрировавшие друзья?*

— Близких не было, но знакомых много, да и новыми уже обзавёлся. Так что я не чувствую себя одиноким в неслужебном плане. В домах бываю совершенно разных — и в наших, и в еврейских. Иногда по делу, иногда просто так потрепаться, в баньке посидеть.

— *А баньки здесь какие?*

— Сауны. Такие же, как везде.

Очень много уходит пока времени на протокольные встречи. Надо наносить обязательные визиты и послам, и министрам. О погоде приходится говорить, а это безумно скучно. А в общем довольно приятные люди оказываются. Правые, левые — не важно. Тут не в политике дело. Просто умные и образованные люди. Везёт...

— *В Израиле сейчас гастролирует весь цвет нашей культуры. Встречаетесь ли вы со звёздами, ходите ли на концерты?*

— Конечно. Был в гостях у пианиста Петрова. Юрий Темирканов недавно гастролировал. Тоже посидели после концерта. Сегодня утром с Аллой Борисовной беседовал. Позвонил ей, говорю: «Приезжайте ко мне». Нет, отвечает. «Я — звезда. Я вас приглашаю». Сразу частушка вспомнилась: «С неба звёздочка упала...» Поеду обязательно...

— А.Е., наши эмигранты часто обращаются к вам за помощью или советом?

— Да. Это очень интересный момент. Я первый раз был в Израиле в 1979 году. Тогда всё было сложно. Нам вообще не разрешалось встречаться с бывшими согражданами. Но поскольку я был главой делегации, то сказал: «Мужики, к нам это не относится. Беру ответственность на себя». И мы встречались. Так вот тогда, грубо говоря, из ста человек всего два или три говорили, что им здесь плохо и они хотят назад. А вот сейчас из ста человек, ну я не знаю, тридцать, может, сорок, но двадцать уж точно, говорят: зря мы приехали, надо было оставаться... А другие двадцать, может, так не скажут, но очень недовольны. И парадокс в том, что я, посол русский, их успокаиваю. Говорю: друзья, что же вы так нервничаете? Вы только приехали, вы не знаете языка. Здесь плохо с тем, с этим, но ведь не может же всё быть сразу. Поживите немножко, выучите язык, не ленитесь, вот тогда всё образуется.

То есть — в чём парадокс? Раньше ведь всё было наоборот. Когда евреям здесь было плохо, не было квартир, работы, мы у себя в Москве злорадствовали... А вот теперь как посол России я спрашиваю премьер-министра: почему так происходит? Я переживаю за этих людей. Да, они здесь... но это люди, за которых я тоже несу ответственность... Шамир стал объяснять... Понятно всё: страна ведь не резиновая, и всё трудно, и меняется психологическая обстановка...

...Раньше репатрианты были «штучным товаром», а сейчас — масса. Всё получается по Эйнштейну. Его как-то спросили, как популярно объяснить теорию относительности. Очень просто, ответил Эйнштейн: в Германии я еврей, а в Америке — немец. Здесь то же самое. Тот, кто в России еврей, в Израиле становится русским. «Русских» здесь не очень любят, потому что — конкуренция. Навалом врачей, инженеров, музыкантов, а они всё едут и едут.

...Многие всё ещё живут нашими старыми советскими понятиями. Вот пишут письма: дорогой товарищ посол! Я — ветеран, приехал сюда, а жить нигде. Позвоните нашему мэру, пусть мне вне очереди дадут квартиру. Я пишу ему ответ: вполне понимаю ваши беды, но ведь я не могу вмешиваться во внутренние дела Израиля. Так что не взыщите. Ещё чаще просят помочь устроиться на работу. В общем, срабатывает московский менталитет. Я сочувствую этим людям, но помочь могу только в политическом плане. Хожу по министрам...

— Ну а те, кто всё-таки решил вернуться. Проблема есть?

— Проблемы нет (есть, конечно, проблема, но тогда я еще многого не знал и был слишком наивен. — А.Б.). Самый лёгкий вариант, если есть родственники, которые готовы принять, или есть доллары

на покупку квартиры. Но даже если ничего этого нет, мы поддерживаем их просьбы. Ничего страшного, вернутся, будут снимать угол. Как-нибудь образуется.

Тут такие бываю письма, что нарочно не придумаешь. Парень один дезертировал из нашей группы войск в Польше, попал сюда. Пишет: скажите, пожалуйста, какое наказание меня ждёт в России за дезертирство? Если, скажем, не больше двух лет, то чёрт с ним, я вернусь. Но если больше, то ещё подумаю...

— *А кто больше хочет вернуться — молодёжь или старшее поколение?*

— Старшее... Легче всего адаптируются подростки. Вот здесь в гостинице носят чемоданы, убирают коридоры. Разговорился с одним парнишкой. Учю, говорит, иврит, поднакоплю денег — пойду учиться....

— *...Возможно в России покончить с антисемитизмом?*

— До войны, где-то с 30-х до 40-х годов, у нас не было антисемитизма. Я, например, до 18-ти лет вообще не знал, что есть евреи. То есть знал, конечно, но как-то абстрактно. Потом приехал в Ростов, поступил в университет. Еврейская община в Ростове была большая. Моя первая юрфakovская любовь была еврейка. И первая жена — тоже. Вот тогда я впервые узнал, что есть такая проблема.

— *Но откуда же это опять вылезло?*

— Был такой сочинитель анекдотов — Кольрабик (пардон, так написано в газете, я же имел в виду всего лишь Карла Радека — *А.Б.*). Он спросил: «В чём разница между Сталиным и Моисеем?» И ответил: «Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин — из Политбюро». Тогда выбили всю еврейскую верхушку, а потом уже после войны началось... Почему? Не знаю, не могу ответить на этот вопрос. Может быть, хотели отвлечь людей от реальных проблем на таком знакомом материале. Отрезать советских евреев от влияния Израиля. Не знаю.

Помню, когда началось «дело врачей», я был обручён. Моя невеста работала адвокатом в Краснодаре, а я заканчивал 5-й курс. Она прислала телеграмму: «Освобождаю тебя от всех обязательств». Но я каждый вечер приходил к своей будущей теще, которая ждала ареста. А она ведь воевала — вся огромная еврейская грудь в орденах и медалях. Приходил, чтобы хоть как-то поддержать. К счастью, всё обошлось.

Сейчас, конечно, всё по-другому. Хотя существует «Память» и пр. Но всё-таки это локализовано, ограничено. А в общем плане, мне кажется, всё меняется к лучшему. С другой стороны, проблема эта тысячелетняя, поэтому сразу она исчезнуть не может.

— *А вот вы лично, как посол, что-то можете сделать в этом плане?*

— Могу только писать начальству, что если вы хотите иметь хорошие отношения с Израилем, — а это нам нужно и выгодно, — то

уровень антисемитизма можно, по крайней мере, довести до «приемлемого». В Америке тоже есть антисемитизм, и во Франции, и в Англии. Но, скажем так, «в норме». Нам хотя бы дойти до такой нормы, а потом будем идти дальше....

— *Как вы себя чувствуете в новом качестве? Может, на первых порах не очень уверенно?*

— Нет, никакой неуверенности быть не может, потому что я был журналистом, а журналисту неуверенным быть нельзя. Но я не чувствую себя начальником. Ну, вот, например, у меня шофер. Как обычно принято? Посол идёт на концерт, а шофер ждёт его в машине. Мы — вместе ходим, он сидит рядом со мной, вместе слушаем музыку....

Или я сажусь бумагу сочинять, а мне говорят: поручите нам, мы сделаем. Чёрт побери, думаю, правильно. Но мне легче самому, чем объяснять, что и как. Понимаете, у меня 20 лет не было подчинённых, и я был счастливейшим человеком! А тут давать команды всякие...

— *А крепкое словцо любите?*

— Я могу выматериться, но это не ругательство, а выражение эмоций. Это все понимают¹.

— *Нескромный вопрос: какая зарплата у посла?*

— 1581 доллар и 44 цента. Почему центы? Не знаю. Здесь говорят так: «Лама? — Каха!», то есть: «Почему? — Потому!» По сравнению с послами даже самых маленьких государств это нищенская зарплата. Но у нас так принято испокон советских веков.

— *Женщины обычно покупают духи, тряпки, игрушки. А посол?*

— Я люблю одеколоны, лосьоны хорошие. У меня на работе всегда стоят. Когда устаю, усы намажу, и усталость проходит. Продукты надо ещё покупать.

— *На свои?*

— А как же!

— *Ну, они здесь дешёвые.*

— Продукты здесь дорогие. Израиль — очень дорогая страна. Поезжайте в Египет, рядом, там всё дешевле.

— *А гостиница?*

— Квартира идёт за государственный счёт. Вот снимаем виллу. Что там надо? Бельё постельное — за мои денежки. А то, что для приёмов, за счёт посольства. Конечно, трачусь и на одежду. Купил пять хороших рубашек, в Москве не найти моего размера. Скоро лето. Надо эти...

¹ Неугомонный мэр Москвы выпустил книжку «Российские законы Паркинсона». Там цитируется закон Чизхолма: «Любые указания люди понимают иначе, чем тот, кто их даёт». Далее следует дополнение Лужкова: «Мат — единственный язык, указания на котором воспринимаются без искажений».

— *Шорты?*

— ...Бермуды! Старуха моя сказала: только попробуй. Я тебя убью в этих бермудах!....

— *Ваш прогноз: когда, наконец, Россия станет крепкой державой?*

— Я думаю, лет через пятьдесят. Моисей вёл сюда евреев из Египта сорок лет, а здесь ведь всё рядышком — вот тебе Египет, а вот — Израиль. Сорок лет водил по Синаю, пока не умер последний человек, который помнил египетское рабство. Вот и у нас, как я думаю, должен умереть последний, кто помнит сталинское рабство. И тогда уже будет новая Россия...

— *Вы много путешествовали по свету. Ваш любимый город?*

— Вы знаете, я всю жизнь прожил в городе, я — урбанист по натуре. И вот Нью-Йорк — воплощение урбанизма. Мне ужасно нравятся эти каменные джунгли. Нью-Йорк — это мегаполис, где перемешаны все культуры, это сгусток энергии, это сколок со всего мира. В каменных джунглях я чувствую себя, как рыба в воде. А второй любимый — Иерусалим. Это совершенно другое. Куда ни ткни, — всё это пережито, обо всём прочитаны горы литературы, это всё — святая земля. Я — атеист по убеждению. Но это святая земля не потому, что есть Бог, а потому, что здесь творилась история, её делали люди, сотворившие богов.

Кстати, когда вы будете в Иерусалиме, вас обязательно поведут в мемориал Катастрофы — Яд ва-Шем. Там есть зал, посвящённый убиенным детям. Описать это невозможно. Память о каждом ребёнке — свеча, соединяющая с Богом. Таков замысел. Но, по-моему, после этого зала в Бога верить невозможно. Нет и не может быть Бога, который допустил всё это...

Неважно, есть Бог или нет, но когда вы заходите в храм Василия Блаженного, в Собор Парижской Богоматери или в киевскую Софию, вы приобщаетесь к колоссальному средоточию человеческого духа, гения! Понимаете? Вот это главное. А Иерусалим — он весь такой. Белый, раскиданный по холмам...

— *А Москва?*

— Извините, наши я не беру. Тут совсем другие критерии».

После этого разговора, который — приятно вспомнить! — шел под копчёные кабани ребрышки, прошло почти семь лет. Кое-что я бы сегодня уточнил. Но было так, как было.

.....
Первая (и последняя) вила. В конце января закончились поиски резиденции. Практически весь дипломатический корпус жил в пляжном пригороде Тель-Авива Герцлии-Питуах. Но я предпочёл держаться подальше от этой ярмарки тщеславия. Остановились на вилле в дру-

гом пригороде — Савьоне. 19 января подписали договор об аренде. Далеко от моря, больше тишины, простора, зелени. Одноэтажный дом, сад, бассейн. Главное требование, — чтобы можно было принимать гостей (до ста человек). По сравнению с резиденциями многих других послов нашенькая выглядела довольно бледно. Но на большее не было денег (эта стоила поначалу 5500 долларов в месяц). Впрочем, всё относительно. «Как в кино!» — сказала моя Лена Петровна, когда увидела наше обиталище.

Первые радости быстро кончились. Вечно что-то портилось и ломалось. Особенно часто подводил кондиционер (что при 40-градусной жаре портит настроение). Петровна нервничала, мне доставалось. За ремонт должен был платить хозяин, но уж больно ему не хотелось... Ситуация отражена в моём письме хозяину от 16 августа 1993 года.

«Как Вам хорошо известно, на основании п. «3» ст. 9 договора об аренде, я и мой адвокат неоднократно — устно и письменно — обращались к Вам и Вашему адвокату с просьбой об устранении различных неисправностей, которые мешают нормальному использованию арендованного помещения и которые квалифицируются договором (ст.9) как «скрытые недостатки».

К сожалению, было бы трудно утверждать, что мои обращения встречали конструктивный ответ. Тем не менее, я был вынужден произвести ряд абсолютно неотложных ремонтных работ, о чём также Вам было сообщено. В настоящее время существует настоятельная необходимость произвести комплексный осмотр и ремонт системы кондиционирования, бойлерной системы, системы водообеспечения бассейна и сада, а также электроосвещения участка. Уже немалый опыт арендатора показал, что эти системы весьма ненадежны, часто выходят из строя и поэтому требуют постоянного внимания и вложения средств.

Такое положение является ненормальным и его нужно ликвидировать, приведя указанные системы в надлежащий порядок. В соответствии с п. «3» ст. 9 договора, счета будут Вам предоставлены после окончания указанных работ».

Эта «жалоба турка» не удостоилась ответа. Счета не оплачивались. Тогда мы с бухгалтером придумали такую штуку. Придержали 15 000 из арендной платы «на случай, — как мы сообщили хозяину, — невыполнения арендодателем согласованного перечня ремонтных работ». Началась малая «холодная война». Частично нам пошли навстречу. Но «зато» при продлении договора стала лезть вверх арендная плата (для утешения — во всём Савьоне, причуды рынка). Иногда дело доходило до ультиматумов. Вот один из них: «Я подтверждаю получе-

ние Вашего письма от 8.02.1995 г., — сообщает хозяйский адвокат моему, — а также чека на сумму 277 200 новых шекелей. Замечания к договору об аренде, которые были изложены в Вашем письме, неприемлемы для моего клиента. Поэтому чек возвращается Вам, а мой клиент просит освободить виллу сегодня». В конце концов договорились. В последний раз я продлил договор на год в январе 1997 года, уже, — если мне не изменяет память, — за 9000 долларов в месяц.

Несколько раз пытались найти что-нибудь подешевле, не получалось. Убожество сплошное. А мы всё-таки Россия...

Поначалу вилла не охранялась. В сентябре 1994 года в одну прекрасную ночь нас обворовали. Забрались через сад в кухню. Стащили что-то из техники и кошелек деньгами (около 6000 шекелей). Услышав, видимо, мой храп, ретировались. Но без паники. Визитные карточки вынули из кошелька и аккуратно положили на полку в кухне.

Пришлось бить челом, чтобы поставили будку с солдатом. После долгих препирательств поставили. Однако солдаты, насквозь пропитанные демократией, воспринимали свою службу скорее всего как пребывание на даче. Спали на травке, собирали орехи, слушали музыку, приглашали в будку друзей и подруг. Я испробовал разные способы укрепления караульной дисциплины. Помогало слабо. В конце концов обратился к министру внутренней безопасности Израиля с письмом.

«Уважаемый г-н Кахалани!

Каждый день, когда я вижу солдата с автоматом у входа в мою резиденцию, мне хочется поблагодарить Вас и Всевышнего за заботу о безопасности моей семьи и моих вещей.

Зная о том, какое важное значение для взаимопонимания между нашими странами имеет обмен опытом, я попросил МВД России прислать мне выписку из Устава караульной службы. Этими правилами руководствуются российские солдаты, охраняющие посольства и резиденции в Москве. Наверное, и Вам будет интересно прочитать эту бумагу.

Возможно, я ошибаюсь, но мне в голову пришла следующая мысль. Может быть, и солдатам ЦАХАЛа, находящимся на постах около посольств и резиденций, российские правила пойдут на пользу. Если Вы со мной согласитесь, я готов распечатать указанные правила крупными буквами (на иврите) и вручить персонально каждому, кто дежурит у резиденции.

Приложение по тексту на 1 л.

Искренне Ваш
А.Бовин».

Далее следовало приложение.

ВЫДЕРЖКА ИЗ УСТАВА КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО ОХРАНЕ ПОСОЛЬСТВ И РЕЗИДЕНЦИЙ ПОСЛОВ

Солдату, находящемуся на посту, запрещается:

- приглашать в караульное помещение (будку) девушек, друзей и родственников,
- лежать на газоне и загорать во время дежурства,
- купаться в бассейне,
- кормить соседских кошек и собак,
- разбрасывать мусор и объедки рядом с караульным помещением,
- мыть свою машину на территории резиденции.

Солдат, находящийся на посту, должен быть одет по уставу в опрятный мундир, застёгнутый на все пуговицы. Он должен встать и открыть ворота, когда проезжают (проходят) посол или его гости.

Не дожидаясь ответа министра, я, действительно, вручил своё сочинение солдатам, их взводному и ротному. Юмор, кажется, был оценён.

С солдатами связан ещё один занятный эпизод.

По моей просьбе перед виллой была поставлена скамейка. Она заменяла мне завалинку, на которой приятно посидеть после работы. В один прекрасный день скамейка исчезла и была обнаружена на новом месте метрах в ста от прежнего. Выяснилось, что мэрия перенесла скамейку по настоянию живущей напротив соседки. Соседка жаловалась, что на этой самой скамейке и вокруг неё собираются солдаты, их друзья и шумят до поздней ночи. Скамейку вернули. Но мэр написал мне письмо, в котором просил убедить солдат «не использовать скамейку таким способом, который мог бы причинить беспокойство соседям».

Я постарался убедить. Хотя, на мой слух, количество децибел, исходящих от скамейки, не превышало допустимой нормы. Просто соседка попалась нервная.

.....
Первые гости. В январе принимал Г.В.Старовойтову, С.А.Ковалёва, А.И.Вольского.

К визиту Вольского наш МИД отнёсся прохладно («человек Горбачёва»). Но тут его принимали на полную катушку, включая встречу с премьером.

С Галиной Васильевной беседовали несколько раз. Интересно и обо всём. Воспользовавшись её положением при президенте, решил сделать ход конём, прыгнуть через голову МИДа. Просил передать Ельцину записку о наших главных болячках (нет здания, нет шифросвязи, нет кадров). Не знаю, получил ли Ельцин эту бумагу, во всяком случае результат был нулевой.

Проблемы здания и связи, как будет видно, в конце концов были решены. Проблему кадров решить нельзя. Она решалась всё время.

Вообще гостей было навалом. И модно, и близко. А для посольства — и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что много интересных людей, живая связь с Россией. Плохо, потому что гости требуют времени и внимания. Но мы старались держать марку русского гостеприимства.

.....
Кадры. Первые разногласия. Получаю бумагу от заммининдел Г.Ф.Кунадзе. Рекомендует советником по культуре известного писателя А.Г.Алексина. Отклоняю рекомендацию. Однако она повторяется с добавлением того, что жена рекомендованного превосходно владеет английским языком.

Еще раз возражаю. Пишу о том, что мне нужны не просто «хорошие люди», а специалисты. Прошу больше не поднимать вопрос об Алексине.

Больше не поднимали. Через некоторое время Алексин появился в Израиле, но не как российский дипломат, а как обычный репатриант, «оле хадаш» (новый, значит, олим). В своих интервью он объяснял выезд из России нападками и угрозами со стороны антисемитов.

Тем временем шел не простой процесс притирки посольского коллектива к настоящему послу. Чистяков считал, что я слишком либерален, слишком «добр», настаивал на большей требовательности и строгости. Упрёки в какой-то мере — в мидовской мере — были справедливы. Меня мало волновали внешние формы отношений, манера поведения. Я не любил суету как признак усердия. Старался не устраивать разносов, не повышать голос, хотя не уверен, что это мне всегда удавалось. Взывал к совести, но тоже не всегда получалось. Народ был разный. Сказывались и рыночные ветры, подувшие из Москвы. Патология, по моим оценкам, имела место. Но была пока в норме. И, значит, можно было работать.

ФЕВРАЛЬ-92

*Любимов в Иерусалиме — «Заклятые друзья»
Рабин и Перес — Израильские дети лейтенанта Шмидта —
— Битва за вежливость — Что такое Гистадрут? —
1979: первый раз в «гнезде сионизма» — Шема Принц —
— Кафе на улице Дизенгоф*

Февраль выдался очень зимним. Проливные дожди. Иногда грозы. Даже снег в Саввоне однажды выпал. Пальмы в снегу — это здорово! Пару дней в Иерусалим трудно было проехать — размыло дороги. Не смог встретиться с митрополитом Кириллом, он застрял где-то в районе Тивериадского озера (Кинерет, по-здешнему). Но я всё же рискнул отправиться в Метулу, к ливанской границе. Иногда было похоже на Вьетнам: ниточка дороги, а вокруг — вода. Из-за тумана чуть было не въехали в эту самую границу. А в Метуле весь день шел проливной дождь. Несмотря на это, программа была выполнена, включая посещение построенного канадцами Дворца спорта (великолепный каток и на нём фигурируют «наши» фигуристы), а также незапланированную встречу с командующим Северным военным округом генералом Ицхаком Мордехаем (в правительстве Нетаньяху стал министром обороны).

Корреспондент «Новостей недели» так описал наш разговор: «Не смогли бы русские потребовать у Сирии назад хотя бы часть того военного снаряжения, которое поставлялось в течение многих лет?» — с улыбкой спросил Бовина израильский генерал.

Ничуть не смутясь, Бовин таким же весёлым тоном по-еврейски ответил вопросом на вопрос: «А американцы могли бы заполучить назад всё то вооружение, которое поставляли Израилу?»

Это был первый израильский генерал, с которым я разговаривал. Потом было много генералов. Позволю себе сравнение: наши генералы, даже сняв военную форму, остаются генералами; израильские генералы, даже в военной форме, производят впечатление интеллигентных людей. С обеих сторон есть исключения, но они, как и положено, подтверждают правило...

.....
1 февраля обедал у **Юрия Петровича Любимова**. Жена его Катя блистала венгерскими кулинарными изысками. Мы были давно знакомы. Я смотрел все спектакли на Таганке. Иногда рассказывал актёрам о международных делах. Был какое-то время членом художественного совета театра. Используя своё служебное положение, пытался выручать Любимова из всяких передраг, в которые он беспрерывно попадал, потому что хотел говорить правду, хотел, чтобы его театр учил любить добро и ненавидеть зло.

Непрерывная травля вынудила Ю.П. остаться за границей. Его лишили советского гражданства. Мотаться по свету без гражданства как-то неуютно. Но каждая страна предоставление гражданства обставляла всякими условиями, которые не устраивали Любимова. Только правительство Израиля не выдвигало никаких условий. Так Ю.П. стал израильским гражданином. Купил квартиру в Иерусалиме. Но большую часть времени проводил за пределами Земли Обетованной, ставя оперные и драматические спектакли в разных театрах разных стран. После возвращения советского гражданства израильский паспорт не сдал и вдобавок получил венгерский (Катя — из Венгрии). По крайней мере не надо толкаться в посольствах за визами, если захочется навестить тещу или пройти по *Via dolorosa* (но всё-таки не на Голгофу).

Обед удался на славу. Толковали обо всём. Душа Ю.П. была на Таганке и жила Таганкой. С горечью говорил о предательстве Губенко. Фонтанировал идеями. Мечтал о ренессансе Таганки.

Встречались и у меня, в Савьоне. Как-то раз вместе с нами за столом оказался журналист. Потом в газете появился репортаж с этого обеда. Приведу кусочек.

«Я, конечно, ни в коем случае не хочу сравнивать Юрия Петровича с известным персонажем Исаака Бабеля Беней Криком. Но не удержусь от цитаты — уж больно она к месту: «Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал ещё что-нибудь».

Естественно, разговор зашел о сегодняшней России. Любимов сказал:

— Я ведь предупреждал Ельцина, что так будет.

— Как предупреждали?

— Открыто предупреждал. Когда сотворили такое безобразие с театром, я написал письмо Ельцину, в котором предупредил: «Со всей страной будет то, что вы сделали с моим театром». Я не пророк, но факты говорят сами за себя.

Заговорили о российских политиках.

— Расскажу один случай. Это не байка и не выдумка. Мне рассказывал человек, которому я очень доверяю. В фонде Горбачёва собралась очень узкая компания. Кто-то что-то сказал о Жириновском. Горбачёв поморщился и заявил, что во всём, что происходит с Жири-

новским, надо винить Ельцина. Тут один из присутствовавших вмешался: «Да нет, Михаил Сергеевич, это вы же Жириновского «запустили».

— При чём тут я! — негодует Горбачёв.

А ему напоминают.

— Как-то раз вы дали Крючкову задание: «Нужен человек для оппозиции. Подыщи». Крючков тогда откопал Жириновского. Провели вечерок втроем: вы, Михаил Сергеевич, Крючков и Жириновский. И после этого вечера вы сказали: «Годится, запускайте!»

— А ведь меня тянули в своё время к Крючкову, — продолжал Юрий Петрович, — Коля Губенко ох как сильно тянул. «Поедем, он все твои проблемы решит моментально». А я всё сопротивлялся: нечего мне у этого Крюčkова делать. Так и не пошел».

Мы редко виделись там, в Израиле, и редко видимся здесь, в Москве. Работа, суета всяческая растаскивают нас в разные стороны. Но отношение к Юрию Петровичу, к Мастеру, Маэстро — одна из немногих констант моей духовной жизни.

.....
В феврале состоялись первые встречи с лидерами Аводы (партии Труда) Ицхаком Рабиным и Шимоном Пересом.

Рабин родился в 1922 году в Иерусалиме. С 1941 года воевал в рядах Палмаха («ударные роты» в составе еврейских вооружённых отрядов). Отсидел полгода в британском концлагере. Участник Войны за Независимость. С января 1964 года — начальник Генерального штаба. Был послом Израиля в США. В 1974-1977 годах возглавлял правительство. В 1992 году вновь стал премьер-министром. Убит еврейским экстремистом 4 ноября 1995 года.

Перес (по рождению — Перский) родился в 1923 году в городке Вишнява (ныне в Беларуси). С 1934 года — в Палестине. Активно участвует в левом молодёжном движении. В 1953-1959 годах генеральный директор министерства обороны, затем — заместитель министра. С его именем связаны создание авиационной промышленности Израиля и формирование ядерного центра в Димоне. Занимал посты министров абсорбции, транспорта и связи, информации, обороны, финансов, иностранных дел. Был премьер-министром. В 1977-1992 годах бессменный председатель партии Труда.

Рабина и Переса называют иногда «закрытыми друзьями». Действительно, они — постоянные политические союзники и не менее постоянные политические соперники. В 1994 году в предисловии к русскому переводу книги Переса «Новый Ближний Восток» я писал: «Отношения между этими людьми... складывались далеко не идеально. Тем более хочется отметить мужество и мудрость И.Рабина, который, несмотря на предостережения «доброхотов», пригласил Ш.Переса в своё правительство на роль первой скрипки. Но не менее важно сказать о

мужестве и мудрости самого Переса, который, достаточно высоко оценивая своё значение и возможности, согласился вместо дирижёрской палочки взять в руки скрипку, хотя и первую. Разум победил эмоции. Чувство ответственности взяло верх над личными амбициями».

Перес принял меня в Кнессете. Разговор был скорее светский, чем политический. Перес демонстрировал недюжинную эрудицию, знание русской литературы и истории. Произносил русские слова и фразы. По нашим меркам он был слишком интеллигентен, чтобы преуспеть в политике. Но в Израиле мерки другие...

Беседа с Рабиным — тоже в Кнессете — прошла как-то скомканно, сухо. И не только потому, что Рабин гораздо более замкнутый, закрытый человек, чем Перес. На следующий день должны были выбирать лидера партии. Победил Рабин. Но когда мы беседовали, он не знал этого. Поэтому явно нервничал, пару раз выбегал из комнаты, беспрерывно курил.

Постепенно отношения наладились. Однако выжать из Рабина улыбку, заставить его расстегнуть несколько пуговиц всегда было не просто.

19 февраля — впервые, как подчёркивали газеты, в мировой политической практике — лидер партии был выбран прямым голосованием всех членов партии. Речь идёт об Аводе¹. В преддверии парламентских выборов в партии всё громче стали раздаваться требования сменить лидера, поскольку Перес не смог привести партию к победе в трёх избирательных кампаниях — 1981, 1984 и 1988 годов. Отсюда — идея выборов. Баллотировались Ш.Перес, И.Рабин, И.Кейсар и О.Намир. По всей стране были открыты специальные избирательные участки. Из 151 697 членов партии голосовали около 100 тысяч. Рабин получил 40,5% голосов, Перес — 34, Кейсар — 19 и Намир — 5,5%. В дальнейшем несколько десятилетий политическом забеге Рабин снова вырвался вперёд.

Политика — область преходящих, конечных, временных ценностей. Культура, искусство погружают нас в сферу ценностей вечных. Хорошая музыка, хорошие тексты, хорошая игра позволяют хоть на время, хоть на мгновение забыть о том, что говорят по телевидению и пишут в газетах. Позволяют почувствовать себя «просто» человеком — неважно какой страны и какого времени. С искусством такого уровня сталкиваешься не часто. И в Москве чаще, чем в Тель-Авиве. Но в Тель-Авиве всё-таки чаще, чем в Веллингтоне. Так что мне повезло.

¹ Авода (партия Труда) в своем нынешнем виде существует с 1968 года. Образовалась в результате слияния трех рабочих партий, стоявших на платформе «сионистского социализма». Ныне идеологически близка к европейской социал-демократии. Входит в Социалистический интернационал. Опирается на квалифицированных рабочих, профсоюзную и государственную бюрократию, часть буржуазии европейского происхождения. Одна из двух (наряду с Ликудом) ведущих партий Израиля.

И повезло, можно сказать, в квадрате. Думаю, что по количеству наших, российских гастролёров — в хорошем смысле этого слова — и на квадратный километр, и на душу населения, и на любую календарную единицу (неделя, месяц, год) Израиль в описываемые времена прочно занимал первое место в мире. И пусть не всегда это было высокое искусство, оно (за исключением откровенной халтуры) всегда было близким и родным. В Москве когда ещё выберешься в театр или в концерт, а тут — наши приехали, как не пойти! За пять с половиной израильских лет мы с Петровной перекрыли свою московскую «норму» в несколько раз.

Февральские, к примеру, гастроли: Алла Пугачёва, Александр Малянин, Вячеслав Малежик, Эльдар Александрович Рязанов. Бывало и погуще. Бывало и настоящее цунами гастролей.

Иногда возникали казусы. Рязанов, отвечая на вопрос журналиста, как он оценивает отъезд артистов из России в Израиль, заявил: «Никакой крупный актёр сюда не поедет... Актёры из России не уезжают. И русский писатель сюда не поедет».

Обиделся М.М.Козаков. Ответил в газете «Время». Упрекнул Рязанова в бестактности, в том, что он «повёл себя, мягко говоря, не совсем корректно по отношению к своим коллегам из России, ныне живущим здесь. Начал расставлять отметки, определять степень крупности и вообще учить жить».

Потом Рязанову на каждой пресс-конференции пришлось высказываться по этому поводу. Например, 19 февраля: «Я испытываю к Козакову сложное чувство. Крупный актёр и режиссёр... Миша уязвлён. Приезжают Хазанов, Гердт, собирают огромную аудиторию. Он считает — отбивают хлеб. Он считает — здесь, в Израиле, русский язык постепенно исчезнет. Поэтому мы здесь не ко двору. Считает — необходимо ввести квоту на приезжающих, ввести большие налоги на антрепренёров. Совковая идеология, он ведь Феликса Эдмундовича Дзержинского играл».

Когда меня спрашивают, говорил Рязанов, почему я не уезжаю из России, я отвечаю словами Анны Ахматовой: «Долг русского интеллигента — быть со своей родиной!»

Меня эта «дискуссия» расстроила. Негоже, думал я, русским интеллигентам опускаться до подобной перепалки.

Беда в том, — и тут Козаков был прав, — что конкурируя за кошельки олимпов, гастролёры перекрывали денежный кислород друг другу. Но не о «квотах» следовало беспокоиться. Импресарию, организаторам гастрольных туров следовало бы перенять опыт детей лейтенанта Шмидта и договориться о разделе гастрольного времени. Но не получалось. Каждый действовал на свой страх и риск. Лишь бы заработать побольше. Страдали от этого и артисты, и публика, да и сами импресарио.

Кстати, об импресарио. Послушаем известную хозяйку известной «Книжной лавки» Шему Принц: «В Израиле для того, чтобы стать импресарио, достаточно получить разрешение на этот вид деятельности. Поэтому многие считают, что гастрольный бизнес — самая удобная и лёгкая халтура, дающая возможность быстрых заработков. Как рассуждают многочисленные импресарио, которые за последние несколько лет выросли, как грибы после дождя? Если я в Союзе дружил с актёром Б., почему бы мне по-дружески не пригласить его сюда? И ему польза, и мне заработок. Сказано — сделано. Актёр, поверив на слово приятелю, приезжает, не подписав никакого контракта, и... только тогда «импресарио» начинает думать, что же с ним делать...

Можно, к примеру, поселить его у себя дома. Лариса Голубкина в одной комнате, хозяйка с мужем в другой, их дети и собака — в третьей... Не «Хилтон», конечно, но ничего — мы же свои люди! Теперь надо что-то придумать с залами, ах, да, ещё билеты напечатать и распространить...

Калягин мне жаловался, что когда он приехал на выступление, народ собрался, а зал — заперт. Полчаса бегали, искали, кто бы мог открыть дверь. Билеты были отпечатаны на целлофане, без номера, без места. Голубкина приходила и плакалась, что сидит без гроша. Я у неё спрашиваю: как же вы согласились приехать без договора, без контракта? А она отвечает: импресарио меня так уговаривала, говорила, вы приезжайте, повыступайте, попоёте, а я вам дам денег... Вот и «повыступала» — пришла ко мне полуголодная. И это в такой стране, как Израиль!»

Впрочем, продолжала Шема, «этим импресарио» глубоко плевать на страну, плевать на её законы и порядки — они перекупают актёров, обманывают друг друга, отбивая чужой хлеб, мошенничают с билетами».

.....

13 февраля состоялась встреча наших дипломатов с сотрудниками МИД Израйля, которые отвечали за российское направление. В центре внимания находились создание правовой базы российско-израильских отношений и определение приоритетных областей сотрудничества. Конкретно речь шла о возможном подписании межправительственной политической декларации и протокола о консультациях между МИДа России и Израйля. При этом и мы, и израильяне исходили из того, что «по умолчанию» согласован вопрос о визите в Москву министра иностранных дел Израйля Д.Леви.

В принципе МИД РФ одобрил предложения посольства относительно характера документов, которые можно было бы подписать в Москве. Но потом началась какая-то мало понятная тягомотина. Отказ Москвы принять заместителя премьер-министра, министра ино-

странных дел Израйля Д.Леви вызвал недоумение и недовольство в правящих кругах Израйля... Выражалось удивление «сухой», «недипломатичной» формой, в которой Москва отказалась от предложенных Иерусалимом сроков. В этой связи вспоминали о московском дипломатическом языке 60-х годов.

Посольство не располагало информацией, которая позволила бы понять ход мыслей в российском МИДе. Но представлялось, что предложенная мотивировка (министр занят другими делами) могла бы быть изложена более вежливо и изяшно.

В Израиле приближались выборы. По оценке посольства, победить должна была партия Труда, что соответствовало бы интересам России. В такой обстановке принимать в Москве нынешних министров, скорее всего людей вчерашнего дня, вряд ли было целесообразно.

Но для Леви, думали мы, можно было бы сделать исключение. Во-первых, учитывая его роль в нормализации наших отношений и устойчиво доброжелательный подход к Москве. Во-вторых, учитывая его умеренную, склонную к компромиссам позицию по ближневосточному урегулированию. В-третьих, учитывая его роль в политической жизни Израйля, независимо от того, будет он в правительстве или нет.

Что же касается «языковой проблемы», выбора выражений, то, по мнению посольства, желательно было бы принять во внимание следующие обстоятельства.

Объективные факторы (огромная и растущая русскоязычная община, реальная перспектива усиления её роли в политике и экономике) будут способствовать упрочению российско-израильских отношений, их переходу — со временем — на качественно новую ступень. А значит и общему укреплению позиций России в этом регионе. Но это — лишь возможность. Автоматизма тут нет. Между возможностью и действительностью — политика. Политика, которая может помочь закрепить наши позиции в регионе. Или, наоборот, помешать такому повороту событий.

Мы действуем отнюдь не в вакууме. В Израиле есть силы, которые боятся роста «русского элемента» и влияния России. Они хотят найти противовес. Далеко не случайно, что вслед за установлением дипломатических отношений Китаю был предоставлен режим наибольшего благоприятствования. А с предоставлением аналогичного режима России явно не торопятся. Израильтяне атакуют Европу, стремясь проникнуть в ЕЭС. Пока ЕЭС сопротивляется. Но там есть политики, которые рассматривают проблему с точки зрения «укорачивания» возможностей России в Израиле. Наконец, наши лучшие друзья американцы не упускают случая шепнуть своим лучшим друзьям израильтянам, что Россия оказалась на периферии мировой политики и её можно не принимать всерьёз.

Таково сопротивление среды. Его можно преодолеть, если не забывать о значении израильского фактора для реализации государственных интересов России. Не забывать и с точки зрения существа дела, и с точки зрения дипломатического языка.

Заместитель министра иностранных дел Б.Л. Колоколов сообщил посольству, что решение об отмене визита Леви принималось «с тяжёлым сердцем». Здесь сказались «причины форсмажорного порядка». Козыреву приходится работать в исключительно сложной обстановке, складывающейся в СНГ, и «даваемые ему в этой связи президентом поручения носят порой неотложный, «пожарный» характер и вынуждают ломать составленный график работы». Всё это предлагалось «просто по-человечески объяснить израильтянам». Что я и сделал.

Но сделал и ещё одну попытку затушить «пожар». Послал частное письмо приятелю, который был вхож к Козыреву. «К сожалению, — писал я, — Москва два раза торпедировала визит Леви. Здесь это производит крайне неблагоприятное впечатление. Ссылки на занятость не срабатывают, так как речь идёт всего о нескольких часах. В результате мы теряем очки, которые приходится набирать с трудом.

Маленький шанс ещё остаётся. Но министр вновь занят. Причём, у меня такое впечатление, что сдержанное, насколько я понимаю, отношение ко мне со стороны министра мешает ему принять правильное решение. Теперь — главное. Не мог бы ты побывать у министра и, не упоминая моего имени, попытаться убедить его, что пара-другая часов, затраченных на Леви, окупятся с лихвой? Ведь чем бы ни кончились выборы, Леви останется влиятельной политической фигурой.

Понимаю, что, наверное, ничего не получится. Но чем чёрт не шутит. Вдруг судьба улыбнётся...» Судьба не улыбнулась.

Вот такая маленькая «битва в пути». Они случались не так уж редко. Иногда судьба улыбалась.

.....

В феврале началась другая битва, которая продолжалась пять с половиной лет и которую я, если и не проиграл вчистую, то во всяком случае не выиграл. Битва за вежливость. Буквально с первых моих посольских дней посыпались жалобы на грубость консульских работников. Не всех, но почти всех. Состоялось довольно бурное собрание. Дипломаты оправдывали себя, апеллируя к известному принципу: «Их много, а я одна!» Действительно, «их», то есть людей, часами стоявших в очереди перед консульством, было много, очень много. И были они взвинчены, шумливы, часто грубы. Вступал в силу третий закон Ньютона: грубость одной стороны провоцировала грубость другой. И всё-таки я настаивал на другом принципе: «Клиент всегда прав!» Тем более что очереди — это наша вина. Со временем очереди стали меньше, обстановка разрядилась. Но мне так и не удалось перебороть это такое дипло-

матическое высокомерие, взгляд сверху вниз, которые чувствовали посетители консульства. Теперь я знаю это. Тогда не знал и был полон оптимизма.

.....
Запомнилась встреча с репатриантами в Хайфе. В Израиле говорят: «Иерусалим молится, Тель-Авив развлекается, Хайфа работает». Большой, красивый, как бы сбегающий с горы Кармель к Средиземному морю город. Порт со всеми прелестями бурной припортовой жизни. Развитая промышленность. Единственное в Израиле метро, точнее, даже не метро, а пробитый в скале туннель, по которому вверх и вниз ходят вагончики (нечто вроде фуникулёра под землёй). Университет, расположенный в двадцатипятиэтажном небоскрёбе, построенном по проекту знаменитого бразильского архитектора Оскара Нимейера. Великолепный политехнический институт (Технион).

Кстати, участок земли, на котором построен Технион, был в своё время куплен на деньги российского промышленника В. Высоцкого. Когда в 1924 году Технион открылся, в нём был только один факультет (строительный), на котором 6 преподавателей обучали 18 студентов. Теперь это институт мирового класса. На 19-ти факультетах (в том числе — аэронавтики, компьютерного программирования, биомедицинской технологии) учатся более 10 000 студентов.

Зал «Бейтену» («Наш дом»), в котором меня принимали, был набит битком. Городское начальство. Оркестр. Приветственные речи. Два с половиной часа отвечал на вопросы. Обо всём и ещё немножко...

После встречи дал интервью Инне Стессель из «Новостей недели».

«Считается, что самые злые спорщики в мире — французы. Но тот, кто знает израильтян, так не думает. Дух противоречия, похоже, у нас в крови. Не зря же говорят: два еврея — три мнения... Тем удивительнее было то единодушие, с которым в израильском обществе встретили назначение Бовина послом Союза. Удовлетворение высказывали и политики, и обыватели — «газетных тонн глотатели», и репатрианты. Последние восприняли весть с таким энтузиазмом, словно из нашей, олимовской среды, неподкупный защитник алии попал наконец в Кнессет.

— *А.Е., вы знали о том, что к вам здесь так хорошо относятся?*

— В какой-то момент я даже стал опасаться, как бы такое отношение не помешало моему назначению — некоторым в Москве не так уж хотелось угодить Тель-Авиву...

— *Кстати, в минувшие годы в Союзе к политическому обозревателю Бовину относились тоже как-то по-особому. Хотя вы, А.Е., с 1963 года были в аппарате ЦК КПСС и, объективно говоря, являетесь одним из ваятелей эпохи — от Хрущева до Горбачева.*

— Я никогда не отрешивался от своего участия...

— И тем не менее Бовин, убеждённый коммунист, всегда воспринимался как человек, по своему психофизическому складу чуждый лукавым партийным бонзам. Можно сказать, мы Бовина читали «между строк». А евреи, не избалованные объективным отношением к себе со стороны системы, испытывали к вам ещё и благодарность. Ведь вы не скрывали, или почти не скрывали, что вам претит однозначная и проаравская направленность советской политики.

— Вы хотите объяснить и оправдать хорошее ко мне отношение израильтян? Думаю, всё очень просто — я старался быть искренним. И когда заблуждался, это было искреннее заблуждение. Что же касается моей позиции, она никогда не была ни проаравской, ни произраильской. Я всегда ставил и ставлю во главу угла интересы своей страны. Моя позиция пророссийская.

— До этого вы бывали в Израиле?

— В 1979 году я возглавлял делегацию советской общественности. Официальных отношений между нашими странами не было, но существовала традиция — в День Победы 9 мая наносились такие визиты... Помню, тогда у меня было четыре телохранителя. Вот как меняются времена: сегодня я посол, и никаких телохранителей...

— А кроме этого, какие ещё перемены вы обнаружили в Израиле?

— Знаете, другое настроение у репатриантов. В ту пору они были полны энтузиазма, не жаловались на трудности быта и, кажется, не испытывали никакой ностальгии. Сегодняшние олим ходашим, насколько я могу судить, растеряны. Они словно ещё не до конца поняли, что с ними произошло. Возможно, это связано с объективными сложностями — плохо с жильём, с трудоустройством. А, может быть, тормозит вживание в новую жизнь то, что большинство не имеет ярко выраженных национальных мотивов?..

— В стране, которую вы представляете, всё так неустойчиво, нестабильно. Как в такой обстановке осуществлять дипломатическую работу?

— Трудно. Я не ощущаю за спиной крепкий тыл, и это осложняет самочувствие...

— Как известно, прогнозы по поводу близкого и далёкого будущего России сегодня предлагают все — от астрологов, коим несть числа, до домохозяек. А каково мнение профессионального политика. К тому же имеющего возможность оценивать ситуацию и изнутри, и как бы чуть-чуть со стороны?

— Если смотреть с исторической перспективой в 50 лет, я лично полон оптимизма. Но на долю нынешних поколений, по-видимому, выпадут немалые испытания.

— Вы допускаете возможность «российского бунта, бессмысленного и беспощадного»? У вас нет чувства, что постоянные пророчества гражданской войны провоцируют обстановку, так сказать, вызывают чёрта?

— У меня есть ощущение непредсказуемости событий. Разве кто-нибудь способен был предвидеть, что в Тбилиси, на проспекте Русавели, будут вестись настоящие бои? ...Я очень надеюсь на то, что судьба милует Россию, и наш народ в силу здравомыслия или из-за усталости не выйдет на улицы. Сейчас всем нужно набраться терпения, но это трудно, когда уровень жизни падает стремительно и дна пропасти пока не видно...

— Как вы считаете, Михаил Сергеевич был внутренне готов, что в какой-то острый момент перестройки её лидера просто выбросят из игры?

— Горбачев — очень умный человек. Он «проигрывал» разные варианты развития событий. И, конечно, знал, что в судьбе реформаторов запрограммировано подобное разочарование: приходят новые, ещё более революционные силы, и именно начинатель перемен видится им главным тормозом. Сегодня весьма трудно отвечать на вопросы, почему нельзя было предвидеть то или это, почему принимались именно такие решения, а не другие... Весь фокус состоит в том, что реализовывать новации несравненно труднее, чем строить умозрительные модели. Теоретически всё задумывается прекрасно, а начинается претворение в жизнь, и замыслы разбиваются то ли о данную конкретную ситуацию, то ли о непрофессионализм исполнителей...

— Давайте вернёмся к нашим израильским делам. Как вы полагаете, в каком направлении будут развиваться отношения Израиля и России?

— Если говорить о перспективе, убеждён, что Израиль будет нашим стратегическим партнёром. Тем более, что связи между нашими странами очень глубокие, и они не ограничиваются только необходимостью политических или экономических контактов. Мы соединены крепкой нитью эмоциональных, чисто человеческих отношений, а это залог сотрудничества...

— Каково ваше мнение: будет продолжаться алия или надежда на благие перемены удержит евреев в России?

— Не думаю, что алия прекратится. Несмотря на тревожные письма из Израиля, несмотря на то, что антисемитизм в последнее время несколько поутих. Ведь оказалось много разделённых семей, и стремление к национальному самовыражению, охватившее всех, коснулось и российских евреев. Так что мне видится продолжение алии. И это обязывает к более продуманным действиям не только Сохнут и министерство абсорбции, но в определённой мере и меня — посла Российского государства. Ведь многие из тех, кто придет сюда, будут обладать двумя гражданствами, в том числе российским.

— То есть обстоятельства навязжут вам как бы двойную миссию: кроме дипломатической, придётся брать на себя морально какую-то

часть забот о... репатриантах? Могу представить себе, какой внутренний протест это должно вызвать у тех бывших советских людей, кто раз и навсегда порвал все связи с Россией: «Как! Граждане с израильским паспортом смогут обращаться за содействием не только к своему родному правительству, но и к представителю «чужой» страны!» Согласитесь, нестандартная ситуация...

— Просто-таки уникальная. Где и когда такое было? Полмиллиона человек покинули родину. В большинстве случаев причиной стали неприемлемое для них политическое устройство, национальная дискриминация. Они уехали, а ненавистный режим в одночасье рухнул. И в стране Исхода всё обновляется, меняется. Это не так просто переварить...

— *Если бы я попросила вас коротко обозначить главную задачу вашей политической линии, что бы вы сказали?*

— Моя миссия — наводить мосты, то есть залечивать те раны, которые, к сожалению, были нанесены отношениям между нашими странами моим бывшим правительством. И ещё. Содействовать созданию такой общеполитической атмосферы, когда переезд из России в Израиль, из Израиля в Россию не будет означать окончательного разрыва с прошлым. Тогда у людей будет меньше душевной боли, и обе наши страны от этого выиграют. У меня мечта — организовать русский культурный центр. Я знаю, что центры для олим созданы и в Иерусалиме, и в Тель-Авиве, и в других городах, но они не совсем соответствуют моим представлениям, каким должен быть подобный очаг культуры. Мне хотелось бы, чтобы это было место, где красиво и уютно, где можно отдохнуть, почитать свежие газеты и журналы, посмотреть последние русские фильмы, послушать музыку... Создание такого центра, конечно, требует денег и привлечения к этому делу спонсоров...

— *А.Е., говорят, вы учитесь иврит?*

— Да, я теперь крутом «талмид» (ученик. — А.Б.) — учу иврит, учусь делать первые шаги в дипломатии. Я ведь по профессии не дипломат, а журналист, и мне гораздо привычнее самому интервьюировать, чем отвечать на вопросы...

Мечта — и эта тоже! — не сбылась. А с Инной Стессель мы подружились. Интеллигентная, умная, милая женщина. Одна из звёзд русскоязычной журналистики в Израиле. По манере письма немножко напоминает нашу известинскую Татьяну Тесс.

.....
В интервью было упомянуто моё пребывание в Израиле в 1979 году. Расскажу подробнее.

В те времена «гнездо сионизма» крыли почём зря. Но — парадоксы политики! — каждый год по приглашению израильских коммунистов

(партия М. Вильнера) делегация советской общественности появлялась в этом самом гнезде, чтобы принять участие в праздновании Дня Победы. Состав делегации, которую мне поручили возглавить, был стандартным. В обязательный набор входили: один еврей, один фронтовик, один из спецслужб и один работник Союза обществ дружбы. Далее допускались варианты.

Мне повезло. Евреем был определён Леонид Ефимович Беренштейн. Киевлянин. В годы войны — командир партизанского отряда. В мирные времена — директор фабрики индивидуального пошива одежды. Вся грудь в крестах, но и голова сохранилась. Сохранилась и жена Шура, радистка в том самом партизанском отряде. Прекрасный человек, хотя и похож на бывшего террориста Менахема Бегина. Ныне по причинам, о которых грустно писать, живёт в Израиле. Нарушая всяческие дипломатические правила, я вмешался во внутренние дела Израиля, нарушил суверенные права Украины, но всё же помог ему получить квартиру. Так что и послам иногда удаётся совершить полезное дело.

Мы уже собрали чемоданы, но что-то там на Ближнем Востоке стряслось в очередной раз, и из посольства в Каире пришла бумага с настоятельной рекомендацией отменить поездку. Однако в Международном отделе ЦК с этой рекомендацией не согласились и дали нам зелёный свет. Прямых рейсов тогда не было. Летели через Бухарест. Напомню, что в 1967 году Румыния не последовала примеру «старшего брата» и сохранила посла в Израиле. Поэтому и самолёты летали. Запомнился такой эпизод. Швейцар бухарестской гостиницы, где мы остановились, улучив момент, когда вокруг никого не было, страшным шепотом сообщил мне: «Брежнев — хорошо, Чаушеску — плохо!» Ещё одно подтверждение теории относительности.

В Израиле всё было, как говорят космонавты, штатно. Ездили по стране, встречались с прогрессивной общественностью, произносили речи. Главный праздник, который организуют коммунисты, состоялся недалеко от Иерусалима, в лесу, именуемом Лес Красной армии. Нечто среднее между торжественным заседанием и массовым пикником. Народу прогрессивного уйма. С жёнами, детьми и внуками. Располагаются на травке, разжигают мангалы, ну и как положено... Но сначала, как опять же положено, речи и возложение венков. В общем, здорово и мило. Душевно. Уже будучи послом, каждый год в полном семейном составе посещал эту процедуру.

Бурная встреча состоялась в Назарете. В «красном Назарете», где мэром был известный палестинский поэт, коммунист Тауфик Зайяд¹.

¹ Т. Зайяд был членом Кнессета. В 1973 году, когда Египет начал войну Судного дня и прорвал идущую вдоль Суэцкого канала оборонительную линию Бар-Лева, Зайяд воспел в стихах египетскую армию, несущую свободу палестинцам: «Солнце в полуденном небе — Слезы в счастливых глазах. О, наши тяжёлые танки!

Недалеко от города нас встретили пионеры в красных галстуках, с горном и барабанами. «Вы въезжаете в арабский советский район Израиля!» — сообщили нам. На собрании мэр, прирождённый оратор, произнёс зажигательную антиправительственную речь. Чуть ли не призвал на баррикады, вызвав полный восторг аудитории. И вдруг вырубился свет. «Провокация, — сказали нам, — ведь электростанция в руках евреев». На всякий случай стол президиума окружили могучие молодые люди. Открыли окна. Подогнали машины (зал был на первом этаже) и включили фары. Митинг продолжался. Беда только, что микрофон не работал. И когда настала моя очередь выступать, пришлось форсировать голос. Еле справился. Долго потом надо было отмачивать голосовые связки. Но тоже справился.

Я очень люблю фаршированную шуку («гефилте фиш» на идише). Когда мы жили в Ростове-на-Дону, моя мама научилась готовить её превосходно. Попав в Израиль, я тут же поинтересовался, где можно отведать эту самую «гефилте фиш». Мои израильские спутники задумались. Кажется, сказали они, в Тель-Авиве есть пара ресторанов еврейской кухни. Долго искали. Нашли, наконец. Только вместо шуки был фаршированный морской окунь. Своих шук в Израиле нет, а импорт почему-то не налажен...

Перед нашим отъездом из Москвы было чётко сформулировано три «нельзя». Нельзя посещать оккупированные территории, то есть Западный берег реки Иордан, сектор Газы и Голанские высоты. Нельзя встречаться с эмигрантами из Союза. Нельзя вступать в контакты с официальными лицами. Однако посоветовавшись на месте, мы решили: хотя нельзя, но всё-таки можно. И на территориях побывали. И к знакомым евреям ходили в гости. И учинили дискуссию с членами Кнессета. Всё было интересно. Аукнулось позже, в Москве уже. Месяца два минуло, пожалуй. Друзья со Старой площади сказали, что пришла «телега» о моём «неправильном поведении» в Израиле. Но было решено бумаге этой ходу не давать. Так что обошлось.

Забавней было с телевидением. В «Международной панораме» надо было что-то рассказать о поездке. Хвалить Израиль было нельзя (тут уж настоящее «нельзя»). Ругать не хотелось. И я произнёс нейтральный, как мне казалось, текст. Синее небо, синее море, зелёные пальмы, много красивых женщин. На женщинах и попался. Бдительные телезрители стали писать письма: это до чего же надо докатиться, чтобы восхвалять евреек. Требовали санкций. Но тоже обошлось. Ви-

О, железные наши орлы! Слава! Слава в веках Разметавшим валы Бар-Лева!» В 1988 году он заявил, что «интифада — это голубь мира, взвившийся из-под сапог израильских солдат». Демократия... Зайяд погиб в начале июля 1994 года в автомобильной катастрофе. Он возвращался из Иерихона, где приветствовал Арафата на родной земле.

димо, властям было не до евреек. Осталась «аксиома Бовина»: в Израиле на каждую сотню мужчин больше красивых женщин, чем в любой другой отдельно взятой стране.

6 февраля в Тель-Авиве неожиданно появился Илья Глазунов. Прилетел писать портреты израильских раввинов. Мне эта затея показалась немного странной. Тем не менее по просьбе художника я связался с главными раввинами Израиля. Рав Овадия Иосиф, помню, согласился. Но израильская общественность встретила Глазунова не очень дружелюбно. Не по причине эстетики, а по причине идеологии. Был замечен в антисемитизме. Пришлось ему быстренько уехать.

Посетил Генерального секретаря Гистадрута — Всеобщего профессионального союза трудящихся Израиля.

Гистадрут был основан в 1920 году. В 1921 году его Генеральным секретарём стал Давид Бен-Гурион. Тот самый, который в 1948 году огласил Декларацию независимости. На протяжении почти трёх десятилетий Гистадрут фактически был правительством для «ишува», то есть для еврейского населения Палестины. Под руководством Гистадрута создавались промышленные и сельскохозяйственные предприятия, строились клубы, школы, поликлиники.

После образования Израиля Гистадрут остался своего рода государством в государстве — могучей бюрократической организацией, накрепко связанной с государственным («социалистическим») сектором израильской экономики, а в политическом отношении — с левыми партиями Израиля.

У Гистадрута как бы два лица, два круга функций. Это — крупнейший работодатель, владеющий десятками предприятий, на которых работает 20% всех занятых в промышленности. Но — по определению — это и защитник трудящихся. Причём, трудящихся весьма специфических. К ним относятся чиновники, служащие министерств и государственных учреждений, почты, банков, бирж, работники общественного транспорта, аэродромов и портов, предприятий военной промышленности. В общем, «рабочая аристократия», примерно 10% так называемых «социально защищённых» служащих и рабочих.

Гистадрут насмерть стоит против планов приватизации государственных предприятий и либерализации экономической жизни. Ибо это означало бы подрыв экономической, социальной базы профсоюзной бюрократии.

Разговор с Израэлем Кейсаром имел общий, ознакомительный характер. Запомнились слова профсоюзного лидера: эмоции влекут меня вправо, а разум — влево. Судя по политической траектории Кейсара, его разум брал верх над эмоциями.

Летом 1993 года Кейсар стал министром транспорта. А в Гистадруте началась борьба «обновленцев» с «консерваторами». За радикальные реформы в профсоюзе выступали «младотурки» из Аводы: Хаим Рамон, Авраам Бург, Йоси Бейлин, Яэль Даян. О накале борьбы свидетельствуют слова Генерального секретаря Гистадрута Хаима Хаберфельда: «Этой банде нет никакого дела до Гистадрута. Её цель — захватить власть в партии Труда... Они хотят увести Гистадрут от подлинных нужд израильского общества».

«Обновленцы» победили. 5 июля 1994 года Рамона избирают Генеральным секретарём Гистадрута (Рамон вышел из правительства, где он занимал пост министра здравоохранения и был исключён из партии; в марте 1995 года решение об исключении было аннулировано).

1 февраля 1995 года Рамон¹ рассказывал мне о начатых реформах: сокращается огромный бюрократический аппарат, идёт оздоровление финансов, взят курс на приватизацию части профсоюзных предприятий. Мы ориентируемся на германо-скандинавскую модель профсоюзов, сказал Рамон, следует защищать всех трудящихся, а не только «рабочую аристократию».

Рамона сменил Амир Перец. 22 января 1996 года он уже мог подвести первые итоги реформ. Аппарат уменьшился с 4 тысяч чиновников до 1 600 человек, задолженность снизилась с 1,9 миллиарда до 800 миллионов шекелей. Начата, говорил мне Перец, распродажа принадлежащих профсоюзу акций многих компаний. Профсоюзы отдаляются от политики и приближаются к интересам трудящихся.

Всё это было так. Однако, насколько я мог видеть, Гистадрут пока остаётся в первую очередь защитником «рабочей аристократии». Не случайно бастуют, как правило, не рабочие, а чиновники.

.....
В самом центре Тель-Авива на улице Бар-Кохбы расположена «Книжная лавка» Шемы Принц. В лавке этой, точнее, в этом клубе я бывал десятки, если не сотни раз. Чтобы посмотреть книжные новинки, попить кофе со всякими вкусоностями, потолковать с другими посетителями и, конечно же, с Шемой. Ей я обязан знакомством со многими приятными людьми. Да и многие стороны израильской жизни становились мне более понятными после наших кофейных бесед.

Политика нас иногда разъединяла с Шемой. Но то, что нас объединяло, было сильнее политики: и Шема, и я перманентно худели, вернее, старались похудеть².

.....
Тогда же стали появляться энергичные, предприимчивые люди с проектами организации общества израильско-русской дружбы. Много было

¹ «Ельцин с лицом Берлускони», — аттестовали его в русскоязычной прессе.

² Теперь «Лавки» нет. Шема разорилась.

таких людей, особенно из олимовской среды, и много проектов. Авторы одних проектов непременно предавали анафеме авторов проектов других. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что не в «дружбе» тут дело. За каждым проектом просвечивали какие-то меркантильные, коммерческие расчёты. И я не хотел связывать посольство какими-то обязательствами по отношению к сомнительным инициативам.

Конечно, настоящее, эффективно работающее общество дружбы было бы полезно и нужно. Однако мне думалось, что инициатива его организации должна исходить от солидных кругов израильской общественности. Но не было такой инициативы. Возможно, посольству следовало бы её аккуратно инициировать, подтолкнуть. Да так руки и не дошли. Жалею об этом. Ставлю себе в минус.

.....
В феврале же определилось моё любимое кафе. На одном из самых шумных углов Тель-Авива, где главная тель-авивская улица Дизенгоф пересекается с улицей Фришман.

Главная улица названа в честь мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа (он же — Михаил Яковлевич). Родился в Бессарабии в 1861 году. Жил в Одессе, где примкнул к партии «Народная воля». Сидел в тюрьме. Учился в Париже. В Палестину приехал в 1892 году. Потом вернулся в Одессу. Окончательно в Палестине с 1905 года. Один из основателей Тель-Авива, мэром которого был с 1921 года до своей смерти в 1936 году.

Кафе почему-то называется «Акапулько», хотя ничего акапульского там нет. Зато есть типично израильская штука под названием «пита». Пита — это большая лепёшка, которая раскрывается, как карман. А на прилавке выложен набор разнообразнейших начинок (мясных, рыбных, овощных плюс — специи). Чего и сколько ты натолкаешь в разверстую лепёшку, — это вопрос твоей настойчивости и твоего искусства. Цена одна. Виртуозами были солдаты, могли бы попасть в книгу Гиннеса...

Мне пита была противопоказана. Обычно пил чай, реже — кофе, ещё реже брал мороженое (кстати, цены за пять лет выросли в два с гаком раза). Читал газету. Смотрел по сторонам. Люди подходили разные. Беседовали «за жизнь». Все удивлялись: как так, посол, а сидит один, без охраны. Только с палкой. Некоторые недоверчиво оглядывались, рассчитывая, видимо, обнаружить замаскировавшегося охранника...

На первых порах моими собеседниками часто были, если по-нашему, «дворники», которые следили за чистотой на улицах. У каждого — специальная тележка с набором всяких чистящих инструментов. И почти каждый в прежней жизни занимался наукой. Помню профессора из Баку, кандидата филологических наук из Харькова. Через несколько лет это ушло в анекдоты, в олимовский фольклор. Но в

начале 90-х «русская» алия не «боролась за чистоту», если вспомнить Ильфа и Петрова, а просто подметала улицы...

С любимым кафе связана и такая история. Во время одного из сидений вдруг началась большая суеда. Поступила информация, что где-то тут рядом заложена бомба. Весь угол и видимые окрестности были оцеплены полицией. Стали удалять публику за оцепление, в том числе — и из «Акапулько». Подошли и ко мне. Но я заявил, что палестинская бомба к российскому послу отношения не имеет, и попросил разрешения спокойно допить кофе. Беготня и телефонные переговоры продолжались довольно долго. Бомбу не обнаружили. Тревогу отменили. Я взял вторую чашку.

Потом ругал себя за фанатерию. Случись что, полицейским чинам досталось бы из-за меня.

В конце февраля полемист Генделев снова напомнил о себе. Его возбудили мои слова о том, что лет через 10-20 Россия и Израиль могут стать стратегическими партнёрами. Появилась статья **«Вернись, я всё прощу»**. Надеюсь, читатель получит удовольствие, читая статью Генделева и ответ на неё. Интересны и сами статьи, и приёмы, методы, стиль израильских журналистов с хорошей советской родословной.

Итак, Генделев: «В одном из своих недавних интервью Их Превосходительство Чрезвычайный и Полномочный посол республики России в Израиле г-н А. Бовин высказался в том смысле, что Россия и Израиль могут в ближайшей перспективе стать стратегическими союзниками. Мысль богатая. И богатая тройне, если она опирается хоть на какое-то подобие новой внешнеполитической доктрины российского МИДа и тем самым осенена крылом официоза, а не является личными благостными пожеланиями Бовина или, не дай Бог, любезной шуткой. Мысль богатая.

Хотя и не новая. Как некоторая государственная геополитическая идея, она сопутствовала первоначально политике Сталина при голосовании ООН о создании государства Израиль. Правда, роман СССР и «Мединат Исразель» был не по-стратегически молниеносен. Отпелось, отлюбилось. Быльём поросло.

В недавнее, уже постперестроечное время — время стратегического (по-прежнему) союзничанья СССР с нашими прямыми арабскими врагами — идея была в загоне. Хотя и высказывалась в той или иной форме, например, проф. Меликом Агурским (со стороны израильской) или некими гостящими дип. дамами (с другой стороны, советской). Дамы, правда, оговаривались, что «на службе они — государевой» и это суть есть их личные пожелания.

А вот любезным шуткам Их Превосходительства г-на и прочая посла я не верю. Даже послам страны, пережившей как согласность, так

и гласность... Означает ли эта высказанная идея, что правительство России кардинально изменило свою внешнюю политику и Израиль становится, тем самым, российским стратегическим партнёром на Ближнем Востоке? Нет, не означает. Так что же это значит? А всё что угодно. Например, действительно постепенный поиск новых «клиентов» в регионе. Или, например, предательство бывших партнёров. Или, например, министерскую панику и развал дипаппарата России. А также: готовность продаться тому, кто больше заплатит. Выбор партнёра ласкового, пассивного, распространение сфер политического влияния, приручение маленькой виноградной республики... — всё, что угодно! А главное — что понимать под этим самым «стратегическим сотрудничеством»? Тем не менее, эту тему следует обсудить (за её важностью), избегая по возможности спекуляций...

Буквально перед учреждением СНГ я писал, что, с точки зрения исторической, перед бывшим Союзом, то есть перед руиной советской империи стоит дилемма. Дилемма самоидентификации и выбора будущего, описываемая в терминах Западно-Восточного Дивана. Или империя отказывается от Запада и остаётся на Востоке — прежней конгломерацией сатрапий, или, отказавшись от Востока, входит конфедерацией славянских, точнее, христианских государственных образований в западный мир.

СНГ — неустойчивый, с точки зрения современной исторической ситуации, конгломерат. Что-то, а уроки зрелого государственного национализма периода заката XX века юной государственности новой России прогуливать не стоит... Совершенно очевидно, что линии геополитических разделов современного мира проходят по рубежам типов цивилизаций — «Запад есть Запад, Восток есть Восток», или, если хотите, Незапад... Даже сама идея Содружества христианских государств с этой точки зрения проблематична, ибо Россия в границах РСФСР — государство примусульманское (если не подмусульманское), от Москвы до ордынской Казани — от завтрака до забора...

Некий читатель в очень трогательном письме в редакцию газеты «Время» журил меня за незнакомство с тем обстоятельством, что российская интеллигенция традиционно была филосемитской, что мне «эрудированному писателю хорошо известна роль авангарда русской интеллигенции в деле защиты евреев от антисемитизма». Да, мне «роль авангарда» известна хорошо, даже отлично. Убеждёнными антисемитами был этот авангард...! И Гоголь, и Достоевский, и Мережковский, и Чехов, Толстые А.К. и Л.Н., и Брюсов, и Блок, и Хлебников, и...и! И никакие Горький с Короленко этих подлинных гениев русской литературы не кроют — творческие козыри не те! Гении, что с них взять? Не за то, как говорится, мы их любим. (Да и вообще, гении цивилизации от Тацита до Эзры Паунда — зачастую,

если не повально, грешили юдофобией.) Да и вообще в современной цивилизации антисемитизм — норма... И именно поэтому у меня есть все основания назвать российское общество устойчиво антисемитским. И: в дестабилизации современной социальной ситуации в России, как вообще при всяких социальных, политических, но в первую очередь — экономических кризисах, уровень антисемитизма поднимается. Таким образом, о «сердечном соглашении» России и Израиля не может идти речи. Не быть нам с Россией в одной Антанте. А раз речь не идёт об исторических, устойчивых, родственных симпатиях (как у русских с украинцами, скажем), значит, речь пойдёт о прагматике.

Что такое «общность стратегических интересов и стратегическое партнёрство»? Когда ещё недавно мы говорили: «Израиль — главный стратегический партнёр США на Ближнем Востоке», мы опускали в этой формуле за самоочевидностью: «...в геополитическом противостоянии советскому блоку». Как выяснилось сегодня, наши союзнические отношения с США («построенные на дружбе и взаимопонимании», то есть на том, что Америка нашими руками за небольшую денежку загребала военный жар в регионе) — наши братские отношения с США, как бы это выразиться — ах, «за ненадобностью» — в общем, портятся наши отношения. Прохлада, знаете, наблюдается. За нашей — им — ненадобностью. Советскому блоку мы, видите ли, не противостоим...

Так кому же мы будем противостоять в стратегическом союзе с экс-Союзом? Понятно! Арабскому миру мы будем противостоять, исламу! А как будет противостоять мусульманскому миру внутри своей собственной государственности (эдакой «русско-тюркской» общности, к которой призвал 18 февраля президент Казахстана Назарбаев), как будет противостоять ей Россия? Самой себе.

Плечом к плечу плеча не увидеть... Чего же мы не увидим плечом к плечу с Россией, приглашённой на бал её стратегического союзничества? Поставок её реактивных снарядов, падающих сегодня на Галилею, поставок оружия нашим не «стратегическим», а вполне лобовым врагам? Не заметим во имя Светлого Будущего?

И не заметим консенсуса общественного сознания её цвета нации — интеллигенции? Это когда «ум-честь-и-совесть» России Солженицын с любовью и нежностью катает фигуру гадюки-Богрова в своих «Колёсах»? И не менее «ум-честь-и-совесть» нации акад. Д.Лихачёв пишет предисловие к протонацистской и откровенно антисемитской книге «Гуру» — Л.Гумилёва? А терминами Шафаревича изъясняются харизматические лидеры страны?

Как бы то ни было, заманчивая идея потенциального стратегического сотрудничества увидела свет явно не для внутреннего российского пользования, а на экспорт.

На экспорт в США, с лёгкой угрозой: «А вот мы придём на вакантное место Старшего Брата, со всеми вытекающими отсюда подробностями».

И — на экспорт в Израиль: во-первых, за поддержку не очень уж поддержанных финансовыми гарантиями долгосрочных экономических советско-израильских проектов. Во-вторых, для поддержания, а точнее, восстановления нарядного реноме Великой, сменившей гнев на милость, Державы в легко гипнотизируемом масштабах русской удали израильском обществе. И в-третьих, для мгновенного произведения впечатления на русскоязычную общину Израиля, в первую очередь на неукоренившихся граждан алии-90, которым, конечно, очень понравятся слова с фестончиками — «стратегическое партнёрство». С Родиной и Отчиной, откуда они, новые репатрианты, ещё как следует не уехали.

...Как написал тот же уже цитировавшийся читатель: «...новый репатриант скажет: пусть лучше меня в Кнессете представляют А.Бовин и Н.Шишлин, чем М.Генделев».

Я того же мнения.

Но зачем же в Кнессете? Лучше прямо — в ООН».

А теперь прошу познакомиться с ответом. Он называется «Плевок против ветра» и принадлежит В.Ривкину (с Генделевым я знаком, вот с Ривкиным встречаться не приходилось).

«Имя М.Генделева довольно часто встречается на страницах русскоязычных изданий Израиля. В недавних публикациях газеты «Время» он аттестуется поэтом и «эрудированным писателем» для того, видимо, чтобы читатель осознал, что имеет дело не с рядовыми статьями рядового журналиста, а с глубокими размышлениями народного витии, как говорится, властителя дум. И в самом деле, автор мыслит масштабно, планетарно, и перед нами возникает, написанная широкими мазками, картина мира во времени и пространстве.

Картина такая. В центре земли стоит Израиль. Вокруг — остальное человечество. Очень плохо! «Мир не хочет евреев... Не нужен миру ни еврей, ни государство Израиль (государство-еврей) в интернате народов... Мы вообще не граничим», — утверждает автор в статье «Открытый урок». Да и как с ними можно граничить — не заслуживают этого!

Поводом для статьи «Вернись, я всё прощу» послужило высказанное представителем России предположение, что «Израиль и Россия могут в ближайшей перспективе стать стратегическими союзниками». Разумеется, такая наглость вызывает у властителя дум презрительно-саркастическую реакцию. Зачем, мол, Израилю какая-то там Россия?» (Пропускаю несколько абзацев, в которых Ривкин излагает Генделева, включая перечисление гениальных «юдофобов» — от Гоголя до Эзры Паунда. — А.Б.). «Вот каковы эти гении человечества,

вот каково оно само! — восклицает Ривкин. — И с таким человечеством нам приходится жить на одной планете. Просто возмутительно, что нет для нас здесь другого человечества!

Прочитав эти статьи М.Генделева, внимательный и здравомыслящий читатель неминуемо почувствует глубокую потребность — разобраться в её странной логике и ответить для себя на нелёгкий вопрос: «Если картина мира, нарисованная автором, верна, то почему же всё-таки человечество, включая его величайших гениев и гуманистов, нас так не любит, терпеть не может или даже ненавидит?»

При ответе на этот вопрос возможны две версии.

Версия первая: мы очень хорошие, очень умные, очень добрые, замечательные и избранные. Вот именно поэтому нас не любят. Это приятное, комфортное, успокоительное объяснение. Можно на нём и остановиться.

Но обязательно найдутся и такие читатели, кто не удовлетворится подобным ответом, потому что почувствует — как-то концы здесь с концами не сходятся. Нельзя же забывать, что речь всё-таки идёт о всём человечестве, о всех народах, о титанах мысли, о совести мира. Трудно как-то поверить, что все они или не способны по интеллектуальной своей убогости оценить наши выдающиеся достоинства, или так мелки и завистливы, что эти добродетели наши вызывают в них лишь злобу и ненависть.

Тогда возникает другая, крамольная версия. А что если мы сами кое в чём виноваты? Допустим на минуту, что все мы похожи на эрудированного писателя и, как соплеменники его, обладаем с ним одинаковой ментальностью. Тогда все мы — крайние эгоцентристы, не способные понимать других людей, разговаривающие с ними в высокомерно-издевательской манере, защищающие «своих» в любых случаях только потому, что они «свои», и обвиняющие «чужих» во всех смертных грехах только потому, что они «чужие». Так можно ли вообще любить таких заносчивых себялюбцев? Но тогда выходит, что мы сами во всём виноваты и поделом вору мука? Это объяснение неприятное. Найдутся всё же люди, которые его воспримут за истину.

Однако кое-кто всё же усомнится потому, что так не бывает, чтобы несколько миллионов евреев оказались похожими друг на друга, как две капли воды. Напротив, известно, что очень существенные различия в ментальности существуют — и индивидуальные, и групповые.

Таким образом похоже, что в рамках картины мира, нарисованной в статьях М.Генделева, невозможно получить удовлетворительный ответ на важный вопрос о причине ненависти всего мира к Израилю.

Так, может быть, просто эта картина неверна? И Израиль стоит не в центре Земли, а в ряду с другими странами, и ненависть к нему не такая уж всемирная, и Чехов вовсе не такой уж антисемит...

Давайте посмотрим, как автор создаёт эту картину, какова технология его аргументов и доказательств.

Возьмём для примера ещё один пассаж о России, насчёт «консенсуса общественного сознания её цвета нации — интеллигенции». Каков же этот консенсус? «Это когда «ум-честь-и-совесть» России — Солженицын с любовью и нежностью катает фигуру гадюки-Богрова в своих «Колёсах». По логике поэта, раз Богров — еврей, стало быть, Солженицын, «катающий» его, — антисемит. При этом за скобками остаётся тот факт, что Богров — террорист, убийца, застреливший одного из крупнейших реформаторов России, премьер-министра царского правительства Столыпина. Далее: «И не менее «ум-честь-и-совесть нации» акад. Д.Лихачёв пишет предисловие к протонацистской и откровенно антисемитской книге Л.Гумилёва». При этом автор статьи оставляет нас в неизвестности относительно того, что именно пишет академик Лихачёв в своём предисловии и где имеются доказательства того, что названная книга на самом деле протонацистская (?) и антисемитская. И, наконец, последняя фраза этого абзаца: «А терминами Шафаревича изыскняются харизматические лидеры страны». Какими терминами? Неизвестно. Скорее всего речь идёт о русофобии. Какие же именно лидеры страны пользуются этим термином? Тоже неизвестно. Но самое пикантное состоит в том, что статья М.Генделева как будто специально написана для того, чтобы подтвердить правоту Шафаревича, демонстрируя собой факт существования и русофобии, и русофобов.

Говорят, что стиль — это человек. Читатель сам может судить о стиле, при котором автор словечка в простоте не скажет. Попросту каждый грамотный смертный может написать. А тут эрудированный писатель, поэт... Он обязан мыслить образами и выражаться метафорами. Вроде того, что «от Москвы до ордынской Казани — от завтрака до забора» или «плечом к плечу — плеча не увидеть». Так, конечно, простому смертному не высказаться, потому что, если и взбредёт ему такое в голову, то он тут же себя и остановит: «В этом контексте, — подумает он, — вроде бы «забор» ни к селу, ни к городу, а насчёт плеча, если чуть голову повернуть и глаза скосить, то плечо ведь хорошо можно увидеть». Отчего же эрудированный писатель не замечает, что за его словесной игрой не образ стоит, а пустота зияет? Ответ на этот вопрос уже давно дала героиня «убежденнейшего антисемита» А.П.Чехова, которая сказала по подобному поводу: «Они хотят свою образованность показать».

Это, разумеется, вполне невинная привычка «свою образованность показывать». Гораздо хуже, когда властитель дум, упорно, из статьи в статью, пытается внедрить в общественное сознание враждебно-высокомерное отношение к «гоям» — людям, народам и цивилизациям.

И когда старается внушить, что человечеству «никак не соответствует государство Израиль в целом и каждый конкретный еврей в частности, ибо места ему при этом разделе мира нет...» Так возникает опасная гремучая смесь мании величия и мании преследования. Это сочетание двух маний характерно для национал-патриотов всех стран, вне зависимости от национальной окраски болезни. И не раз приводило оно людей к трагедиям и катастрофам.

В наше время человечество, измученное многовековой вереницей насилия, конфликтов и войн, всё успешнее идёт к созданию на Земле атмосферы доброжелательности и уважения между людьми, нациями и народами. Главная помеха этому процессу — национал-патриоты разных стран, выискивающие всюду врагов, пугающие ими собственные народы и себя самих, проповедующие нетерпимость и ксенофобию. Однако в современном мире всё крепче дует ветер благотворных перемен. А любой мальчишка знает, куда попадает плевков, когда плюют против ветра».

Вот такой обмен любезностями. И он, по-моему, интересен не столько с точки зрения отношения части алии к России, сколько с точки зрения отношений внутри «русского» Израиля, разных подходов к фундаментальным для евреев вопросам.

.....
Культура в феврале. Э.А.Рязанов с душераздирающими «Небесами обетованными». — Бесподобная Пугачёва в сопровождении Александра Кальянова. А после концерта — веселье в «Берёзке».

МАРТ-92

*Летайте самолетами «Трансаэро» — Менахем Бегин —
— «Экстрасенсы» — Иран: заботы военной разведки —
— Политика в стихах*

Март начался с чёрного хлеба. В Израиле до вторжения «русских» такого хлеба практически не было. А 1 марта меня пригласил в свою пекарню Вадим Сегал и угостил настоящим чёрным хлебом. Первый блин получился комом. Пекарня, если мне не изменяет память, вскорости прогорела. Но начало было положено. Через несколько лет хоть бородинский, хоть орловский — всё появилось. Законы рынка: спрос рождает предложение. Если рынку, конечно, не мешать.

.....
Многие продолжения имела первая встреча с руководителями авиакомпании «Трансаэро» А.П.Плешаковым и Г.А.Гуртовым, состоявшаяся 7 марта.

«Трансаэро» — частная компания, возникшая в результате перестроечного развала «Аэрофлота». Она появилась в небе Израиля 5 ноября 1991 года. Под своим флагом, но ещё в сотрудничестве с «Аэрофлотом». Потом это сотрудничество распадалось, возобновлялось и вновь распадалось. Причём, на мой взгляд, «Аэрофлот» часто вёл себя отнюдь не по-джентльменски.

В октябре 1992 года «Трансаэро», конкурируя с «Аэрофлотом», выиграла тендер на регулярные рейсы в Израиль. И к лучшему. Представительство «Трансаэро» открылось в Тель-Авиве в марте 1994 года. Частный бизнес демонстрировал свои преимущества. Вот, например, что писала Яна Судакова в газете «Время»: «Те, у кого ещё не изгладились из памяти воспоминания о «ненавязчивом сервисе» и «мягкой» предупредительности работников «Аэрофлота», были бы приятно удивлены переменами, происшедшими с российскими авиаторами. Среди многих причин положительные изменения не в последнюю очередь объясняются конкуренцией...

Недавно российская независимая авиакомпания сделала решительный шаг к более высокому уровню обслуживания евреев. На борту самолёта теперь звучат объявления на иврите, а пассажирам подаёт-

ся, естественно, по желанию, кошерная пища». От себя замечу, что и не кошерная пища — на высоте.

«Трансаэро» повезло. Её Генеральный представитель в Израиле **Яков Кричевский** — прекрасный человек и великолепный работник. Плюс (большой плюс!) — человек высокой культуры. Мы стали с ним друзьями. Ему помогает сын — **Борис**. Его организованность, чёткость, обязательность — важные слагаемые популярности «Трансаэро». Тот случай, когда «семейственность» не вредит. Но для тех, кто приезжает в аэропорт, главное лицо в «Трансаэро» это, несомненно, **Рути**. Там ведь масса маеты: багаж (перевес!), безопасность (перевод!) и т.д., и т.п. Рути как добрая фея всем помогает...

Хлопоты причинял «Аэрофлот», руководство которого правдами, а больше неправдами пыталось пересмотреть итоги конкурса 1992 года. В начале 1996 года лично маршал Шапошников прибыл в Израиль пробывать «второго официального перевозчика». Визит был как бы самостоятельным. Посольство не было поставлено в известность. Шапошников, как бывший лётчик, даже пробился к президенту Вейцману, тоже бывшему лётчику. Но самостоятельность в таких делах мало помогает. Маршал уехал ни с чем.

Сложности возникали и в отношениях между «Трансаэро» и израильской авиакомпанией «Эл Ал». Иногда израильтяне делали мелкие пакости. О сути проблемы рассказывает газете «Время» (11.7.1996) Борис Кричевский: «Государственная авиакомпания «Эл Ал» обладает всеми недостатками предприятия такого рода. Сверху донизу её штат укомплектован «квюточками»¹, которых никак нельзя сдвинуть с места. Защищённые огромными компенсациями, которые причитаются им в случае увольнения, эти люди могут позволить себе работать кое-как. Оттого рейсы, которые выполняет «Эл Ал», далеко не всегда оставляют у пассажиров восторженные воспоминания. К тому же необходимость содержать искусственно раздутый штат отражается на стоимости услуг, которые оказывает компания. В результате «Эл Ал» заканчивает год с многомиллионными убытками....

Не стоит забывать и о том, что люди, входящие в совет директоров «Эл Ал», занимали (и занимают) не последнее место на ступенях иерархической лестницы. Боевые лётчики, честь и слава Израиля, они снова ведут бой, но на сей раз — за свои должности и привиле-

¹ Квюточник — это служащий, имеющий **квюют**, т.е. его можно уволить только после очень сложной административно-профсоюзной процедуры. Практически квюют — это право на неувольнение. Когда-то квюют считался важным завоеванием наёмных работников. Теперь же он во многих случаях стал формой защиты бездельников с большим стажем. С квюютом борются те, кто его не имеет. Но как только человек получает квюют, он становится его яростным защитником.

гии. А для этого им надо «доказать», что никакие «Трансаэро» не могут сравниться с компанией, которую они возглавляют».

Разумеется, «Трансаэро» обладала не только плюсами, но и минусами. Самый главный минус — частые нарушения расписания, опаздывают вылеты, опаздывают прилёты. Причины, как всегда, «объективные». Но ведь пассажирам от этого не легче. В конце 1996 года компания вознамерилась отметить 5-летний юбилей. По этому поводу меня попросили написать «несколько слов». Сочинил следующее: «Я не очень убеждён, что 5-летие (если, конечно, это не 5-летие внука) стоит принимать всерьёз и называть «юбилеем». Но ежели руководство «Трансаэро» решило праздновать, то мне остаётся только поздравить юбиляра и — особенно — моих друзей Якова и Бориса Кричевских со славной датой.

Как пассажир, как встречающий и провожающий настоятельно прошу «трансаэровцев» постараться, чтобы к следующему юбилею (а лучше — и раньше) самолёты «Трансаэро» взлетали и прилетали вовремя». Написать-то я написал, да вот трансаэровская цензура не пропустила. Дружба — дружбой, а критика — врозь...

В общем, мне пришлось с переменным успехом защищать «Трансаэро» от нападок с разных сторон. Но где я совершенно не преуспел, так это в попытках убедить свой родной МИД, что «Трансаэро» существует и удобнее летать в Израиль самолётами «Трансаэро». Приведу две мои жалобные бумаги.

Первая (июнь 1994 года). Из Москвы в Тель-Авив летает «Трансаэро». Однако до сих пор МИД РФ не заключил коммерческое соглашение с этой компанией. В результате многие сотрудники вынуждены летать через Кипр, что неудобно и невыгодно. Руководство «Трансаэро» утверждает, что оно готово подписать соответствующее соглашение со всеми льготами. Проект такого соглашения находится в МИДе. Очень прошу ускорить рассмотрение этого вопроса и положительно решить его.

Вторая (май 1995 года). Пишу конкретно заместителю министра Б.Н.Пастухову. Неоднократно обращался я в МИД с просьбой заключить соглашение с «Трансаэро»... Но никакого движения нет. Правда, начальство уже научилось пользоваться «Трансаэро». Однако «рядовых» сотрудников продолжают направлять через Кипр. И уже совсем удивительно, когда дипкурьеры, направляющиеся в Тель-Авив, будут делать пересадку в Ларнаке. Возможно, я чего-то не знаю или не понимаю. В таком случае прошу объяснить: что же всё-таки происходит? Почему мы продолжаем усложнять жизнь наших сотрудников и их семей, отказываясь пользоваться услугами «Трансаэро»?

Я, конечно, лукавил. Всё было понятно. МИД шёл на поводу у своего традиционного партнёра — «Аэрофлота», который явно не

хотел «дипломатического» признания «Трансаэро». Материально МИД при этом терял больше, чем «Трансаэро». Но, видимо, у «Аэрофлота» была мощная политическая поддержка.

Чтобы отвязаться от меня, в конце концов сообщили: в соглашении с «Аэрофлотом» есть статья, препятствующая заключению аналогичных соглашений с другими авиакомпаниями¹. Раздобыл соглашение, подписанное 6 мая 1996 года Генеральным директором ОАО «Аэрофлот — российские международные авиалинии» Е.И.Шапошниковым и заместителем министра иностранных дел РФ И.А.Кузнецовым. Статьи, которая бы препятствовала, не обнаружил.

Вся эта история оставила какой-то неприятный осадок. Стыдно было за своё же изворачивающееся и обманывающее начальство...

Прошло более двух лет. В декабре 1998 года мой мидовский знакомый летел в Тель-Авив. Как прежде. Пересадка в Ларнаке — с детьми и багажом. «Аэрофлот» не сдаётся. Жаль, что сдаётся МИД².

.....

9 марта скончался Менахем Бегин, одна из наиболее ярких политических фигур в Израиле. Его называли «террорист № 1», и он соглашался с этим. Но он же подписал мир, возвратил Синай Египту и, тем самым, положил начало мирному процессу. Первый в Израиле лауреат Нобелевской премии мира.

Бегин родился в 1913 году в Брест-Литовске. Возглавлял сионистскую молодёжную организацию («Бейтар») в Польше. В 1940 году был приговорён к 8 годам исправительно-трудовых работ и отправлен в один из лагерей Печорлага. Как польский гражданин, получил разрешение вступить в армию генерала Андерса и покинуть Советский Союз. В 1942 году прибыл в Палестину, где вскоре возглавил подпольную еврейскую военную организацию ЭЦЕЛ (англичане давали 5000 фунтов за выдачу Бегина). После создания Государства Израиль, находился в оппозиции социалистическим правительствам. Накануне Шестидневной войны вошел министром без портфеля в правительство национального единства. Потом — снова в оппозиции во главе блока Ликуд. В мае 1977 года Бегин сформировал первое в истории Израиля правое правительство. В качестве своего рода компенсации за уступки Египту Бегин выступил инициатором массивованного заселения Западного берега и Газы. По приказу Бегина в июне 1981 года израильские ВВС уничтожили ядерный реактор возле Багдада. В

¹ Соглашения между МИДом и «Аэрофлотом» предусматривают взаимные льготы. «Аэрофлот» предоставляет значительные скидки на билеты и сверхнормативный багаж. МИД гарантирует, в частности, бесплатное консульское обслуживание, упрощённую процедуру выдачи загранпаспортов, содействие в приобретении и регистрации автотранспорта. Понятно, что «Аэрофлот» держался за свою монополию.

² См. дополнение 3.

июне 1982 года правительство Бегина начало ливанскую войну (операция «Мир Галилее»). Бегин тяжело переживал раскол в израильском обществе, вызванный войной в Ливане. В августе 1983 года он подал в отставку. И до самой смерти избегал занятий политикой.

Похороны Бегина — по его завещанию — не имели характера государственной церемонии.

.....
10 марта. Купили и водворили мне на стол первый компьютер. Начал осваивать и радоваться. Но, как оказалось несколько позже, когда мы нацелились на дальнейшее «техническое перевооружение», радость была преждевременной. «Не имела баба хлопот, так купила поросю». Из Москвы сообщили: 1) желательно приобретать компьютеры в России, 2) компьютеры, купленные на месте, нельзя эксплуатировать, пока их не проверит команда из Москвы, и 3) запрещено устанавливать компьютеры в «рабочей зоне», то есть в кабинетах дипломатов.

Догадливый читатель, надеюсь, уже понял, что речь шла о бдительности. Как бы всемогущие израильские спецслужбы не получили возможность считывать информацию с наших машин. Теоретически опасения оправданны. Но практически, если следовать указаниям, значит обречь себя на работу по старинке. Потому, во-первых, что нужны компьютеры именно в «рабочей зоне». Потому, во-вторых, что проверяльщики из Москвы не приедут тогда, когда это нужно посольству. И потому, в-третьих, что у МИДа нет денег, чтобы купить нам компьютеры.

После долгих переживаний и колебаний (боязно не слушаться начальства) был всё-таки выбран путь технического прогресса. «При том понимании», что действительно секретная информация будет храниться не в компьютерах, а в головах и сейфах. Так и жили.

Что же касается компьютерного обеспечения консульства и нашей бухгалтерии, то тут поддержка и помощь МИДа заслуживает только благодарности.

.....
12 марта прилетела Лена Петровна (имя — по паспорту, не Елена, а именно Лена, в честь реки). Во время своих журналистских скитаний я побывал в десятках посольств. И видел, какую важную роль для атмосферы в коллективе играет «фактор послыхи». К сожалению, нередко — отрицательную роль. Чересчур властные, не слишком обременённые интеллигентностью дамы энергично вмешиваются в посольские дела, создают водовороты пересудов, сплетен, интриг. Стенания по этому поводу мне приходилось выслушивать не раз. Став послом, я решил свести указанный фактор к минимуму.

Мне повезло. Лена Петровна по природе своей далека от каких бы то ни было властных функций. Завхозом, правда, «руководила», ког-

да возникали какие-то проблемы в резиденции. Поваром не могла руководить, поскольку его не было. От повара мы с Петровной отказались. Мы не привыкли к тому, чтобы посторонний человек всегда находился рядом, в доме. Тем более, что мелочёвку всякую мы сами могли готовить. Когда приёмы, выручали сотрудники посольства. А на ставку повара трудоустроили пару человек. На половину такой ставки раз в неделю приезжала жена шофера — сначала Вера Ивановна Зубанова, потом Валя Гашешенкова, помогали наводить чистоту, со-о-ружали обед на несколько дней.

Поначалу Петровне пришлось трудно. Приёмы — основная форма общения в дипломатическом корпусе — её не интересовали. С дипломатическими дамами ей было говорить не о чем. Посольские дамы жили своей, тоже не очень близкой ей жизнью. Я уезжал на работу — она оставалась одна. Беда ещё в том, что Савьон далеко от Тель-Авива. Там — людные улицы, магазины, море, музеи. Тут — безлюдье и тишина пригорода. Жена несколько раз говорила: зачем нам Савьон, давай переберёмся в город. Вроде бы заманчиво. С точки зрения частной жизни. А жизнь посольская требовала пространства, чтобы можно было собрать не один десяток гостей. Так что остались в Савьоне. Выручали Петровну книги. Читала запоем. И постепенно обрастала друзьями. Литераторы, журналисты, художники, артисты, вообще интеллигентный люд из «русских». Ожила Лена Петровна. Было о чём поговорить...

На какой-то из дружеских посиделок меня познакомили с «выдающимся экстрасенсом» (он же — «целитель»). Тогда их ещё было мало в Израиле. Но по мере увеличения и обживания «русской алии» желающих заработать на олимовских хворостях и доверчивости становилось всё больше и больше. Я высказался в довольно скептическом духе. Тогда целитель пригласил меня в гости и обещал продемонстрировать свою целительскую силу. Я принял приглашение («старый дурак», — прокомментировала Петровна). Но мне было любопытно. Через неделю пришел. Разговорились. Маг оказался почти универсальным. Берёт за процедуру («типуль» на иврите) 50 долларов. В зависимости от болезни назначает оптимальное количество типулей. Уверенно гарантирует результат. И тут мне в голову приходит грандиозная мысль. Согласен, говорю, заплатить в два раза больше. Но только буду платить не за типули, а за результат. Скажем, требуется 10 процедур. Хорошо. Давайте согласуем объективный критерий оценки результата — и вперед! Но если результата не будет, не будет и денег. Целитель не принял мою идею. Платить надо за каждый типуль. На том и расстались.

После этого встречался со многими экстрасенсами. И все держались за типуль. Только одна решительная экстрасенша (биоэнерге-

тик, — как она себя именovala) рискнула. Но переоценила свои силы. Я всё-таки расплатился с ней. Ужином с морскими гадами.

Экстрасенсы, целители — это, если угодно, частность, один из элементов богатого парапсихологического пейзажа, который образуется из телепатии, ясновидения, телекинеза, левитации. Где-то рядом густая поросль магов и колдунов. В принципе еврейская религия далеко не благосклонна к такого рода занятиям. «Мерзостью» называет Тора занятия, которым предаются кудесники, гадатели, колдуны, заклинатели, знахари, вызывающие духов и вопрошающие мёртвых. Да и астрологи были не в почёте.

Другие времена — другие нравы. Не знаю, что делалось в Израиле раньше, но с начала 90-х годов волна иррационализма, поднявшаяся в России, накрыла Израиль. Астрологов, предсказателей всяких и прочей «мерзости» теперь — хоть пруд пруди. Большинство из «русских». Есть и свои, местные. Не Нострадамусы, конечно, но всё же... Приведу два примера.

Август 1993 года. «Астрологический прогноз» для Израиля делает Людмила Дубицкая («известный в СНГ астролог», как представила её пресса). «Эпоха расцвета страны, — утверждает она, — при благоприятном стечении обстоятельств наступит в 1998 году. Эта дата — вершина пика творческой энергии общества, когда страна засияет вновь рождёнными талантами... Новые репатрианты поднимутся на невиданную для себя высоту, достигнут успеха в различных сферах».

Октябрь 1996 года. Прогнозирует Марк Абрамóвич («иерусалимец, целитель, предсказатель, специалист по индийской философии и каббале», — сообщает газета). По его мнению, в 1996-1998 годах Израиль ожидают землетрясения, резкие перепады погоды, понижение уровня Кинерета, частые появления НЛО. В 1997 году начнётся война с Сирией. Деятельность левых партий и движений примет явно подрывной характер. В конце 1997 года произойдёт покушение на премьер-министра.

Прошел 1998 год. Ни «пика» творческой энергии, ни землетрясений, ни наплыва НЛО израильтяне не заметили. Не было войны. Не было покушения. Правда, Дубицкая может сослаться на свою оговорку о «благоприятном стечении обстоятельств». Не было «стечения», и всё тут... Но эта маленькая хитрость обесценивает весь прогноз. А у Абрамóвича даже оговорки нет. Вот такая астрология.

В сентябре 1996 года в газете «Вести-2» появились «Заметки оккультного потребителя», автором которых был неплохой журналист и мой знакомый Антон Носик (теперь он — снова в Москве). Я, писал Носик, не увлекаюсь оккультизмом. Пусть оккультисты — сами по себе, а я — сам по себе. «Однако вот в чём беда: сами оккультные науки — во главе с астрологией, но ею не ограничась — рвутся в мой дом и в мою жизнь. Они наполняют страницы газет, волны теле- и

радиоэфира, расползаются по книжным прилавкам, пытаются управлять течением жизни моих падких на мистику знакомых. Окультистские науки борются за власть — не номинальную, а самую что ни на есть практическую — над обществом и индивидуумом... И тут уже, — признаётся Носик, — хочется мне сказать, глядя на небывалую эту тусовку в средствах массовой информации: шарлатанство это всё, господа. Не потому шарлатанство, что я не верю в мистический способ познания, а потому, что цель нынешней оккультной экспансии не имеет ничего общего с познанием истины. Зато имеет массу общего с отъёмом денежных средств у легковерных граждан, с борьбой интересантов за социальный статус, влияние и власть».

Слаётся, что так происходит не только на Земле Обетованной...

Я по натуре — скептик. Согласен с Носиком. И всё-таки хочется чуда. Скучно как-то, пресно без чудес. Поэтому приглашал в гости заезжих знаменитостей — Юрия Лонго, Ивана Огнёва, Евгения Дубицкого — и просил их: пожалуйста, сотворите чудо, пусть маленькое, но чудо; не там, на сцене, в полном зале, а здесь, за столом, где мы сидим... Не получалось чуда.

Помню ещё такой случай. Сидел я однажды в ресторации под названием «Баку». Сидел грустный — колено болело. На столе стоял потный графинчик. И тут появился Огнёв. Сейчас, сказал, заговорю, заряду графинчик, выпьете и как рукой снимет. Ну, полный Чумак. Выпил я, конечно. Толку не было.

Мораль ясна: не стоит тратить родные деньги, если их куры всё-таки клюют, на экстрасенсов, колдунов и прочих парапсихологов. Поговорить с ними интересно. Только бесплатно. А избавиться от денег можно и другими, более разумными способами. И ещё удовольствие получить.

.....
19 марта был приглашен к начальнику военной разведки генералу Ури Саги. Генерал оказался приветливым, умным человеком. Навалился он на меня по поводу Ирана. С тревогой говорил о российских учёных и инженерах-атомщиках, помогающих создавать атомную бомбу Ирану, который претендует на статус «мини-супердержавы» региона. В этом же контексте упоминались Сирия, Ирак, Ливия. Говорил долго и напористо. Разговор был для меня неожиданным, я не был к нему готов, не располагал никакими конкретными данными. И я сделал чисто журналистский ход. Да, ответил я генералу, меня тоже тревожит, что 4 наших атомщика работают в Ливии, 5 — в Бразилии, по 3, кажется, — в Иране и Ираке. Но ещё больше меня тревожит, что 37 наших атомщиков трудятся в Димоне¹. Саги помолчал, усмехнулся, и мы заговорили о чём-то другом.

¹ В Димоне находится израильский атомный реактор.

В этот день я ещё не знал, что иранская тема (и в ядерном, и в ракетном вариантах), равно как и тема военно-технического сотрудничества с Сирией будут преследовать меня все пять с лишним лет в Израиле. В разных ракурсах, под разными соусами эти темы поднимались почти в каждой беседе с израильскими лидерами. Май 1997 года. Прощальный визит к директору Мосада генералу Д.Ятому. И на прощанье снова — Россия и Иран. И что бы я ни говорил все пять лет, какие бы аргументы ни выдвигал, мои собеседники внимательно слушали, но оставались при своём мнении. Они просто не верили мне, не верили тому, в чём уверяла их Москва.

Суть моих рассуждений, если говорить коротко, можно представить таким образом. Россия руководствуется своими интересами. Эти интересы включают поддержание нормальных, желательно хороших отношений с соседями. Учитывается, разумеется, и экономическая выгода. Поэтому мы помогаем Ирану создавать ядерную энергетику, строим легководородные реакторы для АЭС в Бушире. Поэтому не исключается и военно-техническое сотрудничество с Сирией.

Но каждая конкретная акция не должна противоречить нашей общей линии на поддержание и укрепление стабильной обстановки на Ближнем и Среднем Востоке. Россия, как и Израиль, не заинтересована в ядерном вооружении Ирана. Контроль МАГАТЭ обязателен. А там, где мы работаем, мы и сами можем контролировать положение дел. Если мы уйдём, найдутся другие помощники. Но тогда уже мы не сможем влиять на развитие событий. Вряд ли это выгодно Израилю. Что же касается возможных поставок боевой техники и оружия в страны региона, они, по нашим оценкам, не должны нарушать существующий баланс сил. Такова политика России. Допускаю, что отдельные российские учёные, инженеры, даже научные структуры принимают участие в проектах сомнительного свойства. Что поделаешь — издержки свободы. Мы бы, наверное, получили интересные результаты, если бы захотели узнать, где и над чем работают «отдельные израильцы»....

Занятная деталь. Мои собеседники часто ставили вопрос так. В Иране полно нефти и газа. Значит, АЭС нужна им не для получения энергии, а для подготовки к созданию ядерного оружия. Вроде бы логично. Но ещё шах Ирана инициировал программу строительства 23 АЭС. И это не вызвало никаких причитаний. Ибо понимали: логика шаха направлена не на получение ядерного оружия (хотя в принципе это не исключалось), а на то, чтобы прекратить варварское растраниживание невозобновимых ресурсов.

Тысячу и один раз всё это повторялось. Тщетно. В Иерусалиме предполагали, что если есть возможность сделать пакость Израилю, да

ещё и заработать на этом, то Россия такую пакость не преминет сделать. Или потребует отступного.

Последняя тема была разыграна в связи с очередным шумом из-за продажи Россией «ракетных технологий» Ирану. 31 марта 1997 года газета «Гаарец» сообщила читателям: «Во время переговоров с Б.Нетаньяху в Москве Б.Ельцин признал, что Россия действительно подписала с Ираном контракт на поставку технологий для производства баллистических ракет средней дальности СС-4 класса «Земля-Земля». Об этом сообщил вчера источник в израильском правительстве. Вместе с тем Б.Ельцин заявил Б.Нетаньяху, что Москва готова аннулировать контракт в том случае, если Израиль сможет изыскать для России солидные финансовые компенсации.

Таким образом, Россия впервые признала, что дала согласие на продажу ракетных технологий Ирану. Ранее русские на самом высоком уровне опровергали все сообщения о предполагаемой сделке...

Признание Б.Ельцина, сделанное им Б.Нетаньяху, ставит Израиль перед дилеммой, подобной той, которая стояла перед ним несколько лет назад. Тогда Северная Корея обратилась к Израилю с посланием, где говорилось, что она готова аннулировать уже подготовленный контракт с Ираном, если получит компенсацию от Израиля. И.Рабин, который тогда занимал пост премьер-министра, отказался платить какие-либо компенсации. Он заявил, что Израиль не поддастся шантажу со стороны других государств, которые грозятся продавать оружие Ирану или другим экстремистским режимам и требуют с Израиля денежных компенсаций за отказ от продажи».

2 апреля я направил главному редактору «Гаареца» письмо. «В Вашей газете от 31.03.97 г., — писал я, — помещена статья Д.Маковски. Прошу Вас сообщить читателям газеты, что Д.Маковски их обманул. Ельцин не говорил Нетаньяху, что Россия заключила с Ираном соглашение по ракетам СС-4. И, соответственно, ни о какой компенсации не было и речи». Не напечатали.

.....
Раз уж я попал в военную разведку, несколько слов об израильских спецслужбах.

Разведывательное сообщество Израиля включает в себя пять основных структур.

Мосад (полное наименование: «Учреждение по разведывательной деятельности и выполнению особых поручений») — занимается внешней разведкой и спецоперациями за рубежом (приблизительно — СВР).

ШАБАК (или — Шин Бет) — занимается контрразведкой, плюс — служба безопасности (тоже приблизительно — ФСБ).

Мосад и ШАБАК взаимодействуют со своими российскими аналогами. Начальники ездят друг к другу в гости.

АМАН — военная разведка (аналог нашего ГРУ). Если Мосад может действовать в любой точке мира, то сфера деятельности АМАНа ограничена соседними арабскими странами.

Разведывательный отдел в МИДе — институт политических исследований и планирования.

Разведывательное управление (отдел специального назначения) в полиции — ориентировано на борьбу с террористами, но не только.

Об израильской разведке ходит много легенд. Наверное, заслуженно. Однако наши «конкурирующие фирмы» считают, что по части собственно разведки израильтяне не на первых местах. Но вот спецоперации — это их стихия. Не могу судить. Знаю только, что в последнее время не везло израильтянам как раз со спецоперациями. В сентябре 1997 года в Аммане провалилось покушение на одного из лидеров Хамаса. В феврале 1998 года израильтяне попались в Берне, когда они пытались установить прослушивающую аппаратуру в иранском посольстве. В результате был отправлен в отставку начальник Мосада генерал Дани Ятом.

Долгое время имена начальников Мосада и ШАБАКа были засекречены. То есть их знали все, кому надо и даже кому не надо, но в печати их упоминать было нельзя. Сейчас уже можно.

.....
Политика делается в прозе. Но иногда попадает в стихи. В израильских СМИ прошла серия сообщений (ложных, разумеется) о том, что Россия продаёт Сирии ракеты и боевые самолёты. Все нервничали. Известная в «русском» Израиле поэтесса Евгения Гай прислала мне стихи «Не убивай меня, Россия!» и просила передать их Ельцину. Отправил с диппочтой. Не знаю, получил ли президент эти стихи. Думаю, что нет. А они заслуживают внимания.

Не убивай меня, Россия,
Давай расстанемся красиво,
Как подобает меж людьми,
Кто знал мгновения любви.
Ты помнишь, в августе недавнем,
Проигрывая в силе явно,
С одним оружием правоты
Мы шли, куда позвала ты,
С пайковой сволочью борясь.
На нас тогда ты оперлась.
«Свои»... «Чужие»... Гибель милых
Связала всех в один удел.
На кровью политых могилах
Священник пел и кантор пел.
На этих днях, ещё не прошлых,
Клялись о благе, не о зле.
Неужто нет обетов прочных
И слов нелживых на земле?

Не убивай меня, Россия,
Давай расстанемся красиво,
Чтоб оказалось, это — сказка,
Досужий плод пустой молвы...
С площадок стартовых Дамаска
На берега, теперь — мои,
Хотя б в святую память лета,
Когда мы были на посту,
Пусть не целятся ракеты
С российской меткой на борту!

Такие вот стихи. Печальные. Проникновенные. Трудно было представлять страну, которую и любят, и боятся. Трудно не в дипломатическом плане — в человеческом.

.....
Завершу мартовские иды не совсем обычным письмом. Оно было опубликовано 17 марта в газете «Время» под заголовком: «Вы забываетесь, господин посол». Привожу полностью.

«В конце прошлой недели в газетах появилось сообщение о новом демарше посла России в Израиле г-на Бовина. Надо сказать, что с момента своего появления в нашей стране Господин Посол демонстрирует в высшей степени нетрадиционное понимание дипломатического этикета: уже в день своего вступления в должность, вместо того, чтобы поблагодарить за честь, оказанную ему благосклонным приёмом в израильском обществе, и выразить хотя бы тень сожаления по поводу ущерба, который в течение многих лет причиняла Израилю представляемая им страна, Господин Посол встал в характерную для русского литератора позу моралиста, предъявляющего разные требования и «нашим» и «вашим», и начал нас обучать нравственности, ставя перспективы связей с его разваливающимся государством в зависимость от ухода Израиля из Иудеи, Самарии и Газы.

Натан Щаранский в статье, опубликованной во «Времени», в высшей степени изящно и деликатно указал ему на неуместность такой манеры, но, видимо, понят не был. Свидетельство тому — поведение Господина Посла на приеме у министра абсорбции раввина Ицхака Переца 4 марта, ввергшее израильского министра, по сообщению газеты «Ходашот», в «полный шок». Рава Переца можно понять: забыв свои собственные слова, сказанные за минуту до того, о том, что он не имеет права вмешиваться во внутренние дела Государства Израиль, Господин Посол сообщил ему, что «в Москве полагают, что, несмотря на трудности, можно было сделать что-то, чтобы абсорбция сотен тысяч людей была более лёгкой». Простите, Господин Посол, Вы, что, полагаете, что Иерусалим — это Биробиджан, а Вы сами — инспектор Москвы в Еврейской Автономной области? Или гигантская волна алии подхватила и Вас, и Вы, совершив «внутрен-

нюю алию», уже чувствуете себя участником движения «Ам эхад» («Единый народ» на иврите. — А.Б.)? Не правда ли, какое трогательное единство — господин Орловский печатает свои антиизраильские заметки в Москве, на страницах «Известий», а бывший политический обозреватель этой газеты, ныне проживающий в Израиле, ополчается на министра абсорбции в Иерусалиме. Но в том-то и дело, Господин Посол, что Вы — не гражданин Израйля, и мы, граждане Израйля, недвусмысленно просим Вас *уважать суверенитет нашей страны*.

Вы утверждаете, что Вы «как русский посол обязаны заботиться о гражданах России, живущих в Израиле». Действительно, это обязанность каждого посла, коль скоро оные граждане к нему обращаются. Но хлопотать о них по роду своей службы, Господин Посол, Вы должны перед своим правительством, а не перед нашим. Вы представляете здесь страну, которая не только не даёт возможность своим гражданам вывезти имущество и сбережения, но и сдирает с них три шкуры за свой заграничный паспорт. Вы представляете страну, которая при выезде из неё обкрадывает не только стариков-тружеников, но и своих защитников — ветеранов и инвалидов войны, лишая их пенсии. Вы представляете страну, которая снабжала и продолжает снабжать оружием террористов и поддерживающие их режимы, — «скады» и «катюши» (родные звучания, не так ли?). Вы за них в ответе, Господин Посол бывшего Советского Союза и нынешней России. И за тяжёлое положение олим в значительной мере тоже в ответе Вы — как официальный представитель страны, которая десятки лет держала своих граждан на запоре и клеветала на Израиль, дезинформируя своих граждан-евреев. Если не эта политика, поток алии тёк бы все эти годы со скоростью, которая не потребовала бы у нашего маленького и бедного государства напряжения всех сил для того, чтобы абсорбировать их.

Что же касается граждан России, обращающихся к Вам с просьбой помочь, — помогите им! Обратитесь к властям России, к русской диаспоре, организуйте движение помощи «олим-хадашим ле-Русия» — но они почему-то просят Вас обращаться к израильским властям — почему бы это, Господин Посол? Лично я этих людей не понимаю. Хотя в Израиле меньше года, но когда я покидала Вашу страну, нас незаконно лишали гражданства автоматически (не забывая содрать с нас за этот автоматизм кругленькую сумму) — и я ждала этого момента с нетерпением. Ведь пока я была гражданином Вашей страны, я была ответственна за Ваши «скады», Ваши «катюши», Вашу двойную мораль. Я понимала, что в ОВИРе мне не дадут самой разорвать мой паспорт, но я очень надеялась, что увижу, как его рвёт чиновни-

ца ОВИРа. Увы, я была разочарована — она аккуратно поставила его в какую-то картотеку — неужели и нас «хранить вечно»? Как бы то ни было, с того момента я не в ответе за то, что делают граждане и официальные представители этой страны, как бы она ни называла себя — СССР, СНГ, Россия. И когда я читаю о Ваших, мягко скажем, бестактностях, я не краснею от стыда, а спокойно говорю Вам: «Вы забываетесь, Господин Посол».

Алана Рахмиэль, Иерусалим».

К сожалению, от стыда приходилось краснеть мне. И перед ветераном труда, которого лишили пенсии. И перед фронтовиком, у которого отняли ордена. И перед всеми, кого обирала бессовестная власть. Кое-что потом удалось поправить. Но — в отличие от закона — обида имеет обратную силу. Что же касается моих «бестактностей», то тут должно быть стыдно израильским журналистам. Упаковка, в которой они часто преподносили мои слова, вполне могла настроить на эпистолярный лад...

.....
Культура в марте. Как всегда, на высоте был Юрский. — Огорчили пошлые шутки Задорнова. — Милая беседа с Натальей Сац. — Блестящие «Розенкранц и Гиндерлин» в «русском» театре «Гешер». — Обычная Лайма Вайкуле.

АПРЕЛЬ-92

*В Каире — Хождение по МИДу — «Соседи» — Руцкой в Израиле —
— Помогаю Кобзону вызволять из тюрьмы Калмановича*

Апрель начался с поездки в Каир. Управившись с почтой, превратился в туриста. Каир производит впечатление огромной мощи, силы. Но силы ещё не организованной, стихийной. Как и везде на Востоке — контрасты роскоши и бедности, завтрашнего дня и дня позавчерашнего. Людские толпы. Кричащие рекламы. Плохо управляемые потоки машин. Скульптурные и всякие иные напоминания о прошлом величии Египта¹.

Пирамиды, Сфинкс вблизи выглядят не так импозантно, как на картинках. Для камней время — не доктор. Общий торжественный, даже трепетный настрой, с которым едешь к пирамидам, снижается уймищей туристов, унылыми взглядами обслуживающих их верблюдов и непрерывными требованиями «бакшиша».

Самое грандиозное впечатление — Каирский музей. Другая цивилизация смотрит на тебя... Другое мироощущение, другое восприятие времени и пространства, другое понимание предназначения человека могли создать этот мир каменных изваяний, странных рисунков, мир мумий и саркофагов. Многие экспозиции пока беспомощны, примитивны, всё как бы навалом. Особенно, когда сравниваешь с залами Британского музея. Но этого навала, всего, что осталось в Египте после англичан и прочих любителей древностей, хватит на десятки богатейших музеев.

¹ Каждый «турист» видит то, что он хочет увидеть, то, что он уже «знает». Вот что увидел Р. Эйтан, начальник Генерального штаба: «Египет, таково моё впечатление, изменить невозможно. Каир никогда не будет чистым городом. Никогда там телефоны не будут работать исправно. Никогда там не будет канализации...» Генерал был шокирован «текущими кранами в роскошном отеле, обоями, отклеивающимися от стен, грязью, гнилыми фруктами... на столе в ресторане отеля, безразличием и равнодушием простого египтянина, даже и не питающего надежду когда-нибудь одолеть насущные проблемы своей страны...» Выводы, которые сделал Эйтан из своих наблюдений, можно оспорить. Но не это важно. Израильтяне часто ссылаются на «менталитет» арабов, который мешает им найти общий язык с евреями. Рассуждения Эйтана представляют нам «менталитет» евреев. Стена ненависти, недоверия возводилась с обеих сторон.

Запомнились каирские мечети. Их много, и они разные. Но вот что одинаково. Когда на улице жара, там терпимо. Можно взять казённый коврик, прилечь где-нибудь под колонной и отдохнуть в прохладе, дарованной Аллахом. Что я и делал с удовольствием.

Съездили в Александрию. Море, солнце, пальмы. Байрам! Вся набережная запружена нарядными людьми. Большое, но практически пустое здание консульства с хорошим садом. Завидно стало. Нам бы такой домик. А здесь некого теперь обслуживать.

Жил в резиденции у посла — Полякова Владимира Порфирьевича. Настоящий карьерный дипломат. Всё вокруг чинно и благоговейно. Вечером повар спрашивает: что на завтрак? И утром торжественно вносит желанный омлет. О многом поговорили. Я старательно учился посольской мудрости. Хотя не уверен, что усвоил её.

.....
9 апреля вечером уже был в Москве. Для того, чтобы уладить кадровые и другие по первости неясные вопросы.

По кадрам главное — пробить хотя бы двух специалистов по Израюлю. Просил Татьяну Анисимовну Карасову и Валерия Владимировича Афиногенова из Института востоковедения. Знают Израиль. Знают иврит. Умные, контактные люди. Но МИД артачился. Своих, говорили, некуда девать, а ты чужих берёшь. Мне была понятна эта логика. Но и я артачился. Ведь «свои» — это арабисты. Толковые, знающие дипломаты, но десятилетиями воспитывавшиеся в духе борьбы с «сионистским образованием». И я боялся, что это воспитание, несмотря на новую ситуацию и новые ориентиры, будет сказываться на практической работе. В конце концов кадровики МИДа пошли мне навстречу. И не просчитались. И Карасова, и Афиногенов были в числе основной тягловой силы посольства. Не могу пожаловаться и на арабистов. Хотя на каких-то крутых поворотах, в ходе острых дискуссий иногда проскальзывали антиизраильские нотки. Не у всех, но всё же...

Другая кадровая проблема — это так называемые «соседи», то есть разведчики, работающие под крышей посольства¹. В принципе тут нет ничего необычного, особенного. В посольствах, если не всех государств, то уж всех «держав» точно, всегда есть и будут разведчики. Это входит в общепринятые правила дипломатической игры. Игроки стараются, само собой, присматривать друг за другом и не нарываться на скандалы. Работать профессионально, без проколов.

В былые времена советская разведка явно перебарщивала по части массовости. И как это ни странно — по части «открытости». Бывая в

¹ «Соседи» делятся на ближних и дальних. «Ближние» — это которые из КГБ, ибо МИД до переезда на Смоленскую площадь располагался рядом с Лубянской. Теперь штаб-квартира СВР вынесена за пределы Москвы, но «ближние» так и остались «ближними». Соответственно, «дальние» — это публика из ГРУ, военные разведчики.

посольствах, я всегда удивлялся: любой человек (шофер, врач, уборщица, не говоря уже о настоящих дипломатах или журналистах) был прекрасно осведомлён — кто есть ху. Или, наоборот, — ху есть кто. Предупреждали: с тем-то и тем-то язык не распускай. Но язык распускали другие и в других местах... Возможно, я ошибаюсь, но отсутствие «водонепроницаемых переборок» являлось причиной многих провалов и выдворений. Мне даже пришлось беседовать на эту шекотливую тему с двумя председателями КГБ — Ю.В.Андроповым и В.М.Чебриковым.

О некоторых особенностях былых времён рассказывает опытный дипломат Н.Т.Федоренко. Укоренение спецслужб в недрах дипломатических учреждений, считает Федоренко, обернулось поиском «особых отношений» с теми «товарищами из органов», от которых зависела судьба зарубежных сотрудников МИДа, да и других ведомств. При малейшем подозрении какого-либо сотрудника, скажем, в «аморалке» — хотя вообще-то это его личное дело — следовал донос в Москву, и провинившегося отзывали с «волчьим билетом».

Практически, добавлю от себя, «товарищи из органов», особенно — главные «товарищи», выступали как своего рода «комиссары» при послах, как «полиция нравов», хотя их собственные нравы не отличались особой строгостью.

Панкин за то недолгое время, пока он был министром иностранных дел, сумел вывести из-под дипломатической крыши довольно большое число работников спецслужб. «Я хорошо знал на собственном опыте, — писал Панкин в 1994 году, — что бывший КГБ злоупотреблял своим положением, силой и авторитетом. Наше посольство было переполнено «соседями». Причём, многие из них — малоквалифицированные люди, которых послали за рубеж по знакомству и которые вели себя так, как будто они хозяева. Я стремился ввести деятельность спецслужб в цивилизованные рамки, сократить их до пределов разумной достаточности, поставить под контроль правительства и общественности».

И хотя ведомства, руководствуясь корпоративными интересами и законом Паркинсона, стремятся восстановить свои позиции, их сдерживают как финансовые трудности, так, надеюсь, и усиление элементов здравого смысла. Ходят слухи, что Е.М.Примаков, будучи директором Службы внешней разведки, сделал следующее заявление: «Раньше улов тянули сетью, и Бог знает сколько мусора туда попадало. Настало время работать удочкой».

Итак, рыбаки с удочками. Пожалуйста. Важно, во-первых, чтобы они не были бездельниками и кляузниками. И чтобы удочки забрасывали не внутри посольства, а вне его. Важно, во-вторых, чтобы они знали своё место и, помимо «спецфункций», добросовестно выпол-

няли свои служебные обязанности. Важно, наконец, чтобы они брали не числом, а умением, были профессионалами высокого класса, а также «просто» порядочными людьми.

Вот с такими мыслями посетил руководителей СВР и ГРУ. Почитал бумаги, которые мои «рыбаки» шлют в Москву. Обсудили квоты и возможные замены.

Несколько дней бродил по мидовским коридорам. Впитывал аппаратную информацию. Утрясал штатное расписание.

На момент разрыва дипломатических отношений (июнь 1967 года) в штатном расписании посольства насчитывалось 20 оперативно-дипломатических работников и 16 — административно-технических. Для Генерального консульства было утверждено 15 оперативно-дипломатических работников и 17 административно-технических. Вот на этих цифрах, — несмотря на то, что настала эпоха великих сокращений, — я и пытался удержаться. Примерно год продолжалось перетягивание каната. Съезжали до 8 дипломатов. Но всё-таки здравый смысл заставил учесть специфику Израиля. 23 февраля 1993 года нам утвердили штатное расписание в количестве 38 единиц (17 дипломатов и 21 административно-технический работник). Даже лишку дали. Но мы об этом никому не сказали.

Поскольку приближался визит вице-президента России в Израиль, посетил **А.В.Руцкого**. Он произвёл впечатление энергичного, но какого-то сумбурного человека. Увлечённо говорил о сельском хозяйстве, коим тогда руководил. Радостно сообщил мне, что его мать — еврейка.

Единственное, чего я не смог сделать в Москве, — это встретиться со своим министром. Несколько раз стучался. А.В.Козырев был занят. Так и уехал, не солоно хлебавши. 22 вечером был в Тель-Авиве.

.....
Весь конец месяца — большая суeta, связанная с визитом Руцкого. Прежде всего необходимо разработать и согласовать программу визита. С кем встречаться, в каком составе, в какое время. Что посещать. Для супруги — отдельно. Размещение. Питание. Транспорт. И ещё множество всякой всячины. Всё нужно разложить по полочкам (место, время), выделить ответственных людей, чётко поставить задачи. С этой «штабной», как мы её называли, работой великолепно справлялся советник Виктор Юрьевич Смирнов.

Некоторые вещи решались на основе существующих протокольных шаблонов. Но нередко особенности ситуации, капризы визитёров, случайности разного рода выбивают из шаблонов, заставляют действовать не по стандарту.

Гораздо больше хлопот, чем сам визитёр, причиняла его многочисленная, как правило, свита. Энергичные, не очень обременённые

таким люди, напористые, если не сказать — нахальные, требовали повышенного к себе внимания, беспрерывно теребили, нервировали сотрудников посольства¹.

Хочу подчеркнуть, что к визиту Руцкого мои сетования не относятся. Тут я несколько опережаю события. Этот визит прошел относительно гладко. Посетили президента и премьер-министра, возложили венок, съездили в Хайфу, встретились с одним из «капитанов» израильского бизнеса Ш.Айзенбергом. Единственный прокол — Руцкий приехал к Шамиру не в 8.15, как было положено, а в 8.45. Говорили, что супруга его никак не могла выбрать подходящее платье.

Израильтяне, несмотря на жёсткий цейтнот, сумели обеспечить ёмкую, политически насыщенную программу. Беседы с израильским руководством, включая лидеров оппозиции, показали, что при любых результатах июньских выборов Иерусалим будет ориентироваться на формирование устойчивых, рассчитанных на далёкую перспективу отношений с Москвой.

Большое впечатление, по моим оценкам, произвели здесь заявления вице-президента об особом характере этих отношений как отношений между двумя «великими народами», которых объединяют не только геополитические факторы, но прежде всего наличие в Израиле более чем полумиллионной общины, связанной с русской историей, русской культурой, русским языком. Казалось, что в правящих кругах Израйла рассматривают визит Руцкого как свидетельство осознанного намерения российского руководства вывести российско-израильские отношения на новый уровень (тут я, к сожалению, ошибся).

Экономической стороной визита в основном занимался Шауль Айзенберг, один из крупнейших израильских предпринимателей, капиталы которого работают во многих странах мира. Поскольку экономика России разбалансирована, а сама Россия находится в зоне крупных коммерческих рисков, Айзенберг искал политические пути снижения рисков, своего рода политические точки опоры для экономического проникновения в Россию с минимальными возможными потерями. Что вполне совпадает с нашими интересами.

¹ Среди ненастоящих послов горбачёвского призыва был и ректор МАИ Юрий Алексеевич Рыжов. Наши впечатления совпали. «Самое суетное, — пишет он, — это, конечно, высокие визиты. У нас они проходили, по-моему, без особых нервов. За исключением приезда так называемых «групп подготовки». Это иногда десятки человек, приезжающих задолго до главы делегации, среди которых попадают довольно наглые чиновники, считающие, что им всё дозволено и что сотрудники посольства должны их бояться. С некоторыми приходилось даже поговорить, чтобы указать им их истинное место. Помогало». Действительно, помогало. Правда, слово «поговорить», которое употребил деликатный коллега, очень слабо передаёт характер и лексику воспитательной работы с «группами подготовки». Моей, — во всяком случае.

Следует отметить, что энтузиазм, приличествующий любому визиту на высоком уровне, сопровождался скептическими (правда, неофициальными) комментариями по поводу результативности экономической части визита. Дело в том, что до сих пор большинство «соглашений о намерениях» благополучно кануло в лету. И как правило по вине российской стороны. Не повторится ли такая история? — вот в чём вопрос и вот где основания для скептицизма. Если и на этот раз, когда намерения скреплены подписью российского вице-президента, дело дальше указанных намерений не пойдёт, мы окажемся не в лучшем положении (тут я, к сожалению, не ошибся).

После проводов вице-президента в посольстве состоялся «разбор операции». Было высказано мнение, что не все сотрудники были подключены к визиту, а надо подключать всех. Я не согласился с этим. Экономной должна быть не только экономика. Не следует устраивать авралов. Не надо всем стоять на ушах. Берём столько человек, сколько требует составленный нами же план визита. Остальные пусть работают в обычном режиме. И ещё. Уже за несколько дней до визита я заметил лихорадочный блеск в глазах дипломатов. Так не годится, сказал я. «Не нужно, чтобы глазки блестели» (беру в кавычки, так как эти слова вошли в посольский фольклор). Работаем спокойно. Чем лучше, чётче подготовка, тем меньше нервов.

Не всегда, к сожалению, так получалось. Но об этом речь впереди, впереди ещё много визитов...

.....
С визитом Руцкого связано моё подключение к кампании по освобождению Шабтая Калмановича. В чём тут дело?

Начну с Калмановича. Он приехал в Израиль в 1971 году из Каунаса с дипломом инженера по автоматизации химической промышленности. Но химией заниматься не стал, а поступил на подготовительное отделение Иерусалимского университета. Уже на следующий год стал, так сказать, политическим чернорабочим на подхвате у сильных мира сего. Независимо от их политической ориентации. С конца 70-х начал пробовать себя в строительном бизнесе. Дело пошло. Потом с помощью американских друзей оказывается в Африке — сначала Ботсвана, затем Сьерра-Леоне. Назначается торговым представителем Ботсваны в Израиле. Зарабатывает огромные деньги. Покупает замок в Каннах. Летает на собственном самолёте. Вращается в высших кругах, в том числе и Израиля. И — гром среди ясного неба! — 23 декабря 1987 года арестовывается как советский шпион.

В мае 1992 года, когда в печать проникли сведения о том, что Москва активизировала усилия, направленные на досрочное освобождение Калмановича, известный журналист Зеэв Бар-Ам писал: «Сегодня имя Калмановича ничего не говорит почти полумиллионному контин-

генту наших новых сограждан. А был он «звёздным мальчиком» алии 70-х годов, её символом, воплощением осуществлённой мечты, предметом особой гордости: знай, мол, наших! Тем единственным, кто сумел взойти на сияющую вершину финансового успеха и увидеть небо в алмазах. Его карьера ослепляла и завораживала. За 17 лет этот плейбой сумел создать финансовую империю с деловыми связями на трёх континентах. Все двери были перед ним распахнуты настежь. Политики и бизнесмены, военные и учёные, писатели и деятели культуры испытали на себе его обаяние. В отличие от Джеймса Бонда, он не отличался развитой мускулатурой, не поражал воображение присутствием духа и ледяным хладнокровием в экстремальных ситуациях. Зато он виртуозно играл на нервах и психологии. Он мог быть трезвым и расчётливым, хвастливым и циничным, запредельно откровенным и до умопомрачения лживым. И ещё он умел быть щедрым. Любил повторять: «Если я срываю солидный куш, то выигрывают все, кто меня окружает». Был он болтлив, неуравновешен, эгоцентричен. Чрезмерно любил женщин и всю ту роскошь, которую можно приобрести за большие деньги. «От него пахнет деньгами», — говорили о нём. И он, как мальчишка, хвастался своим богатством, вилами, связями. Свой «роллс-ройс», например, он купил у Чаушеску.

Если существует такое определение, как антишпион, то оно полностью подходит к Калмановичу. Слишком уж он привлекал к себе всеобщее внимание. А был он, по-видимому, не просто шпионом, а асом разведки. Может быть, даже гроссмейстером шпионажа». Возможно в этой характеристике излишек литературы. Но иначе нельзя — рассказ о шпионе не должен быть скучным.

В обвинительном заключении, которое было опубликовано 8 ноября 1993 года, говорится: «Обвиняемый вступал в контакты с агентами зарубежных спецслужб и передавал им секретную информацию, причиняя ущерб безопасности страны». Судебного процесса в привычном понимании этих слов не было. Послушаем обвиняемого: «Мой адвокат договорился с прокуратурой Израиля о так называемой юридической сделке: без суда, без предъявления доказательств, без показаний свидетелей мне дали 9 лет тюрьмы. Такая сделка между адвокатом и прокуратурой абсолютно законна... После торга адвокат пришел ко мне в тюрьму и произнёс: «Сейчас я тебе сделаю предложение, от которого у тебя останется неприятный осадок. Прокуратура готова осудить тебя на 9 лет. Если ты согласишься, то тебе всю оставшуюся жизнь будет казаться, что ты продешевил. Ты будешь думать, что если бы мы боролись и прошли все судебные инстанции, то смогли бы добиться, скажем, 7-летнего заключения. С другой стороны, если ты не согласишься на сделку и в результате получишь 11 лет, ты будешь всю оставшуюся жизнь жалеть, что не согласился».

Я не спал всю ночь, — говорит Калманович, — и согласился».

В тюрьме, точнее, в тюрьмах Калманович провел пять с лишним лет. Болел. Перенёс операцию. Развёлся. Надеялся на помощь друзей и в первую очередь — Кобзона. «Мы подружились семьями задолго до моего ареста, — рассказывает Калманович. — Между нами не было никакой корысти, не было совместного бизнеса. Поэтому и возникла настоящая дружба... Что бы ни говорили про Кобзона, как друг он невероятно предан. За собственные деньги летал в Израиль, навещал меня. Иосиф был тогда депутатом Верховного Совета, и его не досматривали в тюрьме. Контрабандой он приносил мою любимую рыбу в томатном соусе, кильку, бычков и конфеты «Белочка»... Я никогда не забуду, как много он для меня сделал. Поднял на ноги всех. Люди, которых я никогда в жизни не встречал, по просьбе Кобзона хлопотали о моём досрочном освобождении.

Сначала мне это даже вредило, — полагает Калманович. — Определённые чиновники в определённых органах стали думать, что я намного важнее, чем они предполагали. Кобзон привозил официальные письма от Горбачева, Янаева, Пуго, Руцкого с просьбой о досрочном освобождении. Причём в Израиле по аналогичной статье отбывали срок ещё несколько человек, но за них Горбачев, скажем, не просил. А письма эти Кобзон организовывал в одиночку, обивая пороги кремлёвских кабинетов...

Как-то Кобзон приехал в Израиль на круизном теплоходе вместе с художником Ильёй Глазуновым. Его принимал премьер-министр Шамир... Помощник премьера спросил: возможно ли сделать портрет Шамира? «Пожалуйста», — ответил Илья Сергеевич. «Сколько это будет стоить?» — «Ничего», — ответил художник. — Только отпустите из тюрьмы Калмановича». Фамилию он прочитал по бумажке, подсунутой заранее Кобзоном».

Всё это мне не было тогда известно. Никаких указаний из Москвы насчёт Калмановича у меня не было. Был на эту тему примерно месяц назад разговор с Кобзоном (когда он приходил ко мне с Глазуновым). Но я как-то пропустил его (разговор) мимо ушей. Зря пропустил...

29 апреля. Чудный день. Сажу на террасе гостиницы «Кинг Дэвид» (в ней, естественно, остановился Руцкой), пью кофе, жду развития событий. И они начинают развиваться. Из окна мне машет Кобзон, потом спускается. Выражает удивление, что посол России ничего не делает для вызволения из тюрьмы прекрасного человека Шабтая Калмановича. Излагает историю и настоящее положение дел. По просьбе Кобзона к израильскому руководству обращались: министр внутренних дел СССР Б.Пуго, вице-президент СССР Г.Янаев, народный депутат СССР Е.Примаков, премьер-министр Украины В.Фокин, министр культуры СССР Н.Губенко, вице-президент РСФСР А.Руц-

кой. Руцкой обратился к премьеру Израиля И.Шамиру и в качестве вице-президента Российской Федерации. Привожу последнее послание полностью.

«Уважаемый господин Премьер-министр!

В августе 1991 года мною было направлено письмо в Ваш адрес, в котором я просил Вас проявить чувство гуманности и освободить по состоянию здоровья бывшего гражданина СССР Шабтая Калмановича, отбывающего наказание в Израиле. Пошел пятый год его заключения. Состояние здоровья резко ухудшилось.

На встрече со мною в сентябре 1991 года г-н Арье Левин заверил меня, что Ш.Калманович будет освобождён на второй день после установления дипломатических отношений между нашими странами. С тех пор прошло достаточно времени, однако позитивного решения данного вопроса не последовало.

В этой связи я вынужден вновь обратиться к Вам с просьбой сделать всё от Вас зависящее для досрочного освобождения Ш.Калмановича по состоянию здоровья.

С надеждой на понимание и на скорую встречу с Вами на древней земле Израиля.

Вице-президент РФ А.Руцкой. Москва. Кремль. 12 марта 1992 года».

Не уверен, что был (или есть) ещё «бывший гражданин СССР», о судьбе которого так заботились официальные лица. Молодец Кобзон!

С Иосифом Давидовичем я раньше не был знаком. Хотя как певец он прошел через всю мою жизнь. Знал, что у него много друзей, потому что он сам — друг. Слышал всякие байки вокруг его имени. Но всегда вспоминал Маяковского: «Я — поэт, и этим интересен». Вот именно. Сказал Кобзону, что меня стесняет посольский мундир, но попробую помочь.

Мне не хотелось выходить на официальные каналы. Поэтому 13 мая с надёжной оказией направил приватное письмо директору СВР. «Дорогой Женя! — писал я. — Тут на меня насаждает «общественность» (и наша, например, И.Кобзон, и не наша) по поводу Калмановича. Почему я не настаиваю на его помиловании? Ответить легко — нет указаний настаивать. Но совестно так отвечать. Тем более что человек отсидел уже полсрока и серьёзно болен. В общем, я совсем было собрался идти к Шамиру, да червь чиновничьей субординации, взращённый в «застойный» и предшествующие ему периоды, не даёт покоя. Как бы чего не вышло... Какой совет мог бы ты дать мне в такой ситуации? Заранее признателен. Твой Саша».

Не знаю, может быть, «оказия» не сработала, но совет до меня не дошел. Решил действовать самостоятельно. Посетил Шамира и обратился к нему со следующим экспромтом: «По понятным причинам мне приходится читать Талмуд. В нём много интересных мыслей. Од-

ной хочу поделиться с вами. Написано так: «Всё в руках Небес, кроме колючек и ловушек». Я очень благодарен вам, господин премьер-министр, за то, что вы успешно способствуете устранению «колючек и ловушек» из области российско-израильских отношений. Тем не менее, некоторые колючки ещё остаются. Одна из них — это, несомненно, вопрос о Калмановиче.

Понимаю, что при упоминании этого имени у вас, как говорят в Одессе, молоко в грудях киснет (тут скис переводчик). Но вопрос надо решать. Не буду повторять аргументы в пользу его досрочного освобождения. Они много раз приводились, ничего нового я бы не добавил. Я просто прошу вас ещё раз подумать над этим вопросом.

Разрешите оставить вам письмо по этому поводу. Заранее извиняюсь за его английский язык».

Через несколько дней затронул тему Калмановича в беседе со спикером Кнессета Довом Шилански. Он обещал переговорить с премьером.

9 июня получилось письмо от генерального директора канцелярии премьер-министра Йосефа Бен-Аарона. Мне сообщали, что дело Калмановича «изучается».

В июле премьер-министром стал Рабин. В начале сентября я направил ему письмо, в котором, в частности, говорилось: «Я не могу и не хочу обсуждать юридическую сторону вопроса. *Dura lex, sed lex* — так меня учили. Право выше нас. И слава Богу. И если я обращаюсь к вам, то только потому, что нынешнее состояние российско-израильских отношений, как мне кажется, позволяет смягчить строгость закона состраданием и милосердием. Время, когда в отношениях между нашими странами господствовали недоверие и подозрительность, уходит в прошлое. И пусть вместе с ним уйдёт в прошлое и дело Калмановича — порождение этого времени. Досрочное освобождение этого человека могло бы стать ещё одним свидетельством того, что путь назад закрыт, что Россия и Израиль смотрят в будущее».

О Калмановиче я говорил с Рабиным и 1 ноября. Информировав МИД об этом разговоре, — к тому времени мои хлопоты были легализованы, — я писал, что, по словам премьера, идёт всестороннее изучение вопроса, включая работу независимых медицинских экспертов. Процедура займёт ещё полтора-два месяца. Рабин дал понять, что при таких обстоятельствах было бы крайне важно не поднимать лишнего шума вокруг дела Калмановича и не пытаться воздействовать на израильские власти через прессу или даже официальные каналы. «Тихо-тихо», — сказал премьер.

В декабре Москва сообщила: посол Израиля А. Левин передал Ручкову, что израильтяне решили освободить Калмановича «при условии его незамедлительного выезда из страны». Мне предписывалось проработать с израильской стороной «практические мероприятия по

освобождению Калмановича и последующей отправке его в Москву». Я разочаровал начальство, сообщив, что решение ещё не принято.

Финал наступил 10 марта 1993 года. В этот день мы вместе с американским послом посетили заместителя министра иностранных дел Израиля Йоси Бейлина и передали ему приглашение на очередной раунд переговоров. После, как заведено, встреча с журналистами. И вот тут подбежал взволнованный клерк и сказал, что Бейлин просит меня вернуться. Только что, — сообщил Бейлин, — позвонил президент и просил передать послу, что он подписал указ о досрочном освобождении Калмановича. Русское посольство, подчеркнул президент, должно узнать об этом раньше, чем появится официальное заявление.

Заявление появилось к вечеру. «Российское правительство, — говорилось в нём, — неоднократно обращалось к главе правительства и министру иностранных дел Израиля с просьбой рекомендовать президенту смягчить наказание Калмановича. В результате интенсивных совещаний, проводившихся в последние дни главой правительства с министром иностранных дел, министром юстиции и представителями органов безопасности, было решено рекомендовать президенту Израиля освободить Калмановича. Этот шаг будет способствовать улучшению отношений между Израилем и Россией». Помимо этих в общем-то протокольных слов заявление содержало и неожиданный для меня тезис: «Освобождение Калмановича открывает возможность репатриации в Израиль тем евреям России, которых не выпускали из страны по соображениям секретности». Было ясно, что общественность воспримет это утверждение как свидетельство того, что между Россией и Израилем достигнута соответствующая договорённость. Посыпались телефонные звонки от лиц, заинтересованных в судьбе «отказников». Пришлось разъяснять, что никакой договорённости нет.

13 марта прилетел Кобзон. Предложил отметить освобождение «на троих». Но мне представлялось неудобным встречаться в данной ситуации с Калмановичем. Поэтому на следующий день мы с Кобзоном отмечали «на двоих». Кажется, «У Шмулика». Редкий в Тель-Авиве ресторан еврейской кухни.

Через некоторое время Калманович улетел в Москву, где активно и, думаю, успешно занялся бизнесом. В марте 1995 года наведаясь в Израиль. Тогда я и познакомился с ним и его невестой Анастасией. Уже вернувшись в Москву, был на их свадьбе. И ещё — на 50-лети Шабтая. С Кобзоном они раздружились. «Когда мы приехали в Москву, — рассказывал позже Калманович, — Кобзон открыл мне все двери. Я ему очень за это благодарен, но наши пути в бизнесе разошлись. Иногда мы встречаемся и вежливо здороваемся». Вот такая история...

В этой истории меня больше всего поразило равнодушие официальных наших властей к участи Калмановича. Возможно, я многого не знаю. Но то, что знаю, огорчает. Ведь не у каждого калмановича есть свой кобзон. Так что же, им не на кого и не на что надеяться? Вопрос риторический.

.....

Спокойно прошел визит Гавриила Харитоновича Попова. Мэр был откровенен с журналистами. Израиль показался ему беднее, чем он ожидал. «Сложилось впечатление, что здесь очень сильно влияние социалистических идей в их эгалитарном, уравнительном истолковании... Элитарные тенденции иудейской религии и такие же тенденции социалистической идеологии причудливо сплелись, выразившись в решении конкретных практических задач. Например, в жилищном строительстве. Я вижу вокруг примерно одинаковые дома — это было и у нас, только на более бедном уровне.

Наконец, степень вторжения государственных структур в личную жизнь, как кажется, здесь значительно больше, чем мне представляется нужным в конце 20-го века, когда ценность человеческой независимости, самостоятельности так возросла.

Но, с другой стороны, я вижу жизнерадостный народ — это вообще национальная еврейская черта, но при жизни в других странах к ней обычно добавляется хроническая грусть, здесь же явно оптимизм преобладает...»

Не все были согласны с Поповым. «Тут невольно вспоминается, — комментировал Шай Гриншпун в газете «Права человека», — старая хасидская притча о визите двух посланцев рабби в Одессу. Один посланец, вернувшись, рассказал, что Одесса полна синагог и иешив, а другой — что Одесса полна кабаков и борделей. Каждый нашел то, что искал. Так и наш друг, мэр Москвы. Приехав в Израиль, он продолжает искать здесь знакомые ему проблемы. А «кто ищет — тот всегда найдёт». Попов не заметил в Израиле «вилл и трущоб, безработных и миллионеров, «кабланов» и эксплуатируемых ими олим...» Какая уж тут уравниловка!

По-моему, оба правы. Израиль проектировался и создавался людьми, близкими к социалистической идеологии. Тенденция к эгалитаризму была заметна во многих сферах жизни. Киббуцы — самый яркий пример. Постепенно рыночная стихия стала размывать коллективистские, уравнильные начала. «Рука государства» уступала место «руке рынка». Но не сразу и не везде. Что и заметил Попов. А «трущобы», безработных и «кабланов» ему просто не показывали. С «трущобами», правда, вообще напряжёнка...

.....

Культура в апреле: не было культуры.

МАЙ-92

*Ариэль Шарон — 1948: обретение независимости —
— Война за Независимость — Кстати о сионизме —
— Мои друзья — ветераны — Русская духовная миссия —
— Введение в киббуцологию — «У нас не террариум!»*

Май прошел под знаком культурно-гостевых мероприятий, в щелях между которыми размещалась политика.

6 мая принял нового посла США Уильяма Хэрропа. Толковый, знающий дело человек. Прекрасно ориентируется во всех ближневосточных хитросплетениях. Оптимист, но не слишком. Достаточно откровенен. В американском посольстве около 60-ти дипломатов. Пропорционально влиянию США и их роли в мирном процессе.

.....
Приятное воспоминание оставил обед на ферме министра строительства генерала Ариэля Шарона. Ферма специализируется на выращивании баранов. Соответственным было и меню.

В Израиле Шарон (его ласково зовут Арик) личность знаменитая. Участвовал во всех войнах и всегда побеждал. Но не всегда побеждал в битвах с начальством. После Шестидневной войны Шарон возражал против строительства так называемой «линии Бар-Лева» вдоль Суэцкого канала, считая саму концепцию таких оборонительных сооружений устаревшей и неэффективной. В результате начальник Генштаба Хаим Бар-Лев отказался продлить контракт с Шароном. «Я не мог в это поверить, — вспоминает Шарон. — Одно дело профессиональный спор, независимо от того, насколько он резок. Но заставить меня покинуть армию в то время, когда они отчаянно нуждались в любом дельном совете, который только могли получить, даже — и особенно — если этот совет был не таким, который они хотели услышать?» Только вмешательство влиятельного министра финансов Пинхаса Сапира помогло Шарону остаться в армии.

Звёздный час Шарона наступил, пожалуй, в ночь с 15 на 16 октября 1973 года. Шла война с Египтом, который неожиданно напал на Израиль и сумел добиться некоторых успехов. Обстановка была сложной. Как на фронте, так и в штабах. Разорвав клубок интриг, именуемый «войной генералов», Шарон настоял на форсировании Суэцкого ка-

нала. «Да, это риск, — заявил он командующему Южным фронтом генералу Бар-Леву (потом был послом Израиля в России), — но ни один полководец не выиграл ни одного сражения без риска. Даже Кутузов рисковал, отдавая врагу Москву... А мы ошарашим арабов и вернём их на исходные позиции». И ошарашил. И не только арабов.

Самое трудное время Шарон пережил, думаю, после ливанской кампании 1982 года. Он был вынужден уйти с поста министра обороны, так как его признали виновным (хотя и «косвенно») в том, что он не смог предотвратить нападения ливанских боевиков на лагерь палестинских беженцев Сабра и Шатила.

О Шароне-генерале я знаю по книгам и легендам. Личные впечатления относятся к Шарону-политику, Шарону-человеку. Умный, интересный собеседник, способный внятно излагать свои мысли. С чувством юмора. С широким диапазоном интересов. Корни — в России. По-русски говорит медленно, с трудом, но понимает практически всё. Как и я, постоянно худеет...

Шарон-политик принадлежит, если иметь в виду мирный процесс, к крайне правому флангу. Ещё в октябре 1991 года, когда я брал у Шарона интервью для «Известий», он втолковывал мне, что прочный мир будет возможен лишь после демократизации арабских соседей Израиля. Примерно в той же тональности велась застольная беседа. Шарон доказывал, что арабы не смирились с существованием Израиля. Они сменили тактику, но стратегическая цель осталась прежней... Меня радовало, что несовпадение наших политических вкусов никак не отражалось на вкусе баранины.

Менялись посты, которые занимал Шарон, но не менялись его взгляды. Мы особенно хорошо понимаем важность мира, — говорил мне Шарон в июле 1996 года, — именно потому, что всё время воюем. Но мир — это прежде всего безопасность. Мы не можем идти на бесконечные уступки арабам в ущерб собственной безопасности. Обещаниям, которые не подкреплены конкретными действиями, верить нельзя. Достаточно вспомнить Мюнхен. Там всё делалось, вроде бы, в защиту мира. А в итоге проложили дорогу войне. Переговоры с арабами следует, разумеется, продолжать, но по такой формуле: мир в обмен на чёткие гарантии безопасности.

Правительство Нетаньяху, — утверждал Шарон, — не перечёркивает того, что уже сделано. Но надо взять паузу, осмотреться. Надо настоять, чтобы палестинцы выполняли свою часть договорённостей. Что же касается палестинской автономии, то в любом случае военно-стратегический контроль должен остаться в руках Израиля. Важно не физическое присутствие израильских войск на территории автономии, а наличие соглашений, которые позволяли бы Израилю вводить туда воинские контингенты. Если возникнет угроза безопасности Израиля.

В октябре 1998 года Шарон получил портфель министра иностранных дел. В связи с этим журналисты в очередной раз перебивали его кости. Вспомнили и меня. Газета «Русский израильтянин» (я, кажется, числился членом её редакционного совета), сообщив читателям, что Шарон и Бовин общались преимущественно в ресторанах, продолжала: «Сидели как-то Шарон и Бовин, беседовали, креветок некошерных кушали. А Ельцин как раз тогда в Японию поехал. Поэтому Шарон сказал Бовину: «Ваш Президент ведь ни за что не отдаст эти малюсенькие Курильские острова. И у вас хватает наглости требовать, чтобы мы отдали территории?» Бовин ответил с улыбкой: «Вот поэтому у нас такая большая страна, а у вас такая маленькая».

Очень мило. Беда в том, что мы с Шароном никогда не ходили в рестораны. Удобнее было общаться в других местах. И ни разу не говорили о Курилах. Тут сработала поговорка: «Слышал звон, да не знает — где он». А звон был. Во время одной из встреч с Нетаньяху, когда он ещё не был премьером, я рассказал ему такую историю. Дело было в Японии. Меня пригласили на телевидение дискутировать с профессором Токийского университета проблему «северных территорий» (так японцы обозначают спорные, с их точки зрения, южные Курилы). Висела большая карта Советского Союза. И, обращаясь ко мне, профессор на хорошей эмоции спросил: «Бовин-сан, посмотрите, какая у вас огромная страна! Неужели вам жалко отдать японцам четыре малюсеньких острова?!» Мой ответ звучал так: «Вот потому-то у нас такая огромная страна, что мы никогда никому ничего не отдаём!». Я понимал, конечно, что сказанное — не аргумент. Но хороший выпад в словесной дуэли. И сделал этот выпад. На следующий день пресса показала, что я отыграл несколько приличных очков.

Так вот, именно эту историю я изложил Нетаньяху. Он поинтересовался, можно ли передать в печать эту часть нашей беседы. Попросил его воздержаться. На том и порешили. Но в разных вариантах курильский сюжет стал циркулировать по Израилю. А когда Нетаньяху уже в качестве премьера прибыл в Москву, он при мне пересказал наш с ним разговор Примакову.

Обед на ферме завершился клубничным тортом в превосходном исполнении генералыши. Где уж тут худеть...

.....
В мае израильтяне торжественно отмечают День Независимости — годовщину провозглашения Государства Израиль. В этом году отмечалась 44-я годовщина. Приём у президента и прочие церемонии. День, когда вспоминают прошлое.

История еврейского народа исчисляется тысячелетиями. Государство Израиль гораздо моложе. Оно провозглашено 5 дня месяца ияр года 5798 (14 мая 1948 года). В отличие от большинства государств,

которые возникали *in vivo*, «в жизни», то есть естественно-исторически, стихийно, современное еврейское государство появилось *in vitro*, «в пробирке», то есть путём сознательного, если угодно, кабинетного конструирования, которым занимались лидеры мирового сионизма, в результате политического решения, принятого Организацией Объединённых наций. Разумеется, за этим «конструктом» столетия жизни и мечтаний («в следующем году — в Иерусалиме!») еврейской диаспоры и десятилетия борьбы сионистского движения за создание еврейского «национального очага» в Палестине.

Важный шаг на этом пути — письмо британского министра иностранных дел Артура Джеймса Бальфура, направленное им 2 ноября 1917 года лорду Лайонелу Уолтеру Ротшильду и получившее наименование «Декларация Бальфура». В письме говорилось: «Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению Национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели». В 1922 году Декларация была вписана в текст мандата Великобритании на Палестину, утверждённого Лигой Наций. На этом «благосклонность» Лондона кончилась. В столкновениях евреев и арабов англичане фактически выступили на стороне арабов.

Следующий этап — горячие дискуссии в ООН в 1947 году. За создание еврейского государства в Палестине энергично выступал Советский Союз. США поддерживали эту идею. Великобритания юлила. Арабские и мусульманские страны отчаянно сопротивлялись. В тех условиях русская карта была козырной.

Здесь следует, пожалуй, заметить, что в годы войны Москва поддерживала довольно регулярные контакты с сионистским руководством. Осенью 1941 года посол СССР в Великобритании Иван Михайлович Майский дважды встречался с Давидом Бен-Гурионом — председателем Еврейского агентства и генеральным секретарём Гистадрута. В марте 1942 года президент Всемирной сионистской организации Хаим Вейцман (дядя нынешнего президента Израиля) писал Майскому: «Три наиболее фундаментальных аспекта советской социальной философии воплощены в национальной системе, строящейся в Палестине сионистским движением: коллективное благополучие, а не индивидуальное достижение является основным принципом и целью экономической структуры; равенство в обществе между людьми умственного и физического труда; соответственно самый широкий размах обеспечивается для интеллектуальной жизни и развития труда. Нет фундаментальных психологических различий для взаимопонимания, сионистское движение никогда не испытывало антагонизма к советской социальной философии». Трудно судить, насколько искренни такие признания. Однако тут важна была не фило-

софия, а политика. Сионисты нуждались в поддержке Советского Союза, Москва имела виды на Палестину.

В мае 1943 года в Палестине побывал советский посол в США Максим Максимович Литвинов. А в октябре туда прибыл Майский. Состоялись встречи с Бен-Гурионом и Голдой Меир. Очевидно, что ни Литвинов, ни Майский не занимались самодеятельностью. Сталин просчитывал ходы на послевоенное время...

«Еврейский народ, — говорил первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А.Громыко на заседании специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН весной 1947 года, — перенёс в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания, без преувеличения, не поддаются описанию... На территориях, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти поголовному физическому истреблению. Общее число погибшего от рук фашистских палачей еврейского населения определяемо приблизительно в 6 миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Западной Европе пережили войну.

Но эти цифры, давая представление о жертвах, которые понёс еврейский народ от фашистских агрессоров, не дают представления о том тяжёлом положении, в котором очутились большие массы еврейского населения после войны. Огромное количество уцелевшего еврейского населения Европы оказалось лишённым родины, крова и средств к существованию. Сотни тысяч евреев бродят по разным странам Европы в поисках средств существования, в поисках убежища. Большая часть из них находится в лагерях перемещённых лиц и продолжает терпеть большие лишения.

Позволительно спросить, — продолжал Громыко, — могли ли Объединённые нации, учитывая такое тяжёлое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявлять интереса к положению этих людей, оторванных от родины и от своих очагов?.. Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь... Это является долгом Объединённых наций».

Представитель Советского Союза обратил внимание членов ООН на следующее важное обстоятельство. «Опыт прошлого, особенно за период Второй мировой войны, показал, что ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу в защите его прав и самого его существования от насилий со стороны гитлеровцев и их союзников. Это тяжёлый факт. Но, к сожалению, как и все факты, его надо признать. То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство оказалось не в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилия со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы

несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления».

Громыко подчеркнул, что население Палестины состоит из двух народов — арабов и евреев. И арабы, и евреи имеют исторические корни в Палестине, которая стала родиной обоих этих народов. Поэтому любое решение должно учитывать законные интересы и арабов, и евреев. Исходя из этого, Москва считала бы оптимальным решением создание «двуединого демократического арабо-еврейского государства» с равными правами для евреев и арабов. «Такое решение вопроса о будущем Палестины, — заявил Громыко, — могло бы явиться здоровой основой для мирного существования и сотрудничества арабского и еврейского народов Палестины в интересах обоих этих народов и для блага всего населения Палестины, для мира и безопасности на Ближнем Востоке». Однако, заключил советский представитель, если отношения между арабами и евреями настолько плохи, что вариант единого государства не может быть реализован, необходимо рассмотреть другой вариант — «раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства — еврейское и арабское». Отвечая на возражения арабов, Громыко сказал: «Представители арабских государств указывают на то, будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы потому, что еврейский народ был связан с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени».

Такова была позиция Москвы в 1947 году. В силу разных обстоятельств она совпала с американской. Это позволило преодолеть отчаянное сопротивление арабов. В субботу вечером 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН большинством в 33 голоса против 13-ти при 10-ти воздержавшихся (среди последних были Великобритания и Китай) приняла резолюцию 181 «Будущее правительство Палестины». Ключевое положение звучало так: «Независимые Арабское и Еврейское государства и специальный международный режим Города Иерусалима... должны быть созданы в Палестине через два месяца после окончания эвакуации вооружённых сил страны-мандатария, но ни в коем случае не позднее 1 октября 1948 г.». По поводу Иерусалима решили: «Город Иерусалим учреждается как отдельная единица (*corpus separatum*), пользующаяся специальным международным режимом, и будет под управлением Организации Объединённых Наций».

Резолюция ООН — это всё же бумага. Хотя и очень важная, но, повторяю, бумага. Оживить её, наполнить политическим содержанием оказалось чрезвычайно трудно. Англичане, которые должны были подготовить условия для плавного перехода Палестины в новое качество, фактически саботировали решение ООН. Специальная комиссия ООН, которая должна была осуществить раздел Палестины, не

была создана. Арабы усилили партизанскую войну против евреев. Евреи ответили тем же, нанося удары и по арабам, и по англичанам.

Американцы маневрировали. В марте 1948 года США внесли в Совет Безопасности предложение об установлении опеки над Палестиной. Евреи протестовали. Арабские страны, которым было важно во что бы то ни стало сломать резолюцию 181, решительно поддерживали американцев. Критикуя новый американский подход, советский представитель С.К.Царапкин заметил: «Никто не может оспаривать высокий уровень культурного, социального, политического и экономического развития еврейского народа. Такой народ опекать нельзя. Этот народ имеет все права на своё независимое государство».

Дипломаты спорили. Колёса истории продолжали вращаться. Приближалась развязка. Англичане, оказавшись между молотом и наковальней, заявили, что 15 мая мандат перестаёт действовать. Тем временем еврейские вооружённые отряды установили контроль над территорией, которая по решению ООН отходила еврейскому государству. В апреле формируются временные законодательный и исполнительный органы — Народный совет (37 человек) и Народное правление (13 министров). 12 мая состоялось первое заседание Народного правления. Обсуждался один вопрос — провозглашать или нет Государство Израиль. Государственный секретарь США Дж. Маршалл советовал не торопиться и подождать ещё три месяца. Но Давид Бен-Гурион отверг этот совет. Правление, на котором присутствовало 10 министров, заседало 13 часов. Бурные споры закончились голосованием. Бен-Гурион выиграл со счётом 6:4. Через два дня, 14 мая, Народный Совет провозгласил независимость Израиля. В этот же день верховный комиссар Великобритании сэр Э.Дж.Кеннингем покинул Палестину. 15 мая США *de facto* признали новое государство. СССР признал Израиль и временное правительство *de jure* 18 мая.

Образование еврейского государства было с восторгом встречено еврейской диаспорой (за исключением части ультраортодоксов) и «мировой прогрессивной общественностью». Впрочем, сама по себе идея государства далеко не всегда вдохновляла общественность, особенно — интеллигентную. В этой связи любопытно написанное еще в феврале 1871 года письмо Генрика Ибсена известному датскому писателю и литературоведу Георгу Брандесу. Вот отрывок из него: «Государство — проклятие для индивида. Чем куплена государственная мощь Пруссии? Поглощением индивида, превращением его в политическое и географическое понятие. Кельнер — наилучший солдат. Взять, с другой стороны, иудейский народ, аристократию человечества. Благодаря чему он сохранил свою индивидуальность, свою поэзию, вопреки всякому насилию? Благодаря тому, что ему не приходилось возиться с государственностью. Оставайся он в Палестине, он бы давно погиб под тяжестью своего государственного строя, как и все другие народы. Долой

государство! Вот революция, в которой я готов принять участие». Ибсен, конечно, ошибался. Хотя, наблюдая «возню» евреев теперь уже со своей собственной государственностью, видишь, что здесь они мало чем отличаются от американцев, русских или китайцев.

В феврале 1871 года можно было спорить об еврейском государстве. В мае 1948 года его пришлось защищать. 15 мая Лига арабских государств заявила, что «все арабские страны с этого дня находятся в состоянии войны с евреями Палестины». **Началась Война за Независимость.** Против Израиля выступили войска Египта, Сирии, Ливана, Трансиордании и Ирака. «...Правительства арабских государств, — говорилось в заявлении Лиги, — оказались вынужденными вторгнуться в Палестину с исключительной целью оказать помощь её жителям в восстановлении мира, безопасности, законности и порядка в стране, а также в целях предотвращения кровопролития». Несколько по-иному сформулировал цели вторжения Генеральный секретарь ЛАГ Аззам Паха: «Это будет война на истребление, — пугал он евреев и подбадривал арабов. — Это будет грандиозное избиение, о котором будут говорить так же, как говорят о вторжении монголов и о крестовых походах». 23 мая Израиль предложил прекратить огонь и начать переговоры. Но арабы настаивали на «безоговорочной капитуляции» евреев. Израилю пришлось принять бой¹.

Позиция Советского Союза была сформулирована в передовой «Правды» от 25 мая. «При всём своём сочувствии к национально-освободительному движению арабских народов советская общественность не может не осудить агрессию арабских государств, направленную против государства Израиль и против прав еврейского народа на создание своего государства в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН». Позиция Москвы имела не только платонический характер. С согласия Советского Союза Чехословакия поставляла Израилю оружие. В Чехословакии проходили обучение израильские лётчики, парашютисты, танкисты. Такие были времена...

В Войне за Независимость Израиль потерял примерно 6000 человек, из них — около 4000 солдат и офицеров. По масштабам Израиля это очень много. Но арабские армии, превосходившие израильтян по всем показателям, кроме умения воевать, были разбиты наголову. Наверное, имела значение и цена поражения. Для евреев это — катастрофа, гибель, разрушение вновь обретённого Очага. Для арабов — «просто» проигрыш ещё одной войны.

Соглашение о перемирии с Египтом было подписано 24 февраля 1949 года. Далее: 23 марта — с Ливаном, 3 апреля — с Трансиорданией, 20 июня — с Сирией. Крестовых походов не получилось. Получилось другое. Отвергнув решение ООН, отказавшись от создания арабс-

¹ См. дополнение 4.

кого государства в Палестине, взяв курс на уничтожение Израиля, арабские экстремисты втянули Ближний Восток в длительную конфронтацию, спровоцировали череду бессмысленных войн.

В эту конфронтацию был втянут и Советский Союз. Вернее, сам втянулся. С переменой политических знаков. Из защитника Израиля СССР превратился в его главного противника. От моральной, политической поддержки Израиля Москва перешла на позиции открытой враждебности, стала вооружать арабские государства, поощрять их агрессивные действия. Что же произошло?

По-видимому, перемена курса была вызвана тем, что Израиль не оправдал надежд Сталина. Он рассчитывал использовать Израиль в борьбе против Великобритании и США, для массированного проникновения на Ближний Восток. Сталин знал, несомненно, что «отцы-основатели» Израиля были, как правило, выходцами из России, связанными с Бундом, с российским социал-демократическим движением. Это позволяло надеяться, что социалистические корни израильских лидеров дадут просоветские ростки.

Действительно, еврейские политические деятели, которым было суждено стать у истоков Израиля, питали слабость к России, симпатизировали марксизму, социалистическим идеям, многие из них с восторгом следили за первыми шагами советской власти.

Характерна в этой связи оценка Бен-Гурионом Ленина. «Пророк русской революции, её вождь и учитель, её вдохновитель и оратор, её законодатель и вождь, — писал в своём дневнике «вождь и учитель» левых сионистов. — Как велик этот человек! Взор его проникает в действительность словно сквозь прозрачный кристалл: никакие формулы, катехизисы, лозунги или догмы не препятствуют ему. Этот человек наделён даром встречать жизнь лицом к лицу, мыслить не в категориях понятий или слов, но на основании коренных фактов реальности. Он обладает мужеством, интеллектуальной отвагой, присущей лишь тем, кого не пугает инерция расхожих, общепринятых понятий. Взгляд его, исполненный зоркости, прорывается и пронзает все сложности и трудности жизни, и из глубин действительности черпает он движущие силы будущего. Перед нами человек, являющийся венцом революции, пребывающий в мире с собственной душой, шагающий через все преграды, верный цели, не ведающий, что значит покорность и компромисс. Перед его очами вечно пылает алое пламя единственной неизменной цели. — великой революции, революции, меняющей мир, с корнями вырывающей существующую действительность и сотрясающей до основания, до самого фундамента прогнившее и вырождающееся общество».

Эти вдохновенные слова были написаны в 1923 году. Тяжёлая поступь времени, трагические перипетии революции размывали восторженные оценки, которые давались Ленину и ленинизму. Но об-

ший настрой на волну социализма, симпатии к «первому государству рабочих и крестьян» характерны для многих лидеров молодого Израиля. Следует также иметь в виду, что на протяжении первых 25 лет существования Израиля ведущую роль в его политике, экономике, культуре играли уроженцы украинских и белорусских городов и местечек. Четыре первых президента и четыре первых же премьера Израиля родились в России. «Россияне» составляли большинство членов Кнессета первых созывов. Незримые нити продолжали связывать их с русской культурой, с русской историей.

Со свойственным ему цинизмом Сталин надеялся использовать в своих целях симпатии к социализму, привязанность к России. Иными словами, он хотел «приручить» Израиль. Надо полагать, Сталин был уверен, что «железный занавес», ограждавший советских людей от «тлетворного влияния Запада», уж тем более оградит советских евреев от влияния Израиля. В Москве скорее всего надеялись, что можно будет совместить хорошие отношения с Израилем с привычным, уже ставшим нормой государственной жизни антисемитизмом внутри страны.

Но «лёд и пламень» совместить было невозможно. Появление Израиля, его победа в Войне за Независимость вызвали брожение среди советских евреев, особенно среди еврейской интеллигенции. Это стало очевидным после приезда в Москву первого посла Израиля Голды Меир (это случилось 3 сентября 1948 года)¹. Московские евреи оказали ей восторженный приём. Реакция не замедлила последовать. 21 сентября «Правда» публикует статью И.Эренбурга, где утверждает, что Израиль не имеет никакого отношения к евреям Советского Союза, так как в Советском Союзе нет еврейского вопроса.

В общем Сталин сам сжёг мосты, которые пытался построить. В январе 1949 года стала раскручиваться разнузданная, хамская антисемитская кампания — боролись с «безродными космополитами», коими оказались, конечно же, евреи. Закрылись последние еврейские театры и газеты. В Праге по советскому сценарию прошёл процесс Сланского, который показал, что Сталин вывел борьбу с сионизмом на международную арену. Слово «сионизм» прочно вошло в вокабулярий советского политического мата.

¹ Г. Меир (урождённая Мабович, по мужу — Меерсон) — выдающийся политический, государственный деятель мирового класса. Родилась в Киеве в 1898 году в бедной и многодетной семье плотника. В 1906 году семья эмигрировала в США. Там начала активно заниматься политикой, окрашенной в сионистско-социалистические тона. В 1921 году репатриировалась в Палестину. Сразу погрузилась в политическую борьбу. После провозглашения Израиля была направлена послом в Москву. В 1949 году избрана в Кнессет. Была министром труда. С 1956 по 1965 год — министр иностранных дел. В 1969 году стала главой правительства Израиля. В 1974 году покинула политическую арену. Скончалась в 1978 году. Женщина с характером. Бен-Гурион говорил: у меня в правительстве один настоящий мужчина — Голда Меир.

Кстати о сионизме. Советская власть с самого начала не жаловала сионизм и сионистов. Но всё же в середине 20-х годов были попытки подумать, отойти от огульного охаивания и репрессий. Приведу отрывки из четырёх документов.

1. Записка Ф.Дзержинского (председатель ОГПУ) своим замам В.Менжинскому и Г.Ягоде (15 марта 1924 года): «Просмотрел сионистские материалы. Признаться, точно не пойму, зачем их преследовать по линии сионистской принадлежности. Бóльшая часть их нападок на нас опирается на преследование их нами. Они, преследуемые, — в тысячу раз опаснее для нас, чем не преследуемые и развивающие свою сионистскую деятельность среди еврейской мелкой и крупной спекулирующей буржуазии и интеллигенции. Их партийная работа поэтому для нас вовсе не опасна — рабочие (доподлинные) за ними не пойдут, а их крики, связанные с арестами, долетят до банкиров и «евреев» всех стран и навредят нам немало.

Программа сионистов нам не опасна... Мы должны ассимилировать самый незначительный процент, хватит. Остальные должны быть сионистами... И мы им не должны мешать, под условием не вмешиваться в политику нашу... Пойти-таки сионистам навстречу и стараться давать не им должности, а считающим СССР, а не Палестину своей родиной».

2. Записка Ф.Дзержинского В.Менжинскому (24 марта 1925 года): «Правильно ли мы преследуем сионистов? Я думаю, что это политическая ошибка. Еврейские меньшевики, т.е. работающие среди еврейства, нам не опасны. Наоборот, — это не создаёт рекламы меньшевизму. Надо пересмотреть нашу тактику. Она неправильна».

3. Справка отдела ОГПУ от 29 мая 1925 года о репрессиях против сионистов. По всему СССР арестовано 34 сиониста (1 — Москва, 1 — Ростов, 32 — Минск). Во внутрь СССР выслано 132 человека. В концлагерь заключено 15 человек. За границу выслано и разрешен выезд вместо ссылки — всего 152 человека. Интересен комментарий к последней цифре. «Что касается вопроса о неразрешении заменить ссылку выездом в Палестину, то в этом вопросе придерживаемся следующей тактики: наиболее активный элемент..., у кого найдены серьёзные материалы в виде антисоветских листовок, воззваний, типографий, — в Палестину не выпускаются. Тактика эта основана на опыте борьбы с сионистами. Когда до конца 1924 года мы преимущественно высылали в Палестину, это явилось серьёзным стимулом для усиления нелегальной работы сионистов, так как каждый был уверен, что за свою антисоветскую деятельность он получит возможность поехать на общественный счёт (сионистские и общественные организации) в Палестину, а не расплачиваться за совершенное им преступление» (справка подписана нач. СО ОГПУ Дерибасом и нач. IV отд. СО ОГПУ Генкиным).

4. Записка Ф.Дзержинского В.Менжинскому (31 мая 1925 года): «Всё-таки думаю: столь широкие преследования сионистов (особенно в приграничных областях) не приносят нам пользы ни в Польше, ни в Америке. Мне кажется, необходимо повлиять на сионистов, чтобы они отказались от своей контрреволюционной деятельности по отношению к советской власти. Ведь мы принципиально могли бы быть друзьями сионистов. Надо этот вопрос изучить и поставить в Политбюро».

Мне не известно, был ли поставлен этот вопрос в Политбюро. Тактика не была пересмотрена. Она превратилась в стратегию. «Преследование их нами» продолжалось и набирало силу. Все попытки Израиля «размягнуть» позицию Москвы и добиться разрешения на выезд евреев в Израиль были категорически отвергнуты. Более того. Как уже говорилось, антисемитизм усилился. Были арестованы, тайно судимы и 12 августа 1952 года казнены руководители бывшего Антифашистского еврейского комитета. В январе 1953 года фабрикуется «дело врачей», вызвавшее новую вспышку антисемитизма.

Официальная реакция Израиля была сдержанной. «Улица» реагировала по-своему. 9 февраля 1953 года во дворе советского посольства в Тель-Авиве была взорвана бомба. Три человека были ранены. 13 февраля СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. 17 июля отношения были восстановлены. Однако это не изменило общую обстановку на Ближнем Востоке. Более трёх десятилетий там проходил один из главных фронтов холодной войны.

.....
Но вернёмся в год 1992-й.

9 мая — День Победы. В Израиле его тогда официально не отмечали. Но большое число ветеранов Второй мировой войны и особенно — Великой Отечественной войны, активность ветеранских организаций превращали этот день в настоящий праздник.

С ветеранами, а их в Израиле более 20 000 человек, у меня с самого начала сложились хорошие, душевные отношения. Как это ни странно (а, может быть, как раз и не странно), ветераны, живущие в Израиле, гораздо более организованы, сплочены, энергичны, чем российские ветераны. У них развиты чувство локтя, товарищества. Они ощущают себя коллективом фронтовых друзей. И если собираются ветераны того или иного города, если они вместе встречают праздники, то не потому, что получили команду «сверху», а потому, что они сами хотят этого.

Любопытная деталь.¹ Каждую пятницу в 11 часов в Тель-Авиве в штаб-квартире Союза воинов и партизан — инвалидов войны с нацистами начинает работать нечто вроде самостоятельного ветеранского клуба. Приходи, приноси с собой «водку и селедку» и общайся с друзьями-фронтовиками. Или обретай новых друзей. Я иногда заез-

жал на ранний огонёк. И тоже обрастал друзьями. Ян Маниович, Абрам Коэн, Нахум Гольдберг, Саша Василиски — разговоры с ними, как и со многими другими израильтянами, наполняли человеческое измерение посольской жизни, помогали не только лучше понимать, но лучше чувствовать страну, с которой меня связала судьба.

Теперь — проблема. В Израиле параллельно существуют две ветеранские организации: уже упоминавшийся Союз воинов и партизан — инвалидов войны с нацизмом и Союз ветеранов Второй мировой войны и их семей. В первом состоят инвалиды — бывшие воины и партизаны из разных стран антигитлеровской коалиции. Во втором — бывшие воины Советской Армии. Первый побогаче, второй победнее. Первый ближе к властям, второй дальше от них. Много раз говорилось о том, что было бы логично объединить оба союза. Но объединения не получается. Руководители обоих союзов не могут найти общий язык. Почему? Не буду отвечать, так как мой ответ неизбежно обидит кого-нибудь из моих друзей. Пусть сами разбираются...

По должности мне чаще всего приходилось иметь дело с двумя вопросами: возвращение орденов и выдача виз.

Суть первого вопроса в том, что у многих фронтовиков, уезжавших в Израиль, отбирались правительственные награды. Чудовищно, но факт! И теперь, поскольку настали другие времена, фронтовики просили вернуть им награды. Нагрузка тут была тройная, поскольку награды, отобранные в Белоруссии или на Украине, хранились в Москве, и послы этих стран отсылали своих ветеранов в посольство России.

Однажды — это было 2 марта 1993 года — мне пришлось возвращать орден Ленина и Золотую звезду Героя Советского Союза. Их за форсирование Керченского пролива получил в 1943 году лейтенант М.Л.Фельзенштейн. В 1975 году он вынужден был сдать награды. И вот получал их во второй раз. Цитирую репортаж из газеты «Время».

«Я радуюсь тому, что на мою долю выпала честь восстановить справедливость и вернуть Золотую звезду Героя Советского Союза и орден Ленина Миле Лазаревичу Фельзенштейну, — сказал посол России в Израиле Александр Бовин. — Россия начинает исправлять свои ошибки. К сожалению, их было очень много. Их было так много, что под их тяжестью рухнул Советский Союз, рухнула советская власть, под их тяжестью развалилась компартия Советского Союза. Это тяжелейший период в истории России. И всё-таки я надеюсь, что из этого хаоса, беспорядков, личных трагедий выйдет новая, демократическая Россия... Это очень важно для России, это очень важно и для Израиля, это очень важно, хотя это невероятно трудно, для установления стабильного мира на Ближнем Востоке».

После этих слов Александр Бовин открыл красного цвета коробку, на дне которой лежали Звезда Героя и орден, те самые награ-

ды, которые у Миля Фельзенштейна отняли, — а как назовёшь иначе, — восемнадцать лет назад».

Репортаж заканчивался на юморе.

— Так что же, Миля Лазаревич, вас можно теперь называть дважды героем Советского Союза?

— Скорее всего, — смеётся Миля, — героем дважды. Всё точь-в-точь, как в старом анекдоте. Вы знаете, когда еврей бывает по-настоящему счастлив? Когда находит то, что потерял. Вот я и есть теперь тот самый счастливый еврей.

С визами было, пожалуй, сложнее. Тут вступают в рассуждение деньги. Приведу отрывок из открытого письма ветеранов послам России, Украины и Беларуси, опубликованного в августе 1993 года. Здесь, в Израиле, пишут ветераны, теперь наш дом, здесь выросли наши дети, растут внуки. «Но нет-нет, да и защежит ноющей болью ветеранское сердце. Нет-нет, да и встанут в памяти фронтовые дороги, на которых полегли боевые друзья. И тогда захочется ветерану, вопреки возрасту и старческим недомоганиям, сесть в самолёт, чтобы через несколько часов ступить на политую потом и кровью землю Смоленщины, взойти на крутой днепровский берег, прикоснуться рукой к холодному камню Брестской крепости, отдать последний солдатский поклон боевым друзьям.

И как-то не укладывается в рамки здравого смысла, что за это естественное и понятное человеческое желание (а если говорить официальным языком, — за получение визы) ветерану приходится платить от 50 до 60 долларов. Не трудно представить, что далеко не каждому пенсионеру такие расходы по карману, ведь большинство из них и без того едва сводят концы с концами.

Думается, было бы в высшей степени гуманно и справедливо, если бы правительства ваших стран приняли решение о бесплатной выдаче въездных виз израильским ветеранам, участвовавшим в боях за освобождение ваших городов и сёл от фашистской нечисти. Надо полагать, что такое решение, если оно будет принято, не явится слишком обременительным для бюджетов ваших государств».

Так писали ветераны, и понять их было можно. Разумеется, бюджет России не заметил бы отмены платы за визы фронтовикам. Но кроме бюджета России есть ещё бюджет МИДа и есть ещё бюджет посольства. И в последнем случае потери были бы заметны весьма. Тем более, если встать на точку зрения всех остальных получателей виз, то вряд ли было бы справедливо выделять привилегированную группу, даже такую, как ветераны. Пытался объяснить это ветеранам, но без большого успеха. Одно дело — юридическая логика, а совсем другое — нет денег...

Пошли навстречу ветеранам в 1995 году. Всем, кто ехал в Россию в связи с празднованием 50-летия Победы, визы выдавались бесплатно.

В моём архиве довольно много документов, связанных с ветеранскими делами. В качестве примера — три «дела».

В декабре 1993 года ко мне обратился председатель Союза ветеранов Второй мировой войны Лев Овсищер. Он писал, что 27 июня 1941 года заместитель командира эскадрильи 128 авиаполка 12 авиадивизии старший лейтенант И.З.Пресайзен направил свой подбитый самолёт на скопление немецких танков и войск, двигавшихся по автострате Минск — Москва. В результате тарана продвижение немцев было на какое-то время приостановлено. Командование полка представило Пресайзена к званию Героя Советского Союза посмертно. Представление было поддержано командованием ВВС Западного фронта и направлено в Москву. Но наградной материал завяз в бюрократическом болоте. Союз ветеранов просил ходатайствовать перед президентом России об увековечивании подвига Пресайзена.

Изучив все бумаги, я пришел к выводу, что нужно поддержать просьбу ветеранов. Направил письмо руководителю Администрации президента С.А.Филатову. «Заранее признателен за ответ» — так заканчивалось моё письмо. Мне было стыдно потом говорить Овсищеру, что никакого ответа я не получил. Пишу об этом, потому что случай не единичный. Разложение государственной машины прогрессировало. Письма, просьбы, вопросы как в «чёрную дыру» попадали. Ни ответа, ни привета. Мы еще столкнёмся с этим по другим поводам.

Ещё один листок из архива. Совсем другого свойства. Письмо главного редактора журнала «Слово инвалида войны» Аркадия Тимора. Дата — 2 марта 1995 года. «Слова соболезнования не подходят. Боль, она солдатская: пал один из наших сыновей — дорогой Влад Листьев. Скорблю и плачу вместе с Вами в эти тяжёлые часы. Верю в завтрашний светлый день России». Это — не просто соболезнование. Это — свидетельство тех душевных, глубинных нитей, которые связывают «русских» израильтян с Россией и которые делают наше горе их горем. Обычно дипломатия — это игры наверху, на уровне узких элитных групп. Но здесь дипломатия смыкалась с психологией масс. К сожалению, давящий груз традиций не позволял использовать эффект такой «смычки» на пользу России.

Третий документ связан с памятной медалью Жукова. Она вручалась ветеранам под аккомпанемент споров о Жукове — и как о полководце, и как о человеке. В печати публикуется «открытое письмо» мне (жанр «открытых писем» популярен в русскоязычной прессе) от гвардии майора в отставке Г.Гончарова. «В бывшем Союзе, — пишет майор, — я получал много правительственных наград и наград Советского комитета ветеранов войны. Но полученная мною медаль, учреждённая в честь 100-летия со дня рождения маршала Советского Союза Г.К.Жукова, по-своему очень дорога. Дорога как память о ве-

ликом полководце, чьё имя неразрывно связано с победой над фашизмом, дорога как память о героизме народов, которые поднялись на защиту отечества, дорога как память о молодости, прошедшей на полных смертельных опасностях дорогах войны. И, наконец, дорога тем, что нашла меня и других далеко за пределами того пространства и времени.

Я рад тому, что вопреки измышлениям многих авторов, порочащих имя полководца, учреждение орденов и медалей памяти Жукова состоялось и правда восторжествовала!

Рад тому, что Россия унаследовала и сохранила лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто». Не забыли и нас, ветеранов войны, кто по различным причинам оставил республики бывшего Союза, и награды нашли нас здесь, в Израиле...

Хочется от всей души, от настежь распахнутого сердца принести искреннюю солдатскую благодарность, а в Вашем лице — президенту и правительству России и всем тем, кто принимал участие в учреждении памятных наград, в том числе дочерям Г.К.Жукова за добрую память о нас!»

Газета «Вести» поместила мой ответ.

«Дорогой товарищ Гончаров!

Пусть Вас не удивляет такое обращение. Ведь когда Вы воевали, когда получали свои боевые раны и награды, господ ещё не было... Да мне и сейчас как-то неловко, когда меня называют «господином». Надеюсь, мы понимаем друг друга...

Для меня, мальчишки, жившего на Дальнем Востоке, война — это большая карта, на которой мы с отцом передвигали флажки. Сначала — от границы до Волги, потом — от Волги до Берлина. С тех пор слово «фронтовик» вошло в мою жизнь: в Университете я учился с фронтовиками, фронтовики рекомендовали меня в партию, работал рядом с фронтовиками. И я очень рад тому, что и здесь, в Израиле, мне приходится встречаться с участниками Великой Отечественной войны, с поколением героев, которые спасли Советский Союз, спасли мир от фашизма.

Я говорил и готов повторить, что фронтовики, победители, к которым принадлежите и Вы, товарищ Гончаров, являются отцами-основателями Израиля. Ибо если бы не было Вас и Ваших друзей, если бы не было Победы, то не было бы и Государства Израиль. Кажется, это начинают понимать и в самом Израиле.

Позвольте пожелать Вам, Вашим родным и близким, всем фронтовикам доброго здоровья и хорошего настроения. Очень хочется, чтобы детям и внукам фронтовиков не пришлось воевать».

Ловлю себя на мысли, что читателям, скорее всего, не интересны эти истории с ветеранами. Но всё-таки рассказываю их. Потому что через отношения с ветеранами хорошо просматривается специфика

работы российского посольства в Израиле. На дипломатическую логику накладывались, оживляли её человеческие эмоции. Иногда это создавало сложности. Но всегда — помогало. Помогало чувствовать себя не «Вашим превосходительством», а просто человеком, товарищем, другом:..

.....
Был у министра юстиции Дана Меридора. Он принадлежит к одной из аристократических израильских семей, то есть семей, сыгравших выдающуюся роль в образовании и становлении Израиля. Образован. Умён. Что называется *sophisticated man*. Держится независимо и потому не держится за место (или, может быть, не сильно держится?). Относится к категории «принцев Ликуда», к высшему слою партийной элиты.

Беседа касалась, помимо общих вопросов, возможного — и полезного, полезного — сотрудничества в области взаимной правовой помощи. Эта тема проходила той самой «красной нитью» через все мои беседы с министрами юстиции (их при мне сменилось шесть человек). Без осязательного результата. Дело в том, что в принципе правовая помощь включает в себя выдачу преступников. Тут-то и лежал камень, на который находила коса. Потому что израильтяне не могли (не хотели) выдавать евреев. Несколько раз готовились проекты соответствующего соглашения. Но дальше проектов не продвигались.

С Меридором встречался и позже. Не всегда мы находили общий язык. Но всегда было приятно разговаривать с интересным, интеллигентным собеседником.

.....
17 мая на мосту Алленби встречал Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (кажется, это был его первый выезд за границу в качестве Предстоятеля Русской православной церкви). Он прибыл на Святую землю по своим, христианским делам. И хотя церковь у нас, как говорят, отделена от государства, мне надлежало встретить Его Святейшество. Тем более что в Израиле это отделение ещё более относительно, чем в России. Дружеские контакты с Русской духовной миссией, помощь ей, ежели таковая бывает нужна, — важная часть работы посольства.

Русская духовная миссия (РДМ) начала свою деятельность в Иерусалиме в 1847 году. Её первым начальником был известный исследователь православного Востока архимандрит Порфирий. РДМ, особенно когда её возглавил энергичнейший архимандрит Антонин (Капустин), приступила — на деньги, поступающие по разным каналам из России, — к приобретению на Святой земле «всего того, что ещё не успели скупить католики». Это я процитировал доклад Российского Православного Палестинского общества. Много было куплено и много построено.

Первая мировая война прервала российско-палестинские связи. Сотрудники РДМ были вывезены турками из Палестины в качестве военнопленных. Затем последовала Октябрьская революция, и о восстановлении церковных контактов не могло быть и речи. Только в 1945 году Патриарх Алексий посетил Иерусалим. РДМ возобновила работу и продолжала её, несмотря на перепады в советско-израильских отношениях.

Впервые я посетил РДМ в 1979 году. Прекрасно помню архимандрита Николая и его русское (плюс — православное) гостеприимство. Уже будучи послом, неоднократно встречался с архимандритом Никитой, — жёстким, решительным, властным («хитёр и мудёр» написано в моём рабочем блокноте). Его сменил архимандрит Феодосий, человек добрый, мягкий, даже, как мне иногда казалось, излишне мягкий. Александр Шилов, который писал Феодосия, по-моему, уловил эту мягкость. Портрет выставлен в галерее Шилова...

На берегу Кинерета (Тивериадского озера) РДМ располагала прекрасным, заросшим огромными эвкалиптами участком. Пользуясь благорасположением милейшего отца Феодосия, посольство часто принимало там своих гостей. Матушки потчевали их вкусной, только что выловленной рыбой. Желавшие могли укрепить здоровье в радоновом источнике. И лодка была...

Сам я — скептик, агностик, атеист, как угодно. Не по идеологии, а по культуре. Трудно верить в Бога, хорошо зная историю религий. Именно поэтому мне было вдвойне интересно встречаться и беседовать с людьми, посвятившими себя служению Богу. Православным иерархам нельзя проехать мимо Иерусалима, мимо РДМ. Наверное, со всеми членами Священного Синода виделся и говорил там. Разумеется, не о Боге. Разговор — в трапезной или во внутреннем дворе Миссии — всегда имел мирской, светский характер. И должен сказать, что за редчайшими исключениями собеседники производили впечатление людей с глубокими знаниями и широкими взглядами. Не только по части теологии, но и по части бизнеса, например. По отдельным замечаниям я мог заключить, что интриги вокруг патриарха ничуть не уступают по накалу интригам вокруг президента.

Начиналась подготовка к 2000-летию Рождества Христова. Сравнивая то, что говорил мне папский нунций, с тем, что приходилось слышать в РДМ, я отмечал активность католического начальства и пассивность начальства православного. Шло время, и крепло убеждение, что мы крупно проигрываем Ватикану. Страсти бурлили по поводу того, кто больше заработает на привозе паломников. А собственно юбилей вызывал гораздо меньше эмоций и усердия.

Оказавшись как-то в Москве, я испросил аудиенцию у Патриарха и изложил ему свои опасения. Патриарх ссылаясь на финансовые

трудности. Но в общем был настроен оптимистически. До моего отъезда из Тель-Авива я не замечал особых перемен. Однако не терял надежду, что в 2000 году Русская православная церковь будет достойно представлена в Иерусалиме¹.

Под впечатлением встречи с Алексием II на мосту Алленби я написал в Москву: важно, без сомнения, оказывать государственное содействие деятельности РПЦ в Израиле, не забывая на всякий случай о том, что в этом мире интересы государства выше интересов церкви.

.....
Май завершился массовым выездом сотрудников посольства (31-го было воскресенье) в кибуц на рыбную ловлю.

Согласно «Краткой еврейской энциклопедии», кибуц — это сельскохозяйственная коммуна, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении. Сразу в голову приходит аналогия — наши колхозы. Но аналогия грубая. Во-первых, кибуцы возникали исключительно добровольно, на энтузиазме, на действительной вере в социалистические идеалы. Во-вторых, в кибуцах степень обобществления была гораздо глубже, чем в колхозах. В-третьих, над кибуцами не было райкомов партии.

Первый кибуц — Дгания — возник в 1909 году. К моменту образования Израиля было уже 176 кибуцев. В конце 90-х что-то около 300. Кибуцы — одно из израильских чудес. В тяжелейших условиях было создано высокопродуктивное сельское хозяйство, где многому можно научиться.

Одновременно история кибуцев — это история типичной социальной утопии, которая, реализуясь, превращаясь в социальную практику, начинает деградировать. Первоначально все работали на равных, чередуя разные виды труда. Наёмный труд не допускался. Быт был сведён к минимуму: завтракали, обедали и ужинали в столовой; дети практически росли и воспитывались вне семьи (ясли, детсад, школа), проводя с родителями только 2-3 часа в день; мизерные суммы выдавались на «карманные расходы». Члены кибуца не могли иметь личный автомобиль. Кибуцный, коммунарский стиль жизни порождал и сохранял особую «породу» людей — идейных сионистов, романтиков сионизма, открытых, честных, мужественных. Не случайно удельный вес выходцев из кибуцев в элитных воинских частях и на ключевых постах в государстве был заметно выше, чем в составе населения.

Однако сохранить принципы коммуны в «одном, отдельно взятом» кибуце оказалось невозможно. Разъедало капиталистическое, рыночное окружение. Чтобы удержаться на плаву, кибуцы развива-

¹ См. дополнение 5.

ли промышленное производство с массовым применением наёмных рабочих, включая арабов (в Дгании, например, почти полностью забросили сельское хозяйство и живут за счёт завода, производящего оборудование для обработки алмазов). Во многих киббуцах отменили столовские трапезы, дети стали ночевать дома, разрешалось иметь машины, стало размываться равенство в труде и потреблении — основа киббуцного порядка. Возникло даже понятие: «некиббуцные киббуцы».

Но и такие киббуцы с трудом вписывались в рыночную среду. Уровень жизни в киббуцах в середине 90-х годов был на 18% ниже общеизраильского, а в ряде киббуцев — ниже черты бедности. Долги киббуцев государству достигли почти 10 млрд. шекелей (что-то в районе 3 млрд. долларов). «Левое» правительство Рабина выступило за списание части долгов. Либералы были недовольны. Из-за «прокиббуцной» политики правительства, — писал, например, профессор Тель-Авивского университета Я.Амихуд, — «израильскому хозяйству придётся отказаться от полезных и экономически перспективных деловых начинаний в пользу ущербного, убыточного и экономически неэффективного киббуцного сектора». Та же мысль, но другими словами: «Киббуцы, — утверждает И.Гринблат, — временная, преходящая форма сельскохозяйственной кооперации. Она изжила себя не из-за чрезмерных затрат, не из-за биржевых авантюр — которых могло бы и не быть — а потому, что экономика не может долго делать ставку на человеческий энтузиазм вместо естественного материального интереса!» В конце 90-х всё чаще можно встретить рассуждения о «кризисе», «агонии» киббуцного движения.

Однако киббуцы существуют и, думаю, ещё долго будут существовать. Это — не только проблема экономики. Киббуцы — это символ израильского самосознания, символ веры в возможность справедливости и равенства. Это — пристанище для людей, которые хотят уйти от суеты урбанистической цивилизации. «Киббуц — это не успех, но образцовое непоражение», — такой приговор вынес известный еврейский философ Мартин Бубер.

Рыба — одна из киббуцных специальностей. Там, где мы были, кишмя кишали пруды, и рядом всё для рыбалки. И всё для того, чтобы пойманную, точнее, изъятую из пруда рыбу можно было разделать, сварить или пожарить. Чем мы и занимались — и для удовольствия, и для сплочения коллектива.

.....
Странствуя по свету, я наблюдал разные посольские коллективы. И видел, что их всегда приходится спланивать. И в нормальном смысле этого слова, и в смысле разборки интриг всяких, склок, конфликтных ситуаций. Получив свой «приход», я самонадеянно полагал,

что чаша сия меня минет. Но не тут-то было. Первый звонок прозвенел в мае. Комендант и комендантша стали жаловаться на **высокомерие, грубость четы Исаковых** (он работал 2-м секретарём, она — секретарём посла). Ситуация, как потом выяснилось, почти типичная. С одной стороны — «голубая» дипломатическая кровь, талейраны и горчаковы, а с другой — посольские «низы», коменданты или, допустим, шофера. «Что за комиссия, создатель», — втолковывать дипломату, что надо быть тактичным, особенно с нижними чинами, с теми, кто не может дать адекватный ответ. Но втолковывать приходилось. Исаковых «перевоспитать» не удалось и пришлось плавно от них избавляться.

Тут я столкнулся с проблемой характеристик. Бывалые дипломаты разъясняли, что не принято указывать в характеристиках какие-либо «рядовые» минусы. На них всё равно внимания не обращают. Разве что ЧП случится... Меня такая позиция не вдохновляла. Вопреки советам «бывалых» я вписал в характеристику С.В.Исакова в целом, безусловно, положительную, следующий абзац: «Вместе с тем вынужден отметить, что выдержка, сдержанность, вежливость (особенно по отношению к нижестоящим работникам) порой изменяют Исакову С.В. Не принадлежит к числу его лучших качеств и критическая оценка собственного поведения». К сожалению, в той или иной мере это можно сказать почти обо всех наших дипломатах. В том числе, наверное, и обо мне. Весь вопрос в мере. Если она нарушается, то сказать мало, желательно записать...

В первые два-два с половиной года отдельные казусы не портили общую картину. «Всё-таки у нас не террариум!» — радостно воскликнул на одном из собраний 1-й секретарь Алексей Маслов. Кстати, умница, работага, отец-одиночка, воспитывавший двух далеко не мирных мальчишек...

.....
Культура в мае. «Евгений Онегин» в модерновом исполнении (присутствовал президент Израиля). — Два спектакля театра Станиславского в Иерусалиме. — Выставка «русских» художников (вопрос корреспондента «Едиот Ахронот»: почему еврейскую выставку открывает посол России?). — Концерт А.Розенбаума. — Концерт Ф. Киркорова (ещё не звезда, но децибел много). — Ансамбль скрипачей под управлением М.Пархомовского.

ИЮНЬ-92

*Интифада — Мадрид. Начало переговоров — Левые берут власть —
— Фейсал Хусейни — Горбачев в Савьоне — Генералы готовятся
к миру — Синайская кампания — Шестидневная война —
— Москва рвёт отношения — Дела консульские —
— На Мёртвом море*

Главное событие июня — парламентские выборы, возвращение к власти левого правительства, которое возглавил И.Рабин. Чтобы лучше понять значение этого «переворота», давайте оглянемся назад.

В мае 1977 года в Израиле было впервые сформировано правое, «несоциалистическое» правительство во главе с М.Бегиным. К удивлению (и огорчению) многих «ястреб» стал нести голубиные яйца. 26 марта 1979 года Израиль заключает мирный договор с Египтом. По принципу «мир в обмен на землю». Египет получил Синай. Израиль получил мир, «холодный», как вскоре оказалось, но всё-таки мир. Согласно договору, Израиль признал «законные права палестинского народа» и согласился предоставить автономию жителям «контролируемых территорий» до окончательного решения вопроса об их будущем политическом статусе.

Второе правительство Бегина создаётся в августе 1981 года. «Голубя» из Бегина всё-таки не получилось. Через год он начинает войну в Ливане. Война, в которой Израиль одержал «непобедоносную победу», взбудоражила израильское общество. В августе 1983 года Бегин без объяснения причин уходит в отставку. Премьер-министром становится И.Шамир.

Очередные выборы в Кнессет, которые состоялись летом 1984 года, отразили раскол в обществе. В парламенте сложилось неустойчивое равновесие правых и левых. Формируется правительство национального единства. Премьер — Ш.Перес, вице-премьер и министр иностранных дел — Шамир. Главное коалиционное условие: ротация через два года. Поэтому в 1986 году Перес и Шамир меняются местами.

Тем временем вопрос о палестинской автономии не сдвигался с места. Палестинцы отреагировали на это массовыми беспорядками, которые вспыхнули 7 декабря 1987 года в секторе Газы и быстро распространились по всему Западнему берегу (Иудея и Самария). Нача-

лась интифада («отряхивание», «выступление» в переводе с арабского), получившая название «война камней». К сожалению, камнями не ограничивались. Выступая в апреле 1994 года в Кнессете, Рабин сообщил: погибли 219 израильских граждан (включая 68 сотрудников служб безопасности), ранено 7 872 израильтянина (из них 5 062 из тех же служб). На другой стороне 2 156 убитых (из них 922 человека убиты самими же палестинцами как коллаборационисты), ранено 18 967 палестинцев. Встречаются и другие цифры, но порядок примерно такой же.

Арафат маневрирует. 15 ноября 1988 года Палестинский национальный совет провозглашает создание «Палестинского государства». А через месяц Арафат заявляет о признании существования Израиля и прекращении террористической деятельности. В Израиле бурно отреагировали на первое и крайне скептически встретили второе. Политический маятник сместился чуть вправо. Второе коалиционное правительство возглавил Шамир. 14 мая 1989 года правительство утвердило так называемую «программу Шамира». По существу это был план автономии¹. Палестинцам («своим», израильским) предлагалось самоуправление. Переговоры с ООП исключались. Исключалась и возможность образования палестинского государства. В Вашингтоне были недовольны жёсткостью Шамира. Конфликтная ситуация сложилась внутри правительства. Кончилось тем, что в марте 1990 года Кнессет вынес вотум недоверия правительству.

В результате сложных политических игр в июле создаётся следующее, уже чисто правое правительство, которое снова возглавляет Шамир. Радикальные перемены в Советском Союзе, растущее давление американцев, продолжающаяся интифада проложили мост в Мадрид.

Мадридская конференция по Ближнему Востоку проходила 30 октября — 1 ноября 1991 года. Сопредседателями были США и СССР (отсюда — институт коспонсорства). Больше всего конференция была нужна Дж. Бушу. Выиграв войну в Заливе, он хотел выиграть мир рядом с Заливом. Нужна она была и М.С.Горбачеву. Он получил шанс выступить «на равных» с президентом США. Гораздо меньше ощущали потребность в конференции евреи и арабы. Можно сказать, что

¹ Где-то я читал, что автономия — это политическая теорема Ферма. А сам термин предложил «Талейран Ближнего Востока» Моше Даян. «Этот старый и ироничный лис из дремучего леса политики, — писал З.Шохин, — сноб и гений, генерал по профессии и торговец по духу, чьё круглое лицо с чёрной нащёпкой на простреленном глазу и чайльд-гарольдовской, но циничной улыбкой стало мировым символом нового еврейства, преподнёс эту идею Бегину, и того она буквально захватила. Ведь с её и только с её помощью можно было совместить идеологию с реальностью и, не отступая с Западного берега и из Газы, выбить у арабов из рук козыри для конфликта». Даян называл это «функциональным компромиссом»: разделение полномочий без разделения территорий.

они появились в Мадриде не потому, что хотели, а потому, что не могли не появиться.

Речи, произносившиеся в Мадриде, были рассчитаны на публику. Буш и Горбачев демонстрировали свою приверженность миру. Шамир повторил свои «нет». Министр иностранных дел Сирии Фарук Шараа размахивал старой фотографией Шамира, которую когда-то распространяли англичане, разыскивая его по подозрению в терроризме. Непреклонными выглядели палестинцы. И всё-таки конференция не провалилась, и это уже был успех. Удалось собрать в одной комнате, усадить за один стол тех, кто долгие годы отказывался это сделать. И удалось договориться, что переговоры будут продолжены на трёх направлениях, трёх «треках»: сирийском, ливанском и иорданно-палестинском.

Десять палестинских организаций решительно осудили конференцию. Гневался, угрожал Тегеран. Возмущались ультраправые силы в Израиле. Но всё же лёд тронулся. «Арабскую позицию на данной стадии переговоров очень трудно принять даже такому умеренному израильтянину, как я, — заявил известный писатель Амос Оз. — Израильскую позицию очень трудно принять арабам, даже умеренным. Но напоминаю: это — отправные позиции для переговоров, а не для кровопролитной войны».

Накануне Мадрида, размышляя в «Известиях» о возможных вариантах постмадридского развития, я писал: «Абстрактно рассуждая, можно представить три сценария дальнейшего разворота событий:

- прорыв к прочному, устойчивому урегулированию;
- резкое ухудшение обстановки, кризис и война;
- продолжение статус-кво.

Первый вариант, как мы скоро узнаем, практически невозможен. Ни евреи, ни арабы не готовы к установлению прочного, справедливого мира.

Второго можно и нужно избежать... Прекращение «холодной войны», намечающаяся тенденция к уменьшению удельного веса силовых приёмов в международной жизни позволяют блокировать потенциального агрессора.

Остаётся — третий: ни мира, ни войны. И он будет продолжаться до тех пор, пока политику Израиля, его арабских соседей не будет определять новое поколение руководителей, способных поставить действительные интересы своих стран выше традиций недоверия, вражды, ненависти».

Жизнь, как и положено, оказалась сложнее чётких разделительных полос прогноза. Реализовался четвёртый сценарий: ни большой войны, ни большого мира.

.....
Переговоры вяло, но начались. 10 декабря 1991 года в Вашингтоне были задействованы сирийский и ливанский «треки». 18 декабря состоялась первая встреча израильтян с объединённой иордано-палестинской делегацией. Но интифада продолжалась. Продолжались споры внутри правительства о допустимости или недопустимости «уступок» палестинцам. Ультраправые стали покидать правительство. Не дожидаясь вотума недоверия, Шамир договорился с оппозицией о проведении досрочных выборов. Они были назначены на 23 июня 1992 года.

2 июня встретился с лидером оппозиции И.Рабиным. По его мнению, палестинцы поняли, что интифадой ничего не добьются и поэтому пошли на переговоры. Говоря «палестинцы», Рабин тогда ещё имел в виду не Арафата, не ООП, а палестинцев, проживающих в Израиле, на «контролируемых территориях» (так на официальном языке именовались оккупированные территории — сектор Газы и Западный берег реки Иордан). Если партия Труда придёт к власти, она будет в рамках мадридской формулы вести переговоры об автономии, самоуправлении палестинцев. А что будет дальше, после 5-летнего переходного периода, сказал Рабин, пока загадывать рано.

.....
Избирательная кампания шла на высоком накале. «Речь идёт, — писала русскоязычная «Наша страна», — о противоборстве двух направлений, двух мировоззрений, двух путей развития. Один ведёт к изоляции от мира, к усилению национализма и религиозного диктата. Другой выводит Израиль в фарватер мировой политики в роли светского прогрессивного государства, вступающего в XXI век». Столкновение программ, идей обострялось схваткой людей, амбиций. Для Израиля, где из-за мизерных масштабов страны все знают всех, личностный фактор имеет особое значение.

Начнём со столкновения идей. Вот как аттестует партию Труда её главный соперник — блок Ликуд¹. «Партия «Авода» это — социализм. А что такое социализм? Давайте вспомним.

Бюрократия.

Фиктивные рабочие места.

Блеф и очковительство.

Низкое качество товаров и обслуживания.

Неуклюжая экономическая система.

Рай для чиновников.

Высокое качество демагогии, оплачиваемой из кармана налогоплательщика.

¹ Этот блок образовался в 1973 году. Его основа — партия Херут, впитавшая в себя экстремистские («ревизионистские») идеи В.Жаботинского. Ликуд занимает жёсткую позицию на мирных переговорах. Выступает за «свободную экономику». Поддерживает религиозных ортодоксов.

Партия «Авода» — это социализм. Красный флаг и «Интернационал» ещё и сегодня её символы».

«Авода», — продолжает свою критику Ликуд, — опирается на ещё более левые партии, которые «десятилетиями ориентировались на сталинский режим, затыкая рот любому, кто говорил об этом режиме правду, предпочитая защите евреев от террора «интернациональное» братство с арабами. И сегодня их главная цель — отдать территории арабам для создания в подбрюшьях Израиля палестинского государства.

Мы всё это уже видели и испытали на собственной шкуре.

Вы хотите этого ещё раз?

Если нет — то вы — за Ликуд!»

Филиппики Аводы выглядели более сдержанно. Ликуд обвинялся в:

- «преступном забвении интересов и нужд малоимущих слоёв общества — студентов, солдат, новых репатриантов и так далее; безнравственном подходе к людям — «выживает сильнейший»;

- искусственном насаждении имперского образа мышления и пагубной веры исключительно в силу;

- создании в стране ситуации, в которой слова «оппозиция» и «интеллигенция» стали синонимами;

- укоренившемся в израильском обществе духе наживы и полном забвении сионистских идеалов, самого понятия еврейской взаимопомощи и ответственности перед будущими поколениями».

Мне представляется, что оба портрета нарисованы в сюрреалистической манере. Элементы реальности присутствуют, но они даны в весьма искажённых пропорциях и масштабах. Впрочем, на зеркало, даже предвыборное, неча пенять...

Отбивая атаки Ликуда, обвинявшего соперников в капитулянстве, Авода стремилась чётко обозначить границы приемлемого политического компромисса:

- необходимость возврата территорий с преобладающим палестинским населением — при условии заключения мирного договора;

- все территории, с которых уйдёт Израиль, будут демилитаризованы — таково условие будущего мирного договора;

Иерусалим — столица Израиля — останется неделимым городом, подвластным Израюлю.

Партия Авода готова к подписанию с арабскими соседями мирных договоров, включающих возврат территорий — «за исключением жизненно важных для Израиля».

Описывать столкновение амбиций — для тех, кто далёк от израильской политической кухни, — довольно трудно. Ограничусь несколькими штрихами. К примеру, — обобщающая характеристика ведущих поваров: Рабина, Переса, Шамира и т. д. «Израильтяне знают о них всё, — утверждает редакционная «Новостей недели». — Когда-то они были молодыми энергичными идеалистами. Но за долгие

годы политической активности созрели, перезрели и скисли, как фрукты в большом киббуцном саду... Мы с вами посетили неосатирический политический театр. Свифт не смог бы придумать более ярких, более характерных по своей беспринципности персонажей».

Хочу заметить, что из своего угла я не воспринимал события и людей в такой — неосатирической — тональности. Но многие израильтяне воспринимали их именно так. А, как известно, то, что Пётр говорит о Павле, говорит о самом Петре не менее, чем о Павле...

Ещё одна зарисовка показывает атмосферу, которая, по мнению рисующего, царила в верхах Ликуда, когда они делили места в предвыборных списках (голосуют не за персон, а за партийные списки, и чем ближе к началу списка, тем больше шансов попасть в Кнессет). «Журналисты и комментаторы спорят между собой, — это я цитирую еженедельник «Пятница», — на что больше похожи последние выборы в Ликуде: на оперетту или похороны? На мой взгляд, — на торопливые похороны, где никто по усопшему не плачет, но все спешат по своим делам!

Конечно, эпитеты и метафоры даются неспроста: на сей раз американизированное шоу поразило своей безвкусицей и назойливостью даже не очень деликатных коридорных зубров из Дома Жаботинского. Клоуны и масовики-затейники на ходулях, тридцатидвухстраничная «газета» и авиареклама в воздухе, надсадные вопли в зале и феодальные выходы суверенных фракционных сеньоров — это лихое, ярмарочное зрелище уже одной своей дешевой помпезностью заставило бы перевернуться в гробу утончённого интеллигента и блистательного публициста, павшего ангела литературного Олимпа — Зеэва-Владимира Жаботинского.

Но ещё больше, чем этот бьющий в глаза тороватый напор и купеческий шик, наблюдателя со стороны... шокировали и поражали бьющая в глаза агрессивность и, да простится мне это слово, — вопиющее взаимное хамство не только челяди, но и самих партийных баронов. В общем всё это походило на старый кулачный бой, когда стенка идёт на стенку, зубы выплёвываются вместе с кровью, а клочья волос на снегу и разноцветные синяки выглядят безвестными знаками отличия и орденами. В «Маарахе» дрались, в основном, Рабин и Перес. Здесь была общая свалка, вальпургиева ночь израильской демократии...»

Возможно, «наблюдатель со стороны» перебарщивает. Как перебарщивали и наблюдатели с другой стороны. Но таков был аромат предвыборной борьбы. Не «Шанель №5», конечно...

В борьбе за 120 парламентских кресел участвовали 25 партий и движений. В парламент пробились 10. Общее соотношение мандатов — 61:59 в пользу Аводы. Шамир покинул пост лидера Ликуда.

Победа Аводы комментировалась на драматических тонах. В лагере победителей провозглашался «демократический переворот», говори-

ли о торжестве прагматической доктрины Бен-Гуриона и поражении ревизионистской школы Жаботинского. В лагере побеждённых толковали о том, что политическая культура страны отброшена на 40 лет назад и предстоит пережить 4 года «еврейской интифады».

Подобные суждения, полагало посольство, — отражают не столько объективное положение вещей, сколько надежды и тревоги их авторов. Перемены, если рассматривать политическую поверхность событий, несомненно будут. Среди них: форсирование переговоров с палестинцами, прекращение ссоры с Америкой, подчёркнутое внимание к алии, более жёсткие правила игры в «поддавки» с религиозными ортодоксами. Если же иметь в виду иные измерения социума (политико-психологическое или идейно-политическое), то здесь с переменами туго. Незначительная часть электората (в основном — «русского»), оставаясь в пределах центра, переместилась с его правого фланга на левый. Вот и «всё».

В пользу Аводы сработал ряд временных, преходящих факторов (экономические трудности прежде всего) плюс понятное желание сместить надоевших за 15 лет лидеров. В целом же общество продолжает сохранять дихотомический, двухполюсный характер. «Под» Кнессетом, во многих социальных группах и слоях, преобладают настроения, близкие к ликудовской базовой платформе: почти мистическое отношение к неведомому Эрец-Исраэль, понимание «еврейства» как религиозно-идеологического фундамента государственности, экономический либерализм на манер рейганизма или тэтчеризма.

Всё это означает, что или Авода заметно «обузит» свою программу, или её политические новации не будут иметь прочных тылов. То есть при крутом повороте событий Авода или должна взять вправо, или она потеряет власть.

Так оно и получилось. Прогноз оправдался на следующих выборах. Но до них было ещё четыре года...

13 июля Рабин представил новому Кнессету, Кнессету 13-го созыва¹, новое, 25-е, правительство Израиля. 17 человек, включая премьера. 13 из Аводы, 3 из левого блока МЕРЕЦ и один из религиозной партии ШАС. Самому старшему (Рабин) — 70 лет, самому младшему (Арье Дери, министр внутренних дел) — 33 года. Две женщины (Шуламит Алони, министр просвещения, и Ора Намир, министр экологии). Шесть юристов. Пост министра иностранных дел — после долгих раздумий и колебаний — Рабин предложил Пересу. И не ошибся. Через два года, отвечая корреспонденту газеты «Маарив» о взаимоотношениях с Пересом, Рабин сказал: «Думаю, мы оба извлекли уроки из

¹ Кнессет 1-го созыва был избран 25 января 1949 года. С этого времени и по январь 1995 года Кнессет принял 3 632 закона. 589 раз голосовались вотумы недоверия, но только один раз (в 1990 году) правительство было смещено. Семь созывов от заседали полный срок, шесть раз Кнессет распускался досрочно.

прошлого, оба понимаем, что без сотрудничества, истинного сотрудничества, нам не добиться успеха в решении того вопроса, который и он, и я считаем самым главным в настоящее время для Израиля».

«Мир изменился, — сказал премьер свежиспечённым депутатам Кнессета, — пали идеологии, и мы должны проститься со своим статусом изолированного народа. Мы должны подключиться к переговорам о мире и международном сотрудничестве. Это будет главной целью нового правительства». Выступившие вслед за Рабиным Шамир и Шарон отнюдь не пожелали правительству успехов.

С точки зрения правых, это было правительство «капитулянтского компромисса». И правительство «дежа вю», иронизировала Нелли Гутина. «Выяснилось, что за 15 лет, проведённых частично в оппозиции, партия Труда очень хорошо сохранилась. От неё исходит ощущение свежести и доброкачественности, как если бы вы открыли банку с консервами, которых давно не ели и по которым соскучились. Вкус их хорошо знаком и задевает ностальгические струны от желудка к сердцу».

По моим оценкам, политические перемены в Иерусалиме не должны были сколько-нибудь заметно отразиться на российско-израильских отношениях. Посольство рекомендовало ряд инициативных шагов для налаживания контактов с новым израильским руководством.

Вспоминается такой эпизод. Американцы настаивали на том, чтобы уже в июле Рабин появился в Вашингтоне. В этой связи ко мне приехал высокопоставленный чиновник из окружения Рабина («член Политбюро» партии Труда — так он представился) и сообщил, что **Рабин готов первый визит нанести в Москву**. Не скрывалось, что это позволит премьеру свободнее маневрировать в вашингтонских коридорах власти. Я полагал, что в наших интересах пойти навстречу Рабину. Но МИД со мной не согласился. Почему — не объяснили. Возможно, я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление (и не только по этому случаю), что посольские предложения не всегда доводились до сведения тех, кто принимает решения.

Палестинцы положительно отнеслись к смене правительства в Иерусалиме. Мы ждём от Рабина, сказал мне лидер **«внутренних» палестинцев Фейсал Хусейни**¹, ослабления режима оккупации, облегчения положения палестинцев на оккупированных территориях. Хусейни

¹ Хусейни принадлежит к известному и богатому арабскому дому (клану). Долгое время Хусейни были ярыми противниками раздела Палестины, создания еврейского государства. В годы Второй мировой войны Хусейни симпатизировали Германии. Назначенный британцами великим муфтием Иерусалима Хадж-Амин эль Хусейни жил в Берлине, встречался с Гитлером, активно поддерживал курс Гитлера на «окончательное решение» еврейского вопроса. «Арабы, — обратился муфтий в 1944 году к своим соплеменникам, — восстаньте как один человек и сражайтесь за свои священные права, убивайте евреев всюду, где найдёте их. Это

отметил, что палестинское руководство лишь частично контролирует интифаду. Не в последнюю очередь, нажимал собеседник, это связано с отсутствием прогресса на переговорах, что порождает настроения отчаяния и безысходности у палестинцев, усиливает позиции фундаменталистов. Хусейни убеждён, что продвижение на переговорах даст весомые козыри умеренным палестинским силам.

Был затронут вопрос об Арафате. После авиакатастрофы в Ливии, заметил Хусейни, «потеря» Арафата уже не так пугает, как раньше. В случае непредвиденных обстоятельств будет создан коллективный орган, который возьмёт на себя руководство ООП. В качестве возможных преемников Арафата на посту председателя Исполкома ООП Хусейни назвал Ф. Каддуми и Абу Мазена. «Но могут быть и сюрпризы».

Разумеется, Хусейни подчеркнул, что палестинцы приветствовали бы активизацию России в мирном процессе.

Тему выборов завершу смешной деталью. 14 июля я послал Рабину поздравление. 19 июля почтой — в Израиле нет фельдъегерской службы — он отправил мне ответ. Ответ поступил в посольство 31 августа. Всегда вспоминал этот случай, когда олимь жаловались, что из России почта долго идёт...

В июне наконец-то состоялся визит М.С.Горбачева. Положение посольства было деликатным. Президент РФ не любил экс-президента СССР. Соответственно, не любил его и МИД. В тех странах, куда приезжал Горбачев, посольствам было велено не оказывать ему знаков внимания. Я не считал это правильным. И стал действовать по своему разумению.

Первоначально визит намечался на весну. Но что-то не сладились. Планы стали меняться. 24 марта отправил письмо помощнику Горбачева — А.С.Черняеву: «До меня дошли два слуха. Первый. М.С. хочет перенести визит на июль. И второй. М.С. хочет ограничиться получением «оброка» с хайфского Техниона, игнорируя, соответственно, других спонсоров, вручателей и награждавателей. Моё мнение (мнение посла) таково. Если нет крайней необходимости, переносить визит не стоит.

Во-первых, в июле уже очень жарко. Во-вторых, подготовка к визиту началась, и не хотелось бы сбивать её с ритма. В-третьих, в июле значительная часть профессорско-преподавательского состава будет в отпуске.

угодно Богу, истории и религии». Муфтий (уже — «экс») скончался в Бейруте в 1974 году. На похоронах присутствовал и его племянник Абд эль-Рахман Абд эль-Рауф Арафат эль-Кудва эль-Хусейни.

Ныне же Фейсал Хусейни исповедует относительно умеренные взгляды, выступает против экстремизма, терроризма. Энергично отстаивает права палестинцев в Восточном Иерусалиме. Одно время, как говорили, Клинтон склонялся к тому, чтобы Фейсал Хусейни возглавил правительство палестинской автономии.

Вопрос принципиальный. Бар-Иланский университет играет первую скрипку в организации и финансировании визита. На него «завязано» и приглашение Шамира. «Объехать» Бар-Илан, «объехать» другие (уже находящиеся в состоянии «товсы!») университеты, значит нанести смертельную обиду значительным группам влиятельных людей. И дело даже не в «группах». Не только в «группах». Выборочный подход не будет корреспондировать с настроением, ожиданиями широких кругов общественности. Горбачева здесь очень ждут и ждут с радостью, с нетерпением. И надо настраиваться на эту волну».

В конце концов визит передвинули на июнь. Но колебания продолжались. 13 мая снова пишу Черняеву: «Меня очень беспокоит то, что, — если иметь в виду доступную мне информацию, — М.С. всё ещё не принял окончательное решение. Между тем здесь вовсю идёт подготовка к приёму высокого гостя. В церемониях (15 — Технион, 16 — Бар-Иланский университет, 17 — университет в Беэр-Шеве) будут принимать участие не только израильтяне, но и множество представителей мировой еврейской общины, точнее — её финансово-предпринимательской элиты...

Если М.С. не придет в обозначенный срок, то, разумеется, как говорил наш старый друг, «небо не упадёт на Землю». Но скандал будет. Причём, главные неприятности ждут именно тех людей, которые делают максимум для развития российско-израильских отношений. Кому это выгодно? В общем, я ещё раз прошу тебя попытаться убедить шефа как можно быстрее сказать «да».

Шефа убедили. Он прилетел 14 июня с Раисой Максимовной и в сопровождении Черняева. На швейцарском частном самолёте. Дня за два до этого из МИДа раздался звонок: имейте в виду — визит частный. Посольским я сказал: вы ещё молодые, вам служить надо, так что не высовывайтесь. А мы с Леной Петровной купили цветочки и отправились в аэропорт. Встретили путём.

Во всяких церемониях я не участвовал по причине занятости. Но накануне отъезда гостей учинил обед в Савьоне. По полной программе. Даже с солёным арбузом. У меня было, что сказать бывшему кумиру. Но Петровна строго предупредила: он — гость твой, просто гость, и никаких дебатов. И дебатов не было. Были монологи — его и её. Тоже интересно...

.....
Одно из неординарных событий июня — приезд группы российских высших военных чинов для контактов с израильскими коллегами. Тема встречи была обозначена так: «Возможные пределы сближения России и Израиля». Мне, естественно, пришлось выступать. Очередная речь:

«Говорят, что война — слишком серьёзное дело, чтобы доверять его генералам. Этот парадоксальный, на первый взгляд, тезис прошел хо-

рошую экспериментальную проверку не только в моей стране. Но времена изменились. И теперь, пожалуй можно сказать иначе: война стала настолько серьёзным делом, что его нельзя доверять даже политикам.

Приятно поэтому отметить, что генералы и политики, которые собрались сегодня здесь, собрались не для того, чтобы обсуждать стратегию войны, а для того, чтобы исследовать стратегию мира, исследовать путь, ведущий к сближению России и Израиля, и заранее выявить наиболее трудные участки этого пути.

Окончание холодной войны, распад биполярной политической Вселенной сняли с повестки дня вопрос о близости глобального военного конфликта, всемирной ракетно-ядерной катастрофы. Вместе с тем, как показал опыт последних лет, опасность локальных конфликтов и прежде всего конфликтов, связанных с межэтническими, межнациональными противоречиями, не только не уменьшилась, но возросла. И среди таких конфликтов на первом месте — по всем параметрам — остаётся, пожалуй, конфликт между евреями и арабами, конфликт, получивший название ближневосточного.

Должен с сожалением заметить, что Советский Союз, его политика односторонней поддержки арабских стран сыграли явно негативную роль, стимулировали обострение и продолжение конфликта. Эти времена кончились. Вместе с уходом в прошлое советско-американского противостояния, вместе со становлением, мучительным становлением новой, надеюсь, демократической России, национальные интересы которой я здесь представляю, формируется и новая стратегическая среда в регионе.

Хочу подчеркнуть. Само понятие «национальные интересы России», которое играет ключевую роль в определении пределов сближения наших стран, пока несколько расплывчато, неопределённо. Внешняя (равно как и военная) политика России находится в стадии формирования. Происходит, если выражаться модным ныне языком, смена парадигм. Утверждают, хотя я не совсем в этом уверен, что на смену балансу сил приходит баланс интересов. Утверждают также, и я был бы рад с этим согласиться, что права, интересы личности должны превалировать над правами, интересами государства или этноса.

По-видимому, новая редакция национальных интересов России должна, во-первых, отразить указанную смену парадигм, а, во-вторых, сохранить преемственность, которая опирается на исторические, геополитические и психологические реалии. Национальные интересы России остаются интересами великой державы, даже если эта держава больна, тяжело больна.

Говоря более конкретно, национальный интерес России на Ближнем Востоке заключается в устранении угрозы новых военных конфликтов, создании и поддержании здесь политической стабильности. Любое обострение обстановки, а тем более вспышка военных дей-

ствий ставит Москву перед принятием решений, неизбежные минусы которых сопоставимы с их возможными плюсами.

Следующий логический шаг. Стабильность в регионе предполагает безопасность Израиля и реализацию законных прав как евреев, так и арабов. Следовательно, справедливое урегулирование конфликта, безопасное существование Израиля и процветание его арабских соседей входит в систему интересов России.

Я оптимист. Я верю, что не только внуки наши, но и дети доживут до тех времён, когда ближневосточный конфликт станет историей.

К укреплению стабильности в регионе ведут разные пути. Один из них, несомненно, — контроль за экспортом оружия, а затем и сокращение его. Как это ни парадоксально, ведущие торговцы оружием это — постоянные члены Совета Безопасности ООН. Только в прошлом году получили от продажи оружия на Ближний Восток:

США — 4,4 млрд. долларов,
Англия — 3,5 млрд. долларов,
Россия — 2 млрд. долларов,
Франция — 1,5 млрд. долларов,
Китай — 0,3 млрд. долларов.

Недавняя встреча экспертов 24-х государств в Токио ещё раз показала, сколь сложен вопрос о контроле за международной торговлей оружием. Переплетение текущих политических и коммерческих интересов оказывается намного сильнее интересов, рассчитанных на долгосрочную перспективу. И тем не менее, если мы хотим мира на Ближнем Востоке, это препятствие нам не обойти.

Теперь я перехожу к проблеме, которая выделяет российско-израильские отношения из общей схемы отношений России с другими государствами. Я имею в виду наличие в Израиле многочисленной общины, связанной с жителями России общностью происхождения, культуры и языка. Не исключено, что к концу века таких людей в Израиле будет около миллиона. И Россия, новая Россия заинтересована в том, чтобы они, оставаясь лояльными гражданами Израиля, воспринимали Россию не как чуждое им враждебное образование, а как свою «доисторическую Родину», которая всегда готова принять их как гостей, туристов или предпринимателей. Словом, как людей, которые, выбрав новую судьбу, понимают, что от старой никуда не уйти. Да и не нужно.

Поддержание живых контактов с той частью еврейской общины России, которая по тем или иным причинам переместилась в Израиль, — несомненный интерес России, важный компонент устойчивых российско-израильских отношений на межгосударственном уровне.

Реализация этого интереса имеет для нас не только внешнеполитический, но и существенный внутрисполитический аспект. Без по-

стоянной борьбы с антисемитизмом Россия вряд ли может рассчитывать на конструктивное развитие отношений с Израилем, на сохранение прочных связей между выходцами из России и страной, откуда они вышли. Здесь внешняя политика смыкается с внутренней. Здесь один из главных возможных ограничителей прогресса российско-израильских отношений.

Формулируя проблему в самой общей форме, можно сказать: пределы сближения России и Израиля заданы содержанием, взаимодействием их национальных интересов. Там и тогда, где и когда эти интересы противоречат друг другу, обозначаются границы сближения, улучшения отношений. Если такое противоречие определяется объективными факторами, к нему надо учиться приспосабливаться. Если же противоречие интересов вызвано вольным, произвольным их толкованием, то остаётся надеяться, что завтра политики будут умнее, чем сегодня».

.....

Когда хотят обидеть генералов, говорят, что они всегда готовятся к прошлой войне. Подразумевается, — при надежде на поумнение, — что готовиться надо к войне будущей. О войне прошлой не следует забывать, ибо она — кладёзь опыта. «Секрет» военного искусства — суметь различить, что в этом опыте уже прочно принадлежит прошлому, а что ещё может пригодиться в будущем. У израильских генералов материала для раздумий хватает. И как раз в июне 1992 года, когда отмечался «юбилей» Шестидневной войны (25 лет минуло), эта тема звучала особенно актуально. Не только для генералов...

На общем фоне истории распыляются, утрачивают значение и не такие юбилеи, но на фоне истории *Израиля*, на фоне истории *войн* Шестидневная война ещё для многих поколений евреев будет полна смыслов и значений.

Победа Израиля в Войне за Независимость ожесточила арабов. Они считали своё поражение случайностью. Они не верили в библейскую сказку о Давиде и Голиафе. Опираясь на военно-техническую, политическую и моральную поддержку Советского Союза, арабы усилили давление на Израиль. Лига арабских государств объявила экономический бойкот «сионистскому врагу». В 1951 году Суэцкий канал был закрыт для прохода израильских судов и провоза каких-либо товаров для Израиля. В 1953 году Египет блокировал Тирренский пролив, что перекрыло морские коммуникации, связывающие Израиль с Индийским океаном. В таких условиях израильский Генштаб (им руководил тогда М.Даян) начал подготовку полномасштабной военной акции против Египта.

26 июля 1956 года руководство Египта объявило о национализации компании Суэцкого канала. Великобритания и Франция (основные

держатели акций компании) решили ответить военным ударом. Израиль не мог упустить такой момент. 22 октября в Севре (недалеко от Парижа) подписывается тройственный протокол о совместных военных действиях против Каира. 29 октября израильские войска вторгаются на Синайский полуостров. За неделю с небольшим **Синайской кампании («операция Кадеш»)** египтяне были разгромлены. Москва реагировала очень резко. В ноте советского правительства говорилось, что действия Израиля «ставят под вопрос само существование Израиля как государства» и что советское правительство готово «разрешить выезд добровольцев» в Египет. На прекращении войны настаивали — по своим мотивам — и Соединённые Штаты. 7 ноября огонь был прекращён.

В конце концов Израиль добился международных гарантий свободы мореплавания по Тирренскому проливу и размещения сил ООН на линии перемирия с Египтом. 8 марта 1957 года завершилась эвакуация израильских войск с Синая. В ходе второй арабо-еврейской войны Израиль потерял 171 убитых, 817 человек было ранено, четверо попали в плен. Потери египтян были несравненно больше. Только пленных израильтяне захватили около 6000 человек.

Война является продолжением политики, учил Клаузевиц. Но и политика часто является продолжением войны. Побеждённые хотят стать победителями. Потерпев поражение в двух войнах, арабы стали готовиться к третьей. На это потребовалось десять лет. К маю 1967 года в Каире и Дамаске было, видимо, решено, что настала пора действовать.

17 мая президент Египта Насер потребовал вывести с Синая войска ООН. ООН капитулирует, войска выводятся. 18 мая в Израиле объявляется всеобщая мобилизация.

22 мая Насер даёт команду закрыть Тирренский пролив. В Израиле рассматривают этот акт как *casus belli*.

23 мая министр иностранных дел Израиля Абба Эбан отправляется в Париж, Лондон и Вашингтон, чтобы организовать умиротворяющее давление на Каир. И на крайний случай — получить «зелёный свет» из Вашингтона. В политической верхушке Израиля идёт острая борьба. Генералы жмут на правительство. Военная разведка доказывает, что если Израиль не отреагирует на закрытие пролива, то арабы истолкуют это как слабость, как «прекрасную возможность нанести удар по Израилю». 25 мая начальник оперативного отдела Генерального штаба Эзер Вейцман выражается более определённо: «У нас нет выбора: мы должны атаковать сегодня, крайний срок начала операции — завтра утром». Однако премьер-министр Леви Эшкол колеблется, выжидает, просчитывает разные варианты.

Ночью 27 мая советский посол Д.С.Чувахин разбудил Эшкола и вручил ему послание А.Н.Косыгина. Советский Союз настоятельно

рекомендовал Израилю принять все меры к недопущению военного конфликта. Эшкол заявил, что Израиль делает всё возможное, чтобы предотвратить конфликт, но соседи Израиля преследуют другие цели. Эшкол выразил готовность в любое время и в любом месте встретиться с советскими руководителями и лично рассказать им о положении дел. Состоялся и ночной визит советского посла в Каире к Насеру. Москва советовала египетскому президенту не провоцировать военное столкновение с Израилем.

Впоследствии Чувахин, ссылаясь на Громыко, писал, что в Москве решили принять Эшкола. Но стали согласовывать с арабами. Каир не возражал. Дамаск же был категорически против. И Москва уступила Дамаску. Вернувшись в Москву, Чувахин, как он писал в 1994 году, сказал Громыко, что отказ принять Эшкола был «большой политической ошибкой». Министр с ним согласился. «Было видно, — заключает посол, — что министр признал ошибку советской дипломатии в данном вопросе, хотя прямо этого и не сказал. Чувствовалось, что он досадовал на самого себя за то, что не настоял на необходимости выполнить принятое решение, несмотря на отрицательную реакцию сирийских руководителей».

Возможно, так оно и было. Но, наблюдая в 1967 году с близкого расстояния за реакцией советского руководства на Шестидневную войну, разговаривая позже на эту тему с Громыко и многими высокопоставленными сотрудниками МИДа, я не чувствовал никакой досады. Впрочем, если есть тайная дипломатия, почему бы не быть тайным ошибкам...

Насколько я могу догадываться, очередная война на Ближнем Востоке не входила в намерения Москвы. Хотя она иногда и раздувала тлеющие уголья. В принципе Москва стремилась использовать возникший кризис «лишь» для укрепления своего влияния и присутствия в регионе. Но сход лавины уже начался, и остановить его было невозможно.

30 мая король Иордании присоединился к военному соглашению между Египтом и Сирией.

1 июня министром обороны Израиля назначается Моше Даян¹. Это означало, что колебания кончаются. На заседании правительства Даян так изложил свою позицию: «Вероятная альтернатива —

¹ Даян (1915 — 1981) родился в Израиле, в Дгании — «матери киббуцев». С 1929 года — в отрядах самообороны. Сидел в тюрьме (1939—1941). Участвовал в Войне за Независимость, командовал Иерусалимским фронтом. В 1953 — 1958 годах начальник Генштаба. Командовал израильскими войсками во время Синайской кампании. Был министром обороны в период Шестидневной войны и в ходе войны Судного дня (октябрь 1973 года). В июне 1977 года в правительстве М.Бегина занял пост министра иностранных дел. Активно содействовал заключению мирного договора с Египтом. Аналогии условны, но для израильтян Моше Даян, как для нас — Жуков.

египтяне нападут первыми, но тогда мы в проигрыше... Плевать мы на них хотели. В таком положении это просто глупость — сидеть и ждать! Если мы будем ждать ещё 7—10 дней, это обернётся тысячами погибших. Ждать сейчас просто неразумно. Я предпочитаю начать первым».

4 июня Ирак присоединяется к «треугольнику» Каир—Дамаск—Амман, иракские войска входят в Иорданию.

5 июня в 7.46 утра израильская авиация нанесла превентивный удар. Атака продолжалась три часа. Было сделано 500 боевых вылетов. Уничтожено 309 египетских самолетов из 340. К вечеру были разгромлены ВВС Иордании и Сирии. Всего за два дня израильтяне уничтожили 416 арабских самолетов, из них 393 — на аэродромах. ВВС Израиля потеряли 26 машин. Через шесть дней всё было кончено. Израиль овладел Синайским полуостровом, Западным берегом реки Иордан и Голанскими высотами. Разделённый прежде Иерусалим оказался весь под властью Израиля.

В эти драматические дни я с коллегами из международного отдела ЦК КПСС находился под Москвой на «даче Горького». Выполняли очередное задание. Помню, что по всяким «голосам» слушали заседание Совета Безопасности.

Отношение к происходящему на Ближнем Востоке было двойственным. С одной стороны, мы понимали, что война, которую начал Израиль, спровоцирована арабами. Симпатии многих из нас принадлежали Израилю. Но была и другая сторона. Египтяне были нами вооружены, нами обучены, — и сразу потерпели сокрушительное поражение. И мы испытывали тяжёлое чувство, которое мешало правильно оценить победу Израиля. Такое было ощущение, будто тебе закатали оплеуху. В нашей команде это чувство всё-таки компенсировалось тем, что мы понимали суть происходящего. Но в целом «народ» воспринимал поражение арабов как наше собственное поражение.

Состоялся специальный Пленум ЦК, на котором обсуждались ближневосточные события. Сначала всё шло, как всегда — монотонно и гладко. Возмутителем спокойствия выступил первый секретарь МГК КПСС Н.Г.Егорычев. Он сказал, что надо извлечь уроки из разгрома Египта, надо посмотреть, всё ли у нас благополучно с обороной. А обороной ведал Брежнев, и он воспринял слова Егорычева как выпад в свой адрес. По наводке Генсека Егорычева разнесли в пух и прах. Пришлось ему ехать послом в Данию, где он и просидел более десяти лет.

Через три года мне пришлось участвовать в подготовке отчётного доклада XXIV съезду партии. Там, в международном разделе, естественно, присутствовал и ближневосточный сюжет. Молодые мы тог-

да были, энергия была через край. И в порядке хохмы соорудили параллельный текст — в стихах. На мою долю выпала как раз Шестидневная война. Вот что получилось.

Там, где Синайская пустыня
Сверкает желтизной, как дыня,
Евреи, обнаглев в концец,
Арабам сделали...амбец.
Бежит араб быстрее лани,
Бежит араб через канал,
Но тут над полем грозной брани
Наш голос к разуму воззвал.
Израильтянам грозно «Ша!»
Сказали мы во имя мира,
И, не дойдя до стен Каира,
Дал задний ход Даян Мойша...
Однако бабушка Меир
И по сей день срывает мир.

Но вернёмся в год 1967-й. 10 июня советское посольство в Тель-Авиве получило из Москвы ноту о разрыве дипломатических отношений с Израилем. В этот же день нота была вручена А.Эбану. Министр выразил сожаление. 16 июня сотрудники посольства отплыли из Хайфы на теплоходе «Феликс Дзержинский».

19 июня Израиль заявил о готовности вернуть Синай и Голаны в обмен на мирный договор и демилитаризацию указанных районов. Арабский ответ прозвучал 1 сентября из Хартума. Главы арабских государств приняли резолюцию, которую можно назвать «Три «нет»»: «нет» переговорам с Израилем, «нет» признанию Израиля, «нет» миру с Израилем. Началась новая полоса конфронтации, политических манёвров, дипломатических хитросплетений. Началась подготовка к реваншу.

Шестидневная война не только изменила границы Израиля. Она существенно изменила психологию израильтян. «Впервые возникшее у израильтян ощущение большей безопасности, — отмечала посол Израиля в России Ализа Шенар, — побудило многих из них пристальнее взглянуть в самих себя, сосредоточиться на собственных внутренних проблемах. До Шестидневной войны вопрос стоял так: «Быть или не быть?» После войны он формулировался иначе: «Как быть и как не быть?» Иными словами — речь пошла уже не о самом факте существования израильского общества, а о том, какими качественными характеристиками оно должно обладать».

Соображение, на мой взгляд, верное. Но следует добавить, что победа, захват территорий, населённых арабами, таили в себе и трудные проблемы, зародыши будущих конфликтов. Известный философ, почётный профессор Иерусалимского университета Лейбо-

вич говорил в те дни: «Мы нанесли поражение врагу. Мы захватили огромные земли. Сейчас, когда на нашей стороне и победа, и справедливость, надо все эти земли отдать. Все, кроме Иерусалима, потому что это наша столица». Об этом же говорил и Бен-Гурион. Не хотели их слушать. Не хотели использовать победу для замирения с соседями.

Выборы — выборами, юбилей — юбилеями, а дела посольские шли своим чередом. Среди этих дел на передний край выдвигались дела консульские. Если политические структуры посольства работают на Москву, снабжая её информацией и — при необходимости — давая ненавязчивые советы, то консульство обращено прежде всего к гражданам «страны пребывания». Продукция консульства — не информация, не бумаги для начальства, а услуги населению (визы прежде всего, вопросы гражданства, пенсий, помощь соотечественникам в нештатных ситуациях). И от того, как работает консульство, каково качество услуг, как ведут себя консульские работники, тысячи людей судят о России, о наших порядках, о степени бюрократизации, коррумпированности государственного аппарата. Консульство, открытое для людей, играет политическую роль ничуть не меньшую, чем собственно посольство. А, может быть, и большую, но — другую.

С этой точки зрения нам похвастаться было нечем. Отсутствие надлежащих помещений, нехватка консульских работников, примитивное техническое обеспечение порождали огромные очереди со всеми присущими им прелестями (например, бойко шла торговля местами в очереди).

Одно из многочисленных описаний обстановки у «стен» консульства принадлежит журналисту Лазарю Дранкеру. «...Только возьми с собой бронежилет и каску», — пошутил работник консульского отдела Паата Каландадзе, узнав, что свой репортаж о работе посольства я хочу начать с описания очереди в приёмный день. Бронежилет и каска мне, конечно, не понадобились, но страсти в очереди бушевали вовсю. Она жила по законам любой очереди, и я вдруг почувствовал, что вернулся в Москву на 15 лет назад и стою за импортными сапогами.

В то утро, — продолжает Дранкер, — атмосфера у дверей посольства была достаточно накалённой. У входа образовались сразу две очереди, каждый требовал пропустить его первым, отстаивал свои права, и все лихорадочно ждали появления Александра Кирилловича — коменданта посольства, который впускал страждущих. Едва только долгожданный Александр Кириллович возник на пороге, ожидавшие со всех сторон обступили его, протягивая свои письма,

бумаги, документы и петиции. Впечатление было такое, что сегодня утром уходит последний пароход в Турцию. А днём в город войдут большевики».

Возразить нечего. Обстановка и вокруг консульства, и внутри него бурно обсуждалась на собрании, которое состоялось 10 июня. Было решено добиваться отдельного, удобного помещения для консульского отдела, просить расширения штатов и требовать внедрения компьютерной системы «Консул». С трудом, со скрипом, с писанием многочисленных бумаг, но всё это было постепенно сделано.

Нерешаемым оставался один вопрос — стоимость виз. Визы стоили дорого. Что порождало недовольство и протесты вплоть до запросов в Кнессете. «Депутат Кнессета Эфраим Гур, — сообщала своим читателям газета «Новости недели», — обратился к министру иностранных дел с запросом относительно непропорционально высокой суммы, взимаемой за посещение Российской Федерации. По утверждению Гура, ни в одном государстве мира российское консульство не взимает такого большого консульского сбора. Десятки тысяч израильтян, среди которых репатрианты, оставившие в России родственников и близких, затрудняются выплачивать этот импровизированный налог.

Заместитель министра иностранных дел Йоси Бейлин согласился с депутатом Гуром, что сумма, взимаемая российским консульством, действительно, беспрецедентно завышена. Он указал, что этот вопрос неоднократно поднимался в беседах с российским послом и заведующим отделом Ближнего Востока в российском МИДе».

И Гур был прав, и Бейлин был прав. Беседы на указанную тему — даже с таким приятным человеком, как Йоси — никакой приятности не доставляли. Но я стоял непоколебимо. По той причине, что МИД практически не финансировал посольство. Мы жили как бы на хозрасчёте. За счёт тех денег, которые израильтяне оставляли в консульстве. Больше того. По указанию МИДа мы были вынуждены направлять значительные суммы другим посольствам, которые не располагали таким источником доходов. Сопrotивлялись, но направляли. Как видите, формула Лившица «Надо делиться!» применялась задолго до того, как её придумал Лившиц.

Голь на выдумки хитра. И хотя израильтяне далеко не «голь», с хитростями было всё в порядке. В Варшаве визы стоили гораздо дешевле. Израильские турагентства собирали паспорта, самолётом отправляли их в Варшаву, там получали дешёвые визы и самолётом же возвращали паспорта в Израиль. Израильтянам это обходилось дешевле, и турагентства имели свой навар. Кто проигрывал, так это наше консульство...

Случилась и более серьёзная угроза нашему финансовому благополучию. МИД Израиля вспомнил, что давным-давно, в начале 60-х (нота № 78 посольства СССР от 13 июня 1961 года) Советский Союз предложил «с целью упрощения консульской работы и улучшения обслуживания граждан СССР и Израиля отказаться на основе взаимности от взимания консульских сборов... за выдачу виз, истребование и легализацию документов и за все другие виды консульских действий». Если Израиль принимает это предложение, то взимание сборов прекращается через 10 дней после получения посольством СССР ответной ноты. В израильском МИДе думали долго. Наверняка опасались какого-нибудь подвоха со стороны московских антисемитов. Ответ последовал 3 марта 1964 года. В том, что касается виз, он был положительным, и, следовательно, соглашение вступило в силу 13 марта 1964 года. Мне неизвестно, сумели ли счастливые граждане обеих стран воспользоваться его плодами...

Запросил МИД. МИД ответил примерно так: договорённость об отказе от консульских сборов утратила силу, поскольку обе стороны после восстановления консульских связей де-факто уже несколько лет её не придерживаются. Я не уверен, что эта логика юридически корректна, но ничего лучшего придумать не мог.

Более удачной, на мой взгляд, была наша аргументация по поводу «беспрецедентно высоких» ставок. Если взять за базу минимальную зарплату, то расценки израильского посольства в Москве значительно превышают уровень российских сборов в Израиле. Тем более, что мы даём визы гораздо быстрее, чем израильтяне.

Министерство не возражало против «корректировки» размеров консульских сборов. Но «при том понимании», что они «останутся одним из основных источников финансирования посольства». Мы это понимали очень хорошо. И поэтому не могли пойти навстречу тоже очень понятным пожеланиям наших израильских друзей. Дружба дружбой, а...

Знакомясь с консульскими делами, я обратил внимание на то, что большинство анкет и прочих «форм» безнадежно устарели. Они требовали сообщения массы ненужной информации (типа — есть ли родственники за границей — и непременно с фамилиями и адресами). «Обилие пунктов и граф, которые приходится заполнять, — сообщало посольство в МИД, — затягивает приём граждан, плодит ошибки и увеличивает время на их исправление, нервирует людей. И — главное! — толку-то никакого». Мы просили МИД упростить бумаги. В принципе МИД согласился. Но пока в запасе оставались старые бланки, особых сдвигов не было заметно.

С делами консульскими ещё придётся встретиться. А пока отправимся на Мёртвое море¹. Недалеко от города Содомы (помните — Содом и Гоморра?) израильтяне начали строить завод по производству металлического магния (в солях Мёртвого моря более 50% хлорида магния и бромистого магния). Проект рассчитан на захват мирового рынка металлического магния — «металла XXI века».

Насколько я мог судить, реализация проекта предполагала тесное сотрудничество с Россией. К работе намеревались подключиться Институт им. Курчатова, Березниковский титано-магнийский комбинат, магнийевый завод комбината «Хлорвинил» и ряд других организаций. Общее руководство взял на себя вице-президент Академии наук Е.П.Велихов. Был расчёт широко использовать российское оборудование и технологии, отработанные в России, а также привлечь российских специалистов для пусконаладочных работ. Разумеется, не даром, а с большой и полезной для России отдачей. Для этого нужен был рабочий контакт с «закрытыми» предприятиями и НИИ. Писал в Москву. Но пробиться сквозь равнодушие и бюрократические препоны не смог. Постепенно нас потеснили украинцы, которые, видимо, открыли то, что у нас было закрыто. Это случилось потом. Мой же визит проходил под знаком радужных, но так и не осуществившихся надежд на интенсивное российско-израильское сотрудничество².

Эта поездка памятна ещё и потому, что я познакомился с чудесным человеком — Ильёй Войтовецким.

¹ Мёртвое море (в разные времена его называли Солёным, Степным, Восточным, Содомским, Асфальтовым) — одно из чудес природы. Оно ниже уровня мирового океана примерно на 400 метров. Мёртвое, потому что огромная концентрация солей губит всё живое. Скопления соли плавают как торосы. Удельный вес воды — 1,66. Поэтому лежишь, как на мокром матрасе. Брызгаться не рекомендуется, ибо попадание воды в глаза опасно. После моря обязателен пресный душ. На берегу современные лечебные комплексы. Не санатории в нашем понимании, а дорогие гостиницы с платным набором медицинских услуг. Определяют нужные процедуры не обязательно по назначению врача. За что заплатишь — то и получишь. Считается, что и соли, и микроклимат целебны. Особенно для больных псориазом.

На почтительном отдалении — огромный химический комбинат (официальное название — Предприятия Мёртвого моря). Первые химические производства основал в 1929 году инженер из Иркутска Моисей Новомейский.

На берегу Мёртвого моря четыре, кажется, кибуца, заповедники, национальный парк. По субботам всё забито. Обмазываются грязями, лежат на море, жарят шашлыки.

² При очередном посещении здешних краёв получил сертификат, коим удостоверяется, что г-н Бовин спустился к низшей точке на поверхности Земли, лежащей на 1298 футов ниже уровня мирового океана, и посетил район у Мёртвого моря, где содомская пустыня стала процветающим краем. В сертификате цитируется пророк Иезекииль: «...и воды в море сделаются здоровыми, и куда войдёт этот поток, всё будет живо там». Пока не получилось...

Илья возник в 1936 году на Украине. С 1941 по 1971 — Урал. Учился, работал, жил. Инженер. В 1971 году с тещей, женой и двумя сыновьями добрался до Израиля и сразу осел в Беэр-Шеве, на границе с пустыней Негев. Участвовал в войне Судного дня. Потом и до пенсии трудился инженером по ЭВМ на Химическом комбинате Мёртвого моря. На пенсии отрастил бороду, стал похож на Хемингуэя. Пишет стихи, иногда — прозу. Хобби — компьютер и всё, что можно на нём выделывать. Главное хобби — слабый якобы пол. А вообще, повторы, чудесный человек, настоящий товарищ, который не подведёт...

Довольно много пришлось заниматься строительством посольства, точнее — подготовкой бумаг для него. Долго и нудно этим занимался адвокат. Потом я вспомнил, что и сам — юрист, и соорудил Соглашение о намерениях и Договор об аренде.

Ещё в конце 1990 года наше Генеральное консульство получило согласие МИДа Израиля переоборудовать недостроенную 5-этажную гостиницу в центре Тель-Авива, рядом с морем (Хаяркон, 120). Но как-то руки всё не доходили. А время стало поджимать. Кончался контракт на аренду помещения в «Мерказ текстиль». Продлевать контракт администрация не хотела, так как осточертели скандалы, шум, грязь, которые сопровождали огромные ежедневные очереди. Еле-еле удалось уговорить подождать ещё год. В феврале я обратился в МИД РФ с просьбой разрешить аренду здания для посольства. Деньги у нас были. Но потратить их без санкции МИДа было нельзя. 6 апреля пишу аналогичное письмо заместителю министра иностранных дел Б.Н.Пастухову. Дополнительно прошу разрешить арендовать отдельное помещение для консульского отдела. Все «платежи по аренде служебных помещений, — завершаю я своё послание, — могут быть обеспечены за счёт доходов от консульских операций и не требуют ассигнований от МИДа России». Вот они где, визы-то...

Согласие по посольству было получено, и 6 июля 1992 года был парафирован договор об аренде (на 10 лет из расчёта 23 000 долларов в месяц). Получив 21 сентября техническое задание и 200 000 долларов аванса, хозяин дал обязательство завершить все работы за 120 дней. Но вдруг мэр Тель-Авива Ш.Лахад (его почему-то все звали «Чич»), с которым мы раньше обо всём договорились, что-то стал крутить. Я решил действовать по-русски, то есть «по блату». Позвонил своему приятелю мэру Беэр-Шевы И.Рагеру и попросил его настроить «Чича» на «зелёный свет». Однако «Чич» упёрся. Это место, сказал он Рагеру, вообще не подходит для посольства. Пришлось обращаться в канцелярию премьер-министра. Помогло...

Относительно нового помещения для консульского отдела Москва промолчала. Мы думали-гадали и всё-таки — при сопротивлении бух-

галтера — решили рискнуть. Подписали договор об аренде нового помещения с 15 августа. Исходили из того, что годовая плата составляет примерно десятую часть годового дохода консульства. И опять же — спасибо визам.

.....
24 прилетели дочь Женя с мужем и внук Макар Сергеевич трех лет от роду. Стало веселее.

.....
Культура в июне. Ленинградский «Князь Игорь». Ставили в Кейсари, в римском амфитеатре, под открытым небом. Великолепно. — Концерт синагогальной музыки — для вникания в еврейскую душу. — Концерт из произведений Стравинского, оркестр играл как-то странно: вроде и Стравинский, но какой-то на себя не похожий. — Краснознамённый ансамбль Александрова, в парке, слушатели на травке, в качестве конферансье мэр Тель-Авива. Успех — не то слово! — Концерт Кобзона: толпа и восторженный рёв. — Израильский балет в Иерусалиме. Библейские сюжеты. Модерная музыка. Интересно.

ИЮЛЬ-92

*«Ориент хаус» — «Союз рыжих» — «Черкесы» в Израиле —
— Письмо об антисемитизме — Виктор Викторович Посувалюк —
— Опреснения не получилось — «Я плачу вместе с вами...»*

Правительству Рабина пришлось начинать в сложной обстановке. С одной стороны, а за этой «стороной» была половина израильтян, от Рабина ждали крутых перемен, выполнения заявленной программы (включая реанимацию переговоров с арабами, пересмотр национальных приоритетов с их ресурсным обеспечением, улучшение качества жизни). С другой стороны, а за ней была тоже почти половина Израиля, довлекло наследие ликудовцев, ограничивала ситуация, которую нельзя было изменить за несколько дней и даже недель.

Один пример. Правительство Шамира вложило огромные деньги в создание и обустройство поселений, освоение «контролируемых территорий». Рабин поставил задачу резко сократить поток денег на территории, направить финансы на решение проблем в самом Израиле. Но строительство было в самом разгаре, его невозможно было прекратить. И, следовательно, переадресовка денежных потоков, перераспределение ресурсов откладывались на неопределённое время.

Кто-то из журналистов сравнил правительство Рабина с поездом, у которого сменили паровоз. Поезд — даже с новым паровозом — стоит на старых рельсах, на прежней железнодорожной колее и не может свернуть с неё, поехать в другую сторону. Для этого сначала надо уложить рельсы в новом направлении. Что требует и времени, и преодоления сопротивления мощных политических сил, которые вовсе не хотят сворачивать на новую колею.

.....
2 июля у меня состоялась очередная встреча с Ф.Хусейни. Он, как и в прошлый раз, принял меня в так называемом «Ориент хаусе». Об этом самом «хаусе» и шла речь.

«Ориент хаус», расположенный в Восточном Иерусалиме (то есть в той части города, которая была захвачена израильтянами в июне 1967 года и которая рассматривается мировой общественностью как оккупированная территория), был построен в 1897 году Исмаилом Мусой Аль-Хусейни. В этом доме (его называли ещё Домом Хусейни) при-

нимали кайзера Вильгельма II и императора Эфиопии Хайле Силасие. В 50-е годы Дом был превращён в фешенебельную гостиницу. В 1983 году там разместился Центр арабских исследований. В 1988 году израильские власти запретили Центру пользоваться помещениями «Ориент хауса». Тем не менее «Ориент хаус» оставался своего рода штаб-квартирой Хусейни, центром политической активности палестинцев в Израиле. Оттуда — пока Арафат находился вне Израиля — координировались действия палестинцев на переговорах. Израильтянам, разумеется, это не нравилось. Как и вообще не нравилась политическая активность палестинских учреждений в Восточном Иерусалиме. Разными путями, не мытьём, так катаньем, они стремились ограничить эту активность, рассматривая её как неправомерное посягательство палестинцев на израильский суверенитет.

Заканчивая исторический экскурс, Хусейни заметил, что по его сведениям израильтяне скоро должны снять запрет на размещение в Доме Центра арабских исследований (что и было сделано в конце июля). По мнению Хусейни, здесь, в «Ориент хаусе», должны осуществляться контакты иностранных представителей с палестинцами. Собственно говоря, так оно и было.

Положение осложнилось после достижения договорённости с Арафатом и создания Палестинской автономии. По соглашению, автономия не распространялась на Восточный Иерусалим; там не должны функционировать никакие административные органы, связанные с автономией. Однако, полагали израильтяне, «Ориент хаус» фактически является представительством Арафата в Восточном Иерусалиме, который — как громогласно заявляют и Арафат, и Хусейни — будет столицей независимого палестинского государства. Поэтому, полагали израильтяне, официальным гостям Израиля следует воздерживаться от посещения «Ориент хауса».

В неоднократных беседах со мной Хусейни категорически отрицал такой подход. Соглашение с Арафатом, подчёркивал хозяин «Ориент хауса», ни в коем случае не меняет правовой статус Дома. Вспоминая трудный разговор накануне визита Козырева в Израиль, Хусейни ультимативно настаивал на том, что к нему должен приехать только сам министр, а не кто-нибудь из его окружения, и что встреча должна состояться непременно в «Ориент хаусе». Я не мог согласиться с Хусейни. Да, статус «Ориент хауса» не изменился. Но изменился статус самого Хусейни. Теперь он — член палестинской администрации (министр без портфеля). И встреча с ним российского министра иностранных дел может интерпретироваться как выход за рамки соглашения с палестинцами. А России, как коспонсору, приходится быть особенно деликатной в таких вопросах. Не случайно мы избегаем встречаться в Восточном Иерусалиме и с израильскими официальными

лицами. По мнению посольства, писал я в Москву, не следует поддаваться давлению Хусейни. Лучше всего скрупулёзно придерживаться принципиальных и жёстких позиций по всей проблематике Восточного Иерусалима. Обиды будут с обеих сторон. Надо выдержать, и постепенно всё образуется. Если же мы будем по тем или иным конъюнктурным соображениям делать «исключения» из правила, то каждый визит будет сопровождаться скандалом. Вряд ли нужно к этому стремиться.

Со мной согласились.

Трудно быть последовательным. Мне самому пришлось нарушать свои же рекомендации. Но об этом — в своё время.

Появилась группа специалистов Гидропроекта. Намерение — принять участие в конкурсе на строительство гидроаккумуляторной электростанции. Но дальше намерений и распития по этому поводу шампанского дело не пошло.

В посольстве не было людей, разбирающихся в торгово-экономических вопросах. Этой работой занималось представительство Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Отчёт представительства за 1991 год был пронизан оптимизмом. Начата реализация проекта создания российско-американо-израильского пассажирского самолёта. Успешно работают два смешанных предприятия по обработке и продаже российских изумрудов. В ближайшее время подписывается соглашение о создании в Якутске совместной российско-израильской компании по добыче алмазов, их обработке и продаже бриллиантов. Подписан протокол о намерениях с ВПО «Зарубежтрансстрой» о строительстве железных дорог Тель-Авив — Иерусалим и Беэр-Шева — Эйлат. Созданы два смешанных израильско-российских предприятия, которые будут строить в Израиле заводы по производству быстросборных конструкций (жилых домов, складов и т.д.). Прекрасный, казалось бы, задел. Но именно — казалось. Все эти воздушные замки (карточные домики, мыльные пузыри, — как кому нравится) разрушались (рассыпались, лопались).

Причины элементарны. В России — экономический хаос, чиновничий произвол, полное неумение заниматься бизнесом в условиях рыночных отношений. В Израиле — недоверие к российским партнёрам, закрытость рынка для «чужих», масса бюрократическо-правовых препон. И хотя мелкий и средний бизнес (в основном израильский) рисковал и тащил воз российско-израильского экономического сотрудничества, для крупных проектов воздуха не хватало.

Был на учредительном собрании «союза рыжих». Несколько небольших комнат, тесно. «Зато» раскованно, балдёжно, шумно, — евреи

умеют и любят веселиться. При минимуме выпивки и закуски. Отличие от наших тусовок — нет избранных, «элиты». И всё как-то непосредственнее, проще, без натужного выпендрёжа, без работы на светскую хронику. Далеко не все рыжие. В чём дело? Мы, отвечают, принимаем не только рыжих по цвету, но и по характеру. Выяснить, что такое «рыжий характер» не удалось: ни времени не хватило, ни ресурсов. Поскольку было заявлено, что у меня тоже характер рыжий, то, наверное, это не так уж плохо...

.....
12 июля сосед по Савьону пригласил меня на брит-милу. Так называется торжественная трапеза по случаю обрезания младенца (на 8-й день после рождения)¹. Торжество проходило в большом зале при синагоге. Виновник торжества спал в коляске. А вокруг бурлила огромная толпа гостей, — пивших, евших, куривших и обменивавшихся новостями. Мне это напомнило наши российские застолья, которыми взрослые отмечают дни рождения детей. Дети и не подозревают, какое удовольствие они доставляют родителям...

.....
16 июля — посещение «черкесской» общины.

Ставлю кавычки, поскольку и в Израиле, и в окрестных странах черкесами называют всех, кого царская власть вышвырнула с Кавказа в середине XIX века за нежелание «добровольно» присоединиться к России. Это были представители разных народностей. Они расселились по всему Среднему и Ближнему Востоку. Из «черкесов» — прекрасных воинов, верных людей — нередко формировалась придворная гвардия, элитные воинские части. Но основная масса продолжала заниматься своим извечным делом — обрабатывала землю. Именно это делали «черкесы», обосновавшиеся в Палестине и перешедшие «по наследству» к Израилю.

Израильские «черкесы» на самом деле — адыги. Их примерно 2500 человек (две «деревни»). Добротное сельское хозяйство. Мусульмане. Лояльные граждане Израиля. Служат (в отличие от арабов) в армии. В школе дети изучают четыре языка — иврит (язык страны), арабский (язык Корана), английский (язык мира) и адыгейский (родной язык). В честь российских дипломатов (нас было трое) в «столице» израильских адыгов Кфар-Каме был дан концерт самодеятельности. Шашлыки жарили на берегу Тивериадского озера, ибо на территории общины действует «сухой закон».

¹ Обрезание «крайней плоти» практикуется многими народами. Корни его уходят в доисторические, добиблейские времена. О причинах и смысле учёные спорят до сих пор. Для евреев обрезание символизирует союз между Богом и Израилем, вступление человека в лоно еврейской религии. При наличии и других путей.

Лидер общины Тахуаго Яхья с нажимом говорил о том, что наконец-то после векового перерыва начинают устанавливаться связи с Адыгеей, с Майкопом. Но мешают всяческие бюрократические препоны. Яхья вручил мне послание на имя президента Ельцина, в котором адыги просили помочь им наладить устойчивые, постоянные контакты с родной землёй. Разумеется, послание было незамедлительно отправлено адресату с рекомендацией пойти навстречу общине. Ответ так и не пришел. Несколько раз Яхья приезжал в посольство, спрашивал. Мне было стыдно...

.....
17 июля в «Новостях недели» появилось интервью Дранкера со мной, того самого Дранкера, который без бронжилета проник в очередь перед консульством.

«— Как складываются отношения между Израилем и Россией после установления дипломатических отношений? Всё ли происходит так, как хотелось бы?»

— Я бы так не сказал. Некоторые вещи делаются не так быстро, как хотелось бы. Следующий шаг после восстановления отношений — разработка системы договорённостей и соглашений, которые создадут юридическую ткань, правовой фундамент наших отношений. Необходимо, например, соглашение о воздушных перевозках. Ведь до сих пор между нашими странами осуществляются только чартерные рейсы. Или, скажем, у нас нет договоров об экономическом и финансовом сотрудничестве. Это мешает появлению первых ростков торговли и экономических контактов. До сих пор существуют огромные пошлины, что не способствует развитию торговли. Отсутствует и соглашение о культурном обмене. К вам приезжает множество наших артистов, певцов, деятелей культуры. Успешно прошла первая неделя Москвы в Иерусалиме. К сожалению, встречный поток значительно меньше. Соглашение по культуре могло бы упорядочить эти связи.

— *Вы можете дать оценку новому израильскому правительству?*

— Нет, не могу.

— *Лама?*

— Каха! Потому что найдутся люди, которые будут трактовать мои оценки как вмешательство во внутренние дела Израиля. Я, знаете ли, научен горьким опытом. Особенно в беседах с журналистами...

— *Такое уже случалось?*

— Случилось однажды. Даже, пожалуй, не однажды... Так что стараюсь теперь воздерживаться от комментариев.

— *Тогда, если вы не против, я хотел бы коснуться личности самого посла. Ваша персона не укладывается в традиционные рамки...*

— Это естественно. Я вешу 130 кг. Уж какие тут рамки... Средний вес посла значительно ниже.

— Галстук не носите, в гольф не играете, верховой ездой не балуетесь...

— С лошастью проблема. Учитывая мой вес, жалко будет арабского скакуна... А привозить орловского битюга из России — накладно.

— Если быть точным, вам и орловский не годится. Владимирский тяжеловоз был бы самым подходящим... Что же касается вашего образа жизни в Израиле, говорят, вы проявляете чрезмерный интерес к русскоязычной публике. Я слышал, что вы даже получаете письма от репатриантов, в которых они просят помочь им получить амидаровскую квартиру. Почему вам интереснее общаться с бывшими соотечественниками, чем, скажем, с коллегами по профессии?

— Почему же интереснее? Я стараюсь общаться с разными слоями общества, министрами, дипломатами, журналистами, потому что нет ничего интереснее людей. Чтобы хорошо узнать эту страну, надо бывать на всех её «этажах». С «нашими» мне, разумеется, легче, здесь все мы — «русские». Общение с разными группами людей, которые по-разному видят Израиль, помогает мне создать объёмное, стереоскопическое изображение страны.

Что касается просьб, с которыми ко мне обращаются репатрианты, то далеко не всегда могу помочь. Нет у меня ни квартир, ни рабочих мест. Ни денег. Но стараюсь успокоить тех, кому на первых порах здесь трудно. Поговорим, подушевничаем, и, может быть, станет человеку легче. К сожалению, мне часто приходится пользоваться словом «савланут» (терпение), которое многим репатриантам сильно надоело. Но я всё-таки его повторяю... Я говорю им: вы изменили всю свою жизнь, вы с кровью оторвались от одной страны и с кровью приращаете к другой. Это больно.

— Каким образом будет решаться вопрос о двойном гражданстве?

— Россия не признаёт двойное гражданство. И по закону, если вы хотите оставаться гражданином России, вы должны отказаться от израильского гражданства. В нынешней ситуации для «наших» в Израиле это, конечно, нонсенс. Однако двойное гражданство может быть признано, если между Россией и Израилем будет заключён договор о двойном гражданстве. Посольство старается, чтобы такой договор был заключён поскорее.

— ...А хобби у вас есть?

— Я собираю ощущения. Они не занимают много места, они всегда со мной, и не надо заботиться об их сохранности. Собрал большую коллекцию ощущений.

— ...Я вижу, у вас около стола лежат две гантели. Это для зарядки?

— Вы должны были заметить, что ни у меня, ни у посольства — в отличие от многих других послов и посольств — нет никакой охраны. Так что эти гантели призваны обеспечить мою безопасность.

— В том смысле, что можно и гантелей?

— Только в экстремальных случаях...

В Израиле по понятным причинам всегда болезненно реагировали на антисемитские выходки в России. После нескольких неприятных разговоров на эту тему посольство решило направить в МИД специальное письмо на эту тему.

К сожалению, — писали мы, — борьба против антисемитизма идёт у нас непоследовательно, половинчато, с большими недоговорками. Процветает «Память», выходят антисемитские издания, активно действуют группы, клеймящие «жидо-масонский» заговор. А мы как бы «забываем» о законах, объявляющих уголовным преступлением разжигание национальной вражды. В Израиле очень внимательно следят за всем этим и делают соответствующие выводы. Из истории известно, что власти часто использовали «свободу антисемитизма» для сбрасывания паров народного недовольства. Хотелось бы надеяться, что наша новая власть ещё недостаточно цинична для этого.

Кажется, мы уже поняли: каждый человек волен жить там, где хочет. Но когда здесь, в Израиле, чуть ли не везде сталкиваешься с «нашими» учёными и артистами, программистами и врачами, учителями и инженерами, да и просто с толковыми, знающими, энергичными людьми, которые могли бы принести много пользы России, становится обидно.

Давайте спросим себя — почему уезжают евреи? Убеждённых сионистов, религиозных фанатиков вынесем за скобки. Их и было-то не очень много, а сейчас практически совсем нет. Мотивация основной массы эмигрантов была другой. До перестройки — несвобода, политический гнёт, невозможность реализовать себя не только как homo politicus, но и как homo economicus. После перестройки — резкое падение уровня жизни, повсеместный рост преступности, угроза гражданской войны, отсутствие сколько-нибудь обнадеживающих перспектив. Но в обоих случаях мотивировка осознавалась и вызревала на фоне явного или скрытого антисемитизма. В застойные и дозастойные годы антисемитизм выступал как тщательно скрываемая, но фактически официальная политика партии и государства. В перестроечные и постперестроечные годы — как устойчивая, «корневая» установка значительной части бюрократии, широких «низов» и даже «патриотической» интеллигенции.

За последнее время произошли значительные изменения. Антисемитизм как государственная политика исчез. В разных формах возрождается еврейская национальная культура. И всё же, как уже говорилось выше, остаётся впечатление половинчатости, какой-то «стеснительности», когда речь идёт о необходимости официального осуждения антисемитизма, официальной — публичной, гласной — борьбы против антисемитизма.

Но жажда лучшего будущего неизбывна. Даже половинчатая, вихляющая политика сказывается на настроениях людей. Материальные факторы создают неустойчивое равновесие: за выезд в Израиль — хаос у нас, против — отсутствие жилья и работы у них. И если в последнее время выбор всё чаще делается «против», если заметно уменьшается количество евреев, уезжающих из России в Израиль, то решающую роль тут играет, по-моему, рост — пусть медленный, пусть непоследовательный — враждебных антисемитизму настроений в общественной атмосфере.

В Израиле понимают это. В Россию, в бывшие республики Советского Союза хлынули многочисленные израильские эмиссары, вербующие евреев для отправки на «историческую родину». Вербуют под лозунгом: «В России для евреев нет будущего!» И наша пассивность, наша «застенчивость» играют на руку агитаторам из Израйля.

Есть старые, испытанные способы решения подобных проблем. Можно было бы ограничить деятельность указанных агитаторов. Можно было бы организовать перепечатку в нашей прессе материалов из израильских газет о колоссальных трудностях абсорбции. Но цель не оправдывает средства. Ещё одна ссора с Израилем невыгодна нам ни в каком отношении. Она снизит наш международный «рейтинг». Она вытолкнет из России толковых, умеющих делать дело людей.

Существует только один способ сразу убить двух зайцев (предотвратить новое массовое бегство евреев из России и сохранить прочные отношения с Израилем) — бой с антисемитами. Игра в поддавки тут ничего не даст. Компромисс с черносотенными подонками — значит отступление, потакание им. Вряд ли нужно стыдиться защищать Конституцию, защищать демократическое будущее России. Наступление на антисемитизм — требование не только политики, но и совести каждого порядочного человека.

МИД промолчал. Впоследствии председатель комитета Верховного Совета РФ С.А.Ковалёв говорил мне, что моё послание послужило одним из поводов для парламентских слушаний по антисемитизму. Но мало что изменилось. Тема антисемитизма в России (равно как и тема Ирана) преследовала меня постоянно. И столь же постоянно служила (и до сих пор служит) источником недоверия к России, к намерениям и политике российских властей.

.....
26—28 июля в Израиле находился с рабочим визитом мой непосредственный начальник Виктор Викторович Посувалюк. Он тогда занимал пост руководителя Департамента Среднего и Ближнего Востока и Северной Африки. Приезд начальства всегда несколько возбуждает посольство. В данном случае главным было — организовать беседы Посувалюка на достаточно высоком уровне. Чем выше — тем лучше,

разумеется. Закавыка была в том, что у самого Посувалюка в те времена чин был не очень высокий. Но мы расстарались, и Посувалюка принял министр иностранных дел Перес.

В общем Посувалюк остался доволен. Затащил я его в моё любимое кафе на Дизенгофе. Пили прекрасный местный рислинг и налаживали отношения. Он втолковывал мне всякие премудрости посольской и мидовской жизни. Кажется, читали стихи. Потом мне много раз приходилось встречаться с Виктором Викторовичем в разных ситуациях. Человек он компанейский. Сочинял песни и сам исполнял их, аккомпанируя себе на гитаре. Умён. Хорошо знает арабский Восток. Встречи с Арафатом всегда сопровождались объятиями и поцелуями. По-моему, мы понимали друг друга. Иногда мне казалось, что он хитрит, не хватало искренности, открытости... Однако я вносил поправочный коэффициент на долгие годы пребывания в МИДе.

.....

Когда мы с Посувалюком были у Переса, я передал министру письмо Г. Попова, в котором предлагался проект опреснения морской воды.

Если отвлечься от арабов, то для Израиля пресная вода — проблема №1. Проблемой №1 она является и для арабских соседей Израиля, если, конечно, они смогут «отвлечься» от Израиля. Как утверждают многие «конфликтологи», если и есть из-за чего воевать на Ближнем Востоке, так именно из-за воды: за источники пресной воды и за её распределение. «Начиная с 1967 года, — цитирую американского журналиста Дж. Куллера, — борьба за воду лежит в основе всех арабо-израильских проблем. Более того — она является потенциальной причиной напряжённости между многими другими странами региона. В то время как Запад и остальной мир видят в Ближнем Востоке прежде всего источник жизненно необходимой им нефти, сами ближневосточные страны считают проблему воды куда более важной для своего благополучия». Куллер не прав, если смотреть в прошлое, но в будущем вода, безусловно, станет здесь главной политикой.

В Израиле — хронический и огромный дефицит пресной воды. И это при том, что расчётная норма потребления воды на человека минимальна — 200 литров в сутки (в Европе — более 1000 литров). Около трети потребляемой воды даёт озеро Кинерет. Около двух третей поступает из подземных водоносных пластов. Однако подземные резервуары далеко не бездонны. А многие реки, питающие Кинерет, берут начало за пределами Израиля. Что чревато...

Вода в Израиле расходуется следующим образом: 60% берёт сельское хозяйство, 10% — промышленность, остальная идёт в муниципальные сети. Потери везде огромные. Но борьба с ними требует порядка и капиталовложений, которых пока нет.

Предлагалось получать воду из Турции. Или водовод, проложенный по дну моря, или транспортировка морем в контейнерах ёмкостью 200 тысяч тонн. Идея не прошла, поскольку кто там знает, что будет в Турции...

Значит надо рассчитывать на внутренние источники.

Как это ни покажется странным на непросвещённый взгляд, Израиль богат осадками. В среднем в год небеса дают до 10 млрд. кбм., а в дождливые годы — до 16 млрд. кбм. осадков. То есть в 3-5 раз больше, чем требуется. Но чтобы использовать этот дар небес, нужна полномасштабная система управления ливневыми водами. Её же нет. И, похоже, толком ею никто не занимается.

Остаётся опреснение морской воды. В середине 90-х в мире уже действовало более семи с половиной тысяч опреснительных установок, из них — две трети на Ближнем Востоке. Из этих двух третей почти половина — в Саудовской Аравии: вот уж воистину страна по переработке нефти в воду!

Опреснение морской воды — дело очень дорогое, да ещё и с туманными экологическими последствиями. Но разговоров вокруг в Израиле велось много. Участвовала в этих разговорах и Россия.

Поначалу мы предлагали израильтянам проекты с использованием ядерной энергетики (в основе — наши установки с подводных лодок). Но энтузиазма этот проект не вызвал. Особенно, видимо, после Чернобыля.

Второй проект предлагал многоцелевую экологически чистую систему опреснения морской воды с отбором ценных минеральных компонентов и получением электроэнергии. По расчётам, эта система должна была полностью удовлетворить потребности Израиля в пресной воде и позволить экспортировать воду в соседние страны. Обо всём этом и писал Попов господину Пересу.

Далее для меня история кончилась и началась работа. Ходил по разным кабинетам, включая кабинет Рабина. Все проявляли интерес, но не более того. Максимум, чего удалось добиться — главным «водником» Израиля было поручено изучить проект и представить своё мнение. Мнение так и застряло где-то в бюрократическом болоте.

Ещё одна попытка реанимировать интересный с моей точки зрения проект была предпринята в августе 1996 года. Министром энергетики и национальных ресурсов Израиля был назначен А. Шарон. Зная его нестандартный образ мышления и деловую хватку, я энергично атаковал министра. Официальная Москва, как всегда, вела себя пассивно. Шарон не вошел ещё в курс дела. Моё время истекало.

Я уже писал о том, что за «мои» пять с половиной лет не удалось реализовать ни один крупный российско-израильский проект. При-

чины разные. В основном — «объективные». Но почему-то провал с проектом опреснения сидит где-то внутри меня как личное поражение. Наверное, потому, что уж больно он мне нравился — своей цельностью, техническим изяществом...

.....
29 июля в Иерусалиме был открыт памятник жертвам советского режима. Открытие было приурочено к 40-летию расстрела руководителей Еврейского антифашистского комитета. Не помню уж по каким причинам, но я не смог приехать в Иерусалим. Написал и опубликовал небольшую статью. Она называлась «Я плачу вместе с вами».

«Сорок лет назад — 12 августа 1952 года — по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны выдающиеся деятели еврейской культуры, руководители Еврейского антифашистского комитета.

Ещё одна кровавая страница среди тысяч таких же страниц советской истории... Мне, человеку, чья жизнь прожита в Советском Союзе, мучительно трудно об этих страницах говорить. Но говорить нужно.

Я не был палачом и не был жертвой. Но я был частью, неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв. И теперь, обращая душу к ужасам прошлого, сопереживая с мучениками и сочувствуя несчастным, ведя диалог с собственной совестью, я делаю это не только для того, чтобы склонить голову перед памятью невинных жертв, не только для того, чтобы вновь и вновь проклясть палачей, но и для того, чтобы ни я сам, ни дети мои, ни мои внуки никогда больше не молчали...

Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая ещё не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее. Судя по тому, что мы знаем, речь шла не только об уничтожении еврейской элиты, а о том, чтобы уничтожить или заключить в огромные гетто всю еврейскую общину Союза.

Злодейское убийство великого артиста Михоэлса, хладнокровная ликвидация лидеров и активистов Еврейского антифашистского комитета, духовный погром еврейской интеллигенции под флагом борьбы с «безродным космополитизмом», позорное «дело врачей», ориентированное на возбуждение массового, низового юдофобства, — таковы мрачные вехи на пути к всееврейскому геноциду.

К счастью, умер Сталин. Но, к несчастью, посеянные им, — если бы только им! — семена зла продолжают прорастать и ныне. Но ныне, слава Богу, иные времена, и цветы зла обречены.

Сталинский террор не имел национальной основы. Гибли русские, гибли украинцы, гибли грузины. Свой жертвенный список имеет каждая нация, каждая народность бывшей империи. Но евреям не легче от этого. Каждый народ имеет «право» громче плакать на могилах своих сыновей и дочерей.

Я представляю Россию. Но я представляю её в Израиле. Поэтому в этот трагический день я плачу вместе с вами, люди Израиля, и прошу вас — простите...

Я представляю Россию. Но я представляю новую, демократическую Россию. Поэтому я убеждён, что такая Россия будет не мачехой, а матерью для всех евреев, которые поверят ей.

Обязательная суэта посольской жизни не позволила мне присоединить свой голос к голосам тех, кто 29 июля в Иерусалиме принимал участие в открытии памятника жертвам советского режима. Сегодня я делаю это».

Через несколько дней «Правда» обругала меня. Цветы зла продолжали прорастать...

.....
Поступило указание Москвы прислать «отклики» на «дело КПСС». В советское время это была обычная практика: от посольств требовали «отклики» на всякие события, особенно — на речи начальства. Потом вроде бы оставили в покое — и вдруг!

Сообщил в Москву, что рассмотрение в Конституционном суде РФ дела КПСС не встречает заметного интереса в СМИ Израиля. Серьёзных материалов нет. Преобладают информационные заметки, опирающиеся на статьи в российских газетах и выдержанные в саркастических тонах. В целом позиция правительства России (КПСС не является партией в классическом, научном смысле этого слова, принятом в политической теории) встречает понимание. Одновременно журналисты обращают внимание на упорное, переходящее в контратаки сопротивление представителей КПСС. Последнее обстоятельство трактуется как уверенность консервативно-догматических сил в прочности своей социальной базы, в наличии у них будущего. В общем же, если иметь в виду тему «КПСС», гораздо большим успехом пользуются перепечатки из российских источников разного рода сверхсекретных (к секретным уже давно привыкли) документов («особая папка» и т.п.). Их комментируют с понятным злобством и сладострастием.

К вопросу об «откликах» можно подойти и с более широких позиций. Четыре группы проблем систематически и достаточно полно освещаются в израильских СМИ.

1. Активизация в России (и в СНГ) антисемитских организаций и изданий. Фиксируются факты. Обсуждаются тенденции. Осуждается бездействие властей. Делаются выводы о необходимости вывезти в Израиль оставшихся в СНГ евреев.

2. Опасность наступления фундаментализма на Кавказе и в Средней Азии. Особый упор — на активизацию Турции и Ирана, а также на будущую роль нового Афганистана. Налаживание отношений меж-

ду Израилем и странами Средней Азии как средство притормаживания фундаментализма и — в крайнем случае — спасения евреев.

3. Продолжающееся ухудшение экономического положения в России. Факты из российских газет. Анализ — перепечатки серьёзных материалов из американских и европейских источников. Общий диагноз — непоследовательность реформ. Практическое следствие — весьма осторожный подход солидного израильского бизнеса к вложению капиталов в Россию.

4. Конфликтные ситуации на территории бывшего Советского Союза. Подаётся густо, броско; на ТВ — с выстрелами, взрывами, жертвами. Вывод — если там есть евреи, надо спасать.

На фоне перечисленных сюжетов Конституционный суд мало заметен. Что же касается официальных лиц, то ни одного комментария зафиксировать не удалось. Из неофициальных суждений складывается впечатление, что здесь рассматривают «дело КПСС» как свидетельство известного баланса сил между властью и оппозицией. В кругах «советологов» склонны подчёркивать неустойчивость этого баланса.

Потом до меня дошли слухи, что бумага моя как-то «не произвела». Правда, больше «откликов» не требовали.

.....
31 июля советник-посланник Чистяков пригласил к себе на ужин гастролировавшего в Израиле Алана Чумака. Компания — несколько наших дипломатических пар. Чумак рассказывал, мы слушали. «Выяснилось», что чудодейственная сила Чумака вливается в него прямо «из космоса». Он толковал об этом на полном серьёзе. И сразу стал неинтересен, нелюбопытен, пошёл.

.....
Культура в июле. Чудесно пели сёстры Лисициан. — Концерт армянского ансамбля в Иерусалиме. После песни о Карабахе зал неистовствовал. — В Кейсарии концерт новых звёзд «Большого». В амфитеатре Галина Уланова и президент Израиля. Триумф. — «Аида» в концертном исполнении. 1500-й раз за пультом знаменитый маэстро Зубин Мета. — «Спартак» в Кейсарии. Восторг неописуем.

АВГУСТ-92

*Цфат — Египетский посол Мухаммад Басьюни —
Генерал Эхуд Барак — Перес в Москве*

Главным событием августа стал визит в Москву министра иностранных дел Израиля Ш.Переса. Но до этого ещё нужно было дожить.

Для меня же август начался с посещения одного из самых красивых и самых знаменитых городов Израиля — Цфата. Когда-то Цфат, расположенный в горах Верхней Галилеи, был центром еврейской духовной жизни, городом талмудистов, толкователей Каббалы, знатоков мистической философии. Теперь — это город художников. Можно весь день бродить по узким улочкам, переходя из одной галереи в другую. Что мы с женой и сделали. После политических разговоров, писания бумаг, разбора склок и полусклок, здесь, как источник чистейшей воды. Смотреть на картины, говорить с их авторами, погружаться в выдуманный, созданный воображением и кистью мир и стараться понять его, проникаться вечными заботами искусства и столь же вечными заботами людей, зарабатывающих на хлеб насущный, — это ведь тоже дипломатия, только очищенная от мелочных сует. Не до конца, к сожалению. Ибо надо было уезжать. «Мы спускаемся с гор, просто некуда деться...»

.....
Надо было знакомиться с новым правительством. Обход начал с министра энергетики и инфраструктуры, науки и технологии Амнона Рубинштейна. Интеллигентный, тонкий человек. Юрист. Представляет левый фланг правительства (блок МЕРЕЦ). Блок состоит из трех партий: Шинуй (Перемены), РАЦ (Движение за права человека) и МАПАМ (Объединённая рабочая партия). В Кнессете имеет 12 мандатов. В январе 1997 года блок объявил себя партией. Её политический облик хорошо просматривается через официальные партийные лозунги. Первый: «Чтобы получить мир, за него надо заплатить болью». Второй: «Не будет мира — будет война». Третий: «Израиль без демократии — не государство». Четвёртый: «Клерикализм и национализм — гроб для сионизма». Пятый: «Социальная пропасть — наш самый опасный враг».

Рубинштейн был настроен на разностороннее сотрудничество с Россией. Выделил несколько направлений. Закупка нефти на долгосрочной основе. Разведка на нефть в Израиле. Опреснение морской

воды. Строительство завода по производству металлического магния. В общем, поговорили приятно. Но за этим разговором, как и за многими другими, не было дела. Дело тонуло в бюрократическом безразличии. В Израиле и за Израилем действовали силы, которые были незаинтересованы в усилении российского присутствия на Земле Обетованной. В России было полно тревог и забот, которые отодвигали Израиль на периферию внешнеэкономических связей. Все занимались тактикой, почти никто не думал о стратегии.

Следующий визит к министру абсорбции Яиру Цабану. Человек другого типа. Не учёный в политике, а просто политик. Киббуцник. Был одним из лидеров Компартии. Потом сдвинулся вправо и зафиксировался на уровне МЕРЕЦа. Живой, общительный собеседник. Проблемы абсорбции рассматривает в широком политическом контексте. Только развитие мирного процесса, региональное экономическое сотрудничество, создание нового морально-психологического климата в стране и регионе позволят мобилизовать средства, необходимые для успешной, максимально безболезненной интеграции репатриантов в израильское общество. По прикидкам министра, в ближайшие 5 лет на нужды абсорбции надо потратить дополнительно 57 млрд. долларов.

Слушая Цабана, я вспомнил старый-престарый анекдот: «Съесть-то он съест, да кто ему даст». Условия, в которых пришлось работать министру, разительно отличались от его схемы. Мирный процесс зашел в тупик, региональное сотрудничество осталось мечтой, климат вряд ли изменился.

Одна из главных проблем абсорбции — жильё. Цабан резко критиковал политику бывшего министра жилищного строительства А.Шаарона, в результате которой свыше 270 тысяч человек остались без постоянного жилья. Сказал Цабану, что Россия готова построить в Израиле комбинат по производству сборных, быстромонтируемых домов. Качество — на уровне мировых стандартов. Министр заинтересовался. Позже я говорил на эту тему и с министром строительства. Тоже заинтересовался. Приезжали наши специалисты. Вроде бы договорились. Но «заинтересовались» и израильские строительные бароны. И порушили всё дело. Им не нужна конкуренция, сбивающая цену на их продукцию.

.....
Радостное событие — удалось договориться о новом помещении для консульского отдела. Там просторнее. Можно расширить «фронт работ», установить современное оборудование и тем самым снизить накал страстей в очереди.

.....
11 августа познакомился с египетским послом в Израиле Мухаммадом Басьюни. Интересный человек. В курсе всех событий в Израиле и вокруг него. Долгое время работал в разведке. После войны Судного

дня был военным атташе в Тегеране. После заключения мира с Израилем переместился в Тель-Авив. Сначала в качестве консула, ну и далее — везде... Симпатии Басьюни всегда были на стороне Аводы. Это осложняло его отношения с правительством Шамира, но зато сработало в его пользу после прихода к власти Рабина—Переса. Газета «Калейдоскоп» писала в августе: «Посол Басьюни — дипломатическая звезда нынешнего лета... Басьюни сегодня в моде. Как когда-то Бовин. Его приглашают на презентации и банкеты. Ему с почтением жмут руку. На его фоне фотографируются, чтобы потом похвастаться перед друзьями».

У Басьюни готовят самый вкусный кофе в Израиле. Примерно такой же, как при дворе Арафата. Мы пили кофе, и посол обстоятельно излагал мне своё видение «текущего момента». Особый упор был сделан на Сирию. Сирия — это «ключ к решению ближневосточного конфликта». Без прогресса на переговорах с Сирией соглашения с палестинцами не будет. Ибо у Дамаска «сто процентное вето». Говоря о проблеме Голанских высот, Басьюни подчеркнул, что Асад никогда не согласится «оставить хоть миллиметр» Голан израильтянам.

Переходя к палестинскому «треку», Басьюни несколько раз в разных контекстах упирал на то, что из всех палестинских лидеров самый умеренный это — Арафат. Именно с ним надо вести дело. Он чувствует происходящие перемены и готов адекватно реагировать на жесты доброй воли со стороны Израиля. Договориться по автономии вполне реально. Что же касается идеи независимого палестинского государства, то она, — тут посол подчеркнул, что излагает своё сугубо личное мнение, — вряд ли реальна. Оптимальным решением могла бы стать конфедерация с Иорданией.

В общем, подвёл черту Басьюни, Каир настроен оптимистически. В Израиле появилось правительство, которое намерено искать компромиссы, а значит — вести серьёзные переговоры.

Я не вполне разделял оптимизм коллеги. Мне казалось, что Асад не готов к сбалансированным компромиссам. Он занял такую позицию: пусть сначала Израиль даст обязательство вернуть Голаны, и только тогда мы начнём переговоры. Но о чём тогда говорить? Поэтому дела на сирийском направлении так и не сдвинулись дальше переговоров о том, как вести переговоры.

Как бы то ни было, беседы с Басьюни, а мы встречались неоднократно, всегда давали пищу для ума¹.

¹ В конце 1997 года появились сообщения, что некая исполнительница танца живота обратилась в суд с иском, требуя от Басьюни 290 тысяч долларов в качестве компенсации за моральный ущерб и телесные повреждения. По её словам, египетский посол пытался её изнасиловать. Не знаю, чем кончилось дело. Но как-то не вяжется претензия танцовщицы с обликом Басьюни. Да и с обликом танцовщиц тоже...

.....
Большое впечатление произвёл разговор с заместителем министра иностранных дел Йоси Бейлиным. Молодой. Умный. Левый. Склонный рассматривать те или иные конкретные проблемы в теоретической, концептуальной системе координат. Минус — недостаточно прочный фундамент базовых знаний (история, культура, философия). Но этот минус у Бейлина был выражен гораздо слабее, чем у большинства израильских политиков. За исключением, пожалуй, Переса. Кстати, Бейлин был человеком Переса («пудель Переса» — так, если верить слухам, назвал его когда-то Рабин).

Беседа наша имела общий, ознакомительный характер. По словам Бейлина, в правительстве есть разные мнения относительно перспектив мирного процесса. В частности, Рабин настроен более осторожно, более скептически, чем Перес. При общем понимании, что надо напрямую говорить с ООП, с Арафатом. Стартовые позиции израильтян на переговорах с палестинцами будут, видимо, жёсткими, запросными. Следует уйти от определения конечных целей и сосредоточить пока внимание на достижении договорённостей промежуточного характера. Бейлин отметил, что Перес придаёт большое, принципиальное значение многосторонним переговорам, рассматривая их как путь к новому Ближнему Востоку.

Я понимал, что в ранце Бейлина спрятан маршалский жезл, что он рассматривает себя как преемника Переса в партийной иерархии Аводы. Но мне казалось, что Бейлин слишком умён, слишком честен и слишком наивен, чтобы пробиться в большую политику. Израиль ещё не созрел для Бейлина, как Россия не созрела для своих «киндер-сюрпризов»...

.....
Серию августовских бесед заканчивает визит к начальнику Генерального штаба Армии обороны Израиля Эхуду Бараку. Родился в 1942 году в кибуце Мишмар ха-Шарон (его родители — Бруки из Паневежиса). В армии с 1961 года. Помимо военного образования имеет академические степени по физике (Еврейский университет в Иерусалиме) и системному анализу (Стенфордский университет в США).

Барак командовал знаменитым спецназовским подразделением «Саерет маткаль»¹. Руководил военной разведкой. Командовал Центральным военным округом. С 1 апреля 1991 года начальник Генерального штаба.

¹ Этот элитный отряд создал в 1958 году майор Авраам Бург. В докладной Бен-Гуриону он писал: «Это будут совсем другие солдаты. Они смогут выполнять самые невероятные задания. Из командиров этой части в будущем станет комплектоваться Генеральный штаб Армии обороны Израиля». Правда, армия не была в восторге от такой перспективы. И когда Барак возглавил Генштаб, многие генералы ворчали.

Не помню уж по какому случаю, но попал я в мастерскую, где занимаются, в частности, орденоскими лентами. Вижу, на столе лежит колодка с четырьмя одинаковыми планками, каждая из которых, если перевести на наш язык, означает Звезду Героя. «Это для кого?» — спрашиваю. «Для Барака», — отвечает хозяин. Насколько я смог разобраться, такие «звёзды» дают не за штабные усилия, а за непосредственное участие в боевых операциях. Потом я как-то спросил у генерала, где он так отличился, но получил уклончивый ответ¹.

Барак пришел в Генштаб с намерением реорганизовать армию, чтобы гарантировать победу с минимальными потерями, практически без участия сухопутных войск. Упор делался на ракеты, противоракетные комплексы, самолёты нового поколения, средства радиоэлектронной борьбы. Плюс, разумеется, чёткое управление и профессионализм на всех уровнях.

По мнению Барака, стратегическая обстановка вокруг Израиля пока остаётся спокойной. Можно гарантировать, что в течение года войны не будет. «А потом?» — «Только сумасшедший способен видеть что-нибудь за пределами года!» Я промолчал, надеясь втайне, что генерал шутит.

Угрозу войны, продолжал Барак, содержат непрекращающиеся поставки оружия в регион, рост мусульманского фундаментализма, сохранение диктаторских режимов. Главная опасность — Сирия. Но без запасных частей из России Сирия беспомощна. Так что Москва держит в руках ключи от стабильности в регионе. Очень надеюсь, сказал Барак, на Примакова (тогда — директор СВР) и на Зотова (тогда — посол в Сирии).

Стратегическая доктрина Израиля, объяснял мне Барак, исходит из капитальной и всеобъемлющей асимметрии между Израилем и арабским миром (территория, население, природные богатства, вооружённые силы). Асимметричны и намерения. У Израиля — выжить, у арабов (по крайней мере до последнего времени) — помешать выживанию Израиля. Поражение в войне — рана для арабов и смерть для Израиля. Поэтому, сказал генерал, главная задача политической стратегии Израиля — предотвратить войну, а главная задача военной стратегии — предотвратить уничтожение Израиля. Поскольку у Израиля нет стратегического пространства для обороны, то наша страте-

¹ Впоследствии «белые пятна» на боевом пути Барака стали заполняться. Легенды обрастают фактами. Похищение офицеров прямо из Генерального штаба сирийской армии. Освобождение заложников, захваченных террористами в самолёте авиакомпании «Сабена». Операция «Юная весна» — ликвидация в Бейруте трех деятелей ООП, причастных к убийству израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене (в этой операции вместе с Бараксом участвовали будущий начальник Генерального штаба Амнон Шахак-Липкин и будущий советник Рабина по борьбе с терроризмом Игал Преслер).

гия на уровне операций — стратегия наступательная. Арабам выгодна затяжная война, нам же — молниеносная.

Барак остановился на возможности нового удара американцев по Ираку. Теперь Израиль сохранит нейтралитет только в том случае, если Багдад воздержится от пуска ракет по Израилю. В противном случае Израиль нанесет удар по военным объектам Ирака.

Я поинтересовался, какая роль отводится ядерному оружию в израильской стратегии. Ответ прозвучал так: Израиль не говорит и не будет говорить, есть у него ядерное оружие или нет. Этот вопрос не будет предметом каких-либо переговоров. А уверенность арабов в том, что Израиль располагает таким оружием, служит стабилизирующим фактором в регионе.

Барак поддерживает намерение правительства ускорить мирный процесс. Но, судя по некоторой витиеватости мысли, перспектива отдать палестинцам значительную часть Иудеи и Самарии усваивается генералом с большим трудом. Барак решительно заявил: если во время переговоров террористы убьют на израильской земле «даже двух евреев», Израиль прервёт переговоры. Я усомнился. Барак не стал настаивать.

Затронув тему израильско-российских отношений, начальник Генштаба высказался за развитие военного сотрудничества, включая обмен военными атташе.

Посольство активно поддержало мысль об обмене военными атташе. Аргументируя наш подход, мы писали в Москву, что наличие военных атташе — естественный результат формирования нормальных отношений между странами, обладающими развитыми военными структурами. Следует учитывать и значительную роль, которую играют военные в политической, экономической и духовной жизни израильского общества. Постоянные контакты по военной линии позволяют лучше прощупывать пульс израильской жизни. Военно-техническое сотрудничество с Израилем представляло для нас и экономический интерес¹.

Где-то в середине августа стало известно, что Козырев согласен принять Переса 20-21 августа. Завертелась подготовка визита. 17-го я прилетел в Москву. Переса встречали поздно вечером 19-го. Вместо Козырева в аэропорт приехал его заместитель Б.Н.Пастухов. Тут же у

¹ Рассказывают, что в конце 80-х годов Ш.Перес говорил о том, что он хотел бы видеть в будущем во главе Аводы трех человек — Амоса Оза, Шломо Бен-Ами и Эхуда Барака. «Амос — это свежее дыхание партии. Шломо — европейская образованность и интеллектуальный потенциал. Эхуд — спокойствие и безопасность страны». Хотелось бы, чтобы Барак, который стал лидером Аводы и возглавил правительство Израиля, оправдал надежды...

грапа мне сообщили, что если Козырев поставит вопрос об обмене военными атташе, Перес согласится.

Утром 20-го сбор у Козырева. Ситуация почти фарсовая. Министр не изучил бумаги, которые ему подготовил аппарат. «Зачем приехал Перес?» — спросил нас Козырев. Хором стали что-то втолковывать ему. Я поставил вопрос об атташе. Министр тут же позвонил Грачёву, но того не оказалось на месте.

Далее очень поверхностный разговор министров. Потом поехали к вице-президенту А.В.Руцкому. Он опоздал на 45 минут. И, наконец, посещение Е.Т.Гайдара. Разговор по делу (даже опреснение воды было упомянуто), но всё как-то приблизительно, формально, без заинтересованности с обеих сторон.

Впрочем, у сторонних наблюдателей складывалось другое впечатление. Точнее, его умело «складывали», беседуя с журналистами, участники переговоров. Вот, например, что сообщала своим читателям Ирина Горюнова, корреспондент газеты «Время»:

«Подводя итоги визита Шимона Переса в Москву, замечу, что все его встречи проходили в обстановке крайней заинтересованности и взаимопонимания.

После беседы с Андреем Козыревым Перес с улыбкой сказал: «Я разочарован, так как не нашлось ни одного вопроса, по которому наши точки зрения не совпали!».

Премьер-министр России Егор Гайдар перед началом переговоров уведомил гостя: «В зале, где проходит наша встреча, раньше заседало Политбюро ЦК КПСС». И добавил, что год назад — во время августовского путча — нынешнее правительство России предполагало, что будет сидеть совсем в другом месте. А перед встречей с Александром Руцким Шимона Переса предупредительно информировали, что именно в этом кабинете был арестован Янаев. Теперь большую часть кабинета занимают макеты разнообразных самолётов — таково хобби бывшего лётчика Руцкого.

Посол Александр Бовин тоже шутил. На мой вопрос, нравится ли ему в Израиле, он ответил: «Лучше, чем в Греции, но хуже, чем в Швеции»....

Поздно вечером 22 августа Перес улетел на родину, в Белоруссию.

А ко мне домой неожиданно заявили два генерала. С могучей бумагой, разрешающей им продавать за границу всё что угодно. Хоть комплекс С-300, хоть танковый завод, хоть боевые самолёты любых типов. Предложили проработать израильский вариант. Но я не был готов к такого рода деятельности. И хорошо помнил наставление Остапа Бендера: «Чтите уголовный кодекс!» Вежливо выпроводил генералов. Говорят, они живут теперь на Канарах...

Пробился к министру. Никакого «вопроса» у меня не было. Просто я привык иметь психологический контакт с начальством. И хотел

наладить такой контакт. Но не получилось. Поговорили о том о сём. Министр призвал меня писать «философские заметки». С явной неприязнью говорил о Департаменте. На том и расстались.

28 августа вернулся в Тель-Авив. Праздновали новоселье в консульстве.

Под августовский занавес интервью из московской «Культуры». Пишет Марина Очаковская: *«Моё первое прошлогоднее впечатление об Израиле — феерия, какое-то невысказанное смешение народов, невысказанное соединение на микроскопическом клочке суши всевозможных климатических зон и разнородных географических понятий, невысказанное сосуществование религиозных центров, невысказанное смешение Востока и Запада, Стамбула и Оксфорда, Жмеринки и Парижа, разобраться в котором казалось тоже невысказанным. Лишь один феномен никак не хотел укладываться в заранее приготовленное ложе терминов и определений и ускользал от суетливого командировочно-туристского анализа — это был феномен израильской культуры. И тогда, отчаявшись одолеть его самостоятельно, я обратилась, как водится, за разъяснениями к начальству. Говоря кухонным языком недавнего прошлого, заведующим советской властью на территории Государства Израиль является Чрезвычайный и Полномочный посол РФ Александр Бовин, у которого я и потребовала инструкций на предмет твёрдости во взглядах. Прилагаемый отчёт о беседе свидетельствует о том, что с инструкциями и идеологическими установками в российском посольстве, прямо скажем, слабовато, но зато и демонстрирует, что посол наш, слава Богу, живой человек, и облачение в дипломатический фрак ни на йоту не изменило журналиста А.Бовина. Итак...*

— Вопрос вы мне подкинули сложноватый, если не сказать попросту безответный: сами израильтяне до хрипоты спорят, что такое израильская культура, а точнее ещё — что такое еврейская культура, частью которой является израильская. Бывший ленинградский, а ныне израильский художник Саша Окунь задал сам себе вопрос: что общего у Модильяни, Писсарро и Левитана, которые все были евреи? И сам же на него ответил: ничего, кроме еврейской печали в глазах. За простотой этого ответа глубокий смысл: до сего дня еврейская культура представляла собой набор слабо связанных религиозной общностью культур евреев из самых различных стран проживания и исхода. Вот и получилось, что культура сефардов не могла не привнести в Израиль традиции Востока, в то время как европейские евреи, ашкеназы, принесли с собой отголоски культур Украины и Польши, Германии и России. И при всём том они оставались евреями, то есть переосмысливали культуру страны проживания в русле еврейских народных традиций. Но и этот процесс неоднозначен, потому что

они сами являлись к тому же субъектами культурного развития стран проживания. Вот, к примеру, я люблю стихи завзятого, активного, крайне радикального сиониста Владимира Жаботинского. Люблю не потому, что он сионист, а потому, что он писал приличные, если не употреблять громких терминов, русские стихи. Хотя бы эти, посвящённые памяти Теодора Герця:

Пусть мы умрём под муками ярма,
И вихрь умчит клочки священной Торы,
Пусть сыновья уйдут в ночные воры
И дочери в позорные дома,
И в мерзости наставниками людям
Да станем мы в тот день и час,
Когда тебя и песнь твою забудем
И посраим погибшего за нас.

Так что стык разнообразных культур подарил необычайное явление, но и это ещё не всё — израильская культура выковывается в столкновении идишских и ивритских течений, и величайший израильский поэт Хаим Бялик писал на обоих языках.

— *Тот самый Бялик, которого Никита Хрущев, если верить воспоминаниям известного в Израиле коммунистического деятеля Самуила Микуниса, считал украинским поэтом?*

— Именно. И это тоже не лишено оснований. Короче, в израильском котле намешано невообразимо много, и это многое бурлит, кипит и не всегда желает соединиться. Вот нынче в моде разговоры, что последняя алия, то есть волна репатриантов из Советского Союза, разрушающе действует на ещё хрупкую собственно ивритскую культуру, насильно возвращая её на несколько десятилетий назад, к русским корням, и что с этим явлением нужно всемерно бороться. Я вообще опасаясь слова «борьба», когда оно относится к сфере культуры. А уж коли оно накладывается на наш родимый менталитет, который невозможно сдать вместе с советским паспортом, то тогда впору караул кричать. Мы же привыкли, что тот, кто не с нами, тот против нас, и его нужно унижить, растоптать, повергнуть в прах.

Вот свеженький пример. В Израиле существовал Союз журналистов. Почему-то одного союза оказалось недостаточно, как-то он не так защищал интересы, и был организован ещё один союз — русскоязычных журналистов. Я не хочу обсуждать, зачем он был организован, нужен ли он на самом деле, это меня не касается. Организован и организован. Но тут выступает в печати одна уважаемая русскоязычная журналистка и безапелляционно заявляет, что организация этого союза приведёт ни много ни мало к формированию русского гетто в Израиле. При чём здесь гетто, с какой стороны это гетто, убейте, не пойму. Но хлесткая фраза брошена, и ярлык приклеен.

Или вот ещё. Сейчас в Израиле идут ожесточённые споры — исполнять ли музыку Вагнера. Мало того, что он был ярким антисемитом, он являлся официально объявленным в нацистской Германии классиком нордической музыки и был любимым композитором Гитлера. В СССР Вагнера тоже не исполняли до середины 50-х. Здесь же мораторий на исполнение Вагнера существует по сей день. Несколько видных музыкантов хотят снять это табу. И вот в споре кто-то процитировал Стасова, который резко критиковал Вагнера именно за антисемитизм. Тут же нашёлся некто, вспомнивший, что Стасова цитировал незабвенный Жданов. «Следовательно», тот, кто ссылается на Стасова, является ждановцем. Какая-то фантастическая логика, которая мне недоступна... И такие битвы идут повсеместно и повсеговременно. Тем более, что жару в огонь добавляют массированные гастролы российских артистов. Это даёт возможность произносить очередные филиппики в адрес разрушителей ивритской культуры.

— *В этом году на Иерусалимском фестивале искусств, на котором я была аккредитована, я не обнаружила участников из развалин Советского Союза (разве что ансамбль песни и пляски под управлением Александра), хотя в прошлом году их наличие было впечатляющим. Это что — утрата интереса или следствие борьбы против разрушителей ивритской культуры?*

— Да нет, думаю, что это просто случайность. Что-то не состыковалось, с кем-то не договорились. Вне рамок фестиваля гастролёров хватает. Только за один месяц здесь побывали Пугачева, Боярский, Киркоров, Лещенко, Леонтьев, Распутина, Розенбаум, всех и не припомню. И залы собирали полные.

— *То есть тяготы новой жизни, с которыми сталкиваются иммигранты, не колеблют у них потребности в культуре?*

— Я понимаю иронию вашего вопроса, но не хочу принимать её, потому что массовое присутствие новых иммигрантов на этих концертах всё-таки является фактом ностальгии, а не реализацией культурных потребностей. Когда приехал Марининский театр или когда Мирьям Гамбург организовала выставку скульптур Ери Илана, структура посетителей была совсем иной, чем на концертах эстрадной песни. Примерно 90% составляли те, кто родился в Израиле (сабры) и те, кто здесь уже долго живёт (ватики). И только 10% из новой алии...

В общем происходит тут жуткая неразбериха, которая тем не менее рождает симпатичные и впечатляющие факты развития и укоренения израильской культуры... Но вот что такое израильская культура, я боюсь, что так вам и не ответил. Заходите через пару десятков лет. К тому времени что-нибудь определится.

— *Да, Александр Евгеньевич, с прискорбием должна признать, что ценных указаний от вас я так и не получила. О чём и должна буду сообщить руководству...*

СЕНТЯБРЬ-92

*Беэр-Шева. «Караваны» и «парки» — «Русская алия»: по Ленину
и по Достоевскому — Крокодилы на Голанах — Эйн-Ход —
сплошные художники — «Ты — Рабин, я — Асад» —
— Новый год с Мастером и Маргаритой*

Сентябрь в Израиле — месяц новогодний и поэтому не очень перегруженный политикой. Новый год (Рош ха-Шана) отмечается по еврейскому календарю 1-го числа месяца Тишрей. А поскольку календарь этот лунный, то по григорианскому календарю каждая дата «плавает». Так, в 1992 году Новый год встречали 27 сентября, а в 1993-м будут встречать 15 сентября. В день Нового года Бог судит весь мир, решается судьба каждого человека и всего рода людского. Положено трубить в барабанный рог («шофар»). На столе — яблоки и мёд (чтобы слаще жилось).

Накануне Нового года — торжественный приём у президента. Ритуал отработан. Все послы с жёнами выстраиваются согласно посольскому стажу и по очереди подходят к президенту. Поздравления и обмен парой-другой общих фраз. Потом можно выпить и закусить. Но стоя. Как правило на свежем воздухе.

В начале месяца по приглашению мэров посетил три городка около Хайфы: Кирьят-Бялик, Кирьят-Ям и Кирьят-Моцкин¹. Беседа с мэром, осмотр достопримечательностей, встреча с «русскими» репатриантами, концерт самодеятельности — так, примерно, это выглядело. В качестве иллюстрации приведу репортаж Инны Стессель из «Новостей недели»:

«Фантазмагория, курьёз, нонсенс. Как хотите определяйте эту ситуацию, но трагически-гордое требование евреев к советской власти: «отпусти народ мой» трансформировалось в письма-жалобы к российскому послу: «Александр Евгеньевич, помогите...» Помогите добиться справедливости, устроиться на работу, получить квартиру, вырваться из рук жулика...

¹ «Кирьят» на иврите и означает «город», «городок», «поселок». На карте Израиля довольно много «кирьятов». В вольном переводе Кирьят-Бялик (в честь великого поэта) звучал бы как Бялиград. Соответственно — Моцкинград (в честь одного из лидеров сионистского движения). А Кирьят-Ям — это просто Морской город.

Нравится это суперпатриотам, бдящим, дабы Бовин ненароком не вмешался в наши домашние дела, или не нравится, но таков «реализм действительной жизни», как говаривал Карамазов... Люди, бежавшие из страны, которую представляет посол, к нему же и обращаются в трудную минуту. Почему именно к нему? Почему не в канцелярию Кнессета, например, — это было бы куда естественней, — а вот об этом пусть поразмышляют суперпатриоты...

Как бы там ни было, рабочий день Александра Евгеньевича начинается с корреспонденций, каждая из которых — крик о помощи.

— Чтение этих писем, откровенно говоря, не прибавляет мне здоровья, — говорит Бовин. — Чем я могу помочь? Переправляю Натану Щаранскому...

Но люди продолжают писать... Возможно, им становится легче от сознания, что Бовин знает о них, об их бедах...

Ведь Александр Евгеньевич посол не совсем обычный — ну, никак он не вписывается в стереотипы, выработанные чтением исторических романов или нашими телеэкранными представлениями о дипломате... Он и в прежней своей жизни ни в какие общепринятые рамки не «вписывался»... Отчасти поэтому его сограждане, которым не так уж часто приходилось очаровываться неординарностью людей советского истеблишмента, всегда относились к Бовину с симпатией и уважением. К тому же они помнят: этот человек один из немногих в меру своих сил и возможностей стремился ещё в глухое застойное время настроить советское общественное мнение на диалог с Израилем, на нормализацию отношений...

И сейчас, оказавшись с ним гражданами разных стран, эти люди не могут смириться с мыслью, что Бовин — «чужой дядя», сторонний наблюдатель, которому нужно показывать парадную сторону новой жизни и уж никак не втягивать его в свои заботы...

Самое примечательное: многие из коренных израильтян, даже те, кто на первых порах после назначения Бовина послом с известной настороженностью воспринимали его открытую, без восточных церемоний и какой бы то ни было помпы, манеру общения, сегодня тоже видят в нём не дипломата, с которым надо осторожничать, а друга.

Сам Александр Евгеньевич говорит так: я посол России, представляю исключительно её интересы и всё, что делаю, делаю ради её блага. А в её интересах — самые тесные отношения с Израилем, процветание этого государства и его народа, преодоление подозрительности, долгое время отягощавшей контакты между нашими странами.

3 сентября по приглашению руководства городов Кирыт-Бялик и Кирыт-Ям Александр Евгеньевич приехал на север, встречался с бывшими согражданами, общественностью. Официальным поводом послужил опять же сигнал бедствия. Россия утверждает, что «отказ-

ников в стране практически нет», но они всё же имеются. И среди них Илья Файнштейн. Два с половиной года назад он работал на предприятии, производящем боевые вертолёты. Когда уезжали в Израиль его родители, Илью не выпустили, — пять лет ему предписали находиться в «отказе». То есть ещё два с половиной года.

Решение совершенно «советское». Да и принято оно было во времена, когда Союз нерушимый стоял ещё достаточно твёрдо. Проживающие в Кирьят-Бялике родители Ильи справедливо недоумевают: что же изменилось в России, если там продолжают действовать растаптывающие человека законы?

Бовин пообещал Файнштейнам, что лично примет участие в этом деле и направит в ОВИР письмо с требованием разобраться объективно с «секретностью» Ильи. В Кирьят-Яме Александр Евгеньевич уже дважды бывал — знакомился с известной амутой Эльфа-Цафон, встречался с её председателем Эфраимом Меламедом, с репатриантами.

На этот раз он приехал по приглашению мэра Шмуэля Сисо. Мэр подробно рассказывал, что делается в Кирьят-Яме для репатриантов. 1200 семей олим купили квартиры, специально построенные для них — то есть недорогие, не очень больших размеров. Причём живут в этих домах и сабры, и ватики, и олим, что безусловно облегчает новым гражданам Израиля вхождение в здешнюю жизнь, — говорит Сисо. Из 600 работников нашей мэрии 120 человек олим. Мы создаём олимовский симфонический оркестр...

Получив возможность задавать послу вопросы, репатрианты Кирьят-Яма устроили ему настоящую пресс-конференцию.

— *Можно ли рассчитывать на то, что Россия начнёт перечислять пенсии людям, всю жизнь работавшим в Советском Союзе? Будут ли возвращать ветеранам ордена? А что происходит с «двойным гражданством»?*

Бовин: В России пенсии за границу перечисляют только инвалидам детства и производства. Слишком сложная ситуация в стране — просто нет денег. Что касается орденов... Я написал соответствующий запрос по поводу возвращения наград, надеюсь, что эта проблема будет решена положительно. Двойное гражданство сегодня не признаётся.

— *Много ли репатриантов возвращается в СНГ?*

Бовин: Ежемесячно приблизительно сто человек. Часто уезжают туристами, и уже из России поступает сообщение, что человек остался.

— *Считаете ли вы, что выезд евреев из России будет продолжаться?*

Бовин: Я думаю, что есть факторы как против продолжения алии, так и за. Подталкивают к отъезду нестабильность положения в стране, безусловно — «Память». Хотя «Память» в Израиле, кажется, больше занимает умы, чем в России. С другой стороны, люди получают письма о тяжёлой абсорбции, о безработице, бездомье, что само собой

не вдохновляет на решение уехать. В общем, я полагаю, существует неустойчивое равновесие. Чуть улучшится положение здесь, скорее всего начнут приезжать. Появится более надежная основа для оптимизма в России, выезд, конечно, замедлится.

— *А как вы считаете, есть ли историческая перспектива у евреев в России?*

Бовин: Недавно я прочитал статью под названием «Евреи, у вас нет будущего в России». И совершенно не согласен с автором. Я убеждён, что, переболев, Россия станет нормальным демократическим государством, где процент антисемитов будет ничуть не выше, чем в Америке или Франции. Когда станут менее острыми проблемы экономические, успокоятся и этнические, национальные и прочие конфликты. Иное дело, когда произойдёт этот поворот к лучшему? Может быть, при жизни моего внука, но произойдёт обязательно. Могут только одно сказать: уже сегодня многое изменилось по отношению к Израилю и к еврейскому вопросу. Вы посмотрите, как активно стала возрождаться еврейская культура в России, создаются факультеты по изучению иврита, недавно открылась Академия иудаистики. Кстати, ректор — женщина. Сейчас она приехала в Израиль набирать преподавателей. Так что...¹

— *Как вы оцениваете нынешнее международное положение? Может ли возникнуть в ближайшее время война на Ближнем Востоке?*

Бовин: Вот тут я могу сказать с достаточной степенью уверенности — в обозримом будущем войны не будет.

— *А ультиматум Буша? А Хусейн?*

Бовин: Пока Россия и Америка дружат, войны не будет...

Что ж, заключает Стессель, — будем уповать на дружбу Америки и России, России и Израиля. В конце концов, создание атмосферы добро-

¹ После августовского обвала в 1998 году, активизации «национал-патриотов», постыдных манёвров КПРФ вокруг антисемитских откровений Макашова вопрос о будущем евреев в России, о том, нужна ли России еврейская община, вновь обострился. Моя позиция осталась прежней. Я изложил её в «Вестнике Еврейского агентства» следующим образом: «Еврейская община очень нужна России, и я надеюсь дожить до такого времени, когда евреи будут не уезжать отсюда, а приезжать сюда. Антисемитизм существует в Америке, Франции, Англии примерно на том же уровне, как сегодня в России. Это считается как бы «патологией в норме». У нас сейчас очень сложная ситуация, но не всегда же она будет такой. В конце концов всё войдёт в свои берега. Будет нормальная демократическая страна, нормальная еврейская жизнь.

Израиль — небольшая страна. В России для инициативного, энергичного человека гораздо больше возможностей, и можно сделать свою жизнь более интересной. Я думаю, так оно и будет. Не сразу, постепенно. Нынешний кризис касается не только евреев, но и русских. Это не национальная, а социальная проблема. Возможно, она для евреев чревата большими неприятностями, чем для русских. Евреям всегда угрожали. Но даже из Чечни, когда там началась война, не все евреи, как ни странно, захотели уехать. Что делать — родная земля...».

желательства зависит не только от политиков и послов, но и от каждого из нас. Есть ведь гипотеза, кажется, вполне научная о том, что даже природные катаклизмы — землетрясения, извержения вулканов и т. п. — возникают как следствие накопленной человеческой злобы. «Наш» посол в Израиле Александр Бовин со своей стороны делает всё, чтобы побеждало Добро.

Через несколько дней состоялось обстоятельное знакомство с Беэр-Шевой. Её называют столицей Негева, пустынной южной части Израиля, протянувшейся до Красного моря (60 % территории Израиля, но только 10 % населения). Беэр-Шева несколько раз упоминается в Ветхом завете. Здесь патриарх Авраам получил право поить свой скот из колодца («Беэр-Шева» и означает «Колодезь клятвы»). Здесь бывали Исаак и Яков. Через Беэр-Шеву проходил Иисус Навин (тот самый, который остановил Солнце). А теперь — это четвёртый по величине город Израиля (160 тысяч человек). Город выходцев из 70 стран. Город с прекрасным университетом, знаменитым оркестром «Синфониетта», с театром драмы, с Луна-парком, который создавался в кооперации с Россией, с огромными массивами новых жилых зданий.

Город показывал мэр Беэр-Шевы Ицхак Рагер. Бывший разведчик. Интереснейший человек. Сгусток энергии. Знаток искусства, литературы. Как говорят в Израиле, между нами возникла «химия». То есть — взаимная симпатия, понимание друг друга. Встречались потом неоднократно. Задумали к 100-летию Переца Маркиша выпустить трёхтомник его стихов — на иврите, на идише и на русском. Стартовый капитал по 5000 долларов с каждого. Я навалился на спонсоров. Не подвели. Дело завертелось. Но к юбилею не успели. Рагер заболел и ушел от нас. Денег потребовалось больше, чем рассчитывали. Всякие неурядицы мешали. И всё-таки, благодаря стараниям энтузиастов, трёхтомник появился. Его презентация, которая состоялась в Беэр-Шеве в октябре 1998 года, ещё раз подчеркнула переплетение еврейской и русской культур. Свою последнюю речь в Израиле я посвятил памяти Рагера...

В Беэр-Шеве много «русских», и потихоньку — стараниями того же Рагера — жизнь налаживается. Хуже дело в так называемых «караванах», которые расположены рядом с Беэр-Шевой. «Караваны» — это посёлки, состоящие из одноэтажных сборных домиков барачного (но более благоустроенного) типа. Их во множестве закупили, чтобы временно расселить большую алию конца 80-х — начала 90-х годов. Малюсенькие комнатки. Есть электричество, есть канализация. Но нет кондиционеров. Я зашел в пару таких домиков. При наружной температуре выше 30 градусов, что для тех мест вполне нормально, находиться внутри было мучением. А ведь там не «находились», там жили. ...Одна из самых тягостных граней абсорбции.

Существуют, конечно, и другие грани. Недалеко от Беэр-Шевы находится учреждение, именуемое «парк». Это своего рода инкубатор, где израильские курицы сидят на «русских» яйцах. Допустим, вы инженер или учёный. У вас есть идея, проект, замысел. Если вы сумеете заинтересовать руководство «парка», пройти довольно строгий отбор, вам на определённый срок (два года обычно) дадут помещение, аппаратуру, стипендию, дешёвую жилплощадь — и держайте. Решите задачу, создадите конкурентноспособный продукт, ищите рынок, договаривайтесь с фирмами, «внедряйте», выражаясь привычным для нас языком. Не получится — «на все четыре стороны»... Правда, можно успокаивать себя тем, что и в Японии доходят до практического применения с коммерческой выгодой всего лишь 2,5 % технических разработок. Я толковал с «яйцами», все были довольны.

.....
Сквозь «караваны» и «парк» просвечивают две самые главные и самые трудные проблемы обустройства, абсорбции на исторической Родине: квартиры и трудоустройство, точнее — трудоустройство и квартиры.

Но прежде, чем углубиться в эти проблемы, давайте рассмотрим общий фон. «Девятый вал» советских иммигрантов обрушился на Израиль в 1990-1991 годах. Только за эти два года на Землю Обетованную прибыло более 300 тысяч человек. Всего же пятилетка «большой алии» дала свыше 500 тысяч репатриантов. Чтобы покончить со статистикой, замечу, что во второй половине 90-х темпы иммиграции заметно снизились. Так, в 1996 году из России приехали 16 907 человек (на 15 % меньше, чем в 1995-м), а в 1997 году — около 14 тысяч. С конца 1998 года (после августовского кризиса и воинственных речений Макашова) очереди у израильского посольства увеличились...

Не трудно понять, что массовый наплыв репатриантов поставил Израиль перед труднейшими проблемами. Представьте на минуту, что в Россию вернулись 30 миллионов русских, раскиданных ныне по всему свету. Всех надо накормить, расселить, дать им работу. Туго нам пришлось бы. Туго пришлось и Израилю.

Приходится признать — израильтяне сотворили чудо. За несколько лет большинство репатриантов было обустроено. Иногда лучше, чаще — хуже, но обустроено. Вспоминаю свою поездку в Израиль в 1979 году. Тогда во многих израильских учреждениях мне бросились в глаза плакаты: «Невозможное мы делаем сразу, чудеса требуют немножко больше времени». Вроде бы явный перебор по части самонадеянности. Подумав, начинаешь понимать, что горстка людей, переживших тысячелетия гонений и унижений, вырвавших у судьбы, у истории своё государство и отстоявших его в неравной борьбе, превративших Палестину в цветущий сад, имеет право на психологический допинг. Тем более, что они действительно сделали невозможное, чудо, если угодно...

К слову «чудо» следует сделать примечание. Если использовать методологию Ленина, то есть вести счёт на миллионы, на «массы», то чудо произошло — в массе своей олимпы работают, не голодают, имеют крышу над головой. Но если считать по Достоевскому, то есть не на миллионы, а на единицы, если от количественных параметров перейти к качеству жизни, то ситуация остаётся трудной, порой — драматичной. Не случайно в феврале 1998 года возникло «Движение в защиту прав, чести и достоинства иммигрантов».

Таков, повторяю, фон. А теперь — узоры, которые абсорбция вышивает по этому фону.

Работа, как правило, есть. Но — и очень часто — нет работы по специальности.

Трудоустройство — проблема многослойная. Легче всего устроиться тем, кто владеет каким-нибудь ремеслом, или тем, кто согласен на неквалифицированную, тяжёлую работу. Легче, но не легко. Чтобы открыть своё «дело», хоть малое, нужно взять несколько барьеров: финансовый, бюрократический, языковой. Если наниматься, нужно смириться с дискриминацией, произволом, хамством хозяев.

Однако «русская алия» — это прежде всего алия с дипломами, алия специалистов: 78 тысяч инженеров, 16 тысяч врачей и стоматологов, 36 тысяч учителей плюс тысячи музыкантов, художников и всяких других разнорабочих умственного труда. Предложение явно превышает спрос. И хотя существует множество курсов по переквалификации, по данным на середину 1996 года около 100 000 человек с высшим образованием не могли найти работу по специальности.

Ещё труднее приходится учёным (точнее, научным работникам), коих приехало почти 13 тысяч. «Один из самых крупных провалов политики двух прошлых правительств (Шамира и Рабина—Переса), — читаем в «Новостях недели» от 28 февраля 1997 года, — это катастрофическая ситуация с трудоустройством учёных. Знаменитая бюрократическая волокита (которой не знала даже бывшая советская система), личная заинтересованность израильского научного цеха в отсутствии конкуренции, видимо, с более сильными, талантливыми и образованными российскими учёными, дискриминация по этническому признаку (которую тоже тяжело сравнивать с господствовавшим в советских научных учреждениях антисемитизмом), недопонимание израильскими политиками — в силу естественной интеллектуальной ограниченности — важности задачи, — всё это привело к страшному, угрожающему парадоксу: в то время, как в Иране, Ираке, Сирии и других враждебных Израилю арабских государствах бывшие советские научные кадры усиленно и успешно трудятся, создавая и наращивая мощный военный потенциал, наши, свалившиеся на голову (задарма приобретённые) выдающиеся учёные, носители

ценнейшей информации и бесценного опыта, моют коридоры в школах, убирают мусор на улицах и сторожат скобяные мастерские...»

По словам депутата Кнессета проф. М.Нудельмана, только 4% прибывших в Израиль учёных занимаются наукой. Это — «национальная трагедия! Стыд и позор для нашего государства...»

Проблема № 2 — квартира, «квартироустройство». № 2, потому что если есть приличная работа, будет в конце концов и квартира. Концы, к сожалению, не близкие. Квартира может быть «амидаровской», то есть полученной от государства. Вариант самый удобный, но практически самый редкий. Переведя абсорбцию на рыночную основу, государство устранилось от решения жилищной проблемы. Квартиру можно арендовать. Но это дорого. Плюс дискомфортное ощущение временности, зависимости от квартировладельца. Наконец, квартиру можно купить. Тоже дорого, но можно получить ссуду на длительный срок. Наиболее распространена так называемая «машканта», направленная беспроцентная ссуда. Условия машканты таковы, что выплаченная за многие годы сумма может превысить размер ссуды в несколько раз. Но деваться некуда. Создан, правда, «Союз жертв машканты». Да толку от него мало.

И всё-таки каждый год понемногу улучшает обстановку. Караванов становится меньше. В печати появились требования, настаивающие на полном уничтожении караванов. «Постепенный их демонтаж, — говорилось в еженедельнике «Ха-Олам ха-Зе», — не залечит социальных и экологических шрамов, поскольку перенаселённые караванные посёлки останутся не только в памяти тех, кто там жил. Уничтожение этих посёлков должно стать самым неотложным делом. Этот акт будет символизировать в глазах репатриантов некую веху на их пути к интеграции с израильским обществом». Однако правительство не торопится.

И всё же проблемы материального свойства так или иначе, но решаются. Гораздо сложнее обстоит дело с проблемами духовными, с совмещением, притиркой, взаимодействием разных психологий, разных представлений о ценностях бытия человеческого. Тут накапливаются непонимание, обиды, раздражение, которые нередко выплёскиваются из чаши олимовского терпения. Вот как это выглядит. Статья Алекса Дмитриева из газеты «Наша страна» от 19 июля 1992 года. Цитирую (долго цитирую):

«Представим на секунду следующую ситуацию: на Землю прилетает инопланетянин, и ему на глаза попадают только статьи «знаменитых» авторов, подвизающихся на ниве прославления алии. Какой, интересно, он сделает вывод?

Скорее всего, такой: в очень свободную, демократическую, культурную и процветающую страну — эдакий рай на земле, — где живут исключительно замечательные, высокоталантливые, свободные и

доброжелательные люди, вдруг из другой страны — некоего «Совка», который является империей зла и вотчиной партийных Вельзевулов и прочей адской нечисти, — приехали какие-то существа, именуемые «олим». Что это за существа, сначала понять трудно — то, что они не люди, явствует из самого их обозначения. Скорее всего, это некий вид, родственный виду «гомо израилитикус», однако стоящий на принципиально иной ступени развития — пещерной.

Что же означает этот, с позволения сказать, вид — «оле совковый»? Попробуем проанализировать.

1. У него поразительная способность, как у хамелеона, — он может принимать облик врача, художника, поэта, не являясь таковым по существу.

2. Лучше всего у него развита нижняя лицевая (жевательная) часть, в отличие от интеллекта, который не развит совсем.

3. Явный язычник. Отрицая сионизм и иудаизм, творит себе кумира, которого называет «Колбаса». Сначала он этой загадочной Колбасе молится, потом — со священным трепетом пожирает.

4. Постоянно имеет при себе оружие массового поражения, называемое авторами «Чужая ментальность». Пускает своё оружие в ход при первой возможности с единственной целью — навредить израильскому обществу.

5. Немыт, небрит, волосат, нецивилизован. Дурно пахнет.

6. Часто вместо кожного и волосяного покрова имеет покров спортивнокожуховый «Адидас». В этом случае задние конечности роговеют и ступни превращаются в домашние тапочки.

7. Психически ненормален: страдает манией величия (хочет работать по специальности), раздвоением личности (подметая улицу, всё ещё считает себя профессором или высококвалифицированным специалистом), манией преследования (когда его бьют молотком по голове, не понимает, что это — отеческая ласка правительства) и крайней неблагодарностью (не любит своих родителей и благодетелей — М.Каганскую, Н.Гутину и т.д.). Туп, а потому не может оценить художественной мощи (М.Гробмана) и поэтической силы (М.Генделева).

Окончательный диагноз: практически безнадежен.

Это, конечно, не Зошенко и не Жванецкий. Но это ведь не литература, а документ. Документ времени и ощущения времени. Можно оспаривать факты, можно говорить о преувеличениях. Однако настроение, переживание факта в данном случае важнее, чем факт. Так думают, так чувствуют многие, и это, может быть, — главная проблема абсорбции. Нам еще придётся к ней возвращаться.

В Израиле есть не только юг, но и север. Север — это Голанские высоты, куда я отправился в середине сентября. Голаны — горный мас-

сив, который нависает над Верхней Галилеей и который до июня 1967 года принадлежал Сирии. Пользуясь выгодами расположения Голан, сирийцы на протяжении 1949-1967 годов неоднократно (400 раз, по данным израильтян) обстреливали территорию Израиля. В результате погибло 140 человек. В июне 1967 года израильтяне разгромили Сирию и захватили большую часть Голан. Началось быстрое обустройство пустующих земель. В октябре 1973 года сирийцы пытались вернуть Голаны. Но были вновь разбиты, потеряв на поле боя 1200 танков из 1500, которые у них были. 14 декабря 1981 года по инициативе М.Беги́на Кнессет (63 голоса за, 21 — против) распространил законы, юрисдикцию и исполнительную власть Израиля на Голанские высоты. Там создано более 30 еврейских поселений, в которых живёт около 14 000 человек. Сельское хозяйство ориентировано на садоводство (прекрасные яблоки!) и виноградарство (вина «Ярмук» не хуже французских). Три десятка промышленных предприятий.

Меня принимали в административном центре Голан городе Кацрине. Тамошние «русские» в основном из бывшей нашей Средней Азии. «Караванов» не видел. Добротные дома. Сады. Мангалы во дворе. Восточное гостеприимство, помноженное на гостеприимство русское. Главная тема разговора — что делать, если Голаны отдадут Сирии. Общее мнение — не отдавать.

Возвращаясь из Кацрина, заехал на ферму, где разводят крокодилов. Дали подержать маленького крокодильчика. Но только очень просили называть здешних крокодилов аллигаторами. Почему — я так и не понял.

И последний участок на географической карте сентября. Недалеко от Хайфы, в горах «Маленькой Швейцарии» расположился посёлок Эйн-Ход — вроде нашего Переделкино, но не для писателей, а для художников. Землю выделили в 1953 году, и теперь в этом оазисе творчества осели 200 художников. Никакой типовой застройки. Каждый дом — тоже «художество». В каждом доме — мастерская. Несколько общих галерей. Всё утопает в южной зелени. Можно бродить целый день, попадая из одного стиля в другой, из одной манеры — в другую. Что я и делал с удовольствием.

В Эйн-Ходе подружился с Женей Абезгаузом. Ленинградец. В рамки соцреализма никак не вмещался, бунтовал, в 1977 году пробился на историческую Родину. Много пишет, много выставляется. «Просто» — хороший человек. Гостей любит. И гости любят его. И баня у него хорошая. Главный банщик — «наш» же доктор забыл каких наук Миша Таратута. Он, правда, предпочитал проходиться вениками по дамским спинам, но и нам оставалось. Женя изобрёл чудесный напиток.

«Баркановка» называется. Её пьёшь и одновременно ею же закусываешь. Экономно.

Дипломатический комментарий к географии. Послу надлежит встречаться и беседовать с «элитой». И радовать «элитной» информацией своё начальство. Чем чаще бываешь у президента или премьера, тем лучше. И я старался. Но для понимания глубинных процессов, происходящих в «стране пребывания», для прощупывания пульса политической жизни баня у Абезгауза, встречи с мэрами и жителями «провинциальных» городков, посещение киббуцев часто давали больше, чем разговоры в столице.

Посетил министра связи и полиции Моше Шахала и министра жилищного строительства Биньямина Бен-Элиезера. Первый жаловался на то, что российская почта должна Израилю несколько миллионов долларов. Посочувствовал. Второй рассказывал о том, что, заморозив строительство «на территориях» (так в Израиле именуют оккупированные территории), правительство направит дополнительные средства на строительство жилья внутри Израиля. Обещал государственную поддержку созданию совместного российско-израильского предприятия по производству быстромонтируемых домов. Поблагодарил.

Оба министра говорили о том, что переговоры с палестинцами об автономии тормозятся разногласиями среди палестинского руководства.

К этому времени израильцы встречались с палестинцами (точнее, с объединённой иорданско-палестинской делегацией) шесть раз. Тормозом было, на мой взгляд, не отсутствие единства среди палестинцев, а слишком большое расхождение позиций. Палестинцы настаивали на том, что уже в течение переходного периода Израиль не будет осуществлять суверенные права над оккупированными территориями, которым будет предоставлена «международная защита». Автономия будет охватывать все территории, захваченные Израилем в 1967 году, включая Восточный Иерусалим. Поселенческая деятельность немедленно прекращается. Всем депортированным и перемещённым лицам будет предоставлена возможность вернуться на покинутые ими места. Для израильцев все эти требования были неприемлемы.

И тем не менее медленно, с трудом, но компромисс стал нащупываться. Палестинцы предложили открыть в Москве негласный канал контактов между Израилем и ООП. Разумеется, на неформальной основе. Не для подмены официальных переговоров, а для дополнительного свободного обмена мнениями. Я передал это предложение Пересу. Но оно не вызвало энтузиазма и было потихонечку погребено.

В разговоре с господином Шахалом был довольно подробно рассмотрен сирийский сюжет. Чтобы лучше понять позиции сторон, я

предложил распределить роли: Шахал будет представлять Рабина, я — Асада. Министр не возражал. В рамках такой модели был проведён интенсивный и неформальный обмен аргументами. По-моему, весьма интересный.

Через несколько дней в израильских газетах появились комментарии, смысл которых сводился к тому, что русский посол, выходя за рамки дипломатического такта, отстаивает интересы Сирии. Пришлось не то чтобы отбиваться, но давать пояснения. Вот как это выглядело в «Новостях недели».

«— Александр Евгеньевич, не так давно в газете «Едиот ахронот» была опубликована заметка: «Я буду Асад, а ты будешь Рабин». В «Вестях» её перепечатали в вольном переводе под заголовком «Посольские игры». Содержание заметки мне показалось несколько странным. Я могла бы услышать ваш комментарий?»

— Вы знаете, Ира, ещё лет десять назад, когда моё имя стало мелькать в «свободной прессе», я дал себе зарок никогда не комментировать то, что обо мне пишут. Бессмысленное дело. Но, к сожалению (или — к счастью), эмоции нередко рвут, ломают логические построения. И я грешил. Иногда что-то пытался опровергать, что-то доказывать... Теперь старше стал. Меньше эмоций. Больше рации. И всё-таки иногда срываюсь. Но бессмысленное это, повторяю, дело. Суета сует...

По содержанию заметки комментариев не будет. Мои рассуждения затронут другой сюжет. Я на дипломатической службе менее года. Очень мало. И по наивности своей думал, что если посол беседует с министром, то разговор имеет конфиденциальный характер. Однако г-н Шахал показал мне, что я ошибался. Спасибо. Урок учту. Хотя очень не хочется заменять игру мысли, интеллектуальную «пирушку» дежурной дипломатической жвачкой.

— Я понимаю вас. Но отвлечёмся от заметки. Вопрос сирийско-израильских отношений, проблема Голан выдвинулись сейчас на передний план. Что вы об этом думаете?»

— Функция русского посла — защищать государственные интересы России. Это — исходный пункт, фундамент. Далее. Россия, естественно, заинтересована иметь хорошие отношения и с евреями, и с арабами. Россия заинтересована в том, чтобы на Ближнем Востоке установился, наконец, устойчивый, прочный, справедливый мир. Это означает полную, стопроцентную, пусть даже — стопятидесятипроцентную безопасность Израиля и его нормальные, принятые в мировом сообществе, отношения с ближайшим арабским окружением, а в принципе, со всем арабским и — шире — мусульманским миром. Это означает также, если говорить серьёзно, стабилизацию внутренней обстановки у соседей Израиля, демократизацию их режимов,

признание ими не факта существования Израиля, а его легитимности, его права существовать на этой земле.

Вот так выглядят, говоря в самой общей форме, государственные интересы России. Что же касается условий мирного урегулирования, конкретных характеристик необходимого компромисса, то Москва примет любой вариант, который устроит Израиль и Сирию, равно как Израиль и других его партнёров. Я понимаю, как безумно трудно переплавить взаимную ненависть, подозрительность, страх в мир, пусть поначалу даже «холодный». Но другого пути нет. Свою задачу Россия видит не в том, чтобы предлагать какие-либо решения, а в том, чтобы обеспечить мир на время переговоров, сколько бы времени они ни заняли. И, конечно, способствовать результативности переговоров. Я уверен, что два коспонсора — США и Россия, — если они будут действовать согласованно, сумеют решить эту задачу: обеспечить мир для переговоров о мире.

— *Я где-то читала, что вы очень любите Иерусалим...*

— Да, это так. Но всё-таки мой самый любимый город — Нью-Йорк. Я родился и почти всю жизнь прожил в больших городах. А Нью-Йорк — это воплощение урбанизма, символ урбанизма, вселенная урбанизма¹. А затем — Иерусалим. Как ни парадоксально, — второй «самый любимый». Город моей культуры. Ещё задолго до того, как я увидел Иерусалим (это было в мае 1979 года), я знал его историю, многие его памятники по Ветхому и Новому заветам, по книгам Фейхтвангера, по научным трактатам из области истории религий. А потом уж — по великолепным страницам «Мастера и Маргариты». Каждое посещение Иерусалима — это трепетное прикосновение к истории, к вечности, к смыслам духа и бытия...

— *Простите, но давайте от лирики снова вернёмся к политике. Как вы представляете себе судьбу, будущее Иерусалима?*

— Будучи дипломатом, я должен сказать так: Россия согласится с любым решением, которое устроит Израиль и палестинцев. Как русский посол, я стою на этой позиции. Но как человек, я не могу ограничить мои мысли, мои собственные размышления рамками заданной позиции. Аргументы палестинцев мне хорошо известны. Они

¹ Готовя «Записки» к изданию, наткнулся на книгу, состоящую из интервью Бродского. Не могу не процитировать: Нью-Йорк — «это замечательный город. И монструозный в то же время. Он чудовищен во многих своих проявлениях, но в его чудовищности есть то преимущество, что это тенденция, доведённая до абсолюта. А по крайним ситуациям мы как раз судим о том, что находится по середине. Как лаборатория познания жизни Нью-Йорк великолепен». И ещё: «Нью-Йорк и вправду ужасающий город. Величие его в том, что все человеческие тенденции находят здесь своё логическое завершение. Если это жестокость — то ужасающая; если сентиментальность — то невероятная; что ни дом — то небоскрёб; если это трагедия, то это Гарлем. Я люблю Нью-Йорк, потому что он не лицемерен».

имеют свои резоны. Но и аргументы израильтян достаточно убедительны. Так же как без Мекки и Медины нельзя представить себе историю арабов, историю ислама, точно так же Иерусалим неотторжим от истории евреев, истории иудаизма. Я могу представить Израиль, скажем, без сектора Газы или даже без Голан, но без Иерусалима не могу. Как не могу представить Египет без Каира или Сирию без Дамаска. Без Иерусалима нет Израиля.

Что же касается статуса Иерусалима как центра религиозной полифонии, то я надеюсь, что три великие религии окажутся настолько великими, что договорятся о мирном сосуществовании...

— *Вы, конечно, понимаете, что ваши слова имеют, так сказать, произраильский крен, они будут с удовлетворением восприняты израильтянами, но вряд ли обрадуют ваших палестинских друзей...*

— Понимаю, конечно. Однако, как давно известно, *amicus Plato, sed magis amica veritas*. Впрочем, если вы хотите, попробую уравновесить «произраильский крен».

— *Интересно.*

— Я всегда считал и считаю, что Израиль вряд ли выигрывает, избегая прямого диалога с ООП, с Арафатом. Такой диалог, по-моему, был бы полезен и с точки зрения мирового общественного мнения, и с точки зрения дела. А то как бы не пришлось разговаривать вместо ООП с Хамасом. Что же касается аргумента о терроризме, то, как все теперь могут видеть, он имеет очень избирательный, выборочный характер и поэтому не может восприниматься всерьёз.

Тем более, что фактически палестинцы, участвующие в переговорах, представляют именно ООП, получают указания от Арафата и теперь уже не скрывают это. Самообман — не лучшая политическая позиция.

— *Александр Евгеньевич, если вы не возражаете, поговорим о вас. Что оказалось для вас самым трудным на дипломатической стезе?*

— Самое трудное, пожалуй, быть на официальных процедурах и делать умное лицо. И ещё одно «самое трудное» — понимать, что ты не в состоянии помочь людям, которые пишут душераздирающие письма с разными просьбами. Тут и жильё, и работа, и злоупотребления со стороны мелких и средних чиновников, и многое другое.

— *А как вы относитесь к результатам абсорбции в целом?*

— В целом? В целом я, во-первых, не люблю слово «абсорбция». Как будто люди служат материалом для каких-то химических опытов. А, во-вторых, я считаю, что Израиль совершил исторический подвиг, приняв за четыре десятка лет на малюсенькой и далеко не всегда комфортной территории миллионы репатриантов и — опять же «в целом» — обеспечив большинству из них вполне сносное существование. А далее следует большое «аваль» («но» на иврите. — А.Б.). До-

стоевский научил нас, кажется, считать людей не на миллионы, не на десятки даже, а на единицы. Так вот с этой точки зрения, с точки зрения каждой «абсорбируемой» единицы, — а таких единиц могут быть тысячи — процесс абсорбции сопровождается и драмами, и трагедиями...

— *А теперь — что вы больше всего любите делать в качестве дипломата?*

— Наверное, встречаться и беседовать с людьми. Самыми разными. Скажем так: от Шауля Айзенберга до бывшего скрипача Московского филармонического оркестра, который теперь солирует на тротуаре Дизенгофа. Стремлюсь бывать в разных городах, в киббуцах. И меньше ходить по предприятиям и лабораториям — для неспециалиста машины и приборы везде одинаковы, — а больше говорить с людьми, которые там работают. Говорить «за жизнь». Можно, например, каждый день читать о «караванах», сопоставлять доводы их сторонников и их противников. Но надо побывать в караване, когда на улице +30, а внутри нет «мазгана» («кондиционер» на иврите. — *А.Б.*). Много становится понятнее...

Часто вечерами сижу на углу Фришман и Дизенгоф, пью чай или кофе, смотрю по сторонам. Любопытные, неожиданные встречи происходят...

В общем, чтобы хорошо слышать пульс «страны пребывания», такие встречи, такие беседы дают послу гораздо больше, чем статистические справочники, газеты и официальные разговоры.

— *Вы читаете художественную литературу? Слушаете музыку? Ходите в театры?*

— К сожалению, читаю мало, гораздо меньше, чем в Москве. В Москве я «руководил» только самим собой и поэтому тратил минимум времени на организационно-хозяйственно-протокольные дела. А здесь такие дела съедают почти весь рабочий день. Это — первое. И второе. Я вынужден заполнять брешь в своём образовании — изучать историю евреев, еврейскую философию. Чтобы понять психологию, менталитет англичанина или, скажем, француза, вовсе не обязательно штудировать Библию, изучать труды Ансельма Кентерберийского или Абеляра. Но невозможно понять историю евреев, уникальную выживаемость еврейской диаспоры, многие существенные особенности нынешнего Израиля, не знакомясь с Торой, с комментариями к ней. Сегодня у меня на столе «Агада» (сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей), Э.Урбах «Мудрецы Талмуда», роман Ле Порье «Врач из Кордовы» (о Маймониде). И ещё здоровенный том «Дни трепета» — о праздниках Рош ха-Шана и Йом Кипур. Хочется ведь не просто знать, что есть такие-то обряды и молитвы. Хочется понять, почему они именно таковы.

Так что с художественной литературой приходится повременить. А вот от научной периодики пытаюсь не отставать. «Вопросы философии» и «Мировую экономику и международные отношения» получаю регулярно. Но трудно. Нет времени. Хоть убейся!

Музыку мы с Леной Петровной слушаем чаще, чем в Москве. Когда огромные валы океана слов становятся невыносимы, погружаемся в океан звуков....

В вашем перечне ещё значится театр. Тут плохо. Только «Гешер». Всё упирается в язык.

— *Но вы же учите иврит! Или по-другому — вы учите иврит?*

— Учю. Но Козакова из меня не вышло. Занимаюсь не систематически. Отдельные слова. Отдельные выражения. Почти без грамматики. Главное — язык очень нравится и надежда не потеряна.

— *А журналистику бросили совсем?*

— Практически — да. Хотя это «да» несколько условно. Я в основном занимаюсь тем, чем и занимался: политическим анализом. Но если раньше я излагал его результаты на страницах газеты для 10 миллионов, то теперь пишу в жанре служебных бумаг — только для 10-15 человек. И по понятным причинам изменились источники, вырос удельный вес деловых, практических рекомендаций.

Конечно же, тянет к газетным полосам. Вопрос — о чём писать. Я был универсалом. Писал обо всём, что было интересно читателям и мне. Предположим, я напишу о ситуации в ЮАР или в Грузии. Наверное будет странно: «Чего это Бовин, сидя в Тель-Авиве, занимается проблематикой Африки или Кавказа? Делать ему нечего!» Было бы логично писать о проблемах Израиля, российско-израильских отношениях, Ближнего Востока. Но я боюсь, что, будучи послом, не смогу пройти по этому полю, не подорвавшись ни на одной из многочисленных мин. Лучше набраться «савланута» и помолчать.

Остаются очерки. Но не хочу писать «Текут мутные воды Иордана» и не могу, не умею писать «Тьма, пришедшая со стороны Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город...» Вот и все дела. Как говорится, «вокруг шешнадцать».

— *Трудная у вас жизнь...*

— Да нет, не трудная. Сложная, скорее, хлопотливая. Трудная у тех, кто сейчас в России. Там моя боль, моя душа, моя жизнь. Сначала я — человек, потом — русский, потом — россиянин и только потом — «шагрир шель Русия» (русский прсол).

В первой неподцензурной книге, вышедшей ещё в Советском Союзе, я писал, если мне не изменяет память, примерно так: о новой стране можно будет говорить лишь тогда, когда людей, приезжающих к нам, будет больше, чем людей, уезжающих от нас. Критерий суровый. Но я всё же надеюсь, что внук мой Макар Сергеевич, которому сейчас три с половиной, доживёт до того времени. Как и до

полного, справедливого урегулирования на Ближнем Востоке. Когда из Иерусалима можно будет попасть в Дамаск или Багдад так же свободно, как сегодня в Москву или Нью-Йорк».

Вопросы задавала Ирина Юрьева. Разумеется, из России и, что не разумеется, русская без кавычек. Дочь представителя российской Торгово-промышленной палаты Юрия Ахрименко. Умное, очень самостоятельное существо. «Продвинутое», как теперь говорят¹.

Новый год встречал в Иерусалиме в милой компании артистов, работавших на съёмках «Мастера и Маргариты», — А. А. Вертинская (Маргарита), М. А. Ульянов (Пилат), В. И. Гафт (Воланд), Л. К. Дуров (Матвей), В. А. Шалевич (первосвященник). Было весело, интересно и даже прохладно. К сожалению, по причине каких-то внутрикиношных интриг, которые продолжают и в 1999 году, фильм так и не появился на экранах.

Культура в сентябре. Ансамбль «Калинка» в Кирыат-Бялике. Великолепная тройка. — Всемирный конгресс поэтов в Хайфе. Разных поэтов много, с хорошими сложнее. — Концерт мастеров искусств в Беэр-Шеве. «Русские» все мастера. — Изящная, светлая живопись Светланы Фейгиной.

¹ Уже после того, как были написаны эти строки, я узнал, что Иры не стало. Грустно...

ОКТАБРЬ-92

*В Каире празднуют «победу» — Война Судного дня —
— Генерал Хаим Бар-Лев — «Братские» послы —
— МИД: вопросы без ответов — «Всенародное гуляние» в Савьоне*

В октябре начались предметные разговоры относительно возможных сроков и содержания визита И.Рабина в Москву. Главной заботой израильтян был вопрос о встрече Рабина с президентом Ельциным. Где бы ни бывал Рабин, сказал мне начальник канцелярии премьер-министра Ш.Шевес, его всегда принимали главы государств. Если Ельцин не примет Рабина, в Израиле, да и во всём мире это будет интерпретироваться как проявление традиционного для Советского Союза недружественного отношения к Израилю. Чтобы избежать всякого рода неожиданностей, Рабин хотел бы получить приглашение посетить Россию именно от президента.

Я был согласен с такой постановкой вопроса, о чём и сообщил в МИД. И добавил ещё один аргумент. Положение Рабина, — если иметь в виду не Кнессет, а общественное мнение страны, — можно определить как не совсем устойчивое равновесие. Ибо большинство израильтян пока не готово принять идею территориальных уступок. И если Рабин вернётся из России «без Ельцина», это позволит его оппонентам говорить о низком престиже премьера.

Параллельно совершались сложные пассы вокруг визита в Москву президента Израиля Х.Герцога. «Определённые круги» давали мне понять, что Герцог рвётся в Россию, рассматривая возможный визит как последнюю точку в своей политической карьере. Однако другие «круги» предлагали подождать следующего президента, коим с вероятностью «заметно превышающей 50%» будет Э.Вейцман. И хотя такой подход представлялся мне нравственно ущербным, я всё же, исходя из политических соображений, рекомендовал не приглашать Герцога.

.....
Посетил министра иностранных дел Ш.Переса и передал ему «устное послание» А.В.Козырева. Козырев, сообщая коллеге о консультациях с доверенным лицом Арафата — Абу Мазеном, писал о том, что он настойчиво советовал палестинцам проявлять «гибкий и конструктивный» подход, углублять диалог с Израилем. Отмечая позитивные

корректировки в позиции Израиля, министр подчёркивал, что любое продвижение на пути к миру позволяет реалистически настроенному крылу в палестинском руководстве укреплять свои позиции в противовес экстремистским кругам, активизировавшимся в последнее время.

Эта логика (уступки Арафату ослабляют палестинских экстремистов) часто использовалась нашими дипломатами в разговорах с израильцами. Но очень редко замечали другую зависимость: уступки Арафату усиливают экстремистов израильских. На свой страх и риск я иногда менял акценты, но это не меняло общей позиции российского МИДа.

6 октября в Каире торжественно отмечали День Победы — начало войны Судного дня.

Именно в этот день 1973 года, в субботу в 14.00, когда израильцы праздновали Йом Кипур¹, по приказу президента Анвара Садата египетские войска после массированного артиллерийского обстрела и воздушной атаки форсировали Суэцкий канал и прорвали линию Бар-Лева². «222 сверхзвуковых самолёта, — писал позже Садат, — приняли участие в первой атаке на израильские позиции... Мы потеряли только пять самолётов... Египетские военно-воздушные силы расквитались за всё, что потеряли в войнах 1956 и 1967 годов». Одновременно сирийцы развернули мощное танковое наступление на Голанских высотах. «Войска, равные по величине вооружённым силам НАТО в Европе, были брошены к границам Израиля», — утверждает Х.Герцог в книге «Арабо-израильские войны».

Война застала израильтян врасплох. Военные приготовления египтян рассматривались как блеф. Это был крупнейший прокол разведки Израиля. Казалось, судьба Израиля висит на волоске. Но в течение нескольких дней израильское руководство преодолело растерянность. Танковые атаки сирийцев были отбиты, для войск Р.Эйтана была открыта дорога на Дамаск. В ночь с 15 на 16 октября израильские солдаты под командованием А.Шарона вышли на западный берег канала. Через несколько дней были окружены 3-я египетская армия и город Суэц. Путь на Каир был свободен.

¹ Йом Кипур (Судный день) — самый, пожалуй, главный, самый торжественный религиозный праздник в Израиле. Это и день Покаяния, и праздник Всепрощения, когда Бог отпускает все грехи.

² Так называют систему из 40 укреплений бункерного типа, созданную после Шестидневной войны по инициативе начальника Генерального штаба Хаима Бар-Лева. Ряд генералов, например, А.Шарон, возражал против строительства, считая саму концепцию таких оборонительных сооружений устаревшей и неэффективной. Но Бар-Лев был «главнее».

Очередное поражение арабов, оснащённых советским оружием и обученных советскими инструкторами, было горьким разочарованием для Москвы, политическим поражением Советского Союза. Кстати, ни Каир, ни Дамаск не сочли нужным сообщить советскому руководству дату начала военных действий. Однако советская разведка информировала Москву о том, что решение о войне принято, за двое суток до её начала. Брежнев негативно отнёсся к этому решению, но никаких политических движений не произвёл.

К тому времени советско-египетские отношения существенно охладелись. В июле 1972 года Садат выставил советских военных советников из Египта и стал разворачивать Египет в сторону США. Приведу характеристику Садата, которую дал наш бывший резидент в Каире В.А.Кирпиченко: «Личность чрезвычайно противоречивая. Его все сравнивают прежде всего с Насером, которого он сменил. Наши симпатии были на стороне Насера, хотя и он не был ангелом. Но он был революционер, романтик. Понимал свою миссию, многое сделал для пробуждения Востока, Африки. Садат же решал одну задачу: улучшение отношений с Западом. Он разрушил советско-египетские отношения, внёс элемент недоверия: он не был откровенным политиком и собеседником. Этот человек все свои действия называл дипломатией, хотя в нашем понимании это была нечестная дипломатия... Он и выпивал, и покуривал травку, не отказывал себе ни в каких удовольствиях, показывал всем и своё богатство, и свою неординарную философию — он изучал биографии великих людей, в том числе и Сталина, его манеру держаться».

При всём при том полный разгром Египта и Сирии был невыгоден Советскому Союзу. Начинаются сложные игры между Москвой и Вашингтоном. В результате 24 октября очередная арабо-израильская война была закончена. Египтяне и сирийцы потеряли убитыми свыше 20 тысяч, танков — примерно 2 200, самолётов — 514. Потери израильской армии: 2 552 человека убитыми, 800 танков и 115 самолётов. В ноябре 8 301 пленных египетских солдат и офицеров были обменены на 241 израильтянина.

Однако психологические последствия войны весьма отличаются от её военно-политических итогов. В памяти израильтян, насколько я могу судить, война Судного дня не воспринимается как война победоносная. Ни парадов, ни военной музыки. 6 октября посещают кладбища, скорбят о погибших. В Египте же эта война — несмотря на очевидное поражение египтян — вошла в народную память как война победоносная. Первые дни, когда египтяне пробили линию Бар-Лева, окрасили победоносной краской всю войну. «Арабская нация преодолела барьер страха!» — воскликнул Садат, получив сообщение о форсировании канала. И это преодоление не было стёрто последующим

поражением. Именно такое состояние общественного сознания позволило Садату 19 ноября 1977 года прилететь в Иерусалим, пройти через Кэмп-Дэвид и 26 марта 1979 года заключить мирный договор с Израилем. Это была настоящая победа. Её горькие плоды Садат вкусил 6 октября 1981 года, когда он был убит исламскими фанатиками в Каире на параде Победы.

А 6 октября 1992 года каирское телевидение вело прямую передачу со стадиона, где в присутствии президента Хусни Мубарака и его супруги разыгрывался грандиозный, великолепно поставленный спектакль, изображавший долгожданную победу. Тысячи солдат под покровом ночи «переплывали» канал, врывались в расположение израильтян, резво расправлялись с противником, срывали израильские флаги и водружали на их место флаги египетские. Всё вокруг стреляло, сверкало, взрывалось... Трибуны ликовали. Мубарак довольно улыбался. Почти по Пастернаку: «И поражение от победы ты сам не должен отличать...»

Израильтяне сообщили, что послом в Москву поедет генерал Бар-Лев. Тот самый. Познакомился с ним. Очень симпатичный человек, совсем непохожий на генерала. Но, по-моему, на посла не тянет. Не потому, что не владеет «материалом», — это дело наживное. А потому, что его интеллектуальный горизонт слишком узок, чтобы охватить самый сложный узел российско-израильских проблем. Плюс, точнее, минус — здоровье. Позднее несколько раз приходилось встречаться. Всегда мило беседовали. Бар-Лева хватило до мая 1994 года...

Появился посол Украины Юрий Щербак. Писатель. Присматриваемся друг к другу. Белоруссию представляет временный поверенный Михаил Фарфель. Тут меньше дипломатии, больше естественности. Фарфель — тоже не дипломат. Директор школы. Еврей. Красавица жена и трое детей. С Фарфелями сдружился, встречались домами. Со Щербаком было сложнее. Он продемонстрировал независимость, но, казалось мне, с перебором. Щербака, которого перевели в Вашингтон, сменил его советник-посланник Александр Майданик. Приятный молодой человек. Но опять же весь «незалежный». Тем не менее взаимодействовали мы вполне по-деловому. Хотя и без особой душевности.

Фарфеля так и не сделали послом. Что-то там в Минске заело. Он обиделся, заскучал и в конце концов получил израильское гражданство. Теперь осваивается на «исторической родине». Послом же стал бывший начальник КГБ Белоруссии генерал-лейтенант Лавицкий. С Геннадием Михайловичем и его женой Марией Трофимовной дружили. Толковали «за жизнь», часто — с недоумением...

.....
Постепенно нарабатывался опыт взаимодействия с МИДом. Удивляло, что вопросы, которые приходилось задавать, часто оставались без ответа. Или ответ приходил тогда, когда нужда в нём отпадала. Поскольку я был воспитан в строгой партийно-бюрократической школе советских времён, меня такие вольности раздражали.

Решил написать специальное послание с просьбой ответить на заданные вопросы. 1. Об обмене военными атташе. Что говорить израильтянам? 2. О продаже оружия и боевой техники. Гасить интерес к этому или поддерживать? 3. О визите И. Рабина. Каковы планы и намерения Москвы? 4. О визите президента. Согласна ли Москва с тем, что лучше дождаться следующего президента? Кроме того, продолжал я, есть и вопросы несравненно меньшего калибра, но без ответов на них трудно работать стабильно. Речь, в частности, идёт о штатном расписании. Посольство функционирует уже год на всякого рода устных договорённостях. Последнюю из них — 15 дипломатов и 14 административно-технических работников — мы просили утвердить в качестве штатного расписания. Ждём. Вроде бы все согласны, но молчат. Есть и проблемы житейские. У нас нелегко с лечением и обучением. В колонии 99 человек. Из них детей школьного возраста — 15 и столько же дошкольного. Обычная метода — присылка врача и учителя — ничего не даст. Мы предлагали свои варианты. Ответа нет. Работникам посольства очень неудобно летать в Тель-Авив через Ларнаку. Мы предложили иной — и ничуть не более дорогой вариант — и опять молчание. Последний стон: «В иврите есть слово «нудник». Оно понятно без перевода. Наверное я выгляжу именно таким «нудником». Но что делать? Работа заставляет. Поэтому прошу прощения за нудность и заранее благодарю за ответы». Сейчас уж не помню, какими были ответы. Наверное, всё-таки были...

Примерно в это время из МИДа поступило предложение о внедрении «вахтового» метода. Идея была в том, чтобы предотвратить отток специалистов из центрального аппарата (люди уходили из-за низкой зарплаты). Суть идеи: направлять на некоторые должности работников (без семей) с ротацией каждые три месяца. Подкормится немножко — и назад. Я возражал. «Вахтёра» можно представить в роли машинистки, скажем, или коменданта. С натяжкой — в роли консула. Но дипломату, чтобы он мог толково выполнять свои функции, даже трёх месяцев на раскачку мало.

Теперь понимаю, что возражал зря. Просто надо было помочь людям, удержать кадры. Не мудрствуя лукаво.

.....
Продолжал вникать в нравы и обычаи дипломатической жизни. Пошло время подписки на газеты и журналы. К моему удивлению, ни

один дипломат не захотел подписываться. Всё упёрлось в деньги, в валюту. Попытался агитировать, говорил, что нельзя отрываться и т.д., и т.п. Но потерпел полный провал. Так за все пять лет никто ни на что и не подписался. Экономный народ, хоть и дипломатический...

Чтобы «сплотить» коллектив, предложил совместно и в складчину отметить годовщину восстановления дипломатических отношений между Россией и Израилем. Предложение было встречено с энтузиазмом. Территория — посольская резиденция и внутри, и снаружи. Приглашаются все с детьми и домочадцами. Распределили обязанности, и работа закипела. Дамы наши наготовили всякой вкуснятины. Столы расположили на травке. Для детей — отдельно. Набралось человек шестьдесят. Было полное веселье. Кто на суше, кто — в бассейне. Танцы и песни. За субботу не смогли всё съесть и выпить. Поэтому в воскресенье зачищали остатки.

Решили повторять такую процедуру каждый год. Каждый год не получилось. Но пару раз ещё собирались. Без отягощающих последствий.

Культура в октябре запомнилась прежде всего потрясающим «сольным» Паваротти. Он пел много и с удовольствием — ну прямо как Кобзон. — Концерт оркестра министерства обороны под управлением полковника Грациано. Там всё вместе — симфонический оркестр, духовой и джаз. Отточено до блеска. — Выступления Л.Филатова, Н.Сличенко и М.Жванецкого. Неизменный олимовский успех. С Михал Михалычем были некоторые проблемы. Он каждый раз появлялся в сопровождении очаровательного молодого существа. Имел право. Но почему-то Лена Петровна принималась ругать меня. Женская логика, однако...

НОЯБРЬ-92

*Дела переговорные — Меня начинают снимать с работы —
— Эйлат — Хайфа — Бахаисты — Биньямин Нетаньяху —
— «Конец света» в бане*

Ноябрь начался с визита к премьер-министру. В его тель-авивской резиденции, которая расположена на территории министерства обороны. Рабин был без галстука, что намекало на некоторую неформальность обстановки. Вручил письмо Б.Н.Ельцина с приглашением посетить Россию.

Выразив признательность за приглашение, Рабин подчеркнул, что израильско-российские отношения развиваются в правильном направлении и имеют большое будущее. В этой связи премьер выразил надежду, что во время визита можно будет подписать ряд соглашений по торгово-экономическому, культурному и научному сотрудничеству. Рабин подтвердил готовность Израиля установить официальные связи между вооружёнными силами обеих стран и, соответственно, обменяться военными атташатами.

«От успеха реформ в России во многом зависит завтрашний день планеты, — заметил Рабин. — Мне будет очень интересно услышать «из первых уст» оценки и прогнозы относительно социально-экономического и политического развития России».

Рабин обстоятельно говорил о состоянии мирного процесса. По его мнению, «**тунисское руководство**» играет негативную роль. Арафат боится укрепления «израильских» палестинцев, боится утратить влияние на Западном берегу и в секторе Газы. И поэтому тормозит переговоры, не позволяет палестинской делегации действовать самостоятельно. Стоит только о чём-то договориться с палестинцами, раздаётся окрик из Туниса, и они делают шаг назад.

Тут вот в чём дело. Поначалу израильтяне категорически отказывались вести переговоры с Арафатом. Потому что — «бандит», «убийца», «террорист» и т.п. В палестинскую делегацию входили только люди с «территорий». В Иерусалиме, конечно, понимали, что эти люди по существу представляют Арафата, ООП. Но делали вид, что это не так, надеясь, видимо, постепенно оторвать «своих» палестин-

цев от Арафата и его тунисской команды. Мне много раз приходилось толковать на эту тему с израильтянами. Пытался убедить их в том, что без ООП никакой переговорной каши не сварить. Но не преуспел. Время потом убедило...

Переведя разговор в более широкий контекст, Рабин сказал, что Израиль не очень доволен мадридской формулой, которая предусматривает параллельные переговоры сразу на всех направлениях (палестинцы, Иордания, Сирия, Ливан). Исторический опыт показывает, что успех достигался лишь в двустороннем формате. Впрочем, заключил Рабин, есть молчаливое взаимопонимание с коспонсорами, что сцепка треков не является жёсткой.

На следующий день состоялась встреча с главой израильской делегации на переговорах с Сирией профессором Итамаром Рабиновичем. Оптимизма я не почувствовал. По словам Рабиновича, Сирия практически выдвинула ультиматум: Израиль ещё до всяких переговоров должен заявить о «полном уходе» с Голан. Эта формула, подчеркнул Рабинович, не приемлема для израильского общественного мнения. Израиль готов обсуждать «отступление на Голанах», то есть искать территориальный компромисс. Но сирийцы компромисс с ходу отвергают. К тому же, требуя «полного ухода», Дамаск не готов — даже в этом случае — к «полному миру», к полномасштабному мирному соглашению с Израилем. Сирия не идёт на выработку мер доверия, которые могли бы изменить атмосферу. Не идёт Сирия и на установление закрытого, конфиденциального канала связи, который мог бы быть полезен для неофициального обмена мнениями.

Сирийская тема, но совсем в другой плоскости, обсуждалась в беседе с генеральным директором МИДа Израиля Й.Хадасом. Сославшись на поручение Ш. Переса, Хадас выразил «серьёзную озабоченность» израильтян появившимися в средствах массовой информации сообщениями о решении России продать Сирии оружие и военную технику на сумму 2 млрд. долларов. Такое решение, если оно действительно принято, не соответствовало бы позитивным тенденциям, наметившимся в последнее время в израильско-российских отношениях. По мнению Хадаса, ближневосточный мирный процесс переживает крайне деликатный период. Возникла реальная возможность перейти от конфронтации, непрерывных конфликтов к стабильности и миру. Арабы — и это в первую очередь относится к Сирии — пошли на переговоры во многом потому, что лишились автоматической поддержки со стороны Москвы. Если же массированные военные поставки из России возобновятся, Сирия может утратить стимул вести переговоры о мире. Вооружение Сирии заставит Израиль усилить меры

по обеспечению своей безопасности. Начнётся новый виток гонки вооружений на Ближнем Востоке.

Хадас подчеркнул, что именно новый характер отношений между Израилем и Россией позволяет откровенно, по-дружески ставить столь сложный и трудный вопрос и надеяться, что Россия учтёт обеспокоенность Израиля.

Я ответил, что не располагаю информацией по данному вопросу. В общем порядке могу сказать следующее. Во-первых, Россия предлагала и предлагает всем заинтересованным странам договориться о прекращении поставок оружия на Ближний Восток. Но нас не поддерживали. Во-вторых, если Россия в одностороннем порядке уйдёт с ближневосточного рынка оружия, всегда найдутся желающие занять это место. И мы окажемся в чистом проигрыше. В-третьих, поставки оружия и военной техники из России в страны региона, если они состоятся, ни в коем случае не нарушат существующий стратегический баланс.

Через три недели я вновь встретился с Хадасом и сообщил ему, ссылаясь на Москву, что обеспокоившее Израиль сообщение оказалось липой. Вместе с тем просил иметь в виду, что военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами, — а теперь это уже не столько политика, сколько коммерция, — не должно восприниматься болезненно. Россия не заинтересована в разбалансировке ситуации на Ближнем Востоке. Хадас вздохнул, но поблагодарил за разъяснения. Выразил уверенность, что обмен военными атташе позволит более оперативно разбираться с вопросами подобного плана.

Следует, пожалуй, заметить, что коммерческие структуры Израиля проявляли заметный интерес к оружейной тематике. Пахло большими деньгами. В частности, ко мне обратились представители фирмы «Финк-Нурмат» с предложением организовать в Израиле выставку российских вооружений и военной техники («для узкого круга руководства Израиля и военной промышленности без упоминания в печати»). При этом ссылались на контакты с Комитетом по оборонным отраслям промышленности (В.Глухих). Посольство поддержало эту инициативу. Однако означенный Глухих контакты с израильтянами отрицал и сердито требовал указать, с кем это вверенный ему Комитет якобы контактировал. Пришлось указать. На том дело и заглохло. Находясь далеко от московских коридоров власти и связанных с производством и экспортом оружия «финансовых потоков», трудно было судить, почему мы отвергаем достаточно интересные, перспективные предложения. Кстати, появление военного атташе мало что изменило. Не по причине атташе, а по причине, насколько я понимаю, бестолковщины и интриганства в упомянутых коридорах.

.....
В ноябрьском календаре — очередная встреча с министром энергетики и инфраструктуры. Рубинштейн вернулся из Москвы и увлечённо рассказывал о «достигнутых договорённостях»: совместная разведка нефтяных месторождений, обмен научными сотрудниками под конкретные научно-технические и опытно-конструкторские разработки, поставка в Израиль 1 млн. тонн нефти. Не удалось, огорчился министр, договориться о продаже Израилу угля и газа — трудности доставки.

Увы! Как, наверное, уже догадался читатель, ни одна из «договорённостей» не была реализована. «Трудности доставки», без сомнения, существуют. Но куда более значимы **«трудности безответственности»**, пронизавшей наш государственный аппарат. Временщики, дилетанты, корыстолюбцы, находящиеся во власти или рядом с властью, органически неспособны мыслить в категориях российских интересов. Да и потом Израиль, как его ни корми, смотрит в сионистский лес... Не случайно Дума, та самая Дума, которая солидаризировалась с Макашовым, до сих пор (июль 2000 года) не ратифицировала подписанный Черномырдиным и Рабиным (год 1993-й) договор об избежании двойного налогообложения.

.....
11 ноября посетил в Ашкелоне школу. Урок русской литературы в 10-м классе был посвящён «Анне Карениной». Учительница — Таня (так её называют ученики) из Бендер. Раскованные — по нашим понятиям, слишком — девочки и мальчики. Бурная дискуссия на тему: ты за кого — за Каренину или за Каренину? Важен не результат, а умение аргументировать. Учили не запоминать, а думать. Что же касается результата, то большинство девочек было за Каренину, а большинство мальчиков (и Таня) — за Каренину. Урок мне понравился. Хотя школьная вольница показалась чрезмерной.

.....
12 ноября разразилась буря. В израильском стакане, но вокруг меня. Утром позвонил Эдик Кузнецов, главный редактор «Вестей».

— Слушай, у меня информация из Москвы, что тебя отзывают. Комментарии есть?

— Нет, — отвечаю. — Нет комментариев. В первый раз слышу.

— Ладно, — говорит, — завтра печатаю.

— Хорошо.

Тоскливо как-то стало. Хоть бы предупредили... Поехал на работу. Хотел позвонить в МИД, но раздумал. Будем погодить...

13 ноября на первой полосе «Вестей» крупными буквами:

«Согласно информации, полученной из достоверных источников в МИДе,

БОВИН БУДЕТ ОТОЗВАН

Под этим могучим заголовком текст Авигдора Эскина:

«Москва. Посол России в Израиле Александр Бовин будет возвращён на родину в ближайшее время. Его заменит нынешний заместитель министра иностранных дел Фёдор Шелов-Коведяев. Это решение было принято самим президентом России, распорядившимся сменить всех послов, назначенных на свои посты в период Горбачёва и ранее.

Ельцин лично распорядился о смещении Бовина в скором времени, поэтому возвращение посла России предвидится не позднее января. Это соответствует тенденции Ельцина и Козырева заменить всех послов, не являющихся профессиональными дипломатами. В 1992 году 36 послов России были отозваны домой.

Фёдор Шелов-Коведяев был одним из кандидатов на должность посла России в ЮАР, однако министр иностранных дел России Козырев предпочёл отправить своего приближённого в более важную для российской дипломатии точку — в Тель-Авив. Будущий посол России в Израиле известен как человек демократических взглядов, которого прежняя партийная верхушка не очень-то любила. Он, как ожидается, продолжит линию нынешнего посла, которая характеризовалась объективным отношением к проблемам нашего региона и установлением дружеских связей со всеми слоями израильского общества».

Далее следовало замечание редакции: «Естественно, мы тут же связались с Александром Евгеньевичем Бовиным и попросили его прокомментировать полученное нами сообщение. «До меня эти слухи ещё не дошли. А потому прокомментировать эти сведения я никак не могу», — сказал он.

У нас нет оснований сомневаться в надёжности нашего источника информации, и всё же хотелось бы надеяться, что это всего лишь слухи. В конце концов хороших послов менять ни к чему. Вместе с тем дополнительная проверка показала, что на днях Шелов-Коведяев действительно уже оставил пост первого заместителя министра иностранных дел России — второго по важности лица в МИДе. Его уход связывают с отставкой его некогда могущественной покровительницы — советника Ельцина по межнациональным вопросам Галины Старовойтовой».

Настали тяжёлые дни. Трубка телефона раскалилась. Все спрашивали, недоумевали, ахали и охали. Я ушёл в глухую защиту: «Ничего не знаю». Что и было правдой. Мои соображения сводились к тому, что слухи вполне могут подтвердиться. Поскольку я не очень молод и пришёл из застойного времени. Поскольку меня назначил Горбачёв. Поскольку я не скрывал своих симпатий к нему. Поскольку не принадлежал ни к чьей «команде», как та самая кошка, которая ходит сама по

себе. Поскольку моим мидовским начальникам было как-то неловко руководить мною в привычной для них манере. Поскольку уж слишком хорошо, подозрительно хорошо ко мне относятся в Израиле.

15 ноября нервы не выдержали, и я написал письмо Козыреву: «Уважаемый Андрей Владимирович! В израильской прессе появилось сообщение, что «согласно информации, полученной из достоверных источников в российском МИДе», Ельцин «лично распорядился» о смещении Бовина с должности посла в Израиле. Меня донимают вопросами. Врать не хочется. В связи с этим убедительно прошу ориентировать». Написал, но сразу не отправил, противно как-то... А потом уж и не понадобилось.

17 ноября в конкурирующей с «Вестями» газете «Время» появилась заметка **«ПОСОЛ РОССИИ — БОВИН»**. Её автор Олег Якубов писал: «В израильской печати несколько дней назад промелькнуло сообщение о том, что с января 1993 года Александр Бовин отзывается из Израиля и пост посла России в нашем государстве займёт бывший первый заместитель министра иностранных дел России Шелов-Коведяев.

На просьбу журналистов прокомментировать это сообщение Александр Бовин ответил, что ему ничего не известно. Я дозвонился до заместителя начальника Департамента информации российского МИДа Дениса Николаевича Грищенко. Вот что он ответил:

— Это сообщение ни на чём не основано. Посол России в Израиле — Александр Бовин.

— А правда ли, что внешнеполитическое ведомство России собирается в ближайшие месяцы заменить всех послов, назначенных во времена президента Горбачёва? — спросил я своего собеседника.

— Это точно такие же слухи, как и смещение с поста Александра Бовина. И то, и другое не имеет под собой никакой почвы, — ответил Д.Грищенко».

На следующий день во «Времени» же традиционная колонка Виктора Топаллера. В его ядовитом саркастически-ироническом духе. «В последнем номере газеты «Вести» мы обнаружили сразу две сенсации. Наш главный редактор мрачно смотрел на ответственного секретаря: «Прозевали?!» Тот, размазывая по щекам и ушам слёзы, божился, что не виноват. Первая сенсация, касающаяся предполагаемой гибели «Времени», не была для него секретом. Другое дело, что он, в отличие от редакции «Вестей», не понял, что это сенсация, так как был уверен (и, надо сказать, не без оснований), что «Времени» ничто не угрожает.

А вот второй скуп — прозевали, прозевали! Обошли нас. «Бовин будет отозван» — с таким заголовком вышла заметка Авидора Эскина. Да ещё «согласно информации, полученной из достоверного ис-

точника в российском МИДе! Я страшно расстроился — лично мне Бовин очень симпатичен, и я не хочу, чтоб его отзывали.

Эскин утверждал, что Бовин покинет нас в «ближайшие месяцы» и что «Ельцин лично распорядился о его смещении». Журналист даже поделился своими мыслями по поводу личности нового посла. Редакция, правда, оговорила, что надеется на то, что всё это лишь слухи, хотя у неё и «нет оснований сомневаться в надёжности нашего источника информации». Ну, естественно, — он же «достоверный», как сообщено в подзаголовке. Представляется всё же, что «основания сомневаться» имеются.

Денис Грищенко, зам. начальника Департамента информации МИДа, сообщил нам, что отставка Бовина — чистейший вымысел. Видимо, пора «Вестям» менять «достоверный источник». А, может, просто фильтр поставить?

Вообще надо заметить, что господин Эскин уже не первый раз самостоятельно придумывает «достоверные сенсации». Сразу же после выборов он поразил читателей сообщением о том, что Авода и Ликуд собираются создать коалиционное правительство; ни одна другая газета об этом не знала. И до сих пор не знает. Вспоминается вольноопределяющийся Марек из бессмертного «Швейка», редактировавший журнал о животных и придумывающий новых зверей типа «сернистого кита».

Так или иначе Бовин остаётся на посту посла — вот и хорошо. Я вам даже скажу, почему его не отозвали. Учтите, что это сенсация (знай наших!): он не принимал участия в забастовке во «Времени». Потому что её не было...»

Складывается впечатление, что «казус Бовина» послужил очередным поводом для разборки между соперничающими газетами. Потом я не раз убеждался, что в Израиле ожесточённые журналистские ристалища, обмен колкостями часто начинают жить собственной жизнью, приобретают самодовлеющее значение, когда в грохоте и дыму словесных перепалок теряется из вида суть, причина, содержательная сторона того или иного спора.

Старался не попадаться на глаза журналистам. Со всеми у меня были какие-то личные отношения, болтать попусту не хотелось, а по существу сказать было нечего. Но Инна Стессель из «Новостей недели» меня таки достала. Не мог устоять перед женщиной. **«СТРАСТИ ПО АЛЕКСАНДРУ ЕВГЕНЬЕВИЧУ»** — так назывался её материал. Цитирую: «Вот уже несколько дней две израильские русскоязычные газеты будоражат общество «слухами о Бовине». Причём слухами самыми разноречивыми: отзывают его из Израиля, не отзывают...»

Российский посол в Израиле, что и говорить, человек очень популярный. Но статус у него несколько иной, чем у кинозвезды и, дума-

ется, для сенсационных сообщений о нём необходимы факты, а не воображение корреспондентов...

Одним словом, «Новости недели» предприняли попытку максимально приблизиться к истине. И узнать, что думает об этой истории Александр Евгеньевич. В конце концов вряд ли положено читателю знать больше, чем знает сам Бовин о российских планах.

— Александр Евгеньевич, скажите, пожалуйста, вам известно о том, что в пятницу «Вести», со ссылкой на информированные источники, сообщили: пост посла в Израиле займёт бывший первый заместитель министра иностранных дел России Шелов-Коведяев и что Россия в ближайшее время заменит всех послов, назначенных Горбачёвым. В том числе и Бовина...

— Разумеется известно. Читал.

— И?

— Я сам газетчик и прекрасно понимаю, почему «Вести» опубликовали это...

— Но «Время» вчера опровергло информацию «Вестей», тоже со ссылкой на источник... Кому верить?

— Я, знаете ли, никогда не комментирую газетные публикации...

— Тогда я спрошу иначе. Вам лично что-нибудь известно о возможных переменах в судьбе Бовина?

— Мне? Нет. Ровным счётом. Я нормально работаю. Никто из Москвы ни о чём подобном меня не информировал.

— Простите, пожалуйста, но какая-то почва для возникновения подобных слухов должна была быть?

— Вы всё же вовлекаете меня в рассуждения о «слухах». На мой взгляд, всё очень просто — в России есть масса партий с самыми различными умонастроениями. Есть симпатизирующие лично мне группировки, есть, скажем так, не слишком дружелюбно настроенные. Последние наверняка шумят: «Бовин — человек застойного времени, нужны новые послы из молодых...» Что-то в этом роде...

— Извините за настойчивость. Вы не собираетесь связаться с Москвой и получить разъяснения?

— Нет. Не вижу в этом необходимости.

— Было бы очень грустно, если бы эти слухи, упаси Бог, подтвердились...

— Мне тоже было бы грустно. Но от грусти есть прекрасное средство — спокойно работать...»

Работалось, конечно, не очень спокойно. Жена переживала. Не из-за того, что придётся, может быть, уехать. А из-за того, что нервы мотают. В посольстве эта тема вслух и при мне не обсуждалась. Иногда ловил вопросительные (или — вопрошающие?) взгляды.

Битва газет продолжалась. 19 ноября «Вести» продолжали меня снимать. В редакционной статье «Опять о Бовине» говорилось: «Неделю назад газета «Вести» со ссылкой на информированный источник в

МИДе сообщила о вероятном отзыве посла России в Израиле Александра Евгеньевича Бовина. Из того же источника стало известно, что новым послом России в Израиле может быть назначен Фёдор Шелов-Коведяев, недавний первый заместитель министра иностранных дел России.

Как сообщили нам 19 ноября из Москвы, информация, опубликованная неделю назад в «Вестях», нашла подтверждение в ряде российских источников. Достаточно высокая доля вероятности назначения Шелова-Коведяева послом России в Израиле ни для кого уже не является секретом: так, об этом сообщила со ссылкой на отечественный (а никак не израильский) источник газета «Вечерняя Москва» в номере от 17 ноября.

Судя по всему, страстные опровержения этой информации одной из израильских русскоязычных газет имели своим источником побуждения, далёкие от профессиональных».

Бомба, разметавшая в куски «информированные источники», взорвалась в воскресенье 22 ноября. В этот день «Время» опубликовало два материала из «Вечерней Москвы». Они заслуживают того, чтобы перепечатать их здесь.

«ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ О ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

10 ноября 1992 года в Кремле состоялся Восстановительный Пленум ЦК КПСС.

По поручению Оргкомитета КПСС имени Л.И.Брежнева Пленум открыл и выступил с докладом «О задачах партии по восстановлению морально-политического единства Советского общества» член Оргкомитета Юрий Ильич Новиков.

Он, в частности, сказал: «10 лет назад, 10 ноября 1982 года, ушёл из жизни Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. С этого дня в нашей стране начались временные трудности, первопричиной которых стал ошибочный, по сути — ревизионистский тезис Андропова о возможности существования противоречий при социализме. Выискивание таких якобы существующих противоречий, акцентирование на них общественного внимания привело к их обострению и в конечном счёте — к утрате самого главного нашего достояния — всеобщего и полного единогласия. Страна оказалась на грани гражданской войны, и единственно верный путь лежит через восстановление советского общества, государства и партийного руководства, каким оно было при Л.И.Брежневе по состоянию на 10 ноября 1982 года».

В прениях по докладу выступили члены Оргкомитета товарищи М.Арсеньева, А.Кириллова, А.Коллонтай-Арманд и ещё 2 участника, просившие не называть их фамилий.

Пленум выразил порицание членам ЦК КПСС, избранным при жизни Л.И.Брежнева, ни один из которых не явился на Восстановительный Пленум, несмотря на то, что о его проведении заранее (7 ноября) было объявлено по Радиостанциям «Эхо Москвы» и «Радио России». Как уже отмечалось в партийной печати, «в Уставе КПСС не определяется кворум для проведения Пленума. Следовательно, принятые решения правомочны, они обязательны для выполнения всех партийных организаций и коммунистов» (Газета «Гласность», №23 от 25 июня 1992 года, стр.4).

Исходя из этого, было решено провести Пленум в отсутствие членов ЦК. При этом члены Оргкомитета КПСС имени Л.И. Брежнева подчеркнули, что они не претендуют на высшие посты в партии.

На Пленуме ЦК КПСС рассмотрены организационные вопросы.

По многочисленным просьбам трудящихся Пленум восстановил руководящие органы партии в составе товарищей, состоявших в этих органах 10 ноября 1982 года.

Пленум восстановил Политбюро ЦК КПСС в составе членов Политбюро товарищей Горбачёва М.С., Кунаева Д.А., Романова Г.В., кандидатов в члены Политбюро товарищей Алиева Г.А., Долгих В.И., Пономарёва Б.Н., Соломенцева М.С., Шеварднадзе Э.А.

В должности секретарей ЦК КПСС восстановлены товарищи Горбачёв М.С., Пономарёв Б.Н., Долгих В.И., Зимянин М.В., Капитонов И.В., Русаков К.В.

Пленум перевёл из кандидатов в члены ЦК КПСС товарищей Брежнева Юрия Леонидовича, Малькова Н.И., Чернавина В.Н., Чурбанова Ю.М., Хренникова Т.Н., Язова Д.Т.

Член ЦК КПСС товарищ Ельцин Б.Н. восстановлен в должности Первого секретаря Свердловского обкома КПСС.

Члена Политбюро товарища Шеварднадзе Э.А. и члена Центральной Ревизионной Комиссии Набиева Р.Н. переименовать из глав независимых государств в первых секретарей ЦК Компартии Грузии и Таджикистана соответственно.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Израиле, член ЦРК товарищ Бовин А.Е. в связи с восстановлением разрыва советско-израильских дипломатических отношений переведён в распоряжение Организации освобождения Палестины.

Члену Центральной Ревизионной Комиссии КПСС народному артисту СССР Ульянову М.А. поручено в течение месяца восстановить светлый образ Владимира Ильича Ленина.

Члену ЦК КПСС товарищу Косолапову Р.И. строго указано на недопустимость одновременного членства в антисоветской организации, именующей себя РКРП.

Всем вышеупомянутым товарищам, а также членам ЦК КПСС товарищам Арбатову Г.А., Воротникову В.И., Власову А.В., Зайкову Л.Н., Лигачёву Е.К., Пастухову Б.Н., Рыжкову Н.И., Силаеву И.С., Терешковой В.В., членам Центральной Ревизионной Комиссии КПСС товарищам Лукьянову А.И., Медведеву В.А., Назарбаеву Н.А., Фалину В.М. и остальным предписано вернуться к исполнению своих обязанностей и ударным трудом возместить нанесённый их десятилетним бездействием ущерб делу социализма.

Первоочередной задачей Пленум считает выполнение духовного завещания Леонида Ильича Брежнева — Продовольственной программы, принятой майским (1982 год) Пленумом ЦК КПСС. Персональную ответственность за руководство данным участком работы возложить на члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству товарища Горбачёва М.С.

На Пленуме ЦК КПСС рассмотрен вопрос о работе государственных органов СССР.

Пленум предписал исполняющему обязанности Главы Правительства России товарищу Гайдару Е.Т. в двухдневный срок сдать дела законному Председателю Совета Министров РСФСР товарищу Соломенцеву М.С.

Председателю Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР товарищу Умалатовой С.З. поручено созвать сессию Верховного Совета СССР по состоянию на 10 ноября 1982 г. с целью избрания нового Главы Советского государства из членов семьи Леонида Ильича Брежнева.

Пленум обратился к главам империалистических государств с убедительной просьбой не воспринимать принятые на нём решения как предлог для отказа в гуманитарной помощи. КПСС и впредь будет продолжать миролюбивую внешнюю политику в соответствии с речью Леонида Ильича Брежнева на приёме в Георгиевском зале Кремля по поводу его 75-летия 19 декабря 1981 года, где он, в частности, сказал: «Приверженность Брежнева делу мира тем и объясняется, что он отражает мысли и чувства всего советского народа» (продолжительные аплодисменты). (Л.И.Брежнев. Ленинским курсом, т.9, стр.343).

На этом Пленум закончил работу» («Вечерняя Москва», 12.11.1992). И ещё один материал. Тоже своего рода классика.

Рубрика: «Решения Пленума ЦК КПСС — ни в жисть!»

Заголовок: «С СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ ШУТКИ ПЛОХИ».

Текст: «Как уже сообщалось в «ВМ», в Кремле по инициативе Оргкомитета КПСС имени Л.И.Брежнева состоялся Пленум ЦК,

обсудивший «Задачи партии по восстановлению нерушимого морально-политического единства Советского общества». «Информационное сообщение» о Пленуме было доставлено в редакцию (об этом тоже сообщалось) не пожелавшим назвать себя «фельдъегерем в штатском».

На следующий день на редакцию обрушился шквал телефонных звонков. Их характер неопровержимо свидетельствует о том, что более чем семидесятилетнее партийное правление привело не только к экономической разрухе, но и серьёзно отразилось на здоровье советских людей — притупилось чувство юмора. Наиболее активно неприятие решений Пленума продемонстрировали сторонники неокommунистических партий, в частности, РКРП. «Кто избирал на этот самозванный Пленум никому не известного А.Коллонтай-Арманд, — искренне возмущались они, — от чьего имени он выступал? Мы не признаём никаких лидеров, кроме Анпилова».

Ряд товарищей, откликнувшихся на публикацию газеты, высказал категорическое несогласие с решением Пленума восстановить Политбюро в составе Горбачёва М.С., Кунаева Д.А., Романова Г.В., Алиева Г.А., Долгих В.И., Пономарёва Б.Н., Соломенцева М.С., Шеварднадзе Э.А.

Некоторые демократически настроенные читатели газеты, также принявшие «Информационное сообщение» за чистую монету, заявили о твёрдой решимости не допустить к власти реваншистов и разогнать Пленум. Пенсионер из Жуковского Иван Павлович М. даже оставил нам свой телефон на случай, если понадобится его помощь.

Была, разумеется, и адекватная реакция. Многих «Информационное сообщение» фельдъегеря в штатском изрядно развеселило. А сотрудник Музея Революции Ирина Морозова, собирающая всякие, в том числе и курьезные документы, попросила несколько экземпляров газеты «для истории».

Единственным «пострадавшим» от публикации оказался российский посол в Израиле. В «сообщении», как вы помните, говорилось: «Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Израиле член ЦРК КПСС товарищ Бовин А.Е. в связи с восстановлением разрыва советско-израильских дипломатических отношений переводится в распоряжение Исполкома Организации освобождения Палестины». На следующий день средства массовой информации действительно передали сообщение об отзыве Бовина и назначении на этот пост Шелова-Коведяева. Но, видит Бог, вины «Вечёрки» здесь нет. Других сведений о жертвах публикации не поступало.

«Фельдъегерь в штатском» уполномочен заявить, что на этом «восстановленный» ЦК КПСС, войдя в плотные слои читательского неodobрения, прекратил своё существование.

Ф. Штатский» («Вечерняя Москва», 16.11.1992).

Рядом с этими материалами из «Вечёрки» «Время» поместило заметку «О профессионализме, чувстве юмора и источниках информации». Обратите внимание на сдержанно-сладострастно-торжествующую тональность. Имели право! «Возможно, авторы газеты «Вести» покинули Советский Союз ещё в те времена, когда шутки и розыгрыши в советской прессе дозволялись только первого апреля. И поэтому, как и раньше, свято верят всему, что появляется на страницах московских изданий во все оставшиеся дни. Возможно, «Вести» не очень хорошо относятся к российскому послу Александру Евгеньевичу Бовину. И уж совсем не приходится сомневаться в их оценке нашего скромного журналистского труда...

Знали бы коллеги из московской «Вечёрки», что с тель-авивскими «Вестями» шутки плохи. Того и гляди, возьмут и без согласования с российским МИДом сменят посла в Израиле. Сославшись при этом на компетентные источники из Занзибара. Или из Гондураса. Пока непонятно, кому из них в данный момент «ведущая русскоязычная газета» доверяет больше».

«Вести» были в нокауте. Народ не безмолвствовал, народ хохотал... Эскин долго прятался от Эдуарда Кузнецова. Кстати, к «Вестям», к Кузнецову у меня никаких претензий нет. Он поступил так, как нынче поступают многие «настоящие» журналисты: «ради красного словца не пожалею и...» Помню, сразу после нокаута Эдик устроил у себя дома торжественно-траурный ужин. Был Егор Яковлев, оказавшийся в те дни в Израиле. Был Яша Кедми. Тоже хохотали...

Израильскую точку в этой истории поставил юмористический еженедельник «Беседер?» (в вольном переводе с иврита — «О кей?»). Он опубликовал «Песню о Бовине»:

«Вновь в русскоязычной прессе напряжение нагнетают. Между органами прессы робко бьётся А.Е.Бовин, упомянут многократно.

То посольство оставляя, то опять вступая в должность, он кричит, но этих криков «Вести» с «Временем» не слышат, упоённые сражением.

Бьют друг друга по мордасам злободневными статьями и под радостные крики: «Мы им здорово воткнули!» час от часу дешевеют, день за днём в цене вздымаясь над седым от страха морем.

А читательские массы и посол российский Бовин наблюдают с удивленьем труд гиен пера мартышкин, и, качая головами, так примерно рассуждают: «Раз пошла такая пьянка, пусть сильнее грянет «Эхо» (один из русскоязычных дайджестов. — А.Б.).

Московскую точку поставил чуть позже лично Фёдор Вадимович Шелов-Коведяев. «О том, что Бовин возвращается, а меня назначают послом в Израиль, — сообщил он «Литературной газете» (7.12.1992), — я узнал, как и все москвичи, из передачи радио. Это было, как гром среди ясного неба. Чтобы выяснить, в чём дело,

позвонил в МИД Козыреву, потом помощнику президента Рюрикову. Все в полном недоумении и ничего не знают. Откровенно говоря, если бы такое предложение даже было мне сделано, то я, вероятнее всего, отказался бы. Я — депутат, а мои избиратели живут очень трудно. Я не могу покинуть сейчас корабль, на котором мы все вместе плывём».

.....
Тема моей отставки имела продолжение. Правда, два года прошли спокойно. Однако в феврале 1995 года затишье кончилось. На этот раз вперёд вырвался Леонид Школьник из «Новостей недели». 22 февраля там было помещено его сообщение под заголовком **«Смена приоритетов»**. Сообщалось следующее: «Как стало известно «Новостям недели» из кругов, близких к российскому МИДу, вместо завершающего свою дипломатическую карьеру Александра Евгеньевича Бовина будет назначен новый посол России в Израиле.

В списке возможных кандидатов фигурирует и бывший ректор Дипломатической академии Олег Герасимович Пересыпкин, возглавляющий ныне Российское Палестинское общество...»

Далее автор, перечислив должности и книги Пересыпкина, делал вывод, что Пересыпкин — «известный арабист», и заключал: «Возможное назначение (и даже обсуждение кандидатуры) 60-летнего Олега Пересыпкина на должность российского посла в Израиле, по всей видимости свидетельствует о некотором изменении приоритетов российской ближневосточной политики и о её более заметной ориентации на расширение политического, экономического и военного сотрудничества со странами арабского Востока».

На следующий день в разработку «скупа», но, так сказать, на моей стороне включились Олег Якубов и Соломон Муллер из «Времени». Привожу их публикацию: «Не знаю, доволен ли сам Александр Бовин тем обстоятельством, что его персону привлекает всеобщий интерес, но он по-прежнему остаётся в центре внимания. Снова просел слух, что посла Бовина отзывают.

Пишем «снова», ибо такие слухи уже бродили по Израилю. Тогда один из авторов этих строк — помнится, это было года полтора назад — позвонил Бовину и спросил напрямик, так ли это. В ответ Александр Евгеньевич продиктовал семь цифр и пояснил: «Это номер телефона начальника Департамента кадров российского МИДа. Спросите у него, ему лучше знать». Я не поленился и позвонил в Москву.

— Да откуда вы это взяли? — удивился мидовский чиновник. — Ничего подобного.

Сейчас к сведениям о том, что Бовина снимают, доброты добавили подробности. Связано это, мол, с явно произраильскими настроями посла. А на смену ему готовится некий молодой дипло-

мат, который в министерстве иностранных дел России ведает вопросами, связанными с палестинцами.

— Александр Евгеньевич, вы что-нибудь о своём смещении слышали?

— Ничего не слышал, — ответил посол.

— А что вы можете сказать по поводу своих израильских настроений и взглядов?

— Вообще-то я человек совершенно прорусских взглядов. Это даже больше относится к моим убеждениям, нежели к занимаемой должности. Иногда мои взгляды и позиции совпадают с позициями Израиля или палестинской администрации. Суть моих убеждений от этого не меняется: они остаются пророссийскими.

— Ну извините за беспокойство.

— Отчего же... Люблю слушать о себе всякие истории и небылицы. Интересно же знать, что о тебе говорят.

Помнится, когда в нашей газете появился комментарий работника российского МИДа, заявившего, что разговоры о замене Бовина — явный вымысел, жена Александра Евгеньевича Лена Петровна сказала: «Я бы эту заметку из вашей газеты вырезала и вместо того, чтобы отвечать на все назойливые расспросы, давала её прочитать». Ох, боимся мы, Лена Петровна, что у вас из подобных вырезок может целое собрание сочинений получиться. В полном смысле слова «сочинений» — иначе не назовёшь».

«Вести», нахлебавшись в прошлый раз под завязку, на всякий случай промолчали. Пересыпкин через год пробился-таки в Ливан. До «молодого дипломата» очередь ещё не дошла. Увлекательная тема отставки Бовина ушла в песок, чтобы снова появиться на поверхности в середине следующего года.

На этот раз лидировало «Время». 4 июля 1996 года оно сообщило читателям: «Как стало известно из источников в российском МИДе, чрезвычайный и полномочный посол России в Израиле Александр Бовин в скором времени оставит свой пост, который занимал в течение пяти лет. Ещё на прошлой неделе министру иностранных дел Е.Примакову был представлен список возможных кандидатур на пост посла РФ в Израиле. Наиболее вероятным считают назначение одного из опытных российских дипломатов, который неоднократно посещал Израиль и другие страны региона и пользуется доверием Примакова: с министром иностранных дел его связывает многолетнее сотрудничество, а также общая позиция в подходе к арабо-израильскому конфликту. Информированный российский источник просил пока не называть имя дипломата».

Судя по описанию, «наиболее вероятным» кандидатом был заместитель министра иностранных дел и специальный представитель президента России на Ближнем Востоке Виктор Викторович Посувалюк.

Поскольку у нас сложились к тому времени нормальные и, как мне казалось, не совсем иерархические отношения, я 5 июля отправил ему материал из «Времени», сопроводив его такими словами: «Хотелось бы получить Ваш руководящий комментарий. Не корысти ради, а токмо для научного планирования своей дальнейшей жизни. Надо ли торопиться с заменой второй коленки? А в принципе всё идёт штатно. «КрадётсЯ старость, как предатель...» Заранее благодарен за ответ»¹. В этот же день Посувалюк позвонил мне по телефону (нашел меня в машине). Был благостен и лаконичен. «Спокойно лечитесь, в затылок никто не дышит».

Через несколько дней ситуация стала проясняться. В одной из ведущих израильских газет «Гаарец» было опубликовано интервью московского спецкора этой газеты Йоси Мельмана с Посувалюком. Там содержался такой пассаж: «Я знаю, что Александр Евгеньевич строит дачу в пригороде Москвы, — сказал Виктор Посувалюк с многозначительной улыбкой и перевёл разговор на другую тему». Из этого Мельман заключил, что «дни Бовина в Израиле сочтены».

Дача никакого отношения к сюжету не имела. В дачный известинский кооператив я вступил много лет назад. А вот многозначительная улыбка — это, разумеется, оружие дипломата. И поскольку оно было пушено в ход, я понял, что в принципе решение принято. Весь вопрос только во времени. Оно истекло через десять месяцев...

.....
Жизнь продолжалась. В самый разгар моего снимания я поехал в Эйлат. Дорога шла через пустыню Негев.

Когда-то здесь проходили караванные пути, связывавшие Средиземноморье с Индийским океаном. Здесь ставили шатры и копали колодцы Авраам, Исаак и Яаков. Через пустыню Негев царица Савская ехала к царю Соломону. Недолгие времена расцвета сменялись веками упадка и запустения. И всегда здесь жили скотоводы-кочевники, принадлежавшие к разным народам и разным вероисповеданиям.

Современные ветры ворвались в пустыню Негев только после образования Государства Израиль. Пустыни ещё много. Но уже много и садов, в которых растут персики, яблоки, сливы, абрикосы. Расширяются виноградники. Выращиваются овощи. Огромные массивы цветов, идущих на экспорт. Пустыни ещё много потому, что она нужна армии. Это единственное место в Израиле, где можно расположить полигоны, вести учебные стрельбы, проводить манёвры.

¹ Два пояснения. Первое. В мае мне заменили родную коленку на металлическую. По плану вторую договорились менять в ноябре. А если уезжать, то пришлось бы действовать досрочно. И второе. Слова в кавычках это строка из песни Посувалюка (он писал песни и сам исполнял их, аккомпанируя себе на гитаре).

Поскольку у нас сложились к тому времени нормальные и, как мне казалось, не совсем иерархические отношения, я 5 июля отправил ему материал из «Времени», сопроводив его такими словами: «Хотелось бы получить Ваш руководящий комментарий. Не корысти ради, а токмо для научного планирования своей дальнейшей жизни. Надо ли торопиться с заменой второй коленки? А в принципе всё идёт штатно. «КрадётсЯ старость, как предатель...» Заранее благодарен за ответ»¹. В этот же день Посувалюк позвонил мне по телефону (нашел меня в машине). Был благостен и лаконичен. «Спокойно лечитесь, в затылок никто не дышит».

Через несколько дней ситуация стала проясняться. В одной из ведущих израильских газет «Гаарец» было опубликовано интервью московского спецкора этой газеты Йоси Мельмана с Посувалюком. Там содержался такой пассаж: «Я знаю, что Александр Евгеньевич строит дачу в пригороде Москвы, — сказал Виктор Посувалюк с многозначительной улыбкой и перевёл разговор на другую тему». Из этого Мельман заключил, что «дни Бовина в Израиле сочтены».

Дача никакого отношения к сюжету не имела. В дачный известинский кооператив я вступил много лет назад. А вот многозначительная улыбка — это, разумеется, оружие дипломата. И поскольку оно было пущено в ход, я понял, что в принципе решение принято. Весь вопрос только во времени. Оно истекло через десять месяцев...

.....
Жизнь продолжалась. В самый разгар моего снимания я поехал в Эйлат. Дорога шла через пустыню Негев.

Когда-то здесь проходили караванные пути, связывавшие Средиземноморье с Индийским океаном. Здесь ставили шатры и копали колодцы Авраам, Исаак и Яков. Через пустыню Негев царица Савская ехала к царю Соломону. Недолгие времена расцвета сменялись веками упадка и запустения. И всегда здесь жили скотоводы-кочевники, принадлежавшие к разным народам и разным вероисповеданиям.

Современные ветры ворвались в пустыню Негев только после образования Государства Израиль. Пустыни ещё много. Но уже много и садов, в которых растут персики, яблоки, сливы, абрикосы. Расширяются виноградники. Выращиваются овощи. Огромные массивы цветов, идущих на экспорт. Пустыни ещё много потому, что она нужна армии. Это единственное место в Израиле, где можно расположить полигоны, вести учебные стрельбы, проводить манёвры.

¹ Два пояснения. Первое. В мае мне заменили родную коленку на металлическую. По плану вторую договорились менять в ноябре. А если уезжать, то пришлось бы действовать досрочно. И второе. Слова в кавычках это строка из песни Посувалюка (он писал песни и сам исполнял их, аккомпанируя себе на гитаре).

Пустыня Негев упирается в Эйлат, расположенный на берегу Красного моря.

Когда в марте 1949 года израильская армия, опрокинув египтян, вышла к Эйлатскому заливу, в центр была отправлена телеграмма: «Мы дошли до конца карты. Что делать дальше?..» Дальше надо было строить Эйлат, который в те времена трудно было назвать даже деревушкой.

Теперь Эйлат — настоящий город и, как и положено приморскому городу, — порт. Но прежде всего Эйлат — курорт. Пожиже, послабее, чем наши Сочи, но курорт. Пляжи, гостиницы, развлекательные и питейные заведения, морские экскурсии (по воде и под водой), музей-аквариум, с рыбами, которые и описать-то трудно... Температура воды всегда 21-22. Поэтому летом, когда «на улице» 40, в море прохладно, а зимой, когда температура воздуха 15-17, в воде можно погреться.

Первый раз я попал сюда год назад в качестве журналиста. Запомнилась беседа с секретарём эйлатского муниципалитета Довом Шарфом. Он мыслил масштабно. Эйлат — своего рода «микрокосмос» Ближнего Востока, где сходятся границы Израиля, Иордании, Египта, Саудовской Аравии. Именно здесь можно создать «витрину» экономической интеграции, глубокого взаимовыгодного экономического сотрудничества. И вот я снова в кабинете Шарфа. Ссылаясь на идеи Переса о «новом Ближнем Востоке», он с ещё большим энтузиазмом говорит о «светлом будущем» Эйлата...¹

На обратном пути заблудились. Искали в горах какие-то древние развалины, съехали с главной дороги и, несмотря на приличную карту, не смогли привязаться к местности. Телефон не действовал. Блуждали довольно долго. Красоты вокруг были сказочные. Но мы думали о бензине — хватило бы... К счастью, пустыня Негев всё-таки не пустыня Гоби. Поменьше. Так что выбрались².

Вернувшись в Тель-Авив, провёл совещание с дипломатами относительно качества информации, направляемой в МИД. Грубо говоря, всю информацию можно разделить на две группы. Оперативная информа-

¹ В декабре 1994 года я сочинял предисловие к русскому изданию книги Ш. Переса «Новый Ближний Восток». Главная мысль Переса: только тогда, когда удастся реализовать проект Нового Ближнего Востока, когда страны региона будут связаны общим экономическим пространством, когда исчезнут нищета, фанатизм, диктатуры, только тогда станет возможным прочный, устойчивый, необратимый мир. «Я верю в такой мир, — написал я. — Но не уверен, что доживу до него».

² В пустыне Гоби я тоже заблудился. Ни карт, ни дорог не было вообще. Но были запасные канистры с бензином. И был шофер, в молодости — пастух, который умел ориентироваться по звёздам. Так что и там не пропали. Вышли в заданную точку.

ция по текущим вопросам. Она в виде шифрограмм должна идти каждый день. И аналитическая информация по всякого рода проблемам. Она оформлялась в виде справок, записок, политических писем. План подготовки таких бумаг — с указанием составителей и сроков — делался на полгода вперед.

Беда была в том, что многие дипломаты не умели чётко и лаконично, нормальным русским языком излагать материал. Боялись определённых, обязывающих формулировок. Предпочитали не выходить из накатанной колеи привычных для начальства оценок и выводов. Так что частенько тексты приходилось переписывать. Делать это у меня не было ни желания, ни времени. Горькую сию чашу приходилось испивать советнику-посланнику Владимиру Ивановичу Носенко. За что премного ему благодарен.

В МИДе была введена система стимулов, поощрений, направленная на повышение качества информации. Высший балл ставился за те бумаги, которые докладывались президенту. Пониже — премьеру, потом — министру и далее по нисходящей. Каждый месяц посольство получало соответствующие данные по своим депешам. Сначала я воспринял это серьёзно. Но вскоре сообразил, что вся штука в критериях сортировки, в том, *кто* определяет кому и что докладывать. Примерно представляя себе используемые критерии и кто эти *кто*, я перестал обращать внимание на мидовские оценки. Так мы и жили.

.....
18 ноября по приглашению бахаистов я уже был в Хайфе.

Бахаисты — это сторонники новой религии, которая была провозглашена в 1844 году в Персии Мирзой Али. Он провозгласил себя «Б'абом», то есть «вратами», через которые Бог общается с народом, и заменил Коран своим сочинением «Байан». Времена были суровые, и Мирзу Али расстреляли. Ему на смену пришел Мирза Хусейни. Он объявил себя пророком, а новое учение назвал «Баха» (блеск, сияние). Себя же обозначил как Баха-Улла (сияние Аллаха). Баха-Улла учил, что пророки — Моисей, Зороастр, Будда, Христос, Муххамад и, конечно, Баха-Улла — ступени познания истины, постижения Бога. Баха-Уллу арестовали и сослали в Акко (древняя крепость на другой стороне Хайфского залива), где он прожил 40 лет и был похоронен. Его сын и преемник Абдул-Баха, выйдя из тюрьмы, перебрался в Хайфу, где и скончался в 1921 году.

Считается, что в мире около 5 миллионов бахаистов. У них нет церковной иерархии, священнослужителей. Каждые пять лет бахаистские духовные советы, которые есть в 140 странах, выбирают 9 членов Высшего духовного органа бахаистов, который дислоцируется в Хайфе.

Судя по роскошному, со вкусом следанному Центру бахаистов, который украшает Хайфу, с деньгами у них нет проблем. В велико-

лепный мавзолей, золотой купол которого возвышается над городом, перенесены останки Мирзы Али. Там же похоронен и Абдул-Баха. 58 мраморных колонн окружают Всемирный Дом справедливости — резиденцию Высшего совета. Рядом — красивое, в классическом стиле здание Международного архива бахаистов. И всё это утопает в персидских садах, которые расположены на девяти террасах.

Целый день мы с Петровной провели в этой красотище, среди изящной архитектуры, книг и цветов. Милые, образованные, интеллигентные люди показывали, рассказывали, объясняли... Собственно религией, церковь в привычном для нас понимании этих слов там даже и не пахнет. «Просто» люди призывают делать добро и делают его. Не знаю, правда, как это всё выглядит «внутри», но «снаружи» создаётся именно такое впечатление.

.....

19 ноября встретился с Ш.Пересом. Передал ему письмо Козырева, где выражалось беспокойство обстановкой на юге Ливана. Перес сказал, что напряжённость нагнетается действиями «Хизбаллы», за которой стоит Иран. К сожалению, Сирия, контролирующая районы, в которых размещаются базы террористов, предпочитает «не замечать» их. Мы не хотим обострять обстановку, продолжал Перес, но если обстрелы Верхней Галилеи возобновятся, Израиль будет реагировать «очень сильно».

По словам Переса, израильтяне предложили ливанцам организовать встречу военных обеих стран, чтобы попытаться найти решения, гарантирующие безопасность Израиля. Но ливанцы молчат. В общем, заключил министр, пока не договоримся с Сирией, с Ливаном ничего не получится.

Докладывая Козыреву о разговоре с Пересом, я обратил внимание своего министра на то, что в последнее время здесь всё реже упоминают Россию как коспонсора мирного процесса. Вряд ли такая «забывчивость» соответствует интересам России. Мне представлялось, что Россия могла бы набрать очки, приняв участие в различных проектах регионального экономического сотрудничества, которые связывались с успешным развитием мирного процесса. В то время это была одна из «любимых игрушек» Переса. Разумеется, министр мне не ответил.

.....

Познакомился с министром просвещения Шуламит Алони (блок МЕРЕЦ). Школьная учительница, юрист, журналист. Автор нескольких книг, в том числе — «Женщина — тоже человек». Чрезвычайно энергична. Крайне левых по израильским меркам убеждений. Защита прав человека, отделение церкви от государства, развитие светской

культуры — главные области приложения её энергии. Ортодоксы, религиозные сановники прямо трясутся, когда слышат её имя. Мы не часто встречались, но каждый раз я с удовольствием внимал её нетривиальным суждениям.

Острый и несдержанный язык госпожи Алони не раз вызывал большие и маленькие скандалы. В конце концов Рабину это надоело. В июне 1993 года несдержанную даму сделали министром связи, добавив ей... культуру, но выведя из-под её подчинения чисто религиозные учебные заведения. Впрочем, власть не для неё. Она по характеру, по нраву — оппозиционер.

.....
21 ноября на заседании местного «Лайонз клуба» я выступил с докладом «Россия накануне критических дней». Речь шла о VII съезде народных депутатов, который должен был состояться в начале декабря. В докладе констатировалось, что наблюдается резкий контраст между ростом лихорадочной активности на политическом уровне («верхи») и ростом пассивности на социальном уровне («низы»). Политики борются за власть, массы борются за выживание. Анализ расстановки и влияния основных политических сил позволял сделать вывод, что — независимо от того, чем кончится противостояние президента и парламента, — Россия будет продолжать мучительное, медленное, с откатами назад продвижение к демократии, к социальному рыночному хозяйству.

«Вкладывать деньги в нынешнюю Россию рискованно, — сказал я, обращаясь к израильским бизнесменам. — Но ещё больший риск — не вкладывать их». Мне вежливо похлопали, но денег вкладывать не стали.

.....
23 ноября я впервые встретился с Биньямином Нетаньяху, тогда ещё не лидером, но видным деятелем оппозиции. Встреча состоялась в столовой Кнессета, на виду у обедавших депутатов. Его должны были видеть с русским послом. Маленькие хитрости больших политиков...

Нетаньяху родился в 1949 году в Израиле. Его идейная, идеологическая ориентация во многом сформировалась под влиянием семейных традиций. Дед Нетаньяху, раввин Натан Миликовский, пламенный, фанатичный сионист, почитатель и друг Жаботинского, в 1920 году репатриировался в Палестину из Литвы. Отец Нетаньяху — один из восьми сыновей раввина — долгое время жил в Америке и был личным секретарём Жаботинского.

Клан Миликовских чрезвычайно богат. Большинство его членов (дядей Нетаньяху) покинули Израиль, так как они считали, что власть в нём изначально захватили «большевики», «комиссары», сторонники социализма. Миликовские категорически отвергли Кэмп-Дэвидс-

кое соглашение. Они были против мирного процесса, против уступок палестинцам. Так что будущему лидеру Ликуда было у кого учиться.

Сам Нетаньяху провёл в США в общей сложности около 17 лет. Жил, так сказать, на два дома. В Штатах учился в школе, в Израиле служил в армии. Кстати, в легендарном «Саерет маткаль» — отряде командос Генерального штаба. Участвовал в секретных боевых операциях за пределами Израиля. Потом вернулся в США и закончил знаменитый Массачусетский технологический институт (бакалавр архитектуры и магистр в области управления экономикой). Окончательно осел в Израиле в 1978 году. Быстро сделал дипломатическую карьеру (представитель Израиля в ООН, заместитель министра иностранных дел). В начале 90-х вступил в борьбу за лидерство в Ликуде.

Нетаньяху начал разговор с почти уже классической темы — опасность утечки российских учёных и ядерных технологий в Иран. Сам путался и путал меня. Затем перешли к мирному процессу. Вопрос не в том, сказал Нетаньяху, нужен ли мир Израилю. Конечно, нужен. Вопрос в том, какой именно мир нужен Израилю. Арабы не хотят реального мира. Они были вынуждены сесть за стол переговоров из-за давления внутренних и внешних обстоятельств. В этом принципиальная слабость мирного процесса и того мира, который он может породить. Настоящий мир станет возможным только тогда, когда арабские страны станут демократическими. Не ранее. Односторонние уступки со стороны Израиля ничего не дадут. За «нормализацией» отношений будет просматриваться всё то же желание покончить с Израилем.

Внутриполитическая ситуация в Израиле обусловлена, по мнению Нетаньяху, характером эволюции Ликуда. Сейчас идёт перестройка партии, её центральных и местных органов, системы финансирования, порядка выдвижения руководства. Если лидером станет он, Нетаньяху, то он взорвёт парламентскую коалицию Аводы и пойдёт на новые выборы. «Социалисты» из Аводы по идеологическим причинам неспособны преобразовать израильскую экономику, монополизировать её, освободить рыночные принципы от социалистических оков. А Ликуд, если он вверит руководство Нетаньяху, сможет сделать это.

Был затронут и вопрос о России. Коллапс России, подчеркнул Нетаньяху, был бы трагедией для всего мира.

Потом мне не раз приходилось встречаться с Нетаньяху. Могли переставляться акценты, меняться нюансировка, но принципиальная основа его взглядов оставалась неизменной.

.....
Через два дня посетил председателя комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне Ори Орра (Авода). По его мнению, главные

проблемы — на переговорах с палестинцами. Тут всё «очень эмоционально» и «очень заидеологизировано». Обе стороны никак не могут преодолеть взаимное недоверие и ненависть. Идея автономии нам представляется конструктивной. Для Израиля важно сохранить контроль вдоль границы с Иорданией. А свои проблемы пусть палестинцы решают сами. Но беда в том, что палестинское руководство никак не может определиться. Там сталкиваются разные подходы. В результате уже прошел VII раунд переговоров, а толку всё нет.

«Не надо обгонять время», — заметил Опп, когда речь зашла об Иерусалиме. Иерусалим — «сердце и душа» Израиля, он навсегда останется «нашей столицей». Но если сейчас начать разговор об Иерусалиме, то это разрушит, взорвёт переговоры.

На десерт был подан Иран, как потенциальная угроза не только Израилю, но и всему региону, а также «постсоветскому» пространству в Средней Азии.

В конце ноября прошла волна слухов о приближающемся «конце света». Называлась даже конкретная дата — 28 ноября. Печатались пояснения и разъяснения астрологов, куда двинется Меркурий, куда — Плутон, а куда Марс. И что из этого следует. Женя Абезгауз предложил встретить этот самый «конец» в бане. Что мы с удовольствием и в приятной компании сделали. Таратута старался изо всех сил. Пар был отменный. Бигос, который приготовил невесть откуда взявшийся польский профессор — тоже. «Конец света» мы так и не дождались.

Культура в ноябре. Саша Маркович как всегда солидно играл Шостаковича. — Довольно монотонный израильский джаз. — Согревал душу Юлик Ким. — «Ричард III» в Камерном театре как-то не произвёл. — Любопытный швейцарский балет. Танцевали музыку Паганини и любимую мою «Carmina Burana». Представьте «Лебединое озеро» без декораций...

ДЕКАБРЬ-92

*Первый политический отчёт — «Момент истины» —
— Профсоюзы не нужны — Депортация*

Декабрь начался встречей с академиком Велиховым. Евгений Павлович с присущей ему энергией пробивал идею продажи Израилю атомных установок для опреснения воды. Такие установки и вполне на уровне мировых стандартов у нас были. Но после Чернобыля евреи шарахались от всяких атомных устройств, как чёрт от ладана. И кроме того, как мне думается, тут действовали могучие лоббистские силы, перебить влияние которых мы были не в состоянии. Во всяком случае Рабин, который вроде бы обещал принять Велихова, в конце концов от встречи уклонился.

.....
4 декабря совещались в посольстве относительно составления годового отчёта. В этом документе должны быть изложены (в аналитическом ключе) главные итоги года. И с точки зрения работы посольства, и с точки зрения проблем, тенденций, которые характеризуют «страну пребывания». Плюс — рекомендации на будущее. В общем бумага очень важная, ответственная.

В советские времена отчёты писались объёмистые, от 100 страниц и более. С жёстко заданной структурой. Один экземпляр всех отчётов обязательно направлялся в ЦК КПСС. В середине 60-х Ю.В. Андропов, под началом которого я тогда работал, дал мне задание читать все отчёты и докладывать ему «самое интересное». Примерно месяц я ничем, кроме чтения отчётов не занимался. Наверное, я был единственным человеком в Союзе, который читал все посольские сочинения. Не скажу, что это доставляло большое удовольствие. Но было полезно. «Жемчужных зёрен» попадалось не так уж много, но попадались. Андропов слушал внимательно. По своей епархии (социалистические страны) сразу давал конкретные поручения. По другим епархиям иногда просил вникнуть в заинтересовавший его вопрос.

Теперь отчёты не должны были превышать 40-45 страниц. Что делало нашу задачу и более простой (меньше писанины) и более сложной (ибо трудно писать содержательно и кратко). Структуру можно было варьировать. Договорились, кто о чём и сколько должен напи-

сать. Но практически все «куски» вышли за рамки нормы. Несколько раз собирались. Спорили. Меня коллеги упрекали за «категоричность» формулировок и «немидовский стиль». Так оно и было. По первому пункту я шел на компромиссы, а насчёт стиля сопротивлялся изо всех сил.

.....
Прилетел Андрей Караулов. Рассказывал, что Ельцин пьёт по-чёрному. Руки трясутся. Сваливается со стула. Вокруг не советники, а «стая», как выразился Караулов. Больно было слышать это. Даже если делить «на шешнадцать». Для меня, как и для многих, Ельцин был почти кумиром. Воистину — «не сотвори себе...»

Караулов делал со мной «Момент истины». Снимали на кухне в Савьоне. Да что-то не получалось. Не помню уж, что и почему. Через пару дней сделали второй заход. Но передача так и не пошла. Возможно, я говорил не то, что хотел Караулов.

.....
ЧП местного масштаба. При возвращении из Каира, куда возилась и откуда привозилась почта, пропали два дипломата: Алексей Маслов и Валера Афиногенов. К положенному времени не появились на границе. Неприятных вариантов было много, включая аварию и теракт...

Появились на следующий день. Тогда же и выяснилось, что, не рассчитав время, они опаздывали к закрытию границы (египтяне уходят спать) и решили заночевать в гостинице на Синае. Гостиница без «звездочек», а значит и без телефонов. Обошлось...

.....
В середине декабря здесь активно обсуждалось выступление А.В.Козырева в Стокгольме на конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Козырев потребовал, в частности, немедленно отменить санкции против Сербии и заявил, что Сербия может рассчитывать на братскую помощь России. Он обвинил НАТО в стремлении подчинить своему влиянию бывшие республики Советского Союза. И прочее в духе «холодной войны». Все буквально остолбенели: Россия поворачивает вправо! Однако Козырев выступил второй раз и сказал примерно так. То, что я говорил, это — не позиция России. Это демонстрация того, каким может стать внешнеполитический курс России, если победят консервативные силы. В окружении Козырева пояснили, что это был своего рода «сигнал тревоги», чтобы предупредить мир о серьёзности ситуации, сложившейся в России.

Далеко не стандартный номер, который отколол Козырев, в Израиле трактовался как свидетельство остроты декабрьского конституционного кризиса. Я бы, пожалуй, добавил, что это — свидетельство растерянности президента. Ибо трудно, почти невозможно представить себе «нормального» Ельцина, который предложил бы мини-

стру иностранных дел России сыграть роль шута горохового. По-моему, история дипломатии не знает таких прецедентов.

Я вполне уважительно относился к Козыреву, хотя и считал, что он грешит односторонней ориентацией и, глядя на Запад (что правильно), забывает оглядываться на Восток (что совсем неправильно). Стокгольмский цирк заставил меня задуматься. Не о политике. О человеке, которому вверена политика. До чего я додумался, расскажу позже.

.....

15 декабря состоялось собрание всех сотрудников посольства с повесткой дня: «Об образовании профсоюзной организации». Долго и бурно спорили. В конце концов за организацию профсоюза проголосовало жалкое меньшинство в количестве четырёх человек. Остальные не желали. Причина — членские взносы придётся платить. Просто и понятно. В сентябре 1994 года сделали вторую попытку. Сторонников профсоюза стало семеро. Но большинство — против. Логика та же: зачем отдавать 1% зарплаты, да ещё в валюте, если можно не отдавать? И хотя 85% от всей суммы взносов оставались бы в нашем распоряжении, всё равно — жалко. В «нашем» это ведь не в моём. Удивительное рядом...

.....

16 декабря сообщил спикеру Кнессета Шеваху Вайсу о скором (в начале января) приезде Председателя Верховного Совета Российской Федерации Р.И.Хасбулатова. Мне показалось, что Вайс был малость ошарашен. Он приглашал Хасбулатова, но, видимо, рассчитывал, что будет предупреждён загодя. Рассчитывало на это и посольство. Однако новая российская дипломатия жила по своим законам.

Началась какая-то кутерьма, сумятица. Аппарат Хасбулатова работал нечётко. Менялись несколько раз состав приезжающих, сроки, пожелания к программе. Настаивали на том, чтобы Хасбулатова сделали почётным доктором Бар-Иланского университета. Что-то невнятное толковали о программе для сына и дочери. Требовали, чтобы израильтяне взяли на свой кошт всю свиту. И очень сердились, когда Кнессет согласился платить только за четырёх человек. Помню один любопытный звонок: просили «деликатно» отстранять Хасбулатова «от бутылки»...

Однако, как утверждал царь Соломон: «Всё проходит. Пройдёт и это». Доживём до января...

.....

Главным политическим событием месяца стала депортация (то есть выдворение с территории Израиля) 415 «хамасовских активистов», произведённая израильтянами 17 декабря. Вообще практика депортации для израильтян — дело привычное. После Войны за Независимость «по подозрению в терроризме» было депортировано примерно 1 500 человек. Но мелкими, так сказать, партиями, что не привлекало особого внимания «мировой общественности». 415 человек «не заметить» было трудно. И заметили.

Но сначала — общий фон. В 1992 году палестинцы убили 11 израильских солдат и 11 мирных жителей. «В ответ» израильтяне уничтожили около 100 палестинцев и 220 палестинцев были убиты самими палестинцами («за коллаборационизм»).

Отмечая 5-ю годовщину начала Интифады, хамасовцы 3 декабря застрелили трех солдат. 13 декабря был схвачен сержант Ниссим Толедано. Его пытали, а затем убили. Изувеченный труп был обнаружен 15 декабря. Через два дня последовала массовая депортация. Подозреваемых вывезли в Ливан. Однако правительство Ливана отказалось принять депортированных. Они разместились в палаточных лагерях вдоль границы и на телеэкранах всего мира.

Поднялся большой шум. Был прерван VII раунд переговоров. 18 декабря Совет Безопасности ООН (резолюция 799) потребовал вернуть депортированных в Израиль. Израиль отказался. Правда, 30 декабря израильтяне заявили, что несколько человек были депортированы «по ошибке», и 17-ти было позволено вернуться.

Перес направил российскому коллеге письмо с изложением израильского понимания проблемы депортации. В своём ответе Козырев писал, что он далёк от мысли упрощать или односторонне оценивать причины израильской акции. Россия обеспокоена усилением активности исламских фундаменталистов и решительно против терроризма, какими бы лозунгами и идеями он ни прикрывался. Но вопрос в том, как реагировать на провокационные действия экстремистов: идти ли на ужесточение силовых методов или применять иные меры, направленные на снижение напряжённости и восстановление спокойствия? Реальность такова, что решение о массовой депортации не встречает понимания в мире. Оно бьёт по тем силам в арабских странах, которые выступают за политическое урегулирование на Ближнем Востоке. Арабо-израильские переговоры могут не выдержать таких перегрузок. Что вряд ли отвечает интересам Израиля. В заключение Козырев выразил надежду на то, что израильское правительство найдёт возможность решить проблему депортации на гуманной основе и разрядить обстановку на Западном берегу и в Газе.

На мой взгляд, письмо Козырева было образцом взвешенного подхода к трудной, взрывоопасной проблеме. Американцы вели себя менее церемонно и всю жали на Рабина. 1 февраля израильское правительство разрешило 101 человеку вернуться. Однако лидеры Хамаса отвергли этот жест доброй воли. Нетрудно понять, что они руководствовались не интересами изгнанных, а желанием извлечь максимальную пропагандистскую выгоду из происходящего.

В Израиле, по итогам опроса, 90 % были за депортацию, 10 % — против. Высказывались и крайние точки зрения. Требовали «шоковой терапии» вплоть до расстрела. «Да, расстрелять такое количество людей, — писал некий А.Белоусов, — какими бы дьявольскими пре-

ступниками они ни были — это страшно, это жестоко, но было бы очень действенно прежде всего потому, что никому в мире даже в самом кошмарном сне не приснится ничего подобного. Бывали и, увы, наверняка ещё будут на свете акции намного более масштабные, но никто не ожидает, что на нечто подобное способен Израиль.

Нас после этого, естественно, никто не стал бы любить больше, но хотя бы стали бояться уже по-настоящему. А это на нынешнем этапе развития ближневосточной так называемой цивилизации, вряд ли в нравственном отношении дошедшей даже до уровня Римской империи, где подобные акции практиковались очень широко, — это, мне кажется, главное. Пусть ненавидят, лишь бы боялись!

Так учит опыт всех больших и малых государств, желавших и сумевших заставить весь мир с собою считаться».

Вот так. Террористы не только сами звери. Они не только убивают. Они превращают в зверей других людей.

Голда Меир однажды сказала: «Мы обвиняем арабов не только в том, что они убивают наших мальчиков, но и в том, что они заставляют наших мальчиков убивать их мальчиков». Дialeктика террора...

.....
21 декабря посетил министра промышленности и торговли Мику Хариша. Детально обсудили вопросы, связанные с подготовкой соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Договорились о том, что в работу включатся эксперты из российского министерства внешнеэкономического сотрудничества. С расчётом подписать соглашение в ходе визита Рабина в Москву.

.....
Большие сложности вызвала подготовка выставки «Ценности Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации». Высказывались опасения, что если драгоценности окажутся за пределами России, их бывшие (до 1917 года) владельцы могут предъявить претензии. Требовались гарантии «иммунитета», неприкосновенности экспонатов выставки. Причём гарантии не политические, а правовые, юридические. Толковал по этому поводу с министром юстиции Давидом Либаи. Где-то в израильских недрах был подготовлен проект письма Рабина Черномырдину. В нём говорилось: «Правительство Государства Израиль гарантирует в случае возникшей необходимости защиту экспонатов выставки от посягательств на них со стороны любых юридических и физических лиц...» Однако по причинам, которых я не знаю, Рабин не подписал это письмо. Возможно, ему и не докладывали. Аппаратные нравы везде одинаковы.

Сложилась такая ситуация: на словах политики уверяли, что гарантии будут, юристы же ставили под вопрос правомочность таких гарантий. Выставка была под угрозой срыва.

После «алмазных» переговоров алмазная тема прочно вошла в мои посольские бдения.

Обработка алмазов — важнейшая отрасль израильской экономики. На долю Израиля приходится почти 80% мирового производства ювелирных алмазов и около 40% промышленных. 40% всех бриллиантов шлифуется в Израиле. Этим занимаются около 800 предприятий, где занято более 8 000 человек.

Далее понятно. Израильтяне заинтересованы покупать алмазы в России. Россияне — во всяком случае некоторые — заинтересованы продавать алмазы Израилю. Не случайно мне дважды приходилось встречать президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева и много раз представителей Комдрагмета. Тут возникает запутанный узел взаимной заинтересованности, противоречий, двойной и тройной бухгалтерии. Пытался распутать, о чём будет идти речь впереди.

В конце месяца в еженедельнике «Окна» появилось моё интервью с известной «русской» журналистской, умной и острой женщиной Анной Исаковой. Вот его текст.

«У этого интервью с послом России есть предыстория. Я принимала попытки обозреть деятельность Александра Евгеньевича Бовина с разных позиций и в разные периоды его пребывания на посту посла. Получалось плохо. Посол был неуловим — не в физическом смысле, мы беседовали энное количество раз, а в смысле метафизическом. Он не скрывал своей приверженности марксизму — но в самых общих его аспектах, идее социальной утопии, привычно называемой в нашем контексте коммунизмом, теории и практике перестройки, которую можно было трактовать как личную симпатию к Горбачёву, а можно было — иначе. Сожаление по поводу распада СССР сопровождалось размышлениями на тему интернационализма и его гуманитарного и эволюционного превосходства над всяким национал-шовинизмом.

В общем — вполне предсказуемое интервью с европейским интеллигентом поколения Томаса Манна. Но в России происходило нечто, не вмещающееся в контекст европейской застольной беседы начала века. Россия создала особую ситуацию, при которой миру стали видны одновременно и лицевая сторона идей, и их антиномическая изнанка. Марксизм мог существовать в виде весьма привлекательной политической теории, оставаясь он на бумаге. Его воплощение в отдельно взятой стране превратило марксистов в голых королей, в результате чего его горячие приверженцы стали одними из самых суровых критиков. Крах утопии стал, таким образом, событием радостным для вполне разумных и по складу души весьма гуманных людей. Партия фантастов-гуманитариев превратилась в мафиозную органи-

зацию разрешённых убийств, и её отделение от государства выглядело вполне резонным актом. А бесстыдная имперская политика кремлёвских правителей легитимизировала притязания национал-шовинистов на отделение от России насильственным присоединённых стран.

Таким образом, всё, что г-н Бовин имел сказать, как мне казалось, было чертовски старомодно, обтекаемо, двузачно — не в силу его пусть и очень общих формулировок, а в силу парадоксальности обсуждаемых нами явлений. Интервью не получалось. Распространившиеся вдруг слухи о том, что Бовина отзывают, предписали мне очередную и, может быть, последнюю попытку. Посол, правда, слухи отрицал, но в свистопляске нынешней российской политики есть столь же дыма без огня, сколь и скрытого огня, выпускающего то тут, то там смрадные дымки. Пока мы назначали и переназначали даты, открылся злополучный съезд. Он и послужил фоном для очередной беседы.

— *Александр Евгеньевич, как функционирует посол в ситуации, когда в течение чуть ли не суток всё меняется — действующие лица, центры влияния, руководящие идеи?*

— Тот хаос, который там сейчас происходит, конечно, действует на нервы. И, конечно, душа моя не здесь, а там, в России. Телевизор стараюсь не смотреть. То, что происходит на самом деле, я знаю. Это — из мира понятий. А телевизор — это эмоции, картинки. Ну, а подоплёка происходящего ясна для меня. Моя позиция совершенно точно определена, я — сторонник политики Гайдара. Я вижу беду не в том, что происходят реформы, а в том, что происходят они слишком медленно. Понимаю, почему это, — реформы требуют времени. А им не хотят дать необходимого времени. Да, может быть, нужна была другая монетарная политика, станок, может быть, работал очень быстро, огромные кредиты были выданы предприятиям для стимулирования производства, рухнул рубль... В этом, конечно, есть вина правительства, но вопрос в том, можно ли было этого избежать. Мне тяжело судить, я далеко от Москвы. Но у меня бывают люди из разных областей страны, как правило, главы администраций... Когда я с ними говорю, то вдруг начинаю немножко успокаиваться. Как-то они более оптимистично настроены — да, трудности, да, сложности, да, беда большая, люди страдают... Но потихонечку, говорят, в этом болоте нога начинает чувствовать дно. Вот — есть сигналы о том, что перестал падать рубль, перестал падать ваучер. Думаю, если дадут Гайдару время и не будут ему мешать, Россия нащупает твёрдую почву под ногами и будет идти к тому, что называется социальным рыночным хозяйством.

— *Александр Евгеньевич, у вас был случай убедиться в том, что рыночная экономика безжалостна к социально слабым слоям населения — скажем, к репатриантам...*

— Я сказал «социальное рыночное хозяйство», то есть хозяйство, которое ведётся в жёстких социальных рамках с большой программой помощи людям, которые не вписываются в рыночное хозяйство. В Швеции и некоторых других странах всё это уже отработано. Другое дело, что Россия настолько не уместается в любую из этих моделей, что придётся искать какие-то свои пути. Хотя, если продолжить эту мысль и выйти в более высокие области философии истории, я абсолютно не верю, что истина человеческого бытия — это рыночное хозяйство. Возможно, тут сказывается моё марксистское воспитание, но я считаю, что человек достоин лучшего, чем быть воином в борьбе всех против всех... И это не последнее слово истории. А вот что будет дальше — большой вопрос. Я хочу написать письмо Фукуяме, автору знаменитой статьи «Конец истории», и предложить ему написать другую статью — «Начало истории». Это, может быть, звучит вызывающе, но в семнадцатом году Россия начала **другую** историю, которая плохо кончилась... Но, может быть, именно поэтому она и не произошла в других странах... Но сейчас Россия тоже начинает **другую** историю, и я даже не представляю себе, как изменится мир в результате тех перемен, которые происходят на месте Советского Союза...

— *Александр Евгеньевич, отцы марксизма предупреждали, что коммунистический эксперимент не надо ставить ни в какой стране, кроме Англии и, возможно, Германии. Была в этом предупреждении сермяжная правда?*

— Конечно. Какова чистая схема? Капитализм созревает до своей конечной точки, и с котла снимается крышка, а там всё готово: прекрасные фабрики, налаженная банковская система. Только заменяешь, так сказать, начальство... и более справедливо распределяешь. В этом беда марксизма, что всё не началось с Англии и Германии. Но вернёмся к России — так вот, я говорю: здесь моя позиция чётко определена... Я очень уважаю Вольского, серьёзный человек, это безусловно, и то, что он предлагает... это тоже можно понять. Он говорит: нельзя обрекать народ на такие страдания. Давайте всё-таки действовать более медленно, с сохранением того, что у нас было как-то отлажено. Грубо скажем, китайская модель. Но ведь китайская модель идёт без демократии.

То, что предлагает Вольский, — это растянуть людские страдания, уменьшив их температуру, ещё на 10-15 лет. Осложняет дело то, что никто не знает — что из этого получится. Особенность России в том, что она всегда была, к сожалению, малопредсказуема...

Это — крупными мазками — то, как я вижу ситуацию вообще. Теперь МИД. Вы знаете, вся эта круговерть, которая происходит в Москве, на моей работе не отражается никак. Никто не даёт мне противоречивых указаний. Я работаю спокойно, делаю то, что считаю нужным. Моё дело — анализ того, что происходит в Израиле:

получение информации, выводы из этой информации и рекомендации. С ними могут соглашаться или не соглашаться. Мне очень приятно отметить, что с ними по большей части соглашаются. Единственное неприятное влияние хаоса — на Израиль обращают меньше внимания, чем мне бы хотелось.

— Александр Евгеньевич, судя по тому, что Гайдар упомянул Израиль в числе политико-экономических приоритетов внешней политики России, вы свою работу делаете прекрасно. Но мне, не страдающей шовинистической манией, такое высокое положение в списке кажется неоправданным. У нас нет нефти. Наш рынок — бесконечно малая величина по сравнению с арабскими рынками сбыта. Что мы можем дать России, чем вызвана такая необъяснимая любовь?

— Я согласен с тем, что на Израиль нынче мода, не столь мидовская, сколь общественная. Я всё время говорю, что будущее — это стратегическое партнёрство между Россией и Израилем. Нет другого такого государства, где 600-700 тысяч человек говорят по-русски и живут русской культурой...

— Александр Евгеньевич, для израильтянина заявление Гайдара означает не столько изменение российской политики в отношении Израиля, сколько поворот, если не спиной, то хотя бы боком, к нашим соседям и бывшим клиентам России — арабским странам. Было ли заявление Гайдара продуманным актом или просто словесной данью?

— Нефть нам не нужна. Рынки — тоже не нужны. У нас собственный рынок такой, что нужны годы, чтобы наполнить его. Чем нам может быть полезен Израиль? Новыми технологическими схемами. Это касается агрокультуры, экономного ведения земледелия на малом количестве земли. Потом, скажем, Израиль имеет огромные выходы на внешние рынки, имеет опыт маркетинга, чего мы не имеем. Израиль — это выход на мировую еврейскую общину, что тоже имеет свои финансовые, экономические стороны. Тот факт, что в Израиле находится большое количество людей, которые хорошо знают Россию, знают наши слабые и сильные стороны, — облегчает нам всё то, о чём я говорю. Они могут говорить по-русски, через них можно многое понять и многому научиться.

После года жизни в Израиле я лучше понимаю вашу страну — представление о ней в России сильно завышено, такая же грешная страна, как и все другие. Но учиться есть чему, безусловно.

В чём сейчас главная проблема? Нет никакой правовой базы израильско-русских отношений. У нас нет договора об экономическом сотрудничестве и торговле. У нас нет режима наибольшего благоприятствования. Это значит — огромные пошлины. Это значит — каждая сторона должна получать специальные разрешения. Необходимы договор о правовой помощи, договор о защите инвестиций. Израильтяне боятся вкладывать деньги в Россию, нужны правовые гарантии.

— Александр Евгеньевич, в своё время мы говорили с вами о процессе распада СССР и новой национальной политике России. Тогда я была безусловно за полное самоопределение национальных окраин. За это время кошмар междоусобных войн, «ливанизации», самоубийственные и братоубийственные схватки уж Бог весть кого, с кем, из-за чего — привели меня к мысли не столько о правоте защитников СССР, сколько к мысли о неправомерности внезапного распада колониальных систем вообще. Индии ещё были бы нужны англичане, Чаду — французы. Киплинг оказался пророком именно в том, что мы ему снисходительно могли простить за писательский талант. Как вам видятся сегодня обязательства России в отношении её бывших союзных республик?

— Полное признание независимости, сохранение связей, охрана русскоязычного населения и... — по просьбе соответствующих властей — посылка войск для разъединения, по крайней мере, сторон... Мы пытаемся это делать, но это очень трудно. Солдат не может не стрелять, если в него стреляют, как ты ему ни запрещаешь. Вот тут получаются всякие сложности.

— Александр Евгеньевич, в наших прошлых беседах вы выступали как убеждённый интернационалист. Если в сегодняшнем мире и есть какая-то основа для интернационализма, то основа эта не идеологическая, не политическая, а единственно экономическая. И пока экономически выгодно производить и продавать оружие, его будут производить и продавать. А в мире, набитом оружием, его будут продолжать расходовать в интересах экономического благополучия всяких содружеств разных наций. Создаётся порочный круг — благополучие мирных и развитых государств строится на постоянном вооружённом конфликте малоразвитых и немирных народов. Есть выход из этого положения? Вот и ваше правительство заявило, что собирается вести политику, сообразную экономическим, а не идеологическим интересам России.

— В силу своего марксистского происхождения я всё-таки склонен больше верить в идею интернационализма... Как это ни наивно звучит сегодня, я действительно верю в то, что все народы — братья, и люди тоже. Это, конечно, большая абстракция, но, в конце концов, нельзя жить, не имея перед собой какой-то цели. Да, сегодня армяне воюют с азербайджанцами, но что это — на веки вечные так?

Перепроизводство оружия, конечно, есть — и это огромная проблема. Меня здесь часто спрашивают: что вы, мол, делаете, почему продаёте оружие? Мне обидно, что критерий двойной: когда продают американцы, французы или немцы, вроде так и надо. А когда мы — это не надо. Мы, конечно, будем продавать оружие. Если раньше это была политика, то теперь это будет коммерция. Будем продавать взвешенно, с учётом ситуации. Если речь идёт о Ближнем Востоке — чтобы то соотношение сил, какое есть сейчас, не нарушилось. Очень дозированно — и по виду оружия, и по количеству, и по качеству. Не

мы главные поставщики оружия на Ближний Восток, но продавать будем, нам это экономически необходимо.

— *Есть шансы на израильско-российское сотрудничество в этой сфере?*

— Я считаю, что есть. Это моё личное мнение. Я считаю, что здесь скоро появится российский военный атташе, так же, как в Москве появится израильский военный атташе. Я ставил этот вопрос, к нему с пониманием отнеслись и здесь, и в Москве.

— *Александр Евгеньевич, какова ваша точка зрения на то, что произошло в Литве? Каким образом коммунисты опять оказались у власти? Вам этот процесс понятен?*

— Есть такой анекдот: просыпается жена утром, идёт в ванную и кричит мужу: «Вася, есть горячая вода!» — «А ты проверь, может и электричество есть?» — «Есть!» — «Пощупай радиаторы». — «Тёплые». — «Значит, коммунисты вернулись!» В этом анекдоте, в общем, дано объяснение тому, что произошло в Литве. Люди издёрганы беспорядком, измотаны неопределённостью. Но там маленькая страна, там всё проще, совершенно другой уровень коммуникаций между людьми. Попробуй у нас сделать, чтобы Владивосток с Москвой вместе шагнули куда-то. Конечно, это уже не те коммунисты, какие были. Скорее, социал-демократы. Не будет там никакого социализма, назад возврата нет... Ельцин и всё правительство тоже ведь коммунисты. Но это другие коммунисты.

— *Как могут быть «другие» коммунисты? Коммунист — это человек, который говорит: не согласен с частной собственностью, требую передать всю собственность во владение граждан и под управление их выборных лиц. Что это за коммунист с ваучером в кармане?*

— Всё правильно. Но ведь и коммунисты учатся. Мы поняли, что теория недоучла психологию человека. Пять тысяч лет существования цивилизации вдолбили человеку понятие «моё», и семидесяти лет не хватило, чтобы закрепить понятие «наше». Может быть, нужно ещё тысячу лет каких-то переходных стадий развития с этими ваучерами, с этой приватизацией, с какими-то кооперативными формами владения собственностью...

— *Ваучеры, новые кооперативные формы... Почему у России такая навязчивая идея всё время создавать неизвестные миру новые модели? Зачем всё время выдумывать велосипед? Почему нельзя следовать простой экономической модели частного собственности, уже апробированной миром? Почему в Израиле или во Франции приватизация выглядит просто — приходит господин Икс или Игрек и предлагает каждый свою цену и свои условия содержания рабочих, а продающая сторона решает — кто подходит больше для владения предприятием?*

— Потому что в Израиле есть господин Рабинович, который может заплатить, скажем, 15 миллионов долларов за половину «Безека». А в России нет господина Иванова, который может заплатить за Не-

вский завод, скажем, полмиллиарда. А продавать иностранцам таким путём мы не можем, потому что это всё-таки Россия.

— *Александр Евгеньевич, хотелось бы вам вновь очутиться в эпицентре политической жизни России?*

— В общем, нет. Я ведь понимаю, что моя политическая карьера подходит к концу. А то, что я для себя здесь рассчитал — нормализацию отношений, — года три должно занять. И тогда я смогу со спокойной душой уходить. Придут молодые. Наше поколение — моё, ельцинское, горбачёвское — мы, в общем, разрушители. Сейчас гайдаровское поколение — поколение стабилизаторов. А строители, создатели новой, демократической России ещё ходят в детский сад. Это — если всё пойдёт гладко. Возможен, конечно, какой-то правый поворот, националистический. Возможно всё, что не противоречит законам физики.

— *Допустим на минуту, что это произошло. Вы бы вернулись в такую — «правую» — Россию?*

— Куда же деваться? Я бы не остался в Израиле. И я бы не остался в Америке. Моя судьба — это Россия.

Со времени нашей беседы прошло всего две недели, но, как знает читатель, в России произошли политические перемены. Александр Евгеньевич прочитал данное интервью непосредственно перед выпуском и не стал ничего менять. На мой вопрос, не повредит ли ему столь твёрдо выраженная прогайдаровская точка зрения, он ответил, что позиция его неизменна и он готов отвечать за свои слова».

.....

Новый год в посольстве начали встречать всем здоровым коллективом часов в 12. Дня, разумеется. Для очистки совести сначала провели собрание об укреплении трудовой дисциплины. Поскольку тут взносы платить не надо, все согласились укреплять.

Вечером поехали с Петровной в Иерусалим. Там нас встретили всегда доброжелательные Майя и Илья Земцовы. Туда подтянулись президент РАН Ю.С.Осипов с супругой и со своим вице-президентом А.А.Гончаром (с супругой же), а также ещё несколько наших друзей. Чинно отужинали в респектабельном «Царе Давиде».

.....

Культура в декабре. Концерт самодеятельности в Ашкелоне в честь делегации правительства Москвы. Полная самодеятельность. — «Любовник» в исполнении М.М.Козакова. Помоложе бы... — Концерт Окуджавы (с сыном). Легенда. — Концерт Агузаровой с «Браво». Перебор с децибелами. — Просмотр и обсуждение говорухинской ленты «Россия, которую мы потеряли». Сказал несколько слов. Суть: такую Россию мы не потеряли, потому что её не было.

ЯНВАРЬ-93

Сердитый Хасбулатов — Суд справедливости — «Все в руках небес, кроме колючек и ловушек» — Сионистский форум и Натан Щаранский — В Иордании

Для Израиля самым важным политическим событием января 1993 года была отмена Кнессетом закона, запрещающего израильтянам — под угрозой тюремного заключения — любые контакты с Организацией освобождения Палестины. Напомню суть дела.

Диалог, контакты с ООП были запрещены, потому что последняя рассматривалась, — и не без оснований, — как террористическая организация, ставящая своей целью уничтожение Израиля. Аналогичную позицию — никакого разговора с террористами — занимали Соединённые Штаты, главный союзник и советчик Израиля. Но Штаты готовили и запасной путь. Его обозначил в середине 70-х Генри Киссинджер. Он заявил, что Америка пойдёт на диалог с ООП, если Арафат, во-первых, признает резолюции ООН 232 (от 22.11.1967 г.) и 338 (от 22.10.1973 г.), во-вторых, признает **право** Израиля на существование и, в-третьих, осудит терроризм.

Тем не менее отдельные израильтяне тайно встречались с отдельными палестинцами. Именно в связи с этим Кнессет 6 августа 1986 года принял закон, угрожающий тюрьмой за подобное своеволие.

Но история продолжалась. 15 ноября 1988 года на 19-й сессии Национального совета Палестины (своего рода «парламент» ООП) было решено признать резолюции 232 и 338. Через месяц, 14 декабря, Арафат повторил это в Женеве на заседании Генеральной Ассамблеи ООН¹. Американцы посчитали текст Арафата недостаточно определённым, допускающим разные толкования. Тогда, выступая на пресс-конференции, Арафат разъяснил: ООП признаёт не только резолюции 232 и 338, но и резолюцию 181 (от 29.11.1947 г.) о разделе Палестины. Она признаёт также право Израиля на безопасное существо-

¹ Сессия должна была состояться, как обычно, в Нью-Йорке, но так как американцы не дали въездную визу Арафату, большинство членов ООН (154 против США и Израиля) приняли решение перенести заседание Генеральной Ассамблеи в Женеву. Тот самый случай, когда гора пошла к Мухаммаду...

вание и «полностью и решительно отвергает все виды терроризма, включая одиночный, групповой и государственный».

Вашингтон был удовлетворён. Иерусалим — нет. 15 декабря правительство Шамира заявило, что оно не изменит своё отношение к ООП и не пойдёт на переговоры с ней¹.

Поэтому после конференции в Мадриде, которая реанимировала мирный процесс, сложилась парадоксальная ситуация. Израиль согласился вести переговоры с «палестинцами». Но, с одной стороны, он отказывался разговаривать с ООП, с Арафатом. А, с другой, — вообще возражал против того, чтобы вести переговоры именно с палестинской делегацией. По настоянию Израйля палестинцы (только «израильские» палестинцы, а не палестинцы «тунисские», арафатовские) были включены в делегацию Иордании. Всё, конечно, понимали, что «израильские» палестинцы на самом деле были вполне «тунисскими» и получали указания не от короля Хусейна, а от Арафата. Понимали это и израильтяне. Но продолжали сами с собой танцевать торжественный ритуальный танец.

На первых порах этим занималось и правительство Рабина. Но в конце концов здравый смысл взял верх. 19 января Кнессет отменил закон, запрещающий встречи с представителями ООП. Что, естественно, стимулировало переговоры. Уже на следующий день в Норвегии начались тайные встречи, которые через семь месяцев завершились успехом.

.....
Для посольства, которое жило по своим бюрократическим законам, главным событием января был визит Руслана Имрановича Хасбулатова. Готовился визит, как я уже рассказывал, в нервной обстановке. Но прошёл чётко, организованно. Посетили спикера Кнессета Вайса. Побывали у президента. Пообедали с Пересом. Поговорили с Рабиным. Встретились в «Ориент хаусе» с Хусейни, который неожиданно и в жёсткой форме стал упрекать Россию в том, что она «подчиняется США». На десерт Бар-Иланский университет присвоил Хасбулатову звание почётного доктора.

Израильтяне были осведомлены о политических вихрях, которые веяли тогда вокруг фигуры Хасбулатова. Например, московский корреспондент «Новостей недели» Дм.Прокофьев сообщал читателям: Хасбулатов — «один из самых противоречивых российских политиков и, пожалуй, самый ненавидимый средствами массовой информации. Демократическая пресса считает его едва ли не самым опасным про-

¹ 31 декабря 1989 года за самовольные контакты с людьми из ООП Шамир удалил из правительства министра по делам науки Э.Вейцмана, будущего президента Израйля. Хорошо, хоть в тюрьму не посадили...

тивником ельцинской политики либерализации, инициатором и закулисным вождём парламентского противостояния президенту и правительству». Но далее Прокофьев полностью реабилитирует Хасбулатова, говоря, что «он ведёт себя как любой другой председатель парламента: делает всё, чтобы парламент был сильным». Вывод такой: «борьба сильной президентской власти и отстаиваемой Русланом Хасбулатовым идеи «сильного парламентаризма» обещает в ближайшем будущем ещё немало драматических поворотов...» Оказывается, есть пророки в своём отечестве...

Среди многочисленной свиты, сопровождавшей Хасбулатова, находился заместитель российского министра иностранных дел Борис Леонидович Колоколов. Он курировал Ближний Восток, и мне, естественно, хотелось обсудить с ним ряд вопросов, касающихся работы посольства. В обычной для визита суете мы никак не могли состыковаться. Наконец я улучил момент во время беседы с Рабиным. Я сидел одесную Хасбулатова, Колоколов — ошуюю. Перегнувшись к Колоколову за спиной Хасбулатова, я предложил ему не ехать в Бар-Илан, а вместо этого поговорить в посольстве. Хасбулатов услышал мой шёпот. Последовала злая реплика: «Вы — не профессионал, а Колоколов — профессионал и знает, что постоянно должен быть рядом со мной!» Я пытался перевести всё в шутку. Но не тут-то было. «Надо было у меня спросить!» — настаивал Хасбулатов. Я не стал углубляться в тему.

Разговор с Колоколовым состоялся в машине, когда мы ехали из Иерусалима в тот же Бар-Илан. Колоколов советовал уделять больше внимания палестинскому направлению. Советовал также давать МИДу больше практических рекомендаций. Я был согласен с этим. Но не был согласен с ещё одним советом. Колоколов требовал, чтобы, излагая беседу с каким-либо деятелем, я сообщал бы не только его соображения и аргументы, но — ежели эти соображения и аргументы сомнительны, расходятся с позицией Центра — сообщал бы и свои контраргументы. Считалось, что если я не опровергаю какой-то тезис, значит я с ним согласен. Например. «Собеседник сказал, что, по его мнению, Ельцин — не очень образованный человек». Так вот, мало передать это мнение в Москву. Надо обязательно написать, что я не согласился с собеседником и опроверг его так-то и так-то. И ещё. Следовало вставлять словечки типа «якобы», «будто бы»... В том же примере: «Собеседник сказал, **будто бы** Ельцин — не очень и т.д.». В общем, полагалось любым путём отмежеваться от сомнительных, «не тех» суждений, застолбить свою правильную позицию.

Мне эта практика была знакома. Работая в ЦК, я должен был каждый день читать депеши, приходившие из разных стран и по разным каналам. Разумеется, бывали случаи, когда контраргументация имела содержательный характер, позволяла рассмотреть проблему под но-

вым углом зрения. Но часто встречалась классическая формула: «Отвёл утверждения такого-то, указав что...» И следовала пропагандистская банальщина, долженствующая засвидетельствовать несомненную лояльность пишущего.

Я не стал спорить с Колоколовым. Но в своих бумагах исходил из того, что МИДу интересны прежде всего суждения израильтян, а не мои оценки этих суждений.

Подводя итоги визита, посольство отметило, что Хасбулатов сформулировал принципиальные подходы Москвы к ближневосточному урегулированию, подчеркнув заинтересованность России оставаться активно действующим фактором на Ближнем Востоке, иметь хорошие, добрые отношения как с Израилем, так и с арабскими соседями Израиля. Вместе с тем ход визита, атмосфера, в которой он проходил, позволили высказать несколько общих соображений.

Роль России на Ближнем Востоке. Нас «атакуют» с двух сторон. Евреи говорят, что мы слишком пассивны и не используем всех своих возможностей, чтобы «нажать» на арабов, подтолкнуть их к компромиссным решениям. Арабы же утверждают, что мы перестали «нажимать» на Израиль, идём в фарватере американской политики. Эти суждения, полагало посольство, исходят из очевидного факта снижения удельного веса России в мировой политике. Однако у нас сохраняются возможности — и на уровне политических заявлений, и на уровне политических действий — противостоять попыткам «отмахнуться» от России. Было бы полезно обстоятельно и на высоком уровне изложить принципиальные направления нашей политики на Ближнем Востоке. Было бы полезно, не ослабляя внимания к официальным визитам, умножить количество неформальных экспертных встреч и консультаций на рабочем уровне и с израильтянами, и с представителями арабских стран. Более заметным могло бы стать и наше присутствие «за кулисами» переговорного процесса.

О палестинцах. Складывается впечатление, что позиция «умеренных» палестинцев становится всё более жёсткой, нетерпимой и всё менее дружественной по отношению к России. Ссылаясь на то, что «мы лучше вас знаем Израиль», Хусейни утверждал, что Рабин ведёт дело не к миру, а к конфронтации. Отсюда — угрозы новым изданием интифады, требование ооновских санкций на манер антииракских.

В какой-то мере, говорилось в посольском анализе, мы сейчас пожинаем плоды того, чему долгие годы учили палестинцев. Не пора ли начать переучивать? Возможно, следует более «весомо» поставить вопрос о переходе к реалистической политике, о неприемлемости любых апелляций к силе, о безнравственности тех форм, которые стала принимать интифада, о необходимости более чётко спрѐделиться по отношению к автономии и т.п.

Более остро, по мнению посольства, следует ставить перед израильтянами вопрос о соблюдении прав человека на территориях.

Информационное обеспечение. Израильские СМИ уделяли недостаточное внимание визиту. В значительной мере это связано с тем, что при подготовке визита не была продумана работа с журналистами, с руководителями СМИ. Не была заранее запланирована итоговая пресс-конференция с приглашением ведущих политических комментаторов. Встречи с журналистами происходили на бегу, так сказать, на стыках между теми или иными мероприятиями. Посольство делает для себя соответствующие выводы. Но хотелось бы, чтобы при подготовке визитов пресс-службы проявляли больше интереса к снабжению средств массовой информации необходимыми материалами.

И последнее, может быть, самое главное. Каждый визит высокого уровня — фрагмент, эпизод общей политической стратегии, общего политического курса. И эффективность визита будет тем выше, чем яснее мы представляем себе — какова эта стратегия? каковы наши интересы? Чего мы хотим? Какие изменения мы намерены внести в имеющийся политический узор?

Применительно к Ближнему Востоку эта алгебра легко трансформируется в арифметику. Нужен ли нам сильный, стабильный Израиль, занимающий всю Палестину (с автономными вкраплениями)? Или интересам России соответствуют два государства на этой территории? Или предпочтительнее иметь конфедеративное образование с двумя или тремя участниками? Или нам всё равно? Пока не видно необходимой ясности. Политическая стратегия имеет несколько неопределённый, размашистый характер. Мы как бы сразу ориентируемся на все возможные варианты, используем все тактические ходы. На нынешней стадии БВУ это ещё допустимо. Но рано или поздно придётся определяться. И лучше сделать это пораньше.

В общем, чего мы хотим (или — не хотим) на Ближнем Востоке? Без ответа на этот вопрос трудно представить долгосрочный, целенаправленный политический курс на Ближнем Востоке.

Ответ, как мы и ожидали, не последовал...

8 января, на следующий день после расставания с Хасбулатовым, посетил председателя Верховного суда Израиля Меира Шамгара. По всем меркам — почтенный человек. Классный юрист. Умница. Корни — в Одессе. Учился в Лондоне. Возраст — почти 70. Разговор вёлся по-русски.

В Израиле судебная власть действительно отделена от законодательной и исполнительной. Это обеспечивается, в частности, тем, что судьи, отбором которых занимается весьма квалифицированная комиссия, не могут быть отрешены от должности. Они обязаны уйти в отставку только при достижении пенсионного возраста — 70 лет.

Судебную пирамиду (мировые и окружные суды) венчает Верховный суд, члены которого назначаются президентом¹.

Верховный суд имеет две ипостаси. Это и высший апелляционный суд, где можно обжаловать решения и приговоры нижестоящих судов, и своего рода Конституционный суд (он называет себя «Высший суд справедливости»; аббревиатура на иврите — БАГАЦ), который надзирает за соблюдением прав и свобод личности.

Не знаю, как в других странах, но в Израиле трудно провести чёткую грань между юридическими и политическими функциями Конституционного суда. В то время, о котором я рассказываю, БАГАЦ явно стал наращивать свои политические мускулы, активно вмешиваться в дела исполнительной власти, правительства. Начались разговоры о «судебном активизме», о «багатизации» политической жизни. Любопытна позиция БАГАЦа в связи с проблемой депортации. Рассмотрев жалобу левых о незаконности депортации, БАГАЦ принял поистине соломоново решение. Депортация 415 палестинцев «в целом» была квалифицирована как незаконная. Но депортация каждого из этих 415-ти человек не вызвала юридических возражений. *Dura lex, но...*

Обсудили проблему браков. Моя логика: брак считается законным, если он заключён на территории другой страны; территория российского посольства (консульства) может рассматриваться как «чужая» территория (режим экстерриториальности). Следовательно, браки, заключённые у нас, должны признаваться израильскими органами. Логика Шамгара: экстерриториальность не означает, что Израиль должен рассматривать территорию русского посольства или консульства как территорию России. Следовательно, и т.д. Поскольку я изучал международное право не в Лондоне, а в Ростове-на-Дону, дискуссия закончилась не в мою пользу.

.....
В январе пришлось открывать две международные конференции.

Первая была посвящена проблеме лидерства. Из наших участников помню Ф.М.Бурлацкого и Серго Микояна. Цитирую самого себя: «...Проблема лидерства, отдельные фрагменты которой вы собираетесь рассмотреть, имеет множество измерений.

Она может быть рассмотрена в биографической плоскости — описание лидеров.

Она может быть рассмотрена в функциональной плоскости — описание механизма лидерства.

Но есть ещё одна — философская — плоскость рассмотрения лидерства. Эта плоскость может быть задана двумерной системой координат.

¹ Кстати, по количеству юристов на душу населения Израиль занимает 2-е место в мире (после США). В частности, 1 адвокат на 280 человек. Куда ни обернёшься, или Падва, или Резник. Чуть похуже, но всё же...

На оси абсцисс у нас будет свобода воли, а на оси ординат — необходимость, не зависящее от человека (лидера) развитие событий.

То или иное понимание соотношения этих фундаментальных измерений создаёт общие теоретические рамки для анализа проблемы лидерства.

Мы находимся в Израиле, поэтому было бы интересно посмотреть, как эти рамки обозначаются в еврейской философии, в частности — в Талмуде.

Поскольку тема свободы воли — одна из основных тем еврейской философии и поскольку её изложение далеко не связано постулатами формальной логики, перед нами широкий спектр суждений, часто противоположных по смыслу. Приходится выбирать. Я предлагаю вам следующий тезис: «Всё в руках Небес, кроме колючек и ловушек».

Мои друзья, бывшие марксисты, которых я вижу здесь, могут подтвердить, что это — почти марксизм.

В самом деле.

На макроуровне, где действуют «руки Небес», задаётся необходимое, не зависящее от индивидуума течение событий. А на микроуровне индивидуум (он же — лидер) обретает свободу, ибо он может увеличить или уменьшить количество колючек и ловушек, которые причитаются на долю человека.

Следует заметить, что большинство лидеров вполне укладываются в ограниченные Талмудом рамки свободы воли.

Но наибольший, на мой взгляд, интерес представляют как раз те лидеры — незнакомые, видимо, с Талмудом — чья деятельность пытается конкурировать с «руками Небес», пытается обозначить новые рубежи, новые пути истории. К сожалению, конкуренция лидеров с «руками Небес» часто очень дорого обходится тем, кто верит этим лидерам и идёт за ними. Но это уже другой вопрос.

Тема лидерства, по понятным причинам, особенно популярна в современной России. И, пожалуй, настолько актуальна, настолько остра и горяча, что, прикасаясь к ней, наука вырождается в так называемую публицистику. Надеюсь, вам удастся избежать этого.

Я же, думая о нынешних лидерах России, успокаиваю себя словами известного философа начала века Льва Шестова. Раньше говорили «русского философа». Теперь, боюсь, надо сказать «русскоязычного». Итак, Шестов: «В Землю Обетованную приходит лишь тот, кто не знает, куда он идёт». Это внушает надежду».

Через несколько дней другая конференция: «Советско-германские отношения от «холодной войны» до объединения». Из Москвы — А.С.Черняев (Фонд Горбачёва), И.В.Лебедев (МИД РФ), В.И.Дашичев (РАН) и всё тот же Бурлацкий.

И снова цитирую самого себя: «Те из нас, которые ненамного моложе меня, помнят, наверное, красную книжечку Мао Цзэдуна. Среди многих больших и малых истин, содержащихся в ней, можно прочитывать следующее: «Если стол не передвинуть, он не передвинется».

Когда-то эта истина казалась мне абсолютной. Теперь я в этом сомневаюсь. Объединение Германии как раз и показало, что стол, который никто не передвигал, может сам передвигаться. Первый закон Ньютона не действует в истории.

Говоря серьезно, падение Берлинской стены, коллапс восточно-германского режима, объединение Германии, — всё это, если угодно, отходы перестройки. Всё это — следствие политики Горбачёва, следствие, масштабы которого он не увидел и не хотел принять.

Мне пришлось наблюдать этот процесс из двух точек — из Бонна и из Москвы. В Бонне я находился в те самые дни, когда рушилась Берлинская стена. Через неделю я был в Москве. Ситуацию в обеих столицах можно описать одним словом: растерянность. Но если в Бонне это была радостная растерянность, растерянность предощущения чуда, то в Москве это была растерянность, замешанная на тревоге, страхе, неопределённости.

Перечислю главных действующих лиц.

Германия: задним числом можно сказать, что она выбрала наиболее выигрышную стратегию. Она принимала status quo, чтобы изменить его.

Соединённые Штаты: беспокойство, так сказать на тактическом уровне, но в плане стратегическом — чувство глубокого удовлетворения. Объединение Германии воспринималось прежде всего как удар по гегемонии Москвы в Центральной и Восточной Европе.

Западная Европа: смутная тревога и стремление замедлить, градуировать процесс объединения, ввести его в регулируемые рамки. Тэтчер выразила это так: вместо механизма «2+4» необходим механизм «4+2».

Советский Союз: с одной стороны, как уже говорилось, беспокойство, а с другой, — понимание того, что невозможно использовать силу против самоопределения немцев.

На авансцене были три вопроса:

- военно-политический статус объединённой Германии,
- границы,
- права четырёх держав.

В Москве главные баталии разгорелись по первому вопросу. Для Советского Союза «абсолютно» неприемлемо, чтобы объединённая Германия была членом НАТО, в таких словах сформулировал нашу позицию Горбачёв.

На следующий день в «Известиях» появилась моя статья. Я писал, что в политике нет и не может быть абсолютов, что у нас нет воз-

возможности запретить Германии оставаться в НАТО. Единственное, что мы сможем сделать, — это сохранить хорошую мину при плохой игре.

Горбачёв сердился, но дело пошло именно таким образом.

На этом я бы мог закончить своё вступительное слово. Но раз уж я начал с китайцев, вернусь к ним.

Китайцы утверждают: трудно предвидеть, особенно трудно предвидеть будущее. Я уверен, что никто из сидящих в этом зале не знает, не может представить себе, какие перемены в мировой политике, в системе международных отношений произойдут в результате исчезновения Советского Союза.

В той истории, которая начинается на наших глазах и о которой мы сегодня сказать почти ничего не можем, в этой истории Германия призвана сыграть одну из главных ролей».

.....
14 января открылся съезд Сионистского форума. Согласно уставу, это — общественная непартийная некоммерческая ассоциация, объединяющая выходцев из бывшего СССР. Идейной основой Форума служат принципы и традиции сионизма. Цель Форума — содействие улучшению условий для репатриации евреев в Израиль из стран СНГ, а также для их успешной интеграции в израильское общество.

Форум — поначалу он именовался «Сионистский Форум евреев Советского Союза» — был официально зарегистрирован в качестве «товарищества» 1 февраля 1989 года. Одним из активных инициаторов его создания был Натан Щаранский.

Щаранский — заметная фигура на израильской политической сцене. Фундамент его известности был заложен в Советском Союзе, где Щаранского судили как американского шпиона. Что касается дошпионской жизни, то Анатолий Борисович родился в 1948 году в Сталино (теперь и ранее — Донецк). Учился в Московском физико-техническом институте. Потом работал три года в институте нефти и газа. С января 1973 года стал хлопотать о выезде в Израиль. Участвовал в правозащитном движении. Занимался судьбой отказников. Был переводчиком у Сахарова. Часто встречался с иностранными корреспондентами. На этом и погорел. По просьбе американского журналиста Роберта Тота передал ему список отказников. Там было 1 300 фамилий с указанием предприятий, на которых они работали. Предприятия были, как правило, секретные (не случайно — отказники). В марте 1977 года Щаранского арестовали. Обвинили в «шпионаже» и «измене Родине».

Помню свои разговоры с Андроповым, тогдашним председателем КГБ. Я пытался убедить его, что зря затеяли всю эту возню вокруг «шпиона» Щаранского. Разумеется, я не знал никаких фактов, деталей. Но хорошо знал наши нравы и интуитивно чувствовал липу. На

мои просьбы предъявить хоть одно бесспорное доказательство вины Щаранского Андропов отвечал примерно так: я бы тебе десяток предъявил, но секретное дело, не могу... Возможно, я переоцениваю Андропова, но мне трудно представить себе, что он лгал. Скорее всего, умело работал аппарат КГБ...

14 июля 1978 года Щаранский получил 13 лет (3 года тюрьмы и 10 лет лагерей). В результате развёрнутой в мире мощной кампании за освобождение Щаранского, после обращения президента США Р. Рейгана к М.С. Горбачёву Щаранский был досрочно освобождён. В феврале 1986 года на мосту Глинике (Берлин) его обменяли на нескольких советских шпионов. 12 февраля Щаранский прилетел в Израиль. Встреча была триумфальной.

Через три года, как я уже говорил, был создан Сионистский форум. В то время — небольшая группа бывших «узников Сиона», заслуженных отказников, активистов «русской алии». Финансирование осуществлялось за счёт денег Сохнута и пожертвований американских евреев, которые мобилизовывал Щаранский в ходе своих поездок по США. Шло время, расширялись масштабы, увеличивалось число волонтеров. Возникла потребность ввести деятельность Форума в обычную демократическую колею. Именно эта задача — демократизация, разработка Устава — и была поставлена перед первым съездом Сионистского форума.

Съезд, на котором присутствовало более 1000 делегатов, проходил в вольной, раскованной, тусовочной обстановке. Половина делегатов — в зале, половина пьёт кофе и болтает в фойе. Локальные мини-скандалы: кого-то не пускают в зал, кого-то выводят из зала. С «Отчётным докладом» выступил председатель президиума Сионистского форума Щаранский. Потом выступали почётные гости. Мне дали слово после американского посла. К счастью для читателей, текст очережной речи не сохранился. Помню один свой тезис: между Америкой и Россией существует разделение труда: Америка даёт Израилю деньги, а Россия — людей.

Сложилось странное впечатление. За всем, что говорилось с трибуны, угадывались невысказанные обиды, раздражение, столкновение различных групп и группочек, борение страстей и амбиций. Через несколько дней после съезда один из его участников Леонид Финкель писал: «Право, не думал, что будет скучно. Тем более всё время было больно. Больно и тогда, до съезда Сионистского форума, когда эту организацию хотели изничтожить уже потому, что ни одному из лидеров не удалось создать ничего лучшего. Больно и сейчас, когда Сионистский форум устоял, и теперь, точно в отместку за это, со всей возможной злостью и злобой травят Форум и его лидера, вровень с которым так и не удалось подняться никому».

Да, страсти вокруг Шаранского кипели нешуточные. Доставалось ему и до съезда, и после. И всё же, что бы там ни говорили, Шаранский много, очень много сделал для утверждения «русской алии», для роста её самосознания, самоуважения. Мне трудно судить о сложных перипетиях внутри Форума, о нюансах взаимоотношений Шаранского со своими соратниками и конкурентами. Но одно, по-моему, бесспорно: Шаранский мог бы существовать без Форума, а Форум без Шаранского — нет.

Мне много раз приходилось встречаться со Шаранским. Отношения были ровные, доброжелательные, деловые. Но особой симпатии, «химии», как говорят в Израиле, не было. Мы были очень разные. В одном были похожи. «Всего несколько раз в жизни, — признался Шаранский вопрошавшей его Полине Капшеевой, — в особо торжественных случаях надевал галстук. В Израиле, слава Богу, это не требуется на любом уровне. Но в последние годы вновь, к сожалению, стали носить галстуки. Единственная моя отрада и поддержка в этом смысле — Бовин. Каким бы официальным ни был приём, если там окажутся два человека без галстуков, — то это будем мы с Бовиным. Так что я не одинок».

.....
Во внутривизитных делах главным оставалось составление политического отчёта. Много отчётов приходилось мне читать, но составлять — впервые. Нервничал, понятно. Хотел, чтобы было, как лучше, но не как всегда. Первый блин поначалу получился большим комом. Когда все куски были собраны, вместо запланированных 30-ти страниц получилось 65. Я понимал, разумеется, что каждый старался сделать свой кусок максимально насыщенным, информативным. Что трудно наступать на горло собственной песне. Наверное и Кукрыниксы хотели каждый сделать свой лист, но приходилось всем уместиться на одном. С ходу из нас Кукрыниксов не получилось. Расстроился до того, что, обращаясь к дипломатам, произносил какие-то ненужные и жалкие слова типа «бессовестно...»

Время поджимало. Возвращать тексты на доработку авторам было уже некогда. Пришлось самому резать по живому. На это ушло несколько дней. 26 января отправился в Каир. Тут штука вот в чём: у нас тогда ещё не было секретной части, дипкурьеры к нам не летали, поэтому окончательный вариант отчёта надо было печатать в Каире и отправлять из Каира. Когда прочитал перепечатанный набело текст, подумал: недельку бы ещё повозиться. Но, увы, поезд уходил...

В Каире в эти дни очень подпольно проходило кустовое совещание «дальних». Я подсоединился только на заключительном этапе, который имел место в ресторации под названием «Дон Кихот». Было весело, хоть и секретно.

В январе в Иерусалиме встречали двух президентов из нашего «ближнего зарубежья»: Л.М.Кравчука (Украина) и А.Акаева (Киргизия). Кравчук произносил предельно независимые речи с явным «антимоскальским» подтекстом. Занятно, что после каждой такой речи ко мне подходил кто-нибудь из сопровождающих лиц и извиняющимся тоном говорил: «Да уж вы не принимайте близко к сердцу, так нынче положено и т.п. ...»

С Акаевым приходилось работать плотнее, так как я по совместительству тогда представлял в Израиле Киргизию.

Не всё шло гладко.

«Я обращаюсь к Всевышнему, — заявил Акаев на приёме в «Саду роз», — с молитвою о прекращении продолжительного палестинско-израильского конфликта. Я молюсь, чтобы многострадальный палестинский народ достиг, наконец-то, столь долгожданной независимости». Деликатные хозяева были шокированы, но промолчали...

На другом приёме Акаев пообещал, что посольство Киргизии будет расположено в Иерусалиме. Евреи ликовали. Я недоумевал. Арабы возмущались. 21 января в аэропорту (проводжали гостя) мне пришлось вручить Акаеву протест Арафата. «Что-то теряем, что-то находим», — невозмутимо заметил президент. По поводу «находим» люди из президентской свиты тут же разъяснили мне, что израильтяне обещали Акаеву чуть ли не 500 миллионов долларов. Правда, израильтяне тут же это опровергли. Не знаю, что уж там происходило на самом деле. Знаю только, что через некоторое время президент Киргизии фактически открестился (прошу прощения у мусульманина!) от своего заявления, окружив его облаком туманных интерпретаций. Знаю также, что до моего отъезда посольство Киргизии так и не было открыто.

По просьбе газеты «Гаарец» дал интервью Инне Шапиро. Милое юное существо, но с большой фантазией. Отказавшись от классики жанра (вопрос — ответ), она соорудила следующий текст:

«Нелегко быть послом в государстве, в котором много эмигрантов из его страны, — такой урок извлёк посол России Александр Бовин. Здесь нынешняя стоянка человека — внука священника, погибшего в трудовом лагере, и в недавнем прошлом видного, временами некорного комментатора «Известий» и советского телевидения.

Когда Александр Евгеньевич Бовин вручил свои верительные грамоты, он стал первым послом Советского Союза с момента разрыва отношений между двумя государствами в 1967 году. Спустя несколько дней он превратился в последнего посла Советского Союза и в первого посла России в Израиле. Это случилось год назад зимой, и с тех пор он — одна из самых колоритных и исключительных фигур на местном дипломатическом пейзаже.

Мы встретились в его офисе в «Мерказ текстиль» в ветреный и дождливый день, в погоду, которая им особенно любима. «Вот так мы здесь и работаем, в скромном офисе», — сказал Бовин, восседая за большим письменным столом. Над ним поблескивал портрет президента России Бориса Ельцина; на другой стене был развёрнут флаг России.

Я спрашиваю посла о его профессиональном прошлом: Бовин был известным журналистом в «Известиях» и политическим обозревателем на советском телевидении. Новое положение, говорит он, заставляет меня работать по многу часов и многому учиться.

Большую часть времени, отводимую на чтение, он посвящает тематике, связанной с работой. Перед приездом он хорошенько ознакомился с Ветхим и Новым Заветом, но только здесь он изучает и постигает в полной мере значение связи еврейского народа с истоками. Сам Бовин — крещёный, но неверующий, «безбожник», как называла его бабушка.

Визиты в Иерусалим не связаны для него с духовно-религиозными переживаниями. К атеизму он пришел через учёбу и размышления. По своему происхождению он как раз из духовного сословия: его дед был православным священником в маленьком городишке в центре России неподалёку от Рязани. В годы сталинского режима он был сослан в трудовой лагерь. Оттуда не вернулся. Чтобы не повредить карьере Александра Бовина в стране рабочих и крестьян, от него утаили этот эпизод. Ему рассказывали, что дед был дворником в церкви.

И всё-таки Бовин достиг вершин журналистики Советского Союза. Несмотря на это он иногда исчезал с экранов телевизоров в наказание за растягивание границ «дозволенного» в своих комментариях. Он был близко знаком с политической верхушкой. Брежнев, по его словам, был на удивление добросердечным человеком, пока не узурпировал в своих руках политическую власть, а незадолго до своего конца стал почти лекарственным наркоманом, и на деле государством управляли глава КГБ в то время Юрий Андропов, министр иностранных дел Андрей Громыко и министр обороны Дмитрий Устинов.

С должности в «Известиях» он получил назначение послом в Израиль. В настоящее время его миссия посла, разумеется, сильно изменилась. «Первый год отношений между Россией и Израилем был годом знакомства», — говорит Бовин. «Россия, которая пока не иммигрировала в Израиль, начала узнавать эту страну, а Израиль, невыходец из России, начал открывать для себя её». С точки зрения дипломатии, это был успешный год. Посольство наладило хорошие отношения с израильским министерством иностранных дел и с другими министерствами. Но в личной жизни у посла Бовина было немало сюрпризов. «Начнём с того, что до приезда я представлял Израиль значи-

тельно более западным государством. И это особенно заметно в повседневной жизни. Здесь часто встречаются неточность, необязательность, небрежность, халатность». Является ли это признаком знаменитого «левантийского духа», рассуждает он, или, может быть, «социалистического духа» местного происхождения или завезённого с его родины. И опоздания. Ни одно мероприятие не начинается вовремя.

Его также удивила сила тоски и ностальгии иммигрантов по Матушке-России, которая обошлась с ними как мачеха. Они наслаждаются русским словом, поют песни с тоской по России, испытывают боль за её судьбу. И Бовин, часто путешествующий по стране и встречающийся с людьми, переживает вместе с ними личные трагедии, которые сопровождают все волны эмиграции. Люди обращаются к нему с просьбами о помощи, смотрят на него с надеждой, несмотря на то, что у него нет возможности помочь им. Посол, разумеется, не вмешивается во внутренние дела Израиля, но в своих беседах с политиками он постоянно поднимает вопросы абсорбции. Ему с пониманием отвечают, но на практике нет никаких изменений.

Он также бессилен в отношении просьб, которые обращены к российским властям. Например, о пенсиях. Потому что Россия продолжает советскую традицию и не платит пенсионерам, покинувшим её, то, что им причитается. Бовин предлагал изменить порочную практику. В Москве понимают необходимость такого шага, но финансовое положение России не позволяет его сделать.

Экономическое положение России влияет также и на посольство. Посол довольствуется «Вольвой» вместо положенного ему «Мерседеса». Деньги для работы посольства идут, по сути говоря, от евреев, которые обращаются в консульство и платят за консульские услуги (визы, паспорта и т.д.). Бовин опасается, что открытие посольств Украины и Белоруссии уменьшит круг клиентов и, соответственно, денежные поступления.

В последнее время участились слухи о смещении Бовина с его поста в рамках замены людей Горбачёва на людей Ельцина. Собирает ли он чемоданы? «Ситуация в политической верхушке России очень сложная, многое мне неизвестно, и возможно всё....»

Официально Бовин не слышал, что он должен сложить свои полномочия, но он добавляет: если новое российское правительство станет менять политику, ему придётся подать в отставку, так как он способен проводить только такую политику, в которую сам верит. Он не считает, что слухи о его смещении коренятся в его произраильской позиции, которая противоречит традиционной проарабской атмосфере, царящей в коридорах московского МИДа. «Мне всё равно, кем меня считают. Как сказал реб Зуся из Анаполя, когда я буду в день Страшного суда стоять перед Господом, он не станет меня спра-

шивать, почему я не поступал, как Авраам, Яков или Моисей, он меня спросит: почему я не поступал как Зуся? В этом — суть дела, — сказал Бовин. — Я всегда стараюсь оставаться самим собой и быть верным своему мнению. Мой подход к ситуации на Ближнем Востоке, к арабо-израильскому конфликту был, как мне казалось, более объективным, чем общепринятый. Я был первым, кто открыто поднял вопрос о необходимости восстановления дипломатических отношений с Израилем. На фоне проарабской политики и пропаганды такой подход характеризовался как произраильский. На самом деле это была пророссийская позиция, так как она отвечала интересам России на международной арене. Несомненно, хорошие отношения как с Израилем, так и с арабами служат интересам моего государства.

Ясно, что изменение в политике не было воспринято с симпатией арабскими странами и палестинцами, но Бовин надеется, что это временное, преходящее явление и что постепенно сформируется положение, которое будет удовлетворять всех. Посол встречался с Фейсалом Хусейни, и если в этом будет необходимость, готов встретиться с ним снова. По поводу действий террористов и депортации руководителей Хамаса он сказал: «Моя реакция и как человека, и как посла одинакова. Я против всех видов и форм террористических действий. Такова позиция и моего правительства. Оно выступает против депортации и считает, что никакими наказаниями не выкорчевать террор. Решение проблемы — всеобщее политическое урегулирование».

Относительно того, что многие чиновники российского МИДа придерживаются проарабской ориентации, посол сказал, что эти люди, с точки зрения их образования, дипломатического опыта и политической культуры, — арабисты. «Но, — добавил он, — новые времена, новые напевы». В принципе же МИД не служит интересам арабов или израильтян, он служит насущным интересам России. Большинство сотрудников посольства здесь, в Израиле, тоже арабисты. Но Бовин не считает, что они придерживаются явно выраженной проарабской ориентации.

Я рассказываю ему о дипломате из посольства Канады, который — прежде, чем воспользоваться приглашением посетить мой дом в Иерусалиме, — выяснял, расположен ли район, в котором мы живём, в пределах «зелёной линии». Чтобы случайно не оказаться в Восточном Иерусалиме. Посол Бовин так не поступает. После одного из его визитов за «зелёную линию» последовал протест палестинцев. Ответ гласил: «Пожалуйста, не путайте политику с географией».

Каким будет второй год отношений России с Израилем? У посла Бовина ясные ответы. Необходимо заложить прочный юридический фундамент отношений между двумя государствами во всех сферах: в торговле, в области инвестиций, науки, культуры, образования. Часть

соглашений уже готова и будет подписана в ходе визита Рабина в Москву. Необходимо также решить очень важную для Израиля и России проблему — проблему двойного гражданства. Как правило, отношения правительств к двойному гражданству прохладное. Но в данном случае речь идёт не столько о политической проблеме, сколько о проблеме гуманитарной. Посол предлагает двум правительствам подходить к ней с этой точки зрения.

Со своими коллегами из дипломатического корпуса Бовин предпочитает встречаться частным образом, а не на приёмах. Так как только в этом случае можно обстоятельно поговорить по существу. Отсутствие галстука на своей шее он не рассматривает как ломку устоев. «В дипломатии стиль определяется соотношением между формой и содержанием. Во времена Талейрана, Дизраэли или князя Горчакова внешние манеры считались не менее важными, чем существо дела. В XX веке существо потеснило форму. И я надеюсь, — заключает посол, — что дипломатия будет продолжать эволюционировать в этом направлении».

Я махнул рукой на журналистские вольности Инны. Но в одном был непреклонен. Решительно возразил против попыток красочно, со смаком описать саму процедуру интервьюирования — где сидели, что пили, чем закусывали, сколько это стоило. Почему? Сам не знаю. «Совковый дух», может быть...

.....
Нанесли с Леной Петровной дружеский двухдневный визит в братское посольство в Иордании. Проезжаем Иерихон, потом — мост Алленби через реку Иордан, и вот уже Иордания. Сразу всё победнее. Настоящий, не левантский, дышащий не морем, а пустыней Восток.

Земли, которые ныне занимает Иордания, несколько веков принадлежали Османской империи. После Первой мировой войны мандат на управление Трансиорданией (так её тогда называли) получила Великобритания. В марте 1946 года Лондон признал независимость Трансиордании, оставив за собой собственно Палестину. Трансиордания участвовала в войне против Израиля в 1948-1949 годах. По перемирию, заключённому 3 апреля 1949 года, к Трансиордании отошли Самария, Иудея (нынешний Западный берег) и восточная часть Иерусалима. Через год король Абдалла ибн Хусейн переименовал Трансиорданию в Иорданию. Одновременно он объявил оккупированные в 1948 году земли территорией Иордании, а живших там людей — своими подданными. Этот акт был признан только Великобританией и Пакистаном.

В 1967 году Иордания приняла участие в Шестидневной войне и потерпела поражение. Самария, Иудея и Восточный Иерусалим были захвачены Израилем, но, с точки зрения международного права, до сих пор не признаются интегральной частью Израиля, а остаются «оккупированными территориями».

После войны руководство ООП, её вооружённые формирования осели в Иордании. Образовалось своего рода «государство в государстве», где царили свои порядки. Арафат не очень считался с королём Хусейном. Тем более, что палестинские арабы составляли более половины населения Иордании. Нарыв прорвался в сентябре 1970 года («чёрный сентябрь»). Королевская армия, состоявшая в основном из бедуинов, разгромила палестинцев. Арафат и вся его команда были выставлены из страны. К лету 1971 года с военным присутствием палестинцев было покончено.

В 1972 году король Хусейн выдвинул идею конфедерации Иордании и будущего палестинского государства. Идея не понравилась ни Израилю, ни ООП. Понадобилось более 10-ти лет, чтобы стабилизировать отношения между Хусейном и Арафатом. 11 февраля 1985 года они подписывают соглашение. Вопрос ставится так: сначала независимое палестинское государство, потом — разговоры о конфедерации.

В июле 1988 года король Хусейн отказывается от всех претензий на Западный берег в пользу, естественно, Арафата. В придворных кругах начинают говорить о возможности сделки: Израиль соглашается на создание палестинского государства — Иордания признаёт Израиль. Однако эта мысль встречает ожесточённое сопротивление интеллектуальной элиты. «Я говорю нет — Израилю! — восклицает писатель Равда ал-Фарх ал-Худхуд. — Нет — признанию, нет — отчаянию, нет — поражению, нет — сдаче». Программе «Нет» соответствует и программа «Да». Я один из тех, — пишет Бадр Абд ал-Хак, — «кто верит, что если будет создано независимое палестинское государство, его территория должна простираться от Средиземного моря до реки Иордан... Я пошел бы ещё дальше, переступил бы через нетерпимое и хотел бы сбросить евреев в море, чтобы их пожрали голодные рыбы». Так думали и чувствовали очень многие. И всё-таки король переступил через ненависть и после Мадрида начал переговоры с Израилем.

Работники посольства (посол Александр Владимирович Салтанов был в отъезде) окружили нас вниманием и заботой. Возили, показывали и рассказывали. А показать и рассказать есть что и есть о чём.

Первые впечатления — просто больше места. Едешь-едешь, а границы всё нет. И солдат — неременный элемент израильского ландшафта — не видно. Амман разительно отличается от Иерусалима или Тель-Авива. Там почти Европа, здесь почти совсем Азия. Арабская Азия. Замысловатое переплетение улиц и улочек, где и таксистам, и почтальонам надо доплачивать за вредность. Камни без деревьев. И всюду лики любимого короля. Явный культ. Но, кажется, без особо вредных последствий.

Хлеб с маслом для туристов — греческие и римские развалины, а также — каменные следы крестоносцев. Заметало и разваливало сле-

ды время. Плюс — завоеватели, включая даже монголов. К счастью, не всё замело и не всё развалили. Греческие храмы и римские амфитеатры поражают до сих пор. Есть в Иордании и восьмое чудо света — Петра. Это — высеченный в неприступных скалах город, бывший когда-то столицей Набатейского царства. 500 лет долбили скалы. Снаружи — парадные, украшенные колоннами входы. Внутри — дворцы, храмы, монастыри, жилища. Описывать не берусь — таланта не хватает.

Жизнь — это детали. По дороге из Петры в Амман заехали в придорожный отель выпить кофе. Выпили, даже с кексом. Цены, само собой, гостиничные. Шофер наш, Павел Николаевич, сокрушался: так это же 4 курицы и 2 бутылки джина. Советского Союза уже не было, а советские комплексы действовали...

.....
Запомнились посиделки в ресторане «Максим». Гафт, Кваша, Козаков, Каневский, который Леонид. Запомнились, потому что пришлось сочинить эпиграмму на Гафта. Он читал свои эпиграммы и шумел, что его нельзя зарифмовать. Я рискнул, и вот, что получилось:

Жил в Древнем Риме поэт Плавт.
Но Плавт не знал, что будет Гафт.
И поэтому у Плавта
Нет ни х.. про Гафта.¹

.....
Культура в январе. Концерты Ларисы Долиной и Клары Новиковой. В обоих случаях назойливый пережим по части собственного еврейства. К тому же уважаемая Клара явно перестаралась по части вульгарно-сексуальных хохм. Расчёт на местную аудиторию. — Изящнейший ленинградский балет. — Любопытная выставка «наших» художников в Рамат-Гане. Художники острят и хулиганят. Представьте себе картину: «Москвичи! Все на благоустройство Тель-Авива!» — Выступление Л.Дурова, как всегда умное и доброе.

¹ Возможно, читателям будет интересно узнать, что знакомый всем тезис «Человек человеку — волк» принадлежит не Гоббсу, а Титу Макцию Плавту.

ФЕВРАЛЬ-93

*В московских коридорах —
— Сражение за недвижимость: первый этап*

В начале февраля продолжалась алмазная лихорадка. Пришлось говорить с премьер-министром. Он, как я и подозревал, был не в курсе дела. Просто нижние чины ему не докладывали, хотя и уверяли меня в обратном. У меня сложилось впечатление, что Рабину не до алмазов, других и более важных дел — по горло. Не стал настаивать на юридических гарантиях.

Вместе с организаторами выставки нашли такой выход из положения: если возникнет опасная ситуация (угроза претензий) по поводу какого-либо экспоната, он будет немедленно доставлен в российское посольство. Эта договорённость была оформлена письмом председателя Совета директоров Алмазного музея М.Шницера на имя председателя Комитета драгоценных металлов и драгоценных камней Е.М.Бычкова. Я рисковал, конечно. Зато дело сделали.

18 февраля драгоценный груз специальным самолётом в сопровождении генерального директора Объединения алмазной промышленности Израиля бригадного генерала Цви Шара был доставлен в Тель-Авив.

.....

В ходе той же беседы, которая состоялась 3 февраля, Рабин затронул «дискретную» (т.е. закрытую, предназначенную для узкого круга лиц) проблему. Грузия обратилась к Израилю с просьбой продать оружие. Учитывая интересы России, сказал Рабин, мы под благовидным предлогом отклонили эту просьбу.

.....

4 февраля вылетел в Москву. Обошел максимально возможное число мидовских начальников. Беседовал с руководителями ГРУ и СВР. Задача — решение практических вопросов посольской жизни. Главные из этих вопросов: направить в Тель-Авив группу специалистов для приёмки здания, которое перестраивается под посольство; начать подготовку к развёртыванию «референтуры», специального подразделения, обеспечивающего радиосвязь с Москвой; разрешить нам оборудовать спортзал тренажёрами и построить «оздоровительный

комплекс» (так шифровали сауну); включить наше посольство в список посольств, участвующих в «эксперименте» (если мы сумеем сэкономить фонд зарплаты, то часть сэкономленных денег можно использовать для премирования работников посольства); укрепить юридическую базу для борьбы за спорные земельные участки в Иерусалиме.

Хождение по инстанциям вспоминаю без особого удовольствия. Государственная машина явно разлаживалась. Больше становилось равнодушных. Всё замедлялось, вязло, тонуло в бюрократической вате. Но мидовская школа, мидовская выучка сопротивлялись процессу разложения. И в конечном счёте поставленные посольством вопросы были решены.

До Козырева так и не достучался.

Нанёс визит израильскому коллеге послу Бар-Леву. Пытался убедить его поддержать идею договора о двойном гражданстве. Не преуспел. Бар-Лев считает такой договор не актуальным.

Был приглашён в правительство Москвы. Там созрел проект строительства железной дороги из Тель-Авива в Эйлат. Поддержал, естественно. Но всё ушло в песок далеко от пустыни Негев.

18 февраля вернулся в Израиль.

.....
22 февраля прилетел министр сельского хозяйства В.Н.Хлыстун. С формальной точки зрения, визит прошёл, как говорится, *lege artis*. Кого надо — посетили, о чём надо — поговорили. Нам крайне выгодно сотрудничество с Израилем именно в области сельского хозяйства. Есть чему поучиться. Хлыстун понимал, конечно, это. Беда в том, что у него не было крепкого тыла. Советское сельское хозяйство разваливалось, постсоветское ещё не существовало. За Хлыстуном не было организаций, структур, хозяйств, которые могли бы стать партнёрами израильского агрокомплекса. И это понимал Хлыстун. Поэтому толку никакого от его визита не было.

.....
Получил письмо от В.Гукаева — начальника Управления по культурным связям МИД РФ. Он рекомендовал доктора исторических наук, кандидата экономических наук, профессора кафедры политологии МГИМО Александра Иосифовича Вавилова для выступлений с лекциями в одном из университетов Израиля. Сообщалась тематика:

- эволюция политической системы России;
- основы политической мысли;
- история политической мысли;
- современные политические системы;
- политическая психология;
- политическая культура общества;
- теория международных отношений;

- мировая экономика;
- экономика стран Ближнего Востока и Северной Африки;
- современные международные экономические отношения.

Начальник Управления просил выяснить условия, на которых можно было бы осуществить поездку А.И.Вавилова (желательно на 2-3 месяца).

Я с удовольствием помог бы Вавилову. Всем хочется кушать. Но уж как-то беззастенчиво широко он размахнулся.

Мой ответ звучал так: «Уважаемый Владимир Зурбекович!

Я, разумеется, знаю, что Россия — не только родина слонов, но и родина энциклопедистов. Однако мне всё же неловко рекомендовать серьёзным людям доктора, кандидата и профессора, который берётся читать лекции и по политической психологии, и по международным экономическим отношениям. Боюсь, что меня поймут неправильно (или, может быть, правильно?). Искренне Ваш...»

Ответа на свой ответ я не получил.

8 февраля президент РФ Б.Н.Ельцин издал Указ «О государственной собственности бывшего Союза ССР за рубежом». С этого дня будем вести отсчёт длительной, нудной, вязкой борьбе, которую вело посольство за перерегистрацию нескольких земельных участков, принадлежавших бывшему Советскому Союзу, на имя Российской Федерации. Но сначала заглянем в историю.

Русская духовная миссия в Палестине и Российское Православное Палестинское общество стали приобретать участки на землях нынешних Израиля, Иордании, Сирии, Ливана в середине XIX века. К 1917 году таких участков было более 70-ти общей площадью примерно 2 млн. кв. метров.

Англичане, которые получили мандат Лиги Наций на Палестину, отказались передать российские земли советскому правительству. Часть участков перешла к Русской православной церкви за рубежом («белая» церковь). Часть находилась в каком-то межеумочном положении, использовалась англичанами или сдавалась ими в аренду. Ситуация изменилась в 1948 году. Правительство Израиля перерегистрировало 22 участка на правительство СССР. Действуя по принципу «Деньги на бочку!», Москва решила продать эти земли Израилю. 7 октября 1964 года посол СССР в Израиле М.Бодров и министр иностранных дел Израиля Г.Меир подписали соглашение «О продаже правительством Союза Советских Социалистических Республик имущества, принадлежащего СССР, правительству Государства Израиль». Советский Союз получил 4,5 млн. долларов (поставками товаров).

Во второй половине 80-х годов возобновились переговоры относительно пяти участков, которые, по мнению Москвы, должны принадлежать Советскому Союзу. Перечислю их:

1. Участок на ул. Кинг-Джордж в Иерусалиме;
- 2-3. Здание РДМ и собор Св. Троицы в Иерусалиме;
4. Сергиевское подворье в Иерусалиме;
5. Участок напротив Дамасских ворот Старого города в Иерусалиме.

Возможно, участков, на которые можно было предъявить претензии, больше. Но чтобы обнаружить их, нужны кропотливые поиски в архивах Великобритании, Турции и Израиля, а, значит, нужны деньги. Денег не было. Что же касается указанных пяти участков, то в принципе израильтяне не оспаривали права СССР на эти объекты. Но в каждом случае были свои проблемы и свои трудности юридического характера. Положение осложнилось после развала СССР. Возник вопрос о правопреемстве России в отношении собственности бывшего СССР.

Каждое государство СНГ претендовало на часть заграничных активов, включая собственность. После долгих препирательств 9 октября 1992 года в Бишкеке главы государств — участников СНГ подписали соглашение «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности». Суть дела сводилась к тому, что право на долю активов получает тот, кто выплачивает свою долю внешнего долга СССР. Платить, естественно, никто не хотел. Поэтому последовала серия двусторонних соглашений о «нулевом варианте». Россия платит долги данного государства, а оно отказывается от своей доли в активах. На базе этого Указ от 8.2.1993 г. провозгласил: «Российская Федерация, как государство — продолжатель Союза ССР, принимает на себя все права на недвижимую и движимую собственность бывшего СССР, находящуюся за рубежом, а также выполнение всех обязательств, связанных с использованием этой собственности».

Распоряжением от 30 апреля 1993 года Совет министров РФ поручил МИДу провести переговоры относительно здания РДМ и Троицкого собора и при достижении согласия оформить эти объекты как собственность Московской патриархии. 14 мая последовало распоряжение о восстановлении прав собственности на здание и участок Сергиевского подворья. 22 июня посольство направило ноту в МИД Израиля, где предложило определить время начала переговоров и состав участников с израильской стороны.

Израильтяне отнеслись к нашим намерениям без особого энтузиазма. Они предложили начать переговоры в конце октября. Упор сразу был сделан на юридические аспекты проблемы. Израильтяне потребовали предоставления им верифицированных соглашений России со странами СНГ, а также ряда других документов. Дело приобретало затяжной характер.

В апреле 1994 года эта тема обсуждалась в Москве на встрече Рабина с В.С.Черномырдиным. Рабин «заверил» и посетовал на юристов,

которые «всегда перестраховываются». Трижды я разговаривал с Рабиным в Иерусалиме. И каждый раз он ругал «юристов». 22 июня состоялась долгожданная встреча с новым председателем комиссии по русской недвижимости Мириам Рубинштейн. Мы нажимали на необходимость политического решения в самое ближайшее время. Израильские эксперты, отклоняя политический подход, настаивали на строжайшем соблюдении всех юридических процедур.

У израильтян не было сомнений в том, что Советский Союз имел права на здание РДМ и Троицкий собор. Проблема, как нас уверяли, сводилась к тому, чтобы юридически безукоризненно, не нарушая чьих-либо прав, передать титул собственника России. С Сергиевским подворьем всё было гораздо сложнее. Поэтому мы решили снять подворье с повестки дня и сосредоточиться на миссии и соборе. Вместе с тем мы предложили израильтянам обсудить более простой и быстро решаемый вопрос об участке на улице Кинг-Джордж, хотя формально у нас не было поручения вести о нём переговоры.

Параллельно возник другой вопрос: что будем делать с участком на Кинг-Джордж? Место великолепное, центр Иерусалима. Я предложил построить здание для русского культурного центра. В МИДЕ эта идея не встретила поддержки. Было принято другое решение: построить на участке комплекс служебно-жилых зданий. Строительство предполагалось поручить израильской фирме. «В результате проведённой российской посольством и экспертами министерства работы, — сообщал Черномырдину первый заместитель министра иностранных дел И.С.Иванов, — выбор был остановлен на фирме «Давар Пашут Лтд.», пользующейся солидной репутацией в Израиле». 28 сентября МИД заключил с этой фирмой «Договор о долгосрочной аренде». Фирма обязалась за свой счёт получить соответствующие разрешения, спроектировать и построить комплекс зданий. Часть помещений предполагалось передать фирме в долгосрочную аренду для возмещения затрат на строительство. Другую часть предполагалось сдавать с целью внебюджетного финансирования МИД России.

В начале 1995 года Козырев обратился с письмом к Пересу. Касаясь наиболее деликатной для израильтян проблемы, Козырев писал: «Российская сторона подписала со всеми странами СНГ, кроме Украины, соответствующие соглашения относительно обязательств по выплате ею государственного долга в обмен на отказ этих стран от доли заграничного имущества бывшего Советского Союза. Украина также не претендует на недвижимую собственность СССР в Израиле, что подтверждается соответствующими документами.

Об отказе от доли имущества за рубежом, равно как и от выплаты внешнего долга бывшего СССР, заявили и страны Балтии.

В этой связи прошу Вас, господин министр, оказать личное содействие в урегулировании проблемы имущественных отношений между нашими странами, что, несомненно, способствовало бы укреплению благоприятной атмосферы для развития российско-израильского сотрудничества». Прочитав письмо, Перес заверил меня, что он даст указание ускорить и завершить решение этой проблемы.

Однако последующие беседы с директором отдела претензий МИД Израиля Эхудом Кейнаном, который непосредственно занимался нашей недвижимостью, показали, что министр — министром, а чиновники своё дело знают. Что бы ни говорил министр, МИД должен разослать ноты во все страны СНГ и Балтии и уведомить их о намерении правительства Израиля с такого-то числа считать бывшую собственность Советского Союза собственностью России. Если никто не будет возражать — хорошо. Если кто-то возразит, всё равно передадим недвижимость, но с условием, что все возможные издержки по могущим возникнуть спорам возьмёт на себя Россия.

Москве всё это казалось юридической казуистикой, чистой и зряшной формальностью, затягиванием дела. Если все отказались, зачем рассылать бумагу и тянуть резину. Наш МИД настаивал на привычном для нас советском; политическом подходе: правительство Израиля принимает политическое решение и даёт ведомствам команду реализовать его.

Тем временем возникло новое обстоятельство. Приближался визит нашего министра в Израиль. И, конечно же, в головах его окружения возникла идея сделать «подарок» шефу — приурочить перерегистрацию к приезду Козырева. Пустячок, но приятно. Чтобы дожать израильтян, в Израиль прибыл заместитель министра Б.Н.Пастухов. Человек очень деловой, организованный, чёткий, один из не так уж многих начальников, на слово которого можно было положиться. И человек, привыкший решать поставленные перед ним задачи.

Состоялись беседы в Министерстве юстиции и в МИДе. Пастухов вёл разговор довольно напористо, иногда, на мой взгляд, даже слишком. В Минюсте была всё та же «казуистика». Однако в МИДе (Пастухов принимал заместитель министра Й.Бейлин) вроде бы договорились, что к появлению Козырева «подарок» будет подготовлен. Во всяком случае Пастухову так показалось. Уехал он вполне довольный.

Но не тут-то было. 29 марта 1995 года МИД Израиля прислал в посольство проект ноты, которую предполагалось разослать в страны СНГ и Балтии. В проекте содержались четыре положения.

1. Правительство Израиля решило передать Российской Федерации всю собственность, которая зарегистрирована в Земельном Регистре на имя СССР.

2. Об этом намерении правительство информирует страны СНГ и Балтии.

3. Если не последует возражений, перерегистрация будет произведена 1 июля 1995 года.

4. Если появятся претензии третьих стран, то, — как договорились Бейлин и Пастухов, — Россия обязуется компенсировать правительству Израиля все издержки.

Предполагалось, — если у нашего МИДа проект не вызовет возражений, — что Перес вручит текст ноты Козыреву. Тот самый «подарок».

Посольство, реально оценивая обстановку, рекомендовало МИДУ согласиться с предложением израильтян и «подарок» принять. Но с нами не согласились. Пастухов рассердился. Во-первых, он настаивал на том, чтобы участок на улице Кинг-Джордж был передан России «без каких-либо оговорок и согласований». Во-вторых, он требовал, чтобы нота просто информировала страны СНГ и Балтии о факте перерегистрации, а не наталкивала их на мысль о возможности возражений. В последний день визита Козырева, 3 апреля, по указанию В.В.Посувалюка я передал наш проект израильским мидовцам. Не знаю, что думал сам Козырев, но он в беседе с Пересом лишь бегло затронул вопрос о собственности. И, наверное, сделал правильно.

24 апреля я встретился с адвокатом Яковом Брандом (он сотрудничал с нами по линии фирмы «Давар Пашут Лтд.»). Он сказал, что Кейнан является «ключевой фигурой» и фактически формирует позицию Израиля. По мнению Кейнана, с которым Брант имел накануне длительный разговор, комиссия, возглавляемая М.Рубинштейн, не примет русский проект. Ибо комиссия руководствуется не политическими соображениями, а буквой закона. Россия, заметил Кейнан, может избрать альтернативный путь — обратиться в суд. Но судебная процедура затянется на пять, если не более, лет.

Кончилось тем, что наш МИД согласился с датой 1 июля. 8 июня мы сообщили об этом израильтянам. Они долго хранили молчание. До меня дошли сведения, что, по мнению юристов, между датой рассылки израильской ноты и указанной в ней датой перерегистрации должно пройти примерно два месяца (чтобы было время подумать). В разговоре с Й.Бейлиным я пытался сократить этот срок (чтобы не было времени подумать), но тщетно. Бейлин заявил, что данный вопрос находится в исключительной компетенции юристов.

Юридический подход взял верх над политическим. 3 июля МИД Израиля разослал ноту, в которой говорилось, что собственность, зарегистрированная на имя СССР, будет перерегистрирована на имя

России 1 сентября 1995 года. Но маленькую победу мы всё-таки одержали: из ноты исчезли слова «если не будет возражений».

Однако возражения последовали. Возражала Украина. Ссылаясь на то, что договор между Украиной и Россией, в котором фиксируется «нулевой вариант», ещё не ратифицирован Верховной Радой Украины, МИД Украины просил отложить перерегистрацию до «получения соответствующего извещения» из Киева. Переслав нам 2 августа украинскую ноту, г-н Кейнан просил «прокомментировать» её.

Комментарий посольства свёлся к трём пунктам. Договор от 9 декабря 1994 года действительно не ратифицирован парламентом Украины. Тем не менее и Украина, и Россия в своих практических действиях не отклоняются от его содержания. Это во-первых. Во-вторых, Израиль не поставил перерегистрацию в зависимость от характера реакции той или иной страны. И в-третьих, если дело дойдёт до суда, Россия готова взять на себя все издержки. Вывод: перерегистрация, как и обещано, должна произойти 1 сентября. О чём мы и сообщили МИДУ Израиля нотой от 29 августа. Но до перерегистрации было ещё далеко. Дело затягивалось и затягивалось надолго.

Культура в феврале. Никакой культуры.

МАРТ-93

*Президент Эзер Вейцман — Драгоценности России —
— «Склокоёмкость» — Нам дарят «Ладу»*

Самым важным политическим событием месяца стали, несомненно, выборы президента, которые состоялись 24 марта. В Израиле президент — символическая, декоративная, представительская фигура. Как английская королева: царствует, но не правит. Он подписывает (обязан подписать) законы, принятые Кнессетом. Принимает верительные грамоты от иностранных дипломатов и подписывает грамоты дипломатам Израиля. Президент утверждает назначение судей, председателя государственного банка и некоторых других крупных чиновников. До 1991 года президент возлагал на лидера победившей партии задачу формирования правительства. Но теперь премьер-министр избирается всенародно, и эта функция отпала.

В отличие от королевы ни дворцов, ни поместий, ни сонма вышешколенных слуг израильский президент не имеет. Имеет в Иерусалиме небольшой «Белый дом», скорее — домик. Скромный и уютный. А в штате «администрации» президента числится 41 человек. Зарплата президента, если верить газетам, 6 353 доллара в месяц (при среднемесячной зарплате израильянина — 1090 долларов). Для интереса (по тому же источнику): президент США — 16 666 долларов при средней — 1 590, президент России — 115 долларов при средней — 24 доллара. Обидно за Ельцина и за всех нас, но президенту, наверное, что-нибудь доплачивают. За вредность...

Президент избирается на 5 лет и может занимать этот пост не более двух каденций подряд. Выборы президента — это не столько борьба за власть (её практически нет), сколько столкновение амбиций, борьба за престиж, за возможность оказывать поддержку той или иной политической ориентации. Правда, тут выбор был не велик. На протяжении всей истории Государства Израиль президентское кресло занимали представители левых сил. Седьмой президент Израиля — Эзер Вейцман — не нарушил традицию.

Вейцман был выбран с некоторой забавной заминкой. В Кнессете, напомним, 120 депутатов. «Проходной балл» — 61 голос. Вейцман, как было объявлено, получил 68 голосов, его ликудовский противник —

55 и один воздержался. Итог — 124. Явный и загадочный «перебор». Пришлось переголосовывать. Окончательный результат — 66:53 всё при том же одном воздержавшемся.

Вейцман родился в 1924 году в Хайфе в семье сионистских «аристократов» (его дядя Хаим Вейцман, известный химик и лидер мирового сионизма, — первый президент Государства Израиль). После школы стал учиться «на лётчика» и в 18 лет уже летал. Во время Второй мировой войны служил в английской армии. В Палестину вернулся незадолго до образования Государства Израиль. Был членом экстремистской организации «Иргун цвай леуми». Принимал участие в создании первых израильских авиационных подразделений. Во время Войны за Независимость командовал эскадрилей. В 1958 году получил звание генерала и был назначен командующим ВВС Израиля. Утверждал, что израильские ВВС уничтожат египетскую авиацию за шесть часов. Потом «каялся» в ошибке: потребовалось только три часа.

В 1969 году Вейцман появился на политической арене. Его избрали председателем правления партии «Херут». В 1977-1980 годах был министром обороны в правительстве М.Бегина. Активно участвовал в подготовке и заключении мирного договора с Египтом. Примерно в это время начинается сложная эволюция политических взглядов Вейцмана: он из «ястреба» стал превращаться в «голубя». Значительную роль в этом сыграло тяжёлое ранение его сына Шауля. В 1984 году Вейцман в качестве независимого депутата избирается в Кнессет, а затем присоединяется к Аводе. В 1988 году получает пост министра энергетики, инфраструктуры, науки и техники.

Рассказывают, что когда в конце 1988 года Арафат предложил начать переговоры, Вейцман пошел наперекор всему правительству. «Ничто не способствует обороноспособности, — сказал он, — больше, чем мир. Давайте попытаемся разговаривать с Арафатом. Наши ВВС — одни из лучших в мире. У нас одна из сильнейших армий мира. О чём нам, чёрт возьми, беспокоиться!?». Понятно, что Вейцман энергично поддержал линию на переговоры, на мирное урегулирование, которая была намечена в Мадриде.

Сам Вейцман не любит, когда его называют «голубем». Он ориентируется не на орнитологию, а на авиацию. «Ястреб подобен скоростному самолёту, — растолковывает Вейцман журналистам. — А голубь похож на тихоход. Скоростной самолёт способен летать и медленно тоже, а тихоход не может лететь быстро. Так что ястреб более манёврен. Если я ястреб, у меня больше возможностей наращивать обороты или глушить мотор». В общем — «ястреб мира» — так он себя видит и называет.

Не помню уж точно, кажется, в начале апреля я приехал домой к Вейцману, в Кесарию. Он ещё не вступил в должность — это про-

изошло 13 мая, — и поэтому мой визит имел участвующий характер. Состоялась далеко не формальная беседа (как, впрочем, и все последующие). Зная натуру Вейцмана, спросил: не будут ли его стеснять ограниченные, так сказать, деполитизированные функции президента. Президент ответил примерно так: все знают, чего я не могу делать, но никто не знает, что я смогу сделать; хорошо понимая, чего нельзя, я всё же попытаюсь расширить пределы того, что можно. Так он и поступал. Вызывая часто огонь на себя.

Два случая, совсем разных.

Когда премьером стал Нетаньяху, он заявил, что не будет встречаться с Арафатом. Что загоняло мирный процесс в тупик. В бой вступил президент: «Если премьер-министр не желает встречаться с Арафатом, это сделаю я». Шок справа. Шум в газетах. Но дело сдвигается с мёртвой точки.

Не знаю, увлекался ли Вейцман слабым полом, но слабый пол, безусловно, увлекался Вейцманом. Что же касается пола сильного, то к нему президент относился «однозначно», если вспомнить многозначного Жириновского. И однажды Вейцман с солдатской прямо-той отозвался о гомосексуалистах. «Мужчина должен быть мужчиной, — добавил он, — а женщина — женщиной». Сексуальные меньшинства бурно протестовали. Протестовали и либералы¹.

Мне много раз приходилось встречаться и беседовать с Вейцманом. Это — человек незаурядного ума. Интересный, живой собеседник с хорошо развитым чувством юмора. Острый на язык. Независимый характер, склонный к неожиданным, неординарным решениям. Индивидуалист, а не игрок команды, — так о нём отзывались. Слышал, что он бывает груб и импульсивен. Но это, видимо, для внутренней политики.

Естественно, мы часто говорили о российско-израильских отношениях, о роли России на Ближнем Востоке. Вейцман — сторонник устойчивых, многопрофильных отношений между Израилем и Россией. Ценит и знает русскую культуру. Один из его любимых героев — Пётр I. Считает, что Россия не использует весь свой потенциал, свои

¹ Но далеко не все. Известный в «русском» Израиле историк и публицист Михаил Хейфец защищал право президента, — если гомосексуализм становится нормой, — предостеречь общество, «вопреки вою модных пошляков», от следования этой норме. Равно как и право президента ломать политические стереотипы, если это не противоречит закону. «Мне кажется, — писал Хейфец, — что президент Вейцман закладывает новую норму в жизнь мирового сообщества: демонстрирует, что любой президент (король) смеет и обязан быть живым, активным, энергичным человеком — пусть вне политической жизни! Неужто политикой ограничивается вся жизнь? Неужто сегодняшнее освобождение от ханжества распространяется только на «геев», а президент обязан оставаться символической куклой? Уж если, господа, любите свободу, так любите её и для других... Для Вейцмана, в частности».

возможности для продвижения мирного процесса. Предлагал довольно экстравагантные варианты действий, которые зависали в осторожничающей Москве...

Пытался приохотить президента к солёным арбузам. Но президент, к сожалению, не оценил. Возможно, солёный арбуз не подходил к тем напиткам, которые он предпочитал.

Нетаньяху, в общем-то, ладил с президентом. Но когда подошло время новых выборов, премьер решил прервать монополию левых и вывести на президентскую орбиту человека из Ликуда. Таким человеком оказался некто Шауль Амор, мэр небольшого городка Мигдаль-ха-Эмек в Галилее. В эти дни, в марте 1998 года, судьба — уже журналистская — снова занесла меня в Израиль. Многочисленные опросы показывали примерное равенство шансов, даже с некоторым перевесом в пользу Амора. А все люди, с которыми приходилось говорить «живьём», уверенно предсказывали победу Вейцману. Я разделял эту уверенность. И хотя Амор бил на то, что в отличие от «аристократа» Вейцмана он, Амор, человек из народа, именно Вейцмана можно было назвать «народным» президентом. Он был понятен «простым» израильтянам, и они симпатизировали ему. 4 марта победил Вейцман. Он получил 63 голоса, а его соперник — 49¹.

На следующий день после выборов президента состоялись выборы лидера партии Ликуд. К этому времени дела Ликуда были плохи. Партию раздирала борьба фракций, борьба партийных «принцев», каждый из которых претендовал на роль лидера. Главным соперником Нетаньяху был Давид Леви, за которым шла значительная часть сефардов, выходцев из арабских стран Северной Африки и Среднего Востока. Схватка претендентов нередко переходила на личности, вплоть до того, что соперники переставали разговаривать друг с другом. В выборах принимали участие все члены партии. Нетаньяху победил нокаутом: он получил 54% голосов (Леви — 26%). За самого ястребиного из израильских «ястребов» Бени Бегина проголосовали 15% ликудовцев.

«Но после этой победы, — говорится в одной из пропагандистских брошюр, прославляющих Нетаньяху, — ему предстоял титанический труд, подлинная расчистка авгиевых конюшен». Конюшни были расчищены. Опираясь на узкий круг ближайших помощников, в первую очередь — на Авидора Либермана, свежее испечённый лидер сумел навести порядок в партии и привести её к победе (по очкам) на парламентских выборах 1996 года.

В общем Нетаньяху производил впечатление образованного, энергичного, целеустремлённого человека. Знал, чего хочет, и напрямую

¹ См. дополнение 6.

шел к цели. Привлекали ясность мысли и чёткая постановка вопросов. Вместе с тем, мне иногда казалось, что ему не хватало гибкости, умения ладить с партнёрами, видеть полутона и оттенки политической ситуации. Был замечен перебор по части эгоцентризма. В оппозиции эти минусы как-то сглаживались. Но когда Нетаньяху пробился к власти, они вышли на первый план и сломали ему карьеру. Это произошло в 1999 году.

Став лидером оппозиции, Нетаньяху давал понять, что он не против посетить Москву. Посольство, учитывая удельный вес Ликуда в израильской жизни, считало такой визит целесообразным и рекомендовало пригласить его по парламентской линии. Никакой реакции на наше предложение не последовало. Молчание в данном случае — не знак согласия. Скорее всего, оно — знак равнодушия, безразличия...

.....
Продолжались сложные манёвры вокруг переговоров. Именно «вокруг», так как депортация нарушила начинавший складываться ритм переговоров. Из беседы с секретарём правительства **Э.Рубинштейном** было понятно, что первоначальная договорённость будет достигнута по сектору Газы. Он был как заноза в теле Израиля, и израильтяне были готовы от него избавиться. Это же подтвердила и **встреча с Рабиным**, которая состоялась 5 марта. Вместе с тем премьер довольно возбуждённо говорил о том, что с палестинцами трудно иметь дело, поскольку они всегда слышат только то, что хотят услышать. По мнению Рабина, сложилась такая ситуация, когда Хамас диктует условия палестинцам, а палестинцы — арабским странам. «Хвост крутит собакой», — сказал Рабин. Коспонсоры, подчеркнул Рабин, должны надавить на палестинцев, развернуть их к реальности.

Нервозность Рабина отчасти можно было объяснить явным ухудшением обстановки в стране. Участились акты террора, возросла степень наглости террористов. Если хамасовцы использовали террор, чтобы сорвать переговоры, то Арафату террор был нужен, чтобы подтолкнуть правительство Израиля к переговорам, сделать его более уступчивым. Это различие в мотивах не имело значения для израильского обывателя. Значение имело другое — неожиданное для многих бессилие властей. Опрос, проведённый еженедельником «Ха-Олам ха-Зе», дал такие цифры: 76% опрошенных считают, что правительство не справляется с проблемой обеспечения безопасности, 70% полагают, что правительство вообще не контролирует ситуацию в стране. При всех возможных допусках эти цифры свидетельствовали, что авторитет Рабина падает.

Решение о массовой депортации было как раз попыткой Рабина продемонстрировать решительность и твёрдость. Но решение оказалось неудачным. Рабину пришлось лавировать, отступать. Отступле-

ние не удовлетворило палестинцев. Арафат объявил о начале нового этапа интифады. После некоторых колебаний Рабин в конце марта идёт на новое ужесточение политики — «закрывает» территории. Было решено блокировать Западный берег и Газу, ввести туда войска, усиленные особыми подразделениями, ослабить ограничения относительно открытия огня. В лагерях беженцев были произведены многочисленные аресты.

Рабин, разумеется, понимал, что в данном контексте силовые решения годятся как элемент тактики, да и то не всегда, но совершенно не годятся как основа стратегии. Делая уступки общественному мнению и пуская в ход кулаки, он продолжал надеяться на прорыв на переговорах. Это отдавало судьбу правительства в руки палестинцам. Если Арафат сорвёт переговоры, Рабин завязнет в бесперспективной войне с интифадой и, по всей вероятности, вынужден будет расстаться с властью.

Мне представлялось, что и с точки зрения российско-израильских отношений, и с точки зрения мирного урегулирования правительство Аводы предпочтительнее. Поэтому я просил МИД активизировать работу с Арафатом, подталкивать его к поискам компромиссов. Во всяком случае, сам я, контактируя с палестинцами, действовал именно в таком духе.

.....
10 марта вместе с послом США вручали заместителю министра иностранных дел Йоси Бейлину приглашение на очередной раунд переговоров.

Бейлин — один из самых молодых, самых умных и самых интеллигентных политиков, с которыми мне приходилось иметь дело. Пожалуй, слишком умный и слишком интеллигентный для крутой политической карьеры. Стопроцентный «голубь», даже, на мой взгляд, слишком.

В августе 1995 года Бейлин пошел на повышение — под него создали министерство планирования и экономики. Правда, по поводу «повышения» у меня сомнения. Удобная, деликатная форма отодвинуть человека от переговорного процесса, вообще от политической конкретки. Он получил нечто вроде министерства экономической философии. Это министерство, объяснял мне Бейлин, не занимается текущими экономическими делами. Его задача — смотреть вперёд, отслеживать макроэкономические тенденции. Своего рода штаб, который призван сформулировать, очертить концептуальные рамки для развития экономики. Чтобы не идти вслепую. Бейлин выразил надежду на контакты с соответствующими структурами в России. Был вынужден его разочаровать.

После поражения на выборах 1996 года в Аводе сложилась критическая обстановка. Собственно говоря, внутрипартийная борьба

обострилась задолго до поражения. «Партия переживает острый внутренний кризис, возможно, глубочайший кризис со времени падения правительства Национального единства в 1990 году, — утверждал ещё в конце 1994 года известный «аводист» («аводовец»?) Ури Гордон. — Партиюхватила кондрашка. Как идеологическая сила она больше не действует. К началу следующих выборов партия может оказаться полностью отрезанной от избирателей». Так и получилось (за минусом слова «полностью»).

Провал на выборах накалил обстановку. За руководство партией, за право определять её идеологические и политические ориентиры боролись три поколения. Первое олицетворял Шимон Перес. Он, как и Плисецкая, не хотел уходить со сцены. В затылок ему дышало второе поколение (типа Шитрита, Кахалани и т.п.), поколение центристов. Наиболее активным было третье, самое молодое поколение «Аводы» (Х.Рамон, А.Бург, Й.Бейлин и их друзья — я называл их «младотурками»). Они требовали решительной перестройки партии, обновления её целей, прорыва на мирных переговорах. Началась полоса долгих препирательств. Бейлин был одним из главных претендентов на пост председателя партии. Но против Барака он не потянул. И временно ушёл в политическую тень. Летом 1999 года получил пост министра юстиции в правительстве Барака.

23 марта прибыл с очередной инспекторской проверкой В.В.Посувалюк — директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки. Отработали по полной программе. Посетили Рабина, Переса и Бейлина. Беседы вращались вокруг шансов на возобновление переговорного процесса, террора, «закрытия» территорий.

С Бейлиным у Посувалюка сложились приятельские отношения. Им было приятно, как мне казалось, разговаривать друг с другом. Что и для дела было полезно.

Прощальный ужин на двоих был устроен в Яффо, «У Бени Фишермана». Солнце садилось в Средиземное море. Пахло водорослями. Немножко штормило. Мангалы дымили и распространяли ароматы. На столе — некошерные морские гады в чесночном соусе. Зато вполне кошерное вино. Начальник был благостен и добр. Учил меня мидовскому уму и опять же мидовскому разуму. Учил хорошо. И если не научил, то вся вина на мне.

Небольшая паника в обозе. Раздался звонок в посольство и «голос с акцентом» предупредил, что «на Бовина готовится покушение». Поразмыслив и даже посмеявшись, мы решили игнорировать. И правильно сделали. Больше не предупреждали. И не покушались.

.....
Наконец-то в музее бриллиантов имени Гарри Оппенгеймера состоялось открытие выставки драгоценностей России. Впервые за пределами России, сообщала реклама, редчайшее собрание бриллиантов, драгоценных камней, ювелирных изделий, драгоценных металлов и предметов искусства. Так оно и было. На открытие приехал Рабин. Были все алмазные бароны, коих в Израиле немало. Дефилировали дамы Юдашкина. Публика валила валом. А я думал: хоть бы всё обошлось без скандалов и претензий... Обошлось.

На выставке познакомился с Евгением Матвеевичем Бычковым, тогдашним председателем Комитета по драгоценным металлам и драгоценным камням. Толковый, знающий человек. Мне импонировала его политика, направленная на то, чтобы ослабить зависимость России от монополии «Де Бирс». Потом у него возникли крупные неприятности. Бычкова сняли с работы, привлекали к уголовной ответственности. Не знаю, чем кончится дело. Не знаю материалов дела. Но почему-то на уровне интуиции верю в то, что вся эта напраслина отпадёт.

.....
Пережили несколько визитов. Борис Григорьевич Салтыков — министр науки и технической политики. Евгений Юрьевич Сидоров — министр культуры. Армен Николаевич Медведев — председатель Комитета по кинематографии. Интеллигентные люди, без назойливой свиты. Ходили с ними по начальству. Кто — к Рабину, кто — к Пересу, а кто и к Алони. Мило беседовали. Высказывали массу идей. С делами было туго...

Вот только с Медведевым приехал фестиваль российского кино. Аншлаг. Смотрел «Серых волков». Развесистая клюква, но залихватски. На закрытии произнёс речь.

.....
В посольстве по предложению советника Виктора Юрьевича Смирнова ввели «чтение газет». Практически это обзоры местной прессы (ивритской, английской и русской), которые делались дипломатами и для дипломатов по вторникам и четвергам. Сначала мне казалось, что это зряшная идея. Каждый читает газеты, и нечего устраивать «мероприятие». Потом понял, что ошибался. Во-первых, не все читают газеты. Во-вторых, всегда есть возможность тут же обменяться мнениями, сопоставить различные оценки и суждения. И, в-третьих, некая форма коллективосозидания: хоть два раза в неделю все увидят всех.

Беда в том, что постепенно стала расти «склокоёмкость» коллектива, то есть количество и интенсивность склок. Слава Богу, это почти не касалось отношений между дипломатами. Плавню, но выдавили

чету Исаковых, которые распространяли вокруг себя какие-то волны недоброжелательства.

Были и другие волны. Мы получали зарплату в долларах. И в нашей же бухгалтерии меняли доллары на шекели, которые ходят в Израиле. Причём, меняли по более выгодному курсу, чем в банке. Приходит бухгалтер и докладывает: некоторые дипломаты из консульства вот уже несколько месяцев не меняют деньги. Следовательно, делает вывод бухгалтер, они получают шекели другим, незаконным путём. Берут у своих клиентов. Состоялся разговор. Дипломаты сказали, что они пользуются услугами какого-то знакомого менялы на рынке. Пришлось поверить. Осадок остался пренеприятный.

Искры проскакивали на стыке дипломатического и административно-технического состава. Как правило, наши младшие братья по разуму жаловались на то, что дипломаты (не все, конечно) нередко высокомерны, иногда грубы. К сожалению, так оно и было. Приходилось воспитывать. Хотя как-то совестно, неловко объяснять взрослым и вроде бы культурным, претендующим на интеллигентность людям то, что они давно должны были знать. Да они и знали, разумеется, но «голубая кровь» играла.

Больше всего конфликтов возникало в среде административно-технических работников. Кто «главнее» — бухгалтер или завхоз? Техник-смотритель или механик-водитель? Почему этому коменданту дали такую премию, а этому — другую? И десятки других поводов — мелких, ничтожных, надуманных, — но вызывавших чуть ли не драки. Плюс — жёны, которые добавляли новые краски в палитру склок. Многое тут — от неустроенности, от мизерных зарплат, от постоянного лицемерия одних и тех же физиономий. А многое от элементарной невоспитанности, от неумения и нежелания понять друг друга, обойтись без ругани. Необходимость выслушивать жалобы и наветы, вникать в скандалы, что-то выяснять, кого-то мирить — самое противное, липкое, с чем пришлось столкнуться на дипломатической службе.

.....
В зимний дождливый мартовский день в посольстве был праздник. Промышленный коммерческий АвтоВАЗбанк подарил нам лучшую в мире «Ладу». Ключ я принял, а вот поехать не смог, ибо к тому времени ещё не сидел за рулём. Поехал в Москве, когда сдавал экзамен на «Жигулях». Затем скатился до старого, брошенного зятем «Москвича». А сейчас разъезжаю на «Оке». Все ухмыляются, зато никто не украдёт.
.....

30 марта в Израиль приехала Марта Исааковна Розенберг, с которой, как тогда говорили, я «дружил» на первом курсе университета и с которой начиналась моя «еврейская биография». Марта работала адвокатом в Подольске. Семейная жизнь у неё не сложилась. От одиночества уехала на «историческую родину». Но здесь заболела и сго-

рела за год с небольшим. Хоронили 22 августа 1994 года в Беэр-Шеве. По еврейской традиции во время похорон, чтобы читать молитву, нужно десять мужчин. Выручил мой друг Илья Войтовецкий, мобилизовав десять профессоров из университета. В землю опускали, как здесь принято, без гроба, в чёрном саване... Странно складываются судьбы человеческие. Когда мы с Мартой целовались на ростовских скамейках, кто бы мог подумать, что мы расстанемся, разойдёмся по разным мирам где-то на краю пустыни Негев...

.....
Культура в марте. Великолепный Армен Джигарханян и ещё более (на мой вкус) великолепная Тамара Гвердцители. «Виват, король!» пела королева. А я помню её ещё совсем юной с песней «Музыка брдзола». Для нас, учивших, что Сталин редактировал газету «Брдзола», перевод был не нужен: «Музыка — борьба». — Фестиваль российского кино в Нетании: «Серые волки», «Увидеть Париж и умереть», «Анкор! Ещё анкор!», «Кодекс бесчестия», «Официант с золотым подносом», «Белый танец» и что-то ещё. Только «Анкор...» и «Танец» на привычной высоте.

АПРЕЛЬ-93

*Моя родословная — Интересы России — Смета —
— Пределы самоопределения — Как мы лечились —
— Антисемитизм — Холокост — Джихад*

Апрель в Израиле, как и у нас, начинается с 1 апреля, то есть всяческими хохмами. В качестве наиболее близкого мне примера приведу сочинение под названием «Родословная. Потомок царя Петра и де Бальзака», которое напечатал еженедельник «Окна».

Цитирую:

«1. ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

История российско-еврейского рода Бовиных была исследована крупнейшим генеалогом XIX века князем Петром Александровичем Долгоруковым, автором исторической монографии «Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие—Аргутинские». Но прежде чем мы приступим к изложению поистине удивительных находок князя в архивах старинных русских родов, необходимо сказать несколько слов о нём самом.

Пушкинисты, например, серьёзно подозревают, что хромоногий князь является соавтором (если не вообще единственным автором) анонимного письма Пушкину о зачислении поэта в «Орден рогоносцев»: это письмо и послужило поводом для роковой дуэли с Дантесом. Подозрение, высказываемое уже современниками, сделало князя изгоем в светском обществе. Чтобы как-то реабилитировать себя, он занялся генеалогией: человеку, от которого зависело выведение той или иной дворянской родословной, не принято было отказывать от дома. Он зарекомендовал себя признанным специалистом в своей узкой области и уже претендовал было на получение высокой государственной должности, но тут наступила эпоха Александра-Освободителя, и таланты «князя-бегемота» (прозвище, данное ему другим князем — Петром Вяземским) новому начальству не понадобились.

Тогда он отомстил обществу страшным образом!

Князь Пётр уехал в самое «кодло ведьм» — в Лондон и сделался, говоря нынешним языком, невозвращенцем; вступил в дружеский контакт с Герценом и Огарёвым, в параллель с «Колоколом» стал выпускать свой журнал, наполненный самым неприятным для правительства материалом — придворными сплетнями о жизни тогдаш-

ней «номенклатуры». Кто с кем сожительствовал, кто вовсе не потомок знатного рода, а совсем даже бастард, кто у кого взятки брал, кто дурной болезнью болеет — вот содержание журнала, каждый номер которого сотрясал петербургский свет и московский «Аглицкий клуб».

О том, какое значение придавало правительство публикациям князя, свидетельствует следующий факт: после его смерти по распоряжению родственника, шефа жандармов кн. Долгорукого, в Лондон отправился самый ловкий из агентов третьего отделения — под видом богатого отставного полковника Постникова. Сумев понравиться Огарёву, тот при его посредстве купил у душеприказчика покойного князя весь оставленный тому архив — якобы для его последующего издания! Архивные секреты Долгорукого попали «лазоревым» господам, служившим в здании у Цепного моста (ныне — Санкт-Петербургский горсуд). Затем господин Филиппеус, шеф канцелярии третьего отделения, приказал выбрать самые безобидные бумаги и... издать их якобы нелегальным образом. Тем самым посмертно компрометировалась репутация грозного «разоблачителя светских секретов»! Проверить аутентичность текстов оказалось невозможно: оригиналы хранились в сундуках третьего отделения.

В тех же бумагах, которые господин Филиппеус не пропустил когда-то в печать, а сохранил в архиве третьего отделения, и обнаружили современные историки тайну происхождения фамилии Бовиных. Документы были опубликованы сравнительно недавно в нью-йоркском «Новом журнале» — скорее всего в связи с назначением одного из отпрысков рода первым послом России в Израиле.

2. ЛИНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Как известно, Пётр Первый являлся бисексуальным гигантом. Придворных дам он рассматривал как совокупный царский гарем, с некоей отличительной особенностью: в отличие от повелителя правозверных, повелитель православных представлял своих дам в пользование мужчинам своего двора на правах их законных и незаконных жён на то время, когда дамы были не нужны самому любвеобильному «Минхеру Питеру».

То же, если верить Долгорукому, относится и к красивым мальчикам: знаменитые денщики государя — светлейший князь и герцог Ижорский Александр Меншиков, генерал-прокурор правительствующего сената Ягужинский, генерал-поручик Румянцев и отец великого полководца, генерал-аншеф из армии Василий Суворов начали свою службу не с военного поприща, а с постели патрона.

Но, конечно, состязаться с дамами в сём виде услуг они никак не могли. Нашим читателям, конечно, известны имена Анны Монс, г-жи Гамильтон (от неё произошли все Хомутовы), которой суровый любовник отрубил голову и поцеловал в мёртвые уста (см. Стихи

Андрея Вознесенского), и, конечно, имя Марты Рабе, ставшей первой русской императрицей Екатериной Первой.

Меньше известно, что внезапное возвышение некоторых дворянских фамилий объясняется тем, что их отпрыски, носившие старинное имя, вышли на самом деле из семени государя. Так, возвышение Мусиных-Пушкиных, а не просто Пушкиных («Я просто Пушкин, не Мусин», не случайно оговорил поэт в «Моей родословной») легко объяснить прозвищем, данным Петром наследнику своего министра юстиции: он назвал его: «Мойсын-Пушкин». Строгановы, бывшие в XVI-XVII веках всего лишь богатыми пермскими купцами, вдруг сделались сиятельнейшими графами — и всё благодаря сексуальным заслугам неутомимой в сём виде «службы царской» г-жи Строгановой. Румянцевы из провинциальных дворян сделались столичными графами: «князь-бегемот», например, был убеждён, что знаменитый полководец Румянцев-Задунайский — незаконный сын великого государя.

...Про исток рода Бовиных Пётр Александрович Долгорукий повествует так:

«Государь-император был человеком большого великодушия и справедливости, не мог он терпеть женского горя. Однажды на ассамблее, когда гости уже все попали в плен к Бахусу, государь заметил, что младшая дочь вице-канцлера барона Шафирова сидит на царском пиру пригорюнившись. Девушка была толстая, коротконогая, с крючковатым носом и чёрными глазами — зело похожая на полоцких жидаков, от коих её отец Шафиров и вёл род. Охотников на неё не находилось, хотя вице-канцлер был у государя в большом фаворе. Пётр Алексеевич задумался, смахнул чарку любимого вина «эрмитаж» и с чувством произнёс: «Белка, Белка, не могу смотреть, как ты через девическую честь свою страдаешь», — и тут же на канapé, перед глазами верных своих слуг, избавил девушку от надоевшей девичьей обузы. После чего выдал замуж за лейтенанта флота, сына знаменитого дьяка-дипломата Возницына, пожаловав их наследнику большое имение под Шкловом с двумя тысячами крепостных.

В царствование Анны Иоанновны (возможно, под влиянием еврейских родственников жены) этот Возницын прошел гиюр, был в том уличён и сожжён в 1738 году на костре (вместе со своим наставником евреем Борухом Лейбовым).

Внучка Возницыных сошлась с генералом Зоричем, фаворитом Екатерины Второй, сосланным в шкловский край. Их незаконные дети были отданы на воспитание в семью местных раввинов — так возникла известная фамилия Шкловских. Один из её отпрысков стал в XX веке крупнейшим физиком, другой — анархистом, третий — известным эсером и литературоведом, за что и приговорён М.Булгаковым к образу Шполянского в романе «Белая гвардия». Что же касается Маргариты, то Рита Шкловская, руководящая иерусалимским из-

дательством «Библиотека Алия», и в чертах лица обнаруживает весьма заметное сходство с послом России.

3. ЛИНИЯ ОНОРЕ ДЕ-БАЛЬЗАКА

Как известно, Бальзак женился в Бердичеве на польской графине Эвелине Ганской. Вскоре после смерти писателя его вдова родила в Париже дочку Жермену. Вернувшись на родину своей матери, Жермена вышла замуж за одного из Шкловских. Их сын и дал начало фамилии Бовиных.

Семейное предание гласит, что мальчик был невероятно смел и ходил в местный лес с ружьишком охотиться на волков. Мужики прозвали смелого паньча Бовой-королевичем — по имени героя старинного французского рыцарского романа, ставшего позднее персонажем русских народных легенд.

Повзрослев, Роман-Бова увлёкся духовным поприщем. Он женился на дочери местного священника, родил нескольких детей и унаследовал приход тестя. Илья Ефимович Репин был покорён колоритной наружностью шкловского архидьякона и изобразил его на своём знаменитом портрете.

Читатели, надеюсь, простят мне умолчание о дальнейших перипетиях семьи священников Бовиных: во избежание дипломатических недоразумений между великими ближневосточными державами и из желания соблудности необходимый политес, «о том, что было дале, мы лучше помолчим». Предоставим лучше слово тому, кого в его благородной деятельности не могут не вдохновлять образы его великих предков, — послу России в Израиле его превосходительству г-ну А.Е.Бовину.

4. КТО УНАСЛЕДУЕТ ЦАРСКИЙ ТРОН?

— Господин посол, в связи с реформами в вашей стране не думаете ли вы о восстановлении монархии Романовых в качестве символа единства нации?

— Нет комментариев.

— Господин посол, если такая возможность вдруг возникнет, собираетесь ли вы претендовать на престол вашего великого предка?

— Мне известно, что история с девушкой на ассамблее действительно произошла. Я, однако, не имею на руках документального подтверждения, что она произошла именно с моей прабабкой. А без этого трудно предъявить народу мои несомненные наследственные права.

— Не думаете ли вы, что еврейское происхождение Беллы Шафировой может помешать вам в осуществлении ваших законных прав?

— Павел Первый говорил: в моей стране сильный человек лишь тот, с кем я говорю, и только в то время, пока я с ним говорю. Сын вашего национального героя Менделя Крика сказал: «Когда еврей садится на коня, он уже не еврей, а русский». Эрго: если великий государь осчастливил бедную еврейскую девушку лишением невинности, она перестаёт быть еврейкой и становится русской. Таково

мнение моего народа. Следовательно, я имею законные права, если только удастся доказать, что случай на ассамблее произошел с моей прабабушкой! Во всяком случае, прав у меня никак не меньше, чем у так называемых Романовых, которые на деле есть боковая ветвь династии Голштейн—Готторпов.

— Ваш литературный талант, так ярко проявившийся на страницах «Известий», унаследован от французских предков?

— Мой учитель в политическом искусстве Юрий Владимирович Андропов говорил, что я чем-то напоминаю ему Бальзака.

— Позвольте, Ваше превосходительство, пожелать «Окнам» сменить обращение к вам с Вашего превосходительства на Ваше Величество. Надеюсь, и в сиянии славы вы не забудете, что именно израильская газета первой предсказала ваше удивительное будущее.

— Соболаговоляем воздержаться от комментариев».

Вот такую — спасибо Мише Хейфецу! — соорудили штуковину. Свою порцию первоапрельских баек получил и посол Украины. На всякий, видимо, случай редакция «Окон» натянула страховочную сетку. В виде следующего текста: «Мы приносим благодарность послам России и Украины, давшим своё согласие на мистификацию. Оба посла наделены большим чувством юмора, в чём мы убедились, рассказав им по телефону о том, какую задумали проказу. Послы смеялись. А поскольку все вы знаете, в какие нелёгкие для них дни мы с послами беседовали, то сможете по достоинству оценить реакцию послов. Всё же мы считаем своим долгом добавить к этому вступлению: родословная Александра Евгеньевича Бовина — шутка¹ и ничего общего с подлинной родословной посла не имеет. Разумеется, никаких интервью по этому вопросу он нам не давал». Прочитав этот текст, я даже соблагОВОЛИЛ немного загрустить. Если «проказа» требует комментариев, с аудиторией не всё в порядке¹...

.....
Прибыла делегация из Самары. В Самаре — одна из наиболее, как мне представляется, организованных и деятельных еврейских общин в России. Поговорить было о чём. В частности об организации прямых авиарейсов Самара — Тель-Авив. В принципе израильтяне (компания «Эл Ал») не была в восторге от этой идеи. Поскольку такие рейсы, — их должны были совершать самарские авиаторы, — отнимали пассажиров, а значит — и доходы у израильской авиакомпания. Однако кроме коммерции есть ещё и политика. А политика в данном случае работала на Россию. Самара стала летать. За ней — Пятигорск, Екате-

¹ Бывают «хохмы» и иного рода. 1 апреля 1997 года египетский еженедельник сообщил, что «палестинская героиня» бросила гранату в Нетаньяху и Шарона, которых «разнесло в клочья». «1,2 миллиарда мусульман и сторонники мира в Израиле выразили удовлетворение по поводу убийства. И лишь кучка экстремистов из Ликуда его осудила». Пошутили...

ринбург. По мере своих возможностей посольство способствовало российскому проникновению в израильское небо.

Должен покаяться. Больше всего я лично хлопотал о прямых рейсах из Ростова-на-Дону. Мотивы вполне корыстные. Моя родная сестра, которая жила в Ростове, время от времени посылала с оказией великолепных ростовских раков. И хотя они очень, ну очень некошерные, не все мои израильские друзья обращали на это внимание.

.....
В посольстве исподволь начиналась подготовка визита Рабина в Москву. «Исподволь», потому что, хотя сама идея, сама необходимость визита ни у кого не вызывали сомнений, дата визита всё время отодвигалась, как отодвигается горизонт при приближении к нему. Так что мы делали заготовки впрок.

Общий подход состоял вот в чём. Визит Рабина призван завершить в основном создание договорно-правовой базы российско-израильских отношений и, тем самым, подытожить нормализацию этих отношений в полном объёме. Что дальше? Возможны два варианта. Первый — количественный. Нарастивать элементы сотрудничества, не выходя из сложившейся модели отношений. Второй — качественный. Перевести отношения между Россией и Израилем в плоскость политического партнёрства. Мне казалось, что интересам России отвечает второй вариант.

Интересы России — с расчётом на перспективу — можно суммировать по ряду направлений.

На глобальном уровне мы заинтересованы в использовании международного влияния и возможностей Израиля (равно как и еврейского лобби) на политических «рынках» третьих стран.

На региональных уровнях, особенно — на восточном направлении обозначается обоюдная заинтересованность в том, чтобы избежать дестабилизирующего воздействия политического радикализма и экстремизма, в частности — в форме исламского фундаментализма.

Израильяне энергично налаживают отношения с нашим «ближним зарубежьем». Очевидно, что продвинутые отношения с Израилем позволят нам избежать неприятных сюрпризов.

Израиль, несомненно, будет контактировать с еврейской общиной, сохраняющейся в России. России, несомненно, следует поддерживать хорошие отношения с «русской алией». Пересечение этих плоскостей требует внимания и осторожности.

Конечно, для Израиля по-прежнему приоритетна опора на США как гаранта безопасности. Однако концепция односторонней ориентации начинает подвергаться эрозии. Израильяне беспокоит усиление Европы, а в Европе — Германии, особенно на фоне «проарабских» и «антиизраильских» симптомов в европейской политике. Россия начинает просматриваться как возможный балансир этим переменам.

Израильтяне заинтересованы в диалоге с нами относительно пугающего их усиления Ирана. Они хотели бы использовать наши связи в арабском мире для подталкивания мирного процесса.

Обращает на себя внимание и зондаж по поводу военно-технического сотрудничества.

Таким образом, существует широкая сфера пересекающихся интересов двух стран. А значит и реальная основа для перевода наших отношений на уровень политического партнёрства. Главная цель такого партнёрства — взаимодействие в вопросах обеспечения международной и региональной безопасности, координация политики на этом поле с учётом интересов каждой из сторон.

Посольство предлагало этот тезис как главный для переговоров с Рабиным.

Мы тогда не знали, что до переговоров пройдёт ещё год. Не знали мы и того, что традиционное недоверие к Израилю, помноженное на растущую слабость России, на дисквалификацию политической «элиты», сделает непроходными идеи, которые требуют нетривиальных решений. Не знали, хотя в общем-то должны были знать.

Бои местного значения разгорелись вокруг сметы посольства. Суть дела проста. МИД бедствовал. Поэтому смету урезали. Мы же, зарабатывая «живые» деньги, пытались расширить свои финансовые возможности. У меня сохранилось письмо, которое писано начальнику Валютно-финансового управления Чулкову.

«Уважаемый Юрий Александрович!

Вынужден обратиться к Вам по вопросу первостепенной важности. Речь идёт о смете на 1993 год.

В основу расходной части сметы положены фактические расходы 1992 года. Но такая процедура, как мне представляется, никак не может рассматриваться как корректная. 1992 год не является типичным, «средним» годом. Посольство только начало работу. Не было штатов, не было здания, мало было машин, почти не проводились представительские мероприятия.

Только теперь жизнь входит в нормальную колею. Выросло и продолжает расти число сотрудников, что не может не вызвать рост расходов на наём жилых помещений, медицинскую помощь и обучение. Арендовано здание, которое нуждается в солидном дооборудовании. Увеличен парк машин.

У посольства сложились и развиваются обширные связи с израильской элитой. С другой стороны, Израиль буквально стал местом паломничества многочисленных делегаций. Это требует значительных представительских расходов.

Но все эти обстоятельства, вытекающие из характера нашей работы, почему-то не приняты во внимание. Ни копейки не выделено на

приобретение оборудования и инвентаря. Резко сокращены — по сравнению с нашим проектом — расходы на наём и содержание жилых помещений, обучение детей, изучение иностранных языков, медицинскую помощь. На треть уменьшены представительские.

Сотрудники ВФУ закладывают в смету рост доходов. На каком основании? В Израиле уже действуют посольства Украины и Белоруссии, консульство Узбекистана; скоро появятся представительства других стран «ближнего зарубежья». Это существенно сокращает наш контингент, а значит — и доходы.

Разумеется, мы будем стараться компенсировать негативные факторы, вертеться с большей скоростью. Но для этого потребуется, — в частности и в особенности, — компьютеризация консульской работы. Значит, надо купить компьютеры, заплатить бригаде московских «внедрителей» и т. п. Логика проста: если мы не хотим слишком большого падения доходов, нужны новые расходы. Не замечая этого, смета-93 фактически планирует не рост, а падение доходов.

Такие вот дела.

Очень прошу Вас, Юрий Александрович, поручить своим сотрудникам ещё раз вернуться к смете и взвесить те обстоятельства, о которых я пишу. Тем более, как Вы понимаете, мы пока ещё держимся и не просим ни одной копейки из бюджета.

Прошу извинить за беспокойство».

Жет у меня не сохранился. Да, наверное, его и не было. Конечно же, Чулков всё понимал. Но мог далеко не всё. Перетягивание каната продолжалось каждый год. С суммарным счётом всё-таки в пользу посольства. Иногда и кое-что приходилось нарушать, но это входило в неписанные правила валютно-финансовой игры. Правила эти — под руководством бухгалтера, а нередко и вопреки ему — я постепенно освоил. Финансы не пели романсы. Жаль только времени и нервов, которые поглощала вся эта суета. Ненужная для дипломатии, но очень нужная для дипломатов, для работников посольства.

.....
Ещё одна область очень нужной суеты, связанной с финансами, это медицина, медицинское обслуживание сотрудников.

Можно было бы «выписать» из Москвы врача. Но, по моему разумению, толку от такого универсала было бы мало. Разве что дать совет и выписать рецепт. Всё равно в каждом сколько-нибудь не тривиальном случае пришлось бы обращаться к специалистам.

На эти цели посольство могло тратить 4% от фонда заработной платы. Сотрудник шел в поликлинику, приносил счёт, и наша медицинская комиссия этот счёт, как правило, оплачивала.

Но для «диких» посетителей, то есть не охваченных медицинской страховкой, специалисты в Израиле стоят достаточно дорого. Визит к врачу — примерно 150-200 шекелей (по тем временам 1 шекель

равнялся 0,41 доллара). Один день госпитализации — не менее 1500 шекелей. Поэтому все израильтяне (равно и проживающие в стране иностранцы, включая сотрудников посольств) страхуются через систему больничных касс. Практически дело обстоит так. Надо выбрать кассу с подходящим для вас набором медицинских услуг и подходящей ценой. Заключается договор. Страховой платёж, допустим, 250 шекелей в месяц на семью. А дальше медицинское обслуживание независимо от стоимости лечения производится за счёт больницы кассы.

Когда мы говорили, что у нас нет медицинской страховки, израильтяне смотрели на нас, как на сумасшедших. К сожалению, наших четырёх процентов не хватало на то, чтобы застраховать всех. Посольство могло взять на себя какую-то часть страховых взносов, другая часть приходилась на долю сотрудника. Собирали собрания, обсуждали. Но тут срабатывала железная логика: деньги отдам, а вдруг не заболею.

Началась длительная переписка с тем же Валютно-финансовым управлением. Посольство предлагало такой вариант. Поскольку от врача мы отказались, то на этом экономится довольно большая сумма (зарплата + стоимость квартиры + приобретение инвентаря, медицинского оборудования и др.). Поэтому было бы логично разрешить посольству истратить эту сумму на медицинскую страховку. Но тут, как говорится, нашла коса на камень. ВФУ просто не отвечало на наши жалобные послания.

В конце концов после долгих препирательств мы всё-таки застраховались по минимуму — для вызова скорой помощи. Причём, «русской» скорой помощи, которая, в отличие от обычной, израильской, не только отвозила заболевшего в больницу, но действительно оказывала первую медицинскую помощь.

Когда в Израиле появился настоящий посол, появился и врач. Но проблема страховки так, кажется, не решена и до сих пор...

.....
Весь апрель шла интенсивная подготовка к возобновлению переговоров, застопорившихся в результате декабрьской депортации. Зеленый свет IX туру дала встреча Рабина с Мубараком, состоявшаяся в Исламилии 14 апреля. Точнее, этот свет дал Мубарак, настойчиво посоветовавший Арафату кончить волюнку.

На следующий день я побывал у Э.Рубинштейна, который возглавлял израильскую делегацию на переговорах с объединённой иорданопалестинской делегацией. Арафат, заметил Рубинштейн, зря считает, что делает нам одолжение, соглашаясь вернуться на переговоры. Развязки нужны прежде всего Арафату, так как затягивание переговоров работает против него, работает на экстремистов. Палестинцам, продолжал Рубинштейн, пора настраиваться на деловой лад. Кроме разме-

жевания территорий есть масса функциональных проблем (водопользование, налогообложение, транспортные артерии, полицейские структуры и т.п.). Каждая из них нуждается в основательной проработке сначала на экспертном уровне. Россия могла бы существенно помочь прогрессу на переговорах, «подтолкнув» палестинцев перейти от пропагандистских заявлений к конкретным разговорам.

Через несколько дней встретился с одним из ведущих ликудовцев **Моше Аренсом**, бывшим и будущим министром обороны. Он мыслил в другой системе координат. Устойчивый мир возможен лишь тогда, когда в арабских странах установятся демократические режимы. Так что переговоры займут десятилетия. За это время вырастет новое поколение политиков, свободных от предубеждений, от подозрительности и вражды.

Не уверен насчёт Рубинштейна, но Аренс точно не знал тогда, что уже несколько месяцев в страшной тайне в Норвегии ведутся деловые, весьма обстоятельные и конкретные переговоры между доверенными лицами Арафата, с одной стороны, и Переса (Рабина), — с другой. Именно эти переговоры, как мы увидим позже, привели к прорыву. Кстати, мне тоже не полагалось знать о встречах в Осло, но кто-то, не помню уж кто, посвятил меня в эту тайну...

Коснувшись злобы дня, Аренс выразил уверенность, что «энергичный молодой политик» Нетаньяху в недалёком будущем обязательно станет премьер-министром Израиля. «Биби для меня как сын», — заметил Аренс и рассказал о том, как он участвовал в формировании облика нового лидера Ликуда.

Интересно, что министр экономики и науки **Шимон Шитрит**, с которым я беседовал в эти же дни, охарактеризовал Нетаньяху как «неглубокого» и «несерьёзного» человека. «Биби» неспособен систематически работать, он чувствует себя увереннее в экстремальных ситуациях. Поэтому он может стать главой правительства лишь в условиях политической или социально-экономической дестабилизации.

Как это ни странно, и Аренс, и Шитрит оказались, как выяснится позже, правы...

У Шитрита своё видение палестинской проблемы. Его беспокоит то, что 150 тысяч рабочих, которые приезжают с территорий и работают за гроши, тормозят развитие, модернизацию израильской экономики. Шитрит надеется к концу этого года сократить число палестинских рабочих до 60 тысяч, а к концу 1994 года вообще не прибегать к их услугам. Министр понимал, что это приведёт к резкому падению уровня жизни на территориях. Выход из положения — создание при участии израильских рабочих мест на территориях. Шитриту не удалось реализовать свой план. Он вышел «рано, до звезды»...

Тема палестинцев, тема территорий были продолжены, когда посольство посетила делегация **Совета поселений**, объединяющего ев-

рейских поселенцев на Западном берегу, на Голанах и в секторе Газы. Они были подкованы на все четыре ноги. Во-первых, сказали они, не надо делать культ из права наций на самоопределение. Если все нации, народы, этносы, которые хотят самоопределиться, создать свои государства, добьются этого, мир рухнет, развалится, погрузится в пучину беспрерывных войн. Россия, страна десятков этносов, должна быть особенно чувствительна к такой перспективе. Во-вторых, кто сказал, что надо обязательно отдавать территории, захваченные в результате войны? Россия захватила Кенигсберг, и что-то не похоже, что она собирается с ним расстаться. А ведь для Израиля Голаны имеют несравнимо большее значение, чем Калининград для России.

Если по первому пункту я наскрёб с грехом пополам контраргументы, то по второму — хоть шаром покати... Ведь мы, действительно, аннексировали Кенигсберг и, действительно, не считаем эту аннексию противоправной¹.

.....
Упоминавшаяся беседа с Рубинштейном имела ещё одно измерение. Подчеркнув, что он выступает в официальном качестве секретаря правительства Израиля, Рубинштейн передал мне (устно) обращение израильского руководства к правительству России. **Речь шла об антисемитизме в России.**

В Израиле встревожены ходом судебного разбирательства по иску общества «Память» к «Еврейской газете». Обсуждающиеся судом вопросы, — говорил Рубинштейн, — классический образец антисемитской пропаганды, отмечавшейся уже в иные эпохи и в иных странах. Дебаты вокруг данных тем не делают чести их инициаторам. Хотя суд есть суд, и израильское руководство никоим образом не хотело бы создать впечатление, что пытается как-то воздействовать на ход процесса.

Тем не менее здесь не могут и не хотят скрывать свою обеспокоенность опасностью антисемитизма в России. Суд, — отметил Рубинштейн, — это лишь частный случай, который, однако, может иметь крайне серьёзные последствия, если он будет способствовать разжиганию ненависти к еврейскому народу.

Мы надеемся, — заявил Рубинштейн, — что результат суда будет другим². Но и сегодня, как полагает израильское руководство, российское правительство не вправе молчать. В Израиле рассчитывают,

¹ Понадобилась Чечня, чтобы разрушить мои контраргументы «по первому пункту».

² Напомню суть дела. «Память» предъявила иск к «Еврейской газете» и потребовала, чтобы газета выплатила «Памяти» 20 млн. рублей за то, что газета назвала «антисемитским актом» распространение «Памятью» «Протоколов сионских мудрецов». После 11-месячных рассмотрений иск был отклонён. 26 ноября 1993 года суд решил: «Протоколы» — фальшивка и поэтому их распространение — антисемитское действие.

что прозвучит голос представителя российского государства с осуждением попыток сеять антисемитскую пропаганду.

Поверьте, — заключил Рубинштейн, — то, что я вам говорю, не доставляет мне радости.

Поверьте, — ответил я, — мне не доставляет радости слушать то, что вы мне говорите.

Просил Рубинштейна учесть ряд обстоятельств.

С государственным антисемитизмом покончено окончательно и бесповоротно.

Правительство негативно относится к антисемитизму в любых его проявлениях.

В России существуют политические движения, политические силы, проповедующие антисемитизм и опирающиеся на определённые слои населения. Века российского антисемитизма и десятилетия антисемитизма советского породили традицию, которая цепко держится за жизнь.

Правительство могло бы активнее противодействовать антисемитским проявлениям, но мешают, с одной стороны, отсутствие опыта, практики борьбы с антисемитизмом, а с другой, — нежелание открывать новые фронты и в без того сложной обстановке.

Я выразил уверенность, что несмотря на возможные зигзаги локального характера масштабы антисемитизма в России не превысят мировую «норму».

Направляя в МИД информацию о беседе с Рубинштейном, посольство обращало внимание на то, что нам никуда не уйти от темы антисемитизма в двусторонних отношениях. Темы специфической, деликатной и в то же время требующей от российских властей решительных действий политической, правовой и иной направленности. Отсутствие внимания к такого рода вещам не идёт на пользу нашим отношениям с Израилем, не говоря уже о том, что это принципиально неверно. В этой связи предлагалось найти возможность должным образом отреагировать на выраженную израильянами озабоченность.

У меня не сохранилась ни в бумагах, ни в памяти наша реакция. Наверное, она была. Но сомневаюсь, что «должным образом».

С тех пор прошло более шести лет, но тема антисемитизма не стала менее актуальной. Есть смысл поговорить на эту тему.

16 июня 1997 года. В московском Доме журналистов идёт встреча российских и иностранных журналистов, посвящённая событиям вокруг Косово. Солидная дама раздаёт присутствующим газету «Мир славянства» (издание секретариата международного Союза славянских журналистов). Обращаю внимание на материал под названием «Удар по славянскому генофонду». Читаю: «В геополитических планах идеологов теории «золотого миллиарда человечества» славянство вычеркнуто из списка народов, имеющих право на место под солнцем». Воздрагиваю (славянин всё же!), но читаю дальше: «Славянская цивилиза-

ция должна быть стёрта с лица земли всеми возможными для этого способами, как носитель идей разумного мироустройства и равноправия всех народов планеты. Для уничтожения славян уже предпринят целый ряд разнообразных действий. К примеру, осуществлено разобщение славян по конфессиональному признаку и через финансовые подкаты тем, кто заявил об отказе от славянской идеи и о размежевании со славянским миром». Далее уже напуганному славянину сообщается, что «медленные механизмы изживания славян» не устраивают «золотой миллиард», и поэтому он ввёл в действие «более быстрые механизмы». Один из таких механизмов — «стимуляция ускоренного биологического вымирания славян». Запуск этого механизма произошел в 1986 году «посредством взрыва Чернобыльской АЭС». А югославские события — «второй акт этой изуверской трагедии».

Я огласил вышеприведённый текст и выразил сомнение, что проблему Косово можно обсуждать на такой методологической основе. Дама решительно возражала. Когда она, минуя козни ЦРУ, сразу заговорила о «невидимой руке», которая управляет миром, всё начало становиться на свои места. Когда же была упомянута «рука Ротшильда», точка над «i» была поставлена. Славянам угрожали «мировая закулиса», глобальный жидо-масонский заговор. Срочно требовались генерал Макашов и «батька Кондрат»...

У борцов с «жидо-масонским заговором» любопытный послужной список. В нём значится Гитлер, который напал на Советский Союз, дабы сорвать «заговор еврейско-англо-саксонских поджигателей войны». Правда, для спасения мира от очередного варианта «жидо-масонского заговора» фюрер настаивал не только на «окончательном решении» еврейского вопроса, но и на уничтожении 50-ти миллионов славян. Но это уже детали.

В этом списке мы находим и авторов так называемых «Протоколов сионских мудрецов». «Протоколы», как известно, были составлены в недрах царской охранки и положены на стол Николая II именно для того, чтобы защитить царя от тлетворного влияния «жидо-масонов». Сначала самодержец был в восторге. «Какая глубина мысли!» — на чертал он на полях предложенной ему книги. Однако, когда Столыпин доложил, что «Протоколы» — чистейшая липа, царь воспротивился их использованию для «борьбы с революционерами и евреями». Царская резолюция гласила: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами»¹. Потом царя ругали за то, что его чистоплюйство отдало Россию под власть «жидо-масонов».

¹ «Чистое дело» — это, разумеется, дело антисемитское. Тут у Николая Александровича было хорошее наследство. После Варшавского погрома Александр III выговаривал генерал-губернатору Гурко: «Сердце моё радуется, когда бьют евреев, но позволять этого ни в коем случае не следует». Вот так и Николаю II пришлось смирять своё сердце... Пачкаться не хотелось.

Впрочем, не везло «жидо-масонам». Масонов стали сажать сразу же. «Жидов» отлучил от власти Сталин¹. Несколько десятилетий в Советском Союзе в той или иной форме, с той или иной степенью жёсткости проводилась политика государственного антисемитизма. Но, во-первых, в этом никогда не признавались — антисемитизм всенародно осуждался. А, во-вторых, была проведена своеобразная «черта оседлости» — евреи могли более-менее свободно «селиться» в областях культуры и науки.

Перестройка покончила с антисемитизмом, который насаждался сверху. И одновременно создала условия (свобода!) для пробуждения, реанимации наглого, шумного антисемитизма, так сказать, «низового», характерного для люмпенизированной, маргинальной части общества, а также для части политиков, чей умственный потолок не может подняться выше «заговора» — неважно, заговора ЦРУ, заговора Мосада или того же «жидо-масонского». Слышу возглас: «А Шафаревич?» Отвечаю: Шафаревич — постыдное для русской, российской, советской интеллигенции исключение. Для любого порядочного человека.

Поводом для многочисленных антисемитских упражнений служит заметное появление евреев на вершинах бизнеса, во власти и рядом с властью. Такой повод, действительно, существует, но его обсуждение выходит за рамки моих заметок. Мне бы хотелось подчеркнуть другое: указанный повод мог сработать, вызвать беспокойство и пересуды, стать источником политических призывов и действий только потому, что он накладывается на прочные, глубинные антисемитские традиции. А они, к сожалению, продолжают отравлять атмосферу и в России, и во всём мире.

«Антисемитизм невозможно объяснить с помощью обычной человеческой логики», — утверждал Жан-Поль Сартр. И всё-таки, поскольку другой, не человеческой логики просто нет, приходится ею пользоваться.

Скорее всего, Сартр хотел сказать, что антисемитизм часто иррационален: «Не люблю жидов, и всё тут!». Трудно спорить. Однако за этой внешней, лежащей на поверхности иррациональностью скрываются мощные и вполне рациональные глубинные слои, в которых спрессованы предрассудки десятков поколений.

Антисемитизм возник в древности. Возник как реакция на «вездесущность» и непохожесть евреев. «Еврейское племя, — писал Страбон, — сумело уже проникнуть во все государства, и нелегко найти такое место во всей вселенной, которое это племя не заняло бы и не

¹ Не повезло и Сталину. Кубанские «патриоты» вывели его на чистую воду. «Семья Джугашвили, христианского вероисповедания, происходит от горских евреев Кавказа, обращённых в христианство в начале XIX века... Отец Като (матери Сталина) был евреем-старьевщиком в Кутаиси» (Г. Климов. Красные протоколы. «Кубань», 1992, стр. 117).

подчинило бы своей власти». Мало того, что они были везде и вокруг. Они были другими. В языческом мире, в мире многобожия они исповедовали веру в одного Бога, в Бога, которого нельзя изобразить — нарисовать или изваять. Евреи были «чужими», они были не такими, как все, и не хотели быть, как все. «Всё, что мы почитаем, они отвергают, зато всё, что у нас считается нечистым, им разрешено», — чётко сформулировал Тацит.

Евреи породили христианство. И вместе с ним — в лице христианской Церкви — своего векового врага и гонителя. Христианский антисемитизм, — всячески затуманивая тот факт, что первые христиане были своего рода диссидентами иудаизма, что и Иисус, и апостолы были евреями, что Библия написана евреями, — закрепил в сознании миллионов образ еврея как богоубийцы. «Евреи распяли Христа!», и посему этот богомерзкий народ сам обрёл себя на страдания и унижения. Понадобилось почти два тысячелетия, чтобы Ватикан отказался от теологического антисемитизма¹. Русской православной церкви это ещё предстоит сделать...

В средние века над христианским фундаментом антисемитизма надстраивается антисемитизм экономический. Еврейская диаспора, опираясь на свой опыт, активно вторгается в торговлю и финансы. Фигура ростовщика становится, как теперь говорят, знаковой. Шекспировский Шейлок — знамение тех времён. Или, точнее, знамение того, как христианский мир воспринимал тогда евреев. И не только тогда. Становление капитализма закрепило миф о евреях как безжалостных дельцах. Шейлока сменил Ротшильд. Но изменилось и мироощущение эпохи. Послушаем знаменитого русского философа В.С.Соловьёва: «Беда не в евреях и не в деньгах, а в господстве, всевластии денег, а это всевластие денег создано не евреями. Не евреи поставили целью своей экономической деятельности — наживу и обогащение, не евреи отделили экономическую область от религиозно-нравственной. Просвещённая Европа установила в социальной экономике безбожные и бесчеловечные принципы, а потом пеняет на евреев за то, что они следуют этим принципам. Дела евреев не хуже наших дел, и не нам обвинять их».

Новое время, с одной стороны, создавало условия для выхода евреев из всевозможных гетто, для их равноправного участия в граж-

¹ Папа Иоанн XXIII специальной буллой «О евреях и других нехристианских народах» положил конец преследованиям евреев со стороны католической церкви. Папа написал молитву, обращённую к Иисусу Христу: «Мы осознаём теперь, что много-много веков слепоты поразили наши очи, так что мы не созерцали красоты Тобой избранного народа и не узнавали в лицах их черт нашего брата-первенца. Мы осознаём, что чело наше заклеяно Каиновой печатью. Столетия пролежал Авель в крови и слезах, ибо забыли мы про любовь к Тебе. Прости нас за то, что своим прегрешением мы во второй раз распяли Тебя».

данской жизни, а с другой, — вызвало к жизни расовые теории, которые отнесли евреев (негров, славян, цыган и т.п., и т.д.) к низшим расам. Антисемитизм на расовой основе культивировался в фашистской Германии¹ и завершился Катастрофой европейского еврейства, уничтожением 6 миллионов евреев.

Разумеется, вышесказанное — лишь приблизительная, примитивная схема. Реальная история антисемитизма гораздо сложнее, многограннее, запутаннее. Она меняется не только от эпохи к эпохе, но и от страны к стране.

Россия не отставала от «цивилизованного мира». В 1563 году, когда Иван Грозный взял Полоцк, местные купцы стали жаловаться царю на конкуренцию купцов еврейских. Царь был крут: «евреев на мост собрать и в воду метать, и утопить». Но в полном объёме Россия получила «еврейский вопрос» вместе с Польшей и правобережной Украиной. Российским ответом на этот вопрос стала «черта оседлости», вне которой евреям, по общему правилу, жить не позволялось. Государственный антисемитизм, то есть зачисление евреев в разряд подданных второго сорта, был официальной политикой царской власти. К.П. Победоносцев (обер-прокурор Синода, нечто вроде Суслова при Александре III), оправдывая погромы, защищая курс на притеснение евреев, видел его смысл в том, что треть евреев уедет из России, треть крестится и треть вымрет. И «еврейский вопрос» будет решён.

Власть и тогда позорила Россию. Честь России спасала интеллигенция. Заслуживают внимания две аксиомы Владимира Галактионовича Короленко:

1. «Ни один человек не должен отвечать за то, что он родился от тех, а не от других родителей».

2. «Никто не должен нести наказание за свою веру, потому что верность религии, пока человек не убеждён в её ошибочности, есть достоинство, а не порок».

А вот мысль Льва Толстого: «...Нравственное учение евреев и практика их жизни стоят без сравнения выше нравственного учения и практики жизни нашего quasi-христианского общества». Евреи, добавлял Толстой, делают лучше то, что хотелось бы делать quasi-христианам, и поэтому quasi-христиане завидуют им и ненавидят их.

¹ Гитлер ещё на заре своей политической деятельности (в 1919 году) писал: «Иудаизм — несомненно раса, а не религия. Еврей, живущий среди чужого народа, воспринимает только его язык... Деятельность евреев ведёт к деградации наций, среди которых они живут. Отсюда вытекает следующий вывод: антисемитизм, носящий чисто эмоциональный характер, находит своё выражение в погромах... Но антисемитизм рациональный должен принять формы законной борьбы, конечной целью которой должна быть несомненно тотальная депортация евреев». Через два десятилетия тотальной депортации оказалось недостаточно, перешли к тотальному уничтожению.

Рассказывают, что в 1903 году Теодор Герцль, лидер мирового сионизма приехал в Петербург знакомить царских министров с тем, что такое сионизм. Долго беседовал с министром финансов С.Ю.Витте. Герцль просил, чтобы правительство оказывало «некоторое поощрение» евреям. «Но мы поощряем евреев, — отвечал Витте. — Поощряем эмигрировать. Пинком ноги в зад, например».

Победа сионизма, образование Государства Израиль, действовали на антисемитов, как красная тряпка на быка. Антисемитизм (теперь уже — антисиионизм) стал одним из ключевых направлений внешней политики арабского мира. Такую же линию вели Советский Союз и «социалистическое содружество». Фундаментальные социальные и геополитические подвиги конца XX века существенно изменили обстановку на Ближнем Востоке. Однако антисемитизм, антисиионизм остаются неперменным элементом идейно-политического ландшафта наших дней. В мире и в России.

События в России заставляли неоднократно возвращаться к этой больной, неприятной теме. Всё можно объяснить. История показывает, что в трудных, кризисных ситуациях происходят всплески антисемитизма. Ищут «козлов отпущения». И находят. Евреи, конечно. Или — «жидо-масоны». Объяснить это, повторяю, можно. Только очень стыдно. Стыдно за свою страну, в которой десятки организаций, десятки печатных изданий проповедают антисемитизм и в которой власти закрывают на это глаза.

Когда-то Соловьёв говорил, что антисемитизм — это «вопрос личной гигиены». Несколько по-иному выразила эту же мысль Галина Васильевна Старовойтова: «Нормальный человек должен стыдиться антисемитизма, как, скажем, наличия хвоста. Такой же атавизм...» Любопытная закономерность — таких людей практически нет среди тех, кто отстаивает реформы, кто борется за демократическую, либеральную Россию. «Хвостатые», дурно пахнущие люди в основном обитают на коммунистическом, «национально-патриотическом» фланге.

4 ноября 1998 года Государственная Дума отклонила постановление, осуждающее антисемитские действия и высказывания. 19 марта 1999 года Дума вновь отказалась осудить антисемитское поведение генерала Макашова. Как хорошо, думал я, что мне не придётся, объясняясь с израильянами, прикрывать наш позор обтекаемыми дипломатическими формулами. Не «еврейский вопрос» меня теперь беспокоит. Меня беспокоит вопрос русский. Вопрос о том, сумеем ли мы, русские, вместе со всеми россиянами, создать, наконец, такую Россию, в которой будет неприлично пожать руку антисемиту.

.....

Израиль — единственная страна на Земле, которая (по определению) свободна от антисемитизма. Но не свободна (тоже — по определению) от тревог за судьбы евреев в других странах. И не свободна

от исторической памяти еврейства. Поэтому каждый год здесь торжественно и скорбно отмечают **День памяти Катастрофы и героизма европейского еврейства**. Этот день приурочен к началу массового восстания в Варшавском гетто — 19 апреля 1943 года. А поскольку Израиль живёт по лунному календарю, то дата плавает по второй половине апреля. В этом году жертвы Катастрофы и герои Сопротивления вспоминались и поминались 17 апреля.

В Израиле говорят: «Йом ха-Шоа» (День Катастрофы). Вместе с тем всё чаще используется понятие «Холокост». Это греческое слово переводится как «всесожжение» или как «жертвоприношение с помощью огня». Впервые метафору «Холокост» употребил в 1963 году бывший узник Освенцима, а ныне лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель. С тех пор жёсткое, какое-то колючее на ощупь слово стало символом величайшей трагедии XX века, тотального народоубийства, унесшего жизни 6 миллионов евреев. Из них 2 миллиона были уничтожены на территории Советского Союза.

Иногда приходится слышать: ну что эти евреи носятся со своим Холокостом? Немцы убивали и русских, и поляков, — не перечислишь всех. Да, убивали... Но ликвидация евреев имела принципиально иной характер. Кто-то сказал: «Холокост — это наконецник на выструганной веками стреле антисемитизма». Вот именно. Холокост шел из тёмных глубин антисемитского, расистского сознания. Он был заранее задуманной, спланированной, рассчитанной до мелочей операцией. План «окончательного решения еврейского вопроса» (Endlösung) был принят в Берлине 20 января 1942 года на так называемой Ванзейской конференции. Он был рассчитан на 11 миллионов евреев. Началось строительство — с применением последнего слова немецкой техники — настоящих комбинатов, конвейеров смерти.

Гитлеровцы стремились наладить «безотходное производство». Вот, например, Циркуляр начальника группы Главного хозяйственного управления СС группенфюрера Рихарда Глюкса от 6 августа 1942 года «По вопросу об использовании срезанных волос». Циркуляр предписывал, чтобы все человеческие волосы, срезанные в концентрационных лагерях, нашли применение. «Из человеческих волос можно производить промышленный войлок или прясть нити. Расчёсанные волосы (женские) можно использовать в качестве материала для изготовления носков для экипажей подводных лодок и войлочных чулок для железнодорожников.

В связи с этим поручается после их санобработки организовать хранение волос заключённых женщин. Мужские волосы могут быть использованы только если они не короче 20 см.

Сведения о количестве волос, полученных за месяц, отдельно женских, отдельно мужских, должны передаваться пятого числа каждого месяца, начиная с 5 сентября 1942 года». Учёт и контроль!

Холокост, Катастрофа европейского еврейства — это и нравственная катастрофа всей «западной цивилизации», густо замешанной на антисемитизме. Не все принимают этот вывод. Угрызения совести мешают. «А, может, мальчика-то и не было?» В Германии не задаются этим вопросом. Брандт опустился на колени перед памятником героям и жертвам Варшавского гетто. Бундестаг принял в июне 1999 года решение соорудить недалеко от Бранденбургских ворот «Центральный национальный памятник» жертвам Холокоста. Чтобы лозунг «Больше никогда!» прочнее вошел в умы и кровь новых поколений немцев.

Вернёмся в Иерусалим. В торжественной церемонии, которая тщательно срежиссирована и проводится на территории Яд ва-Шема, официального мемориала в память о Катастрофе, участвуют президент, премьер, правительство, дипломатический корпус, а также весь «бомонд». Краткие речи, молитвы, фанфары, факелы. Почетный караул из солдат и солдаток.

Звучит военный оркестр. Великолепный хор исполняет песни Сопротивления. Тут для меня были сюрпризы. Слышу знакомую с детства мелодию на ещё более известные слова «Красный маршал Ворошилов, посмотри...» — а это, объясняет мне сосед, гимн еврейских партизан. Играют «Прощание славянки». Выясняется, что это — марш Палмаха. Так сказать, взаимопроникновение музыкальных культур.

Позднее я где-то вычитал, что в 1943 году находившийся в вильнюсском гетто Гирш Глик взял мелодию братьев Покрасс и написал к ней слова на идише. Так получился партизанский гимн.

В «Йом ха-Шоа» закрыты все увеселительные заведения. Приспущены государственные флаги. Две минуты звучат сирены — жизнь замирает.

Каждый год, находясь в Израиле, я присутствовал на процедуре в Яд ва-Шеме. И каждый раз мне было как-то не по себе. Ведь я вышел из того мира, который выстрелал стрелу антисемитизма, зажгёт огонь всеожжения...

После Холокоста среди евреев стали раздаваться голоса, что в пещах Освенцима вместе с евреями сгорел и еврейский Бог! Если Бог всемогущ, праведен и справедлив, как Он мог допустить Катастрофу своего, «богоизбранного», народа? Но Катастрофа была — значит нет Бога! Выход из этой теологической трудности был найден за пределами религии. Как известно, в Торе (Пятикнижии Моисея) содержится 613 заповедей. Философ Эмиль Факенхайм предложил добавить к ним 614-ю: «Не даровать Гитлеру посмертных побед». И эта «заповедь», в отличие от многих других, выполняется.

24 апреля посетил Фейсала Хусейни. Он был настроен довольно мрачно. Говорили о терроризме. Позиция Хусейни: в принципе ООП, Арафат

против терроризма. Но кроме политики есть психология. Террорист — это герой, погибающий за правое дело, за справедливые требования палестинского народа, которые отказывается признать Израиль.

Мой главный контраргумент: Арафат заявляет, что он против терроризма. Однако его действия, да и его слова, сказанные «не для печати», наводят на сомнения. Что же касается психологии, то её, действительно, надо учитывать. Убийства мирных жителей, детей, женщин, а именно они являются основными жертвами террора, поднимают волну возмущения против палестинцев, настраивают израильтян против каких-либо движений навстречу их требованиям.

Размышляя о терроре следует иметь в виду, что, с точки зрения исламского фундаментализма, территория, занимаемая Израилем, рассматривается как «земля войны», как земля, насильственно изъятая «неверными» из-под исламского законодательства, а потому подлежащая возврату посредством джихада. Буквально слово «джихад» означает «усердие, усилие». Но в современном словаре джихад — это священная война. Так воспитывают мусульман, так воспитывают палестинцев. К сожалению, Арафат и после начала переговоров, после того, как он официально отрестился от терроризма, выступая в «закрытых» аудиториях, неоднократно толковал о джихаде.

Статистика террора показывает, что люди, которые планировали и организовывали террористические акты, стремились не подтолкнуть переговоры, а сорвать их. Если в 1991 году от рук террористов погибли 26 человек, то в 1992-м, когда переговоры набирали силу, — 39 человек, а в 1993-м, когда было подписано первое соглашение, — жертвами террористических актов стали 62 израильтянина. Это был протест против переговоров.

Когда мы беседовали с Хусейни, статистические кривые ещё не были начерчены. Мы ещё не знали, что самоубийцы заберут с собой на тот свет десятки ни в чём неповинных людей и что Арафат открыто воздаст хвалу палестинским камикадзе¹. И что именно террор в конечном счёте приведёт к власти Нетаньяху. Но всё это было потом...

.....

25 апреля мы участвовали в общенародном референдуме. Голосовали 248 человек. 225 выразили доверие Б.Н.Ельцину. 203 согласились с его социально-экономической политикой. 46 высказались за досрочные выборы президента. 220 проголосовали за досрочные выборы народных депутатов. В общем, Израиль оказался на высоте. Или наоборот?

¹ «Все мы, — скажет Арафат 1 января 1995 года, — герои-смертники, не щающие своих жизней ради победы над сионистским врагом. И я хочу сказать павшим героям-смертникам от имени тех, кто лишь готовится принести себя в жертву ради победы: наша клятва остаётся в силе! Мы продолжим столетнюю борьбу, начатую после базельского конгресса сионистов в 1897 году. Мы продолжим эту борьбу вплоть до полной победы!»

.....
Культура в апреле. «Звёздный корабль» в Хайфе. Концерт «русских звёзд» (И. Кобзон, А. Абдулов, Н. Богословский, С. Шакуров, Т. Васильева, В. Шалевич и мн. др.). — Мюзикл «Али-Баба и 40 разбойников», поставленный В. Смеховым. Детям, кажется, нравилось. — Концерт: песни Малера и 5-я симфония Чайковского. Странное сочетание, но получилось. — Хор пенсионеров в Ариэле. Душещипательно. — «Юморина» из Одессы. Или я был не в настроении, или они без юмора. — Книжная выставка в Иерусалиме. Был сам президент. И Е.А. Евтушенко с женой. Договорились с ним поехать в гости к Анне Исаковой. Почти доехали. Но когда Женя узнал, что Исакова работает в «Вестях», он попросил остановить машину. Так сказать, «выбил дно и вышел вон».

Только через несколько дней я узнал, в чём было дело. Оказывается, 15 апреля в «Вестях» сообщили, что поначалу поэт отказался давать интервью — «Раз не хотите оплачивать мне дорогу!». Но потом — «одумался». Евгений Александрович был оскорблён. «Да никогда я такой фразы не произносил! — воскликнул Евтушенко, беседуя с Лазарем Дранкером из «Новостей недели». — На просьбу журналистки дать ей интервью я ответил, что никакой уверенности в моём приезде нет. Потому что пока никто не хочет оплачивать мой билет. А я не настолько богат, чтобы самому его покупать. Больше ничего не сказал.

— *Ваши слова, переданные Аристовой, можно истолковать и как претензии к газете «Вести»...*

— Да не мог я к этой газете никаких претензий иметь, потому что никогда даже не слышал о её существовании. И на билет, повторяю, не претендовал в том смысле, как это преподнесла эта журналистка. Как так можно писать?! Это же явная ложь! Как им не стыдно?! Где же их журналистская порядочность? Зачем приписывать мне то, чего я не говорил? И что это за словечко «одумался»? Как можно писать такое? Ведь у того, кто прочтёт интервью, может сложиться впечатление, что я — крохобор, за чужой счёт желавший проехаться в Израиль».

Когда у Окуджавы спросили, как он относится к авторам газеты «День», которые опубликовали оскорбительную для Булата Шалвовича статью, Окуджава ответил: «Я отношусь к ним, как патриций к плебейам». Именно так Маша, жена Жени, советовала ему относиться к «Вестям». Естественно, что патриций отказался отобедать с плебеями...

МАЙ-93

*В Лесу Красной армии — «Ястребы»: Бени Бегин
и Рафаэль Эйтан — Так говорил Жаботинский*

Май начался у телевизора. Демонстрации в Москве. Столкновения, драки на улицах. «Тяжко. Не хочется додумывать до конца». Так написано в дневнике. А додумывать надо было. Не только 1 мая 1993 года. И до и после. Всё время приходилось жить двойной жизнью. Что-то делать *здесь* и думать о том, что *там*. Конечно, расстояние, заботы местные притупляли восприятие забот российских, сглаживали, тушили боль, переживания. Петровне было труднее: я уезжал на работу, она оставалась у телевизора...

Я мог бы каждый месяц начинать с «русской заставки». Материалу было хоть отбавляй. Но делать это не буду. Тема у меня другая. Так что общий шизофренический фон, тяжкий груз раздвоенности, разорванности ума, сердца, души давайте оставим за скобками.

.....
В Израиле май тоже начался с демонстрации. 4 мая в Иерусалиме состоялась демонстрация «русской алии». Поводы стандартные: правительство толком не занимается абсорбцией, нет работы, нет жилья, бюрократия давит. Причину можно обозначить так: разрыв между удельным весом выходцев из СССР/СНГ в населении страны, уровнем их культуры, квалификации и их местом в общественной жизни, в культуре, политике, бизнесе Израиля.

6 мая в газете «Вести» появилась редакционная под названием «Русский» медведь проснулся». Отметив этот факт, редакция продолжала: «Но, главное, чтобы он снова не забрался в свою берлогу — сосать всё ту же лапу и ворчать еле слышно. А такое, увы, возможно, если после столь впечатляющей демонстрации невиданного единства новые репатрианты не получают ничего, кроме набивших оскомину обещаний «когда-то там, в отдалённом будущем, подумать о том, как улучшить их жизнь». Разочарованных в действенности таких мер, как демонстрация, потом будет труднее собрать на очередную манифестацию. Поэтому главная задача, стоящая в данный момент перед организаторами демонстрации, — не упустить момент, закрепить столь очевидный успех манифестации дополнительными мерами давления

на правительство. Представляется разумным в ультимативном порядке потребовать от правительства в течение ближайших двух недель обнародовать предельно конкретизированный план радикального улучшения всей системы абсорбции. С тем, чтобы первые шаги по его реализации были сделаны не позднее, скажем, месяца после этого. Если через месяц не будет никаких существенных сдвигов, необходимы шаги, более жёсткие, чем мирное шествие по иерусалимским улицам. Шаги, демонстрирующие готовность «русских» не отступить и добиться принадлежащего им по праву.

Газета не может подстрекать к тем или иным акциям. Поэтому мы всего лишь доводим до сведения наших читателей предложение, выдвинутое членами президиума Форума, — для возможного его обсуждения.

В качестве акции, способной принудить правительство к тому, чтобы всерьёз задуматься, в каком отчаянном положении находятся «русские», следует осуществить блокаду зданий министерства абсорбции в главных городах Израиля. Если в некий день икс группы по 50-100 человек займут все коридоры и кабинеты отделений министерства, то полиции придётся изрядно потрудиться для того, чтобы чиновники этого ведомства смогли к концу дня привычно распивать кофе и столь же привычно хамить посетителям. На следующий день — то же... Перед таким нажимом правительство вряд ли устоит.

«Русский» медведь проснулся. И главное — чтобы он вновь не впал в зимнюю спячку».

Я приехал в Иерусалим, но наблюдал за развитием событий с некоторого отдаления. Не хотелось, чтобы русский посол фигурировал на одних кадрах с «русскими» демонстрантами. Откровенно говоря, ожидал, что народу будет больше. Во всяком случае у меня не возникло ощущение проснувшегося «русского» медведя. Разве что — медведя, долго живущего в зоопарке...

Разумеется, день икс не состоялся. Разумеется также, правительство отреагировало на демонстрацию лишь ритуальными словами. А зря. Зря не только по соображениям гуманным — людям плохо, надо им помочь. Зря по соображениям политическим. Столкнувшись с равнодушием правительства Аводы, с бездушием чиновничьего аппарата, «русский» электорат, который способствовал победе лейбористов, стал постепенно дрейфовать вправо. В мае 1996 года количество перешло в качество — Авода проиграла.

.....
8 мая — традиционная встреча в Лесу Красной армии. Мы были в полном составе — жена, дочь и внук.

Я уже упоминал о том, что первый раз был здесь в 1979 году. Тогда — массовый митинг с обтянутой красным кумачом трибуной и народное гулянье. Теперь народу было заметно меньше, а возраст со-

бравшихся заметно больше. Речей почти не было. Но возложение венков было по-прежнему торжественным.

Всех присутствующих можно разбить на две группы. Одна — это ветераны. Другая группа — коммунисты. В прежние времена именно компартия являлась организатором таких встреч, играла на них первую скрипку. Во времена нынешние израильская компартия разделила судьбу всего коммунистического движения¹. Она слаба. И она в основном состоит из арабов. И ветеранов, и коммунистов, собирающихся в Лесу Красной армии, объединяет понимание роли, которую сыграл Советский Союз в разгроме фашизма и в образовании Государства Израиль. И не только понимание, но и эмоции, связанные как с личным участием в войне, так и с воспитанным десятилетиями раньше — восторженным, ныне — «просто» добрым отношением к стране, которую называли «оплотом мира и социализма».

Мне полагалось бывать на этих церемониях по чину. Но я был и по душе. Потому что для меня, как и для большинства советских людей, та война была священной, и память о ней священна тоже... Однажды даже читал стихи:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит,
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.

На мой взгляд, это — одно из лучших, если не лучшее стихотворение о войне. Его написал раненный-перераненный танкист, гвардии лейтенант Ион Деген. Его ругали за проповедь мародёрства, трусости...

Когда я уезжал из Израйля, известному хирургу-ортопеду Ионе Лазаревичу Дегену было больше семидесяти. Он живёт с осколком в мозгу, семь пулевых ранений, челюсть собрана из кусочков, ботинок надет на протез. Пусть поживёт подольше...

Как правило, возвращаясь из леса, ветеранское руководство имело обыкновение задерживаться в арабской «деревне» Абу-Гош. Отмен-

¹ Палестинская коммунистическая партия с 1924 года входила в Коминтерн и отстаивала антисионистскую линию Москвы. После создания Государства Израиль внутри партии стала постепенно формироваться группа во главе с С.Микунисом, которая на первый план выдвинула защиту национальных интересов Израйля. В 1965 году произошёл раскол. Появилась ещё одна компартия во главе с М.Вильнером и Т.Туби, которая твердо придерживалась указаний Москвы. Как раз вот эта компартия, которая, разумеется, менялась вместе с изменениями времени, и была представлена в Лесу Красной армии. В 1979 году там выступал Туби. А в 1995 году мне довелось услышать пламенную речь Вильнера.

ная трапеза, фронтовые воспоминания, обмен опытом излечения разнообразных хворей. «Я там был, мёд пил...»

Иногда накануне Дня Победы в израильской прессе появлялись статьи, протестующие против участия евреев в этом празднике. «У нас же есть свои победы и свои праздники» — такая была логика. Но эта логика постепенно размывалась эмоциями, здравым смыслом, разумом.

В 1991 году, во время «Бури в пустыне», иракские ракеты стали рваться на территории Израиля. Первая ракета взорвалась 18 января. Всего было выпущено 39 ракет. Жертвами обстрелов стали более 100 человек. Видимо, таким путём Саддам Хусейн хотел спровоцировать нападение арабских стран на Израиль и создать единый арабский фронт против США. Нападение не состоялось. Фронт не получился. Только Арафат, который приветствовал захват Кувейта Ираком, шумно радовался.

Израильтяне боялись, что Багдад использует химические боеголовки. Населению были розданы противогазы. Тогда обошлось. Но Ирак остался — остались и страхи¹. Весной 1993 года началась раздача новых, модернизированных противогазов. Не принудительно — кто хочет, меняет. Очередь нашего посольства подошла в мае. Собрали собрание. Я сказал, что войны не будет. Но желающие могут обзавестись противогазом. Кажется, кто-то обзавёлся. Не знаю — не проверял.

24 мая посетил одного из самых воинственных израильских «ястребов» Бени Бегина. Сын Менахема Бегина. Учёный (его специальность — геология). Депутат Кнессета от Ликуда. Очень сухой, сдержанный, аскетического вида (и образа жизни) человек.

С точки зрения Бегина, арабо-израильские переговоры не заслуживают наименования *мирные* переговоры. Не случайно они топчутся на месте. Арабы не хотят мира. Их тайной мечтой остаётся уничтожение Израиля. Тут, сказал Бегин, корень проблем.

Долго говорил Бегин о Сирии, об Асаде. Ни при каком повороте событий Голаны отдавать нельзя. Это категорическое «нет» определяется стратегией. Мы вернули египтянам Синай, исходя из того, что на его пересечение египетским танкам понадобится 4—5 дней. За это время Израиль сумеет отмотилизоваться. Сирийцы же пересекут Голаны за 4 — 5 часов. Мы не можем рисковать.

С Бегиним я встречался и позже. В правительстве Нетаньяху он получил пост министра науки. Пытался наладить сотрудничество с

¹ В 1998 году 18 января, день, когда первые иракские ракеты разорвались в Тель-Авиве, был объявлен в Багдаде государственным праздником — Днём науки. По этому поводу состоялось публичное награждение премиями ракетчиков-конструкторов. В выступлениях официальных лиц подчёркивалось, что Ирак был первой арабской страной, нанесшей ракетные удары по Израилу.

российскими учёными, организовать разработку совместных проектов. Из этого мало что вышло, но не только по вине Бегина...

Относительно мирного процесса Бегин продолжал занимать «ястребиную» позицию. В октябре 1996 года он втолковывал мне, что сложившаяся обстановка очень напоминает ситуацию перед Второй мировой войной, когда западные страны постоянно шли на односторонние уступки Гитлеру. Но то, что называли «умиротворение», на самом деле поощряло Гитлера к наращиванию требований¹. Так и у нас, говорил министр. Мы идём на односторонние уступки, а палестинцы расценивают такую политику как слабость, выдвигают всё новые претензии, эскалируют насилие. И чем дальше будет идти так называемый «мирный процесс», тем больше будет насилия. Рабин и Перес действовали из лучших побуждений. Но как раз их печальный опыт убедительно показывает, что Арафат — не тот человек, которому можно верить и с которым можно договориться о мире.

Бегин настаивал на том, чтобы «отменить» все соглашения и прекратить «дискредитировавший себя» мирный процесс.

«Лучше война?» — спросил я. «Не обязательно, — ответил Бегин. — Ведь жили без войны почти два десятилетия». Помолчав, добавил: «Чем раньше начнётся война, тем лучше. Время работает на арабов...»

Война — это крайний, предельный случай. Мир — случай предельный, но с другой стороны. Есть люди, которые считают, что войны всё-таки можно избежать, а мир — невозможен. А что тогда возможно, что реально? Отвечают: жизнь в условиях «осаждённой крепости». Сказать это трудно. Это значит признать неизбежность борьбы, страданий и испытаний. Но иного пути нет. И надо честно сказать об этом, а не предаваться самообману.

Последний пассаж принадлежит не Бегину. Пусть автор останется в анонимках. Но могу предположить, что Бегин согласился бы с ним. После того, как Нетаньяху подписал соглашение по Хеврону, Бегин демонстративно вышел из правительства.

Среди известных политических деятелей Израиля «ястребов» не так уж много. Один из них — **Рафаэль Эйтан**. Боевой генерал. С грубым лицом крестьянина, солдата. Прошел все войны. Дослужился до генерал-лейтенанта (высший военный чин в Израиле). Был начальником Генерального штаба. Очень популярен. Все зовут его «Рафуль». Живёт, если по-нашему, в деревне. Прекрасный столяр. Сделал и подарил

¹ Тема Мюнхена вообще звучала довольно громко. После рукопожатия Рабина и Арафата на лужайке перед Белым домом, правые напоминали отзыв Черчилля о Чемберлене: «Не говорите мне, что сэр Нэвил — не тот человек, который способен съесть свою шляпу». После Мюнхена я поверю даже тому, что он ради славы готов ещё обмазать свою шляпу горчицей». Я не убеждён, что в данном случае аналогия работает. Хотя шляпы, обмазанные горчицей, довольно распространённое блюдо на политической кухне.

мне добротный, крепко сбитый журнальный столик, который я, к сожалению, вынужден был оставить в Савьоне.

Мне много раз приходилось встречаться и беседовать с генералом. Убеждённый «ястреб». Попытаюсь суммарно изложить его *credo*.

Ментальность арабов сформирована в условиях тоталитарных восточных обществ. Они признают только силовые методы решения конфликтов. Поэтому они, с одной стороны, делают ставку на силу, а с другой, — способны подчиняться только силе.

До сих пор Израиль обеспечивал своё существование тем, что всегда был сильнее арабов и бил их в открытом бою. Не справившись с Израилем на поле боя, арабы перешли к другой тактике. Они накапливают оружие массового поражения, особенно — химическое и биологическое, чтобы со временем применить его против Израиля.

Одновременно ведут переговоры. Настаивают на принципе «мир в обмен на территории». А что показывает история? Израиль отдал Египту территории, но разве получил настоящий мир? Требуя территории, арабы добиваются односторонних уступок. По мнению Эйтана, указанный принцип следует применить «в обратном направлении»: арабы должны уступить нам территории в обмен на мир. Территории всегда забирает победитель. Безоговорочная капитуляция — и никаких переговоров. У Германии отобрали Восточную Пруссию — и всё. Израилю же сверхдержавы никогда не позволяли разбить арабов до конца, довести дело до безоговорочной капитуляции. Вот и приходится теперь «переговариваться»...

Генерал считает, что мирный процесс по существу ещё не начался. Поскольку обходятся главные вопросы: судьба Иерусалима, создание независимого, «полноценного» палестинского государства, проблема палестинских беженцев, судьба еврейских поселений. Позиции сторон по этим вопросам непримиримы. И «не стоит тратить время» на переговоры. Урегулирование станет возможным лишь тогда, когда произойдут изменения в арабской ментальности, когда арабы смирятся с тем, что Израиль сильнее и признают его право на существование.

Вот такая «ментальность» и такая, соответственно, политическая платформа. Для переговоров в ней места нет. Надо укреплять Израиль и ждать перемен в арабской «ментальности».

В 1924 году Владимир Жаботинский — культовая фигура для всего «ястребиного» крыла израильских политиков¹ — написал знаменитую, ставшую программной статью «О железной стене». Жаботинс-

¹ Одни называли его «Гарибальди еврейской революции», другие — «еврейским Муссолини». Он был провидцем. Выступая 11 февраля 1937 года в Лондоне перед Королевской комиссией по Палестине, Жаботинский сказал: «Нам грозит настоящая катастрофа, нечто вроде социального землетрясения». Сказал, что надо спасать евреев. Его не послушались...

кий начал с личной ноты. Меня считают «недругом арабов», но это неправда. «Эмоциональное моё отношение к арабам — то же, что и ко всем другим народам: учтивое равнодушие. Политическое отношение определяется двумя принципами. Во-первых, вытеснение арабов из Палестины, в какой бы то ни было форме, считаю абсолютно невозможным; в Палестине всегда будут два народа». Во-вторых, писал Жаботинский, он исходит из равноправия всех народов, всех наций. «Как и все, я готов присягнуть за нас и за потомков наших, что мы никогда этого равноправия не нарушим и на вытеснение или на притеснение не покусимся». Зря, конечно, присягал Жаботинский. Потомки его подвели. Но в данном случае дело не в этом. Почитаем дальше.

«О добровольном примирении между палестинскими арабами и нами не может быть никакой речи, ни теперь, ни в пределах обозримого будущего. Высказываю это убеждение в такой резкой форме не потому, что хочу огорчить добрых людей, а просто потому, что они не огорчатся: все эти добрые люди, за исключением слепорождённых, уже давно сами поняли полную невозможность получить добровольное согласие арабов Палестины на превращение этой самой Палестины из арабской страны в страну с еврейским большинством». Однако, продолжает Жаботинский, «это вовсе не значит, что невозможно никакое соглашение. Невозможно только соглашение добровольное. Покуда есть у арабов хоть искра надежды избавиться от нас, они этой надежды не продадут ни за какие сладкие слова и ни за какие питательные бутерброды, именно потому, что они не сброд, а народ, хотя бы и отсталый, но живой. Живой народ идёт на уступки в таких огромных, фатальных вопросах только тогда, когда никакой надежды не осталось, когда в железной стене не видно больше ни одной лазейки. Только тогда крайние группы, лозунг которых «ни за что», теряют своё обаяние, и влияние переходит к группам умеренным. Только тогда придут к нам эти умеренные с предложением взаимных уступок; только тогда станут они с нами честно торговаться по практическим вопросам, как гарантия против вытеснения, или равноправие, или национальная самобытность; и верю, и надеюсь, что тогда мы сумеем дать им такие гарантии, которые их успокоят, и оба народа смогут жить бок о бок мирно и прилично. Но единственный путь к такому соглашению есть железная стена, то есть укрепление в Палестине власти, недоступной никаким арабским влияниям, то есть именно то, против чего арабы борются. Иными словами, для нас единственный путь к соглашению в будущем есть абсолютный отказ от всех попыток к соглашению в настоящем».

Так вот, вопрос теперь в том — наступило это будущее или нет, осталась ли у арабов надежда избавиться от евреев или нет. «Ястребы» утверждают: да, осталась, нет, не наступило. Легендарная женщина

Геула Коэн, — которая в 16 лет ушла в «партизаны», была в радикальной группе ЛЕХИ, получила от англичан 9 лет тюрьмы, бежала с третьей попытки и снова вернулась на подпольную радиостанцию, — она говорит: «С той поры и до сего дня я чувствую себя солдатом, потому что арабский мир нас ещё не признал. Не только потому, что он не признаёт наше право на Иерусалим. Он не признаёт и наше право на Тель-Авив. И я должна воевать за право нашего государства на существование». Такие настроения разлиты по всему Израилю. Что делает невероятно трудной задачу политиков, решивших, что будущее уже пришло...

Человеческие отношения не сводятся к политике. Эйтан бывал у меня в гостях, я — у него. Говорили мы, как правило, не о большой политике, а о делах более житейских, о том, как живут, что думают, что чувствуют израильтяне. Познакомился у него дома с умной и властной Офрой Меерсон, его любимой женщиной, которая позже стала его женой.

А однажды Эйтан созвал свой «парламент». Так он называл бывших солдат и офицеров, которые в разные времена служили под его началом, а ныне жили неподалёку от его «деревни». Заседание — сугубо неофициальное — проходило на открытом воздухе. Несколько десятков человек. Огромные столы, заваленные всяческой крестьянской снедью. Тосты — и за Россию, и за Израиль, и кто во что горазд.

Пресса, естественно, не приглашалась. Но, столь же естественно, проникла. Репортаж был опубликован (в «Ха-Олам ха-Зе») под заголовком «Водка и чеснок: Александр Бовин в гостях у Рафуля в Тель-Адашим». Даю полный перевод.

«Родственники, да, родственники, но немного далёкие. Близкие по духу, но далёкие телесно. Ситуация, оставляющая приятные воспоминания. На модернизированном предприятии ветерана-десантника Моше Оза в Тель-Адашине производят изо дня в день гидравлические кресла для тяжёлых грузовиков. В последнюю пятницу производили там другой товар — дружбу и ласки, объятия и поцелуи. Не столь уж глубокие по смыслу, но проникнутые большим чувством. Рафуль и русский посол Александр Бовин. Маленькое брюхо Рафуля. Большое брюхо Бовина. Брюхо на брюхо. Родственные души. Немного далёкие телесно. Преграда — животы. Любая попытка сократить разницу порождает опасное столкновение.

«Едим чеснок!» — ликуя провозглашает русский. По-прежнему очень ограниченно знающий язык. Всё время изучающий и уже говорящий «едим чеснок» на иврите. В ходе тяжелейшего овладения иностранным языком, ты прежде всего узнаёшь слова, милые твоему сердцу. Бовин обожает чеснок. Рафуль, отличающийся от него своим маленьким брюхом, помогает ему. Берёт головку чеснока, медленно-медленно её разъединяет, снимает тонкую шелуху с зубчиков чеснока и

прямо кладёт их в рот послу Бовину. Посол молотит зубчик за зубчиком. С водкой идёт хорошо. Можно купить в магазине, заводского производства. Неплохо. Но есть лучше. Водка, сделанная в частных погребах киббуца Мизра. Не для продажи, только для личного потребления. Киббуцники, мошавники, обитатели галилейских местечек пьют, наслаждаются и хвалят. Водка с чесноком домашнего производства. Очищенная от всей души.

Рафаэль Эйтан (Рафуль) и русский посол Александр Бовин впервые встретились на ужине в честь председателя российского парламента Хасбулатова, который недавно был с визитом в Израиле. «Я был у вас», — сказал Рафуль послу. Посол не понял. Рафуль пояснил: мы приехали в Москву, чтобы участвовать в показательных выступлениях парашютистов. Тогда наши страны, добавил Рафуль, разделяли ненависть и подозрительность. Вы были нашими «заклятыми врагами». Бовин молчал, как будто соглашаясь со справедливостью приговора. Яков Кедми, глава агентства, занимавшегося репатриацией из Советского Союза в то тяжёлое время, был за хозяина. «Что было, то прошло», — заметил он. Рафуль передал Бовину свою книгу «Рафуль: история солдата» на русском языке.

Через некоторое время посол пригласил Рафуля к себе в Савьон. Русская водка лилась в глотки. Рафуль опрокидывает одну рюмку, Бовин допивает бутылку. В спорте такая ситуация называется подавляющим преимуществом¹. Посол уже прочитал книгу Рафуля. Просит уточнить отдельные детали. Много говорят о войне Судного дня. «Вы тогда спасли Израиль», — заключает посол.

Рафуль — не только овейанный славой солдат, он также и столяр. Бовин — не только посол, он и искусный созидатель человеческих отношений. У него есть просьба: «Вы можете сделать для меня столик под телевизор?» Рафуль, конечно, сделал. Из высококачественного дерева. Все, кто видел, не могли нахвалиться...

На встречах «парламента долины» — раз в три недели или на экстренных срочных заседаниях — общие воспоминания или когда-то введённые в оборот свои словечки объединяют сердца. Да и водка помогает. Домашняя, улучшенная, из винных погребов киббуца Мизра. Пили, ели чеснок. На иврите. Был там и отец Моше Оза. Пожилой по годам, но молодой по духу. Старинная песня с давних пор хранится в его сердце. Русская песня далёких дней, тех дней, когда ещё не было Советского Союза. Он пел звонким и высоким голосом. Посол Бовин с восхищёнными глазами умиляется душой. Он помнит, что и в его доме пели эту песню.

¹ При очередной встрече Рафуль сказал мне, что это — единственное место статьи, с которым он решительно не согласен.

«Бовин, Бовин, Бовин», — шумит «парламент». Бовин встаёт. Много плоти, много водки, много удовольствия. Рафуль слегка хлопает его по плечу. Напутствие на дорогу. «Шалом», — говорит посол на иврите. Продолжает по-русски. «Хорошо мне с вами. Приятно встретить на заводе наших «русских», теперь — ваших рабочих. Хочу вам вот что сказать — не будет больше войн на Ближнем Востоке. Нет Советского Союза. А без его помощи арабы не решатся напасть на Израиль. Впереди — мир».

Молчание. Посол говорит «маспик» и удаляется».

Очень характерная для израильской журналистики статья. Она демонстрирует типичный израильский юмор (не путать с юмором еврейским!). Она показывает распространённую методику препарировать события, перенося центр тяжести со смысла, на, так сказать, гарнир. Она довольно легко обращается с фактами. Но, действительно, «маспик», что на иврите значит: «достаточно».

Внешне, по образу жизни, по восприятию жизни «ястреб» Эйтан решительно отличается от «ястреба» Бегина. Но их объединяет фундаментальное качество — порядочность, честность, наличие принципов и мужество отстаивать их. Они не занимались политиканством. Политикой — да.

На прошлых выборах в Кнессет Эйтан удивил всех. Руководимая им группа Цомет (близкая к Ликуду) в четыре раза увеличила своё представительство (вместо двух мандатов — восемь). Обычно в таких случаях всякие толки, сплетни, пересуды: тут что-то не так... В данном случае этого не было. «Никому не приходит на ум оспаривать легитимность восьми мандатов Цомета. Никто не подозревает фальсификации. Никто не пикнет — а может имел место подкуп?.. И ни в одном параноидальном сознании — даже в моём — не возникает почему-то фантазия о том, что к успеху Рафуля приложили руку какие-то посторонние факторы: ЦРУ, ГБ, например. Или Сохнуты-Гистадруты. Интересанты-лоббисты-манипуляторы. Ведь речь идёт действительно о новом, неожиданном, непонятном и неоправданном — и об этом толкуют на все голоса. Но почему-то ни одного голоса о том, что, дескать, дело нечисто. Почему-то, вопреки всякой логике, все уверенны априори, что дело тут чисто.

И знаете почему? Потому что оно действительно чисто. С какой стороны ни глянь — чисто. Это всё равно, что войти в дом к хорошим хозяевам — чистота бросается в глаза. Видно, что это — постоянная аура дома и что нет нужды заглядывать по углам. Стопроцентно чисто и стопроцентно легитимно, думаю я, и вы, и он, и она, и они — и все». Рафуль может гордиться. Это написала Нелли Гутина — любительница, кстати, заглядывать по углам и принюхиваться к разным нестандартным запахам.

О таких «ястребах», как **Шамир и Шарон**, я уже упоминал. Несколько дополнительных штрихов. Было время, когда молодой лидер Ликуда Нетаньяху, то есть ех *officio* главный «ястреб», не ладил с Шароном. Нетаньяху называл Шарона «интриганом» — раньше он «копал под Бегина, под Шамира, теперь копает под меня». Шарон ответил, что дело не в «интригах», а в расхождении взглядов. Шарон был не согласен с готовностью Менахема Бегина пойти на создание палестинской автономии. Ибо, полагал Шарон, автономия прокладывает дорогу палестинскому государству. По мнению Шарона, Шамир совершил «историческую ошибку», не обусловив присутствие Израиля в Мадриде прекращением гонки вооружений на Ближнем Востоке и ликвидацией всех террористических организаций.

Любопытна самоаттестация Шарона: «Я упрямо утверждал в 50-е годы, что можно и нужно совершать успешные акции возмездия, и я их совершал. Я упрямо утверждал — вместе с ещё немногими генералами, — что мы наверняка победим в Шестидневной войне, и мы победили. Я упрямо настаивал в начале 70-х годов на ликвидации террора в Газе, — и мне это удалось. Я упрямо настаивал во время войны Судного дня на форсировании Суэцкого канала, которое могло превратить наше поражение в нашу же победу, — и я это сделал. Я упрямо настаивал на изгнании Арафата и его людей из Бейрута, — и они были изгнаны. Я упрямо настаивал когда-то на создании Ликуда — и, несмотря на насмешки и издевательства, — мне это удалось». И всё это — правда.

Хочу повторить, что «ястребов» такого полёта в Израиле не так уж много. Но их идеология, подчёркнутое выдвижение ими на первый план безопасности Израиля и израильтян, их недоверчивое отношение к намерениям и политике арабов в той или иной мере разделяются значительной частью израильского общества. Именно наличие этого общего «ястребиного» фона объясняет непоследовательность, неожиданные повороты, зигзаги политики Израиля.

И последний штрих. У «ястребов» не чувствуется ничего ястребиного, когда речь заходит об израильско-российских отношениях. Несмотря на тяжёлый груз предыдущих лет, они с искренней симпатией относятся к новой России. Пожалуй, даже с большей, чем новая Россия относится к ним, к Израилю вообще.

.....
Культура в мае. Израильский балет. Полный модерн. Рабин выдержал только первое отделение. — Концерт Александра Розенбаума в Холоне. Почти фурор. — Балетная труппа «Бат-Шева». Юбилейное представление. Перед началом — речи. Алони — всерьёз, Вейцман хохмил вовсю. — В Иерусалиме на огромном экране рядом с мэрией — «Александр Невский». Но музыка к фильму живая: великолепный хор и оркестр. Народу уйма. Впечатляет.

ИЮНЬ-93

*Еще раз об антисемитизме — Казни египетские
и бизнес в России — Медицина без мифов — Почётный консул —
— Страна без Конституции — Размышления после
X раунда переговоров*

Наконец-то переехали в новый дом. Пятиэтажное здание в центре Тель-Авива недалеко от моря. Строители подвели: куча была всяких недоделок. Лифты не работали. Но уж больно надоело ждать, и решили перебираться. Три дня таскали посольский скарб. Сейфы пришлось подъёмным краном доставлять на место через окна. Постепенно всё утряслось.

Верхний этаж отводился для организации шифросвязи. Тут канитель была впереди. Внизу — подземный гараж, спортзал и сауна («оздоровительный комплекс»). Каждому дипломату полагался отдельный кабинет.

МИД позволил оставить консульский отдел на старом месте. Это решало сразу две задачи. Посольство избавляло себя от шума и гама очередей. Консульство расширяло свои рабочие площади. Территориальное отделение консульства от посольства вызывало некоторые «сепаратистские» настроения. Однако плюсы явно перекрывали минусы.

Разумеется, с экономической точки зрения гораздо выгоднее купить здание или построить своими силами, чем арендовать его. Но для этого требовались разовые крупные вложения. А денег, как нам объясняли, не было.

.....
3 июня встретился с уже известным нам Элиакимом Рубинштейном. В центре беседы находились итоги IX раунда переговоров. Постепенно израильтяне отходили от своих запросных позиций и приближались к требованиям палестинцев. Процесс этот был трудным, шел на нервах, неоднократно вызывал острые стычки. На общий текст совместного документа (декларации) выйти так и не удалось, несмотря на активное вмешательство американцев в ход переговоров.

Рубинштейн упрекал палестинцев в том, что они сразу хотят получить все ключи от территорий. Израильтяне сопротивлялись, настаивая на сохранении за собой общего контроля за безопасностью и

защиты поселений и поселенцев. Израильтяне предпочитали также иметь «открытые опции» окончательного урегулирования. Иными словами, они не хотели на данном этапе переговоров выкладывать на стол свои представления об их конечных результатах, целях.

Рубинштейн предложил такой образ: палестинцы хотят уже на этом этапе переговоров скроить и сшить себе практически готовый костюм, только без пуговиц и манжет. Мы же считаем, что пока рано определять фасон костюма, а тем более — шить его.

На сирийском направлении, по словам Рубинштейна, движения нет. Ибо сирийцы, ультимативно требуя возвращения Голан, не хотят принять во внимание проблемы национальной безопасности Израиля, учитывающие географические реалии и исторический опыт. Не хотят сирийцы и раскрыть своё понимание формулы «полный мир», на котором настаивают израильтяне. Для Асада, заметил Рубинштейн, Голаны — вопрос чести, престижа, а для нас — вопрос жизни и смерти.

Сообщая в Москву о беседе с Рубинштейном, а также о других контактах с израильтянами (и палестинцами), посольство подчёркивало, что и те, и другие высказываются за более активное участие России в ближневосточных делах. У каждой стороны, разумеется, свой интерес. Израильтянам мы нужны и как возможный противовес чрезмерному влиянию США, и как рычаг для давления на арабов. А палестинцам — как канал воздействия на израильтян. У нас же есть свои интересы, которые требуют ясного, эффективного присутствия на Ближнем Востоке.

Воздерживаясь от плетения концептуальных кружев, посольство предложило осуществить ряд конкретных мер. И заключило: понятно, насколько политическое руководство вовлечено во внутренние дела. И потом: велика Россия — Израиль мал. Всё это так. Но ближневосточный узел мировой политики измеряется не израильским масштабом. И пока Россия остаётся великой державой, её интерес к делам ближневосточным — одна из констант российской внешней политики.

Рубинштейн вновь вернулся к теме антисемитизма. На этот раз поводом послужила статья в «Правде» (какой — не помню) «Сатанинское племя». Статья отвратительная, гнусная. Даже «Правда» потом вынуждена была принести извинения. Но это было потом. А пока Рубинштейн сообщил мне, что он говорит от имени «межминистерской комиссии по антисемитизму», которая отслеживает данную тему и внимательно следит за обстановкой в России. Эта обстановка продолжает вызывать озабоченность. Рубинштейн выразил надежду, что руководство России не «подставится» по столь чувствительному не только для Израиля вопросу.

Я вновь заверил собеседника, что российское руководство не приемлет антисемитизм ни в какой форме. Но бывает, что в пылу общественно-политической борьбы тема антисемитизма прорывается во всей своей неприглядности. Сказывается несовершенство демократии в «условно-правовом государстве», недостаточное ещё умение (а кое-где и нежелание) использовать правовые рычаги воздействия на антисемитов.

В самом Израиле понятная чувствительность к антисемитизму принимала иногда экстравагантные для стороннего взгляда формы. Скажем: можно ли в Израиле исполнять музыку Вагнера?

Напомню, что Вагнер был антисемитом¹. Тем не менее эстетика доминировала над этикой: евреи исполняли и слушали музыку Вагнера. Её любил Теодор Герцль. В 1898 году сионистский конгресс в Базеле открывался под звуки «Тангейзера».

Потом были Гитлер и Холокост. Гитлер обожал музыку Вагнера и сделал её почти официальной музыкой фашистского режима. Музыка Вагнера звучала в лагерях смерти. И этика взяла верх над эстетикой. Для многих, если не для большинства евреев исполнять и слушать музыку Вагнера стало кощунством. В 1981 году в Тель-Авиве во время исполнения оперы «Тристан и Изольда» разразился скандал, в аудитории дрались.

Вагнеровский бойкот в Израиле продолжается. Продолжаются споры. Противники бойкота довольно логичны. Они вспоминают Гоголя и Достоевского. Они справедливо пишут о том, что художественное произведение живёт своей жизнью и должно оцениваться независимо от оценки личности художника. Но логика не срабатывает. Дело теперь уже не в личности Вагнера, пишет известный учёный, профессор Иерусалимского университета Александр Сыркин. «Дело в длящейся благодаря ассоциации с нацизмом личной травме». И хотя эта травма «никакого отношения к музыке не имеет, за ней не каприз, а беспрецедентный опыт Катастрофы, и тут уже ничего не поделаешь. Аргументация, сколь бы здоровой и очевидной она ни казалась, здесь ни к чему. Дар сочувствия намного важнее, и тем «непредубеждённым», которым посчастливилось этой травме или психологических её последствий избежать (а вполне могло бы быть иначе), вместо бесплодной полемики приличнее всего склониться перед пострадавшими, перед памятью и ассоциациями, пусть даже непоследовательными, которые продолжают преследовать людей, доколе они живы.

¹ «Я считаю еврейскую расу, — писал в 1881 году Вагнер королю Баварии Людвигу II, — природным врагом человечества и всего благородного на земле; нет сомнения, что немцы погибнут именно из-за неё, и, может быть, я являюсь последним немцем, сумевшим выступить против иудаизма, который уже всё держит под своим контролем».

И пока остаются ещё жертвы Катастрофы, готовые во имя памяти пойти и сорвать концерт, — не возражать им. А следующее поколение, в котором подобные ассоциации так или иначе притупятся, рассудит по-своему».

Дискуссия вокруг музыки Вагнера заставляет всех нас ещё раз остановиться и задуматься. И увидеть, понять, сколь глубоки раны. И сколь натянуты нервы. Не только Холокостом. Всей полной трагизма историей мужественного народа. И понять также, что антисемитизм в значительной мере есть проблема самих антисемитов, выражение их комплексов неполноценности, собственной ущербности, неудовлетворённости. «В основе антисемитизма, — писал модный ныне Н.Бердяев, — лежит бездарность. Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия...». Вот именно. Кажется, это поняли в Великобритании. Во всяком случае, англичане говорят: «Мы сами не хуже, не глупее евреев. И поэтому в Англии нет антисемитов».

8 июня в Тель-Авиве состоялась конференция, посвящённая проблеме капиталовложений в Россию. Это было время, когда нам ещё верили, когда серьёзные люди собирались вложить свои деньги в Россию. Мне пришлось открывать конференцию. Тезисы очередной речи.

«Обычно при открытии подобной конференции послы ограничиваются формальным приветствием, добавляя к нему то или иное количество тёплых слов. Своего рода дипломатическая публицистика.

Но сегодняшний сюжет настолько важен, настолько животрепещущ, что мне не хотелось бы ограничиваться протоколом. Поэтому я выскажу несколько соображений по существу. Эти соображения можно назвать «риск и возможности». Точнее, «огромный риск и огромные возможности».

1. Сначала о риске.

Передо мной английский журнал «Евромани».

Два раза в год, опираясь на данные Международного Валютного Фонда и Мирового банка, опросив значительное число экспертов, журнал определяет так называемый Интегральный Показатель Риска (ИПР) инвестиций. Если помнить, что полупустой стакан в то же время является и полуполным, то можно говорить и об ИПН — Интегральном Показателе Надёжности.

Анализу подвергается экономика 169-ти стран. По каждой стране суммируются 10 параметров (политический риск, эффективность экономики, доступность банковского кредита, кредитоспособность и т.д.), каждый из которых даёт до 10 баллов (политический риск оценивается по 20-балльной шкале).

Так вот, как это ни печально, но по данным на март 1993 года Россия находилась на 149-м месте. Её ИПР равен 18,13%.

В прошлом году Россия занимала 129-е место.

Для сравнения: Израиль находится на 29-м месте (в прошлом году был на 32-м).

Российский ИПР отражает общий хаос в стране, неопределённость политической перспективы, распад хозяйственных связей, общее неустройство жизни.

Эту интегральную нестабильность давайте разложим по четырём компонентам.

Политическая нестабильность.

Её хорошо иллюстрирует острейшая конфронтация между президентом и парламентом.

Экономическая нестабильность.

Противоречивые, вялотекущие реформы на базе жёстких ограничений частной собственности. Проведение реформ в руках тех, кто не хочет этих реформ, — одна из особенностей нынешней ситуации.

Приватизация как форма передачи предприятий прежде всего их директорам, верхушке административно-технического персонала, которые фактически сливаются с бывшей партийно-государственной номенклатурой.

Сохранение политических перегородок между мировой экономикой и экономикой России, перегородок, которые устанавливает и держит государство, антирыночное по своему генезису и природе.

Юридическая нестабильность на общем фоне зажима интересов иностранных инвесторов.

Нет государственных гарантий безопасности инвестиционных капиталов.

Огромные налоги, отбивающие всякую охоту вкладывать деньги в Россию.

Явно завышенные экспортные и импортные таможенные тарифы, к тому же меняющиеся чуть ли не каждую неделю.

Квоты и лицензии.

И, наконец, психологическая нестабильность.

Жёсткие столкновения между антирыночными настроениями, антирыночной моралью и настроениями, моралью, установками рыночного характера.

Рынок без социальных противовесов.

Рост преступности как отражение рыночного принципа «война всех против всех».

Организованная преступность (мафия) и коррупция государственного и хозяйственного аппаратов.

Очевидно, что все указанные факторы риска имеют относительно долговременный характер. Но очевидно и другое. Всё, что имеет начало, имеет и конец. Все факторы риска являются меняющейся функцией общей направленности исторического процесса. И поддаются воздействию разумной политики.

2. И здесь мы переходим в сферу возможностей.

Я не берусь судить о мере разумности политики Гайдара и Черномырдина. У меня нет для этого ни достаточной информации, ни достаточных знаний.

Но из разговоров с приезжающими сюда представителями России, особенно той России, которая далека от Москвы, у меня сложилось впечатление, что ощущения приближающейся катастрофы, приближающегося коллапса исчезли. Сколько раз уже проводили «красную черту» и говорили, что за этой чертой — взрыв, бунт, гражданская война. Но с каждым разом черта эта отодвигалась всё дальше. Погружались в болото, в трясину и вдруг стали ощущать твёрдую почву под ногами.

Что-то стали ощущать и иностранные инвесторы.

По данным американского журнала «Ист юропиэн инвестмент», за последние 12 месяцев общий объём инвестиций в страны СНГ вырос в 3 раза по сравнению с аналогичным прошлым периодом и достиг 28 млрд. долларов (713 соглашений).

По количеству заключённых сделок на первое место вышла Россия, а по объёму инвестиций — Казахстан.

По данным В.Щербакова (Фонд содействия приватизации и иностранным инвесторам), в России осуществляется свыше 160-ти инвестиционных проектов.

Входят в практику международные тендеры. Недавно, например, завершился тендер по освоению одного из крупнейших в мире Удаканского месторождения меди (Читинская область). Участвовали 8 фирм. Победила Удаканская горная компания (45% капитала принадлежит кипрскому акционерному предприятию, половиной акций которого владеют американцы).

В этом же ряду — положение на рынке офисных помещений в Москве и Санкт-Петербурге.

Работают две схемы ипотечных сделок.

Схема первая. Реставрируется дом. Половина его отдаётся городу, половина остаётся у вкладчика.

Схема вторая. Весь дом остаётся у вкладчика. Но он строит для города квартиры, в полтора раза превышающие число квартир, необходимых для отселяемых жильцов.

В ближайшие 5 лет в Москве предполагается построить под офисы 250 тысяч кв. метров. А потребность — более 12 миллионов. Так что фронт работ есть.

3. Я завершаю агитационную часть своего выступления и выступление вообще.

Россия тяжело больна, но она непременно поправится, встанет на ноги.

Тот, кто рискует сегодня, завтра выигрывает вдвойне или втройне. Это — экономика.

Теперь политика. Специально для израильтян. Вклад в развитие России — это вклад в безопасность Израиля.

И, наконец, если угодно, почти философия. «Пока не потеряно всё, не потеряно ничего». Я впервые услышал эти слова в исполнении известного вам Аркадия Вольского. И поэтому называю их аксиомой Вольского».

Тема капиталовложений в Россию была модной ещё год-полтора. Мне не раз приходилось открывать и закрывать. И не всегда так нудно, как 8 июня. В порядке реабилитации предлагаю текст, «озвученный», как ныне принято говорить, на съезде Ассоциации новых предпринимателей Израиля. Ассоциация объединяет «русских», которые решили заняться бизнесом и которые, естественно, смотрят в сторону России. Итак.

«Получив приглашение на ваш съезд, я собирался выступить по существу, рассказать о проблемах нынешней России. Но мой друг Юрий Штерн (председатель Ассоциации — А.Б.) популярно разъяснил, что мне отведено 7 минут и что, следовательно, от меня ждут не разговора по существу, а приветственных слов, соответствующих торжественному характеру данной церемонии.

Поэтому я торжественно приветствую съезд Ассоциации новых предпринимателей и самих новых предпринимателей. Желаю вам здоровья, успехов и — главное — желаю того, чтобы новый бизнес не всегда оставался малым бизнесом.

Если в ранце каждого уважающего себя солдата должен лежать, как известно, жезл маршала, то в кармане каждого уважающего себя бизнесмена, тем более — нового, должна лежать чековая книжка Ротшильда или, скажем, Айзенберга. Ну, в крайнем случае, — Константина Борового.

Вот на этом и можно было бы закончить моё приветственное слово. Но поскольку у меня остаётся ещё больше пяти минут, я позволю себе несколько менее торжественных замечаний.

Каждый еврей, как вы знаете лучше меня, обязан за неделю прочитывать одну главу Торы. Чтобы понять страну, в которой я представляю Россию, понять здешний менталитет, я тоже читаю Тору. На прошлой неделе и на этой мы читаем о казнях египетских.

Суровые были казни. И жабы, и вши, и дикие звери, и саранча... В общем, страхи Господни.

Причём, как я с удивлением узнал, в результате этих казней, как указано в Талмуде, погибали не только египтяне. Погибли, по некоторым оценкам, примерно 80% евреев, которые жили в Египте.

Возникает вопрос: неужели Всемогущий, Всесильный не мог воздействовать на фараона, не уничтожая свой народ?

Всесильный сам ответил на этот вопрос. Оказывается, он «ожесточил сердце фараона» для того, чтобы совершить все знамения и что-бы, тем самым, все евреи поняли, что именно он — их Бог.

Значит, казни египетские как средство воспитания еврейского народа. Или, как писал позавчера в «Вестях» штатный комментатор Торы г-н Полонский, нужно было создать кризисную ситуацию, чтобы еврейский народ пересмотрел свои целевые установки.

А теперь от казней египетских, которые всё-таки далеки от нас, перейдём к сюжету более близкому — к абсорбции.

За время, которое я здесь, я не раз спрашивал себя: неужели — несмотря на объективные и всем понятные трудности, — неужели нельзя было сделать так, чтобы абсорбция сопровождалась меньшим числом потерь — и нравственных, и социальных, и политических?

Но прочитав главу «Бо» и комментарий к ней, я понял: вопрос мой наивный, и зря я задаю его. Всё стало ясно: трудности абсорбции, кризисные ситуации, которые она порождает, как раз и созданы для того, чтобы перевоспитать олим хадашим, чтобы переориентировать их установочные, регулятивные механизмы на ценности рыночной экономики, чтобы приучить их держать удар в неизбежной конкурентной борьбе.

Так что не жаловаться надо, а радоваться.

Этому учит Книга.

И с такой точки зрения следует, на мой взгляд, подойти к трудностям, с которыми сталкиваются те из вас, кто имеет деловые контакты с Россией.

Россия, разумеется, — зона повышенного риска.

Но — огромный рынок.

Но — дешёвая (пока!) рабочая сила.

Но — недорогие (пока!) мощности.

Плюс — отсутствие для вас языкового барьера.

Не случайно в России бизнес, для того, кто преодолел страх и кто умеет рисковать удачно, окупается в несколько раз быстрее, чем в Израиле.

У еврейского поэта Льва Халифа (он теперь живёт в Нью-Йорке) есть такие строчки:

Из чего

Твой панцирь,

Черепаша? —

Я спросил и получил ответ:

— Он
Из пережитого мной
Страха.
И брони надежней
В мире
Нет.

И я надеюсь, что абсорбция в Израиле, закаливающие процедуры в России в конце концов оденут вас в такую броню, которая позволит успешно штурмовать любые высоты бизнеса. Даже в России».

Аудитория ликовала. Но до министра абсорбции, который вместе со мной украшал президиум, мой юмор как-то не дошел. Может быть, из-за перевода. Он говорил, наверное, полчаса и насчёт казней египетских выразил несогласие со мною. Аудитория опять же радовалась.

.....
19 июня началось моё личное и весьма драматическое знакомство с израильской медициной. В этот субботний день я отправился к «некошерному» соседу в сауну. При сауне — бассейн. Спускаясь туда, разодрал ногу (металлические ступеньки «заиграли»). Вызвали (по страховке) родную «Скорую помощь». Она, действительно, скоро приехала. Тут же на травке зашили рану. И хотя стало как-то кисло, сухопутная часть субботнего вечера была выполнена полностью.

Через неделю швы сняли. Казалось бы, — пустяковое дело. На мне всегда всё заживало, как на собаке. Но не тут-то было. Началось что-то непонятное. Рана не собиралась заживать. Вокруг появились какие-то лопающиеся и мокнушие волдыри. Пошли в ход примочки и повязки. Слава Богу, хоть не болело. Не мешало работать. Да и со стороны ничего не было заметно: в шортах ведь не ходил. Но очаг поражения разрастался.

Началось хождение по врачам, которое продолжалось два с лишним года. Воистину — хождение по мукам. **Диагноз колебался от розжистого воспаления до трофической язвы.** Было испробовано всё. Светила израильской медицины, в которую я тогда верил почти свято. Наши «русские» эскулапы. Экстрасенсы, биоэнергетики и целители. Лежал в больнице. Искусственная кожа. Какие-то немыслимые мази. Чудеса излучающей техники. То чуть лучше, то чуть хуже. В итоге: три шага вперёд, два — назад. А значит, дело шло на поправку. Только уж больно медленно. То, что здесь занимает несколько сухих строчек, в жизни, наполненной переживаниями, заняло, повторяю, более двух лет.

Во время визита Рабина в Москву сумел заскочить в Кунцево, в ЦКБ. Осмотрели мою несчастную ногу, пощупали и сказали так: оставайтесь у нас на 10 дней, вылечим. Но не было у меня 10-ти дней. Поджимали какие-то события, которые, как я считал, — вот она, чиновничья психология! — требовали моего присутствия.

Перед тем, как высказать общие суждения об израильской медицине, — ещё один личный опыт, на этот раз — сугубо положительный. Давно уже, задолго до Израиля у меня начали болеть колени. Остеохондроз это называется, если мне память не изменяет. Лечили меня в той же ЦКБ. Честно предупредили: лечение — это торможение неизбежного ухудшения. Несколько лет тормозили. Однако ходить, да и стоять становилось всё труднее. В Израиле я вынужден был вооружиться палкой. Был один несомненный плюс. На всех приёмах, где положено стоять, палка выручала: мне приносили стул. Но бывали ситуации, когда надо было и стоять, и ходить. Например, высокий визитёр из Москвы. Козырев, допустим, или Примаков. Поступал так. Накануне визита отправлялся к врачу, и он делал по паре уколов в каждую коленку. Обезболивал. Гарантия — на 48 часов. Двое суток другой жизни.

В конце концов принял радикальное решение — заменить обе колени протезами. Можно было, конечно, сделать операции в Москве. Но не хотелось отрываться от посольства, да и условия для послеоперационной реабилитации в Савьоне были несравненно лучше, чем в моём московском жилище. Поэтому оперировался в Иерусалиме.

Всё прошло нормально. Прекрасно прошло. С тех пор хожу и даже прыгаю. Но палки не выбрасываю. Жизнь длинна — вдруг ещё пригодятся. Каждый раз, когда появляюсь в Израиле, звоню пилившему мои кости Григорию Львовичу Хаимскому и говорю: «Спасибо!» Разумеется, это «спасибо» относится и к израильской медицине. С поправкой на «русские» руки хирурга.

А теперь — с учётом своего собственного опыта — и минусового, и плюсового — хочу поговорить об израильской медицине, хочу попробовать отделить легенды, которыми обросло израильское здравоохранение, от фактов.

Главный факт — это хорошее, добротное здравоохранение, находящееся на уровне мировых стандартов. Главная легенда — это слишком хорошая, превосходная медицина, чуть ли не творящая чудеса.

У израильской медицины современная техническая база, современное оборудование, современные материалы. Соответственно — диагностика, соответственно — протезирование. Много хороших и разнообразных лекарств. Вполне приличные обслуживание и уход в больницах. Особо я выделил бы помощь пожилым и старым людям.

Что нам, которые привыкли к медицине советской, кажется странным? Нельзя бесплатно вызвать врача на дом. Нет бесплатной «Скорой помощи». И вообще «Скорая» только отвозит в больницу, а не оказывает помощь на дому.

Но это, допустим, мелочи. Сам характер медицины иной. Врач, как правило, смотрит на вас отстранённым, компьютерным взглядом. Он предпочитает смотреть на экран компьютера, а не в ваши

глаза. Он даёт вам направления на анализы и специальные исследования, а потом интересуется не столько вами, сколько — результатами.

Меня как-то направили на компьютерную диспансеризацию. Сел напротив компьютера. Зажигается надпись. Например: «Беспокоит ли вас сердце?» Если я нажму клавишу «да», на экране появится перечисление нескольких вариантов «беспокойств». Выбираю нужный мне. Появляется ещё ряд детализирующих вариантов. И далее — насколько у программиста хватило знаний и воображения. Так прошлись по всем органам и функциям. Что заняло довольно много времени. Затем врач изучает выданные машиной бумаги. И, наконец, беседа с врачом. Самое забавное, что компьютер не смог выудить у меня сведения о том, что меня больше всего беспокоило. Не запрограммирован был на это. Если бы я с самого начала имел дело с врачом, то сэкономил бы много своего времени и казённой бумаги.

Компьютерное довлеет над человеческим. Лечат не человека, а болезнь. Явный дефицит внимания, сочувствия, сопереживания. Говорят, что это «американская школа». Но от этого не легче.

Появление тысяч «русских» врачей, которые воспитывались на принципах классической «земской» медицины, сказывается на общей картине. Во всяком случае — для «русских» пациентов. Но репатриантам не просто пробиться в израильскую медицину. Если стаж меньше 20 лет, надо сдавать экзамен (на иврите!). После долгой борьбы, в которой участвовало и посольство, удалось снизить планку годности до 13 лет.

Теперь — о ценах. Большинство израильтян имеют медицинскую страховку. Она оплачивается ежемесячными взносами граждан и работодателей. Существуют разные виды страхования с разным набором льгот. Застрахованные получают лекарства с большой скидкой и пользуются бесплатными поликлиниками.

Стоматология платная. Весьма дорого обходятся пребывание в больнице и операции. Скажем, операция на сердце — примерно 25 тысяч долларов. Мне мои обе коленки стоили 46 тысяч. Всякая дополнительная услуга в больнице (телефон, телевизор) стоит денег. Средний срок пребывания израильтянина в больнице — 5 суток (1-е место в мире).

Частная медицина очень дорогая. Последнее время заметна тенденция к приватизации медицинского обслуживания. А, значит, и к его удорожанию.

В одном из наиболее популярных путеводителей по Израилю я наткнулся на такой пассаж: «Когда израильтяне испытывают боль, они, как правило, очень бурно выражают свои чувства. Поэтому, если вы находитесь в кабинете неотложной помощи с приступом аппендицита и готовы от терзающей боли взорвать всё вокруг, дайте выход своим эмоциям. Более того, если вы будете стоически сносить страда-

ния, то персонал решит, что вы не настолько больны и окажет помощь прежде всего другим пациентам, не оценив по достоинству вашу сдержанность». По характеру юмора сразу видно, что путеводитель делали не израильтяне...

Знакомя читателей с израильской медициной, не могу не упомянуть о буре, которая разразилась в Израиле во второй половине 80-х годов и отголоски которой докатились до меня. В 1985 году появилась книга «Кровопролитие в медицине. Личное свидетельство». А в 1989-м — другая книга «Медицинская мафия в государстве коррупции». Автором обеих книг, которые камня на камне не оставили от израильского здравоохранения, был Юлий Нудельман. Он приехал в Израиль из Москвы в 1971 году. Работал хирургом в больнице «Рамбам», заведовал хирургическим отделением в больнице «Барзилай» в Ашкелоне. Участвовал в войнах Судного дня и «Мир Галилее», оперировал на поле боя.

В послесловии к первой книге Нудельман писал: «В результате долгих наблюдений, рассуждений, анализа я пришел к выводу о низком уровне нашего медицинского обслуживания, о росте антигуманных тенденций в нашей медицине, о наличии в ней мафий, ведущих медицину в антинациональном направлении, о том, что бытующие в народе представления относительно высокого уровня медицины Израиля ложны... Я писал книгу, испытывая настоящую физическую боль и душевные муки... Я убежден, что пришло время свергнуть идолов. Чем скорее население узнает и осознает правду о медицине, тем успешнее оно сумеет оградить себя от её пороков — и результаты не замедлят сказаться... Разочаровывать других тяжело, но и не легко самому разочаровываться. Я долгое время жил под гипнозом вымышленных представлений об идеальном еврейском обществе и о великих достижениях еврейского народа во всех областях и особенно в медицине... Разочарование всегда болезненно. Но только знание неприкрашенной истины, как бы оно ни было мучительно, может привести к радикальным изменениям и прогрессу».

Нудельман утверждал, что израильская медицина сплошь коррумпирована. В здравоохранении правят бал узкие мафиозные группы. Ставят неправильные диагнозы. Лечат отвратительно. Обирают больных. Не дают ходу врачам, приехавшим из Советского Союза. Et cetera.

После всех этих инвектив Нудельману, естественно, пришлось покинуть медицину. Но он остался на плаву¹. Когда я с ним познакомил-

¹ «История моей персональной травли, — говорит Нудельман, — кончается внешне благополучно. Я стойко выдержал продолжавшиеся почти полгода судебные процессы и битвы с системой, с медицинским истеблишментом, с государственным аппаратом. Годы преследований, клеветы, издевательств не сломили меня. Меня не удалось опозорить. Меня не убили. Мне даже не заткнули рот... Ибо в этом и состоит различие между нашей, израильской, хаотичной диктатурой, гордо име-

ся, он занимался бизнесом (пахал израильско-российскую ниву) и политикой (в рядах партии Третий путь). И оставался типичным «разгребателем грязи». Его удары были направлены против «советизации» Израйля (он видит такую опасность), против Сионистского форума и лично против Натана Щаранского.

Мне трудно судить, насколько прав Нудельман. Мои личные наблюдения не подтверждают его зубодробительных выводов. Но мои наблюдения неизбежно поверхностны. То, что он видел изнутри, я видел в основном снаружи. Как бы то ни было, его книги, как минимум, подтверждают, что и на Солнце есть пятна. И даже большие.

В Израиле обожают антибиотики. И вообще всякие таблетки. Я же предпочитаю физиотерапию, конкретнее — терапию мануальную. С благодарностью вспоминаю Арика Брандта, Геннадия Нестеренко¹, Александра Слободского. А когда жаждал чуда, отправлялся к радио-этезиологу (не берусь объяснить, что это такое) Владимиру Борисовичу Киселёву или к биоэнергетику (это понятнее) Эсфири Вайнштейн. Чудес, увы, не было, но всё равно было приятно.

Конечно, приходилось и таблетки кушать. Тут меня выручала чета Бондеров (Фрида и Наум), которые щедро делились содержимым своей аптеки. Дружили домами, независимо от моей потребности в лекарствах...

.....
21 июня отправился в Хайфу, чтобы сообщить Моше Мано, совладельцу пароходной компании, радостную новость: МИД Израйля дал согласие на назначение Мано почётным консулом России². К сожалению, радость оказалась преждевременной. В начале июля поступило возражение из российского МИДа. Заместитель министра иностранных дел Б.Н.Пастухов предложил посольству принять меры к отзыву «обращения в МИД Израйля по данному вопросу».

Этому прискорбному факту предшествовала и за ним последовала типичная чиновничья поэма в письмах. В качестве избранной страницы приведу моё письмо Пастухову (от 22 июля 1993 года).

.....
нующей себя демократией, и подлинной диктатурой. Ты можешь почти всё сказать, ты можешь многое опубликовать. Вопрос — кто услышит сказанное, кто прочтёт написанное. А если и услышит, и прочтёт — то что это изменит?» Не правда ли, «хаотичная диктатура» что-то нам напоминает?

¹ В прощальном послании Геннадия Николаевичу я писал: «Покидая Землю Обетованную, оставляю здесь пять с лишним лет жизни, много друзей и 40 килограмм любимого тела. К последнему Вы имеете прямое отношение. Ваши великолепные, умелые руки не только выдавливали из меня жир, но и «вдавливали» в меня здоровье, энергию и бодрость духа. Перефразируя слова пророка Исаяи, могу сказать, что под Вашими руками кости мои расцвели, «как молодая зелень».

² Почётный консул, в отличие от консула обычного, карьерного, назначается из граждан страны пребывания и выполняет ограниченный круг консульских функций. Пользуется привилегиями. Специального вознаграждения за выполнение консульских функций (зарплату) не получает.

«Уважаемый Борис Николаевич!

Произошло какое-то недоразумение. Я имею в виду вопрос о нашем почётном консуле в Хайфе.

Когда меня напутствовали перед моим отъездом в Израиль (декабрь 1991 г.), тогдашний руководитель Консульского Управления МИД СССР И.В.Халевинский настойчиво советовал не забывать о почётных консулах. И даже вручил мне Положение об оных.

Через полгода, 22 мая 1992 г., посольство предложило МИД РФ рассмотреть кандидатуру М.Мано на предмет утверждения его почётным консулом в Хайфе.

К сожалению, Консульская служба МИД РФ отрицательно отнеслась к нашему представлению. Аргументация следующая: лучше держать курс на «нормальное» консульство в Хайфе. А ежели такое консульство будет — зачем ещё почётный консул...

В письме от 25 января 1993 г. посольство отметило, что решение вопроса о консульстве в Хайфе — дело весьма длительное¹, а нам хотелось бы активизировать там работу уже сейчас. Причём, почётный консул не только берёт на себя выполнение некоторых консульских функций (в данном случае — работа с морским транспортом, регистрация граждан), но и — будучи известным, уважаемым человеком — способствует росту симпатий к России.

11 февраля с.г. у меня состоялась обстоятельная беседа с В.В.Виноградовым (начальник Консульской службы — А.Б.). Сложилось впечатление, что В.В. Виноградов принял мои доводы.

Соответственно в докладной записке на Ваше имя (15 февраля с.г.), где резюмируются итоги моей командировки, под п. 10 значится: «Консульская служба принимает предложение посольства о назначении М.Мано почётным консулом». В марте с.г. посольство обратилось в МИД Израиля. Согласие учредить почётное консульство в Хайфе и назначить М.Мано почётным консулом было получено 13 июня с.г.

Мы тут все радовались, считая что «пробили» нужный и важный вопрос. Поэтому Ваше решительное «нет» вызвало огорчение и недоумение.

Очень прошу Вас, Борис Николаевич, ещё раз вернуться к этому вопросу, ещё раз взвесить все «за» (которые есть) и все «против» (которых, по-моему, нет). В конце концов, почётный консул не заменяет, а дополняет работу штатного консульства. К тому же официальное решение об организации консульства в Хайфе, если и когда оно состоится, всегда будет понятным поводом для того, чтобы М.Мано прекратил свою деятельность в качестве почетного консула.

¹ Если я не ошибаюсь, вопрос этот в XX веке так и не был решен.

Прошу прощения за столь длинное послание. Что делать? Ещё раз подтверждается один из законов Паркинсона: чем мельче вопрос, тем больше слов и времени тратится на его решение.

Письмо аналогичного содержания я отправил В.В.Виноградову.

Искренне Ваш».

Не знаю, соответствовало ли письмо дипломатическим канонам эпистолярного жанра, но старался — для вышибания дипломатической слезы. Не вышиб. МИД молчал. Паузу (почти по Станиславскому) я держал до конца октября. Потом снова написал В.В.Виноградову. МИД держал паузу (наверное, по Немировичу-Данченко) до марта 1994 года.

Наконец, пришел долгожданный консульский патент (нечто вроде верительных грамот для консула):

«ИМЕНЕМ

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

объявляя настоящим всем о назначении гражданина Государства Израиль

МОШЕ МАНО

почётным консулом Российской Федерации в городе Хайфа с определением ему в качестве консульского округа округа Хайфа, Министерство иностранных дел Российской Федерации просит Правительство Государства Израиль признать Моше Маню в этом звании, допускать его к исполнению возложенных на него обязанностей, оказывать ему защиту и покровительство и предоставлять ему все права и преимущества, связанные с его званием.

Министерство иностранных дел предлагает всем гражданам Российской Федерации во время их пребывания в названном округе исполнять распоряжения главы консульского учреждения Российской Федерации по вопросам, входящим в его компетенцию.

За Министра

Иностранных Дел

Российской Федерации Б.Н.Пастухов

Директор Департамента

Консульской службы В.В.Виноградов

Москва, 22 марта 1994 года».

Теперь ход был за МИДом Израиля. Он сделал этот ход в июле, выдав Маню экзекватуру, то есть разрешение на право осуществления консульских функций.

27 июля 1994 года в Хайфе в присутствии городского начальства и представителей СМИ состоялось торжественное введение Маню в должность. Речи и шампанское, естественно. Отвечая на вопрос корреспон-

пондента «Новостей недели», наш главный посольский консул Сергей Викторович Анненков заметил: «Сегодня в приёмные дни в Тель-Авиве собираются пятьдесят и больше человек. Наши бывшие соотечественники, памятуя опыт прошлой жизни, ведут списки очередников, раздают номерки. Понятно, возникают обычные для таких ситуаций сложности... Поэтому открытие хайфского филиала, безусловно, облегчит людям жизнь и разгрузит нас. Ведь на севере страны, как известно, проживает треть репатриантов этой волны».

Становление «хайфского филиала» оказалось гораздо более сложным процессом, чем мне казалось. Сам Мано — человек, несомненно, интеллигентный, умный, энергичный. Позитивно относящийся к России. Однако можно предположить, что свои представления о предстоящей работе он формировал, наблюдая за деятельностью других почётных консулов. Таковых в Израиле более 100 человек. Как правило, они ничего не делают. А титул нередко покупают для укрепления своего положения в бизнесе. Ну, и почёт, конечно.

С Мано велись разговоры, что ему предстоит делать. Наверное, он считал такие беседы ритуальными и полагал, что будет числиться, не очень утруждая себя и свой аппарат. Он не был готов к «девятому валу» посетителей, который обрушился на его контору.

Обстановку красочно живописует в очередном «открытом письме» житель Хайфы Вениамин Спивак: «Организация консульского приёма в Хайфе поставлена безобразно. Нет предварительной записи и чёткого распределения по мотивам приёма, распорядка работы сотрудников, мест для ожидания, в частности для инвалидов и т.п.». Спивак вспоминает день, «когда больше сотни человек толпились у дверей и на лестнице офиса, изнемогая от жары, в том числе старики и инвалиды, которым нужно было решить волнующие их вопросы. Многим становилось плохо, они спешно глотали лекарства. Было стыдно, когда работники консульства вызвали себе на помощь израильских полицейских, чтобы оттеснить толпу от дверей представительства на 4-м этаже офиса почётного консула г-на Мано. Практически так повторяется каждый раз в дни приёма». Так оно и было, к сожалению.

Спасти положение могло только расширение фронта работ. Однако почётный консул не готов был тратить на это свои деньги. Стал намекать на то, что было бы хорошо поднять ставки консульских сборов, чтобы компенсировать ему затраты на приём посетителей (аренда помещения, электричество, оплата сотрудников). В общем, Мано, по-моему, как-то растерялся, не нашел себя в новой роли.

Трудности усугублялись ещё и тем, что у Мано сразу не заладились отношения с Анненковым. Стали возникать конфликтные ситуации. По существу Анненков часто бывал прав. Но, будучи по «природе» своей закомплексованным, недоброжелательным человеком, он —

вместо того, чтобы помогать Мано, снижать накал страстей, — вёл дело к ещё большему обострению обстановки.

До сих пор ругаю себя за то, что не встрял по-настоящему в эту коллизию. Разговаривал с Мано. Разговаривал с Анненковым. Но как-то вяло, без напора. Так всё и тянулось до моего отъезда. Чем кончилось — не знаю.

Замысел был хороший. Дело стоящее. Не довёл его до конца. Не хватило настойчивости, энергии...

.....
22 июня во «Времени» появилась небольшая заметка «Ещё один запрет». В ней сообщалось о том, что бывший главный раввин Израиля Мордехай Элиягу запретил мужчинам читать или разглядывать журналы для женщин. По мнению рава, такие журналы вызывают у мужчин «развратные и грешные чувства». Запрет, комментирует газета, касается прежде всего мужчин, сидящих в очередях в парикмахерских или поликлиниках, где женские журналы выложены на столиках. «Пусть лучше в носу поковыряют». Газета напоминает, что ранее рав Мордехай Элиягу запретил евреям читать в субботу газетные материалы экономического содержания.

На первый взгляд, случай частный и — с точки зрения не израильской — почти анекдотический. Однако за ним — громаднейшая, пожалуй, самая главная, самая трудная проблема Израиля. **Законы Божьи и законы человеческие. Религия и государство. Религия и демократия. Религия и Конституция.** В общем: соотношение религии и политического строя. Или по-другому: существует ли в Израиле свобода совести? Существует ли правовое государство с единой системой права? Или ещё по-другому: почему в Израиле до сих пор нет Конституции?

Поначалу отцы-основатели, а все они считали себя демократами, защитниками прав человека, рассчитывали принять Конституцию не позднее 1 октября 1948 года. Не получилось. Не получилось, грубо говоря, потому, что сионистская Конституция не хотела становиться демократической, а демократическая не могла быть сионистской.

Противники Конституции (к ним принадлежал, в частности, Бен-Гурион) выдвигали следующие аргументы:

1. Для защиты прав человека вовсе не обязательно иметь Конституцию. В Великобритании её нет, а с правами всё в порядке. В СССР она есть, а прав нет.

2. Израиль — государство всех евреев. Пока же у нас собрались примерно 10% евреев мира. Мы не можем решать за большинство.

3. Израиль в кольце врагов. А в кризисной ситуации невозможно принять либеральную Конституцию.

4. У еврейского народа уже есть Высший закон — Тора. И нет необходимости в законе, написанном рукой человека. «Израиль, — зая-

вил один из религиозных лидеров Меир Ливенштейн, — не нуждается в конституции, сотворённой людьми. Если она будет противоречить Торе, то это бунт против Всевышнего, если же она будет идентична Торе, зачем она нужна?»

5. Либеральная, демократическая, провозглашающая равноправие всех людей Конституция неизбежно окажется антирелигиозной.

Споры продолжались два года. В конце концов 13 июня 1950 года состоялось голосование в Кнессете. Против конституции — 14. За — 39. Большинство в 50 голосов Кнессет решил так: будем постепенно принимать Основные законы, каждый из которых явится главой будущей конституции.

Сказано — сделано. Принято 11 Основных законов.

О Кнессете.

О Правительстве.

О Президенте.

О земельной собственности государства.

О народном хозяйстве.

Об армии.

Об Иерусалиме — неделимой столице Израиля.

О судопроизводстве.

О государственном контролёре.

О свободе труда.

О чести, достоинстве и свободе человека.

Обратите внимание. В этом перечне отсутствует закон о правах человека и гражданина. Такой закон не может существовать, если он не признаёт равноправия всех граждан. В Израиле же граждане не равноправны. Первым сортом идут евреи, особенно — религиозные. Остальные — вторым. Я сознательно опускаю здесь нюансы и всяческие уточнения и оговорки. Чтобы рельефней проступило главное: израильское государство признаёт неравноправие своих граждан.

Впрочем, одно уточнение сделаю. Даже внутри «первого сорта», среди евреев, некоторые (вспомним Оруэлла) «равны больше, чем другие». Другие — это сторонники разных форм неортодоксального иудаизма, который не в чести на Земле Обетованной. Но диссиденты неискоренимы. В Израиле существует Движение прогрессивного иудаизма. При нём есть Центр еврейского плюрализма. Руководит Центром раввин Ури Регев. «Израиль», — говорит он, — единственная страна в демократическом мире, где граждане не наслаждаются подлинной свободой. Абсурд в том, что израильтяне пользуются меньшей свободой совести и вероисповедания, чем, например, евреи в России».

Вернёмся к более общей теме. Пресса полна возмущённых писем по поводу нетерпимости, наглости ортодоксов. Люди протестуют против необходимости всем подчиняться установлениям, которые отра-

жают мировоззрение лишь части общества. Принцип демократии — меньшинство пользуется правами и свободами, которые имеет большинство. В Израиле же ортодоксальное меньшинство навязывает большинству свои порядки, свои представления о «правах человека».

«Непонятно, — пишет в «Вести» читатель А.Дуклер, — почему власть предрежающие сквозь пальцы смотрят на хулиганствующих ортодоксов, забрасывающих камнями машины светских граждан. Интересно, как бы повели себя правоохранительные органы, если бы аналогичными действиями светские подвергали опасности религиозных?»

Религиозные евреи возмущаются тем, что светские едят некошерную пищу, ходят в «нескромной» одежде, ездят в субботу на машинах и т. д. Почему они считают своим правом поучать всех, навязывать всем свои правила поведения, свою моду, правила жизни?

Они провозглашают: «нарушающий субботу да умрёт!» Но кроме обязанности чтить субботу есть и другие заповеди, среди них — «Не убий!»...

Если за нарушение субботы полагается смерть, то какому наказанию следует подвергнуть нарушителя заповеди «Не убий»?

Или соблюдать заповеди можно избирательно?»

Типичное письмо. Типичная логика: мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте, не лезьте в нашу жизнь.

Иногда смотрят глубже. Надо отделить религию от государства, и тогда всё станет на свои места. Так сказать, Богу — Богово, кесарю — кесарево. Параллельные непересекающиеся миры. Всем — Конституцию. Тем, кто верует, ещё и Тору. В личной жизни Тора, обеты «главнее» Конституции. Но в жизни государственной, политической, социальной Конституция, демократия пользуются неоспоримым приоритетом.

Однако классический сионизм, ортодоксальный иудаизм не принимают этот подход европейского Просвещения.

Ленин как-то заявил: нравственность, мораль — это то, что служит коммунизму. В Израиле можно услышать: демократия — это то, что служит сионизму. Любопытно в этой связи выступление А. Шарона в Кнессете в июне 1993 года. Не случайно, говорил Шарон, в Декларации независимости нет слова «демократия». Не случайно потому, что сионизм ставил своей целью не создание ещё одной демократии в мире, а создание еврейского государства, которое принадлежит еврейскому народу и только ему. «Сионизм с самого начала, — продолжал Шарон, — считаясь с необходимостью стимулировать упрочение еврейского присутствия в стране, его рост и укоренение, не мог действовать по правилам демократии». Ибо большинство населения Палестины составляли арабы, а они «демократически» никогда бы не пустили туда евреев. «Когда дело касается судьбы евреев

в Эрец-Исраэль, — заключил генерал, — демократично лишь то, что утверждает наше историческое право на землю предков».

Если принять такую точку зрения, — а пока она господствует в Израиле, — то Конституция может иметь смысл лишь тогда, когда она закрепляет сионистский характер Государства Израиль как государства еврейского народа и для еврейского народа. Соответственно, она будет защищать не права некоего абстрактного «человека», человека вообще, а права еврея. Соответственно же, она будет демократичной, но лишь в пределах сионистского толкования понятия «демократия».

Проблема гораздо глубже столкновения политических позиций, демократов и антидемократов. Перед нами — реальный парадокс, уходящий корнями в историю и религию еврейского народа. И пока эта традиция жива, Израиль будет государством евреев и для евреев. А когда он станет государством для своих граждан, независимо от вероисповедания, это уже будет совсем другой Израиль. Если развитие человечества подчиняется общим закономерностям, то рано или поздно, как мне кажется, это произойдёт...

Будущим, однако, пусть занимаются внуки. Что же касается настоящего, то израильтянам, израильским властям, израильской элите стоило бы серьёзно задуматься над тем, как, — не дожидаясь Конституции, не углубляясь в метафизические дебри, — стать более терпимыми друг к другу. Не поступай с другим так, как ты не хочешь, чтобы он поступил с тобой...

.....

30 июня завершился X раунд переговоров по ближневосточному урегулированию. Толку не было. Вместо делового обсуждения взаимные упреки и подозрения. Не исключено, что тайные и достаточно серьёзные переговоры, которые велись в Норвегии, психологически демобилизовывали участников официальных переговоров. Надежды на Осло гасили интерес к Вашингтону, где дружно маршировали на месте.

Анализируя ситуацию, посольство предложило МИДу ряд соображений.

1. Палестинцы, опираясь на всё ещё сохраняющуюся арабскую поддержку и свои позиции в мировом общественном мнении, используя интифаду, учитывая наличие «левых» в Израиле, ведут себя на переговорах всё более капризно, ужесточают позиции, выдвигают явно завышенные требования. Цель — уже на этом этапе переговоров предопределить однозначность «окончательного решения». Говорится «автономия» — подразумевается «государство».

2. Израильтяне, не снимая полностью вопрос о значении геостратегических факторов для безопасности Израиля (Голаны, например, или ряд точек в Иудее и Самарии), всё же стремятся поднять удель-

ный вес факторов политических (мирные договоры и соглашения). Это заставляет их идти в принципе навстречу арабам. В этом же направлении давят коспонсоры (мы деликатно, США — не очень). Туда же подталкивают надежды сбить волну террора путём соглашений с палестинцами..

3. Указанная асимметрия позиций ведёт и к асимметрии оценок. Израильтяне склонны сдержанно подчёркивать позитив переговоров, добавляя: если бы не упрямство арабов, можно было бы добиться большего. Арабы предпочитают говорить о застое, тупике, обвиняя, естественно, израильтян во всех смертных грехах. Сказывается различие интересов. Израильтянам нужен компромисс, и поэтому им важно показывать, что, идя на уступки, они приближают компромисс. Арабы (палестинцы, сирийцы) ещё надеются получить «всё» (все Голаны, все территории), поэтому, если не «всё», — то значит тупик.

4. Асимметричный ход переговоров делает положение правительства Рабина всё более шатким. С одной стороны, «народ» недоволен отсутствием конкретных результатов. С другой же, — растёт недовольство электората односторонними уступками (особенно среди сабров, ватиков, поселенцев).

Вновь начались разговоры о возможности чуть ли не гражданской войны. Вспоминают о диверсионных действиях поселенцев, которые 13 лет назад пытались помешать уходу с Синая. Упорно ходят слухи, что на территориях уже организуются подпольные вооружённые отряды, призванные торпедировать мир (ежели он — в обмен на землю). Оппозиция настроена напористо, агрессивно. Она перестраивает ряды и готовится дать бой. Если состоится референдум, правительство падёт.

5. И вот тогда мы можем получить новый Израиль, Израиль подчёркнуто воинственный, жёсткий. «Ничего лучшего, чем status quo, придумать нельзя», — сказал Эйтан. Дальше причинно-следственная цепочка понятна: защита status quo — наращивание военной силы — второе издание сионизма — рост напряжённости на Ближнем Востоке — ослабление позиций России.

6. По-видимому, ни Израиль, ни его партнёры по переговорам (в значительно большей степени) не готовы ещё принять реальную компромиссную формулу: часть территорий в обмен на полный мир. И в ближайшие 5-10 лет взять этот барьер будет невозможно.

7. Здесь кончается анализ и начинается политика. Вопрос можно сформулировать так: целесообразно ли продолжать мадридский процесс в его нынешних параметрах, с нынешней скоростью и нынешними надеждами или же пришло время посмотреть на ход переговоров свежими глазами? Психологически легче всего продолжать. Но простое продолжение переговоров неизбежно вызовет рост взаимно-

го разочарования и в конечном счёте приведёт в тупик. Парадокс мадридского процесса: приближая вроде бы подлинный мир, он на самом деле отодвигает его.

Заманчиво форсировать переговоры. Форсаж имел бы смысл только в том случае, если бы арабы признали право Израиля на существование, право евреев быть в Палестине у себя дома. Но они не сделают это. А форсаж за счёт очередных односторонних израильских уступок кончится сменой правительства в Израиле.

Остаётся ещё один выход: плавно притормозить, подморозить переговоры. Иногда можно слышать: или прорыв к миру — или война. Это «или-или» идёт от конфронтационных представлений. Теперь другие времена. Переговоры могут тянуться годами. Поскольку когда и если Америка и Россия действуют совместно (параллельно), есть все возможности гарантировать мир («не-войну») на любое время, нужное для переговоров. А нужно его столько, чтобы пришли новые поколения руководителей, готовых к компромиссам.

8. В общем, как бы ни оценивать ситуацию, пришло время остановиться и подумать, посоветоваться. Говоря конкретно, писал я в Москву, можно было бы, во-первых, собрать наших специалистов из разных ведомств, послушать их; во-вторых, провести совещание послов ближневосточного узла и, в-третьих, вывести американцев на откровенный разговор с нами.

МИД, как это часто бывало, загадочно промолчал. Поэтому ничего не могу сказать по поводу «во-первых» и «в-третьих», а совещание послов провели в январе 1997 года.

.....
В еженедельнике «Алеф» появилось моё интервью с главным редактором журнала Давидом Шехтером.

— *Происходящее сейчас в СНГ напоминает порой сцены из фильма ужасов. Великая империя, существовавшая тысячу лет, медленно и кроваво разваливается. Этот процесс можно остановить? Существует ли вероятность диктатуры в СНГ и как реакции на неё — гражданской войны?*

— Когда-то меня учили: журналист не должен задавать вопросы, на которые собеседник не может ответить. Во всяком случае — в рамках интервью...

Могу лишь обратить внимание на два тезиса. Первый. Возможно всё, что не противоречит законам физики. И второй. Оценка вероятности той или иной возможности, как правило, не может не быть субъективной. Я, например, по природе своей неискоренимый оптимист. И в моей системе координат нет места ни диктатуре, ни гражданской войне... А в общем, правы мудрые китайцы, когда говорят: трудно предвидеть, особенно трудно предвидеть будущее.

— *Какое влияние собирается оказывать Россия на события в нашем регионе? Произошел ли полный пересмотр прежних установок и акцентов, или уменьшившееся влияние России вызвано только тем, что «пока не до нас»?*

— Политика России на Ближнем Востоке претерпела существенные изменения. Мы перешли на позиции здорового прагматизма, отстаивания собственных национально-государственных интересов и, соответственно, перестали складывать яйца в одну корзину.

Нашим интересам соответствуют хорошие отношения с Израилем, и мы активно работаем в этом направлении, учитывая, разумеется, позиции и политику Израиля. Точно так же нашим интересам соответствуют хорошие отношения с арабскими странами. И мы стараемся сохранить их, если, разумеется, позиции и политика той или иной страны не вызывает у нас принципиальных возражений.

Интересам России, как нетрудно понять, соответствует стабильное, справедливое урегулирование на Ближнем Востоке, урегулирование, которое устроило бы всех. Такова цель нашего «вмешательства». Мне хотелось бы, чтобы наше «вмешательство» было более активным, но у сегодняшней России на первом плане — проблемы внутривнутриполитические. Пока.

— *Вы были, пожалуй, единственным человеком в советском пропагандистском аппарате, который пытался быть объективным по отношению к Израилю. Тем не менее лет десять назад, вернувшись после посещения Израиля в составе делегации Комитета защиты мира, вы, выступая по телевидению, говорили об Израиле в основном как о стране с южной природой и красивыми женщинами. После полутора лет пребывания в Израиле вы можете что-то добавить?*

— Не «тем не менее», а как раз «поэтому». Но даже после почти невинных слов о красивых женщинах в Израиле на меня обрушилась лавина сердитых негодующих писем... Такие были времена.

Могу, конечно. Израиль — прекрасная страна. Такая же грешная, как все остальные. Подробности — в архиве МИД России.

— *В интервью, которое вы дали корреспонденту «Алефа» в Москве в декабре 1991 года, вы сказали, что нынешнее поколение израильских и арабских политиков не способно разрешить ситуацию на Ближнем Востоке. Ваша точка зрения осталась прежней?*

— Да, прежней.

— *Выступая недавно по радиостанции РЭКА, вы пожалели репатриантов-пенсионеров, находящихся в сложной ситуации. Не кажется ли вам несколько странным такое заявление из уст посла страны, отказывающейся платить этим людям честно заработанные пенсии?*

— Я сначала человек и только потом — посол. Если моя страна поступает неблагородно, то нет ничего странного в том, что я выра-

жаю сочувствие тем, кто был лишён пенсий. Я убеждён в том, что, как только новая, демократическая Россия встанет на ноги, пенсии будут выплачиваться.

— *Есть ли евреи среди сотрудников российского посольства?*

— Среди сотрудников посольства евреев нет.

Должен признаться, что когда меня назначили послом, то одной из первых «посольских» мыслей как раз была мысль о том, что обязательно надо включить в состав посольства двух-трёх евреев. И не только мысль — встречался и беседовал с несколькими потенциальными кандидатами.

Однако здесь, на Земле Обетованной, мои новые израильские друзья рассудили иначе. «Не занимайся дешёвкой, — сказали они. — Евреи у нас и так есть. А в русском посольстве пусть работают русские». Вот уж воистину всё относительно, подумал я. Одна и та же проблема выглядит по-разному с разных точек зрения. И решил, что в Израиле будет правильно предпочесть израильскую точку зрения.

— *Если вас сегодня спросит русский еврей, находящийся в России, ехать или не ехать в Израиль, что вы ему скажете?*

— Если уж совсем не вмоготу, то, конечно, надо ехать. Но если есть характер, если есть желание и силы испытать себя в новой обстановке, то стоит остаться. Убеждён, что в демократической России еврейская община имеет большое будущее.

.....
Культура в июне. Концерт А.Розенбаума в «Максима». По моей просьбе любимый «Вальс-бостон» на бис. — Концерт олимовской самодетельности. Не поймёшь, ты где — в Израиле или в России. — Кошачий цирк Куклачёва. Внук в восторге. Кошек много. — В тель-авивском музее концерт чешской музыки. Очень элегантно.

ИЮЛЬ-93

*«Все хотят лучше жить» — «Московский вариант» —
— Долги Собчака и Станкевича — Ливан: операция «Расплата» —
— «Хизбалла» — Чеченский след в Израиле*

Прибыло крымское начальство. Богров (Верховный Совет) и Семёнов (премьер). Начитались Аксёнова про «Остров Крым». Надеются с помощью Израиля превратить Крым в курорт мирового класса. Проби-
вались к президенту и почему-то очень хотели попасть на приём к американцам (4 июля). Пришли за помощью. И хотя они всё же «ино-
странцы», пришлось помогать (но «незаметно», чтобы не обиделось посольство Украины).

.....
Ответил на вопросы корреспондента «Jerusalem Post».

*«— Г-н посол, как восприняли ваше назначение на высшую диплома-
тическую должность в Еврейском государстве представители так на-
зываемых националистических течений и ваше ближайшее окружение?
Ваша первая реакция на полученное предложение.*

— Как реагировали «представители так называемых националисти-
ческих течений», я не знаю. Догадываюсь, что довольны они не были.

Родственники, которых у меня совсем уже мало, и друзья, кото-
рых чуть больше, отнеслись к моему назначению спокойно. Форму-
лировались различные теоремы и следствия из них. Например: «Луч-
ше много раз бывать в разных странах, чем всё время — в одной
стране». Или: «Лучше быть послом в 60 лет, чем атташе в 20». И т. п.

Сам я сначала удивился, потом обрадовался, а ещё потом почув-
ствовал некую тревогу, беспокойство.

*— Верующий ли вы человек? Если — да, то в какой степени? Не
противоречит ли ваше кредо высокообразованного человека культуре веры?*

— В Бога не верю. Стопроцентный, абсолютный атеист. Как сказал
когда-то Лаплас, мне не нужна эта гипотеза. Ни для объяснения мира,
ни для объяснения человека, ни для различения Добра и Зла. И, по-
моему, лучшее подтверждение атеизма — история религии, история
церкви.

Помните Достоевского? Слезы ребёнка? Много ли сделал Бог,
сделали боги, — имя им легион, — чтобы этих слёз было меньше?

Нельзя остаться верующим, когда выходишь из детского павильона в Яд ва-Шеме...

— *Изменились ли ваши первые впечатления и представления об Израиле за время пребывания на посту посла?*

— Конечно, изменились. Рассеялись, ушли многие мифы. И главный из них: «Все евреи — братья, а в Израиле — так родные братья». Я оказался в почти обыкновенной, почти европейской, почти демократической, почти религиозной стране...

— *Простите, но почему столько «почти»?*

— Наверное, потому, что почти все характеристики Израиля противоречивы, содержат внутри себя своё отрицание...

Ну, а если попробовать выбраться за пределы притяжения скептического рефлексирования, ставшего второй натурой почти каждого профессионального аналитика, то я бы сказал: удивительная страна. Последняя утопия XX века! Страна, где формируется новая нация, соединяющая Книгу с Землёй.

— *Что изменилось во внешней и внутренней политике Израиля за год правления Рабочей партии? Какие перемены в сфере своей деятельности вы ощущаете с приходом «лейбористов»?*

— Как мне представляется, политика нового правительства стала более энергичной, живой, маневренной, более оперативно реагирующей на болевые точки. Одна оговорка касается олим. Думается, что членам правительства следовало бы чаще перечитывать те места предвыборной платформы, которые посвящены абсорбции.

Заметно активизировалась по всем направлениям внешняя политика. Правительство Рабина сделало много, пошло на значительные и пока односторонние уступки, чтобы очертить контуры возможного компромисса.

— *История дипломатии хранит и с уважением относится к именам (немногим!) великих дипломатов — автодидактов. Считаете ли вы, г-н посол, что на современном этапе развития дипломатии её функционеры должны непременно обладать соответствующими званиями и дипломами или достаточно получить общее образование в сочетании с природными способностями и житейским опытом? Видите ли вы необходимость в сугубо профессиональной дипломатии и в чём может выражаться разница между «профи» и «автодидактом — самоучкой»?*

— Возможно я ошибаюсь, но мне кажется, что ни один из «великих дипломатов» не имел «соответствующих дипломов», не кончал каких-либо учебных заведений, где специально готовят дипломатов. Решающее значение имеют ум, культура и опыт. Именно в таком порядке.

Само по себе разделение на «профи» и «самоучек» вряд ли имеет смысл. Тем более, что любой «самоучка», проведя долгое время на

дипломатической службе, становится «профи». И ещё: умный «самоучка» всегда лучше глупого «профи». А умный «профи» лучше их обоих.

— Г-н посол, считаете ли вы арабский терроризм в мире акцией сугубо политизированной? Если бы осуществилась угроза чеченцев ответить террором на смещение Хасбулатова с поста Председателя Верховного Совета, их действия относились бы к области политики или к социальным проблемам (как, например, наличие мафиозных «чеченских» структур)?

— Разумеется. Террор есть средство достижения определённых политических целей.

Ситуация неправдоподобна.

— Приближается печально известная годовщина августовского путча. Расскажите о своей реакции на заявление ГКЧП. Где вы находились в тот момент? Ваши действия?

— Заявление услышал в машине, когда ехал на работу. Первым делом позвонил жене и сказал, чтобы она ничего не боялась. Потом стал писать статью о неправомерности всех акций ГКЧП (не напечатали). А вечером на пресс-конференции позволил себе немножко иронии...

— Если бы вы, г-н посол, должны были упомянуть несколько самых сильных моментов в политике Ельцина, что бы вы назвали в первую очередь?

— Самый сильный «момент» в политике Ельцина, — то, что она продолжается.

— Как вы понимаете, трактуете великого поэта: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить»?

— «Общий аршин» не годится в любом случае, какую бы страну ни измерять. Что же касается ума, то я согласен с Губерманом:

Пора уже, та-та-та мать,
Умом Россию понимать¹.

— Сегодня многие европейские страны — столпы мировой цивилизации — переживают приступ чуть ли не всеобщей ксенофобии. Не считаете ли вы, г-н посол, что Россия ударилась в другую крайность, превращаясь в страну повальной ксенофилии? Последствия?

— По-моему, вы ошибаетесь насчёт «повальной ксенофилии» в России. Если многие россияне предпочли бы сейчас жить в Германии, то это вовсе не означает, что они любят немцев. И т.п.

— Как вы, профессиональный политолог и журналист, реализуете «чернильный синдром»?

¹ Век живи — век учись. Если верить «ЛГ», эти нетленные строки создал Юз Алешковский.

— Регулярно пишу бумаги в МИД.

— *Софистика и паллиативность — призвание или удел дипломатии? Приемлете ли вы, г-н посол, старые, как мир, законы «умо- и хитросплетений власти, правящей миром»?*

— Давайте учтём «две большие разницы». Власть — это когда принимают решения, часто — паллиативные. Дипломаты их не принимают. Они участвуют в подготовке решений. С одной стороны, дипломаты собирают информацию, анализируют её, дают рекомендации. А с другой, — участвуют в переговорах, спорят, скрещивают шпаги аргументов.

В первом случае нужны прежде всего точность, объективность. Во втором же могут понадобиться и «хитросплетения», только не власти, а ума. Может понадобиться и софистика, в том числе и, как говорят англичане, «hair splitting» (расщепление волоса).

В июле состоялись два собрания административно-технических работников (АТР). «Все хотят лучше жить» — так записано в моей рабочей тетради. Лучше жить, это значит: регулярно возить сотрудников в магазин (на рынок), регулярно возить их по стране (экскурсии), платить «ночные» и «сверхурочные». По части «ночных» и «сверхурочных» тут решал МИД. Дело было мёртвое. А рынком и экскурсиями раньше занимался профсоюз. Теперь его не было. Организовывать его не хотели (жалко взносы платить). А ездить хочется. Договорились. Раз в неделю — автобус на рынок (или — в супермаркет). В рабочие дни и в рабочее время. С экскурсиями — сложнее. Суббота и воскресенье. Я не могу заставить водителей везти экскурсантов. Только добровольно. Сбрасывайтесь и договаривайтесь. Со скрипом, но получалось.

Ещё одна «волнительная» проблема — распределение премий. Страсти почти шекспировские.

Объясняю. Посольство участвовало в так называемом «эксперименте». Суть его в следующем. Мы можем оставить вакантными какие-то позиции в штатном расписании. Подсчитывается экономия: в основном — зарплата плюс квартира. Из суммы экономии определённый процент направляется в МИД, а остальное мы можем истратить на премии. У нас набегало примерно тысяч 8-10 долларов в квартал.

Премии распределяла специальная комиссия. Посол в неё входил, но его голос не был решающим. Демократия всё же. Большинство решает. В принципе возможны были два подхода. Премии выдаются в зависимости от чина и на каждом чиновном уровне — всем поровну. Как бы дополнительная зарплата. Другой подход: премии рассматриваются именно как премии. То есть выдаются с учётом качества работы. Чем ниже качество, чем больше «проколов» всяких, тем меньше премия.

В первом случае все одинаково довольны или одинаково недовольны. Жаловаться не имеет смысла и некому. Во втором — почти всегда можно счесть себя несправедливо обиженным. Мы всё-таки выбрали второй путь. Не дополнительная зарплата, а система материального стимулирования.

Стимулирование состоялось. Примерно в 75% случаев вопросов не возникало. Но зато остальные 25% — настоящий и широко открытый ящик Пандоры. После каждого распределения ко мне приходили недовольные и качали права. Редко дипломаты, как правило — АТР. Модель: почему ему больше, а мне меньше? На очень высоких нотах. Пытался объяснять. Но люди странно устроены: очень легко объяснить человеку, что он добросовестный работник, гораздо труднее, — что он схалтурил, что-то недоделал, недотянул. После таких бесед в моей тетради появлялись слова «тошнотворно», «террариум» и всякое другое.

Неоднократно возникала мысль: плюнуть на всё и перейти к иерархически структурированной уравниловке. Но выдержал. И хотя «эксперимент» зачастую шёл на нервах, всё-таки он был полезен. И потому что давал хоть небольшую, но прибавку к зарплате (в пределах примерно от 250 до 1000 долларов ежеквартально). И потому, что позволял поощрять усердие и наказывать нерадивых самым понятным и доходчивым образом.

.....
11 июля небольшое ЧП. Петровна со знакомыми поехала в лес. Пока гуляли, из автобуса вытащили сумки с деньгами. Хотя Земля и Обетованная, но обет «Не укради!» явно не соблюдается.

.....
12-го приехал американский посол Уильям Браун. Старый знакомый. Часа два разговаривали. Прошлись по всем трекам. По настоянию израильтян Государственный департамент готовится задействовать «челночную дипломатию». И сам Кристофер, и его главный спец по мирному процессу Денис Росс будут более-менее систематически появляться здесь. Задача — сближение позиций сторон. Не только пассивное, но и с предложением собственных переговорных документов, переговорных формул. Это позволит активизировать переговоры. Но, подчеркнул Браун, быстрых сдвигов ждать не следует.

Не знаю, располагал ли коллега информацией о том, что происходит в Осло, где переговоры продолжались уже полгода. У меня, например, была лишь сугубо неофициальная, отрывочная информация. Какие-то флюиды ощущались. Возникла смутная надежда: если уж ждать сдвигов, то именно из Осло... Но об этом мы не говорили.

.....
22 июля состоялась подчёркнуто конфиденциальная встреча с людьми из ближайшего окружения Вейцмана. Они изложили идею президента: провести в Москве под эгидой Ельцина встречу Вейцмана с президентом Сирии Хафезом Асадом (эта идея получила кодовое название «**московский вариант**»). Доложил в Москву. Поддержал. В начале августа пришёл краткий и чёткий ответ: в условиях, которые сложились в России, проведение подобной акции в Москве, а тем более — с участием Ельцина, несвоевременно.

Окружение президента продолжало настаивать.

Во-первых, говорили они, устойчивость правительства Рабина относительна. Оно может развалиться по разным причинам. Но в любом случае новое правительство затормозит мирный процесс. Прорыв же — с помощью Москвы — на сирийском треке усилит позиции Рабина, позиции демократических, либеральных, «прорусских», если угодно, кругов Израиля.

Во-вторых, было бы желательно, чтобы Россия опередила Штаты. Если Сирию уломают американцы, это ещё более усилит позиции США в Израиле и на Ближнем Востоке в целом. Далеко не всем в Израиле это нравится.

Почему Вейцман? Потому что авторитет президента в стране заметно превосходит авторитет Рабина. И Вейцману позволят сделать то, чего не позволят Рабину: отдать Голаны. Вейцман полагает, что за счёт Голан он сумеет нейтрализовать Сирию и тем самым создать условия для — как минимум — сохранения еврейских поселений в Галилее и Самарии. О «стратегическом значении» Голан могут говорить лишь генералы, которые готовятся ко вчерашней войне. В общем Вейцман хочет иметь второе издание Кэмп-Дэвида, где роль Синая должны сыграть Голаны.

Но почему Россия? Почему «русское издание» Кэмп-Дэвида? Тут выстроили такую цепочку аргументов. Израиль заинтересован в интенсивном реформировании, демократизации России. Для этого нужно отбить атаки оппозиции, которая критикует Кремль за проамериканскую, произраильскую линию. Теперь Москве предоставляется возможность помочь Сирии вернуть Голаны и тем самым сыграть выдающуюся роль в ближневосточном урегулировании. А это заметно меняет психологический рисунок ситуации.

Эти аргументы я изложил в письме Козыреву. И добавил.

Предположим, Асад откажется ехать в Москву. Наша совесть чиста — мы пошли навстречу Вейцману, и мы хотели помочь Асаду договориться.

Предположим, Асад приезжает в Москву, но по каким-либо причинам не договаривается с Вейцманом. Наша совесть опять же чиста

— мы сделали всё, что может спонсор. И мы ещё получаем дополнительный дивиденд за активность на самом трудном участке БВУ.

Рассматриваемый политический эпизод, писал я шефу, отражает, на мой взгляд, глухую, подспудную борьбу в израильском руководстве. Есть люди, которые хотели бы списать Россию с ближневосточного счёта. Но есть и другие, которые верят в Россию. Не стоит ли поддержать их?

В заключение я просил министра ещё раз взвесить все обстоятельства и довести идею Вейцмана до нашего президента.

Ответ от Козырева я не получил. Но получил указание выяснить, как Рабин относится к «московскому варианту». Выяснение дало такой результат: «мы уверены», что Рабин не будет возражать. По понятным причинам этой уверенности Москве было недостаточно.

Интерес к «московскому варианту» вновь усилился в июле-августе 1994 года. У меня опять состоялись беседы с доверенными лицами Вейцмана. Президент считает, говорили мне, что если не будет мира с Сирией, не будет мира на Ближнем Востоке. Асаду нужны «американские деньги». Но он не может «потерять лицо». Он не поедет в Иерусалим (вторым, после Садата). Он не поедет в Вашингтон (вторым, после короля Хусейна). «Спасти положение», думает Вейцман, может Ельцин, пригласив в Москву обоих президентов.

Даже при наличии известных сложностей в российско-сирийских отношениях Асаду «психологически легче появиться в Кремле, чем в Белом доме».

Асад с уважением относится к Вейцману. Во всяком случае Кристофер регулярно привозит из Дамаска приветы и добрые слова.

Асаду нужны Голаны. Это чрезвычайно болезненный для Израиля вопрос. Авторитет, «харизма» Вейцмана позволяют ему действовать более раскованно, чем Рабину.

Вместе с тем израильтяне сообщили мне, что у них нет официальной «команды» президента беседовать с русским послом на эту тему. Но, зная настрой президента, они уверены, что он не будет в претензии. Они уверены и в том, что президент благословит их поездку в Москву для проработки «московского варианта». Пока же они просили сохранять «полную секретность» и ни в коем случае не обсуждать эту идею в израильском МИДе.

Я снова рекомендовал начальству внимательно отнестись к «московскому варианту». Учитывая, что Асад — крепкий орешек, а ситуация противоречива и запутанна, просил собрать экспертов из разных ведомств и устроить «мозговую атаку». И принять израильтян, если они получают «добро» президента и запросятся в Москву.

9 августа 1994 года меня вновь пригласили на «тайную вечерю» (только — днём). На этот раз, сказали мне, разговор происходит с введома и по поручению президента. Президент просит посла передать

в МИД России, что он готов направить в Москву своих людей для «строго конфиденциального» обсуждения «московского варианта».

Вчера, сказали мне, этот вариант был изложен Пересу. Если это сработает, заявил Перес, он готов «броситься с башни Давида» (от радости, конечно). Перес настаивал на том, что пока не нужно вводить в курс официальные мидовские каналы, включая посольство Израиля в Москве.

Относительно позиции Рабина было сказано, что он «подходит, если уже не подошёл» к мысли о том, что есть смысл, имея в виду сирийский узел проблем, выпустить на авансцену Вейцмана. Через неделю мне сообщили, что Вейцман беседовал с Рабиным, и тот с воодушевлением поддержал «московский вариант».

Я в очередной раз рекомендовал принять посланцев Вейцмана. Одновременно сообщил, что по интонациям, странным экивокам, каким-то недоговоркам и мельтешению у меня возникает подозрение, что Рабину объясняют дело таким образом, будто визит в Москву инициирован самой Москвой. Доказательств нет, а подозрение остаётся...

Финал был таким. Москва согласилась. Бригада Вейцмана взяла билеты на 18 августа. А 17-го мне в машину неожиданно позвонил Посувалюк и сообщил, что МИД не может принять израильтян. Без мотивировки. Мотивировать пришлось мне. Не могу сказать, что это доставило мне удовольствие.

Команда Вейцмана несколько раз, но довольно вяло, без нажима возвращалась к «московскому варианту». Но вот что интересно. Сам Вейцман ни разу — ни в разговоре со мной, ни в беседах с московскими гостями — не поднимал вопрос о «московском варианте». Тут, вокруг «московского варианта», видимо, была какая-то интрига, в которую я не сумел проникнуть.

А в Москве? Могу только гадать. Скорее всего никто не взял на себя смелость обстоятельно растолковать всё президенту. Никто не хотел рисковать, брать на себя ответственность в деле, где «однозначностью» и не пахло. Когда не хватает фантазии, воображения, то лучший вариант поведения — не делать того, что можно не делать.

.....¹
23 июля в московской «Правде» появилась статья «Какой Собчак не любит Тель-Авив». Её автор, Исраэль Шамир, нечто вроде израильского власовца, израильтянин, еврей, который поливает грязью Израиль и, судя по всему, не испытывает особой симпатии к евреям. Речь шла и обо мне. Цитирую: «...Что касается посла Бовина, то ещё до моего отъезда из Москвы до меня донеслись слухи о близящемся отъезде Бовина: политический назначенец, немолод, говорят, не умеет работать. Бовин достаточно популярен, врагов у него нет — ни в посольстве, ни за его стенами. Главный источник раздражения на бытовом уровне — огромные деньги, взимаемые консульством за визы и

прочие услуги. Обычная виза зашкаливает за сто долларов, что можно понимать лишь как личный вклад посла в борьбу с туризмом.

Дважды подвели Бовина и его демократические дружки. Оба раза — на несколько десятков тысяч долларов. Если российское посольство будет когда-то арестовано и окажется в долговой яме, вина ляжет на г. Собчака и Станкевича.

Первой послал в Израиль свою знакомую Собчак. В сопроводительном письме к Бовину он просил обеспечить полное лечение данной гражданке и клялся заплатить за всё с гонораров от издаваемых за границей книг. Дама получила исцеление по недешевым тарифам израильской медицины под личное обещание Бовина как посла России. У г. Собчака давно появились источники доходов повернее, чем книжки и статьи, но по счетам так никто и не уплатил.

Вскоре и представитель другой российской столицы — Сергей Станкевич послал свою подругу на отдых в Израиль. И снова Бовин гарантировал уплату. И снова отдых обошелся в десятки тысяч долларов. И снова «друг» не захотел поделиться лично нажитым...

Но одна история, которую я слышал в Тель-Авиве, говорит в пользу Бовина как человека. После поездки Горбачева в Японию «великодушный» президент всея Руси Борис Ельцин приказал примерно наказывать всех работников посольства, принимавших экс-лидера.

Вскоре Горбачев отправился в Израиль. И Бовин, запретив своим сотрудникам встречаться с ним («Молоды, пожалейте свою карьеру»), сам принял отставного властителя и сопровождал его всё время визита. Хотя и не осталось у меня любви к М.С.Горбачеву, да и кумир демократов из газеты «Известия» симпатичен не был, за это я ему многое простил».

Спасибо, конечно. Однако меня больше интересует долговая часть сочинения Шамира. Тут почти всё перепутано. И Собчак, и Станкевич напрямую обращались к израильским властям. Так что никаких «гарантий» я не давал. И никто не мог предъявить претензии к посольству. В Израиле лечилась не «подруга» Станкевича, а болевший раком великий артист Борисов.

К сожалению, Шамир прав в том, что Собчак и Станкевич отказались выполнять свои обязательства. И для меня это была не юридическая, а моральная проблема. Стыдно, когда политические деятели не держат слово. Стыдно перед израильянами.

Я пытался как-то выбить деньги. Даже говорил на эту тему с женой Собчака, очаровательной Людмилой Борисовной. Писал в разные инстанции.

Получился ответ из Министерства финансов. «По поручению Правительства Российской Федерации от 20 августа 1993 года (№ 6301) Министерство финансов Российской Федерации рассмотрело сообщение посла Российской Федерации в Израиле А.Е.Бовина об оплате

проведённого в Израиле лечения жительницы Санкт-Петербурга А.И.Юлиной по обязательствам мэра Санкт-Петербурга А.А.Собчака, а также актёра О.И.Борисова по обязательствам советника Президента Российской Федерации С.Б.Станкевича и сообщает следующее.

Минфин РФ полагает, что принятые финансовые обязательства мэра Санкт-Петербурга А.А.Собчака, вытекающие из его письменного обращения к премьер-министру Государства Израиль г. И. Шамиру, а также финансовые обязательства советника Президента Российской Федерации С.Б.Станкевича не дают основания для оплаты расходов по лечению А.И.Юлиной и О.И.Борисова за счёт средств республиканского бюджета».

Поскольку больницы продолжали надеяться на получение денег и поскольку в игру вступил МИД Израиля, я отправил послание руководителю Администрации Президента С.А.Филатову. Он не нашел времени для ответа. Тогда я обратился к В.С.Черномырдину. «...Ответ Минфина, — писал я, — юридически неуязвим. Но так как речь идёт об авторитете России, решающими являются не юридические, а политические соображения. Вот почему, уважаемый Виктор Степанович, я просил бы Вас лично вмешаться в это дело и дать указание соответствующим органам рассчитаться с больницами». Виктор Степанович не вмешался.

Кончилось тем, что за Собчака расплатились сами израильтяне. А кто расплатился за Станкевича (если вообще расплатились), уже не помню (а делов-то всего на 22 597 шекелей)¹.

Противная история. Как уважаемые люди позорят Россию, которую сами же и представляют. Вопрос не столько политики, сколько совести.

.....
Утром 25 июля атаками израильских ВВС в Ливане началась военная операция «Дин ве-хешбон» (расплата, возмездие). Это был ответ израильтян на непрекращающиеся обстрелы северных, прилегающих к Ливану районов Израиля.

Обстрелы вели боевики шиитской террористической организации «Хизбалла» («партия Бога»), которая была создана с подачи хомейнистского Ирана в 1982 году и действует в основном на юге Ливана, в так называемой «зоне безопасности», контролируемой Израилем. Для «Хизбаллы» характерна фанатичная ненависть к Израилю. По словам Генерального секретаря «Хизбаллы» Хасана Насраллы, его партия вообще не признаёт никакой ливано-израильской границы, поскольку не признаёт Израиль как политический факт, политическую реальность. «Мы не можем, — заявил Насралла, — признать эту

¹ До меня позже дошли слухи, что за Станкевича расплатилось правительство Кириенко. Не проверял.

разбойничью реальность, даже если её признает весь мир». Генсек категорически против каких-либо переговоров с Израилем. «Организация, — говорит он, — действует в соответствии с её генеральной программой, отрицающей мирные отношения с Израилем. Лишь горстка отщепенцев, продавших свои души американскому дьяволу, хочет мира с разбойничьим, расистским образованием сионистов, не имеющим никакого права на существование».

«Хизбаллу» поддерживает и вооружает Иран. На её деятельность сквозь пальцы смотрит Сирия. В Израиле есть такая должность: координатор действий Израиля в Ливане. Её много лет занимал Ури Лубрани. Он говорил мне: «Каждый дурак знает, что если бы Сирия хотела, чтобы «Хизбалла» прекратила свои художества, то могла бы сделать это. Но, возможно, Дамаск не устраивает цена, которую придётся заплатить за обуздание «Хизбаллы». Ситуация удобна для Сирии. Сидит себе Асад в своём кабинете и потирает руки. Другие выполняют за него работу, нападая на Израиль. Пока дело с Голанами не движется, ему это не мешает. Напротив, он верит, что нажим «Хизбаллы» сделает Израиль сговорчивее».

Мне приходилось бывать в городке Кирьят-Шмона, излюбленной мишени для реактивных снарядов «катюш», запускаемых террористами «Хизбаллы». Бомбоубежища там — это быт, повседневность. 20 тысяч заложников. Рабин долго терпел. Наконец начал действовать. Когда вопрос об операции «Дин ве-хешбон» обсуждался в правительстве, Рабина поддержали 11 министров. Четверо (все от блока МЕРЕЦ) голосовали против. Трое воздержались. Проведённый в эти дни институтом «Дахав» опрос показал, что 93% израильтян выступают за проведение военной акции.

Операция «Дин ве-хешбон» продолжалась шесть дней. Только самолёты и артиллерия. Удары по объектам «Хизбаллы»: базы, полигоны, штабы. Боевики не сдавались. За эти шесть дней они выпустили 274 реактивных снаряда, из них 142 достигли территории Израиля. Израильтяне сбросили тысячу бомб и выпустили 21 тысячу снарядов. Были поражены 291 цель. Убиты 70 террористов и 114 гражданских лиц. Разрушено 200 домов в 68 деревнях.

В субботу 31 июля с помощью американцев Израиль, Сирия и Ливан договорились о прекращении огня. Соглашение устное. «Джентльменское соглашение», уточнил в разговоре со мной Перес. И добавил: «Без гарантий».

Военные действия в «зоне безопасности» не запрещены. Но «Хизбалла» обещала не выпускать реактивные снаряды по территории Израиля. Израиль сохранил за собой право возмездия. Не знаю, стало ли огород городить. Такой огород и именно так. Практически

ничего, на мой взгляд, не изменилось. Первое время «Хизбалла» сдерживалась. Но потом «катюши» полетели снова...

В Израиле появился представитель Ичкерии (Чечни). В лице Евгении Финклер. Сама она — русская, христианка. Муж — еврей. Надумали уезжать в Израиль. И Дудаев, у которого Финклер была советником по вопросам образования, предложил соединить приятное с полезным и назначил её «представителем Ичкерии в Государстве Израиль по вопросам культуры и экономики».

Разумеется, израильский МИД дал ей, что говорится, от ворот поворот. Тут у нас было полное взаимопонимание. Мой МИД решительно рекомендовал мне не поддерживать с ней никаких контактов. Тут полного взаимопонимания не было. Чечня тревожила, бредила душу. И мне интересно было припасть к источнику. Поэтому я пару раз встречался приватно с «представительницей». Помню, в октябре она даже привезла мне из Ставрополя шмот сала и какую-то вяленую рыбу. К моему удивлению, уверяла, что вся Чечня за воссоединение с Россией, только Дудаев — против. В декабре будут большие перемены, говорила она с таинственным видом. Но, кажется, ошиблась...

С Чечнёй связаны ещё два эпизода.

В январе 1995 года напротив посольства состоялась небольшая (человек 30) демонстрация израильских мусульман. Стояли с плакатами. Хором что-то скандировали. Наверное, «Руки прочь от Чечни!». Полиция бдела. Демонстранты скоро разошлись.

Другой эпизод совсем иного свойства. Я помогал врачу, энтузиасту, милому человеку Михаилу Ароновичу Пархомовскому издавать интереснейшие сборники «Евреи в культуре русского зарубежья»¹.

¹ Во втором сборнике даже опубликовал своё «Извинительное слово». Вот оно: «С огромным интересом прочитав первый выпуск сборника «Евреи в культуре русского зарубежья», я решил подготовить для выпуска второго небольшое эссе, выражающее моё отношение к теме. О чём тут же уведомил Михаила Ароновича Пархомовского.

Моя ретивость объяснялась просто — не так уж часто приходится держать в руках книгу, оценка которой свободна от всяких «но», «однако», «приходится заметить» и т. п. Книга просто, на мой взгляд, превосходная — и всё тут. А второй сборник обещает быть ещё лучше.

И всё-таки без «но» не обойтись. Но относится оно не к содержанию книги, а ко мне самому. Я явно переоценил свои силы и свои резервы свободного времени. Не хватило не только времени выразить свои мысли. Не хватило самих мыслей — таких, которые могли бы заинтересовать читателей. И, как всегда, не хватило мужества сразу признать своё поражение в единоборстве с чистым листом бумаги. Теперь я делаю это.

Впрочем, одна мысль «имеет место». Печально, что первое издание по истории русско-еврейской культуры в XX веке вышло не в Москве или Петербурге, а в Иерусалиме. Разумеется, я понимаю, что Израиль — признанный центр собира-

Помогал — в смысле искал спонсоров и выдавливал из них деньги. А Лена Петровна в Москве искала материалы и авторов. Встречались семьями. Выезжали на природу и жарили шашлыки. Всё путём.

Чечня там, а мы тут. Но что-то там стряслось в очередной раз, что — не помню. Кто-то сказал очередную глупость или не сказал того, что надо было сказать. Не помню. Получаю письмо от Пархомовского. Читаю: «В моих глазах Вы были представителем той благородной и бескорыстной передовой русской интеллигенции, оппозиционной к несправедливому правительству. Сейчас же я вижу в Вас в первую очередь представителя той великодержавной России, которая вместо возделывания своей земли и возрождения собственной страны занята культивированием русского фашизма и вооружением потенциальных противников цивилизованного мира. Поэтому я не могу принять Вашу помощь».

Я пытаюсь правильно понять Пархомовского. Но не получается. Какие-то трудности с интеллигентностью. Передовой еврейской...

А Финклер продолжает «представлять». Слышал, что Масхадов подтвердил её полномочия.

.....
Культура в июле. Концерт Вилли Токарева. Я слушал его на Брайтон-Бич. То ли он был моложе, то ли — я. Но как-то было веселей. — Не знаю, можно ли отнести к культуре чтение андреевской «Розы мира». То ли я выжил из ума, то ли — он.

ния иудаики. И всё же было бы более естественно, если бы сборник подобного рода впервые появился в России. Надеюсь, что появление первого тома энциклопедии «Евреи в России» как-то успокоит мою совесть.

И хотя в своё оправдание ничего путного сказать не могу, надеюсь также, что г-н Пархомовский простит меня».

АВГУСТ-93

«Двойное гражданство» — Почта из России: страдания влюблённых и бизнесменов — Тайные встречи в Осло

Беседовал с послом Франции Жаном-Луи Люсе. Он отбыл свой срок и зашел, как он сказал, подвести итоги. Настроен скептически. Нынешнее поколение ближневосточных лидеров вряд ли способно выйти на «окончательные решения». Максимум, на что они способны, — удерживаться от новой большой региональной войны. Не случайно они — особенно израильтяне — старательно избегают однозначного определения конечных целей. Это касается и палестинской государственности, и судьбы Иерусалима, и территориального размежевания. Ответ на эти вопросы дадут уже руководители иного психологического настроения.

Впрочем, заметил посол, нынешняя словесная эквилибристика не лишена смысла. Один раунд переговоров сменяется другим, стороны привыкают друг к другу, учатся разговаривать, а не драться. Параллельно должна происходить и перестройка в израильском общественном сознании, которое настроено резко антиарабски. В этом контексте для израильтян на первом месте — фактор безопасности. Только если будет найден механизм, позволяющий на сто процентов удовлетворить претензии израильтян на этот счёт, можно будет склонить народ, страну к масштабным компромиссам (уход с Голан, ликвидация поселений и т.п.).

По мнению Люсе, Рабин, Перес, их коллеги сильно заангажировались на мир с арабами. Они хотят войти в историю миротворцами. Они рассматривают ближневосточное урегулирование как условие экономического процветания Израиля, развития более тесных связей с Америкой и Европой, преодоления опасности исламского фанатизма.

Между Декларацией принципов, заключил посол, и реализацией этих принципов пролегал немалый путь. Тем не менее подписи под Декларацией, которая в муках готовится, будут иметь огромное значение. Они зафиксируют выбор в пользу организации мирных отношений между арабами и Израилем.

Я был согласен с Люсе. Хотя мне казалось, что Париж настроен более жёстко по отношению к Израилю, чем мой французский собеседник...

Наконец-то из Москвы пришел текст Закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О гражданстве РСФСР», вошедший в силу 14 июля 1993 года. С нашей, израильской, колокольни суть изменений виделась в том, что теперь при восстановлении (приобретении) российского гражданства не нужно будет требовать предоставления документа, подтверждающего отсутствие (прекращение) иного гражданства.

Будем разбираться по порядку.

Закон СССР «О гражданстве СССР» от 1 декабря 1978 года чётко фиксировал: «За лицом, являющимся гражданином СССР, не признаётся принадлежность к гражданству иностранного государства». Или — или. Надо выбирать.

Закон РСФСР «О гражданстве РСФСР», вступивший в силу 6 февраля 1992 года, вроде бы предлагал другой подход. В Законе содержалась статья 3, именовавшаяся «Двойное гражданство». Статья гласила:

«1. Приобретение гражданства РСФСР иностранным гражданином допускается при условии его отказа от прежнего гражданства, если иное не предусмотрено международным договором РСФСР.

2. Гражданину РСФСР может быть разрешено по его ходатайству иметь одновременно гражданство другого государства, с которым имеется соответствующий договор РСФСР».

Соответствующих договоров не имелось. И поэтому новый Закон фактически ничего не изменил. Или — или.

В Законе об «изменениях и дополнениях» часть 1 статьи 3 изложена в следующей редакции, близкой к тексту 1978 года: «За лицом, состоящим в гражданстве Российской Федерации, не признаётся принадлежность к гражданству другого государства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации». Но таких договоров как не было, так и нет. Что же, опять «или — или»? И тут мы вступаем на почву юридических тонкостей.

Как и раньше, двойное гражданство — в строгом, международно-правовом смысле этих слов — не признаётся. Точнее, признаётся возможность признания такого гражданства, когда и если появятся международные договоры о двойном гражданстве. Пока, повторяю, их нет.

Но теперь — и в этом принципиальное изменение российской позиции — гражданин, например, Израиля, если он уехал из России (или — из РСФСР), может или сохранить российский паспорт, или вновь получить его. А дальше начинаются юридические дебри, преодолеть которые я не рискую.

Рассмотрим для сравнения израильскую точку зрения. Цитирую бывшего пресс-атташе посольства Израиля в Москве: «Большинство наших граждан это люди, родившиеся в других странах, которые были гражданами других государств. Поэтому с самого начала становления Израиля возник вопрос: что же делать с другими гражданствами? Он был разрешён таким образом: абсолютно неважно, какой паспорт есть у человека. Самое главное то, что он живёт в Израиле. Если человек уезжает из Великобритании в Израиль и хочет по различным причинам сохранить английское гражданство, нет ни малейших причин ему это запретить. В Израиле к такому человеку, который обрёл израильское гражданство, оставив ещё и гражданство другой страны, относятся **только** как к израильтянину, обязанному жить по законам новоприобретённой, а не прежней родины». Другими словами: вы можете иметь английский (российский, американский и т.д.) паспорт. И когда вы появитесь с этим паспортом в Англии (России, США и т.д.), вы будете гражданином Англии (России, США и т.д.). Но пока вы живёте в Израиле с израильским паспортом, вы для израильских властей **только** израильский гражданин. То есть Израиль не признаёт двойного гражданства, но не возражает против наличия двух паспортов.

Вернёмся в Россию. Ситуация иная, можно сказать, противоположная. Люди не приезжают в Россию, а уезжают из неё. Не только евреи в Израиль. Растёт русская (без кавычек) диаспора в мире. И сообразили: зачем отталкивать, отрезать их от Родины? Не лучше ли — и политически для России, и психологически для эмигрантов — разрешить им иметь российский паспорт и, тем самым, сохранять ощущение связи с Россией? Решили, что — лучше. И перестали требовать отказа от иного гражданства для получения российского паспорта.

Но почему всё-таки паллиатив, полумера — не двойное гражданство, а два паспорта? Дело в том, что двойное гражданство предполагает урегулирование — международными договорами — порядка исполнения лицом с двойным гражданством его обязанностей по отношению к обоим государствам. Элементарный вопрос — где проходить военную службу? Здесь вступает в действие такое понятие, как «постоянное место жительства» (в просторечии — ПМЖ). Но оно также требует юридической «обкатки». В общем, чтобы голова не болела, государства, правительства практически саботируют разработку международно-правовых норм о двойном гражданстве.

Мне удалось найти лишь одно соглашение, регулирующее проблемы двойного гражданства, — Конвенцию «О равенстве прав и обязанностей между гражданами Бразилии и Португалии» (подписана 7 сентября 1971 года). Характерная деталь: в Конвенции ни разу не употребляется понятие «двойное гражданство», хотя именно о нём идёт речь...

Ещё до принятия «изменений и дополнений» посольство писало в Москву: «Выбор «или-или», или гражданин РСФСР — или гражданин Израиля, затрагивает интересы десятков, если не сотен тысяч человек, которые хотят, имея гражданство Израиля, сохранить или восстановить гражданство РСФСР. Представляется, что такое желание ни в коем случае не противоречит интересам РСФСР. Чем больше будет в Израиле людей, юридически связанных с Россией, тем более эффективным может стать российско-израильское сотрудничество, тем легче нам будет влиять на политику Израиля.

В силу указанных причин было бы крайне желательно в короткий срок подготовить и подписать договор о двойном гражданстве. Не исключаем, что израильтяне поначалу будут сопротивляться. Ибо тут есть влиятельные силы, которые против сохранения евреями связей с Россией. Но есть и другие силы. И, думаем, можно будет договориться». Я ошибся дважды. Сопротивлялась Москва, хотя и согласилась на два паспорта. С Иерусалимом, как выяснилось, договориться было невозможно.

А теперь от юридических замысловатостей перейдём к практике. Что давал российский паспорт гражданину Израиля? Во-первых, возможность ездить в Россию, не тратя времени и денег на получение визы. Во-вторых, возможность, будучи в России, не чувствовать себя «иностранцем». В-третьих, многим, особенно — пожилым людям, российский паспорт давал чувство внутреннего комфорта.

Забурлили — с матерной руганью, ссорами, скандалами — очереди у российского консульства. В июне 1994 года журналист Олег Якубов, затесавшись в очередь, провёл блицопрос. Приведу три ответа на вопрос: зачем вам российское гражданство?

Женщина: «...я честно скажу. Раз вы обещаете, что мою фамилию в газете упоминать не станете. Я не уверена, что останусь в Израиле. Вернее, я не уверена, что хочу остаться в Израиле. Я так и не почувствовала себя своей в этой стране. Хотела этого — песни учила, пела их, на иврите говорю хорошо. И работа у меня есть. Но — не своя я здесь.

...Да, мы поздно сюда приехали. Да, мы не жили в палатках. Да, правительство дало нам льготы на покупку машин и электротоваров. Но это что — повод относиться к нам, как к скотине? У меня приличная зарплата, я работаю по специальности и, казалось бы, грех жаловаться. Но на работе нас несколько олим, и за людей нас не считают. Я так не могу, мне кажется, я медленно схожу с ума. Вы видите эту толпу? Здесь у каждого в душе творится то же самое, иначе бы они сюда не пришли. Может быть, мало кто решится вам сказать вслух то, что я сказала, но думают большинство так же».

Аккуратненький старичок: «Жизнь есть жизнь, и надо быть готовыми ко всему. Конечно, Израиль людям помогает, как может. Но знаете, что здесь говорят: правительство любит алию, но не любит

олим. Так же и израильтяне. Но это только одна сторона медали. Нужно же смотреть правде в глаза. А правда такова, что Израиль — не самое спокойное место на земле. И что будет дальше, никому не известно. Арабы были далеко и убивали евреев, теперь они совсем рядом — и от этого жизнь спокойнее не станет. Мы ехали сюда ради детей и внуков, а теперь тут этих детей и внуков начнут убивать? Кто знает, может быть, когда-нибудь российское гражданство спасёт нас от гибели, кто знает?..»

Мужчина лет тридцати: «Ерунда всё это. У Израиля другого пути не было. Надо договариваться с арабами. Но я пришел получить гражданство, потому что я жил в той стране и, может быть, снова захочу жить в России. Человек должен сам выбирать себе место жительства, никто не имеет права ограничивать его свободу. Я вообще намерен заниматься бизнесом, налаживать связи между Израилем и Россией, так мне двойное гражданство просто необходимо. Но здесь — бардак, не прорвёшься, принимают в час по капле, оттого эти очереди огромные, да ещё и деньги какие сдирают. За что?»

И огромные очереди, и огромные деньги — всё это было. Всё это заставляло нервничать, переживать... Очереди постепенно рассасывались. С деньгами было хуже. В то время, о котором идёт речь, желающие узаконить свои отношения с Россией облагались «данью» в размере от 1 070 до 1 570 шекелей (более 500 долларов).

Россия поступала неблагородно. Понимаю, что это не политическое, не дипломатическое определение. Но другого слова не подберу. Мы дважды обманывали своих граждан.

Первый раз, когда брали по 500 рублей за автоматическое лишение гражданства. Ибо, по постановлению Совмина СССР, указанная сумма должна взиматься только с тех, кто подаёт заявление о выходе из гражданства, то есть делает это по собственной воле, по собственному желанию.

Второй раз, когда стали брать деньги за так называемое восстановление гражданства «в порядке регистрации». В законе сказано: «Бывшие граждане РСФСР, лишённые гражданства или утратившие его без их свободного волеизъявления, считаются восстановленными в гражданстве Российской Федерации». Считаются восстановленными — и точка. Без всяких, согласно смысла Закона, поборов и бюрократических процедур. Однако чиновники, в руках которых была реальная власть, реальное право толковать законы, решили по-другому. Они не привыкли извиняться, не привыкли краснеть за Россию. Извиняться и краснеть приходилось нам...

.....
Продолжался обмен «открытыми письмами» через газеты. Многих волновала плохая работа почты, особенно — очень долгое движение писем из России. Ещё 17 мая было опубликовано письмо М. Колмако-

ва из Тель-Авива. «На прошлой неделе, — писал он, — я наконец-то получил поздравления с Новым годом, посланные моими родными в начале декабря прошлого года. Представитель израильского почтового управления, ни в коем случае не причастного к этому безобразию, принёс на страницах газеты свои извинения.

Господин Бовин! Вы свою корреспонденцию, видимо, получаете по каналам дипломатической почты и не в курсе того, что творится на почте России. Уверяю Вас — это не единичный случай. Письма с Украины доходят максимум за три недели, из республик Балтии — за две. Из России письма либо не доходят вообще, либо через 2-6 месяцев.

Господин Бовин! Поставьте себя на место родителей, не знающих, что случилось с их детьми; детей, волнующихся за своих больных пожилых родителей; жён, не уверенных, что они ещё замужем; мужей, ожидающих самого худшего. Поставьте себя на место влюблённых и бизнесменов. Если сможете, то мне Вас искренне жаль.

Уж Вы-то знаете, что далеко не у всех в России есть телефоны (не говоря уже о факсах). Да и достаток новых репатриантов в Израиле, увы, не позволяет злоупотреблять дорогими телефонными разговорами.

Господин Бовин! От имени получателей 10 000 писем, отправленных авиапочтой, а доставленных через полгода морским путём в порт Хайфы, я требую от правительства России и от Вас, его полномочного представителя, наведения элементарного порядка».

Я поставил себя на указанное место и в мае же направил соответствующую бумагу министру связи. Ответ получил в августе (прав Колмаков?). Привожу его.

«Министерством связи Российской Федерации рассмотрена Ваша просьба по проверке длительных сроков прохождения корреспонденции из России в Израиль. Сообщаем следующее.

Согласно действующему плану направления почты за рубеж, отправка в Израиль наземной почты, принятой в Российской Федерации, производится транзитом через ФРГ. До декабря 1992 года наземная почта в Израиль отправлялась из Москвы ежедневно почтовым вагоном в составе поезда Москва — Берлин. Однако начиная с 11.12.92 почтовый вагон был исключён из состава указанного поезда по техническим причинам, а также по настоянию почтовой администрации Польской Республики, которая не дала разрешения на пропуск нашего почтового вагона через свою территорию.

В результате чего мы были лишены почтового обмена с ФРГ и рядом других стран, куда почта направляется транзитом через территорию Германии, в том числе и с Израилем, и вынуждены были искать новый путь отправки почты. Замедление с отправкой наземной почты было вызвано переговорами с почтовой администрацией ФРГ и Балтийским морским пароходством по вопросу о возможности её отправки судами на порты ФРГ.

В настоящее время наземная почта в Израиль отправляется регулярно судами, следующими из Санкт-Петербурга в Гамбург.

Авиапочта назначением в Израиль отправляется из Москвы самолётами «Аэрофлота» три раза в неделю — в среду, пятницу и воскресенье — на учреждения почтового обмена в Тель-Авив и Хайфу. Для установления причины и места задержек в отправке авиапочты просьба сообщить подавательские данные таких почтовых отправок.

Б.П.Бутенко, первый заместитель министра связи России».

Этот могучий образец канцелярского бумаготворчества, вызывающий недоумение и новые вопросы, вряд ли мог удовлетворить «влюблённых и бизнесменов», но деваться было некуда — отправил его в газету. Со временем корреспонденция из России стала приходить побыстрее. Да и люди пообвыклись. «Открытых писем» на это тему больше не было.

.....

13 сентября в Вашингтоне с максимально возможной помпой была подписана Декларация о принципах договорённости в сфере временного самоуправления. Как бы итог 11-ти раундов напряжённых переговоров между израильтянами и палестинцами. Но именно «как бы». На самом деле Декларация готовилась в стороне от официальных встреч. Её в страшной тайне готовили несколько человек в Осло и вокруг Осло. Недаром эта Декларация о принципах именуется «Осло—1».

Тайные встречи в Осло начались в январе и завершились в августе 1993 года. Начнём с конца.

23 августа в Москву прилетел Абу Мазен (настоящее имя — Махмуд Аббас), ближайший сподвижник Арафата. Официальная цель визита — подготовка XI раунда переговоров. Провели рабочую встречу. Пообедали. После чего Абу Мазен, оставшись один на один со своим старым другом В.В.Посувалюком, сообщил ему, что XI раунд скорее всего не понадобится, так как Декларация принципов уже парафирована в Осло. Американцы, добавил Абу Мазен, ещё ничего не знают, и поэтому он просит Посувалюка хранить всё это в тайне, пока израильтяне не информируют Кристофера. Далее цитирую Абу Мазена:

«Я ещё не успел закончить своих слов, как Виктор бросился меня целовать и поздравлять с этим великим историческим свершением. В порыве радости он даже забыл спросить меня о деталях происшедшего. Он забыл также спросить о сущности соглашения, его пределах, перспективах и проблемах, которые оно поднимает. Я видел, что в его глазах сияют счастье и гордость. Мне казалось, что от радости он заплачет». Наверное, Виктор Викторович всё-таки не заплакал. Но событие, действительно, было историческое.

А начиналось так. В декабре 1992 года в Лондоне состоялось заседание координационного комитета по многосторонним переговорам. После заседания глава палестинской делегации на многосторонних

переговорах Абу Аля конфиденциально встретился с профессором Тель-Авивского университета Яиром Хиршфельдом, человеком близким к Йоси Бейлину.

К этому времени и израильтяне, и палестинцы испытывали неудовлетворение ходом их встреч в двустороннем формате. Открытость этих встреч для общественного мнения приводила к тому, что интересы дела часто приносились в жертву пропаганде. Возникла потребность в закрытом канале обмена мнениями. Палестинцы предложили Москву. Но Москва не устраивала израильтян. Инициативу проявили норвежцы. И Хиршфельд предложил Абу Аля продолжить неофициальные переговоры в Норвегии. Идея была доложена Арафату и принята им. При условии сохранения строжайшей секретности и ограничения переговоров только очень узким кругом доверенных лиц.

Первая встреча состоялась в ста километрах от Осло в Сарпборге. Израиль был представлен, кроме Хиршфельда, ещё Реном Пуидиком, тоже единомышленником Бейлина (практически это означало, что за переговорами стоит Перес). Группу из трёх палестинцев возглавлял Абу Аля. Переговоры курировал министр иностранных дел Норвегии Йорген Хольст. Непосредственно организацией встреч занимались норвежские дипломаты Терри Ларсен и Мона Юла (его жена по совместительству). Очень милые, интеллигентные люди, такт и обаяние которых в значительной мере способствовали созданию атмосферы непринуждённого общения¹.

Постепенно переговоры набирали обороты. В мае, на V раунде, подводя предварительные итоги пройденного пути, Хиршфельд имел основания сказать: мы начинали со сбора информации, затем было достигнуто взаимное согласие, потом мы получили официальные полномочия, затем обрели легитимность и, наконец, были достигнуты определённые договорённости. В ходе этого раунда был составлен черновой вариант Декларации о принципах. На VI раунде к израильской делегации присоединился генеральный директор МИДа Израиля Ури Савир², а на VII — юридический советник МИДа Йозель Зин-

¹ В 1994 году Ларсен был назначен специальным представителем ООН в секторе Газы, а его жена стала советником посольства Норвегии в Израиле. Кстати, первая встреча Нетаньяху с Арафатом — во многом их рук дело.

² Вспоминая через несколько лет норвежский марафон, Савир говорил: «Прежде мне довелось прочитать много литературы по палестинской проблеме, но переговоры изменили моё представление о палестинцах. По сути, они не так уж разительно отличаются от нас. К тому же существует такая вещь, как гуманизация, «очеловечивание» партнёра. То есть имеется в виду, что ваш противник — это всегда нечто «вообще страшное», но ваши партнёры по переговорам, тем более по заключённому соглашению — это конкретные люди, которые не страшны, с которыми можно иметь дело». Весьма ценное наблюдение. К сожалению, «очеловечивание» друг друга оказалось неизмеримо сложнее, чем думалось в то, немножко эйфорическое время.

гер, который рассматривался как представитель Рабина. Это означало, что переговоры поднимаются на новый, более высокий уровень. (В скобках следует заметить, что по соображениям секретности каждый раунд переговоров проходил в новом месте).

Последний, XII раунд переговоров состоялся 14 августа. Декларация была «почти» готова. Но за этим «почти» ещё скрывались существенные разногласия. Однако наработанный материал, инерция позитивного взаимодействия сторон, желание довести дело до конца позволили совершить исторический прорыв.

Вечером 17 августа начинается телефонная фаза переговоров между Стокгольмом (там находились Перес и Хольст), Тунисом (там на проводе был Арафат) и Тель-Авивом (там говорил Рабин). Разговоры по телефону продолжались семь часов. Рано утром 18 августа все скобки были сняты. «Здравый смысл победил!» — радовались левые. «Бездарно проведённые переговоры», — сокрушались правые, — увенчались соглашением, в котором «красивые слова прикрывают чудовищное содержание».

20 августа в Стокгольме соглашение было парафировано. Путь на вашингтонские торжества был открыт.

.....
Культуры в августе не было. Если, конечно, не считать праздник сауны у Жени Абезгауза.

СЕНТЯБРЬ-93

*Израиль—ООП: «взаимное признание» — Вашингтон: «Осло—1» —
— «Формула счастья» — Визит А.Л.Адамишина —
— Немножко о Шагале*

Сентябрь прошел под знаком вашингтонского церемониала, вызвавшего вспышку ожесточённых споров между сторонниками и противниками норвежских соглашений.

Дипломатические будни шли своим чередом. 1 сентября я встретился с министром транспорта И.Кейсаром. По его мнению, Арафата подтолкнуло к соглашению тяжелейшее экономическое и политическое положение ООП. Поддержав захват Ираком Кувейта, лидер палестинцев изолировал себя от арабских союзников. Резко сократились финансовые инъекции. Создалась реальная угроза положению самого Арафата. Договорившись с Израилем, Арафат укрепил свои позиции¹. Мы не слишком доверяем Арафату, заметил Кейсар, но готовы «идти на риск в обмен на открывающиеся возможности».

Через день обедал с мэром Бетлехема (Вифлеема) Элиасом Фейджем. Он — из местной палестинской знати (впоследствии станет министром в правительстве Арафата). Фейдж видит слабые места Арафата, но считает, что если не будет Арафата, ООП развалится и руководство палестинским движением перейдёт в руки экстремистов.

.....
Тем временем велись интенсивные переговоры о «взаимном признании». Практически речь шла о принятии палестинцами тех условий, при наличии которых Израиль мог бы вычеркнуть ООП из списка террористических организаций и признать её в качестве полноправного партнёра на переговорах. 9 сентября соответствующие документы были согласованы и одобрены правительством Израиля и Исполкомом ООП.

Письмо Арафата Рабину. «Подписание Декларации о принципах являет собой свидетельство начала нового этапа в истории Ближнего Востока.

¹ Кстати, в разразившихся чуть позже дебатах именно это обстоятельство вменялось в вину правительству Рабина—Переса. Надо было не спасать Арафата, а топить его, — утверждали справа. У нас нет гарантий, что «сменщик» Арафата не будет хуже, парировали слева.

Основываясь на этом убеждении, я хотел бы подтвердить следующие обязательства:

Организация Освобождения Палестины признаёт право Государства Израиль на существование в условиях мира и безопасности.

Организация Освобождения Палестины принимает резолюции Совета Безопасности 242 и 338.

Организация Освобождения Палестины подтверждает, что подписание Декларации о принципах представляет собой историческое событие, которое открывает новую эру мирного сосуществования без насилия и иных действий, угрожающих миру и стабильности. Основываясь на этом, Организация отказывается от применения террора и других насильственных действий. Она берёт на себя ответственность за то, что все члены и представители Организации Освобождения Палестины подчинятся данной гарантии, а также за противодействие нарушениям и разрушениям порядка.

Отталкиваясь от перспектив этого нового этапа и подписания Декларации о принципах, а также опираясь на палестинское согласие принять резолюции Совета Безопасности 242 и 338, Организация подтверждает, что те статьи Национальной хартии, которые отказывают Израилю в праве на существование и не соответствуют выраженным в данном письме обязательствам, становятся с настоящего момента недействующими и невыполняемыми. В соответствии с этим, Организация Освобождения Палестины передаст этот вопрос на рассмотрение Палестинского национального совета с целью официального одобрения внесения необходимых изменений в Национальную хартию и мер, связанных с этим».

Письмо Рабина Арафату. «Отвечая на Ваше письмо от 09.09.1993 г., хочу подтвердить Вам, что в свете высказанных в нём Ваших обязательств, правительство Израиля приняло решение признать Организацию Освобождения Палестины в качестве представителя палестинского народа. Правительство Израиля вступает в переговоры с Организацией Освобождения Палестины в рамках мирного процесса на Ближнем Востоке».

Можно было лететь в Вашингтон.

10 сентября коспонсоры (США и РФ) передали Пересу приглашение прибыть в Вашингтон для подписания Декларации о принципах. Парадокс. Ведь по существу не мы должны были приглашать Переса (и Арафата), а они, вытащившие тяжеленный воз переговоров, должны были пригласить нас. Но бывает ситуация, когда форма довлеет над содержанием...

Первоначально планировалось, что Декларацию подпишут Перес и Фарук Каддуми, «министр иностранных дел» ООП. Но Каддуми не принял соглашения и отказался ехать в Вашингтон. Подписать бумагу было поручено Абу Мазену.

Неожиданно о своём желании присутствовать на церемонии заявил Арафат. Это потребовало присутствия Рабина.

Подписание было назначено на 11 часов 13 сентября. Рано утром разразился подковёрный, невидимый постороннему глазу скандал. Выяснилось, что в подготовленном для подписания тексте нет упоминания об Организации Освобождения Палестины. Там говорилось о «палестинской части иордано-палестинской делегации». Такой документ палестинцы отказались подписывать. Уже в одиннадцатом часу был найден компромисс: «группа ООП в составе...» А в конце документа вместо слов «За палестинскую делегацию» было обозначено «За ООП».

Ещё одна нервотрёпка была связана с намерением Арафата появиться на лужайке перед Белым домом в военной форме и при пистолете. Он вроде бы собирался при всём честном народе отдать пистолет Клинтону в знак своего отказа от насильственных действий. Рабин и Перес решительно воспротивились этому спектаклю. Компромисс: Арафат в военной форме, но без оружия.

Разумеется, произносились речи. Клинтон вспоминал историю и говорил, что немыслимое становится реальностью. Перес нажимал на «регион надежды». Арафат был сдержан. Рабин выжимал слезу. «Нам суждено жить вместе, на той же земле, в той же стране, — обратился он к палестинцам. — Мы, солдаты, вернувшиеся с кровопролитной битвы, мы, кто видел, как наши родные и друзья были убиты на наших глазах, мы, кто приходил на их похороны и не мог смотреть в глаза их родителям, мы, кто пришёл из страны, где родители хоронят своих детей, мы, кто сражался против вас, палестинцев, мы говорим вам сегодня громко и отчётливо — довольно крови и слёз. Довольно! Мы не жаждем мести. Мы не питаем ненависти к вам. Мы, как и вы, хотим строить дома, сажать деревья, любить, жить бок о бок с вами, — жить достойной жизнью, как достойные люди. Мы сегодня даём шанс миру и снова говорим вам — будем же молиться, чтобы наступил день, когда мы скажем: довольно, прощай, оружие!»

С оружием, как показали последующие события, распрощаться не удалось. Но заслуживает уважения мужественный шаг мужественных людей, которые — вопреки традиционным табу — протянули друг другу руки и всё-таки приблизили горизонт надежды.

Декларация состоит из 17-ти статей и включает в себя 4 приложения.

Целью переговоров объявляется учреждение органов палестинского самоуправления на переходный период. Переходный период не должен превышать пяти лет, и начнётся он с отступления израильских войск из сектора Газы и с территории Иерихона. Характер и задачи переходного периода будут детализированы в специальном промежуточном соглашении. Далее, но не позднее начала третьего года

переходного периода, начнутся переговоры о постоянном статусе (Иерусалим, беженцы, поселения, границы, меры безопасности и другие вопросы).

Предполагалось, что соглашение о выводе израильских войск из сектора Газы и с территории Иерихона будет подписано до 13 декабря 1993 года, а сам вывод войск завершится к 13 апреля 1994 года. К 13 июля 1994 года следовало выработать соглашение об условиях проведения выборов в автономии.

График этот по разным причинам не выдерживался, что давало обеим сторонам обильные поводы для недовольства и подозрений.

В Израиле и за его пределами Декларация принципов была встречена по-разному. В неё (и в возможность её интерпретации) с самого начала была заложена некая существенная неоднозначность.

Палестинское самоуправление (автономию) можно было рассматривать как шаг в сторону образования независимого палестинского государства. И вместе с тем автономию можно было трактовать как меру, предотвращающую появление суверенного палестинского государства. Отсюда и неоднозначность реакции.

Против Декларации решительно выступили, с одной стороны, израильские правые, «ястребы», обвинявшие Рабина и Переса в предательстве интересов Израиля, сионизма, а с другой, — палестинские (арабские) экстремисты, которые в предательстве, сдаче позиций, капитуляции обвиняли Арафата. Логика тех, кто возражал против появления в Палестине рядом с Израилем арабского государства, хорошо передаёт метафора Мордехая Нисана, специалиста по арабской культуре. «Двум государствам здесь просто не разместиться. Представьте, что двух псов загнали в одну конуру и говорят им: в этом углу будешь спать ты, а в этом — ты, живите дружно. Абсурд. Один из псов загрызёт другого, и ему достанется вся конура».

В поддержку Декларации высказывались, с одной стороны, те, кто надеялся, что рано или поздно, не мытьём так катаньем Арафату удастся «объехать» израильтян и создать настоящее палестинское государство. Со стороны же другой Декларацию поддерживали те, кто был уверен, что у Израиля есть все возможности удержать ситуацию в пределах «палестинского образования» и наладить с этим «образованием» устойчивые, взаимовыгодные отношения.

Представляя Декларацию принципам Кнессету, премьер-министр заявил: «Мы не скрываем ничего от Кнессеты и народа. Наряду с большими преимуществами в соглашениях скрываются и опасности. Мы не закрываем на них глаза. Мошь ЦАХАЛа, лучшей из армий мира, остаётся в нашем распоряжении, если наступит, Боже, упаси! час испытаний».

Обратим же свои взоры к миру, которого мы так хотим и который изменит нашу жизнь до неузнаваемости. Это шанс перестать

жить на мечях, перестать лить слёзы, открыть новые горизонты в экономике. И я хочу сказать вам: это победа сионизма, удостоившегося признания злейших и заклятых своих врагов. Это шанс прийти к доброму соседству, к концу войн и потерь в нашей среде. Я призываю всех депутатов Кнессета дать возможность осуществить этот великий шанс».

Депутаты такую возможность дали. 61 голос «за», 50 — «против», 8 депутатов воздержались. Голосование показало, что оппозиция норвежским соглашениям достаточно сильна. Израильское общество было не готово к быстрым и крутым переменам. А на другом политическом полюсе палестинцы оказались не способными пройти свою часть пути. Но это уж потом...

В ходе дебатов вокруг «Осло-1» неоднократно всплывали соглашения в Кэмп-Дэвиде. Одни вспоминали их, чтобы сказать правым: что вы шумите, Рабин всего лишь продолжает путь, начатый Бегиним. Другие, чтобы сказать левым: Рабин продолжает делать ошибки, которые начал делать Бегин. Бегин отдал Синай, рассчитывая спасти от посягательств Иудею, Самарию и Газу. Но он лишь разжёл аппетиты арабов. Теперь Рабин отдаёт Западный берег и Газу, чтобы такой ценой спасти Иерусалим. Но Арафат открыто заявляет, что Иерусалим будет «его» столицей. Цепь ошибок ведёт к цепи уступок. Здесь опасность и угроза...

С этими опасностями и угрозами нам ещё предстоит много раз встречаться...

.....
Сентябрь в Израиле — месяц новогодний. Встречали 5754 год. От сотворения мира. В этом году гуляли 16-17 сентября. Мы с друзьями отправились в лес. Долго искали место, где деревьев больше, чем людей. Нашли, наконец, недалеко от Хайфы. А дальше — новогодние шашлыки... Только днём, а не ночью.

Есть и официальные гуляния. 8-го принимал премьер-министр. 14-го в 11.00 большой президентский приём в здешнем Белом домике. Очередь к президенту и его супруге. Рядом положено стоять министру иностранных дел, но он ещё в Вашингтоне. Сначала движутся послы. Их было 39. Выстраивают по датам вручения верительных грамот. На этот раз мой номер — 16. Затем идут временные поверенные, коих 21 человек (я не пересчитывал, просто протокол раздаёт всем бумажки со списками). Каждый говорит несколько слов. Некоторые побольше, поскольку для них это редкий случай поговорить с президентом. Так что процедура растягивается.

На травке накрыты столы. Можно выпить и закусить. Стоя. Но моя палка выручает — приносят стул. Играет оркестр. Дипломаты общаются между собой и с израильскими «сливками». Президент расха-

живает среди гостей. Уезжаем одними из первых, поскольку такого рода мероприятия не привлекают ни меня, ни Петровну.

.....
В еженедельнике «Калейдоскоп» напечатано интервью под названием «Формула счастья по Александру Бовину»:

— *Каждый кузнец своего счастья, но не всякому удаётся выковать его. Как это удалось вам?*

— Перед тем, как ложиться спать, мой внук Макар Сергеевич подходит ко мне, и я целую сначала одно его ушко, потом другое. Чтобы ночью комарики не кусали. Так мы договорились с ним и с комариками...

Ну что тут «выковывать»? По-моему, главное счастье доступно всем. Оно вовсе не нуждается в молоте и наковальне. «Я помню чудное мгновенье». Любовь, дети, внуки. Здесь бьёт ток счастья. «Чудные мгновенья» дарят нам друзья, природа, искусство.

Но бывает и другое счастье. Подняться на Эверест. Получить Нобелевскую премию. Стать «мисс Европа» (или — «мисс Малаховка»). Взять в руки свою собственную книгу, ещё пахнущую типографией...

Можно и в ином ключе, в ином масштабе людей и дел. Построить дачу. Купить машину. Заработать первый миллион... Всем нам хорошо известно «чувство глубокого удовлетворения» (ЧГУ). Так вот. Формула счастья — это «ЧГУ + икс», где «икс» — некая иррациональная добавка, делающая всё вокруг «голубым и зелёным».

В первом случае все люди могут быть и бывают счастливы, если сами себе активно не мешают. Во втором, действительно, необходимы «кузнечные работы», часто — пожизненные, то есть созидательное движение к поставленной цели, борьба за достижение данной цели.

И я тоже «ковал». Но не счастье. Я ковал, скорее, самого себя, своё отношение к работе и к людям, наращивал сопротивляемость злу и лжи. Когда получалось — когда нет. Приходилось иногда кривить душой. Но как-бы то ни было, старался оставаться самим собой.

Со временем всё более строго оцениваешь свой жизненный путь. Мы, шестидесятники, не смогли остановить волну «застоя». И хотя каждому из нас удавалось время от времени вытаскивать свой «счастливый билетик», мы не смогли выковать счастье — ни для себя, ни для страны.

— *А что такое счастье? Ваше мнение.*

— Я уже сказал. Повторю суть. Счастье — это полная победа эмоций над разумом, это — восторг, упоение, взрыв радости.

«Тихое счастье», по-моему, — нонсенс. Впрочем, мой вывод может быть оспорен. Недавно в московской «Литературной газете» прочитал небольшое стихотворение Александра Кушнера:

Расположение вещей
На плоскости стола,
И преломление лучей,
И синий лёд стекла.
Сюда — цветы, тюльпан и мак,
Бокал с вином — туда. Скажи, ты счастлив?
— Нет.
— А так?
— Почти.
— А так?
— О да!

В общем, если, по известному определению, физика — это то, чем занимаются физики, то счастье — это то, что чувствуют, переживают счастливые люди.

— *А в детстве было ли у вас детство?*

— Если вы имеете в виду атмосферу, отношение ко мне дома, в семье, уличную вольницу, школьные забавы, то было детство в детстве. Счастливое детство? Да. Местами.

Случались и другие «места».

Вот, представьте себе. Мне 7-8 лет. Казарма (мы в военном городке жили). Стою в плотном кольце гогочущих солдат («красноармейцев», как тогда говорили). Нечто вроде «воскресной школы». Со мною делится богатством могучего русского языка. Плюс, так сказать, анализ типичных ситуаций, половое, значит, воспитание.

Ещё более «счастливое детство» было связано с войной. В Хабаровске мы жили рядом с военным музыкальным училищем. Курсанты не только упражнялись в музыке, но и занимались, как и все мы, военно-патриотическим воспитанием. В частности, делали стенды с эпизодами войны. Особой популярностью пользовались фотографии Героев Советского Союза. А мы выписывали «Огонёк», каждый номер которого давал несколько таких фотографий. И мама, вырезая фотографии из журнала, меняла их у курсантов на кусочки хлеба. В семейном фольклоре этот хлеб сохранился под названием «геройский». Но фольклор — позже, а тогда я отчаянно рыдал и требовал прекратить недостойный торг. Мама же была меньшей патриоткой и кормила нас.

Всякое бывало. И всё-таки детство было. Как и юность. Как и возмужание.

— *Ваш путь наверх?*

— Боюсь, вы не поверите мне, но вся штука в том, что никакого «пути наверх» не было. То есть не было составленного загодя плана систематического, шаг за шагом продвижения на этот самый «верх».

Ко дню окончания школы я хотел стать дипломатом. И, приехав из Горького в Москву, направился в Дипломатическую академию. Там мне вежливо разъяснили, что в академию принимают только с выс-

шим образованием. Лучше — с юридическим или историческим. Иду на юрфак МГУ. Прохожу собеседование (у меня была золотая медаль). Не принимают. В МГУ нет мест в общежитии. Еду в Ростов-на-Дону, куда направили служить отца. И с 1 сентября 1948 года я — студент юрфака РГУ.

Когда я закончил юрфак (в том числе и по отделению международного права), мысль о том, чтобы стать дипломатом, уже не беспокоила меня. По распределению поехал на юг Краснодарского края, где и был избран народным судьёй (самый молодой судья в СССР!). Три года в районе. Успел побывать и на хозяйственной, и на партийной работе. А летом 1956 года поехал в Москву и успешно сдал экзамены в аспирантуру философского факультета МГУ.

«Ма питом?» — как говорят в Израиле. Чего это вдруг? На самом деле совсем не «вдруг». Многих студентов (даже в те времена!) не устраивала официальная направленность дискуссий, которые сотрясали науку. Мы пытались сами докапываться до истины, штудировали специальную и философскую литературу, спорили. Так я стал всё больше и больше втягиваться в философские, методологические проблемы различных наук. В конце концов это и привело меня на философский факультет.

Что же касается «пути наверх», то началом его можно считать 1959 год — приглашение работать научным консультантом в журнале «Коммунист». Второй шаг «наверх» был сделан в 1963 году — приглашение в ЦК КПСС, в группу консультантов Ю.В.Андропова. И, наконец, в 1968 году — последний шаг. Назначают руководителем группы консультантов. Смеем вас уверить, что никаких чрезвычайных усилий, чтобы идти «наверх», я не делал. Всё как-то шло само собой. Правильно написал Евтушенко: «Мы делали себе карьеру тем, что не делали её». Делать карьеру было неинтересно, интересно было, когда она делалась.

В 1972 году путь на партийный «верх» был завершён. Неожиданно открылся другой — вбок и ниже. Впрочем, работа в «Известиях» меня вполне устраивала. Через несколько лет начальство передумало, но я отказался вернуться в аппарат ЦК.

Пожалуй, только последний участок моей служебной карьеры подпадает под определение «путь наверх»: задача была поставлена и решена.

— *Нам известно, что вы очень хотели стать послом. Почему именно послом?*

— Насчёт «очень» я не уверен. Хотя, если вспомнить эпизод с Дипломатической академией, то можно считать, что я всю жизнь положил на то, чтобы пробиться в те «верхи», куда мне перекрыли дорогу в 1948 году.

А если серьёзно, тут такая история. Впервые я «попросился» послом (конкретно — в Люксембург) в самом начале 70-х. Мне нужно было несколько лет, чтобы написать книгу по теории политики. Материал собрал большой, мысли некоторые были. Не хватало только некоего отрешения от суеты. Казалось, Люксембург может дать его. Увы!..

Вместо Люксембурга я попал в «Известия». Однако за 20 лет даже самая интересная работа становится рутинной. Да и книга о политике так и не была написана. Вновь мною овладела охота к перемене мест.

Я понимал, что за 20 лет ситуация изменилась не в мою пользу. Была перейдена пенсионная черта. Ушли многие люди, которые могли бы мне помочь. Пришли новые люди с хорошим аппетитом и крепкими плечами. Люксембург отпадал. Возникла мысль о Новой Зеландии. Вряд ли туда кто-то будет рваться, рассуждал я. Слишком далеко, не слишком интересно, бесперспективно. Как раз, значит, для меня. Говорил с Шеварднадзе, с Козыревым. Кажется, — с Панкиным.

И вдруг вместо Новой Зеландии — Израиль. Какая уж тут теория политики. Тут практики неупорот. Но это как раз не столько пугало, сколько радовало. Было приятно осознавать, что начальство поверило в мои знания, в мой опыт. Новая настоящая работа, новые проблемы, новые люди — это как тонизирующий душ. Тот самый случай, когда заниматься политической практикой гораздо интереснее, чем политической теорией.

— *Как вам удалось, став послом, сохранить интерес к людям в этом жестоком мире?*

— Во-первых, по-моему, люди, живущие в «жестоком мире», не менее интересны (если не более), чем люди, живущие в «добром мире». Люди всегда интересны. Даже «неинтересные». Во-вторых, почему «удалось»? Посол работает не с абстрактными институтами, структурами, а с живыми людьми. С ними он говорит, их убеждает, пытается понять их и через них — страну, её порядки, политику. Важно беседовать с министрами, с другими послами, но иногда разговор с «простым» человеком может дать больше, чем беседа на высоком уровне. Я это понял ещё будучи журналистом. Это подтверждает и моя дипломатическая практика.

— *Ваши недостатки?*

— Их, к сожалению, немало. Успокаиваю себя тем, что страдаю от этих недостатков прежде всего сам, а не другие люди.

Скажем, недостаточная сила воли. Много раз брался учить разные языки, вплоть до китайского и африкаанс (а теперь уже — вплоть до иврита). Но так и не научился. По-настоящему не говорю ни на одном. Кроме русского.

По поводу других недостатков прошу обратиться к жене.

— *Какие женщины вам нравятся и почему?*

— Мне нравятся те женщины, с которыми не скучно.

— *Чем занимаются ваша жена, дети, внуки?*

— Лена Петровна на пенсии. Ранее преподавала философию и эстетику в Московской консерватории и институте Гнесиных.

Дочка Женя закончила факультет журналистики МГИМО. Вышла замуж за журналиста из «Комсомолки». И пока он в Берлине, Женя там же, работает машинисткой у военных.

Внук, Макар Сергеич, ещё весь погружён в счастливое детство.

— *Ваше любимое блюдо?*

— «У меня не вкус, а вкусы», ответил Флобер на вопрос, не имеющий, правда, отношения к гастрономии. Но аналогия возможна: не любимое блюдо, а любимые блюда. Например, все «пельменообразные» (хинкали, бозы, манты и т.д.). «Морские гады» (креветки, кальмары, лангусты). Хаши (здесь нечто подобное известно как «марак регель»). Эскарго (виноградные улитки в чесночном соусе). И гречневая каша с луком. И... Но хватит. Иначе можно растолстеть. Жена уже много лет ругается и настаивает на переходе к овощам и фруктам. Да как-то не получается. Знаю, что нужно. Да уж больно скучно жевать морковку и даже киви.

— *Расскажите о своих пристрастиях. Что вы читали в последнее время?*

— Моё главное пристрастие, «хобби», если хотите, это моя работа. Она мне всегда нравилась больше, чем собирание марок или рыбная ловля. Отсюда — первый круг чтения. Специальная литература, без знания которой невозможно поддерживать требуемый уровень профессионализма.

Соответственно, «последнее время» отражено на моём столе — и на работе, и дома. Сегодня это два последних номера журнала «Тель-Авив», книга А.Неера «Ключи к иудаизму». Недавно прочитал «Воры в ночи» А.Кестлера и мемуары Р.Эйтана.

Чтобы не терять связь с теорией, философией, продолжаю выписывать и читать «Вопросы философии». У Шемы взял нашумевшую «Розу мира» Д.Андреева. С опозданием в полжизни штудирую «Открытое общество» К.Поппера.

С художественной литературой сложнее. Выписываем «Знамя», «Иностранную литературу». Плюс — «Литературную газету». Но времени катастрофически не хватает. Хорошо, Лена Петровна мне иногда пересказывает прочитанное.

— *Этот вопрос к вам не как к дипломату, а как к известному журналисту: что вы думаете о русскоязычной прессе в Израиле?*

— Вы, само собой, можете спрашивать меня, как «известного журналиста». Но именно как журналист я не хотел бы быть судьёй моих

коллег, других журналистов. И поэтому ответчу дипломатически: у меня нет времени думать о качестве русскоязычной прессы в Израиле — я читаю её.

— Какой вопрос вы хотели бы задать самому себе?

— Неужели я так и не успею вновь стать стройным?

.....
Назревал визит заместителя министра иностранных дел Анатолия Леонидовича Адамишина. Мы с ним были давно знакомы. Не по работе. Иногда пересекались где-то в кругах «творческой интеллигенции».

Визит — значит очередные посиделки в Савьоне. И тут мои сотрудники, которые настоящие дипломаты, взяли меня за горло. Нужно жёстко соблюдать протокол. Аперитив (то есть выпить понемножку, под орешки в процессе сбора гостей). Таблички с фамилиями на столе. Вышколенные официанты (коих надо арендовать в ресторане).

До сих пор я действовал в рамках обычаев нормального русского гостеприимства. Без, разумеется, аперитивов, табличек и официантов. Без чопорности. Делал упор на создание непринуждённой, лёгкой обстановки. Заботился не столько о сервировке, сколько о качестве и разнообразии блюд. Обычно, в других «домах», 90% того, что стояло на столе, было из местных «кулинарий». У нас же почти всё готовилось дома, по рецептам Лены Петровны. Вроде бы получалось. Гость, как мне казалось, оставался доволен. Но дипломаты наши, привыкшие к другим порядкам, были недовольны.

В общем, поговорили. Согласился я на аперитивы. Таблички и официанты были отвергнуты. Купили новые скатерти и стулья.

Адамишины плюс Посувалюк прибыли 19-го. Скучно отужинали в Иерусалиме. Мидовские сплетни: кого, куда и за что. С утра 20-го началась череда визитов. Побывали у Рабина. Кратко и сухо. Посетили Вейцмана. Живо, в общем и целом. Поговорили с Бейлиным. Интересно, по делу.

Адамишин немножко капризничал. Израильтяне были вынуждены на ходу перестраивать программу. Пришлось и мне понервничать. Адамишин, сославшись на больное горло, и Посувалюк, сославшись на Адамишина, не приехали в Савьон на заранее запланированный ужин. На амбразуру бросили Ольгу Николаевну Адамишину. Был Михаил Александрович Ульянов. Подушевные с ним. Под аккомпанемент грозной речи Ельцина, громившего Верховный Совет.

Полный сбор был на следующий день. Сидели на веранде. Виктор Викторович играл на гитаре и пел. Заместитель министра сделал мне втык за «снобистское отношение» к палестинцам. Супруга его (дипломаты наши как в воду глядели!) осталась недовольна «протоколом»: не так положили мясо, не ту подали тарелку.

После проводов высоких гостей мне пришлось извиняться перед израильтянами за вольности с программой.

.....
28 сентября в Иерусалиме в присутствии мэра города Тедди Колека и министра культуры Израиля Шуламита Алони торжественно открылась выставка работ Шагала, которые он в своё время делал для МХАТа.

Произнёс очередную речь.

«Начну с неизбежной дипломатической банальности. Открытие в Иерусалиме выставки Шагала — Шагала прежде всего из русских запасников и русских коллекций — важное, неординарное событие в развитии культурных связей между Израилем и Россией.

Поскольку я выступаю здесь не только как посол, но и как человек, который иногда смотрит картины, позвольте мне сказать несколько слов — надеюсь, не всегда банальных — о самом Шагале.

Творчество Шагала многомерно, его можно изучать во многих измерениях. Я бы предложил выделить три основные, базовые.

Измерение еврейское. Тут важно вот что подчеркнуть. В XX веке было много художников-евреев. Но вот еврейских художников, художников, чьи корни уходили бы в еврейскую культуру, в еврейскую народную традицию, — таких художников единицы. И Шагал — один из них.

И как раз это измерение творчества Шагала наиболее полно представлено на этой выставке.

Хочу напомнить слова незабвенного Стасова: если бы не было еврейской культуры, еврейской культурной деятельности, то «Европа и весь мир на несколько градусов поблекли бы и потускнели».

Измерение еврейско-русское или русско-еврейское. Органический синтез двух великих культурных пластов.

Отсюда — то, что можно было бы назвать удвоением страданий и удвоением милосердия, жалости к человеку.

И, наконец, измерение космополитическое, мировое. Здесь искусство Шагала, как и всего художественного авангарда, — одно из наиболее ярких проявлений кризиса культуры, кризиса цивилизации, кризиса духа, который проходит через всё двадцатое столетие. Характерная для философского сознания критика примитивного рационализма на уровне сознания художественного выступила как критика, отрицание столь же примитивного реализма.

В творениях Шагала сны не менее реальны, чем явь. И в самом деле — почему бы скрипачу не играть на крыше?

В заключение вернусь к делам дипломатическим. По моим наблюдениям, чем меньше дипломат занимается собственно политикой, а больше — культурой, скажем, или наукой, тем в более конструктив-

ном русле развиваются отношения двух стран. Мне, к сожалению, пока приходится иметь дело прежде всего с политикой. Но чем больше будет выставок, подобных сегодняшней, тем с большей уверенностью я буду смотреть в будущее».

.....
Глядя в будущее и задумываясь над последствиями вашингтонского саммита, я сочинил в конце месяца записку «Мадрид позади. Что дальше?» Излагаю её смысл.

Мадридская формула предусматривает исключение ООП (по настоянию Израиля) из непосредственного участия в переговорном процессе и синхронное (по настоянию арабов) продвижение на всех переговорных треках. Теперь, после того, как Рабин и Арафат обменялись рукопожатием, мадридская формула мертва. Мадридское политическое пространство, мадридское политическое время исчерпаны. Исчерпаны «субстанционально».

Стёрлись, исчезают доктринальные, концептуальные препоны для существования отдельно палестинской и отдельно иорданской делегаций, равно как и для ограничений, налагаемых на состав палестинской делегации. Подорваны аргументы, мешающие отделить, «отцепить» (по месту и времени) переговоры израильтян с одной какой-либо делегацией от их переговоров с другими делегациями. Да и в Вашингтон летать накладно. Усиливаются настроения в пользу переноса переговоров в Европу, Северную Африку и на Ближний Восток.

Отход от мадридской формулы позволил бы сделать весь переговорный процесс более маневренным, убрать лишние тормоза, усилить «персональную» ответственность каждой делегации. И несколько снизить уровень американского лидерства. Всё это не противоречит интересам России.

Встаёт вопрос: как нам себя вести практически? Или взять курс на ускорение замены мадридской формулы на другую, более современную — или не торопить события, ждать, пока яблочко не свалится само? Но лучше без «или — или». Сдержанная активность как оптимальный вариант.

Можно было бы провести зондаж (в Вашингтоне, Иерусалиме, Каире, Дамаске, Аммане и Бейруте) по трём направлениям:

- надо ли изменить (варьировать) место переговоров;
- обязательно ли собирать сразу все делегации;
- не стоит ли предоставить палестинцам статус самостоятельной делегации.

В зависимости от результатов можно будет думать (и двигаться) дальше.

Долго обсуждали эти соображения в посольстве. Были большие сомнения. Они касались и формы (не слишком ли резко, безапелляционно составлена бумага), и содержания (не грозит ли пересмотр мадридской формулы снижением нашей коспонсорской роли). В общем, убедили меня не посылать записку. Чиновник во мне победил человека.

.....
Культура в сентябре. Помимо выставки Шагала запомнилась «Возможная встреча» Пауля Барца. Бах — Валентин Никулин, Гендель — Михаил Козаков. Никулин явно переигрывал Козакова. Потом оба вернулись в Россию. Козаков — потому что ему было тесно в Израиле, не хватало своей публики. Никулин — из-за неприкаянности, которую легче переживать там, где прожил жизнь. По просьбе Валентина Юрьевича в апреле 1997 года переслал его письмо Ю.М. Лужкову, чтобы дали квартиру в Москве. И просил не отказать. Спасибо Лужкову — дали.

ОКТАБРЬ-93

*Положение о посольстве — «Холодный мир» с Египтом —
— В больнице: «балаган гадолей» — Референтура и спецкурьеры*

Начало октября для нас прошло в Москве. Сидели у телевизоров. Переживали. Спорили. «Холодно внутри» — записано в моей рабочей тетради. Всё же для большинства посольских, если они не крутили, «чёрное воскресенье» было светлым. А в Израиле вообще все были за Ельцина. Меня одолели журналисты. Приходилось выходить из положения при минимуме информации. Я, конечно, понимал, что мидовский люд растерян, ждёт, куда подует ветер, но всё-таки хоть какие-то ориентировки, факты, мнения следовало бы оперативно сообщать на посольскую периферию. Молчание, как известно, — золото. Но только для тех, кто молчит...

.....
Тем временем в МИДе активно обсуждались варианты временного Положения о посольстве Российской Федерации. Посольству было предложено высказать своё мнение по проекту. В частности, предлагалось продумать «новые подходы во взаимодействиях с центром, подразделениями МИДа».

Проект не вызывал особых эмоций. Добротнo-стандартная бумага. Несколько смущало то, что в проекте шесть раз встречались ссылки на «установленный порядок». Раньше такие ссылки часто использовались для того, чтобы разрешённое де юре ограничить де факто. Поэтому посольство предложило на всякий случай по возможности снять ссылки на «установленный порядок». Спокойнее будет.

Что же касается «новых подходов во взаимодействиях», то посольство рекомендовало более чётко выразить обязанность МИДа регулярно снабжать заграничные представительства справочной литературой и оперативно отвечать на их вопросы. Последнее относилось и к «другим государственным органам и учреждениям» (предлагалось зафиксировать 10-дневный срок). Мы просили упорядочить стихийный поток всяческих делегаций и делегатов, чтобы они, как минимум, ставили посольства в известность о своём появлении и о целях своего визита.

И ещё мы предложили скорректировать финансовые «взаимоотношения». МИД исходит из того, писали мы, что каждый работник посольства, включая посла, — потенциальный вор. Его надо со всех сторон обложить инструкциями. Например, требуется, если, скажем, гостей угощали винегретом, посылать в Москву такой отчёт: на одного человека — 5 грамм моркови, 8 — солёной капусты, 10 — свёклы, 10 — оливкового масла и т.д., и т.п. Всего было 30 человек. Умножаем. И так — по каждому блюду. А если завхоз купит на рынке арбуз или килограмм картошки, то нужен акт с тремя подписями, который утверждается послом. Уж если послу доверяют быть «представителем Президента», ехидничали мы, то, может быть, ему следовало бы доверять и по винегретным вопросам.

Разумеется, сей сюжет не предлагалось включить в Положение. Мы лишь воспользовались случаем, чтобы обратить внимание на явную глупость. К сожалению, не обратили...

6 октября осень стала переходить в зиму — пошёл первый сильный дождь. В этот же день в Каире по инициативе американцев Рабин встретился с Арафатом. Главная тема разговоров — как принципы, заложенные в Декларацию, превратить в практику, в реальные шаги по пути к палестинскому самоуправлению и, как полагал Арафат, дальше... Возникли сложности. Но واشنطنская эйфория ещё не прошла, поэтому царил оптимизм.

Почему Каир? Потому что Рабин видел в Мубараке политика, который способен, если захочет, подтолкнуть Арафата к умеренности, сдержать снедающий его «джихадовский» пыл. Арафат же рассчитывал, и не без оснований, что президент Египта будет подталкивать израильтян к дальнейшим уступкам.

Сам Мубарак явно хотел превратить Египет — пусть неофициально — в третьего коспонсора мирного процесса. Предпосылки для этого, полагали в Каире, были, поскольку Мубарак пользовался достаточно авторитетом по обе стороны переговорных баррикад.

После Кэмп-Дэвида между Египтом и Израилем царил «холодный мир». Сохраняя дипломатические отношения, Египет фактически блокировал все попытки Иерусалима наполнить эти отношения конкретным содержанием — экономическим, политическим, культурным.

Отношение к Израилю, которое царит в Египте, довольно точно рисует американский журнал «Ю.С. ньюс энд уорлд рипорт». Журнал отмечает: хотя Египет был первой арабской страной, заключившей мирный договор с Израилем, «неприятие мира с Израилем здесь настолько сильно, что его можно трактовать как «волю народа» и государственную идеологию... Египетский истеблишмент и интеллектуалы смиряются с идеей мира, потому что понимают: без мира Египет

не получит ни гроша от американских благодетелей. Но смириться — ещё не значит принять... Поскольку разрыв дипломатических отношений сегодня невыгоден и нежелателен по вполне конкретным политическим причинам, египетские власти предпочитают поддерживать «ненависть на медленном огне». Статья опубликована в начале 1997 года. Но она может быть отнесена ко всему посткэмп-дэвидскому Египту. Вот именно — «ненависть на медленном огне». Трудно сказать лучше...

Общая обстановка в Египте запутана, противоречива. С одной стороны, — XX век, светское, разворачивающееся на Запад государство. С другой, — средневековые, сильнейшее влияние исламского фундаментализма.

Характерный пример. Летом 1992 года египетские теологи увлечённо дискутировали на тему: сексуальная жизнь в раю. Одна группа радовала правоверных перспективой «непреходящей эрекции», а также услугами «мальчиков в серёжках и бусах». Другая утверждала, что эрекция будет очень длительной, но всё же «не перманентной». И — только девочки.

В статье «Что случилось с египетской интеллигенцией?» известный журналист и общественный деятель Фаридж Фода, рассказав об этой дискуссии, задавал риторический вопрос: «Неужели это то, что волнует мусульман на исходе XX века?» И продолжал: «Я с грустью и болью пишу эти строки. Что подумают немусульмане о людях, которых волнуют эти проблемы? Мир вокруг нас занят освоением космоса, геной инженерией, компьютерной техникой. Мне жаль мусульман, жаль впустую потраченного времени, жаль напрасных усилий».

Через две недели Фода был убит террористами из организации «Исламский джихад»¹...

Мубарак сидит (старается усидеть) на двух стульях. Глядя на Америку и Европу, да и на своих любителей «джихада», он не может поощрять экстремистский фланг ООП, не может не советовать Арафату проявлять мудрую умеренность. Не может отказаться от диалога с Израилем. Но, учитывая настроения в стране, глядя на арабский мир, лидером которого он себя считает, Мубарак не может не поддержать стремление палестинцев получить политический суверенитет, стремление Сирии вернуть Голаны. Не может превратить «холодный мир» в нормальное сотрудничество соседей по карте и истории.

¹ К вопросу об египетской интеллигенции. «И злобный Рабин, и коварная змея Перес, и лицемер Эзер Вейцман, — писал в журнале «Аль-Мусаввар» писатель Махмуд аль-Саадани, — все они террористы и убийцы. Это вампиры, сосущие кровь арабов. Я заявляю террористическому правительству Израиля и правительствам Запада, которые поддерживают его: придёт день, когда мы встретимся лицом к лицу — 5 миллионов еврейских террористов и 200 миллионов арабов, и злодеи будут наказаны».

Основное стратегическое направление давления Египта на Израиль — попытка вовлечь его в создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке, убедить присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия. В этом случае, дают понять израильтянам, отношения между Египтом и Израилем примут иной, более конструктивный характер, что отразится и на мирном процессе. У израильтян другая логика: сначала прочный мир на Ближнем Востоке, и лишь потом — серьёзный разговор о безъядерной зоне.

Пока у власти находилось правительство Рабина—Переса, линию Каира в ближневосточном урегулировании можно было считать более или менее уравновешенной. Сохранялась надежда на соглашение. Приход Нетаньяху спутал карты. После небольшой паузы — Мубарак присматривался к Нетаньяху — египтяне начали пропагандистскую атаку на новое руководство Израиля. Нетаньяху обозвали «динозавром», а правительство — «душевнобольным». Министр иностранных дел Израиля Давид Леви пригласил египетского посла и вчинил протест. Посол просил не смешивать египетскую прессу с египетскими властями. Это было в сентябре 1996 года.

В октябре тучи сгустились. Заговорил Мубарак: «Я считаю, что если не будет прогресса на мирных переговорах, создастся очень опасная ситуация. Это будет интифада, но в новом виде... Огонь продолжает гореть под землёй. Когда он вырвется наружу — это только вопрос времени и обстоятельств». Вспомнив Арафата, президент Египта сообщил израильтянам: «Арафат — это единственный палестинский лидер, способный принимать решения. Если с Арафатом что-то произойдёт, вам придётся пустить в ход танки, чтобы защищаться от палестинцев. У вас будут проблемы со всем арабским и мусульманским миром».

А в декабре, если верить каирской прессе, министр иностранных дел Египта Амр Муса поведал миру, что Кэмп-Дэвид — это не договор о мире, а всего лишь «соглашение о прекращении войны», которое может быть аннулировано в любой момент. Правда, Мубарак тут же заявил, что слова его министра были искажены.

В Израиле видели за дымом огонь. Правые связывали этот огонь с появлением в российском МИДе Примакова, который «неминуемо будет подталкивать арабские страны на открытый конфликт с Израилем». И утверждали, что заявление Амр Мусы вновь подчёркивает несостоятельность самого принципа «территории в обмен на мир». А Израиль теперь получает право потребовать возвращения Синая.

Потом страсти немножко поулеглись. Но их накал подтвердил, сколь неустойчивым является политическое равновесие между Израилем и Египтом.

В сентябре 1997 года, когда я уже наслаждался московской осенью, Мубарак нажаловался Ельцину на «неконструктивную позицию» израильтян и на то, что «России не видно на Ближнем Востоке». Ельцин так изложил дело: «Президент Мубарак выразил недовольство в связи с. неучастием России в решении проблем Ближнего Востока, а также её неприметной ролью в мирном процессе. Он выступил с резкой критикой российского МИДа. Президент Мубарак, как настоящий друг, не побоялся выразить своё недовольство неэффективностью роли России в мирном процессе».

Ельцин, идя навстречу «настоящему другу», тут же направил Примакова в обезд ближневосточных столиц. Но это мало что изменило. Роль России осталась неприметной и неэффективной.

Когда в октябре 1993 года Рабин расставался с Арафатом в Каире, они оба надеялись выжать из Египта максимум — каждый в свою пользу. А на самом деле каждый из них должен был выжимать максимум из самого себя. «Никто не даст нам избавления...» И не дал...

.....
С 12 по 26 октября я находился в профсоюзной больнице им. Бейлинсона. Нога одолела. Лечили меня весьма интенсивно. Испробовали всё, чем располагали. Антибиотики вводили, сколько могли и куда могли. Скребли (страшно вспомнить!), мазали, мыли, бинтовали и разбинтовывали. Собрались было оперировать, но передумали. В общем, заботились, старались вовсю. За что я всем — от профессора Аубена до старшей сестры Майи и медбрата Гены — премного благодарен.

Подлечили меня, но не вылечили. За что потребовали 20 тысяч 319 шекелей. Заплатил МИД. Но не хотелось напрягать начальство. Пришлось переходить на самообслуживание. И дольше года длился день... Тут за меня взялись врачи-добровольцы (Илья Лиснянский потратил много времени), владельцы уникальной аппаратуры из секретных советских разработок (при всём моём скепсисе излучатель неведомых мне лучей, коим ведала Ирина Кон, действительно помог), а также разные дерматологи и экстрасенсы, для которых я был постоянным источником доходов. Причём каждый очередной врач отменял назначения всех предыдущих. Уговорили-таки ногу мою...

Общее впечатление от больничной обстановки — не от лечения, а именно от обстановки — можно выразить на иврите словами «балаган гадоль». Балаган — он и по-русски балаган. А гадоль значит большой. У нас в больницах, во всяком случае в те годы, когда я туда попадал, более или менее тихо. А тут всё как-то бурно происходит, все кричат и машут руками. Питание точно рассчитано на похудение, так что мне повезло. Смотрел телевизор (за отдельную плату). Много читал (бесплатно). Руководил по телефону, тоже не даром и поэтому — мало.

В конце месяца появился заведующий референтурой Анатолий Степанович Соломатин. Референтура — это святое святых посольства. Через неё осуществляется шифросвязь. Предусмотрены специальные комнаты, где дипломаты могут работать с шифротелеграммами.

Помещения, где располагается референтура, оборудуются по повышенным правилам безопасности. Для того, чтобы шифросвязь могла работать, нужны шифровальщики и радиоаппаратура. Это — минимум. Можно шифровать и расшифровывать вручную. Процедура длительная и нудная (как мне говорили, на обработку одной страницы уходит 3-4 часа). Оптимальный вариант — шифровальная машина.

Потребовался почти год, чтобы получить возможность посылать шифровки ручной выделки. А битва за установку шифротехники заняла более двух лет. То самой техники не было, то никак не могли решить, кто платит деньги, то просто чиновничья тягомотина. Только в январе 1996 года мы смогли торжественно — в рыбном ресторане на берегу моря — проводить бригаду ФАПСИ (Федеральное агентство правительственной связи и информации), которая поставила у нас желанную машину под нежным названием «Лютик». Вот теперь мы стали «как большие».

С референтурой связано и наличие так называемых **спецкурьеров**. Это люди, которые днём спят и мыкаются от безделья, а ночами обязаны бдеть в помещении референтуры и, в случае необходимости, принять экстренные меры, чтобы секреты не достались врагам. Есть даже специальный приборчик (спецчасы), который они должны активизировать каждые полчаса, чтобы было ясно — они честно не спали.

По моему разумению, все эти спецкурьеры (а их в МИДе числилось более двухсот) — сплошное недоразумение. Писал в МИД жалобные стансы в прозе. Обращал внимание на то, что вход в посольство блокируется дежурным комендантом и двумя дверьми со спецзапорами. Референтура изолирована от жилых и служебных помещений. Вход в неё также надёжно перекрыт. Так что вероятность проникновения в референтуру посторонних лиц равна нулю. Конечно, писал я, существует традиция, устоявшиеся правила, привычки... Но ведь есть ещё и здравый смысл, который заставляет свежими глазами посмотреть на традиции. Тем более что наличие людей, которые получают зарплату только за то, что они не спят, вредно действует на немногочисленный штат посольства.

Я просил всех, от кого зависит судьба «спецкурьеров», посмотреть на проблему непредвзятым взглядом. Помня при этом, что годовое содержание «спецкурьера» обходится в 16 тысяч долларов. Зря ведь пропадают деньги...

МИД со мной был согласен. Однако и ГРУ, и СВР — ни в какую. Я делал несколько заходов в обе конторы, но возвращался с пустыми руками. Ссылались на отсутствие технических средств и на отсутствие средств финансовых для их приобретения. Так что эта битва была проиграна.

.....
Культура в октябре. Не густо. Больница выбила из колеи. Был в мастерской у интересного художника Саши Окуня. Из ленинградской группы «Алеф». Всё время придумывает что-то замысловатое. Слишком замысловатое, по-моему. — На Дизенгофе случайно наткнулся на Эфраима Севелу — писателя и киносценариста. «Попутай, говорящий на идиш» — это его. Пишет вполне читабельную прозу. Разговор наш, разумеется, о «судьбах», затянулся.

НОЯБРЬ-93

*Аттестация и «самоаттестация» — А.Ф.Чистяков
и В.И.Носенко — Безопасность и бдительность*

Весь ноябрь провозились с аттестацией дипломатического и административно-технического состава. Конечным результатом должна была явиться развёрнутая характеристика с указанием — соответствует или не соответствует занимаемой должности. Плюс — рекомендации по повышению или понижению в оплате труда (в должности). Или — направить на переподготовку, повышение квалификации.

Был прислан детальный перечень «показателей профессиональных и личностных качеств», по которым следовало судить о том или ином «кадре». Например: общая эрудиция и кругозор; способность адаптироваться в новой ситуации и применять новые подходы к решению возникающих проблем; умение держать слово; восприимчивость к критике; умение видеть, поддерживать и применять новое, передовое; способность создать нормальные взаимоотношения в коллективе (психологический климат). Это — требования к «руководителям». В перечне для «специалистов» несколько иной подход: в частности, интенсивность труда; умение чётко излагать свои мысли письменно и устно; аналитические способности; дисциплинированность; владение иностранными языками; умение не допускать личностных конфликтов с сотрудниками.

Получив эти перечни, я отчасти обрадовался (поскольку «руководителям» давалось послабление по языку), но отчасти огорчился (поскольку полагал, что именно «руководитель» обязан уметь чётко и ясно излагать свои мысли).

Но это, как говорится, «шутка». А если серьёзно, то аттестация, конечно же, важнейшее дело. Очень ответственное. Да беда в том, что отнестись к нему серьёзно было нельзя. Иначе пришлось бы почти всех «специалистов» и, наверное, всех «руководителей» (от послов до министра) отправить на курсы принудительного повышения квалификации. Поэтому работали по привычной схеме, с максимальными допусками. Тех, которые «не соответствуют», не обнаружили.

Забавный казус произошёл. Поскольку у «соседей» своя специфика, я попросил их самих написать на себя характеристики. Написали. Храню две поэмы в прозе. Авторы не называю.

«...Выполняет порученную работу и отдельные задания только самостоятельно. Способен политически грамотно анализировать проблемы и делать правильные выводы. При выполнении поручений проявляет оперативность и инициативу. Имеет навыки трудиться интенсивно, с повышенной нагрузкой, в короткие сроки выполнять значительные объёмы работы... Освоил современные технические управленческие средства, проявил способность быстро адаптироваться к новой ситуации и применять нестандартные подходы при решении возникающих задач. Склонен принимать самостоятельные решения.

В коллективе поддерживает с сотрудниками ровные товарищеские отношения, критику воспринимает правильно и делает соответствующие выводы для устранения недостатков. Слово держать умеет».

Это — от «ближних». От «дальних» — практически копия, но с добавлением: «Достоин повышения в оплате труда».

Пришлось мне самому взяться за перо. Не уверен, что был понят правильно.

.....
Большой праздник в консульском отделе. Внедрили и опробовали компьютерную систему «Консул». Спасибо МИДу, помог делом. Легче стало работать. А значит, можно работать интенсивнее, обслуживать большее число людей и, следовательно, зарабатывать больше денег.

Задача эта решалась не только с помощью компьютеризации, но и путём создания большего числа рабочих мест. Была сформирована так называемая **информационная группа**. Она состояла в основном из жён сотрудников посольства. Группа оказывала посетителям услуги правового и информационного характера, принимала от посетителей документы и производила их первичную обработку. Средства, заработанные группой, делились на две части: половина — в бюджет, половина — посольству. Из второй половины (а она была вполне приличной) оплачивались работники группы (оклады мы устанавливали самостоятельно), включая двух кассиров. Последнее важно. Теперь дипломаты не прикасались к деньгам. От греха, как говорится, подальше. Фонд информационной группы использовался также для приобретения инвентаря и оборудования, для проведения протокольных мероприятий.

Возможно, всё это воспринимается как мелочи, несущественные детали. Но от этих «деталей» зависели уровень жизни, а значит, и настроение сотрудников посольства, сокращение очередей в консульстве, возможность благоустроить служебные помещения и улучшить условия труда.

Когда наш бухгалтер Владимир Иванович Щедров в первый раз изложил мне идею такой группы, я, помню, не врубился сразу. Никак не мог взять в толк, что к чему и за счёт чего. Но он всё-таки

дожал меня. Растолковал. И сделали полезное дело. Иногда возникали завихрения и внутри группы (в группе только женщины!), и в её отношениях с консульским начальством, но уровень склочности не превышал норму...

Произошла важная замена. Чистяков уехал. Советником-посланником был назначен Владимир Иванович Носенко. С Алексеем Фёдоровичем у меня не сложились личные отношения. Слишком разные характеры. Слишком разная манера общения с людьми. И не совсем, пожалуй, одинаковое понимание некоторых аспектов мирного процесса. Возможно, на его отношение ко мне наложились и несбывшаяся — из-за моего назначения — надежда стать послом в Израиле. Однако на работе у нас никаких проблем не было, если не считать его ворчания по поводу моего «либерализма».

Не очень ловко получилось с прощальным приёмом, который посольство устроило в его честь. Чистяков пригласил очень много людей, особенно — из израильского начальства. Мне советовали сократить список приглашенных. Но я счёл это бестактным и оставил всё, как было. К сожалению, значительная часть приглашенных не явилась. Не явилось начальство. Было обидно за Алексея Фёдоровича. Приходилось делать вид, что всё идёт штатно.

С Владимиром Ивановичем было работать как-то веселее. Трудность в том, что у него нестандартно тонкая кожа. Может обидеться, на мой взгляд, по пустякам. Когда я понял, что мой взгляд определяется моей толстокожестью, я старался вести себя по Маяковскому: не мужчина, а облако в штанах. Не всегда, возможно, получалось. Но в целом — обошлось, притёрлись друг к другу.

По делу же, по политике мы были единомышленниками. Тут проблем не было. Проблемы возникали в другом плане. Сотрудники иногда жаловались, что Владимир Иванович бывает излишне официален. Если уж правило, то без исключений. Приходилось лавировать.

Встретился с египетским послом М.Басьюни. Посол, как всегда, был многоречив. Он считает, что ключевая роль в мирном процессе принадлежит Сирии. Ситуация, сложившаяся на сирийском треке, напоминает спор о том, что первично — яйцо или курица. Рабин говорит: обещайте сначала «полный мир», и тогда будем обсуждать проблему Голан. Асад говорит: сначала обещайте «полный уход», а потом займёмся миром. Задача трудная, но решаемая. Израильяне делают ошибку, откладывая выяснение отношений с Дамаском на потом. Надо помнить, что Ливан у Асада «в кармане», что он может заблокировать переговоры с Иорданией и причинить неприятности Арафату. По мнению посла, израильско-сирийское соглашение будет подписано до конца этого года.

Палестинская проблема более запутана. Переговоры о промежуточном соглашении упираются во множество мелких, но колючих вопросов. Израильтяне настаивают на сохранении своих войск вокруг еврейских поселений в Газе, в «зоне безопасности» по периметру Газы и вдоль главной транспортной магистрали. Это не устраивает палестинцев. Палестинцы, когда говорят «Иерихон», подразумевают не только город, но и окрестности вплоть до границы с Иорданией, включая мосты через Иордан. Израильтяне такой подход не приемлют. Басьюни несколько раз возвращался к мысли, что Арафат — единственный палестинский лидер, который способен «привести палестинский корабль к берегу мира».

На встрече с королём Хусейном, сказал Басьюни, которая продолжалась девять часов, Перес предложил провести международную конференцию по проблемам экономического развития Ближнего Востока. Король пропустил эту идею мимо ушей. Король также не видит необходимости форсировать подписание израильско-иорданского соглашения.

У меня сложилось впечатление, что Басьюни иногда выдаёт желаемое за действительное.

.....
Постепенно осваивали здание. Обустраивались. Приходил в себя — после перестроечных передрыг — аппарат МИДа. Жизнь входила в традиционную мидовскую колею. А в этой колее всегда придавалось повышенное значение безопасности и бдительности.

Разумеется, есть проблема безопасности. Есть проблема бдительности. Тут не может быть ни двух, ни трёх мнений. Но есть и другая проблема: соотношение здравого смысла, здравого, рационального подхода к делу и того, что идёт от нелучших кагэбэшных традиций и что — от слова «чересчур» — можно назвать чересчурщиной.

Когда говорят о безопасности, имеется в виду, во-первых, — безопасность людей, сотрудников посольства. Скажем, помещение, в котором находятся дежурные коменданты, должно быть отделено от вестибюля, через который проходят посетители, бронированной стеной и пуленепробиваемым стеклом. На случай, если кто-то захочет бросить бомбу или выстрелить. Или, например, нужен специальный блок для вскрытия почты. Если в ней окажется бомба, чтобы пострадало меньше людей. В данных и аналогичных случаях важна не вероятность, а возможность. Бережёного Бог бережёт, — сказала монахиня...

Безопасность, во-вторых, — это сохранение государственной тайны, государственных секретов. Вот тут необходимая бдительность часто принимала гротескные формы.

Начну с того, что за пять с половиной лет работы послом я ни разу не столкнулся с тем, что на полном серьёзе можно было бы

назвать государственной тайной. Разве что фамилии «соседей», да и то, думаю (рад буду ошибиться), для наших гостеприимных израильских хозяев невелика была тайна сия. Но всё-таки, действительно, тайна, секрет...

Главная и безусловная тайна — это, конечно, работа референтуры, шифры. Шифры знают только шифровальщики и машины. Поэтому их защита, их охрана — предмет неусыпных забот и стараний. С машинами проще. С людьми сложнее. Шифровальщики с семьями обязаны жить в здании посольства. В тесных, необременённых комфортом квартирах. Шифровальщикам не рекомендовалось выходить из посольства поодиночке. Все подобные меры были оправданы.

А дальше расстилалось безбрежное поле чиновничьего произвола, облечённого, как правило, в форму инструкций.

Нам нужны компьютеры. Мосад, как известно, не дремлет. Поэтому компьютеры хорошо бы приобретать через Москву. Но у МИДа нет денег. Можно купить на месте. Но тогда следует вызывать команду из Москвы на предмет «обезопасивания» компьютеров. Но неизвестно, когда такая команда приедет. И дело стоит. В конце концов я распорядился компьютеры покупать. Но не заранее заказывать, а с ходу — и сразу везти в посольство. Чтобы Мосад не успел туда ничего засунуть.

Затем начинается второй акт драмы. Нам разъясняют, что компьютеры нельзя ставить в «рабочей зоне» посольства, то есть в кабинетах дипломатов. Нужно располагать их в специальном помещении. Но ведь компьютеры, если к ним относиться не как к модному украшению, нужны именно в «рабочей зоне», именно в кабинетах дипломатов, которые на них работают. Так мы и сделали.

Была и телефонная драма. По инструкции (я, правда, её не видел) запрещено ставить городские телефоны в кабинетах дипломатов. Мосад подслушивает. Городской аппарат должен стоять вне «рабочей зоны». Надо позвонить — иди и звони. А если тебе звонят, дежурный комендант позвёт по внутреннему телефону. При нашей интенсивности контактов это означало бы парализовать работу посольства. Кое-как отбились. У меня стоял прямой городской телефон. Ещё были четыре городских номера, связь по которым осуществлялась через оператора (дежурного коменданта).

И другие были всякие разности. Например, одну комнату мы резервировали для библиотеки. Под сильным нажимом пришлось переоборудовать её в «секретную комнату», которая в случае надобности глухо экранировалась, и можно было секретничать вволю. В редчайших случаях мы там собирались, да и то — для обсуждения каких-то склочных сюжетов. И ещё — для принятия дополнительных мер по повышению бдительности.

Всплеск таких мер пришёлся на осень 1995 года. Какой-то аэрофлотовец сбежал к врагам в Зимбабве. Пошли круги. Специалисты по безопасности и бдительности потребовали, чтобы посольство обратилось к израильтянам с настоятельной просьбой установить круглосуточную охрану посольства. Обратились. «За ваш счёт», — получили ответ. Поэтому солдат с автоматом продолжал заступать на пост в 8.00 и оставлять пост в 17.00. Потребовали также, чтобы дипломаты беседовали с посетителями не у себя в кабинетах, а в специальной гостевой комнате. Комната была красивой, и там принимали важных гостей. И отмечали иногда дни рождения.

Суровый разговор состоялся с жёнами. Им было рекомендовано, находясь в парикмахерской или у врача, не обсуждать посольские дела. Проверить было затруднительно. Надеюсь, что по этой линии утечки секретов не было.

Ещё один «секрет». У каждого сотрудника был список всех работников посольства с домашними адресами и телефонами. Однажды у кого-то из наших дам украли сумочку, в которой вместе с деньгами лежал и список. Специалисты забили тревогу: как так, нельзя допускать, чтобы эти сведения попали в чужие руки. Предложили исключить из списка адреса и домашние телефоны. Это было глупо, так как без таких сведений список был никому не нужен. Предложили не выносить его из посольства. Это было не менее глупо, поскольку список был нужен именно за пределами посольства. И, главное, это глупо в принципе. Никакого «секрета» тут нет. Кому нужно, всё это знают.

И последнее о бдительности. Срабатывали старые рефлексy. Некоторые товарищи стали говорить мне, что «по их сведениям» наши девушки встречаются с израильскими гражданами. Моя реакция была элементарной и жёсткой: ко мне с такими «сведениями» больше не обращаться и «сведений» таких больше не собирать. Ко мне не обращались. Собирали или нет — не могу сказать. Может и собирали. На всякий случай, вдруг времена переменятся...

В ноябре пришлось заняться телевизионными делами. Владислав Флярковский, который появился в Израиле, кажется, в феврале, работал превосходно. Впервые израильские темы на нашем телевидении стали подаваться объективно, без предвзятости. Иногда это не нравилось МИДу, на Флярковского, как теперь говорят, «наезжали». Заступался. Но главные проблемы возникали не по причине МИДа, а из-за крайне плохой технической оснащённости бюро РТР в Израиле. Оператор Саша Корнилов работал «на честном слове и на одном крыле...»

Пытался помочь друзьям-телевизионщикам. Отправил специальное послание О.М.Попцову, председателю Всероссийской государственной телерадиовещательной компании.

«Уважаемый Олег Максимович!

Сюжет, на который мне хотелось бы обратить Ваше внимание, Вам, по-видимому, хорошо знаком. И всё-таки я беру на себя смелость ещё раз напомнить Вам о бедственном положении бюро Российского телевидения в Израиле.

Насколько я осведомлён, израильское бюро РТР — единственное представительство Российского телевидения за рубежом, находящееся в зоне военного конфликта. Это требует и хотя бы элементарных мер безопасности, и особой оперативности, и всесторонности, показа позиций всех конфликтующих сторон. Однако нынешнее оборудование корпункта не позволяет решать эти задачи в полном объёме. Камера старого образца, отсутствие монтажного оборудования, не годящийся для поездок в «горячие точки» транспорт, — всё это мешает эффективной, высококачественной работе.

Логика, здравый смысл говорят о том, что израильский корпункт должен быть экипирован лучше корпунктов в «спокойных» регионах. Пока же положение обратное. Остаётся только удивляться тому, как, рискуя здоровьем, работая «вручную», затрачивая без толку много сил и энергии, В.Флярковский и А.Корнилов делают — и даже почти вовремя — в общем неплохие материалы. Но они могли бы работать качественнее, оперативнее, спокойнее, если их вооружить современной техникой.

Понимаю, что нет валюты. Точнее, её мало. Но я убеждён, что при желании, при понимании специфики данного корпункта можно найти необходимую сумму.

Обращаясь к Вам, я позволяю себе выразить надежду на то, что Вы поможете израильскому корпункту РТР прочно встать на ноги, обрести необходимую техническую форму.

Заранее благодарен за ответ».

Ответ не поступил. Было обидно, так как я считал Попцова интеллигентным человеком. Однако, должность...

Не помню уже, как там было потом с техникой. Но хорошо знаю, что пустоту, оставшуюся после отъезда Флярковского, так и не удалось заполнить.

.....
Культура в ноябре. В ресторане «Богема» пел Шуфутинский. Старо это уже. Даже заливчатские дамы сзади не выручают. — «Зяма» Гердт. Как реликвия. Интересно, но как-то без смыслового стержня. — Мужской балет. «Умиравший лебедь». Что-то противоестественное. — Концерт двух роскошных русских басов: Бориса Агеева и Виктора Черно-морцева.

ДЕКАБРЬ-93

Мы тоже голосовали — Москва-Иерусалим: прерванный полет — «Цирк просит убежище...» — Шимон Перес: «Новый Ближний Восток» и многосторонние переговоры — Немного о Шимоне Пересе — Итоги года: «Народ в растерянности»

Два события определяли физиономию декабря. В России — выборы в Государственную Думу и всенародное голосование по проекту Конституции. В Израиле — неудавшаяся попытка организовать прямые рейсы «Аэрофлота» из Москвы в Иерусалим.

Мы тоже голосовали. В списках было 239 человек, включая артистов цирка. Результаты голосования были лучше, чем в России. За Конституцию высказались около 70%. За «Выбор России» проголосовали примерно 33%, а за «Яблоко» — 12% избирателей. Жириновский, хотя и «сын юриста», получил, кажется, несколько голосов.

Вообще же в Израиле прорыв Жириновского породил большую тревогу. Вот что писали 15 декабря «Новости недели»: «Успех Либерально-демократической партии, возглавляемой Жириновским, вызвал обеспокоенность во всём мире, и в том числе у нас в стране. Министр иностранных дел Израиля, говоря от имени всего Израиля, заявил: евреи не должны дожидаться, пока ситуация ухудшится ещё больше, они должны, не откладывая, репатриироваться на свою историческую родину».

На встрече с новыми репатриантами, проживающими в кибуцах, — продолжала газета, — министр абсорбции Яир Цабан сказал: «Опасность того, что к власти в России придут фашисты, возрастает у нас на глазах. Мы не хотим делать мрачные пророчества, но и не обраться в эти дни к евреям России тоже не можем. Им не следует жить на вулкане в ожидании самого страшного. Они должны приехать сюда, чтобы вместе с нами строить будущее нашей общей родины».

Сразу после выборов я отвечал на вопросы болгарской газеты «Дума»:
«— Как, по-вашему, выглядят результаты выборов в России, если на них смотреть из Тель-Авива?

— Удручающе.

— Что, по-вашему, предопределило результат выборов?

— Отсутствие колбасы и порядка.

- Почему реформаторы не выиграли победу, на которую надеялись?
 - Потому что вместо того, чтобы проводить реформы, они дрались друг с другом.
 - Могут ли найти общий язык Ельцин и Жириновский?
 - Нет, не могут.
 - Можно ли назвать «неофашистами» всех, кто голосовал за Жириновского?
 - Ни в коем случае.
 - Можно ли опасаться надвигающейся новой волны ксенофобии и фашизма в России?
 - По-моему, страх преувеличен.
 - Подходят ли России рецепты экономического перехода, предлагаемые Западом?
 - Как правило, нет.
 - Не находите ли вы определённое сходство между Жириновским и Солженицыным в том, что касается «возрождения величия России»?
 - Сходство лишь внешнее.
 - Как, по-вашему, отразится успех Жириновского на переменах в странах Восточной Европы?
 - Надеюсь, что демократы будут больше думать и меньше говорить.
- Такое вот блиц-интервью. Жириновский всё-таки продержался довольно долго. Наглядно демонстрируя политическую незрелость России. Уверен, что за пределы XX века он не выйдет. Как политический лидер, разумеется. Но пару-другую книжек о нём напишут. Это он заслужил.

.....

Теперь о нашем самолётном деле.

Где-то в середине месяца аэрофлотчики сообщили мне, что заключено соглашение между «Аэрофлотом» и израильской авиакомпанией «Клаль теуфа», согласно которому «Аэрофлот» будет летать в иерусалимский аэропорт Атарот. Поскольку «Аэрофлот» принадлежит государству, я считал, что этот шаг согласован с МИДом. Даже обрадовался: вот, думал, МИД решился на смелый, нестандартный ход.

Вскоре пришло официальное приглашение на «инаугурацию» прямых рейсов между Москвой и Иерусалимом. В списке ораторов, помимо министра транспорта И.Кейсара и мэра Иерусалима Э.Ольмерта, значился и российский посол.

Рейс выполнялся 23 декабря. Самолёт был заполнен паломниками. На лётном поле соорудили трибуны с микрофоном и расставили стулья. Когда все расселись, начались речи. Я сказал несколько фраз о том, что появилась ещё одна ниточка, связывающая Россию и Израиль, и пожелал паломникам приятно провести время в Иерусалиме. Однако Кейсар не удержался в пределах самолётно-туристической

темы. Он заявил: этот рейс символизирует, что никогда Иерусалим не будет объектом территориального компромисса и останется «единой и неделимой» столицей Государства Израиль. На это же нажимал и Ольмерт.

В общем-то я ожидал такого поворота. Но надеялся, что израильтяне сделают его более изящно. Ко мне тут же бросились журналисты. Я просил отделить политику от человеческих интересов и намерений. Пассажирам не важно, чья столица Иерусалим. Они хотят поклониться святым местам и лететь в этот город с минимумом хлопот. Другим аэропортом Иерусалим не располагает.

В принципе я был за полёты в Иерусалим. Считал, что это соответствует нашим долговременным интересам и что имеет смысл настаивать на своём. Приходится признать, что я недооценил накала страстей вокруг Иерусалима. Резкие протесты раздались со стороны палестинцев. Протестовал Амман. Упирали на то, что полёты «Аэрофлота» в аэропорт, находящийся на оккупированных территориях, нарушают «арабский суверенитет и юрисдикцию Иордании». Давали понять, что «Аэрофлот» может встретиться с неожиданными трудностями в арабских странах.

Я получил частное послание из российского авиационного регистра, где говорилось о том, что полёты наших самолётов в Иерусалим вызвали «чрезвычайно негативную реакцию в мире, включая ООН и ИКАО».

Посольство сделало представление первому заместителю генерального директора МИДа Израиля Э.Бенцуру, где было указано на неправомерность стремления Кейсара и Ольмерта конструировать политические выводы из чисто коммерческих мероприятий. Бенцур признал их заявления политически нецелесообразными и обещал довести реакцию посольства до сведения Переса.

Из МИДа сообщили, что «Аэрофлот» не согласовывал своё решение с министерством и не учёл «деликатный характер проблем, затрагивающих сферу арабо-израильского урегулирования». МИД рекомендовал Министерству транспорта пересмотреть принятое решение. Я продолжал отстаивать свою позицию. Разумеется, писал я в Москву, проблемы, затрагивающие арабо-израильское урегулирование, имеют деликатный характер. Тем более — проблема Иерусалима. Но это вовсе не означает, что палестинцы должны указывать нам, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

У России есть свои интересы. И один из них — иметь прочные позиции на Ближнем Востоке. Каким бы ни был статус Иерусалима, город будет располагать международным аэропортом, и мы заинтересованы летать туда. Хотя бы по коммерческим соображениям, которые в наше время играют не последнюю роль. Конъюнктура меняется

и будет меняться. Но неизменно — и с исторической, и с геополитической, и с религиозной точек зрения — право России (и её интерес) твёрдой ногой стоять в Палестине.

Мне представляется, завершал я своё послание, что отмена рейсов «Аэрофлота» вряд ли целесообразна. Иерусалим — исторический центр православного мира. И прямая связь с Москвой — независимо от политической конъюнктуры — вполне естественна.

Чаша терпения МИДа была переполнена. 12 января 1994 года последовал втык от Колоколова. Несанкционированное участие российского посла в официальной церемонии по случаю начала полётов в аэропорт, расположенный с точки зрения международного права за пределами государства, в котором он аккредитован, «вызывает по меньшей мере недоумение».

16 января во «Времени» появилась статья «Прерванный полёт». В ней передавался разговор с генеральным представителем «Аэрофлота» в Израиле Аркадием Саутенковым. Его спрашивают о причинах отмены рейсов на Иерусалим.

«— Я бы выделил две основные причины. Первая и, наверное, важнейшая — неподготовленность взлётно-посадочной полосы аэропорта Атарот в Иерусалиме.

— Простите, но ведь только недавно состоялась торжественная презентация рейса, на которой, помимо специалистов, присутствовали и представители правительства. Неужели с самого начала не было ясно, что техническое состояние этой полосы сделает невозможным осуществление постоянных полётов?

— К сожалению, как это часто бывает, мы стремимся выдать желаемое за действительное. Работники инженерных служб уверяли нас, что всё в полном порядке. А затем последовали жёсткие ограничения. Нам стали занижать максимальный взлётный вес, то есть вместо положенных для самолёта «Аэробус-309» 120-140 пассажиров, мы могли взять на борт не более 60-ти. А это резко снижало коммерческую выгоду данного рейса. Кроме того, поступило предложение от департамента авиации Израиля о дополнительной инженерной проверке взлётно-посадочной полосы. На это потребуется около двух месяцев.

— Значит, проблема упирается только в технические детали?

— Не совсем. Я уже говорил, что причин было две. Второй немаловажной причиной явилось крайне негативное отношение Лиги арабских стран к этим полётам... К сожалению, некоторые ваши коллеги по перу дописались до того, что якобы следующим шагом после открытия постоянного рейса станет перевод российского посольства в Иерусалим. Естественно, это вызвало отрицательную реакцию стран арабского мира.

— А как на это прореагировали официальные круги России?

— Мы получили указание министерства иностранных дел нашей страны о временном прекращении полётов в Иерусалим.

— Значит, политики уступили нажиму арабских стран?

— Об этом говорить пока рано. Однако вы не должны забывать, что у России существуют крепкие партнёрские отношения со многими странами арабского мира, и игнорировать их позицию мы не можем. К тому же в дело вмешалась международная федерация воздухоплавания, которая не одобряет полёты на так называемые «аннексированные» территории.

— А если отбросить в сторону политику, скажите, много ли потеряет «Аэрофлот» в коммерческом плане?

— Конечно, много. Эта ситуация больно ударит нас по карману. Уже первые рейсы показали их своевременность и популярность. Желающих лететь из Иерусалима немало. И нам очень жаль, что пока мы не сможем выполнить поступившие заказы. Но, повторяю, делать окончательные выводы ещё рано. Я очень надеюсь, что в самое ближайшее время все недоразумения будут устранены, и мы с радостью встретим пассажиров на борту самолётов, совершающих рейс Иерусалим — Москва».

Как видно, «Аэрофлот» отступал с боями. Я был настроен более пессимистически и бои с МИДом прекратил. Но, чтобы выпустить пар из самого себя, написал частное письмо Адамишину, которого считал одним из наиболее здравомыслящих людей Смоленской площади. Сообщи́л ему о нагоняе, полученном от Колоколова. И продолжал:

«Я прекрасно понимал, что полёты в Атарот не понравятся арабам. Но был уверен, что недовольство палестинцев, иорданцев или даже американцев перевешивается российскими интересами. И не только геополитическими. Независимо от политико-юридических хитросплетений, независимо от того, каким будет (и каков есть) статус Иерусалима, Россия, как ведущая православная держава, имеет «право» на особые отношения с историческим центром христианства. Как имеют такое «право» иудеи и мусульмане.

Теперь о праве без кавычек. Я как-то не очень убеждён, что понятие «арабский суверенитет», к которому апеллировали недовольные, имеет какое-либо юридическое содержание. Отвергнув решение ГА ООН о разделе Палестины, открыв военные действия против Израиля, арабы, в том числе и палестинцы, утратили всякие основания для ссылок на международное право. Такие основания могут появиться только как следствие договора между Израилем и ООП (или Иорданией), если такой договор будет предусматривать передачу земли, на которой расположен аэропорт, палестинцам (или Иордании).

В Аммане, где несколько раз нам читали лекции, склонны забывать, что именно Иордания оккупировала в 1948 году землю, о кото-

рой идёт речь, и что объявленная в 1950 году аннексия этой земли была признана только Великобританией (де факто) и Пакистаном. Что же касается резолюций ИКАО, то сколько их, аналогичных резолюций, было принято в ООН и вокруг неё в те насквозь антисионистские годы... И хотя большинство из них формально, юридически ещё не отменены, они уже отменены временем.

Ты можешь сказать, что политика «главнее» права и тем более — религии. Да, согласен. Если иметь в виду тактику. Но в стратегическом плане юридические и даже религиозные (историко-культурные) аргументы имеют большую ценность, чем политические.

В общем, мы, конечно, будем летать в Иерусалим, но будем, наверное, последними, а могли бы быть первыми.

Кстати, до меня дошли слухи (из Никозии), что палестинцы просят «Аэрофлот» открыть линию в Газу. А почему бы и нет? И по коммерческим, и по политическим соображениям. Даже показать (и израильтянам), что мы хотим это сделать, и то было бы полезно. Но опять тянем, опять будем последними. Нас ведь не ждут. Недавно в Газе побывала министр экономики Голландии Ивонн ван Рой. Собираются строить порт...

В статье А.В.Козырева, помещённой во «Франкфуртер Рундшау», сказано: «Неуместен язык назиданий и поучений в разговоре с Москвой». Если мы говорим так Штатам и Европе, то, может быть, стоит набраться духа и напомнить об этом некоторым арабским друзьям. А то они склонны «забывать», что имеют дело с великой державой.

Извини за многоглаголение. Отправил в пятницу политотчёт, и потянуло на рассуждательство. Коего жертвой ты и стал!

Если соберёшься когда-нибудь ответить — буду рад. Если не соберёшься — Бог простит».

Бог простил.

В Иерусалим мы не летаем. И теперь, — поскольку сегодня я умнее, надеюсь, чем был вчера, — должен сказать: и правильно, что не летаем. К сожалению, как гласит аксиома Штальбаха, «допущенная ошибка выявляется только тогда, когда её нельзя уже исправить».

.....
Прилетел начальник консульской службы МИДа В.В. Виноградов. Визит был полезным. Передо мною бумага, озаглавленная «Девять заветов Виноградова». Семи из них консулы следовали неуклонно. С двумя были сложности.

«У консульских работников крайне незначительные контакты с консульскими работниками других консульств. Необходимо, — учил Виноградов, — активизировать работу в этом направлении». Активизации не получилось. Ведь обычно активизируются не в служебных кабинетах. Ты приглашаешь — тебя приглашают. И наоборот. Однако

консулов много, а денег мало. Встречались, конечно. Но не систематически, к чему призывал Виноградов, а эпизодически.

«Необходимо постепенно внедряться в коммерческую деятельность, используя это как дополнительный источник финансовых поступлений». Не внедрились. Возможно, не было склонности к коммерции. И (или) умения. Я и не настаивал. Ибо, как нам разъясняли причастные к финансам люди, кроме «источников» есть ещё и «потoki». Меня смущало, что не смогу контролировать их направление.

3 декабря газета «Наша страна» в рубрике «На ухабах абсорбции» поместила редакционную «Русский цирк просит убежища в Израиле». Газета сообщала, что артисты — со всем оборудованием и дрессированными животными, включая 120 кошек — хотят остаться в Израиле, превратить Российский национальный цирк в Национальный цирк Израиля и создать школу циркового искусства.

Упоминался Юрий Куклачёв, который, уверяла газета, уже получил статус нового репатрианта, так как у него жена еврейка. Те же, кто не имеет «никакого отношения ни к евреям, ни к еврейству», надеются на трудовые договоры или браки с израильянками.

«Решение артистов, — говорилось далее, — кажется неожиданным лишь на первый взгляд. Но при более подробном изучении условий оплаты труда артистов российского цирка всё становится ясно. Выясняется, что ведущий артист цирка получает в России 60 долларов в месяц. В то время как в Израиле каждый из них получает 29 долларов в день на карманные расходы и 50 долларов за каждый спектакль. Артистов поражает то изобилие пищи, которую получают выступающие вместе с ними дрессированные животные. И они считают именно это основной причиной их решения остаться в Израиле».

Начали разбираться. Газета сгустила краски. Из мухи сделала слона. «Муха» в данном случае — несколько человек, которые собрались просить израильское гражданство. Куклачёв же со своими кошками потом осел, кажется в Германии...

13 декабря беседовал с послом США Уильямом Брауном. Он обстоятельно рассказал о недавнем визите Кристофера. Государственный секретарь пытался убедить израильтян и палестинцев не нарушать график, намеченный в Декларации. Но не преуспел.

Кристофер обещал Арафату оснастить его полицию (из расчёта — 6 тысяч человек) различными видами снаряжения (транспорт, связь, обмундирование), кроме оружия.

В Дамаске существенного прогресса не было. Асад раздосадован быстрым сближением Израиля и палестинцев. Видимо, не без его ведома активизировалась «Хизбалла» на юге Ливана. Американцы надеются на встречу Клинтона с Асадом в Женеве.

В Аммане вынуждены оглядываться на Сирию и поэтому будут продвигаться на переговорах с Израилем посредством «тщательно взвешенных шагов».

Поговорили об Арафате. Все, кто с ним встречается, отмечают его нервозность, повышенную возбудимость. На высоких нотах он заявлял Кристоферу, что не позволит «сделать из себя Горбачёва», не позволит «превратить автономию в бантустан». Арафат неоднократно просил и израильтян, и американцев подумать об его «имидже», о его дальнейшей судьбе. По мнению Брауна, способность Арафата превратиться из «революционера» в «нормального» политического лидера стоит под большим вопросом. Проверкой станет работа в автономии, где столкнутся старшее поколение, привыкшее к роскошной жизни в эмиграции, и поколение молодое, местное, на протяжении многих лет участвовавшее в хулиганских, террористических действиях. Общий вывод Брауна: пока трудно представить кого-либо на месте Арафата.

Браун с сожалением констатировал падение популярности Рабина в Израиле. Визит Кристофера помог Рабину «выиграть время».

.....
По ветеранским делам прилетел маршал Н.М.Скоморохов, мой давний знакомый. Попросил Вейцмана принять его, «как лётчик лётчика». Президент не возражал. Очень мило побеседовали. На прощанье, когда я благодарил Вейцмана за неплановую встречу, он ответил: «Я — неформальный президент, вы — неформальный посол, какие проблемы?!»

.....
21 декабря посетил Переса. Я писал предисловие к русскому изданию его книги «Новый Ближний Восток». Двусторонние переговоры — это расчёт с прошлым, попытка избавиться от проблем, тревог, конфликтов прошлых лет. Это нужно, но этого недостаточно. Чтобы перекрыть пути для регенерации, возобновления конфликтных ситуаций, необходимо уже сейчас думать о будущем. Питательная среда для агрессивности, фанатизма, нетерпимости — это социально-экономическая отсталость региона, бедность огромных масс населения. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы изменить, «облагородить» Ближний Восток.

Вот об этом мы и говорили. У Переса прямо глаза разгораются, когда он выходит на свою коронную тему: совместными усилиями всех стран региона создать промышленную и транспортную инфраструктуру, сформировать общее для всего Ближнего Востока рыночное экономическое пространство, спасти Израиль и его соседей от экологической катастрофы, остановить наступление пустыни и т.д., и т.п. Реализация конкретных проектов, меняющих «качество» Ближне-

го Востока, международное сотрудничество на этой основе — таков, по убеждению Переса, кратчайший из всех длинных, долгих путей, ведущих к новому Ближнему Востоку.

Не случайно именно Перес был главным толкачом многосторонних переговоров, которые велись параллельно переговорам двусторонним. Старт многосторонним переговорам был дан в Москве. 28-29 января 1992 года там состоялась организационная встреча по подготовке многосторонних переговоров по Ближнему Востоку. Во встрече приняли участие 36 государств, в том числе — 11 арабских. Не было Сирии и, соответственно, Ливана. Не было палестинцев, которые капризничали, стремясь объехать мадридскую формулу (она не предусматривала участия палестинской диаспоры, то есть людей Арафата, в переговорах).

Было решено создать группу содействия, а также пять рабочих групп:

- контроль над вооружениями и региональная безопасность,
- беженцы,
- региональное экономическое развитие,
- водные ресурсы,
- окружающая среда.

В работе каждой группы могли участвовать не только Израиль и его партнёры по двусторонним переговорам, но и любые государства, заинтересованные в «перестройке» Ближнего Востока.

«Конференция в Москве прошла успешно, — сказал корреспонденту «Известий» министр иностранных дел Израиля Д.Леви, — в соответствии с нашими ожиданиями. Усилия по её созыву оправдали себя, и Россия вполне может этим гордиться». Мой известинский коллега не утерпел и спросил министра, какие послы получают из журналистов. В порядке саморекламы привожу ответ Леви: «Ах, речь о Бовине! (смеётся). Это очень симпатичный человек. Я присутствовал, когда он вручал верительные грамоты нашему президенту. Я встречался с Бовиным и до этого, и после, а также накануне поездки в Москву. В последний раз он вручил мне послание от Андрея Козырева. Мне нравится его манера — говорить без экивоков, без всяких там толстых и тонких намёков, а точно и откровенно. Может быть, это как раз и есть самое умное? Может быть, это и есть та самая дипломатия, которая сегодня нужна, — говорить правду, и всё. Мы его уже успели полюбить. Он познакомился уже с нашими правящими кругами, учит иврит. В нём есть что-то особенное — характерное для людей, имеющих идеалы и умеющих сохранять оптимизм». Оптимизм, действительно, есть. А вот с ивритом подкачал. Зато стишок знаю. Думал, — из олимовского фольклора, а выяснилось, что автор есть — Игорь Иртеньев.

Меня спросили на иврите:
Вы на иврите говорите?
А я в ответ на чистом идиш:
Ты чё, в натуре, сам не видишь?

В 1993 году состоялись два раунда многосторонних переговоров (апрель-май и октябрь-ноябрь). Каждая рабочая группа собиралась отдельно в одной из столиц (Токио, например, Брюссель, Вена и т.д.).

По идее Переса, многосторонние переговоры должны не только играть роль страховочной сетки для переговоров двусторонних, но и, опережая последние, намечать контуры будущего регионального сотрудничества.

К сожалению, Сирия и Ливан отказались участвовать в «многосторонке» (используя дипломатический жаргон). Арабы, по понятным причинам, стремятся использовать многосторонние переговоры для того, чтобы «прижать» Израиль там, где у него просматривается слабость. Например, настаивают на создании безъядерной зоны, поднимают шум по поводу радиоактивного загрязнения.

Израильяне пытаются снизить уровень политизации «многосторонки», делают упор на выработку конкретных проектов. Они были особенно активны в группах по экономическому развитию и водным ресурсам. Вода, вернее, её растущий дефицит волнует всех. Израиль настаивает на том, чтобы сосредоточить усилия не на дележе имеющихся ограниченных водных запасов и источников, а на новых, современных технологиях опреснения и водосбережения.

Воспользуюсь случаем, чтобы рассказать немного о Пересе. Для того, чтобы получить главную роль в обычном театре, нужно оказаться в точке пересечения таланта, работоспособности и случайности. Это справедливо и для политического театра, в котором Перес играет уже более полувека¹.

Лет с 14-ти начал активно участвовать в молодёжном движении левой, социалистической ориентации. В 1943 году становится секретарём движения «Рабочая молодёжь». Образование Государства Израиль, Война за Независимость вывели Переса на «взрослую» политическую орбиту. Близость к Бен-Гуриону — непреерекаемому авторитету тех лет — позволила молодому человеку не задерживаться на старте.

В 1959 году Переса избирают в Кнессет. Одновременно он остаётся (до 1965 года) заместителем министра обороны. Свой первый министерский пост (министр иммиграции и абсорбции) Перес получил в 1969 году. А затем — в разное время и в разных правительствах — министр транспорта и связи, министр информации, министр оборо-

¹ «Израиль — не скучная страна, — заметил как-то Перес. — Кроме тех драм, которые ей сопутствуют, она сама драма». Перес — и автор, и режиссёр. и артист.

ны, министр иностранных дел, министр финансов. Дважды вице-премьер. В 1984—1986, а также в 1995—1996 годах — глава правительства.

Параллельно Перес тянет тяжёлый воз партийных дел. В 1977—1992 годах он — бессменный председатель Рабочей партии. В 1978 году его избирают заместителем председателя Социалистического Интернационала.

Лауреат (вместе с Рабиным и Арафатом) Нобелевской премии мира.

За словами сухой биографической справки — насыщенная драматизмом, борьбой, интригами, взлётами и падениями жизнь профессионального политика, человека, без которого невозможно представить историю страны. В одной из посвящённых Пересу газетных статей говорилось, что ему «поразительно не везёт. Сколько раз он, как Сизиф, доносил свой тяжкий груз до вершины горы, но вдруг всё срывалось, и приходилось начинать сначала». Можно сказать и так. Но можно иначе: Пересу поразительно везло: ведь каждый раз он вновь доносил свой груз до вершины.

По долгу службы мне регулярно приходилось встречаться с Пересом. Бывали встречи чисто протокольные, бывали, выражаясь дипломатическим языком, «субстантивные», то есть содержательные. Перес всегда приветлив и внимателен. Безукоризненно владеет материалом. Четко выражает свои мысли. Не лишен чувства юмора. Знаком с русским языком и неизменно встречал меня словами «Здравствуйте!» и «Как поживаете?». Живо интересовался происходящим в России.

О человеке, о политике можно судить по его окружению. Тот, кто не верит в себя, приближает к себе посредственностей и подхалимов. Вокруг Переса было много молодых, интеллигентных, напористых, неординарно мыслящих людей...

У Переса прочный тыл. Я имею в виду прежде всего его жену Соню. В отличие от многих других высокопоставленных дам Соня Перес не стремится ни блистать в свете, ни заниматься политикой. Она удивительно скромна. Она, выражаясь высоким штилем, настоящая хранительница семейного очага. И в этом качестве очень нужна не только внукам (шестеро), не только детям (трое), но и мужу. Нужна и в спокойные времена, но особенно — во времена политических (и психологических) кризисов. Так что и здесь Пересу поразительно повезло.

16 августа 1995 года Пересу исполнилось 72 года. Мне пришлось говорить по этому поводу.

«Вот уже более трёх десятилетий я с близкого расстояния наблюдаю за политикой и политиками. Политиков видел много. Всяких — и ловких, и решительных, и умных. А вот с интеллигентными не везло. Дефицит.

Видимо, как общее правило, интеллигентность и политика несовместимы.

Но нет правила без исключения. Господин Перес и есть это самое исключение.

Мне как-то приходилось слышать такой упрек в адрес Переса: он мыслит категориями XXI века, а мы живём в XX веке. Поэтому Перес оторван от жизни, витает в облаках...

Так вот, интеллигентный человек отличается умением посмотреть на мир глазами своего собеседника, своего оппонента. А интеллигентный политик должен уметь, встав на точку зрения будущего, распознать ограниченность настоящего, угадать необходимость смены методов борьбы, увидеть возможности прорыва в новое время, в новый мир.

Опыт XIX века, да и, пожалуй, всех веков предыдущих, выражает чеканная формула канцлера Бисмарка: «Великие вопросы истории решаются железом и кровью». Эта формула прекрасно работала и в XX веке. Создание и становление Государства Израиль ещё раз доказывают это.

А что же дальше? Снова железо и кровь?

Нет, говорят люди, политики, которые мыслят категориями XXI века. Именно видение горизонтов, которые уходят в следующее столетие, позволяет сделать вывод, что прорыв в будущее надо начинать сегодня. Поэтому Перес не фантазёр, а реалист. Он видит путь, хотя и может ошибиться в скорости движения.

Перес, проиграв выборы, покинул пост премьера в июне 1996 года. 19 июня я отправил ему послание.

«Вот и подошло время собирать камни.

Оглядываясь назад, перебирая чётки последних четырёх лет, вспоминаю наши встречи и разговоры. К сожалению, по понятным причинам они были слишком политизированы. И тем не менее я видел в Вас не только государственного деятеля высокого ранга, но и «просто», как говорят в России, интеллигентного человека, человека высокой культуры и благородных помыслов.

Думая о том, что произошло, не могу не потревожить тень бессмертного Грибоедова: «Горе от ума». Впрочем, у него были предшественники. «Во многой мудрости много печали» — это царь Соломон. Можно упомянуть и апостола Павла: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых».

Пытаясь разрушить стену ненависти, которая разделяет Израиль и арабов, Вы обогнали, опередили время, в котором ещё живут Ваши соотечественники. А соотечественники не любят это...

И всё же то, что Вы сделали, в принципе необратимо. История любит зигзаги. Но в конечном счёте временные отклонения от главной последовательности не уничтожают, а лишь подчёркивают её. Уверен, что «Новый Ближний Восток» рано или поздно состоится.

Кончаю философствовать. Видимо, на меня вредно действует сидение дома после операции — забываю стандартные политические формулы. Но не совсем. Поэтому позвольте заверить Вас, дорогой господин Перес, что совместная работа с Вами, посвящённая развитию российско-израильских отношений, всегда будет оставаться для меня источником самых приятных воспоминаний.

Позвольте пожелать Вам, Вашей жене Соне, Вашим детям и внукам здоровья и благополучия.

С надеждой на будущие встречи».

Таким я видел Переса и таким его помню.

.....
Подводя итоги 1993 года, можно было констатировать, что Рабин, маневрируя, хитря и петляя, но вполне в пределах демократической «нормы», сумел в целом выдержать линию, заданную в предвыборных обещаниях. Правда, он не сумел, как обещал, добиться мира за девять месяцев. Но если перевести разговор в качественную плоскость, то Рабин практически дошел до предела возможных уступок. Трудно, невозможно представить себе правительство Израиля, которое — при данных партнёрах, «сосуществуя» с терроризмом, — могло бы дать больше. И уцелеть.

Правительство Рабина уцелело. Но всё отчётливее стало проявляться постепенное ослабление поддержки правительственного курса. Расчёт противодействия чрезмерным, как многие считают, уступкам Рабина. Тревогу вызывает стремление Арафата «суверенитизировать» автономию, наделить её признаками государства.

Сторонники «Осло—1» кладут в основу своей аргументации следующий тезис: Израиль не может оставаться единственным государством, которое держит под контролем другой народ помимо его воли. Но эта абстракция пасует перед пугающей перспективой эвакуации поселений, перед неизбежным сокращением и без того мизерной территории, перед фактом непрекращающегося террора. Опросы общественного мнения показали, что к концу года линию правительства на переговорах с ООП поддерживает 36% израильтян, а решительно против — 37%. Сложилось шаткое равновесие политических сил.

«Народ в растерянности» — так резюмировал обстановку президент Вейцман.

Если иметь в виду российско-израильские отношения, то 1993 год был годом будничной работы. Ажиотаж начального периода прошел. Пожалуй, можно было даже говорить об утрате динамизма, о некоторой стагнации наших взаимоотношений.

Тут сказывалось, с одной стороны, наличие в Израиле определённых кругов, которые считают: независимо от того, что происходит в России, Израилю лучше держаться от неё подальше. Единственный интерес Израиля — откачка новых партий репатриантов. И хотя в

правительстве людей такого плана нет, такие настроения, пусть опосредованно, пусть через множество передаточных звеньев, но оказывают воздействие на формирование политического курса.

Есть и другая сторона. Москва не проявляет особого интереса к уплотнению, упрочению российско-израильских связей. Причин тут много. И почти все они уважительные. Но это не меняет результат.

Посольство отмечало, что сохранение у власти правительства Рабина соответствует интересам России. Чтобы «помочь» этому, посольство рекомендовало три вещи.

Во-первых, было бы полезно не слишком жать на Рабина в смысле дальнейших уступок. Их критическая масса близка.

Во-вторых, здесь очень нервничают по поводу антисемитских выходов наших «фундаменталистов». Точнее, по поводу пассивного отношения властей к этим выходкам. Не следовало бы более энергично использовать закон? В конце концов это нужно нам с точки зрения отношений не только с Израилем, но и со всем «цивилизованным миром», да и с собственной совестью тоже.

В-третьих, все ждут ясности относительно визита Рабина и перехода к практической подготовке этого визита. Поездка в Москву укрепит позиции Рабина и позволит нам более продуктивно действовать в Израиле.

В рамках текущей политики «в-третьих» можно рассматривать как «во-первых».

.....
Культура в декабре. Концерт Вайкуле. Не вынес шума. Ушел в антракте. — Открытие Луна-парка в Беэр-Шеве. Всё оборудование делалось в Ейске. — Песни Камбуrowой. Тревожно и грустно. — Спиваков, как всегда. — Израильский балет на музыку Бетховена и Сен-Санса. Музыка лучше танцев. — Исполняли Берлиоза. Уж слишком романтично.

ЯНВАРЬ-94

*Якутские алмазы и израильские бриллианты —
— Встреча с Б.Нетаньяху — Шмидт сын Шмидта — Срезаем углы*

Январь начался беседой с Бейлиным. Текущие дела, в основном — на палестинском направлении, где разработка соглашения Газа—Иерихон явно не укладывалось в график. Но Бейлин был настроен оптимистически. Арафат, конечно, — не сахар, да что поделаешь, другого нет. Движемся вперёд, хотя и медленно. Спорим по каждому пункту.

Я привёл данные опросов, которые фиксировали рост антиправительственных, антирабиновских настроений. Бейлин отнёсся к ним спокойно. Социологи ловчат. Народ нас поддерживает. «Блажен, кто верует», — думал я, прощаясь с одним из главных «голубей».

«Народ» появился у меня в лице руководителей Совета поселенцев, включая председателя «Комитета действий по срыву плана автономии» Элиакима Хаэцни. «Народ» был настроен по-боевому. 140 тысяч поселенцев, заявили мои гости, — это серьёзная сила, которую поддерживают в разных секторах общества. Если отступление с территорий начнётся, Израилю несдобровать. Арафат не сможет контролировать экстремистов, хамасовцев. Бейлин говорит, что в критической ситуации израильская армия вернётся. Но ведь такое «возвращение» будет равносильно новой войне с арабами. Мы не хотим войны и будем бороться против территориальных уступок.

Поселенцы резко критиковали предложение Клинтона разместить на Голанах американские войска после вывода оттуда подразделений ЦАХАЛа. Мы против того, чтобы безопасность Израиля зависела от иностранцев. К тому же возникнет опасный прецедент — и жди тогда американцев на Западном берегу.

Меня информировали о том, что в поселениях живут более двух тысяч выходцев из Советского Союза. «И они тоже против уступок».

Неожиданно возникли трудности с сотрудничеством между космическими агентствами России и Израиля. Соответствующий меморандум был подписан 31 августа 1993 года руководителями РКА (Ю.Н.Коп-

тев) и ИКА (Ю.Неэман). Российскими ракетоносителями должны быть запущены израильский спутник «Techsat» и телескоп «Tauvex». По сообщению Неэмана, РКА собирается отложить запуск телескопа на конец 1996 года. Что ставит ИКА в сложное положение, ибо на «Tauvex» завязаны более 10-ти проектов, подготовленных в Европе.

Неэман сказал, что на него давят, требуя переориентироваться на Францию, как на более надежного партнёра. Необязательность россиян подыгрывает «французам». И делает проблематичным проект с запуском израильского низкоорбитного спутника «Ofeq».

Обещал поспособствовать. Но последовавшая затем неудача с запуском спутника «Techsat» спутала все карты. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда...

.....
16 января прибыл президент Якутии-Саха Михаил Ефимович Николаев в сопровождении алмазных баронов (А.Кириллин, С.Улин, В.Руднев). Цель — знакомство с израильским производством по обработке алмазов и налаживание соответствующих связей.

Израиль, наряду с Бомбеем и Антверпеном, — один из мировых центров обработки алмазов. Несколько сотен больших и малых гранильных производств высокого класса. В Рамат-Гане (один из спутников Тель-Авива) в 1969 году для алмазной биржи выстроили три громадных небоскрёба, целый город. Весь комплекс был создан на деньги иранского мультимиллионера Хабибулы Эльханьяна, которого по приказу Хомейни расстреляли в 1979 году за сотрудничество с сионистами.

Своих алмазов у Израиля нет. Они приобретаются в могущественном синдикате «Де Бирс», Центральная сбытовая организация которого пропускает через себя 80% всех добываемых в мире алмазов. Россия, в которой добывают четверть всех алмазов, также должна почти все алмазы реализовывать через синдикат. Соглашения на этот счёт подписываются с 1959 года. Но Россия есть Россия, а теперь ещё и Якутия (компания АЛРОСА, что значит «Алмазы Россия — Саха»). И это позволяло израильтянам, минуя «Де Бирс», приобретать алмазы на стороне, на нашей стороне. Практически это делалось путём открытия в России совместных российско-израильских предприятий по обработке алмазов.

Израильтяне решали двоякую задачу: сохранить лояльность к синдикату, работать с ним и в то же время использовать все возможности, которые открывались в России. Поэтому Николаева встречали на самом высоком уровне. Его принимал Рабин. Он имел часовой разговор с Вейцманом. Ну, и разумеется, красные ковры были расстелены на алмазной бирже. Его просвещали по части алмазных дел патриарх израильской гранильной промышленности Моше Шнитцер и директор биржи Дан Адани.

Запомнилась такая деталь. Николаев недоумевал: почему алмазные биржи создаются там, где нет алмазов. Ему разъяснили: для создания биржи не алмазы нужны, а евреи. Президент не растерялся и сообщил, что в Якутске живут 200 евреев, так что можно ставить биржу...

В общем, Николаеву нужны были инвестиции, а израильтянам — «камушки». Об этом и шла речь, но уже не на официальном уровне. О чём договорились — не знаю.

И ещё одна деталь. Проводы. Невозмутимый Николаев. Вокруг — свита. Играет, соответственно, президента. Слышу чей-то проникновенный голос: «наш самый большой бриллиант». Николаев невозмутимо доволен. Что ж, «бриллианты — это навсегда», так звучит главный «слоган» компании «Де Бирс».

Мне не раз приходилось «прислоняться» к алмазным делам. И по случаю приезда представителей компании «Алмазы России — Саха», и по случаю появлений председателя Комдрагмета Е.М.Бычкова, и по разным другим случаям. В Москву я сообщал, что здесь выражают тревогу по поводу возможной массовой интервенции России на мировом алмазном рынке. Тревога эта связана с той ролью, которую играют «камушки» в экономике Израиля. Обработанные алмазы — самая крупная статья израильского экспорта. В 1993 году их продано на 3,4 миллиарда долларов. Соответственно огромен и ввоз необработанных алмазов.

По здешним оценкам, в России добывается в год алмазов примерно на полтора миллиарда долларов. Новые месторождения могут дать ещё миллиард. Запасы алмазного сырья оцениваются на уровне 7-10 миллиардов. Вместе с тем отмечается низкая эффективность российской алмазообрабатывающей промышленности: людей в ней занято в два раза больше, чем в Израиле, а товарной продукции даёт меньше в 6-8 раз.

Израильтяне считают, что в мире есть три великие алмазные державы: Израиль, Россия и «Де Бирс». У каждой из них — свои интересы. Синдикат настаивает на сохранении статус-кво. Чтобы оставаться монополистом и контролировать цены. Израиль не возражает против статус-кво. Но всё же хотел бы плавно, изящно ослабить зависимость от синдиката за счёт закупок сырья в России. Россия же остаётся загадкой. Её намерения просчитываются плохо.

Рассматриваются три варианта.

Вариант № 1. Россия будет в целом за статус-кво, за сохранение связей с «Де Бирс». Но одновременно будет пускать небольшие партии сырья в свободное плавание (что, впрочем, она и сейчас делает).

Вариант № 2. Критическая ситуация в экономике, острая нужда в валюте могут заставить Россию, используя свои запасы, пойти на массовый сброс алмазов.

Вариант № 3. Не выходя за рамки варианта № 1, Россия начнёт энергично модернизировать алмазообрабатывающую промышлен-

ность, чтобы стать одним из главных экспортёров бриллиантов высокого качества.

С точки зрения израильских алмазников, наиболее предпочтителен вариант № 1, что означает для них постепенное, не очень заметное внешнему глазу увеличение удельного веса российских алмазов в импорте Израйля.

Реализация варианта № 2 приведёт, по оценкам здешних экспертов, к общей дестабилизации мирового алмазного рынка, к кризису алмазной промышленности. Проиграют и Израиль, и «Де Бирс». Россия выиграет. Но только на время, тактически. Стратегически же она проиграет, ибо, с одной стороны, резко понизив цены на алмазы, подорвёт источник собственных доходов, а с другой, — войдёт в посткризисный период, сохранив нынешнюю отсталую технологическую базу.

В перспективном плане израильтян больше всего пугает вариант № 3, то есть превращение России и в алмазообрабатывающую страну. В беседе с израильскими «алмазными королями», которая состоялась в ходе визита Николаева, я спросил: готовы ли они вкладывать деньги в увеличение добычи алмазов? Готовы ли они помочь России создать современную алмазообрабатывающую отрасль? Ответы были весьма многословны и чрезвычайно уклончивы. Смысл сводился к следующему. Главное — сохранить стабильность рынка. Поэтому России лучше не спешить с радикальными решениями. Израиль, само собой, поможет — поможет своим опытом, оборудованием, но крупных инвестиций Израиль не осилит...

По-видимому, в интересах России сделать именно то, что так пугает израильский алмазный бизнес — создать высокотехнологичную алмазообрабатывающую промышленность. И тут Израиль, несмотря на все свои страхи, может быть нам весьма полезен. Если, конечно, у нас хватит настойчивости и умения каждую сделку с Израилем обуславливать конкретными шагами израильтян в модернизации предприятий по обработке алмазов. И хотя это противоречит долгосрочным интересам Израйля, наши партнёры переступят через эти интересы, если их будет ожидать хорошая прибыль сегодня.

Ответ до меня не дошел.

После долгих и упорных надковёрных и подковёрных сражений, перетягивания каната между Москвой и Якутском, между Россией и «Де Бирс» Бычкова сняли с работы, а с компанией «Де Бирс» в октябре 1997 года АПРОСА — от имени России — подписала соглашение. Алмазы, как и положено, добываются (у нас), продаются (в основном — синдикату) и обрабатываются (больше и лучше — в Израиле)...¹

¹ См. дополнение 7.

.....
Встретился с лидером оппозиции Б.Нетаньяху. Переговоры Клинтона и Асада в Женеве он назвал разочаровывающими для правительства Рабина. Асаду удалось добиться от Клинтона подтверждения необходимости увязки, синхронизации работы на всех переговорных треках. То есть, если нет движения, например, на сирийском треке, все должны ждать. Таким образом, рассуждал Нетаньяху, Клинтон вручил Асаду «право вето», право регулировать скорость мирного процесса.

По мнению лидера Ликуда, Асада волновали не вопросы ближневосточного урегулирования, а налаживание отношений с Вашингтоном. Сирийцам нужны американские деньги. Нужны, чтобы купить оружие и чтобы решить всё обостряющуюся проблему воды.

Перейдя к проблематике мирного процесса, Нетаньяху заявил, что Голаны ни при каких условиях возвращать нельзя. Голаны у Израиля — самая надежная гарантия мира. Только имея Голаны, Асад может рискнуть развязать конвенциональную войну против Израиля.

Ликуд — за мир и мирные соглашения с арабами. Мы не будем отбрасывать то, что уже сделано. Но будем вести переговоры с «очень жёстких» позиций. Надо давить на арабов. Им некуда деваться. Поэтому, если Ликуд придёт к власти, — а он уверен в этом! — договориться с арабами можно будет довольно быстро. Однако, прежде чем подписывать окончательные соглашения, следует провести референдум, спросить у народа.

В заключение Нетаньяху расспрашивал меня о Жириновском.

.....
Получилось письмо от Анатолия Сергеевича Черняева, моего давнего друга. Вместе писали всяческие бумаги. Вместе огорчались и радовались. До удивления порядочный человек. За что был прозван «граф Черняев-и-Гассет», в просторечии просто — «граф».

«Всё идёт у нас, как видишь, — писал граф, — своим российским чередом. Но сколько же, оказывается, накопилось в людях страсти нахапать. Ладно бы, если б — чтобы выжить. А то ведь — чтоб пожирнее и повиднее. Это — главный общественный инстинкт, который везде и всё определяет.

Ладно. Может ещё поговорим...

Письмо это моё — рекомендательное. В Израиль едет Зига Шмидт. Называется он полно: **Сигурд Оттович Шмидт. Сын того самого знаменитого академика и челюскинца.** Он сам академик, но совсем по другой части: специалист по Ивану Грозному, летописям и архивам. Мы с ним знакомы ещё с истфаковских времён до войны. Рафинированный интеллигент старой школы, эрудит и энциклопедист, феноменально скучный.

Он приглашен какой-то еврейской организацией как знаменитость (у него какой-то предок по матери, на этот раз — еврейская знаменитость, перевезён был когда-то для захоронения в Израиль). Но «приглашающая сторона недооценивает возможностей и положения приглашенного» (цитата). И Зига хотел бы иметь аудиторию, чтоб рассказать о русской исторической науке «и вообще», а также «хоть что-то посмотреть».

Если ты ему сможешь что-то сказать на этот счёт, он etc... От тебя как от посла он рассчитывает получить только одно — продление визы на два дня. Вернее так: он рассчитывает, что я смогу тебя упрощить это сделать. Вот я и упрощаю».

Вскоре появился и академик. И вовсе оказался не скучный. Был на одном из его выступлений. Интересно. Но, по-моему, здешний народ уже на такой уровень не тянет...

Подушевно общались с ним немного. Об исторической науке потолковали. Я решил блеснуть эрудицией и пошёл Ходасевичем:

Но на растущую всечасно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрастно
Глядят историк и поэт.

На что он сказал: «Историк должен быть добрым». А, значит, может быть и «возмутимым», и страстным.

Пытались найти общий знаменатель по поводу «законов истории». Я нажимал на веер возможностей в каждой точке и на вероятностный характер результирующей траектории. А вот на что нажимал «Зига», вылетело из памяти.

Об этом разговоре вспомнил ещё раз, в юбилейные пушкинские дни. Попалась на глаза цитата из статьи Пушкина в «Литературной газете» (не в этой, а ещё в той). Пушкин писал: «Не говорите: *Иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человеческой были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра». По-моему, Шмидт и сын Шмидта был согласен с Пушкиным...

.....
Посетили с Леной Петровной так называемый «технопарк» ТЕФЕН на севере Израйля. Трудно объяснить, что это такое. Это — несколько заводов, которые работают на экспорт и выпускает что-то такое высокоточное и экзотическое (10% всего израильского экспорта). В том числе, кажется, и лопатки для газотурбинных самолётных двигателей. Но заводов в привычном понимании не видно. Вокруг — ухоженные зелёные газоны, цветы, рощицы. Изящные современные скульптуры. А среди этой благодати — несколько аккуратных, вылизанных дизай-

нерами зданий. Там и завод, там и музей старых автомобилей, там и музей театральных декораций.

Хозяин, Стеф Вертхаймер, вписывает всё окружающее в трёхмерную систему координат: экология, искусство, качество. Сам Вертхаймер входит в «золотую десятку» наиболее богатых людей Израиля. И, что не одно и то же, — самых уважаемых.

Пробыли там весь день. Не среди качества, а среди экологии и искусства.

.....
С точки зрения дел внутрипосольских, весь январь колдовали вокруг политотчёта. В основном — срезали углы и добавляли вату. Уходили от однозначной жёсткости, определённости оценок. На юрфаке меня когда-то учили: всякое сомнение толкуется в пользу подсудимого. Вот и сейчас, в комиссии по помилованию, где я заседаю с лета 1999 года, если голоса у нас разделяются поровну, проходит более мягкое предложение. В мидовском же, посольском варианте всякое сомнение толковалось в пользу усекновения текста. Иногда это было правильно. Но только иногда.

.....
Культура в январе. Юный Кисин играл «Парад романтиков» (Шуман, Шуберт, Шопен, Лист). Хорошо играл. Но чувства, которые не переживал, не успел ещё пережить, откуда они возьмутся? — Литературное объединение в Беэр-Шеве. Стихи. Часто: не поэзия, а факт биографии. — А.Б.Фрейндлих и В.И.Стржельчик: одноактные пьесы. — 17-летний араб из Назарета играл в Тель-Авиве Чайковского и Шуберта. «А всё-таки она вертится!».

ФЕВРАЛЬ-94

*Рони Мило — ЧП посольского масштаба — Американский посол
Эдуард Джареджян — Борьба за повышение зарплаты —
— Трагедия в пещере Махпела*

В первый день февраля был у мэра Тель-Авива Рони Мило. Мило — ликудовец, но умеренный. Относительно молодой, но уже побывал министром внутренних дел, полиции, окружающей среды, труда и благосостояния. Динамичный прагматик. Он работает со вкусом, ему интересно быть мэром огромного по здешним масштабам мегаполиса, погружаться каждый день в уймищу проблем и решать их. Образованный, умный, интеллигентный человек, который, вспомним законы Мэрфи, далеко ещё не достиг уровня своей некомпетентности.

Для разминки поговорили об Иерусалиме и Тель-Авиве. Иерусалим — это город-символ, религиозный центр, святой для всех евреев. И поэтому — столица. А Тель-Авив — это символ современного Израиля, рассуждает мэр, это — глоток свободы, воздух нашего времени. Тель-Авив живёт в обстановке терпимости, он объединяет, стирает различия. Тут нет проблем между арабами и евреями, между светскими и ультрарелигиозными, между крайне левыми и крайне правыми. В нашем обществе, пронизанном контрастами, противоречиями, антагонизмами, очень важно иметь такой город. И моя задача — сохранить, поддержать атмосферу демократичности, возможности самовыражения каждого человека.

Тель-Авив, продолжает Мило, это и центр культуры, и центр деловой жизни. И, можно сказать, центр абсорбции, где тысячи и тысячи репатриантов нашли свою судьбу.

Мило не скрывает проблем, порождённых скоростной урбанизацией (перенаселение, грандиозные пробки, смог, преступность и т.д.). Это — общие, «цивилизационные» проблемы, и мы будем их решать.

После разминки — «решая походя мелочь дел». Приглашаются соответствующие специалисты. Прошу разрешения соорудить забор, отделяющий посольство от муниципального тротуара. Забор, конечно, уже сооружён, но требуется легализация. Прошу выделить напротив посольства часть улицы для стоянки автомашин. Прошу согласия на сооружение перед посольством будки для полицейского. По первым двум

пунктам Мило, поглядев на специалистов, не возражает. По пункту третьему специалисты говорят, что будку надо ставить за забором, чтобы она не «съедала» часть тротуара. Мэр с ними соглашается.

Дружеские контакты с мэром Тель-Авива и впоследствии были полезны. И всегда — приятны.

.....
2 февраля разразилось ЧП — первое и, слава Богу, последнее при мне чрезвычайное происшествие в посольстве. Один из сотрудников, человек вроде бы лёгкий, уравновешенный, вдруг заявил, что «по заданию спецслужб» (израильских и российских) его жена сожительствоет с работниками посольства и с израильтянами, что при помощи технических средств его квартира взята под постоянное наблюдение, жизнь его в опасности и что, если «произойдет непоправимое», он завещает находящиеся в его сейфе 27 тысяч долларов дочери и матери.

В ночь с 1-го на 2-е, приставив кухонный нож к горлу жены, он заставил её «сознаться» в работе на «спецслужбы».

Два дня продолжались непрерывные беседы с ним, с его женой и вокруг них. Даже в «секретной комнате» заседали. Пришли к выводу, что человек серьёзно заболел, перестал контролировать себя и что его надлежит срочно отправить в Москву. Он отнёсся к этому довольно спокойно. И 3 февраля вместе с сопровождающим сел в самолёт. В МИД мы позвонили, попросили встретить.

27 тысяч долларов в сейфе не были обнаружены.

В ходе последующего «разбора операции» выяснилось, что в последние 1-2 месяца у нашего коллеги были заметны нервозность, неуравновешенность, быстрые перепады настроений. Но в силу суеты и той коросты равнодушия, чёрствости, которые нередко, к сожалению, язвят наши души, мы не придали этому значения. Не исключено, что взрыв можно было предотвратить, смикшировать. Корю в этом и самого себя.

Насколько мне известно, потом положение стабилизировалось.

.....
Из МИДа пришли стандартные бланки заявок на 1994 год. Просят указать, сколько портретов Ленина и Горбачёва нужно посольству. Хотел заказать несколько штук. Но меня остановили: в МИДе, сказали, шуток не понимают. Почти философский вопрос: сколько нужно времени, чтобы перемены в стране отразились на переменах во всякого рода канцелярских «формах».

На «улице» уже конец 1999 года. Передо мной бланк таможенной декларации, который я про запас прихватил в Шереметьево. Требуют «обязательного предъявления» произведений печати, рукописей, видео- и звукозаписей, почтовых марок и т.п. Бюрократия всесильна — она может останавливать время!

.....
В Тель-Авив прибыл новый американский посол Эдуард Джареджян. Мы с ним были знакомы ещё с давних времён, когда он служил в посольстве США в Москве. Потом встречались в Штатах. Помню, брал у него интервью для ленты, которую делал по заказу студии документальных фильмов. И вот встреча на новом витке жизни.

Учинили дружеский ужин в Савьоне. Джареджян — блестящий знаток Ближнего Востока. Работал в Бейруте, Аммане, Дамаске. Написал докторскую об Асаде.

Жена Эдуарда — Франсуаза (француженка из Марокко) неплохо говорит по-русски. После ужина отправились в ресторан «Богема», где публика торжественно и шумно чествовала находившихся в Израиле Владимира Васильева и Екатерину Максимову¹.

Джареджян недолго пробыл в Израиле, всего четыре с половиной месяца. По каким-то своим соображениям он ушел из Госдепа. Кажется, стал работать директором Института по изучению международных отношений, созданного бывшим государственным секретарём Джеймсом Бейкером.

Мне было жаль расставаться с Джареджяном. У израильтян, если я не ошибаюсь, реакция была несколько иной. Поскольку, если я снова не ошибаюсь, в отличие от своих известных мне предшественников Джареджян мыслил более широко, более свободно, в смысле — менее «произраильски».

.....
16 февраля утром встречался с Бейлиным, а вечером — с Пересом.

У Бейлина была идея: организовать репортажи израильского телевидения из Дамаска и Аммана. Чтобы постепенно приучать израильтян к мысли, что там — тоже люди. Хотя и другие. Он обратился в наш МИД за помощью.

Я привёз Бейлину ответ Посувалюка. Зондаж был произведён. В Дамаске сказали, что приезд журналистов непосредственно из Израиля «преждевремен». Ему должен предшествовать «ощутимый поворот израильских переговорщиков в сторону большей серьёзности».

Амманотреагировал мягче по форме, но так же по существу. Там сказали, что появление израильских журналистов может быть нега-

¹ К вопросу о журналистах. В газете «Новости недели» встреча в «Богеме» была описана так: «На пресс-конференции в зале «La Bohema» собрался, помимо журналистов и представителей «богемы», израильский бомонд. Среди гостей можно было встретить даже американского посла с супругой, обращающихся к Максимовой и Васильеву исключительно... по-русски. К концу торжества прибыла чета Бовиных, при появлении которых Васильев не преминул заметить: «Мы всегда мечтали догнать и перегнать Америку. Но всё-таки она нас и тут опередила!» Если учесть, что обе четы прибыли вместе, то...

тивно встречено проживающими в Иордании палестинцами и исламскими фундаменталистами. Так что лучше подождать «осязаемого сдвига в мирном процессе».

Посувалюк просил передать Бейлину, что МИД РФ намерен держать его идею «в поле зрения».

По-моему, до сих пор держит...

Переса Козырев поздравлял с заключением каирского соглашения. Тут такая предыстория. Согласно Декларации о принципах, переговоры о выводе израильских войск из сектора Газы и из Иерихона следовало завершить к 13 декабря 1993 года. Но завершили их только 13 февраля 1994 года. С чем и поздравлял Козырев коллегу. Однако соглашение оказалось сырым, и его доводка продолжалась до мая. Но поздравление всегда приятно...

Перес подчеркнул, что сейчас необходимо сконцентрировать усилия на переговорах с Сирией и Иорданией. Так как «нельзя оставлять Арафата на территориях одного». С Иорданией программа-минимум — экономическое соглашение. Израиль предложил созвать в июне в Аммане международную конференцию по проблемам экономического сотрудничества на Ближнем Востоке. Но король Хусейн колеблется, предлагает более поздние сроки.

На сирийском направлении пока не удалось спуститься «с поэтики теоретизирования до переговорной прозы». Асад надеялся на женевскую встречу с Клинтоном. Но вряд ли он сможет выжать из неё политические дивиденды. Вообще же, заметил Перес, с Арафатом, который занимает позиции «конструктивного прагматизма», работать легче, чем с Асадом.

Долгий разговор состоялся по так называемой «иерусалимской оговорке». Израильцы настаивали, чтобы в тексте готовящихся российско-израильских соглашений — там, где говорится о месте проведения совместных комиссий — прямо или через понятие «столица» упоминался Иерусалим. Я сказал Пересу, что, поскольку Россия, исходя из известного решения ООН, не признаёт Иерусалим столицей Израиля, для нас такой вариант неприемлем. Напомнил, что в соглашениях с другими странами Израиль не настаивает на упоминании Иерусалима.

Посольство изучило тексты договоров и соглашений, заключённых Израилем за последние пять лет. Картина такая:

- «поочерёдно в каждой из стран» (Болгария, Колумбия, Испания).
- «поочерёдно в столицах каждой из стран» (Венгрия, Польша).
- с упоминанием Иерусалима (Китай, Чехословакия).

Мы предпочли бы первый вариант в любом формулировочном исполнении. Перес обещал «вникнуть» в это дело. Сказал, что о «двух критериях» не может быть и речи.

В конце концов — уже на пороге визита — договорились обойти Иерусалим.

В одном из февральских номеров тассовского еженедельника «Эхо планеты» появилось интервью со мной. Привожу его более интересную вступную часть.

«— Российскому МИДу долго ставили в упрек отсутствие твёрдой политики в отношении прав русского населения за рубежами России. Когда же попытка сформировать такую политику была сделана, далеко не всем это понравилось. Каким вам видится отношение новой России к русскоязычному зарубежью?»

— Во-первых, нам нужна не твёрдая, а умная политика. Точнее, умная (всегда) и твёрдая (когда нужно). Во-вторых, выработка такой политики — дело непростое и долгое. Не сразу всё получается, поначалу неизбежны и колебания, и промахи. В-третьих, наша политика должна прежде всего «нравиться» России, соответствовать интересам России. МИД, насколько я могу судить, активно вырабатывает именно такую политику.

Кстати, если уж чему-то учиться у американцев, то прежде всего их отношению к своим соотечественникам за рубежом. Для администрации США каждый американец — «штучный товар», и каждый может рассчитывать, что в трудную минуту «дядя Сэм» придёт ему на помощь.

Каждый гражданин России, каждый русский человек, находящийся за пределами России, если, конечно, он не напакостил своей стране, если у него чистая совесть, должен быть уверен в том, что у него есть «прочный тыл». Когда-нибудь так и будет.

— *После сенсационного рукопожатия Ицхака Рабина и Ясира Арафата израильско-палестинский диалог идёт всё же трудно. Ослабевает поддержка соглашений со стороны как израильтян, так и палестинцев. Что это — временные трудности или признаки неудачи всего мирного процесса на Ближнем Востоке? Каков ваш ближневосточный прогноз? По-прежнему ли вы скептически относитесь к возможности быстрого урегулирования в регионе?*

— С исторической точки зрения постоянных трудностей не бывает, все трудности — временные. И поэтому рано или поздно нынешние трудности будут преодолены. А в данном случае, если говорить о всеобъемлющем, справедливом, стабильном урегулировании ближневосточных дел, то скорее поздно, чем рано.

Движение по этому длительному пути не будет равномерным. Будут прорывы вперёд, соглашения, договоры. Уже давно есть договор Израиля с Египтом. Скоро подпишут временное соглашение с палестинцами. На подходе договор с Иорданией. Даже Сирия заговорила о

мире. Так что позитивные перемены и перемены большие могут быть «рано».

Но когда я думаю об Иерусалиме, о судьбе Голан, о будущем 140 тысяч еврейских поселенцев, живущих на территориях, которые Израиль захватил в результате войн с соседями, когда я вспоминаю о разделяющей евреев и арабов стене ненависти, которая прочнее и выше Берлинской стены, я не могу позволить себе оставаться в пределах краткосрочных и даже среднесрочных прогнозов. Трудности хотя и временны, но огромны. Нельзя не преклоняться перед мужеством Ицхака Рабина, перед настойчивостью Шимона Переса, которые, несмотря на громкие крики протеста, демонстрации, призывы к сопротивлению, решили переломить ход истории и вывести Израиль из полосы враждебности, конфронтации, войн. Дело, которое они начали и делают сегодня, доведут до конца следующие поколения политических лидеров. Но важно начать.

— *Вы уже достаточно хорошо изучили Израиль — страну, где в определённой мере удалось воплотить в жизнь казавшуюся безнадежно утопической сионистскую идею. Что в израильском опыте, как положительном, так и отрицательном, могло бы оказаться полезным для России?*

— Я не очень убеждён, что основоположники сионизма восприняли бы современный Израиль, образ жизни в нём как воплощение «сионистской идеи».

Что же касается «израильского опыта», то его положительные аспекты связаны с демократией и социально ориентированным рыночным хозяйством. К чему мы идём, надеюсь. А аспекты отрицательные коренятся в засилье чиновников, стремлении бюрократической машины влиять на все стороны общественной жизни. От чего мы, надеюсь, уходим...»

В конце 2000 года остаётся добавить: ещё не пришли и не ушли, если вообще ещё идём и уходим...

.....
17 февраля отправился в Каир с политотчётом. Общими усилиями довели его до кондиций и 41-й страницы.

Мы с Поляковым, хотя и были из разных ведомств, принадлежали к одному времени. Так что понимали друг друга. А если и не понимали, то не переходили в рукопашную.

Снова был в музее. И снова думал: чего же больше — того, что мы приобрели, или того, что потеряли? Не в смысле материальных ценностей, а в смысле гармонии человека с окружающей его природой, в смысле умения не торопиться и создавать то, что и через тысячелетия поражает воображение.

На обратном пути перед границей заехал в египетскую деревушку и купил ящик помидор. Которые не в теплице выросли, а под солнцем. В Израиле от этого отвыкаешь...

.....
Постепенно стал обостряться вопрос о заработной плате, точнее — о низкой заработной плате. На каждом собрании — дипломаты помягче, наши административно-технические братья покруче — поднимали этот вопрос, требовали от меня, чтобы я теребил начальство.

Оклады наши перешли нам от Генерального консульства, коему были установлены в ноябре 1990 года. Послу полагалось, как я уже упоминал, 1581 доллар 44 цента в месяц. В октябре 1992 года Правительство РФ подтвердило эту сумму, но предложило МИДу в 6-месячный срок «направить в Израиль межведомственную комиссию и на основании материалов комиссии представить в установленном порядке согласованные предложения о размерах постоянных должностных окладов в иностранной валюте для работников учреждений РФ в Государстве Израиль».

Два пояснения.

Первое. Оклады всех работников МИДа за рубежом отсчитываются от окладов посла. Если оклад посла принять за 100%, то, скажем, советник-посланник получает 95%, бухгалтер — 70%, машинистка — 40% и «остальной обслуживающий персонал» (уборщица, разнорабочий) — 26%. Ниже не бывает.

Второе. Для чего нужна комиссия? Для того, чтобы определить стоимость «бюджетного набора». Существует специальная инструкция, где перечисляется, что входит в этот самый набор (продовольственные товары, предметы одежды и домашнего обихода, коммунальные услуги, прочие расходы). Так вот, комиссия должна изучать справочники, прейскуранты, ходить по магазинам, по всякого рода конторам бытовых услуг и фиксировать средние цены на товары и тарифы на услуги. На базе всего этого она и определяет стоимость бюджетного набора. Если зарплата не дотягивает до этой стоимости, зарплату надо повышать.

Прошло 6 месяцев. Комиссия не появилась. А Тель-Авив, между прочим, устойчиво располагается в верхней части таблицы, показывающей стоимость жизни в городах мира. Народ волновался. От меня требовали бить в набат.

Сначала я атаковал своими письмами заместителя министра иностранных дел Пастухова. Потом, поскольку Пастухов перестал курировать финансы, перекинулся на другого заместителя — Василия Сергеевича Сидорова. Привожу образчик финансово-эпистолярного жанра.

«Уже несколько раз я просил увеличить зарплату работникам посольства в Израиле. Пока безрезультатно. И хотя в общем-то ситуация понятная, легче от этого не становится.

На первый взгляд зарплата здесь приличная (1581.44 ам. дол. — по-сол). Но израильские стандарты меняют картину.

По данным израильской статистики, стоимость семейной потребительской корзины в Израиле (за минусом жилья и транспорта) равна 1432.30 ам. дол. Из 32 семей нашего посольства только пять вписываются в данный норматив. А пять семей, расположенных на другом краю имущественного спектра, находятся ниже абсолютного порога бедности (307 ам. дол. на одного человека).

Можно использовать и такой критерий, как средний доход на душу (533 ам. дол.). Больше половины посольских семей (19 из 32) таких денег не получают. В том числе семьи 9 дипломатов. А если учесть, что россияне привыкли питаться более основательно, чем израильтяне, что дипломатам нужна и более основательная одежда, то наше положение становится всё менее завидным.

Разумеется, голодающих нет. Но приходится экономить на всём и прежде всего — на культуре, спорте, личных контактах. А если в семье двое ребятишек (таких семей у нас 10), то концы еле сводятся с концами. Всё это отражается на настроении людей, на психологическом климате в посольстве. Особенно если учесть тот факт, что во многих российских посольствах на Ближнем Востоке заработная плата уже повышена.

Вот почему я позволяю себе обратиться к Вам с настоятельной просьбой оказать содействие в повышении заработной платы работникам посольства РФ в Израиле».

Параллельно я сделал ход конём. Во время визита Рабина в Москву из рук в руки передал Черномырдину конверт с описанием наших мытарств.

Не знаю уж, что подействовало, но 20 августа 1996 года — через три с гаком года после положенного срока — комиссия прибыла. Андрей Николаевич Грибанов (из аппарата правительства), Татьяна Ананьевна Фармаковская (из Минфина) и Марат Иванович Матвеев (из ВФУ МИДа). Мы, естественно, окружили комиссию вниманием и заботой. Они честно и самоотверженно трудились на поле преysкурантов и ценников. Мы старались скрасить им свободное от бюджетного набора время. Распределились. Я лично взял на себя Татьяну Ананьевну. Показывал ей лучшие кусочки Израиля. В общем, все остались довольны и — главное! — поняли, как трудно нам живётся.

Комиссия отбыла. Мы стали ждать. 31 октября прилетел Примаков. В машине, когда мы ехали в Иерусалим, сказал мне, чтобы не ждали повышения — его не будет, нет денег. 1 ноября позвонил Грибанов и сообщил, что Черномырдин подписал бумагу: повышение зарплаты на 30% с 1 октября 1996 года. «Вот и верь после ефтова людям...»

Зарплата посла (с добавками за секретность) выросла до 2 300 долларов (на 500 долларов меньше, чем у посла Казахстана). Жить стало лучше, хотя не уверен, что веселее.

.....
Получилась московская «Новая газета» с моим интервью. В редакционной врезке говорилось: «Редакция «НГ» отправила вопросы российскому послу господину А.Бовину, на которые получила ответы в письменном виде. Вероятно, за 2 года в Израиле господина Бовина утомили многочисленные интервью, домыслы и спекуляции авторитетом российского посла, и поэтому на сей раз он проявил лаконичность — его ответы оказались короче наших вопросов. Впрочем, он всё сказал...»

— *Как вы оцениваете перспективы арабо-израильского сотрудничества — того, что Шимон Перес назвал «золотым веком Ближнего Востока»?*

— «Золотой век» всегда был или в отдалённом прошлом — или в недостижимом будущем, или воспоминанием — или мечтой. Я могу лишь восхищаться отважными людьми, которые надеются перенести «золотой век» в настоящее.

— *Возможно ли, с вашей точки зрения, создание палестинской автономии, притом, что 60 % израильтян — жителей территорий — против этого, так же как и большинство палестинцев?*

— Да, возможно... Автономия — общий знаменатель. Для палестинцев автономия — шаг в сторону своей государственности. А для израильтян автономия — шаг в сторону от палестинской государственности. Важно (пока), что обе стороны готовы сделать этот шаг. Поэтому, повторяю, автономия возможна.

— *Контактируете ли вы с представителями ООП на территориях или с представителями других местных палестинских организаций, и как именно?*

— Контактируем. Встречаемся, пьём кофе, разговариваем.

— *В Израиле Ясира Арафата часто сравнивают с Лениным. Как вы оцениваете этого политического деятеля?*

— Часто? Ни разу не слышал и не читал. Что же касается оценки, то напомним слова известного дипломата Тютчева: «Молчи, скрывайся и тай...»

— *Согласны ли вы с мнением, что ООН в течение многих лет занимает антиизраильскую позицию (в качестве примера можно назвать принятие ООН декларации, приравнивающей сионизм к расизму; то обстоятельство, что практически все резолюции ООН носят антиизраильский характер и в них Израиль признаётся агрессором)? Чем вы это объясняете?*

— Согласен. Занимала. Видимо, это связано с тем, что большинство членов ООН было настроено антиизраильски.

— *Кому из израильских политиков вы отдаёте предпочтение и почему?*

— Я отдаю предпочтение тем политикам, которые, с моей точки зрения, помогают развивать и укреплять российско-израильские отношения.

— По вашим впечатлениям тип израильского руководителя сильно отличается от своего советско-российского аналога?

— «Тип» не отличается. Отличаются люди.

— Ваши впечатления от встреч с господином Рабиным?

— Хорошие. Мужественный и умный человек.

— Не так давно газеты сообщили, что русские инструкторы тренируют «Хизбаллу», кроме того российские военные специалисты модернизируют «Катюши», поддерживают контакты с Ираном. Как это соотносится с тем, что Россия в то же время является одним из главных патронов мирного процесса?

— Мне бы не хотелось вести разговор на уровне «газеты сообщили». Слава Богу, за два с лишним года у меня выработался хороший иммунитет к подобным сообщениям. Хочу лишь подчеркнуть, что Россия не делает ничего, что могло бы нарушить существующее соотношение сил, помешать установлению справедливого мира на Ближнем Востоке.

— Ваши представления о будущем русского языка и русской культуры в Израиле? Как бы вы охарактеризовали нынешнее состояние?

— Не претендуя на точность, нынешнее состояние можно охарактеризовать как «русификация» Израиля. В будущем удельный вес и значение русского языка и русской культуры в Израиле будут снижаться. Причины не объясняю. Они понятны.

— Во время визита в Беэр-Шеву вы заявили о том, что израильское правительство создаёт трудности российским предпринимателям, поскольку российские экспортёры облагаются непомерными таможенными пошлинами, и экспорт становится невыгодным. Какая из сторон — российская или израильская — препятствует принятию соглашения о взаимном благоприятствовании в торговле?

— Препятствия есть с обеих сторон, но они расположены в разных плоскостях. Россия: общая нестабильность обстановки, хаос в экономике, ненадежность правовой базы. Израиль: нежелание предоставить России режим наиболее благоприятствуемой нации. Точнее, стремление сопроводить такой режим деформирующими его оговорками. Переговоры продолжаются.

— Российское посольство в США является самым главным налогоплательщиком налогов. А ваше посольство? И ещё: в России происходят грандиозные изменения. Есть ли изменения в российском посольстве?

— У русского посольства нет проблем с налогами. Изменения в посольстве есть, но они не столь грандиозны, как в России.

— Каковы ваши условия жизни? Финансовые трудности в России отражаются на материальном положении посольства? Одна из ивритских газет напечатала материал «Обед с Бовиным», в котором содержался длинный перечень блюд, которые вы употребили на обед. Вы каждый день так обедаете?

— Условия жизни? ... Зарплата посла 1581 доллар США в месяц. Думаю, что это — даже при казённой квартире и казённой машине — где-то на пределе посольского «прожиточного минимума».

Что же касается «Обеда с Бовиным» (кажется, речь шла об ужине), то я был уверен, что высокий уровень жизни в Израиле, а также элементарная воспитанность гасят интерес заглядывать в чужие тарелки и чужие стаканы. Но, увы... ваш вопрос вновь напоминает, что я ошибся.

Специально для любителей: каждый день так обедать (ужинать) не могу, жена ругается, говорит, что растолстею.

— *В России до сих пор существует палестинское представительство. Вы считаете правомерным, чтобы создающаяся автономия имела своё представительство?*

— Представительство — символ. А символы, — как, должно быть, хорошо известно израильтянам, — часто живут собственной жизнью, не зависящей от того, что существует или не существует.

— *Есть ли у вас данные о том, какое количество репатриантов обратилось за последнее время в посольство с тем, чтобы вернуться в Россию?*

— Таких данных нет. В посольство обращаются единицы. Как правило, люди остаются в России, поехав туда в гости или туристами. Таких — несколько десятков в год.

— *Какой статус на сегодняшний день в России тех, у кого двойное гражданство? Собирается ли Россия изменить своё отношение к двойному гражданству?*

— Россия, как и Израиль, допускает двойное гражданство де-факто. То есть человек, принявший израильское гражданство, может сохранить российское гражданство. Но пока и поскольку он живёт в Израиле, израильские власти рассматривают его только как израильского гражданина. Ситуация, видимо, симметрична.

— *Считаете ли вы, что Россия может возродиться как империя, особенно в связи с недавним заявлением А.Козырева о «приоритете международной политики страны — защите интересов россиян вне РФ»?*

— Не думаю, что у России есть имперское будущее. Но — и это не зависит от заявлений тех или иных политических деятелей — Россия была и будет великой державой. А великая держава не может не защищать своих граждан. Впрочем, это призвана делать любая держава, любое государство. «Просто» у великой державы больше возможностей».

.....
25 февраля, в пятницу в 5.30 утра, житель поселения Кирьят-Арба Барух Гольдштейн проник в молельный зал пещеры Махпела и из автомата «Галиль» открыл стрельбу по молящимся арабам. Убил 39 человек.

Пещера Махпела, сооружённая над ней величественная Гробница Патриархов, находящиеся в древнейшем еврейском городе Хевроне, — центр двух религий, святое место и для иудеев, и для мусульман. По преданию здесь были похоронены Адам и Ева. В Библии говорится, что Авраам купил пещеру за 400 шекелей серебра, чтобы похоронить жену свою Сарру. Потом здесь были захоронены сын Авраама Исаак с женой Ревеккой и внук Яков с женой Лией. Царь Ирод воздвиг над пещерой прямоугольную, похожую на крепость Гробницу.

Поскольку Авраам (Ибрагим) является отцом Исмaила, от которого пошли арабы, место захоронения Авраама священо для них. Согласно арабской легенде, когда Мухаммад летел на коне в Иерусалим, над Хевроном к нему воззвал архангел Гавриил: «Сойди и помолись, ибо здесь могила отца твоего Авраама». Над пещерой арабы соорудили мечеть. В 1226 году вождь мамелюков Бейбарс запретил евреям и христианам посещать пещеру. Запрет был отменён только в 1967 году, когда Хеврон захватили израильтяне.

В определённые дни часть комплекса функционировала как синагога. В остальные дни как мечеть. Чтобы предотвратить эксцессы, «смешение» арабов и евреев не допускается. За порядком следят израильские солдаты. Вход с оружием строжайше запрещён.

В связи с настойчивыми требованиями палестинцев включить Хеврон в пределы автономии и убрать оттуда израильские войска, обстановка вокруг Гробницы Патриархов была достаточно наэлектризована. И молния ударила.

Гольдштейн репатриировался из США в 1982 году. Там он был под влиянием известного еврейского экстремиста Меира Кахана. В Израиле примыкал к экстремистскому движению «Кахана хай» («Кахана жив»). Служил в армии по медицинской части. Имел жену и четверых детей. В Кирьят-Арбе работал врачом. Ему — 35 лет.

Поскольку на Гольдштейне был мундир майора медицинской службы, его не задержали при входе. Всё, что он хотел сделать, он сделал за три минуты. Потом был схвачен и убит.

На территориях, да и вообще везде, где жили арабы, прокатились массовые беспорядки. Требовали разоружения еврейских поселенцев. Волнения охватили даже обычно спокойных друзей. Особенно ожесточёнными были столкновения в Хевроне: 57 убитых и 250 раненых.

Движение «Кахана хай» опубликовало заявление: «Члены движения «Кахана хай» скорбят о смерти нашего святого Баруха Гольдштейна, который погиб сегодня утром в Хевроне во имя Господа. Счастливым днём ждёт Баруха Гольдштейна, да благословенна будет его память, который посвятил Господу всю свою жизнь. Он погиб, как наш герой Самсон, унеся с собой многие жизни врагов-филистимлян... Пусть присохнет язык у тех, кто осуждает поступок настоящего героя Израиля».

Организация ФАТХ, главная опора Арафата, призвала всех своих сторонников взяться за оружие, чтобы отомстить евреям за убийство. «Стреляйте в израильских солдат и еврейских поселенцев при каждой удобной возможности», — говорилось в заявлении ФАТХ. Палестинские экстремисты призывали Арафата немедленно прекратить переговоры и возобновить вооружённую борьбу. Сам Арафат обратился к мировому сообществу с призывом взять территории под международный контроль, разместить войска ООН на Западном берегу и в Газе.

Все политические партии Израиля резко осудили преступление Гольдштейна. Рабин позвонил Арафату и выразил ему соболезнование. На экстренном заседании, которое состоялось в пятницу, правительство ввело комендантский час во всех населённых пунктах Иудеи, Самарии и Газы. В субботу вечером послы были приглашены к Рабину. Премьер заявил: «Это тяжёлый день для мирных людей обоих народов, но безумные действия психопатов не остановят процесс примирения между гражданами Израиля и палестинским народом. Мы сделаем всё возможное, чтобы в максимально короткий срок прийти совместно к тому дню мира, когда экстремисты с обеих сторон потеряют всякую надежду подорвать мирный процесс». О необходимости «спасти судьбу переговоров» говорил Перес.

Обстановка была тревожной. На всякий случай в посольстве учредили круглосуточное дежурство и не рекомендовали любителям свежего воздуха и зелёных лужаек проводить week-end вдаль от Тель-Авива.

Трагедия в Хевроне, сообщало посольство в Москву, относится к числу непредсказуемых, случайных событий. Её могло и не быть. Но за этой случайностью просматриваются те объективные процессы, которые сделали трагедию в Хевроне не только возможной, но практически неизбежной, во всяком случае — весьма вероятной.

Речь идёт об атмосфере нервозности, возбуждённости, взвинченности, которая господствует во многих слоях израильского общества и особенно — среди поселенцев. Многих людей страшит будущее. Они привыкли, приучены ненавидеть палестинцев. И поэтому ожидаемое появление палестинской администрации, палестинских полицейских, палестинских флагов воспринимается как катастрофа, как подрыв фундамента, на котором держится Израиль.

Такие настроения подогреваются затяжкой — по вине обеих сторон — переговоров, которая сопровождается продолжением террора. Террористические акты трактуются как отражение «истинных» намерений палестинцев, как ещё одно доказательство невозможности мирного сосуществования с ними.

Свою лепту в нагнетание социальной истерии вносит и оппозиция, которая каждый день бросает правительству упреки в преда-

тельстве национальных интересов, подрыве безопасности Израиля, измене идеалам сионизма.

К сожалению, пропагандистская поддержка политической линии правительства уступает по размаху и аргументированности антиправительственной кампании оппозиционных кругов. К тому же, делая под давлением оппозиции всякого рода переговорные или окологосударственные зигзаги, правительство как бы признавало справедливость критики в свой адрес. Что усиливало недоверие к политике компромиссов и договорённостей.

Такова та питательная среда, которая вызвала оживление экстремистских настроений, еврейских экстремистских групп и заметно усилила вероятность эксцессов. Аналогичные процессы (но под влиянием иных причин) давно уже протекают на другом, палестинском, полюсе — особенно среди молодёжи. Трагедия в Хевроне и реакция на неё целиком укладываются в такую систему причинно-следственных координат.

В контактах и с израильтянами, и с палестинцами наши дипломаты подчёркивают, что при всей важности «выявления и наказания» ещё важнее — прицельная критика экстремизма, который может привести только в кровавый тупик. Подчёркивается также необходимость перестать играть в поддавки с поселенцами, более строго относиться к их провокационным выходкам. И ещё — сделать более яркой, доходчивой, аргументированной защиту правительственного курса.

Разумеется, — писали мы, — посольство учитывает, что правительство движется по тонкому льду. И поэтому слишком резкие движения могут привести к неприятностям. Но тут пространство для наших советов кончается.

В общем, февраль завершился на очень тревожной ноте.

Через некоторое время главные раввины Израиля обратились в правительство с предложением разделить помещение в пещере Махпела между евреями и арабами. Арабы протестовали и настаивали на сохранении статус-кво: мечеть, а не синагога. Правительство не уважило раввинов.

.....
Культура в феврале. Самое заметное событие — гастроли Васильева и Максимовой «Ностальгия». Ностальгия и была. Чувство, соединённое с мыслью. — Пела Елена Образцова. Торжественно. — Концерт Аллы Йошпе со Стаханом Рахимовым. Как встреча с молодостью: я помню Аллу ещё студенткой философского факультета МГУ. — Выставка полотен Фрумгарца «Я принёс с собой Россию». И снова — ностальгия.

МАРТ-94

*Визиты Иванова и Козырева — «Россия сосредоточивается...» —
— Дипломаты и «соседи» — «Капитан Рябинкин»:
крупные проекты уходят в песок*

2 марта прибыл свежеиспечённый первый заместитель министра иностранных дел России Игорь Сергеевич Иванов. С корабля на бал! «Корабль» — это Мадрид, где он до самого недавнего времени был послом, а «бал» — это, значит, у нас, в Израиле. О коем у Иванова, естественно, до сих пор было весьма смутное представление. Экспертом к нему приставили Гогитидзе, действительно знатока ближневосточной проблематики (позже — наш посол в Сирии).

Были у Переса. Он увлечённо говорил о «многосторонке» и крайне сдержанно отнёсся к идее «Мадрид—2» (снова собраться тем же составом в Мадриде, подвести итоги, подумать о перспективе). Меня удивила некоторая суетливость эксперта, который тут же на ушко давал Иванову, видимо, квалифицированные советы. Что выглядело со стороны странно и не очень тактично. После беседы с Пересом и перед беседой с Рабиным я был вынужден сказать Иванову, чтобы он малость придержал Гогитидзе. Во всяком случае во время беседы с Рабиным «подсказок» не наблюдалось. Да они в общем-то и не были нужны, так как Иванов моментально ухватывал суть дела. По-моему, премьер не очень представлял, зачем приехал Иванов. И, видимо, впрок толковал о том, как важно России не портить отношения с Америкой, согласовывать с нею свои коспонсорские шаги.

Иванов оставил хорошее впечатление. Собран. Деловит. Не много словен. После проводов гостя — «разбор операции» в посольстве. И опять пришлось говорить о том, что чрезмерная нервозность и стояние на ушах не помогают делу, но портят нервы.

7 марта встретился с министром полиции и энергетики Моше Шахалом. В качестве министра энергетики он с энтузиазмом говорил о строительстве с помощью России электростанции на горячих сланцах, которые есть в Израиле, а также о долгосрочных поставках из России в Израиль нефти и газа. Все эти проекты утонули, конечно, во всеобщем равнодушии.

В качестве министра полиции Шахал сказал, что он против ликвидации еврейских поселений на промежуточном этапе урегулирования. Коснувшись вопроса о присутствии международных военных формирований в регионе, он заявил, что мы должны научиться жить вместе с арабами, а не рассчитывать на спасительную роль иностранного военного присутствия. Когда пройдет эмоциональный шок, вызванный инцидентом в Хевроне, это станет ясно всем.

.....
10 марта, вернувшись в посольство после официального и одновременно чрезвычайно дружественного визита в дегустационный зал винного завода «Кармиэль», я узнал, что завтра на один день прилетает министр Козырев. Был удивлён. Ещё больше были удивлены израильтяне. Стали срочно, впопыхах верстать программу. Чтобы и Рабин был, и Перес. Опускаю разные выразительные слова, которые при этом использовались обеими сторонами.

Сразу из аэропорта Козырева повезли в отель «Хилтон», где он отобедал с Пересом. Потом — встреча с Рабиным в Министерстве обороны (по традиции премьеры имеют там официальные апартаменты). Козырев больше молчал. Говорил Рабин. Складывалось такое впечатление, что он никак не мог взять в толк — зачем же прилетел Козырев? В конце встречи Рабин и Козырев остались один на один. Израильтяне (не Козырев!) сказали мне, что министр передал премьеру приглашение посетить Москву.

С Козыревым хотели встретиться Вейцман (если инициатива будет исходить от Козырева), Нетаньяху и Фейсал Хусейни. Но Козыреву было некогда.

Я и мои товарищи всё ждали, когда же министр поинтересуется работой посольства или просто спросит «Как дела?», но так и не дождались.

Так прошел первый визит в Израиль министра иностранных дел России.

На следующий день — шум в газетах. Хор обиженных голосов. За кого нас принимают? Что тут делал Иванов? Почему Козырев явился без предупреждения? Россия опять собирается «вмешиваться»?

Через несколько дней на обеде в честь президента Эстонии я разговаривал с Вейцманом и Пересом. Видимо, они сами были смущены недоброжелательной реакцией прессы и просили не обращать внимания на «крайности» журналистских оценок. В свою очередь мне пришлось извиниться за скоропалительность визита.

Неприятный осадок после визита Козырева был настолько силен, что Вейцман вернулся к этой теме 24 марта, когда я приехал к нему совсем по другим делам. Президент выделил три основные причины негативной реакции на визит Козырева.

Первая. В результате длительной конфронтации с СССР в Израиле сохраняется недоверие к России. При обычном, нормальном течении дел о нём забывают. Но в обстановке кризисной, сложившейся после хевронской трагедии, когда мы неожиданно сталкиваемся с резкими движениями России (а к ним в Иерусалиме отнесли «внезапную» активизацию России на Ближнем Востоке), прежние чувства вновь оказываются на поверхности политического сознания. Попросту говоря, боясь, что Россия вновь станет на сторону арабов и начнёт совать палки в колёса израильской политики.

Вторая. Эти страхи усугубляются итогами декабрьских выборов в России, появлением в российском парламенте сильных группировок националистической, проимперской ориентации. «Один Жириновский чего стоит, — заметил президент. — Но ведь он не один!» Всех волнует вопрос: не приведёт ли давление этих сил к сближению России со своими старыми друзьями, арабами, в ущерб Израилю?

Третья. Неожиданность визита. Как-то необычно, чтобы министр иностранных дел «сваливался на голову» без предупреждения. О визитах Кристофера, например, мы знаем как минимум за несколько дней. Президент подчеркнул, что даже несмотря на внезапность появления Козырева, он был принят «по высшему разряду». Но если бы было можно заранее подготовиться, «психологически адаптироваться» к визиту, со всех точек зрения было бы лучше.

Президент выразил надежду, что предстоящий визит Рабина в Москву позволит более чётко прорисовать позиции сторон и усилить их взаимопонимание.

Мне было трудно возражать. Хотя я что-то говорил, особенно по второму пункту. Сошлись на том, что если визиты высокого уровня будут совершаться чаще, то это снимет ненужный налёт сенсационности, подозрительности.

.....
Размышляя по поводу вызвавшего такие страсти визита, я решил, что было бы полезно познакомить израильтян с некоторыми общими соображениями относительно российской внешней политики. Написал статью «Россия сосредоточивается...», которая 15 марта была опубликована в «Едиот ахронот», а затем — в русскоязычных газетах.

«Мне бы хотелось высказать несколько соображений в связи с недавними визитами в Израиль первого заместителя министра иностранных дел России Игоря Иванова и министра Андрея Козырева.

Эти визиты, как мне представляется, было бы разумно рассматривать в русле общей активизации внешней политики России.

Но сначала давайте вернёмся на несколько лет назад.

Распался Советский Союз. Рухнула тоталитарно-коммунистическая система. Радикальной критике подверглась советская внешняя

политика, которая была функцией конфронтационного пространства и в основе которой лежали имперская идеология и ставка на силу. Новая внешняя политика, внешняя политика посткоммунистической России рождалась в муках, в обстановке хаоса и растерянности. Нигилистическое отношение ко многим традиционным ценностям сопровождалось идеалистическими представлениями о «новом мировом прядке», где господствуют общечеловеческие ценности и где, как давно известно, «и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Исайя, II, 6).

Исходя из такого рода представлений; Россия, например, резко сократила продажу оружия (для справки: наша «доля» в экспорте оружия на Ближний Восток в прошлом году снизилась до 10 %). Результат? Суммарный экспорт оружия не сократился. Россия же, к удовольствию своих новых друзей, лишилась традиционных рынков (а значит, и выручки).

Россия отказалась от многих программ производства вооружений и, взяв курс на широкомасштабную конверсию, приступила к расформированию военно-промышленного комплекса. Но, если я не ошибаюсь, наш пример не оказался заразительным, и те же друзья не очень-то торопятся сокращать военные бюджеты, военные программы и вооружённые силы.

В России как-то стали стесняться вслух громко говорить, что она остаётся великой державой, что у неё есть свои национальные (государственные) интересы и что эти интересы надлежит защищать, используя весь набор средств, не противоречащих международному праву. Результат не замедлил сказаться. В «ближнем зарубежье» стало считаться чуть ли не признаком хорошего тона «прижать» русское меньшинство, не принимать во внимание его права и интересы. В зарубежье дальнем (и не очень) возникло убеждение, что Россия перестаёт быть фактором мировой политики и что ей можно безнаказанно наступать на больные мозоли. И наступали...

Так было. Но так не должно быть, и так не будет.

Совсем в другое время и по другому поводу светлейший князь Александр Горчаков, который 26 лет возглавлял МИД России, в циркулярной депеше, направленной во все российские посольства, написал свою знаменитую фразу: «Россия сосредоточивается». Вот именно. Нынешняя Россия тоже сосредоточивается. Это ни в коей мере и ни в коем случае не означает возврата к имперским замашкам. Это означает, что внешняя политика России становится более активной, а защита ею своих внешнеполитических интересов — более энергичной.

Предвижу вопрос: ради каких интересов русские высокопоставленные дипломаты появились в Израиле? Или, если говорить в более

Выразительная физиономия изображена на стене какого-то склада в старом порту Яффо. Туристам говорят, что это — портрет Бовина. Не спорю.

*Мы с Леной Петровной принимаем в Савьоне чету Горбачевых.
С ними — Анатолий Черняев. 1992*

*Алла Борисовна в Тель-Авивской «Березке». На столе не только
безалкогольные напитки. Хозяин «Березки» интересуется качеством пищи.*

«Восхождение»: иду вручать верительные грамоты. 1991 год.

*Моя полиция меня бережет.
Начальник полиции Тель-Авива Габи Лост со товарищи, 1993 год.*

С Леной Петровной, 1993

В очереди к президенту Вейцману. Впереди — посол Египта, сзади — посол Болгарии. Рядом с президентом — министр иностранных дел Д.Леви.

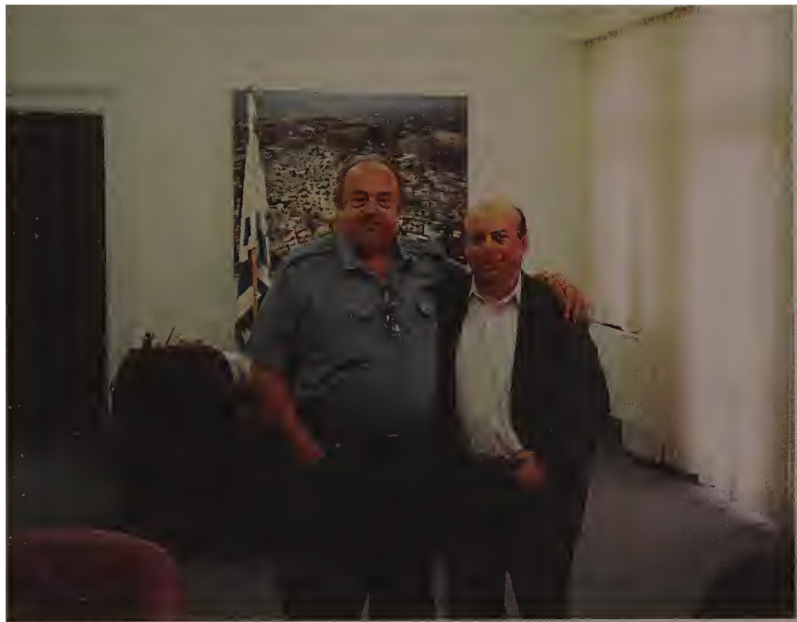
*С главным редактором «Вестей» Эдуардом Кузнецовым.
Разминаемся красненьким, 1995*

*Открытие фирмы «Онтек» («русские» олимпы выдают новую технологию).
Справа от меня профессор Герман Брановер, премьер-министр Израиля
Ицхак Рабин и его жена Лея. 1994*

*Одна из первых, но далеко не последняя встреча с Ясиром Арафатом
(«дядей Яшей» — на мидовском слэнге), 1994*

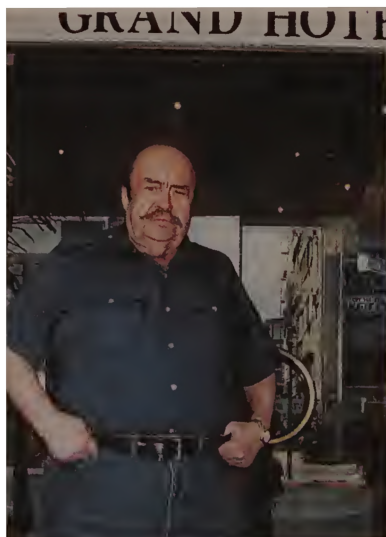
С Натаном Щаранским, 1997. Галстукам — нет!

*С мэром Иерусалима Эхудом Ольмертом, 1997. Вдали — собор Св.Троицы.
Ныне стоящий на нашей земле.*

В Лесу Советской армии, что под Иерусалимом. 1993 год.

В Тель-Авиве в 1999 году.

*Бывший посол с бывшим министром, 1999 год.
Фото Павла Корбута.*

широком плане, что влечёт Россию в Израиль, каковы её интересы в этом регионе?

Отвечая на эти вопросы, я мог бы напомнить, что первый русский паломник (игумен Даниил) появился на палестинской земле в 1106 году, что ещё в прошлом веке в Иерусалиме возникли «русское подворье», Русская духовная миссия, русские монастыри и что в начале нынешнего века в Палестине, Ливане и Сирии под эгидой Российского Православного Палестинского общества работали более 100 школ. И теперь, когда Русская православная церковь становится самостоятельным фактором российской действительности, нити, связывающие историческую родину христианства с Московской патриархией, а следовательно, с новой Россией, будут умножаться и крепнуть.

Я мог бы напомнить и о том, что в Израиле живут сотни тысяч человек, думающих и говорящих по-русски. И хотя для многих из них Россия была не матерью, а мачехой, они принадлежат и ещё долго будут принадлежать русской культуре. Несомненно, значительная группа израильтян российского происхождения способствует росту взаимопонимания между Россией и Израилем, расширению областей взаимовыгодного сотрудничества.

Гуманитарный срез интересов России в Израиле не играет, разумеется, значительной роли в контексте актуальной политической проблематики. Политика, как считают политики, «главнее» истории и культуры. Но «главнее» только в каждый данный момент. С точки же зрения исторической перспективы интересы гуманитарного характера могут перевешивать интересы политические. Вот почему, пытаясь разглядеть контуры «Нового Ближнего Востока», я начал с того, о чём политики обычно вспоминают в последнюю очередь.

Если же, как и положено, начать с очереди первой, с интересов приоритетных, то ими для России являются, во-первых, установление прочного, всеобъемлющего, справедливого мира на Ближнем Востоке и, во-вторых, налаживание хороших, добрых отношений со всеми государствами региона. Будучи одним из коспонсоров мирного процесса, Россия, опираясь на свой опыт, на свои традиционные связи, на искусство своих дипломатов, стремится помочь сторонам сблизить позиции, найти баланс взаимных уступок, обозначить поле устойчивых компромиссных решений. Россия, как, надеюсь, и США, не имеет намерения навязывать кому бы то ни было свою точку зрения. Задача коспонсоров иная. Используя своё влияние, обеспечить, с одной стороны, сохранение мира на время переговоров, а с другой, — продолжение переговоров, несмотря на возможные кризисные, критические ситуации.

Понятно, что те обстоятельства, о которых я писал выше, существенно сдерживали внешнеполитическую активность России. Да и

сегодня наличие вооружённых конфликтов в ряде стран СНГ, огромные трудности в становлении демократического общества, осуществлении экономических преобразований отвлекают МИД России от традиционных направлений внешней политики. Тем не менее и в Мадриде, и после Мадрида российская дипломатия была заметным участником ближневосточного урегулирования. Недавние визиты нашего министра и его первого заместителя — ещё одно подтверждение этого. Некоторых смущает «неожиданность» визитов, но ведь и события в Хевроне были неожиданными...

Хотелось бы подчеркнуть, что Россия ни в коей мере не хочет «соревноваться» с Америкой на почве ближневосточного урегулирования. Насколько я могу себе представить, на принципиальном, стратегическом уровне деятельность коспонсоров достаточно координирована и, я надеюсь, останется таковой.

У коспонсоров общая цель и общий, принятый в Мадриде, подход к достижению этой цели. Однако это вовсе не исключает, что в таких общих рамках каждый коспонсор может предлагать свою интерпретацию событий, выдвигать для обсуждения свои предложения и инициативы. Формулируя какую-либо новую идею, Россия всегда открыта для восприятия и обсуждения других идей.

Замечу, кстати, что в Москве вполне осознают, что коспонсоры занимают асимметрическое положение и что у США больше возможностей влиять на позиции сторон, на ход переговоров, чем у России. Нас это ни в коей мере не смущает. Ради Бога! Лишь бы эти возможности использовались во имя достижения справедливого мира. В Москве сознают и то, что отношения между Израилем и США имеют специфический, особый характер, ибо США выступают как гарант безопасности и выживания Израиля. И опять же — ради Бога! Как-то даже неловко писать о том, что у России нет ни малейших намерений покушаться на прочность израильско-американских связей.

Мне приходилось читать, что нервность, с которой в Вашингтоне встретили миссии Иванова и Козырева, была усугублена недавним казусом с О.Эймсом, а также позицией России в балканском конфликте. Возможно. Но скорее всего журналисты преувеличивают. Оснований для беспокойства нет. В самом деле. Если у нас был Пеньковский, то почему бы у них не быть Эймсу? Тут ситуация была и остаётся симметричной. Если ЦРУ и СВР сохраняются, то они должны чем-то заниматься, хотя и более цивилизованно, чем прежде.

Что же касается Балкан, американцы, безусловно, знакомы с географической картой и, наверное, знают о традиционных связях России со славянством, о роли России в освобождении Балкан от ига Османской империи. Так что они вполне могут понять особый

интерес России и особый характер её отношений с Сербией. Во всяком случае в Москве стремятся с максимальным вниманием относиться к интересам США, равно как и к интересам Израиля, к интересам других участников мирового сообщества. Разумеется, *facio ut facias*.

Боюсь, я выхожу за рамки своей компетенции, но полагаю, что Россия, имеющая своё видение международных проблем, свои интересы, не всегда будет покладистым партнёром, но всегда будет партнёром честным и надежным. Рассказывают, что, беседуя с Голдой Меир, Р.Никсон так сформулировал свой «категорический императив» применительно к международной политике: «Делай другому то, что он может сделать тебе». К чему Г.Киссинджер позже добавил: «Плюс ещё десять процентов». Что же касается России, то я бы держался ближе к библейскому тексту: «Не делай России то, чего ты не хочешь, чтобы она сделала тебе».

Вот, пожалуй, и всё, что стоило бы сказать в связи с недавними «недоумениями» по поводу «вмешательства» России в мирный процесс».

Статья оживлённо комментировалась. Комментаторам, на мой взгляд, так и не удалось найти путь между Сциллой (Бовин ставит дымовую завесу, прикрывая имперские вожеления России) и Харибдой (да нет ничего серьёзного за рассуждениями Бовина, Россия просто спасает свой «имидж»). Резюме можно проиллюстрировать словами одного из наиболее глубоких авторов Рафаила Нудельмана: «...одно совершенно очевидно: видеть во всём коварные российские козни было бы чересчур параноидальным; но не считаться с такой возможностью было бы слишком наивным. Вseгдашний израильский мучительный выбор — пройти между иррациональной паранойей и рациональной наивностью».

.....

Меня посетил Я.Кедми. Он сказал, что Рабин придаёт «огромное значение» поездке в Москву. Имея в виду разговор с Ельциным, он надеется на широкое — в стратегическом плане — сопоставление позиций и интересов обеих стран. Особенно — в контексте мирного процесса. Он также полагает, что подписание пакета двусторонних соглашений позволит более энергично и уверенно двигаться вперёд. Рабин ориентирует аппарат на детальную проработку всех вопросов. «Никаких сюрпризов!» — так передал Кедми мысль Рабина.

При всём его «американизме», заметил Кедми, Рабин понимает значение для Израиля хороших отношений с Россией. Но четверть века вражды оставили глубокие шрамы. И Рабин хочет, «посмотрев Москве в глаза», лучше понять намерения России, убедиться в том, что уравновешенный курс на Ближнем Востоке будет продолжаться.

.....
18 марта имел крупный, но деликатный разговор с «соседями». В общем у меня с ними отношения были нормальные. В их работу я, само собой, не вникал. Их оценки обстановки меня мало интересовали, так как дипломаты, основной костяк посольства, были несравненно выше по квалификации. Но постепенно стал понимать, что поводок оказался слишком длинным. Просил их, поскольку они состоят в штате посольства, больше и результативней заниматься собственно посольскими делами, быть более дисциплинированными, не уходить в самовольную отлучку. «Соседи» проявили понимание. Но всё жегнули на «специфику».

Простой пример. Я поручаю молодому человеку с хорошим ивритом переводить счета и другие хозяйственные бумаги, приходящие в посольство. Его начальник по «соседской» линии делает мне реприманд: не положено его кадру этим заниматься. Что тут делать? Кто прав?

Не имея практического опыта взаимодействия со спецслужбами, я не чувствовал себя уверенно. Размышлял примитивно: если ты — советник, работай как советник с учётом, конечно, специфической добавки. Но не халтурь по занимаемой должности.

Расстались после совещания дружелюбно, но с неким вопросом в глазах...

Оказавшись в апреле в Москве, решил прояснить проблему. Посетил руководство «соседей». Мне показали межведомственные протоколы, из которых явствовало, что сотрудники СВР и ГРУ, работающие на дипломатических должностях, обязаны в *полном объёме* выполнять свои функциональные обязанности. При том, естественно, понимании, что посол должен учитывать *некоторую* специфику.

Вернувшись из Москвы, я продолжил разговор. Вроде бы договорились. Кстати, о счетах. Московское начальство меня поддержало. Мелочь, но приятно...

Квота, о которой была достигнута договорённость ещё в декабре 1991 года, в принципе выполнялась. Хотя стремление раздвинуть её наблюдалось. Имел по этому поводу переписку с директором СВР Е.М.Примаковым. Понимаю, писал ему, что трудно бороться с одним из главных законов Паркинсона: всякая контора, предоставленная самой себе, имеет тенденцию к расширению. И всё же надеюсь на наш общий здравый смысл.

Другой вариант: давайте пришлём «офицера безопасности». Отбил-ся. Заверил, что справимся наличными офицерами.

От ФСБ не отбился. Прислали-таки полковника. Но не «под крышу», а официальным представителем. Бороться с организованной экономической преступностью. Представитель прилетел в ноябре 1996

года и то время, в течение которого я мог наблюдать, маялся, по-моему, от безделья.

Случались и казусы. Израильтяне как-то завернули одного «дипломата», сославшись на то, что он вовсе не дипломат. В конце концов визу ему дали... под «честное слово», что он не будет заниматься разведкой! Не знаю, как там насчёт разведки, а работник оказался толковый.

Пытался пару раз собирать «соседей» для обмена мнениями. Не получилось. Как-то они имели склонность сводить крупные политические проблемы к разного рода козням, интригам, проискам сионизма. «Допотопное мышление», — произнёс В.И.Носенко после одного из таких сборов. А ведь нам ещё повезло: «соседи» в большинстве своём были порядочные люди, многие с опытом, профессионалы. Но время часто обгоняет профессионалов.

В конце концов данные, которые поставляет политическая разведка, необходимы для принятия политических решений. Я бы дорого дал, чтобы узнать, какая информация, полученная Москвой помимо посольства, от «соседей», пригодилась для формирования политики, принятия решений. Жаль, что я так и не узнаю это...

В августе этого же года передал с Посувалюком письмо Козыреву: «Хочу обратиться к Вам по вопросу, который считаю чрезвычайно важным. Речь идёт о работе «соседей» под мидовской крышей.

Складывается впечатление, что эти самые «соседи» всяческими путями пытаются восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 90-х годов были существенно сужены...

Но дело не только в процентах. Возможно, я ошибаюсь, но, по моим наблюдениям, «ведомственная отдача» этих людей не слишком велика. Пытался привлечь их к нормальной посольской работе. Удаётся с трудом. Здесь, в Израиле, связи у них весьма ограничены. Информация, которой они располагают, не несёт, как правило, большой политической нагрузки.

Обо всём этом я говорил в мае с Примаковым и Ладыгиным. Но ничего не изменилось. Если не иметь в виду изменения в русле законов Паркинсона.

Пока моё послание к Вам отлёживалось в сейфе, израильтяне заблокировали работника СВР («первый секретарь»). Если хочет работать у нас, сказали нам, пусть даст обещание не заниматься разведкой. Вот такие-то дела. Наверное, мы ответим аналогичным образом, и опять закрутится привычная карусель...

Разведка нужна, конечно. Но не лучше ли брать не числом, а умением? И не дискредитировать дипломатическую службу.

Не знаю, как подойти к данной проблеме. Может быть, стоило бы обобщить мнения послов. Может быть, было бы полезно проанализировать информацию, поступающую от ведомств, чтобы в качестве «сухого остатка» выделить ту её часть, которая важна с точки зрения государственных интересов России.

Впрочем, ловлю себя на мысли, — а, может быть, вообще ничего не делать? Но это было бы печально. Ведь в конце концов, как сказал мудрый отшельник Торо, «восходит только та заря, к которой пробовались мы сами».

Прошу прощения за время, которое я отнял у Вас».

Судьба этого письма мне неизвестна.

.....
Специальный корреспондент газеты «Век» Юрий Марьямов взял интервью.

«Когда Александра Бовина, известного журналиста-международника, назначили послом в страну, с которой долгие годы не было дипломатических отношений, для одних это известие было приятной неожиданностью, свидетельством и знамением демократизации внешней политики, для других — поводом «разобраться» с его национальной принадлежностью.

Сегодня посол Бовин необычайно популярен, особенно в многочисленной «русской» части израильского общества. Он находит время для постоянных поездок по стране, встреч с бывшими соотечественниками, проясняя порой противоречивую позицию российских властей в отношении ближневосточной ситуации, много выступает перед разными аудиториями, в прессе.

Наша беседа проходила в преддверии визита премьер-министра Государства Израиль в Москву, в подготовке которого российский посол принимал самое активное участие и с которым обе страны связывали надежды на установление нормальных, основанных на взаимном доверии отношений. Меня же в большей степени, чем сугубо политический, занимал профессиональный и человеческий аспект деятельности журналиста-посла.

Александр Евгеньевич, как соотносятся между собой эти две профессии — журналиста и дипломата?

Во мне они «соотносятся» вполне прилично. Дипломат рекомендует журналисту почаще держать язык за зубами и воздерживаться от размашистых текстов. Журналист же рекомендует дипломату почаще «ходить в народ» и вообще быть дипломатом скорее по существу, чем по форме.

Принято считать, что евреи российской диаспоры и Израиля — ветви одного народа. Не в этом ли специфика работы посла России в еврейском государстве? Насколько я понимаю, это не может не придавать ей определённой пикантности и своеобразия.

Во-первых, это заблуждение: «евреи России» и «народ Израйля» вовсе не один и тот же народ. Во-вторых, главная, если можно так выразиться, тональность моей работы связана именно с народом Израйля. Что же касается отношений с евреями «из России», то они добавляют работе посла лишь некоторые обертоны, не более того.

Иногда репатрианты из России, с которыми я встречаюсь довольно часто, говорят мне: «Вы — наш посол!» Я понимаю этих людей, стараюсь по мере возможности помочь им. И очень вежливо объясняю, что я — посол России.

Специфика есть, конечно. Но не для русского посла, а просто для русского человека. Ибо нет в мире другой такой страны, где практически везде можно говорить по-русски. И нет в мире другой страны, где русская культура играла бы такую значимую роль. И где столько людей, уехавших из России, обиженных Россией, тоскуют по своей «доисторической родине». Вот такая специфика...

В последние годы на фоне бурных российских и ближневосточных событий, которые скорее разводили наши две страны на крайние позиции, предпринимались попытки к сближению в самых разных сферах жизни наших обществ, на самых разных уровнях. Как это, по вашим наблюдениям, отражается на настроениях израильтян, на общей атмосфере в стране?

Я бы выразился осторожнее. Сближение происходит гораздо медленнее, чем мне того хотелось бы. Причины двоякого рода. Со стороны России — общая нестабильность обстановки, конфликтные ситуации в «ближнем зарубежье», инерция проарабской традиции. Со стороны Израйля — недоверие, оставшееся в наследство от четвертьвекового периода вражды, боязнь отката России на проимперские, правонационалистические позиции.

И всё-таки, если иметь в виду «общую атмосферу», она, по-моему, благоприятствует продолжению позитивных сдвигов в российско-израильских отношениях...

Приходилось слышать, что, годы, проведённые в Израиле, были для вас годами демифологизации этой страны. Так ли это?

Должен признаться, что израильские книги об Израиле, которые я читал, раздвигая свои журналистские горизонты, создали у меня идеализированное представление об этой стране. Всемогущая медицина, прекрасные школы, чистота и порядок, всеобщее еврейское братство и т.д., и т.п. Теперь же я считаю, что Израиль — такая же грешная страна, как любая другая. Но, пожалуй, один «миф» выдержал проверку — миф о красивых израильских женщинах...»

.....
24 марта отправился к президенту по поводу «Капитана Рябинкина». Наша фирма, расположенная в Мурманске, договорилась с израиль-

тянами о проведении поисковых работ на нефть на шельфе Израиля. Работы должны были производиться геофизическими методами (сейсморазведка) со специально оборудованного и оснащённого корабля «Капитан Рябинкин». Но когда «Рябинкин» уже разводил пары, израильтяне неожиданно и без объяснений разорвали контракт. Во всяком случае так мне объяснили мурманчане.

Начал разбираться. Обращался в МИД. Всё как-то расплывалось. Вроде бы военные возражали: корабль напичкан электроникой, будет всё слушать. Но военные от разговора уклонялись. Осталась единственная надежда — президент.

Изложил ему всю историю. Сказал, что наша фирма готова допустить на корабль любых контролёров и в любых количествах. Президент обещал помочь. Но оказался бессилён...

Потом мудрые люди сказали мне, что если дело пахнет безопасностью, надо действовать через военного секретаря премьера Дани Ятома. Но это уж потом...

Ещё более мудрые люди объяснили, что контракт был загроблен крупными иностранными фирмами, которые занимаются сейсморазведкой. Они не хотели через Израиль выпускать «русских» на мировую арену.

Поневоле станешь фаталистом. Ни один из крупных проектов, которые могли бы стать несущими конструкциями экономического, научно-технического сотрудничества между Россией и Израилем, так и не встал на ноги. О некоторых таких проектах я уже упоминал. Продолжу скорбный список: создание совместного предприятия по производству пассажирских самолётов на базе ИЛ-96—300, разработка и производство бизнес-самолёта «Гэлакси», строительство железной дороги Беэр-Шева — Эйлат, строительство метрополитена в Тель-Авиве. Часто были виноваты мы. Хаос, нерасторопность, неумение действовать в рыночном полёте. У израильтян (или — на израильтян) действовали, если я правильно понимаю, другие тормоза и прежде всего — нежелание запускать в свой курятник конкурентов, да ещё с не очень хорошей коммерческой репутацией¹.

.....
Последний день марта — у начальника Генерального штаба Эхуда Барака. Спросил его, как идут переговоры с палестинцами. Сейчас

¹ «Еще два-три года назад и торгово-промышленные структуры стран СНГ, — писала газета «Вести» в апреле 1995 года, — и независимые бизнесмены с огромной надеждой взирали на Израиль, надеясь и в нём самом, и через него как посредника реализовать массу взаимовыгодных проектов. И те, и другие теперь об Израиле и слышать не хотят. Едва ли не все их проекты упёрлись в стену такого кретинического непонимания, незаинтересованности, бюрократизма, что они махнули на Израиль рукой. Результат и ежу понятен». Вот именно.

узнаем, сказал Барак и позвонил в Каир. Положив трубку, сообщил, что израильтяне согласились допустить в район Хеврона 100 иностранных наблюдателей. Возникла идея направить на территории ещё 20-30 египетских наблюдателей. Барак скептически к ней отнёсся: Египет полезен в качестве посредника, а наблюдать могут и другие.

Затронув вопрос о Сирии (только с точки зрения профессионала-военного), Барак сказал, что процесс установления мира должен быть растянут на многие годы (до 30 лет, если не получится раньше). К миру нужно идти поэтапно. Текст соглашения ни в коем случае не должен включать окончательную цель — уход с Голан в обмен на полный мир. Иначе Асад утратит интерес к переговорам. На первых этапах — при возможной минимальной корректировке границ — следует сосредоточиться на мерах доверия и разработке системы безопасности.

Барак выразил надежду, что Россия смогла бы убедить Асада в серьёзном настрое Израиля на мир с Сирией. Надежд этих я не разделял, но согласно покивал головой.

Пытался выведать тайну орденовских лент, но Барак не поддавался...

.....
Культура в марте. Выставка художника Эдуарда Хорошего. Действительно, хорошо. — «Кармен-сюита». Без Плисецкой. И ничего. — Израильский балет. Полный...модерн. Без музыки. Движения и краски. — Пели Никитины. — Дирижировал Темирканов. — Олимовская самодеятельность в Холоне. Почему-то с детства люблю самодеятельность. В детском саду в «Колобке» играл медведя.

АПРЕЛЬ-94

Палестинские камикадзе — Рабин в Москве

В апреле произошло два важных события. Внешняя политика: Рабин посетил Россию. Внутренняя политика: открылся купальный сезон (он продолжается с 12 апреля до 3 октября).

Но если по порядку, то 4 апреля мы встречали Посувалюка. Пыль после визита Козырева уже осела. О приезде Виктора Викторовича мы знали заранее. Так что все шло спокойно и размеренно.

Были у Рабина и у Переса. Главная тема — приближающийся (24 — 27 апреля) визит Рабина. Посетили американского посла. Поговорили о мирном процессе и о коспонсорстве.

В свободное время немножко посплетничали. Посувалюк признался, что он «ошибся» в Чистякове, уж слишком «самоменения» много. Иванов хорош, но уж больно «работоголик».

Сочинил стих:

Одесский дюк
Всегда на месте.
Посувалюк
Всегда в отъезде.
Одесский дюк
Железно твёрд.
Посувалюк
Калачно тёрт.
Нет, не видать
Евреям дюка —
Прислали им
Посувалюка.

.....
Посувалюк улетел 5-го, а 6 апреля прогремел взрыв в Афуле. Самоубийца взорвал себя в автобусе. 8 убитых, 52 раненых. Палестинцы начали расплату за Хеврон. Потом взрывы — в других местах и другой мощности — повторялись. По моим, возможно, не совсем точным подсчетам, с апреля 1994 года по апрель 1996 года палестинские камикадзе (самоубийцы) совершили 11 террористических актов. Погибло 123 человека, ранено более пятисот.

С каждым взрывом росло недоверие к Арафату и, соответственно, к правительству, которое продолжало разговаривать с Арафатом. Формула «жертвы мира» годилась для политиков, но не принималась потенциальными жертвами.

.....
19 апреля посетил Рабина. Последние предотъездные хлопоты. Всё ещё не могли договориться по Иерусалиму. Никак не вырисовывался режим наибольшего благоприятствования. «В принципе» израильтяне не возражали. Но, опасаясь демпинга, то есть потока дешёвых товаров из России, оснащали текст всякого рода оговорками. Мы же пытались эти оговорки минимизировать. Пока не получалось.

.....
21 апреля улетел в Москву. 24-го торжественно встречали Рабина. Ковёр у трапа. Почётный караул. Рапорт. Оркестр. Мотоциклы со всех сторон. Уж чего-чего, а встречать и провожать мы умеем.

Череда встреч: В.С.Черномырдин, И.П.Рыбкин, В.Ф.Шумейко, Б.Н.Ельцин, А.В.Козырев, П.С.Грачев. Официальные переговоры шли, как и положено, чинно, без углубления в конкретику, с аккуратным сглаживанием острых углов.

Рабин подчёркивал опасность терроризма и исламского фундаментализма, предостерегал против ядерных амбиций Ирана, выражал обеспокоенность свободой антисемитизма в России, возражал против вооружения Сирии. Все обратили внимание на то, что часовой разговор с министром обороны Грачёвым Рабин провёл без своего официального переводчика, воспользовавшись услугами военного атташе Михаила Штиглица. Сплошные секреты...

Напряжённая работа шла за кулисами: Зина Кляйтман и Виктор Юрьевич Смирнов шлифовали и готовили к подписи тексты семи соглашений. Справились с этим делом блестяще! Именно с восклицательным знаком.

Были подписаны соглашения о научно-техническом сотрудничестве, о сотрудничестве в областях агропромышленного комплекса, туризма, культуры и образования, здравоохранения и медицинской науки, торговли и экономического сотрудничества и соглашение об избежании двойного налогообложения. Это была солидная правовая база для сотрудничества. Но кроме базы необходимы ещё желание и воля. Тут был дефицит с обеих сторон. Не до этого им было. Однако соглашения существуют, и, я надеюсь, когда-нибудь они наполнятся живой, плотной материей.

Непременный Большой театр. Царская ложа. Мрачный охранник, смачно жующий жвачку и очень удивившийся, когда я предложил ему прервать этот процесс. «Жизнь за царя» в полном, трёхчасовом

варианте. И в полном великолепии массовых сцен. Рабин выдержал до конца.

Прокол на официальном обеде. Подавали чёрную икру и осетрину. Евреям это есть не положено. Подали мороженое, что после мяса тоже запрещено. Хорошо, хоть поросёнка не было. Сидевший рядом со мной Э. Рубинштейн задумчиво жевал помидоры...

В киноконцертном зале «Россия» состоялся концерт с участием израильских артистов. Перед концертом выступил Рабин. Это была не столько политическая, сколько человеческая речь. «В известной степени я и мои товарищи, которые прибыли со мной из Израиля, — сказал Рабин, — чувствуем себя здесь почти как дома. Природа, звуки, запахи знакомы нам. Здесь, в великой России, мечтали первопроходцы о Сионе и Иерусалиме, здесь были заложены камни в фундамент Государства Израиль, здесь зародилась мечта, здесь возникла наша новая культура, здесь наши великие поэты слагали стихи. Здесь родились наши лидеры, которые вели наш народ десятки лет. И отсюда они вышли, чтобы вернуться на землю отцов, на ту землю, с которой мы были изгнаны две тысячи лет назад. Первые шаги — политические, культурные — на долгом пути к Государству Израиль были сделаны здесь. И в эти три дня, в течение которых я находился здесь с вами, перед моим мысленным взором прошли картины и образы, хорошо знакомые мне по книгам и рассказам домашних. В конечном счёте и мои деды, и отец, и мать родились здесь, среди этого великого народа — народа, породившего многих тиранов, но также и величайших деятелей искусства и культуры, гениев духа». Битком набитый зал (все евреи Москвы) был взволнован. Но без ложки дёгтя не обошлось. Во время выступления премьера из зала раздались крики: «Предатель! Предатель!» Кричал известный в Израиле экстремист. Его быстро вывели.

А концерт был хороший.

27-го утром Рабин улетел в Санкт-Петербург и вечером оттуда — в Израиль.

Я на несколько дней остался в Москве, чтобы обойти начальство и постараться решить накопившиеся посольские дела. Обошёл. Кое-что решил.

В российских СМИ о визите Рабина забыли на следующий день. Наши СМИ теперь специализируются на интригах, склоках и скандалах. Но человек, похожий на Рабина, нигде не засветился. Так о чём говорить? В Израиле обсуждали итоги визита несколько дней. Спорили: а зачем всё-таки летал премьер в Москву? Соглашения — это как-то скучно, буднично. Личное знакомство? Без него можно обойтись. Информировать русских о позициях Израиля? Так это посол может сделать. Скептики так и не нашли ответ...

Но ведь не все скептики. Редакционная «Вестей» называлась «Исторический визит». Таким он и был. Первый визит премьер-министра Государства Израиль на нашу землю.

.....
Очередное интервью, опять с Инной Стессель в «Новостях недели». Слаб человек. Не могу не привести хоть часть панегирика. «Его сегодняшний статус — «чрезвычайный посол». Коллеги, читатели, телезрители всегда воспринимали его как «чрезвычайного» журналиста.

«Чрезвычайность» — наверное, ключевое слово, которым в какой-то мере можно определить личность этого человека.

В юности нам представляется, что мир заполнен самобытными, выдающимися людьми, а если таковых не заметно в нашем окружении, то причина в нашей персональной невезучести. И только с годами понимаешь, что прекраснотушное утверждение поэта «людей неинтересных в мире нет» — весьма плоская правда. Конечно, в каком-то очень общем смысле все мы примечательны, каждый по-своему, но блистательных личностей поразительно мало. Мало до такой степени, что относиться к ним нужно было бы куда с большей бережностью, чем мы подчас это делаем...

Александр Евгеньевич Бовин — человек «чрезвычайный». Абсолютно ни на кого не похожий, никого не напоминающий... Разве только внешне — Портоса и Д'Артаньяна одновременно.

И неугасающий к нему интерес в России, в Израиле, на Луне, если там всё же есть жизнь и Бовина уполномочат налаживать межпланетные отношения, предопределён этой его особостью, отдельностью...

На Луне, к счастью, жизни нет. И поэтому читатель вынужден знакомиться с интервью, которые я давал на Земле.

«— Прошло два года с тех пор, как с лёгкой руки бывшего министра иностранных дел Бориса Панкина вы стали послом в Израиле. Что, на ваш взгляд, существенного произошло в отношениях между нашими странами в этот период?»

— Самое «существенное» в отношениях между Россией и Израилем за последние два года это, пожалуй, само существование, само развитие этих отношений, постепенное узнавание друг друга и ещё более постепенное наращивание доверия друг к другу.

К существенным, но уже частностям, я бы отнёс и то, что в Израиле, кажется, начинают понимать: в России... сохранится солидная еврейская община со своей интенсивной и интересной жизнью. Когда это поймёт ещё и Сохнут, то в его бурной деятельности, надеюсь, станут заметны такт и деликатность, существенно необходимые вообще, а тем более ежели такая деятельность осуществляется в суверенном государстве...

— На протяжении десятилетий вы достаточно тонко и точно предвидели развитие многих политических событий, в том числе и в нашем регионе. Корректно ли будет попросить вас — посла России в Израиле — высказать вашу оценку по поводу перспектив мирного процесса?

— Будет корректно. Нет плохих вопросов — есть плохие ответы.

Относительно перспектив надо условиться о терминах. Если мыслить в категориях «Gaza — Jericho First», то — несмотря на все кризисы и срывы — мирный процесс уже прошёл точку возврата. Будет «First», будет и «Second». При том, разумеется, условии, что не произойдёт смена главных действующих лиц.

— Что вы имеете в виду?

— По понятным причинам я бы не хотел давать строгий политический анализ ситуации. Но если не строго, если «фигурально», то представьте себе: генерал Шарон вкупе с генералом Эйтаном одолеют генерала Рабина...

Я обязан держать в голове все «опции», как бы я к ним ни относился.

Но вернёмся в главное русло нашей беседы. Если иметь в виду «прочный, всеобъемлющий, справедливый» мир, предполагающий разрушение стены ненависти, которая разделяет арабов и евреев, то такая перспектива лежит за пределами видимого (мною) горизонта.

— Нет ли у вас ощущения, что человечество исчерпало какие-то духовные ресурсы, и то, что происходит в мире, следствие завершенности генотипа.

— Насчёт генотипа я не силён. Как и насчёт, простите, фенотипа.

Что же касается духовных ресурсов, то «человечество» их исчерпывало неоднократно. Вспомним хотя бы: «Всё — суета и томление духа». Возможно, в конце XX века наступил N-й период томления духа. Но, во-первых, в него погружено далеко не всё человечество. А, во-вторых, я глубочайшим образом убеждён, что человечество (на этот раз всё человечество) только-только подошло к рубежу, за которым (если человечество уцелеет, переступит его) как раз и начинается подлинная история духа во всех его ипостасях — мысль и чувство, сознательное и бессознательное, логика и психология.

— Насколько я знаю, вы внимательно вчитываетесь в Тору. Прибавило ли еврейское учение что-либо существенное к вашим знаниям о сути бытия?

— Да, я действительно, как и положено, читаю в неделю одну главу Торы. Но не потому, что я хочу вникнуть в «еврейское учение». Я просто не знаю, что это такое. И не потому, что я стремлюсь познать «суть бытия». Ибо у бытия нет «сути». Или, если угодно, есть дурная бесконечность «судей». И опять же не потому, что хочу постигнуть мудрость Всевышнего. Я — атеист. Меня не устраивает и в

чём-то даже оскорбляет религиозный способ объяснения и упорядочения мира. И для меня нет Бога кроме Человека, и нет пророка кроме него.

Я читаю, точнее, — штудирую Тору, чтобы попробовать понять (не уверен, что мне это удастся) ту духовную субстанцию, которая позволила евреям пройти сквозь тысячелетия и которая не могла не сказаться на строе их мыслей и чувств. Есть тут и «чистая» любознательность, есть и практический интерес: посол обязан как можно лучше понимать менталитет людей, с которыми он имеет дело.

Правда, по моим здешним наблюдениям, пути, которые указаны в Торе, и пути, по которым движется реальная жизнь реальных евреев, имеют тенденцию расходиться. Но, возможно, мои наблюдения поверхностны...

— *Какое впечатление на вас производит новая российская действительность?*

— «Новую российскую действительность» вижу по телевизору. Пока не вдохновляет. Когда-то Ницше заметил: «Мир вращается не вокруг творцов нового шума, а вокруг творцов нового смысла». Боюсь, что в России пока больше первых, чем вторых.

Но есть и более оптимистические слова Гоголя: «Бывают времена, когда невозможно устремить общество... к прекрасному, пока не покажешь ему всю глубину его настоящей мерзости». Если так, то нам пора устремляться...

— *Воспринимаете ли вы триумф Жириновского как заурядный факт нынешней запутанной политической жизни? Или в этом неожиданном взлёте вы усматриваете достоевщину в русском характере? Мол, если всё идёт плохо, то пусть уже будет до конца плохо.*

— Факт незаурядный, но «достоевщина» тут ни при чём. Людям, многим людям плохо, очень плохо. Они, если использовать слова Брюсова, «выброшены в невероятность». Они разуверились во власть предрежащих. Голоса, отданные за Жириновского (или за Зюганова), это форма протеста. Это желание из «плохо» сделать «хорошо».

Но Жириновский по всем параметрам не дотягивает до политического лидера. И поэтому у него нет будущего.

— *А вдруг есть? Вдруг всё-таки есть?*

— Тогда я повторю уже знаменитые слова Мираба Мамардашвили: «Если мой народ проголосует за Гамсахурдиа, я буду против моего народа»...

— *В Израиль приезжают постоянно актёры, учёные, общественные и политические деятели России. Со многими из них вы прежде были знакомы достаточно хорошо. У вас нет чувства, что они как-то резко изменились?*

— В общем такого чувства нет. Тот, кто был человеком тогда, остался человеком и теперь. Но, с другой стороны, только дураки не изменяются. Если изменения — результат трудной душевной работы, сознательной и часто мучительной переоценки ценностей, то такие изменения — благо, их можно только приветствовать.

А есть изменения конъюнктурные, приспособительные. Так меняются, как правило, люди мелкого калибра, которые обязательно хотят «соответствовать», хотят раскрасить себя под цвета окружающей среды...

— *Вашему внуку Макару Сергеевичу четыре (!) года. У вас хватает воображения представить мир, в котором он будет жить?*

— Особого воображения не нужно. Мир, в котором предстоит жить Макару Сергеевичу (ему 14 апреля исполнилось 5 лет), всё ещё не будет принципиально отличаться от нашего. Чего-то будет больше, чего-то меньше, что-то будет лучше, что-то хуже. Но базисные принципы «цивилизации» останутся те же.

Френсис Фукуяма фундаментально ошибся. Конец той истории, которую мы знаем, ещё не наступил и, думаю, наступит не скоро. Вот когда он наступит, когда начнётся новая история, тогда... Но тут как раз воображение отказывает».

.....
Культура в апреле. Концерт индийской музыки и танца. Скучно. Сидел в первом ряду и боролся со сном. — Играли Мендельсона. Слишком изящно. — Израильский балет «Анафора». Много Африки и страсти.

МАЙ-94

*Соглашение «Газа—Иерихон» — Венчание А.Б.Пугачевой
и Ф.Б.Киркорова — Нашествие блох — «Нищим тут не подают...»*

Если не считать венчание Аллы Борисовны Пугачёвой и Филиппа Бедросовича Киркорова, то главным событием месяца явилось подписание соглашения «Газа — Иерихон».

Соглашение «Газа — Иерихон» было подписано 4 мая в Каире. Первоначально было решено подписать его к 13 декабря 1993 года. Так записано в Декларации о принципах. Но в срок не уложились. Основной набор документов был парафирован в середине февраля. Потом ещё спорили два с половиной месяца. И вот пришли к финишу. Кстати, в день рождения Мубарака, ему исполнялось 66 лет.

Подписание было назначено на 11.30 во Дворце Конгрессов. К этому времени на сцене появились главные действующие лица Рабин, Перес и Арафат, хозяин церемонии — Мубарак и два «коспонсора» — Кристофер и Козырев. Рабин и Арафат начали — документ за документом — подписывать бумаги. И вдруг (я наблюдал за этим священнодействием по телевизору) возникла какая-то заминка. Все стали бегать вокруг Арафата. Было непонятно — в чём же дело.

Выяснилось позже. Оказывается, Арафат, вопреки достигнутой накануне договорённости и не сказав никому ни слова, не стал подписывать карты, обозначающие границы автономии в районе Иерихона. Прямо на сцене начался торг, который продолжался около часа. Арафата уламывали и Мубарак, и Кристофер, и Козырев. Скандал был первоклассный! И прекрасный материал для тех, кто занимается «арафатологией». Наконец, Арафат сменил гнев на милость. Процедура подписания была завершена.

«В этот час, — сказал Рабин после подписания соглашения, — я обращаюсь к сынам палестинского народа:

Палестинские соседи! Сто лет крови посеяли среди нас взаимную вражду¹. Сто лет вы покушались на нашу жизнь, а мы — на вашу. Мы

¹ Говоря «сто лет», Рабин ведёт отсчёт от зимы 1889 года, когда палестинцы убили кузнеца Авраама Яловского.

убивали вас, вы убивали нас. Тысячи ваших могил, тысячи наших могил покрывают горы и долины. Это — печальные вехи нашей и вашей истории. Сегодня и мы, и вы протягиваем руки к миру. Сегодня мы начинаем отсчёт дней новой эры. Народ Израиля ожидает, что вы его не разочаруете. Дайте расцвести новой надежде.

Нелегко забыть прошлое, но мы попробуем преодолеть препятствия, чтобы высветить новую, особенную, историческую возможность, которая никогда больше не представится. Мы должны начать другую жизнь — жизнь без боли, без страха, без ненависти, без испуганных детских глаз. Жизнь, в которой мы построим дома, посадим виноградники и будем жить до старости — по соседству друг с другом. Мы встанем завтра, и это будет утро нового дня в новом будущем для наших детей. Ради них нам приходилось воевать, и ради них необходимо достичь мира».

Так говорил Рабин, и я верю, что он так думал.

Соглашение, которое было подписано 4 мая, — весьма внушительный по размерам документ. В нём около 200 страниц. В них входят четыре приложения, в том числе — Протокол о выводе израильских войск, а также шесть карт, одна из которых и ввела в искушение Арафата.

Суть: израильские войска выходят из сектора Газы и Иерихона и заменяются палестинскими полицейскими (не более 9 тысяч человек). Создаются органы временного самоуправления. В сфере ответственности Израиля остаются вопросы обороны, внешней и внутренней безопасности, внешней политики, безопасности израильских поселений и граждан. Начиная с 4 мая 1994 года начинается пятилетний переходный период, в рамках которого должны быть найдены «окончательные решения».

Экстремисты в обоих лагерях встретили соглашение в штыки. Лидеры Хамаса объявили в секторе Газы двухдневный траур и призвали население поднять над домами чёрные флаги¹. «Объединение раввинов в защиту Эрец-Исраэль» заявило: «Всякий, кто имеет возможность воспрепятствовать реализации соглашения с ООП и не делает этого, нарушает библейскую заповедь “не стой над кровью ближнего твоего”». В статье «Радость побеждённых» генерал Шарон писал: «Слабое еврейское правительство сильного победившего народа сдалось без всякой видимой причины на милость палестинской террористической организации. Это была безоговорочная капитуляция... Это не только политическая капитуляция. Это капитуляция столетней идео-

¹ В Израиле мне неоднократно приходилось читать о том, что Хамас вырос из просветительских мусульманских организаций, создание которых поощрялось израильтянами в противовес Арафату.

логии, капитуляция оборонной доктрины. Теперь — впервые в истории — безопасность израильского народа отдана на откуп палестинской террористической организации».

Кнессет одобрил соглашение. 18 мая израильские войска покинули территорию автономии.

10 мая в посольство обратилась Алла Пугачёва. Они с Филиппом решили венчаться в Иерусалиме, в соборе Святой Троицы. Однако для этого нужно было получить благословение Патриарха. Поручил 2-му секретарю Дмитрию Смирнову решить эту задачу. 12 мая благословение было получено. Венчание состоялось 14-го. В церковь я не пошел. Но вместе с дочкой приехал на свадебный обед, который состоялся недалеко от Иерусалима в арабском городке Абу-Гош в арабском же ресторане (еврейские рестораны не работали по случаю праздника Шавуот). Народу было немного. Поскольку Алла Борисовна находилась в периоде полной трезвости, то и веселья было немного.

Закончила свою деятельность комиссия, которая — после всякого рода ремонтных, наладочных, отделочных и прочих работ — проверяла здание посольства с точки зрения безопасности, готовности для развёртывания шифротехники, приёма дипкурьеров. Комиссия осталась довольна. Здание было принято с оценкой «хорошо».

Напасть пришла с неожиданной стороны. Нас атаковали блохи. Они гнездились в технической вате, которой было полно в подвале в связи с упомянутыми выше работами. И оттуда стали распространяться по посольству. Это было испытанием для нового завхоза Александра Ивановича Дмитриева. Испытание он выдержал. Не выдержали блохи.

Завхоз — важный человек в посольстве. У Дмитриева уже был опыт работы за границей. Дело он знал. В порядке профилактики я сформулировал две заповеди: не воруй и вовремя списывай. Он отнёсся к ним с пониманием. Иногда грешил резкостью, бестактностью в обращении с коллегами. Но поддавался воспитанию. И главное — умел безукоризненно подсчитывать расходы на представительские мероприятия...

В конце мая снова появился Посувалюк. До этого он был в Дамаске и Аммане. Из его впечатлений. Асад — на вулкане. Ибо армия против мира, поскольку мир означает сокращение армии, сокращение расходов на армию и сокращение влияния армии. Король — тоже на вулкане. Ибо его премьер — за палестинцев, а его двор (бедуинская знать) — против.

Были у Рабина и у Бейлина. Разговоры вертелись вокруг Каира. Бейлин — оптимист. Рабин выглядел усталым и встревоженным.

Обсудили проблему ратификации подписанных в Москве соглашений. В Израиле это делает правительство. У нас — Дума, что сложнее.

Рабин опроверг слухи о том, что израильтяне передали сирийцам вариант расшивки голанского узла. Бумагу такую подготовили американцы и на свой страх и риск передали Асаду. По словам премьера, Асад никак не отреагировал.

Бумагу эту я видел. Это был поэтапный план ухода Израиля с Голан параллельно с продвижением процесса нормализации отношений, реализацией мер доверия. В общем это совпадало с тем, например, что мне говорили в Иерусалиме. Так что роли были распределены: американцы зондировали, израильтяне выжидали.

Посетили Хусейни в «Ориент хаусе». Он довольно кисло говорил о соглашении. Предсказывал трудности, с которыми столкнётся Арафат, прибыв из Туниса в Газу.

Поехали в Иерихон. Там уже хозяйничали brave палестинские генералы. Обустраивались. Все солдаты, то есть полицейские, — с «Калашниковыми». Некоторые говорят по-русски — у нас учились. Подарили мне форменный красный берет. Ну, просто «братание» получилось...

.....
Поскольку в России дыхание рынка, ощущение безответственности коснулись армейских запасов оружия и военной техники, то в воздухе витали идеи миллиардных проектов. И меня одолевали. Приходилось сопротивляться.

Живописный пример. Получаю из Москвы (от людей мне известных) факс с могучими предложениями для группы Айзенберга. Москвичи рвутся в Израиль. Айзенберг, пишут они, должен взять на себя «следующие обязательства»: финансировать прилёт в Израиль четырёх человек на трое суток (четыре авиабилета первым классом «туда — обратно», все виды страховки, включая медицинскую, проживание и питание в отелях «Шератон» или «Хилтон», предоставление автомобиля). Чтобы определиться со сроками, просили уточнить, когда Айзенберг будет в Израиле.

Мой ответ был чрезвычайно лаконичен:

- «1. Айзенберг будет в Израиле после 15-го июня.
2. Если изложить ему ваши условия, значит погубить дело на корню. Нищим тут не подают».

Адресат рассердился. Позвонил. Учти, сказал, положу твой факс на стол президента. Клади, ответил я. С тех пор мы не встречались.

.....
31 мая разговаривал с Бейлиным. С Сирией — тупик, констатировал он. Асад упёрся. Он так заангажировался непримиримыми заявле-

ниями, что ему невозможно отступить ни на йоту. «Слабое место» — Иордания. Король маневрирует, но, по нашим сведениям, склонен идти на соглашение. Так что будем жать в этом направлении.

.....

Культура в мае. Пела Пугачёва. Ещё не обвенчанная, но, как всегда, увенчанная овацией. — Танцевала Плисецкая. Жалко её. — «Турандот» в современной постановке. Кто ставил, не записал и не помню. — Люба Успенская в «Богеме». На Брайтон-бич она выглядела натуральней. — Великолепный ансамбль Вирского из Киева. Хорошо, что танцевать на «ридной мове» нельзя. — В Безр-Шеве слушали Агеева. Потом толковали. Трудно ему живётся.

ИЮНЬ-94

В отпуске — Квартира для партизана — Школьные дела

3 июня ушёл в отпуск. Решил остаться в Савьоне. Потому что приехал внук, Макар Сергеевич. Ему здесь хорошо. И сад, и бассейн, и поездить можно, — дедушка всё же начальник.

Сдал дела Носенко. Категорически запретил «советоваться» со мной по каким-либо посольским делам.

Звонил Посувалюк. Колоколов, сообщил, «взвился». Почему это Бовин написал «ухожу в отпуск», а не «прошу согласия»? Покаялся. Век живи — век учись.

Отпуск проводил по трём «трекам».

Во-первых, общался с Макаром Сергеевичем. Даже на роскошном лайнере «Принцесса Виктория» совершили путешествие. Были в Порт-Саиде и на Кипре. Купались в том самом месте, где Афродита выходила из моря.

Во-вторых, читал. Составил список: Шлессинджер «Цели американской истории», Шпенглер «Закат Европы», 2-й том, Свирский трилогия «Ветка Палестины» (будучи в Союзе, Свирский боролся с нашими порядками, а когда оказался в Израиле, стал непримиримым критиком порядков израильских, что и отражено в его романах), Галеви «Жизнь Фридриха Ницше». Управился за месяц, но иссяк на третьем томе Свирского.

В-третьих, продолжал лечить ногу. Как раз год исполнился. Уж кто только не пользовал меня. И «светила», и те, кто не светит, но, возможно, греет. Израильская медицина не теряла надежду... Хотя я иногда был на грани потери таковой.

Из отпускных дел запомнился вечер со знаменитым колдуном Юрием Лонго. Ужинали с ним в Савьоне. Просил его что-нибудь сотворить. Маленькое, но простое, очевидное чудо, для посрамления скептиков. Но как-то не получилось...

.....
Находясь в отпуске, продолжал заниматься делами друзей. В частности, выбиванием квартиры для Леонида Беренштейна, о чём я уже упоминал. Сочинил письмо министру абсорбции.

«Уважаемый г-н Цабан!

Поскольку я беру на себя смелость вмешаться в сугубо внутренние дела Израиля, прошу рассматривать данное послание не как письмо посла, а как частное письмо частного человека.

Теперь — о сути дела.

Речь идёт о моём давнем и хорошем друге Леониде Беренштейне. Личность легендарная. Командир известного партизанского отряда, воевавшего на территориях Украины, Польши, Венгрии и Чехословакии. Был схвачен гестапо и приговорён к смертной казни. К счастью, партизаны смогли вырвать его из камеры смертников. Именно он обнаружил в Польше тайные установки первых немецких ФАУ и сообщил их координаты советской авиации. И т.д., и т.п.

Наряду с другими операциями отряд Л.Беренштейна участвовал в разгроме правонационалистического движения бандеровцев. В нынешней Украине определённые и влиятельные силы рассматривают борьбу с бандами С.Бандеры как антипатриотические акции, как предательство. Беренштейну стали угрожать. И вот в конце прошлого года с женой (тоже — партизанка) он репатриировался в Израиль.

Для 73-летнего человека, для инвалида войны, как Вы понимаете, абсорбция — дело нелёгкое. И среди многих больших и малых проблем самая главная, самая больная — это квартира. Жить на съёмной квартире для него слишком дорого. Да и потом угнетают неопределённость, неустойчивость, зависимость от настроения хозяина — хочет, продлит договор, не хочет, катись на все четыре стороны.

В общем, дорогой министр, я обращаюсь к Вам с личной просьбой — помочь Л.Беренштейну получить амидаровскую квартиру. Понимаю, что формально не имею права обращаться к Вам с такой просьбой. Понимаю, что Вы имеете полное право отказать мне. И всё-таки надеюсь на Вашу чуткость. Случай нестандартный, и он допускает нестандартные решения.

По словам Леонида, он разговаривал с заместителем мэра Ашдода Шимоном Кацнельсоном (08 55-99-94). Г-н Кацнельсон сказал ему, что в принципе вопрос можно было бы решить, но нужен звонок от «начальника распределения квартир» министерства абсорбции. Разумеется, Л.Беренштейн согласен и на другие варианты.

Прошу Вас, уважаемый г-н Цабан, извинить меня за то, что я добавляю ещё одну заботу к 1001 заботе, в которые Вы ежедневно погружены. Но очень хочется помочь хорошему человеку.

Заранее признателен за ответ».

Красноречие принесло плоды. Но очень не сразу.

И ещё одно дело, по поводу которого хорошо размышлялось на досуге — как, где и за чей счёт учить наших детей. Я застал такой порядок:

дети учились в местных школах — английской и французской; оплачивало консульство за счёт 15-процентного фонда, который формировался из сверхплановых поступлений за консульские услуги.

Мы решили сохранить этот порядок.

Но потом начальство спохватилось. И запретило оплачивать учёбу за счёт 15-процентного фонда. Началась длительная переписка с МИДом. Традиционный вариант — создание школы при посольстве, с учителями из Москвы. Мне этот вариант для наших условий — детей не так много — казался неразумным. Пришлют двух учителей, и те будут учить по всем предметам. К тому же местные школы дают язык, расширяют общение со сверстниками.

Число детей росло — проблема обострялась. Я решил искать спонсоров. Когда в Израиле появлялись знатные и богатые гости из России, пытался уговорить их дать денег для обучения детей. Примерно из десяти обращений одно давало результат.

Приезжает, например, Лужков. Агитирую его. Ключёт. Пиши, говорит, бумагу. Пишу:

«Уважаемый Юрий Михайлович!

Ещё раз позволю себе обратить Ваше внимание на вопрос, который волнует работников посольства. У нас 31 ребёнок школьного возраста (от 6 до 15 лет). Они учатся в местных школах. Обучение одного ученика в год обходится примерно в 2000 долларов. МИД, к сожалению, денег на школу не даёт. Пока выручали добрые (и богатые) люди. А сейчас финансы иссякают.

Не могли бы вы помочь нам? 50-60 тысяч долларов сделали бы нашу жизнь спокойнее. Понимаю, что всё это — вне сферы Ваших обязанностей, непосредственных интересов. И всё же не теряю надежды, что Вы поможете москвичам, оказавшимся за рубежом.

С удовольствием вспоминаю наши встречи на Земле Обетованной. Приезжайте ещё».

Выручил Юрий Михайлович, прислал 50 тысяч. Раньше бы сказали: «Так поступают советские люди!» В общем, мэр Москвы и тут оказался на высоте.

А вот наезды на министра связи В.Б.Булгака или на президента «Столичного банка сбережений» А.П.Смоленского не дали результатов. А ведь обещали...

Не очень было приятно выпрашивать вспомоществование, но не было другого выхода. И ни на кого другого я не мог переложить эту функцию.

Продолжалась переписка с МИДом. Я пытался доказать, что вариант с присылкой даже двух-трёх учителей обойдётся гораздо дороже, чем оплата обучения в местных школах. Подчёркивал, что мы не просим увеличения бюджетных ассигнований, так как будем платить из

средств, которые даёт консульское обслуживание населения. Обращался даже к министру финансов С.К.Дубинину. Министр молчал, МИД отказывал.

Надвигалась и другая проблема. Дети выросли. А в старших классах программы местных школ существенно отличались от наших. Отличались в худшую сторону. Кстати, по доле государственных расходов на образование от общей суммы ВВП Израиль в 1995 году занимал второе место в мире (8,4%). Впереди была только Дания (8,8%). Но количество, видимо, не всегда переходит в качество.

Стали искать решение. Нашли. За те же спонсорские деньги (они лежали на специальном «детском» счёте, который мы тайно — от МИДа — открыли в банке) мы арендовали помещение и пригласили первоклассных «русских» учителей, которых много в Израиле. Школа была открыта для детей из других посольств и просто «с улицы». Наши дети учились бесплатно. Остальные — за умеренную плату, которая тоже шла на содержание школы. Однако для выдачи аттестатов мы были вынуждены приглашать директора школы из Каира.

Мы предложили МИДу на уже созданной базе официально учредить при посольстве неполную среднюю общеобразовательную школу (с 1 по 9 класс) с последующим выходом на одиннадцатилетку. В апреле 1997 года был объявлен набор в эту школу. Открылась она уже после моего отъезда...

Вспоминая о школьных заботах, не могу не выразить признательность Дмитрию Анатольевичу Смирнову и Александру Александровичу Полипову, которые тратили время и нервы на решение массы текущих проблем.

.....
Культура в июне. Камерный оркестр исполнял Пуленка. Интересные звуки. — Начала действовать «Русская антреприза» Козакова. С нажимом на завлекательность сюжета. — В Иерусалиме объявились бразильские музыканты. Не джаз, но рядом. Слушал с удовольствием.

ИЮЛЬ-94

*Арафат въезжает в Газу —
— Послы: Хаим Бар-Лев и Ализа Шенар*

Мой отпуск продолжался до 19 июля. Но события захлёстывали его.

1 июля состоялось торжественное появление Арафата в Газе. По плану церемониала Арафат должен был какую-то часть пути к своей резиденции пройти пешком. Но напирающая ликующая толпа смела все планы. И чтобы она на радостях не смела своего вождя, его срочно усадили в лимузин. Начиналась новая глава истории Газы.

Слово «Газа» используется в двух смыслах. Им обозначают «сектор Газы», то есть узкую, небольшую (362 кв. км) прибрежную полосу земли на юге Израиля, граничащую с Египтом. Им обозначают и город Газа, так сказать, столицу сектора. Так что следите за контекстом.

У Газы бурная история. Земля эта лежала на перекрёстке важных торговых артерий. Через неё перекачивались войны и завоеватели. Упомяну только три имени: Александр Македонский, Помпей, Наполеон. Здесь во времена господства филистимлян (отсюда — Палестина) разворачивалась драма Самсона и Далилы. Еврейские общины как бы пунктиром проходят через всю историю Газы. Но владел ею только царь Давид. Потом — египтяне, а с VII века — мусульмане в разных политических одеждах.

После Войны за Независимость полоса Газы отошла к Египту. 2 ноября 1956 года в ходе Синайской кампании её захватили израильтяне. Но в марте 1957 года в Газе расположились войска ООН. После Шестидневной войны Газа осталась за Израилем.

Вся экономика Газы завязана на Израиль. Ежедневно десятки тысяч арабов отправляются в Израиль на заработки. Своё производство — в основном цитрусовые. Плюс — ремёсла. В городе Газа — огромная скученность населения, бедность, безработица. Около 400 тысяч человек (из общего населения сектора — свыше 700 тысяч) живут в лагерях для беженцев. Очень сильны антиизраильские настроения. В Газе началась интифада. В Газе зародилось экстремистское движение Хамас. Здесь «выращивают» террористов. Не случайно израильтяне именуют Газу «землёй, изрыгающей смерть». Евреи создали несколько поселений, которые чувствуют себя как осаждённые крепости.

Многие израильтяне ощущали Газу как гирю на ногах, как обузу, от которой хорошо бы избавиться. «Я желаю, если бы это было возможно, — заявил, например, Рабин 2 сентября 1992 года, — чтобы Газа погрузилась в море». По мнению одного из молодых лидеров Аводы Хайма Рамона, у Израиля «нет в Газе никаких интересов». В ответ на упреки в том, что он испугался террора, уступает арабскому нажиму, Рамон ответил: «Представьте себе, что вы взвалили на себя тонну железа и кто-то всё время нашёптывает: не бросай груз, а то люди скажут, что ты слаб. Такое мышление — просто глупость...»

Возникает вопрос: почему же не «бросали», почему не уходили? Наверное, потому, что ещё не созрело общественное мнение в Израиле. И, видимо, потому, что проблему Газы можно было решать только в рамках общего урегулирования. Иначе рядом с Израилем появился бы опасный и неконтролируемый очаг терроризма. Соглашение с Арафатом и должно было оградить Израиль от этой опасности.

Таков был общий фон, на котором Арафат появился в Газе. От нашего посольства его встречали советник-посланник Носенко, советник Смирнов и 1-й секретарь Маслов, арабист Божьей милостью, блестящий знаток арабского языка. Вручили Арафату послание из Москвы. Не такой уж частый случай, когда московское яичко поспевало к красному дню.

Моя первая встреча с Арафатом состоялась почти через месяц, 22 июля. Возникла маленькая заковыка. Арафат привык целоваться с «русскими друзьями». Вынужден был остановить его порыв, сообщив свою стандартную, хотя и несколько грубоватую формулу: я целуюсь «только с бабами». Алёша Маслов клялся, что он так и перевёл. Больше поцелуйная проблема не возникала.

Арафат жаловался на скудную финансовую базу. При всей несопоставимости масштабов, — сказал он, — есть некая аналогия между нами и Россией: на словах все обещают помочь, а на деле — помощь минимальна.

По мнению Арафата, израильтяне «тянут» с выполнением каирского соглашения, задерживают передачу административных функций палестинцам. Провокационно ведут себя израильтяне и в вопросе об Иерусалиме. Пригласили туда молиться короля Хусейна. Король — «мой друг и брат», но израильтяне не имеют права приглашать его в Иерусалим. «В Иерусалим могу приглашать только я», — поставил точку Арафат.

По инициативе нашего МИДа был затронут вопрос об организации российского «бюро по связям» при палестинской администрации. Арафат согласился, но сказал, что Газа — временное его пристанище; когда будет проще с транзитом, руководство переместится в Иерихон.

В этой связи присутствовавший на беседе старший советник Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИДа Ш.А.Эфендиев поднял тему российской собственности, которая есть в Иерихоне и которая может быть использована для размещения «бюро по связям». Арафат тут же дал «команду» начальнику своей канцелярии Рамзи Хури заняться этим делом.

Докладывая в Москву о разговоре с Арафатом, я писал, что «раис» выглядел очень усталым. Говорил тихо, медленно (позже нам сказали, что он работает по 18 часов в сутки). Видимо, действует разительный контраст между тем, что окружало Арафата в Тунисе, и Газой — огромном (по здешним меркам) мегаполисе, неустроенном, нищем, грязном, заваленном мусором и нечистотами. Плюс — эскапады хамасовцев, наступающих на самые больные мозоли. Плюс — отсутствие надежной, квалифицированной команды, готовой к решению социально-экономических вопросов. Всё это делает груз, оказавшийся на плечах Арафата, невыносимо тяжёлым. И адаптация к нему, к появившейся ответственности не может не быть мучительной.

В широком историческом плане, полагал я, Арафат отыграл свою роль. Его политическая биография близка к завершению. Но пока она не завершилась, он остаётся одной из ключевых фигур ближневосточного урегулирования. И в нынешней конкретной обстановке — при очевидной необходимости попытаться вычислить тех (или — того), кто придёт на смену, — было бы целесообразно поддержать его, продлить его пребывание в данном качестве. Чтобы быть уверенным, что «точка возврата» пройдена. Как минимум нужно делать то, что обещали. А обещали колёсную бронетехнику для палестинской полиции.

После этого мне много раз приходилось встречаться с Арафатом. Я не испытывал к нему симпатии. Чем-то он внутренне был чужд мне. Но дело есть дело, и я старался делать его хорошо.

.....
Весь июль прошёл в круговерти слухов по поводу назначения нового посла в Москву. Чтобы в них разобраться, надо вспомнить историю.

Профессионального дипломата Арье Левина, который возглавил посольство Израиля после восстановления дипломатических отношений, в сентябре 1992 года сменил Ханн Бар-Лев (родился в 1924 году в Вене, в Палестину приехал вместе с семьёй из Югославии в 1939 году).

Бар-Лев — человек, в Израиле известный. Известный как генерал. Воевал во всех войнах. Хрестоматийной стала его фраза, брошенная накануне Шестидневной войны: «Мы им врежем крепко, быстро и элегантно». Закончил Высшие офицерские курсы в Англии и Колумбийский университет (экономика) в Америке. Руководил военной разведкой. Сменил Рабина на посту начальника Генерального штаба

(1968-1972). Был министром торговли и промышленности и министром полиции. Его хотели направить послом в Индию. Отказался. Но предложение поехать в Москву принял с удовольствием.

Это удовольствие разделяли далеко не все. Значительная часть «элиты» считала, что в столь сложный период Израиль в России должен представлять профессионал. Однако Рабин и Перес приняли другое решение. Не могу судить, как работал Бар-Лев. Знаю, много болел. Это было заметно во время визита Рабина. Сразу после визита посол вернулся в Израиль. Скончался он 7 мая.

Начались пазлы вокруг вакантного места. Общественность требовала профессионала. Заметка из «Джерузалем рипорт» показывает общую картину. «Полным-полно спекуляций на тему: кто вместо покойного Хайма Бар-Лева займёт пост израильского посла в Москве.

Источники в министерстве иностранных дел сообщают, что в свете недавнего критического отчёта государственного контролёра о работе израильского посольства в Москве подумывают о назначении на этот пост профессионального дипломата, а не кого-то там из политической номенклатуры.

Сообщается, что в числе первых кандидатов фигурируют знающий русский язык Йосиф Говрин, в данный момент — посол в Вене, и выходец из России Мирон Гордон — бывший посол в Польше, а ныне начальник Восточноевропейского отдела министерства иностранных дел.

В отчёте госконтролёра говорится, что сообщения о политической ситуации в России, подготавливавшиеся израильским посольством в Москве, были далеко не на уровне. Равным образом отмечалось, что инициативность ряда сотрудников посольства была ниже всякой критики.

Подверглось критике и решение министра иностранных дел Шимона Переса назначить послом в Москве Бар-Лева — человека без всякого опыта в российских делах и не знающего русского языка».

Постепенно разговоры, слухи и сплетни стали концентрироваться вокруг ректора университета в Хайфе Ализы Шенар. Она родилась в Израиле. Родители — из Польши. Служила во флоте. Успешно сделала академическую карьеру. Признанный авторитет в области еврейского фольклора. Автор 10 книг по этой проблематике и трёх поэтических сборников. Доросла до ректора крупного университета. Или — пробила к этой академической вершине. «...Не быть бы ей первой женщиной-ректором израильского университета, — утверждал один из её интервьюеров, — если бы не макиавеллиевская хитрость и не жёсткие локти, необходимые, чтобы выплыть в бурном море университетской политики». Госпожа Шенар говорила, что приёмы и сноровка, отработанные на посту ректора, пригодятся и на посту посла.

Почему Перес выбрал её? Говорят, что министр хотел видеть в Москве человека, не скованного мидовской рутинной, способного раздвинуть границы посольских контактов. По-видимому, она согласна с этим.

«— Журналисты усматривают некоторую «неслучайность» в том, — сказала ей корреспондент московского журнала «Diplomat», — что и российский посол в Израиле г-н Бовин, и вы не являетесь карьерными дипломатами, а принадлежите к творческой интеллигенции. Усматриваете ли вы в этом определённую закономерность в том плане, что личности, искушённые не только в дипломатии, но более всего в науках и искусстве, могут принести на данной стадии наших связей большую пользу в установлении тесных отношений между народами.

— Совершенно верно. Согласна с этой точкой зрения. Г-н Бовин — обаятельный человек, и в моей стране он пользуется большим уважением. У наших двух стран в течение долгих лет не было связей — вот почему было так важно послать в Израиль такого человека, как Бовин, — интеллектуала. Для установления доверия между нашими странами нужен был человек с широким кругозором, такой, как Бовин.

— И такой, как вы, тоже...

— Возможно. Конечно, иногда мне приходится об этом задумываться. Первым послом моей страны в России после долгого перерыва был известный дипломат — Арье Левин. Он лучше других подходил для того, чтобы вести переговоры и закладывать основы наших взаимоотношений. А затем послом был генерал Хаим Бар-Лев, человек, который понимал, что такое война. А потом пришла моя очередь. Я думаю, это означает, что мы будем всерьёз заниматься гуманитарными вопросами, установлением связей, основанных на доверии. Мы прошли через холодную войну, конфронтацию и конфликты. Теперь мы разговариваем, как подобает людям, и снова восстанавливаем доверие между нашими двумя народами».

Я встретился с Ализой Шенар в её кабинете на 28 этаже здания Хайфского университета. Она была элегантна, подтянута, доброжелательна. Произносила русские слова и даже фразы (4-5 часов занятий каждый день). Мило побеседовали.

В чисто человеческом плане г-жа Шенар произвела на меня самое благоприятное впечатление. Хорошо образована. Умна. Энергична. Общительна. С чувством юмора. Но дальше следовали многочисленные «но», которые сводились к тому, что она никогда не занималась ни Россией, ни политикой. Кстати, сама Шенар это прекрасно понимала. Не боги, сказала, горшки обжигают. Она готова принять «вызов судьбы» и достойно ответить на него.

Я понимал, что Шенар — личный выбор Переса. Он имеет так называемую личную политическую квоту — 11 послов и генеральных консулов. И тут никто не властен над ним. Хотя в МИДе переполох (на

рабочем собрании против выступил генеральный директор МИДа Ури Савир). Ропщет уже упоминавшаяся «элита». И, откровенно говоря, мне тоже казалось, что Говрин или Гордон были бы более на месте.

Прямо из Хайфского университета я отправился к Рабину. Не по поводу кандидатуры посла, разумеется. Однако в конце беседы я заметил, что только что имел удовольствие познакомиться с будущим послом Израиля в России. Рабин засмеялся, замахал руками и сказал: «Ради Бога, это не моя проблема...»

На беседе присутствовал заместитель генерального директора МИДа Израиля Й.Шер. Когда мы вышли, он заметил, что последнюю реплику премьера нужно рассматривать в контексте его сложных отношений с Пересом. Независимо от того, как он относится к тому или иному выбору, если этот выбор сделан в пределах квоты, Рабин демонстративно подчёркивает своё «невмешательство».

«Настоящие мидовцы», сказал Шер, скептически относятся к кандидатуре Шенар, но если окончательное решение будет в её пользу, МИД сделает всё возможное, чтобы помочь ей.

Я запросил Москву, не стоит ли в деликатной форме довести до сведения израильского руководства «некоторое недоумение...» МИД не рекомендовал. И, наверное, правильно.

.....
Выйдя на работу, провёл собрание дипломатического состава: инвентаризация проблем — текущих и перспективных.

Почти «вечные», хотя и текущие: активизировать требования о повышении зарплаты, продолжить поиски медстраховки — минимальной по цене и максимальной по эффекту, продолжать теребить МИД относительно денег на обучение детей, и, конечно, нужен «Лютик».

Новая текущая — налаживание рабочих контактов с Арафатом.

Из проблем перспективных обменялись мнениями по поводу возможного, но всё ещё скрытого густым туманом визита Черномырдина. Поговорили о подготовке к празднованию 50-летия Победы. Главное тут — убедить израильское руководство сделать праздник официальным, государственным.

Основательно обсудили положение с перерегистрацией недвижимости. Точнее с её неперерегистрацией. Наметили очередные ходы. Возникли споры вокруг предложения «русского» бизнесмена Анатолия Левина подключить его фирму ко всем перипетиям вокруг перерегистрации.

Суть предложения заключалась в следующем: фирма Левина за свой счёт осуществляет все юридические процедуры, связанные с оформлением земельного участка в Иерусалиме на улице Кинг-Джордж. Этот участок передаётся фирме в долгосрочную аренду. Фирма строит на этом участке два комплекса зданий. Один остаётся за МИДом и

используется им, как он пожелает. Другой эксплуатирует фирма на правах аренды. Все расходы фирмы покрываются за счёт аренды участка и прибылей, получаемых от использования «её» комплекса. Вариант так называемой «компенсационной сделки». В сухом остатке Россия бесплатно получает в центре Иерусалима комплекс зданий.

Мне эта конструкция показалась интересной. Однако оформление соответствующих бумаг выходило за рамки моей компетенции. За дело взялись юристы МИДа. Довольно долго всё это продолжалось. Наконец, 9 октября 1994 года Пастухов и Левин подписали договор.

Левин для меня был и остаётся «человеком, который построил город». Это — не метафора, это — факт.

Насколько я понимаю, в Союзе Анатолий не жаловался на судьбу. Всё, за что он брался, у него получалось. Но жизнь капризна, да и люди капризны. И в декабре 1989 года он оказывается в Израиле. И неожиданно берётся совсем вроде бы не за своё дело. Насмотревшись на беды репатриантов, он решает создать и опробовать «динамическую модель абсорбции». Идея: дешёвые квартиры и рабочие места. Сколачивает строительную амуту (кооператив) «1000 семей» и на пустыре начинает строить город.

28 июня 1994 года я присутствовал на торжественной «презентации» первой очереди нового города Орот. Рядом со мной стояли послы Украины, Беларуси и США. А также президент Сионистского форума Щаранский. Президент Израиля прислал приветственную телеграмму.

Благодарные оротчане (или — оротичи?) прославляли Левина в «Новой газете». Анатолий Левин, утверждали они, «бизнесмен с талантом организатора и смелостью игрока казино. Там, где потерпели неудачу многие другие, он сумел построить город. Левин вышел победителем в борьбе с бюрократией... Он сумел продать людям правду и квартиры, а не мыльные пузыри».

Израиль мал, энергии много. Да и иврит, как Левин ни старался, одолеть он не смог. Так что теперь бизнес делается на просторах России...

Однако, как выяснилось, легче построить город на пустыре, чем дом в центре Иерусалима. Собственность была перерегистрирована только в ноябре 1996 года. Потом начались всякого рода проблемы правового порядка (что можно строить, как можно строить, не загорим ли дороги соседям и т.п.). За неделю до отъезда (8 мая) я собрал строителей. По их мнению, на утряску всех предстроительных вопросов (до «первого ковша») потребуется не менее двух лет. С тем я и уехал....

.....

28 июля состоялась встреча с Рабиным, о которой я уже упоминал. Рабин только что вернулся из Вашингтона и пригласил меня, чтобы рассказать об итогах визита.

Премьер отметил важность встречи с королём Хусейном. Обозначилось, хотя король и сопротивлялся поначалу, заметное продвижение на иорданском треке. 25 июля подписана Декларация о прекращении состояния войны между Иорданией и Израилем (по соглашению, заключённому в апреле 1949 года, были прекращены военные действия, но юридически стороны продолжали оставаться в состоянии войны). Взаимно признаны права друг друга «существовать в безопасных и признанных границах». Израиль согласился с особой ролью Иордании по отношению к статусу исламских святынь в Иерусалиме. Всё это, сказал Рабин, открывает дорогу к заключению полновесного мирного договора. В таком контексте мы готовы к компромиссам и по воде, и по территориям. Важно и то, что переговоры будут вестись здесь. «Зачем летать через Атлантику, если нужно поговорить с соседом?»

На сирийском направлении всё сложнее. Кристофер собирается вновь приехать и давить на Асада. Но Рабин просил Кристофера не торопиться. Нельзя создавать впечатление, что Асад стоит в очереди за Хусейном. Нужна временная дистанция. Ибо «сохранение лица» имеет для Асада особое значение.

Коснувшись палестинской проблематики, премьер сказал: «главная трудность и главная опасность» в том, что Арафат никак не может создать дееспособные структуры в Газе и Иерихоне. «Ведь Арафат на протяжении всей своей жизни никогда не решал вопросы повседневной жизни хотя бы маленького населённого пункта». Палестинцы просят полномочий, но не хотят взять на себя сбор налогов. Они просят международной помощи, но не хотят поставить под международный контроль её использование.

Арафат, заметил Рабин, зря возмущается по поводу Иерусалима. То, о чём мы договаривались с королём Хусейном, касается не политической, а религиозной проблематики. Иордания и после 1967 года контролирует святыни ислама в Иерусалиме. Тут ничего не меняется. Председателем специального комитета Лиги арабских государств по Иерусалиму выбран король Марокко. Вот пусть туда Арафат и обращается...

Много и долго говорил Рабин о терроризме, о необходимости международного сотрудничества в борьбе с ним. Рабин выразил надежду, что Россия как «цивилизованное общество» заинтересована сбить волну терроризма в мире.

.....
В последний день июля пришло указание от Иванова: объявлена война многословию. Предлагалось шифrogramмы для начальства ограничивать полутора страницами. В МИД — не более трёх страниц. И чаще пользоваться факсами.
.....

Культуры не было.

АВГУСТ-94

*Т.А.Карасова — Палестинская хартия —
— Информация из тюбика — Сюрприз Посувалюка —
— Обнажённая натура*

Август прошёл в сплошных разговорах.

1 августа обедал с Кедми. «Давно не виделись, — сказал он, — надо поговорить». Начали с Шенар. Перес ссылается на позитивный опыт Португалии, где посол — тоже «из культуры». Возражение Кедми: «Россия — не Португалия». Я не стал вступать на этот тонкий лёд.

Рабин и Перес договорились. Перес примирился с тем, что его политическая активность кончается в 1996 году, то есть он выходит из игры и перестаёт быть конкурентом Рабина. А Рабин намерен идти дальше. «Команду» он поменяет. На первый план выдвинет Рамона и Барака. Кедми очень высоко оценил потенциал последнего: «тонкий интеллект», «стратегический ум», «отважный солдат», «будущий политический лидер» и даже — «генерал XXI века». Бейлин под вопросом: Рабин ценит его интеллект, но нет личной «привязки».

У меня сложилось впечатление, что Яша был чем-то взволнован, но чем — я так и не смог вычислить.

.....
2 августа в МИДе вместе с 1-м секретарем Т.А.Карасовой обсуждали с заместителем генерального директора У.Бар-Нером вопросы культурного сотрудничества. Опираясь на соглашение, подписанное в Москве Рабиным, МИД приступил к составлению программы культурного сотрудничества на 2-3 года, а также формирует израильскую часть совместной комиссии. Бар-Нер интересовался, готова ли Москва к созыву комиссии и можно ли получить список её российской части. И — какова «конституционная процедура», которая необходима, чтобы соглашение вошло в законную силу. Ответить ему я не мог. Отправил МИДу пять вопросов:

1. Сформирована ли (или формируется) российская часть совместной комиссии?

2. Можно ли (при положительном ответе на предыдущий вопрос) получить соответствующий список?

3. Может ли рассчитывать израильская делегация на приезд в конце сентября?

4. Какова в России упомянутая конституционная процедура?

5. Какие соглашения из подписанных во время визита Рабина уже вступили в законную силу?

Москва ответила тогда, когда даже израильтянам стало ясно, что Москве не до Израиля. А жаль...

Не могу не сказать добрые слова о **Татьяне Анисимовне Карасовой**, которая занималась у нас вопросами культурного сотрудничества. Она была изъята мною из Института востоковедения, где «заведовала» Израилем. Бывала здесь прежде, хорошо знала страну и людей. И работала хорошо. Болела за дело, что бывает не так уж часто. Была уважаема израильтянами и умела находить с ними общий язык.

Когда приезжали важные гости, жаждущие получше узнать Израиль, да ещё и с жёнами, мы бросали Татьяну Анисимовну на этот участок фронта, и она никогда не подводила.

Женщине трудно в мужском коллективе, но она справлялась.

Научилась водить машину. Не помню, уж с какого захода получила права (тут инспектора зверствуют страшно, знал людей, которые заходили по десять с лишним раз, сам три раза пытался, потом — плюнул, в Москве получил). Я даже пробовал через министра транспорта организовать «блат». Да не вышло. Но когда получила, устроили национальный праздник.

Рекомендовал МИДу взять её в кадры. Но что-то там не сложилось.

10 августа в Газе встретился с министром культуры и информации палестинской администрации Ясиром Абд Раббо. Напомнил ему о давней полемике на страницах «Известий». Абд Раббо заявлял тогда, что палестинцы признают факт существования Израиля, но не признают его право на существование. Естественно, я отверг такую постановку вопроса. К моему удивлению, Абд Раббо сказал, что он и сегодня так думает. Я не стал возобновлять спор. Но заметил, что с такой платформой трудно рассчитывать на успех переговоров.

Абд Раббо рассказывал о своих бедах: не хватает школ (занятия ведутся в три смены), нет современных учебных программ, мало учебников и они устарели, отсутствуют учреждения культуры. Но в целом, по его мнению, ситуация в Газе меняется к лучшему. Спадает напряжение, накопившееся за долгие годы оккупации. Два поколения, выросшие в условиях комендантского часа (он продолжался с 19-ти до 5-ти), узнают такие, казалось бы, обыденные вещи, как дружеская вечеринка, да просто прогулка под звёздами. Празднование свадьбы, поход в гости воспринимаются людьми как политическое достижение, событие большого общественного значения.

Обратил внимание на разницу между Арафатом и Абд Раббо. Первый выглядит каким-то унылым, подавленным. Второй же излучает оптимизм, уверенность, надежду.

11 августа был по тревоге вытребован к Арафату. Он поделился впечатлениями о встрече с Рабиным, которая случилась накануне.

Встреча, по оценке Арафата, была «трудной и напряжённой». Израильтяне по всем линиям тормозят, срывают выполнение достигнутых договорённостей.

Затягивают передачу полномочий на Западном берегу. Ссылаются на неспособность палестинцев собирать налоги. Но ведь в Газе и Иерихоне вопрос так не стоял.

Уходят от определения срока проведения выборов на территориях.

Не допускают палестинцев к контролю за пропускными пунктами на границах с Египтом (Рафиях) и Иорданией (мост Алленби).

До сих пор не создан «безопасный коридор» между Газой и Иерихоном, из-за чего он не может ездить из Газы в Иерихон и обратно.

Не соглашаются с тем, что переговоры о статусе святых мест в Иерусалиме следует вести только с палестинцами. «Иерусалим — палестинский город, и не Израилю решать, кто и как будет защищать интересы различных конфессий».

Арафат обратился к российскому коспонсору с просьбой воздействовать на правительство Израиля. «Ситуация чревата взрывом», — заключил Арафат.

Я рекомендовал в «аккуратной форме» поддержать Арафата (за минусом Иерусалима). Его не надо загонять в угол, ибо слишком многое держится на нём и только на нём.

12 августа в книжной лавке Шемы Принц была организована «презентация» русского кваса. Почему в книжной лавке? Дороги бизнеса неисповедимы. Квасные микрофирмы возникали и раньше, но быстро «утрачивали своё существование». По израильским условиям квас не должен быть скоропортящимся. Вроде бы нашли нужную технологию. Теперь дело пошло. Правда, в конечном счете наступление кваса на «кока-колу» не увенчалось успехом. Но проблема крошки была решена — для израильского климата проблема первостепенная.

14 августа в отеле «Шератон» имел обстоятельный разговор с Нетаньяху. Он начал с вопроса: «Как представляет себе Москва позицию Ликуда в мирном процессе?» Ответил, что, на мой взгляд, много эмоций, но мало логики. Не вижу чёткой альтернативы политике Рабина — Переса. Израиль — единственное в мире государство, где территории и люди делятся на две неравные в правовом отношении

части. Это — явная аномалия в конце XX века. И нынешнее правительство намерено избавиться от неё на пути компромиссных решений. А что собирается делать Ликуд?

Нетаньяху предложил рассмотреть «теоретически возможные» варианты.

1. Юридическое включение территорий в Эрец-Исраэль и распространение израильского гражданства на всех жителей территорий. Это — невозможно. Через десяток лет Израиль перестанет быть еврейским государством.

2. Трансфер, то есть выселение всех арабов из Израиля. Можно было бы рискнуть в 1967 году. Сейчас невозможно из-за мирового общественного мнения.

3. Независимое палестинское государство на территориях. Невозможно. Ставится под угрозу безопасность Израиля. Ставится под удар судьба поселений — «авангарда сионизма».

Ликуд предлагает четвёртый вариант. Его компоненты:

А. Газа. Газу надо «списать со счёта». Нам безразлично, что там будет. Хоть «независимое государство». Хоть «египетский вариант».

Б. Западный берег. Вот тут нужна автономия. Но только автономия, не государство. И чем теснее Иордания будет связана с автономией, тем лучше. Рабин, сказал Нетаньяху, готов разыграть «иорданскую карту». Разумеется, поселения остаются, и остаются необходимые для их безопасности израильские войска.

По пунктам «А» и «Б», заметил Нетаньяху, позиции Ликуда и правительства очень близки.

В. Голаны. Здесь оппозиция и правительство далеки друг от друга. У Нетаньяху есть сведения, что на днях Рабин сделает заявление о готовности уйти с Голан. Он торопится, пока его «несёт волна успеха» на иорданском треке. Если мы придём к власти, говорил лидер Ликуда, мы готовы немедленно начать переговоры с Сирией. Мы скажем так: «Вы претендуете на все Голаны, и мы претендуем на все Голаны. Вот исходя из этого и давайте разговаривать».

Готова ли Россия направить свой воинский контингент на Голаны в рамках возможных сил разъединения? — спросил Нетаньяху. Я ответил, что в принципе этого исключать нельзя.

На том и разошлись.

.....
15 августа был у Переса. Рассказал ему о сетованиях Арафата. Подчеркнул, что было бы ошибкой загонять Арафата в угол.

Перес согласился с этим. Сказал, что большинство вопросов, о которых говорил Арафат, решаются. Но Арафат должен понимать, что мешают продолжение террора и сохранение в неизменности Палестинской хартии.

Палестинская национальная хартия — это политическая программа ООП. Она была принята 17 июля 1968 года. Её смысл можно свести к трём «нет», которые были провозглашены главами арабских государств на совещании в Хартуме в августе 1967 года. «Нет» миру с Израилем, «нет» признанию Израиля, «нет» переговорам с Израилем. Иными словами: Палестина едина и неделима, в Палестине есть место только для одного, арабского, государства, следовательно, Израиль должен быть уничтожен.

Приведу три статьи из тридцати трёх.

Статья 9: «Вооружённая борьба — единственный путь к освобождению Палестины и поэтому является стратегией, а не тактикой. Палестинский народ подтверждает свою решимость продолжать вооружённую борьбу за освобождение Палестины, вернуть себе родину и реализовать своё право жить в ней нормальной жизнью и своё право на самоопределение и суверенитет».

Статья 20: «Декларация Бальфура и мандат на управление Палестиной, а также их последствия считаются нами недействительными. Ссылки на духовные или исторические связи евреев с Палестиной не отвечают фактам истории или же основам государственного права. Иудаизм как религия не отвечает критериям человечности, к тому же евреи — не единый народ, у которого есть собственное лицо, а являются гражданами стран, в которых находятся...»

Статья 22: «Сионизм — это политическое движение, органически связанное с мировым империализмом, и оно враждебно всем национально-освободительным и прогрессивным движениям в мире. Оно является расистским движением, основанным на фанатизме, агрессивным, колониалистским и захватническим по целям, фашистско-нацистским по методике. Израиль — инструмент сионистского движения и географическая база для кадров мирового империализма. Израиль играет роль плацдарма — в сердце арабской родины — для ударов против надежд арабской нации на освобождение, объединение и прогресс».

9 сентября 1993 года, как мы помним, в письме, которое Арафат направил Рабину, лидер ООП заявил: те статьи Национальной хартии, которые отказывают Израилю в праве на существование или не соответствуют выраженным в данном письме обязательствам, становятся с настоящего момента «недействующими и невыполнимыми».

Однако, чтобы это заявление стало юридическим фактом, необходимо было решение Национального совета Палестины — высшего органа ООП. Но Арафат не торопился с этим. Для него было трудно публично перечеркнуть символ своей веры. Возможно, он боялся не получить нужные две трети голосов. Официально же он ссыался на то, что израильяне не дают разрешения на въезд в автономию мно-

гим членам НСП (как «террористам»). И вдруг 17 августа Перес заявил: мы пропустим в Газу всех членов НСП.

Но Арафат продолжал не торопиться. Национальный совет Палестины был созван только 24 апреля 1996 года (наверное, Арафат решил помочь Аводе перед выборами). Совет принял следующее решение:

«1. Изменить Национальную хартию, аннулировав те статьи, которые противоречат обменным письмам между ООП и правительством Израиля от 9 и 10 сентября 1993 года.

2. Национальный совет Палестины поручает юридической комиссии реформулировать Национальную хартию, которая будет представлена Центральному совету на его первом заседании».

Перес, тогда уже премьер-министр, с восторгом воспринял это решение. Оппозиция протестовала, считая его «отсылочным» и ничего не решающим по существу. Однако 7 мая 1996 года в газете «Гаарец» появилось заявление 28 учёных-востоковедов, которые поддержали Переса.

В ноябре 1996 года член исполкома ООП Абу Мазен передал — в частном порядке — корреспонденту московского «Нового времени» новую редакцию Хартии. Без всяких указаний на то, кто и когда этот «документ» принял. Детектив продолжался. Мы примем новую Хартию, когда Израиль примет Конституцию, — так поставил вопрос Арафат.

В так называемом «Соглашении Уай», которое было подписано в Вашингтоне Нетаньяху и Арафатом 23 октября 1998 года (о порядке отвода израильских войск с Западного берега), Арафат еще раз обещал изменить Хартию. Клинтон даже вызвался принять участие в заседании Палестинского национального совета, который соберётся для корректировки Хартии...

Но я забежал сильно вперёд. Беседуя со мной 15 августа 1994 года, Перес выдвинул идею превратить Газу в «образец установления мира» (как пример для других «горячих точек» планеты). Для этого можно было бы привлечь финансы ООН, других спонсоров. Просил Россию поддержать эту идею: Россия, конечно, поддержала. Но денег не нашли. И «витрина мира» не состоялась.

На иорданском направлении дело движется. Главная трудность, но трудность преодолимая, — распределение водных ресурсов. Перспективная цель — тройственный экономический союз (Израиль, Иордания, палестинцы).

По мнению Переса, Асад заинтересован в мире. Но он хочет как можно больше получить от американцев за мир с «сионистским врагом». Тактика Израиля остаётся прежней: вести переговоры, не определяя конечную цель (уход с Голан). Перес так пояснил свою мысль: на свадьбе все знают, чем дело кончится, но ведь не говорят об этом.

Асад же всё время настаивает на чётком обозначении конечной цели. Хотя сам уклоняется от чёткой формулировки понятия «полный мир».

Министр здравоохранения Эфраим Снэ, с которым я беседовал через несколько дней, так обозначил ситуацию. Израиль: быстрый мир в обмен на медленный уход. Сирия: быстрый уход в обмен на медленный мир¹.

Перес подчеркнул, что традиционные связи России с Сирией позволяют ей ускорить события на сирийском треке.

В беседе с Пересом я пытался поставить «на попа» важнейшую для посольства тему — оперативное снабжение российского коспонсора информацией. «Вы хотите, чтобы меня уволили с работы?» — спросил я министра. «Ма питом?», ответил министр (что вдруг? что случилось?). Я пустился в рассуждения о том, что информацию о мирном процессе — при всех вроде бы хороших контактах посольства — частенько приходится выдавливать из израильтян, как зубную пасту из тюбика.

Последний пример. 10 августа состоялась встреча Арафата с Рабиным. Арафат рассказал мне об этом на следующий день. Рабин звонил Кристоферу, но не звонил Козыреву. Конечно, мы добываем информацию. Но, на мой взгляд, было бы целесообразнее сделать этот процесс более простым и более упорядоченным. Если вы относитесь к нам, как к коспонсорам...

Ещё довод. Поскольку информация поступает от арабов, то она неизбежно попадает в Москву под арабским соусом. Не думаю, что вам это выгодно. Но ваши аргументы часто запаздывают.

Говоря всё это, я, конечно, понимал, что для израильтян коспонсор мы весьма относительный. Слишком толку от нас мало. Да и арабский мы знаем гораздо лучше, чем иврит. Поэтому они и не торопятся нас информировать... Но всё же есть какие-то правила коспонсорской игры, которые неприлично нарушать. А они нарушали.

«Я же для Вас всегда открыт», — продолжал удивляться Перес. Что было правдой. Но негоже по каждому поводу беспокоить министра. В общем Перес обещал дать команду аппарату действовать более оперативно.

¹ Э.Снэ — интересная политическая фигура. Сын Моше Снэ, лидера израильских коммунистов, который в середине 60-х отошел от просоветской ориентации и — в отличие от М.Вильнера — поддержал линию правительства в период Шестидневной войны. Эфраим Снэ выбрал карьеру военного врача. Во время войны Судного дня возглавлял медчасть десантной дивизии. Участвовал в операции «Энтеббе». Демобилизовался из армии в звании бригадного генерала (генерал-майора). Был главой гражданской администрации Западного берега. С июня 1994 по июнь 1996 года — министр здравоохранения. Выдвигал свою кандидатуру на пост лидера Аводы, но проиграл Бараку. Производил впечатление цельного, разумного человека, далёкого от политических крайностей. В правительстве Барака получил пост заместителя министра обороны.

На какое-то время помогло. Но пробуксовки продолжались. Поэтому, когда появилось новое правительство, я сразу же поставил этот вопрос перед начальником канцелярии премьер-министра Авигдором Либерманом. Говорили с ним и у него в кабинете, и у меня в Савьоне за солёным арбузом. В конце концов для постоянной связи с посольством был выделен человек из команды Нетаньяху, его политический советник Дори Голд.

И опять-таки помогло, но только на время. Административные методы не срабатывают там, где нет животрепещущего интереса...

22 августа посетил спикера Кнессета Шеваха Вайса. Говорили о приближающемся 50-летию Победы. В Израиле, — начал я свою агитацию, — этот день отмечают «низы», объединения ветеранов и инвалидов войны, при пассивности со стороны «верхов», Кнессета и правительства. Выразил надежду, что эта «традиция» будет нарушена. Тем более, если учесть роль разгрома фашизма в создании Государства Израиль.

Вайс энергично высказался за проведение торжеств на официальном уровне. Обещал провести специальное заседание Кнессета. Сказал, что готов разместить в вестибюле Кнессета «победную» выставку (картины, фотографии и т.д.), если из России пришлют экспонаты (экспонаты из России не прислали).

На эту тему мне пришлось неоднократно беседовать и с президентом, и с премьером, и со многими другими политическими деятелями. Рад, что они проявили понимание. В мае 1995 года «верхи» объединились с «низами».

С 25 по 28 августа у нас был Посувалюк. Теперь уже — специальный представитель президента. Действовали по обычной схеме с добавлением Газы.

Визит к президенту. Довольно острый разговор вокруг Сирии. Президент говорил о возможностях Москвы подтолкнуть Дамаск к прямому диалогу с Израилем. Однако о «московском варианте» со своим участием не упомянул.

Визит к Бейлину. Обычная уже инвентаризация узких мест мирного процесса.

Визит к Арафату. Совсем другая атмосфера. Встреча старых друзей. Объятия и поцелуи. Претензии Арафата к израильтянам. И вместе с тем понимание того, что правительство Рабина—Переса — лучший вариант для мирного процесса.

Претензии к «иерусалимским амбициям» хашимитов, то есть короля Хусейна. И вместе с тем готовность обсуждать идею конфедерации: два государства, два парламента, два правительства, два флага, но единое внешнее представительство.

Благодарность Москве за решение выделить палестинской полиции 45 бронетранспортёров.

Вечером ужин в ресторане «Андалузия». Человек сто. Жареные ба-раны. Дары моря. В «президиуме» — водка. В общем, всё путём...

На следующий день — визит к Рабину. Рабин вновь говорил, что Арафат тянет с пересмотром Хартии. Выразил надежду, что Россия (как и Америка) поможет наладить прямой и содержательный разговор с Дамаском. Подтвердил своё приглашение министру обороны России П.Грачёву посетить Израиль.

Визит к Пересу. Перес выражал озабоченность тем, что на Ближнем Востоке «экономический обоз» отстаёт от политических договорённостей. Говорил о необходимости превратить Газу в «витрину мира». Об опасности террора.

Посувалюк приготовил сюрприз. Он сказал Пересу примерно следующее: «Русская православная церковь является самой крупной в мире. В России есть очень большая мусульманская община. Когда на повестку дня будет поставлен вопрос об Иерусалиме, россиянам будет что сказать о своих правах на святы места». Ответ Переса звучал так. Политически тема Иерусалима закрыта для международных переговоров. Она может обсуждаться только с ООП. Но если у Русской православной церкви есть какие-либо вопросы по святым местам, мы готовы обсудить их. Как мы делаем это с Ватиканом.

Моментальная «утечка» и шум в прессе: Россия «вмешивается». Один из примеров: «Христиане России должны знать, — писал известный политический журналист Шимшон Арад, — что для Израиля понятия свободы совести, обсуждение вопросов, касающихся культовых сооружений, — вещь легитимная. Но если Россия намерена вмешиваться в дела, которые её не касаются, — то тут нужно вежливо, но категорично объяснить ей, что это очень напоминает недавнюю эпоху, от которой отrekliсь и в самой России». Статья, кстати, называлась «Брежневские рецидивы?»

Посувалюк, искупавшись в Тивериадском озере и отведав вкуснейшей тивериадской рыбки под названием «сант-питер» (не в честь нашего Питера, а в честь святого Петра), улетел. Успели по дороге в аэропорт немного посплетничать. Он жаловался на недоступность министра. Запомнил переданные им слова Козырева: «Чтобы руководить внешней политикой, мне нужен не МИД, а самолёт и две хорошие стенографистки». По-моему, я что-то похожее где-то читал, но где — не могу вспомнить. Важно, что вспомнил — на беду российской внешней политике — Козырев.

Посувалюк улетел, Иерусалим остался.

16 сентября здесь было опубликовано письмо доктора Павла Винникова «г-ну Пособалюку». Очень злое. «Я гражданин Израиля уже 20

лет. Мне сегодня более 73-х, позади прожитая нелёгкая жизнь, и я уже ничего не боюсь, в том числе и длинной руки Лубянки. Годы, прожитые в бывшем СССР, вспоминаю как страшный сон. Теперь я обрёл самое дорогое — не «родину всех трудящихся», а свою национальную Родину и живу её интересами и её жизнью. В русскоязычной прессе Израиля, которая подробно освещала Ваш недавний визит в Израиль, я прочёл Ваши высказывания, вернее, не столько высказывания, сколько претензии, в частности, в отношении Иерусалима. И эти Ваши претензии, вернее, их тон, а ведь Вы выступали как представитель РФ, задели мою национальную честь! Своей беспардонностью они чем-то напомнили мне очень давнюю «политику канонерок», и сквозь Ваш цивильный пиджак мне так и виделись гёбэшные погоны. Вы, видимо, никак не можете или не хотите примириться с тем, что Израиль абсолютно суверенное государство.

Я лично, да и многие израильтяне также, до конца дней своих буду помнить, сколько жизней моих сограждан унесло советское (русское) вмешательство в арабо-израильский конфликт, какой ущерб оно причинило моему государству и его гражданам. В памяти ещё свежи и никогда из неё не сотрутся тревожные ночи войны в Персидском заливе, когда подопечный РФ Ирак забрасывал Израиль советскими ракетами «скад». Тогда и в моей квартире повышибало все стёкла и оконные рамы, а мы вынуждены были сидеть в противогазах не одну ночь. Будучи в Израиле, Вы акцентировали наличие давних и прочных связей РФ с арабским миром. Но не секрет, что в основе этих связей, помимо стратегических геополитических моментов, лежат и чисто меркантильные интересы РФ. Ведь запах нефти так притягивает! Моё же государство бедное, и в наш материальный век экономического интереса для РФ не представляет. Но мы богаты духом, и об этом Вам забывать не стоит!

Ещё царская Россия лелеяла мечту о выходе к «тёплым морям», и вся советская политика на Ближнем Востоке являлась, по сути, продолжением этой великорусской имперской тенденции. Новоявленный русский ура-патриот В.Жириновский откровенно декларирует, при молчаливой поддержке властей придерживающих, желание видеть русских солдат, омывающих ноги в Индийском океане.

Маленький Израиль представляет для РФ огромный геополитический интерес. Во время Вашего визита в нашу страну в конце августа с.г. Вы высказывали аргументы, которые, с Вашей точки зрения, должны оправдать намерения «вставить русский палец» в Иерусалим. Но все Ваши аргументы абсолютно смехотворны. Какие права есть у РФ на святые места в Иерусалиме? Например, арабские шейхи и эмиры купили себе виллы в Швейцарии и огромные жилые дома в Англии. Но кто-то говорит об арабских правах и интересах в этих

странах? Вы упоминали о большой мусульманской общине в России. Но в России имеется и огромная (по численности вторая в мире) еврейская община. Однако никто и не думает говорить об израильских интересах в России. Ваши права на объекты русской православной церкви в Израиле могут решаться лишь в рамках существующих международных законов, и не более того! Видимо, Вы никак не можете расстаться с воспоминаниями о временах тотального советского диктата? Похоже, что в «новой России» всё ещё продолжает действовать старый имперский стиль мышления, и Вы пытаетесь быть его глашатаем?

Наш министр иностранных дел г-н Ш. Перес довольно чётко объяснил Вам, что тема Иерусалима «закрыта для международных переговоров». Другой Ваш аргумент о наличии в Израиле большой русскоговорящей христианской общины также не выдерживает никакой критики. Эту общину никто не ущемляет и не препятствует ей отпраздновать свои религиозные обряды. Дай Бог, чтобы в России так относились к евреям и их религиозному культу, как в Израиле относятся к православной конфессии.

Хотелось бы спросить у Вас, какое отношение «большая мусульманская община» в РФ имеет к Израилю? Не надо быть большим пророком, чтобы предвидеть, как в самом недалёком будущем ислам начнёт жечь и русские пятки. Я бы Вам советовал в этом вопросе прислушаться к мудрым прогнозам А.Солженицына. Совсем недалеко то время, когда Вы вынуждены будете искать любые пути, чтобы воздвигнуть стены между РФ и мусульманскими вкраплениями в неё.

Очень хотелось бы, чтобы политические деятели вашего ранга посещали Израиль без камня за пазухой.

Я был бы Вам признателен, если бы Вы сочли возможным направить Ваш ответ на моё обращение к Вам в популярную русскоязычную газету Израиля «Новости недели».

Посувалюк счёл возможным. Ответ — он назывался «Ответ по существу» — был опубликован 7 октября.

«Признаюсь, что долго колебался, прежде чем решил ответить на Ваше письмо, поразившее меня не только беспардонным оскорбительным тоном, но и тенденциозной трактовкой внешней политики России на Ближнем Востоке и, думается, на редкость несправедливой оценкой моего скромного вклада в развитие российско-израильских отношений. Решил ответить Вам, уважая Ваш почтенный возраст, притеснения, перенесённые Вами в жизни. Надеюсь, что попутно это письмо позволит ещё раз пролить свет на ближневосточную политику моей страны.

Не желая перенимать тон Вашего письма, отвечу по существу. Никогда за мою долгую дипломатическую карьеру не ступал на землю

тех государств, где мне приходилось работать с «камнем за пазухой», как Вы изволите утверждать. С подобного рода абсурдными обвинениями я сталкиваюсь в первый и, надеюсь, в последний раз. Напротив, каждый раз, приезжая в Израиль, я испытываю чувство глубокого уважения к его трудолюбивому и талантливому народу и рад, что обрёл здесь много друзей.

Вы утверждаете, что для России «маленький Израиль представляет огромный геополитический интерес». С этим трудно не согласиться. Но не следует забывать, господин Винников, что и для Израиля Россия имеет и будет иметь не меньшее значение. МИД России, департамент, мною возглавляемый, да и я лично твёрдо убеждены, что неуклонное последовательное развитие наших отношений отвечает интересам обеих стран. В этом плане ориентиром могут служить итоги недавнего официального визита в Москву премьер-министра Израиля И.Рабина, заложившего прочную базу развития наших отношений в будущем.

В своём письме, господин Винников, вы затрагиваете избитую тему так называемого нового российского империализма. Полагаю, тут всё должно быть ясно раз и навсегда. Нового российского империализма не существует. Россия далека от имперских амбиций. Другое дело — её государственные интересы, которые она намерена отстаивать со всей твёрдостью и последовательностью, присущими великой державе, строго в рамках международной законности.

В отличие от бывшего СССР, Россия выступает за гармоничное развитие отношений со всеми странами не в ущерб другим государствам. Я убеждён, что в интересах моей страны, как, впрочем, и любой другой, искать в мире только друзей. В этой связи ещё раз подчёркиваю, что укрепление наших связей с Израилем не противоречит развитию традиционных отношений с арабскими странами. Уверен, что правительство и народ Израиля после успешного завершения мирного процесса тоже планируют развивать отношения со своими соседями. В этом и состоит главный смысл того похода за миром, начало которому было положено в Мадриде и у истоков которого стояла Россия.

Был весьма удивлён, прочитав в Вашем письме о том, что Россия никак «не может примириться с тем, что Израиль является суверенным государством». Позволю себе напомнить, что СССР в 1947 году, проголосовав за резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II), высказался за создание еврейского государства и никогда в последующем, при всей неоднозначности отношений с Израилем, не отказывал ему в праве на существование в качестве суверенного и независимого.

Что касается «запаха нефти», который, как Вы, к моему изумлению, берётесь утверждать, притягивает Россию в ближневосточных

делах, то, по-моему, такой богатой, в том числе и этой самой нефтью, стране нет большого смысла в погоне за арабской. У нас своей, как Вы, очевидно, знаете, в избытке.

Теперь к вопросу о российской собственности в Иерусалиме. Ни для кого не секрет, что Иерусалим как центр трёх религий имеет общечеловеческое культурное и религиозное значение. Россия подняла вопрос о своих интересах и своей собственности в Иерусалиме, преследуя безо всякой корысти совершенно естественную цель: чтобы представители всех её религиозных конфессий могли бы прикоснуться к Святым местам. Поднимая вопрос о российской собственности в Иерусалиме, мы ведём речь об объектах недвижимости, которые принадлежали нашей стране и Русской православной церкви, и вопросы, связанные с возвращением этих объектов, намерены решать как раз на основе израильских и международных законов, на которые Вы, господин Винников, ссылаетесь.

И, наконец, о российской позиции по Иерусалиму. Она была и остаётся неизменной. Россия верна положениям мадридской конференции, в итоговых документах которой предлагается рассмотреть вопрос о статусе Иерусалима на завершающем этапе мирного процесса.

Надеюсь, господин Винников, мой ответ побудит Вас взглянуть на российскую политику более объективно».

Не уверен, что нужно было отвечать на раздражённое и некорректное письмо. И уверен, что так не надо было отвечать. Но у каждого свой вкус и свой стиль...

Волнения по поводу Иерусалима постепенно улеглись. Они вновь показали, как мало нужно, чтобы подспудное недоверие к России вырвалось наружу...

.....
Полина Капшеева, популярная «русская» (она из Запорожья) журналистка. Псевдоним — Лиора Ган, по-русски — гражданка Пистолетова. В своей серии «Обнажённая натура» обнажила и меня. Вот как это выглядело.

«— Александр Евгеньевич, каким, на ваш взгляд, должен быть идеальный дипломат?

— Ну, во-первых, элегантным. Не как рояль, а просто элегантным. Умным, симпатичным, контактным, образованным — что ещё?

— Вы нарисовали портрет идеального мужчины вообще.

— Нет. Измените окончания всех перечисленных прилагательных на женские — получится дипломат-женщина.

— В таком случае, думаю, вы рисуете портрет идеальной жены.

— Почему же? Для жены вовсе не обязательно быть, например, образованной.

— Вы полагаете?

— Это не моё мнение, а, к счастью, один из подарков Гименя.

— *Какой, в таком случае, вы видите идеальную жену?*

— Я предпочёл бы покинуть недосыгаемые вершины идеалов. Чужую жену ещё можно идеализировать, да и то временно. Ну, а своя бывает идеальной только, пожалуй, в медовый месяц.

— *Но разве не нужно стремиться к вершинам?*

— Для этого — в данном контексте — следовало бы несколько раз жениться. Один раз женился — не совсем дотягивает до идеала. Следующая избранница уже к нему ближе. Ещё раз... Как-то всё это довольно нудно.

— *Вы сами женаты один раз?*

— Два.

— *Так что, в общем-то, какое-то стремление приблизиться к идеалу было?*

— Молодой был, глупый.

— *Так и не приблизились?*

— Слава Богу, нет. Хорошая у меня очень жена, умная, образованная, прекрасный борщ умеет варить, ругает меня в меру. Возможно, следующая была бы ещё лучше. Но, скорее всего, хуже. Поэтому я остановился. Всё, с альпинизмом покончено.

— *Вы жаловались мне как-то, что Лена Петровна не разрешает вам носить шорты. Запрет снят?*

— Если бы... Говорит, что если я, старый толстый дурак, выйду в шортах, все будут смеяться. Пытаюсь втолковать ей, что в Израиле на такие вещи внимания не обращают. Ходи в чём хочешь, а в шортах ещё кожа дышит. Но жену мои аргументы не убеждают. И я сдаюсь. Ладно, пусть кожа не дышит. Чёрт с ней.

— *Вы вообще уступчивый человек?*

— Кто его знает... Лена Петровна, наверное, думает, что — нет. А я думаю, что — да. Я, скажем, всю жизнь её пилю: делай по утрам зарядку. А она не делает, и я уже перестал настаивать. Но зато, когда она говорит, чтобы я меньше ел, отвечаю: я же перестал приставать к тебе с зарядкой, так дай мне поесть спокойно.

— *А вы делаете зарядку?*

— Да. Стараюсь быть в норме. Уже давно держусь в одном весе — это меня устраивает.

— *Но, говорят, что вы — гурман?*

— Пожалуй, нет. Не тяну на гурмана и не претендую на это звание. Гурман любит изысканную кухню, а я — грубую, но вкусную. Скажем, хаш — это примерно то, что здесь называется «марак регель». Или крупно порезанный рубец с чесночным соусом. Или хороший борщ, солянку. Всё это народная кухня.

Я как-то был в Париже гостем министерства иностранных дел. Там все тоже решили, что я — гурман. А считается, что во Франции самая изысканная кухня — в Лионе. Меня повезли туда, привели в роскошный ресторан. Принесли какие-то невероятно красивые тарелки, на которых было нечто затейливое и неведомое. Тает во рту, но не могу понять: мясо это или, может быть, рыба? Или курица? Хвалю, разумеется, и говорю «спасибо». Потом, когда торжественный эскорт удалился, я попросил переводчика свозить меня на рынок. Дело в том, что будучи журналистом я посещал разные страны, города и веси. Командировочным денег давали очень мало, а кушать-то хочется. Опытным путём установил, что в любом городе около рынка есть забегаловки для крестьян, приезжающих торговать. Там всегда подают огромные, вкусные и очень дешёвые порции. Поел — и бегай целый день. Так получилось и в Лионе. Наткнулись как раз на мой любимый рубец. Именно такая еда по мне.

— Думаю, что в Израиле вы не страдаете по поводу её отсутствия?

— Ни в коем случае. Кстати, у нас вчера были гости, а мы с Леной Петровной очень любим, чтобы они остались довольны. Я заказал в ресторане «Казачок» вареники с вишней, привезли, даже с бутылочкой сока, — всё, что положено. Прекрасная штука.

— Как-то мне рассказывали, что вы то ли ругали известного поэта Генделева, то ли хвалили его кулинарные рецепты. Правда ли?

— Наполовину. Я говорил, что уважаю профессионализм, поэтому политические статьи Генделева не читаю, а читаю его «чистые тарелки». Даже сделал пару соусов по его рецептам.

— Сами готовите?

— Люблю. В Москве мы с Леной Петровной, особенно когда ждём гостей, готовим в четыре руки.

— Своеобразное хобби дипломата?

— Нет. Занимаюсь кухней с очень ранних лет.

— В Израиле не готовите?

— Иногда. Когда приходится принимать 30-40 человек, без повара не обойдёшься.

— Имеете возможность принять в своей вилле несколько десятков человек?

— Да. Хотя с точки зрения резиденции помещение маловато. Если собираются сорок человек — уже очень тесно. Когда не так жарко, можно выйти в садик. Но если бы сейчас, уже будучи послом, искал виллу, выбрал бы другую, в которой попросторнее то, что называется «залом», где собираются гости.

— В общем, у президента Израиля резиденция поболее?

— Конечно. По масштабам Савьона нашу виллу можно считать бедной. Хотя и с бассейном. Когда жена приехала сюда из Москвы пер-

вый раз, она открыла рот и сказала: «Как в кино!» Так и есть. Закончится фильм, вернёмся домой — и будем жить в своей нормальной московской трёхкомнатной квартире, которую получили ещё в семьдесят каком-то году.

— *Собираетесь скоро уезжать?*

— Это зависит от начальства.

— *А вы удовлетворены своей сегодняшней работой?*

— Интересно. В этом смысле я всю свою жизнь прожил при коммунизме: всегда занимался интересной работой. Она была для меня не средством существования, а средством самовыражения.

— *Ваше определение коммунизма сводится к наличию интересной работы?*

— Во всяком случае, это одно из необходимых составных.

— *Вы ещё верите в победу коммунизма?*

— Слова часто играют плохую роль. Слово, понятие «коммунизм» достаточно дискредитировано и при употреблении вызывает как минимум скептическую улыбку. Но как философ, социолог, учёный я не могу себе представить, что рыночное хозяйство — финал, конечная фаза развития человечества. Не хочу и не могу допустить, что общество, где люди живут на конкурентной основе, где тебе хорошо, а другому из-за этого плохо, станет концом истории. Надеюсь, что когда-нибудь люди поумнеют до такого уровня, что создадут общество справедливое. Пожалуйста, назовите это как угодно, коммунизмом, «справедливизмом» — для меня терминология не играет роли.

— *Вы согласны с термином «уравниловка»?*

— Только в плане равных прав и возможностей. При этом один будет умным, другой — дураком. Один полетит в космос, а другой будет продавать шуарму.

— *И в итоге мы вернёмся к рыночным отношениям?*

— Почему же? Общество будет настолько богато, что позволит себе быть справедливым для всех. Вот в этом я неисправимый оптимист.

— *Как вы воспринимаете свою безумную популярность в Израиле?*

— Вы явно преувеличиваете. Ко мне действительно многие хорошо относятся. Если иметь в виду «русских», то живу здесь капиталом, наработанным в России за двадцать лет, в течении которых занимался журналистикой. В Израиле капитал этот только трачу...

— *Александр Евгеньевич, в вашем кабинете висят рядом портрет президента России и карта Израйля. Как вы полагаете, доволен ли был бы господин Ельцин таким соседством?*

— Было бы странно, если бы у меня висела карта Руанды. Думаю, господин Ельцин понимает, что в кабинете посла России в Израиле должна висеть карта именно Израйля...

— *Вы любите порядок?*

— У меня всё на своих местах. Ни секунды не трачу на поиски очков, ключей или нужной книги. Всё-таки долго занимался философией и не забываю слова Аристотеля: каждый предмет имеет своё место. Так что я в этом смысле — аристотелианец. Проще говоря, педант. Нудник.

— *Некоторые говорят, что их раздражает большое скопление евреев в одном месте и в одно время. А вас?*

— Раньше я считал такие вопросы бестактными. В Израиле поумнел. Будем считать ваш вопрос риторическим.

— *Хорошо, но теперь вопрос не риторический: как собираетесь отмечать еврейский Новый год?*

— Пока не знаю. Может, в гости к кому пойду.

— *В синагогу не собираетесь?*

— Может быть, сразу перейдём к очередному не риторическому вопросу?

— *А вообще вам приходилось бывать в синагоге?*

— Конечно.

— *И как чувствуете себя в кипе?*

— Так же превосходно, как и без неё.

— *Принято считать, что дипломат должен быть хорошим психологом. Можете ли вы сказать, что видите людей насквозь?*

— В той мере, в какой это необходимо для работы. Каждый человек — психолог. Человеческое общение было бы невозможно, если бы все не были психологами. Вот вы пытаетесь «обнажить натуру», но чтобы сделать это, вы должны быть психологом, видеть эту самую натуру, если не насквозь, то всё же на достаточную глубину...

— *Как вы относитесь к сплетням?*

— Не люблю и не слушаю. Хотя, наверное, полезно бы узнать, какую гадость скажет обо мне после интервью Полина Капшеева.

— *Никогда!*

— В политике не рекомендуется употреблять понятия никогда, всегда, нигде, везде и т.п. Об этом полезно помнить и в неполитических ситуациях.

— *Я завела разговор о сплетнях не случайно. С одной стороны, пришлось слышать, что вы — антисемит (этот вопрос я снимаю), с другой — что вы скрытый еврей.*

— Как вы знаете, в Москве издают Российскую еврейскую энциклопедию. Первый том уже вышел. В нём содержатся биографические справки об известных евреях, живших в Советском Союзе. Естественно, проводятся генеалогические изыскания. В процессе исследований мне позвонил человек, участвовавший в них, и сообщил: «Мы тебя проверили до пятого колена. Знаешь, ты — не еврей».

— *Как вы отреагировали на такую новость?*

— Попросил выдать мне сертификат. Тем более что недавно в серии «Библиотека генерала Стерлигова» в Москве вышла очередная антисемитская брошюрка. Там сказано, что огромное количество послов Российской Федерации — евреи. Например, Рыжов, посол в Париже; Панкин, посол в Лондоне; Лукин, посол в Вашингтоне; Бовин, посол в Израиле.

— *Случались ли с вами курьёзы в Израиле?*

— С послами курьёзы не случаются. Во всяком случае такие, о которых стоит упомянуть...»

.....
Культура в августе. Был на выставке Саши Окуня. Человек он милый. Относительно выставленных картин я вспомнил свою бабушку. Она как-то, увидев по телевизору то ли Пикассо, то ли «Обнажённую Вальку», задумчиво произнесла: «Лишь бы, милые, не пили...»

СЕНТЯБРЬ-94

Снова склоки — Банки штурмуют Израиль

Александр Максович Шилов, известный художник, привёз в Израиль свою дочку Машу. Саркома. Надежда на всемогущую израильскую медицину. Но как-то всё не ладилось. Здешние порядки, когда, сделав анализы, назначив лекарства и процедуры, больного как бы оставляют без внимания, производили странное впечатление. Александр Максович нервничал, переживал, тербил врачей. Нервничали, в свою очередь, врачи. Возникал какой-то порочный круг взаимного недоброжелательства. Я пытался успокоить Шилова. Сотрудники посольства ездили в больницу, разговаривали с врачами. Кончилось тем, что Александр Максович перевёз Машу в Вену. Но, увы! Медицина оказалась бессильной. Маша осталась жить на портретах...

5 сентября нанёс очередной, ставший почти ритуальным, визит к египетскому послу Басьюни. Но был и конкретный повод — недавний визит министра иностранных дел Египта. По словам посла, визит Амр Мусы начался в атмосфере «протокольной неразберихи». Израильтяне настаивали, чтобы министр посетил мемориал Яд ва-Шем. Шумела («утечка») израильская пресса. Министр сердился. Перес извинился. Амр Муса заехал на 15 минут.

Египтяне настаивали на том, чтобы начать переговоры о превращении Ближнего Востока в зону, свободную от оружия массового поражения. И двигаться постепенно: сначала одни подписывают, а затем — по мере продвижения мирного процесса — другие. Все понимали, что «сначала» — имеется в виду ядерное оружие Израиля. Поэтому Израиль счёл эту идею «преждевременной». Если уж подписывать, так всем (Ирак, Иран, Сирия, Ливия) и сразу.

Прошлись, как всегда, по всем трекам. На палестинском египтяне видят две главные проблемы: террор и созыв Национального совета Палестины для изменения Хартии. По поводу террора Арафат говорит: «Дайте мне полную власть, и я буду полностью контролировать ситуацию». Но евреи полной власти не дают. По поводу сессии НСП. Арафат требует, чтобы Израиль свободно пропускал в Газу всех членов НСП. Израиль согласен пропустить всех, но только под точную дату созыва НСП и только для этой конкретной цели.

О Сирии. «Если без Египта, — сказал Басьюни, — невозможна новая большая война, то без Сирии невозможен всеобъемлющий мир». Но приближаются выборы, и Рабин не может произнести слова «полный отход». А пока Асад не услышит эти слова, он «не сдвинется с места».

Об Иордании. Дело идёт к мирному договору. Король робеет, но обещания американской помощи перевешивают.

О Ливане (см. Сирия).

Общее моё впечатление. Египтяне будут наращивать своё «присутствие». В Каире полагают, что они лучше, чем кто бы то ни было понимают и «менталитет» арабов, и «менталитет» еврейских политиков.

.....
Полная шизофрения. Сам здесь, веду разговоры о «мирном процессе», а душа в России. Запись в рабочей тетради от 6 сентября: «Не хочется думать о том, что в России. Страшно. Ельцин вызывает жалость и презрение. Ничего не может. Аппарат разбухает. Бессовестное обогащение. Не боятся воровать. А что делать? Не знаю!! Молчу (не критикую, не кричу), потому что не знаю, что делать!»

Странно. Я всегда считал себя космополитом. А если — патриотом, то ближе к Чаадаеву. И только став послом, почувствовал (именно не понял, а почувствовал), что значит для меня Россия. И как стыдно и больно видеть её больной и униженной. Противное ощущение работы без тыла...

.....
В посольстве: больше народу — больше склок, дрызг каких-то, наущничанья. Стали жаловаться на нового завхоза: ссорит людей, сплетничает и (говорили мне страшным шепотом) распространяет слухи, что «Бовина скоро снимут». Жаловались на нового заведующего консульским отделом Анненкова: покрикивает на сотрудниц, пьёт «под подушкой» (если под подушкой — откуда знаешь?). Уровень «проблем»: бухгалтер, завхоз и механик-водитель никак не могут договориться, кто будет получать талоны на бензин. Чуть не до драки. И опять: почему ему больше премию дали, а мне меньше!? Так сказать, «малая Россия». И никуда ведь не денешься — приходилось «вникать».

.....
Имел длительную беседу с председателем правления «Мосстройбанка» Михаилом Ивановичем Журавлёвым¹. Банк открыл в Израиле своё представительство и хотел открыть отделение с правом ведения банковских операций в полном объёме. По этому поводу к Рабину обращался О.Н.Сосковец, первый заместитель председателя правитель-

¹ Через некоторое время в процессе московских банковских разборок М.И.Журавлёв был убит. На меня он производил впечатление честного, порядочного человека.

ства России. Аналогичное письмо я передал министру финансов Аврааму Шохату.

По просьбе Журавлёва встретился с управляющим Центральным банком Израиля Я.Френкелем и главным контролёром банка З.Абелесом. Они мне популярно разъяснили, что российские банки не соответствуют стандартам, установленным Базельской конвенцией 1974 года. И поэтому заявка «Мосстройбанка» не может быть удовлетворена.

Я не мог возражать, поскольку плохо разбирался в банковских делах. Хотя знал, что в Израиле вообще нет отделений иностранных банков, даже тех, которые вполне соответствуют международным стандартам.

Тут дело отчасти в том, что вследствие ограниченной конвертируемости шекеля западные банки не очень заинтересованы в создании своих филиалов и не слишком давят на Израиль. Но главное — это противодействие израильских банков, которые заинтересованы в сохранении статус-кво, что позволяет поддерживать выгодные им уровни учётных ставок и банковского процента.

Израильская банковская система стоит на четырёх китах: банк «Апоалим» («рабочий»), банк «Леуми» («национальный»), банк «Дисконт» (учётный) и банк «Мизрахи» («восточный»). До 1983 года эта «могучая кучка» была в частных руках. Но банки переусердствовали по части пирамид, разразился кризис, и государство, чтобы компенсировать вкладчиков, скупило за бесценно контрольные пакеты акций этих банков. Теперь банковские вклады гарантируются государством. А банки стали всесильны. Банковская система в каком-то смысле самодостаточна и уникальна. И чужакам там просто нет места. Или есть, но очень маленькое и для очень своих чужаков. Таков общий фон, на котором приходилось заниматься банками.

«Сопrotивление среды» оказалось гораздо сильнее, чем я думал. С Френкелем встречался ещё несколько раз. Его позиция оставалась неизменной. Надо начинать, говорил он, с налаживания двусторонних контактов между «главными банковскими контролёрами» наших стран. Они должны предоставлять друг другу полную информацию о том или ином банке. И только после этого можно будет принимать квалифицированное решение. Обо всём этом я сообщал нашему Центральному банку. Но он не проявил интереса.

.....
22 сентября — Газа, Арафат. Он рассказывал о встрече с Денисом Россом, американским специальным представителем по ближневосточному урегулированию. Главное, что беспокоило Арафата, мобилизация — при помощи Америки — европейских «доноров». Чтобы дали денег.

В делах переговоров Арафат выделил три проблемы, о которых говорили с Россом.

1. Иерусалим. Арафат считает, что если израильтяне обсуждали эту тему с королём Хусейном, то практически перечёркивается тезис «Иерусалим — в последнюю очередь». И мы уже сегодня, сейчас заявляем: Иерусалим — наша столица, и с этой позиции мы не сдвинемся. Аргумент: израильтяне говорили с королём не о политике, а о святых местах, Арафат отнёс. В Израиле религия не отделена от политики. Раздражённо говоря о Хусейне, Арафат сказал: «Мекка — святое для меня место, но я же не лезу в Саудовскую Аравию».

2. Выборы. Палестинцы настаивают на том, что выбираться будет «законодательный орган», который потом сформирует исполнительную власть. «Обычная демократическая процедура». Израильтяне категорически против «парламента». На этом всё и застопорилось.

3. Полномочия. Израильтяне тянут, так как не хотят выводить войска (что относится и к п.2).

Относительно выборов и передачи полномочий Арафат был прав. Израильтяне действительно не торопились выводить войска. Риск всё-таки был большой. Да и страна бурлила. Кстати, и сам Арафат «лил воду на мельницу», ибо как только мог стремился перепрыгнуть через промежуточные этапы, расширить свою «суверенность».

Арафат рассказал о своей встрече с лидерами Хамаса. Он требовал, чтобы они действовали «в рамках законности».

.....
Культура в сентябре. Балет ансамбля «Бат-Шева». Почти без музыки. Трагизм. Мрак. — 50-летие Камерного театра. Приём у президента. Артисты веселятся на травке. — Н.С.Михалков с «Утомлённым солнцем». Солнце — в порядке. С шаровой молнией — большой изыск. Михалков: артист и барин.

ОКТЯБРЬ-94

Испытание абсорбцией — «Русское гетто?» —

*Закон о возвращении — Еврейские гены — Взрыв на улице
Дизенгоф — Мирный договор с Иорданией — Арафат недоволен —
— Муки коспонсорства — «Вокруг смеха»*

Октябрь начался скандальным заявлением министра труда и благосостояния Оры Намир. 2 октября в интервью газете «Гаарец» она выдвинула идею «селективной репатриации». То есть репатриации выборочной. Логика была такова: «русские» евреи норовят уехать в США; на долю Израиля остаются престарелые (одна треть), инвалиды (другая треть) и матери-одиночки (третья треть); надо, значит, как-то защищаться, не всех пускать сюда. «Я не хочу, — отчеканила Намир, — чтобы Израиль превращался в национальное кладбище или в национальный дом престарелых».

Шум поднялся невероятный. От Намир открестились и «правые», и «левые». В такой обстановке даже её сторонники, а они, безусловно, имели место, вынуждены были молчать. 9 октября правительство приняло специальное постановление, в котором отвергались «любые ограничения, связанные с репатриацией евреев в Государство Израиль». Всем министрам вменялось в обязанность «осуществить работу своих министерств в соответствии с требованиями об улучшении условий абсорбции»¹.

Заявление Намир отразило переплетение сложнейших проблем, которые накапливались вокруг «русской алии». Плохо с работой. Плохо с жильём. Репатриантов из Советского Союза (России, стран СНГ) воспринимают как наглых и опасных конкурентов, не сделавших для Израиля ничего, но требующих от него всё. Вокруг «олим хадашим» сгущается атмосфера подозрительности, недоверия, неприязни. Пускается в оборот выражение «вонючие русские»...

Русскоязычный Израиль реагирует на всё это по-разному. Пытаются понять, объяснить корни неприятия. Тем, например, что многие «русские» евреи вовсе и не чувствуют себя евреями. «Идишкайт», еврейство это данность, — можно было прочитать в газете «24 часа» в

¹ О.Намир через некоторое время «сослала» послом в Пекин.

статье уже знакомого нам Павла Винникова. — Во всех уголках земного шара идёт борьба за утверждение национальной идентификации: абхазы, баски, тибетцы, прибалты, сицилийцы, корсиканцы, курды и так далее.

На основании моих многочисленных контактов с представителями алии-90 берусь утверждать, что большинство из них не осмысливало себя евреями в СНГ и по приезде в Израиль отнюдь не изменили своего настроения. Не будучи проникнутыми духом еврейства, тягой к еврейству и ко всему еврейскому и при почти полном отсутствии понимания того обстоятельства, что в мире нет другого места, где еврей мог бы чувствовать себя спокойно и быть твёрдо уверенным в будущем своих детей и внуков, очень трудно интегрироваться в Израиле. Вот этот «дефицит еврейства» у алии-90 отлично чувствуют старожилы Израиля, и отсюда — их негативное отношение к ней».

Правда, далеко не все связывали «дефицит еврейства» с советскими корнями алии-90. Для многих он ассоциировался с господствующим в Израиле «шекельным» образом жизни. «Серия гравюр великого Гойи называется «Сон разума рождает чудовищ». Не о нас ли? — спрашивает Абрам Быков. — Высокомерие, сытость, разврат и бездуховность разрушили древний Рим. Жизнь без полёта, жизнь прошлым — путь к смерти. Наши замкнутость и равнодушие — симптом тяжёлой болезни, имя которой — деградация. Тихо и бескровно шекель уничтожает наши притихшие чувства и наши еврейские (если такие существуют) мозги».

Но типичная реакция была иной. Менее рефлектирующей и самокритичной. Более наступательной. Язвили, издевались над Израилем «старожилов». Тут блистал Виктор Топаллер: «Вы посмотрите, до чего мы довели страну! Она покрыта густой сетью некошерных лавок и массажных кабинетов, между которыми циркулируют бандиты русского происхождения, останавливающиеся на мгновение лишь для того, чтобы уколоться морфием или понюхать кокаина. Задёрганное местное население пристрастилось к пьянству, поскольку не может равнодушно взирать на происходящее. В самом деле: торжествуют разврат и распущенность, а культурная жизнь почти полностью сосредоточилась вокруг гастролёров из России...

Ничего тут не поделаешь — российское еврейство, победоносно закончившее спаивание русского народа, переключилось на народ израильский и достигло в этом невиданных успехов. Причём, когда израильский народ проспится и осознает, что оказался в том же положении, что и русский, нас неизбежно депортируют ещё в какую-нибудь страну, которую мы, конечно же, быстренько доведём до государственного алкогольного отравления...» Ну прямо на уровне Сергея Доренко или Михаила Леонтьева, если, конечно, Топаллер не обидится...

Приведу ещё несколько характерных высказываний, свидетельствующих о накале страстей, об атмосфере недоброжелательности, об обидах и претензиях «русского» Израиля.

Борис Беккер. Обращаясь к ватикам, которые «бичуют алию, стремясь оправдать то, что сами не смогли ничего достичь», Беккер пишет: «Вы приехали сюда 15-20 лет назад. Вас было 300 тысяч. Где ваши политики, заседающие в Кнессете? Где ваши миллионеры, управляющие израильской экономикой? Где ваши министры? Вы ничего не добились. Максимум, чего вы достигли, — хорошо оплачиваемые рабочие места с квютом и управление мелкими бизнесами, вроде ресторана, небольшой клиники или магазинчика.

К таким «достижениям» вас привела ваша политика «полного согласия», «тщательного вживания», «опущенной головы». Вас не допустили к разделу пирога. Дали только за покорность постоять у этого пирога. Так не мешайте нам взять причитающуюся нам часть этого пирога.

Стойте спокойно и не мешайте. Не добились сами, не хватайте за руки нас. Не становитесь поперек дороги новой алии. Сметут...»

Семён Глэзер. Тема та же: терпение кончилось. «Давайте, наконец, откровенно признаем: все наши попытки «быть хорошими» потерпели полный провал. Без малого пять лет нам откровенно плюют в лицо. До сих пор мы либо вообще молчаливо, либо слегка ворча при этом, но терпеливо утирались. Нам кричали, что мы грязные проститутки, воры, пьяницы, лентяи и бездари. А мы, словно коты Леопольды, заискивающе пытались объяснить, что на самом деле мы хорошие и добрые, не пьем, не курим. И вообще, говорили мы: ребята, давайте жить дружно.

Мы терпеливо сносили оскорбления и плевки, утешая себя исконно российскими сентенциями типа «стерпится — слюбится» и потихоньку перенимая израильское «все алии абсорбировались». Короче: время — лучший лекарь, а через тернии — к звёздам! Так, может быть, хватит? Неужели пять лет — недостаточный срок, чтобы понять: все эти разговоры об интеграции и взаимопроникновении не более чем сказки, которые никогда не станут былью. Разве меньше стало за это время неприязни и даже откровенной ненависти к алии? Разве «стерпелось»? Чушь! Если раньше просто искали блох на теле алии, то теперь нас откровенно пинают все кому не лень — от рядового обывателя до министра».

Григорий Кульчицкий. Да, пинают. Но не будем паниковать. Абсорбция проходит «достаточно успешно». И подтверждение этому — не количество купленных нами квартир и машин, не занятые нами ответственные посты. «Подтверждение пришло совсем с другой стороны, со стороны наших хулителей и обвинителей во всех возможных грехах: воровство, проституция, лень, мафиозная деятель-

ность, неумение пользоваться дезодорантами, склонность к сожительству с собственными дочерьми, покупка дипломов о высшем образовании, алкоголизм, наркомания, избиение жён и младенцев.

Вот эти самые обвинения лучше любой статистики доказывают, что алия последней волны представляет собой настоящую силу, способную в недалёком будущем заставить потесниться и бизнесменов, и чиновников, и профессоров, и политиков, и врачей. И всеобщий крик: «Ату их!» — не что иное, как выражение страха и бессилия, попытка хотя бы таким образом защититься от конкуренции, спасти нагретые места и высокие зарплаты... В борьбе за собственное благополучие все средства хороши, и то, что происходит сейчас вокруг алии и олим, совершенно закономерно.

Борис Девятков. Констатировать, что минусы сами по себе перерабатываются в плюсы, психологически удобно, это успокаивает. Но на этом нельзя ставить точку. Надо действовать. «В сложившейся ситуации у «русской алии» есть один-единственный выход — политическое единство и борьба. Если мы хотим, чтобы нас уважали, мы должны продемонстрировать свою силу, доказать, что мы достойны уважения. Сильных уважают, возможно, даже — боятся, и никогда не игнорируют. С сильными всегда считаются. Слабых же, как правило, презируют, нередко унижают. Иногда, правда, жалеют и бросают подачки...» В общем, надо создавать свою партию и пробиваться в Кнессет. «В противном случае мы по-прежнему должны будем ждать подачек свыше и жить «с протянутой рукой». А ведь эта поза (или позиция?) очень уж неудобна для нормальной, достойной жизни».

Александр Каневский. На встрече «русской» интеллигенции с Пересом. «Будьте уверены — мы не пропадем, потому что мы — как ростки из-под асфальта. Если пробились в Союзе, то пробьёмся и в Израиле. Просто здесь есть множество лилипутов, которые устроились работать великанами и не хотят терять свои удобные места. Мы не гулливеры, но мы — профессионалы и хотим реализовать свои возможности в своей стране». И кода, вполне интеллигентская: «Только нам нужно немножко помочь».

Голоса «ростков из-под асфальта» звучали по-разному, в разной тональности, с разной степенью тревоги за судьбы «русской алии». Они сталкивались с другими голосами, отражавшими тревогу за судьбы Израиля. Не редко эти тревоги переводились в более спокойную, философскую, социологическую плоскость и обсуждались в терминах «русификация Израиля — за или против». Высказывались мнения, что наряду с «первым Израилем», Израилем ашкеназийским, Израилем евреев из Европы, и «вторым Израилем», Израилем сефардским, представленным евреями с Востока, возникает «третий Израиль», Израиль «русский».

И далее споры растекались по разным руслам. Не «русификация» опасна, а «советизация», пугали одни, ссылаясь на «совковость» основной массы «русских» евреев.

Не превращается ли «третий Израиль» в «русское гетто»? — вопрошали другие. Да, отвечала, например, Нелли Гутина и писала о «Советской автономной области» в составе Израиля. Ирония, но не только... Приводились данные, что 69% «русских» смотрят только российское телевидение, а 50% читают только русскоязычные газеты. И что «русские» погружены в свой мир, мало контактируя с тем или с теми, что или кто — за его пределами.

«Русское гетто»? — «Чушь!» — восклицает радиожурналист Игорь Мушкатин. По его мнению, гетто делают из всего Израиля те, кто пытается искусственно оградить Израиль от влияний других культур, в том числе и в особенности — от русской.

Русская культура — разговор особый. Она заложена в основу израильской культуры вообще. Но появление почти миллиона «русских» перевело проблему в другую плоскость. Русская культура, приверженность ей, ностальгическое погружение в неё стали восприниматься как препятствие, мешающее интеграции в израильское общество.

Позволю себе ещё раз сослаться на вездесущего и универсального Михаила Генделева. Описывая в довольно саркастических тонах восторженный приём российских гастролёров, он замечает: ну, что ж, можно «на секундочку забыть в культуре, где сердцу уголок. На самом деле ничего в этом страшного нет, кроме четырёх обстоятельств трудноуяснимого свойства». Какие же обстоятельства представляются «страшными» человеку, вскормленному и, несомненно, вспоенному русской культурой? Слово Генделева:

«Первое: культура — штука роковая. Рок русской культуры — её универсализм, а в своем праве и многоязычии, при распоряжении душами подданных своих, она претендует на монополию. И оправдывает эту претензию при невзыскательности вкусов и культурной апатии, лени и нелюбопытстве своих носителей.

Второе: русская культура в её нынешнем состоянии непервосортна, что, кстати, отчётливо осознаётся её лидерами. Тем не менее — это тотальная и мощная массовая культура, создающая иллюзию принадлежности к подлинным ценностям.

Третье: русская культура — это комплекс представлений о цивилизационном укладе — морали, религии, эстетике, законе и т.д. Ментальным носителем этой комплексной культуры, как, впрочем, и создателем, является народ русский, а не русские евреи. Тут уж ничего не поделаешь: этнос есть этнос.

Последнее: мы живем в минаат Исфаэль. Печальные и страшноватые выводы, следующие из этих положений, вы можете сделать сами.

После того как обвините меня в ёрничестве, оплевательстве, очернительстве и клевете, снобизме, ватикизме, русофобии и антисемитизме, а самое главное — в невозможности разделить светлое чувство радости при склёвывании пищи духовной, издалека привезённой, такой родной и естественной, называемой КОРМ — Культурные Отходы Российской Метрополии. Я вот не знаю: что делать? А вам советую — без паники! КОРМа на всех хватит. Чай, не в блокаде живём».

«Отходы», к сожалению, действительно, были. Но паники не было. Потому что тот «этнос», о вкусах которого печётся Генделев, всё-таки умеет отличать отходы от подлинных ценностей.

В ином ключе дается своеобразное эссе Аркадия Красильщикова «Сладкоголосые сирены родины». Смысл: русская культура принципиально отлична от еврейской, израильской, будешь смотреть назад — погибнешь.

«Русская муза, — пишет автор, — всегда была «иссечена кнутом», вздёрнута на дыбу и, естественно, полна ненависти к тем, кто, как ей казалось, был повинен в этом. Русский гений сам стремился попасть в «ловушку дьявола», как Иосиф Бродский называл концентрацию на зле, подчинение этому злу. Великий роман Булгакова возник не на пустом месте. В нём дьявол перерождается настолько, что теряет свои «родовые» качества. В поисках виновного зло утратило фатальные черты. Роман-стон, роман-жалоба, роман-реквием... На краю бездны отчаяния никто не в силах помочь человеку, кроме Сатаны... Это Россия. Мудрец Израиль Бешт писал задолго до Бродского: «В печали зло». Но голос русской культуры всегда был печален и настоян на слезах и муке. Хмель от такого «ерша» чудовищен, но отсюда его притягательная сила. Привычка к наркотику легка, отказ мучителен».

Так вот, еврейская культура настояна не на слезах и муке, не на «изысканном культе страданий и боли», полагает автор, а на радостях жизни, на «культе радости и жизнелюбия». И это — истинно наша культура. Теперь — финал.

«Наш корабль плывёт через тысячелетия истории. Бури, рифы и отмели не смогли погубить его, пустить ко дну. Истинные страдания не давали нам плакать, а моря пролитой крови не позволяли молиться идола смерти. «Да будут прокляты вещатели Апокалипсиса», — сказано в Талмуде.

Пусть сладкоголосые сирены родины зовут нас. Пусть поют... Какой у них восхитительный голос-стон, как он красив, гениален... Не запечатывай уши воском. Только привяжи себя накрепко к мачте, чтобы не дать самому себе команду к повороту и смене галса. Я не хочу конца путешествия ни себе, ни своим детям.

Это больно — быть привязанным к мачте, но всё проходит... Не исчезнет, просто затихнет и этот чужой сладкий голос печали и избыточной тоски».

Вопрос о парадигмах русской и еврейской культур выходит за рамки моих записок. Интересна рекомендация: «привяжись к мачте» и терпи — всё проходит... Это тоже ведь о трудностях абсорбции. Только не со стороны бюрократии, а изнутри, со стороны самих «абсорбируемых». А «всё проходит», что ж, — царь Соломон был, как всегда, прав. Лет через 20-30 «русский» Израиль останется в исторических исследованиях и легендах.

Пока же приходится терпеть. То, что сказала или, как теперь говорят, «озвучила» Намир, давно уже витало в воздухе. В авангарде были чиновники из МВД. Тут дело вот в чём. Предположим, человек в качестве еврея (а это «качество» дает ему Закон о возвращении) беспрепятственно въезжает в Израиль и становится гражданином Израйля. Но дальше он попадает в поле действия иных законов, по которым он может быть и не признан евреем. Чиновник МВД, который решает этот вопрос, признав данного человека «неевреем», ставит в удостоверении личности отметку «ло рашум» («не записан») со всеми вытекающими отсюда финансовыми и прочими последствиями. Ситуацию проясняет письмо Ильи Левинова (9 лет в отказе, еврей до седьмого колена, а ныне тот самый, который «ло рашум»): «По сути, здесь имеет место нарушение двух важнейших законодательных актов — Декларации прав человека и израильского Закона о возвращении, а также юридической нормы о презумпции невиновности. Мы, евреи, прибыли сюда на законном основании. Так пусть же бюрократы (фарисеи), которые по духу, возможно, меньше евреи, чем мы, пусть они сначала докажут, что мы не евреи, а потом уже принимают решение. Но эти сволочи (иначе их назвать нельзя) сначала отказывают, пользуясь своей неограниченной властью, а потом вам приходится доказывать, что вы не верблюд, то есть здесь такое же беззаконие, с каким мы сталкивались в Союзе, и по сути эти бюрократы — те же антисемиты, так как от них вреда для нас не меньше, чем от тех, что были там....

Я по сей день живу без национальности, хотя приехал сюда на Родину. Ведь это опасный симптом, если общество равнодушно взирает на такие возмутительные действия. Выходит и здесь бюрократ имеет неограниченную власть, и опять человек — всего лишь винтик.

Стоило ли тратить столько усилий, — заключает данный «ло рашум», — чтобы сюда попасть? А потом удивляются, почему олим впадают в депрессии. И возникает вопрос: а не поменять ли страну, если здесь тебя так принимают?»¹.

И страну «меняют». В среднем из шести приезжающих в Израиль уезжает один. Кто-то перебирается в Канаду, Германию, США. Гораздо меньше возвращаются в Россию. Если нервы не выдерживают испытания абсорбцией. В ноябре 1993 года в «Вестях» появилось пись-

¹ См. дополнение 8.

мо Г.Ковалевского из Гиватаима. Любопытный человеческий документ. «Хватит ныть и возмущаться, морочить себе (и другим) голову ивритом и ждать помощи от Форума, Общины, ветеранов и прочих «русских» компаний. Я принял решение — возвращаюсь. Возвращаюсь в свой маленький город, в его тишину и серость, к его тополям и собакам, к его антисемитам и бывшим партбоссам. Я буду там говорить на родном русском языке, буду знать, что отвечают мне на том же языке, буду работать и жить, как все: зарабатывать «бабки», пить, читать, гулять и, если хотите, пропадать вместе с этой страной (или — выздоравливать вместе с ней).

Но я, к счастью, навсегда избавлюсь от этих вульгарных девиц, вечно жующих жвачку и носящих безобразные грязные майки (зачастую — вывернутые наизнанку). Я избавлюсь от всех этих «марокканцев» и прочих, ненавидящих нас, «русских», за то, что мы умнее и образованнее их.

Этой стране (давно уже не еврейской, а сефардско-арабской) никто и ничто не поможет, потому что если она упрямо отвергает интеллект и интеллигентность своих новых граждан, если она равнодушна к их бедам и проблемам, если она грудью встаёт на защиту «квютников» от олимовской братии, — ей уготован лишь один путь: в третьесортное будущее, подпитываемое американскими подачками и арабским экстремизмом. А мы здесь не нужны. И посему — прощайте, господа.

Я не уверен, что вся «олимовская братия» умнее и образованнее братии «сабровской». И я уверен, что предлагаемый г-ном Ковалевским подход не служит образцом «интеллекта и интеллигентности». Но есть и такая точка зрения...

Чтобы узаконить более строгое «просеивание» евреев, отделить, так сказать, «овец» от «козлищ», предлагается изменить Закон о возвращении. Ещё в 30-е годы, глядя в будущее, Бен-Гурион изрёк: «Это государство будет создано не только для процветания и удовольствия собственных граждан. У этого государства будет мандат истории — собрать всех евреев к национальному очагу — и лишь это оправдывает его существование».

Так вот Закон о возвращении и есть реализация «мандата истории», воплощение сионистской идеи. Даже если человек «по закону Моисееву», по всей строгости Галахи не является евреем, он может репатрироваться и «автоматом» получить израильское гражданство. Право на репатриацию «дают» хотя бы один еврейский дедушка или одна еврейская бабушка¹. Получаются очень условные «евреи». Плюс — неизбежные злоупотребления.

¹ Почему дедушка и бабушка? Потому что фашистские Нюрнбергские законы причисляли к евреям тех, у кого дедушка или бабушка были евреями. Логика: право на возвращение получают те, кого обрекали на уничтожение.

Отсюда — сложности. Что делать? Можно было бы принять на вооружение «сионистско-светский» подход Закона о возвращении, но раввинат категорически против «размывания» еврейства. Поэтому настаивают на другом подходе: говорят, имеет смысл прописать в Законе о возвращении более серьёзную связь с евреями. То есть повысить качество за счёт уменьшения количества. Пока эта идея не нашла поддержки.

Но возникла другая. Если верить «Гаарец», министр внутренних дел Израиля Элияху Свисса в июне 1998 года дал указание требовать от иммигрантов из стран СНГ данные генетических тестов, которые подтверждали бы принадлежность к евреям. Не уверен, что существуют, так сказать, «национальные гены» и что гены евреев отличаются, скажем, от генов арабов или японцев. Впрочем, поскольку количество псевдоучёных неудержимо растёт, расизм сможет получить «научное» обоснование...

Не знаю, чем кончилась эта генная бдительность. Но факт (или — слух) симптоматичны для атмосферы. Дело Оры Намир живёт...

29 июня 1994 года президент Вейцман принял «элиту» репатриантов. Среди приглашённых находился Григорий Семёнович Канович, лучший, по-моему, еврейский писатель, который пишет по-русски. В своём выступлении он привёл слова своего соседа, еврея из Белой Церкви.

«Приехал в Израиль, а Израиля нет!

Как нет? — опешил я.

Нет! Скажете — кошунство? Скажете бред сивой кобылы? Успокойтесь: я не сивая кобыла. Есть Израиль Исаакович, Израиль Менделевич, Израиль Хонович, Израиль Давидович, а Израиля без отчества нет. Не Израиль сдаёт вам дыру за пять сотен долларов в месяц. Не Израиль платит вам гроши за час работы на текстильной фабрике. Не Израиль стоит за прилавком в магазине. Запомните: не с Израилем вам придётся иметь дело, а с ними. Их столько, что можно всю жизнь прожить и так и не увидеть за их отутюженными спинами то, что я, дурак, в своей Белой Церкви душевно называл «моим Израилем».

Канович — мягкий, интеллигентный человек. Он говорил о «дискомфорт», который испытывает алия. И о том, что только движение с двух сторон, только желание понять друг друга, только уважение ценностей, наработанных здесь и привезённых сюда, может снять грозно растущее напряжение. Канович прав. Но если напряжение спадает, то «виноваты» в этом не люди. Не столько люди, скажу так, чтобы не обижать людей. «Виновато» время, которое всё лечит, чтобы когда-нибудь уничтожить...

И ещё Натану Щаранскому дадим слово. 21 февраля 1999 года в московском Доме кино он — министр промышленности и торговли —

встретился с еврейской общественностью Москвы. Говорил о «тихой революции», которая происходит в Израиле. Меняется характер израильского общества. Оно либерализируется. Преодолена идея «плавильного котла», которую в своё время выдвинул Бен-Гурион. Культуры (а, значит, и их носители — люди, общины) не переплавляются в некий лишаящий их индивидуальности сплав. Культуры сосуществуют, взаимодействуют, обогащают друг друга. Это — пространство для бытия «русской» общины. Новые репатрианты должны уже сейчас чувствовать себя «как дома». Это значит принимать участие в процессе выработки решений, касающихся их судьбы и судьбы их страны... Дальнейшее понятно: надо поддерживать партию «Исраэль ба-алия».

В правительстве Э.Барака Щаранский стал министром внутренних дел. Что закрывает — во всяком случае на данное время — тему, «озвученную» Орой Намир.

Есть ещё одна грань многогранной репатриантской темы: «русская алия» и арабы. Когда началось массовое переселение евреев из Советского Союза в Израиль, арабы восприняли это как «самую большую трагедию», как сговор между Израилем, США и СССР, организовавших «экспорт евреев» в Израиль с целью усилить человеческий, оборонный, научно-технический потенциал «сионистского образования». Протестовал Арафат. Протестовали другие арабские лидеры. Но опять же: время — лучший доктор. И опыт, который учит, что политика — это искусство сотрудничать с неизбежностью. Шум постепенно прекратился. Израиль старался ограничить появление репатриантов из Союза в поселениях на территориях. Но палестинцы и до сих пор нет-нет да и вспомнят, что и тут мы их предали...

.....

14 октября было объявлено, что Рабин, Перес и Арафат получили Нобелевскую премию мира. Надо бы праздновать. Но в Израиле было не до праздников. 12 октября террористы (хамасовцы) похитили израильского солдата Ваксмана и предъявили ультиматум: или освобождайте наших заключённых, или Ваксман будет убит. Правительство отвергло ультиматум. Террористы убили Ваксмана. 17-го я беседовал с министром энергетики и планирования Ш. Шитритом. Рабин, заявил министр, должен в ультимативной форме поставить Арафата перед выбором: либо он докажет свою способность пресечь терроризм, либо Израиль прервёт переговоры. А что будет дальше? — спросил я. Тут плавал туман.

Кстати, Шитрит возглавлял внутри Аводы оппозиционную группу «третий путь», стоявшую, по его словам, на позициях «оборонной демократии». Применительно, например, к Сирии это означало: мы готовы признать юридический суверенитет Сирии над Голанами при

сохранении там физического присутствия (военные силы и поселения) Израиля.

А 19 октября в самом центре Тель-Авива, на улице Дизенгоф, террорист-самоубийца взорвал рейсовый автобус. 22 человека погибли, 40 было ранено. И снова — Хамас.

Автобусы — излюбленная мишень террористов. Много людей в малом пространстве. Вот наиболее кровавые страницы летописи убийств. 17 марта 1954 года убито 11 пассажиров из 16-ти. 11 марта 1978 года, высадившись с моря, террористы захватили автобус, при попытке освобождения погибли 32 человека. 6 июля 1989 года террорист пустил автобус под откос, 16 убито, 25 ранено. 6 апреля 1994 года взрыв на автобусной остановке, семеро погибли, 43 ранено. 13 апреля террорист-самоубийца, 5 пассажиров насмерть, 32 ранены.

Свидетельство очевидца: «Раздался страшный взрыв. Меня подбросило в воздух и швырнуло на землю, — рассказывает Ави Коэн, сидевший в кафе в нескольких метрах от взрыва. — Вокруг было множество раненых людей. Я увидел оторванные части тел, руки, ноги и много, очень много крови. Я чудом остался жив — только благодаря тому, что между мной и взорванным автобусом оказался второй автобус».

Через несколько часов на радио «Коль Исраэль» позвонил неизвестный и сказал, что взрыв организован активистами Хамаса, депортированными в Ливан. «Мы благодарны Рабину за то, что он отправил нас в Ливан, где мы получили возможность изучать технику взрывных устройств. Мы продолжим борьбу и будем наносить по Израилю всё новые и новые удары».

Президент Вейцман: «Усиление террора направлено на то, чтобы сорвать мирное соглашение и поставить под сомнение тот путь, по которому мы продолжаем двигаться к лучшей жизни на Ближнем Востоке. Я обращаюсь ко всем гражданам Израиля: необходимо сделать усилие и преодолеть боль и горе. Самое простое — отступить. Это именно то, чего хотят террористы — чтобы мы перестали верить в то, что мирный процесс — процесс благотворный, чтобы мы перестали верить, что наша жизнь в Израиле имеет надежное будущее».

Другого мнения придерживался Нетаньяху: «Правительство, заявившее, что освободит Тель-Авив от Газы, вернуло в Тель-Авив террор, процветающий в Газе».

Днём 19-го правительство на неопределённый срок блокировало, «закрыло» территории. Практически это означало, что десятки тысяч палестинцев не смогут выезжать на работу в пределы «зелёной черты». Арафат протестовал против, как он говорил, «коллективного наказания» ни в чём не виноватых людей. Но ничего другого израильтяне придумать не могли...

Это — политика. Но есть ещё и настроения, эмоции. «Выдвигаются предположения о террористе-смертнике, — цитирую статью «Твари» из газеты «Время». — Всё может быть. Эти бессмысленные фанатичные твари, живущие в придуманном фанатичном мире, способны на всё во имя своих шизофренических идеалов.

Но даже, если этот мерзавец разорван на сотню кусков, я бы воскресил его, чтобы потом убивать снова и снова...

Не знаю этого человека, никогда не видел его лица, не перемолвился с ним ни единым словом, но если бы у меня была такая возможность, я бы собственноручно вспорол ему брюхо и с наслаждением наблюдал, как он медленно и мучительно околеваает, сжимая в руках собственные внутренности».

И вывод: «Закрыть территории, закупорить, отделить, законсервировать!.. Пусть выживают, как хотят. Пусть сами решают свои экономические проблемы. Пускай, в конце концов, захлебнутся в собственных экскрементах! Пусть, как дикие псы, пожирают друг друга и собственное потомство!!!

...Люди должны жить отдельно, а нелюди — отдельно. Тварям нет места в человеческом обществе! А тот, кто думает по-иному, незаметно и неизбежно сам превращается в тварь...»

Можно понять чувства, которые диктовали эти страшные слова. Но нельзя, невозможно, не превращаясь в тварь, принять, оправдать их, согласиться с ними. Террор не только убивает людей. Он калечит их души. Но как искоренить террор, как избавиться от террористов, оставаясь людьми? На этот вопрос пыталось ответить израильское правительство. Но не смогло. Пока, будем надеяться.

.....

В этот печальный день я посетил нунция Ватикана архиепископа Андреа Монтецемоло. Тема — приближающееся 2000-летие рождения Иисуса Христа. Я исходил из того, что этот праздник — хорошее поле для сотрудничества всех христианских церквей, включая, естественно, русскую. Архиепископ сказал, что такова и позиция Ватикана. Он наладил «прекрасные отношения» с греческим и армянским патриархами. С Русской духовной миссией в Иерусалиме отношения пока не сложились. Ватикан уже «начал думать» о 2000-летию. В центре внимания — вопросы размещения гостей и их безопасности.

Возможно, я ошибался, но мне казалось, что наша церковь ещё не начинала думать. Несколько раз затрагивал эту тему в разговорах с руководителем миссий отцом Феодосием, рекомендовал ему установить контакты с нунцием. Но, видимо, от своего начальства он получал другие советы.

Торжества приближаются (я пишу эту страничку 1 июля 1999 года). И, по-моему, мы безнадежно отстали от Ватикана. Все хотят заработать на паломниках. Дело понятное. Прискорбно, что сюда уходит почти вся энергия...

За день до взрыва на Дизенгоф прогремел другой взрыв — политический. Было объявлено, что парафирован мирный договор между Израилем и Иорданией.

Иордания, хотя и воевала два раза с Израилем, выделялась на фоне его арабских соседей. Выделялась относительной умеренностью, желанием найти какой-то *modus vivendi* с Израилем.

24 февраля 1950 года было парафировано соглашение о ненападении между двумя странами. А 20 июля 1951 года первый король Иордании Абдалла ибн Хусейн, прямой потомок пророка Мухаммада в 37-м колене, был застрелен в Иерусалиме на ступенях мечети Аль-Акса как раз за то, что он пытался договориться с израильянами (встречался с Моше Даяном, с Голдой Меир). Рядом с ним находился его внук, будущий король Хусейн. Сын Абдаллы Талил был болен, и 11 августа 1952 года иорданский парламент принял его отречение в пользу сына Хусейна, который был провозглашен королём 2 мая 1953 года. Все рассматривали его как временную, проходную фигуру, но новый король задержался на престоле — он скончался в возрасте 63-х лет 7 февраля 1999 года.

Хусейн взял курс на сосуществование с Израилем. В сентябре 1963 года в Лондоне состоялась его первая тайная встреча с израильянами. Потом такие встречи проходили чуть ли не каждый год. Но существовала ещё арабская солидарность, с которой король не мог не считаться. Он балансировал на тонком и скользком льду.

В 60-е годы в Иордании плотно осела штаб-квартира ООП со своими довольно многочисленными военными отрядами. Возникло нечто вроде «государства в государстве». Арафат вёл себя вызывающе, дело шло к двоевластию с незавидной перспективой для короля. Но Хусейн проявил характер. 16 сентября 1970 года он ввёл военное положение и дал команду верным ему бедуинам навести порядок. Бедуины постарались. «Чёрный сентябрь» покончил с засильем ООП в Иордании. Потом Хусейн и Арафат «помирились», но я никогда не замечал у Арафата какой-либо симпатии к «иорданскому брату».

В 1972 году Хусейн выдвинул план конфедерации с палестинцами. Выдвинул, но с опаской. Поскольку 60% жителей Иордании — палестинцы, и король не был уверен в их лояльности при резком повороте событий. В феврале 1985 года Арафат и Хусейн договорились, что вопрос о конфедерации может встать на практические ноги лишь после того, как образуется независимое палестинское государство. Но

для государства нужна территория. Идя навстречу своему «палестинскому брату», король в 1988 году отказался в пользу Арафата от претензий на Западный берег.

Далее начинается новейшая история. После «Осло-1» король решил, что его час пробил. В хорошем темпе был подготовлен проект мирного договора. Израильтяне не стали чиниться с «мелочами». Согласились на «уточнение границы» в пользу Иордании (там было спорных 320 кв. км). Согласились ежегодно давать Иордании 30 млн. куб. воды (в 1997 году эта цифра была увеличена до 55 млн. куб.). Финансовую помощь обещали американцы.

Итак, договор готов к подписанию. Но как это будет? Кто присутствует? Кто выступает? Ведь мы же — коспонсор! Как раз вечером 18-го у меня в Савьоне ужинали израильские мидовцы. Но они сами толком ничего не знали. «Проявляйте, — сказали, — инициативу».

На следующий день я был у начальника канцелярии премьера **Эйтана Хабера**. У него голова шла кругом от теракта в Тель-Авиве, но он сказал мне то, что знал на тот момент. Церемония подписания состоится 26 октября недалеко от Эйлата, на территории Иордании. Козырев приглашен. С речами выступают Рабин, Хусейн и Клинтон. Договор подписывают премьеры Израиля и Иордании, скрепляет их подписи президент США. Президент прилетает утром 26-го на четырёх «Джамбо» в сопровождении (тут Хабер схватился за голову) 1200 человек. Козырев может прилететь, когда ему удобно.

В общем, дело шло с явным проамериканским креном. Я злился. Москва нервничала. Требовала добиться, чтобы Козырев и выступал, и прикладывал к тексту руку, точнее, — ручку. И я, и В.И. Носенко продолжали хождения по кабинетам.

А тут ещё 24 октября, в разгар всей этой суеты, появился наш министр внутренних дел **В.Ф.Ерин** с супругой и командой. Хоть разорвись... Но как-то всё образовалось. Ерина плотно и с энтузиазмом опекали местные «силовики». Да и моя команда была на высоте. Любовь Леонидовну выгуливала Т.А.Карасова. Ерин, встречаясь с Рабиным и Пересом, по-моему, даже не заметил, что тут творилось...

Возвращаясь к Иордании. Решающего прорыва в последний момент добился мой амманский коллега А.В.Салтанов. Он позвонил мне и сказал: «Порядок!» Но израильтяне об этом не знали. Вечером 25-го я получил от израильтян бумагу.

«Почётные гости будут поочерёдно приглашаться на подиум. В первом ряду среди десяти почётных гостей — российский министр иностранных дел...

Выступают премьер-министр Израиля И.Рабин, король Иордании Хусейн, президент США Б.Клинтон. Приветствия других гостей не предусмотрены.

А.Маджалля и И.Рабин подписывают мирный договор. Б.Клинтон ставит гарантийную подпись. Почётные гости стоят в первом ряду за подписывающим.

После церемонии в Акабе планируется ланч с участием И.Рабина, короля Хусейна и Б.Клинтона. По неуточнённым данным, на него предполагается также пригласить А.В.Козырева».

А в программе церемониала, которую утром 26-го иорданский протокол раздавал гостям, значилось: речь министра иностранных дел России Андрея Козырева. Тут уж возмутились американцы и израильтяне: если Козырев, то почему нет Кристофера и Переса!? Пришлось вставить. Так что из-за Козырева его коллегам в спешке пришлось готовить речи... И вслед за Клинтоном американский и российский министры поставили свои подписи.

Вот как вся эта история излагалась в газете «Гаарец» 27 октября. «Церемонию предваряли интенсивные дипломатические контакты в связи с требованием России относительно её представительства на высоком уровне, выступления и участия в подписании договора в качестве свидетеля. Контакты продолжались буквально до последних минут перед церемонией и привели к изменению исходной программы.

Сначала российская сторона предлагала, чтобы на церемонию приехал президент Б.Ельцин, что ещё раз продемонстрировало бы аналогичный с США статус коспонсора мирного процесса. Другой вариант состоял в приезде министра иностранных дел России А.Козырева с последующими визитами в Израиль и Иорданию.

В начале недели активно велись контакты между главой канцелярии премьер-министра Э.Хабером и послом России А.Бовиным и его заместителем В.Носенко. Российская сторона оказывала сильный нажим, но Израиль и Соединённые Штаты пытались уклониться от приглашения российских представителей. Американцы стремились закрепить трибуну исключительно за президентом Клинтоном.

В ходе контактов с Израилем американцы говорили: «Израиль и Иордания — хозяева церемонии, и их решение будет нами принято». Однако при этом следовали разъяснения, что главным гостем на церемонии должен быть Клинтон.

Позавчера российский посол сообщил, что даже если Козырев придет на церемонию, он не посетит Израиль, поскольку приглашён в Государственную Думу. Вечером того же дня на место церемонии прибыл заместитель посла США в Аммане и на встрече с Хабером сообщил ему о полученной от иорданцев информации, из которой следовало, что Козырев придет, выступит с речью, и это уже согласовано с израильтянами. Хабер ответил, что, по имеющейся в его распоряжении последней информации, Козырев не будет выступать с речью.

Хабер связался оттуда по телефону с высокопоставленным чиновником в канцелярии иорданского короля, который тут же вылетел на вертолёте к пограничному переходу. В ходе состоявшейся беседы между тремя участниками было решено связаться с самолётом Клинтона, который в тот момент направлялся на Ближний Восток. Служащие Белого дома вновь подтвердили свою позицию, согласно которой решение по данному вопросу должны принимать исключительно Израиль и Иордания, но американцы не в восторге от появления Козырева на трибуне. К утру прибыли иорданцы и сообщили о своём решении предоставить Козыреву возможность выступить на церемонии и о включении этого выступления пунктом программы. Хабер попросил воздержаться от распространения этой программы. Козырев прибыл в Арабу буквально за несколько минут до прибытия Клинтона.

За несколько минут до начала церемонии в палатке для приглашённых было окончательно решено, что Козырев и Кристофер выступят с речами».

Тут есть маленькие неточности, но в общем — верно.

В Эйлат летели на каком-то старом, дребезжащем «Боинге». Пустыня. Трибуны с размеченными местами. Жарища. Кто-то сострил: «Холодная война лучше горячего мира». Всем раздали кепочки с козырьками. Выделяется нарядами, точёными лицами и изящными руками бедуинская знать. Слишком знатные даже не встали, когда появился король. Нудно говорили мулла и раввин. Скучно — начальствующие лица. Козырева всё время заслоняли шустрые почётные гости. Я тихо радовался, что Козырев — не мой гость, а Салтанова. И всё-таки — поступь истории... Важное дело сделано.

Подписали и разъехались. Мне нужно было вечером появиться в Хайфе. Там местный милицейский оркестр давал концерт в честь Ерина. Успел.

28 октября был у Арафата. Он не в восторге от договора. Выдвинул четыре пункта несогласия.

1. Иерусалим. Тут Арафат был возбуждён и категоричен. «Восточный Иерусалим — это наш город. Столица моего государства. И только я могу распоряжаться, кто пойдёт к святым местам, а кто — нет. Клинтон, если хочет, пожалуйста! Но в сопровождении палестинцев».

2. Вода. «Они» не имеют права делить нашу палестинскую воду.

3. Беженцы. Проблема беженцев из политической переводится в чисто гуманитарную плоскость.

4. Экономика. Складывается впечатление, что Израиль и Иордания, договариваясь об экономическом сотрудничестве, «забыли», что речь идёт о палестинской территории, палестинском хозяйстве.

Позиция Арафата субъективно оправдана. Хотя объективно он явно идёт против течения.

Впрочем, течение истории не всегда выносит туда, куда должно было бы вынести. Эйфория, вызванная подписанием договора, в Аммане стала довольно быстро спадать. Не было «реальных дивидендов», на которые рассчитывал король. Израильтяне сняли политические пенки и расслабились. Не вырос экспорт иорданских товаров. Мало туристов из Израйля, и уж очень они экономные. С приходом к власти Нетаньяху шероховатости стали преобладать. В книге Нетаньяху «Место под солнцем» есть тезис: «Иордания — это Палестина». Иорданцы намекнули Нетаньяху, что было бы хорошо, если бы он откорректировал свою мысль. Не откорректировал.

В результате — мир, может быть, и не такой холодный, как с Египтом, но и не слишком тёплый.

.....
Суэта и мельтешение по поводу нашей коспонсорской роли, сопровождавшие подготовку к подписанию мирного договора между Израилем и Иорданией, высветили двусмысленность и ущербность нашей позиции. В официальном плане израильтяне не уставали говорить о конструктивной роли и больших возможностях России в ближневосточном урегулировании. Однако слова расходились с делами. На деле к нам относились как некоей обузе, от которой невозможно отделаться, но которую не имеет смысла принимать всерьёз. Это было и раньше. Это лишь рельефно показали последние события.

Печально то, что мы сами были виноваты. Наше коспонсорство не наполнялось конкретным политическим содержанием. А если и наполнялось, то, как правило, это сводилось к подталкиванию израильтян к новым уступкам. Но и это как-то неуверенно, обтекаемо, невесомо. В общем, мы были пассивны. Опаздывали с реакциями на важные события. Не выдвигали конструктивных идей. Уходили от нестандартных решений. Тут есть множество причин. Но, пожалуй, одна из главных — отсутствие у МИДа России интереса, желания «влезать» в мирный процесс. Мы держались за форму, упуская из вида содержание.

По первоначальному плану после подписания договора Козырев должен был задержаться в Иордании, потом посетить Сирию и 28-го прибыть в Израиль. Кстати, не с двумя стенографистками, а в сопровождении 29-ти человек. План этот был отменён. Министр нас не посетил. Но мы успели получить любопытную бумагу — указания региональным посольствам по пути следования министра. Приведу два пункта.

«3. В работе со СМИ следует детально разъяснять нашу роль на Ближнем Востоке и перспективы на будущее, суть проводимых по программе поездки мероприятий. Главная задача, чтобы ни у стран, связанных с ближневосточным конфликтом, ни у СМИ не могло сложиться впе-

чатление, что мы не проявляем повышенной активности, не вникаем в детали, не участвуем в принятии важнейших решений.

4. ...Главное, чтобы на всех протокольных мероприятиях наш уровень не был ниже уровня США. В этой связи проработать, кто где будет стоять, какие тосты планируются на мероприятиях, приветствия, публичные вручения подарков, сопутствующие мероприятия (возложение венков) и др. По всем этим вопросам региональные посольства должны заранее прислать проработанные предложения, с учётом целесообразности добиваться выгодного для нас формата».

Всё это, допустим, могло бы иметь смысл, если бы сопровождало реальный политический процесс. Но нам предлагали форму вместо содержания. Ибо на самом деле мы не проявляли, не вникали, не участвовали. Проявлял и вникал Посувалюк. Но, как пел Окуджава, «...только что она может одна».

Пропускаю мелкие проколы. Вот крупный. Весной 1996 года Россию не включают в состав комиссии, призванной — после операции «Гроздь гнева» — контролировать ход выполнения соглашения между Израилем и «Хизбаллой» о прекращении огня.

В июле 1996 года Москву посетил министр иностранных дел Египта. По итогам посольство получило бумагу, подписанную Посувалюком, где сообщалось, в частности, что Египет заинтересован в присутствии России на Ближнем Востоке. Тут я не выдержал и отправил Посувалюку письмо.

«Хотел бы поделиться с Вами своими соображениями в связи с визитом А.Мусы в Москву.

«Переговоры подтвердили, что египтяне заинтересованы в энергичном и весомом присутствии России на Ближнем Востоке» — такова оценка МИДа. И она вызывает у меня большие сомнения.

Наше «присутствие», если иметь в виду день сегодняшний, — это прежде всего та реальная роль, которую Россия играет как координатор мирного процесса. Вам хорошо известно, что американцы стремятся свести наше координаторство к удобной для них фикции. Им часто подыгрывают израильтяне. Так вот, я не могу припомнить ни одного конкретного случая, чтобы Мубарак (или наш лучший друг Арафат) серьёзно говорили с американцами (и с израильтянами) на эту тему. Вспомните обычную формулу Арафата: «Вы можете сказать Израилю (и\или США), что мы за ваше присутствие на такой-то церемонии». И не более того. Скольжение по касательной... Сами же они от сколько-нибудь серьёзной постановки вопроса уклоняются.

Но вернёмся в Египет. Мубарак заинтересован в таком «присутствии» России на Ближнем Востоке, которое, мало чего давая самой России, работало бы на интересы Египта. Мы нужны Мубараку

для того, чтобы поддерживать его «ведущую роль» в арабском мире. Мы нужны Мубараку для того, чтобы выкручивать руки Израилю. «Конструктивный, но жёсткий сигнал» — так это, кажется, было названо в Москве. А как в таком случае назвать поведение Мубарака, который выступил перед Нетаньяху «в формате Клинтона»? Разговоры о том, что в Каире был «другой» Нетаньяху, не стоят выеденного яйца.

В дипломатической толчее последних дней обсуждали всё, что угодно. Но ни один наш «друг» (Арафат, Мубарак, де Шарет, Асад, король Хусейн) ни разу не вспомнил даже о «российском коспонсоре». Им это не нужно. Они играют в свою игру. И наше место в этой игре — по их представлениям — более чем скромное.

Нам очень нравилось (и, видимо, продолжает нравиться), когда нам (и про нас) говорят хорошие, приятные для нашего слуха слова. И под эти слова мы давали оружие, кредиты, помощь, золотые звёзды...

Гегель как-то заметил: единственный урок истории состоит в том, что никто и никогда никаких уроков из истории не извлекал. Не кажется ли Вам, что Гегель прав?

Если уж в чём и заинтересован Мубарак, так в «энергичном и весомом» присутствии американцев. Они его вооружают. Они его прикармливают. Они его пока ещё держат на плаву. Что же касается заигрывания с Россией, то оно — в нынешних условиях — имеет исключительно тактический, преходящий характер. Примерно по такому принципу: удастся Россию малость подоить — хорошо, не удастся — обойдёмся.

Иногда складывается впечатление, что наша политика по отношению к Египту, Сирии, Ираку, палестинцам имеет некий сентиментальный привкус. Мы продолжаем исходить из того, что это — наши «старые друзья». Объятия и поцелуи. Да полноте. Иллюзии всё это. Жизнь, политика — суровы, несентиментальны. Все эти деятели были достаточно расчётливы и хитры даже в прежние времена. А теперь и подавно. Так что, по-моему, хватит обманывать себя самих.

В большой политике «друзья» стоят больших денег. У нас их нет. И, ерго, нет друзей. Но мы вполне без них проживём, если научимся не навивать себе врагов.

Теперь самое время спросить себя: а чего же мы хотим на Ближнем Востоке? Какого «присутствия» добиваемся? Каковы интересы России в данном регионе?

Или конкретнее: нам нужен сильный или слабый Израиль? Отвечает ли нашим интересам создание палестинского государства? Или лучше, чтобы Газу взял Египет, а Западный берег — Иордания? Мы смирились с тем, что Сирия поглощает Ливан? И т.д., и т.п.

Если говорить серьёзно, то давно следовало бы собрать экспертов, знающих и умных людей (МИД, СВР, наука) и основательно поговорить. И подумать. И перейти от бильярда к шахматам.

Надеюсь, Вам не скучно было читать это письмо. Если хотите — покажите Е. М. Ответ не обязателен».

Кое-что в моём послании упрощено, «выпрямлено», — чтобы чётче прорисовать главную мысль: не надо жить в мире иллюзий. А если ближе к теме: наше «коспонсорство» мало кому нужно, потому что мало кому что даёт.

Возвращаясь в «свой» Израиль, должен заметить, что чрезвычайно прохладное отношение к российскому коспонсору объяснялось не только собственно коспонсорской проблематикой, пассивностью России в качестве коспонсора. Эта пассивность устраивала израильские власти. Потому что нам не доверяли. И как только мы «активизировались» (визиты Иванова и Козырева, иерусалимская заявка Посувалюка, шевеление Примакова), в Иерусалиме начиналась тихая паника. И ещё одно «потому что». Потому что в Иерусалиме были склонны списать Россию как великую державу, как фактор мировой политики. «Проамерикански ориентированный истеблишмент Израиля, — писала в марте 1995 года Марина Солодкина, депутат Кнессета от «русской» партии, — позволяет себе непозволительную роскошь недооценки роли России». С этим приходится согласиться. Хотя, будучи послом, я иногда сам ловил себя на том, что неприятные истины не хочется додумывать до конца.

Своим чередом шли посольские будни. Пришла тревожная бумага из МИДа. Нам сообщали, что во многих посольствах складывается напряжённая обстановка. Это проявляется в уклонении или прямом отказе некоторых сотрудников от выполнения своих служебных обязанностей, пьянстве, попытке перепродажи на местных рынках закупленных с дипскидкой товаров и т. п. В отдельных посольствах дело доходило до открытых конфликтов между дипломатами и административно-техническим составом. Причины ясны, — говорилось в мидовской бумаге, — и низкая зарплата, и трудности с устройством на работу жён, и подбор подчас случайных людей, и отсутствие эффективных мер воздействия на нарушителей дисциплины и откровенных филонов. Нам предлагалось посмотреть внимательно, не назревает ли какой-нибудь «нарыв», который может привести к неприятным последствиям.

У нас пока особых, острых проблем не было. Но ветры «свободы», дувшие из Москвы и выдувавшие аккуратность и исполнительность, додували и до нас. Недовольство было, но «в норме». Пытались как-то улучшить атмосферу. Жён почти всех трудоустроили. На рынок возили.

Маневрировали премиями. 11 октября учинили для АТР ужин сплочения в Савьоне, с жёнами и детьми. Веселье с танцами. Держались, в общем...

Доложили МИДу об ослаблении позиций правительства Рабина. Указали на три дестабилизирующих фактора.

1. Давление со стороны «национально-патриотических сил» (Ликуд, поселенцы, ортодоксальные сионисты). Они обвиняют Рабина в том, что он «предает» национальные интересы, идеалы сионизма и в погоне за мифическим «миром» сдает арабам позиции, оплаченные кровью трёх поколений израильтян.

2. Разногласия внутри Аводы. С одной стороны, консолидируются «правые» («третий путь»), чья позиция приближается к ликудовской. На голанскую мозоль наступает группа Кахалани. Она настаивает на необходимости квалифицированного большинства в Кнессете для решения судьбы Голан. С другой — активизируются «младотурки» (Рамон, Бейлин и др.), предлагающие заметно радикализировать программные установки партии. Правда, по мнению министра экологии Й.Сарида, оживление «фракций» внутри Аводы не доведёт до развала партии: сработает инстинкт самосохранения.

3. Растёт недовольство в нижних этажах социального здания. Намир была права, называя нынешнее правительство правительством богатых, правительством средних слоёв. В нижних слоях, где в центре внимания не внешнеполитические, а внутренние вопросы, усиливается отторжение от власти. Особенно это относится к «русской алии», которая явно дрейфует вправо.

Результатирующую вычерчивают демоскопические данные. Опрос, проведённый институтом «Дахав», показал:

Кого вы хотите видеть на посту премьера?

Рабина — 39%,

Нетаньяху — 41%.

За какую партию будете голосовать?

Авода — 26%,

Ликуд — 27%.

Неустойчивое равновесие. Но тенденция не в пользу Рабина. Однако, пока Рабин контролирует большинство в Кнессете (и если у него не сдадут нервы), правительство непотопляемо.

Посольство полагало, что приход к власти ликудовцев не соответствует интересам России. В этом контексте мы считали, что визит В.С.Черномырдина, о котором в принципе договорились, мог бы укрепить положение Рабина.

.....
Культура в октябре. Балет. Ансамбль «Бат Дор». Акробатика. — Выступление Бориса Алексеевича Чичибабина в Доме писателей. Мысль, тоска, достоинство. — Открытие сезона в главном концертном зале Тель-Авива («Манн-аудиториум»). Кисин виртуозно играл 3-й концерт Рахманинова. — Открытие нового театрального комплекса. Архитектурный модерн и чудеса техники. Бомонд + Рабин. Окрошка из балетных номеров и оперных арий. — Фестиваль «Вокруг смеха». Организатор — неутомимый Марк Галесник, держатель и издатель юмористического журнала «Беседер?». Смехачи все наши (А.Иванов, И.Иртеньев, В.Вишневский, В.Шендерович, Е.Шифрин) и уже ихний, но неперменный Губерман. Стартовал фестиваль в Беэр-Шеве. Из газеты: «Открывали вечер очаровательная Лиора Ган и её потрясающие ноги, о которых г-н Бовин в перерыве мне скажет: «Из всего того, что я видел в первом отделении, особенно взволновали меня ноги ведущей». Фестиваль закрывался в Савьоне. Поскольку публики не было, все смеялись сами над собой. Лиора Ган (она же — гражданка Пистолетова) обнажила не только ноги и прыгнула в бассейн. Желющие спасти образовали очередь.

НОЯБРЬ-94

*Хамство в аэропорту: Киселёва и Петрова —
— Жилой дом для посольства — «Золотое правило»
Громыко: если можно не делать, лучше не делать —
— О «шестидесятниках»*

Ноябрь начался со страшной бури. Проливные дожди и грозы. Сносило крыши, падали деревья и опорные столбы линий электропередачи. Были затоплены (а в пустыне Негев — засыпаны песком) многие дороги. Вышли из строя светофоры, что в ряде мест привело к дезорганизации движения. Вырубался свет. В общем, было довольно неуютно. Но скоро прошло.

.....
А в посольстве мужчины (не все, к счастью) ополчились на женщин. Дежурные коменданты мужского пола стали требовать, чтобы женщины — наравне с ними — работали по праздникам и в выходные дни. Для справки. Женщины — это посольские жёны, которые были трудоустроены на вакантные ставки. Как правило, они работали днём, в самые напряжённые, людные часы. А по воскресеньям и праздникам они трудились на семейном фронте, что мне — извиняюсь перед феминистками — казалось естественным.

Но коменданты-мужчины требовали равноправия. Им не хотелось работать в праздничные и выходные дни. Не было ни партбюро, ни профкома, не с кем было посоветоваться. Решил домогательства мужчин отклонить. И даже пристыдил их. Хотя не уверен, что им стало стыдно...

.....
8 ноября на комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне был заслушан доклад заместителя начальника военной разведки генерала Якова Амидора.

Он сказал, что переговоры о мире служат для Асада лишь средством для решению других задач: вернуть Голаны, улучшить отношения с Америкой, легализовать сирийское присутствие в Ливане. Асад весьма ненадежен как партнёр, и поэтому соглашения с ним столь же ненадежны.

Что касается Арафата, то он имеет безраздельную власть на территориях и при желании мог бы навести порядок, прижать террористов.

Но сейчас ему выгодно играть роль слабого правителя, чтобы выторговывать новые уступки у Израиля, просить помощь на Западе. Однако коррумпированность палестинского руководства не позволяет создать эффективный механизм контроля за распределением помощи.

Оппозиция использовала доклад Амидора для новой атаки на Рабина. Он, как мне рассказывали, даже был вынужден дезавуировать разведку. Однако, выступая 10 ноября в Тель-Авивском университете, премьер заявил, что Асад ещё не созрел для конструктивного, компромиссного решения существующих проблем. Что, собственно, и утверждал Амидор.

9 ноября передал Рабину «устное послание» Ельцина, в котором он поздравлял Рабина с 3-летием мадридской конференции. Сказал премьеру, что после не очень приятной суеты перед Арабой есть потребность обстоятельно поговорить о некоторых принципиальных аспектах наших взаимоотношений. Попросил выкроить час на такой разговор. «Обязательно, — ответил Рабин. — Как только вернусь из Америки». Об этом же я попросил Вейцмана, у которого был 23 ноября вместе с академиком И.М.Макаровым. «Хоть два часа», — сказал менее занятый президент.

10 ноября заместитель генерального директора МИДа Израиля Э.Бенцур информировал меня о своей предстоящей поездке в Москву. Главная цель — передать Козыреву приглашение Переса посетить Израиль с официальным, «торжественным» визитом. Довольно замысловатым образом Бенцур дал понять, что в Иерусалиме встревожены негативной оценкой, которую получило в Москве маневрирование вокруг Арабы. И надеются, что приезд Козырева позволит расставить всё по своим местам.

Обратил внимание Бенцура на обилие тенденциозных, явно недружественных по отношению к России комментариев в израильской прессе, на весьма вольную трактовку целей российской политики на Ближнем Востоке. Истина часто проста до банальности, — заметил я. Мы заинтересованы, чтобы здесь был не очаг напряжённости, а центр стабильности. По-моему, к этому же стремится и Израиль...

Бенцур, разумеется, сослался на свободу печати. И сказал, что надо будет выбрать время и «обстоятельно пройти» по всем тревожащим «вас» и «нас» вопросам.

У меня сложилось впечатление, что отказ Козырева посетить Израиль вызвал тут своего рода «политическую разборку». Победила точка зрения, что не стоит накалять обстановку. Россия никуда не делась, и она имеет свои интересы. Козыреву гарантировано подчёркнутое внимание.

Снова встретился с Бенцуром 30 ноября. Как раз в этот день Козырев просигналил, что он «с глубокой благодарностью» принимает приглашение посетить Израиль. «Отрадно, — писал Козырев Пересу, — что вы придаёте столь важное значение коспонсорской роли России».

Бенцур дал понять, что президент Вейцман хотел бы посетить Россию с официальным визитом. Мне и самому давно казалось, что визит Вейцмана созрел. О чём я писал неоднократно. То, что я так и не сумел добиться согласия Москвы на этот визит, считаю одной из крупных своих недоработок. Равно как и то, что не смог убедить Черномырдина сдержать своё обещание и посетить Израиль.

Передал Бенцуру ноту посольства по поводу инцидента с гражданкой России Натальей Глебовной Киселёвой. И тут начинается то, что можно назвать

Повесть о хамстве.

Зайдём издалека. 5 февраля 1990 года Благочинная Горненского монастыря монахиня Гавриила подала рапорт начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме Архимандриту Никите. Монахиня жаловалась на произвол и грубость таможенников в аэропорту Бен-Гурион, с которыми она столкнулась 8 декабря 1989 года, возвращаясь из отпуска в родной монастырь. Приведу фрагмент из рапорта: «...Узнав, что мы ведем с собой сухие белые грибы 6 кг, меня на полицейской машине отвезли в полицейский участок аэропорта Бен-Гурион, где продержали около 6 часов. За период этого времени была послана телеграмма, что задержана русская монахиня, подозреваемая в провозе наркотиков. Через некоторое время пришел корреспондент одной из местных газет и сфотографировал меня для прессы. За время пребывания в полиции часть грибов была взята на экспертизу; экспертиза показала; что грибы съедобные. После этого меня отпустили с условием, чтобы на следующий день вновь приехать в полицейский участок за соответствующими бумагами. Приехав на следующий день, никаких бумаг я не получила, а было лишь сказано, что грибы съедобны, но возвратить их не смогут, так как их сожгли. Никакого извинения со стороны полиции не последовало.

Прошу ВАШЕ ВЫСОКОПРЕПОДОБИЕ, Всечестной Отец Архимандрит, обратить особое внимание на происшедший случай с нами в аэропорту Бен-Гурион 8 декабря 1989 года и предпринять соответствующие меры, чтобы в будущем насельницы Горней обители могли бы беспрепятственно въезжать в страну, где несут своё послушание, находясь в длительной командировке.

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕПОДОБИЯ
нижайшая послушница (Гавриила)».

Не имею представления, какие меры предпринял «Всечестной Отец Архимандрит». Возможно, к монахиням (равно как и к монахам) стали проявлять снисхождение. На остальных же граждан России, не имеющих прямой связи с Господом, это снисхождение явно не распространялось.

Киселёва прилетела 17 июня 1994 года по гостевой визе. 28 лет. Москвичка. Высшее образование. Преподаватель логики и русской литературы. Все документы в порядке. В наличии 2800 долларов и обратный билет (без даты вылета). Однако безо всяких объяснений она была задержана и водворена в камеру. Из заявления Киселёвой: «Стол, табуретка, нары, крохотное зарешёченное окошко под потолком, духота, жара, за дверью полицейский, которому должна стучать при необходимости.

Две ночи и более двух с половиною дней в полной неизвестности, униженная, с болями в сердце, в животе и постоянно в голове, на сухом пайке (которым при больном желудке не могла пользоваться), без разрешённого стакана чая, на нарах, с подложенными под голову платями, запертая и охраняемая, в слезах и невыразимых страданиях, особенно за больную сердцем маму, не надеясь увидеть её в живых, металась я по камере.

За всё время содержания в камере меня ни разу не вывели на воздух, даже когда мне было плохо. Вследствие такого обращения резко ухудшилось состояние моего здоровья. Полиция вызывала врача.

В течение всего времени задержания я получала категорический отказ в разъяснениях и звонках, даже в Посольство РФ, не говоря уже о родителях, не знавших, жива ли я, так как Лифшиц (израильянин, который встречал, но так и не встретил Киселёву. — А.Б.) 17 июня дважды утром сообщил им, что их дочь не прилетела в Тель-Авив. Так его информировали в аэропорту: «Киселёвой нет, не прилетела». К пришедшим в аэропорт родственникам моего бывшего мужа меня не пустили, несмотря на их поручительство (19 июня), а объяснили им, что высылают меня сегодня из-за отсутствия у меня денег и обратного билета».

19 июня на полицейской машине Киселёву доставили к трапу самолёта и отправили обратно.

22 июня Киселёва обратилась в посольство Израиля в Москве. 15 июля она получила ответ. Он состоял из трёх пунктов.

1. Просьба о выдаче Вам новой визы взамен аннулированной направлена на рассмотрение в МВД Израиля. По получении ответа Вы будете уведомлены.

2. По вопросу компенсации ущерба следует обращаться в израильские судебные инстанции через члена коллегии адвокатов Израиля или через Посольство РФ в Израиле.

3. Жалобу на поведение представителей МВД и полиции Израиля при задержании Вас в аэропорту Вы можете направить Инспектору Государства Израиль.

8 сентября Киселёва обратилась к министру иностранных дел России: «Я мирно летела отдыхать, но меня страшно оскорбили и впервые заставили обращаться к суду. Теперь я считаю, что только высокое материальное возмещение, причём возведённое с настойчивой твёрдостью в регулярное правило, в закон, заставит уважать Россию и создаст цивилизованные условия въезда уважаемого гражданина России в Израиль. Деньги правят миром. Пусть же они отрезвят считающее их зарвавшееся самовластие».

Свои «моральные, физические и материальные» затраты Киселёва оценила в 500 тысяч долларов.

Обо всём этом я узнал только в ноябре, когда МИД переслал мне заявление Киселёвой. Дальше — разговор с Бенцуром. Медлительное верчение бюрократических колёс. Неоднократные напоминания — официальные и неофициальные.

Где-то в начале января уже следующего года мы с Бенцуром обсуждали казус Киселёвой, обедая в иерусалимском ресторанчике «Кэти». Трапезу разделяла с нами бенцуровская знакомая — журналистка Мира Аврех. Изложив в газете «Едиот ахронот» под заголовком «Слишком красивая учительница» суть дела, Мира перешла к «светской хронике»: «Бовин начал с пива, уговорил бутылку водки и закончил опять пивом. А затем совершенно отчётливо, без признаков опьянения он объяснил мне на смеси пяти языков (английский, французский, немецкий, иврит и русский): «это — мой патент. С пивом, водкой и снова с пивом я остаюсь трезвым. Врачи, которые пользуют меня, проводили всякие анализы и ничего не нашли. Я объяснил им, что у меня нет проблем с сердцем, давлением или с холестерином, — и всё это благодаря водке, которая абсорбирует всё вредоносное». Кто захочет, заключила г-жа Аврех, — поверит».

Наконец, 21 марта 1995 года — долгожданный ответ. Пять пунктов.

1. Жалоба г-жи Киселёвой была тщательно проверена вместе с министерством внутренних дел и пограничной полицией.

2. Г-же Киселёвой было отказано во въезде по подозрению в том, что она намеревалась незаконно остаться в Израиле для постоянного проживания. Основанием для этих подозрений стали ответы г-жи Киселёвой на вопросы, заданные ей пограничной полицией Государства Израиль.

3. Что касается вопроса о телефонном звонке в посольство, то если было г-же Киселёвой отказано в его совершении, то это полностью противоречит существующим инструкциям, регулирующим действия пограничной полиции Государства Израиль.

4. Вслед за этим инцидентом правила, регулирующие порядок обращения с прибывающими туристами, были пересмотрены. Министерство иностранных дел неоднократно разъясняло всем соответствующим инстанциям важность и деликатность взаимоотношений с туристами.

5. Министерство иностранных дел сожалеет о неудобствах, причинённых г-же Киселёвой.

Мне этот бюрократический шедевр вручил Бенцур. По-моему, ему было стыдно...

28 марта, переправляя эту ноту в наш МИД, я писал, что наконец-то получен официальный ответ по «делу Киселёвой». Как видно, ответ этот бюрократизирован до предела. Но «сожалеют» всё-таки. Будем рассматривать это как формулу извинения.

Что же касается судебной процедуры, то тут посольство выходит из игры. Если Наталья Глебовна хочет, она может обратиться в суд.

В апреле газета «Вести» обратилась в МИД Израиля для уточнения деталей.

«Почему госпоже Киселёвой было отказано в просьбе связаться с посольством России?

Это, — ответил заместитель генерального директора Эфраим Цур, — грубейшее нарушение международного законодательства, и МИД сожалеет об этом, если подобное действительно имело место. Увы, нам не удалось добиться от Управления пограничной полиции внятного ответа на поставленные нами вопросы. Однако мы постараемся предпринять всё необходимое для предотвращения подобных правонарушений».

В конце мая получилось благодарственное письмо от Киселёвой. Цитирую два абзаца:

«Благодаря Вашему настойчивому, мужественному и дипломатичному вмешательству Российская Сторона с достоинством, настаивая на справедливости, заставила власти Израиля принести извинения за учинённый надо мной произвол.

Чувства гордости и благодарности за Россию, за нелёгкую Вашу службу, за отзывчивость и большое Ваше сердце просят передать Вам многие Ваши соотечественники. Я благодарю Вас от себя, от имени моих родителей, близких, сослуживцев, знакомых и незнакомых, от имени тех, кто уже пострадал, подобно мне, и от имени тех, кто теперь уже пострадает».

«Слишком красивая учительница» переоценила мою настойчивость и мои достижения. Если «правила, регулирующие...» и были пересмотрены, то совершенно незаметно для тех, кого «регулируют». Хамство в аэропорту, измышательства над беззащитными людьми продолжались.

Очередной обмен любезностями произошёл в связи с тем, что 13 октября 1995 года артистка Ирина Петрова как «проститутка» была сразу же по прилёте отправлена обратно в Москву. Обращались с ней грубо, нагло, просто по-хулигански. К ней не допустили ни руководителя театра Винокура, ни генерального представителя «Трансаэро» г-на Кричевского. «На всякий случай» Петрову усадили в гинекологическое кресло и проверили — не скрывает ли она наркотики.

Эту «операцию бдительности» нельзя было удержать в тайне. Поднялся шум в газетах. Вмешалось посольство.

Из посольской ноты: «Ирина Петрова (31.07.1974 г.р.) прибыла в Израиль в составе театральной труппы, возглавляемой г-ном Винокуром. Она имела на руках действительный российский паспорт и израильскую въездную визу. Без каких-либо причин и объяснений она была задержана в аэропорту, подверглась оскорблениям и унижительному обращению и была депортирована обратно в Россию. Она была лишена возможности связаться с российским посольством в Тель-Авиве.

Мы вынуждены обратить внимание на то, что это не первый инцидент, когда оскорбляется человеческое достоинство российских граждан. Посольство уже направляло ноту Министерству иностранных дел Государства Израиль (№ 85\н от 29 ноября 1994 г.) относительно российской гражданки Натальи Киселёвой, которая была задержана, подвергнута унижениям и депортирована из Израиля. Несмотря на выражения сожаления, содержащиеся в официальном ответе, мы до сих пор не видим, чтобы были приняты какие-либо меры, направленные на предотвращение повторения подобных действий.

Посольство настоятельно требует, чтобы лица, ответственные за инцидент с Ириной Петровой, были наказаны, и ожидает официальных извинений перед жертвой бесчеловечного обращения».

21 октября Петровой разрешили вернуться в Израиль.

24 октября МИД Израиля переслал нам письмо МВД Израиля. Привожу его полностью: «К сожалению, приходится признать, что в Израиле практически каждодневно приходится сталкиваться со сложной проблемой «девушек по вызову» и профессиональных проституток, въезжающих в страну из СНГ путём использования самых различных обманных способов.

Некоторые из них приезжают как туристы и остаются в стране нелегально; другие имеют фальшивые документы либо проникают в страну, минуя обычные пограничные пункты.

Каждый день соответствующие органы обнаруживают «девушек по вызову» с поддельными документами. Некоторые из них получают документы, обманным путём приобретая статус гражданки Израиля и пользуясь в результате этого различными предоставляемыми государством благами и льготами.

Год назад в одном из массажных заведений Тель-Авива была арестована молодая женщина, имевшая при себе документы на имя гражданки Израиля Ханны Халавской. В ходе допроса она призналась, что в действительности она — Ирина Петрова, родившаяся 31 сентября 1974 года и прибывшая в Тель-Авив для занятия проституцией по ставке 150 шекелей с клиента. Она была выслана из Израиля за государственный счёт, а её имя было внесено в список лиц, которым запрещён въезд в Израиль¹.

Когда г-жа Ирина Петрова (упомянутая в запросе Посольства РФ) прибыла в Израиль в октябре с.г., её имя немедленно появилось в соответствующем списке на экране компьютера. Её данные практически полностью совпадали с данными, зарегистрированными в вышеприведённом случае; единственное различие заключалось в дате рождения — 31 июля 1974 г., в то время как в записях Министерства она числилась как 31 сентября 1974 г. Кроме этого, сотрудники театра, в труппе которого она числилась, сообщили, что г-жа Петрова в действительности не является штатным сотрудником театра (об этом сообщили Министерству офицеры пограничной охраны).

По данному вопросу в Министерство поступил ряд обращений и после того, как выяснилось, что произошла очевидная ошибка в идентификации, ей было разрешено въехать в страну 21 октября 1995 года.

Хотели бы подчеркнуть, что в подобных обстоятельствах, когда в Государство Израиль устремляются многие «девушки по вызову» с фальшивыми паспортами и визами, а также иные нежелательные элементы из СНГ, избежать подобных достойных сожаления ошибок не представляется возможным.

Министерство внутренних дел делает всё возможное для того, чтобы максимально ограничить неудобства, причиняемые настоящим туристам. В данном случае, однако, имевший место инцидент был практически неизбежным. Мы надеемся, что когда проблема поддельных и подлинных документов, а также нелегального проникновения в страну будет урегулирована, мы одновременно сможем решить и проблему непредумышленного создания неудобств для туристов, желающих въехать в страну в этом качестве и покинуть её в конце установленного срока.

Мы были бы весьма рады сотрудничать с различными миссиями стран СНГ, а также получать от них любое содействие в ликвидации данного досадного феномена, наносящего серьёзный ущерб нашему государству».

В общем, нам прямым текстом сообщили, что «ошибки», включая, надо полагать, и откровенное хамство, неуважение к людям, неизбежны.

¹ Какая жалость, что компьютер не просигналил: в сентябре только 30 дней!

Ирина оказалась человеком настроенным оптимистически и с чувством юмора. Вернувшись в Израиль, она сообщила журналистам, что ей просто-напросто повезло. «Ну кому ещё посчастливится дважды за неделю побывать в Израиле, вернуться в Москву, увидеться с родителями, сказать им, что всё в порядке, и снова вернуться в Израиль?» Но, к сожалению, чувство юмора развито не у всех...

Несмотря на неоднократные наши протесты и разговоры на разных уровнях, сообщало посольство в Москву, работники аэропорта, подчинённые МВД, продолжают вести себя с гражданами России крайне бесцеремонно. Зачастую оскорбляют их человеческое достоинство. Уговоры пока не действуют. Может быть, следует подумать о своего рода «репрессалиях» — демонстративно завернуть назад несколько пассажиров «Эл Ал». В принципе посольство против резких движений, но в данном случае другого пути не видно (моя рекомендация не нашла поддержки).

Посольство обращало внимание МИДа России и на другую сторону этой же проблемы. Участились жалобы российских граждан на грубое обращение с ними при отлёте из Израиля. Опросы пассажиров, проводимые с целью обеспечения безопасности полётов, нередко превращаются в унижительные допросы. Отлетающих спрашивают о том, что вряд ли — вопреки хитроумным схемам психологов — имеет отношение к безопасности, но явно затрагивает сферы их личной жизни и профессиональной деятельности. При отказе отвечать на подобные вопросы следуют угрозы не допустить пассажира на борт самолёта.

Пришлось мне объясняться и с журналистами.

«— Александр Евгеньевич, — меня спрашивает Айзек Шохат из «Времени», — что вы думаете о ситуациях с жителями России, периодически возникающих в аэропорту им. Бен-Гуриона?»

— Я думаю, что это вельможное хамство. Понимаю, что каждое государство стремится ограждать себя от всяких негативных явлений, в том числе — и такого рода. Но должны быть какие-то правила. Нельзя допускать, чтобы женщине, только потому, что она молода и красива, был запрещён въезд в страну. Тем более, что в тех случаях, которые произошли за последнее время, — с Киселёвой и Петровой...

— О них много писали газеты, были статьи во «Времени»...

— Так вот, в этих случаях сама процедура выдворения сопровождалась какой-то непонятной мне невежливостью. Можно по-разному задерживать человека, можно его по-разному допрашивать, но в каждом из этих случаев меры предосторожности, принимаемые государством, выливались в хамское отношение к человеку, в попытку обидеть, унижить его. С какой стати надо в аэропорту сажать женщину в гинекологическое кресло, искать наркотики... Мне это не очень понятно.

Посольство РФ уже обращало внимание МИДа Израиля на эти действия, с нашей точки зрения не совсем правильные. К тому же людям не давали связаться с посольством.

— По-моему, это прямое нарушение международных законов.

— МИД Израиля с пониманием отнёсся к нашему обращению, но эти действия предпринимают сотрудники не МИДа, а МВД. А в МВД весьма своеобразно относятся к происходящему... Мы получили письмо из МВД, где было сказано, что избежать подобных накладок практически невозможно... То есть нам дали понять: было и будет. Мы послали второй протест, поскольку удовлетвориться таким «извинением» не можем. Кроме того, я собираюсь говорить по этому поводу с министром внутренних дел.

Ещё один принципиально важный момент. В любой демократической стране должно соблюдаться такое правило — все законы и ведомственные инструкции, касающиеся прав и обязанностей человека, должны быть предъявлены этому человеку по его первому требованию. Их нельзя засекречивать. Покажите мне, что написано в инструкции, определяющей правила выдворения из страны, расскажите, кто и как этим должен заниматься.

— Допустим, что выдворенным женщинам под каким-то предлогом отказались показать инструкции. Но, может быть, их довелось видеть сотрудникам посольства, занимавшимся этими случаями?

— Их никто не видел. И я по-прежнему не знаю, как должны действовать чиновники, которым поручено этим заниматься.

— Возможно, никакой инструкции попросту не существует?

— Возможно, но тогда совершенно необходимо срочно разработать правила, регламентирующие действия сотрудников МВД...

Кстати, с аэропортом связаны и другие сюжеты, вызывающие смешанные чувства. Вот человек собирается уезжать. Сотрудники службы безопасности аэропорта принимают его расспрашивать: «Скажите, пожалуйста, кто ваши знакомые? У кого вы были? С кем ночевали?» Такие вопросы — прямое вмешательство в личную жизнь человека. Я понимаю, что люди, которые их задают, руководствуются соображениями безопасности, но... Но шанс, что с помощью подобных расспросов удастся выявить террориста, очень невелик...

— Жители Израиля настолько к этому привыкли, что очень спокойно воспринимают даже самые щекотливые вопросы.

— А мы не привыкли. Ещё будучи журналистом, я летел однажды в Эйлат. И вдруг меня начали спрашивать: «А кого вы знаете, а с кем вы разговаривали?» Я отвечаю: «С Ариэлем Шароном разговаривал». — «А ещё?» Называю имя ещё одного известного политика. На меня начинают обижаться, будто я их разыгрываю. А я действительно брал

интервью у этих людей. Я тогда отшутился, но многим в таких ситуациях не до шуток. И я думаю, что и по этому поводу стоит поговорить с представителями МВД».

Насчёт инструкций неутомонный Айзек допрашивал Батью Кармон, руководителя отдела виз МВД. Если верить г-же Кармон, то никаких специальных инструкций нет. Каждый чиновник смотрит на визу, изучает документы и действует по обстановке. И ещё г-жа Кармон утешила: высылают не только русских визитёров. Других (из стран Восточной Европы, Южной Америки, Африки) — тоже. Но прилетающих из стран СНГ больше, поэтому с ними «скверные истории» случаются чаще. Что же касается грубости, то претензии надо предъявлять не МВД, а «конкретным исполнителям, портящим людям нервы в аэропорту». Очаровательная логика! А мне по наивности моей казалось, что именно МВД подбирает и обучает, воспитывает «конкретных исполнителей».

Когда журналисты из «Маарива» пытались разобраться с «конкретными исполнителями» на месте, руководитель службы безопасности аэропорта был предельно чётко: «Это не ваше дело. Не вмешивайтесь в то, что происходит в моём кабинете. Никто не имеет права входить в моё ведомство и вмешиваться в мои отношения с подчинёнными. И перед журналистами я расшаркиваться не намерен».

Безобразия продолжались. 18 сентября 1996 года я направил письмо министру внутренних дел Элиаху Свиссе: «К сожалению, я вынужден беспокоить Вас по поводу, который трудно назвать приятным. 10 сентября с.г. по указанию работника МВД три российских туристки — Алла Соснер, Светлана Лебедева и Лариса Яковлева, — прилетевшие в аэропорт Бен-Гурион рейсом «Эл Ал» из Санкт-Петербурга, были задержаны и отправлены в полицейский участок. Им было заявлено, что они будут депортированы в Россию в связи с неправильным оформлением документов и отсутствием денег.

Женщины находились в камере полтора суток. Им не разрешили позвонить знакомым. Слава Богу, с трудом, но разрешили всё-таки позвонить в российское консульство.

Прибывший в аэропорт российский консул выяснил: паспорта и визы находятся в полном порядке; у каждой из задержанных есть обратный билет, оплаченная туристическая путёвка, ваучер на размещение в гостинице, медицинская страховка и 1500 долларов наличными.

После длительной беседы с консулом представитель МВД был вынужден признать свою ошибку. Женщин освободили, и они смогли начать своё путешествие по Израилю. Извинений не последовало.

В последнее время участились случаи, когда без всяких правовых оснований работники МВД забирают у приезжающих паспорта, обе-

шая отдать эти паспорта при отъезде. В результате паспорта теряются. Так, например, 15 сентября из-за отсутствия паспорта, отобранного ранее работником МВД, не смогла вылететь из Израиля гражданка России Анастасия Трунова.

Надеюсь, господин министр, Вы понимаете, что действия Ваших чиновников в аэропорту можно квалифицировать или как произвол, или как полное отсутствие профессионализма. В связи с этим убедительно прошу Вас, во-первых, исключить подобные случаи из практики работы представителей МВД в аэропорту и, во-вторых, принести через российское посольство официальные извинения указанным гражданам России».

Извинения были принесены. Однако произвол и хамство в аэропорту продолжались. Я позже вернусь к этой теме в связи с задержанием И.Д.Кобзона. Здесь же замечу вот что. На уровне министров и высшего чиновничества я имел дело, как правило, с образованными, воспитанными и, как мне казалось, интеллигентными людьми. Они понимали, что бдительность, забота о безопасности полётов не требуют хамства. И они говорили мне это. Но или они лицемерили, или их реальная власть глушилась молчаливым и мощным сопротивлением аппарата. В любом из этих «или» я проиграл. Не смог защитить граждан своей страны. Точнее: мог выручать в конкретных случаях, но не мог добиться, чтобы этих случаев не было.

.....
15 ноября посетил Арафата. Он благодарил Козырева за внимание к палестинским делам. Уверял, что полностью контролирует ситуацию. Был затронут вопрос об обучении в России 15-ти палестинских полицейских. Я просил срочно подготовить «объективки» на кандидатов. Арафат тут же дал «команду». Однако, простейшее, казалось бы, дело неожиданно затянулось чуть ли не на месяц. К вопросу о трудностях становления власти...

Накануне состоялось заседание Исполкома ООП. Тут был деликатный вопрос о кворуме. Арафат рассудил так: двое подали в отставку, четверо приостановили своё членство, значит, их можно не принимать в расчёт; из оставшихся 12-ти было 8; всё в порядке. Я, естественно, промолчал.

.....
В ноябре начала раскручиваться история с постройкой жилого дома для сотрудников посольства. С хозяйственной точки зрения дело было стоящее. Недвижимость вернее денег. И как бы дорого ни обошлось строительство, в конечном счёте иметь своё жильё выгоднее, чем платить за аренду. МИД с санкции министерства финансов благословил. Начались поиски участка и подрядчика. Нашли, наконец. С помо-

шью мидовских юристов стали составлять документы, сначала — не-пременный протокол о намерениях. Дело шло туго.

Возможно, сказалось какое-то моё внутреннее сопротивление этому делу. Во время журналистских скитаний я насмотрелся на посольские дома, своего рода посольские гетто. Приходя с работы, сотрудники вновь оказывались в окружении тех же людей. Не дремало и «зоркое око». Возникали всякие проблемы. У нас же все жили на частных квартирах в разных частях города. Полная автономия и никаких «ок». Мне казалось, так лучше, вольготнее. Люди имеют возможность отдохнуть друг от друга. Не то, чтобы я саботировал, но как-то энтузиазма не проявлял...

Возникли трудности с мэрией. Она не разрешала строить то, что нам нужно, на участке, который мы выбрали. Фирма, с которой мы договорились, поставила вопрос так: чёрт с ней, с мэрией, мы начнём строить и в процессе строительства получим все необходимые разрешения; все так делают. Хорошо, сказали мы, но если не сможете сделать, то вернёте нам деньги. Чтобы уравновесить риск (а речь шла о 4-х миллионах долларов), я потребовал банковскую гарантию. Тут фирма заартачилась. Договорились (это было уже в апреле 1996 года) так: фирма обязалась за семь дней получить все разрешения; если не получит, посольство имеет право аннулировать протокол о намерениях. Что я с лёгким сердцем и сделал 8 мая.

Потом велись переговоры с другими фирмами и о других участках, но постепенно всё сошло на нет.

С разных сторон до меня доходили сведения, что Нетаньяху был бы не прочь посетить Москву. Основная цель была очевидна — укрепить свой политический авторитет. Другие цели — изложить позиции Ликуда по мирному процессу и дать понять, что правительство Ликуда будет активно развивать израильско-российские отношения. Посольство исходило из того, что работа с оппозицией — нормальный, естественный участок двусторонних отношений. Поэтому надо принять Нетаньяху. Если он станет премьером, это нам зачтётся. Если — нет, зачтётся тоже, ибо Ликуд останется одной из главных фигур на политической сцене.

Я просил у Москвы «добро» на предметный разговор с Нетаньяху. Но не получил. Если можно что-то не делать (не говорить), лучше не делать (не говорить). Золотое правило дипломатических традиций, идущих от Громыко.

В светлые ноябрьские промежутки сочинял предисловие к военным дневникам академика Иноземцева. Писал о нём и, конечно, о нас

всех — «шестидесятниках». О нашей судьбе, перенасыщенной крутыми поворотами, интересной и безжалостной. «Ныне модно кидать камни в тех, кого называют шестидесятниками. Камни — это больно. Нас легко упрекать. Ведь приходилось и наступать на горло собственной песне, и кривить душой. И тем не менее нам не стыдно за прожитую жизнь, за дороги, которые мы выбрали и которыми шли. Мы видели свою задачу в том, чтобы не дать растоптать, уничтожить всходы, проклюнувшиеся после XX съезда. И нам, нашему поколению, удалось это сделать. Иначе была бы невозможна перестройка.

Нам не повезло. Мы были ещё слишком молоды, когда случился XX съезд партии. И поэтому не смогли превратить «оттепель» в весну. Мы были уже слишком старыми, когда началась перестройка. И поэтому, вытаскивая перестройку, вытаскивая демократию и гласность, мы не смогли предотвратить развал и хаос.

Теперь нам осталось писать мемуары. Чтобы наши дети и наши внуки лучше поняли наше время, а значит — и нас.

Все мы герои и все мы изменники.
Все, одинаково, верим словам.
Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

Каждое поколение должно само ответить на этот вопрос, который себе, нам и всем задал Георгий Иванов».

Вот и я уже созрел для мемуаров, пока малых, израильских, а там — посмотрим...

.....
Культура в ноябре отсутствовала, если не считать ужина с Эдитой Пьехой. Она появилась в Израиле со своим мужем Владимиром Петровичем Поляковым. Я знал его по своим редким появлениям в Пятигорске, где Володя возглавлял, кажется, общество «Знание» и раскатывал — в те времена! — на красном «Мерседесе». Мы там ели «шулюм» — невообразимо вкусную похлёбку из всего, что только возможно. В моём сознании Володя совершенно не монтировался с Эдитой Пьехой, королевой, дворянкой эстрады. Но жизнь прекрасна своими сюрпризами...

ДЕКАБРЬ-94

*Три подхода — Ещё одна еврейская энциклопедия.
Но российская — Лужков: евреи вернутся в Москву! —
— Разоружение «Эл Ал» — Кризис сионизма*

4 и 7 декабря кабинет обсуждал положение в Газе и возможности второго этапа промежуточного урегулирования. По моим данным, израильские военные (и разведка) видели обстановку в мрачных, драматических тонах. Докладывали о неспособности Арафата контролировать события. Предрекали «ливанизацию» Газы. Считали, что даже ограниченный вывод войск с территорий поставит под удар поселенцев. Такую точку зрения решительно оспаривал Перес и большими резервами — Рабин.

Вырисовывались три подхода.

Первый. Правые настаивают на том, чтобы временно отказаться от реализации второго этапа урегулирования. Есть хороший повод: ООП не выполняет условия Норвежских соглашений (остаётся в силе Палестинская хартия, продолжается террор, палестинцы «лезут» в Иерусалим и т.п.). Рабин сопротивляется. Принять такую позицию, — значит, признать своё поражение.

Второй. МЕРЕЦ и левое крыло Аводы требуют внести коррективы в норвежскую формулу. Уже на данной стадии ликвидировать или «перенести» часть поселений (сосредоточить их в нескольких компактных блоках). То есть согласиться на полный палестинский контроль над большей частью Западного берега. Рабин сопротивляется. Не хочет входить в открытую конфронтацию с «национальным» лагерем.

Третий. Избегать резких перемен и продолжать прежнюю линию. Так думает Рабин. Решение будет принято после возвращения Рабина и Переса из Осло (они отправляются туда за Нобелевской премией).

.....
11 декабря состоялся приём у президента по случаю выхода в свет первого тома семитомной Российской Еврейской Энциклопедии. Она издаётся по соглашению между Российской Академией естественных наук и министерством культуры Израиля. Президент был в ударе. Шутил, расточал улыбки, в общем, — очаровывал гостей. Избран-

ные гости произносили неперенные и почти непременно нудные речи. Остальные пили шампанское. Всё, как говорится, путём...

Существует знаменитая «Еврейская энциклопедия» Брокгауза и Эфрона. В Израиле выпускается Краткая Еврейская Энциклопедия (Израиль и мировое еврейство с точки зрения Израйля). И вот теперь — ещё одна. Зачем? Показать роль и место евреев, еврейских общин в жизни Советского Союза (России после 1917 года). Первые три тома — биографии, затем — общины и проблемы. Таков был замысел.

Первый том имел неоднозначную прессу. В еженедельнике «Еврейский камертон» (литературно-художественное приложение к «Новостям недели») появилась разгромная рецензия «Скандалная энциклопедия». Автора возмутило то, что в Энциклопедии представлены антисемиты и другие нехорошие люди. Перечисляются: Жириновский, Драгунский, чекисты Агранов, Блюмкин, начальник ГУЛАГа Берман. Можно было бы обойтись и без создателей эрзац-культуры. Например, без Павла Германа, автора марша советских ВВС «Всё выше и выше...» на музыку другого еврея Юлия Хайта.

Типично родной советский подход. Просеивать историю, дабы отделить пшеницу от плевел. Ну, не было Блюмкина и Бермана не было. Был Ойстрах, вот о нём и надо писать... Рад, что редакция не согласилась с таким подходом. Уже вышли три тома, жду четвёртый...

С приёма отправился в аэропорт встречать Ю.М.Лужкова. Он пробыл в Израиле до 16-го. Программа была на пределе человеческих возможностей. В первый же день после осмотра Тель-Авива гостей повезли в обязательный в таких случаях йеменский ресторан «Маганда». Любопытная штука — в Тель-Авиве есть несколько заведений с хорошей еврейской (восточноевропейской) кухней. Но туда почему-то высоких гостей не возят. А «Маганда» — почти ритуал. Там на закус — всякая восточная вкуснятина. И тут выяснилось, что московский мэр не пьёт. Вообще не пьёт, абсолютно! Сначала как-то народ засуетился, но потом дело наладилось.

Следующий день начался с приёма у мэра Тель-Авива Рони Мило. Мило пригласил «русскую» творческую элиту. Что добавило раскованности и шума. Лужков чувствовал себя, как рыба в воде. Выступая, он заявил, что сделает такую Москву, чтобы евреи, которые уехали, захотели вернуться в Россию.

— Значит, вы — антисионист? — напали журналисты. — Израиль построен на том, чтобы сюда собрались евреи со всего мира. А вы хотите, чтобы они вернулись обратно?

— Сионизм — дело тонкое, — отвечивал мэр, — тут вам виднее. А я, безусловно, за то, чтобы и те, кто здесь, вернулись в Россию, и те, кто собирается уезжать, передумали. Россия много потеряла от

того, что евреи её покинули, особенно в последние годы. Это колоссальный удар по культуре, удар по науке, удар по генофонду, если хотите! Это сравнимо с тридцатыми годами, когда были истреблены лучшие люди страны...

После приёма — ульпан (там учат ивриту), встреча с «москвичами», осмотр Яффы, музей еврейских общин. А вечером неутомимый мэру меня в Савьоне. Запись в рабочей тетради: «Ничего мужик. Жена грубовата».

На следующий день — Тивериадское озеро. У нашей православной миссии там великолепный, заросший эвкалиптами участок на берегу. Матушки расстарались — рыба всяких видов. И снова сюрприз — мэру усердно крестился перед трапезой.

Вечером — встреча с президентом Ассоциации подрядчиков и строителей Моше Йоной. Это могучая в Израиле организация, Йона — очень влиятельный и богатый человек. Лужков и его главный строитель Ресин встречались с Йоной несколько раз. Я в эти дела не вникал, но, думаю, речь шла о сотрудничестве в области строительства. Памятуя о судьбе всех крупных «задумок», не уверен, что навар от этих встреч был крепкий...

Марафон продолжался: министр финансов Шохат, министр строительства Бен-Элизер, министр иностранных дел Перес, мемориал Яд ва-Шем, монастырь Эйн-Керем, Старый город, Русская духовная миссия, Вифлеем. Снова — «москвичи», на этот раз — иерусалимские. И, разумеется, приём у мэра Иерусалима Эхуда Ольмерта. Странные сцены разыгрывает жизнь: мэру Москвы мило беседует с Эдуардом Кузнецовым, приговорённым к расстрелу за попытку угнать самолёт...

Всё-таки умотали Лужкова. Спал в машине, когда ехали в аэропорт. Запись в тетради: «Лужков в целом оставляет хорошее впечатление»¹.

.....
А дома — Чечня. «Ужас, глупость, трагедия, — записал я 14 декабря. — Конец Ельцина?»

.....
15 декабря был у Переса. Обстоятельно обсудили всю гамму российско-израильских отношений. Обратил внимание министра на то, что последнее время сгущается атмосфера подозрительности, недоброжелательности, недоверия к России как к коспонсору и как к поли-

¹ Прошло пять лет. Мне приходилось несколько раз встречаться с Юрием Михайловичем. Впечатление оставалось то же. Но во второй половине 1999 года я стал замечать признаки звёздной болезни. Боюсь, его подводит свита, которой он себя окружает и которая льстит ему напропалую. В расчёте на милости будущего президента к нему, как мухи на мёд, слетаются сервильные, не отягощённые моралью люди. А жаль...

тическому партнёру. Возможно, в чём-то виноваты мы. Но далеко не только мы.

Перес сказал, что понимает мою озабоченность. Но просил учесть как давление четвертьвековой инерции, так и наличие в Израиле сил, которые эту инерцию пытаются поддерживать. Правительство же твёрдо ориентируется на укрепление дружественных контактов, что не исключает «отдельных досадных недоразумений и шероховатостей». Сославшись на свою беседу с Козыревым в Будапеште, Перес заметил, что наши подходы к ближневосточному урегулированию практически совпадают.

Из обычного набора Перес выделил Сирию. Асад «похож на женщину, тщательно выбирающую женихов и не замечающую, что уходящие годы не делают её более привлекательной».

Перес отметил пять основных направлений внешнеполитической деятельности правительства на ближайшие год-два.

1. Завершить урегулирование с палестинцами. Уладить спорные вопросы с Иорданией.

2. Продолжать формирование Общего рынка на Ближнем Востоке.

3. Начать подготовку к региональному форуму по проблемам образования. 60% жителей региона моложе 18-ти лет. Надо во всех странах компьютеризировать образование, чтобы ученики «переходили не из класса в класс, а из поколения в поколение». Финансирование в значительной части берёт на себя ЕС.

4. Добиться отлаживания отношений в регионе между тремя основными религиями — иудаизмом, исламом и христианством.

5. Установить дипломатические отношения с возможно большим числом арабских стран, получить «большинство» в ЛАГ.

Перес сказал, что он принял приглашение Козырева посетить в 1995 году Россию.

Это ставило несколько вопросов.

Развести визиты Козырева и Переса. Посольство полагало, что Козыреву целесообразно приехать в Израиль до визита Переса в Москву.

За нами два «долга» на 1995 год: визиты Черномырдина и Грачёва. Долги следует отдавать.

Был бы уместен и полезен визит Вейцмана.

И, наконец, отложенный визит Шумейко.

Мы просили Москву изложить соображения насчёт визитов. «Конкретно. По пунктам». Чтобы можно было планировать год. Но, кажется, вместе с планированием экономическим рухнуло и политическое планирование...

.....
18 декабря в воскресенье раздался звонок от Арафата. Срочно отправился в Газу. Арафат был взволнован. В Осло он беседовал с Рабиным

и Пересом. Обсуждался вопрос о передислокации израильских войск на Западном берегу и проведении выборов в палестинский совет. По словам Арафата, евреи готовы вывести войска на один-два дня на время выборов, но потом — вернуться обратно. Это «абсолютно» неприемлемо. Это — не частное нарушение соглашений, а стремление сломать их основу, «арматуру», на которой они держатся. Во вторник предстоит встреча с Рабиным, и Арафат хотел, чтобы Козырев безотлагательно позвонил Рабину или Пересу. Если израильтяне не изменят позицию, «всё может зайти в тупик».

В тот же день я телеграфировал в Москву. Звонить Козырев не стал. Но утром в среду мы получили «устное послание» Козырева Пересу. Перес как раз в это время был на встрече с Арафатом (она была перенесена на среду). Так что послание ему было зачитано уже после встречи.

Козырев писал, что хотел бы доверительно, как друг, обменяться мнениями по такому вопросу. Как мы понимаем, сейчас главная тема ваших контактов с Арафатом — передислокация израильских войск и проведение выборов в палестинский совет. Не скрою, мы озабочены пробуксовкой переговоров на этот счёт и как коспонсоры ближневосточного мирного процесса, чья подпись стоит под палестино-израильскими договорённостями, обеспокоены тем, что топтание на месте ведёт к ещё большей отсрочке предусмотренных Декларацией о принципах мер по введению палестинского самоуправления.

Разделяем ваши тревоги по поводу безопасности в Газе и на Западном берегу. Здесь у вас не должно быть сомнений. Вместе с тем думаю, что было бы контрпродуктивно усложнить и без того не слишком твёрдые позиции Арафата. Уверен, что у нас с вами нет разночтений в необходимости убедить и одновременно помочь Арафату более уверенно следовать букве и духу соглашений с Израилем. Исключительно важно не давать палестинским экстремистским силам аргументов в их линии на срыв переговорного процесса, ведь подлинные параметры опасности агрессивного религиозного экстремизма сейчас предстают более чем зримо.

На наш взгляд, заключал Козырев, принципиальной важности задача сегодня — ни при каких обстоятельствах не перекрывать перспективу движения к окончательному взаимоприемлемому урегулированию палестинской проблемы. Ради этого всем сторонам необходимо найти согласованные пути, приближающие к действительному миру и стабильности. Россия готова оказать в этом деле активное содействие.

Наша всегдашняя логика: лучше уступить Арафату, чем усилить палестинских экстремистов. Но в этом уравнении не всегда учитывалась другая зависимость: уступки Арафату усиливали еврейских экстремис-

тов. Оптимум было рассчитать невероятно трудно. И не рассчитали. Рабин был убит. Нетаньяху пришел к власти.

.....
30 декабря раздался тревожный звонок из израильского МИДа. В Шереметьево сотрудники МВД разоружают службу безопасности «Эл Ал». Это грозит срывом полётов. Зная болезненное отношение израильтян к безопасности, тут же звоню в Москву Посувалюку, теперь уже — заместителю министра. Прошу вникнуть и связаться с Ериным. — Ерин — в Моздоке (Чечня!). — Тогда — с его замом Куликовым. Посувалюк спокоен: у нас свои порядки.

31 — суббота. Тихо.

1-го с утра мне звонит министр транспорта Кейсар. В другом режиме летать не можем. Будем отменять рейсы. — Подождите, говорю, в Москве — Новый год, никого не найдёшь...

Израильтяне присылают документы.

Письмо Кейсара российскому министру транспорта от 29 сентября 1994 года. В нём говорится о мерах безопасности для защиты служб и деятельности «Эл Ал», которые применяются на всех линиях «Эл Ал». Естественно, на базе соглашений с соответствующими правительствами.

В каждом аэропорту есть специально обученные сотрудники безопасности. Они одеты в гражданскую одежду, но вооружены (так, чтобы оружия не было видно). Технология содержания оружия, выдача разрешений на него, порядок хранения в то время, когда оружие не используется, определяются соглашением с местными властями. Поскольку «Эл Ал» не может летать за пределами Израиля, не придерживаясь упомянутых мер, Кейсар предложил договориться и включить эти меры в специальное приложение к Договору о воздушном сообщении.

Наш министр ответить не соблагоизволил. Но «по умолчанию» израильская охрана была вооружена, и до поры до времени проблем не возникало. Видимо, к концу декабря подули иные ветры. 29 декабря генеральный директор Управления гражданской авиации Менахем Шарон пишет своему московскому коллеге Вадиму Замотину и предлагает начать переговоры. Израильская делегация готова вылететь в Москву в любое время.

Но уже поздно. 30 декабря майор милиции Федянин А.И. с участием подполковника Шемякина В.И. и в присутствии двух понятых изъят из офиса авиакомпании «Эл Ал» четыре пистолета, 18 магазинов к ним и боевые патроны в количестве 180 штук. Основание: закон РФ от 20.05.93 г. «Об оружии». В Протоколе изъятия сказано, что всё изъятное будет храниться «в линейной УВД в аэропорту Шереметьево до решения вопроса по существу». При сём присутствовал представитель «Эл Ал» в Москве П.Пистоль.

2 января меня пригласил заместитель министра иностранных дел Й.Бейлин. Он сообщил, что с этого дня рейсы «Эл Ал» в Россию отменяются. Это решение — не знак протеста и не форма давления, просто Устав «Эл Ал» запрещает летать в те страны, где не разрешают осуществлять необходимые меры безопасности. Возможен и мораторий на рейсы «Трансаэро». Бейлин подчеркнул, что это «самая острая конфликтная ситуация за последние годы».

В принципе я был в дурацком положении, поскольку не имел из Москвы никакой информации. Приходилось выкручиваться. Просил Бейлина не нервничать. Выразил надежду, что как только новогодние празднества закончатся, конфликт будет улажен.

Начался шум в газетах.

4 января был приглашен к Бенцуру. Всё о том же. Снова просил не пороть горячку. Что касается «Трансаэро», то любые санкции были бы полным произволом и рассматривались бы нами как недружественный по отношению к России акт.

Мне трудно, — сообщал я в Москву, — давать квалифицированные рекомендации, поскольку я не осведомлён о тех важных государственных интересах, которые лежали за действиями милиционеров в конторе «Эл Ал». Однако мне представляется, что нашим интересам соответствует сохранение воздушного сообщения между Россией и Израилем. Если это так, то было бы логично предоставить «Эл Ал» те права, которыми эта компания пользуется в других странах.

6 января в 13.15 позвонил генерал Гончаров из МВД и сказал, что «недоразумение» улажено, дано указание вернуться к прежнему порядку. И будем вырабатывать соглашение.

Так кончилась эта неделя нервотрёпки. До сих пор не знаю, что стояло за нашей не очень умной акцией в Шереметьево. Милиционеры накуролесили, а МИД, понимая вздорность происходящего, не хотел конфликтовать с МВД. Ждал, пока сами осознают...

.....

Конец года — время подведения итогов.

С точки зрения мирного процесса уходящий год выглядел как год побед. Но не всё было так просто. Лидеры опережали народ. В глазах простого человека террор обесценивал дипломатические кружева переговоров. 68 израильтян пали от рук террористов. Оппозиция оперировала и другими цифрами: за 16 месяцев до рукопожатий на зелёной лужайке террористы убили 49 евреев, а за 16 месяцев после — 120. Стрелка барометра общественных настроений явно шла вправо. Вправо шла и «русская алия», обиженная невниманием к её проблемам.

Во внешней политике — **активность на всех азимутах**. На два десятка выросло число государств, имеющих с Израилем дипломатические отношения (всего — 150). За год МИД принял около 3 тысяч

иностранных делегаций. Годовая «нагрузка» Рабина: он принял 19 президентов и премьеров, 11 министров обороны, 30 «прочих» министров.

Экономика шла вверх. Доля валового дохода на душу населения составила 17,3 тысячи долларов (Япония — 34 тысячи, США — 24 тысячи). Одновременно **рос разрыв между самыми богатыми и самыми бедными**. Среди стран Запада по степени такого разрыва Израиль уступает лишь США.

Если же из плоскости более или менее осязаемых фактов и факторов перейти в другую, лежащую не на поверхности плоскость, то можно было констатировать раскачку идеологического фундамента, на котором воздвигнуто здание государства Израиль. Разговоры о кризисе сионизма, «постсионизме», непрекращающиеся попытки так называемых «новых историков», «критических социологов» демифологизировать Израиль и его историю, отражают глубинные, происходящие на социо-психологическом уровне процессы, ведущие к отчуждению иудаистских мотивировок, иудаистского мировосприятия от современного израильского сознания.

Возникает «новый сионизм». Его формулу удачно обозначил один из «русских» репатриантов: «Мой сионизм исчерпывается тем, что я живу в этой стране, плачу ей налоги, а мой сын её защищает». С одной стороны, такой «сионизм», превращающий Израиль в «такое же государство, как все», облегчает сосуществование Израиля с арабским окружением. Но с другой, — трансформация сионизма, отступление классического иудаизма под натиском времени ведут к тому, что евреи, граждане Израиля, утрачивают ощущение собственной правоты. Подымаются идейно-политические основы высокой сопротивляемости израильтян.

В данном контексте имеет смысл хотя бы очень поверхностно затронуть огромную тему — **сионизм**.

Согласно Краткой Еврейской Энциклопедии, сионизм — еврейское национальное движение, ставящее своей целью объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине — в Эрец-Исраэль, а также идеологическая концепция, на которой это движение основывается. Сионизм, потому что Сион (Цион, Цийон) — холм в Иерусалиме; там — центр сбора евреев¹.

В советской литературе понятие сионизм обычно обрастало такими эпитетами, как расистский, националистический, шовинистический,

¹ Строго говоря, это определение не совсем точно. Дело в том, что первоначально («по Гершлю») вопрос о месте, расположении столь желанного еврейского государства не считался первостепенным. Рассматривались разные варианты. «Эрец-Исраэль» («Земля Израиля») как единственно приемлемый для сионизма вариант — это была установка Жаботинского, ревизионистского крыла сионизма.

реакционный, империалистический и далее везде. Все эти эпитеты и выражаемое ими содержание были производными от заданной идейно-политической установки: сионизм — враг. И, тем более, враг, который не сдаётся... Однако не будем слишком упрощать картину. Основания для критики сионизма были и есть. Они есть тогда, когда сионизм увязывается с идеей «богоизбранности», исключительности еврейского народа, когда еврейский народ рассматривается как некое «боговдохновенное» образование, противопоставляемое другим народам.

Сионизм всегда был причудливой смесью, переплетением религиозного и светского, мистики и прагматизма, мессианства и приземлённости. С ходом истории удельный вес мистики, мессианства снижается. И тем не менее нынешние проблемы сионизма, его кризис во многом связан с противостоянием, борьбой двух полюсов — светского и религиозного.

Но вернёмся к определению. Итак: (1) движение с целью «объединения и возрождения» и (2) идеологическое основание, идеологический фундамент движения. Эрозия коснулась обоих пунктов.

Объединения всех евреев в Эрец-Исраэль не получилось. Сначала фактически, теперь концептуально. Ибо формируется вполне реалистическая концепция установления динамического равновесия между диаспорой и Израилем. Ибо для многих евреев их «доисторическая» (а, может быть, лучше — «постисторическая») родина имеет не меньшее значение, чем родина историческая. Ибо, наконец, перемещение последней алии не имело к сионизму практически никакого отношения. Налицо кризис сионизма именно как движения.

А сионизм как идеология? История коварна. Триумф сионизма как идеологии (и как движения) — образование Государства Израиль. Чудо XX века! Но в триумфе скрыты семена поражения. Достаточно всмотреться в повседневную, «нормальную» жизнь нынешнего Израиля, чтобы стало ясно: политическая победа сионизма поставила под вопрос сионизм как идеологию. Герцль и Жаботинский, сколько бы улиц ни носили их имена, принадлежат прошлому. Еврейский сионистский фундаментализм не выдерживает столкновений с постсионистской действительностью. Активизация, напор ортодоксов доказывают как раз это, именно это.

Начались, идут поиски «нового сионизма», новых национальных, идеологических ценностей. Ещё в 1982 году Амнон Рубинштейн, один из лидеров блока МЕРЕЦ, опубликовал книгу «Обновление сионистской мечты». Он писал: «Возвращение в Сион тесно связано с превращением еврея в нового человека. Еврей станет «гоем» в двойном значении этого слова на иврите, то есть «неевреем» и «народом». После того, как состоится это преображение, травмы прошлого будут на-

всегда забыты. Быть гоем означает быть здоровым; здоровые люди, здоровые народы не озабочены вопросами своего существования и выживания». Программа секуляризации сионизма: Израиль станет «домом, а не храмом, светской нацией, а не священным племенем, хорошим соседом, стремящимся к прекращению войн, а не народом-одиначкой, живущим отдельно и на другие народы непохожим».

Но есть и другой полюс. Его хорошо обозначает брошюра раввина Хаима Циммермана «Смерть сионизма». Умер классический сионизм, лидеры которого — грешные, далёкие от религии люди — создали еврейское государство. Теперь наступает новый исторический этап — зачатое в грехе государство должно перейти в руки религиозных ортодоксов, «людей Торы». Как сказано в Талмуде: «Приготовит злодей, носить будет праведник». Или, как сказал ещё один сторонник «национализма Торы» профессор Иегуда Леви, в наших силах преобразовать «поступки дьявола» в «начало избавления». Оживление религиозных фанатиков — попытка соединить теорию с практикой.

Израиль бурлит. Ищет себя в новой постсионистской (или — неосионистской) среде. Мечется между Торой (которая уходит в прошлое) и Конституцией (которая выходит из будущего). Превращает евреев в израильтян, но боится, что они действительно станут израильтянами.

28 декабря депутат Кнессета от религиозной партии МАФДАЛ Шауль Яалом обратился к министру просвещения и культуры с призывом, чтобы во всех школах провели кампанию по разъяснению детям, что **Рождество и Новый год — христианские праздники, и жителям Израиля не пристало их отмечать.**

Вряд ли министр внял этому призыву. А вот мы с Петровной поступили вполне «ортодоксально». Решили не отмечать. Днём 31-го посидели тихонько с Элиной Быстрицкой. А вечером — телевизор. Отмечали в Москве. А мы только смотрели.

Культура в декабре. Конкурс-концерт «Мисс «Вести». Лолита и, прошу прощения, Саша; Моисеев, который Б.; Пенкин, Чайка. В жюри царил любимец всех мисс и миссис Веня Смехов. Ещё «На-На» выступали, но до них я не досидел. — Международный конкурс арфисток. Два раза имел удовольствие. Победила наша — Анна Макарова. — Евтушенко читал стихи. Зал гремел аплодисментами. Перес устроил приём в честь поэта. Поэт размышлял вслух и по-английски на тему «Я и Россия». Тему раскрыл. — В кибуце выставка гравюр на алюминии Йозефа Вишни. Поляк. Мастер на все художнические руки. — Опера «Набукко». Постановка почти по Любимову. Хор — нет слов. «На реках вавилонских» — на бис.

ЯНВАРЬ-95

*И снова самоубийцы — План «разъединения» —
— Кому платят пенсии?*

Политический январь начался обстоятельной беседой с президентом. Как договаривались, общий, почти философский взгляд на российско-израильские отношения и на мировую политику в целом. Изложил свои тревоги и недоумения. Последний пример — неадекватная, взвинченная реакция на «разоружение» «Эл Ал». Президент был задумчив. Просил учесть неоднородность израильского общества и, соответственно, общественного мнения. Неоднородность того, что называют «правлящие круги». Исторически обусловленная «отягощённость» отношений с Россией не может быть, как бы нам этого ни хотелось, преодолена за несколько лет. Многие не верят России. И будущее, характер наших отношений зависят и от нас, но и от вас.

Выйдя на глобальный простор, Вейцман сказал, что центр мировой политики смещается на восток и юго-восток (Япония, Китай, Индия, Индонезия, «тихоокеанская цивилизация»). И здесь Россия занимает чрезвычайно выгодные геополитические позиции. Если, конечно, сумеет воспользоваться ими.

В контексте разворота на восток следует, по мнению президента, рассматривать и ренессанс ислама, нарастание агрессивности мусульманского мира. Опасность там, где пересекаются, сливаются национализм и религиозный фанатизм. Это — опасность и для России.

Разумеется, возник Иран. Но тут мы не могли сказать друг другу что-либо новое, интересное.

Президент рассказал о своём визите в Египет. Вейцману так и не удалось убедить Мубарака посетить Израиль. Он не хочет «смущать» Асада. Оба президента согласны с тем, что Асад держит ключ от ближневосточного урегулирования. Тут мы малость поспорили. В связи с Сирией Вейцман сделал два замечания. Американцы слишком часто появляются в Дамаске, что создаёт у Асада завышенное представление о своей роли. Это — первое. И второе. Если бы Асад принял «модель Садата», приехал бы в Иерусалим и выступил в Кнессете, он значительно ускорил бы возвращение Голан.

В общем, беседа оказалась более пресной, чем мне хотелось бы. Но трудно подсыпать соль, чувствуя на себе дипломатический мундир.

По просьбе своего друга О니кова принял живущего в Израиле юриста Е.М.Вольфа. Оказалось, что он является «личным и официальным» представителем академика парапсихологии Игнатенко А.В. И пришел просить меня переслать письмо М.С.Горбачёву. Письмо любопытное. В нём сообщалось, что появились возможности развить новый взгляд на природу человека, выявить ориентиры, позволяющие перевести цивилизацию на новый качественно уровень. Говорилось о том, через цепь последовательных перевоплощений совершенствуется «душа» человека, приближаясь по своему образу и подобию к «Высшему Промыслу». Поэтому естественно, что на роль водителей человечества или его значительной части выдвигаются люди, прошедшие специальную многовековую духовную подготовку.

Далее шла суть дела: «Для демонстрации этих положений академик Игнатенко А.В. планирует организовать съёмки фильма, в котором — с использованием приёма обнажения глубинной памяти — показать нарастание интеллекта конкретной человеческой сущности, выводящего его через века на позиции, позволяющие влиять на судьбы стран и народов, показать, что выбор и конкретная расстановка лидеров такого уровня не может быть ни произвольной, ни случайной.

Представляется, что убедительная демонстрация описанного явления способна коренным образом изменить взгляды людей на цели и методы социальной и политической деятельности, на смысл бытия и способы формирования личности...

Грандиозность предстоящей задачи диктует особые требования достоверности, авторитетности и безусловной нравственности самых первых шагов по её осуществлению. Именно поэтому принято решение просить Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, а также экс-президента США и одну из царствующих королевских особ принять участие в съёмках названного фильма».

Письмо я Горбачёву отправил без всяких комментариев. Надеюсь, он не клюнул на эту дурь. Комментарии были в письме Оникову: «С Вольфом побеседовал. Всё бы хорошо, да вот Академия парапсихологии, перевоплощение душ и др., и пр. — ещё одно доказательство (для меня, во всяком случае) того, что мы живём в сумасшедшем доме. Как ни включу ТВ, а там всё попы. И начальство с отрешённым видом. Трудно допустить, что все так поглупели. А значит — врать стали больше.

Тут нынче экстрасенсов (колдунов, знахарей) тьма тьмущая. Но когда я прошу отпустить мне хоть маленькое чудо — не получается у

них. Так что хожу, как и ты, с палкой (она же — трость!). Зато, когда все стоят (на приёмах), я могу сидеть.

О России предпочитаю не думать, ибо не могу ни понять, ни объяснить. Страшно не за себя. За дочь и внука. В общем — у разбитого корыта...»

И такое случается в посольской жизни...

.....
22 января на перекрёстке Бейт-Лид (недалеко от Нетании) раздалось два взрыва. Погибли 18 человек, 62 получили ранения, 15 — тяжёлые. Ответственность приняла на себя экстремистская организация «Исламский джихад». Один из её лидеров Фатхи Шкаки, живший в Дамаске, рассказывал в интервью: «Мы работали долго и очень тщательно. Оба исполнителя были хорошо знакомы друг с другом. Они побывали на перекрёстке, который был выбран для совершения акции, и изучили местные особенности.

В назначенное время они выехали из Газы в Тель-Авив, а оттуда — на место, остановку автобуса, где постоянно скапливается множество солдат. Слуги Аллаха действовали исключительно слаженно. Один из них вошёл в кафе и взорвал себя и вражеских солдат. Другой в это время стоял на улице и ждал, когда начнётся паника и солдаты бросятся из кафе на улицу. Дождавшись этого, он взорвал себя»¹.

Говорит младший брат одного из камикадзе 15-летний Абдулла Сохар: «Я готов продолжить дело моего старшего брата, пожертвовав собственной жизнью, чтобы убить как можно больше евреев. Дело моего брата — праведное. Дайте мне сейчас сумку с взрывчаткой, я тут же пойду убивать израильтян. А ещё лучше — израильских солдат. В раю нет КПП, нет страдания и боли».

Правые бросились в атаку на правительство. Из заявления партии МАФДАЛ: «Невозможно, ведя весь народ по пути политического самоубийства, постоянно оправдывать свои действия тем, что речь идёт о террористах-самоубийцах. В Иерусалиме сидит компания ханаанцев, знать ничего не желающих и омерзительных, которые водят правительство за нос и заставляют его валяться в ногах у подонков, являющихся наследниками нацистов».

Левые сопротивлялись: «Мы обязаны идти по избранному нами пути, — заявила министр науки Ш.Алони. — Акция самоубийства не должна заставить нас свернуть на самоубийственный путь. Стиснув

¹ Израильские спецслужбы выследили Шкаки и убили его. Выступая на траурном митинге, советник Арафата Хани Хасан заявил: «Фатхи Шкаки — гигант из гигантов палестинского народа, один из гигантов нации. Он верил в ислам и занимался его распространением. Он был наставником поколений, сумевших понять, что только там, где есть единство, достигается победа, а там, где есть страх, неизбежно поражение».

зубы, невзирая на горечь и боль, мы должны объявить о продолжении мирного процесса».

Президент Вейцман предложил прервать политические переговоры с палестинцами и «подумать о том, что делать дальше».

Правительство поступило по стандарту: был немедленно объявлен «сегер», то есть блокада, закрытие территорий. Потом стали думать. В результате возникла идея разъединить евреев и палестинцев. Эта идея обсуждалась на бурном заседании правительства 29 января. Развёрнутый план разъединения представил министр связи и полиции М.Шахал. Не «забор», а ужесточение контроля, режима. Интенсивное патрулирование (более 2000 пограничников). Системы сигнализации и электронного слежения. В стратегически важных точках — вышки, оснащённые оптикой и приборами ночного видения. Радары, способные обнаружить человека. В некоторых местах (для перекрытия тропинок и грунтовых дорог) — заграждения и решётчатые ограды. Сторожевые собаки (100 уже есть, нужно больше). Вся эта система должна находится в ведении полиции, а не армии.

Была создана (законы бюрократии всеобщие!) межведомственная комиссия по вопросам разъединения. Свои предложения она должна была представить к 5 марта, а само разъединение предполагалось осуществить в течение полугода.

С некоторым опозданием комиссия представила предложения. Во многом они совпадали с планом Шахала. Но контроль оставался в руках армии.

Однако возникли сложности. Политические и финансовые. Протестовала военная разведка: в ближайшей перспективе размежевание даст ничтожный эффект, а в долгосрочной — отрицательный; оно будет провоцировать активность террористов. Оппозиция возражала, потому что размежевание фактически означает границу и будет работать на создание независимого палестинского государства. Негативное заключение дало министерство финансов. Смущали такие цифры: 2 миллиарда шекелей на создание и 200 миллионов каждый год на эксплуатацию. Были и другие проблемы.

В июле я разговаривал на эту тему с министром внутренней безопасности А.Кахалани. Он был — за. Вплоть до контрольной полосы вдоль всей границы с автономией. Создание «герметичной» границы позволит решить и ещё одну острейшую проблему — угон машин. Каждый год угоняют примерно 30 тысяч, и почти все они оказываются на Западном берегу.

Как бы там ни было, постепенно идея размежевания выдохлась. Она опережала время. И поэтому в данном времени её минусы перетягивали её плюсы. Но времена, как известно, меняются.

.....
23 января встретился с бывшим начальником Генерального штаба Э.Бараком. Прощание с армией он учинил в киббуце Оген в кругу близких ему людей. Был, естественно, Рабин. Он держал речь: «Ты всегда умел думать и тебе хватало мужества брать на себя ответственные решения. Я первый боевой генерал, который стал премьер-министром. Так что, кто знает... Желаю тебе успеха, Эхуд!» Эхуд не подкачал...

Но в январе 1995 года он ещё не знал о том, что будет в мае 1999 года. Беседовали о текущих делах. Он был сторонником разъединения. А вместо 100 тысяч палестинцев, которым перекроют дорогу, вполне можно завезти рабочих из Румынии, Филиппин, Таиланда и других стран. Арафата надо «прижать». Надо потребовать от него, чтобы он выполнял свои обязательства. И каждый свой шаг соизмерять с шагами палестинцев. Арафат не хочет понять, что ещё несколько Бейт-Лидов, и правительство Рабина падёт. А с лидерами Ликуда ему придётся туго. По мнению Барака, следующие выборы принесут победу оппозиции, что может задержать мирный процесс на 4-8 лет.

Как в воду глядел...

.....
26 января арабы и представители израильских левых («Шалом ахшав») устроили манифестацию, протестуя против попыток поселенцев расширить поселение Маале-Амос. Манифестанты сожгли два каравана. Поселенцы открыли огонь. Накал страстей отражал общую обстановку в стране.

22 ноября 1992 года правительство приняло решение заморозить государственные ассигнования на строительство поселений на Западном берегу и в Газе. Однако через пару месяцев началось попятное движение. Разрешили продолжать строительство в пределах «Большого Иерусалима». Одновременно, чтобы ещё больше «разморозить» решение о «заморозке», была создана комиссия для «рассмотрения исключительных случаев».

Но всё-таки поселенцев держали на коротком поводке.

И в конце января оппозиция активизировалась. Лидер партии Моледет Р.Зеэви заявил: «На баррикады! Мы должны свалить это тупое правительство». Лидер партии Цомет Р.Эйтан призвал «сбросить правительство квислингов и возобновить поселенческую деятельность на всей территории Эрец-Исраэль».

Баррикад, конечно, не было. Но проблема поселений, к которой мы ещё вернёмся, остаётся одной из острейших в Израиле.

.....
Получил разъяснение из МИДа о порядке выплаты пенсий военнослужащим. Упоминаю об этом, потому что вопрос о пенсиях доставлял посольству много хлопот и часто заставлял стыдиться за свою

страну. Стыдиться потому, что мы — в отличие от других государств — не платили пенсий людям, которые оказались за границей, проработав всю свою жизнь в Союзе. Точнее, платили только в двух случаях: трудовое увечье или профзаболевание.

По поводу пенсий президент Сионистского форума Н.Щаранский 26 октября 1992 года обратился с письмом к Ельцину. Он писал, что значительная часть репатриантов заработали право на пенсию по возрасту или инвалидности. Но, к сожалению, Россия им пенсии не платит. Щаранский просил положительно решить эту проблему, что «способствовало бы подъёму международного авторитета новой России».

11 ноября я писал Элле Александровне Памфиловой: «...не проходит ни одной встречи с эмигрантами из России, где бы меня ни допекали вопросами о том, когда же Россия будет, «как это делают другие цивилизованные страны», выплачивать пенсии, пособия и т. п. своим бывшим гражданам. Обычно отвечаю, что в принципе новая Россия была бы готова положительно решить эту проблему, но «просто» нет сейчас денег, и вряд ли они будут скоро.

Напишите мне, пожалуйста, что думают в Москве по поводу пенсий. Можно ли ожидать каких-либо решений?

Возможно, я обращаюсь не по адресу. В таком случае сообщите мне, в какие двери стучаться.

Заранее признателен за ответ».

Ответ не последовал.

2 июля 1993 года президент России подписал Закон «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации». Постановление Правительства от 19 августа 1994 года разъяснило, что действие закона распространяется только на граждан, выехавших из России после 1 июля 1993 года. Это была большая несправедливость, лишившая пенсий десятки тысяч человек.

Да и те пенсии, которые можно было получить, при всей своей мизерности требовали массы усилий, многомесячных ожиданий. И надо было заплатить 20 долларов. И каждый год в декабре надо было явиться в консульство, чтобы сотрудник консульства мог «удостоверить факт нахождения в живых». Этакий своеобразный «техосмотр»...

Я продолжал переписку. Последнюю бумагу получил 31 октября 1995 года. Председатель думского комитета по труду и социальной поддержке С.В.Калашникова сообщила мне, что Министерство социальной защиты населения и Пенсионный фонд подготовили законопроект, предусматривающий распространение действия закона от 2 июля 1993 года на всех граждан, выехавших из России до 1 июля. Законопроект направлен в Правительство для внесения в думу.

А МИД уведомлял меня, что закон от 2 июля распространяется и на военнослужащих.

.....

Культура в январе. Концерт молодёжного симфонического оркестра. Чайковский и Стравинский. Хороших музыкантов готовят в России. — Театр Семёна Злотникова. Фантазия на тему пьесы Нисима Алони «Невеста и ловец бабочек». Пьеса средняя, не разыграешься. — Открытие Центра смеха. Командовал Александр Каневский (родной брат майора Томина). Самое смешное, что все, действительно, смеялись.

ФЕВРАЛЬ-95

*Ясир Арафат — Участок Эль Бирке —
— «Дело Сегала»*

Февраль прошел, можно сказать, под знаком Арафата. Встречался с раисом три раза. Представлю его.

Арафат родился в августе 1929 года. По разным документам — 4-го или 24-го. Он утверждает — в Иерусалиме. Большинство исследователей называют Каир. Учился в Каирском университете. Имеет диплом инженера. В чине лейтенанта участвовал в Суэцкой кампании 1956 года. Потом жил в Кувейте, занимался строительным бизнесом. В 1959 году возглавил Движение освобождения Палестины, ФАТХ. Через десять лет — годы напряжённой борьбы, политических интриг, маневрирования в вязкой эмигрантской среде — Национальный совет Палестины избирает Арафата председателем Исполкома ООП¹. Подпольный псевдоним — Абу Аммар.

30 лет во власти, да ещё в эмиграции, да ещё на Ближнем Востоке — это мировой рекорд, свидетельство того, что Арафат — незаурядный, умный, хитрый, расчётливый политик. О нём мало что можно сказать как о человеке. Ведёт аскетический образ жизни. Никаких хобби. Не пьёт и не курит. Нет гарема. В 1992 году оформил брак с Сухой Тауиль (разница — 35 лет). В 95-м у них родилась дочка. «Палестинская революция» — вот его жизнь, его семья, его судьба.

Как и любой политик, Арафат, наверное, не раз ошибался. Но две его ошибки заслуживают упоминания. Он поддержал августовский путч, приветствовал ГКЧП. Понятно — почему: его вполне устраивал доперестроечный Советский Союз. Он поддержал Саддама Хусейна, когда тот захватил Кувейт. Понятно — почему: враг Израиля — его друг. Тем более Хусейн предложил вывести свои войска из Кувейта, если Израиль уйдёт с оккупированных территорий, то есть

¹ Структура ООП такова. Высший орган («парламент») — Национальный совет Палестины. Он объединяет несколько организаций, включая ФАТХ. Национальный совет избирает Центральный Совет и Исполнительный комитет. Есть ещё и Высший военный совет. Под ними разветвлённая система отделов, фондов, центров, боевых формирований. Арафат является председателем всего «центрального» и «высшего» и плюс к этому возглавляет ещё два десятка различных учреждений.

отдаст их Арафату. В Израиле нервничали. Йоси Сарид писал тогда: «Надо надеть противогаз, чтобы не отравиться той вонью, которая исходит от позиции, занятой палестинцами относительно Саддама Хусейна. Объятия, в которые заключают друг друга Саддам и Ясир, не просто внушают отвращение, от них исходит угроза. Поколения палестинских лидеров делали все ошибки, которые только возможны. Они умудрялись даже совершить ошибки, которые, казалось бы, невозможно совершить. Это повторяется и сейчас, с начала кризиса в Заливе».

Арафат не раз попадал в сложнейшие, критические ситуации.

Отмечу только «пиковые нагрузки».

В «чёрном» сентябре 1970 года король Хусейн вышвыривает своего «брата» из Иордании.

В августе 1982 года израильтяне после 88-дневных боёв вынуждают Арафата покинуть Бейрут. Шарон мог бы покончить с Арафатом, но американцы (неисповедимы пути политики!) раскрывают над ним зонтик безопасности.

В декабре 1983 года мятежные фатховские офицеры с помощью «братской» Сирии атакуют Арафата в Триполи. Находясь в осаде, Арафат даёт интервью французскому «Пари-матч»: «Сирийский режим преследует конкретную цель. Он хочет выступать в роли главной местной державы. А для этого желает держать в руках все карты, в частности — ливанскую и палестинскую. Фактически происходит сближение интересов Сирии, Израиля и США, состоящих в том, чтобы отказать в праве на существование сильной и независимой ООП, пользующейся полной политической самостоятельностью. Поскольку мы занимаем по этому вопросу непримиримую позицию, они пытаются нас ликвидировать. И поэтому-то я нахожусь здесь, осаждённый одновременно сирийско-ливанскими силами и израильским военноморским флотом». Арафат и 4 тысячи его боевиков эвакуируются из Ливана на греческих судах под охраной французских военных кораблей (на всякий случай, чтобы израильтяне не пустили Арафата ко дну).

7 апреля 1992 года самолёт, в котором находился Арафат, потерпел аварию над Ливией. 13 часов раненый Арафат ждал помощь в песках Сахары. Не знаю, правда или нет, но читал, что спасение пришло от израильского радиолюбителя. Он поймал сигналы бедствия и передал их в штаб-квартиру ООП.

У Арафата много врагов, и они не жалеют мрачных красок, рисуя его портреты. Вот, например, М.Аграман, «художник» из Израиля: «Из книг об Арафате, интервью с ним он предстаёт типажом, близким к Гитлеру (как ни банально сравнение). У него та же магнетическая власть над невежественной толпой, хотя он косноязычен, и его арабский гораздо хуже, чем тяжеловесный немецкий бесноватого. Над фюрером смеялись Фейхтвангер, Брехт, Осецкий и другие интел-

лектуалы. Над Арафатом тихо смеются интеллектуалы с научными степенями. Массы думают иначе, потому что вождь говорит им то, что они хотят услышать. Арафат не уступает Гитлеру в умении распознать слабые звенья в психологии врага и сыграть на том, что враг связан нормами законов демократии».

Гораздо лаконичнее был Ицхак Шамир. У него спросили: почему он не отдал приказ убить Арафата? «Потому что он от рождения глуп, — ответил Шамир. — Зачем нам, чтобы террористами руководил умный?» Боюсь, что Шамир обманывал самого себя...

У Арафата достаточно соперников, конкурентов внутри ООП. Иногда ему буквально наступали на пятки. Но он был непотопляем. Хотя многим — и в ООП, и за её пределами — казалось, что он уже находится в положении того мавра, который должен уйти. «С этим человеком и его бесконечными прожектами, — сказал президент Асад в 1992 году, — мне приходится иметь дело уже не первый десяток лет. Самое лучшее, что он может сегодня сделать — это встать и уйти. Его время истекло, но, к сожалению, у него не хватает ума понять это».

У Арафата хватило ума понять: чтобы тебя не «ушли», надо менять курс.

15 ноября 1988 года 19-я сессия Национального совета Палестины признала (через 41 год!) резолюцию ООН о разделе Палестины и провозгласила (опять же с опозданием на 40 лет) создание Государства Палестина. Одновременно были признаны резолюции Совета Безопасности ООН №№ 242 и 338. Было заявлено, что террор «во всех его видах» отвергается. Арафат продолжил и закрепил эту линию, выступая 13 декабря в Женеве на 43-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Он выразил готовность принять участие в международной конференции по Ближнему Востоку. Он обратился к израильскому народу: «Давайте помиримся. Давайте отбросим страх и запугивание. Давайте оставим позади войны, непрерывно бушевавшие в горах этого конфликта в последние 40 лет. Давайте отбросим все угрозы войн в будущем, жертвами которых могут стать лишь наши и ваши дети. Давайте помиримся. Давайте обеспечим мир для смелых, далёкий от высокомерия власти и оружия уничтожения, далёкий от оккупации, угнетения, унижения, убийств и пыток».

Арафат не всегда был последовательным (или, наоборот, был!?). В январе 1990 года, находясь в Ливии, он заявил: «Государство Израиль есть порождение Второй мировой войны, и оно должно исчезнуть, как исчезла Берлинская стена». Тут и не пахло «миром». Но Арафата можно было извинить: инерция давит, не так-то легко менять стратегические ориентиры...

В общем, открывая дверь, ведущую к переговорам, к переговорам именно с ним, с Арафатом, он обретал второе (или уж не знаю —

которое) дыхание. А дальше — Мадрид, рукопожатия перед Белым домом и триумфальное появление в Газе.

Возвращение в Газу окрылило Арафата. И не только в переносном смысле. За первые четыре года пребывания раиса в Газе, его личный самолёт совершил 573 рейса, налетав в общей сложности три миллиона километров. Арафат посетил 109 стран. Подсчитано, что истраченного горючего хватило бы для отопления всего сектора Газы в течение одного зимнего сезона.

Оказавшись в Газе, Арафат вынужден выписывать фигуры высшего политического пилотажа. Призыв «Давайте помиримся!» остаётся официальной линией. Но линия эта далеко не прямая. Часто (слишком часто, чтобы это было случайностью) Арафат делает заявления, заставляющие израильтян задуматься над его искренностью.

Все обратили внимание на выступление Арафата в Иоганнесбурге (ЮАР) 11 мая 1994 года. Говоря о соглашениях с Израилем, он вспомнил о договоре, который пророк Мухаммад подписал в 628 году с курейшитами. Пророк обещал курейшитами мир на 10 лет. Но через два года передумал, вырезал всё племя курейшитов и захватил Мекку. Вот и мы, сказал Арафат, принимаем соглашение с израильтянами «только для того, чтобы проложить наш путь к Иерусалиму». Эта аналогия вряд ли могла воодушевить израильтян...

21 октября 1996 года Арафат произнёс пламенную речь в лагере беженцев Дегейша: «Мы знаем только одно слово — джихад, джихад, джихад! Когда мы прекратили интифаду, мы не прервали джихад за создание палестинского государства со столицей в Иерусалиме. А сейчас мы вступаем в фазу величайшего джихада, предшествующего созданию суверенного палестинского государства, столицей которого является Иерусалим. Мы находимся в конфликте с сионистским движением и протестуем против Декларации Бальфура и всей деятельности империалистов». Нетрудно понять, что «против Декларации Бальфура» означает — против еврейского государства в Палестине.

Можно возмущаться такими речами Арафата. Можно упрекать его в двуличии. Однако политика имеет свою логику. Мирный процесс зашел настолько далеко, что приходится принимать Арафата таким, каков он есть. Арафат понимает это...

В феврале 1997 года в ходе очередных политических разборок кто-то из левых, «голубиных» депутатов Кнессета сказал, что Йоси Бейлин «всё предвидит» и «делает историю». Ему ответил другой депутат, Бени Элон от «ястребиной» партии Моледет: не Бейлин делает историю, а Арафат. «Арафат, безусловно, убийца, но в то же время настоящий гений в том, что касается тактики и стратегии... Арабы видят, что этот человек шаг за шагом добивается всего, чего хочет, и подчиняются ему, хотя, конечно, без борьбы за власть не обойтись. Впрочем, Арафат сумел повести за собой не только арабов, но также

Рабина, Переса, Нетаньяху и депутата Кнессета Бейлина... Арафат вынудил Нетаньяху играть по своим правилам...

Мирный процесс — и глава правительства это знает — в конце концов завершится кровавым конфликтом. Когда это произойдёт, знает только Арафат, который дожидается благоприятного момента... Именно Арафат, а не Йоси Бейлин делает историю».

Должен признаться, что я недооценил степень выживаемости и политический потенциал Арафата.

Арафат, — писал я в Москву где-то в начале 1994 года, — разумеется, незаурядный человек, классик, если угодно, восточной, «византийской» политической школы, где правят бал интриги, жестокость и ложь. И где цель оправдывает средства. Сумев выжить, выдержать три десятилетия эмиграции, борьбы за лидерство и встать рядом с президентом США, Арафат доказал свои недюжинные способности. И, на первый взгляд, 13 сентября представляется его победой.

На самом же деле перед нами — пиррова победа, поражение Арафата. Ибо он не смог решить главную задачу своей жизни — уничтожить «сионистское образование». Он не смог создать не то что «единую демократическую Палестину», но даже суррогат такой Палестины — буферное мини-государство между Израилем и Иорданией.. Уступки, на которые был вынужден пойти Арафат, чтобы подписать соглашение с израильтянами, по существу перечёркивают все принципы «палестинской революции».

Арафат, несомненно, понимает это. И он стремится во что бы то ни стало обратить поражение в победу, истолковать Декларацию о принципах как шаг на пути к образованию независимого палестинского государства. Отсюда — его заявления, противоречащие сути Декларации. Отсюда же — попытки добиться на переговорах своего рода суверенитета по частям (армия под видом полиции, контроль за пересечением границ и т.д.). Отсюда, наконец, — бурная дипломатическая активность, которая призвана продемонстрировать авторитет Арафата, его причастность к высшим слоям мировой политической элиты.

Однако лёд, на котором Арафат выписывает фигуры высшей степени сложности, тонок и становится всё тоньше.

Во-первых, ближайшее окружение Арафата тяготеет к приказным, беспаллационным стилям руководства со стороны своего шефа. Возмущаются тем, что Арафат, чтобы сохранить единоличный контроль над поступлением финансов, назначил себя главой Ассоциации экономического самообеспечения («Самид»). Отмечается явное нежелание допустить к управлению автономией знающих, компетентных людей.

Во-вторых, падает авторитет «президента» и на территориях. Особенно среди молодёжи, которая поворачивается к Хамасу и «Исламскому движению». Проявляет признаки непослушания и местная палестинская знать. Израильские власти опасаются, что появление Ара-

фата в Газе и в Иерихоне поставит на первый план проблему его безопасности.

Поскольку израильтяне ни в коем случае не отступят от своих позиций, касающихся безопасности Израиля, для Арафата куда ни кинь, везде клин. Если переговоры с израильтянами сорвутся, Арафат станет объектом критики «справа», со стороны прагматически настроенных кругов ООП, сила которых растёт. Если же переговоры закончатся успешно, Арафат окажется под боем «слева», со стороны экстремистского крыла палестинцев.

Реалистически оценивая обстановку, было бы правильно исходить из того, что Арафат как политическая фигура, как лидер палестинцев принадлежит в основном прошлому. Время, события обгоняют его. Практически это означает, что уже сегодня было бы полезно, сохраняя внешне полную лояльность по отношению к Арафату, более пристально взглянуть в его ближайшее (и не совсем) окружение и постараться наладить контакты с его возможными «наследниками».

Все констатации вроде бы и правильные. Но вывод оказался слишком поспешным и не слишком реалистическим. Арафат сумел овладеть событиями и оседлать время. А вот на какое время — теперь уж не рискну сказать.

.....
Первая февральская встреча с Арафатом состоялась 3-го числа, последняя — 17-го. Арафат вернулся из Каира, где по инициативе Египта собиралась «четвёрка» (Мубарак, Рабин, король Хусейн и Арафат). Разочарован. Там было «три против одного». Но «одним» был не Рабин, «одним» был Арафат. Ни по одному вопросу Рабин не уступил. Мубарак с Хусейном вроде бы давили на него, но он не поддавался. Что дальше? «Я — пессимистический оптимист», — сказал Арафат.

Слушая сетования Арафата, я думал о том, что арабское единство почти всегда было скорее формой, чем содержанием. Вокруг палестинцев плетутся тончайшие кружева лицемерия. Принимаются общие резолюции солидарности, но тут же их авторы, когда они не вместе, а по отдельности, дают понять, шепчут в «третьи уши», что эта солидарность — лишь дань традиционному ритуалу. Правда, ритуал — тоже политика. И пока он соблюдается, пока Каир, Амман, Дамаск считают нужным разыгрывать палестинскую карту, у Арафата есть последний спасательный круг. Но только — пока. «Арабский национализм оказался несостоятельным, — я цитирую председателя Палестинского (просирийского. — А.Б.) фронта спасения. — Арабский коммунизм провалился. Остался Аллах». Вот именно. А Аллах, насколько мне известно, не всегда поддерживает правоверных.

Но я не сообщил это Арафату. Он же с нажимом интересовался судьбой обещанных ему («самим Ельциным», — подчеркнул раис) бронетранспортёров. Заверил его, что машины «готовятся к отгрузке».

Снова о группе полицейских для обучения в России. Наше МВД отказывалось за свой счёт снабдить 15 человек тёплой одеждой и обеспечить их питанием. Мне стыдно было говорить об этом Арафату. Но пришлось. Просил, чтобы полицейские прибыли в Каир 5 февраля. «С Божьей помощью так и будет», — услышал я в ответ.

Коснулись Палестинской хартии. Арафат сердился. «Никто же не требует, — говорил он, — чтобы Израиль изменил текст Торы. А ведь там сказано, что «Земля Израиля» расположена между Нилом и Евфратом. И потом — израильтяне сами не выполняют свои обязательства. «И нечего давить на меня!»

7 февраля был принят Греческим православным Патриархом Иерусалима Диодором I. Его резиденция расположена в христианском квартале Старого города. Внешне довольно неказистый дом. Внутри — хоромы, настоящий тронный зал. Патриарх, величественный старец, весь в чём-то золотом, сидел на троне. Переводил митрополит Тимофей, выпускник Ленинградской духовной академии. Человек, приятный во всех отношениях.

Формальным поводом было обсуждение планов встречи 2000-летия Рождества Христова. По существу же меня интересовал участок земли в Иерихоне (Эль Бирке). Москва требовала «жать» на Арафата. Я «жал». Тем временем в палестинской газете «Эль Кудс» появилось сообщение, что против передачи этого участка России выступает Диодор, поскольку, как он считает, англичане отписали эту землю «белой церкви». И поэтому Арафат тает.

Диодор решительно отмежевался от сообщения газеты: «Эта земля к нам никакого отношения не имеет».

На встрече присутствовал молчаливый, незаметный человек, оказавшийся, как потом выяснилось, своего рода связным между палестинцами и Диодором. Он пояснил в конце беседы, что администрацию Арафата смущает тот юридический факт, что участок Эль Бирке принадлежал не государству, а Российскому Императорскому Палестинскому обществу.

С Диодором мы встречались и у него на «даче» в Иерихоне. Райские кущи. Поют петухи и муэдзины. Философствовали на разные отвлечённые темы. К Эль Бирке больше не возвращались.

А история с Эль Бирке раскручивалась неспешно. Мы, как всегда, не очень вникали в юридическую сторону дела и требовали от Арафата «политического решения». Такое решение последовало 1 апреля. В ходе встречи с Козыревым Арафат торжественно объявил, что он «дарит» этот участок России (довольно большая территория, сад и старая развалюха). Через несколько дней наш главный «связной» с Арафатом посетил Иерихон. Там и слухом не слыхивали о «подарке».

Надо было всё-таки переносить политическое решение на юридическую почву. Арафат не спешил. 16 мая я спросил его, когда мы можем получить ключи от участка и начать его практическое освоение (хотя мне было абсолютно непонятно, о каком «освоении» может идти речь). «Нет проблем», — ответил Арафат. Но свита подправила: есть «кое-какие накладки». Обещали устранить их за один-два дня.

К июлю «накладки» ещё оставались. 4 июля Арафат сказал, что осталось отрегулировать «рутинные детали». Свита снова завершила, что ждать осталось «совсем немного».

В августе в Газе было открыто российское представительство и проблема Эль Бирке ушла с моих горизонтов. Она была решена в начале октября 1996 года. «Акт возвращения России одного из её владений на палестинской земле, — заявил 3 октября директор Департамента информации и печати МИДа России Григорий Карасин, — мы рассматриваем как значительное событие, подтверждающее прочность исторических связей между российским и палестинским народами, между Россией и Палестинской национальной администрацией». Возможно, так оно и есть. Но мне было как-то не по себе вымогать у Арафата этот кусочек земли.

Кажется, земля эта, которой мы так энергично домогались, до сих пор не используется нами.

В том же октябре в МИДе возникла идея получить ещё какие-либо участки земли на территории «автономии» в счёт оплаты долгов «посольства Государства Палестина» в Москве. Формально это уже меня не касалось. Но я всё-таки высказался по поводу «нравственной ущербности» этой затеи. Ответ не помню. Кажется, мне разъяснили, что это «сам Арафат» придумал...

.....
Дела посольские шли своим чередом. Завершили составление политического отчёта за 1994 год. На этот раз он рождался в меньших муках, чем предыдущие. Главные споры развернулись по двум вопросам. Я утверждал, что нам выгоднее ради сохранения правительства Рабина притормозить переговоры, чем настаивать на их форсировании, на очередных уступках и рисковать судьбой правительства. Коллеги выступали против такого «противопоставления». И ещё меня упрекали в преувеличении глубины кризиса сионизма. Обошлись какими-то обтекаемыми формулировками.

Из-за чеченских событий повышали бдительность и укрепляли безопасность.

Хором, как когда-то запорожские казаки, писали письмо Пастухову с просьбой разрешить нам превышать ежемесячную норму расхода бензина на одну машину (эта норма равнялась 80 литрам). Чем мотивировали?

Мы не в столице. И почти каждый день (а то и пару раз в день) приходится ездить в Иерусалим (140 км в оба конца).

Приходится ездить в Газу (190 км туда и обратно) и в Иерихон (210 км).

Консульское обслуживание происходит и в Хайфе (200 км), и в Беэр-Шеве (230 км) и даже, хотя и не часто, в Эйлате (700 км).

Официально ответ мы не получили. Практически ездили как и раньше. Экономии, но в меру...

.....
10 февраля на мосту Алленби появился Посувалюк. Он прибыл только на один день, и день этот был пятница. Надо было шевелиться. Начали с Бейлина. Потом переместились к Рабину. Набор тем стандартный. И позиции стандартные. На этот раз без сюрпризов.

Главная проблема была в другом. В Вашингтоне собирались министры иностранных дел «коалиции мира», то есть той самой «четвёрки», которая 2 февраля заседала в Каире. Пока это была только «четвёрка», нас это мало волновало. Но Вашингтон означал появление американского коспонсора. А нас не приглашали. В Москве разыграли коспонсорские чувства. Начали обзвон посольств. Все уклонялись от определённого ответа. Висел густой туман. В конце концов Кристофер написал «дорогому Андрею» — пусть Посувалюк летит, но я буду разговаривать с ним или до встречи, или после. Против присутствия представителя Москвы на самой встрече возражает Мубарак.

Самолёт завтра утром в 6.30. Посувалюк колеблется. Козырев в Алма-Ате. Связываемся из моей машины с Ивановым (едем из Тель-Авива в Газу). По его сведениям Хусейн — за, евреи — за, палестинцы — за. Надо лететь. А если всё-таки не пустят, сразу из Вашингтона в Нью-Йорк.

Потом позвонил Бейлин. Ему из Вашингтона звонит Перес и сообщает, что палестинцы что-то заартачились. Очень просит Посувалюка в беседе с Арафатом подвигнуть его на положительное решение вопроса. Дипломатия в эпоху информационной революции...

У Арафата впервые наблюдаю острый разговор. Раньше Посувалюк был обтекаем и нежен. Сегодня — не узнаю. Резко о терроризме. Резко о непоследовательности (сюда вернул о Вашингтоне). Настойчиво об Эль Бирке. Сделали паузу, поели барашка — и опять. Разряжались анекдотами.

Вечером на квартире у Носенко Посувалюк играл на гитаре и пел песни. В четыре утра повёз его в аэропорт. По дороге: к министру не пробиться; депеши президенту не размечаются, Козырев ездит по вторникам и докладывает, что считает нужным.

.....
В посольство поступило обращение к президенту России от депутата Кнессета Гидеона Саги. Речь шла о так называемом «деле Сегала».

Анатолий Сегал — израильский («русский») стоматолог и бизнесмен, поставлявший медицинское оборудование в Челябинск. 28 декабря прошлого года он был арестован на основании Указа «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности». Месяц сидел без предъявления конкретного обвинения. Потом предъявили: ст. 147 («присвоение либо растрата чужого имущества, вверенного обвиняемому»).

Саги просил Ельцина «принять участие в судьбе доктора А. Сегала» и выражал надежду, что «все предусмотренные законом меры для облегчения его положения будут приняты». К подписи Саги присоединили свои подписи ещё 34 депутата Кнессета.

Направляя обращение в Москву, посольство просило крайне внимательно отнестись к нему. Как минимум, писали мы, следовало бы избрать другую меру пресечения и, — если закон это позволяет, — до суда освободить Сегала из-под стражи.

В связи с «делом Сегала» в Израиле 24 февраля появился («нелегально»!) уже упоминавшийся Поляков, который служил советником-аналитиком в администрации президента. По его словам выходило, что Сегала посадили, чтобы выбить из него компромат на мэра Челябинска. Поляков был на стороне мэра и приехал в Израиль, чтобы отсюда усилить нажим в пользу освобождения Сегала. Сдаётся, что обращение Саги как-то было связано с деятельностью Полякова.

Поскольку я полагал, что независимо от разборок в Челябинске с Сегалом поступают незаконно, то попросил президента Вейцмана вмешаться и написать Ельцину. Начальник канцелярии президента сообщил мне, что в Москву летит Бенцур разбираться с Сегалом.

Не знаю уж под чьим влиянием, но 17 марта Сегала выпустили под подписку о невыезде. Но он, посидев за здорово живёшь два с лишним месяца в камере, утратил веру в российское правосудие и сбежал в Израиль. И, наверное, правильно сделал...

.....
Культура в феврале. Изящный концерт из произведений Дворжака устроило посольство Чехии. — В Кнессете состоялся просмотр фильма Леонида Горовица «Кофе с лимоном». Потом состоялось обсуждение. Высказывались мнения, что фильм показывает Израиль в «чёрном цвете». Но высказывались и другие. Я бы согласился с депутатом Кнессета Бени Тёмкиным, который сказал, что это — «правдивое и тактичное повествование о чувствах, метаниях, разочарованиях эмигранта, в известной степени — каждого эмигранта».

МАРТ-95

*Визит Шумейко. С кем и куда ходить в Иерусалиме —
— Что такое Сохнут? — Наши шпионы в Израиле —
— «Зачастую ещё пожирая друг дружку живьём...»*

Март начался трудными переговорами в связи с предстоящим визитом Председателя Совета Федерации В.Ф.Шумейко. МИД Израиля энергично настаивал на том, чтобы при посещении Старого города (он расположен в Восточном Иерусалиме) действовали «обычные правила израильского протокола» — высокий гость посещает Святые места в сопровождении израильских официальных лиц. Об этом я разговаривал с заместителем Генерального директора МИДа Израиля Й.Шером ещё 20 февраля.

Моя логика не отличалась изысканностью. С точки зрения международного права, Восточный Иерусалим (а значит и Старый город) — оккупированные территории. И с этой же точки зрения статус Иерусалима вообще ещё не определён. Шумейко может пойти к Гробу Господню как частное лицо, как верующий человек. Мы не можем согласиться на официальное сопровождение, ибо это означало бы признание израильской позиции по отношению к Иерусалиму. А поскольку Россия — коспонсор, ей негоже идти поперёк юридических конструкций и мирового общественного мнения.

Тяжёлый, трудный, долгий разговор состоялся 1 марта. С тем же Шером и с заведующим I Восточноевропейским департаментом МИДа Израиля Мироном Гордоном. За всё время моего пребывания в Израиле это была, пожалуй, единственная дипломатическая «разборка», потребовавшая максимум времени, нервов и аргументов.

Я снова и снова апеллировал к международному праву и к мировому общественному мнению. Мои собеседники отклоняли мои доводы, ссылаясь на то, что «реальность» (Иерусалим — столица и нераздельная часть Израиля) давно обогнала право, а тем более — «мнение».

В конце концов израильская позиция была сведена к нескольким пунктам.

Шумейко может посетить христианские святыни Старого города, как он хочет — один или в сопровождении православных духовных персон.

Посещение еврейской и мусульманской святынь предполагает официальное израильское сопровождение.

Если Шумейко не согласен на сопровождение, возможен «вариант Клинтона» — не посещать Старый город вообще.

Если же Шумейко отклонит израильские рекомендации, это будет рассматриваться как нарушение сложившихся процедурных обычаев и вызовет разочарование в Израиле.

Спорили долго. Я сказал Шеру: «С удовольствием приду к вам в гости, но почему вы должны обижаться, если я не люблю фаршированную рыбу?»

Посольство рекомендовало Москве отклонить израильский вариант и настаивать на праве православного человека — в свободное от программы время, в качестве паломника — посещать святыне христианские места Старого города без официального сопровождения. Это же относится к другим частям Старого города (иудейские и мусульманские святыни). Иначе мы создадим прецедент на все последующие визиты.

Разумеется, — писали мы, — это вызовет здесь недовольство, кислые физиономии. Возможен шум в прессе. Возможно сужение участников нашего приёма. Но следовало бы проявить твёрдость и раз и навсегда снять эту проблему.

Рассказывают, что Посувалюк согласился с нами: «Посол прав. Так держать»¹.

3 марта прибыла «передовая группа» для отработки порядка и деталей визита. Наглые, хваткие, «крутые» мужики. Требовали для шефа почестей по первому разряду (помню — много мотоциклов). Настаивали на предварительном просмотре списка приглашённых на приём. Привели израильтян в полное изумление, потребовав письменной гарантии доброкачественности пищи. С серьёзным видом изучали маршрут передвижения Шумейко. Предупредили, что для супруги особой программы не нужно — только магазины и алмазная биржа.

Относительно Иерусалима они предложили такое решение. Давайте скажем израильтянам, что согласны с ними. А потом он «вдруг» передумает и поедет, как хочет. Всё это было смешно и грустно. Но мне новая генерация «обслуги» была интересна. Пригласил их в Савьон поужинать. Но они, к сожалению, не были интересны.

Владимир Филиппович Шумейко в сопровождении 20 человек свиты и 6 журналистов прибыл 6 марта. Три мотоциклиста вместо желанных пяти. Началась гонка, слава Богу, почти без препятствий.

¹ Мне приходилось держать удары и с другой стороны. Нужно было посетить министра юстиции. Его контора находилась в Восточном Иерусалиме. Поехал туда. «Посол» Арафата в Москве учинил протест и потребовал разъяснений. Моя позиция была проста: не надо путать политику с географией. На том и порешили..

Первый номер программы — Кнессет. Почётный караул. Барабаны. Возложение венка. Разговор со спикером Кнессета Вайсом. Галерея для гостей. Шло заседание. Кто-то произносил речь. В зале было не больше десяти человек. Шумейко удивился... Там же в Кнессете поговорили с Пересом. Из Кнессета — к президенту. И обратно в Кнессет на обед (в смысле — на ужин) к Вайсу. Первый тост поднял Вайс: «За Красную армию!» Потому что приближалось 50-летие Победы.

На следующий день — мэр Иерусалима Ольмерт, посещение мемориального комплекса Яд ва-Шем, беседа с Рабиным. Трапеза в Духовной миссии с архимандритом Феодосием и с ним же — в Старый город к Гробу Господню. В нехристианские части Старого города Шумейко не пошел. Чтобы не обострять.

Но журналисты что-то пронюхали. В газетах были заголовки типа «Скандалный гость Владимир Шумейко». Хотя всё было как раз наоборот — гость оказался покладистым. И не только покладистым, но и умеющим здраво и осмысленно рассуждать. Что не всегда случается среди нашей «элиты».

Однако хозяева явно были недовольны, что гость не принял их сопровождение. На приём, который устроил Шумейко, не явился ни один израильский министр. Зато блистали наши посольские дамы...

8-го утром Шумейко улетел. «Здорово, — сказал он, — у вас. Никого не видно, никакой суеты, а всё идёт, как по маслу». Мне было приятно. Одарили нас большой коробкой с буханками чёрного хлеба и парой ящичков с шампанским и сухим вином. Тут же раздали отличившимся в качестве премии.

Кстати, Шумейко был единственный визитёр, который, вернувшись в Москву, прислал нам благодарственное письмо.

12 марта посетил нового Председателя правления Еврейского агентства (Сохнута) Авраама Бурга. Он принадлежит к группе сравнительно молодых фрондирующих политиков Аводы, атакующих верхи партии с либерально-демократических позиций. Энергичен. Умён. Самоуверен.

Бург относит себя и своих друзей к «третьему поколению». Первое — это поколение, к которому принадлежат Рабин и Перес. Оно смогло себя реализовать. Но слишком долго задержалось у власти и перекрыло дорогу следующему, второму поколению политиков типа Шитрита или Цабана. Второе поколение упустило свой шанс. Мы, третье поколение, «перепрыгиваем» через них и идём к власти. Мы олицетворяем переход Израиля от «квазипролетарской олигархии» к «неокапиталистическому обществу равных возможностей».

Бург не согласен с теми, кто толкует о кризисе сионизма, о том, что Сохнут изжил себя. Сионизм прошел стадию мечты (до создания

Израиля), стадию практики (становление Израиля). Теперь наступает стадия синтеза — мечта, скорректированная практикой, сплетается с практикой, одухотворённой мечтой. «Я пришел сюда не для похорон Сохнута, а для его реанимации». Главная задача — наладить динамичный обмен жизненными силами между диаспорой и Израилем.

Мне потом неоднократно приходилось встречаться с Бургом и его сотрудниками. Тем более что с Сохнутом связан один из острых периодов во взаимоотношении наших стран.

..... Что такое Сохнут?

Так принято называть Еврейское агентство для Израиля («сохнут» на иврите и есть «агентство»). Сохнут был учреждён в Цюрихе в 1929 году. Задача — организация заселения Палестины, помощь беженцам, поселенцам. После образования Израиля функции Сохнута усложнились. К прежней — привлечение евреев в Израиль — добавилась новая: помощь евреям диаспоры (изучение иврита, еврейское образование, поддержание еврейских традиций) с целью затормозить ассимиляцию евреев, предотвратить исчезновение еврейских общин.

Сохнут — мощная, богатая, влиятельная структура, крепко связанная со Всемирной еврейской организацией. В Израиле она является объектом борьбы между Ликудом и Аводой. Одна из предвыборных ликудовских листовок называлась «Сохнут и Авода: над пропастью во лжи». Там говорилось: «Непомерно раздутый штат. Растущие оклады чиновников. Праздные вояжи за рубеж. Разве это не доказательство того, что Еврейское агентство окончательно переродилось в социалистический заповедник для избранных?!»

Среди репатриантов недовольство вызывало кричащее неравномерное распределение финансовой помощи. «Едиот ахронот» сообщала, что если на «душу» выходца из Южной Африки приходится 1222 доллара вспомоществования, то эфиопская «душа» получает 115 долларов, а «русская» — только 14.

Бург взялся за «перестройку» Сохнута. Он поставил задачу сделать работу Агентства более рациональной и эффективной. И прежде всего это касалось деятельности Сохнута в России. 20 декабря 1995 года Бург изложил свою программу на заседании комиссии Кнессета по алии и абсорбции. Одновременно он поставил вопрос о закрытии Бюро по связям, как дублирующей и мешающей организации.

Посольство мало интересовало интриги вокруг Сохнута и внутри него. Озабоченность вызывал характер деятельности Сохнута в России. К тому времени на территории Федерации работали 47 уполномоченных Агентства (17 в Москве, остальные — в регионах). Бюджет отдела, занимающегося Россией и другими странами СНГ, вырос с 2,5 миллиона долларов в 1989 году до 15 миллионов в 1995 году. Создаются школы для изучения иврита, проводятся семинары для препода-

давателей таких школ, организуются летние лагеря для детей и студентов, открыто более 50 молодёжных клубов. «Конечный продукт» — репатриация около 4000 человек в месяц.

В демократическом обществе деятельность Сохнута в принципе не должна встречать возражения. Вместе с тем очевидно, что — опять же в принципе — эта деятельность, как и деятельность любой иностранной структуры на территории России, не должна быть бесконтрольной, не должна осуществляться вне установленных законом организационно-правовых рамок.

Не знаю, — сообщал я в Москву, — есть ли эти рамки сегодня и каковы они. Но точно знаю, что в начале своей деятельности Сохнут предпочитал не замечать их. «Сохнут, — пишет Б. Гур, хорошо знающий работу Сохнута, — внедрился в Россию в 1989 году и сумел вписаться в некую нишу благодаря децентрализации и полной неясности в вопросе о том, что разрешено и что запрещено... Играть на децентрализации было для меня делом непростым: ведь все предыдущие годы меня учили, что в СССР ничего невозможно сделать, минуя Москву».

Сохнут, как мне представлялось, и по сей день успешно минует всякого рода контрольные процедуры и действует в «режиме автономии», который пока и не снился Арафату. Из здешних разговоров складывается такое впечатление, что количество степеней свободы у эмиссаров Сохнута устанавливается ими самими.

Я подчёркивал: мы, кажется, усвоили, что каждый человек вправе жить в той стране, в которой он хочет жить. И поскольку Сохнут помогает евреям реализовать это право, его деятельность соответствует принципам демократического правосознания. Но кроме принципов важна ещё мера. Мера, которую Сохнут, на мой взгляд, нарушает. Что противоречит интересам России.

Посольство рассматривало возможность упорядочить деятельность Сохнута в России с разных сторон.

1. Стоило бы предложить Хаиму Чеслеру (он был главным сохнутовцем в России) предоставить официальные данные о деятельности Агентства (аппарат, география, функции, бюджет и т.п.).

2. Целесообразно поручить юристам изучить правовой базис, на котором действует Сохнут, и, возможно, предложить корректировку.

3. Было бы полезно посоветоваться с лидерами нашей еврейской общины. У них есть свой взгляд на вещи.

В общем, полагало посольство, теперь, когда жизнь действительно требует формирования правового порядка, когда еврейские общины России постепенно встают на ноги, прежние вольности Сохнута становятся анахронизмом. Пришло время, избегая конфронтационных заявлений, резких, грубых движений, чётко обозначить правовой статус и поле деятельности Сохнута.

Москва действовала в привычной манере. Никакой реакции не последовало. Так что не знаю, какую роль в последующем развитии событий сыграли мои советы. Одно могу сказать точно: совет не делать резких, грубых движений был игнорирован. Мы действовали в том же ключе, как милиционеры в Шереметьево.

Должен заметить, что и здесь, в посольстве, не всегда удавалось избежать неудачных движений. 12 января 1996 года в «Едиот ахронот» появилась заметка, в которой цитировалось высказывание «русского консула» Виктора Смирнова: «Поведение Государства Израиль по отношению к прибывающим в страну гражданам России чрезвычайно оскорбительно. Такая практика может серьёзно повредить отношениям между двумя государствами. Российские власти не остановятся перед тем, чтобы положить конец деятельности представителей Сохнута и других еврейских организаций в России, а также приостановят репатриацию евреев в Израиль». Консул добавил, сообщает корреспондент газеты Фаиз Абас, что он сознательно «обостряет вопрос», — чтобы лучше поняли.

Поднялся большой шум. Известный журналист Эфраим Ганор писал: «Несмотря на то, что слова господина Смирнова возвращают нас к временам Брежнева, к чёрному периоду в отношениях между Израилем и бывшим Советским Союзом, периоду, который все мы хотели бы забыть, в посольстве России не сочли нужным отреагировать должным образом и извиниться. Подобная угроза должна была бы поднять на ноги министерство иностранных дел, встревожить правительство...

Мы обязаны сказать тем, кто пытается нам угрожать: «Бросьте, господа, грозить нам прекращением алии, неконвенциональным оружием и другими подобными карами. Всё это давно уже вышло из употребления в просвещённых странах. После случившегося нам интересно узнать: какую угрозу направит господин Смирнов Соединённым Штатам, если те вдруг опять решат не пускать Иосифа Кобзона в США? Может, пригрозит перебросить русские ракеты на Кубу или разбомбить Нью-Йорк, Вашингтон, Лос-Анджелес?»

Кобзон здесь упомянут не случайно. Совсем недавно пришлось вызывать его из каталажки, куда его засадили израильские пограничники. Хамство было чистой воды. Мы все были возмущены. И я не исключаю, что в словах Смирнова (не консула, а советника) отразилось это возмущение. Сам Смирнов, выступая по радио, утверждал, что его исказили. Я поддержал эту версию, сказав журналистам, что «Едиот ахронот» неправильно расставила акценты.

К сожалению, с акцентами было не всё в порядке и в Москве. 3 апреля 1996 года Министерство юстиции РФ разослало во все российские города и веси бумагу, где говорилось: «Ставим вас в известность,

что Министерством юстиции РФ распоряжением № 19-47-22-96 от 2 апреля 1996 года отменена регистрация представительства Еврейского агентства для Израиля («Сохнут») в Москве, поскольку представительство не является юридическим лицом и его деятельность не отвечает требованиям действующего законодательства России». Руководителям органов юстиции на местах предписывалось принять меры к «аннулированию» положений (уставов) отделений Сохнута и уполномоченных Сохнута и к «прекращению их деятельности».

Но только на следующий день Минюст направил уведомление об отмене регистрации директору представительства Еврейского агентства для Израиля Х.Чеслеру. Ему сообщалось, что «представительство считается прекратившим свою деятельность». Одновременно предлагалось «привести деятельность представляемой Вами организации на территории России в соответствие с законодательством страны пребывания».

В израильских СМИ начался переполох. В качестве возможных реальных причин неожиданной акции российского Минюста указывались: высылка представителя Мосада из Москвы; скандалы в аэропорту им. Бен-Гуриона; претензии к Бюро по связям, которое подозревается в недозволенной деятельности; недоброжелательная позиция Примакова; затягивание Израилем перерегистрации российской недвижимости; принижение Израилем роли российского коспонсора. Отмечалось, что решение принималось в России на «самом высоком политическом уровне». Но в общем тон в ивритской прессе был спокойный. Цитировали Бурга: «Много шума из ничего». Цитировали директора отдела репатриации Сохнута У. Гордона: «Буря в стакане воды».

Русскоязычная пресса встретила новость из Москвы более нервно. Заголовки: «Примаков в действии!», «Россия указывает Сохнуту на дверь». Вместе с тем можно было прочесть и следующее: «Не исключено, — писала Ривка Рабинович во «Времени», — что и сам Израиль немножко виноват. Очень уж бурную деятельность он и зарубежные еврейские организации развили в России. Читая о школах, семинарах, летних молодёжных лагерях, о деятельности Сохнута и «Натива», о проникновении в глубинку, вплоть до Камчатки, в поисках евреев — потенциальных олим, я, признаюсь, не раз подумывала про себя: долго ли российские власти всё это будут разрешать? Какому государству понравилось бы, чтобы у его граждан развивали двойную лояльность? Не лучше ли проявлять умеренность, дабы не вызывать на себя огонь?» Однако то, что приходило в голову Ривке Рабинович, не беспокоило руководителей Сохнута...

12 апреля мне пришлось выступить по русскоязычному радио РЭКА. Никто не пытается запретить работу Сохнута, сказал я. Мы упорядочиваем деятельность всех общественных организаций. Причин для паники нет.

22 апреля встретился с Бургом. Он подчеркнул, что не рассматривает случившееся как кризис в российско-израильских отношениях. Сохнут — не государственная, а общественная организация. Перерегистрация — не политическая, а чисто техническая проблема. На это я возразил, что если бы мы имели дело с чисто технической проблемой, то вряд ли понадобилась бы встреча с послом. Деятельность Сохнута на территории России, работа с российскими гражданами — при всей своей гуманитарной направленности — не может не иметь политических измерений. Поэтому важно, чтобы Сохнут полностью вписался в российские правовые рамки. Бург заверил, что для него здесь нет проблемы и просил не тянуть с перерегистрацией.

Через несколько дней я вынужден был написать в МИД о том, что мои беседы по поводу сохнутовских дел могли бы быть более целенаправленными и эффективными, если бы я опирался не только на слухи и разного рода случайные сведения, но на систематизированную и конкретную информацию, которая, несомненно, есть в Центре. Однако вместо такой информации получил несколько раздражённых фраз.

Вновь прошу прислать, во-первых, материалы, из коих вытекают наши претензии к Сохнуту, и, во-вторых, данные о том, с кем из представителей Сохнута, на каком уровне и на какую тему велись беседы в Москве.

Ответ из Москвы не поступил. Правда, и не обругали. Поступило послание от Бурга. Из него (из послания) следовало, что Минюст просто-напросто обманул Сохнут. Сначала было сказано, что до перерегистрации Сохнут продолжает работать в прежнем режиме. Но потом это обещание было перечёркнуто, закрыто представительство в Биробиджане, запрещён семинар в Пятигорске. «Еврейское агентство, — взывал Бург, — осуществляет свою деятельность в десятках стран мира, но нигде не встречалось с отношением такого рода».

Однако «шереметьевский синдром», неумение и нежелание решать деликатные проблемы деликатно, тактично были сильнее всяких аргументов.

Сохнут передал документы для перерегистрации 15 мая. 16 мая состоялся очередной разговор с Бургом. Он просил не выходить за пределы 30-дневного срока, положенного на перерегистрацию. Конечно, сказал он, в работе Сохнута могли быть отдельные сбои и нарушения, но беда в том, что Минюст, говоря о нарушении законодательства, ни разу не сослался ни на один конкретный случай. Это производит впечатление предвзятости. Бург вновь говорил о том, что Сохнут намерен строжайшим образом соблюдать все законы России. Я просил Бурга учесть, что кроме политического и юридического аспекта проблемы есть и аспект психологический. Сохнут способствует отъезду из России многих умных, талантливых, хороших людей. Это

встречает внутреннее сопротивление в обществе. И не может не сказываться на атмосфере вокруг Сохнута.

Развязка наступила более чем через год: 17 октября 1996 года. В этот день Сохнут получил разрешение на деятельность в России. Но не как иностранная организация — Еврейское агентство для Израиля. А как общероссийское общественное объединение российских и израильских граждан — Еврейское агентство в России.

Возможно, слово «кризис» слишком сильное для данной полосы выяснения отношений. Но приятного было мало.

Сохнут надо было привести в чувство и поставить в строгие и точные правовые рамки. Но сделано это было топорно, грубо. Думаю, что в истории с Сохнутом сказалось накопившееся в Москве раздражение, вызванное наличием «двойного дна» в политике Израиля, расхождением между благостными словами и делами несколько иного свойства. Сказались, наверно, и выборы в России, когда жёсткость по отношению к Израилу использовалась почти как козырная карта...

21 октября я получил письмо от Бурга: «...На протяжении этого тяжёлого периода мы постоянно ощущали Вашу поддержку и готовность помочь. Ваши советы и консультации, за которыми нам пришлось не раз обращаться, были крайне важны и, несомненно, приблизили сегодняшний день...

...Позвольте ещё раз от всей души поблагодарить Вас, господин Посол, и высказать надежду на то, что дружеские отношения, сложившиеся между нами в этот трудный период, будут развиваться».

Встретился с членами Кнессета Хагем Меромом и Яэль Даян (дочь Моше Даяна, скандально известная как защитница сексуальных меньшинств). И он, и она принадлежат к группе молодых либеральных политиков («восьмёрка Рамона»). Разговаривали о положении в Аводе. Они считают, что подходит время перехода на более либеральный курс (приватизация, снижение налогов, реформирование Гистадрута). Выборы 1996 года Рабин сможет выиграть, только если он обеспечит прорыв на переговорах — соглашение с Сирией.

22 марта было сообщено об аресте советского (и российского) шпиона Валерия Каменского. Руководитель Шабак Яков Пэри заявил, что это 60-й агент бывшего Советского Союза, отловленный в Израиле за последние 25 лет.

Вообще шпионы не по части легальной дипломатии. Но иногда приходилось ими заниматься. Чаше — наблюдать и переживать.

В израильских газетах регулярно публикуются (от имени «Государства Израиль») стандартные объявления: «Граждан, располагающих сведениями о деятельности бывших органов советской разведки против Государства Израиль, просим обратиться по телефону 03-

5271397. Ваше обращение будет сохранено в тайне. Не знаю, обращаются ли законопослушные граждане Израиля по указанному телефону. Но предполагаю, что люди, из месяца в месяц читающие этот лаконичный, но выразительный текст, постепенно начинают с испугом оглядываться по сторонам и приглядываться к соседям. Так провоцируется шпиономания, сеются семена подозрительности и недоверия к России.

К сожалению, над всхожестью этих семян хлопочут и некоторые российские граждане. 11 октября 1996 года в субботнем приложении к газете «Гаарец» под названием «Мы внедрили в Израиль сотни агентов» было опубликовано интервью с бывшим генералом бывшего КГБ Калугиным. Калугин заявил, что в 70-е годы только через его руки прошли 200 агентов, посланных в Израиль под видом репатриантов. Калугин рассказал о том, что тогда резидент советской разведки служил завхозом в Русской духовной миссии. В 1988 году он добровольно сдался израильским властям, что привело к провалу нескольких человек¹.

Мне рассказывали, что под откровения Калугина Шин-Бет (израильская контрразведка) воспрял духом и потребовал увеличить бюджет. Вдоволь порезвились и юмористы. Еженедельник «Секрет» обратился к «господам засланцам» с призывом «выйти дружными рядами» и протянуть руки, для того, чтобы на них «надели наручники». Сдаться добровольно. Желających, сдаётся мне, не было...

Когда я приехал в Израиль, писали о нескольких советских разведчиках, находившихся в израильских тюрьмах.

О Калмановиче читатели знают.

Профессор Маркус Клинберг. Репатриировался в 1948 году. Работал в институте биохимии. Занимался химическим и биологическим оружием и средствами защиты от него. Был арестован в 1983 году и получил 20 лет. Однажды ко мне зашла его дочь. Она живёт в Париже и не говорит по-русски. Тему Клинберга я затрагивал один раз, ссылаясь на его возраст и здоровье. Обещали «подумать». Пошли слухи, что его вроде бы собираются досрочно освободить. Но с условием, что он будет сидеть дома под постоянным наблюдением и сам оплатит слежку за собой (300 тысяч шекелей в год). Говорят, что Клинберг отказался. Был выпущен из тюрьмы осенью 1998 года. Фактически находится под домашним арестом.

Роман Вайсфельд. Инженер-электрик. Репатриировался в 1980 году. Работал на предприятиях военной промышленности. Имел отношение к ВВС. В 1989 году приговорён к 15-ти годам.

Григорий Лундин. Репатриировался в 1973 году из Белоруссии. Работал в военной промышленности. Занимался бронетехникой. В 1988 году ему дали 13 лет.

¹ Это — Александр Ломов. Его следы теряются в США.

В апреле 1993 года президенту Израиля писал Председатель Верховного Совета Беларуси Станислав Шушкевич. В июне 1995 года к Рабину обратился Александр Лукашенко. Но если я не ошибаюсь, их письма — по причинам, о которых мне трудно судить, — так и не были переданы адресатам.

Я подключился к делу Лундина после встречи с его дочерью Сузанной, которая в 1992 году с семьёй переехала в Израиль, чтобы быть ближе к отцу. 16 марта 1995 года говорил о Лундине с Вейцманом. Просил помиловать его к 50-летию Победы. Потом говорил однажды с Рабиным. Но чувствовал, что не встречаю понимания. Уверен, что по своим каналам за Лундина хлопотала наша разведка.

В августе 1996 года Лундин обратился к секретарю Совета Безопасности Лебедю. А 6 октября написал письмо Примакову. Последняя фраза: «Обращаю Ваше внимание, что всегда был и остаюсь верным сыном отечества и в моём провале — не виновен».

29 октября комиссия по досрочному освобождению из тюрем при Управлении тюрем решила сократить на одну треть срок заключения Лундина. Это означало, что он выходит на свободу. Лундина выпустили под подписку о воздержании от контактов с представителями прессы. Мне не удалось встретиться с этим мужественным человеком.

Уже при мне в 1993 году посадили **Шимона Левинзона**, который занимал высокий пост в военной разведке.

В июне 1996 года арестовали бывшего главного тренера сборной Израиля по теннису **Александра Раделиса**. Он прекратил сотрудничество с КГБ ещё в 1988 году. Но за старые грехи получил четыре года.

В ноябре 1996 года арестовали работника израильской Электрической компании **Анатолия Гендлера**. В Израиле с 1981 года.

Каждый арест — неприятность для посольства. Лишний повод протрубить в трубы тем, кто хотел бы свернуть, подморозить сотрудничество с Россией. Израильяне, с которыми я общался, понимали, конечно, что посол тут ни при чём, но всё-таки смотрели с укоризной. Да и арестованных жалко — на Россию работали.

Последний при мне акт шпионской драмы развернулся в декабре 1996 года. Состоялось заседание комиссии Кнессета по алии и абсорбции с повесткой дня «Шпионы-олим из бывшего СССР». Наоми Блюменталь, председатель комиссии, приходила ко мне и приглашала на заседание. Я выразил сомнение в целесообразности обсуждения столь деликатного вопроса на столь непрофессиональном уровне. Но обещал подумать. Посоветовался с «соседями» и не пошел, сославшись на занятость¹.

¹ В одной из газет говорилось: «Господин Бовин отказался от приглашения Наоми Блюменталь по причине занятости. Бедный Александр Евгеньевич, ему придется соблюдать дипломатический этикет. Представляю, как бы он высказался о мадам Блюменталь, если бы не был стеснён рамками своей должности».

На заседании комиссии разгорелся скандал. Большинство её членов выступили резко против обсуждения указанной темы. Они обвинили Блюменталь в уходе от действительных проблем, волнующих репатриантов, и в погоне за «жареными фактами». «Я не вижу здесь ни одного компетентного чиновника, который мог бы прояснить ситуацию по поводу шпионажа выходцев из СНГ, — заявил Й.Сарид. — А раз нет предмета обсуждения, то и заседание продолжать не стоит. Не стоит делать цирк из нашей работы. Быть может, данный спектакль больше подходит для театральной постановки в Иерусалиме или в Беэр-Шеве» (Блюменталь когда-то играла в беэр-шевском театре). Кончилось тем, что все члены комиссии, произнеся осуждающие речи, покинули зал заседаний.

Ловля шпионов нервировала «соседей». Они повышали бдительность и предупреждали меня, что израильские спецслужбы кружат вокруг посольства и ищут слабые места, щели для проникновения.

Тема повышения бдительности, борьбы с возможной «разработкой» работников посольства стала всё громче звучать из Москвы. Пришло указание об организации «централизованного учёта связей сотрудников загранучреждений с иностранцами». Каждый работник посольства (и дипломаты, и административно-технический персонал) должен был после каждого контакта с любым иностранцем сдавать письменную рапортничку (по специальной форме) в посольство. Посольство должно было отсылать эти рапортнички в Москву. Там должны были обрабатывать их на компьютерах и по частоте появления тех или иных фамилий выявлять коварные замыслы. Обещали прислать инструкцию — и с Богом!

Меня эта затея расстроила и возмутила. Сел писать своё неправильное мнение. Пугал возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех спецслужб.

А вот чего нам, действительно, не хватает, так это централизованного массива данных о дипломатических службах и политических элитах. Скажем, появляется новый посол (или дипломат иного ранга) Иордании или Франции, и было бы весьма полезно тут же получить из МИДа развёрнутую справку о нём. Посольства могли бы пополнять этот массив новыми данными. Это же относится и к политической элите. Нужны методика набора сведений и программа машинной обработки их.

Мои сотрудники убедили меня не отправлять письмо. По первому пункту, потому что сам собой увянет — никто не будет возиться с программой и методиками. Так оно и вышло. А по второму — то же самое. Зря, выходит, старался...

.....
19 марта прилетел наш заместитель министра Борис Николаевич Пастухов. Прилетел выбивать недвижимость. Пастухова я знал, хотя и шапочно, с тех времён, когда он командовал комсомолом. Плотнее начал сталкиваться с ним в МИДе. Он производил впечатление делового, обязательного, организованного человека.

В интервью газете «Время» Пастухов сформулировал цели своего визита: «...Пришла пора упорядочить наши дела с российской недвижимостью... Это нормальный рабочий процесс, в котором больше протокольной работы, нежели конфликтов. Мне бы особо хотелось подчеркнуть, что сегодняшняя Россия и её правительство далеки от мысли что-либо отнять силой, экспроприировать. Ни в коем случае. Мы просто хотим по-хозяйски распорядиться теми землями, которые принадлежат нам на арендной или какой-либо иной основе. Безусловно, есть в этом процессе упорядочения вопросы спорные, не без этого. Но я лишь могу повторить, что и спорные вопросы мы сегодня в состоянии решать путём разумного диалога».

Осмотрели все участки в Иерусалиме, о которых шел разговор. Дальше — встречи.

Обстоятельный разговор с генеральным директором министерства юстиции Х.Клюгманом и, конечно же, с Мириам Рубинштейн, главной специалисткой по перерегистрации. Ситуация стандартная: она нажимает на юридические тонкости (как бы не обидеть других возможных претендентов — Украину, например, или страны Балтии), а Пастухов отбивается от юридической «формалистики» и напирает на политическое решение. Разошлись по нулям.

Поговорили с Бенцуром. Я — не в курсе, сказал он, «но с доброй волей». Встретились с Бейлиным. Он тоже с «доброй волей», но вопрос решается не МИДом, а прежде всего — юристами.

Следующие два дня Пастухов провёл на севере Израиля и на Мёртвом море. Заехали к отцу Феодосию. Ведь и для Духовной миссии хлопочем тоже.

Тепло расстались. Полный восторг у Пастухова и его команды вызвала Татьяна Анисимовна Карасова, сопровождавшая их по Израилю и рассказывавшая о нём.

.....
И снова вынужден говорить о склоках. В последний раз. Не то, что мы превращались в террариум. Но степень склочности возрастала. Неприятно и неловко об этом писать, но, к сожалению, некоторые сотрудники выступали в качестве своего рода «источников повышенной опасности». Возможно, их мучил комплекс неполноценности, и они утверждали себя или делая пакости другим, или крайне болезненно, на уровне квартирной ссоры, реагируя на ущемление (часто

мнимое) их прав. Вокруг них клубились какие-то облака недоброжелательности, неприязненности.

Имею в виду трёх человек.

Бухгалтер Дмитрий Сергеевич Крылов. Тихий такой. Толковый работник. Очень чётко фиксировал всякие несурезицы и сомнительные места в проектах договоров, которые составлялись на предмет строительства жилого дома. Держал своё хозяйство в полном порядке. Но всё время на него жаловались. По мелочам, по пустякам каким-то обижал людей. Там, где мог проявить свою власть.

Вот что я написал в характеристике: «Д.С.Крылов работал старшим бухгалтером посольства РФ в Израиле с апреля 1994 г. по август 1996 г. За это время показал себя как знающий дело специалист. К работе относится добросовестно. Удовлетворительно владеет техникой бухгалтерского учёта.

К профессиональным минусам Д.С.Крылова можно отнести боязнь самостоятельных решений, склонность по любому поводу «советоваться» с ВФУ.

В более широком плане уязвимым местом Д.С.Крылова является неумение сочетать необходимую требовательность с поддержанием ровных, доброжелательных отношений в коллективе.

Д.С.Крылов может быть рекомендован для работы в системе МИДа РФ, но желательно, чтобы эта работа была больше связана с бумагами, нежели с людьми».

Более трудный случай — 1-й секретарь **Михаил Ильич Якушев.** Прекрасно знает арабский. Но дипломат, по-моему, средний. Истовость, надрыв, глаза горят, но — в свисток.

Очень обидчив. Пришел как-то жаловаться на коллегу, правда, меньшего чина: «Он меня на... послал, а я — старший дипломат!» — «Какой же вы «старший», если вас младшие посылают?» Поговорили...¹

Его жену сократили из информационной группы. Пишет мне заявление: «В связи с вопиющим актом незаконного и безосновательного увольнения моей супруги Якушевой Тамары Низамиевны из консульского отдела, причём без объяснения ей мотивов подобного шага, прошу Вас, Александр Евгеньевич, лично вмешаться в возникший производственный конфликт, который наносит мне и моей семье непоправимый моральный и психологический урон, не способствуя и оздоровлению климата в коллективе посольства». Тут я был виноват, проморгал «вопиющий акт». Но поднять на такую высоту — в этом весь Якушев.

¹ В декабре 1996 года Президент РФ утвердил перечень должностей в МИДе. Все должности были разбиты на пять групп: высшие, главные, ведущие, старшие и младшие. Согласно этой разбивке, Якушев попал в «ведущие дипломаты». Но в марте 1995 года он еще не знал об этом.

Просит поставить ему сейф. Пишу на заявлении Якушева резолюцию завхозу: «Прошу поставить». Завхоз кладёт свою резолюцию: «Проверкой установлено, что из 20-ти штук сейфов в посольстве и консульстве все используются по назначению. Установить сейф (дополнительно) не имею возможности». Говорю это Якушеву. Истерика: какой же вы посол, не можете заставить завхоза?! Детский сад, да и только. Мелочи, пустяки, посольская бытовуха. Но через неё иногда лучше просвечивается суть человека. И не только пустяки. Нижние чины приходили с жалобами на то, что «старший дипломат» покрикивает, высокомерен, «унижает человеческое достоинство». Приходили и со сплетнями: Пересыпкин — мой друг, вот придет послом, наведём здесь порядок...

Пытался говорить с Якушевым о такте, терпимости, вежливости. Отмахивался: банальные всё это истины. Боюсь, трудно ему придётся в жизни...

Но самый тяжёлый случай — ещё один 1-й секретарь, заведующий консульским отделом, **Сергей Викторович Анненков**. Внешне — представительный, солидный, импозантный человек. Умеющий хорошо держаться, знающий, что и как сказать журналистам. Профессионал. И в то же время — удивительно недоброжелательный к другим «человекам». Требовательность, перерастающая в самодурство. Очень субъективистское, «выборочное» отношение к сотрудникам, разделение их на «своих» и «не своих». Грубость, высокомерие — и по отношению к работникам (особенно — к «нелюбимым») консульства, и к посетителям.

Десятки раз приходили ко мне и горько жаловались. Говорил жалобщикам: пока вы здесь, в моём кабинете, это — слухи, сплетни; давайте соберём собрание, встаньте, скажите открыто, и пусть Анненков ответит. Нет, не вставали и не говорили. Потому что боялись. Посол-то далеко, а он каждый день рядом. Мне было стыдно сидеть на собрании и видеть, как опускают глаза вниз молодые люди, которые накануне шептали мне на ухо, какой нехороший этот Анненков.

Только однажды я отреагировал на слухи. Когда мне стали говорить, что Сергей Викторович вместе с «соседями» собирают на меня «компромат» (откуда деньги на школу, на чьи деньги лечится и в том же духе). Учинил разговор с полковником Котовым, который официально представлял у нас СВР. Юрий Васильевич слухи решительно опроверг. Весьма нелестно отозвался об Анненкове: комплексует, понимает, что его не любят, ушёл в себя, пьёт втихую, несерьёзен, болтлив.

Моя характеристика выглядела так: «С.В.Анненков — опытный консульский работник достаточно высокой квалификации. Однако, констатируя это, хотелось бы высказать ряд замечаний, касающихся его служебных и человеческих качеств.

С.В.Анненков, апеллируя к «здравому смыслу», ориентирует работников консульского отдела на нарушение существующего порядка оформления документов. Его логика проста: зачем соблюдать формальности, зачем гонять людей за разными справками, если всё равно бумаги ежеквартально уничтожаются. Думается, что такая форма «борьбы с бюрократизмом» неприемлема в консульском учреждении.

В обращении С.В.Анненкова с посетителями, — если верить многочисленным жалобам, — часто проскальзывают нотки высокомерия, недружелюбия, чиновничьего равнодушия. Такое поведение консульского работника создаёт у посетителей неверное представление об отношении России к репатриантам, к Израилю. Беседы с С.В. Анненковым на эту тему не дали результата.

И, пожалуй, самое существенное. С.В.Анненков — негожий руководитель. Возможно, сказываются его некоммуникабельность, неумение (или нежелание) налаживать нормальные отношения с людьми, возможно — комплекс неполноценности, но он оказался не в состоянии создать в коллективе спокойную, товарищескую обстановку. Подчинённые боятся его, но вряд ли уважают. В посольстве он не пользуется авторитетом и вообще как-то незаметен.

Полагаю, что С.В.Анненков может быть использован в Консульском Департаменте МИДа РФ. Но желательно, чтобы в его подчинении было как можно меньше людей».

Я долго колебался — выходить ли на персоналии. Понимаю, что всем, кто здесь упомянут, будет неприятно читать мои заметки. Понимаю, что они не будут со мной согласны. Понимаю и то, что в появлении «террариума» есть и моя вина. Не сумел, как сказали бы раньше, наладить воспитательную работу. Действительно, не сумел. Хотя даже к поэзии прибегал. На одном из собраний читал стихи Леонида Мартынова.

Это мы,
Все мы вместе,
В домах, водоёмах, гнёздовьях,
Зачастую ещё пожирая друг дружку живём,
Это мы
Надышали пастями и ртами
Свой воздух,
Это мы
Создаём атмосферу,
В которой живём...

Всё-таки решил назвать фамилии. Чтобы читатели яснее представляли атмосферу, которую мы надышали. И с надеждой, что могут быть, что есть посольства, где атмосфера чище.

.....
Очередная встреча с египетским послом Басьюни была посвящена проблемам нераспространения. Он сказал, что позиция Египта отно-

сительно нераспространения ядерного оружия, как и позиция Лиги арабских государств в целом, исходит из двух понятий — справедливость и стабильность. Если Израиль не присоединится к Договору, то это, во-первых, несправедливо по отношению к арабским государствам, подписавшим Договор, а, во-вторых, подрывает стабильность в регионе, ибо подталкивает Ливию, допустим, или Ирак к созданию ядерного оружия. Мы не требуем, подчеркнул посол, чтобы Израиль немедленно присоединился к Договору. Мы просим Израиль чётко заявить: он присоединяется к Договору через два года после достижения всеобъемлющего мира, мира с Сирией, Ливаном, Иорданией и палестинцами. Однако Израиль не согласен. Он готов начать переговоры о неприсоединении только после подписания мирных договоров с членами ЛАГ и Ираном.

Сказал послу, что логика ЛАГ имеет свои резоны. Мы хотели бы, чтобы Израиль нашёл общий язык с арабами. Но, предположим, Израиль не удастся убедить. Что дальше? Если ЛАГ своими действиями ослабит Договор о неприсоединении, разве это укрепит стабильность в регионе? Даст больше справедливости? Представьте себе, что на вашем зонтике дырка, и вам никак не удаётся её заделать. И тогда вы решаете вырезать рядом большую дыру. Аналогия — не доказательство. Но вряд ли одно зло можно будет побороть другим. И стабильности будет меньше, и справедливости не прибавится.

Я, разумеется, понимал, что Израиль не сдвинется со своих рубежей. И потому, что он чувствует поддержку Америки, и потому, что Египту не удалось на сессии Лиги создать единый фронт. Там решили, что каждый поступает по своему разумению. Что расширяло манные возможности Израйля.

.....
Культура в марте. Гастроли «Современника». «Крутой маршрут» и «Трудные люди». И потом, совсем вечером, попури «Встреча с театром». Реакция зала неопишима. Неопишима была и ярость части зрителей, когда Неёлову неожиданно заменили Яковлевой. — Омская оперетта. Вечные «Сильва» и «Баядера». Принял участие в рекламе: «Оперетта, — если, конечно, хорошая, — это всегда праздничный вечер. Ярко. Радостно. Красиво. Плюс — настоящий отдых. И всё время про любовь. Да про такую любовь, чтобы, как говорят в Одессе, «страсть ввалась в ключья». Надеюсь, что каждый, кто посетит спектакли Омской оперетты, не пожалеет ни о потраченном времени, ни о потраченных шекелях». — Конкурс современного балета. Под конец захотелось нырнуть в лебединое озеро. — Тимур Кибиров читал стихи. Поэт рассудка, а не сердца. В зале ворочался пьяный Генделев.

АПРЕЛЬ-95

Скандалный визит Козырева —

— Козырев: портрет без интерьера — Забывчивость Переса —

— «Русская» скрипка доминирует

Главное событие апреля — почти скандальный визит Козырева. Но начался этот визит ещё в марте. И — календарно, и по причине сопутствующей суеты.

Отсчёт суеты можно вести с 24 марта, когда мы получили указание обеспечить министру каждое утро теннис и бассейн. Что ж, здоровье — святое дело. Обеспечили. Долго, понукаемые частыми, но ненужными звонками, верстали программу. Сверстали.

Особняком стоял вопрос о посещении Фейсала Хусейни в Восточном Иерусалиме. Хусейни, с которым я встречался 28 марта, был настроен решительно: только Козырев и только в «Ориент хаусе». Я сказал, что по понятным причинам вряд ли это возможно. Но министру доложу.

Незадолго до этого в Израиле был премьер-министр Великобритании Дж.Мейджор. Британский посол Р.Бернс рассказывал мне, что палестинцы и израильтяне тянули премьера в разные стороны. Мейджор решил в «Ориент хаус» не идти, встретился с Хусейни в помещении английского Генерального консульства в Восточном Иерусалиме, а в «Ориент хаус» отрядил высокопоставленного мидовского чиновника.

Для нас такого варианта не было, поскольку не было Генерального консульства в Восточном Иерусалиме. Посольство рекомендовало Козыреву с Хусейни не встречаться, в «Ориент хаус» послать любого по его выбору. Рекомендация была принята. В «Ориент хаус» ездил Посувалюк.

Самолёт с Козыревым ожидался в пятницу 31-го марта в 16.00. Вечером планировался частный ужин дома у Переса. Где-то с утра звонок: «Отмените ужин, министр устал». Скрепя сердце, связываемся с Пересом. Его реакция: если министр не может, пусть другие приглашённые будут, ужин состоится. Сообщаем свите. Ответ: если министр не пойдёт, никто не пойдёт. С Пересом говорить совестно.

Самолет опоздал на полтора часа. Забыли переставить время. Хотя мы несколько раз напоминали об этом. Перес, не дождавшись, уехал. Пятница, и он должен успеть добраться до дома к моменту зажигания субботних свечей (18.19 в эту пятницу). Встреча комкается.

Десант — 33 человека, не считая министра. С трапа спускается Посувалюк. Сразу к нему: «Ужин будет?» — «Нет!». Беру за пуговицу Козырева и втолковываю ему, что нельзя так обижать человека. Будет ужин! Как камень с плеч.

Ужин в узкой компании. Перес с Соней. Амос Оз с женой. Ализа Шенар с мужем, Карасин, Посувалюк. Вместе с Козыревым приезжает Елена Владимировна Двинянина, стенографистка. Я далёк от ханжества. Любовь есть любовь. Но даже в мою отнюдь не дипломатическую голову не укладывается появление министра иностранных дел России с приятельницей на званом ужине в почтенном еврейском доме.

Отужинали. Запомнились вкусные пирожки, которые пекла Соня. Козырев просит меня «передвинуть» президента. Сопровствуюсь: «Он всё-таки президент, хотя и маленького государства». Уговариваю министра. Возникает новая идея: давайте «передвинем» Переса. Это проще, Перес тут, договариваемся. А я думаю: «А если бы Перес так повёл себя в Москве...»

Так прошёл день первый.

День второй начинается с Вифлеема. Потом — к Арафату. Он «дарит» Козыреву уже упоминавшийся участок Эль Бирке. Обратно едем вдоль берега моря. Кавалькада, машин 15-20, с могучей палестинской охраной. Вдруг Козырев останавливается, выходит из машины и направляется к морю. Свита и охрана за ним. Второе «вдруг»: Козырев раздевается догола и — в море. За ним разнагишается свита, только Посувалюк остаётся в трусах. Палестинская охрана смущённо отворачивается. Сцена явно не по Корану. Я стою поодаль на горке и жалею, что нет фотоаппарата.

Вечером Перес устраивает ужин в гостинице «Ля Ромм». Поют местные «грузины».

После ужина Козырев даёт команду отменить завтрашний обед с министром торговли и промышленности М.Харишем. Пытаюсь объяснить, что Хариш разослал приглашения верхушке израильского бизнеса, что... Министр непреклонен и суров. Отменяются также завтрак с мэром Иерусалима Э.Ольмертом и обед с «восьмёркой», которую собрал Й.Бейлин. Израильтяне в недоумении.

Так прошёл день второй.

День третий начинается с Яд ва-Шема. В книге почётных гостей Козырев пишет: «Я глубоко потрясён увиденным. Память еврейского народа о своих соплеменниках, уничтоженных машиной гитлеризма,

поистине бесконечна». Далее путь лежит к президенту Израиля. Политический, но лёгкий, почти светский разговор.

Вместо обеда с Харишем прогулка с Еленой Владимировной.

Визит к Рабину. Игра в одни ворота. Премьер в основном говорил, министр в основном слушал.

Так прошёл день третий.

День четвёртый и последний начался со встречи с Пересом. Козырев нажимал на присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия. Агитировал за то, чтобы Израиль присоединился к этому «универсальному соглашению» после заключения мира с Сирией и Ливаном. Предполагались российско-американская инспекция и переговоры под эгидой коспонсоров о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Перес ответил так: сначала нужен «универсальный мир», а потом уже — «универсальное соглашение». Смысл простой: пока Иран угрожает Израилю, Израиль не может присоединиться к неприсоединению.

Козырев передал Пересу листочек с нашими соображениями по сирийскому направлению.

Во время беседы с Пересом я передал Карасину записку: «Журналисты атакуют — почему отменён обед с Харишем? Почему не состоялись встречи с Ольмертом и Бейлиным?» Получил ответ: «Меня это тоже интересует. Давайте думать вместе». Придумали: большие нагрузки (Каир, Дамаск, Бейрут, Иерусалим), переутомление, врачи рекомендуют снизить активность.

Успели переговорить с Б.Нетаньяху.

Андрей Владимирович и Елена Владимировна посетили «Бени Фишermana».

В 18.00 министр отбыл. Характернейшая деталь: все телеграммы Козырев направлял только в один адрес — Ельцину.

Ещё до отбытия Посувалюк успел сказать Носенко, что «визит плохо организован». Я бы иначе сказал: «Визитёр вёл себя плохо». В моей рабочей тетради 3 апреля запись: «А.В. — европейский вид. Но внутри — хам, самодержец. Его челядь его боится, не хочет идти поперёк. Почему «переносы»? — так хочет министр! И всё!!» Что же касается посольства, то Виктор Юрьевич Смирнов, который отвечал за организацию визита, даже в той суматохе, которую породили капризы министра, сумел обеспечить максимальный порядок.

В 20.00 собрались в посольстве. С жёнами. Обмен мнениями и танцы до упаду.

7 апреля Смирнов вручил мне бумагу, названную им «Последствия визита А.В.Козырева. Возможные варианты нашего поведения». Покажу эти варианты.

Эпатажные моменты в ходе визита А.В.Козырева в Израиль, несомненно, оставят след в российско-израильских отношениях. Можно интерпретировать их в том виде, как они воспринимаются (без смыслового анализа): министр программу не знал, в его окружении нет порядка, министр приехал отдохнуть, его интересы аппаратом не усвоены и т.д. Из этого в сухом остатке выходит:

— Обижен Ш.Перес, его симпатиям к Козыреву нанесён ущерб.

— Обижен Й.Бейлин и его «молодёжь». Й.Бейлин станет значительно сдержаннее.

— Обижен М.Хариш. Российско-израильское экономическое сотрудничество отягощается дополнительным негативным субъективным фактором.

— Обижен аппарат МИДа Израиля. Работать будет труднее по многим направлениям.

— Визит не оставит ожидаемого следа ни в ближневосточном мирном процессе, ни для двусторонних отношений. Усилится скептицизм в оценке возможностей России и российского коспонсора.

Тем на менее можно поиграть на негативах, если придать ситуации смысловую нагрузку:

— Министр демонстрирует недовольство игнорированием российского коспонсора в октябрьские дни прошлого года в Арабе. Он хорошо запомнил, по какой причине не состоялся тогда его визит в Израиль. Осталось чувство унижения от роли статиста в Арабе. Отсюда он резко ограничивает количество лиц, с которыми говорит (Э.Вейцман, И.Рабин, Ш.Перес). Тасует программу, дезориентирует другую сторону, буквально шокирует, пугает непредсказуемостью поведения — и, пугая, естественно заставляет уважать.

— Министр недоволен, как развиваются российско-израильские отношения. Нет политической доверительности, откровенности — и нет встречи с Й.Бейлиным; экономические связи формальны — и пощёчину получает М.Хариш, который лично много бы мог сделать для стимулирования наших экономических отношений; назойлив в вопросе Иерусалима его мэр Э.Ольмерт (впрочем, как и весь израильский истеблишмент) — и Э.Ольмерт «остаётся без завтрака».

— Мы утомлены бесконечными стенаниями нынешнего израильского правительства. Мирный процесс затягивается, смелых решений не видно. В то же время популярность Ликуда растёт. Мы внимательно приглядываемся к Б.Нетаньяху, серьёзно с ним беседуем за счёт «харишей» и «бейлиных».

— Мы в целом разочарованы Израилем и возможностями иметь дело с этой страной. Страна насквозь проамериканская, русских здесь не любят, иллюзии, связывавшиеся с Израилем, развеялись. Министра селят не в лучший номер, экономят на всём во время визита,

журналисты наглые. Даже субстантивность бесед могла бы быть со стороны израильтян более высокой, тем более всё время ноют по исламскому фундаментализму, по террору, по нашему сотрудничеству с Ираном, по ДНЯО.

Пора лишать отношения с Израилем ореола динамично развивающихся и чуть ли не партнёрских. Израиль должен иметь для России две вечные и даже исключительные ценности:

- море, солнце, природа, отдых;
- Святые места.

Походы министра по Святым местам — это дань соответствующей теме.

Наконец, у визита чётко обозначился внутрироссийский аспект — за счёт ближневосточного. Муфтий и Феофан отрабатывали свою роль по полной программе. Кстати сказать, «перепихивания» с израильтянами по поводу раввина также добавили красок в эпатажность картины визита.

Так писал Смирнов.

Наверное, читатель догадался, что здесь не обязательно представлены взгляды самого Смирнова. Хотя не будем исключать и этого. Во всяком случае он делает попытку реконструировать мотивы поведения Козырева. Он пытается создать такую систему смысловых координат, в которой поведение Козырева было бы логично, во всяком случае — выглядело бы логично. Как упражнение в политической аналитике это интересно. Но вариант Смирнова, по-моему, слишком логичен. Трудно представить, что Козырев и его окружение решили путём эпатажа довести до сведения израильтян своё «фэ». Для этого существуют более простые и эффективные пути. Мне думается, что всё гораздо проще. У Козырева дефицит внутренней интеллигентности и явный переизбыток самовлюблённости, высокомерия, того хамства, которое, если хорошенечко поскрести, можно обнаружить у многих начальников, даже вполне приличных.

.....
Столь необычный визит Козырева заставил меня более пристально рассмотреть в этого человека — первого министра иностранных дел демократической России. Точнее, России, которая, — если смотреть из года 2000-го, — хотела стать демократической, но пока не преуспела.

Поначалу мне нравился Козырев. Нравилась его молодость. Его внешность — министр с человеческим лицом, мы тогда ещё не привыкли к этому. Его нормальная, грамотная речь.

Мне нравились его демократические убеждения, «демократический задор», как он сам однажды выразился. А если говорить о внешней политике — его установка на то, чтобы ввести Россию в «клуб» — он так говорил — в «клуб» демократических, динамично развива-

ющихся государств. Отсюда, если угодно, и «западничество» Козырева. Ведь те ценности, те правила игры, которые надо было усвоить для вхождения в указанный «клуб», они «западные», они возникли и стали фундаментом международного права, международного порядка не на Востоке или на Юге, а на Западе. Они, эти «западные» ценности и правила положены в основу Устава ООН. И тут никакой российской «специфики» нет и быть не может.

Когда я перешел в МИД, угол зрения у меня неизбежно изменился. Нельзя сказать, что я лучше «узнал» Козырева. Лично я с министром практически не общался. Был за всё время один разговор минут на 20. Но разговоры с коллегами, погружение в атмосферу МИДа, которая чувствуется и в «загранучреждениях», регулярное чтение мидовских бумаг постепенно дополняли личные впечатления, создавали новый образ Козырева.

Получалось, что он не дорос до министра. Не вообще, а до министра иностранных дел России. Мундир Горчакова и даже Громыко был ему велик, болтался на нём. Он не был готов к той тяжести, которая оказалась на его плечах. Он не чувствовал своей спиной, что за ним — Россия, огромная махина со своей величественной историей и несчастной судьбой. Россия была у него в голове, не в сердце. А этого мало.

Не в «американизме» тут дело. Американизм — следствие западничества, либерально-демократического настроя. И, соответственно, ощущался перекося, крен в политике. Но такой крен был в какой-то степени неизбежен и нужен. Время выправило бы его. Беда была, как я думаю, в другом. Интеллектуальный ресурс Козырева не позволял ему одновременно схватывать общую картину. Он находился внутри лабиринта, а должность требовала иногда оказываться над ним, чтобы сразу схватить все ходы и выходы. Кстати, всё это в ещё большей степени относится к Иванову. Козырев всё-таки был политик, мелкий, но политик. Иванов — чиновник, крупный, опытный, но чиновник...

Козырев служил не России, а Ельцину. Ельцин же его и «сбросил». Не только под давлением «красно-коричневых», хотя такое давление имело место. Президент понял (почувствовал, скорее), что Козырев всё больше отстаёт от России.

Министр — это не только политик, но и организатор, руководитель большого коллектива. Тут, мне кажется, Козырев просто не тянул. Фраза «МИД — это я, две стенографистки и самолёт» как нельзя лучше иллюстрирует мою мысль. Был узкий круг приближённых (и по мгимовскому «Лицею», и по советскому МИДу). Была свита, всё плотнее и безропотнее смыкавшаяся вокруг «короля». И были остальные — все на одно лицо.

Находясь в Израиле, Козырев не то что не заехал ни разу в посольство, он ни разу не спросил даже — как идут дела? где жмёт? как и чем помочь? Не потому, что не было времени. Потому что было неинтересно. Возможно, другим послам и другим посольствам везло. Но я пишу о гвозде, который в моём ботинке...

Или ещё «гвоздь». Звонят как-то из МИДа, — кажется, Посувалюк, — и сообщают, что Козырев просит меня позаботиться об отдыхе его жены и дочери. Ради Бога, — отвечаю, — в Савьоне место есть, прокормим, покажем и расскажем. Но удивился. Дело вроде бы частное, личное, и — как меня учила бабушка — муж и отец должен был сам позвонить. Ну, ладно, подумал, в МГИМО, наверное, этому не учат. Приехали две милые особы. С гостеприимством у нас полный порядок. Довольные уехали. И опять же, если следовать бабушкиному этикету, следует сказать «спасибо». Произошла заминка. Телефон молчал. Через какое-то время я оказался в Москве и в коридоре МИДа наткнулся на министра. Деваться было некуда — «спасибо» последовало.

«И жизнь, как тишина осенняя, подробно...» Мелкие детали, подробности часто говорят о человеке больше, чем его деяния исторического масштаба.

Понимаю, что мои оценки Козырева, наверное, грешат субъективизмом. Как и вся эта книга вообще. Таков уж жанр. Но так думаю и поэтому так пишу.

Козырев становился таким барином со склонностью к самодурству. Если уж и доказал что-нибудь его визит в Израиль, так именно это.

И последний штрих к портрету. Козырев перестал быть министром. Но стал депутатом Государственной Думы. И как в воду канул. Исчез из политики. Возможно, это — характер. Но скорее всего — отсутствие его.

.....
Не успела осесть пыль после визита Козырева, а из Москвы приближалась новая пыльная буря. Самолёты «Эл Ал» летали в Сеул и Гонконг по трассе, частично пролегающей над территорией России (коридор между Чёрным и Каспийским морями, полчаса лётного времени). Неожиданно российские власти запретили пользоваться этим коридором. Израильцы грозили в ответ «заморозить» чартерные рейсы из ряда городов России.

6 апреля я был у министра транспорта Кейсара. Он показал мне Протокол от 23 октября 1992 года, согласно которому израильским самолётам разрешался пролёт над «южной частью России» в порядке «нормальных международных процедур». Если Москва хочет, чтобы мы платили деньги, сказал министр, мы готовы их платить. Но давайте начинать не с запретов, а с консультаций, которые предусмотрены соглашением между нами. Мы уже послали в Москву три письма, но не получили ни одного ответа.

Сообщая об этой беседе, я просил найти взаимовыгодную развязку и не допускать ещё одного «пистолетного дела». Кажется в скором времени страсти улеглись.

.....
10 апреля посетил Рабина и передал ему книгу Козырева «Преображение». Не пугайтесь, сказал я премьеру, книга по-русски (шутка!).

Говорили о Сирии. Рабин: Асад с порога отвергает все варианты развязок. Росс ничего не смог добиться. Видимо, Асад рассчитывает получить больше, чем в своё время получил Садат. Иначе ему трудно объяснить своему народу и арабскому миру, почему он ныне идёт на то, что отверг 18 лет назад.

Информировал Рабина о том, что в Газе начались переговоры о строительстве с помощью России металлургического завода (мне эта идея казалась неработоспособной, но сибирские металлурги настаивали). Премьер энергично поддержал: «Чем больше в Газе будет рабочих мест, тем лучше».

.....
17 апреля познакомился с новым начальником Генерального штаба Амномом Шахаком-Липкиным. Генерал произвёл приятное впечатление: спокойный, рассудительный, контактный. Не декларирует, а аргументирует. Подчёркивает свою роль профессионала-военного, служаки, исполнителя. «Я — не реформатор» (подтекст — лёгкая антитеза Бараку).

Размышляя о соотношении армии и политики, Шахак сказал, что каждый военнослужащий имеет, естественно, свои политические пристрастия. Но армия как институт — вне политики. При всей огромной стратегической значимости Голан для обороноспособности Израиля армия без колебаний покинет Голаны, если будет принято такое политическое решение.

По мнению генерала, начавшееся превращение Израиля из «осаждённой крепости» в «нормальное» государство с «нормальным» окружением вызывает сложные процессы в армии. Меняется психология военнослужащих, их установки, моральная мотивация их действий. Наверное, потребуется сократить сроки службы, ограничить призыв резервистов, сделать армию более компактной — при росте качества вооружений и качества подготовки солдат и офицеров (то, что рассчитывал сделать Барак, подумал я). Возможно стоит по-иному подойти и к женской компоненте армии.

Коснувшись предстоящего визита в Израиль российского министра обороны, Шахак подчеркнул, что этот визит станет «этапным в российско-израильском сотрудничестве».

.....
18 апреля меня посетил посол Иордании Марван Муашар. 38 лет, кадровый дипломат, возглавлял иорданскую делегацию на мирных

переговорах. Полагает, что посольство Иордании в Израиле будет одним из самых крупных иорданских посольств (7 дипломатов и около 30 человек технического персонала). Иордания рассчитывает на экономическое сотрудничество с Израилем, на инвестиции. Ведь только насущно необходимый проект строительства плотин и других гидростроительных сооружений требует 500 миллионов долларов.

Я спросил о шансах на конфедерацию с палестинцами. Посол считает, что эта идея «фактически похоронена».

20 апреля был у Переса. Спросил о его реакции на план сирийско-израильского урегулирования, который ему передал Козырев. План этот включал три этапа. Первый: частичный уход и частичная нормализация; рамочный документ. Второй: вывод израильских войск с большей части Голан; создание демилитаризованной зоны. Третий: полный уход и полная нормализация; заключение мирного договора.

И тут выяснилось, что Перес просто забыл об этой бумаге. Возникла некоторая неловкость. Потом министр сказал, что российские предложения «тщательно изучаются» и ответ будет дан сразу после Песаха.

Это — к вопросу об отношении к российскому коспонсору. Кстати, если бы меня спросили, я бы сказал своему министру, что нет смысла передавать такой проект, он заведомо неприемлем. Но не спросили.

В посольстве обострялась кадровая проблема. Дело в том, что сроки командировки первого призыва кончались, а нужной смены не было. Я писал кадровому начальству, что в результате последней серии замен происходит снижение профессионального, качественного уровня дипсостава. Пока это ещё можно компенсировать за счёт роста нагрузки на ведущих дипломатов посольства. Но боюсь, что новые замены исчерпают этот резерв. Такова причина, которая побуждает меня вновь и вновь настаивать на соблюдении хотя бы приблизительной симметрии в системе «отъезжающий — приезжающий». Далее я перечислял фамилии. И заключал: «Пишу всё это, исходя из очевидной необходимости держать марку российского посольства на должной высоте».

Писем на эту тему много. Толку гораздо меньше. Что удавалось, так это продлить командировку некоторым дипломатам. Но это — не решение вопроса. Решение — это налаженная система ротации, когда каждый знает, куда он поедет через 5, скажем, лет. И проходит, соответственно, нужную подготовку.

От меня как от посла требовали рекомендации по поводу возможного использования отъезжающих сотрудников. Негативные рекомендации я уже демонстрировал. Теперь очередь позитивных.

Смирнов В.Ю. Чётко ориентируется на работу в МИДе. Толковый, знающий, опытный дипломат. Умеет не только думать, но и организовывать, то есть прекрасный «штабной работник». Минимум — хорошая должность в Департаменте.

Карасова Т.А. Склоняется к работе в МИДе. Умный, энергичный, чёткий работник. Специалист по политической системе Израиля. Здесь преимущественные интересы сдвинулись в область образования, культуры и науки. Было бы жаль терять такой «кадр». Можно использовать на должности советника или в нашем Департаменте, или в «гуманитарных» департаментах.

Афиногенов В.В. Будет определяться по приезду в Москву. Ценный работник. Умница. Хорошо ориентируется в экономике Израиля. Великолепный иврит. Работает с удовольствием. Возможно, его заинтересует Департамент экономического сотрудничества.

Смирнов теперь снова в Израиле, советник-посланник. Карасова не захотела каждый день ходить на работу и подалась в науку. Афиногенов в банке, ему там интереснее и платят больше.

.....
Было и немножко личной жизни. С внуком ездили на север. Кана Галилейская (где вода превращалась в вино; теперь, к сожалению, эта технология утрачена, скорее — наоборот), Капернаум. Рыбу ловили в Тивериадском озере. Огромное впечатление на Макара Сергеевича произвела монастырская коза, которую звали Роза.

.....
В санкт-петербургской газете «Невское время» появилось интервью со мной «Русская» скрипка доминирует». Несколько пассажей.

«— *Определённые круги в России убеждены, что, приехав в Израиль в качестве посла, вы заняли откровенно произраильскую позицию. Так ли это?*

— ...Российский посол должен занимать пророссийскую позицию. Именно такую позицию я и занимаю — и не по должности, а по убеждению. Как русский человек. Как «осколок империи», если угодно.

Именно интересы России требуют налаживания хороших, устойчивых отношений с Израилем. И политически, чтобы «присутствовать» на Ближнем Востоке. И экономически, ибо это выгодно и России, и Израилю. К тому же почти миллион жителей Израиля говорят и думают по-русски. А это — миллионы нитей, которые связывают наши страны.

Вместе с тем я за добрые, взаимовыгодные отношения с арабскими странами. И не потому, что занимаю проарабские позиции, а потому что этого требуют интересы России.

Пожалуй, вот что ещё надо добавить. Я — интернационалист, как бы ни было сейчас оплёвано и оболгано это понятие, это слово. С

уважением отношусь ко всем народам, к их истории, обычаям, культуре, языку — будь то евреи, китайцы, американцы, кто угодно. В чисто человеческом, личном плане я могу больше симпатизировать, скажем, китайцам, чем японцам, или евреям, чем арабам. Я лучше понимаю, чувствую американцев, чем, допустим, немцев. Но все эти тонкости психологии остаются вне противопоставления «рго» или «contra» и не влияют на мои политические позиции, в центре которых — защита интересов России.

— *Бытовой антисемитизм в России жив. Влияет ли он на государственные взаимоотношения двух стран?*

— Влияет. Ибо по понятным причинам проявления антисемитизма в нынешней России болезненно встречаются израильским обществом. Тем более что многие ещё хорошо помнят то время, когда антисемитизм был государственной политикой.

Ныне обстановка радикально изменилась. И всё же у меня складывается впечатление, что наши российские власти могли бы энергичнее, решительнее использовать правовые механизмы, политические средства для борьбы с антисемитизмом.

— *Существует полушуточное мнение о том, что в Израиле «проживают евреи 43-х национальностей». Какова доля правды в этой шутке?*

— Почему же «доля»? Тут вся правда. Кроме цифры — она больше. Приехали евреи из самых разных стран. И каждый со своим языком, со своими историей и культурой, со своим, как ныне принято говорить, менталитетом. Да, все они — евреи, но очень разные евреи.

Первоначальный замысел отличался простотой: еврейское государство, Израиль станет своего рода плавильным тиглем, плавильным котлом, в котором перемешаются, расплавятся, сольются все различия и появится на свет новый человек — «израильтянин» («ивритянин»), сформируется новая, израильская, культура, возникнет новый, израильский, образ жизни. Пока не получилось. Да и не могло получиться. Полвека — слишком малый срок для трансформации такого типа.

Ныне, как я понимаю, возник новый подход. Не расплавление, не слияние традиционных культур и обычаев, а их сосуществование, их постепенное взаимопроникновение, взаимообогащение. Многоцветье, мозаика культур на базе общих корней (религия, еврейская самоидентификация). Думаю, что в обозримом будущем развитие будет идти именно по этой линии. И развитие это — не гладкий, спокойный процесс. Оно отягощено противоречиями, конфликтами. Но, видимо, другого пути к формированию единого израильского общества, культуры, характера не существует.

— *Насколько влияют российские эмигранты на формирование этого характера?*

— «Насколько» — сказать не могу, нет у меня соответствующих измерительных приборов. Но влияют и заметно влияют — это безусловно. В прошлом году один из самых известных современных писателей Израиля Амос Оз опубликовал интереснейшее эссе «Опалённые Россией». И там говорится примерно так. В Израиле есть евреи — уроженцы Германии, Франции, США, Восточной Европы, Северной Африки и других стран. Они прибыли сюда со своими традициями. И здесь создают полифоническое общество. В этой полифонии «русская» еврейская скрипка — всё ещё ведущий инструмент. Ей, «русской» скрипке принадлежит не исключительная, но доминантная роль. И так, пишет Оз, будет долго.

Влияние, повторяю, значительное. Впрочем, в Израиль экспортируется не только русская культура, традиции русской интеллигенции, но и советские умонастроения и привычки, опыт самых последних лет. Что порождает дополнительные трудности.

— Если есть «дополнительные», как вы сказали, значит есть и трудности «основные»?

— Есть, конечно. Назову главную из них. Существует явное несоответствие между размером «русской» общины, уровнем её образованности, профессиональной подготовки и тем реальным местом, которое она занимает в израильском социуме, в жизни современного Израиля. Такое несоответствие может быть вполне рационально объяснено. Но от этого не легче, проблема не исчезает, не исчезают трудные, порой острые дискуссии и конфликты.

.....
Культура в апреле. Неделя венгерского искусства. Меньше перца, чем положено. — Клуб «Белый попугай». Интереснее, чем по телевизору. — Театр Комиссаржевской. «Французская ситуация». Смешно до слёз. — Пел Окуджава. Из зала подсказывали слова. — 8-й конкурс пианистов имени Артура Рубинштейна. Победила Грузия, Александр Корсантия. Россия — на 2-м, Сергей Тарасов. Приём у президента. Ольмерт ехидничал насчёт «супруги» Козырева. — Концерт из произведений Бартока. Местами требует мужества.

МАЙ-95

50-летие Победы

Вся первая половина мая была заполнена подготовкой к 50-летию Победы и самим праздником.

С сугубо посольской точки зрения, главным мероприятием был торжественный приём в честь Победы. Решили предложить посольствам Украины и Беларуси «складчину». Получили согласие.

10 апреля у нас в посольстве состоялось первое заседание «тройки». Александр Иванович Майданик (Украина), Михаил Абрамович Фарфель (Беларусь) и ещё Бовин (Россия). Договорились:

приём провести 7 мая в гостинице «Даниэл» (Герцлия),

пригласить 300 человек,

расходы распределить пропорционально распределению внешнего долга (Украина — 16,2 %, Беларусь — 4 %).

Следующую «тройку» (вопросы программы) провести 14 апреля в посольстве Украины.

Собирались ещё три раза. Вареники, драники, пельмени. Украина спасовала — только 1000 долларов. Россия закрыла пробоину. Кто будет выступать на приёме? Украина предложила Беларусь. Беларусь — Россию. На том и порешили.

Приём удался. Правда, не было руководства (Вейцман — в Москве, Рабин — в Вашингтоне, Перес — в Каире). Зато играл и пел ансамбль российского МВД — от «Калинки» до «Хавы нагилы».

Я держал речь.

«Дорогие фронтовики, партизаны, кавалеры боевых наград! Уважаемые члены дипломатического корпуса! Дамы и господа!

Мои коллеги и друзья, главы дипломатических представительств Украины — Александр Майданик и Беларуси — Михаил Фарфель поручили мне сказать несколько слов.

Я не знаю, будут ли в XXII веке отмечать День Победы. Предвидеть трудно. Особенно трудно, как уточняют мудрые люди, предвидеть будущее. Но для тех, кто опалён второй мировой войной, самой кровавой, самой страшной войной в истории человечества, для тех, кто в состоянии оценить исторические, психологические последствия

разгрома фашизма, День Победы остаётся и надолго ещё останется самым главным, самым великим праздником.

Представьте себе, каким бы был, каким бы стал мир, если бы победил Гитлер и его союзники. Наверное, понятие «Катастрофа», в том смысле, в котором его употребляют евреи, вошло бы тогда в лексикон многих народов.

К счастью, фашизм был повержен. И поэтому мы здесь. И поэтому — праздник Победы. Праздник, как поётся в знаменитой советской песне, «со слезами на глазах». История трагична. Чтобы одни люди могли жить — другие должны умереть.

Мы склоняем головы перед светлой памятью воинов — и тех, кто не дожил до Победы, и тех, кто ушёл от нас за послевоенные пятьдесят лет. Пусть земля будет им пухом.

Три дня назад отмечался День Независимости. Вспоминали отцов-основателей Государства Израиль — Давида Бен-Гуриона, Моше Шарета, Леви Эшкола, Голду Меир, других великанов политической истории еврейского народа. Но сегодня, в День Победы, хочется сказать и о тех отцах-основателях Государства Израиль, которые здесь, с нами. Ведь если бы не было Победы — не было бы и Государства Израиль. Нынешний праздник для них — двойной праздник.

В разгром фашизма внесли свой вклад десятки государств, десятки народов. И в первую очередь — Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Франции. Но, пожалуй, я никого не обижу, если подчеркну выдающийся, решающий вклад народов Советского Союза и особенно — русских, украинцев, белорусов.

Но, оказалось, что выиграть войну легче, чем выиграть мир. На то, чтобы выиграть войну, нам понадобилось менее четырёх лет. Но чтобы выиграть мир, нам не хватило пяти десятилетий.

И Россия, и Украина, и Беларусь проходят труднейшую, мучительную полосу исторических преобразований, перехода от тоталитаризма к обществу, высшими ценностями которого являются демократия и гуманизм. The time is out of joint (распалась связь времён). Вот так, по Шекспиру, можно сказать, воспринимают обрушившиеся на них события миллионы людей. Восстановить эту связь, прорваться в новое историческое время, выйти на путь социального прогресса — таковы, если говорить самыми общими словами, нынешние задачи. Надеюсь, они будут решены.

Дамы и господа! Позвольте мне в заключение выразить надежду, что никто никогда не будет праздновать победу в третьей мировой войне. И не потому, что в такой войне не будет победителей — только побеждённые. А потому, что политики новых поколений будут умнее своих предшественников, сумеют преградить путь экстремизму во всех формах, сумеют сохранить мир.

Мои коллеги и я, мы поздравляем вас с Победой. Мы скорбим о тех, кого сегодня нет с нами. Мы надеемся на торжество разума и на превращение вечного мира из утопии в реальность.

Благодарю за внимание».

Подготовка приёма была возложена на Анненкова, хозтылы обеспечивал Дмитриев. Справились прекрасно. Обоим объявил благодарность и просил комиссию увеличить премии. Уважили.

Много хлопот — и не всегда приятных — было с вручением юбилейных медалей.

Впервые медали вручались тем, кто уехал из страны. Здешние фронтовики с радостью встретили это. Наш «фронт работ» — более 17-ти тысяч человек. Подключили ветеранские союзы. Но радость — радость, а Москва требовала несметное количество отчётности. Еле-еле отбились.

Ещё проблема. Я предложил, чтобы медали вручали не только мы, но и украинские, и белорусские дипломаты. Стал возражать военный атташат: «русские медали должны вручать только русские». Пришлось запросить Москву. Как хотите, ответили нам, так и действуйте. Так что мы действовали «в три руки».

И ещё проблема. Наша авантюра в Чечне вызвала здесь смущение умов. Привожу для примера опубликованное в прессе письмо Авраама Полянкера, капитана, кавалера трёх орденов и четырнадцати медалей Советского Союза. Осудив действия России в Чечне, Полянкер пишет: «Российское правительство зарекомендовало себя как антинародное. Сейчас они хотят затуманить мозги и отвлечь внимание участников войны тем, что отчеканили медали «50 лет победы» для вручения всем ветеранам, где бы они ни проживали.

Поэтому я призываю участников Великой Отечественной войны, живущих теперь в Израиле, проявить солидарность и сочувствие к чеченскому народу и демонстративно отказаться от этой медали. Это будет нашим протестом против несправедливой чеченской войны».

Полянкер остался практически в одиночестве. «Я не одобряю войны против Чечни, — писал Виктор Остер из Тель-Авива, — сожалею о жертвах, понесённых с обеих сторон, особенно — жертвах русского и чеченского гражданского населения. Но уверен, что у России другого выхода не было. А на войне, как на войне. Ничего необычного не происходит. Война, как хорошо известно, — не красивая женщина. Поэтому аргументы Полянкера напоминают мне неуклюжие попытки бывшей советской пропаганды оправдать перед всей страной и перед всем миром неправую и неблагородную политику Союза по отношению к Израилю.

И ещё. Предложение Полянкера воскресило в моей памяти давнее и печальное событие, когда в конце сороковых годов советские воен-

нослужавшие, участвовавшие в войне против фашизма на стороне Югославии, «добровольно-принудительно», со слезами на глазах отказывались от югославских орденов и медалей... реликвий боевой и отважной юности. Россия — наше прошлое, а Великая Отечественная война — наша молодость. И я не могу отказаться от них, господин Полянкер, так как не принимаю вашей аргументации».

Подготовка к 50-летию обострила вопрос об официальном отношении официального Израиля к Дню Победы. И в 93-м, и в 94-м годах посольство получало множество писем от ветеранов, в которых они просили посольство обратиться к правительству Израиля, чтобы оно придало празднику «статус государственного торжества». Писали не только в прозе, но и в стихах.

Владимир Григорьевич Вербицкий из Цфата:

Полвека пронеслось, как миг один.
Мы для победы жизни не жалели.
Не понимаю я, хоть дожил до седин,
Не отмечают праздник этот в Израэле.

Судьба Израиля решалась под Москвой,
В боях на Волге и под Сталинградом.
И если б не было Победы в битве той,
Тогда б сегодня не были мы рядом.

В сражениях неслыханной войны
За двести тысяч полегло евреев.
Отдали жизни лучшие сыны,
И память о погибших не стареет.

И мой отец, не пряча слёз своих,
Сказал, прощаясь с матерью моей,
«Пойду на фронт, как тысячи других,
Тебе не скажут, что я трус-еврей».

Не мог предвидеть он в свой смертный час, —
И кто тогда надеяться посмел, —
Что день Победы приближает нас
К рожденью Государства Израэль.

Здесь на Земле, где столько мест святых,
Мы вспомним тех, кто жизни не жалели.
И День Победы — праздник для живых —
Пусть возродится в Эрец Израэле.

Правда, раздавались иногда и голоса другие. У нас, евреев, здесь свои войны, свои победы и свои праздники. Мы помним и ту победу. Но это — не наш праздник. Или такой вариант: а чего тут праздновать? Один тиран, коммунистический, одолел другого тирана, фашистского. Одолел, чтобы укрепить и длить свою тиранию. Так чему радоваться? Но не эти голоса делали погоду.

Я уже рассказывал о том, что неоднократно беседовал на эту животрепещущую тему и с Вейцманом, и с Рабиным, и с Пересом, и с Вайсом. Действовали посольства Украины и Беларуси.

Давили ветеранские организации. У них были свои козыри — масштабы участия евреев в Отечественной войне, масштабы, несравнимые с долей евреев в населении Советского Союза:

— непосредственное участие в войне принимали свыше 500 тысяч евреев,

— погибли в боях и в плену около 200 тысяч,

— орденами и медалями награждены около 340 тысяч человек,

— 157 евреев получили звание Герой Советского Союза, а Д.А.Драгунский и Я.В.Смушкевич удостоены этого звания дважды,

— на фронте были 283 генерала-еврея и 20 адмиралов,

— 12 евреев стали полными кавалерами ордена «Слава»,

— 30 евреев были удостоены звания Героев Социалистического Труда за заслуги в создании и производстве военной техники, двое — С.А.Лавочкин и А.Э.Нудельман — получили это звание дважды, а Б.Л.Ванников, Я.Б.Зельдович и Ю.Б.Харитон — трижды.

Цифры впечатляли¹.

В принципе никто из израильтян не возражал. Но и не проявлял особого энтузиазма. Что тоже было понятно: пятьдесят лет не праздновали, и — вдруг...

Но постепенно, медленно атмосфера менялась. В апреле 1995 года министр абсорбции Я.Цабан передал на рассмотрение комиссии Кнессета по вопросам государственных церемоний предложение считать день 9 мая национальным праздником.

Предложение было принято только 27 марта 1996 года. День Победы был объявлен общенациональным праздником. Через каждые 5 лет предусматривались дополнительные церемонии, а через каждые 10 лет — официальные мероприятия массового характера.

Однако, не дожидаясь этого решения, власти в мае 1995 года пошли навстречу ветеранам.

9 мая в Тель-Авиве в парке Аякон состоялся массовый митинг. Рабин и мэр Тель-Авива Р.Мило произнесли речи. Был фейерверк. Значок: знаменитый политрук на фоне израильского флага.

10 мая из Москвы вернулся Вейцман. Встречали его торжественно, по полной протокольной программе. «Фантастика!» — сказал президент мне, сжав в одно слово свои московские впечатления. А вечером он уже был на митинге в Иерусалиме.

¹ В разных изданиях приводятся неодинаковые цифры. Здесь — данные Арона Абрамовича, автора двухтомника «В решающей войне. Участие и роль евреев СССР в борьбе против нацизма».

В Израиле к появлению Вейцмана на параде в Москве отнеслись неоднозначно. Его упрекали в том, что он был единственным из высокопоставленных гостей, кто присутствовал на параде, где среди прочих «маршировали «герои» кровавой чеченской кампании», что он оказался в роли «свадебного генерала, забывшего как о личном достоинстве, так и о достоинстве страны, которую он представляет». Подчёркивали, что Ельцин отказался принять Вейцмана.

Думаю, что Вейцман поступил правильно, когда решил, что победа над фашизмом перетягивает преступление в Чечне. Что же касается Ельцина, то тут был явный прокол. Я виделся с Вейцманом 4 апреля. Он выразил надежду на то, что, будучи в Москве, сможет лично выразить свои чувства президенту России. «Если у Бориса Николаевича, — писал я в Москву, — есть хоть малейшая возможность принять Вейцмана, было бы желательно такую возможность использовать. Вейцман, действительно, друг и почитатель России». Но в Москве играли по правилам, которые мне были плохо понятны...

11 мая Рабин как министр обороны устроил для ветеранов приём в министерстве. Был поражён, увидев сотни людей, увешанных боевыми наградами.

На приёмах обычно стоят. А ветераны немолоды, трудно им. Но организаторы приёма быстро сообразили — стулья появились в достатке.

12 мая традиционный сбор в Лесу Красной армии. Командовали коммунисты. Присутствовали бывший генеральный секретарь КПИ 78-летний Меир Вильнер, его бывший же заместитель Туфик Туби, нынешний генсек Мухаммад Нафа, бывший руководитель израильского комсомола Йорам Гужански и его жена, депутат Кнессета Тамар Гужански. Вильнер и Нафа произнесли зажигательные речи. Возложили венки к обелиску, который был установлен в 1950 году по инициативе Вильнера. Потом — выступление арабского хореографического ансамбля. И, как всегда, — пикник.

Так прошло 50-летие Победы¹.

16 мая по просьбе Арафата приехал в Газу. Арафат был крайне возмущён решением израильского правительства конфисковать 535 дунамов (дунам — 1000 кв. м) арабских земель в Восточном Иерусалиме, что направлено на изменение демографической ситуации в городе. Сообщил, что по его сведениям российский представитель в Совете Безопасности, где обсуждается этот вопрос, занимает позицию, которая отличается от «правильной позиции российского МИДа». Просил, чтобы Козырев срочно дал чёткие указания в Нью-Йорк.

¹ Только в начале мая 2000 года Кнессет принял Закон о ветеранах Второй мировой войны, который, опираясь на решение комиссии от 27 марта 1996 года, объявил День Победы общегосударственным праздником.

Показал и передал мне чистый бланк израильского удостоверения личности. Сказал, что 1500 таких бланков обнаружено при обыске в одной из штаб-квартир Хамаса. Пользуясь такими удостоверениями, хамасовские террористы беспрепятственно проникают в Израиль. По мнению Арафата, такие бланки можно раздобыть только с помощью сотрудников МВД Израиля. Возникает вопрос, сказал раис, с кем же сотрудничают эти сотрудники?

.....
18 мая нанёс ответный визит послу Иордании. Он, как и Арафат, кипит возмущением по поводу конфискаций земель. В Аммане состоялось специальное заседание парламента. 60 депутатов из 80-ти потребовали «заморозить» действие мирного договора и отозвать посла. Послы США и Израиля в Аммане протестовали против резких заявлений иорданских политиков, но получили отпор. Буря протеста и разочарования, сказал посол, охватила весь арабский мир. Что же получается? Израиль, с одной стороны, говорит о своём стремлении наладить отношения с арабами, а с другой — продолжает действовать во враждебном арабам духе.

.....
23 мая прилетел Посувалюк. Летел вместе с Пугачёвой и Киркоровым. Попросил меня связаться с Аллой Борисовной, может быть, она поможет пробить диск с песнями Посувалюка. Но звезда оказалась капризной, и все мои попытки встретиться с ней отклонила. Мотивировка как у президента: очень занята.

Политический маршрут был отлажен. 24-го посетили Рабина. Всё о той же конфискации. Зашли в Кнессете к Бейлину. Поговорили с президентом. Разгорелся спор о мерах доверия с Сирией. На какое расстояние от линии границы стороны должны будут, если договорятся в принципе, отвести войска.

Израильтяне, указывая на разницу стратегических глубин, настаивают на асимметричном отводе. Чтобы Израиль чувствовал себя в безопасности, сирийцы должны отойти, скажем, на 40 км. При симметричном подходе израильтянам придётся «отходить» в море. Следовательно, пусть они отходят на 40 км, а мы — на 5.

Сирийцы не согласны. Зачем израильтянам отходить в море? Пусть отойдут насколько могут, например, на 7 км. И мы ответим симметрично — отойдём на 7 км.

Глядя на географическую карту, я склонялся к тому, чтобы поддержать Израиль. Но Виктор Викторович руководствовался не географией и активно отстаивал позицию Сирии.

Вечером успели забежать к Пересу.

25 отправились в Газу. Опять о конфискации.

Провожать Посувалюка на мост Алленби я не поехал. Поехал Носенко. Вернулся расстроенный — Посувалюк чем-то недоволен. «Зло шутил» над Смирновым. Спрашивал, не обижаем ли мы Якушева. И что-то ещё.

У меня не было такого ощущения. Несмотря на сутолоку, мы всё-таки улучили часика два для неформального общения. Виктор Викторович предложил выпить за «трудно рождающуюся дружбу». Вновь сетовал по поводу Козырева — «потерял голову». Царедворствует. Всё тянет Иванов.

Я вспомнил об этом разговоре через несколько дней, когда приехал Владимир Фёдорович Петровский. Он когда-то «выращивал» Козырева. А теперь сокрушённо качал головой. Козырев занят не МИДом, а Ельциным. В МИДе же мало кто думает о деле...

.....
Культуры, если не считать военных маршей и песен, не было.

ИЮНЬ-95

*МИД недоволен... — «Русские» идут: «Израэль ба-алия» —
— Голаны. Сирия. Асад — По России*

Июнь начался на неприятной ноте. Из МИДа поступили серьёзные претензии к работе посольства.

Нас (то есть практически меня) упрекали в том, что

— поступающим из посольства материалам не хватает аналитичности, глубины;

— мы слишком часто «доверяем» публикациям прессы, заявлениям израильских деятелей, которые делаются из конъюнктурных соображений;

— ощущается дефицит критического осмысления израильской аргументации, её объективного анализа с точки зрения российских интересов;

— не чувствуется достаточно энергичной работы по продвижению российских позиций, оказанию влияния на израильтян в нужном для нас направлении;

— сообщения о встречах с Арафатом составляются в «повествовательном ключе», не ощущается серьёзных попыток донести до палестинцев нашу позицию во всех её нюансах.

От нас требовали большей чёткости, большей требовательности к выводам и оценкам, более активного «добывания» достоверной информации.

Бумага была подписана Владимиром Викторовичем Гудевым, в то время, кажется, заместителем директора нашего Департамента. Но вряд ли он отправил её без санкции свыше.

Откровенно говоря, я был в некотором недоумении. Во-первых, почему Посувалюк, который бывал у нас довольно часто, никогда ничего подобного не говорил? Откуда происходил импульс? Мозги, как видите, стали ворочаться в плане мидовских интриг. Во-вторых, «глубина» анализа — понятие субъективное. Кто измеряет эту самую «глубину»? Я готов был обсуждать эту тему на конкретных примерах, но ни одного такого примера не было.

Что же касается того, что я «не продвигаю», «не оказываю» и «не довожу», то тут было более-менее ясно. В своих сообщениях я, как

правило, излагал не то, что я говорил, а то, что мне говорили. Полагая, что именно это должно интересовать МИД. Только если возникали какие-то нестандартные ситуации, я приводил свои соображения. В остальных случаях считал ненужным повторять всем известные позиции.

Меня упрекал в этом еще Колоколов. Но я списал эти упреки на счѣт старых, не самых лучших мидовских традиций. Однако история повторялась. Читая сообщения, которые отправляли в Москву знатные визитѣры из МИДа, я, разумеется, видел, что они делали акцент на свои доводы, свои контраргументы, на то, как они «продвигают» и «оказывают». Но меня это не вдохновляло. И я не считал нужным менять свою манеру письма.

Конечно же, я понимал, что где-то мы не дотягиваем, что информация могла бы быть качественнее, что анализы могли бы быть глубже. И, повторяю, готов был к конкретному, предметному разговору на все эти темы. Но такого разговора, к сожалению, не было.

Провели «тайную вечерю» (Носенко, Смирнов, Карасова, Маслов). Тот случай, когда собрались в «тайной» же комнате. Постарались выудить рациональное зерно. Да, не хватает информации. Ибо не принимают нас всерьѣз как коспонсора и не чувствуют потребности давать нам информацию. Дают информацию американцам, а нам приходится её «брать». Потому что не видят реального эффекта от контактов с нами. Не вредит «российский коспонсор», и то хорошо. В общем, решили Гудеву специально не отвечать, а, где возможно, подтянуть гайки.

И до этого эпизода, и после до меня доходили слухи, что в МИДе толкуют об излишне «либеральном» отношении Бовина к израильскому руководству, о его «симпатиях» к Ликуду, слухи о том, что Бовин не отстаивает «интересы России». Сначала я как-то терялся, расстраивался, а потом сообразил, в чём тут дело. Я, например, был убеждѣн, что в интересах России не давить на Израиль, не подталкивать его к новым и новым уступкам. Общество ещё не созрело для этого, и правительство в конце концов сбросят. Что не в интересах России. Я был убеждѣн, что в интересах России более жѣстко говорить с Арафатом, более энергично настаивать на выполнении им достигнутых договорѣнностей.

Беда в том, что большинство тех людей, которые определяли нашу линию поведения на Ближнем Востоке, сформировались в атмосфере советско-арабской «дружбы», в той атмосфере, когда Израиль воспринимался как враг. Изменилось время, изменилась политика, изменились слова, но головы не изменились. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis*, — говорили римляне. Времена меняются, и мы меняемся с ними. Но, к сожалению (или — к счастью?), мы меняемся

медленнее. Арафат или, допустим, Мубарак вроде бы «наши», а вот Рабин или Нетаньяху — им палец в рот не клади... Израиль, ясное дело, не враг, но всё же... В такой атмосфере интересы России как-то незаметно, на уровне политического «подсознания» сближались с интересами того же Арафата. На словах, в открытую это трудно сейчас признавать. Но ведь реальная политика не только формулируется в словах, но и скрывается за ними.

Я исходил из того, что Россия заинтересована в наличии на Ближнем Востоке сильного, развитого во всех отношениях Израйля. Израйля, которому не будут угрожать, который не будут «сбрасывать в море», который, наконец, оставят в покое. Боюсь, что в той атмосфере, о которой я говорил, мой подход, мои слова и мои действия вполне могли восприниматься как противоречащие «интересам России».

.....
7 июня лидер Сионистского форума и его сторонники провели Учредительную конференцию, на которой было создано общезраильское общественно-политическое движение «Израэль ба-алия». Формальный перевод: «Израиль в алии». Перевод по смыслу — «Израиль на подъёме». Без алии, то есть без «притока» евреев извне, не может быть Израйля; алия, репатрианты, — основа Израйля.

Это был важный шаг в направлении политической консолидации репатриантов и прежде всего — репатриантов из Советского Союза, из стран СНГ. До сих пор делалось много попыток как-то объединиться, сконцентрировать усилия, чтобы прочнее утвердиться под израильским солнцем. Возникали и исчезали группы, общины, объединения. Наиболее заметны и наиболее устойчивы были Объединение олим-выходцев из СССР/СНГ и Община русскоязычных граждан Израйля. Жили они недружно, всё время ругались между собой, выясняли отношения. Ругались, конечно, не «Объединение» с «Общиной», а их руководители, вожди. Делили влияние и финансы. Предлагали разные рецепты лечения болезней абсорбции.

Да и внутри каждой из этих групп клубились интриги и всякие завихрения. Вот, например, как описывает положение в «скандально-известном» Объединении журналист Антон Носик: «...делёж кресел и фондов, закулисные интриги и публичная грызня, злоупотребление денежными средствами, судебные тяжбы и делание политической карьеры куда больше волнуют руководство Объединения, чем вся наша алия с её проблемами и заботами». Такого рода суждений можно набрать десятками.

Несколько в стороне, чуть сбоку и чуть выше, держался Сионистский форум. Там был непререкаемый лидер — Натан Щаранский. Там были деньги, которые он умел собирать. Там был авторитет — авторитет того же Щаранского. Он долго колебался. Задумывался над пе-

чальным опытом выборов 1992 года, когда ни одна из олимовских «партий» не смогла и близко подойти к Кнессету. И всё же решил действовать, решил создать к выборам 1996 года дее- и боеспособную организацию. Постепенно: сначала — движение, потом — партия.

Теперь первый шаг был сделан. Главной задачей движения объявлялось превращение «идеи собирания всего еврейского народа в рамках собственного государства в главную задачу, стоящую на повестке дня. Основным условием этого является изменение приоритетов государственной политики, возвращение проблем алии и абсорбции в центр общественно-политической жизни страны».

Провозглашалась необходимость либерализации экономики, уничтожения «остатков социалистической системы», защиты чести и достоинства новых репатриантов, борьбы против «государственно-бюрократического произвола», чтобы превратить Израиль «из государства-убежища для спасающихся от погромов евреев в страну, привлекательную для диаспоры всего мира и предоставляющую мировому еврейству новые возможности для самореализации».

До сих пор интересы олим, — говорилось в программном документе, — «служили игрушкой в борьбе крупных политических партий. Мы больше не хотим быть всего лишь объектом правительственно-партийных игр, мы полны решимости взять свою судьбу в собственные руки. Мы готовы использовать все средства, включая и политические, для достижения своих целей».

В беседах со мной Щаранский неоднократно говорил, что успех движения будет зависеть от того, насколько оно сумеет убедить общество, что это — не «русское», а всеизраильское движение. Однако хотя в Учредительной конференции принимали участие и лидеры эфиопской общины, и выходцы из других стран, новое движение было воспринято именно как «русское».

По мнению посольства, докладывали мы в Москву, образование «русской» партии неизбежно. Этот процесс отражает растущее стремление значительной части израильского общества превратиться из объекта в субъект политики, стать реальной политической и экономической силой. По понятным причинам посольство подчеркнуто держится в стороне от баталий вокруг «русской» партии. Мы исходим из того, что укрепление позиций «русской алии» отвечает, — если иметь в виду среднесрочную перспективу, — интересам России, расширяет возможности российско-израильского сотрудничества.

Образование движения подхлестнуло споры о «русской» партии — нужна или нет?

Аргументы против:

1. Партия предполагает наличие группы людей с общими интересами, целями, с общим подходом к основным социальным пробле-

мам. А для «русской алии» как раз характерны мозаичность интересов, разброс убеждений и оценок.

2. Не следует ради общинных, всё-таки частных интересов разделять Израиль на кантоны, отгораживаться от других секторов общества, противопоставлять «русскую алию» ватикам (старожилам) и сабрам (коренным израильтянам).

3. Просто-напросто денег мало. А без денег в Кнессет не пробьёшься.

4. Нет общепризнанных лидеров. Есть довольно много людей, которые хотят быть лидерами, но не хотят объединяться.

Аргументы за:

1. Денег, действительно, не так уж много. Лидеров, действительно, хоть отбавляй. Но всё относительно. Шаранский, если захочет, деньги достанет. Да и на лидера он потянет. И может собрать вокруг себя приличных людей.

2. Только пробившись в Кнессет и другие властные структуры, — а это без партии невозможно, — «русская алия» сможет оказывать реальное воздействие на решение своих насущных проблем.

3. Только получив возможность участвовать в принятии решений, а для этого нужно быть в Кнессете и в правительстве, — «русская алия» сможет влиять на развитие израильского общества в целом.

4. Только объединившись на политическом уровне в масштабе всей страны, «русская алия» сможет избавиться от чувства неполноценности, поверить в свою силу, в свои возможности.

Людей, которые «за», оказалось больше, чем тех, которые «против». Соблазн попасть в Кнессет и в правительство оказался сильнее опасений усилить фрагментарность Израиля. Партия была создана.

Шаранский рассчитал правильно. Он правильно подобрал команду. Он предложил умеренную правоцентристскую программу, приемлемую для репатриантов «среднего класса». И он победил. На выборах 1996 года партия «Исраэль ба-алия» получила 7 мандатов, а затем — два министерских поста в правительстве Нетаньяху (Шаранский — министр промышленности и торговли, Эдельштейн — министр абсорбции).

Дальше начались сложности. Началось «партийное строительство». С одной стороны, был объявлен массовый приём в партию. А с другой и более главной, разрастался партийный аппарат. Помимо Председателя партии (Шаранского) появились Генеральный директор и Генеральный секретарь. Оба непременно с большой буквы. Заговорили о Политическом совете, Рабочем совете, Консультативном совете и мн. др. Вроде бы для расширения демократии. Но бюрократия — при прочих равных — сильнее демократии. Круг лиц, причастных к принятию решений, сужался.

Зазвучали недовольные голоса. «Демократия с петлёй на шее», «последние большевики» — это голоса извне, голоса проигравших

конкурентов. Но были и другие голоса — из ближайшего парламентского окружения Щаранского. Им не нравился слишком авторитарный стиль лидера. Им не по душе была создаваемая аппаратом «партия нового типа».

В сентябре 1997 года напряжение вышло наружу. По одну сторону баррикад — Щаранский, Эдельштейн и аппарат, по другую — депутаты Кнессета Юрий Штерн, Михаил Нудельман и другие более «вольные стрелки». Их разделили не только разное понимание роли и места аппарата, но и разные подходы к самой идее партии. Щаранский настаивал на её всеизраильском, надобщинном характере, его оппоненты считали, что в нынешних условиях реалистичнее держаться ближе к «русским» корням. На споры принципиального характера наслаивались обиды и упреки личного плана, неизбежные в среде такого типа.

Кончилось тем, что на выборах 1999 года бывшие единомышленники вышли двумя колоннами. Авангарды обеих колонн прорвались в Кнессет. Но проблема политической консолидации «русской» алии перешла в XXI век...

13 июня меня принял президент. Разговор вращался вокруг сирийской проблематики. Вейцман считает, что американцы, исходя из своих интересов, преувеличивают результаты своих переговоров с Асадом. Говорят, он отказался от «абсолютной симметрии», но скорее всего речь идёт о «гомеопатических подвижках». И вообще, сказал президент, судьба израильско-сирийских отношений решается не на переговорах, а внутри Израиля. Если мы не сможем убедить народ в том, что договор с Сирией не нарушит безопасность Израиля, если мы не сумеем договориться с поселенцами на Голанах, никакого соглашения не будет. Для израильтян Голанские высоты значительно «дороже» Синайского полуострова.

Своей заносчивой позицией, отказом разговаривать с израильским руководством Асад лишь провоцирует народ Израиля выступать против соглашения с ним. Президент Сирии не торопится с подвижками на переговорах, так как чувствует себя довольно прочно. Но всё-таки время работает против него. А он склонен не замечать это.

Памятуя о недавнем «втыке», сообщил в Москву, что по всем затронутым в беседе вопросам обстоятельно (в пределах моей информированности) изложил Э.Вейцману российскую точку зрения.

Сирийский трек, сирийское направление переговоров оказалось наиболее трудным и быстро зашло в тупик. Что сначала — курица или яйцо? Сирийцы требовали, чтобы до всяких разговоров по делу израильтяне чётко сказали: мы уйдём с Голан. Только заручившись обе-

щением Израиля вернуть Голаны «до последнего дюйма», Сирия соглашалась начать обсуждение остальных вопросов, включая и характер, реальное наполнение будущего мира.

Израильтяне отклоняли ультиматум и предлагали начать предметный разговор об условиях возможного соглашения. Вопрос ставился так: глубина отхода зависит от «глубины» мира. «Мои позиции известны и высказывались публично не раз, — заявил Рабин ещё в июне 1993 года. — Израиль готов отступить на Голанах к безопасным и признанным границам, однако всё зависит от сущности мира, который нам предстоит достигнуть и на который готова пойти Сирия. Пока мы всё ещё не получили даже приблизительного ответа на этот очень важный вопрос. До получения ясного и исчерпывающего ответа не может обсуждаться вопрос о том, насколько глубоко мы готовы отступить».

Голаны (Голанские высоты, Голанское плато) были оккупированы Израилем в ходе Шестидневной войны. Нынешняя граница была зафиксирована 31 мая 1974 года, когда Г.Киссинджер заставил израильтян уйти с территорий, которые захватил Израиль, разгромив Сирию в войне Судного дня.

14 декабря 1981 года премьер-министр М.Бегин, который находился в иерусалимской больнице «Хадасса», пригласил к себе министра обороны А.Шарона и министра иностранных дел И.Шамира. Премьер заявил им, что он сегодня собирается представить в Кнессет законопроект о присоединении Голан. Так он и сделал.

Бегина привезли в Кнессет в инвалидной коляске. Он произнёс речь: «Ни в нашей стране, ни за её пределами не найдётся ни одного серьёзно изучавшего историю человека, который посмеет опровергнуть тот факт, что на протяжении многих поколений Голанские высоты были неотделимой частью Эрец-Исраэль. Я уверен, что от имени подавляющего большинства депутатов Кнессета и всей нации могу заявить, что с исторической точки зрения Голанские высоты были и будут неотделимой частью Эрец-Исраэль».

Законопроект был лаконичен: «Законы, юрисдикция и исполнительная власть Государства Израиль распространяется на всю территорию Голанских высот». Голосование состоялось в 23.15. 63 голоса «за», 21 — «против». Лидер оппозиции Перес был за границей, Рабин воздержался¹.

Для правительства Израиля проблема Голан, скорее, внутривнутриполитическая, чем внешнеполитическая. Вейцман прав, говоря, что для израильтян Голаны «дороже» Синай. Если относительно судьбы

¹ ООН неоднократно заявляла, что это решение «не имеет никакой юридической силы».

Иерусалима в Израиле существует практически стопроцентный консенсус (неделимый Иерусалим останется столицей Израиля), то относительно судьбы Голан такого единства нет. И всё же большинство израильтян, как показывают многочисленные опросы, не готовы к уходу с Голан. Страсти вокруг Голан настолько накалились, что наиболее нервные обозреватели стали писать об опасности гражданской войны, если правительство решит отдать даже часть Голан. И дело тут не только в том, что за три десятилетия евреи превратили некогда пустынный, запущенный район в центр интенсивного сельского хозяйства, создали промышленность, проложили дороги, построили вполне современные населённые пункты (как-то не получается назвать их сёлами или деревнями). Всё это важно и не может не учитываться при решении вопроса о Голанах. Вместе с тем против передачи Голан Сирии приводятся и более весомые аргументы. Их по существу три.

Первый аргумент военный, стратегический. Если уйти с Голан, то сирийская армия — «Поглядите на карту!» — как бы «нависнет» над Израилем и получит шанс прорваться к морю, к жизненным центрам страны, не дав возможности Израилю провести мобилизацию и ввести в бой резервы. Разумеется, теоретически можно договориться о демилитаризации Голан. Существуют надежные технические средства отслеживать передвижения войск. Но всё-таки уход с Голанских высот, полагают многие в Израиле, лишает Израиль важного преимущества и делает его более уязвимым.

Второй аргумент (и, может быть, более важный, чем первый) касается воды, водных ресурсов. На Голанах — истоки рек и речек, питающих Иордан (израильская Волга?), который впадает в Кинерет (Тивериадское озеро). От Кинерета начинается водовод, который тянется до пустыни Негев. Он обеспечивает примерно 30-40 процентов воды, потребляемой Израилем. «Израиль может прожить без нефти, но не без воды», — изрёк однажды Нетаньяху. Что недалеко от правды.

С Сирией связаны неприятные воспоминания. В 1964 году, когда Голаны были у Сирии, сирийцы пытались построить обводной канал, чтобы оставить «сионистов» у сухого корыта. «Сионисты» ответили бомбардировками и артобстрелами. Работы были прекращены.

В феврале 1997 года в Дамаске состоялся конгресс представителей арабских стран, который обсуждал проблему использования водных ресурсов в регионе. Конгресс констатировал, что Израиль «ворует» воду у палестинцев, ливанцев и сирийцев и призвал «не уступать Израилю ни капли воды». Пока обошлось без стрельбы...

И опять же: всё можно обговорить на бумаге, в договоре, рассуждают в Израиле, но договор — это всего лишь бумага, она рвётся. Не случайно Арафат вспомнил о договоре Пророка с курейшитами....

Аргумент третий (он же — первый или второй) — судьба поселенцев и поселений. На Голанах — 32 поселения (15 киббуцев и 12 мошавов), в которых живут 14 тысяч человек. Это именно те люди, которые «обустроили» Голаны. И они, естественно, не хотят уходить.

Но кроме этого, человеческого, скажем так, мотива есть и мотив метафизический, религиозный. Поселенчество, заселение палестинской земли (Эрец-Исраэль) рассматривается как практическое воплощение сионистского призыва — возвращение к Сиону. Поселенцы воспринимаются общественным мнением Израиля как авангардный, передовой, пионерский отряд, воплощающий в жизнь сионистскую мечту. Что так и было исторически.

Отсюда — особая психология поселенцев. О ней даёт хорошее представление статья одного из первых поселенцев на Голанах Дуди Бен-Ами, названная им «Я не уйду с Голан!». Несколько абзацев.

«Я не уйду с Голан, ибо я и мои друзья поднялись на эти высоты в качестве поселенцев суверенного демократического государства, пославшего нас, чтобы мы жили здесь трудом рук своих, растили детей и внуков, были символом народа Израиля, знаменем и предупреждением: те, кто придёт к нам с мечом, от меча и погибнут; стремящиеся же к миру да благословенны будут.

Я не уйду потому, что они все — мои деды и прадеды — мечтали изо дня в день о свободном Сионе. Они смотрят на меня из глубины веков с немым вопросом — достоин ли я их?

Я не уйду ещё и потому, что моя жизнь, моя честь, прошлое и будущее не выставишь на базаре на продажу. Я презираю готовых продаться с детьми и внуками с аукциона — у них нет прошлого и нет будущего.

И наша пишущая и комментирующая братия, готовая принизить, обкорнать, скрыть правду, — они могут приукрашивать и прославлять сбившихся с пути лидеров, они могут смывать принципы и разрушать мировоззрения. Я не уйду!

Избранники народа могут продолжать искажать волю своих избирателей и заключать за их спиной тёмные сделки, они могут лгать и обманывать даже перед лицом суда. Я не уйду.

Ибо нет сионизма без Сиона, нет политического сионизма без сионизма практического, и нет практического сионизма без сионизма духовного, и ничего этого нет без опыта прошлого и отваги смотреть в будущее.

Поэтому я не уйду.

Поэтому, братья мои на Голанах, граждане Израиля и сыновья моего народа в галуте, вы, жестоковывные евреи, поднимите вашу десницу а повторяйте за мной:

«Я не уйду!

Мы не сдвинемся с Голан»».

Можно понять этого человека. Можно понять накал страстей. Но политика существует в ином мире. Поселенцы на Синае тоже отождествляли себя с сионизмом. Однако израильские бульдозеры разрушили их дома в Ямите. Так что аргумент от поселений уязвим. «Все правительства Израиля, — цитирую газету «Гаарец», — усердно ставили знак равенства между сионизмом и поселенчеством, даже когда стало ясно, что это сравнение выглядит анахронично... Горький опыт Голан показал, что за деревьями «сионизма» мы давно перестали видеть лес, имя которому — интересы Израиля».

Аргументы сторонников ухода с Голан имеют более общий характер. Их логика: если мы хотим жить в условиях мира, надо вернуть захваченные, оккупированные территории. Конкретные проблемы (безопасность, вода, поселения) могут быть решены на взаимоприемлемой основе. Решения могут быть болезненными. Вспоминают Моше Даяна. Он как-то сказал: «Лучше Шарм эль-Шейх без мира, чем мир без Шарм эль-Шейха». Теперь Шарм эль-Шейх давно у Египта, и вряд ли кто жалеет об этом. Мир с Египтом перевесил Шарм эль-Шейх. Мир с Сирией перевешивает Голаны.

Предлагаются разные варианты развязки голанского узла. «Гонконгский», например. Голаны признаются сирийскими, но Сирия сдаёт их в долгосрочную аренду Израилю. Или такой вариант, о котором мне говорил генерал Кахалани. Полностью демилитаризованные высоты остаются под израильским суверенитетом примерно на 50 лет. Если за это время убедимся, что мир прочен, уйдём с Голан.

Обсуждение проблемы Голан сопровождается в Израиле обсуждением «проблемы Асада». Что понятно. «Сирия — это я!» — вполне может сказать её бессменный лидер.

Как политический долгожитель (три десятилетия) он — из ныне живущих — уступает только Арафату. Асад удержал власть в сложнейшей для себя обстановке. Он — выходец из немногочисленной, презираемой и гонимой в арабском мире секты алавитов (экзотическая смесь ислама, христианства и астральных культов). «Алавитский змей», — обзывали его багдадские газеты, поскольку он ужалил Ирак во время «войны в пустыне». Понадобились невероятные усилия, недюжинный ум и арафатовская изворотливость, чтобы заставить страну «забыть» об его алавитских корнях.

Асада называют «дамасский сфинкс». Он, действительно, нелюдим и поэтому загадочен. Цитирует Макиавелли: «Тот, кто хочет быть лидером, должен держаться подальше от толпы и быть обращённым к ней спиной».

Киссинджер характеризовал Асада как безжалостного и хитрого человека, отлично ориентирующегося в мутных водах ближневосточной политики, как умного и дальновидного мастера дипломатии,

специалиста по геополитической «базарной торговле». У Асада, заметил Киссинджер, есть недостатки, например, — склонность к массовым убийствам, но на него можно положиться: дав слово, он старается его держать.

Кстати, на это качество Асада мне часто указывали израильские лидеры. Но я — тоже кстати — могу сослаться на другое суждение Киссинджера. Владелец «Едиот ахронот» Моше Варди спросил его: действительно ли Асад желает мира? Киссинджер ответил, что вопрос «почти не имеет смысла». Асад 20 последних лет вел себя тихо, так как понимал, что расклад сил не в его пользу. «Но если, — хотя я уверен, что этого не произойдёт, — Израиль в какой-то момент окажется слабее Сирии, Асада слово «мир» не остановит».

К участию в мирном процессе Асада подтолкнуло стечение объективных и субъективных обстоятельств. Объективных: конец поддержки со стороны Москвы, что лишило Дамаск надёжной внешней опоры; трудности социально-экономического развития, требующие нормализации отношений с Западом; разрушающий страну рак милитаризма; опасность фундаментализма. Всё это заставляло Асада маневрировать.

В этом же направлении действует и субъективный фактор — эволюция политических настроений самого Асада. Любой диктатор будет распят будущими поколениями, но каждый пытается избежать этого. Сначала Асад надеялся, что его оправдает «Великая Сирия». Но «Великая Сирия» предполагает бескомпромиссную конфронтацию с Израилем. После долгого «мытья» и «катанья» Асад, кажется, уяснил, что время работает против него и путь усиления конфронтации закрыт. И Асад, чтобы обойти загробную Голгофу, решил пойти иным путём — стать миротворцем. И не только потому, что осознал, но и потому, — если вспомнить фольклор, — что «иссяк», что война стала для Сирии страшнее мира. Нельзя не учитывать и то, что Асада ненавидят в Ираке, не любят в Иордании и только терпят в Иране.

В общем, Асад пошел на переговоры с Израилем не потому, что пересмотрел свои взгляды на «сионистское образование», а потому, что понял: он рискует остаться в изоляции. Можно сказать, что мир с Израилем для Асада не цель, а средство. Средство для того, чтобы вернуть Сирии Голаны, легализовать присутствие Сирии в Ливане, получить от Америки деньги и убедить Вашингтон вычеркнуть Сирию из «чёрного списка» стран, которые поддерживают международный терроризм.

Асаду нужен «полный» уход, но вовсе не нужен «полный» мир. Против такого мира с Израилем работают не только идеологические табу. Такой мир опасен для Асада (как и для любого тиранического режима) с чисто практической точки зрения. Открыть границы, согласиться на свободное передвижение людей и идей — значит подорвать устои собственного режима.

Получается такая картина. «Полный» мир неприемлем по идеологическим и политическим соображениям. «Полная» война невозможна, так как Сирия опять будет разгромлена. «Холодная война» становится всё более невыгодной. Остаётся «холодный мир»: обменять Голаны на сирийского посла в Иерусалиме. Не больше.

При таком подходе Сирии переговоры были обречены на тупик. Дипломатические хитросплетения, а их было в избытке, разбивались, как только речь заходила о «полном» мире (тут сирийцы уходили в кусты) или об отходе Израиля к границам 4 июня 1967 года (тут звучало твёрдое «нет» израильтян).

Одно время из Дамаска пошли слухи, что Рабин согласился отойти к границам 4 июня и через Кристофера довёл это до сведения Асада. Сирийцы требовали, чтобы Перес выполнил обещание Рабина. На эту тему я разговаривал с Пересом 24 января 1997 года. «Никакого обещания не было», — сказал бывший премьер. Рабин и Кристофер перебирали варианты: если Сирия сделает (не сделает) то-то и то-то, то Израиль сделает (не сделает) то-то и то-то. Об этих вариантах Кристофер говорил с Асадом. Кристофер, насколько мне известно, подтвердил эту версию.

Осенью 1996 года в Израиле стали распространяться сведения, что Сирия готовится к войне. Ссылаясь на американскую разведку, газеты писали, что вероятность военного конфликта приблизилась к 30 процентам. Генштаб Израиля был более осторожен: вероятность войны возросла. Появились заголовки «Если завтра война?» Щаранский заявил, что нужно начать готовить общественность к войне с Сирией. «Я не специалист, — сказал министр промышленности и торговли, — но с политической точки зрения, по моему мнению, лучший путь нейтрализовать угрозу войны — это продемонстрировать нашу готовность к ней».

29 октября 1996 года меня пригласил Нетаньяху. Он заявил, что с 1994 года Асад вынашивает идею внезапного молниеносного удара на Голанах. Он исходит из того, что мировое общественное мнение спасёт его от сокрушительного ответного удара. Но он ошибается. Израиль не хочет войны. И мы были бы очень признательны Примакову, если бы он довёл всё это до сведения Асада.

Примаков, который в это время был в Дамаске, довёл. 31 октября Примаков разговаривал с Нетаньяху. Примаков сказал, что, по его впечатлениям, сирийцы не готовят никаких военных акций. «Наоборот», их беспокоят передвижения израильских войск на Голанах. «Могу сказать Вам с 99%-й уверенностью, что сирийцы не станут инициаторами нападения, а один оставшийся процент — в руках Бога».

Примерно такой же разговор состоялся с министром иностранных дел Леви.

— Хочу заверить вас, что Израиль не имел и не имеет намерений напасть на Сирию. Я хотел бы, чтобы вы довели эту нашу позицию до сирийцев.

— Следовательно, я могу сообщить им, что вы на них не нападёте?

— Да.

— Я это сделаю незамедлительно, но и вы в будущем меня не подведите. Чтобы не получилось так, что я перед сирийцами за вас поручился, а вы потом не выполнили обещание.

— Нет, ни в коем случае. Я готов нести за это ответственность.

Через день я передал Нетаньяху ответ из Дамаска: Асад подтвердил, что не намерен осуществлять военную акцию и рассчитывает на аналогичную сдержанность с израильской стороны.

Оглядываясь на прошлое, думаю, что это был чистейший блеф с обеих сторон. С некоторым привкусом фарса. И обе стороны понимали это. И Примаков, разумеется, понимал. Но правила игры требовали немножко «попугать» друг друга. Что и было исполнено. И нам, как коспонсору, досталась работа.

Переговоры, возможно, возобновятся в следующем, но таком уже близком веке. «Не обязательно решать проблему, — говорил Де Голль, — можно жить с проблемой»¹.

.....
16 июня улетел в Москву, в отпуск. МИД организовал для послов ознакомительные поездки по регионам. Я выбрал Марий Эл, Нижний Новгород, Владимир. В нашу группу входили послы из Германии, Сингапура, Исландии, Арабских Эмиратов и КНДР. Всё было, как в застойные времена. Эскорты милицейские, спецдачи со спецобслуживанием. Большие перегрузки. Но очень интересно. Россия, а не Москва.

В Нижнем Новгороде, где я когда-то кончал среднюю школу, посетили Кремль, где я жил в казарме, поскольку отец командовал расположенными в Кремле курсами для офицеров связи. Были у Немцова. Присутствовали на вручении школьникам «золотых медалей». Удивила речь Немцова: надо лучше учиться, чем будете умней, тем больше будет у вас денег. В своём израильском захолустье я как-то пропустил наступление рыночных времён. Пришлось и мне речь произносить. Вспомнил, как в 1948 году в Горьком тоже получал «золотую медаль».

Вернувшись в Москву, ходил по МИДу. Выбивал шифротехнику. Был у Посувалюка. Приготовился к серьёзному разговору. Но он даже не упомянул о претензиях МИДа.

.....
Культура в июне. Концерт оркестра Кожлаева. Прилетели с паломниками. Неподражаемое соло на барабане. — Филиппинский посол (она) устроила концерт филиппинского ансамбля. Из «белых» дипломатов была только посол Словении. Наверное, потому что тоже — она.

¹ См. дополнение 9.

ИЮЛЬ-95

*Фундаментализм — Расизм в Израиле —
— Раввины призывают солдат к неповиновению*

Всю первую половину месяца в Савьоне гостили жена и дочь Козырева — Ирина Борисовна и Наташа. Обе — покладистые. Показали им Израиль. Как-то зашла речь о Ельцине. Вдруг Наташа посмотрела по сторонам и спрашивает: «А нас не подслушивают?» Современный ребёнок...

.....
3 июля был приглашен к Нетаньяху. По его мнению, правительство уже действует под влиянием выборов 1996 года. Торопится, стремится рапортовать об успехах. Но рапортовать не о чем.

Сирийский угол. Рабин выдвинул четыре «принципа урегулирования»:

- сокращение сирийской армии,
- асимметрия при создании зон безопасности,
- сохранение израильского присутствия на горе Хермон в рамках системы раннего оповещения,
- размещение на Голанах международных сил с американским участием.

А что получилось?

- Израиль согласился на сохранение 5-тысячного танкового корпуса, что лишает смысла 20-процентное сокращение армии,
- фактически снято требование асимметрии, сирийцам будет разрешено сохранить свои позиции к западу от Дамаска,
- израильтяне готовы согласиться с тем, чтобы станции оповещения работали в автоматическом режиме, без израильского персонала,
- вопрос о международных силах утратил конкретные очертания.

По мнению Нетаньяху, позиция Асада продолжает оставаться неясной. Как диктатор он не может симпатизировать миру с Израилем, ибо контакты с демократией губительны для диктатуры. Возможно, он хочет загнать Рабина в цейтнот и выжать как можно больше уступок. Или он хочет торпедировать правительство Рабина и, сославшись на несговорчивость Ликуда, выйти из переговорного процесса.

Коснувшись палестинского узла, Нетаньяху сказал, что Арафат не контролирует обстановку в зоне автономии. Хамас и ФАТХ догово-

рились о взаимном неприменении силы, и под этим зонтом фундаменталисты расширяют и укрепляют своё влияние. Нет гарантий, что если Арафат уйдёт, его место не займёт какой-нибудь мусульманский фанатик.

.....
Тема опасности исламского фундаментализма постоянно всплывала во время разговоров в Израиле. И практически (террор — оружие фундаментализма) и теоретически (что это такое?).

В теоретическом плане фундаментализм можно рассматривать как возвращение к истокам, к основам того или иного учения. Фундаменталистами являлись, например, протестанты, которые настаивали на буквальной истинности Библии. Фундаментализм возникает, как правило, как реакция на разложение традиционных, привычных ценностей, как стремление отстоять, сохранить эти ценности перед лицом наступления нового пугающего, незнакомого мира. В отличие от коммунизма, который предлагал светлое будущее, фундаментализм предлагает светлое прошлое. К фундаментализму тяготеет православная церковь. Фундаментализмом пронизан ортодоксальный иудаизм. Фундаментализм, рассматриваемый в таком плане, — неизбежный элемент общественного сознания. В любом демократическом обществе он имеет право на существование.

Ситуация решительно меняется, когда фундаментализм накладывается на политику, становится её орудием. Рассуждая о христианстве, Альбер Камю писал: «Когда религия соединяется с политикой, рождается инквизиция». А когда союз религии и политики соединяется с фанатизмом, получается та самая гремучая смесь, которая нынче тревожит не только Израиль.

Фундаментализм такого рода можно назвать религиозным фашизмом. Ибо он отвергает диалог, не признаёт компромиссов, провозглашает абсолютную истину. «Когда кто-то считает, что обладает абсолютной истиной, а всех прочих зачисляет в партию сатаны, — говорит египетский философ Фуад Закария, — это фашизм. Это самая суть фашизма». И эта суть накрепко спаяна с нетерпимостью, жестокостью, экстремизмом, авторитаризмом.

Не случайно в политическом словаре исламских фундаменталистов так часто встречается понятие «джихад». Джихад как мировоззрение, как символ веры, как мотивация поведения. Джихад как основная форма взаимодействия двух систем: мира ислама (дар аль-салам, дом мира) и остального мира (дар аль-хабр, дом войны).

Это — теория. Уроки практики нам преподавал Хомейни. Уроки практики преподают фундаменталисты в Чечне и в Средней Азии. Уроки практики преподают Хамас и «Исламский джихад» в Израиле. «Государство Израиль — кинжал в сердце арабского народа» — сказано в

программном документе Хамаса, и камикадзе пытаются вырвать этот кинжал.

Не приходится удивляться крайне болезненной реакции израильского общества на существование и деятельность фундаменталистов.

В 1988 году палестинский поэт Махмуд Дервиш, а его считают «голубем» в ООП, написал такие строки:

Покиньте же нашу страну,
Нашу землю, наше море,
Нашу пшеницу, нашу соль, наши раны...
Всё покиньте.

И покиньте

Память о памяти вашей...

Если бы воевали, спорили только слова... Спорят не слова. Спорит жизнь со смертью. Борьба с террором это израильский антиджихад. Он необходим для спасения людей и страны. Но у него есть обратная сторона. Ненависть, которая пронизывает стихи Дервиша и которая посылает на смерть палестинских юношей, вызывает ответную ненависть.

Ненависть к арабам настолько глубоко проникла в поры израильского общества, что заставила левых говорить о расизме. Политическую бурю в Израиле вызвал депутат Кнессета Авраам Бург, который в декабре 1992 года заявил, что система образования, особенно — религиозного, воспитывает расизм. «Наше общество, — говорил он, — поражено раковой опухолью трансфера... Мы поражены болезнью неприятия других народов». И ещё: «Наша система просвещения должна поймать джинна расизма и запихать его обратно в бутылку». Его поддержала Шуламит Алони: «Нашим детям внушали, что еврейский народ является генетически избранным. Теперь приходится пожирать плоды такого образования и воспитания».

А в декабре 1996 года депутат Кнессета Рехавам Зеэви, лидер партии Моледет, вычеркнул из меню в ресторане название «арабский салат». Нет никакого арабского салата. И вообще арабы-мусульмане ничего не внесли в историю. «Знаменитая пословица, — сказал Зеэви, — гласит: не пустыня создала араба, а араб — пустыню. Как он создал её? Опустошительными войнами, варварским, коррумпированным правлением, ленью, разведением коз, которые уничтожили всю зелень. Говорят, что арабы всё же внесли свою лепту в сокровищницу общечеловеческой культуры. Но в чём же она выразилась, эта лепта? Даже цифры, которые мы называем арабскими, изобретены не арабами, а индусами. Арабы, будучи хорошими торговцами, послужили переносчиками знаний с Востока на Запад».

Лидеру Моледет ответил член блока МЕРЕЦ Александр Якобсон: «Можно по-разному оценивать шансы на мир с палестинцами и возможные условия такого мира. Но сводить счёты с историей и культу-

рой другого народа, приписывать ему органическую неполноценность, воевать с арабским салатом и арабскими цифрами — последнее дело. Это не патриотизм, не защита национальных интересов и даже не политический экстремизм. Это — обыкновенный расизм, без смягчающих обстоятельств, и относиться к нему следует так, как относится порядочный человек к обыкновенному расизму: без всяких скидок.

После злосчастной резолюции ООН (№ 3379 от 10 ноября 1975 года), которая объявила, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации» (теперь она отменена), в Израиле как-то неприлично говорить о расизме. Но он есть. Не потому, что есть сионизм. А потому, что есть сионисты (так сказать макашovy с обратным знаком), которые насаждают ненависть к арабам и которые вообще склонны пускать все другие народы по второму сорту. Так что стену ненависти надо разрушать и с израильской стороны. Иначе мира не будет.

Дважды встречался в Газе с Арафатом и был у Абу Мазена, который вроде бы перебрался сюда насовсем, собирается жить в Рамалле. Обсуждали текущие переговорные дела. Основная «болевая точка» — передислокация израильских войск. Израильтяне маневрируют, держатся за каждую деревню. Наотрез отказываются уходить из Хеврона, где проживают 40 % населения южной части Западного берега. Не соглашаются переселить 47 еврейских семей в близлежащее поселение Кирьят-Арбу.

Однако Арафат был настроен спокойно. Вряд ли, сказал он, мы уложимся, как договаривались, к 25 июля, но для нас главное — не срок, а содержание документа. Я активно поддержал такую постановку вопроса. Заметил, что рано или поздно все вопросы решаются в позитивном ключе. Так зачем тратить энергию и нервы и трясти яблоню с незрелыми плодами?

Абу Мазен долго рассуждал о российском коспонсорстве и кончил таким советом: «Не ждите, когда вас позовут, предлагайте себя, свои услуги». К сожалению, нам почти нечего было предложить. А то, что мы предлагали, не пользовалось успехом.

Затронутая Абу Мазеном тема была весьма актуальна. В своих сообщениях в Москву посольство отмечало снижение интереса к коспонсорской роли России. Ритуальные тексты о «важности», «значимости» России повторяются на всех уровнях, но практика не соответствует ритуалам. Мы полагали, что дело тут не в злокозненных намерениях ухудшить отношения с Россией. Действовали иные причины.

Самая общая — отсутствие уверенности в том, что Россия прочно встала на демократический путь. Не исключают возможность отката России назад, возвращения к имперской политике, возрождения проарабских тенденций. Отсюда — недоверие, желание дистанцио-

нироваться от неустойчивого партнёра, ограничить его вовлечённость в процесс БВУ. Причины более частные вытекают из достаточно скромных возможностей России в плане воздействия на позиции участников БВУ. Симметричное *de jure* положение США и России рассматривается как своего рода «отрыжка» прежнего, двухполюсного мира.

Посольство предлагало откровенно обсудить этот круг вопросов на достаточно высоком уровне, сочетая деликатность и твёрдость.

У меня не сохранились в памяти такие обсуждения. Свои разговоры в счёт не беру — они звучали привычно.

12 июля группа ведущих раввинов из национально-религиозного лагеря приняли галахическое постановление¹, запрещающее солдатам ЦАХАЛа принимать участие в эвакуации военных баз, расположенных на Западном берегу (в Иудее и Самарии). Раввины приравнивали постоянные военные базы к еврейским поселениям. «Мы утверждаем, — заявляли раввины, — что Тора запрещает покидать военные базы ЦАХАЛа в Иудее и Самарии с целью их передачи под нееврейский контроль, поскольку этот шаг ведёт к невозможности исполнять заповедь о заселении Эрец-Исраэль... Постоянный военный лагерь ЦАХАЛа представляет собой по существу полноценное еврейское поселение. При существующих обстоятельствах его ликвидация равнозначна ликвидации еврейского поселения... А как установлено Маймонидом², в случае противоречия между законами Торы и постановлениями государственной власти еврей должен пренебречь постановлением государства ради верности Торе». Раввины подчеркнули, что их постановление относится не только к солдатам, но ко всем гражданам Израиля.

Президент Израиля, премьер-министр, все министры, лидеры оппозиции решительно осудили постановление, расценив его как провокацию, как подстрекательство к расколу общества, к гражданской войне. Опасность усиливается в связи с тем, что призыв раввинов наложил на экстремистские настроения значительной части поселенцев.

Шум постепенно утих. Но он ещё раз показал, что напряженность подходит к опасной черте.

Культура в июле. «Сорри» в исполнении Чуриковой и Караченцова. Пьеса средняя. Играли божественно. — Ансамбль «Лезгинка» откуда-то с Кавказа. Танцевали в ресторане «Кавказ». Бурно. — Очередной современный балет «Бат Дор». Ну, очень современный...

¹ Постановление, опирающееся на религиозную нормативную базу (законы Торы, обычаи, предания).

² Моше бен Маймон (Рамбам) — философ, учёный, врач, крупнейший кодификатор Галахи, то есть норм, регулирующих религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев. Умер 13 декабря 1204 года.

АВГУСТ-95

*Рабин нервничает — Террор. Оправданы ли «жертвы мира»? —
— Российское представительство в Газе —
— Дело дельфинихи Федоры*

2 августа вручил Рабину послание Черномырдина. На фоне обязательных общих мест два существенных момента. «Известно, что в Израиле с повышенным вниманием относятся к проектам сотрудничества России с Ираном в области ядерной энергетики. Хотел бы сообщить, что вице-президенту США А.Гору и мне поручено совместно вплотную заняться этим вопросом, имея в виду снять сомнения в том, что «оружейное измерение» упомянутых проектов полностью исключено.

Со своей стороны готовы продолжить консультации с Вами по вопросам безопасности, включая и упомянутый конкретный аспект. Вместе с тем не могу скрыть в этой связи, что придание универсального характера договору о нераспространении ядерного оружия остаётся предметом нашей озабоченности».

Рабин был возбуждён, взвинчен. Мы беседовали под аккомпанемент массовых волнений, охвативших поселенцев. Они протестовали против приближающейся передачи части территорий палестинской автономии. Солдаты, которых осыпали камнями и руганью, действовали жёстко. Почти 300 поселенцев арестованы. Есть раненые. Армия недовольна. В стране чувствуется растерянность. С тревогой ждут завтрашнего дня.

Премьеру всё время звонили по телефону. Он был резок. Иран — главная опасность и не только в регионе. Иранское руководство обучает, финансирует, снабжает оружием исламских экстремистов во всём мире. Те, кто поддерживают Иран (среди этих «тех», ясное дело, была Россия), фактически способствуют срыву усилий по нормализации обстановки в регионе. Мы готовы, заключил Рабин, обсуждать с вами весь этот комплекс проблем, но на фоне поставок атомных реакторов экстремистскому государству рассуждения о неприсоединении выглядят странно.

И вновь — в который уж раз! — выстраивал я цепочку наших аргументов. Но без толку. Потому что существуют ситуации, когда логика бессильна, когда верх берут эмоции, ощущения тревоги, опасности.

.....

9 августа мне исполнилось 65 лет. Не отмечал. Предавался раздумьям. Запись: «Жизнь прошла. Как? Всю жизнь молился ложным богам?» И другая: «Посольская жизнь остановила для меня российское время. Приеду — придётся приспособливаться к новому времени».

.....

11 августа в Табе (Египет) Перес и Арафат подписали Совместное заявление «о некоторых принципах», которые должны быть учтены при отработке промежуточного соглашения. Соглашение было расплывчатым и содержало несколько скобок, фиксировавших разные подходы сторон к тем или иным проблемам.

Перес, с которым я встретился 15 августа, сказал, что самой трудной является проблема Хеврона, доступа к расположенным там святым местам. Палестинцы настаивают на выводе израильских войск, а мы не хотим рисковать. Договорились продолжить переговоры.

Не договорились о численности Палестинского совета. Арафат считает, что в нём должны быть 85 депутатов, Перес соглашается на 35. Я спросил — какая разница? Перес ответил — а зачем сразу соглашаться? Из чего я заключил, что Израиль готов к уступкам.

Много споров было о водопользовании. Тут два вопроса, сказал Перес. Как поделить наличные водные ресурсы? Решение будет найдено, но оно не снимет проблему дефицита. Нужны новые источники, а значит и большие капиталовложения в их поиск, технологию использования. Поэтому в Объединённый комитет, который будет заниматься водой, пригласили США.

Обратил внимание министра на то, что в задачи комитета входит «политическая координация». И сразу возникает вопрос о России. Тоже ведь коспонсор. Перес рассуждал о том, что всё-таки на первом плане вода и надежда получить американские деньги. Но могут возникнуть политические аспекты, и понадобится политическая координация.

В общем, всё та же история о бедном российском коспонсоре...

В Табе условились, что через два месяца после начала работы Палестинского совета будут внесены изменения в Палестинскую хартию.

.....

17-го вечером позвонил начальник канцелярии премьера Хабер и сообщил, что Рабин, который в середине сентября собирается с официальным визитом в Киев, хотел бы «залететь» в Москву.

Встретились у Хабера на следующий день. Хабер пояснил, что Рабин хотел бы «без всякой помпы, по делу» встретиться с Ельциным и Черномырдиным. Цель — дать оценку нынешней стадии мирного процесса, посоветоваться, поделиться мыслями о возможных вариантах развития событий. В частности, Рабин намерен обсудить с Черномырдиным темы, поднятые в его письме.

Сказал Хаберу, что если «залёт» в Москву состоится, то было бы полезно уже сейчас обратить внимание на некоторые «шероховатости» в наших отношениях. Чтобы по возможности снять их. В преддверии подписания соглашения «Осло-2» хотелось бы надеяться, что история с Арабой не повторится. В этом контексте настораживает создание комиссии, в которой есть Америка, но нет России.

— Да они же только водой будут заниматься!

— А что тогда значит политическая координация?

— Да нет там никакой политической координации!

Когда координация всё же «нашлась», Хабер был удивлён...

Напомнил и о том, что давно пора покончить с вопросом о недвижимости. Похоже, что сам вопрос стал недвижимым...

Разговор с Хабером был продолжен 31 августа. Сказал, что Черномырдин примет Рабина, а Ельцин — в отпуске. На что Хабер ответил, что Рабин готов прилететь к Ельцину («пусть на полчаса») туда, где он отдыхает. Есть вопросы, о которых он хотел бы говорить только с президентом.

.....
21 августа — взрывы в Иерусалиме. Очередные самоубийцы. 5 убитых, около 100 раненых.

Каждый взрыв, каждый террористический акт поднимал волну возмущения, волну протеста против беспомощности правительства.

Бывший советник премьер-министра по борьбе с террором полковник Игал Кармон обвинял правительство в отсутствии стратегии противостояния палестинскому террору. Не с симптомами надо бороться, писал он, а с причинами. А это потребует вмешаться в то, что происходит на внутренней палестинской арене, внутри автономии. И действовать более решительно, наступательно, не обращая внимания на притирания слева.

Раздавались призывы к казни террористов. «Государство должно защищать себя и народ, — писал в «Вестях» Яков Гохберг. — Должен быть принят закон, предусматривающий смертную казнь для каждого, кто совершил или пытался совершить террористический акт. Приговор не приводится в исполнение, если террористическая деятельность не имеет продолжения. Закон должен иметь ретроактивное действие. В случае продолжения террористической деятельности отсроченные приговоры приводятся в исполнение. Такие меры должны оказать влияние и на психологические установки террористов-самоубийц. Совершая террористический акт, он убивает не только евреев, но и своих «коллег».

Участились резкие нападки лично на Рабина. «Где наша национальная гордость, гордость победителей в пяти войнах? — спрашивал Рабина репатриант Яков Сусленский. — Мы должны были дикто-

вать условия мира всем нашим арабским соседям. Но вы, господин Рабин, поставили нашу страну на колени. Перед кем? Перед бандой убийц. Жаждающих нашего истребления. Вашим «миром» Вы вызвали новый вид террора против нашего народа — теракты камикадзе, с которыми, по Вашему признанию, нет средств борьбы. Мы в нашей вооружённой стране уподобляемся тем несчастным безоружным евреям, которые в годы второй мировой войны безропотно шли в газовые камеры. Мы — накануне новой Катастрофы».

К сожалению, Арафат подливал масло в огонь. «Обязательства — это обязательства, а клятва — это клятва, — говорил он на митинге в Газе через несколько дней после взрывов в Иерусалиме. — Мы будем продолжать этот долгий, тяжёлый путь джихада. Будут бои, будут погибшие. Но это дорога победы. Наши герои, принесшие свои жизни в жертву на этой войне, пали не напрасно. И те, кто ещё принесут в жертву свои жизни, могут быть уверены, что мы будем помнить о них вечно, помнить как о святых...»

В эти же дни в газете «Курьер» появилось открытое письмо президенту Израиля, в подготовке, редактировании которого участвовали десятки читателей. «В эти судьбоносные для Израиля дни, — писали они Вейцману, — мы обращаемся к Вам, так как считаем, что нынешнее правительство Израиля не пользуется больше поддержкой народа и допускает политические и дипломатические ошибки, которые самым роковым образом могут отразиться на будущем Израиля, а, значит, и на нашем будущем и будущем наших детей и внуков.

Идущие в течение последних лет переговоры с арабами, населяющими Эрец-Исраэль, и рядом арабских стран, усиливающаяся волна террора и обострение обстановки как на контролируемых территориях, так и в зоне безопасности в Южном Ливане, а также политические шаги и заявления лидеров ООП и этих арабских стран однозначно свидетельствуют о том, что партнёры Израиля по переговорам не готовы к конструктивному диалогу, не могут и не хотят пресечь антиеврейские настроения своих народов и не оставляют надежд на уничтожение Государства Израиль и еврейского народа.

Это делает недопустимым дальнейшее проведение переговоров и требует настоятельных шагов по их приостановлению и проведения ряда мер по сохранению целостности Государства Израиль в тех границах, которые сложились на момент прихода к власти нынешнего правительства... Только в этих границах может быть обеспечена подлинная, а не мнимая безопасность нашей страны».

Так террор делал своё дело. Отвращал людей от переговоров, от поисков мира. Он работал на руку израильским «ястребам». Он калечил, огрублял души людей. Порождённый ненавистью, он воспитывал ненависть.

Герман Брановер. Почтенный человек, рижанин, доктор физико-математических наук. Интеллигент. Он возмущается тем, что «из-за боязни собственной тени мы обращаемся с убийцами, с бандитами, обстреливающими наши мирные города, убивавшими наших детей и женщин, натянув замшевые перчатки. Это то же самое, как если бы в войне с Германией союзники обстреливали только бункер Гитлера и не бомбили бы Берлин». Люди «Хизбаллы» убивают невинных, так почему мы боимся это делать? «Война всегда убивает невинных, но ответственность за их жизни на том, кто её развязывает! Ведь это уже не раз бывало в истории. И только тот, кто вообще не понимает историю человечества, может говорить об обратном». Надо не бояться сносить с земли укрепленные пункты террористов, даже если там находятся мирные жители. Ведь сбросили же американцы атомную бомбу на Хиросиму... «С убийцами разговаривают с позиций силы, потому что никакого другого языка они не понимают. То же самое касается всего этого флирта с Арафатом и Сирией. Мы не отдаём себе отчёта, что произошло в эти последние годы с нами. Все заключённые соглашения — ряд трагических страшных ошибок».

Разумеется, война — страшная, грозная и грязная вещь. Разумеется, гибнут невинные. Но призывать к этому, ориентировать на это — значит ставить себя на одну доску с убийцами и бандитами¹.

Мне трудно судить о том, всё или не всё сделало правительство Рабина, чтобы подавить терроризм. Наверное, не всё. Да и кто знает, что значит «всё»?

Вопрос о терроризме — это вопрос о цене мира. Можно ли и нужно ли оплачивать мир человеческими жизнями? Можно ли и нужно ли вести переговоры, когда убивают невинных? Рабин считал, что можно. Шел против течения. Его убили. Но есть ли другая дорога к миру?

.....
Познакомился с новым (вместо Бейлина) заместителем министра иностранных дел Эли Даяном. Он чем-то напомнил мне хорошо знакомую фигуру комсомольского деятеля, перешедшего из аппарата ЦК ВЛКСМ в аппарат ЦК КПСС. Молод. Напорист. Энергичен. Многословен. Весьма эмоционально отработал иранскую тему. Обещал, приехав в Москву, «раскрыть глаза» на иранскую опасность.

Спросил Даяна, знаком ли он с итогами международной детской математической Олимпиады? Не был знаком. Сообщил ему, что израильская команда заняла 13-е место, а иранская — 8-е. И добавил: настоящая опасность для Израиля не в том, что русские специалисты работают в Иране, а в том, что иранские дети знают математику лучше израильских (для справки: 1-е место занял Китай, Россия — на 3-м).

¹ См. дополнение 10.

.....
24 августа прилетел А.Ф. Чистяков, назначенный представителем России при Палестинской национальной администрации.

Вопрос об этом заранее обговаривался с Арафатом. Тот, естественно, был двумя руками «за».

Козырев обратился в правительство 10 апреля 1995 года. Указав при этом, что под открытие представительства «нам удалось добиться от руководства ООП согласия на передачу в собственность Правительства России территории площадью около гектара в г. Иерихоне на Западном берегу р. Иордан».

29 апреля вышло соответствующее распоряжение Правительства. 15 мая появился приказ МИДа. Главе представительства был определён чин советника-посланника (и с ним 1-й секретарь).

Наше представительство не было первым в Газе. Там уже обосновались Германия, Дания, ЮАР, Голландия, Иордания, Марокко, Египет, Норвегия и Тунис. Поскольку ПНА не имела права на внешние сношения, то представители были включены в дипломатические списки своих посольств в Израиле. Например, представитель Германии значился как советник посольства Германии в Израиле. То есть на него распространялись все дипломатические привилегии. Однако Алексей Фёдорович по причинам отнюдь не делового характера не захотел быть «приписанным» к нашему посольству. Это вызвало ряд трудностей бюрократического свойства, но, как говорится, своя рука владыка... Я подчёркнуто никаких советов коллеге не давал.

Вместо верительных грамот Арафату вручались письма министров иностранных дел. Было такое письмо и у Чистякова. Привожу его текст: «Ваше Превосходительство,

Следуя политике укрепления российско-палестинского сотрудничества, решено аккредитовать гражданина Алексея Фёдоровича Чистякова в качестве Представителя Российской Федерации при Палестинской национальной администрации.

Прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять его с благосклонностью и оказывать содействие в деятельности, направленной на развитие дружественных отношений между Российской Федерацией и Палестинской национальной администрацией, между российским и палестинским народами».

Представительство взяло на себя изучение и анализ обстановки в автономии, а также все контакты Арафата с Москвой. Но поскольку, с точки зрения израильского МИДа, Чистяков как бы не существовал, то коспонсорские дела остались за посольством.

Чистяков решил жить в Газе. Это уже само по себе — подвиг. Но для арабиста, прекрасно владеющего языком, это, наверное, ещё и удовольствие. Кофе в Газе выше всяких похвал. Постепенно дела налаживались.

Однако не перевелись ещё зоркие глаза и бдительные натуры. «Российским деятелям, — предупреждал всё тот же д-р Павел Винников читателей газеты «Время», — не занимать опыта по части обхода любых мирных соглашений. И вот недавно телевидение с нашей «доисторической» сообщило, что в секторе Газы начал свою деятельность представитель РФ — якобы для налаживания «культурных связей». Сообщалось, что он — арабист, обладающий большим опытом деятельности на Ближнем Востоке.

Но мне достаточно было посмотреть на офицерскую выправку этого моложавого господина, чтобы сразу определить в нём «востоковеда в штатском». Судя по передаче, он уже довольно успешно обосновался в Газе и чувствует себя вольготно.

У России имеется давний опыт «братских связей» с палестинцами. Напомню вам, какие слова пришли в иврит из русского за годы существования Израиля: «калашников», «катюши», МИГ и другие в том же роде. Неужели этого недостаточно для того, чтобы не насторожиться при виде посланца Москвы в стане врагов? Будем бдительны».

Действительно, у Чистякова бравый, подтянутый, моложавый вид. Чуть покрупнее, и был бы «настоящий полковник». И он действительно востоковед и действительно в штатском. Что же касается «бдительности», то систематическое чтение объявлений о «засланцах» и не до этого доведёт...

.....
28 августа был неожиданно приглашён к министру экологии Сариду. По делу о дельфинах. Точнее, — о дельфинихе Федоре.

В кабинете Сариды находились несколько чрезвычайно взволнованных, агрессивно настроенных лиц, как потом выяснилось, из общества «Дайте животным жить». В несколько голосов, перебивая министра, они шумели о том, что бедная Федора тяжело больна, что её ни в коем случае нельзя увозить в Россию, что там не умеют ухаживать за животными и она погибнет. Надо оставить её в Израиле и отправить в Эйлат, к морю.

Я не был готов к такой атаке. И ничего не знал о Федоре. Министр сказал, что он верит «общественности» и считает, что лучший выход — продать Федору израильтянам. Договорились, что я разберусь с дельфинихой в течение двух недель, а потом вернёмся к разговору.

Разобрался даже быстрее. В 1990 году по соглашению между академиями наук в Израиль ввезли пять дельфинов и трёх морских львов. Их сопровождали три тренера. Изучалась адаптация черноморских дельфинов к средиземноморским условиям. Параллельно животные кормили себя и людей, выступая в специальной и очень популярной шоу-программе.

Через некоторое время одного льва и двух дельфинов вернули в Россию. Остались три дельфина и морской лев Тоша. 7 февраля 1995 года дельфин Макс скорострительно скончался — заворот кишок. По-

том заболел дельфин Боби и, как ни старались врачи (израильтяне, немцы, американцы, голландцы), 23 июля Боби не стало. При вскрытии в его желудке обнаружили 150 свинцовых пуль от пневматического ружья. Видимо, какая-то сволочь подбросила дельфинам рыбу, начинённую свинцом. Сделали рентген Федоре и увидели в желудке несколько десятков пуль. Промыванием сумели извлечь 35 штук.

И хотя было ясно, что в случившемся виноваты местные хулиганы, «зелёные» развернули шумную, бессовестную, бесцеремонную кампанию против «русских варваров», которые губят животных. Начались протесты и демонстрации. 3 августа мэрия запретила шоу. Тренер решил вывести животных домой. Но не тут-то было. Хотя 14 августа постоянный лечащий врач Федоры Ретев Шарон дал заключение, что она здорова и транспортабельна, под давлением «зелёных» Управление гражданской авиации запретило вывоз Федоры.

Вот на этой стадии меня и пригласили к министру. Пришлось протудировать дельфиньи бумаги. Всё было в порядке. Наша академия категорически отказалась продавать Федору. 31 августа д-р Шарон вновь подтвердил, что с Федорой всё в порядке. 4 сентября мэрия разрешила возобновить шоу. Но уже веры израильтянам не было. Договорился с Саридом. Прилетел самолёт со специальным оборудованием, и Федора рассталась с Израилем.

12 октября в «Вестях» появился большой материал Марины Аристовой «Послесловие к печальному финалу». Марина писала: вся эта история «настолько бессмысленна и жестока, что лично я не берусь объяснить её ни агрессивной некомпетентностью, ни чиновным произволом, ни кознями конкурентов — на мой взгляд, это просто одна из тех абсурдных сюрреалистических ситуаций, которые иногда случаются в жизни и заставляют усомниться в существовании в мире какой-то логики вообще и в человеческом поведении в частности».

Получили информацию о расширенном заседании коллегии МИДа «О ключевых проблемах деятельности МИДа России». Коллегия выяснила, что главной проблемой нашей внешней политики является не дефицит концепций или пассивность дипломатии, а дефицит ресурсов в самом широком смысле — экономических, информационно-пропагандистских, финансовых, а в последнее время всё больше и кадровых.

За последние три года ушли 700 человек. Резко возросла доля сотрудников старше 50 лет. Вакантны более ста мест в загранпредставительствах. Центральный аппарат финансируется всего на треть от потребности. Средняя зарплата в МИДе около 440 тысяч рублей, почти в три раза меньше, чем в минфине.

Коллегия создала комиссию и рабочую группу для подготовки предложений.

Было грустно...

Культуры не было.

СЕНТЯБРЬ-95

Вашингтон: «Осло-2» — Рабин в Москве

Гвоздевое событие сентября — подписание соглашения о промежуточном урегулировании («Осло—2»). Соглашение было подписано в Табе 24 сентября и «освящено» в Вашингтоне 28 сентября.

Между «Осло-1» и «Осло-2» прошёл год. Переговоры были вязкими, порой мучительными. Арафат несколько раз хлопал дверью. Палестинцы выжимали из автономии государство. Израильцы же сжимали государство до автономии. Наконец, в первый день нового, 5756 по еврейскому календарю года, договорились. О чём?

1. Выборы в Совет автономии (законодательный и исполнительный орган) состоятся через 22 дня после завершения передислокации израильских войск на Западном берегу. Предусмотрен международный контроль. В Совет избираются 82 депутата. С началом работы Совета прекращают свою деятельность израильская военная и гражданская администрации. Совет не будет обладать никакими полномочиями в сфере международных отношений.

2. На первом этапе (до выборов) Израиль выводит свои войска из Дженина, Шхема, Туль-Карема, Калькилии, Рамаллы и Вифлеема (то есть из всех — кроме Хеврона — городов Западного берега), а также из 450 деревень и поселений городского типа. Передислокация в Хевроне начнётся через 6 месяцев после подписания этого соглашения.

Дальнейшая передислокация мыслилась в три этапа. Через 6, через 12 и через 18 месяцев после начала работы Совета. Поскольку Совет начал работу 7 марта 1996 года, то выстроились три даты: 7 сентября 1996 года, 7 марта и 7 сентября 1997 года.

3. Израиль сохраняет в своих руках контроль за безопасностью границ и безопасностью поселений. Контроль за безопасностью в городах и поселениях Западного берега будет осуществляться в зависимости от района, в котором они находятся.

Район А. Все названные выше города. Здесь безопасность и порядок полностью обеспечивает палестинская полиция.

Район В. Здесь Совет полностью управляет гражданской жизнью (как и в районе А). Совет отвечает за обеспечение порядка, но вопросы безопасности будет контролировать Израиль.

Район С. Здесь сосредоточены жители поселений. Израиль полностью обеспечивает безопасность и порядок.

4. Палестинская полиция будет насчитывать 12 тысяч человек.

5. Через два месяца после начала работы Совета будут отменены все пункты Хартии, призывающие к уничтожению Израиля.

Период промежуточного урегулирования продлится до мая 1999 года. Переговоры о постоянном урегулировании должны начаться не позднее мая 1996 года.

Такова суть соглашения. А «детали» занимают около 400 страниц. Плюс 6 объёмистых приложений.

28-го наблюдал по телевизору торжественную процедуру в Вашингтоне. «Российский коспонсор» в лице Козырева имел место. Но нас как-то не было заметно. Козырев не тянул против Клинтона. Вот, думал я, если бы Ельцин прилетел, Россия была бы в центре внимания. Не хватило политической фантазии...

6 октября Кнессет утвердил соглашение со счётом 61: 59. Эти цифры отразили раскол израильского общества. Почти половина населения была против того, чтобы отдавать землю в обмен на бумагу, на обещания, которым трудно было верить.

Соглашение вызвало столкновение противоположных оценок, мнений, эмоций. Скептики с обеих сторон видели в «Осло-2» троянского коня, который доставлен на территорию противника, чтобы коварством, обманом добиться победы. Для одних это означало сбросить-таки евреев в море, а для других — заставить палестинцев отказаться от мечты о своём государстве. И как это ни странно, именно оптимисты с обеих сторон снабжали скептиков аргументами. Начиналась новая полоса «урегулирования», которая пройдёт через труп Рабина и затеряется в лабиринтах политики Нетаньяху.

.....
Но вернёмся в год 5755-й. 5 сентября встретился с бригадным генералом Игалом Преслером, советником Рабина по вопросам борьбы с терроризмом. Преслер относился к категории скептиков. Он не верил словам Арафата о стремлении к миру. «Я — солдат от самых от подмётков, — сказал генерал, — и я поддерживаю линию политического руководства обменять территории на мир». Но как разведчик я хорошо знаю, что Арафат ещё не потерял надежду в конечном счёте ликвидировать Израиль. И как раз с точки зрения этого «конечного счёта» он подходит к миру с Израилем. Всё это делает ситуацию противоречивой, вызывает сомнения, нервозность.

Моя задача, сказал Преслер, координировать деятельность ведомств, которые занимаются борьбой с терроризмом. Это — Мосад (внешняя разведка), ШАБАК (разведка на территориях), АМАН (армейская разведка, безопасность границ) и полиция (безопасность

внутри страны). И, естественно, армия. «Я не имею права командовать, я могу только давать советы».

На мой вопрос, как можно сбить волну террора самоубийц, Преслер не дал вразумительного ответа. Да ответа, видимо, и не было. Зато были и Сцилла, и Харибда. С одной стороны, жёсткие ограничения, в которые заковали себя сами израильтяне. А с другой, — бескомпромиссное мировое общественное мнение, которое осуждало любой «негуманный» шаг.

Преслер делал упор на технологию, на новые средства и методы. Но это означало борьбу с симптомами, а не с причинами. А впрочем, он был, наверное, прав. Его дело — симптомы, причины — дело правительства.

.....

14 сентября в Москву прилетел Рабин. Первой была встреча с Козыревым. Обычный набор тем. Из этого перечня несколько выбивался вопрос о 45-ти БТРах, которые Ельцин обещал Арафату. Рабин деликатно беспокоился¹. Затем — разговор с Черномырдиным. Наш премьер добросовестно подготовился. Говорил конкретно, по делу: электростанция на сланцах, алмазы, опреснение, недвижимость. В общем, разговор оказался менее формальным, чем можно было ожидать. Но практических последствий не имел. Ещё Рабин успел заехать к Грачёву. Там я не был.

Воспользовался случаем, походил по МИДу. Посувалюк был бодр и весел.

.....

Культура в сентябре. Выставка картин Захара Шермана. Всё очень умственно. Не в смысле «умно», а в смысле — придумано. Но придумано здорово.

¹ Кстати, о БТРах. Ещё в июле мне звонил директор нашего Департамента Вдовин и предлагал устроить торжество по поводу прибытия машин. Я отклонил эту идею, сказав, что хорошо было бы торжествовать, если бы мы построили больницу или школу. БТРы долго стояли на египетско-израильской границе. Только 22 сентября военный секретарь Рабина генерал Дани Ятом сказал мне, что можно забирать. Но только не все 45, а на 7 штук меньше. Так как 7 БТРов у палестинцев уже есть.

ОКТАБРЬ-95

*Нетаньяху пробивается к Ельцину —
— Арабская глубинка — Пьяные юристы*

Начало октября я провёл в Ростове-на-Дону, где отмечался юбилей Университета. В нём учился и закончил юридический факультет. Теперь — наряду с Баглаем и Шахраем — я проходил по графе «почётных гостей». В программу входили речи, ужин и показ приглашённым Ростова. Я воспользовался случаем и съездил на могилы родителей.

9 октября был у министра транспорта Кейсара. Самарская авиакомпания рвалась летать в Израиль. Израильтяне сопротивлялись. Уже восемь городов России имеют прямое сообщение с Тель-Авивом. Хватит. Они отбивают хлеб у официальных перевозчиков («Эл Ал» и «Трансаэро»).

Мои аргументы исходили из того, что не всегда то, что невыгодно «Эл Ал», невыгодно Израилю. Чем больше рейсов, тем легче и интенсивнее общение.

Кейсар долго сопротивлялся. Пришлось говорить с Рабиным. Всё-таки начали летать.

Вообще, российские регионы действовали в Израиле — особенно поначалу — довольно активно. Здесь перебивали представители десятков субъектов Федерации. Заключались и обмывались соглашения о намерениях. Но если что и двигалось, то не усилиями властей, а энтузиазмом частных лиц, их желанием заработать. Знали, что риск большой (Сегал, например), но рисковали.

МИД предупреждал нас, что регионы иногда норовят выступать в качестве полноправных субъектов международного права, и просил «тактично корректировать» поведение регионалов. У нас таких проблем не возникало. Проблемы возникали тогда, когда гости сваливались, как снег на голову. Но как-то управлялись, старались помочь.

Лично для меня встречи с людьми не из Москвы были очень важны. Они помогали понять, как живёт, чем дышит Россия, — и при всех сложностях жизни, при всех перебоях с дыханием — помогали надеяться, помогали оставаться оптимистом.

.....
Нетаньяху пробивался к Ельцину. Мне позвонил его «посол по особым поручениям» и сообщил, что у Нетаньяху есть приглашение от В.П.Лукина. Но Нетаньяху не хочет ехать, пока не получит гарантий, что его примет Ельцин (аргумент — «все» меня принимают, и Клинтон, и король Хусейн, и Коль...). Я сказал «послу», что, по-моему, Нетаньяху малость перебирает. Но в Москву сообщил. Молчание Москвы можно было в данном случае трактовать как согласие со мной и несогласие с Нетаньяху.

.....
12 октября отправился в арабскую «глубинку» Западного берега, чтобы услышать голос арабской «улицы». Разные слышал голоса. Мэр городка (35 тысяч жителей) Умм эль-Фахма Раед Салах был решителен и бескомпромиссен. Израиль не имеет права на существование. Здесь — наша земля. Вся Палестина — наша земля. Идя на соглашения, Арафат упускает шанс создать единое палестинское государство. По-другому рассуждал мэр деревни (5 тысяч) Бунаа Мухаммад Бакри. Он поддерживает политику Арафата. Хватит воевать, хватит изгонять друг друга, пора учиться жить вместе. Места всем хватит.

Та же картина, что и в Израиле. И «ястребы» есть, и «голуби». И так же неясно, кто возьмет верх в ближайшей перспективе. Поскольку Арафат не отягощён демократией, то у него больше шансов зажать своих «ястребов», чем у Рабина.

.....
20 октября всеобщий сбор в Савьоне, с чадами и домочадцами. Шашлыки жарил лично Илюша из «Кавказа». Было весело. Дети носились, как угорелые. Мамы танцевали с чужими папами. А папы даже на травке толковали о «мирном процессе». И не верилось, что «склокоёмкость» коллектива продолжает увеличиваться. На следующее утро допивали и доедали остатки.

Не выдержал перегрузок только один человек — спецкурьер охраны. Когда его везли домой, он выскочил из машины и убежал. «Мне показалось, что меня вербуют», — говорил он, проспавшись. Из чего я понял, что с бдительностью у нас всё в порядке...

.....
23 октября прибыла группа юристов из трех человек (Кириенко В.Ф., Баулин В.В., Куляев В.П.) для подготовки текста договора о покупке жилого дома. Прибыли, и как сквозь землю провалились. На следующее утро панический звонок из гостиницы: «Сделайте что-нибудь, ваши буянят!» Послал в гостиницу бригаду по чрезвычайным ситуациям во главе с 1-м секретарем Сергеем Николаевичем Мрыкиным. Его докладная впечатляет.

«24 октября в 13.00 совместно с сотрудниками консульского отдела Посольства РФ в Израиле Седовым Р.Ю. и Полиповым А.А. посетил гостиницу «Савой», в которой 23 октября была размещена делегация ДКС и СЗ МИДа РФ в составе Кириенко В.Ф. (105 номер), Баулин В.В. (101), Куляев В.П. (104). Посещение гостиницы было вызвано настоятельным требованием управляющего Патрика привести к порядку указанных лиц. По словам управляющего, Кириенко, Баулин, Куляев в течение второй половины 23 октября и с утра 24 октября находились в состоянии сильного алкогольного опьянения, приставали к горничным, мешали отдыху постояльцев гостиницы, стучали в двери. Управляющий подчеркнул, что вгорячах хотел вызвать полицию, но, учитывая добрые отношения сотрудничества, сложившиеся у гостиницы с посольством, не стал этого делать. Однако, если гости будут действовать в том же духе, он будет вынужден обратиться в правоохранительные органы Израиля.

Посещение номеров гостиницы, где остановились сотрудники МИДа, подтвердили справедливость высказанных Патриком претензий. Комнаты находились в сильно загрязнённом состоянии, в них были разбросаны вещи, на столах остатки выпивки и закуски.

Побеседовать с постояльцами не представилось возможным, поскольку они на момент нашего прибытия мертвецки спали. Им была оставлена записка с просьбой связаться с российским посольством.

Управляющему Патрику и горничной были принесены извинения и сожаления по поводу случившегося».

Все «сотрудники МИДа», появившиеся в Израиле, выпивали — вдали от начальства и жён. Кто больше, кто меньше. Меня это не смущало. Лишь бы делали свои дела. И делали. Кто лучше, кто хуже, но делали. А тут я просто рассвирепел. Договор нужен. Деньги большие. Документ сложный. А юристы лыка не вяжут.

26-го запросились обратно. Сказал им: «Положите договор — получите билеты!» Положили. Всё потом пришлось переделывать.

.....
25 октября встретился с Бейлиным. Под него создали министерство экономики и планирования. Как он объяснил — для прослеживания макроэкономических процессов. Тут, правда, у меня возникли сомнения, поскольку в разговоре выяснилось, что министр не имеет представления о «Римском клубе». Но, скорее всего, задача Бейлина — заниматься экономическим срезом «Нового Ближнего Востока». Он обстоятельно рассказывал о надеждах, которые возлагаются на международную экономическую конференцию в Аммане.

На прошлой конференции, в Касабланке, массированное присутствие и необычайная активность израильтян немножко напугала арабов. Поэтому теперь делегация Израиля будет насчитывать всего 100

человек, чтобы «не лезть из всех углов». Упор будет сделан не на концепции и идеи, о них наговорились в Касабланке, а на конкретные проекты. Особенно в «четырёхугольнике» Египет, Иордания, Израиль, палестинцы.

Конференция состоялась. Но, забегая вперед, следует сказать, что приход к власти правительства Нетаньяху, стагнация переговорного процесса пустили под откос идею ближневосточной экономической кооперации. Надеюсь, временно.

Выступив в своём амплуа «возмутителя спокойствия», Бейлин заявил, что нужно уже сейчас, не пряча голову в тактические пески, начинать предметный разговор о судьбе Иерусалима. Надо не бояться сказать палестинцам, что Иерусалим есть и останется столицей Израиля. Но с широким муниципальным самоуправлением для палестинских жителей Иерусалима. Скажем, «большая» мэрия, а «под» ней еще две — для еврейской и арабской частей города.

Мне эта мысль показалась интересной. Но попытки конкретизировать её, перевести в юридическую плоскость показали, что Бейлин пока не готов к такому разговору.

.....
Культура в октябре. Международный конкурс дирижеров. Много музыки, но голова часто занята другим. — «Лебединое озеро» из Риги. Помельче, чем московское. — «Театр Винокура». Увидел и услышал Иру Петрову. Слишком сильно для израильских пограничников. — «Тартюф» в театре «Гешер». Время идёт, а люди идут медленнее.

НОЯБРЬ-95

*Убийство Рабина. Несостоявшийся катарсис —
— Черномырдин на похоронах — Проблема беженцев*

«Чёрный ноябрь» — так будет точнее. Был убит премьер-министр Государства Израиль Ицхак Рабин.

Суббота, 4 ноября. Вечером в Тель-Авиве на площади Царей Израилевых проходил 100-тысячный митинг в поддержку мирного процесса. Выступал Рабин. В 21.50, когда он собрался уезжать и хотел сесть в машину, раздались три выстрела. Пули попали в спину, живот и грудь. Моментально в госпиталь. В 23.15 Рабин скончался на операционном столе.

В воскресенье все мы были на работе. В стране объявлен двухдневный траур. Похороны назначены на понедельник, в 14.00. Днём позвонили из Москвы и передали, что на похороны прилетит Черномырдин.

Встречали Черномырдина в 10.50. В аэропорту всё напряжено, прилетают почти в одно и то же время несколько десятков самолётов с главами государств и правительств. Сразу же — военный вертолёт и в Иерусалим.

Похороны состоялись на горе Герция. Траурная церемония открылась речью Вейцмана. Его отношения с Рабиным не всегда были простыми. «Были годы, — сказал президент, — когда мы много времени проводили вместе. По крайней мере раз в неделю мы беседовали по полтора часа с глазу на глаз. Я знаю, что несколько раз в жизни мне пришлось сделать ему больно. Но я никогда не слышал от него слов критики, он был благородным человеком».

Внучка Рабина — Ноа: «Во мне нет чувства мести, слишком сильна боль утраты. Земля разверзлась у нас под ногами, и мы пытаемся как-то удержаться в этой окружающей нас пустоте, но пока безуспешно.

Я не могу осознать, что всё кончилось. Не по своей воле я прощаюсь с тобой, мой дедушка, мой герой, и прошу тебя, покойся с миром. Я прошу тебя: думай о нас, скучай по нам, мы тут, внизу, очень любим тебя. И если меня слышат ангелы на небесах, которые сейчас уносят тебя от нас, то я прошу их, чтобы они хранили тебя, оберегали, потому что ты заслужил эту охрану.

Мы любим тебя, дедушка...»

Потом — официальные речи. И человека опускают в землю. Всё проходит...

Из Иерусалима отправились в Савьон. Обещал подъехать Кучма, но в последний момент передумал. Расположились с Виктором Степановичем на веранде. Пельмени. Ростовский рыбец. И всё такое прочее. Славно посидели. Обнаружили общих друзей. Поговорили за жизнь. Посувалюк присутствовал. Записано: «Как меняются люди в присутствии начальства! ВВП — такой маленький, незаметный, шуршащий».

Нахальная, хамоватая свита (37 душ прилетели, чтобы заботиться о премьере). Удивительное дело. Попали в чужой дом, и куда хотят — туда идут, безо всякого разрешения. Обиделись, что я выставил их с веранды. Кормление завхоз учинил на кухне.

В 20.00 проводили.

.....
Убил Рабина 27-летний Игал Амир, студент юридического факультета университета Бар-Илан. Йеменский еврей из многодетной семьи. Не примыкал ни к каким политическим движениям и партиям. Был замкнут, погружён в себя. «Моей целью, — сказал Амир на суде, — было всколыхнуть общественное мнение. Люди равнодушны к тому, что здесь создают палестинское государство и армию вооружённых террористов, а оружие не служит миру... По Галахе следует убить еврея, который отдаёт в руки врага своё государство и свой народ». — «А как же заповедь «Не убий»? — спросил судья. — «...Существует предписание более важное, чем «Не убий» — «Спасение души». Когда убиваешь кого-то на войне, это тоже грех. Но цель — возвышенна, поэтому это разрешено. Если глава правительства... жмёт руку величайшему из убийц, освобождает из тюрьмы террористов и спустя несколько дней они убивают евреев, это не глава моего правительства».

Родители, братья и сёстры Амира обратились с письмом к семье Рабина и ко всему народу Израиля. «Огромное горе обрушилось на нас и на весь еврейский народ из-за убийства главы правительства Ицхака Рабина нашим сыном.

Это отвратительное преступление явилось катастрофой и для израильского народа, и для нас, потрясло все основы нашего воспитания и все духовные ценности, которые мы старались внедрить в сердца наших детей, — любовь к еврейскому народу, уважение человека человеком, любовь к родине и веру в Бога.

С позором и стыдом, скорбью и раскаянием мы просим прощения у Ицхака Рабина, у его семьи, у всего израильского народа и объявляем о своём полном неприятии и отмежевании от любых проявлений насилия!!!»

Не все просили прощения. «Мы не намерены осуждать убийцу, — заявил лидер крайне правой еврейской организации ЭЯЛ Авишай

Авив, — это не наше дело. Ицхак Рабин был виновен в гибели сотен израильтян и сам стал жертвой того мирного процесса, который был начат по его инициативе. Теперь этому процессу, разрушающему наше общество и создающему в стране крайне напряжённую ситуацию, пришел конец».

Амир пожизненно заключён в тюрьму.

«Израиль сразу после Рабина» — так было озаглавлено политическое письмо, которое посольство отправило в МИД в конце ноября.

Смерть Рабина вызвала шок в израильском обществе. «Еврей убил еврея!» — ужаснулись евреи. Отсюда неоднократно повторяемая мысль: теперь Израиль уже не тот, что был до убийства Рабина; теперь мы оказались в другом государстве, в другом обществе...

Раздавались и более трезвые голоса. Одни вспоминали Каина, который убил Авеля. Другие — «Альталену», потоплением которой командовал, кстати, Рабин. Третьи вообще высказывались против публицистических преувеличений. «...Стоит ли бросаться из одной крайности в другую и утверждать, что после смерти Рабина Израиль стал иным? — спрашивал министр энергетики Сегев. И отвечал: — Мне кажется, он тот же. Страна не может резко измениться за считанные дни. Просто-напросто не стоит успокаивать себя сладкоголосыми гимнами о национальном единстве. О нём пока не может быть и речи».

Да, Израиль остался прежним. Но возросла (пока, во всяком случае) потребность разорвать привычный круг мифов и легенд, разобраться в том, что же происходит на Земле Обетованной, какова та совокупность обстоятельств (условий, причин), которые привели Игала Амира на площадь Царей и вложили «Беретту» в его руку. Иными словами, возросла потребность в социальном самопознании, в демифологизации идеологии, в критическом реализме как методологии исследований и оценок.

Высказываются разные суждения. Но большинство аналитиков склонны видеть корни преступления в затяжном политическом кризисе, охватившем Израиль, «в глубочайшем, — как пишет юридический советник правительства М.Бен-Яир, — расколе, который происходит в израильском обществе в последние годы» и который порождает «дух вседозволенности». Линия раскола — отношения к мирному процессу, к компромиссным соглашениям с арабами.

Некоторые наблюдатели не ограничиваются движением мысли по политической плоскости, а пытаются заглянуть под неё, выявить социальные предпосылки случившегося. «Жестокость порождена нетерпимостью, непримиримостью — бескультурьем и глупостью, — утверждает обозреватель газеты «Луч» Р.Москович. — Среди хулиганья, которое громче всех вопит на митингах «правых», нет интеллигентов.

Кто-то может предъявить университетский диплом, но люди, не скрывающие расистского отношения к арабам и лещерной ненависти к «предателям родины», — это современные дикари, это позор еврейского народа».

Убийство премьер-министра вложило в руки «разгребателей грязи» оружие, которым они не преминули воспользоваться. «В чём истоки этого ужаса, этого позора еврейской нации и еврейской государственности? — задаёт вопрос В.Топаллер. И отвечает: — Они во всём. В извращённой и искусственной экономике и политике. В дичайшем антагонизме и взаимной ненависти социальных и этнических групп. В клокочущей нетерпимости и омерзительной левантийской ментальности... Во вседозволенности и безумной агрессивности. В процветающей продажности и коррупции. В отупении и равнодушии «квиютно-го» населения. В пустых, пережаренных мозгах огромной части израильской молодёжи, воспитываемой по принципу «лучшее воспитание — это полное его отсутствие»... В позорном для моего народа фанатизме, мракобесии и жутчайшей провинциальности. В снобизме, ничем не оправданной вере в собственную исключительность, в непомерной узости и спеси. В экзальтированности, приличествующей лишь престарелой истеричке». Каждое из утверждений Топаллера следует делить «на шеснадцать». И всё-таки они отражают не только пристрастия автора, но и какие-то — пусть искажённые, деформированные критическими гиперболами — фрагменты израильской действительности, той почвы, на которой созревают гроздья экстремистского гнева — Барух Гольдштейн и Игал Амир.

Политические аналитики правительственного лагеря, остерегаясь трясины метафизических умозаключений, стремятся сосредоточить внимание на конкретных проявлениях правого экстремизма, на тех действиях и публикациях правого толка, которые могли бы спровоцировать смертельный исход. Здесь имеются в виду и шумные демонстрации под лозунгами «Рабин-предатель», «Рабин-убийца», и портреты Рабина, одетого в эсэсовскую форму, и систематические публикации явно подстрекательского свойства. В качестве примера подобного рода публикаций можно привести пассаж из статьи А.Цукермана в газете «Ха-Шавца»: «Настанет день, и израильское общество посадит Рабина и Переса на скамью подсудимых, и тогда перед ними замаячат альтернативы: либо виселица, либо сумасшедший дом. Ибо у этих двоих и всей их компании либо мозги усохли, либо они сознательные предатели». Эта же газета приводит мнение руководителей «национально мыслящих религиозных евреев»: с одной стороны, не может быть и речи о возможности убить Рабина или Переса, но с другой, — всем важно знать, что правительство «не подпадает под законы о царе (царя нельзя убивать) и что оно — враг Израиля».

Под обстрелом оказались позиции религиозных ортодоксов, наиболее непримиримой части антиправительственного лагеря. Еврейский религиозный фанатизм квалифицировался как «еврейский хомейнизм», ставящий религиозные установки выше законов государства и толкающий Израиль в пропасть гражданской войны. Не случайно Амир чётко заявил: «По Галахе следует убить еврея, который отдаёт в руки врага своё государство и свой народ». Вот он и убил.

Массированная атака на правых, на оппозицию, фактическое возложение на них ответственности за выстрелы Амира вызвали резкие протесты со стороны Ликуда, да и не только Ликуда.

Уже 7 ноября Б.Бегин опубликовал заявление, в котором говорит: «Вместе с половиной израильского общества я третий день выслушиваю обвинения в том, что несу ответственность за убийство премьер-министра. Обвинения исходят от политической группы, желающей прекратить полемику по жизненно важным вопросам. Порядочный человек не может смириться с политикой предъявления таких ужасных обвинений половине общества». 8 ноября выступил Д.Леви: «Боль и гнев оправданны. Однако создание ситуации, при которой любой человек в кипе и любой человек правых взглядов находится на подозрении у властей, абсолютно недопустимо». В таком же ключе выдержано письмо президенту Израиля, которое подписали «активисты еврейского движения» (А.Воронель, Й.Бегун, Л.Любарский, Ида Нудель и др.): «Последовавшее за убийством создание культа личности и нетерпимость ко всякому оттенку инакомыслия переклестнули все демократические нормы. Враждебное отношение к людям, носящим кипу, враждебные выкрики в адрес Бар-Иланского университета, обобщающие заявления против поселенцев и верующих сопряжены с политическим манипулированием. Общие обвинения в адрес правого лагеря носят такой же огульный характер, как и проклятия левому лагерю со стороны фанатичных экстремистов».

Правые не только защищаются, но и переходят в наступление. «Убийство Рабина — трагедия для израильской демократии, — писал известный журналист и издатель Г.Мордель. — Но ещё трагичнее глухота и слепота тех, кто ищет связь между Игалом Амиром и лагерем правых законных сил. Источник зла, порождающего насилие, — не митинги и речи противников мира, а насилие, с помощью которого правящий блок навязывает нации своё решение ближневосточного конфликта».

Мордель и прав, и неправ. Он неправ, потому что связь между убийцей и «лагерем правых законных сил», несомненно, есть. Связь эта не в том, разумеется, что Нетаньяху или Бегин «подговорили» Амира убить раздражавшего их премьера. Связь эта в том, что ежедневная насыщенная оскорблениями в адрес Рабина антиправитель-

ственная кампания «законных сил» создавала духовный климат, располагавший к эксцессам. Связь эта в том, что лидеры «законных сил» не захотели — пока не припекло — решительно осудить экстремистов, отмежеваться от них.

Мордель прав, ибо «правлящий блок» явно переоценил готовность масс принять кардинальную смену вех в политике. На протяжении десятилетий в Израиле насаждалась ненависть к арабам. ООП изображалась как скопище террористов, а уж хуже, чудовищнее, гнуснее Арафата вообще никого не было. Всё это откладывалось в общественном сознании на уровне аксиом, на уровне $2 \times 2 = 4$. И вдруг поворот на 180 градусов. Переговоры с ООП. Рукопожатия с Арафатом. Передача палестинцам «исконных» земель. Массы явно не успевали за лидерами. Явно зашкалили психологические перегрузки. Правительство пыталось, разумеется, объяснить перемены в политике. Но, на наш взгляд, делало это вяло. Расчёт был взят, скорее, на своего рода психическую атаку, слом — на волне успехов — господствовавших настроений, прорыв в новое психологическое пространство. К сожалению, активизация терроризма, выход на сцену арабских смертников существенно повлияли на обстановку, замедлили, если не сорвали, переоценку ценностей, на которую надеялось правительство.

Приходится, таким образом, признать, что питательный бульон для экстремистов готовили повара и правой, и левой ориентации. Одни, несмотря на взрывы и жертвы, шли вперёд, продолжали переговоры, вызывая, тем самым, огонь на себя. Другие, несмотря на законные действия правительства, всячески старались поставить под сомнение, подорвать его легитимную базу и тем самым обозначить потенциальные цели.

Как и следовало ожидать, споры вокруг вопроса «кто виноват?» постепенно утихают, входят в норму. На первом плане появляется другой классический вопрос — «что делать?» Что делать, чтобы выиграть выборы 1996 года. Правительство и оппозиция по-разному отвечают на этот вопрос. Но — и это как раз доказывает, что Израиль остался прежним — и правительство, и оппозиция будут продолжать идти прежними политическими курсами.

Убийство Рабина объективно сработало в пользу Аводы. Маятник общественных симпатий качнулся в её сторону.

Однако Перес не клюнул на дешёвку — не пошёл, используя растерянность, смятение в правом лагере, на досрочные выборы. Он избрал другой путь — омоложение правительства и укрепление своего влияния в нём. Вперёд, потеснив «рабиновских министров», было двинуто «третье поколение» (Барак, Рамон, Бейлин). Правительство сдвинулось влево.

Пока трудно сказать, что это будет означать для внутренней политики. Но для политики внешней можно прогнозировать ещё большую втянутость в мирный процесс. Возможен медленный, почти незаметный дрейф от США к Европе. Возможен и рост интереса к сотрудничеству с Россией.

Недавно в одной из газет прозвучало такое сравнение: Рабин — мотор самолёта, летящего к миру, а Перес — крылья этого самолёта. Может быть, точнее назвать Переса конструктором этого самолёта. Но «моторности» Рабина ему явно будет не доставать...

Ближайшие шаги (и замыслы) правящего блока можно свести к следующему.

1. Попытаться, сохраняя свободу слова, ввести ограничения на так называемые «подстрекательские высказывания». Задача эта — защищать демократию при помощи её ограничения — чрезвычайно сложна и вряд ли имеет бесспорное юридическое решение. Оппозиция бьёт во все колокола, вспоминает маккартизм, «охоту на ведьм» и прочие прецеденты. Правительство аргументирует: «Никто не собирается начинать «охоту на ведьм» или «искоренять» оппозицию, — заявляет Сарид. — Демократическое государство, демократическое мышление этого не потерпят. Но есть граница, которую нельзя преступать. Можно не соглашаться с мнением правительства, можно очень резко возражать против его действий, можно доказывать, что правительство не право, но нельзя призывать к насилию, нельзя отрицать bona fide тех, кто находится у власти. Иными словами, вы можете считать, что те, кто руководят страной, не правы, но вы должны признать, что, по их убеждению, они действуют на благо страны и что они имеют право так считать».

2. Одновременно ставится задача ограничить и свободу действий, сузить спектр возможных форм протеста. Министр юстиции Либаи предложил запретить проведение демонстраций, митингов, пикетов в непосредственной близости от домов членов правительства, а также от общественных и государственных учреждений, где работают министры или парламентарии.

3. Намечаются более жёсткие меры по борьбе с экстремистскими организациями. В частности, предлагается все дела, касающиеся нарушения экстремистами государственных законов, передавать не в гражданские суды, а в военные трибуналы. Под юрисдикцию военных судов предлагается передать и поселенцев.

19 ноября правительство приняло решение, которое констатирует: «ультраправые организации расистского, подрывного и террористического характера представляют серьёзную угрозу для демократического строя в Израиле, безопасности государства и общественного благополучия». Указанные организации будут объявлены вне закона

и расформированы. Для борьбы с еврейским терроризмом создаётся специальный координирующий орган. И здесь вновь возникает уже обозначенная проблема — как далеко можно зайти, чтобы защита демократии не превратилась в её отрицание. Тревога по этому поводу звучит всё громче — и не только на правом фланге.

4. Есть намерение ужесточить правительственный контроль над ШАБАКом, который пережил свой «Судный день». Высокопоставленная комиссия разбирается в причинах провала 4 ноября. Вместе с тем Перес решительно воспротивился огульной критике ШАБАКа и заверил его руководителей, что ШАБАК облечён полным доверием со стороны кабинета министров.

5. В ходе шумных споров последних недель опять всплыл вопрос об изменении Закона о возвращении. Ставится задача преградить путь в Израиль лицам, представляющим опасность для общества, то есть создать правовой, организационный механизм для отделения «хороших» евреев от «плохих». Но, видимо, эта идея обречена. Предложение о «сортировке» репатриантов по их политическим взглядам, пишет пресс-секретарь движения «Исраэль ба-алия» Р. Полонский, «подрывает сами основы израильской демократии и свидетельствует о том, что некоторые политики не прочь использовать трагическое убийство премьер-министра Ицхака Рабина в политических целях. Не изменение Закона о возвращении, а широкий консенсус на основе общенационального диалога, терпимости и демократии, единство народа — вот то, в чём нуждаются сейчас как граждане нашей страны, так и евреи за рубежом». Если Закон о возвращении и будет когда-либо изменён, то не потому, что он прозрачен для экстремистов, а потому, что он слишком расширительно толкует принадлежность к еврейству.

6. Не исключено, что будут попытки сузить политическую роль, политическое значение религиозных кругов. С точки зрения религиозных ортодоксов, законы религии, законы Галахи выше законов государства. Именно ссылаясь на это, раввины вынесли «галахическое постановление», разрешающее солдатам не подчиняться приказам своих командиров. Именно поэтому так двусмысленно звучат суждения раввинов, подталкивающие верующих на борьбу с правительством. Левый край правительства был бы не прочь усилить «светскость» государства.

Но Перес, судя по всему, не готов к резким шагам. Наоборот, чтобы расширить коалиционную базу, он вынужден маневрировать, плести тонкие парламентские кружева, иногда играть в поддавки с религиозными партиями. Введение в правительство И.Амиталя — налёк на готовность приступить к диалогу с религиозными партиями. Однако Шитрит остался министром по делам религий, а это означает, что «датишников» не ждут лёгкие времена.

После убийства Рабина раздавались голоса о «катарсисе» («очищении»), который должно пережить израильское общество. Катарсиса не получилось. Ни просветление, ни умиротворение не просматриваются. Политическое землетрясение, борьба за раздел политического наследства не вызвали больших жертв и разрушений. Скоро всё войдёт в свою колею. Израильское общество остаётся больным, расколотым на противостоящие группы и блоки. Призрак гражданской войны не исчез. Впрочем, не исчез и призрак мира...

Так виделась обстановка из посольства России¹.

.....
Жизнь продолжалась. Прибыл с визитом российский министр связи Владимир Борисович Булгак. Визит был деловым, насыщенным. Подписали соглашение о сотрудничестве в области почты и телекоммуникаций. Израильцы привыкли к «политическим министрам». Поэтому министр, досконально знающий своё дело, произвёл на них впечатление. И нас удивил. Обещал наладить телефонный узел в Духовной миссии — и вскорости сделал. Не так уж часто приходится встречать министров, которые делают то, что обещают...

.....
В середине ноября в хайфском Университете состоялась международная конференция по проблеме палестинских беженцев.

В чём суть этой проблемы?

Война за Независимость (1948—1949) и Шестидневная война (1967) заставили сотни тысяч палестинских арабов сняться с насиженных мест и бежать из Палестины. Имеют ли право эти люди вернуться обратно или — как минимум — получить компенсацию за оставленное имущество? Палестинцы говорят — да, имеют. Израильцы говорят — нет, не имеют. Это и есть проблема беженцев.

Кто считается беженцем? По классификации БАПОР (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам), беженцем считается тот, кто в результате войн 1948 и 1967 годов утратил свою собственность, место проживания или источник дохода, а также его прямые потомки. Сколько беженцев? Данные существенно расходятся. ООП говорит о 4-х миллионах. ООН называет цифру, близкую к 2,5 миллиону человек. Поскольку статус беженца переходит «по наследству», то с годами количество беженцев не снижается, а растёт. Ведь к беженцам относятся не только те, кто покинул Палестину в те далёкие уже годы, но и их дети и внуки.

В 1948 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 194, которая признала право беженцев на возвращение. Однако все арабские делегации (а с ними и Советский Союз) голосовали против. Ло-

¹ См. дополнение 11.

гика арабов была понятна: голосовать за право возвращения в Израиль, значит фактически признать правомерность «сионистского образования». Чего они не могли себе позволить. Поэтому нынешние ссылки арабов на указанную резолюцию выглядят не очень убедительно.

В Израиле проблема беженцев интенсивно обсуждалась после Шестидневной войны и захвата Западного берега. Речь шла не о беженцах вообще, а о тех, которые скопились в секторе Газы. Радикальное решение предлагал министр иностранных дел Аба Эвен: вернуть Западный берег, а значит и беженцев, Иордании. Но Эвен остался в «подавляющем меньшинстве». В июле 1967 года была создана так называемая «профессорская комиссия». Она предложила 10-летнюю программу интеграции — переселить 150 тысяч беженцев из Газы на Западный берег, а вместо убогих лагерей создать нормальные поселения.

Был взят курс на «добровольный трансфер», то есть на то, что тяжёлые условия жизни постепенно вынудят арабов покинуть Израиль. «Сейчас, — говорил Даян летом 1967 года, — каждый день тысячи палестинцев переходят мосты, направляясь в арабские страны. Большинство их сюда не вернётся. Мы должны сделать всё, чтобы по крайней мере половина арабского населения территорий покинула страну». Такая постановка вопроса в принципе исключала возможность возвращения беженцев в Израиль. Просто снимала «проблему беженцев».

Но она не снималась.

Проблема беженцев выплыла на поверхность с началом послемайдридской фазы урегулирования. На первых стадиях Израиль просто отмахивался от неё. Израильские представители бойкотировали заседание рабочей группы по беженцам, которая — в рамках многосторонних переговоров — собралась в Оттаве в мае 1992 года. Но бойкот — далеко не лучшая форма защиты своих политических позиций. Надо разговаривать. И Израиль начал разговаривать.

Позиция Израиля исходит из того, что арабы искусственно подогревают проблему беженцев, используя её как рычаг давления на Израиль. Если же отвлечься от политической мифологии, к которой относится идея возвращения всех беженцев в Израиль, то предлагается несколько тезисов, стоящих на почве политического реализма.

1. О массовом, коллективном возвращении беженцев в Израиль не может быть и речи. Для Израиля это означало бы самоубийство, хакарири. Не может быть и речи о возвращении всех беженцев на территорию автономии. Это создаст взрывоопасные проблемы, которые, несомненно, перехлестнут границы автономии.

2. Не может быть и речи о сколько-нибудь масштабной компенсации. Ведь евреи, бежавшие из арабских стран, не требуют компенса-

ции за дома, оставленные, скажем, в Касабланке или Багдаде. Так почему же мы должны платить компенсацию арабам за дома, покинутые ими в Яффо или Хайфе?

3. Решение проблемы беженцев только одно — интеграция их в арабских странах. Если малюсенький Израиль сумел принять и абсорбировать миллионы, то почему два десятка арабских стран, территория которых больше территории Израиля в 480 раз, а население — в 36 раз, не может разместить у себя своих братьев? Кстати, говорилось на конференции в Хайфе, именно по этому пути пошла Иордания, в этом же направлении развиваются события в Сирии.

Возможно, эти аргументы не бесспорны. Но звучат они убедительно. Если же перевести проблему в практическую плоскость, то мне представляется, что дело кончится (если и когда оно кончится) тем, что Израиль согласится символически, «поштучно» принять (у себя и на территориях) какое-то очень ограниченное число беженцев. И на этом проблема будет снята.

.....

28 ноября появился Посувалюк. Обошли Бейлина, Переса, Эли Даяна и Барака. Всё то же самое. Израильтяне говорят нам то, что мы уже знаем. А мы говорим им то, что им известно. Таковы правила игры. Хоть надоело, а играть надо.

.....

Культура в ноябре. Башмет. Почему-то в голову лез альтист Данилов. — Читал стихи Вознесенский. Пообщались. Удивительно: почти не говорит о себе!

ДЕКАБРЬ-95

*Визит Грачёва — Израильская армия — Выборы в Думу —
— Может ли Израиль остановить время?*

Декабрь начался визитом министра обороны России генерала армии Павла Сергеевича Грачёва. С ним прибыли супруга Любовь Алексеевна и помощник по связям с прессой Агапова Елена Александровна, а также пять генерал-полковников и один контр-адмирал. В делегацию входили Генеральный директор «Росвооружения» А.И.Котёлкин и Председатель комитета по оборонным отраслям промышленности В.К.Глухих.

Рабин пригласил Грачёва ещё в апреле 1994 года. Долго тянулись всякие соображения и согласования. Рабин напоминал, да так и не дождался.

Встретили 30 ноября. И ко мне в Савьон — на ужин.

Работа началась 1 декабря с посещения министерства обороны (единственное министерство, расположенное в Тель-Авиве, остальные — в Иерусалиме). Всё было первым сортом. Эскорт мотоциклистов. Почётный караул. Оркестр. Строй «наших» ветеранов.

Беседа с Пересом, который был и министром обороны. Начальник военной разведки генерал Моше Аялон доложил обстановку. На мой непрофессиональный взгляд, поверхностно и банально. Перес подчеркнул политическое значение визита. Подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам военного сотрудничества. Сотрудничество предусматривало обмены делегациями и рабочими группами, а также оркестрами и спортивными командами. К Меморандуму прилагалась программа военного сотрудничества на 1996—1997 годы. Пока я мог наблюдать, ни один пункт программы не был выполнен. В порядке бдительности стороны договорились о том, что Меморандум имеет (или «носит», как написано в тексте) «конфиденциальный характер».

Из министерства — в Иерусалим. Комплекс Яд ва-Шем и венок на могилу Рабина. День завершился ужином у архимандрита Феодосия.

2 декабря — Мёртвое море. Вечером у Илюши в «Кавказе» Грачёв подвёл предварительные итоги: «Израиль — наш лучший друг. Здесь нас любят. И никто теперь меня с этого не собьёт!» Генералы одобри-

тельно гудели и дружно пили за «святую женщину» — Любовь Алексеевну.

3 декабря Грачёв летал на север, посетил военную базу Рамат-Авив и что-то из ВПК.

4 декабря с утра у каждого генерала своя программа. Сбор днём в дегустационном зале завода марочных вин «Кармель». Альтернативное предложение — музей бронетанковых войск — не прошло. Кто смог — пошёл вечером на приём к Пересу.

5 декабря вне программы были приглашены к президенту. Как всегда — живой разговор. Вейцман немножко попутал Ираном, остановился на сирийских сюжетах. Грачёв вел разговор грамотно, вполне на уровне. Он вовсе не так глуп, как его рисуют наши журналисты.

Визит имел довольно большую прессу. Наличие Котёлкина и Глухих позволяло предполагать, что Россия намерена продать Израилю оружие, в частности упоминались антиракеты. Одни одобряли, другие предостерегали. «Неизвестно, — вещала радиостанция «Голос Израиля», — участвовал ли Грачёв в Синайской кампании (он был слишком молодым), но он известен как фигура достаточно одиозная и беспощадная. Надо быть внимательным, оказывая ему слишком «горячий» приём». Писали и о том, что Россия собирается входить на Ближний Восток через израильскую дверь и что это не понравится американцам. «Америка, — рассуждал в «Нашей стране» Виктор Стул, — строго блюдёт нас, поддерживая отношения, как со старой женой. И надоела вроде, но никому не отдам, так как привык. С другой стороны, нам подводить Америку тоже вроде бы не резон. В самые трудные времена она была рядом с нами, от той же России защищала, да и сейчас помогает, не в пример ждущей помощи от других Москве. Такими друзьями, как США, не разбрасываются даже ради России».

Визит Грачёва был полезен со всех точек зрения. Политически он ещё раз давал понять, что Россия не вернётся к односторонней политике прошлых лет. В военно-экономическом плане он намечал путь к выгодному для нас сотрудничеству в области модернизации вооружений. В психологическом плане он способствовал созданию нового образа Израиля. К сожалению, мы не извлекли из визита Грачёва тех выгод, которые он мог бы дать.

Визит министра обороны заставил посольство пристальнее всмотреться в проблемы израильских вооружённых сил. В Израиле армия всегда пользовалась особым вниманием, была предметом особых забот. Это определялось историей страны. «Каково основное занятие нашего общества? — спрашивает известный военный историк Ури Мильштейн. — Ответ, увы, прост: более всего наше общество занято войнами.

Разумеется, мы не только воюем, но почти всё, что волновало израильское общество в духовном и практическом плане все эти десятилетия, находилось под сильнейшим влиянием наших военных усилий».

История Израиля — это, действительно, история войн, войн за право жить, существовать. В этих войнах (данные до апреля 1997 года) были убиты, умерли от ран 20 112 человек. По российским масштабам, — не звучит... По масштабам израильским, — много. 20 112 смертей — цена независимости Израиля.

Единственный способ свести эту цену к минимуму — хорошо отлаженный, безотказно действующий военный механизм, вооружённая современным оружием и умеющая им пользоваться армия. Государство Израиль, израильское общество не жалеют усилий и средств, чтобы иметь такую армию. В 80-е годы военные расходы Израиля (в них включается американская военная помощь) колебались вокруг 5 миллиардов долларов, в 90-е подтягиваются к 9-ти (в районе 10 % ВВП). В расчёте на душу населения (примерно 1300 долларов) Израиль тратит на армию больше всех в мире (кроме Саудовской Аравии и Объединённых Арабских Эмиратов)¹.

Ставится задача иметь стратегическое преимущество над объединёнными силами возможных противников. Это преимущество сводится к трём основным факторам: кадры, офицеры и солдаты; тактика, умение воевать; технология, качество вооружений.

Стратегическое преимущество призвано скомпенсировать, перекрыть явное отставание Израиля в количественном плане. Центр стратегических исследований им. Яффе даёт следующую картину (середина 90-х):

	Кадровая армия	Таики	Броне- техника	Самолёты	Вертолёты
Израиль	136 000	3845	1300	677	269
Египет Иордания Сирия Ливан	756 000	8667	4050	3063	566

С добавлением соседей не ближайших (Иран, Ирак etc.) положение Израиля выглядит ещё более сложным. Тем более важными становятся качественные показатели по всем трём указанным направлениям.

¹ В 1997 году страны Ближнего Востока и Северной Африки заняли первое место в мире по числу сделок на закупку оружия и боевой техники. Они затратили на покупку вооружений 56,5 миллиарда долларов. 50 % этой суммы и приходится на шесть монархий Аравийского полуострова.

В Израиле понимают, разумеется, что время работает против Израиля. Поэтому фундаментальное значение имеет стратегическое партнёрство с Америкой. А также надежда на трансформацию арабских обществ, которая снимет дамоклов меч постоянной военной угрозы.

В 90-е годы была сделана попытка провести глубокие реформы армии, приспособить её к новому поколению войн и вооружений. Что-то Барак удалось сделать. Но сопротивление среды поглощает, часто сводит на нет реформаторские усилия. По наблюдениям посольства, сохраняется громоздкая, ожиревшая структура, возглавляемая генералами, многие из которых, как и положено классическим генералам, готовятся к предыдущей войне.

Армия продолжает оставаться предметом гордости израильтян. Служба в армии продолжает оставаться почётным делом¹. Но ветры, бушующие в стране, ощущаются и в армии. К коррозии ведёт и «потеря противника», которая обозначается в ходе мирного процесса. Снижается общий уровень дисциплины. Растёт употребление наркотиков. Всё больше самоубийств. Увеличивается преступность. Появилась дедовщина. И главное — падает престиж военной службы. Как раз накануне приезда Грачёва появились данные, что 22% юношей и девушек не пошли бы служить, если бы их не обязывал закон. 30% военнообязанных уклоняются от призыва или увольняются в запас, получив «белый билет» у психиатра.

Меняется, видимо, унастроение офицерского корпуса. В июле 1996 года в газете «Маарив» писали о «печальной армии». Приводились слова «офицера высокого ранга»: «Армия уже забыла вкус победы. Железное правило, исходя из которого врага нужно бить в любом месте и в любое время, больше не действует. Армия уже не наводит на врага прежнего страха». А «полевой офицер» жалуется на сковывание инициативы. «Тебе не определяют задачу, чтобы ты, будучи командиром части, выполнил её наилучшим образом. Вместо определения задачи тебе отдают чёткие приказы. Это облегчает поиск виновных в случае какой-нибудь неудачи. На таком вот принципе основана вся армейская система».

Особая проблема военного потенциала Израиля — ядерное оружие. Официальная позиция Израиля — не говорить ни «да», ни «нет». Все специалисты считают, что у Израиля есть 200—300 ядерных зарядов и средства их доставки (снаряды и ракеты). На всякий пожарный случай. «Зубодробительный неконвенциональный кулак Израиля», — прочитал я в какой-то газете. Не признаваясь, что такой кулак есть,

¹ В Израиле всеобщая воинская обязанность. Действительно служат и мужчины (от 18 до 29 лет, 36 месяцев), и женщины (от 18 до 24 лет, 34 месяца), потом — резерв и ежегодные сборы (мужчины — до 55 лет, незамужние и бездетные женщины — до 38-ми).

не показывая его никому и очень им дорожа, Израиль категорически отказывается присоединяться к договору о нераспространении ядерного оружия.

И ещё есть автомат «узи», пожалуй, не менее известный, чем наш «калашников». Чем-то похожи и судьбы изобретателей. Калашников долго был в загоне, не говоря уже о причитавшемся ему, но так и не полученном «гонораре». Обидели и Узи Гала. Правда, в 1955 году, когда «узи» был взят на вооружение, его создатель получил высшую армейскую награду — орден ЦАЛАШ («Знак почёта»). Но потом не заладилось с начальством, и Узи Гал уехал в Америку. Там и живёт. Разрабатывает новые образцы автоматического оружия. Но — для американцев.

17 декабря состоялись выборы в Государственную Думу. Могли голосовать все, кто имеет российский паспорт. Таких у нас было около 35 тысяч. Организовали три участка (в Тель-Авиве, Хайфе и Беэр-Шеве). Пришли голосовать чуть больше двух тысяч. Не так уж и много, но в «час пик» возникли трудности. Пришлось срочно вызывать подкрепление для участковых комиссий.

Итоги голосования показали политическую сознательность израильского электората. Больше всех голосов получил «Демократический выбор». За ним — «Яблоко» и «Наш дом — Россия». На последнем месте — Жириновский (8 голосов), а на предпоследнем — зюгановцы (69).

31 декабря варил себе холодец и, уложив Петровну спать, встречал Новый год напротив телевизора.

Старый год был трудным для Израиля. Сталкивались два подхода к мирному процессу. Убийство Рабина — трагическая кульминация борьбы. И ещё не было ясно, какие уроки Израиль извлечёт из этой трагедии.

Я думал о том, что мир с арабским окружением — необходимое, но не достаточное условие существования Израиля. Причём, если условие необходимое определяется внешними по отношению к Израилю факторами (мирное окружение), то условие достаточное связано с характером, природой самого Израиля.

Абстрактно рассуждая, можно сказать, что перед Израилем два пути. Один — превращение в «нормальное» демократическое государство западного образца. Другой — варианты «сионистской демократии», где права человека будут формулироваться не Конституцией, а установлениями Галахи. Вопрос можно поставить так: неизбежна ли американизация (вестернизация) Израиля или израильский народ преодолеет соблазны секуляризации и останется «народом Книги», народом, погружённым в традиционные (религиозные, иудейские) ценности.

Именно с наличием указанных условий (необходимого и достаточного), с их интерпретацией, с борьбой вокруг них связаны фундаментальные противоречия, наиболее глубокие трещины, раскалывающие народ Израиля. Раскалывающие — на евреев-израильтян, стремящихся к симбиозу традиций и современности с акцентом на современность, и на евреев-иудеев, для которых традиции превалируют над современностью.

Если оставаться в пределах рациональной социологии, то придётся признать, что у Израиля — неарабского государства в арабском окружении — есть все шансы выжить. Но шансов остановить для себя историческое время, остаться специфически еврейским (в религиозном, а не в этническом значении этого слова) государством, таких шансов нет.

Решение БАГАЦа о признании реформистского гиюра — решение не рядовое. Современность теснит традиции. Поднявшаяся в последней четверти XX века волна иррационализма, мистики, религиозного фундаментализма неизбежно пойдёт на убыль. Такова тенденция. Схватки в израильском социуме между светским и религиозным мировосприятием будут продолжаться. Но их конечный результат «предопределён». В противном случае лелеемая Пересом перспектива Нового Ближнего Востока была бы лишена всяких оснований.

На этом этапе своих новогодних размышлизмов я доел холодец, допил шампанское и лёг спать.

.....
Культура в декабре. Выставки художников Фрумгарца и Кроткова. Тоска по России. — Выставка Островской. Милый, но вынужденный примитивизм. Под впечатлением этих, да и многих других выставок я отправился к директору тель-авивского музея искусств Омеру и предложил устроить в музее выставку «русских» художников. Директор в принципе поддержал, но сказал, что выставке должны предшествовать «серьёзные научные изыскания», которые займут год-полтора. Мне всё стало ясно. — «Бенефис» Табакова. «Я — гений, — признался Олег, — нормальный гений». Кто бы спорил? — «Служанка» Виктюка. Он делает «красиво», но слишком и не мне.

ЯНВАРЬ-96

*Кобзон в кутузке — Евгений Максимович Примаков —
— Лернер и «русская мафия»*

Второй день нового года начался с телефонного звонка об аресте Кобзона. Взволнованный женский голос сообщил, что Иосиф Давидович и жена его Неля задержаны в аэропорту и посажены в кутузку. Она звонит по просьбе Кобзона, так как его к телефону не пускают.

Время — начало 9-го. Звоню Носенко и прошу поехать в аэропорт. Затем звонки в МИД, в канцелярию президента, в канцелярию премьера. Звоню Эдику Кузнецову, у него большие связи, прошу поднять шум.

Шум был поднят. Носенко прорвался в камеру, откуда названивал в местные инстанции.

Оказывается, его задержали, когда он уже прошёл паспортный контроль и сидел в виповском зале, ожидая багаж. Безо всяких церемоний, сославшись на указание МВД. С посольством связаться не разрешили. Сказали: будете ждать самолёт в Москву. «Короче говоря, — рассказывает Кобзон, — привели нас с Нелей в камеру с двухъярусными нарами, с пропахшими мочой матрасами. Потом меня заперли там на ключ. Представляете, настоящая тюремная камера — с решётками, с глазком в дверях. Сказали, если захочу в туалет — пожалуйста. Туалет, кстати, без света, дверь не закрывается». По требованию Носенко в аэропорт прибыли представители МВД и министерства внутренней безопасности. Они сообщили, что Кобзон задержан «по подозрению в связях с русской мафией».

Выпустили в 14.15. Не подумав извиниться.

У этой истории есть предыстория. Как известно, Кобзона не пустили в Штаты. Газета «Вашингтон таймс» объявила его «царём русской мафии». 14 июля 1995 года «Едиот ахронот» опубликовала статью Шломо Абрамовича, содержащую аналогичные обвинения. Кобзон назвал Абрамовича негодяем. На что Абрамович ответил: не на меня надо обижаться Кобзону, а на российские спецслужбы, которые снабдили компроматом генерального инспектора израильской полиции Асафа Хейфеца. А газета лишь воспользовалась этим материалом.

Израильтяне не захотели отставать от американцев. И Кобзон попал в «чёрный список», заложенный в компьютер израильских пограничников.

Израиль отнёсся к происшедшему спокойно. «Русский» Израиль был возмущён до предела. Само собой, Топаллер: «Ладно, попробуем на секунду забыть, что оскорбили большого артиста и не очень молодого человека: вмешалась же в конце концов, как говорят, канцелярия Переса, и Кобзона освободили. Ну, посидел восемь часов на нарах профессор, делов-то...

А вот если бы вас задержали? Или вашу дочь, предварительно обозвав её «русской блядью», как уже не раз бывало? Сколько времени потребовалось бы канцелярии Переса для вмешательства? Есть у меня на этот счёт серьёзные опасения... Выходит, представители закона имеют полное право творить беззаконие? Вам это ничего не напоминает?

Отказали американцы Кобзону во въезде в США: их дело. Кого хотят, пускают, кого не хотят — нет. Имеют право. Мы что, так и будем всю жизнь пародиями заниматься, причём пародиями глупыми: сначала человек визу получает, а потом его в аэропорту хватают? Вот и сразился наконец министр Шахал с пресловутой «русской мафией»... Bravo! Замечательный подарок получили Жириновский и прочая сволочь: вы видели, вы слышали, что там у Кобзона с его евреями вышло?»

Редакционная «Курьера»: «Мы не знаем, связан или нет Иосиф Кобзон с «русской мафией».

Но вот одно известно действительно точно: ни у российской милиции и работников спецслужб, ни у их коллег из США, Израйля и «Интерпола» нет никаких веских доказательств этого факта. И, таким образом, арестовав Иосифа Кобзона на основании ничем не подтверждённых обвинений, Израиль ещё раз доказал, что в нашей стране совершенно не действует основной принцип демократического права, именуемый «презумпцией невиновности», и вообще правовая система оставляет желать много лучшего».

Впрочем, в общем хоре возмущения иногда слышались диссонирующие ноты. «Мы любим Кобзона-певца, — писал в газету «Новости недели» Габриэль Илан, — но это отнюдь не распространяется на все остальные сферы его деятельности. Мне кажется, газета поторопилась, попытавшись выставить Государство Израиль в качестве ответчика по «делу Кобзона». Следовало бы выслушать не только певца, но и другую сторону, которая посчитала нужным не пускать его в Израиль. А может быть и запросить госдепартамент США, отказавший Кобзону во въездной визе.

Г-н Бовин, посол России в Израиле, проявил завидную оперативность, подняв на ноги весь Израиль. Но господина посла можно понять: его обязанность — отстаивать права любого российского гражданина.

Мне кажется, такая небольшая и экономически уязвимая страна, как Израиль, должна проявлять осторожность, чтобы вместе с волной алии 90-х годов к нам в страну не была завезена эта страшная общественная болезнь, именуемая мафией. Я не уверен, что в случае с отказом Иосифу Кобзону во въезде в США кто-то пытался посадить на скамью подсудимых госдепартамент этой страны, угрожать демонстрациями у посольства США в Москве...

В своём радиointerview «Коль Израэль» И. Кобзон пригрозил Государству Израиль «отлучением» — он, дескать, не будет больше вкладывать сюда деньги.

Мы пережили арабский бойкот, всевозможные блокады и остракизм. Переживём и «отлучение» Кобзона».

Скандал разрастался. Мне представлялось существенно важным добиться от израильских властей извинения и дать им понять, что они приближаются к опасному пределу. 18 января беседовал с генеральным директором министерства внутренней безопасности Яковом Лапидотом. Он долго объяснял мне, какое ведомство за что отвечает, но так и не мог сказать, кто же сотворил это безобразие. Получалось, — компьютер виноват. Попросил прислать мне инструкции, регулирующие порядок задержания в аэропорту. Лапидот обещал сделать это в течение недели. Однако, несмотря на неоднократные напоминания, инструкций я так и не получил.

Зато получил очень сердитое письмо от Бурга относительно «заявления консула Смирнова», о котором я уже упоминал. Мой ответ соответствовал:

«Я вполне разделяю Вашу заботу о соблюдении «основных прав человека», а также «общепринятых демократических норм и отношений».

Однако я не уверен, что упоминаемые Вами «заявления» сотрудника российского посольства могут служить поводом для беспокойства относительно судьбы указанных прав, норм и отношений и тем более для выражения «абсолютного удивления и протеста». Если несколько слов, сказанных российским дипломатом и весьма произвольно изложенных израильским репортёром, заставляют Вас подниматься на недостижимую для простых смертных высоту абсолютных категорий, то что же прикажете делать мне, если систематически приходится сталкиваться не со словами, не с заявлениями, а с реальными делами, с нарушением горячо защищаемых Вами прав, норм и отношений.

Речь идёт о случаях, — ставших, к сожалению, системой, — хамского, варварского отношения работников аэропорта им. Бен-Гуриона к «подозреваемым» гражданам России, которых не хотят пускать на Землю Обетованную. Не вдаваясь в долгие объяснения, их содержат фактически в тюремных камерах, не дают им связаться с консульством или посольством. Почти трое суток отсидела в такой камере учительница Н.Киселёва, вина которой сводилась к молодости и красивым ногам. Там же провела день и была депортирована в Москву артистка эстрадного театра И.Петрова, ставшая жертвой компьютерной ошибки (кстати, через день ей позволили вернуться, но не удосужились ни извиниться, ни оплатить второй билет). Восемь часов отсидел на нарах известный всей России певец и общественный деятель Иосиф Кобзон — раз уж американцы не пустили его в Америку, то чем мы хуже?

Посольство, разумеется, протестует. Пишем официальные ноты. Но в ответ получаем нечто чуть похожее на извинение, выдавливаемое сквозь зубы. Но — вместо твёрдого заверения в том, что подобный произвол не повторится, — нам сообщается о «неизбежности» повторения таких «случаев». А ведь министры, в сфере компетенции которых творятся эти безобразия, несомненно, — если их спросить, — выскажутся, как и Вы, г-н Бург, за уважение прав, норм и отношений.

Теперь давайте подумаем вместе. Если так относятся к гражданам России в Израиле, если их заранее рассматривают как потенциальных преступников, если вокруг них образуется атмосфера недоброжелательности, то как к этому могут отнестись в России?

Третий закон Ньютона действует не только в физике, но и в политике. И я боюсь, что независимо от позиции посольства, независимо от позиции российского МИДа или других ведомств, в России — а ведь все описанные мною случаи широко освещены прессой — начнёт складываться атмосфера, вряд ли облегчающая работу сотрудников Еврейского агентства, вряд ли благоприятная для граждан Израиля. Ни я, ни мои сотрудники не хотим этого. И смысл тех слов, которые вызвали у вас «абсолютное удивление и протест», как раз и состоит в том, чтобы привлечь внимание к опасности такого поворота событий, который не нужен ни России, ни Израилю. Зачем же сердиться?

Я «абсолютно» уверен, г-н Бург, что Вы являетесь сторонником хороших отношений между нашими странами. Вот почему я прошу Вас использовать весь свой авторитет для того, чтобы права российских граждан, приехавших в Израиль, нормы, которыми регулируется их пребывание здесь, их отношения с представителями израильских властей находились хотя бы на элементарном демократическом, цивилизованном уровне».

23 января был у Переса. Тоже толковал ему о третьем законе Ньютона. Премьер-министр высоко. Факты такого рода, сказал он, доходят до меня в сглаженном виде. Но обещал дать указание действовать строго в рамках законности и корректно. На эту же тему в феврале состоялись разговоры с Рамоном (МВД) и Бараком (МИД). С таким же успехом. Они выражали понимание, они извинялись, они даже обещали «разобраться», но это был как раз тот случай, когда добрые намерения начальства затухали по мере их продвижения к исполнителям¹.

С Кобзоном встретились через пару дней. Он был расстроен. От поездки в Эйлат отказался, настроение не то. Говорил — ноги моей здесь больше не будет. С тем и улетел. Но появился в мае. Очень уж ветераны просили его приехать, выступить в праздничные, «победные» дни. Пел четыре часа. Уважил стариков.

9 января посетил нового председателя комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне Хагая Мерома. Только что из Вашингтона вернулись переговорщики с сирийского трека, и поэтому говорили о шансах на этом направлении. Мером был преисполнен оптимизма. Сирийцы, сказал, «надели человеческие лица», кофе стали пить вместе. «Интуиция подсказывает», что Асад шагнёт навстречу.

Но трудности не только в Дамаске. Трудности и у нас. Пересу легче договориться с Асадом, чем с оппозицией. Да и в правительстве не все согласны обменять Голаны на мир. В качестве «пробного шара» Мером сформулировал условия, на которых можно было бы передать Голаны под сирийский суверенитет.

Высоты должны быть полностью демилитаризованы.

Сирийские войска между Дамаском и Голанами должны быть существенно сокращены (чтобы снять опасность внезапного нападения).

Функции раннего оповещения будут осуществляться комплексом, состоящим из наземных, воздушных и спутниковых компонентов.

Должны быть надёжно защищены пресноводные ресурсы Израиля. Сирия должна взять на себя обязательство не изменять русла притоков Иордана и не брать из них воду.

Полномасштабные дипломатические отношения.

Полная нормализация двусторонних отношений в экономической, торговой, культурной и научной областях. Открытый обмен туристами и товарами.

¹ Откровенно говоря, я был настолько возмущён всем этим перманентным хамством, что ещё после казусов с Киселёвой и Петровой рекомендовал МИДу «снять белые перчатки» и, перенимая израильские правила игры, организовать в нашем аэропорту пару-другую ответных «хамств». Чтобы дошло. МИД поступил правильно, отклонив мое предложение: не хотели втягиваться, как справедливо заметил Посувалюк, в «игру без правил».

Немедленная разработка совместных проектов, прежде всего в области увеличения водных ресурсов.

Сирия прекращает поддержку террористических организаций.

Контроль за соблюдением мирного соглашения в приграничных районах должен быть возложен на международные силы.

Я заметил, что сирийцы даже смотреть на эти пункты не будут, пока не получат письменного обещания вернуть Голаны. Смотреть не будут, ответил Мером, но будут думать.

До сих пор думают...

.....
13 января позвонил в Москву и поздравил Евгения Максимовича Примакова с назначением в МИД. Когда твои друзья становятся твоими начальниками, возникают сложности. Тем более, что время и должности меняют людей...

В Израиле назначение Примакова было встречено насторожённо, с большой опаской. «Более чем странное назначение» называлась редакционная в «Нашей стране». По мнению газеты, новый министр — «фигура весьма одиозная во многих смыслах. Уже тот факт, что он был (а вполне возможно, и остаётся) личным другом Саддама Хусейна, озадачивает. Примаков считается специалистом по проблемам Ближнего Востока. Но специалистом с ярко выраженной арабской ориентацией. Во время перестройки Примаков был чуть ли не правой рукой Горбачёва в вопросах, касающихся внешней политики. Между прочим, во время одной из первых встреч Горбачёва и Рейгана Примаков заявил одному израильскому журналисту, что СССР не собирается устанавливать дипломатические отношения с Израилем, пока тот осуществляет свою экспансию на Ближнем Востоке и незаконно оккупирует палестинские и ливанские территории.

Примаков во все времена был близок к советскому официозу. Его назначение на один из ключевых постов в правительстве может иметь разные подоплёки, в том числе и такую: президент Ельцин пытается таким путём «умаслить» прокоммунистическое парламентское большинство в новой российской Думе.

Впрочем, время покажет. Пока же известно, что Госдепартамент США выразил серьёзную озабоченность этим назначением. А израильский официоз — недоумение тем фактом, что в то время, когда отношения между Израилем и Россией начинают по-настоящему развиваться, министром иностранных дел назначается человек, известный своими антиизраильскими настроениями». Для подтверждения таких выводов цитировались работы Примакова доперестроечных времён.

Ельцин снова сумел удивить публику, — писал в «Едиот ахронот» Мером Раппопорт. — «Евгений Примаков, многие годы проповедующий антизападный курс, отныне будет определять внешнюю поли-

тику Москвы». Профессор Еврейского университета Шломо Авинери, который встречался с Примаковым в 70-е годы во время его «тайных» контактов с израильтянами, полагал, что Примаков выражает настроение тех политических кругов, которые пытаются «реставрировать положение России на международной арене», снова видеть Россию сверхдержавой.

Активно эксплуатировалась тема еврейских корней Примакова. Примерно в таком ключе: как и всякий выкрест, он патологически не любит евреев. Кстати, тема для меня совершенно новая, так как я всегда считал Примакова то ли полугрузином, то ли полуармянином. В том кругу, в котором мы вращались, это вообще не имело никакого значения. Все мы были интернационалистами по глубочайшему внутреннему убеждению. Таким был и Примаков.

В Израиле очень внимательно следили за каждым шагом Примакова. И нередко эти шаги сопровождались необъективными комментариями. Скажем, приезжает Арафат в Москву. И Давид Маркиш, человек, несомненно, умный, вдруг раздражается нервной филиппикой: «Визит Арафата, принятого в Москве с почестями, оказываемыми главе государства, можно оценить как торжество неуклюжей политики шефа российского МИДа Примакова. Это он, Примаков, с упорством, достойным лучшего применения, пытается переориентировать Россию на Восток. Но движение России на Восток не может не быть ничем иным, как движением колониалистским, державным. Так было, так есть, а что будет — предсказуемо лишь с большими натяжками. Прибить Щит к воротам Царьграда и вымыть пропотевшие сапоги в водах Индийского океана — вековая мечта русских шовинистов и охотнорядских «патриотов», чьи взгляды, по-видимому, разделяет отчасти и министр Примаков, рядом с которым его предшественник, импульсивный Козырев, кажется тишайшей романовской овцой. Для чего нужна сегодняшней России экспансия на Восток? По той лишь причине, что экспансия на Запад, с его расширяющимся НАТО, попросту невозможна. Министр Примаков, академик и до недавнего времени руководитель Службы внешней разведки, должен бы знать, что многие беды России произошли как раз оттого, что эта самобытная евразийская страна, примеряя то западноевропейский камзол, то азиатский халат, так и не сумела определиться на своём собственном оригинальном месте в истории, избрать свой путь и следовать ему». При всём моём уважении к Маркишу, должен сказать, что он «с упорством, достойным лучшего применения», повторял зады «патриотов» (эпитет пусть он подберёт сам).

В пустопорожних рассуждениях, которыми сопровождалось назначение Примакова, проскальзывала, пожалуй, одна верная мысль. Примаков чувствовал за собой Россию, и если говорить об его «анти»,

то он был «анти» того, что противоречило интересам России, что мешало ей занять достойное место в мировой политике.

Мне в то время пришлось много говорить о Примакове. Пример — интервью газете «Маарив»:

«— Что послужило причиной и поводом к замене самого «усидчивого» министра Козырева?»

— С поводом всё ясно. Министр Козырев был избран в Государственную Думу по 116-му избирательному округу в Мурманске. Согласно Конституции, депутат нижней палаты парламента не может занимать иную должность, кроме научной, творческой и преподавательской. То есть надо выбирать — или оставаться министром, или переходить в парламентарии. После некоторых колебаний Козырев избрал последний вариант.

С причиной менее ясно. Судя по всему, у президента России постепенно нарастало недовольство тем, что и как делает Козырев. Его политику, например, упрекали в излишней ориентации на Запад, в сторону США. Вспоминаю такой парадокс: посол России в США Лукин критиковал своего министра за «проамериканский инфантилизм». С другой стороны, мне, как послу России в Израиле, часто не хватало внимания министра к ближневосточной проблематике. Не очень, видимо, получалась перестройка нашего МИДа в связи с наличием СНГ и сложнейшего комплекса отношений внутри него. МИД не всегда мог противостоять стремлению различных ведомств иметь свою «внешнюю политику» и т.д., и т.п.

Козырев оказался во главе российского внешнеполитического ведомства в один из труднейших периодов истории России. Своего рода дипломатический вундеркинд. Он был, несомненно, ярок, но, боюсь, время требовало большей основательности и жёсткости...

— Примаков сказал, что его политика будет более уравновешена географически. Как это скажется на развитии политических отношений с Ближним Востоком вообще и с Израилем и Ираком в частности? Был ли обмен поцелуями с Саддамом Хусейном накануне войны в Заливе не более, чем данью традиции?

— Начну с поцелуев. Не будем придавать им больше значения, чем, скажем, рукопожатиям на лужайке перед Белым домом. Рискну предположить, что Примаков предпочёл бы обменяться поцелуями с Тансу Чилер или Беназир Бхутто.

Теперь — о Ближнем Востоке. Примаков, как известно, арабист. Он посвятил изучению этого региона, работе здесь значительную часть своей жизни. Поэтому я надеюсь, что внимание российского МИДа к Ближнему Востоку и, в частности, к Израилю будет возрастать. Уверен, что Примаков рассматривает ближневосточное урегулирование как одну из приоритетных задач русской дипломатии. Уверен также,

что Москва будет продолжать линию на улучшение, стабилизацию российско-израильских отношений. Хотелось бы думать, что Израиль будет отвечать взаимностью...

Теоретически не подлежит сомнению, что хорошие отношения с Израилем не должны ухудшать отношения России с арабскими странами. Не подлежит сомнению, что Примаков будет активно стремиться к тому, чтобы практика соответствовала теории. Поэтому возможные поцелуи в Дамаске не должны никого смущать в Израиле.

Наконец, Ирак. Если верить географической карте, то Багдад расположен несколько ближе к Москве, чем к Вашингтону. И для Москвы дружественный Ирак имеет большее значение, чем для Вашингтона. Отсюда — разница в политических акцентах. Американцам в своё время важно было показать силу, всемогущество силы. Мы же (возвращаясь к поцелуям в Багдаде) хотели добиться мирного освобождения Кувейта. И сегодня мы считаем, что политика остракизма, политика санкций сама по себе не конструктивна. Если мы, конечно, хотим не уничтожить Ирак, а вписать, включить его в равновесную систему отношений в регионе. Израиль от этого только выиграл бы.

Вернёмся к началу вопроса. Россия — великая держава. Она больна, тяжело больна, но она, повторю, великая держава. Отсюда — внешняя политика по всем азимутам. С учётом реальных возможностей, разумеется. Такова, если я правильно понимаю, исходная позиция Примакова. И на всех азимутах — защита национальных, государственных интересов России. И на всех азимутах — настаивание на равноправности отношений.

На своей первой пресс-конференции Примаков чётко обозначил четыре приоритетных задачи внешней политики России:

- создание наилучших внешних условий, благоприятствующих укреплению территориальной целостности нашего государства;

- укрепление центростремительных тенденций на территории бывшего СССР;

- урегулирование региональных, межнациональных, межэтнических и межгосударственных конфликтов;

- развитие таких межгосударственных отношений, которые препятствовали бы созданию новых очагов напряжённости и особенно распространению оружия массового уничтожения.

Думаю, что такое понимание задач внешней политики России не встретит возражения ни в США, ни в Китае, ни в Европе, ни — если я не зря получаю зарплату — в Израиле.

- *Не является ли назначение Примакова уступкой президента новой Думе с коммунистическим большинством?*

- Полагаю, что президент поступил бы неразумно, если бы он не считался с составом Думы. Но в данном конкретном случае у меня

сложилось впечатление, что президент «созрел» для смены министра иностранных дел задолго до выборов в Думу и что кандидатура Примакова также возникла далеко не в последние дни. Кстати, если иметь в виду кандидатуры профессионалов, людей с опытом и характером, то любая из таких кандидатур «отягощена» солидным коммунистическим прошлым.

Примакову предстоит налаживать работу с Думой, с её фракциями. Министру не позавидуешь. Задача труднейшая. Но она должна быть решена — или у России не будет последовательной внешней политики.

— *Национальное происхождение министра Примакова вызывает живой интерес в еврейском государстве. Что вы можете сказать об этом, а также об основных этапах биографии и карьеры нового министра.*

— Насчёт «национальной принадлежности» сказать ничего не могу — просто не знаю. Знаю, что он регулярно работает по субботам и любит некошерную закуску. Сам я долго считал Примакова наполовину грузином. Потом выяснилось, что он просто долго жил в Тбилиси.

«Живой интерес» мне пришлось испытать на себе. И антисемиты, и евреи усиленно искали в моей родословной «юристов». Одни, чтобы заклеить, другие, чтобы порадоваться. Но не нашли. Так я и остался юристом с дипломом, но без родословной.

Этапы? Их несколько. Этап первый: ученик, студент, аспирант. Этап второй: журналист. Этап третий: учёный. Этап четвёртый: политический деятель. Этап пятый: шеф разведки. Этап шестой: шеф дипломатической службы.

Подробности в его официальной биографии, которую я посылаю в редакцию «Маарив».

В мою бытность Евгений Максимович дважды приезжал в Израиль. Мне, естественно, хотелось поговорить с ним «по душам», как мы не раз делали прежде. Но не получалось. Визитная суета. Мошное окружение. Так и не поговорили...

.....
25 января состоялась «презентация» Первой Российско-Израильской Финансовой Компании (ПРИФК), президентом которой был Цви Бен Ари (Григорий Львович Лернер).

Всё выглядело весьма солидно. Из Москвы специально для этого случая прибыли, если мне не изменяет память, А.Н.Яковлев, академик Л.И.Абалкин, заместитель председателя Центробанка России А.А.Хандруев и другие почтенные лица.

Приветствие прислал премьер-министр России. Но ещё больше чем за месяц до официального открытия В.С.Черномырдин, отвечая на вопросы «Новостей недели», заявил, что он воспринял решение о создании ПРИФК с хорошим чувством. «Ведь речь идёт действительно

но о серьёзном прорыве в наших двусторонних отношениях. Если я не ошибаюсь, подобных аналогов в Израиле не существует.

Этот факт вселяет определённые надежды на более динамичное развитие торгово-экономических связей между двумя странами. Надеюсь также, что благое начинание не останется на бумаге, как, к сожалению, часто случается».

Компания принадлежала на равных Промстройбанку России и Лернеру. Её уставной капитал составлял 40 миллионов долларов. Задача компании — аккумулировать, привлекать доллары, «ушедшие» из России, находящиеся за границей, и инвестировать их в Россию. Компания гарантировала вкладчикам 15% годовых (при среднем в Израиле уровне 4—5%).

«Израиль, — рассказывал Лернер о создании ПРИФК, — пожалуй, единственная из развитых стран, где в настоящий момент нет ни одного совместного или западного банка. Финансовый истеблишмент здесь невероятно силен. Три года мы боролись за создание здесь российско-израильского банка, но всё безуспешно, даже американцам до сих пор не удалось пробить эту стену. Тогда мы решили подать заявку на создание «финансовой компании», фактически выполняющей многие функции банка. И хотя раз за разом получали отказы, наши юристы их постоянно опротестовывали, и в итоге мы получили лицензию на создание такой компании. В израильской истории — это первый подобный случай».

Я не знаю, как разворачивались дела у ПРИФК. Знаю только, что где-то в середине 1996 года Промстройбанк вышел из состава акционеров компании. А 13 мая 1997 года (как раз в тот день, когда я покинул Израиль) Лернер — под бой барабанов о борьбе с «русской мафией» — был арестован.

По просьбе газеты «Коммерсант— Daily» я написал небольшую заметку о ситуации с «русской мафией» в Израиле. Она была опубликована 7 июня 1997 года. Упомянул и о Лернере: «Ничего не хочу, точнее, не могу сказать о сыплющихся на Лернера обвинениях, ибо как бывший судья исповедую презумпцию невиновности. Вина человека может быть доказана только судом».

К моему удивлению, 4 июля в «Правде» появилась статья «Лернер и смена караула». В ней (со ссылкой на израильское телевидение, которое в свою очередь ссылалось на «полицейские источники») сообщалось: «...дети Бовина учились в дорогих зарубежных школах за счёт Григория Лернера», который плюс к этому «оплачивал отпуска и отдых Бовина и его коллег». И дальше: «Вслед за этим поползли слухи о финансовых неурядицах в посольстве — о невыгодных арендных договорах, о десятках тысяч долларов, взятых Бовиным на своё лечение из бюджета посольства, о десятках тысяч, полученных им от

неизвестных спонсоров. В этом смысле смена караула в здании русского посольства в Тель-Авиве произошла как никогда вовремя».

Автором статьи в «Правде» был уже упоминавшийся Исраэль Шамир. И этим вроде бы всё сказано. Но я всё-таки хочу пустить «слух», что моя единственная, к сожалению, дочь закончила МГИМО задолго до того, как я познакомился с Лернером. И другой «слух» — за все пять лет я отдыхал один раз на Мёртвом море, да и то, опять же к сожалению, за свой счёт. Все остальные «десятки тысяч» — из той же оперы.

А теперь поговорим о Лернере.

Лернер принадлежит к тем талантливым людям, которые умеют из денег делать деньги. Как, например, Сорос или Гусинский. Для этого не обязательно быть преступником, но обязательно иметь ум и энергию. Биография Лернера состоит из взлётов и падений. Учился на журфаке в МГУ. Первый взлёт — из стройотрядов в шабашники. И — тюрьма. Второй взлёт — кооперативы, частный банк, разворот в Швейцарию. И снова — арест. Третий взлёт — уже в Израиле. И третий раз в тюрьме. В первых двух случаях, насколько я понимаю, обвинения не были доказаны, и Лернера выпускали. Третий случай ещё длится.

Познакомился я с Лернером как раз по поводу пробивания той стены, которая не пускала российские банки в Израиль. Был однажды у него в конторе (офис по-нынешнему). Роскошь. Даже спросил у него: зачем это? кому это нужно? Он ответил, что в том мире, в котором он вынужден пребывать, так положено: «О тебе судят по вещам, которые тебя окружают».

Сам Лернер производил хорошее впечатление. Никаких ухваток «нового русского». Знает дело. Не суется. В газетах писали, что купил томограф для больницы в Ашкелоне (он там живёт), там же обустроил школу искусств, помогает детской балетной школе в Иерусалиме, которую ведёт Нина Тимофеева.

Израильские власти всегда смотрели на него косо. Подозревали в «отмывании» грязных денег, в связях с «мафией» и уж не знаю, в чём ещё.

«Русская мафия» стала навязчивой идеей израильской полиции. И постоянной темой израильских газет. Курсировали самые невероятные слухи. Помню «слух», что в марте 1996 года намечается массовая высылка главарей «русской мафии» за пределы Израиля. Потом пошёл «слух», что в связи с приближающимися выборами решили этого не делать, чтобы не будоражить «русскую» общину. После выборов «слух» материализовался: появились сообщения о списке 35-ти «мафиози», который был подготовлен в министерстве внутренней безопасности и передан в министерство внутренних дел. В МВД должны решить, что с ними делать — арестовывать или депортировать.

Поскольку вся эта вакханалия рикошетом била по России, я попытался разобраться в происходящем. Попробовал для начала раздобыть список. Говорил с обоими министрами. Они крутили и вертели. Список был неуловим. Потом мне намекнули, что список-то этот составлялся в Москве, оттуда его прислали. Запросил Москву. Ответили, что в МВД России никаких сведений о каком-либо списке нет. Так что список я не получил.

Через какое-то время появились новые «слухи». Во-первых, почти все, кто есть в списке, давно уехали из Израиля. Во-вторых, оставшиеся — евреи, и их нельзя депортировать. А в-третьих, они вообще не нарушают законы Израиля. Казалось бы, тема исчерпана. Однако там, где действует интерес, логика бессильна. Погоня за «русской мафией» продолжалась.

Реакцию русскоязычных газет нетрудно представить. «Разумеется, ларчик открывается куда как просто, — говорилось в газете «24 часа». — Закостенелый, как позвоночник паралитика, израильский истеблишмент не готов к тому, чтобы включить в свои структуры — экономические, политические, социальные — представителей почти миллионной русскоговорящей общины. Не понимая её ментальности и страшно боясь её динамичности, он придумал себе навязчивую идею русской мафии, стремящейся поглотить маленький Израиль, и под этим предлогом всячески противится инициативе новых израильтян».

После ареста Лернера поднялась волна протестов. Не буду снова цитировать «русские» тексты. Но протестовали и «настоящие» израильтяне. Председатель правления Еврейского агентства опубликовал открытое письмо премьер-министру Нетаньяху: «Я категорически против того, чтобы на всю русскоязычную общину и бизнесменов, вышедших из её среды, навешивался ярлык «русская мафия». Более того, мне представляется, что бездумное огульное использование подобных определений, присущих, как правило, антисемитскому лексикону, препятствует объективному и справедливому расследованию дела Лернера, поскольку создаёт ситуацию, в которой под подозрением находится не конкретный человек и его пособники, а часть общества. Не вмешиваясь в вопрос виновности или невиновности Лернера, который, я уверен, разрешит израильский суд, я считаю своим долгом напомнить, что нам уже известны прецеденты, когда процесс против отдельного человека служил поводом для обвинения целой общины...»

«Израильская финансовая элита, — писал в связи с делом Лернера известный адвокат Йорам Шефтель, — не хочет и, по-видимому, не может честно состязаться с богатыми евреями, репатриировавшимися в последнее время из бывшего СССР. Эта элита опасается, что

находчивость и талант этих евреев позволят им прибрать к рукам отдельные куски израильского экономического пирога. Что ж, никакой истеблишмент не любит расставаться со своим достоянием. В случае опасности его представители не стесняются в средствах, пытаются оттеснить конкурентов — в данном случае «русскую мафию», делегитимизировать их и вывести из игры, идущей на поле израильской экономики».

В принципе я согласен с такими суждениями и оценками. В упоминавшемся уже материале, который напечатал «Коммерсант», мне хотелось подойти в вопросу о «русской мафии» с более широких позиций. «В последнее время, — писал я, — эта самая «мафия» стала модным сюжетом. Не будем спорить о термине. Примем за рабочую гипотезу, что имеются в виду преступники и преступность, которые ныне не только заполонили Россию, но и служат важной статьёй российского экспорта. Не удивительно, что страны, куда идут основные потоки криминального экспорта, пытаются в меру своих сил и возможностей бороться с ним.

Но это только одна сторона проблемы. Другая, на мой взгляд, заключается в том, что жул «русской мафии» активно используется с целью борьбы против нарождающегося российского бизнеса.

Да, холодная война окончилась. Началась другая война и, возможно, более опасная для новой России. Война, рассчитанная на то, чтобы затруднить, ограничить выход России на мировые рынки, чтобы держать в чёрном теле (держат как можно дольше) основу нашей индустрии — российское машиностроение, включая, разумеется, ВПК, чтобы затормозить становление в России современной банковской системы. В общем, Россию хотят видеть страной, аккуратно поставляющей нефть, газ, сырьевые товары. Не более того. И в этом контексте, в этой войне шум вокруг «русской мафии» — своего рода оружие массового поражения, призванное ослабить, дискредитировать российских бизнесменов и банкиров и направить экономическое сотрудничество с Россией в русло, отвечающее прежде всего интересам наших «цивилизованных» партнёров.

Теперь об Израиле... Там тоже всю воюют против «русской мафии». Но там эта война имеет свою специфику. Там направление главного удара — не собственно российский бизнес, а в первую очередь «русские» бизнесмены, финансисты, политики, то есть люди, приехавшие из России и всё активнее вторгающиеся в экономическую и политическую жизнь Израиля.

Наверное, среди таких людей есть и такие, которые нарушают закон. И с ними следует поступать по закону, на что, как известно, существует суд. Но в этой, тоже ведь цивилизованной стране предпочитают поступать по-другому. Действует презумпция виновности. Вся-

кий неудобный для израильского истеблишмента «русский» зачисляется в разряд «русской мафии».

Причины понятны. Тех, кто давно имеет хороший кусок хлеба с маслом, кто привык видеть вокруг себя «своих», привык командовать парадом, пугает напор «русской алии», напор энергичных, инициативных, знающих людей, быстро осваивающихся на своей «исторической родине». Вот почему годами жуётся и пережёвывается информация о списках «русской мафии», которые, окружённые облаком тайны и неопределённости, кочуют где-то между министерством внутренних дел и министерством внутренней безопасности. Удары, формально предназначенные «русской мафии», бьют по «русским» предпринимателям вообще, по «русским» членам Кнессета и министрам, по «русским», занимающим высокие посты в государственном аппарате.

Казалось бы, всё это исключительно внутреннее дело Израиля. Но не совсем так. Истерия вокруг «русской мафии» работает на дискредитацию тех, кто заинтересован в развитии экономического сотрудничества России и Израиля, на дискредитацию российских экономических и финансовых структур. В головы израильтян усердно вдалбливается мысль: если из России, ежели российское — тут что-то не так, тут ищи след «мафии»...

И последнее. Слово «война», которое неоднократно было употреблено выше, — это образ, метафора, чтобы резче, рельефнее обозначить мысль. Но эта метафора работает и на рыночной арене. Там, где есть конкуренция, нет сантиментов. Никакие проповеди не помогут прекратить словоблудие по поводу «русской мафии». Нужны не проповеди, а умение играть по этим жёстким правилам. Причём, и это тоже одно из правил, власти «цивилизованных» стран активно (хотя и не всегда вслух) поддерживают своих бизнесменов. Возможно, я ошибаюсь, но иногда думается, что российские власти ещё не усвоили это правило».

Следствие по делу Лернера тянулось долго. Полиция никак не могла собрать убедительные доказательства. Лернер упорно сопротивлялся. А потом что-то произошло. Что — мне трудно сказать, поскольку я был уже далёк от израильских проблем. Лернер пошёл на соглашение с обвинением. Частично признал свою вину и «принял» срок. Шесть лет тюрьмы плюс штраф 5 млн. шекелей. Так как шекелей не оказалось, срок увеличили до 8 лет.

У меня остаётся ощущение фальши. Не знаю, хватит ли у Лернера сил на четвертый взлёт.

.....
Январь, как всегда, месяц сочинения политического отчёта. Опыт уже был. Каждый писал свой кусок, обсуждали их и «склеивали». Общая проходка — за мной.

И вдруг — при очередном обсуждении — как прорвало. «Мы тут пишем, а Израиль в грош нас не ставит. Россию третируют как коспонсора. Тянут резину с недвижимостью. Не информируют. Продолжают хамить в аэропорту. Уходят от крупных проектов». Такие вот примерно тезисы. Накипело и наболело.

Пошумели и разошлись. Но не зря пошумели. В отчёте прибавилось чуть-чуть уксуса и немножечко перца. Так, чтобы нам полегчало, а начальство не заметило.

.....
Культура в январе. Кировская «Хованщина». Декорации отвлекают от музыки. — Гала-концерт, посвящённый 5-летию «большой алии». Всё-таки жаль, что уехали... — Паата Бурчиладзе. Кто-то спросил у меня в фойе: «А Кикабидзе приедет?»

ФЕВРАЛЬ-96

*Сражение за недвижимость: второй и последний этап —
— Сирийский узел — Письмо Примакову — Стихи Примакову*

Февраль начался и закончился довольно сердитым обменом мнениями между МИДом и посольством по поводу «битвы за недвижимость».

Начало этой эпопеи уже излагалось (см. «Февраль — 1993»). Напомним, что израильские обещали завершить все дела к 1 сентября 1995 года. Но не завершили. 14 сентября Черномырдин говорил на эту тему с Рабиным. «Вернусь в Иерусалим, — заявил Рабин, — и сразу же закроем вопрос». Не закрыли. 23 октября состоялась очередная беседа с М.Рубинштейн, которая говорила о «ближайшем времени» и просила документально оформить «официальные претензии» России на те участки, о которых идёт речь. Как нам стало известно позже, именно в этот день Рубинштейн — в связи с позицией Киева — согласилась отодвинуть перерегистрацию ещё на три месяца. 5 декабря заместитель министра иностранных дел Э.Даян сообщил посольству, что перерегистрация состоится 23 января 1996 года.

В этот день, 23 января, я посетил Переса и напомнил ему, что «последний срок» истекает именно сегодня. Премьер-министр удивился, сказав: «Я был уверен, что всё давно решено». Обещал — в который уж раз! — разобраться. В связи с этим посольство сообщило в МИД, что настало время пустить в ход «орудия главного калибра» (имелось в виду письмо Ельцина или Черномырдина Пересу).

Орудия (правда, не главного калибра) ударили, но по посольству. Мы получили указание Посувалюка действовать «наступательно», «выражать озабоченность», подчёркивать, что для «дальнейших проволочек не существует разумного объяснения». Я ответил, что именно так мы и действуем. Однако нам (и посольству, и МИДу) следовало бы учитывать различие между политическими и юридическими аспектами проблемы. Напомнил историю с Эль Бирке. Арафату не стоило большого труда принять «политическое решение». Но даже он не мог игнорировать юридические барьеры, хотя ему «напоминали» и Козырев, и Посувалюк. Лично мне, писал я начальству, было стыдно, неловко говорить с Арафатом на эту тему. Он, наш «дорогой друг», только-только обрёл свою территорию. И с чего же начинаем

мы? Неужели мы не понимаем, о чём думали Арафат и его окружение, выслушивая наши настояния?

После этого лирического отступления я отметил, что в Израиле политика не может абстрагироваться от права, от закона. Все юридические аргументы посольство уже использовало. И чтобы заставить Переса сделать «ход конём», то есть, закрыв глаза на юридические «за» и «против», завершить дело на политическом уровне, необходимо более мощное политическое давление, чем в случае с Арафатом. Если предстоящая беседа с Вейцманом и письмо Пересу не дадут результата, то, чтобы ускорить события, надо использовать «крупный калибр».

На мой взгляд, наше требование перерегистрации пока имеет характер «самодеятельности», поскольку нет специального, обладающего юридической силой обращения правительства России к правительству Израиля.

Ответ поступил незамедлительно. Калибр был увеличен. Писал первый заместитель министра Иванов. Он решительно не соглашался с «самодеятельностью». Основа переговоров — Указ президента России от 8 февраля 1993 года «О государственной собственности бывшего СССР за рубежом» и распоряжения правительства, коими МИДу поручалось вести переговоры с Израилем. Израильцы согласились вести переговоры, они уже давно ведутся, — так какая же «самодеятельность»?

Далее Иванов упрекал посольство в том, что оно попало в «примитивную юридическую ловушку»: Израиль эксплуатирует претензии Украины для затягивания практического решения вопроса. Мириться с такой ситуацией вряд ли допустимо.

Мой ответ звучал примерно так:

1. Указ президента России выражает отношение президента к собственности бывшего СССР, находящейся за рубежом, и не создаёт никаких юридических фактов для властей иных государств. Что же касается упомянутых постановлений правительства, то они оставляют за бортом главный объект нынешней стадии переговоров — земельный участок на улице Кинг Джордж.

До сих пор нет официального, составленного по всем правилам канцелярской науки документа, в котором правительство России ставило бы перед правительством Государства Израиль вопрос о перерегистрации недвижимости. В нынешних условиях такой документ имел бы не только юридическое значение, но и служил бы важным рычагом политического давления на Израиль.

2. Израильцы с самого начала переговоров поставили перерегистрацию в зависимость от урегулирования имущественных отношений между Россией и другими странами СНГ. Именно поэтому мы предло-

ставили Рубинштейн копии всех соглашений между Россией и соответствующими странами вместе с документами, подтверждающими вступление этих соглашений в законную силу. Вот тут-то и всплыл «украинский фактор».

После споров, которые заняли несколько месяцев, удалось снять из текста уведомления, разосланного МИДом Израиля в страны СНГ, упоминание о возможных возражениях. Политическое руководство Израиля интерпретировало это как «зелёный свет» для перерегистрации. Мы поверили этому. Но когда Киев попросил «заморозить» перерегистрацию до решения Рады, Рубинштейн взяла верх над Рабиным и Пересом. Посольство неоднократно протестовало против отхода израильтян от своих же обещаний. Но здесь требуется вмешательство на более высоком уровне.

В конце добавил: тональность послания Иванова оставляю на совести автора.

8 февраля посетил президента. Разговор завершился таким образом:

— Что сделает Киев, если мы пойдём навстречу вам?

— Во всяком случае будет недоволен вами.

— Значит, перед нами выбор: рассердить Киев или рассердить Москву...

— Вот именно.

Президент обещал «лично влезть» в это дело.

Насколько я осведомлен, Вейцман действительно лично изучил все бумаги. Кажется, говорил с Пересом. Но, видимо, согласился не смешивать политику с правом. В последующих беседах со мной он эту тему не поднимал. Я — тоже.

9 февраля направил письмо Пересу. Приведу два последних абзаца.

«Посольство Российской Федерации в Израиле решительно возражает против постановки вопроса, касающегося прежде всего Израиля и России, в зависимость от парламентской процедуры третьей страны, в данном случае — Украины. Позиция, занятая Израилем, с одной стороны, ведёт, если говорить откровенно, к подталкиванию Украины на путь противостояния России, а с другой, — осложняет российско-израильские отношения. Вряд ли это соответствует интересам наших стран. В Москве сложившаяся ситуация вызывает растущее недоумение...

Господин премьер-министр, вот уже более четырёх лет я стремлюсь вывести российско-израильские отношения на стабильный уровень. Рад отметить, что мои усилия в этом направлении встречали понимание и поддержку с Вашей стороны. Вот почему, обращаясь к Вам, я позволяю себе надеяться, что и на этот раз Ваше вмешательство позволит позитивно решить вопрос о собственности в самое ближайшее время».

Мои надежды не оправдались. В Москве можно было «недоумевать» сколько угодно, а тут всё шло своим чередом.

12 февраля М.Рубинштейн прислала в посольство копию своего письма адвокату Тальмору, который представлял интересы Украины. «В вашем письме, переданном мне, содержится просьба не предпринимать действий по перерегистрации вышеупомянутого участка на имя Российской Федерации. Причиной этого, как вы говорите, служит тот факт, что парламент Украины ещё не ратифицировал соглашение, которое должно быть рассмотрено в течение ближайших трёх месяцев. Однако прошло уже более трёх месяцев, поэтому мы обращаемся к вам с просьбой сообщить нам, обсудила ли Рада этот вопрос». По телефону Рубинштейн сообщила нам, что только после получения ответа от Тальмора она сможет сформулировать свою позицию.

Адвокат с ответом не торопился...

21 апреля заговорили орудия «крупного калибра». Примаков, прибывший с визитом в Израиль, выразил своё «недоумение» Барак. Министр обещал закрыть вопрос в течение двух недель. Барак — человек военный и, видимо, тут же дал «команду».

1 мая мы получили ноту израильского МИДа. «Министерство хотело бы довести до сведения посольства, что правительство Израиля приняло решение переоформить недвижимую собственность с СССР на имя Российской Федерации через две недели при условии, что судебные инстанции не вынесут решение, запрещающее переоформление.

В соответствии с предварительной договорённостью, передача собственности производится после подписания Российской Федерацией соответствующего обязательства.

При этом прилагаются соответствующее письмо, направленное в адрес представителя посольства Украины в Израиле, а также обязательство, которое должно быть подписано».

Рубинштейн — Тальмору: «Юридический советник правительства обратился ко мне с просьбой довести до Вашего сведения своё решение направить руководителю Службы регистрации земельной собственности в Иерусалиме указание о перерегистрации... собственности на имя Российской Федерации. Этот акт будет осуществлён в соответствии с двусторонним соглашением между Российской Федерацией и Украиной о разделении собственности, подписанным в декабре 1994 года.

Как Вам известно, вышеуказанная перерегистрация была отложена на значительное время из-за обращения Украины в министерство иностранных дел Израиля в июле 1995 года, а затем повторного обращения при Вашем содействии в октябре 1995 года в связи с претензией Украины в том, что указанное соглашение не было ратифицировано. Однако, несмотря на многократные запросы, мы до сего дня не получили от Вас ответ по этому делу.

Кроме того, в ходе встреч между руководителем отдела претензий министерства иностранных дел и послом Украины в Израиле в ноябре 1995 года и в феврале 1996 года выяснилось, что ратификация в ближайшее время практически невозможна по причине украинских внешнеполитических проблем, хотя президент и правительство Украины рассматривают это соглашение как вступившее в законную силу и действующее.

В свете вышеуказанного юридический советник принял решение, что перерегистрация собственности на имя Российской Федерации будет осуществлена в течение 14 дней с момента отправки данного письма» (письмо было отправлено 30 апреля).

Я пытаюсь свести к минимуму всяческие эмоции, которые возникали по ходу моих хождений за недвижимостью, но тут не могу не заметить: то, что «выяснилось» в феврале 1996 года, было достаточно ясно и в июле 1995-го. Кому-то нравилось тянуть резину...

Текст обязательства: «Поскольку нижеследующие три участка недвижимости зарегистрированы в Кадастровых книгах в Иерусалиме в качестве собственности Союза Советских Социалистических Республик (в дальнейшем «СССР»):

а. Блок 30042, Парцель № 1 в Кадастровых книгах Иерусалимского отделения. Эта собственность расположена на углу улиц Кинг Джордж и Ха-Маалот в Иерусалиме, прилегает к гостинице «Тират Бат-Шева» и в настоящее время используется под коммерческую автостоянку;

б. Блок 30051, Парцель № 70 в Кадастровых книгах Иерусалимского отделения. Эта собственность расположена в районе Иерусалима, известном под названием «Русское подворье», на котором расположено здание с помещением мирового суда Иерусалима;

в. Блок 30051, Парцель № 22 в Кадастровых книгах Иерусалимского отделения. Эта собственность располагается в районе Иерусалима, известном под названием «Русское подворье», на котором расположен Собор Святой Троицы;

(в дальнейшем «объекты недвижимости»);

И поскольку политическое образование «Союз Советских Социалистических Республик», известное также как «Советский Союз» (в дальнейшем «СССР»), перестало существовать в 1991 году и преобразовалось в ряд самостоятельных политических образований, одно из которых «Российская Федерация» (в дальнейшем «Российская Федерация»);

И поскольку Российская Федерация подписала двусторонние соглашения с другими государствами, которые ранее входили в состав СССР и которые сегодня представляют собой независимые государства, в соответствии с чем Российская Федерация берёт на себя обязательства СССР по отношению к иностранным государствам взамен получения всех видов имущества и прав СССР за рубежом;

И поскольку некоторые из государств, ранее входивших в состав СССР, не подписали вышеупомянутые соглашения и/или не ратифицировали их;

И поскольку Президент Российской Федерации объявил перед международным сообществом, что Российская Федерация является правопреемницей СССР в отношениях с международным сообществом во всех аспектах;

И поскольку Российская Федерация обращается с просьбой к Государству Израиль изменить регистрацию владения собственности, переоформив её с СССР на имя Российской Федерации в качестве владельца этой собственности;

И поскольку Государство Израиль готово на основании всего вышесказанного произвести в ответ на просьбу о перерегистрации изменения в регистрации при условии, если Российская Федерация обязуется взять на себя издержки в отношении любого иска, который может быть предъявлен любой стороной;

Соответственно Российская Федерация обязуется перед Государством Израиль в следующем:

в случае подачи иска любой стороной в отношении одного или более участков собственности Российская Федерация возмёт на себя любые расходы, которые может понести Израиль из-за упомянутых исков, включая юридические расходы, оплату адвокатских услуг, штрафы за повреждения и/или любые другие издержки, которые Государство Израиль будет обязано понести в отношении одного или более участков собственности.

В свидетельстве чего Российская Федерация ставит свои подписи
«.....» 1996 года

.....
(занимаемая должность)

.....
(подпись)

.....
(занимаемая должность)

.....
(подпись)

Подтверждение посольства Российской Федерации в Израиле, что ответственные лица, поставившие выше свои подписи, уполномочены подписываться от имени Российской Федерации и давать обязательства от её имени, скрепляя их своей подписью.

.....
(занимаемая должность)

.....
(подпись)

(печать посольства)».

Это выдающееся порождение юридических умов было отправлено в Москву. Поступила рекомендация: нам следует направить в МИД Израйля ноту, в которой сказать, что российская сторона берёт на себя урегулирование любых претензий третьей стороны в связи с вышеупомянутой собственностью. Что же касалось обязательства, то нам сообщалось, что оно нуждается в «дополнительной проработке», которая потребует времени.

Я позвонил в МИД и сообщил, что израильтяне ожидают не ноту, а подпись под обязательством. Тем более что о нашей согласии дать такое обязательство ещё в марте 1995 года Пастухов сказал Бейлину. Поэтому не очень ясно, что надо «прорабатывать». Или мы подтверждаем то, о чём договорились, или ставим себя в крайне неловкое положение.

Позиция израильтян — типичный юридический кретинизм. Так как страны Балтии вообще не подписали с Россией какое-либо соглашение по зарубежной собственности, а Украина таковое не ратифицировала, то теоретически они могут в любое время предъявить претензии. Так рассуждают израильтяне. Хотя сами же прекрасно понимают, что практически вероятность таких претензий приближается к нулю. И всё-таки они хотят юридически законопатить все щели — для чего и нужно наше обязательство.

Нам, как мне представляется, тоже надо исходить из того, что практически претензий не будет, и, значит, наше обязательство имеет формально-ритуальный характер. Во всяком случае то, что мы получаем взамен подписи, существенно превышает теоретически возможный риск.

Не знаю, что происходило в Москве. Наверное, не хотели беспокоить начальство. Не знали, возможно, кто должен подписывать. И, скорее всего, никто не хотел подписывать. Крайними оставались мы — посольство то есть. А тут ещё выборы и смена правительства. А, значит, дополнительные сложности и задержки. Но все-таки удалось договориться, что российское обязательство можно сформулировать в ноте посольства. Такая нота была отправлена израильтянам 26 июля. В ней наше обязательство выглядело так: «компенсировать и возместить Израйлю любые расходы, ущерб и другие издержки, которые может понести Израиль в случае подачи иска любой стороной в связи с перерегистрацией земельных участков в Иерусалиме».

5 сентября я сообщил израильтянам, что получил полномочия подписать необходимые бумаги.

14 сентября из российского МИДа поступило указание придать процедуре передачи соответствующих бумаг некую «торжественность» и приурочить её к приезду Примакова. Что и было сделано. 31 октября министр иностранных дел Израйля Давид Леви передал своему российскому коллеге документы о перерегистрации.

Так закончилась эта долгая и не всегда приятная история. Задача была решена. Мне до сих пор не до конца понятна позиция израильтян. За ссылками на юридические аспекты ощущалось сопротивление каких-то отнюдь не юридических сил. Но «ощущения» — не доказательство.

И на встрече с президентом 8 февраля, и на встрече с Баракком 20-го много внимания уделялось Сирии. Вейцман полагал, что Кристофер вернулся из Дамаска «с пустыми руками». По мнению президента, Асад не торопится. Отклоняя компромисс с Израилем, он как бы подчёркивает особую роль Сирии в мусульманском мире. Да и вообще мир «сам по себе» вряд ли привлекает Асада. Мир нужен ему как своего рода «свидетельство о благонадёжности», при помощи которого он мог бы наладить контакты с Западом. Он будет ждать выборов в США, выборов в Израиле, а, возможно, — и выборов в России.

Если верить Вейцману, он сказал Кристоферу, что американцы недооценивают возможности России на сирийском направлении.

— Вы что, назначены послом России? — отреагировал Кристофер.

— Нет. Но Россия гораздо ближе к Израилю, чем к Америке. И поэтому я лучше вижу и понимаю Россию.

Вейцман заметил, что Примаков, несомненно, появится в Дамаске. В Израиле боятся этого, боятся, что Россия вновь встанет за спиной Сирии. И вопросительно (и выразительно) посмотрел на меня. Конечно, ответил я, Примаков будет стараться улучшить наши отношения с Сирией, как и с арабским миром вообще. Но никак не в ущерб Израилю.

Барак более оптимистично оценил визит Кристофера. Сказал, что на переговорах с сирийцами существенно улучшилась атмосфера, расширился диапазон обсуждаемых тем. Строительство моста через реку разногласий идёт теперь с двух сторон — так подытожил свои наблюдения министр. И ошибся.

Барак заметил, что было бы хорошо, если бы он мог в феврале — марте посетить Москву. По мнению посольства, желание Барака побывать в Москве связано с предвыборной обстановкой. Москва — это лишние очки. Учитывая важность предстоящих выборов, посольство рекомендовало принять Барака.

25 февраля прогремели два взрыва — в Иерусалиме и в Ашкелоне. Террористы-самоубийцы. 22 человека убито, более 80-ти ранено. И снова град обвинений в адрес правительства. И снова какие-то конвульсивные жесты и действия. То, что можно было бы назвать «нерешительной решительностью». Прежняя формула — «Мы будем вести переговоры так, как будто бы нет террора, и будем бороться с тер-

рором так, как будто бы нет переговоров» — уже не оправдывала себя. Каждая новая «жертва мира» уменьшала шансы Переса выиграть выборы.

А у посольства свои заботы. Из всех «значимых» столиц пришли соблезнования. Только Москва молчала. Наконец, 28-го пришла телеграмма от Примакова...

.....
Отправил с надёжной оказией письмо Примакову.

«Дорогой Женья! Очень хотелось бы потолковать с тобой «за жизнь». Да пока не получается.

Мои дела служивые — в нормальном рутинном русле. Собрал неплохой коллектив. В МИДе, к сожалению, многие — как сонные мухи. Еле ползают. Тоскуют о «коммерческих структурах».

А нравы, нравы! Во времена Громыко не было такого умения с собачьей преданностью смотреть в глаза начальству. И такого желания, чтобы низшие чины столь же преданно смотрели на своих начальников. В противном случае топотание ножками и размахивание ручками...

Я тут как почти музейный «осколок империн». Мальчики, которые «учились — с министром — в одной — группе», меня обходили стороной. Но, слава Богу, работать не мешали.

Если не говорить о предстоящих выборах президента России, то больше всего меня волнуют мои коленки. Болят проклятые. Стоять и ходить трудно. Принял радикальное решение заменить их на титаноникелевые (буду как СУ-29).

11 марта ухожу в отпуск и начинаю лечебно-отпускной марафон. Сначала — на Мёртвом море, соли, грязи, диета и др., и пр. Потом — операция в Иерусалиме и, видимо, полтора-два месяца реабилитации. В резерве у меня, кажется, есть пара отпусков, но ежели не уложусь, ты, надеюсь, позволишь мне прихватить ещё малость. Операция сложная, все путают, да уж больно надоело с палкой ковылять. Играю ва-банк!

Поскольку новому министру придётся заниматься перекомпоновкой концептуальных основ нашей внешней политики, хочу использовать заточение на Мёртвом море для того, чтобы написать нечто вроде политического эссе «Россия и Израиль». Или по-другому: «Чего ищет Россия на Ближнем Востоке?» Надеюсь, тебе пригодится.

Пока же ишу спонсоров, ибо надо отдать эскулапам 40-50 тысяч долларов. Напрягать же и без того небогатое министерство не хочется.

А в общем я ужасно рад, что ты оказался в МИДе. За Россию стало спокойнее. И за себя тоже. Держись.

Не смог написать тебе вирши в честь 60-летия. Исправлюсь к 70-летию¹.

Крепко обнимаю».

¹ Вирши были сочинены к 50-летию. И выглядели они так:

Нет, он не перс,
Не палестинец,
Не курд и даже
Не еврей,
Он не араб,
Не абиссинец,
Он из Тбилиси,
Ей, же, ей!
Но вы сходите на майдан.
Не важно, будь то Тегеран,
Или Багдад, или Кабул,
Везде услышите вы гул
Молвы стоустой...
Говорят,
Он тайно ездил в Эр-Рияд.
Он в Мекке был и был в Медине,
И где-то посреди пустыни
Зарыл какой-то аппарат,
Чтоб знать, о чем там говорят.
Еще вам скажут на майдане,
Что он — тринадцатый имам,
Что у него гарем в Аммане
Из мусульманских только дам;
Что он в пещерах Курдистана
Учил марксизму Барзани,
А после над строкой Корана
Навзрыд расплакались они;
Что от беспития и безрыбья
Он так однажды занемог,
Что трахнул с ходу Голду Меир,
Хотел еще раз, но не смог;
Что он азы социализма
Хотел вложить в Телегани...
Погиб старик, невольник «изма»,
Не выдержав такой ...ни.
А он? — Инкогнито в Каире...
Он там шербет душистый пил
И «Анатомией конфликта»
По голове Садата бил.
Последний слух и, вроде, хватит:
Мулла шепнул мне в Мехабате,
— Не знаю, правда или нет, —
Что нефтедолларами платит
Он «Украине» за банкет.
Нет, он не перс,
Не палестинец,
Не курд и даже
Не еврей,
Он не араб,
Не абиссинец,
Он — академик,
Ей, же, ей!

Сейчас я не очень уверен, что надо было писать это письмо. Но unsere мысли приходят часто на лестнице...

Усилил хлопоты по поводу того, чтобы в штат посольства ввели должность советника по торгово-экономическим вопросам. Аргументы для МИДа:

Торговый оборот между Россией и Израилем за последние три года вырос более чем в 2,5 раза. И имеет тенденцию к дальнейшему росту. Квалифицированная помощь и консультации ускорят этот выгодный для России процесс.

В посольство поступает большое число деловых предложений. Простят дать информацию о российских производителях или потенциальных покупателях той или иной продукции. Необходим специалист, который имел бы выход на базу данных о российском бизнесе и мог бы эффективно работать с наиболее интересными предложениями.

Всё больше российских предпринимателей хотели бы сотрудничать с израильтянами. Торговый советник мог бы помочь им найти надежных партнёров, предостеречь от контактов с несолидными фирмами.

С развитием мирного процесса реальными становятся крупные региональные проекты в области энергетики, водоснабжения, строительства дорог и т. п. Квалифицированный специалист помог бы российской стороне подготовить предложения для тендеров.

Посольство, разумеется, занималось всеми этими проблемами. Но на дилетантском уровне. Особенно остро я почувствовал это, когда запахло нефтью и газом. В феврале, например, появились представители Газпрома и «Славнефти». Их принимали и премьер, и президент. В конце концов всё ушло в песок. Как ушли туда же и другие проекты. А, может быть, если бы в посольстве было сильное экономическое подразделение, что-то удалось бы спасти, вытащить...

Весной 1997 года экономист появился в посольстве. Но время было упущено.

Культура в феврале. «Принцесса цирка» из Свердловска. А здесь и таких нет. — Михаил Козаков читал Иосифа Бродского. Я довольно равнодушен к Бродскому, но когда слышу Козакова, понимаю, что Бродский писал хорошие стихи. Возможно, слишком умные. — «Уходил старик от старухи». Мария Владимировна Миронова и Михаил Андреевич Глузский, что значит — нет слов! Мироновой — 85. Держал речь и вручал цветы.

МАРТ-96

*На Мёртвом море. В режиме самоистребления —
— «Россия и Израиль» (материал для размышлений)*

Март начался со взрывов в Иерусалиме (3-го) и в Тель-Авиве (4-го). Опять смертники. Опять «жертвы мира». И опять молчание Москвы. Звоним в МИД. Никто не хочет беспокоить министра. «У нас так не принято», — ответили Носенко.

«Ещё пара взрывов, и Перес провалится», — записано в тетради.

Начинаю собираться в отпуск. Потихоньку передаю дела Носенко. Гостиница на Мёртвом море заказана с 11-го. И вдруг — паника. Ельцин 12-го летит в Шарм эль-Шейх на международную конференцию по борьбе с терроризмом. Это — рядом. Вдруг завернёт к нам? А посол в нетях. Ну прямо смерть чиновника.

Утром 11-го звоню Примакову. «Езжай и всё!» — говорит.

В 13.30 — на Мёртвом море.

Осваиваюсь. При роскошном шведском столе морю себя голодом. Бассейн обычный и с водой из Мёртвого моря. Сауна. Массаж. Сероводородные ванны и грязи.

20 марта сбежал в Тель-Авив, чтобы увидеться с Егором Яковлевым и Георгием Степановичем Жжёновым.

24-го — первая победа: напольные весы уже не зашкаливает, стрелка вылезла на 129 кг. 30-го появился Юра Сенкевич с бригадой. Даже меня «сняли».

Сочинил обещанный материал.

«РОССИЯ И ИЗРАИЛЬ»

(материал для размышлений)

Давайте зададим себе два простых, почти наивных вопроса.

Первый: зачем России нужен Израиль?

И второй: зачем Израилю нужна Россия?

По-видимому, тот или иной характер ответов на эти вопросы должен служить основой для формулирования нашей внешнеполити-

ческой стратегии по отношению к Израилю, равно как и для отработки тактических схем, по крайней мере, среднесрочного порядка.

Поскольку, чтобы ответить на первый вопрос, надо знать ответ на второй, с него и начнём. Итак,

1. Зачем Израилю нужна Россия?¹

Во-первых, хорошие (даже «просто» нормальные) отношения с Россией означают превращение бывшего недруга и друга всех врагов Израиля в, как минимум, нейтральную силу. Что делает прочнее международное положение Израиля, повышает степень его выживаемости. И хотя демократизация России, «деарабизация» её внешней политики не прошли ещё, с точки зрения Иерусалима, «точку возврата», надежда на продолжение коренной трансформации России сохраняется.

Во-вторых, Россия нужна Израилю как почти единственный (кроме Украины) серьёзный источник массовой иммиграции. Сложилось довольно устойчивое разделение труда: США, Европа дают деньги, СНГ даёт людей.

Здесь, разумеется, понимают, что массовый «исход» евреев из России — следствие не столько сионистских убеждений, сколько тех тягот, которые испытывали евреи в условиях тоталитаризма, а ныне — следствие «смутного времени». Поэтому «во-вторых» вступает в противоречие с «во-первых». Чтобы не иссякал поток (теперь уже далеко не бурный) уезжающих, «смутное время» должно длиться как можно дольше (в пределе — до полного исчерпания еврейской личности). Но, согласно «во-первых», Израиль заинтересован в существовании стабильной, демократической России.

Сейчас раздаются голоса, что в случае победы на президентских выборах в России консервативно-националистических сил Израиль должен быть готов к новой большой волне алии. Но Израиль, во всяком случае, Израиль Аводы, предпочёл бы демократическую Россию с минимумом репатриантов России консервативной (или ввергнутой в хаос) с максимумом репатриантов.

В-третьих, Россия нужна Израилю как «доисторическая родина» значительной части израильтян. Большинство людей, покинувших Россию, сохраняют с ней духовные, культурные связи, имеют родственников, налаживают деловые контакты. Такие люди заинтересованы в либеральном режиме границы, они хотят свободно ездить в гости, посещать родные места, заниматься бизнесом. И чем дальше, тем больше это давление «снизу» в пользу поддержания стабильных отношений с Россией будет сказываться на политике израильских «верхов».

¹ По территории Россия (17 075,5 тыс. кв. км) превышает Израиль (21,9 тыс. кв. км) в 780 раз. Население в России (148 млн.) в 27 раз больше, чем в Израиле (5,5 млн.). По объёму ВВП Россия (733,6 млрд. долл.) превышает Израиль (74,6 млрд. долл.) в 10 раз.

В-четвёртых, Россия нужна Израилю как огромный, практически необъятный рынок. Политические потребности (конфронтация с арабами) заставили израильтян воздвигнуть на малюсеньком, лишённом природных богатств клочке земли индустриальную крепость (ВВП Израиля превышает сумму ВВП Египта, Сирии, Иордании и Ирака). Но эта крепость лишена прочного экономического фундамента, ибо ёмкость внутреннего рынка весьма ограничена, а проникновение на внешние рынки (США, Западная Европа) часто сдерживается низким уровнем конкурентоспособности израильской продукции. Торговый дефицит (9-10 млрд. долл. в год) был и остаётся большим местом израильской экономики. Масштабный выход на российский рынок израильских товаров и капиталов мог бы иметь для Израиля фундаментальное значение.

Рассматривать интегрированный «Новый Ближний Восток» как реальную альтернативу пока не имеет смысла.

В-пятых, Россия, если иметь в виду перспективу, нужна Израилю как некий «противовес» США. Хорошие отношения с Россией содержат в себе имплицитно возможность расширения манёвренного пространства для Израиля, появления новых степеней свободы.

Разумеется, сегодня, когда конфронтационные структуры Ближнего Востока ещё далеки от преодоления, когда США остаются единственным надёжным гарантом не только безопасности, но и существования Израиля, американская опека воспринимается как неизбежная данность. Сложные перипетии мирного процесса, рост геостратегической уязвимости Израиля, опасения «двойной» и «тройной» бухгалтерии в расчётах Арафата или Асада толкают Израиль в сторону США.

В том же направлении постоянно работает наличие в США могущественной еврейской общины (6 млн.).

И всё же даже сегодня тесные объятия заокеанского друга воспринимаются определённой частью политической элиты — даже вскормленной на американском «молоке» — не всегда в позитивном ключе. Пока всё это относится к категории «кухонных разговоров». Однако по мере становления «справедливого, прочного и всеобъемлющего» мира Израиль — при наличии российского «тыла» — может попытаться ослабить свою зависимость от США.

Указанные факторы имеют объективный характер и будут так или иначе сказываться на политике Израиля при любом правительстве. Только два обстоятельства могут заставить Израиль игнорировать их позитивную нагрузку. Первое. Разворот Москвы в сторону поддержки арабов. И второе. Усиление антисемитских настроений в России.

2. Зачем Израиль нужен России?

Во-первых, Израиль нужен России как неотъемлемый элемент регионального ландшафта, как государство, нормальные отношения с

которым позволяют избежать неустойчивой односторонности и стоять на Ближнем Востоке на двух ногах.

Предполагается при этом, что Россия — с точки зрения своей истории, традиций, психологии — не может, оставаясь великой державой, уйти с Ближнего Востока.

Во-вторых, Израиль нужен России как государство, расположенное на родине христианства, на священной для христиан земле. Россия как ведущая православная держава мира не может не иметь доступа к иерусалимским святыням, не может не нести свою долю ответственности за них. Это хорошо понимали и русские цари, и русская церковь, и русское общественное мнение. Кстати, Русская духовная миссия функционировала (с определёнными оговорками) независимо от наших отношений с Израилем.

Теперь, после значительной паузы, церковная составляющая ближневосточной политики России восстанавливается. Возрождается паломничество. На повестке дня — инвентаризация и приведение в порядок церковных земель в Израиле. Пока московский патриарх шевелится, на мой взгляд, слабо. Но всё же шевелится. Важно оказывать государственное содействие деятельности Русской православной церкви в Израиле, не забывая на всякий случай о том, что интересы государства выше интересов церкви.

В-третьих, Израиль нужен России, так как здесь примерно пятая часть населения говорит и думает по-русски, воспитана на русской культуре. Значительная часть репатриантов до сих пор тоскует по своей «доисторической родине». В Израиле более 30 газет на русском языке. Полностью транслируются две программы российского телевидения. Открыто 400 ресторанов «русской кухни», около 800 «русских» магазинов. Создана «русская» политическая партия.

Наличие мощной «русской» общины, — а её влияние, по крайней мере в среднесрочной перспективе будет расти, — существование единого духовного и культурного языкового пространства создают такую обстановку, когда политические вложения в Израиль могут дать — при прочих равных — большую отдачу, чем в других странах.

Среди репатриантов становится всё больше граждан России. В связи с этим возникает ряд вопросов, которые пока решаются *ad hoc*. Нужен договор о двойном гражданстве. Стоило бы подумать и подключить юристов.

В-четвёртых, Израиль нужен России в экономическом плане: и как (1) один из каналов выхода на мировой финансовый рынок, и как (2) партнёр для сотрудничества в области высоких технологий, и как (3) место возможной реализации крупных проектов (опреснение воды, строительство метро, газопровод и т.п.), и как (4) школа ведения социализированного хозяйства.

Хотел бы подчеркнуть, что пункты (1 — 4) имеют несколько условный характер и базируются зачастую на общих соображениях. Был бы желателен анализ проблемы на добротном экспертном уровне.

Не упоминаю здесь о торговом обороте. Он есть и будет. И прежде всего на уровне мелких и средних фирм. Но для России в целом, — когда мы снова начнём считать «по большому счёту», — ёмкость израильского рынка практически равна нулю.

В общем, в экономическом контексте Израиль нужен нам не «сам по себе», а как дополнительный канал связи с мировыми рынками (капиталов, услуг, товаров, информации).

В-пятых, Израиль нужен России как своего рода свидетельство о «цивилизованности» российской внешней политики. Возможные оговорки, сомнения и уточнения обхожу для краткости. Вместо доказательств — аналогия (от противного). Антисемит, по определению, находится вне порядочного, «цивилизованного» общества. Это — на уровне частной жизни. А на уровне политическом государство, рассматривающее Израиль как «сионистское образование», явно не созрело для того, чтобы считаться «цивилизованным».

3. Проблемы.

Главная проблема состоит в том, что указанные выше объективные факторы, которые теоретически должны были бы сближать Россию и Израиль, способствовать формированию взаимовыгодного сотрудничества, практически крайне вяло «работают» в этом направлении. И данная проблема не имеет в настоящее время политического решения, то есть не может быть решена какими-либо политическими акциями.

Во-первых, контрпродуктивную роль играют длящийся социально-экономический хаос в России, неотработанность стабильной юридической базы, гарантирующей «безопасность» и устойчивые прибыли для экономических партнёров, а также боязнь прихода к власти коммунистическо-националистических сил с последующим откатом на привычные позиции «социализма» (и антисиионизма).

Во-вторых, тормозят дело крикливые проявления антисемитизма, русского шовинизма, которые не встречают, к сожалению, должного отпора со стороны судебной и государственной властей. «Застенчивость» властей, наверное, определяется нежеланием открывать ещё один фронт, боязнью того, что активное противодействие антисемитизму может дать лишние козыри оппозиции. Тактически такой подход, вероятно, оправдан, хотя стратегически он означает сдачу позиций врагам новой России.

В-третьих, можно предположить, что в Москве, в президентских структурах, в правительстве существуют определённые круги, которые считают ошибкой поворот России к Израилю, а если и не счита-

ют, то сознательно стремятся свести к минимуму наполнение российско-израильских отношений.

Возможно и другое предположение: среди массы других, более важных, более насущных хлопот, забот, тревог об Израиле просто «забывают».

В-четвёртых — и здесь я перехожу к Израилю — против углубления израильско-российских отношений работает устойчивое, опирающееся на опыт нескольких десятилетий недоверие правящей элиты Израиля к России. Недоверие это распределяется неравномерно: у одних политиков его больше, у других — меньше. Но оно присутствует везде. Люди боятся, что Россия, пройдя полосу тактических колебаний, «заигрывания» с Израилем, вновь займёт традиционную для неё позицию в рядах антиизраильского фронта.

Пищу для подобных настроений дают всегда подёрнутые дымкой таинственности наши контакты с Ираном, Ираком, Ливией, Сирией. Расшифровка таких контактов по понятному закону даёт всегда наихудший для Израиля вариант. К разряду подобной пищи относится и характер нашего коспонсорства. Последнее фактически сводится к подталкиванию Израиля на всё новые уступки арабам. Что же касается арабов, то лично мне не известен ни один случай, когда мы пытались воздействовать на ту или иную «чрезмерную» позицию Арафата или Асада.

Иногда приходится слышать такой аргумент: а чего сдерживать арабов; они требуют лишь то, что им принадлежит. А Израиль отдаёт (должен отдать) то, что ему не принадлежит. Аргумент вроде бы весомый, пока не вспомнишь о Курилах или Калининграде.

Тема нашего коспонсорства (а оно явно переживает кризис) — особая и важная тема, которая выходит за рамки данных заметок. Было бы очень полезно в любой приемлемой форме (ситуационный анализ, совещание послов, соображения посольств и т. п.) подвести итоги тому, что и как делалось, и подумать над тем, что и как нужно делать дальше.

В-пятых, ощущая известную «вялость» Москвы, её малую заинтересованность в формировании серьёзных отношений с Израилем, правящие круги Израиля, — заявляя на всех уровнях, что отношения с Россией развиваются нормально, — в то же время нередко позволяют себе игнорировать интересы России (проблемы собственности, хамство в аэропорту, «самостийность» Еврейского агентства в России, отжимание нас на периферию мирного процесса). Думаю, что здесь не обходится без американских «советов».

В-шестых, экономическому сотрудничеству с Россией препятствует чрезвычайно закрытый рынок Израиля. Закрытый не формально, а наличием мощных монопольных структур, которые держат в своих

руках те или иные секторы экономики и не хотят делиться своим «куском пирога» с конкурентами.

К сожалению, российские бизнесмены, которые пытаются проникнуть в Израиль, делают это на уровне экспромтов, без тщательной проработки всех относящихся к делу фактов и факторов.

Рекомендации.

Нетрудно понять, что устранение главных причин, сдерживающих развитие российско-израильских отношений, лежит вне компетенции и возможностей министерства иностранных дел. С другой стороны, классические мидовские средства — очередные визиты и очередные соглашения — полезны, разумеется, но вряд ли усилят взаимодействие.

Я бы предложил в данной ситуации и в данное время сосредоточить внимание на психологической стороне дела, попробовать учесть психологию израильского руководства.

Во-первых, следовало бы более оперативно и более «душевно» реагировать на террористические акты и другие события, будоражащие весь Израиль. Обычно картина такая: звонки Клинтона и Кристофера, реакция европейских деятелей и только потом довольно вялое заявление МИДа России и соболезнование министра.

Следовало бы действовать более оперативно и энергично. Почему бы Ельцину не позвонить Пересу? Сюжет вполне гуманитарный. Почему бы Примакову не опередить своих европейских коллег? Никакого вреда нет — только польза.

Во-вторых, было бы желательно с пониманием отнестись к неуровности израильтян относительно наших контактов со «злейшими врагами» Израйля. Разумеется, характер наших отношений с Ираном, Ираком, Ливией, Сирией — продавать им оружие или не продавать, что строить, какую помощь оказывать, — всё это должно определяться исключительно интересами России. Вместе с тем ничто не мешает нам, учитывая нервную, болезненную реакцию Израйля, своевременно, опережая всякого рода слухи, делиться с израильским руководством достоверной информацией. Опыт показывает, что «темнить», как правило, не имеет смысла. Кстати, американцы регулярно информируют Израиль о своих контактах с арабскими странами и особенно о тех контактах (продажа оружия, например), которые тревожат израильтян.

В отношениях с Израилем (как и с любым другим государством) применимо одно из основных «переговорных» правил: если ты хочешь, чтобы тебя понимали, если ты хочешь о чём-то договориться, если ты хочешь воздействовать на партнёра (зная при этом, чего ты от него хочешь), надо суметь увидеть мир и себя его глазами.

В-третьих, следовало бы научиться высказывать израильтянам наши претензии более откровенно и жёстко. Пока же в беседах на уровне министров и выше эти проблемы затрагиваются по касательной. Возможно, своеобразной формой нашего «фэ» было отклонение настоячивых просьб Барака принять его в Москве. Боюсь, что мы сделали ошибку. Полезнее было бы принять Барака и без обиняков высказать ему всё, что считаем нужным. А от демонстративного «фэ» в сухом остатке остаётся лишь обида».

Вот такую бумагу сочинил я в процессе похужения. Отправил Примакову. Предупредил, что заботился не о «формулировках», а о мыслях. Как повод для критики и раздумий. Ни критики, ни раздумий я не услышал. Посувалюк, правда, написал, что бумага ему понравилась.

В данном случае инициатива была, действительно, ненаказуема. Да толку от неё не было никакого...

.....
Культуры в марте не было.

АПРЕЛЬ-96

*Ливан: операция «Гроздь гнева» — Визит Примакова —
— Дипломаты и леди — Религия в Израиле —
— Тора — «портативное отечество евреев»...*

8 апреля закончилось сидение на Мёртвом море. Оставил там 12 кг. Отпуск ещё продолжался. Но практически он закончился 11 апреля, когда израильтяне начали в Ливане операцию под названием «Гроздь гнева».

Гнев был вызван тем, что боевики «Хизбаллы», базировавшиеся на территории южного Ливана, систематически подвергали ракетному («катюши») обстрелу населённые пункты на севере Израиля, в частности — город Кирыят-Шмона. Израильская армия обычно давала стандартный ответ: артиллерийский и миномётный огонь по выявленным огневым точкам «Хизбаллы». Но обстрел Кирыят-Шмоны 9 апреля переполнил чашу терпения. Израильтяне ответили 11-го ракетно-бомбовыми ударами по учебно-тренировочному центру «Хизбаллы» в долине Бекаа, по командным пунктам и штабам. Помимо авиации были задействованы военно-морские силы, которые обстреливали цели на побережье.

Завязался сложный узел. На территории Ливана Израиль воевал с организацией, которую вооружал Иран и поддерживала Сирия. При таком переплетении интересов возникала угроза общей дестабилизации. Израиль оправдывал свои действия целями защиты от терроризма и подчёркивал, что удары наносятся только по силам и базам «Хизбаллы». К сожалению, в результате того, что в зону обстрела попал лагерь беженцев Кфар-Кана, 18 апреля там было убито более ста жителей, 11 ливанцев погибли в Набатие. Израильтяне ссылались на то, что пусковые установки экстремистов находились слишком близко к жилым домам. Но это мало утешало.

Конфликт вышел на международный уровень. На Ближний Восток отправились Примаков и Кристофер. Но не вместе, а порознь. Порознь, потому что американцы однозначно оправдывали Израиль: во всём виновата «Хизбалла», Израиль лишь использовал «право на самооборону». Москва реагировала иначе: пока Израиль окку-

пирует часть Ливана, перекладывать всю ответственность на «Хизбаллу» нельзя.

21 апреля в 16.00 Примаков прилетел из Бейрута (до этого он успел побывать в Дамаске).

Пресса встретила Примакова недружелюбно. Подчёркивали, что имя Примакова ассоциируется с традиционной линией России на одностороннюю поддержку арабов. Нажимали на то, что Россия пытается использовать ситуацию в Ливане, чтобы добиться от Израиля признания за ней такой роли в мирном процессе, которая была бы сопоставима с ролью США.

За несколько часов до разговора с Примаковым Перес заявил, что хотя Израиль не против «многоканальности» в миротворческих усилиях, но они должны быть «скоординированы, не хаотичны». Нам нужно одно соглашение, а не три, — сказал Перес, имея в виду активность России и Франции.

Кристофер принял пас: «США чувствуют свою особую ответственность за ближневосточный мирный процесс, в котором они играют лидирующую роль. Я очень признателен Пересу за то доверие, которое он нам оказывает».

Прямо с аэродрома поехали к Бараку. Разговор был тяжёлый. Не отрицая полностью логику израильтян, Примаков говорил о «несбалансированности» израильских ответных действий. Ссылаясь на свои встречи в Дамаске и Бейруте, а также на беседу с министром иностранных дел Ирана, Примаков настаивал на том, что Израиль не видит существенных нюансов в их позициях и не использует всех возможностей для политического решения проблемы. А как раз здесь Россия могла бы оказаться полезной. Барак отбивался, разыгрывая мотив самообороны. «А если бы ракеты упали на Петербург, что бы вы делали?» — даже такой аргумент был положен на стол.

Сразу же от Барака — к Пересу. Разговор ещё острее. Давайте не будем обсуждать вопрос «Кто виноват?», давайте поговорим о том, что делать, какой найти выход, — предложил Примаков. Он сказал, что Россия не намеревается конкурировать с Америкой, но мы — тоже коспонсоры, у нас есть свои возможности, и было бы целесообразно их использовать. По его впечатлению, и Тегеран, и Дамаск могли бы участвовать в «поисках развязок». Картина не такая уж «чёрно-белая», — заметил Примаков.

«Очень чёрная!» — тут же отреагировал Перес. Я привык видеть Переса спокойным, рассудительным, но на этот раз он был взвинчен, возбуждён. Нажимал на то, что Россия должна координировать свои действия с Америкой. Что Израиль не может мириться с обстрелом своей территории. Что Израилю не нужна ливанская земля — нужна безопасность. Что Израиль не может уйти из Ливана, не полу-

чив гарантий безопасности. Но Ливан такие гарантии дать не может, а Сирия — не хочет.

Каждый остался при своём.

От Переса поехали ужинать к Вейцману. Разговор, как почти всегда бывает у президента, вёлся в неформальной тональности. Примаков продолжал развивать свои тезисы.

Неожиданно президент спросил: «Неужели вы не можете сказать об Израиле ничего хорошего?» — Тишина. Пауза. — «Исраэль това!» («Израиль хороший!») — сообщил я, мобилизовав свой иврит. Все засмеялись, и ужин продолжался...

Поздно вечером мы с министром минут тридцать поездили по Иерусалиму. Евгений Максимович был утомлён и раздражён. Разговор не получался.

Утром 22-го Примаков улетел в Москву.

Визит, на мой взгляд, не удался. Примаков по причинам, о которых я могу лишь догадываться, был не в лучшей дипломатической форме. Мы ничего не приобрели. Но осложнили отношения с Америкой и Израилем. Даже Франция, с которой мы вроде бы действовали в «связке», в финале оставила нас в изоляции. В комиссию по соблюдению условий достигнутого соглашения были включены конфликтующие стороны (Израиль, Ливан и Сирия), коспонсор (США) и... Франция. Россия включена не была.

Соглашение вступило в силу утром 27 апреля. «Хизбалла» согласилась не обстреливать территорию Израиля. Израиль согласился не обстреливать гражданские объекты на территории Ливана. Стороны оставили за собой «право на самооборону, не выходящую за рамки данного соглашения». Фактически это соглашение зафиксировало право «Хизбаллы» вести военные действия против израильской армии на территории Ливана.

Когда-то Перес произнёс: «Воевать против «Хизбаллы» это всё равно, что хлестать суп вилкой». Вот и нахлебались... Стоимость операции «Гроздь гнева» оценивалась примерно в 500 миллионов шекелей. Было уничтожено 50 боевиков. Один труп — сокрушались в Израиле — 10 миллионов. Если же добавить мирных жителей, то будет, конечно, дешевле...

Чтобы завершить тему, приведу отрывок из своего «открытого ответа» на очередное «открытое письмо», в котором велась атака на Примакова и на наши действия в связи с «Гроздьями гнева». Автор письма — Леонард Вольф, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, участник Отечественной войны — напирал на то, что «у вас — Чечня, а вы нас учите...»

«В Вашем письме на первом плане аргумент от Чечни. Да, Чечня — наше горе, наша боль, наша кровоточащая рана. События в Чечне

по-разному оцениваются в России. Одни осуждают попытку найти решение военным путём, другие рассматривают такое решение как неизбежную меру, направленную на сохранение целостности Российской Федерации. И, уверяю Вас, мы разберёмся со своими делами.

Но как бы ни была для нас трудна, болезненна чеченская трагедия, она — и как раз тут сказывается справедливо замеченная Вами разница между политикой и моралью — не может лишить нас права иметь свои оценки и суждения относительно тех или иных событий в мире. В том числе и относительно операции «Гроздья гнева». Наши суждения можно свести к следующим пунктам.

1. Акты терроризма в любых формах преступны.
2. Правительство Израиля имеет полное право защищать свою территорию и своих граждан от террористических действий.
3. Операции по борьбе с терроризмом должны в принципе соизмеряться (при всей относительности этого «соизмерения») с масштабом террористических актов.
4. В Ливане эта соразмерность была нарушена. Произошло, говоря языком юристов, «превышение пределов необходимой обороны». Цифры, иллюстрирующие этот тезис, обильно публиковались в израильской прессе.
5. Израильяне действовали на территории, которая даже по израильским критериям является оккупированной. Следствие очевидно: каждый удар по террористам рождает новых террористов, провоцирует новые террористические акты. Что и произошло.
6. Фундаментальное решение — уход Израиля из Ливана в рамках мирного урегулирования с Ливаном и Сирией. Только такое урегулирование может гарантировать безопасность Израиля.

Так видится ситуация из Москвы. Можно спорить с нашим подходом. Но спорить по существу, без ссылок на «чеченский цугцванг». Раздражение не служит аргументом.

В заключение несколько общих соображений.

Мне представляется, что сложности, шероховатости, трения, возникшие в российско-израильских отношениях — и возникшие задолго до прихода Примакова, — являются результатом недооценки роли России в мировых и ближневосточных делах. Недооценки со стороны некоторых, скажем так, израильских политиков. Все ритуальные заклинания о «коспонсорстве» России произносились. Но когда касалось дела, конкретного дела, я часто ощущал стремление отодвинуть, отстранить Россию от участия в тех или иных акциях. По-видимому, выстраивался простейший силлогизм: Россия погрузилась во внутренние неурядицы и разборки. Россия, следовательно, перестала быть великой державой, и (ещё раз следовательно) её геополитическая роль на Ближнем Востоке исчерпала себя. Значит, можно не учитывать российские интересы, пренебречь ими.

Сказанное вовсе не исключает того, что российская сторона вела себя не безукоризненно. Наверное, делались какие-то шаги, которые негативно воспринимались в Израиле и которых можно было бы избежать. И всё же я убеждён, что главной, концептуальной причиной возникших недоразумений является приведённый выше силлогизм. Или, как писала однажды газета «Гаарец», «недостаточная политическая дальновидность».

.....
В России на горизонте замаячили выборы президента. У нас это аукнулось странным образом. 25 апреля ко мне явился «человек от Сосковца» (если не ошибаюсь, он был тогда первым вице-премьером). Человека звали Александр Иосифович Файнштейн. Представился как «юрист не в штате». Привёз письма от Сосковца — Пересу и мне. Пересу с просьбой оказать содействие проведению в Израиле выборов президента России. Мне — с указанием провести эти выборы на высоком уровне.

Для «уровня» Файнштейн предложил:

1. Организовать массовый приём в российское гражданство — до 100 тысяч человек. Не хватит людей в консульстве — поможем.

2. Договориться с израильтянами и поставить наши урны в день их парламентских выборов, 29 мая, в израильских избирательных участках.

Полная, вопиющая ерунда!

Держал совет с Носенко и Анненковым. Решили написать Сосковцу, что выборными делами занимается в МИДе Пастухов. И просим советы и рекомендации направлять через него.

Потом до меня доходили какие-то слухи, что письмо вызвало раздражение среди царедворцев (Бовин не понимает значения выборов). Но слухами всё и кончилось.

.....
26 апреля долго сидели с Посувалюком в его любимом японском ресторане. Он после отъезда Примакова остался на Ближнем Востоке, чтобы держать руку на пульсе ливанских событий. Виктор Викторович был расстроен и мрачен: Россию не пускают в комиссию по Ливану. Сказал ему, что мы перегнули палку в сторону арабов и тем самым сами вывели себя из игры. На Францию понадеялись зря, так как из-за нас она не будет ругаться с Америкой.

Долго говорили о мидовских делах, о дипломатах. Больше я говорил, а он — слушал.

В посольстве подобрался неплохой коллектив, хотя последние ротации снижают качество. Но многие дипломаты меня удивляют.

Во-первых, очень экономны. Не выписывают никаких журналов и газет. Почти не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты.

Во-вторых, не страдают излишней вежливостью. Особенно это заметно в консульском отделе. Израильтяне жалуются на грубость.

В-третьих, низкая общая культура. Плохо знают литературу, искусство, философию. Совсем не в курсе современных подвижек в мировой общественной мысли.

В-четвёртых, не умеют смотреть на себя со стороны, относиться к себе с известной долей иронии. Иногда у «старших дипломатов» чувствуется голубая дипломатическая кровь, ну прямо Талейран или Горчаков¹. Конечно, маршальский жезл в солдатском ранце — это хорошо. Но не следует его вынимать слишком рано... Окружающие удивляются, а вынимающим кажется, что их недооценивают. Развивается комплекс неполноценности. В общем, чем больше тщеславия, тем меньше ума. И наоборот.

Посувалок защищал дипломатов. Говорил, что в МИДе их заедает чиновничья текучка, а за границей они хотят прибрахаться. Тут не до «мысли». Возможно, он и прав. Но как-то обидно...

.....
29 апреля был в МИДе у Бенцура. И опять — двадцать пять. 5 мая в Табе должен открыться запланированный в соглашении «Осло—2» раунд палестино-израильских переговоров. Известно, что там будут находиться представители США. Неизбежно встаёт вопрос о России.

Бенцур, как и положено, сказал, что Израиль «высоко оценивает коспонсорскую роль России», но вопрос о том, кто будет в Табе, ещё находится в стадии предварительного обсуждения. И ничего к этому он добавить не может.

Нас очень огорчила, добавил Бенцур, «односторонне отрицательная» по отношению к Израилю позиция, которую Россия заняла при голосовании в ООН. А нам, отвечал я, хотелось бы, чтобы позиция Израиля по отношению к коспонсорам была «более сбалансированной и взвешенной».

.....
В апреле в Израиле праздновали Песах (Пасху) — исход евреев из Египта. Самый праздничный религиозный праздник в Израиле. Гуляют неделю. Существует сложный, веками отработанный ритуал. Его придерживаются не все, но празднуют все. Как в России — Пасху.

Хотелось бы сказать о роли религии в жизни Израиля. Замечания стороннего наблюдателя, дилетанта.

Израиль — единственное демократическое, «западное» государство, где религия не отделена от государства, а государство не отделено от религии. И при том понимании еврейства, иудаизма, которое остаёт-

¹ Недавно наткнулся на интересное высказывание М.Тэтчер: «Быть могущественным это всё равно что быть леди. Если вы вынуждены говорить окружающим, что вы — леди, вы ею не являетесь». Боюсь, что многие дипломаты этот тест не пройдут.

ся господствующим, почти официальным, такое отделение произвести невозможно. Религия и государство, еврей и гражданин как бы проросли друг в друга.

Цитирую известного специалиста по религиозным делам Гидеона Бродского: «Отделить евреев от религии невозможно. Ведь иудаизм не является религией в обычном понимании этого слова. Иудаизм — это 613 заповедей. Из них 248 заповедей говорят о том, что следует делать, и 365 — о том, чего делать нельзя. Но это же 248 органов и 365 сухожилий нашего тела! Любой китайский иглоукалыватель может подтвердить, что в нашем теле 613 жизненно важных центров, с помощью которых осуществляется управление всем организмом. Это то, что приводит душу еврея в особое состояние, когда он начинает понимать, что такое еврейство, что такое Земля Израиля. Если мы всё это отделим, то станем похожими на машину, в двигатель которой вместо бензина залили воду. Как вы понимаете, такая машина двигаться не сможет, станет нежизнеспособной. Без системы заповедей и народ Израиля станет нежизнеспособным».

Проще простого сказать, что ни один еврей эти 613 заповедей не исполняет. Да в нынешних условиях, когда нет Храма, это просто невозможно. Но важен принцип. Бродский формулирует его по максимуму. А вот это уже неважно. Принцип сохраняется и по минимуму.

Надо заметить, что провозвестники и создатели Израиля в большинстве своём не были религиозными людьми. Они не признавали мистическую связь между народом и религией. Сам Герцль, — а без улицы Герцля нет ни одного города в Израиле, — писал: «Должны ли мы кончить теократией? Разумеется, нет. Вера объединяет нас, знание нас освобождает. Поэтому мы должны предотвратить все попытки духовенства возглавить наше движение. Место раввинов — в храмах, как место армии — в казармах. Раввины не должны вмешиваться в управление государством».

Бен-Гурион, который был вынужден мыслить в другой обстановке, пошел на компромисс с религиозными лидерами. Компромисс между государством правовым, которое было его идеалом, и государством теократическим, к которому стремились «раввины». 19 июня 1947 года Бен-Гурион и его сподвижники направили письмо религиозным лидерам из партии «Агудат Исраэль», в котором перечислялись условия компромисса:

1. Официальным днём отдыха будет суббота.
2. Во всех государственных учреждениях будет кошерная кухня.
3. Вопросы брака и развода будут решаться так, чтобы избежать «раскола дома Израилева на две части». Впоследствии это стало трактоваться как передача вопросов брака и развода в ведение раввината.
4. Допускается автономное религиозное образование.

Эти четыре пункта получили наименование «статус-кво», и все десятилетия существования Израиля вокруг него идёт острая борьба. Результат её, на мой взгляд, парадоксален. С одной стороны, израильское общество в целом под влиянием времени становится всё менее религиозным. Но с другой, — израильские ортодоксы постепенно расширяют сферу своего влияния. Религиозные партии нередко определяют погоду в Кнессете, а значит — и во всей стране. Увеличивается число религиозных школ и затраты на них. Процветают раввинатские суды. Большим влиянием пользуются главные раввины Израиля (ашкеназийский и сефардский), которые избираются на 10 лет (последние выборы были в феврале 1992 года).

Светский Израиль протестует. Ведётся настоящая «война культур», иногда с уличными столкновениями и побоищами. Только два эпизода из последних.

На праздничном концерте, посвящённом 50-летию Израиля, должен был выступать танцевальный ансамбль «Бат-Шева». Однако по настоянию религиозных партий, которые пригрозили выходом из правительственной коалиции, выступление «Бат-Шевы» было исключено из программы концерта. Из-за нескромных костюмов артистов. Не помогли демонстрации протеста.

В августе 1999 года Электрическая компания Израиля должна была организовать перевозку в Ашкелон 300-тонной турбины для электростанции. Операцию назначили в ночь с пятницы на субботу (самые свободные дороги). Религиозные партии подняли шум: нарушают «субботные предписания». Верховный суд вынес решение в пользу компании. Ортодоксы грозили блокировать дороги. Кончилось тем, что компания была вынуждена пойти на обман: заявила, что не будет перевозить в ночь на субботу, но когда протестующие потеряли бдительность, турбину повезли...

Проводится масса опросов для того, чтобы определить степень религиозности израильского общества. Результаты противоречивы. Я приведу данные декабря 1993 года, которые представляются мне убедительными. Вопрос звучал так: как вы относитесь к религиозным традициям?

- строго их соблюдаю — 14%;
- соблюдаю в большой степени — 24%;
- соблюдаю в малой степени — 41%;
- не соблюдаю — 21%.

Выводы зависят от «вкуса» выводящего.

Можно сказать: только 14% по-настоящему религиозны, а остальные — так себе. Можно сказать: атеистов всего 21%, а остальные всё же не забывают Бога. Но можно сказать и так: 38% ближе к Богу, а 62% дальше от Него. Я — за последний вывод.

И ещё один опрос. «Верите ли вы в Бога?» — спросили депутатов Кнессета. 11 ответили «нет» (почти все коммунисты и МЕРЕЦ, Яэль Даян из Аводы и двое «русских» — Софа Ландвер и Марина Солодкина). 16 сказали, что это — личное дело, и отвечать они не будут, среди них — Б.Бегин, Р.Эйтан, Й.Бейлин, Э.Барак, А.Шарон, Й.Сарид. Остальные — говорят, что верят.

«Война культур» продолжается. Позицию светского Израиля иллюстрирует один из лидеров антиклерикального блока МЕРЕЦ Деди Цукер: «Государство Израиль — правовое демократическое государство, а не государство Галахи. Поэтому израильский суверенитет должен находиться в руках граждан, а не в руках раввинов. Израиль обязан обеспечить всем своим гражданам — как религиозным, так и атеистам — право жить в соответствии с их верой и убеждениями, без религиозного или антирелигиозного диктата. Свобода религии означает и свободу от религии, то есть обеспечение права человека не подвергаться влиянию какой бы то ни было религии. Власти обязаны защищать свободу вероисповедания и право каждого человека жить согласно своей вере и обычаям при условии, что не будут нарушаться права других и общественный порядок. С этой целью необходимо отделить религию от государства, чтобы религия была личным делом, а не политической силой».

Я не уверен, что этот возврат к Герцлю состоится в обозримое время...

Для еврея религия — это прежде всего Тора (Пятикнижие Моисея), то есть первая часть Ветхого Завета и, соответственно, часть Библии (ТАНАХА). Генрих Гейне назвал Тору «портативное отечество еврея». И, конечно, каждый должен знать своё отечество. Каждую неделю еврей обязан читать одну главу Торы. Всего глав 54. С коррекцией получается чтение на весь год. А потом следующий круг. И так всю жизнь.

Для правоверного еврея, ортодокса Тора это Книга сверхъестественного, нечеловеческого происхождения, Книга вневременная, трансцендентная. В ней свят каждый знак. А в целом все знаки, составляющие Тору, содержат в зашифрованном виде всю информацию о мире в любой момент его истории. В Торе закодирована «суть мира».

Пишут о том, что с помощью ЭВМ удаётся расшифровать содержащиеся в Торе сведения, например, об убийстве Кеннеди, о Сталине и ГУЛАГе, об убийстве Рабина и многие другие «глубинные слои». Уже упоминавшийся Г.Бродский сообщает: «Исследователи текста Торы дали задание ЭВМ искать в книге Торы «Берешит» слова, связанные с убийством Садата. Результаты получились ошеломляющие! В тайном тексте появилось: «президента застрелят», «убьют», «умертвить», «труп». Дальше открылось «парад», затем ивритские буквы «тав», «шин», «мэм», «бэт», означающие 5742 г. По григорианскому календа-

рю это 1983 год. А дальше открылось рядом: «выстрелят», «в Садата», «Халед» (убийца Садата), и всё это из букв тайного текста Торы...» И таких «примеров» — сколько угодно.

Как неспециалист, воздержусь от комментариев. Замечу только, что, по мнению математиков (некоторых, по крайней мере), машина даёт то, что есть в голове у программиста. А не в голове у Бога...

Своё отношение к Торе я могу выразить словами уважаемого мною учёного и популяризатора науки Рафаила Нудельмана: «Я убеждён, что Тора (как и весь ТАНАХ) — это великая книга, чтение и изучение которой порождают восхищение глубиной человеческой мудрости и будут оплодотворять ещё многие поколения исследователей. Я убеждён также, что эта книга (Тора) не была продиктована Моисеем Богом на горе Синай и не была дана евреям готовой, а сложилась как итог многовековых размышлений моих далёких предков, обобщив их исторический опыт и вдумчивые наблюдения над природой людей и их социальных отношений. Я убеждён, наконец, что главное в ТАНАХЕ (и это делает его настольной книгой западного человечества) — не его буква, а тот революционный новый уровень понимания мира, который в нём заявлен, и те новые нормы этических и социальных отношений, которые в нём провозглашены. Но я не верю ни в его Боговдохновенность, ни в то, что в нём «содержится всё», ни в то, что из него можно — а тем более дозвоительно — выводить конкретные научные теории, объявляя при этом «несостоятельными» все те, которые с ним принципиально несовместимы... Последнее кажется мне вульгаризацией и профанацией великого текста (пусть и «с благородными целями»), кто бы этим ни занимался — еврейские мыслители прошлого или сегодняшние верующие люди науки».

Будучи в Израиле, я старался по мере возможности ликвидировать свои пробелы в еврейской истории, философии, религии. В частности, читал (и даже с ручкой в руках) в неделю одну главу Торы. Сделал четыре с лишним годовых цикла. Полезнейшее дело. Ведь там корни, веками питавшие европейскую культуру. В любом европейском музее нельзя понять добрую половину картин, не зная Ветхого Завета.

Рассказывают такую историю. Давным-давно это было. Во времена царя Ирода, наверное. К знаменитому мудрецу Гиллелю пришел человек и спросил: ты можешь мне объяснить главное в Торе за то время, пока я стою на одной ноге? Да, ответил Гиллель: что тебе не приятно, не делай другому. Потом мы встретим это у Матфея и у Луки. А в наше сознание эта великая мысль войдёт как категорический императив Канта.

Культура в апреле. «Дон Кихот» Бориса Эйфмана. Не Большой театр, но Большой балет. — Аллегрова. Шумно и пошло.

МАЙ-96

*«Конечные цели»: надо ли знать, куда идешь? —
— «Бермудский пятиугольник» — «Рога и копыта» —
— Замена коленки — Выборы: победа Нетаньяху —
— Кто есть еврей? Мама и гиор — Кто есть израильтянин?*

5 и 6 мая в Табе состоялась встреча делегаций ООП и Израиля, в ходе которой были начаты переговоры об окончательном урегулировании. «Российский коспонсор» всё же был допущен. Москву представлял директор Департамента Северной Африки и Ближнего Востока А.В.Вдовин.

Фактически это были переговоры о предстоящих переговорах.

Стороны договорились, что переговоры об окончательном статусе начнутся «в максимально короткие сроки, но не позже, чем с начала третьего года переходного периода» (отсчёт 5-летнего переходного периода начинается с завершения вывода войск из Газы и района Иерихона). Будут обсуждаться оставшиеся нерешенными проблемы: Иерусалим, беженцы, поселения, меры безопасности, границы, отношения и сотрудничество с соседями, а также другие вопросы, представляющие взаимный интерес. Решили, что итоги переговоров об окончательном урегулировании не будут противоречить соглашениям о промежуточном периоде.

Здесь мы подошли к сложнейшей проблеме переговорного процесса, проблеме «конечных» целей, окончательного урегулирования, окончательного статуса. То есть: к чему идёт дело, какое положение сложится в результате переговоров, какие цели преследуют стороны и как можно эти цели совместить.

Как нас учит системный анализ и опять же опыт, как нам подсказывает практика переговоров, в оптимальном варианте «конечные» цели — чего мы хотим? — должны быть чётко сформулированы в начале переговоров. Обозначение таких целей определяет стратегию переговоров. И на базе стратегии рисуются те или иные тактические узоры: промежуточные цели, запросы, варианты разменов, пределы уступок и т.д., и т.п. Можно не информировать партнёра о своей стратегии — пусть подумает, голову поломают. Но лучше играть в откры-

тую. Ясность мешает только обманщикам, а большой политике обман противополоказан.

Однако, начиная мирный процесс, израильтяне отошли от указанного правила. Они рассуждали примерно так: если мы сформулируем наши конечные условия («нет» — суверенному палестинскому государству, «нет» — разделению Иерусалима, «нет» — возвращению беженцев, «нет» — ликвидации поселений, «нет» — возвращению к границам 1967 года), то палестинцы откажутся вести переговоры. Да и с мировым общественным мнением возникнут сложности. Поэтому лучше поступить так: не формулируя конечные цели, начнём решать промежуточные, относительно частные вопросы. И когда накопится позитивный задел, когда появится взаимное доверие, тогда будет легче решать главные вопросы. В общем, займёмся тактикой, а она выведет на стратегические решения.

Мне всегда казались сомнительными эти рассуждения. О чём, естественно, посольство сообщало в Москву. И о чём я неоднократно беседовал с израильскими политиками. Высказывал опасения, что когда приблизится время окончательных решений, когда туман рассеется, когда чётко обозначатся контуры «Бермудского пятиугольника» (суверенитет, Иерусалим, беженцы, поселения, границы), весь наработанный позитив может исчезнуть в этом пятиугольнике. Но события шли своим, тактическим, чередом...

Стратегическая перспектива, — «за» палестинское государство или «против», — если и обсуждалась, то больше на левом фланге Израиля. Иногда весьма эмоционально. «Да, левые хотя для палестинцев собственного государства, — утверждал писатель Меир Шалев. — Но вовсе не потому, что они этих палестинцев любят, и вовсе не потому, что они не любят своё государство и своё еврейство и хотели бы от них избавиться... Если говорить совсем уж цинично, то меня вообще не интересуют палестинцы. Меня интересуют евреи. И о палестинском государстве я говорю вовсе не из соображений нравственности или справедливости. Эти соображения заботят меня во вторую или третью очередь. Прежде всего меня заботит сохранение еврейского государства. Чисто прагматические соображения убеждают меня, что попытка насильственного удержания под израильской властью полутора миллионов палестинцев, на чём настаивают поселенцы и другие правые израильтяне, приведёт к физическому уничтожению государства Израиль. Именно поэтому я считаю, что поселенцы и правые экстремисты опасны для государства, что они угрожают его существованию. Если при нынешней ситуации мы будем поставлены перед неизбежностью новой большой войны, ни у кого в Израиле не будет сил воевать, потому что мы измотаны погоней за арабскими мальчишками, швыряющими в нас камни. Это длится уже 5 лет, и за это время мы уже успели утратить наши моральные критерии и пре-

вратились в народ шашлычного мангала — именно таков наш усреднённый культурный уровень сегодня. Говорят, что оккупация разлагает морально; я бы добавил к этому, что она также обессиливает физически. Моё глубокое убеждение состоит в том, что нельзя удерживать под своей властью такое количество арабов, потому что таким образом мы, в конце концов, уничтожим сами себя. Вот что меня волнует, а не проблема универсальных прав человека. Лично меня права человека волнуют значительно меньше. Ибо я уверен, что в тот момент, когда здесь возникнет палестинское государство, нам останется лишь соорудить вокруг него амфитеатр и продавать билеты на «смертельный номер» всем тем, кто хочет поглядеть, как они убивают друг друга. У меня нет никаких сомнений в том, что это будет именно так. И я не брошусь им на помощь.

— А если они начнут убивать нас?

— Каким образом? Тогда у нас будет, по крайней мере, охраняемая граница. Я ведь вовсе не так наивен, чтобы надеяться на дружбу между двумя этими государствами, израильским и палестинским. Они не будут дружить, и я вовсе не добиваюсь этой дружбы. Моя цель — сделать так, чтобы жизнь еврейского государства основывалась на нормальных разумных началах, а не на мифах освобождения святых мест, священных могил и прочих символов». Я бы, наверное, не согласился с теми характеристиками еврейского и палестинского народов, которые даёт Шалев, но важна главная мысль, совсем по Гиллелю, — не делай другому того, что ты не хочешь, чтобы он сделал тебе...

На официальном уровне обходились без экстравагантностей. В конце 1993 года при политической комиссии партии Труда была создана аналитическая группа для обсуждения различных вариантов окончательного урегулирования. Рассматривались три варианта: независимое палестинское государство, иорданско-палестинская конфедерация и конфедерация трёх — Израиля, Иордании и палестинцев. Остальных вопросов не касались. Да и указанные варианты были только обозначены. На реальный переговорный процесс комиссия никакого влияния не оказала.

Правительство последовательно придерживалось тактической схемы. «Садясь за стол переговоров, — говорил Перес в Давосе в феврале 1996 года, — никогда не ставьте перед собой конкретных целей. Ибо конкретные цели предполагают конкретные пути их достижения, а такая постановка вопроса несёт в себе по определению элемент противоречия в позициях сторон. Попытайтесь просто найти общий язык, договориться в принципе и уже потом, не торопясь, не форсируя событий, идите к общей цели. Причём, обязательно новыми, непроторенными путями. Главный залог достижения цели любых переговоров между традиционно конфликтующими сторонами — их неспрочитываемость сторонними наблюдателями и заинтересованны-

ми лицами, их полная и гарантированная партнёрами по политическому диалогу секретность». Насчёт секретности и неспросчитываемости «сторонними наблюдателями» Перес, конечно, прав. Но когда неспросчитываемость относится к партнёрам по переговорам, когда один партнёр не знает, куда его тянет другой, вот тут и возникает проблема...

Разумеется, в Израиле это понимали многие. «Призрак бродит по Ближнему Востоку, призрак Мира, — можно было прочесть в «Вестях» в мае 1996 года. — Так мог бы начинаться манифест адептов новой израильской идеологии, определяющей сегодняшнее состояние нашего общества и основные перспективы его развития. Но нет такого манифеста, и строительство Мира идёт без чёткого плана, без адекватного описания его целей. Возникла абсурдная ситуация: широко обсуждаются тактика, успехи и проблемы Мирного Процесса, но почти ничего не говорится о его целях. Является ли этот Процесс порождением политического реализма или утопией? Спасением или самоубийством? Прологом к процветанию или назревающей катастрофой? Все эти вопросы просто не имеют смысла, пока мы не определим цели Мира».

Именно эти, «не имеющие смысла» вопросы, от которых уходили правительства Рабина и Переса, перешли по наследству правительству Нетаньяху. Новые люди потребовали новых подходов. Всё громче стали звучать голоса, призывающие точно вымерять глубину дальнейших уступок, то есть определить «конечные» цели. В октябре 1996 года заместитель премьера, министр сельского хозяйства и экологии Р. Эйтан писал: «Убеждён, мы не можем строить свою политику, своё будущее на основе «Осло—1», «Осло—2» и так далее. В то же время я призываю своих товарищей по правительству начать переговоры о постоянном урегулировании с теми же палестинцами. И в этом нет противоречия. Просто я уверен, что нельзя уступать стратегические позиции и раздавать страну по частям раньше, чем мы приступим к переговорам о постоянном урегулировании».

Лично я считаю, что примерно через год, когда мы убедимся в способности палестинской администрации контролировать ситуацию на переданных ей территориях, можно начать переговоры о постоянном урегулировании. Это будет долгий и непростой процесс. Но правительство сильного и независимого Израиля, правительство, имеющее чёткие приоритеты и цели, сможет провести такие переговоры достойно и добиться приемлемых для еврейского народа результатов». Тут, правда, возникал вопрос о результатах, «приемлемых» и для палестинского народа, но, видимо, министр израильского правительства считал, что о них должен заботиться Арафат...

26 декабря 1996 года Нетаньяху собрал так называемый «кабинет безопасности» (самые «главные» министры) и призвал их выработать предложения об окончательном урегулировании палестинской проблемы. Когда я встретусь с Арафатом, заявил премьер, у меня уже

должна быть чёткая позиция. Не знаю, как сработали министры, но точно знаю, что когда Нетаньяху встретился с Арафатом, чёткой, утверждённой правительством позиции у него не было.

С Нетаньяху я обсуждал проблему «конечных» целей 20 января 1997 года. Премьер заявил, что сам он эти цели уже определил, но ещё не предал гласности. «Тут они у меня», — сказал премьер и постучал себя по лбу¹. Исходные (они же — конечные) позиции: (1) палестинская автономия не будет обладать государственным суверенитетом, (2) Иерусалим останется единой и неделимой столицей Израиля, (3) Израиль сохранит за собой «расширенные зоны безопасности». Последнее означало, что Израиль оставит за собой примерно половину Западного берега.

В этот же день и на эту же тему я беседовал с министром абсорбции Ю.Эдельштейном. По его словам, он трижды поднимал проблему «конечных» целей перед премьером. Ибо сначала надо знать цель, а потом определять пути к ней. Эдельштейн вспомнил анекдот. Человек падает с 30-го этажа. Когда он пролетает 20-й этаж, у него спрашивают:

— Как ты там? Как дела?

— Пока в порядке.

Вот и мы сейчас так, сказал министр. «Пролетели» Хеврон. Но не знаем, что будет, когда «подлетим» к Маале-Адумиму (большой пригород Иерусалима; израильтяне считают его нераздельной частью столицы, а палестинцы — поселением, которое должно отойти к автономии. — А.Б.). Иерусалим, поселения, беженцы — по этим трём вопросам необходимо провести специальное заседание правительства.

По поводу палестинского государства Эдельштейн сказал, что при нынешнем правительстве оно не появится, а потом, конечно же, станет «реальностью»². Для меня не важна семантика («суверенное» — «не суверенное»). Важно реальное положение вещей: палестинцы не должны иметь возможность угрожать нам, то есть у них не должно быть армии.

¹ Видимо, Нетаньяху довольно долго хранил «конечные» цели в своей голове. Во всяком случае через несколько месяцев Шаранский, выступая в Америке, заявил, что, по его мнению, у премьера нет продуманной стратегии по вопросу «окончательного» урегулирования. «Мне не думается, — откровенничал Натан, — что у Биби имеется ясное понимание того, каковы конечная задача и цель переговоров с арабами. Если вообще у него, у Биби, есть какое-либо сложившееся мнение по этому вопросу. Может быть, он и беседовал на эту тему с президентом Клинтон, однако, с нами, с министрами, он никогда не разговаривал об этом».

² Примерно так же был давно настроен Г.Киссинджер. «Что касается палестинского государства, — говорил он в 1994 году, — я не могу указать точно сроки его создания. Но идущий сейчас процесс, безусловно, в конечном итоге к этому приведёт. Это произойдёт неизбежно, потому что другие страны станут относиться к автономии как к государству. Палестинцы вступят в ООН в качестве «почти государства», и Израиль ничего не сможет с этим поделать».

28 января был опубликован документ «Национальное согласие в преддверии окончательных переговоров с палестинцами». Бумагу по личной инициативе готовили Й. Бейлин (от Аводы) и М. Эйтан (от Ликуда). Они пытались нащупать какую-то платформу, на которой могли бы сойтись и правительство, и оппозиция. И которая к тому же была бы приемлема для палестинцев. В результате их обругали и справа, и слева. Открестились от них и палестинцы. Последним особенно не понравилось, что вместо Иерусалима в качестве столицы им предлагали большое расположенное рядом с Иерусалимом арабское село Абу-Дис (с переименованием его в Аль-Кудс — так арабы называют Иерусалим).

Несколько позже Нетаньяху выдвинул идею начать переговоры об окончательном урегулировании, минуя, перепрыгивая промежуточные стадии. Эту идею поддержал Вейцман, хотя его смущало, что Арафат не доверяет Нетаньяху и боится, что тот его, попросту говоря, обманет.

К моменту моего отъезда из Израиля правительство не приняло план окончательного урегулирования.

В декабре 1997 года в Москве я встретился с Эдельштейном. Он рассказал, что правительство обсуждало и приняло «карту стратегических интересов Израиля», то есть по существу параметры окончательного урегулирования.

1. Израиль не может согласиться с существованием рядом с ним суверенного палестинского государства. По крайней мере в военно-политической области Израиль сохранит свой контроль.

2. Израиль готов передать палестинцам не более 30-40 % территории Западного берега. Остальная его часть будет находиться под полным контролем Израиля.

3. Поселения сохраняются. Предусматривается возможность их развития «по вертикали» (увеличение числа жителей, строительство новых зданий, но без расширения общей площади). Безопасность поселений обеспечивает армия Израиля.

4. Полное и автоматическое возвращение беженцев не допускается. Проблемы будут решаться строго конкретно, исходя из соображений безопасности и демографического равновесия.

5. Единый и неделимый Иерусалим остаётся столицей Израиля. Израиль гарантирует доступ к святым местам всех конфессий.

У меня такое впечатление, что Нетаньяху так и не рискнул положить «карту стратегических интересов» на стол переговоров. Теперь эта задача стоит перед Баракком. Но пока неизвестно, на какой «карте» остановится его правительство.

.....
Первую половину мая занимались консульскими делами. Поскольку мы продолжали зашиваться с приёмом посетителей, особенно — с «периферии», не успевали оформлять документы, то решили — по

инициативе московского адвоката Юрия Михайловича Розенфельда — открыть своего рода коммерческий филиал. Официально он назывался «Р.Л.М. Интернациональный Информационный Центр Л.Т.Д.». Между собой мы называли его «Рога и копыта».

Идея была простая. Если не хочется стоять в очереди и есть «лишние» деньги, можно обратиться в Центр. И там за дополнительную плату всё сделают. Останется только придти и получить уже оформленные документы. В консульство Центр сдавал то, что причиталось нам по официальным ставкам, а «приварок» оставлял себе.

Возникли разногласия. Носенко был против «Рогов и копыт». Он полагал, что «и так много берём». Что не годится делить клиентов на бедных (стой в очереди) и богатых (иди в «Рога»). Что создаётся источник возможных финансовых махинаций.

Анненков был за. Я после некоторых колебаний поддержал Анненкова. Уж больно надоели очереди. Что же касается возможных махинаций, которые сопутствуют движению денег, то единственная 100-процентная гарантия — закрыть консульство. Или всё делать бесплатно. Поскольку мы не были готовы к радикальным решениям, то приходилось рисковать.

Ещё один пункт разногласий. Обложить ли «Рога и копыта» данью в пользу консульства? То есть — не изымать ли часть «приварка» в нашу пользу? Разумеется, официально, с оформлением всех нужных бумаг. Анненков был за. Но тут я с ним не согласился. Ограничились разовыми даяниями. Кажется, за счёт Центра были куплены парты для школы.

На всякий случай мы написали письмо в Консульскую службу МИДа. Но там благоразумно промолчали.

До 13 октября 1996 года Центр работал в экспериментальном режиме. После этого — на постоянной основе с правом иметь своих представителей в любом населённом пункте Израиля.

Не скажу, что очереди уж очень уменьшились. Но за первый год Центр обслужил около 5 тысяч человек. Они не стояли в очереди.

После моего отъезда Центр был закрыт. Почему — не знаю.

.....
17 мая в «Новостях недели» появилось интервью со мной. Несколько отрывков.

«— В чём, по вашему мнению, причина ухудшения отношений между Россией и Израилем?»

— Слово «ухудшение», пожалуй, слишком сильное, резкое. Как бывший журналист, я привык к более точному языку. «Некоторое охлаждение», скажем так. Главная причина, по-моему, в том, что после восстановления дипломатических отношений обе страны ожидали больше, чем получили. «Неоправдавшаяся экспектация», выражаясь научным языком.

В Иерусалиме, видимо, полагали, что хорошие отношения с Израилем предполагают обязательную поддержку Израиля в спорных, неоднозначных ситуациях, которые могут возникать в ходе мирного процесса, а также заметное свёртывание связей России с Ираном, например, или с Ираком.

В Москве рассчитывали, что израильские власти сумеют понять и принять во внимание роль России как коспонсора, её законные интересы, связанные как с защитой прав российских граждан, так и наличием в Израиле недвижимости, принадлежавшей Советскому Союзу, а ныне — России.

Есть такое уродливое канцелярско-бюрократическое слово «недопонимание». Но тут оно, пожалуй, применимо.

— *Связано ли это с назначением министром иностранных дел России господина Примакова, известного своими проарабскими симпатиями? Во всяком случае, факты говорят и о том, и о другом. Вот их неполный перечень:*

На территории России запрещена деятельность Сохнута.

Господин Примаков отказался принять министра иностранных дел Израиля Эхуда Барака.

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН Россия, как в «лучшие» дореволюционные времена, проголосовала вместе с арабскими странами за антиизраильскую резолюцию.

Из Израиля отозван спецкор Российского телевидения господин Флярковский, старавшийся объективно освещать события, происходящие на Ближнем Востоке.

Как вы, господин посол, прокомментируете эти факты?

— Примаков пришел в МИД, когда указанное выше «недопонимание» уже имело место. Так что «проарабские симпатии» министра тут ни при чём. Да и сами такие «симпатии», если они есть, факт личной жизни Евгения Максимовича, а не фактор, определяющий политическую линию министра иностранных дел России.

Мне, например, евреи более симпатичны, чем арабы. Но став послом, приехав в Израиль, я неоднократно писал своему начальству о том, что интересы России требуют, поворачиваясь в сторону Израиля, предотвратить дальнейшее охлаждение отношений с арабскими странами.

Теперь о «неполном перечне». Кстати, не «фактов», а, скорее, слухов и сплетен.

Деятельность Сохнута не запрещена. Насколько я понимаю, она приостановлена Минюстом России впредь до перерегистрации. Требование перерегистрации относится не только к Сохнуту, но ко всем международным организациям, действующим в России. И часто действующим достаточно вольно.

Один из бывших руководителей Сохнута Б.Гур говорил, что Сохнут «внедрился» в СССР, «вписался в некую нишу», так как была полная неясность относительно того, что разрешено и что запрещено. Так вот теперь ситуация проясняется. Наводится порядок.

Право евреев, как, впрочем, и любых других граждан России, жить там, где они хотят, не ставится под сомнение.

Относительно Э.Барака. Вопрос о его визите в Москву был поставлен тогда, когда календарь Примакова — и календарь очень напряжённый, плотный — был уже составлен. А менять свёрстанный календарь, то есть переносить сроки уже назначенных встреч и визитов, дело довольно громоздкое.

Голосование России определяется её пониманием обстановки. И это понимание может отличаться от израильского (или американского). Было бы странно требовать от России, чтобы она смотрела на мир израильскими глазами.

Господин Флярковский, «старавшийся объективно освещать», ни в коей мере не «отозван». Его отъезд в Москву вполне соответствовал его личным планам. Он скоро вернётся за семьёй, и вы сможете услышать от него самого, почему он уезжает.

— *Ваш шеф, господин Примаков, заявил, что реакция Израиля на действия «Хизбаллы», обстреливавшей северные районы нашей страны, неадекватна. В этой связи хотелось бы спросить — а действия России в Чечне являются адекватной реакцией на провозглашение покойным Дудаевым независимости этой республики, а значит, — её выход из состава РФ? Ведь Грозный и другие населённые пункты Чечни превращены в руины. А сколько мирных жителей республики, в том числе русских, погибло?*

— Ваш вопрос заставляет вспомнить знаменитую трамвайную реплику: «Сам дурак!». Я предпочитаю иной уровень разговора, но для вас сделаю исключение.

Действия России в Чечне можно оценивать по-разному. Да они и оцениваются по-разному в самой России. И если стать на точку зрения морали, то, имея за спиной Чечню, вряд ли уместно осуждать действия Израиля в Ливане. Но, к сожалению, политика (царство сущего) не всегда связывает себя соображениями морали (царство должного).

С другой стороны, сравнение действий России в Чечне и действий Израиля в Ливане юридически некорректно. Россия действует на своей суверенной территории. Израиль же действовал на территории Ливана, на территории, которая даже по израильским правовым критериям является оккупированной.

— *Можно ли вообще говорить об адекватных действиях, когда идёт война? Как это понимать — пуля за пулю, снаряд за снаряд?*

— «Вообще», наверное, нельзя. Но в данном случае, по-моему, можно. Ибо не «вообще» шла война, а Израиль применил военную силу с

целью решить определённую ограниченную задачу. И в данном, повторю, случае вряд ли оправдан неограниченный выбор средств.

Не будем доводить эту простую истину до абсурда. Законы Хаммурапи — око за око, зуб за зуб — здесь неприменимы. Но мне как бывшему судье (и думаю, как любому юристу) хорошо известно понятие «превышение пределов необходимой обороны» («неадекватные действия» — на политическом языке).

Цифры, которые иллюстрируют эти формулы, приводились в израильской печати. Они достаточно красноречивы.

— *Как лично вы, господин посол, уже несколько лет работающий в Израиле, относитесь к операции «Гроздь гнева»?*

— Я убеждён, что Израиль имеет право защищать свою территорию и своих граждан. Но я убеждён и в том, что следует лечить не симптомы, а болезнь. Иначе, как мы видим, не будет мира под оливами.

Кардинальное решение — уход Израиля из Ливана при надёжных гарантиях безопасности.

— *Как отразится на отношениях между нашими странами, которые и так оставляют желать лучшего, тот факт, что визит Примакова на Ближний Восток не дал никаких результатов, что Россия практически отстранена от урегулирования конфликта между Израилем и «Хизбаллой»? А по большому счёту — от урегулирования арабо-израильских отношений?*

— К сожалению, я должен вас огорчить. Именно «по большому счёту» России нельзя отстранить от урегулирования арабо-израильских отношений. Хотя есть политики, которые хотели бы это сделать. И которые, ежели не получается «по большому», готовы, действуя «по малому счёту», наступать нам на мозоли. Недавно в «Гаарец» можно было прочесть, что такой подход свидетельствует о недостатке дипломатического чутья и политической дальновидности.

И если дефицит чутья и дальновидности будет сохраняться, то российско-израильские отношения обречены на застой и деградацию. Такая перспектива не в интересах России. Что же касается интересов Израиля, то об этом вам следует спросить не у меня...

— *Каков ваш прогноз по поводу предстоящих в России выборов? Кто всё же станет следующим президентом России?*

— Мой компьютер определяет вероятность победы Ельцина примерно в 65%...

— *Как вы думаете, если главой государства станет Зюганов, он будет действовать в соответствии с программой РКП или в соответствии со своим предвыборными обещаниями? Ведь между ними дистанция огромного размера.*

— Зюганов не станет главой государства».

Тут я ошибся. Надо было сказать: «Зюганов **никогда** не станет главой государства».

21 мая рано утром прибыл в иерусалимскую больницу «Хадасса» на предмет замены своих коленок искусственными. Накануне на всякий случай написал завещание. Чем чёрт не шутит...

Врачи категорически отсоветовали менять сразу две коленки. Пришлось согласиться. Взяли расписку, что я по доброй воле...

22-го — операция. С 10.00 до 16.00. Колдовал надо мной великолепный хирург Григорий Львович Хаимский. Наркоз «отрубил» только нижнюю половину. Так что слышно было, как кости пилили. «Крепкие кости», — похвалили потом врачи.

Отдельная палата. Вполне уютно. Первые пару дней — очень больно. Кололи что-то обезболивающее. Но 23-го уже, скрипя зубами и оставшимся коленом и опираясь на специальную такую штуку с колёсиками, встал на обе ноги. Каждый день — несколько сеансов упражнений. И хождение по коридору.

В отличие от наших больниц — очень шумно. Медицинский персонал говорит во всю мочь, ходят посетители, горячий обмен мнениями по всем вопросам. Мне объяснили: так лучше для больных, вроде бы и не больница. Возможно...

Постепенно слухи о том, что посол попал в больницу, распространились. Стал получать цветы и записки. Было милое послание от Барака. Сохранился мой ответ.

«Дорогой Эхуд!

Было очень приятно получить от Вас любезную записку.

Я вступил на путь постепенного превращения в человека 21-го века: свои естественные органы заменяю искусственными. Начал с правого колена. Надеюсь, до головы добраться не успею.

Всегда с удовольствием вспоминаю наши встречи — и в Генштабе, и в МИДе. Уверен, что Вы найдёте себя и в «постпересовском» Израиле.

Искренне Ваш, Александр».

Интенсивная послеоперационная терапия — на уровне. Через неделю я уже был весел и почти бодр. Выписали 30 мая.

29 мая поздно вечером прибежала медсестра и радостно сообщила, что на выборах победил Нетаньяху — «молодой еврейский Рейган», как обозначил его американский сенатор Дж.Кэми. Это был мирный политический переворот.

По оценке посольства, главный социальный итог выборов — раскол страны, общества на две части. Неизбежное при этом перетягивание каната будет затруднять положение и политику любого правительства.

Главный политический итог выборов (если не будет большой коалиции, что пока маловероятно, но в принципе не исключается) —

переход власти в руки «национального лагеря». Причина — неспособность значительной части общества переварить, усвоить, понять радикальные перемены в политике, на которые решились Рабин и Перес. Кстати, оба лидера вообще-то понимали это. Но надеялись на знаменитое «авось!». Существенную роль сыграли тут американцы, которые, — исходя из своих интересов, — всё время подталкивали израильское руководство к новым и новым уступкам арабам. В результате лодка Аводы оказалась перегруженной и затонула.

Конечно же, мирный процесс будет продолжаться. В Великобритании, кажется, говорят: «Если правила игры не позволяют выигрывать, то джентльмен меняет правила игры». Вот это и произойдёт. Ликуд изменит правила игры. Нетрудно прогнозировать сложности в отношениях и с арабами, и (в меньшей степени) с американцами.

С точки зрения российско-израильских отношений каких-либо резких движений мы не ожидали. С верхушкой «национального лагеря» у нас контакты были давно налажены.

Теперь — по порядку. Впервые в истории Израиля одновременно с выборами в Кнессет всенародным голосованием избирали премьер-министра. За премьерство боролись Перес и Нетаньяху. За места в Кнессете — 30 партий.

Избирательный марафон начался в феврале. Перес и его сторонники жали на то, что под их руководством Израиль идёт в безопасное и процветающее будущее. Да, сейчас трудно, сейчас террористы, но «через тернии к звёздам», если использовать древнюю мудрость. Нетаньяху и весь «национальный лагерь» тоже говорили о безопасном будущем, но упор делали на то, что они могут обезопасить и настоящее. За мир, но против уступок, против переговоров с террористами. «Никогда не буду встречаться с Арафатом!» — заверил Нетаньяху. Вместе с тем Нетаньяху обещал покончить с «остатками социализма» и создать либеральное общество равных возможностей¹.

Мне казалось, что инерционность избирателей даст — пусть малый, — но перевес Пересу. Я ошибся. С малым перевесом — всего 29 457 голосов (0,9%) победил Нетаньяху.

О настроениях в стране, приведших к смене политических лидеров и ориентиров, можно судить по показаниям очевидцев.

Перечислив основные теракты последних лет, Пинхас Бен-Хаим пишет: «Страшно ехать в автобусе. Страшно гулять в городе с детьми. Страшно покупать продукты в торговом центре. Стра-а-а-шно!» Каждый раз правительство обещает эффективно бороться, но террор продолжается. Попытки тогдашней оппозиции во главе с Биньямином Нетаньяху заявить, что террор является прямым следствием полити-

¹ «Я хочу получить мандат, — заявил Нетаньяху, — чтобы, наконец, ликвидировать пережитки большевизма в нашей стране».

ки односторонних уступок, что Ясир Арафат цинично использует террористические организации, чтобы оказать с их помощью давление на Израиль, объявляются происками «врагов мира». Но большинство еврейского населения страны уже не примет ни такого мира, ни такого «Нового Ближнего Востока». 29 мая премьер-министром страны становится Биньямин Нетаньяху, поставивший в качестве краеугольного камня своей предвыборной программы обещание покончить с волной террора».

Один из лидеров Аводы, бывший посол Израиля в Испании профессор Шломо Бен-Ами: «Мирный процесс может стать доминантной ценностью, так как он приемлем сегодня и для левого, и для правого лагеря. Однако, как выяснилось, мирный процесс в интерпретации Шимона Переса — «Новый Ближний Восток», оказался неприемлемым для большинства еврейских граждан. Кроме этого, Перес, человек очень талантливый и сделавший необычайно много для государства, действовал в определённом общественном вакууме. Он так и не смог уловить глубинные перемены и глубинные настроения в обществе, когда для людей их личная безопасность и равные возможности для самореализации значили больше, нежели открытие очередного посольства в Аммане или Рабате».

Несколько под другим углом зрения видит картину ещё один сторонник Переса Йоси Таль: «Прозападная политика Переса не устояла перед совокупностью суеверий, мистики и религиозных предрассудков. Появившийся в последние предвыборные дни лозунг «Нетаньяху хорош для евреев» выглядел откровенно расистским. Словом, верх одержали иррациональные, незападные силы. Неужели Израиль пошел на Восток?»

Но ставить вопрос именно так — значит умышленно упрощать проблему. Ибо немалое количество проголосовавших за правый блок в действительности исповедует западные ценности. Но для них национальная культура не является пустым звуком. Возьмём француза: он в первую очередь француз, и лишь затем — человек Запада. Так же и американец — сначала американец, и только потом — житель Запада. А может, он, в первую очередь, даже и не просто американец, а афро-американец, испано-американец или... житель Нью-Йорка.

Те, кто голосовал за Нетаньяху, не отвергли западные идеалы. Они отвергли демократию и индивидуальную свободу как конечные цели.

Говоря о мире и процветании, левые не давали ни малейшего намёка — как сохранить израильскую самобытность. Мир, демократия, процветание по Пересу замыкались сами на себя.

А примитивные амулеты и надписи «Хорошо для евреев» ясно давали избирателям понять, что в них видят не граждан Вселенной, а израильтян, евреев».

Наконец, ярый противник Переса, известный обозреватель Зеэв Бар-Селла. Он утверждает, что Израилем руководил не Перес, а та группа «молодёжи» (Бейлин, Бург, Мером, Рамон и другие), которая пряталась за спиной Переса. «Нами правили не партия Авода, не Рабин и не Перес. Нами правила крошечная экстремистская секта, которая сумела задурить головы огромной массе людей и почти добилась успеха на пути к полному захвату власти. Других средств для достижения этой цели, кроме организованной лжи, управляемой прессы, послушного телевидения, покорного радио, запугивания и террора тайных служб, у них не было и быть не могло.

Мы вырвались из чудовищной гибельной ловушки, и это стоило нам крови. Но крови этой должно было пролиться больше, много больше. И от этого нас отделял всего один процент, всего 30 000 голосов.

Мы снова стали нормальными людьми. Нас не раздражают идеологические страсти. Мы живём в стране, где снова существуют нормальные вещи — любовь к родине, совесть, честь, героизм, свобода, демократия, понимание того, что права человека не ограничиваются правами человека арабского... Господи, да теперь только и жить!»

И заключительный аккорд из еженедельника «Секрет» (он вполне на уровне нашего «Совершенно секретно»): «Чемпионат Израиля по комплексному обливанью друг друга помоями и выуживанию из мутной воды голосов избирателей завершён. Два лидера, за спиной одного из которых опыт в политической борьбе, международная поддержка и арабские голоса, а за плечами другого — относительная молодость, надоевший израильтянам террор и антипатия значительной части еврейского населения к первому, шли к финишу ноздря к ноздре. То радовались болельщики первого, а почитатели второго посыпали голову пеплом. То визжали от восторга сподвижники второго, а команда первого сидела мрачнее тучи». Так она и осталась сидеть...

Бессмысленно комментировать эти, да и любые другие высказывания. В каждом из них есть какой-то штришок реальности. А все вместе они дают почувствовать аромат времени, который трудно передать своими словами¹.

В Кнессете Авода получила 34 мандата, а Ликуд — 32. Но вместе с «примкнувшими» правые получили большое преимущество. Кнессет стал более консервативным. В нём господствовал «национальный лагерь»².

¹ «Такова демократия, — меланхолично замечает Дов Конторер. — Судьбы нации решаются в яростном столкновении высоких идей, мелких страстей, прошлогодних обид и детсадовских амбиций. Но лучшего, говорят, ничего пока не придумали. И нам остаётся отстранённо наблюдать эту второсортную драму в прямой телетрансляции. До тех пор, пока нам позволена эта бесценная роскошь отстранённости».

² В Кнессете 14-го созыва 109 евреев, 9 арабов, 1 бедуин и 1 друз. Арабский язык знают 31 депутат. 78 относятся к сабрам, 42 — к эмигрантам. 34 бывших кадровых офицера и 22 юриста. 39 новичков, впервые попавших в парламент (среди них — 8 «русских» и 1 эфиоп). Только 7 женщин. Самый большой депутатский стаж у Переса — его выбрали 11-й раз.

Узнав о результатах выборов, Арафат, как рассказывали, пережил шок. Было создано экстренное заседание палестинского парламента. Там всё-таки выразили надежду, что стратегическая линия израильского правительства останется в силе. По просьбе Арафата арабские страны предприняли массированный нажим на Нетаньяху. Нетаньяху маневрировал, но «линию» не изменил.

Одним из наиболее бросающихся в глаза результатов выборов стало усиление религиозных партий в Кнессете. ШАС (сефардские ортодоксы) прибавила 4 мандата, МАФДАЛ (религиозные сионисты) — 3, Ягуду ха-Тора (ультраортодоксы) — 4. Четверть голосов Кнессета.

И тут же началось то, что называют «шантаж религиозных партий», то есть требование политической платы за поддержку правительства. По максимуму «религиозный фронт» поставил вопрос о принятии специального закона, выводящего ортодоксов («харидим») из-под контроля светской власти. Требовали также, чтобы права реформистского и консервативного течений в иудаизме были резко ограничены. Ортодоксам была нужна монополия.

Горячие бои развернулись вокруг Закона о гиуре, то есть о тех необходимых процедурах, которые надо пройти, чтобы стать евреем.

Русским надо непременно родиться, нельзя стать русским по желанию. Но евреем можно стать, приняв иудаизм. Если, скажем, проходят гиюр, то есть принимают иудаизм негр или китаец, они — с точки зрения еврейского религиозного закона — становятся 100-процентными, настоящими евреями. Иными словами, или еврейская мама (именно мама, не папа) — или гиюр. Таковы два равнозначных пути появления евреев. Первый — по судьбе. Второй — по выбору.

В 1948 году в Израиле (по приказу министра внутренних дел) каждый иммигрант, заявивший, что он — еврей, признавался евреем. Религиозники подняли бунт. Бен-Гурион запросил мнение 50-ти раввинов и интеллектуалов, «мудрецов Израиля». 82% «мудрецов» поддерживали ортодоксальный подход. С 1949 года евреем считается тот, у кого мать еврейка, или кто прошёл обращение в иудаизм (гиюр) по нормам Галахи. В феврале 1950 года Кнессет, несмотря на отчаянное сопротивление «секуляристов», принял соответствующую поправку к Закону о возвращении.

Однако существуют разные гиюры. Есть традиционный, ортодоксальный гиюр. Он весьма сложен, строг и сопровождается, как говорят знающие люди, унижительными процедурами проверки. Есть гиюр реформистский (или консервативный). Он приспособлен к современности и применяются во многих странах. Естественно, что десятки тысяч репатриантов, которые вынуждены для облегчения жизни в Израиле обращаться в иудаизм, предпочли бы реформистский или консервативный каноны. Но не тут-то было. Приятнее затруднять людям жизнь, чем облегчать её.

Под давлением религиозных партий Кнессет в апреле 1997 года (51 депутат против 32) проголосовал за Закон о гиоре, который провозгласил монополию ортодоксального гиора. Как писал журналист Аркан Карив, право решать, кого причислять к еврейскому народу, а кого — нет, получили «средневековые мракобесы»¹.

Сообщалось, что в первые полгода существования правительства Нетаньяху количество учащихся в иешивах (религиозных школах) для вновь обращённых выросло на 30%. Заговорили о «неотвратимой харедизации всей страны». В Израиле сегодня, пишет другой не менее известный журналист Лев Авенайс, «просто неприлично быть атеистом. То есть можно называть себя светским, но большинство норовят называть себя соблюдающими традиции, подразумевая под традицией поедание мацы на Песах... А уж в глубочайшем уважении к Торе и к вере еврей просто обязан распинаться. Вот принято считать ТАНАХ величайшей книгой в истории человечества, и все евреи, как на прокатённого, на тебя посмотрят, если ты вдруг скажешь, что книга Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» более интересна и не менее гениальна. Так сказать, это всё равно, что громко пукнуть на концерте, посвящённом 60-летию израильского филармонического оркестра».

Правда, досужие журналисты вспомнили Чичикова. 30% получают потому, что размеры финансирования зависят от числа учеников. Больше учеников — больше денег. Дальнейшее понятно...

В конце 1997 года ортодоксальные евреи создали комитет «Генеалогия Израиля». Его задача — изучив соответствующие документы, составить список «100-процентных» евреев. Под прицелом — опять же репатрианты последней волны, которые «портят» чистоту еврейства в Израиле. Хотелось бы надеяться, что новое правительство будет меньше заниматься генеалогией, а больше реальными проблемами реальной жизни. Говоря это, я понимаю, что вмешиваюсь во внутренние дела Израиля. Но теперь я не посол...

Баталии вокруг того, кто же всё-таки «настоящий» еврей, ведутся параллельно с не менее интересными, но гораздо менее «галахическими» дискуссиями о различии и сходстве между евреями и израильтянами. Вопрос подчас ставится в очень драматичной форме.

Уже пугавший евреев (и израильтян) Пинхас Бен-Хаим пугает, ссылаясь на других «пугателей», снова: «В последнее время нас часто, может быть, чаще, чем нужно, пугали возможной «гражданской войной». Но на самом деле такая война была объявлена ещё до провозглашения Государства Израиль, и конца ей не предвидится. Я говорю

¹ См. дополнение 12.

о войне между «евреями» и «израильтянами». Войне, в которой в той или иной форме принимает участие почти всё население страны. И каждый, кто вступает на эту землю, почти сразу же должен сделать выбор, какому из воюющих лагерей он принадлежит.

Именно по этой черте — «еврей» или «израильтянин» — проходит сегодня линия раскола общества, а не по принадлежности к «левым» или «правым», религиозным или нерелигиозным. Потому что «евреи» и «израильтяне» есть внутри каждой группы населения и внутри каждой партии. И кто есть кто в этой войне понимаешь не сразу.

Про Ицхака Рабина сейчас принято говорить, что он пал на «войне за мир». На самом деле он стал ещё одной жертвой еврейско-израильской войны. Он стал её жертвой, потому что всю свою жизнь пытался примирить в самом себе эти два начала, два голоса, и ушёл, унеся с собой это мучительное раздвоение души.

Видимо, всё-таки краски тут сгущены. «Снаружи» трудно судить, есть ли «война», но проблема действительно есть. Есть даже книга Йоси Мельмана «Новый израильтянин», где доказывается, что никакого типичного израильтянина просто не существует, существует множество разных типов израильтян.

Книга Мельмана вышла в 1997 году. А за четверть века до неё писатель Амос Алон представил другую книгу «Израильтянин: отцы-основатели и их сыновья». Сыновья как раз и были израильтянами, «колоритными личностями с внешностью любознательного подростка, в шортах цвета хаки и сандалиях на босу ногу». Их характеризовала «смесь детской наивности и хитрости, безыскусности и неконтролируемой силы». В отличие от отцов-основателей сабру не интересует прошлое и будущее, он живёт настоящим. «Продолжительные и частые военные сборы, — писал Алон, — создали поколение молодых людей, известных своей жёсткостью, категоричностью, немногословностью». Так сказать, новая формация «нормальных», нерефлектирующих евреев.

Я уже застал сыновей и внуков тех израильтян, о которых рассказывал Алон. Категоричных, но многословных. Хитрых, но не наивных. И задумывающихся над прошлым и будущим.

В газете «Маарив» была рубрика «Кто такой израильтянин?». Её вёл Цви Гилат. Вот его мнение: «Мне кажется, что типичного израильтянина наших дней можно определить как человека, мучительно задающегося вопросом, кто такой типичный израильтянин. То, что объединяло раньше жителей страны, сегодня уже не работает. Хотя внешние опасности, необходимость дальнейшего строительства государства, проблемы выживания во враждебном окружении по-прежнему являются сплачивающим фактором, но сила их воздействия заметно ослабла».

Мордехая Вишувского, либерала, «левого», давно живущего в Израиле, попросили найти общую черту, которая объединяла бы коренных израильтян. «Есть много черт, — ответил Вишувский. — Европейец ведёт себя в Риме, как римлянин, ему не придёт в голову наводить свои порядки в чужой стране. А израильтянин не считается ни с какими условностями. Он всюду ведёт себя так, как хочет, как привык. Вообще евреям присуща определённая наглость. Неумение считаться с другими. — Евреям или израильтянам? — Евреям. А израильтянам — в превосходной степени. Ведь они добились много такого, чего евреи добиться не могли. Израильтянину кажется, что он — пуп Вселенной».

Мне не везло. Как-то не приходилось встречаться с «пупами». Может быть, для этого следовало бы отправиться в Рим или в Париж. Думаю, что левый либерал немножко шутит. Вообще у евреев (и у израильтян) насчёт юмора всё в порядке. И как раз вопрос «что же такое израильтянин?» может стать темой специального фестиваля юмора и сатиры. Из сотен определений предложу некоторые.

Израильтянин — это:

— водитель, который включает сигнал правого поворота и едет налево;

— человек, выбрасывающий окурки на шоссе из окна автомобиля и тут же жалующийся, что за границей дороги гораздо чище, чем в Израиле;

— человек, который звонит по сотовому телефону жене, находящейся в соседней комнате, и просит её принести семечки;

— человек, который вместо того, чтобы искать решение, всегда ищет виновных;

— человек, который способен на всё, лишь бы отвертеться от военных сборов, и который сделает всё на свете, чтобы попасть в армию во время войны;

— человек, который знает ответ ещё до того, как услышит вопрос;

— человек, который опаздывает на все встречи, а потом говорит: «А я тут при чём, это всё пробки на дорогах»;

— человек, который утром мчит на работу, чтобы там отдохнуть;

— человек, который ругает религиозных, но постится в Йом Кипур и посылает детей в религиозную школу;

— человек, который ищет самое лучшее обслуживание по самой низкой цене и удивляется, что ему достался такой кошмар;

— человек, который живёт в Израиле, любит посидеть в хорошем ресторане, приготовить мясо на огне для своих друзей и гордится своей страной;

— человек, который за месяц придумывает проект и возится с ним четыре года, вместо того, чтобы четыре года думать, а потом всё быстро сделать;

— человек, который чешет яйца, когда стоит возле картин Ван Гога в Лувре;

— человек, который в любом ресторане скажет: «А моя мама готовит лучше!».

В 1994 году институт «Дахав» и газета «Едиот ахронот» провели опрос на тему «типичный израильтянин». Первый вопрос был о «наиболее типичной черте». Ответы расположились так:

21% — наглость,

18% — грубость,

10% — нервозность, нетерпеливость,

8% — крикливость,

6% — чванство,

6% — страсть к семечкам.

Из положительных свойств отметили дружелюбие (8%) и патриотизм (6%).

В целом минусы выделили 72% респондентов, а плюсы — 20%.

На мой взгляд, израильтяне (евреи в Израиле) склонны к мазохизму, к преувеличению своих минусов. По моим наблюдениям, на первом месте стоят прежде всего — патриотизм, любовь к своей стране, к своей истории и культуре. С чванством я вообще не сталкивался. Крикливость (+ махание руками) и нетерпеливость, по-моему, встречаются чаще, чем наглость и грубость.

Но вернёмся к групповому портрету. 30% израильтян за год, предшествующий опросу, не прочитали ни одной книги. 55% ни разу не были в кино, 79% — в театре. Большую часть свободного времени типичный израильтянин проводит у телевизора. Вот тут я склонен согласиться. Средний, типичный израильтянин, если брать наши российские мерки (наверное, теперь надо уточнить — прошлые мерки), действительно не отягощён культурой и отнюдь не страдает от этого.

Разумеется, психология израильтянина заслуживает более глубокого анализа. Но это — дело научных трактатов, а не беглых и поэтому неизбежно поверхностных заметок.

.....
Культура в мае. Театр на Таганке в составе Высоцкого (младшего), Золотухина и Смехова. Так сказать, Таганка на троих. — МХАТ. «Тойбеле и демоны» Зингера. Плохой перевод, пропадает идишский, шолом-алейхемский смак. — Ещё МХАТ. «Чайка». Беда, что школа отвратила меня от чеховских пьес. — Валлонский королевский балет. «Ромео и Джульетта». С большой добавкой «Вест-сайт стори». — Выставка пражских художников. Без Праги.

ИЮНЬ-96

*Суэта вокруг выборов президента России —
— Нетаньяху формирует правительство —
«Принципы Нетаньяху» — Операция Энтеббе*

До 20 июня я пребывал в Савьоне. Разрабатывал колено. Но практически уже занимался делами. В июне главных дел было два. **Выборы президента России. И формирование правительства Израиля.** Первым занимался непосредственно. За вторым наблюдал и комментировал.

Подготовка к 1-му туру выборов шла более-менее спокойно. Я подключился к ней ещё в апреле, когда отправил письма Черняеву и Лукину.

Письмо Черняеву: «Вчера посмотрел по ТВ Горбачёва. Грустно.

Неужели М.С. не понимает, что ничего, кроме стыдобаща, из его участия в выборах не выйдет? Не будут за него голосовать. И результат ударит по нему же, даст дополнительные аргументы его недоброжелателям.

Мне даже неловко как-то развёртывать систему доказательств — настолько ситуация представляется аксиоматической. Неужели ты ничего не понимаешь?

Или Ельцин — или Зюганов. Никакая «третья сила» в нынешних условиях ничего не даст. Вернее, даст только минусы. Ибо такие фигуры, как Горбачёв, Явлинский и т. п. будут лишь оттягивать голоса у Ельцина, облегчая тем самым путь Зюганову. Молодец Гайдар — у мужика хватило здравого смысла и мужества наступить на горло собственной песне.

Лучшее, что может сейчас сделать М.С. для России (для России!), — снять свою кандидатуру и посоветовать «трудящимся» голосовать за Ельцина. Очень трудное решение! Но единственное, достойное политика такого калибра, как Горбачёв. Он уже прочно стоит в истории и «памятник себе воздвиг нерукотворный».

А ежели ты на его стороне, тогда, пожалуйста, прочти ему это письмо».

Черняев был со мной согласен. Но М.С. упёрся, и ни в какую. «...Потопил себя в пошлости политической суеты», — констатировал Черняев.

Письмо Лукину: «Возможно, длительное пребывание на Земле Обетованной вредно отразилось на моих умственных способностях. Но я не могу понять, какого чёрта вы — демократы, либералы, реформисты и т.п., и т.д. — делаете всё, чтобы угробить Россию.

Неужели кто-то всерьёз может думать, что, например, Явлинский или, скажем, Горбачёв пробьются в президенты? Реально они могут сделать только одно — ослабить позиции Ельцина и, значит, усилить позиции Зюганова. Ни для какой «третьей силы» в России сегодня места нет. Или — или. Безумно и губительно тащить к власти «коммунистов». А ведь объективно вы делаете именно это. «Эх, яблочко..!»

Конечно же, Ельцин очень уязвим для критики. Но замены ему пока нет. Пока только он может перекрыть пути для зюгановцев и иже с ними. И надо наступить на горло собственной песне, надо унять амбиции. Хотя бы из чувства самосохранения.

Наверное есть люди умнее, симпатичнее, моложе, культурнее Ельцина, но все они пока не дотягивают до России. Не случайно мундир князя Горчакова оказался великоват для Козырева. Всякие аналогии условны, но всё же...

Иногда говорят, вот во втором туре поддержим Ельцина. А если не будет второго тура? А если раздробление незюгановского электората выведет Ельцина из игры? Не стоит — ради уж не знаю чего — рисковать.

Понимаю, что получилось сумбурно, да Бог с ним — всё равно зря пишу».

Лукин со мной не согласился.

И ещё написал статью в «Известия» — единственную за все посольские годы. Доказывал, что, несмотря на все минусы Ельцина, другого подходящего кандидата нет.

6 июня опубликовали в израильских газетах пресс-релиз:

«16 июня 1996 года состоятся выборы Президента РФ. Центральная избирательная комиссия зарегистрировала 11 кандидатов для участия в выборах: Брынцалов В.А., Власов Ю.П., Горбачёв М.С., Ельцин Б.Н., Жириновский В.В., Зюганов Г.А., Лебедь А.И., Тулеев А.М., Фёдоров С.Н., Шаккум М.Л., Явлинский Г.А.

На основании «Федерального закона о выборах Президента России» все российские граждане, проживающие или находящиеся в период проведения выборов за пределами территории Российской Федерации и достигшие на день выборов 18 лет, обладают правом участвовать в выборах.

Посольство РФ в Израиле, отвечая на многочисленные обращения российских граждан, находящихся в Израиле, сообщает, что для проведения выборов в Израиле образованы 5 избирательных участков (далее шли адреса и телефоны). При этом разъясняется, что в соот-

ветствии с российским законодательством и нормативными актами российскими гражданами, временно или постоянно проживающими в Израиле, признаются те, кто имеют паспорта, в которых зафиксировано гражданство России, либо выехали в Израиль на ПМЖ с территории России после 6 февраля 1992 года с советским паспортом, но не встали на учёт в консульском отделе.

Избирательные пункты в день выборов будут открыты с 10.00 до 22.00».

На учёте состояли примерно 36 тысяч человек. 16 июня в голосовании приняли участие 5808 избирателей. Результаты (первая цифра — в Израиле, вторая — в 146 странах зарубежья, третья — в России):

Ельцин: 82,3 — 41 — 35,6%,

Зюганов: 2,8 — 26,4 — 31,9%,

Явлинский: 10,2 — 6,8 — 7,5%,

Лебедь: 2,5 — 16,7 — 14,7%.

Вот такая арифметика. Политический уровень избирателей на высоте!

Начали готовиться ко второму туру. И тут в Москве как с ума посходили. Почему так мало народу голосует!? Звонки. Окрики. К нам едет «доверенное лицо» президента в лице Юлия Гусмана. Вывели меня из терпения.

Сообщаю в МИД, что раздающиеся из Москвы телефонные звонки и понукания производят странное впечатление. Можно подумать, что в МИДе есть люди, которые всерьёз полагают, будто судьба Ельцина (и России) будет решаться в Израиле. Если такие люди есть, то должен их успокоить: Ельцина выберет президентом Россия.

И ещё одно. Поднятая суeta получает, к сожалению, огласку. Приезжает Гусман, который, по слухам, будет давать инструктажи. Гражданам Израиля выдаются удостоверения «уполномоченных по выборам». Не трудно понять, что всё это вызывает здесь иронические ухмылки (Россия выгнала евреев, а теперь гоняется за ними).

Не могу не вспомнить о том, как прибывший в Израиль представитель г-на Сосковца пытался убедить нас принять в российское гражданство одним махом сто тысяч человек, да плюс к этому рекомендовал провести выборы 29 мая (в один день с израильянами), поставив наши урны в каждом израильском избирательном участке. Вот такая «забота» о президенте!

Первый тур прошёл у нас чётко и организованно. Были небольшие очереди, но они быстро рассасывались. Лимитирует малое количество работников (даже с жёнами). А привлечь местный «актив» не хотим, так как неизбежна путаница с паспортами. Думаю и второй тур пройдёт нормально. И ради Бога, просил я, не звоните ночью после выборов, не нервнируйте людей. Кому нужна гонка? Аккуратно всё посчитаем и сообщим.

Гусман действительно прилетел. От «штаба Филатова». Создал Общественный комитет по переизбранию на второй срок президента России Бориса Ельцина. Во главе комитета поставил Григория Лернера. Предложил открыть ещё 5 участков и проводить выборы три дня. Предложения эти мы отвергли, как нереалистические. Но агитировал он здорово: выступал по радио, давал интервью. Агитировали и местные «кадры». Цитирую Зезва Машникова из газеты «24 часа»: «...на карту поставлено очень многое. Не только будущее России. И не только будущее евреев России, наших с вами родственников, друзей, соплеменников. Но, как ни странно и ни страшно, и будущее Израиля. Ибо в случае поражения снова начнётся накачивание наших арабских соседей российским оружием. И не только судьба Израиля, но и судьба всего мира.

Я ничего не имею против коммунизма как интеллектуальной социальной идеи. Но «реальный коммунизм» в воплощении Зюганова, Анпилова и Макашова чреват трагедией для всей планеты. И не говорите, что нам, евреям, нет дела до «гойских» разборок. Слишком мала наша планета. Слишком общей стала наша судьба.

Если вы можете что-то сделать, чтобы у России была по крайней мере надежда на лучшее будущее, сделайте это».

На избирательные участки 3 июля пришли 7096 человек (1288 избирателей будем считать «гусмановской добавкой»). Результаты (по прежней схеме):

Ельцин: 95,8 — 62,4 — 53,8%,

Зюганов: 2,8 — 31,2 — 40,3%.

Как видно, авторитет Ельцина падает по мере приближения к России, а авторитет Зюганова растёт. Это объяснимо, но всё равно — обидно. За наш «электорат».

В нарушение всех правил и вопреки бухгалтеру выдал Ю.В.Котову, который руководил организацией выборов, премию 500 долларов. Вопреки, — потому что он был не из МИДа, и премия ему не полагалась.

Пока мы решали судьбы России, в Израиле в надковёрных и подковёрных схватках формировалось правительство. Я пережил эту процедуру два, точнее, полтора раза: правительство Рабина и правительство Переса. Но нынешние страсти были накалены гораздо сильнее. Тут сказались два фактора. Объективный: много желающих на малое количество кресел. И субъективный: склонность Нетаньяху к разыгрыванию сложнейших комбинаций, в которых он начинал путаться сам.

Для начала маленькая зарисовка Аркадия Хаенко из газеты «Время»: «Если бы потребовалось изобразить в аллегорической форме то, что происходит на сцене израильского политического театра, я бы мысленно нырнул в глухие доисторические времена. Вообразите низ-

кие каменные своды пещеры, под коими полыхает жаркий костёр, а вокруг него — наших косматых узколобых предков, отмечающих недавнюю победу над громадным клыкастым хищником.

Ещё совсем недавно они плечом к плечу сражались со свирепым противником, но сейчас, наспех зализав раны и натанцевавшись вокруг костра, приступили к дележу туши и шкуры поверженного исполина. Бывшее равенство разом позабыто. Лучший кусок уже утащил в угол свирепый вожак, а все прочие скалят зубы на бывших соратников и норовят урвать долю пожирнее». Грубовато, конечно, но суть схвачена верно.

Премьеру даётся 45 дней на формирование правительства. Нетаньяху решил сделать это за две с половиной недели, чтобы представить правительство 17 июня, на первом заседании Кнессета 14-го созыва. Так что он торопился и нередко шёл напролом, обижая многих из тех, кто помогал ему пробиться во власть.

Поначалу Нетаньяху явно хотел избежать включения в правительство независимо мыслящих, способных противостоять ему людей. Отсюда — долгое хождение вокруг Шарона, Эйтана, Меридора, Бегина. В конце концов курс на «йесменов» провалился. Но зигзаги премьера, несомненно, оставили тяжёлый след у «принцев Ликуда».

Особенно много кручения было вокруг Шарона. Ни на один пост первого разряда Нетаньяху не рискнул взять строптивого генерала. Специально для него планировалось создание министерства «национальных ресурсов и инфраструктуры» (водное хозяйство, порты, аэропорты, железные дороги, автостреды, электростанции, нефтепереработка и что-то ещё). Но поскольку другие министры сопротивлялись их «раскулачиванию» в пользу Шарона, к 17 июня вопрос не был решён.

К присяге было представлено правительство без двух министров (так как Д.Леви в знак солидарности с Шароном покинул зал Кнессета). Политические старожилы не помнили такого. «Беспрецедентный скандал», «постыдный балаган» — это не самые хлёсткие из появившихся характеристик ситуации.

Через несколько часов Леви одумался. Но его отношения с Нетаньяху, которые на протяжении последних лет были откровенно враждебными (порой они даже не разговаривали друг с другом), вряд ли эволюционировали в лучшую сторону. Шарон, который уговорил Леви «помириться» с премьером и обеспечил ему место министра иностранных дел, был шокирован тем, с какой скоростью Леви сменил флаг солидарности на белый флаг.

Дело дошло до того («чистый сюрреализм», заметил кто-то из грамотных журналистов), что 9 парламентариев из Ликуда, обидевшись на столь вольное обращение Нетаньяху с коллегами по партии, собрались в тот же день свалить правительство (при соотношении 62:50 девять голосов могли бы решить эту задачу). Говорили, что «мятежников» образумил всё тот же Шарон — реалист без «сюра».

В результате ликудовско (сам Нетаньяху)-гешеровско (Леви)-цометовское (Эйтан) ядро правительства (10 министров, включая потенциального Шарона) оказалось с первого дня перенапряжено столкновениями амбиций. В разной мере, но обижены и коалиционные маргиналы. ШАСу не дали «всю» религию. Ягуду ха-Тора получила только зама. Щаранского не пропустили в министерство строительства. Пожалуй, довольны были трое: И.Мордехай (оборона), А.Кахалани (внутренняя безопасность) и Я.Неэман (юстиция). Всё это таило внутриправительственные дразги, ультиматумы, хлопанье дверьми и прочие прелести.

Острая борьба шла вокруг должности председателя Кнессета. Суетились «проигравшие победители» — так называют тех, кому что-то обещали, но оставили не у дел. «Мне всадили нож в спину», «Биби оставляет раненых на поле боя», «из нас хотят сделать марионеток» — фразы обиженных претендентов.

По своему уровню и менталитету новые составы правительства и Кнессета были более точным слепком с израильского общества, чем предыдущие. Меньше интеллигентности, тонкости, «ашкеназийства» — больше простоты, грубоватости, расстёгнутых воротов, больше разнообразия и шума. Я писал тогда, что если Нетаньяху обладает качествами недюжинного лидера, он сможет утихомирить страсти и использовать разнообразие для формирования единой, но богато нюансированной политической линии. Этого не случилось.

Сам состав правительства был довольно стандартным для Израиля. Новичками были министры от «русской» партии — Натан Щаранский (министр промышленности и торговли) и Юлий Эдельштейн (министр абсорбции)¹. Остальные министры в той или иной степени уже были обкатаны в политике.

¹ Вокруг Юлия Эдельштейна бдительные израильтяне пытались раскрутить скандал: «Куда нас несёт?! Мать израильского министра крестилась, а отец и вовсе — православный священник». Так оно и есть. Георгий Эдельштейн, отец Юлия, имеет приход в деревне Карбаново недалеко от Костромы. Пришлось Юлию доказывать, что он — не верблюд. По этому поводу Ривка Рабинович писала: «Сама сенсационная шумиха, поднятая вокруг оставшихся в России родных Юлия Эдельштейна, и особенно «открытия», что отец министра абсорбции является православным священником, рисует в неприглядном свете израильское общество и израильскую прессу. Мы привыкли к националистической атмосфере, царящей в стране и противоречащей столь расхваливаемой демократии, но такие эпизоды вдруг заставляют останавливаться и спрашивать себя: постойте, постойте, что же это делается? Где я нахожусь? В демократическом государстве или в фантастической Океании, описанной Оруэллом в его знаменитом романе «1984»? А может быть, на моей «доисторической», с её пресловутым «пятым пунктом» и анкетами с вопросами типа «чем занимались ваши родители»?». Оправдываясь, доказывая, что он еврей по Галахе, Эдельштейн, считает Р.Рабинович, косвенно оправдывает атмосферу «ловли ведьм», существующую в Израиле. Впрочем, «трудно плыть против течения, если оно такое мутное и если есть, что терять»...

Гораздо более нестандартной выглядела «команда» Нетаньяху, то есть группа его ближайших советников (есть такое сленговое словечко «клозен» от «каров ле озен» — «близкие к уху»). Во главе своей канцелярии Нетаньяху поставил Авиغدора Либермана, «молдаванина», человека очень организованным и умеющего доводить дело до конца. Блестящим «кадром», на мой взгляд, был адвокат Ицхак Молхо, вытащивший соглашение по Хеврону («Осло—3»). Готовый министр иностранных дел. Но его, кажется, это не интересовало. Хорошее впечатление образованных, интеллигентных людей производили Дори Голд и Дани Наве. «Русскими» делами занимался Зеэв Гейзел (из Мариуполя, математик и программист), умница, хотя и слишком ликудник. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что Нетаньяху не смог выжать из своей команды всё, на что она была способна.

Программу нового правительства, если иметь в виду мирный процесс, можно было резюмировать в нескольких положениях (их иногда называли «принципы Нетаньяху»).

1. Мы готовы выполнять обязательства, взятые предыдущим правительством. Но не сразу, не торопясь, а подумав и взвесив.

2. Мы будем продолжать мирный процесс по всем направлениям. Но (см. п. 1).

3. Главный принцип любых переговоров — безопасность. Без безопасности нет мира.

Это, так сказать, методология. Далее следует краткая спецификация.

4. Мы готовы в ближайшее время возобновить переговоры с руководством ПНА и продолжить переговоры по окончательному урегулированию. Но только при условии полного прекращения террора. Либо мир — либо террор. Кстати, первая встреча Молхо и Голда с Арафатом состоялась, кажется, 27 июня. Бени Бегин на заседании правительства метал молнии...

5. Мы не уходим от проблемы Хеврона. Но конкретная модель решения будет дана после детального изучения всех аспектов проблемы.

6. Мы готовы хоть сегодня начать переговоры с Сирией и Ливаном. Но наше условие — никаких предварительных условий.

Содержательная часть сводилась к известным тезисам Ликуда: автономия не будет трансформирована в государство, Иерусалим останется неделимой столицей Израиля, автономия совместима с развитием поселений, Голаны останутся у Израиля.

.....

Двадцать лет назад, 27 июня 1976 года террористы (они называли себя «батальон Газы», хотя в группе были два немца) захватили самолёт, следовавший рейсом № 239 Тель-Авив — Афины — Париж. Пошёл отсчёт времени, который закончился знаменитой «операцией Энтеббе».

По требованию террористов самолёт приземлился в аэропорту Энтеббе (Уганда). Условия террористов: освободить 53 террориста, находившихся в тюрьмах Израиля (40), ФРГ (6), Кении (5) и по одному в Швейцарии и во Франции. Тогда будут освобождены и 250 пассажиров, а также 12 членов экипажа.

30 июня становится известно, что террористы отделили заложников-евреев от остальных пассажиров.

1 июля все заложники-неевреи освобождены и отправлены в Париж. В Энтеббе — только 106 евреев и члены экипажа, отказавшиеся покинуть своих пассажиров. Срок ультиматума истекает в воскресенье 4 июля.

3 июля в 15.30 израильские самолёты с десантниками на борту берут курс на Энтеббе. Вечером в этот же день «операция Энтеббе» была завершена, заложники освобождены.

4 июля в 11.00 самолёт с пассажирами приземлился в Тель-Авиве.

Операция заняла 55 минут. Командовал бригадный генерал Дан Шомрон. В ходе операции погиб командир ударного отряда подполковник Йонатан Нетаньяху (родной брат премьер-министра) и трое заложников. Были уничтожены все террористы (7 человек), несколько десятков угандийских солдат и военно-воздушный флот Уганды (советские МИГи), чтобы не могли преследовать.

.....
Культура в июне. Пушкинский вечер в Савьоне. Устроила Лена Петровна. — «Вертер» местного исполнения. Почему-то ходил босиком. — Открытие «Русского музея» в Рамат-Гане. Превосходная «коллекция Цейтлина». — В Лодде археологи раскопали чудную, хорошо сохранившуюся мозаику IV века. Возникает вопрос: что такое прогресс в искусстве?

ИЮЛЬ-96

*«Ливан сначала» — Почему Юлик Кошаровский
не сменил Ализу Шенар — Гастроли и гастролёры*

Июль начался с одного из самых радостных событий за последние десятилетия моей жизни — собрал свои брюки и отдал их на ушивание. Поскольку истребил себя уже на 30 килограмм!

Другие события, относящиеся к дипломатической сфере, не очень радовали, но хорошо, что хоть не очень и огорчали.

9 июля новый министр иностранных дел Д.Леви собрал всех послов и «пробрифинговал» (прошу прощения!) их.

Внешняя политика Израиля опирается на два принципа: мир и безопасность. Упор — на безопасность. «Израильский народ больше не станет терпеть, чтобы его кровь проливалась во имя мира, так как нет и не может быть «жертв мира».

Главное внимание Леви уделил арабским странам. Выразил надежду, что «тучи, омрачающие израильско-египетские отношения», рассеются. Высоко оценил нормализацию отношений с Иорданией, Марокко, Тунисом и Мавританией. Призвал Сирию к переговорам «без предварительных условий». Сказал, что Израиль хочет видеть Ливан «суверенным и единым» и что войска Израиля будут выведены, как только отпадёт угроза северным районам страны.

Из неарабских стран Леви упомянул только Россию. Сказал, что в последнее время в израильско-российских отношениях произошёл «значительный спад». И новое правительство считает своей задачей не просто восстановить прежний уровень, но продвинуться дальше.

Ни США, ни Европа обозначены не были.

Не совсем обычная география, предложенная министром, вызвала оживление среди послов. Но, как показали дальнейшие события, эта география никак не отразилась на политике.

.....
Гораздо интереснее был состоявшийся в Тель-Авивском университете симпозиум на тему: «Начало нового этапа мирного процесса». Позиции выглядели так:

С.Арикат (ПНА). Правительство Израиля должно перейти к «реальному, равному партнёрству» с палестинцами. Да, у нас есть силы,

которые против переговоров. Но растёт новое поколение. Мальчишки, которые в годы интифады швыряли камни, теперь вместе с израильскими солдатами ходят в патрулях. Политика репрессий, закрытие территорий не только бьёт по экономике, но унижает палестинцев, усиливает радикализм, препятствует демократизации палестинского общества. Сразу же после выборов мы пригласили Нетаньяху для обсуждения накопившихся проблем. Но он отклонил наше приглашение.

Й.Ольмерт (Израиль). Мы — за полную взаимность. Каждая сторона должна выполнять свои обязательства. Пока мы этого не видим. Террор продолжается. Закрытие территорий — не наказание, а мера безопасности.

Арабы искажают смысл Мадрида. В мадридских документах нет принципа «земля в обмен на мир». Мы готовы говорить с Сирией и о Голанах, но без всяких предварительных условий.

О.Рифаи (Иордания). Мы не хотим обсуждать сейчас планы «Транспалестины» или «Трансиордании». Для этого не пришло время. Когда палестинцы обретут независимость, они сами демократическим путём решат эту проблему.

М.Басьюни (Египет). Без территориальных уступок мир невозможен. Модель нового этапа мирного процесса можно представить в виде треугольника: его основание — «земля» (территориальные уступки), а две другие стороны — «мир» и «безопасность». Арабы за это триединство, но именно в таком порядке.

Народы Ближнего Востока только начинают постигать значение мира для региона. И перерыв в переговорах отбросит общественное мнение далеко назад.

Конечная цель мирного процесса — создание новой стратегической модели Ближнего Востока. Переход от американской концепции «стратегического защитного зонтика» к региональному «зонтику мира».

М.Инди́к (США). Да, «земля» — основа мирного процесса, как это предусмотрено в резолюциях 242 и 338. Но развитие событий выдвинуло на передний план другую сторону треугольника — безопасность. В этом суть израильских проблем, и США, как коспонсор, не могут не учитывать позицию Нетаньяху.

Нетаньяху решил попробовать сдвинуть дело на сирийско-ливанском направлении. Он пытается как-то разделить две проблемы — сирийскую и ливанскую. Но трудно представить, как можно обойти Голаны.

В общем, несмотря на некоторую академическую позитивность атмосферы, симпозиум показал, что найти устойчивое, равновесное соотношение указанного Басьюни треугольника пока не удаётся.

.....

Не проросла и идея Нетаньяху, получившая наименование «Ливан сначала». Суть идеи была проста — убедить ливанцев пойти на соглашение с Израилем. Суть соглашения тоже проста — Ливан гарантирует безопасность северной границы Израиля, Израиль выводит свои войска из Ливана.

Я обсуждал эту идею с Бенцуром. Выразил большие сомнения. Поскольку «сначала» всё-таки не Ливан, а Сирия, протекторатом которой фактически является Ливан.

Ливан — маленькая (по территории меньше Московской области в 4,5 раза), удивительная и несчастная страна. Франция отпустила Ливан на свободу в 1943 году. К тому времени в Ливане было полтора десятка религиозных общин, христианских и мусульманских. Они договорились поделить государственную власть по конфессиональному принципу. Президентом мог быть только христианин-маронит, премьером — только мусульманин-суннит, председателем парламента — мусульманин-шиит и т.д. Так как христиан в Ливане было немного больше, чем мусульман, соотношение мест в парламенте было установлено 6:5 в пользу христиан.

К началу 70-х годов Ливан превратился в центр финансового и торгового капитала на Ближнем Востоке. Бейрут играл всеми красками радуги. Была ключом и политическая жизнь: 70 партий, организаций, фронтов. Практически каждая крупная религиозная община имела свои вооружённые отряды. На всякий случай. И случай вскоре представился.

Поскольку мусульман по естественным причинам к этому времени стало больше, чем христиан, они требовали перераспределения власти. На стороне мусульман были вооружённые отряды палестинцев, которые обосновались в Ливане после того, как их выгнали из Иордании. В 1975 году началась гражданская война, которая продолжалась 16 лет.

Израиль, если посмотреть на карту, был рядом. Отсчёт израильско-ливанских отношений можно начать с 23 марта 1949 года, когда — после Войны за Независимость — было подписано соглашение о перемирии. 20 лет прошли спокойно. Потом пришли палестинцы, и спокойствие кончилось.

А ещё потом, уже в ходе гражданской войны, появилась и Сирия. В Израиле мне приходилось читать, что в 1976 года Асад через короля Хусейна сообщил Рабину, что он собирается «приструнить» Арафата и вообще «навести порядок» в Ливане. Обещал не приближать свои войска к границе Израиля. Министр иностранных дел Израиля Игал Алон ответил: «Я согласен, что напряжённая ситуация обязывает все заинтересованные стороны принять меры высшей предосторожности и избегать необратимых шагов, которые могли бы привести к расширению конфликта и выходу его за нынешние пределы. Ясно, что мы

хотели бы видеть этот конфликт разрешенным с максимальной быстротой, дабы завершить страдания народа при сохранении независимости и территориальной целостности Ливана». Поскольку отрицательный ответ не требовал бы таких замысловатостей, то было принято в Дамаске как зелёный свет. В июне первые сирийские части вошли в Ливан. Арафат не пострадал (пока). Порядок тоже не был наведён (и тоже — пока). Но Асад с подачи израильтян зацепился в Ливане.

Меньше чем через два года настала очередь Израиля. 11 марта 1978 года палестинцы взрывают около Хайфы автобус (36 убитых, 76 раненых). 15 марта начинается «операция Литани». Израильская армия занимает южную часть Ливана, до реки Литани. Потом израильтяне отступают. Появляются силы (бессильные силы) ООН. Вдоль границы располагается произраильски настроенная христианская милиция майора Хаддада.

Следующей (июнь — сентябрь 1982 года) была операция «Мир Галилее». Удалось выбить палестинцев из Бейрута. Но не удалось установить режим, готовый договориться с Израилем и заключить «Кэмп Дэвид № 2».

Сирия навела порядок осенью 1990 года. А в мае 1991 года Сирия и Ливан подписали «Договор о дружбе, сотрудничестве и координации». Эстафету терроризма принимает от палестинцев «Хизбалла». В 1991 году 172 террористических акта. В 1993 году — 330. Ливанская армия к этому времени уже стала боеспособной и могла бы покончить с террористами. Но Дамаск не даёт санкции.

Израиль проводит ещё две операции. «Расплата» (июль 1993 года) и «Гроздь гнева» (апрель 1996 года).

И тут появляется Нетаньяху.

Асад непреклонен, и «Ливан сначала» повисает в воздухе. Но Ливан — на земле, и на этой земле продолжают гибнуть израильтяне. Что делать с Ливаном? — этот вопрос активно дебатировался и в кабинетах, и на улице. В феврале 1997 года газета «Маарив» суммировала возможные варианты.

Вариант 1: что было, то и будет. Почти привыкли. К тому же в сложных ситуациях люди стремятся уклониться от принятия кардинально новых решений — из-за боязни нести за них ответственность.

Вариант 2: до свидания, но не прощай (одностороннее отступление). Есть плюсы, но больше минусов. Война вплотную приблизится к нашим границам. Противник истолкует это как нашу капитуляцию перед терроризмом. Мы предадим наших друзей (Армию Южного Ливана).

Вариант 3: смена тактики. Сократить число опорных пунктов на юге Ливана, но регулярно высылать туда мобильные группы для активного поиска террористов и ударов по ним.

Вариант 4: пусть платят сирийцы. Нанести удар по экономическим интересам Сирии в Ливане (видимо, имелся в виду наркобизнес, которым активно занимаются сирийцы. — А.Б.). Но тут есть риск втягивания в полномасштабную конфронтацию с Сирией.

Вариант 5: Ливан сначала (организованное отступление). Соглашение с Бейрутом. Замена наших войск международными полицейскими силами. Но такое соглашение заблокирует Сирия.

Вариант 6: расширение пояса безопасности. Чтобы «катюши» не могли долететь до Израиля (42 км). Но поскольку техническая мысль не стоит на месте, нам придётся двигаться вслед за усовершенствованием ракет.

Вариант 7: Сирия сначала, Ливан потом. Но тут встаёт вопрос о судьбе Голан.

Вариант 8: широкомасштабная операция в Ливане. Мы захватываем значительную территорию Ливана, очищаем её от террористов, разрушаем до основания всю инфраструктуру «Хизбаллы», передаём Армии Южного Ливана ряд стратегических пунктов, создаём в Ливане плотную агентурную сеть — и потом уходим. Но нет уверенности, что эта операция не закончится так же, как предыдущие.

На этом фантазия газеты иссякла.

28 декабря 1999 года в «зоне безопасности» подрывался «Мерседес», в котором находился генерал Эзер Герштейн. Генерал, два солдата и один журналист погибли. Ливан продолжает собирать кровавую дань...¹

.....
Начал обход министров нового правительства. Был у Кахалани (внутренняя безопасность), Щаранского (промышленность и торговля), Незмана (юстиция) и Шарона (инфраструктура и энергетика).

С Кахалани говорили о «мафии» и Голанах. Со Щаранским — об израильско-российском экономическом сотрудничестве. Он горит желанием «расширить и углубить» такое сотрудничество, используя огромный потенциал «русской алии». В частности, ставит перед собой задачу добиться того, чтобы израильские фирмы могли получать государственные гарантии под сделки с российскими партнёрами. С Незманом — о собственности и соглашении о правовой помощи. С Шароном — об экономической политике правительства (переход от «социалистической» экономики к либеральной). Шарон поддержал планируемое снижение экономического роста (снижение температуры «перегретейшей» экономики). Главные возражения идут от чиновников, облепивших «социалистический» сектор.

¹ См. дополнение 13.

В июле густо пошли слухи (они начались еще в июне), что послом Израиля в России собираются назначить Юлия Кошаровского.

Кошаровский родился в 1941 году на Украине. Жил и учился на Урале, в Свердловске. Специальность — медицинская электроника. С 1967 года в еврейском движении. В 1970-м начал преподавать иврит. В 1971-м был посажен по обвинению в «мелком хулиганстве». Объявил голодовку. С 1972 года в Москве. Руководил семинаром преподавателей иврита. Пять раз арестовывался. Пробыл «в отказе» 18 лет (рекорд!). 11 марта 1989 года прибыл в Израиль. У трапа самолёта его встречал премьер-министр Шамир.

Сначала занимался кабельным телевидением. Потом работал в Сохнута. Член президиума Сионистского форума. К выборам 1992 года создал партию «ДА» (Демократия и Алия), но в Кнессет не прошёл. Потом склонился в сторону Ликуда. Работал в штабе Нетаньяху. Был 45-м в списке, но в Кнессет снова не попал.

17 июня Дов Конторер писал в «Вестях»: «Пост израильского посла в Москве должен занимать профессиональный дипломат, имеющий адекватное представление об узловых проблемах взаимоотношений между двумя странами и о том контексте, в котором эти отношения развиваются в настоящее время. Очередной политический назначенец — будь то Юлий Кошаровский или кто-то другой — может наделать множество ошибок, приступив к исполнению своих обязанностей в Москве с большим апломбом, но без надлежащего уровня профессиональных знаний. В этом плане пост израильского посла в Москве имеет большее значение, чем аналогичные посты в Европе и США, где давно уже оформились чёткие модели двусторонних связей, не зависящие от тех или иных персональных назначений».

7 июля Йоси Мельман, корреспондент газеты «Гаарец» в Москве, ссылаясь на «российские политические круги», сообщил, что Кремль возражает против назначения Кошаровского. Сам Кошаровский, с одной стороны, говорил, что ему ещё не сделали официального предложения, но с другой, — начал принимать поздравления.

Мне по частной линии сообщили, что Леви — против назначения Кошаровского, и поинтересовались моим мнением. Я ответил, что как посол в это дело вступать не могу, но если говорить в сугубо личном плане, то вариант Кошаровского мне кажется странным. В Москву сообщил, что считаю назначение Кошаровского крайне нежелательным. У посольства, писал я, есть возможности повлиять на решение. «Надо ли это делать?»

Тем временем в израильской прессе разгорелась бурная дискуссия. Аргументы «против» суммарно выглядели так. Кошаровский мало находится в Израиле, не служил в армии, не успел укорениться в изра-

ильском обществе. Он недавно оторвался от России, положительные и отрицательные эмоции по отношению к стране исхода в нём ещё не сбалансировались. Наконец, в Израиле существует 10-летний срок, до истечения которого репатрианты не могут допускаться к государственным тайнам. А какой же посол без тайн? Защитники Кошаровского последний вопрос обходили. Но подчёркивали, что Кошаровский уже стал настоящим израильтянином, и никаких комплексов по отношению к России у него нет.

6 августа посетил Либермана. Он был в страшной запарке (в самом разгаре был конфликт между Нетаньяху и Леви). Но успел сказать, что премьер хотел бы заменить посла в России, назначив на этот пост человека из своего непосредственного окружения — Ю.Кошаровского. Я промолчал.

Поскольку контракт с Ализой Шенар кончался в декабре, то время ещё было. Москва молчала, хотя до меня доходили слухи, что там не в восторге. Стал делать осторожные пассы.

31 октября прилетел Примаков. На мой вопрос ответил чётко: действуй (кстати, из разговора с министром я вынес убеждение, что многие телеграммы ему не докладывают).

10 ноября состоялся длительный разговор с Либерманом. Его главный аргумент — близость «Юлика» к премьеру. Это позволит иметь дело с посольством в Москве, минуя всякие бюрократические структуры.

Я предложил грубую аналогию: представь себе, что мы прислали бы нашим послом Калмановича... Конечно, мы вряд ли не дадим агреман, но боюсь, что у «Юлика» будут в Москве сложности. В общем, просил подумать.

Думали долго. Постепенно вопрос о Кошаровском завял. Но вопрос о после остался.

Леви (уже после моего отъезда) пытался послать в Москву Герця Инбара, профессионального дипломата, но специалиста, кажется, по Латинской Америке. Тут взбунтовался Щаранский. В конце концов в январе 1999 года из Киева перевели в Москву Цви Магена. Он родился в СССР в 1945 году. В Израиле — с 1960-го. Долго работал в военной разведке, потом — по линии «Бюро по связям...» — в Советском Союзе. В Киев его отправил Рабин. Солидный, сдержанный, заземлённый человек. Матриархат на Большой Ордынке кончился...

.....
22 июля встретился с послом Египта М.Басьюни.

Разговор шел о визите Нетаньяху в Каир. По сравнению с Вашингтоном, заверил посол, Нетаньяху перестроился «на 180 градусов». В Америке его заявления были рассчитаны на израильтян и американских евреев. Поэтому Нетаньяху всё время говорил: «Нет, нет, нет!». В Каире же Нетаньяху ориентировался на арабскую ауди-

торию, и поэтому тон его резко изменился. Он стал держаться ближе к реальности. Возможно, допустил Басьюни, на Нетаньяху «подействовали политическая мудрость и колоссальный опыт президента Египта». Во всяком случае премьер внимательно слушал и говорил: «Да, да, да!»

Спросил у коллеги: какому же Нетаньяху следует верить, тому, который был в Вашингтоне, или тому, который был в Каире? Басьюни ответил, что надо судить не по словам, а по делам. Нетаньяху уже стал делать то, что обещал Мубараку (ослабил «сегер», освободил часть заключённых палестинцев, на следующей неделе ожидается встреча Арафата с Леви).

Басьюни выразил надежду, что Нетаньяху будет сдвигаться в сторону реализма и прагматизма. Хотя в правительстве есть люди (Шарон, Эйтан, Бегин, Хаммер), которые будут тянуть премьера в сторону экстремизма.

Беседа со мной, египетский посол не мог знать, что встреча Леви с Арафатом не состоится, но должен был знать, что выпустили и отправили в Газу не политических заключённых, на чём настаивали палестинцы, а отпетых уголовников, и что «сегер», как гармошка, которую можно сжимать и разжимать.

.....
17 июля в газете «Гаарец» была опубликована статья о гастролёрах из России, которая вызвала оживлённый обмен мнениями. В газете говорилось, что с начала года в Израиле уже побывали 9 театральных коллективов, которые показали 14 спектаклей. Приезжие актёры составляют конкуренцию местным, израильским. Приводилось высказывание директора театра «Гешер» («русского» театра) Ури Леви: надо как-то упорядочить «театральный импорт». Если налагаются ограничения на ввоз в страну, скажем, ковров, то почему бы не ограничить «импорт театров»? (Леви разослал письмо во все инстанции с требованием ограничить гастролы российских театров, ибо они бьют по кассе «Гешера»).

«Русская» общественность встала на дыбы, доказывая, что «ковёрный подход» не применим в области культуры. Как сказал бывший директор того же «Гешера» Слава Мальцев, конкуренция заключается не в том, чтобы «сжечь фабрику другого», а в том, чтобы «шить штаны лучше всех».

Власти, к которым апеллировал Леви, согласились с ним лишь частично. Квоты на «театральный импорт» установлены не были. Но гастролёры были условно разделены на две группы: известные (их рекомендует министерство культуры Израиля) и прочие. Для прочих требовались визы с правом на работу (как для иностранных рабочих). Не очень вежливо, скажем так...

«Русских» любителей культуры беспокоило не столько количество гастролёров, сколько качество гастролей. Тут были главные проблемы. Довольно много артистов приезжало в Израиль со всякого рода халтурой, надеясь на неприязнительность «русской» публики. В газетах приводился разговор Зиновия Гердта с Григорием Гориным. Последний спросил у Гердта, с каким репертуаром лучше ехать в Израиль. Ответ Гердта передавался так: «Вы, Гриша, наверное, думаете, что они придут вас слушать? Не обольщайтесь — они придут на собственные воспоминания. Так что читайте, что хотите, это не имеет значения».

Отмечалось, что гастролёры из России, как правило, начинают либо клясться в любви к Израилю, либо рассказывать о своих еврейских корнях. «Хотя их никто об этом не просит».

Отмечалось, что уж больно неприязнительны российские артисты. Их поселяют в сомнительных гостиницах, дают им плохие залы, обманивают с гонорарами. Всё это бьёт по авторитету, по престижу русской культуры.

Много было проблем. Но много было и прекрасных артистов, великолепных спектаклей, первоклассных концертов. Мне хочется назвать здесь людей, которые взяли на себя нелёгкий и часто неблагодарный труд создать и поддерживать «культурный мост» между Израилем и Россией. Шема Принц, Эмиль Фукс, Ефим Тарновский, Марк Ольшанецкий, Фаина Новоходская, Слава Мальцев, Юрий Хилькевич. Когда Козаков вернулся в Россию, он сказал: «Я не хочу жить на обочине цивилизации». Хилькевич же говорил: «А я не хочу жить на обочине цивилизации здесь». И поэтому «импортировал» сюда российскую культуру.

Люди, которых я назвал (прошу прощения у тех, кого запамятовал), — очень разные. Они по-разному относятся друг к другу. По-разному относятся и к ним. Часть из них не выдержала перегрузок и сошла с дистанции. Но всем им я хочу сказать: «Спасибо!» Не только как бывший посол. Но прежде всего как зритель и слушатель. Мы с Леной Петровной всегда были рады пользоваться их «импортным товаром» и видеть их нашими гостями в Савьоне. На травке у бассейна.

.....
Культура в июле. «Круг» Мозма в театре Маяковского. Немоляева, Лазарев, Виторган. Исполнители лучше пьесы. — Выставка белорусского художника Бориса Караванова. Его «Подсолнухи» теперь освещают мою московскую квартиру. — Юбилейное выступление Игоря Губермана. Очень люблю «гарики». Но иногда вспоминается Козьма Прутков: «Если у тебя есть фонтан, заткни его. Дай отдохнуть и фонтану».

АВГУСТ-96

Голос из МИДа: не надо «размышленчества» — Авигдор Либерман

Весь август крутился вокруг комиссии («тройки», как мы её обозначили), которая вычисляла цену нашей «бюджетной корзины» на предмет вожаделенного повышения зарплаты. Детали опускаю — уже рассказывал.

.....
Дипломатический август начался консультативной встречей в израильском МИДе. Несколько работников посольства и работники МИДа, занимающиеся нашим направлением. Цель — инвентаризация проблем, двусторонних в первую очередь, но и любых других, которые тревожат. Израильскую «делегацию» возглавлял Бенцур, наконец-то не зам, а полновесный Генеральный директор МИДа.

Российская сторона начала с того, что в Москве ценят намерения Нетаньяху активизировать израильско-российские отношения. Мы готовы пройти свою часть пути. Некоторые «занозы» уже почти вынуты (недвижимость), другие вынимаются (Сохнут). Но совершенству нет предела.

МИД Израиля слишком скупно делится с посольством информацией по мирному процессу. Конечно, у нас есть и другие каналы получения информации. Но для дела было бы полезнее, если бы Россия видела картину не только глазами Арафата или Мубарака, но и глазами Нетаньяху. Продолжают осложнять отношения случаи беспредела в аэропорту. Составлено много перспективных программ, но выполнение их идёт вяло. Требуется документы в области правовой помощи и консульского обслуживания. В последнее время застопорился диалог между двумя МИДа. Желательно преодолеть паузу.

Израильтяне кивали головами, но чувствовалось, что они не в полной мере владеют конкретным материалом. Они высказали предложение продолжать такие встречи и не ограничиваться вопросами двусторонних отношений. Хотели бы обсудить такие проблемы: терроризм, опасность исламского фундаментализма, развитие обстановки в СНГ, расширение НАТО, Босния, результаты выборов в России и Израиле. Ждут наших предложений.

В посольстве возникли разногласия. Надо ли выходить за рамки российско-израильских отношений? Мне представлялось, что это было бы полезно и интересно. Не все со мной соглашались. Договорились посмотреть по обстановке.

Наша встреча проходила на фоне кризиса между премьером и министром иностранных дел. Было похоже, что Нетаньяху перелагает функции МИДа на своих советников. Все обратили внимание на то, что во время блиц-визита Нетаньяху в Иорданию (5 августа) в его «свите» не было ни одного работника МИДа. Разумеется, это не могло понравиться Леви. К концу августа кризис вроде бы был преодолен, но напряжение осталось.

Пришла любопытная бумага от Посувалюка. Он писал, что сообщения посольств грешат длиннотами и «размышленчеством», не подкреплённым «солидными контактами». Это мешает МИДу ухватывать главные, узловые моменты, анализировать и прогнозировать события, опираясь на чётко изложенную фактуру, достоверную и оперативно добытую информацию. Предлагалось усилить внимание к контактам на «высоком политическом уровне». Сообщалось, что посольские бумаги будут сортироваться: индекс «А», если идут президенту, индекс «В», если — министру. По итогам месяца посольствам будут выставлены оценки.

Всё это было бы чудесно, но судьи кто? Кто будет определять, что нужно читать президенту, а что — министру? Насчёт «судей» у меня были большие сомнения...

6 августа посетил Авигдора Либермана, «действительного тайного советника», Генерального директора канцелярии премьер-министра (она же — министерство главы правительства). Либерман огорошил меня сообщением, что Нетаньяху хотел бы в конце августа посетить Москву. Тут же отписал в МИД. Не знаю, кому пошла эта информация, но через 10 дней Посувалюк ответил, что Нетаньяху могут принять только «глубокой осенью». В сентябре Либерман вернулся к этому вопросу, но ничего нового сказать ему я не мог.

Либерман — удивительная личность, высшее достижение «русской алии» в Израиле. Родился в Кишинёве. В семье, где говорили на идише, слушали «Голос Израиля» и обожали Жаботинского. В Израиль приехал в 1978 году. Начал с грузчика в аэропорту. Поступил в Еврейский университет, где изучал политологию. Зарабатывал деньги, работая охранником в студенческом клубе. Там же познакомился со своей будущей женой Эллой (она вечерами подрабатывала в столовой клуба). Поженились в 1981 году. Теперь — дочь и два сына. Три

года жили в караване. ПМЖ — крохотное поселение Эль-Давид на территориях недалеко от знаменитого Иродиона.

Армия. Поиски жизненного пути. В 1988 году познакомился с Нетаньяху. С тех пор они вместе. Когда Нетаньяху стал лидером Ликуда, он назначил Либермана Генеральным секретарём партии. Либерман, нажив себе много врагов из ликудовской знати, навёл порядок в партии. И стал одним из главных архитекторов победы в мае 1996 года.

Прорвавшись на политические высоты (его сверхзадача — координация деятельности всей государственной машины), став одним из самых доверенных помощников Нетаньяху, Либерман попал под шквальный огонь левого, традиционного истеблишмента. Как только его ни называли: Распутин, «человек КГБ», «безжалостный манипулятор», «кукловод», «мафиози» и, разумеется, «серый кардинал».

Несколько развёрнутых характеристик.

Деди Цукер, депутат Кнессета от МЕРЕЦ: «Этот человек — продукт советской власти, выросший на большевистской системе управления. Очевидно, он до сих пор не понял, что Израиль — демократическая страна, и большевистские приёмы здесь не проходят. Здесь нельзя действовать методом запретов и разрешений».

Журналисты Бен Каспи и Офер Шелах из «Маарива»: «У Либермана классическая русская душа, описанная в произведениях Достоевского. С одной стороны он — образованный романтик, способный после напряжённого трудового дня увлечённо спорить о Платоне, а с другой — необузданный нигилист и циник».

Рами Розен из «Гаареца»: «Переворот, произошедший в своё время в Ликуде, сейчас пытаются совершить в масштабе всей страны. Человек, уволивший без всяких сантиментов немало сотрудников в штабе этой партии и заменивший их теми, в чьей преданности он был уверен, ныне использует тот же принцип, заняв должность Генерального директора министерства главы правительства. Его приверженцы считают, что он напорист, как подразделение коммандос. Те, кого он уволил, говорят о его власти как о «режиме страха». И Розен продолжает: «Никогда ещё не был Генеральным директором министерства главы правительства человек, чья личность возбуждала бы такое любопытство и давала пищу стольким слухам и сплетням».

Непрекращавшиеся нападки на Либермана воспринимались многими «русскими» как стремление зажать, поставить на место неугодных репатриантов, борющихся за хорошее место под израильским солнцем. Друг Либермана Кошаровский возмущался: «И когда его травят за русский акцент, вместе с ним травят всех нас. И обзывая его жлобом, обзывают жлобами всех нас. И когда с ним откровенно пытаются расправиться, то вместе с ним пытаются расправиться с нашим стремлением интегрироваться в это общество, подогревая и

без того сильные центробежные, антигосударственные тенденции». Полагаю, Кошаровский близок к истине.

Мне приходилось не раз встречаться с Авигдором (друзья зовут его Эвик, Ивет). Он приезжал ко мне в Савьон на ростовских рыбцов. Я был гостем в его доме. На мой взгляд, это энергичный, умный, решительный политик. Дельный человек. Его стихия — оргработа. Он не говорит, но знает: кадры решают всё. В отличие от многих израильских политиков, если Либерман что-то сказал, что-то пообещал, он непременно сделает это.

В контексте мирного процесса Либерман — на правых, жёстких позициях. Главное для него — безопасность Израиля. Не «земля в обмен на мир», а «мир в обмен на мир».

Либерман — за развитие израильско-российского сотрудничества. Но вовсе не потому, что он так уж любит Россию (хотя думает он, конечно, по-русски). А потому, что он любит Израиль и считает, что сотрудничество с Россией отвечает интересам Израиля. Писали, что идея газопровода Россия — Турция — Израиль принадлежит именно Либерману.

Известно, что часто недостатки человека являются продолжением его достоинств. Думаю, это относится и к Либерману. Наверное, были ситуации, когда он, пробиваясь к намеченной цели, решая поставленную задачу, наступал окружающим на мозоли, не всегда учитывал сложившийся баланс амбиций. Он предпочитал не вилять хвостом, даже не лаять, а кусать. Не всем нравилось, что, работая на Нетаньяху, он отжимал от власти «наследных принцев» Ликуда.

Нетаньяху долго отбивал атаки на Либермана. Он ценил Либермана и чувствовал себя спокойнее, когда тот рядом. Обстановка накалилась до предела осенью 1997 года. На партийной конференции Ликуда Либерман, действуя в своей жёсткой манере, добился принятия решения, которое было нужно Нетаньяху, но решение это вызвало бурю возмущения в ликудовской гвардии. «Если бы, — заявил мэр Тель-Авива Мило, — Зеэв Жаботинский и Менахем Бегин восстали из мёртвых, то они предпочли бы немедленно вернуться в могилы, чтобы не видеть этого позора». Гвардия предъявила премьеру ультиматум. И Нетаньяху сдался. Премьеры и те, кто их делает премьерами, принадлежат к разным породам. И не только в Израиле...

На выборах 1999 года Либерман создал свою партию «Наш дом — Израиль» и пошел в Кнессет.

.....
Продолжал обход нового начальства. Познакомился с Даном Тихоном — председателем Кнессета. Спокойный, сдержанный человек. Жена — «русская». Расспрашивал о российских делах. Рассказал, что в ходе недавних слушаний в финансовом комитете конгресса были выделе-

ны три препятствия, мешающих экономическому сотрудничеству: экономический риск, политическая нестабильность и неплатежи.

Был у **Эйтана**. Он теперь ведаёт сельским хозяйством. Но говорили мы о мирном процессе. Ястреб он ястреб и есть.

Познакомился с министром внутренних дел **Элиаху Свиссой**. Он — из религиозной партии **ШАС**. Поговорили о списке «мафии». Утверждает, что не видел. Поговорили о браках. «Боймся фиктивных браков»¹. Поговорили о **Торе**. «Каждая буква для меня свята».

.....
15 августа был у президента. Он уверен, что **Нетаньяху**, «зажатый объективными обстоятельствами», возобновит переговоры с палестинцами. Деваться ему некуда. Неважно, как назвать: автономия или государство. Важно, что уже сейчас палестинцы обладают признаками государственности. Беда палестинцев, рассуждал президент, всегда состояла в том, что они пытались получить больше, чем могли. Если бы они согласились в 1947 году с планом раздела Палестины, то сейчас палестинскому государству было бы уже почти 50 лет, а территория **Израиля** была бы меньше. Заслуга **Арафата** в том, что, отказавшись от заскорузлых стереотипов, он сумел за два года достичь того, чего палестинцы не могли добиться в течение нескольких десятилетий.

Но главное, сказал **Вейцман**, это **Сирия**. Нужно искать подходы к **Асаду**. Россия могла бы помочь в этом.

Через несколько дней **Генеральный директор канцелярии президента Шумер** сообщил, что **Вейцман** намеревается встретиться с **Арафатом**. «Если это не хочет сделать **Нетаньяху**, то придётся начать мне», — так рассуждает президент.

.....
Культура в августе. Балет **Барышникова** в **Кейсарии**. Умеренный модерн. Впечатляла «**Чакона**» **Баха** — **Бузони**. — **Блоковские** чтения в **Иерусалиме**. Читали не стихи **Блока**, а доклады о **Блоке**. Вдруг из зала крик: **Блок ненавидел буржуазию**, значит, он ненавидел евреев, значит, он — антисемит! Чуть не подрались...

¹ См. дополнение 14.

СЕНТЯБРЬ-96

*Новые «правила игры» — Нетаньяху встречается с Арафатом:
бунт правых — Туннель Хасмонеев: бунт палестинцев*

Сентябрь посольство начало с попытки осмыслить новый курс Нетаньяху в области мирного урегулирования.

Смысл всех пируэтов, которые исполнял Нетаньяху вокруг мирного процесса, сводился, по нашему мнению, к тому, чтобы навязать арабам новые правила игры. А смысл этих правил — разрыв (или резкое ослабление) связи между миром и землёй, выдвижение на первый план безопасности Израиля. О безопасности пеклось и прежнее правительство. Но нынешнее хочет от 2-кратного запаса прочности перейти к 12-кратному. Что, если глядеть на географическую карту глазами незаангажированного наблюдателя, кажется вполне естественным.

Не менее естественной представляется и негативная реакция арабов. Проиграв несколько войн, арабы надеялись выиграть мир. Но вот пришел Нетаньяху... Он, разумеется, предлагает мир, но мир с побеждёнными, а не с победителями. Арабам это, — что опять же естественно, не нравится.

Главной составляющей арабской реакции на «new deal» Нетаньяху служили разного рода угрозы.

Наиболее реальной (и наиболее путающей израильтян) является угроза второго издания интифады, новой волны террора. Открывая учебный год в Шхеме, Арафат призвал детей быть готовыми к интифаде. Но взрослые (включая Арафата) сами побаиваются интифады, ибо не хотят подставляться под ответный удар. Поэтому дело, — если события не выйдут из-под контроля раиса, — ограничится, видимо, войной нервов. Как бы то ни было эта угроза подталкивает израильтян к поискам компромисса.

Давит на Иерусалим и угроза египтян наложить эмбарго на международную экономическую конференцию в Каире. Решающим тут служит не экономический фактор, а политический — желание Израиля сохранить окно для проникновения в арабский мир. Действуя этим рычагом, Каир в состоянии повлиять на позицию Иерусалима.

Во всяком случае усилилась суэта вокруг возможной встречи Нетаньяху с Арафатом. Идут тайные переговоры «шерпов». Премьер уговорил президента не перебегать ему дорогу.

Американцы, следуя Станиславскому, держат паузу, работают в основном «под ковром». Соглашаясь в принципе с ужесточением израильской политики, они помогают Нетаньяху нащупать приемлемую для арабов меру ужесточения. Пользуясь имеющимися у них рычагами (помощь или обещание помощи), они охлаждают пыл Арафата, Асада, Мубарака и подталкивают их навстречу Нетаньяху.

Нетаньяху будет демонстрировать своё благорасположение к России. Но будет упорно гнуть свою линию в ближневосточном урегулировании. Арабы будут говорить нам, как они ценят российского коспонсора, и просить надавить на Израиль. Но смотреть будут в рот США.

Наша политика, думал я, может повлиять на какие-то частности, что-то затормозить, что-то ускорить, но общая траектория движения мирного процесса находится вне нашего влияния.

.....
3 сентября состоялся долгий разговор с Д.Леви. Он посетовал на «тёмные пятна», которые появились в наших отношениях, сказал, что правительство намеревается вывести израильско-российские отношения на принципиально новую ступень развития. В этой связи в ближайшее время будет закрыт вопрос о недвижимости. Тут я огорчил министра, заметив, что проблема не ограничивается этими тремя участками. На очереди Сергиевское подворье. Узелок тугой, но придётся его развязывать. Министр огорчил меня, сказав, что затяжка с перерегистрацией Сохнута вызывает здесь «горечь и негативные эмоции».

Перейдя к мирному процессу, Леви заявил, что Ликуд никогда не поддерживал «идеи Осло». Однако соглашения подписаны, и мы будем их соблюдать. Но при внимательном изучении выяснилось, что существует заметная асимметрия в их выполнении. Палестинцы не во всём следуют букве и духу Осло. Израиль не будет с этим мириться. И потом, есть необходимость внести поправки в уже подписанные соглашения. Ищем компромисс.

Говорили о терроре. Я усомнился в формуле «или террор — или переговоры». Если так ставить вопрос, значит дать террористам право вето. Министр промолчал.

С большим беспокойством Леви говорил о передвижениях сирийских войск в Ливане. Тут я был не в курсе.

.....
На следующий день на КПП «Эрез» (въезд в Газу) состоялась первая встреча Нетаньяху и Арафата. Решений не было, было рукопожатие. То самое рукопожатие, которого, как раньше утверждал Нетаньяху, никогда не будет.

Правые в Ликуде взбунтовались. Возмущался Бени Бегин. Возмущался лидер движения Моледет Рехавам Зеэви. «Мне не остаётся ничего другого, — сказал он, узнав о встрече на КПП, — как пойти к избирателям и попросить у них прощения за то, что я призывал их голосовать за Нетаньяху. По-моему, встреча Нетаньяху с Арафатом — это предательство, которому нет прощения. Никогда не думал, что Нетаньяху будет стоять в одном ряду с предателями. Рукопожатие Нетаньяху и лидера всех террористов Арафата было моим страшным сном. Сегодня я спрашиваю себя: чего же мы добились, сменив власть? Какая разница между Нетаньяху и Пересом? И тот, и другой — предатели».

Министр транспорта и энергетики Ицхак Леви, с которым я беседовал 8 сентября, был более сдержан. Наша партия (он из МАФ-ДАЛа) испытывает неприязнь к Арафату. Но у нас нет выбора. Придётся говорить с Арафатом. Важно — о чём говорить и как. Надо чётко сказать ему, что мы не уйдём из Хеврона, если не будет гарантирована возможность развития его еврейского квартала.

И как раз о Хевроне говорил с Арафатом 18 сентября министр обороны Ицхак Мордехай¹. Как обеспечить безопасность евреев при переходе власти к палестинцам? Почти квадратура круга. Как палестинцам считать Хеврон «своим», если там сохраняется неприкосновенный еврейский анклав? Тоже квадратура. Так что было о чём поговорить...

11 сентября был в Кнессете, встречался с депутатом Х.Меромом. Речь шла об обновлении Аводы, омоложении её руководства. По мнению Мерома, Перес уже отыграл свою роль и должен уйти. К сожалению, он это не осознаёт, переоценивает свои силы и свою популярность в партии.

Есть два основных соперника в борьбе за лидерство: Барак и Рамон. Барак уже принял решение и начал действовать. Рамон пока думает. Он в принципе мог бы объединиться с Бараком, но вряд ли согласится на вторую роль. Пока шансы предпочтительнее у Барака.

Рамон мог бы рискнуть выйти из партии Труда и создать новую партию. Не исключено, что такой вариант могла бы поддержать вся наша «восьмёрка» (Й.Бейлин, А.Бург, Э.Снэ, Р.Перец, Я.Даян, Д.Ицик, Н.Масалха и Х.Мером). Но тут ещё много неясного.

Сентябрь для израильтян — месяц новогодний. 12 сентября ритуальный приём у президента. Я уже третий в очереди. Впереди Египет и Бельгия. Бельгиец скоро уезжает. Египтянину арабская солидарность

¹ См. дополнение 15.

не позволяет быть дуаиеном в Израиле. Поэтому наш дуаиен (Кот д'Авуар), который тоже сидит на чемоданах, предлагает стать его преемником. Вежливо отклоняю, поскольку сам уже на излёте.

13 сентября Новый год в «Балагане» у Саши Каневского. Поёт Михаил Гулько. Народ изощряется в веселье. Полный балаган.

.....
Первая встреча в новом 5757 году — с Бенцуром. Его беспокоят передвижения сирийских войск в Ливане. Моя оценка: воевать Асад не собирается, но сигнализирует о своём крайнем недовольстве позицией Израила.

Видимо, движения Сирии в Ливане всерьёз тревожат израильтян. Об этом говорил и Либерман, с которым мы виделись накануне Нового года.

Бенцур поставил вопрос о необходимости не прерывать многосторонние переговоры, сохранить их на плаву, несмотря на провисание двусторонних. И просил, чтобы российский коспонсор поддержал такой подход. Сказал Бенцуру, что трудно говорить с арабами, когда Израиль фактически торпедирует переговоры. «После прихода Нетаньяху переговоры продвинулись хоть на один миллиметр, хоть на один микрон?» Бенцур только вздохнул. Вообще ему нелегко сейчас. Приходится говорить противоположное тому, что говорил четыре года.

.....
Праздничный, новогодний сентябрь кончился в Судный день, 23-го, когда по распоряжению Нетаньяху был открыт выход из туннеля Хасмонеев на улицу *Via dolorosa*, проходящую через мусульманскую часть Старого города.

В чём тут проблема? Подземный ход, который называют туннелем Хасмонеев, был сооружен во II веке до н.э. Обнаружен в середине прошлого века. Вход в туннель — у Стены плача. Но выход с другой стороны был замураван, и поэтому туристы вынуждены были возвращаться назад тем же путём. В начале 1996 года выход был пробит. Но Перес, опасаясь негативной реакции арабов, не рискнул искушать судьбу, и пользоваться выходом не разрешили.

Почему волнуются арабы? Потому что, по их мнению, израильтяне не должны менять ситуацию в Восточном Иерусалиме до принятия «окончательных решений». Тем более, в таком священном месте, как Храмовая гора.

24 сентября Высший исламский совет в Иерусалиме заявил: «Сионистские захватчики пытаются путем раскопок подрвать фундамент мечети Аль-Акса, вызвать разрушение мусульманских святынь на Храмовой горе и затем построить вместо них Третий Храм».

Тут всё — неправда. Туннель проходит далеко от фундамента мечети. Никто, кроме сумасшедших, не собирается разрушать мусульман-

ские святыни и, тем более, строить Третий Храм. Но легенды и мифы часто сильнее правды. Иерусалим, Храмовая гора, мечеть Аль-Акса или мечеть Омара, Стена плача — всё это символы, в которых спрессованы история, страсти, вера и боль. Малейшее неосторожное прикосновение чревато взрывом. И взрыв произошел.

24 сентября в Газе выступил Арафат. «Аллах овладел душой и телом тех, кто верит в него, потому что они получают в наследство рай. Они будут сражаться за Аллаха, будут убивать и будут убиты, и это — священная клятва».

Убивать стали на следующий день. Волнения охватили Газу и Западный берег. Тысячные толпы разъяренной молодёжи вышли на улицы. Палестинские полицейские начали стрелять в израильских солдат.

26-го, прервав свой визит в Европу, вернулся Нетаньяху. На территориях вводится чрезвычайное положение. Израильские танки занимают позиции рядом с палестинскими городами. Проводится заседание «кабинета безопасности», которое решает туннель не закрывать. К этому времени убиты 15 израильских военнослужащих и 60 ранены. Потери палестинцев: 60 убитых и несколько сотен раненых.

Израиль бурлит. Оппозиция обрушивается на правительство. Выясняется, что силовые структуры (армия, разведка) предупреждали премьер-министра о возможности непредсказуемых последствий. Но Нетаньяху вместе с министром туризма М.Кацавом, министром внутренней безопасности А.Кахалани и мэром Иерусалима Э.Ольмертом приняли роковое решение. Бывший министр туризма У.Барам заявил: «Решение открыть туннель именно сейчас — самое плохое из всех возможных».

Туризм, представляется мне, был для Нетаньяху лишь поводом. Хотя появлялись какие-то смутные сообщения об интересах бизнесменов, связанных с премьером («компромат» на нашем нынешнем языке). Скорее всего Нетаньяху действовал, исходя из принципиальных соображений — Иерусалим наш, и что хотим, то и делаем. Но ведь принципы можно отстаивать умно, а можно и глупо. Нетаньяху избрал второй путь. Расплачиваясь за это кровью. Не своей, само собой...

Арафат, как и следовало ожидать, постарался выжать из глупости израильтян максимум. Трудно сказать, санкционировал ли он насилие или не смог совладать с ситуацией, выпустил вожжи из рук. Но во всяком случае он не делал каких-то видимых попыток прекратить стрельбу. Да и не хотел, наверное. Ему дали мяч, он ударил. И довольно точно, с пониманием психологии и обстановки. Международная общественность была на его стороне.

28 сентября Совет Безопасности ООН осудил Израиль и призвал закрыть туннель. Даже США не решились применить вето, воздержались.

Израиль закусил удила. 29 сентября советник Нетаньяху Давид Бар-Илан предупредил Арафата, что если кровопролитие будет продолжаться, не исключено принудительное разоружение палестинской полиции. Мы не дадим Арафату получить политическую выгоду из вспышки насилия. Потребуем «коренного пересмотра» условий передислокации в районе Хеврона. «События последних дней показали, что присутствие палестинской полиции в тех или иных районах на контролируемых территориях не гарантирует соблюдения законности и правопорядка. Но, наоборот, является фактором угрозы, дестабилизации и кровопролития».

1 октября в «Маариве» были помещены результаты опроса общественного мнения.

57% израильтян не довольны курсом Нетаньяху, приведшим к столкновениям на территориях;

54% считают ошибочным решение правительства об открытии туннеля;

60,5% в то же время против немедленного закрытия туннеля;

60,6% думают, что кризис укрепит позиции Арафата.

В те кризисные дни Амос Оз писал: «Вот уже двадцать лет фанатичное меньшинство тянет израильско-палестинскую трагедию на арену нескончаемых религиозных войн «за святыне места». Это меньшинство научилось прикрывать свои стремления доводами о безопасности. Однако движет ими не безопасность, а религиозно-националистический эгоизм. Никогда ранее не обнаруживалась лживость их претензий в отношении безопасности с такой ясностью, как в случае с подземным ходом возле Стены плача: тот, кому дорог мир в Иерусалиме, обязан был прийти к соглашению с жителями мусульманского квартала, прежде чем совершить шаг, имеющий большое смысловое и эмоциональное значение для верующих».

Подавляющее большинство израильтян, как левых, так и правых, не хотят быть втянутыми в войну «за святыне места». Никакое святое место не стоит кровопролития. Большинство народа в Израиле, в том числе и соблюдающие традиции, не видят смысл своего существования во владении объектами культа».

Возможно, очень знаменитый и очень левый писатель несколько преувеличивает зрелость «подавляющего большинства», но по существу он прав.

По настоянию Клинтона поиски выхода из кризиса были перенесены в Вашингтон («конференция по спасению Нетаньяху», заметил какой-то журналист). Из приглашенных не приехал Мубарак, хотя ему звонил Вейцман и уговаривал. Россию не пригласили, хотя, если верить Арафату, он настаивал на этом. Прилетел король Хусейн. Совещались два дня. Доказывали Арафату, что насилие — не

метод решения нерешённых вопросов. Доказывали израильтянам, что *pacta sunt servanda*.

Израильтяне остались довольны: они не уступили. «Америка — наш партнёр, — сказал Нетаньяху, — но наша безопасность нам дороже». Палестинцы расстроились: ничего не добились. И всё-таки польза была: обе стороны поняли, что слишком близко подошли к обрыву, надо попятиться назад...¹

«Почему ты не поехал в Вашингтон с шефом?» — спросил я Либермана. — «Не хотел пожимать руку Арафату!»

Щаранский пожал. А на вопрос Клинтона, почему он пришел в Белый дом без галстука, Щаранский ответил: «Тот, кто сидел в ГУ-ЛАГе, имеет право везде появляться без галстука». Клинтон был удовлетворён.

.....
Москва, а соответственно, и посольство реагировали на кризис вяло. 26 сентября я получил указание посетить Щаранского и передать ему послание для Нетаньяху. Что и было сделано в тот же день, накануне заседания «кабинета безопасности». Произошел примерно такой диалог:

— Туннель Хасмонеев — лишь повод, который использовал Арафат для обострения обстановки.

— Но, во-первых, повод всё-таки был. А, во-вторых, давайте говорить о причине — нежелании Израиля выполнять подписанные обязательства.

— Израиль не отказывается выполнять их, но хочет лишь «немного откорректировать».

— Корректировка уже подписанных обязательств юридически равносильна их невыполнению.

— Но всё равно Арафат не должен использовать насилие в качестве средства давления на Израиль. Нетаньяху постепенно эволюционирует в сторону здорового прагматизма, но давление на него может привести к противоположному результату.

На том и расстались.

Тут обозначилась проблема. Посольство считало, что нам ни в коем случае не следует демонстрировать «особые отношения» с «русскими» представителями в израильской политической элите. И так некоторые сверхбдительные израильтяне смотрят на них с опаской и высказывают подозрения, что Москва будет использовать «русских» для усиления своего влияния в Израиле. В общем, нужно проявлять максимум деликатности и такта. В частности, вряд ли стоило передавать Щаранскому информацию, выходящую за рамки его компетенции. Для этого есть другие каналы.

¹ В конце концов израильтяне отступили. Выход из туннеля закрыт.

Однако через некоторое время последовало поручение передать Щаранскому послание, подписанное «Заместителем Председателя Межпарламентской группы Российской Федерации» А.С.Дзасоховым и «Руководителем-координатором депутатской группы» П.Б.Шелищем. В послании шла речь о создании в Думе группы по связям с Кнессетом. Просили Щаранского информировать об этом «парламентариев Израиля».

Я сообщил в МИД: не убеждён, что уважаемые члены Думы обращаются по надлежащему адресу. Щаранский не занимается организацией межпарламентских контактов. Этим занимается спикер Кнессета Д.Тихон, с которым недавно обсуждался этот вопрос. И снова: не следует суетиться вокруг депутатов от «русской» партии.

Письмо думцев начинается с обращения «Дорогой Натан!» Допускаю, что наши думцы в приятельских отношениях с г-ном Щаранским. Но тогда следует подписаться «Саша» и «Петя».

Вскорости получил крайне раздражённый ответ от Посувалюка. Суть проблемы обходилась. Нас упрекали в узком спектре контактов, в том, что мы не хотим задействовать «самобытные возможности» «русской» партии в целях укрепления российско-израильских отношений.

Я ещё раз изложил свои аргументы. Подчеркнул, что у нас были и сохраняются хорошие связи, но мы не хотим ставить наших друзей в ложное положение. И так уже газеты писали о какой-то «тайной встрече» Бовина с Эдельштейном. И Эдельштейн вынужден был опровергать. В общем, ещё раз призывал к деликатности.

Послание «Дорогому Натану!» вручил.

На этом наш мини-кризис был закончен.

.....
Культура в сентябре. «Школа злословия» в театре Леси Украинки. Поймал себя на том, что пьеса уже мне не интересна, скучна. — Собрание русскоязычных писателей на тему «Власть и писатель». Канович: «Мы — товар, который не пользуется спросом».

ОКТАБРЬ-96

*Хеврон — Вейцман принимает Арафата —
— Визит Примакова: «химия» есть — Футбол*

Октябрь начался с крупных перемен в моей личной жизни. Я стал учиться водить машину. Учителем был отличный шофер и милый человек Саша из Ришон ле-Циона. Первый урок начался так: «Садитесь за руль и поехали!» И поехали по улицам Ришон ле-Циона. По которым, между прочим, шли и другие машины. Всего надо отъездить минимум 28 уроков. Я отъездил 35. Теорию сдал нормально. Вождение три раза завалил. «За лихость», — объяснили мне. Но было и другое объяснение: число уроков в среднем равно числу лет (возрасту) ученика. Так что я недоработал почти половину. Права получил уже в Москве. Осваиваю «Оку».

Весь октябрь слышались отголоски грозы, разразившейся из-за туннеля Хасмонеев. Когда собственно гроза миновала, вдруг встрепенулся король Хусейн. Между Амманом и Иерусалимом протянулась дуга напряжённости.

Вместе с тем прошедшая гроза заставила интенсифицировать переговоры по Хеврону. На КПП «Эрез» началось многодневное заседание совместной координационной комиссии. Главой израильской части был герой Энтеббе Дан Шомрон, палестинской — Саид Арикат.

Хевронский узел — один из самых тугих на палестинском треке.

Хеврон расположен в 36 километрах к югу от Иерусалима. Один из самых древних городов мира. В Библии упоминается 420 раз. Здесь был «помазан на царство иудейское» Давид, который потом перенёс столицу в Иерусалим. Здесь — по преданию — похоронены библейские патриархи и их жёны. Потом — века господства арабов, крестоносцев, турок. Еврейская община стала возрождаться с конца XIX века. Начались стычки с арабами. После погрома 1929 года евреи обособились в своём квартале. После арабских волнений 1936 года англичане вывели еврейскую общину из Хеврона (равно как и из Цфата и Тве-рии) в Иерусалим.

В 1950 году Хеврон отошел к Иордании. После 1967 года еврейская община восстанавливается. В городе открывается ешива (религиозная школа). Рядом с пещерой Махпела строится синагога. Но в основном евреи селились рядом с Хевроном в поселении Кирьят-Арба

И для евреев, и для палестинцев Хеврон — святое место, символ веры. И на той, и на другой стороне сильны позиции фундаменталистов. И те, и другие поднимают проблему Хеврона на уровень принципа. Для палестинцев принцип означает, что Хеврон — палестинский город, на 99% заселённый палестинцами, и что судьба евреев играет подчинённую роль. Для евреев принцип означает, что они во что бы то ни стало должны остаться в этом городе, даже если он отходит к Арафату, и что правительство Израиля должно гарантировать им безопасность. Собственно, об этом и переговоры: как передать власть палестинцам, но при этом обеспечить безопасную жизнь для евреев.

Чтобы ознакомиться с обстановкой на месте, 7 октября я отправился в Хеврон. Первый разговор — с главой израильской гражданской администрации (он же — военный губернатор) полковником Барухом Наггаром. Он обрисовал общую картину. Округ Хеврон (город с окрестностями) населяют 360 тысяч человек, в самом городе — 130 тысяч. Население еврейского квартала — 450 человек, из которых 180 учатся в ешиве. В поселении Кирьят-Арба живут 5 тысяч евреев. Среди палестинского населения Хеврона очень сильны позиции Хамаса, что делает обстановку ещё более сложной.

В соответствии с имеющимся соглашением 85% площади города передаётся палестинцам («зона А»). Но все проблемы как раз в остающихся 15% («чубчик» — так это выглядит на карте). Тут и пещера Махпела, и дорога к ней из Кирьят-Арбы, и еврейский квартал. Проблема ещё и в том, что над «чубчиком» господствуют высоты, расположенные на палестинской территории. Оттуда всё простреливается.

Следующий разговор — с мэром Хеврона Мустафой Натше. Он считает, что ситуация в Хевроне может «взорваться в любой момент». В городе всего 35 еврейских семей, но из-за них всем другим приходится терпеть большие неудобства. Скажем, во время еврейских праздников нам всем запрещают выходить из дома. Нас всех возмущает, что из-за нескольких десятков человек страдает весь город. Конечно, когда-то Хеврон был еврейской столицей, но давно уже это наша земля и наша родина.

Посмотрел карты, поездил по городу и понял, что ничего тут нельзя решить, если не будет обоюдного желания решить.

Тем временем на КПП продолжались споры. Израильцы утверждали, что подписанные соглашения оставляют поле для манёвра. В порядке манёвра они требовали: не ввозить в город новое оружие, не разрешать полиции иметь автоматическое оружие, не располагать

вооружённых людей на высотах и т.п. Палестинцы настаивали на том, что комиссия собралась не для манёвров, а для исполнения соглашения. «Если безопасность евреев нельзя обеспечить, не ущемляя права палестинцев, евреев надо эвакуировать», — заявил Арикат. Чем вызвал возмущение израильтян.

Положение на переговорах я обсуждал с секретарём правительства Дани Наве. Наш общий подход к переговорам, сказал он, учитывает два момента. Первый: в выполнении соглашений должна быть полная симметрия. Мы делаем свой шаг, только если свой сделают палестинцы. Второй: некоторые пункты соглашений мы толкуем по-новому, не выходя при этом за рамки соглашений. В частности, последнее касается Хеврона. Мы хотим реализовать три положения. Во-первых, передислокация израильских войск должна быть осуществлена таким образом, чтобы полностью исключить в будущем какие бы то ни было инциденты. Во-вторых, израильские войска должны иметь право в экстренных случаях (преследование террористов, например) входить на территорию «зоны А». В-третьих, палестинцы должны быть лишены возможности перекрывать системы жизнеобеспечения еврейского населения.

Окончательное урегулирование, по словам Наве, должно дать максимум свободы палестинцам при максимуме безопасности для Израиля.

16 октября переговоры были перенесены в Табу. А 23-го подписан «черновик». Но уж очень «чёрный», так как до согласия ещё оставалось почти три месяца.

.....
8 октября Вейцман принимал Арафата в своём доме в Кейсариин. Разговор, как считал президент, получился. Арафат дал обещание не использовать насилие для решения спорных проблем.

В стране к беседе в Кейсариин отнеслись по-разному. Левые, естественно, одобряли инициативу президента. Правые негодовали. Рукопожатие Вейцмана и Арафата «выводят меня из равновесия», — писал Р.Зезви. — Мною движет не ревность друга, а ненависть, отвращение к врагу, руки которого по локоть в еврейской крови.

Авраам Судай, отец солдата Итамара Судая, убитого «полициейскими» Арафата во время погрома, устроенного палестинцами несколько недель тому назад, обратился к президенту, выражая недоумение этой встречей. Авраам Судай называл Арафата чудовищем, которое мы пытаемся приручить. Мне кажется, что осиротевший отец очень верно выразил саму суть происходящего: «Как получилось, что мерзавец, которого глава правительства Менахем Бегин назвал двуногим зверем, вдруг стал у нас модным посетителем светских салонов?.. Авода твердила нам: Арафат изменился, Арафат сошёл с пути террора, он повернулся лицом к миру. Жизнь доказала нам, что всё это далеко не

так. Неужели президент взялся за отмывание чёрного кобеля, которого, как известно, не отмоешь добела!»

Арафат подвёл президента. Через два дня после кофепития в Кейсариин он заявил: «Переговоры на КПП «Эрез» не принесли до сих пор никаких результатов, и новая интифада может вспыхнуть в любой момент». И он, Арафат, «не в силах предотвратить вспышку новой интифады», потому что «не может себя заставить игнорировать унижительное, оскорбительное и несправедливое отношение к палестинцам». Это вызвало гнев президента, поскольку, как он сказал, в Кейсариин Арафат «уверял меня как раз в обратном».

.....
Следует заметить, что в состязании с Арафатом израильтяне нередко проигрывали информационные войны. Возможно, тут сказывалось то, что в глазах многих «угнетённые палестинцы» изначально имели фору перед «сионистами». Возможно, не всегда у израильтян были убедительные аргументы. Но и теми, которые были, они не умели вовремя и умело пользоваться. Пытаясь как-то наверстать упущенное, канцелярия премьер-министра опубликовала список «Десять вопиющих нарушений палестинцами норвежских соглашений».

1. Стрельба полицейских в израильских солдат.
2. Не распущены террористические организации и не изъято оружие, незаконно находящееся у граждан автономии.
3. Не выдают лиц, подозреваемых в терактах.
4. Подстрекают к насилию (джихад!).
5. Не изменили Палестинскую хартию.
6. Открывают офисы в Иерусалиме.
7. Принимают террористов в полицию.
8. Превысили численность полиции (54 тысячи вместо 29-ти).
9. Нарушают права человека.
10. Занимаются внешнеполитической деятельностью.

На мой взгляд, этот список, где важное перемешано с неважным, где отсутствуют акценты, краски, смыслы, как раз и отражает вопиющее неумение работать с общественным мнением.

.....
Приближался рабочий визит Примакова, его первый визит в ликудовский Израиль.

14 октября обсуждали эту тему с Бенцуром. Он высказал беспокойство, что при новом министре Россия стала занимать менее сбалансированную позицию. Когда в Штатах Леви разговаривал с Примаковым, его оценки и суждения по туннелю Хасмонеев основывались на тенденциозной и зачастую неверной информации¹. Кстати, заметил

¹ Из чего я заключил, что Примаков пользовался не информацией посольства, а другими источниками.

Бенцур, это относится не только к России. Европа тоже занимает несбалансированную позицию. Даже американцы иногда грешат этим.

«Не как дипломат, а как простой гражданин» Бенцур добавил, что израильтяне очень недовольны несбалансированной позицией мирового сообщества. Общественное мнение Израиля приближается к критической точке, за которой Израиль вообще может перестать обращать внимание на мировое сообщество. — И что же? Война? — Надеюсь, до этого не дойдёт, но израильское общественное мнение весьма раздражено. Надо утихомиривать страсти. И Примаков должен учитывать эти психологические моменты, должен пытаться понять повышенную чувствительность израильтян. Мы не перестаём надеяться, что позиция России станет более объективной, взвешенной.

29 состоялся разговор с Нетаньяху. Его очень беспокоила Сирия. И тут, сказал премьер, может помочь Примаков.

.....
Евгений Максимович появился утром 31 октября.

Первый разговор — с Леви. Подписали соглашение о создании культурных центров. Примаков получил красивую папку с документами о перерегистрации собственности. Поговорили об Иране. Потом — Щаранский, потом — Вейцман. Неизбежный, но нужный галоп.

Наконец, понеслись в Тель-Авив, где на территории министерства обороны расположен уютный старый домик для премьера. Разговор с Нетаньяху — помимо дежурных тем — сконцентрировался на Сирии. Примаков сказал, что по его впечатлениям сирийцы не готовят никаких военных акций.

Нетаньяху много говорил о том, что сирийцы выдвинулись на позиции, очень подходящие для первого удара. Они собираются захватить у нас небольшой плацдарм, а когда мы нанесём контрудар, — воззвать к мировой общественности. Чтобы обеспечить выгодные условия для переговоров. Примаков решительно отвергал такую перспективу.

Примаков нажимал на то, что надо садиться за стол переговоров с сирийцами, учитывая то, что уже говорилось и было обещано. Однако Нетаньяху решительно отвёл мотив обещаний: ничего такого не было, мне сам Кристофер говорил. Что же касается «гипотетических предположений», то даже если они были, мы не готовы однозначно принять их. Асад фактически предлагает не переговоры, а капитуляцию. Интересно, как бы отреагировали сирийцы, если бы Израиль в качестве «первоначального запросного требования» попросил отвести основную массу сирийских танков, ну, хоть к иракской границе?

«Мы ходим по заколдованному кругу», — подытожил Примаков.

В заключение договорились о создании доверительного канала связи. Этот канал (Либерман — Маркарян) действительно был создан. Но функционировал очень недолго. Толку от него было мало.

1 ноября Примаков был в Газе. «Очень волнующее посещение», как сказал на брифинге Посувалюк.

Имел в машине приватную беседу с министром. Сообщил ему, что вторую коленку заменяю в конце ноября. После операции, сказал Евгений Максимович, дам тебе три месяца и возвращайся. На пенсию. Всё равно тебя по возрасту Дума никуда не пропустит. А пенсия теперь хорошая. Вместо тебя будет Миша Богданов. Я было заикнулся об оплате операции, но ответ был уклончивым.

Визит был любопытным. Если иметь в виду мирный процесс, то ни о чём не договорились. Но между Примаковым и Нетаньяху возникло взаимопонимание, они почувствовали друг друга («химия», как говорят в Израиле). Что в перспективе могло бы сыграть важную роль. Но эта перспектива уже уходила за мой посольский горизонт...

А ещё в октябре был футбольный матч Россия — Израиль. Наши еле-еле вытянули ничью 1 : 1. Трибуны ревели. Рядом болели Либерман, Шомрон и Тихон. За Израиль, конечно. Это был второй футбольный матч в моей жизни.

Культура в октябре. «Пигмалион» в Современнике, Гафт и Яковлева. Яковлевой удалась герцогиня, а не цветочница. — В Савьоне отмечали 70-летие директора театра Эрдмана. Были раки из Ростова и здоровый осетр из kibбуца «Дан», где предприимчивый Миша из Ташкента выращивал некошерную рыбу. — «Фигаро» в Ленком. Блестящий капустник. — Ашдодский оркестр. Почти все «наши». Кроме Моцарта. Дирижер — Михаил Кац. Давным-давно в Ростове я слушал оркестр, которым дирижировал его папа.

НОЯБРЬ-96

Казус Березовского — Нетаньяху под боем — Замена второй коленки — Что мне не нравится в израильтянах

Ноябрь начался с Березовского. Сообщение о том, что он назначен секретарём Совета Безопасности РФ, вызвало разногласицу в Израиле и обрушило на посольство шквал телефонных звонков (в основном — из Москвы). Спрашивали: правда ли, что Березовский — гражданин Израиля? Я честно отвечал, что не знаю, так как израильское гражданство дают израильские власти, не согласовывая это с российским посольством. Мне не верили. Из МВД Израиля пошла информация, что некий Березовский Б.А. (1947 года рождения) получил израильское гражданство в 1993 году и с женой Галиной жил в Бат-Яме с августа по ноябрь того же года. Но Березовских много (наш родился в 1946 году).

8 ноября мне позвонил «надёжный источник» и сказал, что вчера Березовского лишили израильского гражданства. Чтобы мог честно говорить «нет!». 10 ноября ещё более «надёжный источник» заявил: мы сделали «выволочку» Гусинскому. Что — они там не понимают? Не могли растолковать Березовскому, что пойдут большие круги по воде?

После, уже в Москве, по поводу увольнения Березовского из Совета Безопасности я написал статью «Березовский как зеркало русской демократии». Беседовал с ним один раз. Но о гражданстве не говорили...

.....
4 ноября Черномырдин позвонил Нетаньяху. Говорили минут 40. В местной прессе писали, что российский премьер высоко оценил улучшение отношений между обеими странами и предложил поставлять газ и нефть в Израиль. Пригласил Нетаньяху посетить Россию в начале 1997 года. Сказал, что Ельцин в курсе этого звонка. К сожалению, посольство не было в курсе.

Неожиданная реакция последовала в газете «Новости недели». Эфраим Ганор опубликовал заметку «К руке сулящей припадаю...» 5 ноября он писал: «В сложный и напряжённый период подготовки к выборам президента Соединённых Штатов, собственно почти в канун этих выборов Биньямин Нетаньяху счёл необходимым вплотную

заняться проблемой укрепления отношений между Израилем и Россией. Да, такой пощёчины Билл Клинтон, самый «еврейский» президент США с момента создания Государства Израиль, ещё не получал. И, во всяком случае, не заслужил.

Мало того, что нынешний премьер-министр Израиля с каждым часом теряет долю доверия, проявленного к нему народом Израиля, он, кажется, теряет, как говорят лётчики, направление полёта. Нетаньяху готов «подружиться» с каждым, кто ему улыбается — ну совсем как женщина, брошенная мужьями и любовниками и жадно липнущая к первому обратившему на неё внимание.

Россия, которая вооружает Иран ядерными боеголовками, Россия, которая направляет своих военных советников в Сирию, Россия, которая на протяжении всей истории существования еврейского государства поддерживала его врагов, — эта Россия стала вдруг чуть ли не главной союзницей Нетаньяху. Такой альянс сродни союзу с дьяволом!..

Нет никакого сомнения в том, что своим поступком Нетаньяху продемонстрировал не только отсутствие политической мудрости и такта, которые вовсе бы не помешали премьер-министру любого государства, а тем более еврейского, но и элементарное непонимание обстановки.

Самое малое, что должен был сделать Нетаньяху в этой двусмысленной, в чём-то даже неприличной ситуации, — это сказать господину Черномырдину, обескуражившему нашего премьера своим звонком: «Мы очень ценим заинтересованность России в успешном исходе мирного процесса, намерение поддержать Израиль в этот сложный момент, но я предпочитаю дождаться окончания президентских выборов в США — а там вернёмся к нашему разговору».

Факт, что вчера Биньямин Нетаньяху в буквальном смысле слова «припал к ручке» Виктора Черномырдина, — наглядное доказательство того, в каком смятении пребывает наш премьер.

Утром позвонил Либерман: «Читал?» — «Читал!» — «Это наша страсть — обдѣлывать самих себя!»

Ганора я знал. Толковый журналист, хороший аналитик. Не мог понять, что подвигло его на эту глупость и бестактность.

8 ноября в «Новостях недели» появилось «Необходимое уточнение». «Уточнял» Эфраим Ганор: «Не ошибается тот, кто ничего не делает» — так, обычно, говорил мне покойный отец. Он учил меня мужеству признавать свои ошибки.

На этой неделе я «атаковал» Биньямина Нетаньяху на страницах газеты «Новости недели», раздосадованный тем, что он избрал столь неурочный час — канун президентских выборов в США, — чтобы объявить об укреплении отношений между Израилем и Россией. Мне следует признать свою неправоту, выразить сожаление за излишнюю

горячность и извиниться перед премьер-министром: неурочное, как я уже сказал, время выбрал не он, а глава российского правительства Виктор Черномырдин, который связался с нашим премьером из своего кремлёвского кабинета.

Уже после того, как моя заметка была опубликована, мне стал известен ряд фактов, безусловно доказывающих, что «атака» на Биньямина Нетаньяху была излишней и неуместной. И я счёл себя обязанным заявить об этом во всеулышание.

Примите, пожалуйста, мои извинения, господин премьер-министр!»

Мне кажется, что Ганору должно быть стыдно дважды: и за то, что он написал, и за то, как он извинился. Но тут уже начинается заповедное поле «свободы печати», которое теперь нам так хорошо известно...

.....
5 ноября посетил нового министра финансов Дана Меридора (знал его раньше как министра юстиции). Обсудили расхождения между ним и управляющим Центральным банком профессором Френкелем. Потом — мирный процесс. С Хевроном решим, — сказал министр. Дальше — надо поднимать палестинскую экономику. Сейчас палестинцам, если вспомнить Маркса, нечего терять, кроме своих цепей. Если бы у них было что терять, они бы не стали бунтовать, они бы сами боялись войны. Пусть называют себя «государство». Важно, чтобы армии не было. «Ведь Бог создал Адама без яиц». Я не стал спорить с Меридором насчёт Адама, но подумал: а всё-таки они появились...

.....
В газетах замелькали сообщения, что в Эйлате замечен российский вице-премьер Владимир Потанин. «Не слёт ли это российской мафии?» — вопрошали бдительные журналисты. Звонили в посольство. Посольство ничего не знало: ни про Потанина, ни про «мафию». Нажаловался лично Черномырдину: видимо мне, как «осколку империи», трудно подняться до вершин нынешней демократии. Поэтому продолжаю думать, что посольство следует ставить в известность о появлении в «стране пребывания» столь важной особы. Черномырдин не отреагировал.

.....
Дал интервью журналу Ассоциации новых предпринимателей «Деловой Израиль». Наверное, самое короткое в моей жизни.

«— Удовлетворены ли вы тем, как в настоящее время развиваются экономические отношения между вашей страной и Израилем?

— Нет, не удовлетворён.

— Какие конкретно действия готовы предпринять вы лично и ваше посольство для дальнейшего развития этих отношений?

— Лично я пытаюсь добиться того, чтобы в системе посольства был человек, который на высоком профессиональном уровне мог бы заниматься проблемами экономического сотрудничества.

— *Каких конкретных действий вы ожидаете от нового правительства Израиля в этом направлении?*

— Надеюсь, что будет решён вопрос о государственном страховании риска (в том числе — малого бизнеса).

— *Как, по вашему мнению, обеспечить эффективное участие бывших граждан вашей страны в развитии деловых отношений между нашими государствами?*

— Не могу вмешиваться во внутренние дела Израиля. Что же касается России, то она должна обеспечить стабильность и порядок (в политическом и правовом смысле)».

На фоне этого интервью вспомнил три совета, которые я давал российским бизнесменам, появлявшимся в Израиле. Первый: наберитесь терпения, здесь все опаздывают. Второй: будьте максимально внимательны, любую бумагу читайте с лупой; Израиль — страна адвокатов. Третий: будьте настойчивы, если в первый раз откажутся выпить, выпьют во второй.

.....
19 ноября прибыл в уже знакомую больницу «Хадасса». Операцию сделали 20-го. На этот раз лежал на операционном столе всего два часа. Всё шло по привычной схеме. 28-го выписали. Вручили ампулы и иглы. Сам себе две недели колот в живот: чтобы тромбов не было.

.....
Лежа на каталке и направляясь в операционную, я узнал, что этим утром внезапно скончался полковник Михаэль Штиглиц, бывший военный атташе Израиля в Москве. Мы довольно часто встречались. Не на деловой почве, а у общих друзей, в общих компаниях.

Миша, как все его звали, — родной брат жены Щаранского Авиаталя. Закончил исторический факультет МГУ. С 1973 года — в Израиле. С 1979 года — в армии. Сделал блестящую военную карьеру. О нём ходило много разных слухов, которыми меня путали. Но раз Москва приняла его в 1993 году в качестве военного атташе, вопрос о слухах для меня отпал.

Яркий был человек. Вот уж действительно «настоящий полковник». Но не «военная косточка», а военный интеллигент. Было в нём какое-то внутреннее благородство, врождённый аристократизм. С ним никогда не было скучно. Умел говорить, но умел и молчать. Умел хорошо выпить. Умел и порассуждать — о чём же всё-таки говорил Заратустра?

Не везёт хорошим людям — не дожил даже до 50-ти...

.....
Весь ноябрь меня ругали за мои высказывания относительно евреев, которые появились еще в октябре в интервью, опубликованном в популярном еженедельнике «Алеф».

Начну с интервью.

«— Ходят слухи, что вы покидаете нас. Независимо от того, насколько они верны, мне важно, что у всех новых и старых израильтян это вызывает глубокое сожаление. Вас уважают, по-дружески любят — и не за последние пять лет, а за многое, что было раньше. И значит, к критике из ваших уст отнесутся с доверием. Поэтому я хотела бы спросить вас: что вам не нравится в евреях? Какие национальные черты нам сегодня во вред? Различаете ли вы евреев и израильтян, и если да, то чем мы друг друга дополняем и чего друг друга лишаем?

— Я не готов ответить на эти сложные и деликатные вопросы в рамках неизбежно краткого журнального материала. Если доживу до собственных мемуаров, то там попробую пофилософствовать и отделить еврея от израильтянина (и наоборот). Здесь же ограничусь упоминанием того, что мне не нравится в поведении израильтян.

Во-первых, почти всеобщая необязательность, которая выражается в хронических опозданиях всего и вся. Нигде я не терял столько времени, ожидая начала концерта, начала заседания, прихода человека на деловую встречу и т.д., и т.п.

Во-вторых, явный дефицит деликатности, излишние, как мне представляется, развязность, неопрятность, бесцеремонность на улицах и в общественных местах. О некоторых проявлениях указанных «качеств» даже говорить неудобно. Упомяну лишь об изобилии мусора вдоль дорог и в лесах, нежелание уступать друг другу дорогу, да и вообще нежелание считаться с тем, что рядом и вокруг могут быть люди, которым ваша «раскованность» мешает.

В-третьих, странная неосведомлённость многих вроде бы образованных, внешне вполне интеллигентных и занимающих видное положение людей во многих, я бы сказал «школьных», фактах мировой истории, мировой культуры.

В-четвёртых, проникающие во все поры общества лицемерие, ханжество, суесловие. Везде и всюду говорят об еврейских традициях, Книге книг, Десяти заповедях. Но, судя по тому, что я вижу, о чём слушаю и читаю, обычная жизнь большинства обычных людей, реальная политика и реальная экономика, в которые погружены израильтяне, — всё это страшно далеко от указанных заповедей. И имя Господа поминается все...

Хочу сразу оговориться. Мой опыт, как и опыт каждого человека, ограничен. Поэтому я могу ошибиться. И в данном случае я даже хотел бы ошибиться... К тому же перечисленные мною минусы встречаются не только в Израиле, но в тех или иных сочетаниях характерны для многих стран.

— ...По приезде в страну шесть лет назад я была поражена, когда узнала, как расшифровывается аббревиатура БАГАЦ — Высший суд справедливости(!). При этом один известный профессор Иерусалимского уни-

верситета говорит обычно своим студентам юрфака: «Вы пришли изучать закон, а не справедливость».

Не кажется ли вам, что в стремлении евреев к высшей справедливости при том, что её невозможно достичь, есть нечто болезненное? Гремучая смесь самонадеянности молодого израильского общества и мудрости древнего еврейского народа? Возможно — определённый национальный комплекс? Сколько ведущих советских журналистов, писавших на морально-этические темы, были евреями... Видимо, это в крови.

Наверное, этому можно найти историческое объяснение, но в условиях современной политики, особенно ближневосточной, не обойтись без прагматических компромиссов. Как вы, будучи дипломатом, считаете: сочетается ли в позиции Израиля справедливость с реальностью? Если иметь в виду отношение к новым репатриантам, взаимоотношения религиозных и светских, политику относительно палестинцев...

— Ну, что ж. Поговорим о справедливости. Как-то я не очень убеждён, что для евреев характерно стремление к «высшей справедливости». Во всяком случае то, что я наблюдаю уже скоро пять лет в Израиле (если, конечно, не принимать всерьёз упомянутое выше суесловие), никак не подтверждает ваш тезис. Что, кстати, объединяет Израиль с другими государствами, в частности — с Россией.

Есть и другая, уже не житейская, а, так сказать, теологическая сторона проблемы. Дело в том, что одной из граней справедливости служит веротерпимость. Так вот, в Торе эта самая веротерпимость отсутствует начисто. Как раз в те дни, когда я пишу ответы на ваши вопросы, евреи должны читать главу «Таво» из книги «Дварим». Помоему, в страшном сне не могут присниться те проклятия, те кары, которые перечислены в этой главе и которые обрушатся на человека, если он отклонится от выполнения заповедей и установлений Бога. Разве этот апофеоз жестокости совместим со стремлением к «высшей справедливости»? Вопрос почти риторический.

Вообще же философические разговоры о справедливости, тем более — о «высшей», меня не увлекают. Следуя примеру Камю, между справедливостью и матерью я выбираю мать.

А теперь спустимся с неба «справедливости» на землю компромиссов. Компромиссы — это воздух политики. Каждый делает шаг назад, чтобы вместе шагнуть вперёд — вот суть, смысл компромисса. Компромиссное решение может быть прочным лишь в том случае, если каждая из сторон считает его «справедливым», то есть отвечающим её интересам. А поскольку интересы расходятся, не совпадают, поиск компромиссов осуществляется в плоскости не абсолютных, а относительных ценностей и сводится к взаимным уступкам, к фиксации «частичной» (но устраивающей всех) «справедливости».

Такова теория. С практикой сложнее. Мне представляется, что нынешнее правительство Израиля ищет некую равнодействующую между

ликудовской идеологией («справедливость») и требованием практической политики (реальность). Кажется, Талейран сказал: политика — это искусство сотрудничать с неизбежностью. Надеюсь, что правительство овладеет этим искусством.

— Когда интеллигентный россиянин хочет убедить собеседника в своей лояльности по отношению к евреям, он обязательно говорит о том, что у него есть друзья, родственники — евреи. То есть: «Я вас не чураюсь». Вот и вы, Александр Евгеньевич, в одном интервью говорили, что первым браком были женаты на еврейке...

Когда еврей хочет продемонстрировать то же самое относительно русских, он оперирует, как правило, другими категориями, не личностными. Он уверяет, что воспитан на поэзии Пушкина и музыке Чайковского, демонстрирует свои знания русской истории или что-либо такого же порядка.

Возможно, я необъективна. И всё же я не сталкивалась с ситуацией, когда бы в обычной житейской «разборке» припоминали, что мораль обоих народов основана на Десяти заповедях, данных Богом Моисею. Я уж не говорю о возможности аргументации, основанной на современных знаниях. Вы можете со мной не согласиться. Но почему?

— Позволю себе заметить, что вы зря обижаете «интеллигентного россиянина». Такой россиянин, ex definitione, равно относится и к эллину, и к иудею. И у него нет необходимости (и желания) убеждать кого бы то ни было в «своей лояльности по отношению к еврейскому народу». Тем более, ссылаясь на друзей и родственников.

По-моему, поэзия, музыка и т. п. здесь вообще ни при чём. Я, например, не понимаю китайскую музыку, не очень силён в китайской истории, плохо знаю китайскую поэзию, но это никак не отражается на моём отношении к китайцам. Они столь же хороши (или плохи), как евреи или, допустим, немцы. То есть «интеллигентный россиянин» a priori (он так воспитан папой и мамой, бабушкой и бабушкой) «принимает» и старается понять любой народ.

Другое дело — степень, глубина понимания. Вот тут вступают в игру знание истории, культуры, а также друзья и родственники. Так, если бы моей женой была китайка, то, наверное, я лучше бы понимал китайцев.

Вы упоминаете заповеди, «данные Богом Моисею» — аргументация такого рода предполагает веру в Бога. А «интеллигентный россиянин» в Бога, как правило, не верит (хотя нынче это модно). Ему не нужна эта гипотеза. Гипотеза, унижающая человека. Ведь всякая религия — это страх перед выбором, а значит — бегство от свободы.

Что же касается заповедей, то полезно время от времени перечитывать «Великого инквизитора». Замечу лишь, что заповедь «не убий» соседствует в Книге книг с многочисленными рекомендациями убивать без всякой жалости. Мораль, которая держится на страхе наказания, — это мораль рабов.

Так что я, пожалуй, отдал бы предпочтение не тому, кто в знак своей «любяности» толкует о верности Ветхому завету, а тому, кто говорит о друзьях-евреях. Хоть не врёт...

Надеюсь, я удовлетворил Ваше любопытство.

Интервью имело небольшую предысторию. Были какие-то сомнения и у меня, и у журнала. Когда я показал свои ответы Лене Петровне, она была категорически против их опубликования. Логика: если ты пришел в гости, и тебя спрашивают — вам нравится суп? — ты ведь не скажешь «нет», даже если суп не нравится. Но я не согласился с этой суповой логикой. Показал настоящему дипломату — Владимиру Ивановичу Носенко. Он задумался, но одобрил. Потом неожиданно позвонил Канович. Мне, говорит, из «Алефа» прислали ваше интервью. Спрашивают: не слишком ли? Так я ответил: подписываюсь под каждым словом!

Сомнения были не напрасны. Пошли гневные письма. Приведу несколько образцов.

Д-р Феликс Лебедь: «...Г-н Бовин, надо сказать, уж слишком свыкся с ролью старшего брата, к которому ветераны войны обращаются за содействием в получении квартиры. Если бы он был “свободным журналистом” и написал... частное письмо, допустима была любая откровенность. Но в ранге посла откровенничать по поводу расхлябанности, бескультурья и продажи с молотка заветов Моисея в Израиле — это не совсем “дипломатично”».

Шалом Шпильбер: Бовин «позволяет себе беспардонно критиковать главу «Таво». Такой выпад в адрес святая святых нашего народа, фундамента всего существования евреев, можно бы вполне расценить как кощунственный, если не считать его просто невежественным»¹.

Ирина Медведева: Бовину мало критиковать «какие-то отдельные черты евреев», и он идёт дальше — «критикует религию и Тору. На двух-трех страничках журнального текста он умудрился подвергнуть критике самое ценное, что есть у евреев — Тору. Это по меньшей мере странно. Люди, изучающие Тору в ешивах всю жизнь, не осмеливаются сказать, что знают её досконально. Для того чтобы Тору

¹ О чём же идёт речь в главе, которую я упомянул? Если не будешь исполнять волю Бога, все заповеди и установления его, то «...поразит тебя Бог чихоткой, и лихорадкой, и горячкой, и воспалением, и засухой, и знойным ветром, и желтизной растений, и будут они преследовать тебя, пока не погибнешь. И станет небо твоё, что над головой твоей, медью, а земля, что под тобой, железом. Превратит Бог дождь страны твоей в пыль и прах, с неба это будет падать на тебя, пока не будешь ты уничтожен... И будут трупы твои пищей всем птицам небесным и животным земным, и никто не будет их отпугивать. Поразит тебя Бог воспалением египетским, и геморроем, и коростой, и чесоткой, от которых ты сможешь ты исцелиться. Поразит тебя Бог сумасшествием, и слепотой, и растерянностью... И будешь ты есть плоть чрева твоего, плоть сыновей твоих и дочерей твоих...» И всё в таком же духе. «Высшая справедливость»...

правильно понимать, мало её просто читать, её надо глубоко изучать. Интересно, где изучал её г-н Бовин? Откуда у него такая, мягко говоря, смелость делать выводы, что в Торе есть призыв к убийству, что религиозная мораль — мораль рабов? Наказания за неисполнения заповедей Торы он называет апофеозом жестокости, несовместимым со стремлением к высшей справедливости. Тора, данная не человеком, а Богом, по определению самая большая справедливость, которая существует в мире».

Ш.Ривкин: «Господа евреи, что случилось?! Что вы подняли бурю в стакане воды?! Ну, сказал г-н посол России пару «горьких слов». Разве это не правда, разве это не то, что мы сами в себе хотим изменить?!

...Дорогие мои, Бен-Гурион говорил: «Неважно, что говорят гои, важно, что делают евреи». А что сделали евреи? Обиделись!

...Да, в Израиле не так чисто, не так опрятно, люди не так деликатны и обязательны, как хотелось бы, и в первую очередь нам. Но заблёванных подъездов, изрезанных сидений в автобусах, просящих милостыню детей даже посол не увидел. Я же всё это и многие другие мерзости видел недавно в Москве¹. А что до невежества, то посол в своих суждениях о Торе и вере опасно близко подошел к этой грани».

Малка Аранович: «Некоторые ответы г-на Бовина более или менее объективны. Но то, что он отрицает стремление евреев к высшей справедливости и веротерпимость Торы, — доказывает, что хоть он умный человек, но не проник во всю глубину Ветхого завета и, может быть, поэтому судит предвзято».

До сих пор не могу ответить сам себе, надо ли было говорить то, что я думал. Интересно, что никто из критикующих и протестующих ничего не возразил по существу. Но ведь дело не в этом. Все хотят слышать, что суп вкусный. В гостях я так и скажу. Но когда тебя серьёзно спрашивают о серьёзных вещах, тут другой оборот. Проще всего сказать: я — посол и не буду говорить ничего, что может обидеть, уязвить граждан «страны пребывания». Нет, наверное, всё-таки надо говорить. Наверное, здесь главное не принцип, а мера. Возможно, я её нарушил, стоило бы быть помягче...

¹ А вот, например, что увидел в Тель-Авиве после празднования Дня Независимости Ларри Дефнер из «Джерузалем пост»: «Вся территория парка длиною около километра, все его зелёные холмы превратились в курганы отходов, оставленных любителями пикников, которые пировали здесь накануне. Это был не просто парк, заваленный мусором. Слой отбросов был столь велик, что под ним бесследно исчез весь травяной покров».

Это была просто-напросто грандиозная открытая мусорная экспозиция. На выставке демонстрировались обглоданные куриные кости, корки дынь, бутылки из-под пива, горы тарелок с остатками шашлыка...

В день рождения Израиля тысячи и тысячи его граждан не продемонстрировали любовь к своей стране, они продемонстрировали лишь поразительное презрение к ней».

.....
Весь месяц продолжались переговоры по Хеврону. Только уже не на КПП, а часто — на вилле американского посла. Российский коопонсор не привлекался. Арафат сопротивлялся, но шаг за шагом отступал.

Помню разговор с бельгийским послом. Он сказал: «Проблема Хеврона не имеет решения». Мой ответ: «Хеврон — последняя лёгкая проблема. Настоящие трудности начнутся за Хевроном».

.....
Культура в ноябре. «Звёзды» российской эстрады. Меладзе. Понарская. После такой «звёздочки», как Распутина, я сдался. — Пела Вероника Долина. Вечер прозрачной грусти. — Песни на идиш в Иерусалиме. Погибающая цивилизация. Одно время в Израиле были настоящие гонения на идиш. Потом успокоились. Идиш богаче и «вкуснее» иврита. «На иврите говорят, а идиш говорится сам собой» — это Бялик сказал, а уж он понимал толк в обоих языках.

ДЕКАБРЬ-96

*Конгресс славистов — Проблема поселений —
— Качество жизни — Вечно молодой Гробман*

Весь декабрь продолжались лихорадочные попытки договориться по Хеврону. Арафат настаивал на том, чтобы одновременно с подписанием соглашения израильтяне дали график поэтапного вывода войск с Западного берега. И решительно отказывался предоставить израильской армии право, преследуя террористов, «по горячим следам» вторгаться на палестинскую территорию Хеврона. Нетаньяху не соглашался. В самом Хевроне евреи создали «Фронт сопротивления». Шарон шумел, что уход из Хеврона будет означать «крах сионизма». Американцы давили и на Арафата (больше), и на Нетаньяху (меньше).

8 декабря открылся II международный конгресс славистов. Тема — «Иерусалим в славянской культурной и религиозной традиции». Всё очень чинно и торжественно. Славистов много. Ради такого случая покидаю реабилитационный Савьон и даже поднимаюсь на трибуну.

«Для меня большая честь выступать перед столь почтенной аудиторией.

Роль посла — это нечто вроде «свадебного генерала», который должен выступать в любых собраниях и по любому поводу. Таковы правила игры. Поэтому я обречён произнести ритуальную речь, а вы обречены эту речь выслушать.

Здесь уже говорилось о Хануке, во время которой мы собрались здесь. Ханука — это по понятным причинам не только праздник Израиля, но прежде всего праздник Иерусалима. Хануки нет в Торе. Этот праздник не дарован нам свыше. Он является результатом самодеятельности людей...

Если перевести смысл Хануки с теологического, религиозного языка на язык секулярный, то Ханука — это День Победы или, точнее, это Неделя Победы. Победы в гражданской войне, победы в религиозной войне или, как принято говорить теперь, победы в «войне культур». В данном случае победила культура монотеизма. Язычники, эллинские варвары были повержены.

В теологических терминах это была победа света над тьмой, содержания над формой, духа над телом.

Если греки твердили, что красота есть святость, то, с точки зрения евреев, святость есть красота. И именно под этим лозунгом победили Маккавеи. Следы этой победы чувствуются и сегодня. Мы пьем пиво «Маккаби», а некоторые болеют за футбольную команду «Маккаби». В общем, *sic transit gloria mundi*.

Давно всё это было. Прошло более двух тысяч лет. Но и сегодня форма воюет с содержанием, дух воюет с телом, и в каждом из нас, если верить Фрейдю, наряду с духом и содержанием существует нечто от тела и формы.

Дуализм неустрашим.

Если спросить меня, какой мой самый любимый город, то я скажу — это Нью-Йорк.

Понимаю, что здесь, в этой аудитории, моё признание звучит почти кощунственно. Но ничего не могу с собой поделать. Этот культ «золотого тельца»... Это воплощение урбанизма, техногенной цивилизации... Эти каменные, языческие джунгли... Но среди камней Нью-Йорка я, как рыба в воде.

Таково лишь одно измерение моего «я». Другое, — и не менее важное измерение, — это Иерусалим.

В отличие от иудеев я вошёл в Иерусалим через Новый Завет, через Евангелие. Однако неважно, как я вошёл в Иерусалим. Важно, что Иерусалим вошёл в мою жизнь как исток той духовной культуры, к которой я принадлежу.

Иерусалим как символ иудаизма, а затем и как символ христианства, принижает нашу историю, наше искусство, наш образ жизни.

Между этими полюсами — Нью-Йорк и Иерусалим — вольтова дуга, которая (пока?) освещает путь прогресса.

В историю, в культуру, в традиции славянства Иерусалим вошёл и через Рим, и через Константинополь. Но вошёл прочно, вошёл органично.

Лично для меня вершина преломления иерусалимской темы в славянской культуре — это Михаил Булгаков. Помню своё первое посещение Иерусалима в 1979 году. Ходил с романом Булгакова по местам, которые описаны в «Мастере и Маргарите».

Нет, в отличие от Нью-Йорка здесь, в Иерусалиме, я не как рыба в воде. Здесь я как паломник в храме. Здесь я как жаждущий у родника. Здесь я как блудный сын, вернувшийся домой... Это — Иерусалим.

И вот мы все в Иерусалиме. Уверен, что конгресс будет содержательным и интересным».

Запомнилось выступление моего украинского коллеги. У евреев и украинцев, говорил он, похожие судьбы. И нас, и вас угнетали «москали». И мы, и вы обрели свободу... Правда, он не сказал, — как о том писали на Украине, — что Иерусалим был основан выходцами с

Украины. Они построили Руса-салем, то есть Русов постой. Отсюда и пошло — Иерусалим.

Мы ведь тоже когда-то прошли через это. Помните: «Россия — родина слонов!»

11 декабря поздно вечером у поселения Бейт-Эль палестинцы убили двух израильтян. На следующий день, выступая на похоронах, Нетаньяху заявил: «Наш ответ чудовищу в образе человека, которое убило Иту и Эфраима, это ответ всего народа Израиля, всего правительства: мы останемся здесь несмотря ни на что, мы продолжим строить здесь, и никому не удастся прогнать нас из этих мест». 13-го по предложению Нетаньяху правительство решило предоставить статус национального предпочтения поселениям Иудеи и Самарии.

Это решение, направленное на укрепление и развитие поселений, вызвало полемику в Израиле. Глава ШАБАКа предупредил премьера, что правительство начинает обратный отсчёт времени, который кончится возобновлением интифады. «Тот, кто говорит “поселения”, — заострил свою мысль шеф контрразведки, — говорит “война”».

Свою обеспокоенность выразил Вашингтон. Европейское Сообщество охарактеризовало поселения как главное препятствие на пути к миру. «Сионистский ответ» Израиля осудила Лига арабских государств, собравшаяся в Каире.

Рассмотрим проблему поселений в более широком контексте. Исторически поселенческое движение было практическим воплощением сионизма: евреи ехали в Палестину и оседали там, создавали, говоря близким нам языком, сёла и деревни. Создавали, надо подчеркнуть, во враждебном арабском окружении. Поселенец — это значит мужественный, готовый к лишениям человек. «Пахать, стрелять и знать иврит», — так формулировали свою «триаду» поселенцы из России.

После раздела Палестины и основания Государства Израиль поселениями стали называть населённые пункты, которые создавались на землях, захваченных Израилем в ходе победоносных для него войн: на Западном берегу (Иудея и Самария), в Газе, на Голанах, на Синае, рядом с Восточным Иерусалимом. Изменился психологический тип поселенца. Теперь это был, как правило, не пионер, первопроходец, — хотя сохранились и такие люди, — а человек иной мотивации: значительный набор льгот, общественный престиж (как у нас когда-то — «дальневосточник»), меньшая «теснота» и зависимость от чиновной паутины, характерной для обжитых мест.

Согласно данным Совета еврейских поселений Иудеи, Самарии и Газы, на конец 1997 года в 149 поселениях проживали 161 157 человек. К этим цифрам следует добавить Голаны (32 поселения — 14 тысяч человек) и Восточный Иерусалим с окрестностями. Тогда получится более 300 тысяч поселенцев.

Какова правовая сторона дела? Профессор Тель-Авивского университета, специалист по международному праву Натан Лернер утверждает, что создание поселений на территориях, юридически не принадлежащих Израилю, противоречит международному праву. Он ссылается на Женевскую конвенцию, которая запрещает государству, контролирующему захваченные территории, создавать там поселения и менять демографическую ситуацию. «С международной точки зрения, — пишет Лернер, — Израиль нарушил закон уже в тот момент, когда было построено первое поселение».

Противники поселений обратились в Верховный суд с иском о признании поселений незаконными. Но БАГАЦ иск отклонил, постановив, что поселения считаются временными, и их судьба будет решаться на мирных переговорах.

Более радикальную позицию занял в 1968 году юридический советник правительства (потом — председатель Верховного суда) Меир Шамгар. Он считал, что Женевская конвенция вообще не имеет отношения к данной ситуации. Израиль не захватывал чужие земли, а возвращал свои. «Точно так же, как Франция не считала, что она оккупировала Эльзас-Лотарингию, освободив её после войны, — рассуждал Шамгар, — так же и мы не видим себя оккупантами в Иудее и Самарии».

В декабре 1996 года МИД Израиля разослал бумагу, в которой доказывается, что создание поселений не противоречит международному законодательству. Эти поселения были санкционированы ещё британским мандатом, и право создавать такие поселения не оспаривается ни Женевской конвенцией, ни Норвежскими соглашениями.

Мне представляется, что в юридическом плане аргументы Израиля наивны и уязвимы. Но дело не в этом. Вопрос о поселениях будет решаться не в юридической, а в политической плоскости. Тут разворачиваются основные баталии.

Правые настаивают на том, что это — «наша» земля, и мы не уйдём. Поселения — основа сионизма. Если «автономия» неизбежна, поселения — за малым исключением — всё равно останутся, и безопасность их будет гарантироваться Израилем. А о Большом Иерусалиме и вообще говорить нечего.

Точку зрения левых можно проиллюстрировать словами одного из лидеров МЕРЕЦа Бени Тёмкина: «Поселенческая деятельность на территориях с самого начала была ошибкой, — говорил он в январе 1995 года. — Ошибкой политической, стратегической и ошибкой — с точки зрения обеспечения безопасности. И главное, она всегда, иногда сознательно, иногда нет, была препятствием для мирного урегулирования. Особенно опасной эта ошибка становится сейчас, когда мирный процесс реально осуществляется. Попытки поселенцев расширить строительство на территориях и одновременно использовать национальный консенсус в вопросе Иерусалима для того, чтобы рас-

ширять строительство в районах, которые в настоящее время не входят в его границы, всё это наносит ущерб переговорам с палестинцами и препятствует правительству в удержании позиции по вопросу о собственно Иерусалиме.

Но, что ещё более серьёзно, в то время как исламский террор кровавыми методами пытается остановить процесс урегулирования, попытки расширить поселения, с другой стороны, также наносят удар по самой возможности переговоров о достижении мира».

Правительство Рабина—Переса проводило линию «замораживания» поселений. То есть их окончательная судьба будет решаться на финальной стадии переговоров, а пока новых поселений не создаём, старые не расширяем. Сократились ассигнования на поселения. В принципе эта линия выдерживалась. Хотя под давлением самих поселенцев, под давлением оппозиции правительство иногда отклонялось от своего же курса.

Правительство Нетаньяху сделало упор на «неприкосновенность» поселений, на их развитие, но не за счёт расширения площадей, а за счёт строительства и обустройства в имеющихся границах.

Отчаянно боролись за существование сами поселенцы. Не только потому, что они сионисты. А потому, что трудно покидать места, где прожита жизнь, где всё вокруг сделано своими руками, где выросли дети и растут внуки. В июне 1996 года Совет поселений предъявил правительству список требований, которые включали возведение новых поселений и «создание необратимой ситуации в еврейской Иудее, Самарии и секторе Газы за счёт массового строительства еврейского жилья с тем, чтобы ни один режим не смог поднять вопрос о ликвидации «мелких поселений».

Позиция палестинцев остаётся прежней: ликвидация всех поселений. Но, как мне представляется, никакое израильское правительство на это не сможет согласиться. Тут — один из наиболее острых углов «бермудского пятиугольника». Единственно, что возможно, — притупить его немножко. То есть ликвидировать мелкие, стоящие «на отшибе» поселения, при сохранении их основного массива...

К концу 1996 года Израиль подошёл со сложными, тревожными, противоречивыми процессами в экономике.

С одной стороны, вроде бы можно было радоваться: эксперты Международного валютного фонда, опираясь на устойчивую динамику 90-х годов, наконец-то зачислили Израиль в разряд «экономически развитых государств». Однако 1996 год стал выпадать из общего ряда. Пошли вниз темпы прироста ВВП, сократилось частное потребление, упали экспорт и импорт, ещё хуже стало сальдо торгового баланса, увеличилась безработица.

Абсолютные цифры впечатляли. ВВП приблизился к 95 миллиардам долларов, что превышало совокупный ВВП соседей — Египта,

Иордании, Ливана и Сирии. В расчёте на душу населения ВВП Израиля составлял 16 700 долларов. Что меньше, чем в США, но больше, чем в России (3550 долларов).

Экономика Израиля состоит как бы из двух слоёв. Верхний — современные производства, так называемый «хай-тек». Там производится продукция высокого качества, но весьма дорогая. Низший — экономика дешёвого труда. Низкое качество, но и цены пониже. Эта двуслойность тормозит общий экономический рост и вызывает ряд социальных проблем.

Для рынка труда в Израиле характерно наличие палестинских рабочих. Их число доходило до 120 тысяч. Дешёвые рабочие руки делали невыгодным внедрение передовых технологий. Террор, частое «закрытие» территорий резко снизили количество палестинцев, приходящих на заработки в Израиль. Казалось бы, это должно было подтолкнуть технический прогресс, сделать упор на повышение производительности труда. Но тут «повезло» — появились нетребовательные «русские», которые часто были готовы на любую работу. Одновременно увеличился завоз гастарбайтеров.

В середине 1996 года в Израиле официально числилось 103 тысячи иностранных рабочих (румыны, тайцы, филиппинцы и т.д.). И примерно столько же, если не больше, нелегалов. Доля иностранных рабочих на рынке труда поднялась почти до 10% (для сравнения: в Германии — 8%, в Швеции — 5,8%, в Великобритании — 3,4%). Помимо проблем экономических (неэффективный, низкопроизводительный труд) возникали и проблемы социальные. Стали появляться трущобы, кварталы бедноты, росли проституция и преступность, всё чаще заключались фиктивные браки как способ легализации в стране.

К ужасу израильтян стали исчезать любимые кошки — любимая пища тайцев...

Правительство Нетаньяху было намерено постепенно сокращать количество гастарбайтеров. Но не уверен, что это удалось сделать. Слишком много людей наживается на дешёвизне почти бесправных иностранцев.

Наличие иностранных рабочих обостряет проблему безработицы. В 1996 году без работы были около 8% трудоспособного населения.

Существенная деталь: Израиль занимает первое место в мире по производственному травматизму (количество травм относительно количества работающих). Для Израиля этот показатель равен 4,5% (в Америке — 2,5%). Среди новых репатриантов — 8,8%.

Низкое качество труда (и низкая его оплата), — как и другие признаки «социализма» в экономике, — отражаются и на качестве продукции. По данным Международного экономического форума (Лозанна), по конкурентоспособности экономики Израиль занимает 24 место из 46 стран, подвергнутых исследованию. Отсюда — огромный

внешнеторговый дефицит (12,3 млрд. долл. в 1996 году) и дефицит платёжного баланса (4,6 млрд.).

Фундаментальные причины экономических проблем Израиля — в истории его народного хозяйства, которое складывалось как хозяйство почти «социалистическое», рассчитанное на функционирование в чрезвычайных условиях («осаждённая крепость»). Раздутый государственный сектор, симбиоз бизнеса и чиновничества, государственная поддержка убыточных предприятий, излишний протекционизм, господство на внутреннем рынке нескольких монополий (гражданская авиация, электричество, нефтепереработка, порты и железные дороги, телефон, бензоколонки), — всё это сковывало, порождало безынициативность, застой. Международная комиссия по уровню развития свободной экономики поставила Израиль на 70-е место из 150-ти, где-то на уровне Турции и Центральной Африканской Республики.

И, конечно, — огромные налоги. По среднему уровню налогообложения Израиль на 7 месте (41,2%). На первом — Швеция со своим 53,4 процентами. Штаты далеко позади — 29,1%. Высокие налоги объясняются «социализацией» хозяйства, необходимостью государственного перераспределения доходов ради «социальной справедливости».

В Израиле уже давно стали поговаривать о необходимости перехода на либеральные экономические рельсы. Правительство Рабина заявило о намерениях провести либеральные реформы в экономике. Убрать минусы «социализма» (что нужно «богатым»), но сохранить его плюсы (что нужно «бедным»).

Тут уместно процитировать газету «Время». Постмарксистский социализм (так, видимо, газета вежливо называет социализм околосоветского образца) исходил из двух тезисов: директивная экономика и социальная справедливость. «Если от директивной экономики наши социалисты (имеется в виду партия Труда. — А.Б.) на сегодняшний день почли за лучшее отказаться, то «социальная справедливость» по-прежнему начертана у них на знамёнах. И этого лозунга... может хватить на то, чтобы задушить в зародыше все положительные преобразования, задуманные реформаторами.

В самой по себе социальной справедливости нет ничего дурного. Напротив, она является желанной целью всякого разумно устроенного человеческого общества. Однако стоит подойти к этому лозунгу с идеологических, а не с экономических позиций, как он тут же превращается в свою противоположность. Дело в том, что «справедливость», насаждаемая сверху, через механизм законодательных актов и постановлений правительства, относится целиком к сфере распределения национального богатства. Распределение же предполагает, что деньги уже заработаны, что они уже есть. Если же начинать справедливо распределять деньги прежде, чем они заработаны, то такой путь приводит только к банкротству — будь то в Советском Союзе или в Швеции».

Жизнь устроена так, что бесплатных обедов в ней не бывает. Единственный источник денег на социальные нужды — эффективная работа экономики. Задача государства — создать условия для этого. Только тогда затраты на социальную справедливость не будут подрывать фундамент, на котором она и держится. Правительство Рабина—Переса с этой задачей не справилось. Не справилось с ней и правительство Нетаньяху, хотя оно и пыталось действовать решительнее. Посмотрим, что получится у Барака. Парадокс в том, что главные противники приватизации, перехода от «социализма» к капитализму — не рабочие, не «низшие» слои населения, а верхушка общества, могучий союз лидеров государственных монополий, государственных профсоюзов и государственного аппарата.

К проблемам экономики вплотную примыкают проблемы экологии. На первый взгляд, Израиль кажется почти экологическим раем. Со вторым взглядом — значительно хуже. Да, в Израиле нет металлургии, нет привычной нам химии, не видно «лисыих хвостов». Но, оказывается, пищевая промышленность, которая «размазана» по всей стране, даёт в своих невидимых, бесцветных и безвкусных выбросах наиболее опасные биологически активные вещества. И вообще с учётом размеров территории и объёмов производства экологические нагрузки в Израиле в несколько раз выше, чем в Америке или России.

По данным международных обследований, самый грязный воздух, если брать крупные города, — в Токио. Потом следуют Нью-Йорк и Лондон, а на четвёртом почётном месте — Большой Тель-Авив.

Внушает опасения качество питьевой воды. Не случайно везде стоят фильтры. Идёт активное загрязнение подземных горизонтов. Израильтяне склонны списывать его на счёт «экологической интифады», действий, вернее, бездействий властей автономии, которые не занимаются экологическими проблемами. Но главная беда в том, что в израильских городах, как правило, отсутствуют очистные сооружения. За счёт цветения водорослей снижается качество воды Кинерета — основного пресноводного резервуара.

«Варварское отношение к окружающей среде, — писал Дэвид Ньюман в «Джерузалем пост», — характерно не только для городских районов центра страны. Новые промышленные зоны и индустриальные парки возникают на месте исчезающих сельскохозяйственных угодий и лесных массивов. Изменение подхода к экологической ситуации в стране становится главным условием продолжения воплощения сионистской мечты в XXI веке».

Несколько слов об уровне и качестве жизни. По данным Центрального статистического бюро, в 1996 году 17% населения относились к «бедным»: ежемесячный доход семьи с двумя детьми ниже 500 долларов в месяц. Доходы верхних 10% семей превышали доходы 10% нижних в 10,8 раз. А жизнь дорогая. По этому показателю Израиль находился тогда на 28 месте в мире. Тель-Авив входил в десятку самых

дорогих городов мира. В Нью-Йорке или Пекине жить дешевле, а в Москве или в Токио дороже.

Однако магазины и лавки, коим несть числа, кафе, всякие забега-ловки набиты битком. На рынках не протолкнёшься. Каждый израильтянин употребляет в среднем 3 242 калории в день. Из 100 израильтян 68 имеют автомобили. На каждую семью приходится 2,3 телефонных аппарата. И так далее...

Самый распространённый вид преступлений — угон автомашин. В 1996 году их было угнано 36 809. Тут всё отлажено. Переправляют на территории, а там не найдёшь.

По числу убийств Израиль на предпоследнем месте в мире.

Больше всего людей гибнет на дорогах. С мая 1948 по июль 1996 года в результате дорожно-транспортных происшествий погибли около 19 тысяч человек. Чуть меньше, чем во всех войнах, которые вёл Израиль. По числу погибших на дорогах в расчёте на 100 тысяч машин (45 человек) Израиль занимает 1 место в мире в списке «автомобилизированных» стран (в США — 20, на последнем месте Норвегия — 15). Хотя по количеству автомашин на 1000 человек (268) Израиль заметно уступает Америке (765).

По числу самоубийств на 100 тысяч населения Израиль занимает 41 место в мире (Россия — 5-е, США — 31-е).

Много всяких других болячек. Но большинство израильтян, вот тут можно сказать — «подавляющее большинство», довольны своей жизнью. Несмотря на плохое качество воды. Несмотря на то, что жарко. Несмотря на «пятна социализма». Несмотря на террор. Они — в своей стране, которую они любят. И хотя, если верить институту Гэл-лапа, по показателю «оптимистичности» (предошущение жителями международных конфликтов) Израиль соскользнул с 3 места в 1995 году на 41-е в 1996-м, эта пессимистическая оптимистичность как-то незаметна — во всяком случае для стороннего, «посольского» взгляда — в русле повседневной жизни и повседневных настроений. Поэтому израильтяне и живут так долго: по продолжительности жизни (75 лет для мужчин в 1993 году) Израиль на одном из первых мест в мире.

Раздел политического отчёта, повествующий о российско-израильских отношениях, мы озаглавили: «ни шатко, ни валко». Делался вывод, что в конце каденции правительства Аводы динамика наших взаимоотношений становилась всё более вялой, накапливался негатив, нарастало ощущение застоя, топтания на месте. Нетаньяху заявил о намерении улучшить отношения с Москвой. Но пока заявления о намерениях ещё не трансформировались в конкретные дела.

Из МИДА пришло вежливое порицание. Посольство упрекали в том, что оно «излишне пессимистично» оценивает состояние и перспективы российско-израильских связей.

Я не стал спорить.

В последний день старого года зачитал сотрудникам посольства новогоднее лирико-политическое поздравление, которое прислал директор нашего Департамента А.В.Вдовин. В нём говорилось: «Отсчитывает последние мгновения 1996 год. Он стал частью нашей памяти, каждому принёс свою меру радости, сбывшихся надежд и творческих успехов.

Коллектив посольства в Израиле достойно выполняет свою почётную миссию на острие российской внешней политики, в самой гуще ближневосточного мирного процесса. Профессионализм, чувство локтя, доверие друг к другу, помноженные на чёткое руководство и организацию дела, позволяют вам решать задачи высшей категории сложности.

Кому много дано — с того много спросится. Вслед за новогодними праздниками наступает жаркая пора наших израильских мероприятий высокого уровня. Надеемся на чёткую и слаженную совместную работу, которая должна задать оптимистическую тональность всему году. Хочется верить, что он будет удачным, и всё хорошее сбудется.

Александр Евгеньевич, когда-то Вы написали, что верите в прочный, устойчивый, необратимый мир на Ближнем Востоке, но не уверены, что сможете увидеть его своими глазами. Думаю, сомнения напрасны. Вы много сделали, чтобы приблизить эту цель, и она не выглядит чистой утопией. Давайте поднимем бокалы в новогоднюю ночь, чтобы мы скорее стали свидетелями результатов общей работы.

Будьте счастливы, друзья!»

Насчет «острия» и «гущи» всё было правильно. А вот с оптимизмом, пожалуй, перебор. Впрочем, в новогоднюю ночь это естественно.

Культура в декабре. Виктук, «Маркиз де Сад». Только для тех, для кого де Сад — это садизм. — Выставка «Советская фотография». Родченко, Альтман, Халдей и другие классики. Выставка организована американцем и за американские деньги. — Выставка чешской графики «Буквы и знаки». Изяшно, как силуэт Праги осенью. — Балет «Песня песней» в исполнении группы «Бат-Дор». Трудно танцевать философию жизни. — Выставка картин Эдуарда Хорошего. Социалистический реализм в хорошем смысле этого слова.

На вернисаже запомнился Михаил Гробман в больших сапогах и с большой собакой, которую звали Тимур. Пока публика смотрела картины, Тимур поедал скудную закуску, лежавшую на презентационных столах.

С Гробманом и его женой Ирой (вполне самостоятельная суверенная личность, выпускающая интересный журнал «Зеркало») мы дружили, как говорится, «домами». В их доме, битком набитом картинами, книгами и часто — интересными людьми, можно было забыть о

«российско-израильских отношениях». Миша — из московского «второго авангарда». Его полотно «Генералиссимус» (1964, Сталин изображён) явилось, по утверждению знатоков, предтечей соцарта и русского концептуализма.

В Израиле с 1971 года. Вокруг Гробмана, который не стеснял себя в суждениях о коллегах, кипели страсти. «И снова Гробман, господи, — восклицал Савелий Кашницкий по поводу эссе Гробмана «Цветочки в баночке» (это он так о художниках-репатриантах. — А.Б.). — Тот самый поэт-художник-критик-публицист, да никак не через запятую, а всё разом. Неистовый Микеланджело нашей эмигрантской Тосканы. Увы, лишённый первополосной удали. Но столь же непреклонный к коллегам-провинциалам, заброшенным «колбасной ностальгией» из Москвы, Петербурга, Риги и прочих задворков Европы на наш левантийский Монмартр. Стеснённый в газетных дунамах, но по-прежнему грозный судия и наставник алии. Жив, жив, курилка».

Да, курилка был жив. Эпатировал публику. Много работал. Надоедал сам себе и становился другим. «Когда я смотрю на свои старые работы, — признавался Гробман в одном из интервью, — мне кажется, что это уже прожитая жизнь, которая имеет отношение только к тем временам, идеям, событиям. Я ощущаю себя как бы стоящим перед огромным неизвестным пространством — то ли это джунгли, то ли Северный полюс — и неизвестно, что меня в процессе освоения этого нового пространства ждёт. Во всяком случае, я знаю, что тот путь, который я прошёл, никак не поможет мне в последующих пространствах. И всякий раз я психологически становлюсь начинающим, двадцатилетним художником, и этот возраст бесконечно повторяется».

Однажды Михаил довёл меня до изнеможения чтением своих стихов. Я отомстил:

Он не отрезал себе ухо.
Не сжёг последние стихи.
И всем назло, —
Там, где всем сухо, —
Большие носит сапоги.
При нём огромная собака.
При нём умнейшая жена.
Но в её «Зеркале», однако,
Его — о, блат! — зрим письмена.
Из андерграунда он вылез.
До постмодерна не долез.
Теперь на горизонте Гиннесс.
Что делать? Ведь «оближ ноблес!»

Летом 1999 года в Санкт-Петербурге состоялась выставка Гробмана. И снова ему двадцать лет...

ЯНВАРЬ-97

*«Осло-3», на этот раз — в Хевроне — Сбор в Аммане:
тактика без стратегии — Российское посольство
в Израиле — центр шпионажа на Ближнем Востоке*

Январь начался на той же ноте, на которой кончился декабрь — Хеврон.

1 января солдат Фридман в Хевроне стал стрелять в арабов. Ранил 6 человек. «Чтобы сорвать соглашение по Хеврону» — так объяснил свой поступок. В этот же день Нетаньяху звонил Арафату, соболезновал и извинялся.

Журналисты подсчитали: от рук еврейских экстремистов погибли в 1990 году 7 арабов, в 1991 — 4, в 1992 — 1, в 1993 — 3, в 1994 — 25 (пещера Махпела!), в 1995 — 1. Палестинцы тут явно лидируют...

9 января два «ответных» взрыва в Тель-Авиве. Ранено 15 человек.

Таким был фон последней стадии переговоров. Арафат продолжал настаивать на точном графике отвода израильских войск с Западного берега с тем, чтобы отвод был завершён в сентябре. Нетаньяху продолжал возражать.

Клинтон энергично давил на Арафата, убеждая его не упрямиться и не требовать того, чего он заведомо не может получить. Мубарак давил с противоположной стороны, убеждая держаться, не уступать. Арафат нервничал, метался. Время шло.

12 января по просьбе, как говорили, Клинтона король Хусейн прибыл в Газу для уговаривания Арафата.

14 января днём я был у депутата Кнессета **Й.Бейлина**. Проблема, сказал он, не в тех или иных конкретных пунктах, по которым всегда можно договориться. Проблема в тотальном недоверии, которое стороны питают друг к другу. Тем не менее, соглашение вот-вот подпишут. И Нетаньяху окажется в новой ситуации. Он станет объектом резкой критики в своей же партии. У нас появится реальный шанс сбросить его правительство. Но мы не пойдём на это. Ведь практически Нетаньяху, как он ни упирался, вынужден делать то, что начали делать мы.

14 января вечером соглашение было парафировано.

В ночь с 15-го на 16-е правительство после бурных дебатов 11-ю голосами против 7-ми утвердило всю документацию по Хеврону. Бени Бегин подал в отставку¹.

16 января заседал Кнессет. Нетаньяху заявил, что было получено тяжёлое наследство, но теперь, благодаря настойчивым усилиям правительства, прежнее соглашение существенно откорректировано. Нетаньяху поддержали 87 депутатов, 17 голосовали против, 1 воздержался, 15 депутатов отсутствовали.

В этот же день — кажется, первый случай такой завидной оперативности — поступило послание от Примакова. «Пройти этот сложный и ответственный этап, — писал министр, — удалось в результате конструктивных усилий обеих сторон, их стремления договариваться на основе приверженности взятым обязательствам и учёта интересов друг друга. Отдаём должное Вашему личному вкладу в развязку хевронского узла, которая стала возможной в том числе благодаря Вашим встречам с Я.Арафатом в духе доброй воли и доверия.

Взят важный рубеж, но, думаю, Вы согласитесь со мной, что задача предстоящего этапа на порядок сложнее. Мы рассчитываем, что договорённость по Хеврону станет стартовой площадкой для продвижения ближневосточного мирного процесса на всех его направлениях, укрепления стабильности и безопасности в регионе».

Стартовой площадки не получилось. Нетаньяху, как показали последующие события, выдохся уже на этом рубеже...

17 января в иерусалимском отеле «Ля Ромм» Дан Шомрон и Саид Арикат подписали соглашение о передислокации ЦАХАЛа в Хевроне. При подписании присутствовал консул США в Иерусалиме. Журналисты допущены не были.

Войска ушли из Хеврона на следующий день. Арафат появился 20 января. Хамасовский Хеврон встретил раиса сдержанно, не так, как когда-то встречала его Газа. Выступая на митинге, Арафат заявил: «Теперь, когда Хеврон освобождён, мы продолжим наш путь к Иерусалиму».

В Кирьят-Арбе прошла траурная церемония прощания с Хевроном. «Мы оплакиваем не только трагедию ухода из Хеврона, — говорил равин Дов Лиор, — но и безразличие большинства израильтян к этой трагедии... Враги наши смеются над нами, нам стыдно перед

¹ Б.Бегин вышел не только из правительства, но и из Ликуда. «Сегодня всем ясно, — сказал он в декабре, — что Ликудом руководит шайка людей, опьянённых силой и лишённых тормозов. Во главе этой шайки стоит человек, использующий методы мошенничества и обмана по отношению к своим наиболее близким и верным сторонникам». На очередных выборах (май 1999 года) Б.Бегин выставил свою кандидатуру на пост премьер-министра. Но вечером накануне дня выборов снял её: понял, что дело провальное.

нашими соседями. То, что произошло, это победа лжи, террора и агрессии над справедливостью. Это поражение еврейского народа».

О соглашении по Хеврону, которое получило в прессе наименование «Осло—3», я разговаривал с министрами Эдельштейном (абсорбция) и Ливнат (связь). Они на заседании правительства голосовали против. Но мотивировки разные. Эдельштейн упирал на то, что соглашение не обеспечивает максимальную безопасность евреям, остающимся в Хевроне. Лимор Ливнат голосовала против, так как она считает Хеврон неотъемлемой частью Израиля. Отдавать арабам территории равносильно самоубийству. В отличие от Бегина она осталась в правительстве, чтобы бороться против дальнейших уступок.

Соглашение по Хеврону в ряде пунктов было изменено в пользу израильтян. Пещера Махпела и Старый город остались под полным израильским контролем. В совместных патрулях у палестинских полицейских будет только короткоствольное оружие. Палестинцы не имеют права подниматься с оружием на господствующие высоты. Расширена буферная зона вокруг «чубчика».

К соглашению приложено американское гарантийное письмо, а также письмо Кристофера Нетаньяху. В них выражена уверенность, что все три этапа передислокации завершатся «не позднее середины 1998 года» (в израильской интерпретации — к 31 августа). Перечисляются «обязательства», которыми обменялись стороны в ходе переговоров. В частности, палестинцы должны «завершить» процесс изменения Хартии и прекратить «враждебную агитацию и пропаганду».

В принципе и израильтяне, и палестинцы нарушали взятые на себя обязательства. Но всё-таки общий баланс нарушений был не в пользу палестинцев. Евреи — при всех проволочках, колебаниях, зигзагах — выполняли своё главное обязательство — отдавали землю, уступали территории. Арабы же именно главные свои обязательства не выполняли — изменение Палестинской хартии, прекращение террора и пропаганды, направленной на разжигание ненависти к евреям, к Израилю.

Так, Хартия, если брать очередной «последний» срок, должна была быть изменена не позже 7 мая 1996 года. Срок прошел... Теперь американцы напомнили. Но через неделю в Париже Арафат заявил: сначала пусть примут Конституцию, а потом мы примем новую Хартию. И все дела...

Не прекратилась и пропаганда, которая находится за пределами разума и совести. Официальный орган палестинской администрации газета «Аль-Хайят Аль-Джедида». Номер от 3 сентября 1997 года. Финал статьи писателя Набиля Салама: «Между Гитлером и Бен-Гурионом нет никакой разницы, а если б она и была, то выражалась бы лишь в количестве, а не в качестве. Тот, кому известны все пре-

ступления сионистов, без труда поймёт общность между этим террористическим и расистским движением и нацистами». В той же газете статья писательницы Сафи Наз-Каззам: «Не существует страны или народа под названием Израиль... Израиль — это господин и пратотец наш Яков, мир его праху, и дети Израиля — его дети. Собственно, мы и есть настоящие израильтяне... А евреи — порождение колониализма, они всего лишь воры и не более того. Они пришли и завладели землёй, к которой не имеют никакого отношения. И поэтому никакая нормализация отношений с ними не возможна в принципе — даже если Палестина окажется оккупированной на протяжении сотен лет». Так что увещевания американцев не возымели действия.

Цветы ненависти нередко распускаются и на земле Израиля. Но там это всё же частные мнения. У палестинцев, к сожалению, это — фактически официальная линия. Тотальная ненависть как политика.

На левом фланге Израиля «Осло—3» получило горячее одобрение с некоторым привкусом злорадства: как вы ни крутились, а пошли по нашей дороге. В философско-историческом плане размышлял Амос Оз: «Два разных стремления сплелись в истории сионизма — стремление к созданию в Эрец-Исраэль процветающего свободного государства, которое станет надёжным и защищённым домом для еврейского народа, и стремление к реставрации национального величия древнего Израильского царства. Подспудное напряжение между ними существовало практически постоянно, но не всегда оно приобретало форму полярного противостояния — «или-или». Испытание миром поставило Израиль перед необходимостью выбора — или положить конец вековой войне с арабами, добиваясь первой цели, или кинуться в водоворот новой войны — «войны за реставрацию», «за освобождение святынь», называйте, как хотите.

Соглашение о Хевроне, которое поддерживают две трети депутатов Кнессета, представителей и коалиции, и оппозиции, — это признак готовности большей части израильтян удовлетвориться исторической победой, достигнутой в Войне за Независимость, и отказаться от войны за реставрацию».

На правом фланге было гораздо более шумно.

Уже хорошо известный нам Рехавам Зеэви: «Правительство Нетаньяху, вы лжецы, вы трусы и слабаки, вы бесхребетны, вы не знаете, чего вы хотите — кроме одного: власти!»

«Русский» публицист Лев Мазин (не встречал, может быть, псевдоним?): Хеврон отдали, потому что «ожирели», стали бояться борьбы. «Мы превращаемся в стадо ожиревших овец, способных только блеять, а палестинцы были и остаются гиенами с подтянутыми от голода животами и горящими от зависти глазами. Какой же мир возможен

между овцами и гиенами?». Мир возможен исключительно с демократическими странами. «Нам такой мир заключать пока не с кем».

Поэт Борис Камянов¹: «Хеврон отдан. На очереди — Иерусалим. У меня нет ни малейших сомнений в том, что Нетаньяху согласится на раздел нашей страны. Мы все, проголосовавшие за него, — сумасшедшие, и он — достойный наш представитель на вершине власти. У народа Израиля крыша поехала и набирает скорость. Удастся ли остановить её? И кто на это способен?»

Шум кончился. Хеврон с еврейским «чубчиком» остался. Мирный процесс надолго забуксовал.

23 января вечером пресс-служба правительства сообщила, что «специальный представитель российского премьер-министра» посетил Нетаньяху и передал ему послание Черномырдина. На следующий день по моей просьбе советник А.В.Ерхов позвонил советнику израильского премьера Ш.Базак. Тот сообщил, что «представителем» был Гусинский и что Нетаньяху был уверен: посольство в курсе дела. Но мы не были «в курсе», и это уже ни в какие дипломатические ворота не лезло.

Я собирался устроить большой скандал. Но Посувалюк попросил «не гнать волну». Там у них, видимо, были какие-то свои разборки и интриги. И в случае раздутия скандала Посувалюк мог бы оказаться «под боем». В общем, я промолчал, проглотил эту пилюлю.

Текст послания мне потом Посувалюк прислал. Черномырдин, отвечая на письмо Нетаньяху от 8 декабря, объяснял ему, почему наш представитель в ООН голосовал за резолюции, направленные против Израиля. Но при чём тут «специальный представитель», до сих пор понять не могу. То есть могу понять Гусинского, но не могу понять Черномырдина.

25 января отправился в Амман на кустовое совещание послов (послы из Египта, Сирии, Иордании, Ливана, Израиля и Чистяков из Газы). Руководил — Посувалюк.

Идею такого совещания наше посольство выдвигало давно. Наконец, у МИДа руки дошли. Было интересно. Узнал много нового. Все

¹ По поводу Камянова другой поэт — Генделев написал лучшее, по-моему, своё произведение:

Увидишь гоя, пни его ногой.
Второго гоя пни ногой второй,
А третьего увидишь гоя,
Перекрестись.
И сгинет третий гой!

коллеги приехали с заранее подготовленными текстами, которые и оглашались. Я схалтурил, текст слов не сочинил. Потом восстановил свою речь по памяти.

«К сожалению, не будучи профессиональным дипломатом, я чувствую себя несколько неуверенно в этой компании. Готового доклада у меня нет. Поэтому позволю себе выступить с небольшим экспромтом в сонатной форме: три части и кода.

1. Израиль и мирный процесс.

Главное здесь — это новые правила игры, которые предлагает правительство Нетаньяху. Не мир и безопасность, а **безопасность** и мир. Плюс к этому упор делается на легитимность: арабы должны признать не **факт** существования Израиля, а его **право** на существование.

Одна из основных проблем мирного процесса — отсутствие до сего времени чётко сформулированной конечной цели. Системный анализ, теория игр, теория конфликтов требуют прежде всего определения целей, задач «игры». И на этой базе выбора средств, тактики, которая вела бы к намеченной цели оптимальным путём. В данном случае всё делается наоборот. По-видимому, исходили из того, что набор частных, промежуточных решений облегчит выход на решения окончательные. Но такие надежды, такие ожидания вряд ли оправдаются.

Сейчас мы находимся рядом со своего рода «бермудским треугольником». Три его вершины — статус палестинского образования, Иерусалим, поселения. При желании можно образовать и 4-угольник, добавив беженцев, и 5-угольник, добавив границы. На сегодня даже приблизительного общего подхода к этим острым углам нет. И в этом главная трудность и главная опасность предстоящего периода.

2. Бильярд или шахматы?

Находясь несколько лет в Тель-Авиве, я до сих пор не могу понять: что нам надо в Израиле? Что нам надо, скажем, в Сирии? Что нам надо вообще на Ближнем Востоке?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо видеть не только нынешнюю ситуацию, но и заглянуть на 15-20 лет вперёд, просчитать возможные и желательные варианты. Что здесь будет? С чем придётся столкнуться? Нужен какой-то исходный набор аксиом, исходный набор гипотез, которые позволили бы нам заглянуть в будущее.

Если мыслить по Хантингтону, то все будут воевать против всех.

Если мыслить по Фукуяме, то овцы и львы лягут рядом.

Скорее всего, реализуется какой-то средний вариант. Но как бы то ни было, мы должны спросить себя: что соответствует интересам России? Сильный Израиль или слабый Израиль? Модернизированный

арабский мир или арабский мир с сохранением диктаторских режимов? Иногда мне кажется, что мы выбираем второй вариант.

Но во всяком случае мы должны видеть обстановку на несколько ходов вперёд и играть в шахматы. Ибо, как мне представляется, до настоящего времени мы играем в бильярд, то есть каждый раз реагируем на расстановку шаров, создавшуюся в результате чужого удара.

3. Суровая реальность.

Чтобы перейти от бильярда к шахматам, нам как минимум необходимо выйти из мира иллюзий, в который мы сами себя погрузили.

Раньше мы рассматривали наших арабских друзей как союзников по строительству социализма.

Теперь создана новая иллюзия — мы исходим из того, что наши арабские друзья жаждут видеть здесь Россию в качестве активного коспонсора. Тогда, когда арабские друзья — и Мубарак, и Арафат, и Асад — говорят с нами, они, хорошо зная нас, произносят те слова, тот набор фраз, который должен нам понравиться. Но когда они говорят между собой, когда они говорят с американцами, когда они говорят с евреями, тема российского коспонсорства исчезает на сто процентов.

Мне представляется, что с этим обстоятельством следует считаться и видеть мир таким, каков он есть на самом деле. Мы нужны арабам, как ещё один рычаг давления на Израиль. Не более того. И вот к этой суровой реальности и надо приспособлять нашу политику.

Если главный интерес Израиля — это выжить, если главный интерес арабов — это, если не уничтожить Израиль, то свести его к минимуму географически и политически, то в чём же наш интерес? Вот на этот вопрос мы должны ответить.

И каденция.

Что нам надо делать? Все говорят, что нужно активизироваться. Активизировать наше коспонсорство. Но ради чего? Пока, несмотря на все оговорки, которые можно сделать, я вижу, что симпатии МИДа в общем на стороне арабов. И я боюсь, что такой подход снова заведёт Россию в тупик.

Хотел бы предложить следующее. Собрать в Москве совещание (семинар, симпозиум) специалистов из МИДа, СВР, Академии наук, других ведомств и устроить то, что называют «мозговой атакой». Только на такой серьёзной базе можно создать прочную платформу для нашей политики. Только на такой базе можно попытаться спрогнозировать события и нарисовать контуры нашей стратегии на Ближнем Востоке. А уже на этой основе мы могли бы рисовать тактические узоры, которые называются текущей политикой».

Насколько я знаю, предложение моё не прошло. Разумеется, можно заниматься тактикой, не отягощая себя стратегией. Но в таком

случае, боюсь, картины, которые мы нарисуем, вряд ли украсят политический Лувр или политический Эрмитаж.

Посувалюк справедливо сказал, что Хеврон — это мизер, впереди — пирамиды Хеопса. На Ближнем Востоке России нужна дружественная среда. И не нужно противостояние евреев и арабов. Нам нужен сильный Израиль. И нужны арабские страны, которые могли бы сдерживать напор экстремизма, фундаментализма. Но, добавил Посувалюк, Ближний Восток не относится к числу приоритетных направлений российской внешней политики.

.....
31 января я с удивлением узнал, что 25% дипломатов российского посольства в Тель-Авиве (а именно — 13 человек) являются работниками спецслужб.

Эта увлекательная тема разрабатывалась в Израиле и раньше. Например, ещё в декабре 1995 года, выступая в газете «Гаарец», Зеэв Шиф, один из ведущих военных аналитиков, пугал читателей тем, что «российская разведка активно использует посольство в Израиле» и что «значительный процент из числа российских дипломатов в той или иной степени занят разведкой». Говорил он и о том, что у российских разведчиков Израиль занимает приоритетное место, «возможно, первое на Ближнем Востоке».

Я привык ко всему этому и не обращаю внимания. Теперь не мог не обратить. Ибо сведения исходили от заместителя директора Института востоковедения Академии наук профессора В.А. Исаева.

Как выяснилось, 30 января в Тель-Авиве состоялся «закрытый семинар» (так в приглашении) на тему: «Криминально-экономические структуры России и Израиля: пути проникновения и методы воздействия». В приглашении сообщался план доклада «лектора и ведущего» проф. Исаева:

1. Возникновение и функционирование криминально-экономических структур в России после распада СССР.

1.1. Этапы и методы образования криминально-экономических структур.

1.2. Сращивание криминально-экономических структур с государственной властью в России.

1.3. Основные сферы деятельности криминально-экономических структур в экономике и политике России.

2. Еврейский капитал в России.

2.1. Возникновение еврейского капитала в постсоветской России.

2.2. Основные еврейские банковские группировки в России.

2.3. Цели и задачи создания Российского еврейского конгресса.

3. Проникновение криминально-экономических структур России в Израиль.

3.1. Связи российского еврейского капитала с «русской» общиной Израиля.

3.2. Возможные методы и средства противостояния воздействию российских криминально-экономических структур на экономику и политику Израиля.

4. К вопросу о засылке агентов разведок России и других стран СНГ, в том числе и по «криминальным» каналам.

4.1. Агенты КГБ — военно-промышленная разведка.

4.2. Агенты — промышленно-экономическая разведка.

Дополнительно сообщалось, что стоимость «участия в семинаре, включая обед, — 400 шекелей».

Мои «агенты разведки» работали из рук вон плохо, и я получил эту бросающую в дрожь бумагу только после семинара.

31-го с утра стали звонить участники семинара и на разные голоса и с разными интонациями пересказывать доклад Исаева. Принесли плёнку. Мой помощник А.Л.Юрков записал избранные места.

Всего там было много. В связи с созданием «криминально-экономических структур» назывались имена А.Вавилова, П.Авена, А.Нечаева, В.Черномырдина, Р.Вяхирева, Ю.Шафраника, В.Алекперова, Б.Березовского, А.Смоленского, И.Кобзона и других разных.

Утверждалось, что Российский еврейский конгресс был создан для легализации капитала банков, во главе которых стоят евреи, и для выхода на международные финансовые структуры. Говорилось о том, что В. Гусинский заплатил за председательское кресло 1 миллион долларов, а места в президиуме РЕК стоили по 800 тысяч за штуку. Деньги «Мост-банка» — деньги (предположительно, осторожно заметил Исаев) МВД и КГБ. Не случайно аналитическую службу банка возглавляет генерал армии Бобков, бывший заместитель председателя КГБ. Возможно, он принёс в банк не только деньги, но и досье на представителей политической и экономической элиты.

Но меня больше интересовали сюжеты, связанные с посольством. Исаев поведал собравшимся, что раньше центр советской резидентуры на Ближнем Востоке располагался на Кипре, а теперь его перебросили в Израиль, к Бовину в посольство. Там 13 работников спецслужб, то есть четверть всех дипломатов. А в Сирии — всего двое, уточнил докладчик. Работники посольства возмущены «засильем спецслужб».

Пригласил Исаева. Попросил объясниться. Он сказал, что «про разведчиков» ничего не говорил. Поскольку плёнку я уже прослушал, мне стыдно за него стало, неприятно с ним разговаривать. Ушёл он.

Не могу понять Исаева. Зачем было нужно врать мне? Ведь он не мог не сообразить, что всё равно посольство узнает. Зачем было городить глупости на семинаре? Если для «красного словца», для того, чтобы дороже продать себя, то он просто низкий, безответственный

человек. Если же он был уверен, что говорит правду, то он — самый обыкновенный, банальный предатель.

Послал телеграмму в Москву и поставил в известность «соседей».

Меня же одолели телефонными звонками. Сенсация! Надвигался скандал. Хорошо, что у посольства были налажены доверительные отношения с прессой. Удалось телефонными звонками блокировать материал. Перенервничали все. А профессор получил свои шекели и отбыл в Москву. Свобода.

На всякий случай: если верить цифрам профессора, у нас должно было бы работать 52 дипломата. А их было меньше 20-ти.

Ещё раз хочу сказать: я не против того, чтобы разведчики работали под «крышей» дипломатов. Но при соблюдении трёх условий. Их не должно быть слишком много, лучше меньше, да лучше. Они должны быть квалифицированными специалистами. Они должны быть порядочными людьми. И проблем не будет. У меня их почти не было.

.....
Культура в январе. «Леди Макбет Мценского уезда». Питерцы ставили. Наконец-то я понял, какая великолепная, какая глубокая вещь! Воистину: век живи, век учишься. — «Щелкунчик». А тут — наоборот. Слишком знакомая музыка, слишком гладкая. Было скучновато.

ФЕВРАЛЬ-97

*«Театр политического абсурда»: Хеврон за Бар-Она —
— Арафат: или Хар-Хома, или Государство
Палестина — «А напоследок я скажу...»*

Дискуссии вокруг Хеврона, столкновения политических взглядов и личных амбиций настолько наэлектризовали атмосферу, что **разразился грандиозный скандал, получивший наименование «Бар-Он — Хеврон».**

Введение в скандал можно датировать 10 января. В этот день на заседании правительства по предложению Нетаньяху юридическим советником правительства был назначен адвокат Рони Бар-Он. Министры ворчали, что премьер с ними на посовещовался, но послушались¹.

В прессе появились сообщения, что Бар-Он любит азартные игры и в Лондоне был замечен в казино (в Израиле казино нет). Бар-Он этого факта не отрицал. 13 января он отказался от назначения. Казалось бы, «инцидент исперчен»... Но не тут-то было.

22 января корреспондент 1-го канала телевидения Аяла Хасон заявила, что Нетаньяху назначил Бар-Она по просьбе лидера партии ШАС Арье Дери и что за этим назначением скрывается политическая сделка. Если Нетаньяху берёт Бар-Она, то Дери обещает, что ШАС будет голосовать в Кнессете за соглашение по Хеврону. К тому же Дери имел бы и личный навар: Бар-Он обещал спустить на тормозах уголовное дело, которое давно заведено на Дери.

Это была политическая бомба, эквивалентная нескольким килограммам тротила.

Почему же, если Бар-Он уже покинул правительство, она всё-таки была взорвана? «Усреднённый» ответ, если верить израильским журналистам, выглядит так. Первоначально Нетаньяху хотел сделать юридическим советником адвоката Дана Ави-Ицхака (он долгое время вёл дело Дери). Но Дери возражал против этого и через Либермана довёл свои возражения до Нетаньяху. Нетаньяху не стал перечить

¹ Юридический советник правительства — чрезвычайно важная фигура. Правительство не имеет права совершать действия, которые расцениваются советником как противозаконные. Правительство не может обязать своего советника представлять или защищать позицию, которую он считает несостоятельной с точки зрения закона.

Дери. И тогда министр юстиции Цахи Анегби, не согласовав с министрами, не прислушавшись к мнению председателя Верховного суда, продвинул кандидатуру своего друга Бар-Она. Строго говоря, «сделки» не было, но молча предполагалось, что если Нетаньяху идёт навстречу Дери, то почему бы Дери не пойти навстречу Нетаньяху и не дать команду своим голосовать за Хеврон. Однако Ави-Ицхак, которому очень хотелось получить пост юридического советника, обиделся и с помощью своей подруги Хасон решил отомстить, подложить — в Израиле нельзя сказать «свинью» — бомбу Нетаньяху.

Поднялся невероятный шум. Надо иметь в виду, что и телевидение, и газеты в Израиле сплошь левые, антиликудовские. Поэтому тучи ядовитых стрел обрушились на Нетаньяху, Либермана, Анегби и Дери.

Нетаньяху гордо заявил, что он ни в чём не виноват и просит полицию разобраться в обвинениях, выдвинутых Хасон. Полиция (тоже, следует заметить, не очень правая) не заставила себя просить. На три месяца героями Израиля стали главный полицейский Асаф Хефец, начальник следственного отдела полиции Санду Мазор и его заместитель Яков Гроссман.

18 февраля в течение 4 часов допрашивали премьер-министра. Кто был инициатором назначения Бар-Она? Кто настаивал? Кто поддерживал? На каких условиях?

Оппозиция воспряла духом. Уже самим фактом наличия дела «Бар-Он — Хеврон» правительство дискредитировало себя. «Правительство и его глава, — говорил Й.Бейлин, — утратили моральный мандат, требуемый для оправдания его существования, а граждане Израиля не смогут больше терпеть такое запятнавшее себя правительство».

Зашевелилась и коалиция.

«Даже если только 10% из того, в чём обвиняется Нетаньяху, правда, — заявил Щаранский, — мы выйдем из правительства». Примерно такую же позицию (не уточняя проценты) заняла партия Третий путь. Кстати, полиция, которая занималась расследованием, входила в систему министерства внутренней безопасности, во главе которого стоял один из лидеров партии Третий путь А.Кахалани. Выход этих партий из коалиции означал бы правительственный кризис и, возможно, новые выборы.

Следствие работало на полных оборотах. За 80 дней были допрошены 60 свидетелей, показания которых заняли 995 страниц. Рекорд был у Анегби. Его допрашивали 5 раз общей сложностью — 40 часов. На один час меньше перед следователями провёл Дери. На третьем месте Либерман — 3 допроса, 23 часа.

Любопытно, что следствие, которое длилось два с лишним месяца, сопровождалось регулярными «утечками» информации. Всё, о чём

говорилося в поліції, становилося відомо журналістам і використовувалося ними для чергових атак на уряду. Праві утверждали, що ліві поліція робить це повністю свідомо.

«Телевізійний путч», «театр політичного абсурда», «політичне землетрясіння», «пир во время чумы» — так означалася ситуація в засобах масової інформації. Або — дезінформації, в залежності від політичних смаків.

В середині квітня поліція завершила слідство і передала свої рекомендації в прокуратуру. 16 квітня було оголошено, що поліція рекомендує привести до кримінальної відповідальності чотирьох людей: Нетаньяху, Либермана, Анегбі і Дері. В об'ємистих матеріалах слідства була одна маленька слабкість, яку визнавала і сама поліція, — вирішувальні звинувачення проти Нетаньяху ґрунтувалися на показаннях лише однієї людини, того самого «обижаного» Дана Аві-Йіцхака. Поліція чесно визнавала: «Ми усвідомлюємо всю проблематичність, приховану в пред'явленні обвинительного висновку в настільки складному і чутливому справі на основі показань однієї — центрального — свідка. Цей свідок може бути прийнятий суспільством і зображений захистом як людина, не заслуговуюча довіри і навіть особисто зацікавлена. Але ми, глибоко ознайомившись з цим свідком, вивели враження, що на його показання можна покластися...» Як колишній суддя, можу сказати, що треба дуже хотіти відправити людину в суд, щоб розсудити таким чином.

«Якщо і потрібно когось привести до суду, — заявив голова комісії Кнесету по іноземних справах і захисту Узі Ландау, — то замість всієї слідчої бригади, а не глави уряду».

Тепер вирішувальне слово належало державному контролеру Едне Арбель. 20 квітня вона сказала своє слово. Дуже добре пам'ятаю той вечір. У мене в Савьоне вже почалися прощальні прийоми. На цей раз зібралися «російські» парламентарії. Стол був накритий. Але в рот нічого не лезло. У всіх в головах було одне — що вирішить Арбель. Все — у телевізора. В 20.00 з'явилася Арбель. Вирішення було таке:

Дері привести до кримінальної відповідальності¹.

Відносно Либермана продовжити слідство.

Проти Нетаньяху і Анегбі кримінальних справ не порушувати, так як недостатньо доказів.

На наступний день виступив Нетаньяху і сказав: «Так, я помилюся, але нічого протиправного не робив». І обрушився на журналістів.

¹ Як я пам'ятаю, Дері завжди в чьом-то звинувачувався і завжди виходив сухим з води. Так, ще в серпні 1994 року йому було пред'явлено обвинительний висновок, де йшлося про крадіжки, фальсифікації документів, підлог і свідомі порушення довіри. Але він, як ні в чьом ні було, сидів в Кнесеті...

Перес требовал отставки правительства.

Сарид подал иск в Верховный суд с требованием отменить решение прокуратуры.

Щаранский и Кахалани остались в правительстве, потребовав решительно пересмотреть методы и стиль работы. Нетаньяху обещал это сделать.

Постепенно страсти улеглись.

Скандал вокруг дела «Бар-Он — Хеврон» усилил поляризацию израильского общества. Усилилась и напряжённость внутри правительства. Нетаньяху не мог не видеть, что большинство министров держали нос по ветру и ждали, как развернутся события. Вместе с тем, министры попытались использовать шанс, чтобы «окоротить» премьера, приблизиться к центру принятия решений. Наступила полоса длительных и болезненных разборок.

Скандал рельефно выявил минусы присущего Нетаньяху стилю руководства: нежелание советоваться со своими же министрами, ориентация на принятие решений в узком кругу собственной свиты, склонность к вождизму, забвению азбуки демократии, стремление пренебрегать нравственными оценками политической деятельности и политических деятелей. Нетаньяху, на мой взгляд, неадекватно воспринял «приговор» прокуратуры. Вместо того, чтобы серьёзно задуматься над корректировкой своего поведения, он сделал упор на необходимость «расквитаться с недругами» (так же был настроен и Либерман).

Итог можно подвести словами Григория Кановича: «В высших эшелонах власти глухо поговаривают о возможных неболезненных перестановках в кабинете министров, поразивших страну своей весьма «подвижной» принципиальностью сообразно со складывающейся обстановкой. Но ни следствие, ни показушные перестановки уже не могут утолить нашу жажду справедливости, укрепить нашу поколебленную веру в тех, кто должен быть для граждан нравственным примером и ориентиром.

По правде говоря, нечего винить других — мы и сами виноваты, ибо от нашего имени и по нашему благословению совершают свои ошибки и творят свои беззакония те, кто потом, потупив взор, почтительно просят у нас прощения; те, кого мы добровольно, будучи в полном сознании, выбираем во владыки. Ведь негоже забывать, что когда кого-то из власть предержащих сажают на скамью подсудимых, то туда же без конвоя, но в наручниках приводят и нашу бесконечную доверчивость, и наши несметные несбывшиеся надежды.

Впрочем, если кого-то оправдывают за «недостаточностью улик», мы, вероятно, можем с полным основанием рассчитывать на заслуженное оправдание за «переизбыток веры».

Грустно, но точно. И не только для Израиля...

4 февраля мы обсуждали положение в Авде с членом Кнессета Ш.Бен-Ами.

Главная задача партии сейчас, полагал Бен-Ами, поиск своего лица. До сих пор мы были партией ашкеназийского истеблишмента. Чтобы выжить, нам надо повернуться лицом к избирателям из восточных общин. Ведь победа Нетаньяху была «победой Иерусалима над Тель-Авивом». То есть сефардов над ашкеназами, религиозных над светскими, периферийных социальных групп над элитой, победа страха перед арабами над желанием идти на диалог с ними. Мы должны это понять и перестроиться, сделать упор на социальную проблематику.

Перес, которому давно пора уходить, не уходит, и это осложняет поиск нового пути.

5 февраля — трагедия. Над южным Ливаном столкнулись два израильских военных вертолёта. Погибли 73 человека.

Это было больше, чем за последние три года, в течение которых погибли 68 военнослужащих. В стране объявили национальный траур. Звонил с соболезнованием Клинтон. Шли послания из Европы. Молчали только арабы и Москва. Понятно: Ливан, «сами виноваты» и т.п. Но есть вещи, которые выше политики. Послал соболезнование от своего имени.

Гибель людей вновь всколыхнула споры о Ливане. «Мы тонем там, как в болоте», — произнёс Кахалани. Нетаньяху продолжал уповать на «Ливан сначала». Но поскольку сначала была Сирия, тупик сохранился.

Мигель Моратинос, бывший посол Испании в Израиле, а теперь — специальный посланник Европейского Сообщества на Ближнем Востоке¹, с которым я встретился 13 февраля, рассказал о своей недавней встрече с Асадом. Только «полный уход» и ничего более. Это делало все разговоры о компромиссе в Ливане бесперспективными.

Вспышка активности после Хеврона породила механизм для дальнейшего продвижения на палестинском направлении.

17 февраля Бенцур с энтузиазмом рассказывал мне, что созданы 9 совместных комиссий для рассмотрения конкретных проблем (аэро-

¹ Эта политическая фигура возникла в начале 1997 года. Европа решила поднять уровень своего участия в ближневосточном урегулировании. Поначалу США и Израиль, не говоря уже о России, возражали. Но европейцы были настойчивы. И Моратинос «легализовался» в Израиле. В отличие от нашего «специального представителя», который появлялся здесь наездами, Моратинос тут же обзавёлся приличным офисом, штатом и развил бурную деятельность. Толку особого не было, но Европа здесь была видна гораздо лучше, чем Россия.

порт в Газе, морской порт, коридор между Газой и Западным берегом, военные вопросы и т.д.). В каждой комиссии будет представитель МИДа, что означает конец отлучения Леви от мирного процесса.

25 февраля приехал в контору адвоката И.Молхо, близкого к Нетаньяху человека, который практически вёл переговоры по Хеврону. Он тоже говорил о механизме, о комиссиях. Там, хотя вопросы и сложные, но технические. И поэтому он лично ими заниматься не будет. Он подключится лишь в том случае, если переговоры окажутся в тупике.

Переговоры вскоре оказались в тупике, и даже Молхо ничего не смог поделать.

20 февраля официально объявил в посольстве о своём уходе. Просил тех, кого это радует, проявить интеллигентность и скрывать свои чувства.

Относительно точного срока пока была неясность. Мы с Примаковым договорились, что мне даётся три месяца после операции — и концы. Концы эти были как раз 20 февраля. Но врачи мне сказали, что для полной гарантии они хотели бы понаблюдать меня ещё три месяца. Поначалу мне казалось, что это чисто технический вопрос, какая разница — три месяца туда или сюда. Написал министру. Но вдруг обнаружилось, что тут не техника, а непонятная мне политика. Ну, дадим ещё месяц и хватит. Грубо говоря, мне дали понять — чем быстрее уедешь, тем лучше.

Хотелось мне плюнуть на всё и уехать. Уж больно противно чувствовать, когда тебя выталкивают. Но потом рассудил: ну, хлопну дверью, удовольствия получу на пару недель. А коленки мне нужны до конца жизни. Так что перетерплю это унижительное положение. Уеду 20 мая.

Так я решил. Но тягомотина продолжалась...

Ещё в начале года правительство приняло решение начать строительство в Восточном Иерусалиме еврейского квартала на горе Хар-Хома. Это замкнуло бы круг еврейских поселений вокруг Восточного Иерусалима. Вроде бы министр внутренней безопасности возражал, призывая вспомнить о буре, которую вызвало открытие туннеля Хасмонеев. Но Нетаньяху настаивал.

На предполагаемом участке строительства начались демонстрации. Сам Фейсал Хусейни чуть ли не ложился под бульдозеры. Я выбрался в район Хар-Хомы только 18 марта. Шел дождь. Еле добрались по грунтовой дороге. Были там несколько демонстрирующих и несколько мокрых солдат. В натуре всё казалось как-то проще и спокойнее, чем по телевизору.

26 февраля межминистерская комиссия утвердила план строительства. 27-го резкий протест прислал король Хусейн. Арафат обратился

за поддержкой в Лигу арабских государств и заявил, что если строительство начнётся, переговоры будут прерваны. Больше того. Арафат поставил вопрос так: если евреи начнут строить на Хар-Хоме, палестинцы, не дожидаясь никаких переговоров, провозгласят создание своего независимого государства.

В принципе Хар-Хома не вызывала протеста левых. Типична позиция Й.Бейлина: строительство в Восточном Иерусалиме входит в нашу стратегию, — поскольку весь Иерусалим наш, — но тактически момент выбран неправильно.

От имени правых дадим слово Ю.Эдельштейну: не надо тянуть с началом строительства, и прятаться не надо. «Да не ночью надо бульдозеры гнать, а днём, в самую хорошую погоду! Открыто! При участии кого угодно: даже американского госсекретаря.

Мы должны твёрдо сказать палестинцам «нет!»: Иерусалим — наша столица, и мы не собираемся, как уже заявляли не раз, делить её с кем бы то ни было». Иерусалим — вне «Осло»!

Правые призывали Нетаньяху не сдаваться, не бояться угроз Арафата. Пусть провозглашает государство. Этим он разрушит всю правовую структуру имеющихся соглашений и развяжет нам руки, освободит нас от взятых на себя обязательств. Ничего больше мы Арафату не отдадим. Он получит максимум суверенитета и минимум территорий.

Весь март продолжались препирательства. В начале апреля Нетаньяху был в Вашингтоне и обсуждал этот вопрос с Клинтоном. 9 апреля я был у Либермана. «Вставили клизму Клинтону!» — так он изложил итоги переговоров. — В любом случае, разъяснили мы американцам, строительство в Восточном Иерусалиме будет продолжаться. Здесь — «красная черта», здесь — отступления не будет. Тем более, что «ни в одном из соглашений не накладываются ограничения на строительство в Восточном Иерусалиме».

Это же мне говорил 13 апреля мэр Иерусалима Э.Ольмерт. В пределах городской черты строительство любого типа и в любом месте — это сугубо наше дело. И даже не политическое, а муниципальное.

25 апреля Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую строительство еврейского квартала в Восточном Иерусалиме, «на оккупированных арабских территориях». За эту резолюцию голосовали 134 государства, в том числе — Франция, Великобритания, Россия, Италия. Против были трое — Израиль, США и Микронезия. 11 воздержались. 37 не голосовали.

В Израиле переживали. Для поднятия духа в газетах появился рассказ о событиях полувековой давности. 1949 год. По указанию Бен-Гуриона и в нарушение решения ООН о придании Иерусалиму международного статуса столица переведена в Иерусалим. В ООН протестуют. Бен-Гурион сидит и читает ТАНАХ. Звонок Абы Эвена из Нью-

Йорка: «Давид, только что закончилось голосование по Иерусалиму». — «Ну и что? С каким счётом?» — «Подавляющим большинством против нас!» — «А сколько голосов получил наш проект?» — «Только один — и тот наш». — «Ну, ничего, зато этот голос решающий».

Это, конечно, успокаивало, но не решало проблему. До моего отъезда строительство так и не началось.

.....
Начал давать предотъездные интервью. Первое — Инне Стессель.

«С того дня, как Александр Евгеньевич в мундире, расшитом золотом, принимал посольский жезл, прошло пять лет. Многое за эти годы изменилось в России и в Израиле. Отношения между нашими странами — это очевидно — находятся на совершенно другом уровне, чем прежде; они в динамике, в развитии... И в этом несомненная заслуга российского посла. Однако не о дипломатических достижениях мне бы хотелось сейчас поговорить с Александром Евгеньевичем. Если коротко обозначить тему — это прозвучит, возможно, излишне торжественно, но хотелось бы поговорить о жизни. Обо всём сразу. Ведь когда ещё представится случай повидаться... Через месяц или чуть больше завершится срок полномочий российского посла в Израиле. Бовин с супругой Еленой Петровной поднимутся по трапу самолёта в аэропорту им. Бен-Гуриона и... прости-прощай, Святая земля. У подавляющего большинства израильтян, особенно репатриантов нашего «разлива», это обстоятельство вызывает огорчение, переходящее в стойкую грусть... Ибо Бовин — как никто — обладает удивительным умением привлекать к себе сердца. Это, думаю, врождённое качество, выработать в себе такое свойство невозможно. Во всяком случае вряд ли отыщется на земле другой посол, к которому бы граждане страны, где он осуществляет дипломатическую миссию, относились бы с таким доверием и теплотой. Но в нашей ситуации именно так вышло, и я уверена: многие присоединятся к моему желанию: пусть энциклопедические словари ещё долго-долго будут отражать новые вехи и новые достижения Александра Евгеньевича на любых поприщах, которые припасла для него судьба.

А теперь я предлагаю читателям нашу беседу с Александром Евгеньевичем, так сказать, на «посошок». Хотя какой там «посошок»... Александр Евгеньевич начал новую жизнь, он теперь придерживается режима, который не допускает никаких «посошков». Он помолодел, сбросил... 38 кг веса. По-моему, даже несколько переусердствовал. Ибо нельзя же в самом деле так вольно обращаться с собственным имиджем. Худой Бовин — это, что ни говорите, нонсенс. Впрочем, несмотря на непривычное изящество, во всём остальном Бовин остаётся Бовиным: мягко-насмешливым, твёрдым — и весьма — в решениях и поступках, неизменно обаятельным и большим жизнелюбом.

— Прошло пять лет с тех пор, как вы приехали в Израиль в качестве посла, — тогда вы представляли ещё СССР. В первом интервью, которое я взяла у вас, вы вполне уверенно прогнозировали близкое будущее и несколько осторожнее — дальше. Что из ваших предположений, вы считаете, оправдалось? В чём ошиблись?

— Вы явно переоцениваете мои возможности. Не помню, что именно я «прогнозировал». И рад этому. Ибо лучший способ сойти с ума — помнить всё, что когда-либо говорил. Не следует воспринимать себя слишком серьёзно.

— Вы имеете в виду и дипломатов?

— Даже журналистов. Тот, кто относится к себе слишком серьёзно, смешон. И несчастен, ибо весь — в комплексах неполноценности.

— Ну, в комплексах вас не заподозришь... Я всё же напому вам. Тогда, пять лет назад, у вас были не очень весёлые предчувствия относительно близкого будущего России. Время подтвердило их или опровергло?

— Весёлого и сейчас мало. И в этом смысле мои предчувствия подтвердились. И тем не менее убеждён (и тогда был, и ныне), что Россия одолеет тяжёлую болезнь, выздоровеет, встанет на ноги...

— Александр Евгеньевич, все эти годы дипломатический статус не позволял вам быть более, чем положено, откровенным. Сегодня, завершая свою деятельность в Израиле, у вас нет соблазна предоставить возможность высказаться Бовину-журналисту? Или оценки журналиста и посла вполне совпадают? Я имею в виду впечатления об Израиле... В плане политики, общественного устройства, культуры...

— Нельзя быть немножко беременной. Если я «завершаю» завтра, то сегодня я ещё заключён в упомянутый вами «статус». Так что вам, — увы! — приходится беседовать с дипломатом.

Что же касается «соблазна» перевоплотиться в журналиста, то с ним, как и с любым соблазном, надо бороться. Не потому, что оценки посла и журналиста не совпадают, но потому, что — находясь в гостях — не стоит всегда быть откровенным. Не из-за «статуса», а по причинам деликатности, такта, вежливости.

— Опасаетесь, что правда будет очень обидной? Но нельзя же в самом деле ориентироваться исключительно на дураков и суперпатриотов, которые постоянно требуют мифологии, хотя ничто так не вредит народу, как ложь якобы во спасение. «Правда — религия свободного человека», сказал классик.

— Ну, знаете, насчёт «правды» я могу процитировать другого «классика».

Ты думаешь, правда проста?

Попробуй скажи.

И вдруг онемеют уста,

Тоскуя о лжи...

Оба классика, как и положено классикам, склонны к преувеличениям, односторонностям. Не принадлежа к классикам, я позволю себе держаться ближе к здравому смыслу и ориентироваться — в данном случае — не на этические максимы, а на обстоятельства и людей, которые меня окружают.

От абстракций перейду к фактам. Однажды меня спросили, что вам не нравится в Израиле? И я, представьте себе, честно ответил: не как посол, не как журналист, а «просто» как человек, живущий несколько лет в Израиле и смотрящий по сторонам. Очень, казалось мне, вежливо ответил, с оговорками всяческими... Обругали, конечно. И читатели журнала «Алеф», и — главное! — моя родная жена. Читатели — за выход из «статуса». Жена — за бестактность. «Ты ведь, придя в гости, не скажешь хозяйке, что она пересолила суп», — и крыть нечем. Ваш аргумент — «дураки» — тут явно не подходит.

Общий итог «прост как правда». Впечатления об Израиле? Исраэль това!

— *Хорошо. Подойдём к вопросу с другой стороны. Евреи, как вы наверняка заметили, чрезвычайно чувствительны к тому, что о них говорят, как их воспринимают. Вас всегда считали чуть ли не юдофилом, во всяком случае, симпатизирующим евреям. Вы сохранили после пяти лет жизни в Израиле отношение, с которым приехали? Или сегодня у вас иное настроение?*

— В принципе я «симпатизирую» всем хорошим людям — и арабам, и немцам, и чукчам. Но особенно тем, кого всю дорогу обижали — армянам, например, или евреям. Здоровый инстинкт нормального человека.

За пять с лишним лет я лучше узнал евреев. И в жизни. И по книгам — много читал по еврейской истории, философии, культуре. Уезжаю более богатым, чем приехал. И с более основательным, надеюсь, знанием как плюсов, так и минусов Израйля и израильтян.

— *А для вас еврей и израильтянин — одно и то же?*

— Теоретически — нет. Израильтянин — это еврей и ещё что-то. Содержание этого «что-то» вряд ли поддаётся спецификации в рамках интервью.

— *Могли бы вы объяснить, как вы понимаете причины антисемитизма? Не считаете ли вы, что самим евреям следовало бы проблему антисемитизма проанализировать не только с точки зрения вечной и заведомой жертвы? Или «вежливость» не позволяет вам обсуждать эту щекотливую тему?*

— Тема не столько щекотливая, сколько объёмная, громоздкая, требующая пространных размышлизмов. Кстати, именно «сами евреи» многократно анализировали проблему антисемитизма со всех возможных точек зрения. В том числе и с точки зрения причин. Моё же понимание можно коротко свести к следующему.

Антисемитизм, по-моему, реакция на непохожесть, необычность евреев, на их фанатизм, как виделось со стороны, в отстаивании, оберегании своей веры, своих обычаев, своего образа жизни, реакция на их взаимовыручку, взаимоподдержку, необходимые для выживания народа во враждебных условиях. Это, как мне представляется, самая общая, уходящая в древность причина.

Далее — «подпричины». Бытовой, «низовой» антисемитизм питался образами евреев-ростовщиков, торговцев, корчмарей и прочих шейлоков мелких калибров. Антисемитизм «верхов», элитный антисемитизм отражал, как думается, боязнь конкуренции способных, талантливых людей в науке, искусстве, управлении, а также в торгово-финансовых делах крупного масштаба. Питают, поддерживают антисемитизм разного рода мифы («кровь младенцев» и т. п.), первоначально возникшие в недрах христианства, а затем ставшие элементом массового сознания. Наконец, нельзя не сказать и о том, что нередко «власть предрежащие» используют (и насаждают) антисемитизм, рассчитывая таким путём получить поддержку определённых социальных групп.

— *Исчерпывающее объяснение, хотя каждый еврей вновь и вновь задаётся этим вечным вопросом: «За что?» Но давайте оставим евреев и переместимся в Россию. Вас не раздражает нынешнее стремительное обогащение довольно большой категории людей в России, ничего не производящих? Не тревожит моральная деградация, когда всё подчинено одному — добычанию денег? Вон в школах Толстого, Чехова, Гоголя собираются преподавать в адаптированном виде. Пошлость самая низкопробная правит бал на экранах телевизоров, в прессе...*

— «Раздражение», пожалуй, не самое точное слово. Печально, разумеется, когда у кого-то много денег, а у тебя (в данном случае — у меня) их нет. Обидно. Но как учёный, как человек, достаточно хорошо знающий социальную историю и психологию масс, я понимаю, что материальное неравенство ещё долго будет сопровождать (и питать) общественный интерес. Нужны «лишь» механизмы, которые могли бы сглаживать неравенство. Такие механизмы уже «придуманы». Они неизбежно появятся и в России.

Насчёт «ничего не производящих» у меня сомнения. В массе своей эти самые «не производящие» производят — варварски, жестоко, часто преступно, но производят — очень важную продукцию — рыночную инфраструктуру, рыночную психологию, рыночные привычки. Жуликов, преступников надо сажать (чего мы ещё не умеем делать). А другие «ничего не производящие» пусть производят.

Беда в том, что в реальной истории, в реальном социуме трудно отделить «овец» от «козлищ». И «производство» рынка неизбежно связано — особенно на первоначальных этапах — с культом денег, с

царством пошлости, с деградацией моральных ценностей. Всё это есть, и всё это до невозможности противно.

— *Россия сегодня пытается вступить вторично в одну и ту же воду. Сто лет назад она уже совершила попытку войти в капитализм. Попытка оказалась сорванной. Спустя век снова вернулись к «периоду первоначального накопления»... Но, может быть, и в самом деле капитализм — не русский путь? Вон какие уродливые формы он приобретает. Они режут глаз на фоне «капитализма с человеческим лицом», сформировавшимся в цивилизованных странах. У них было время поработать над своим капитализмом.*

— По существу вы сами ответили на заданный мне вопрос. Но мой ход мысли будет несколько иным.

Во-первых, Россия вступила в совсем иную, принципиально иную «воду». Ибо конец XX века — после почти столетнего господства «социализма» — фундаментально отличается от конца XIX века.

Во-вторых, никто в России не знает, куда она идёт, равно как никто не знает, что такое «русский путь».

В-третьих, я бы предпочёл «социализм с человеческим лицом». Возможны варианты: «капитализм с социалистическим лицом» или «социализм с капиталистическим X» (вместо X каждый подставляет то, что ему нравится).

Теперь вернусь к «балу» на телевидении. Я придерживаюсь консервативных, «просвещенческих» взглядов, соответствующих моему возрасту. Телевидение, радио, газеты, книги должны, конечно, и развлекать, и информировать, но — и это общий знаменатель — должны делать людей умнее, добрее, словом, лучше. А сейчас вся эта машина работает на оглушение, принижение, озлобление человека. СМИ (средства массовой информации) превратились в СМО (средство массового оглушения). Навсегда? Думаю, нет. Надолго? Возможно. Россия уже прошла много голгоф. Пройдёт и эту.

А вот адаптированный Толстой меня не волнует. Я очень жалею, что не смог, не успел (и не успею) прочитать массу интересных книг. Не сердитесь, но я — за «Всемирную библиотеку адаптированной литературы». Скажем, «Французская классика» в 5-ти томах. А кто захочет, может одолеть два тома «Семьи Тибо». Тут важен не принцип, по-моему, а качество адаптации.

— *Не пугайте меня, Александр Евгеньевич! Если уж вы готовы поддаться веяниям нашего безумного времени... Кому нужна адаптированная «Анна Каренина»? При самом «умелом» сокращении произойдёт надругательство. Лучше вообще поставить крест на литературе. А для самых любознательных составлять «умело» составленные аннотации, в которых толстовский роман будет выглядеть рядовым любовным треугольником.*

— Это вы меня пугаете. Своим максимализмом, крайностями. То — «дураки», то — «надругательство», «крест» (простите!). Я не уверен, что мы с вами знаем, кому что нужно. Но уверен, что кому-то будет нужна «умело» адаптированная «Анна Каренина». И даже уверен в том, что человек, усиливший «Всемирную библиотеку адаптированной литературы», будет богаче того, кто поставит крест на литературе.

Пусть люди выбирают. Это — их право. А вы можете советовать, «агитировать», доказывать, что надо читать «Войну и мир» в подлиннике и не смотреть «Поле чудес» или «Санта-Барбару».

Я, например, буду настойчиво советовать внуку прочитать «Анну Каренину».

— *Всё-таки? Скажите, Александр Евгеньевич, что вы вообще думаете о нашем общем завтра? По всем предсказаниям — старинным и современным — в нашем регионе вот-вот разразится война. Та самая «Гога и Магога»... вы, как я знаю, человек не мистического склада, ко всяким там Нострадамусам относитесь скептически. Это распространяется и на данное предсказание?*

— Я пытался штудировать Нострадамуса и комментарии к нему. Пришёл к выводу, что все его пророчества — ноль, пустота, прикрытая дымовой завесой многословия. Если можно, давайте без Нострадамуса.

Все войны Гога с Магогом уже в прошлом. Мне представляется, что люди — при всей чудовищности того, что мы ещё можем видеть, — поумнели настолько, чтобы не допустить катастрофы.

— *Александр Евгеньевич, если с коммунистическими надеждами вы, похоже, распрощались, то материалистом остались. Вы всё ещё убеждены, что от человека многое зависит? Между тем одни только вспышки на Солнце вызывают катаклизмы на Земле. Чем же поможет благоразумие людское, даже если допустить, что человек таковым обладает?*

— Уж больно, Инна, вы решительны и как-то «бесповоротны», что ли...

Начну с того, что я не распрощался с коммунистическими «надеждами», так как убеждён, что люди смогут пробиться в такое будущее (создать его), где не будет войн и где не нужно будет своё благополучие строить на неблагополучии другого. Равно как остался материалистом, атеистом, рационалистом. История — это не только прогресс в развитии свободы, как утверждал Гегель, но и прогресс в развитии «благоразумия».

Попробую растолковать это на близком вам материале. Если вы раскроете Тору и прочтёте главу «Мишпатим» (которую как раз и нужно читать в эту неделю), то узнаете, что колдуний надо убивать (точнее, «не оставлять в живых»). А теперь — оставляем. Поумнели, значит, стали благоразумнее. Я уже не говорю о том, что там же

рекомендуется «истреблять» идолопоклонников. Но ведь не истребляем — благоразумие не позволяет. И т.д., и т.п.

А вспышки на Солнце и прочие катаклизмы вселенского масштаба тут, по-моему, не при чём. Космос сильнее Человека. Но мы толкуем не о делах космических, а о делах земных, где от человека зависит не только «многое», но почти всё. Люди обрели способность «расправиться» с природой (что равносильно самоубийству человечества перед лицом равнодушной к нему и вечной природы). Но люди же способны «спасти» природу (а значит и самих себя). «Зелёные» спасут мир — на этом стою и не могу иначе.

— *А как вы видите будущее Израиля? Что скажете о нынешней политике израильского руководства?*

— Инна, своим вопросом вы ставите меня в патовое положение. Если я скажу «мединиют това», удивится российское руководство, а если скажу что-либо иное, удивится руководство израильское. Лучше помолчу.

— *Жаль. Хотелось бы услышать именно вашу оценку.*

— Что делать? Служба. С будущим Израиля полегче. Кажется, Бен-Гурион сказал: все специалисты — специалисты по прошлому, специалистов по будущему нет. А с дилетантов какой спрос. Поэтому я не боюсь повторять: пока Россия и США не переругались, войны здесь не будет.

— *Давайте чуть-чуть уйдём от проблем глобальных и поговорим о вас лично. Не возражаете?*

— Ни в коем разе.

— *Вам предстоит начать новую веху. Это вас радует или так себе? Чем вы предполагаете заняться по возвращении в Москву?*

— Не радует (уже возраст не тот) и не огорчает (ещё возраст не тот). Жизнь продолжается. «Снова и снова».

Что буду делать? Ещё не знаю. Если бы мне было лет на двадцать поменьше, попросился бы послом в Исландию. Там прохладнее, чем в Израиле. И нет «мирного процесса». И фалафелей вроде бы нет. Но зато много рыбы и даже, говорят, фаршированной. Если бы мне было лет на двадцать побольше, я бы сосредоточился на сдаче анализов и выращивании морковки. А вот что в «золотой середине», пока не придумал. Наверное, напишу пару книг — одну об Израиле, другую — о времени, в котором пришлось жить («Ключки прошлого», так будет называться). Может быть вернусь к журналистике. Посмотрим...

— *Насколько мне известно, вы, такой гурман, сегодня придерживаетесь диеты. Совершенно не пьёте, ведёте образ жизни, вам совсем не свойственный. Это вас не тяготит? Вы собираетесь удержаться на достигнутом? Шутливое: «Нет ничего легче, чем бросить курить, я столько раз это делал» — не о вас?*

— Я курил 45 лет (с первого класса). Надоело. Бросил. Вот так и пить надоело. Свою норму я выполнил. Перед казной долгов (и по табаку, и по выпивке) не имею. А поскольку пища перестала принимать форму закуски, то возник дополнительный эффект — стал худеть. И молодеть опять же. Буду держаться. Но не всю жизнь. Следующую поллитру — если, конечно, хватит пенсии на хороший закус, — выпью 7 ноября 2017 года. Уже начал собирать компанию...

— *Как вы вообще относитесь к людям? С любопытством? Или вы уже давно всё о них знаете?*

— К людям отношусь с огромным любопытством. Нет ничего интереснее.

— *А к женщинам? Они играли в вашей жизни значительную роль? Или подсобную?*

— Подсобную играли мужчины.

— *Поскольку в политике, насколько я понимаю, вы будете придерживаться дипломатической сдержанности до последнего дня пребывания на посту посла, попробую «раскрутить» вас на фронте личной жизни. Если, конечно, позволите.*

— Давайте-давайте.

— *Итак, сколько раз вы были женаты?*

— Два.

— *Есть определённый тип женщин, которые вам нравятся?*

— Нет. Я разделяю подход Анатоля Франса: у меня не вкус, а вкусы.

— *Ваша жена — обаятельнейшая женщина. Насколько мне известно, вы вместе давно...*

— Тридцать пять лет, кажется.

— *Срок солидный. И это благодаря её удивительным качествам или вы — достаточно «легкий» муж? Хотя, признаться, ваша «лёгкость» кажется мне сомнительной.*

— Не сомневайтесь. Муж я, действительно, «нелёгкий». Трудный муж. Но, видимо, мы с Петровой поняли, что лучших вариантов не будет.

— *Вы всегда были опасно близки к верховной власти. Много ли было в вашей деятельности такого, о чём предпочитаете не вспоминать и хотели бы, чтобы и другие не помнили?*

— В моей жизни были сюжеты, о которых я предпочитаю не вспоминать, а когда вспоминаю — мне становится стыдно. Но никакого отношения к «верховной власти», вообще — к власти эти сюжеты не имеют.

— *Вы не сентиментальны? Вам не трудно расставаться с людьми, с местами, к которым привыкли? Как вам сейчас видится — спустя какое-то время захотите побывать в Израиле? Или завершилась работа, поставлена точка, и никакие эмоциональные узы вас не связывают с этой страной.*

— Трудно судить о себе. Скорее всего я не сентиментален. Но расставаться всегда грустно — и с людьми, и с местами.

Побывать в Израиле, несомненно, захочется. Ведь я оставляю здесь не только почти полцентнера своего тела, но и добрых знакомых, уже привычные пейзажи, да и вообще пять лет напряжённой жизни.

— Как вы переносите стремительность времени — с философским смирением? С печалью? Стараетесь об этом не думать?

— Наоборот, стараюсь думать. Время, его темп, его содержание — интереснейший объект для анализа, для «философствования». Стремительность времени — стихия, в которую я погружён. «Безумное», как вы изволили выразиться, время — это интереснейшее время, моё время...

Знаю, что время несёт меня в небытие. Помните, у Брюсова: «Я жил, я мыслил, я прошёл, как дым». Печаль? Наверное. Но светлая печаль. Всё-таки и жил, и мыслил...

— Вы — счастливый человек. Страх времени — самый жесточайший страх... Завидую вашему восприятию времени...

— Не завидуйте. Кто знает, что я буду чувствовать после 7 ноября 2017 года?

— Ну, что за такая, в самом деле, мистическая вежа? Кроме вас, этот день, похоже, никто не собирается праздновать.

Александр Евгеньевич, ваш скорый отъезд настраивает на элегический лад. Скажите, если бы время вернулось вспять, и юному Бовину предстояло бы всё начать сначала, он согласился бы на вариант судьбы, какой выпал вам?

— Да. Я готов повторить свою жизнь, свою судьбу.

— Я понимаю, нет практически вопросов, которые вам ещё не задали настырными журналистами... Но, может быть, вам самому хотелось бы что-то сказать нам напоследок?

— Кому «вам»? «Русским» израильтянам?

— И «русским», и израильтянам вообще.

— «Русским» я желаю, чтобы на «исторической родине» они, наконец, почувствовали себя как дома. Чтобы они помнили свою родину без эпитета. И чтобы дети и внуки их не забывали русский язык — окно в огромный, неисчерпаемый мир русской культуры.

— А израильтянам?

— Надо держаться. Перефразирую Черчилля: «Если израильтяне не справятся с действительностью, действительность справится с израильтянами». Надеюсь, они справятся.

.....
Культура в феврале. «Осенние скрипки» у Виктюка, но почти классического. Алиса Бруновна выручила. — Водевиль «Актёры между собой». Муравьёва и другие. Лет бы двадцать им сбросить...

МАРТ-97

*«Неопалимая купина» — Иерусалим: делить или не делить? —
— Нетаньяху в Москве: визит хороший, но бесполезный —
— Скандал с послом США — Три «аксиомы Бовина»*

1 и 2 марта мы с Петровной провели на Синайском полуострове, добирались до монастыря Святой Екатерины. Совсем рядом та самая гора, на вершине которой Моисей получил от Бога скрижали веры и знаменитые заповеди. Взобраться на эту гору мы не решились. Всё-таки 3 750 ступенек, вырубленных монахами в скалах.

Но и в монастыре, который был построен в 4-ом веке по велению императора Юстиниана, было интересно. Ведает монастырём греческая православная церковь. По моей просьбе митрополит Тимофей звонил в монастырь, так что у нас был небольшой «блат». Показали без очереди мощи Святой Екатерины (она святая, потому что даже под пытками не отреклась от веры в Христа). Там же на территории обители растёт терновый куст, в пламени которого Бог явился Моисею — «Неопалимая купина».

Каждый, кого судьба забросит работать в Тель-Авив, должен посетить как минимум три точки: пирамиды, Петру и монастырь Святой Екатерины. И многие у нас так и делали. А военный атташе полковник А.А.Иванов даже до Луксора добрался. До сих пор рутаю себя, что не последовал его примеру.

На обратном пути, который шёл через пустыню Негев, посетили киббуц Сде-Бокер, где после отставки жил и где 1 декабря 1973 года в возрасте 87 лет умер Давид Бен-Гурион.

Бен-Гурион, пожалуй, самая чтимая и легендарная личность в истории современного Израиля. Он родился 16 октября 1886 года в Плонске (Польша). В Палестине с 1906 года. Учился юриспруденции в Турции. В 1921 году избирается Генеральным секретарём Гистадрута. Был одним из основателей рабочей партии Мапай. В 1935 году избирается Председателем правления Еврейского Агентства.

В 1939 году правительство Великобритании опубликовало «Белую книгу», которая практически запретила иммиграцию евреев в Палестину. Это вызвало взрыв антианглийских настроений в ишуве. Но поскольку началась война с фашистами, Бен-Гурион произнёс свою

знаменитую фразу: «Мы будем оказывать помощь Британии в войне так, как будто нет «Белой книги», и бороться против «Белой книги» так, как будто нет войны»¹.

В мае 1948 года, несмотря на возражения американцев и колебания среди евреев, Бен-Гурион настоял на провозглашении независимости. Чтобы «взять свою судьбу в свои руки».

Освоение Негева Бен-Гурион считал одним из приоритетов Израиля. Он звал туда молодёжь и сам подавал пример. В дневнике Бен-Гуриона записан ответ Конфуция на вопрос ученика, кто наиболее достойный человек: «Наиболее достойный человек тот, кто сначала сам делает то, чего требует от других, а потом требует от других лишь то, что делает сам».

.....
5 марта меня попросил приехать Фейсал Хусейни. Он сообщил, что правительство Израиля приняло решение закрыть четыре палестинских учреждения, которые были расположены в Восточном Иерусалиме. Имелись в виду статистический центр, центр развития среднего и мелкого палестинского бизнеса, комитет по делам заключённых и управление геодезии и картографии. Мотив — связь этих учреждений с Палестинской национальной администрацией. Хусейни такую связь отрицал.

Тут проблема вот в чём. Восточный Иерусалим не входил в территорию ПНА. Поэтому, по логике израильтян, там не должно быть никаких учреждений, подведомственных администрации Арафата. Эту логику мне обстоятельно изложили Генеральный директор МИДа Э.Бенцур, у которого я был 6 марта, и юридический советник правительства Э.Рубинштейн, с которым мы беседовали 18 марта. Бенцур упирал на то, что лично Арафат обещал Нетаньяху закрыть эти учреждения. Но не закрыл. Рубинштейн настаивал на праве правительства делать в столице Израиля всё, что оно считает нужным. В данном конкретном случае он дал санкцию на закрытие, так как связь указанных учреждений с ПНА «неопровержимо доказана».

В Восточном Иерусалиме много всякого рода палестинских контор, центров, комитетов. И все они так или иначе связаны с органами ПНА. В Израиле это понимают. И в принципе не очень нервничают. Тем более что 11 октября 1993 года, уже после подписания «Осло—1», Перес направил письмо министру иностранных дел Норвегии, который был крестным отцом соглашения. Перес писал: «Мне хотелось бы подтвердить, что палестинские институты и структуры в Восточном Иерусалиме, а также интересы и благополучие палестин-

¹ Через много лет Рабин скажет: «Мы будем вести переговоры так, как будто нет терроризма, и бороться с терроризмом так, как будто нет переговоров».

цев в Восточном Иерусалиме имеют большое значение, и эти структуры будут сохранены.

Поэтому все палестинские институты в Восточном Иерусалиме — включая экономические, учебно-воспитательные, культурные и религиозные, в числе которых мусульманские и христианские святыни, играют позитивную роль для палестинцев.

Было бы лишним говорить, что мы не будем препятствовать их деятельности. Напротив, выполнение столь важной миссии достойно нашей поддержки»¹.

Это письмо делало позицию израильтян довольно шаткой. И это они тоже понимали. Всё зависело от политической конъюнктуры. Иногда можно было закрыть глаза. Иногда нужно было их широко открыть. Председатель не так давно объединённой партии МЕРЕЦ Й.Сарид разъяснил мне: Нетаньяху маневрирует; тут типичная внутрикоалиционная сделка — чтобы очень правые поддерживали первый этап передислокации, Нетаньяху принимает решение строить на Хар-Хоме и закрыть ряд палестинских учреждений.

Борьба вокруг палестинских учреждений в Восточном Иерусалиме — лишь слабое отражение труднейшей проблемы Иерусалима вообще. Палестинцы настаивают на его разделе с тем, чтобы сделать Восточный Иерусалим своей столицей. Израильтяне и слышать об этом не хотят, поезд ушел, весь Иерусалим — наша столица.

Иерусалим пережил бурную историю.

Еврейской столицей город сделал царь Давид в 1004 году до н. э.

969 год до н. э. Царь Соломон строит первый Храм.

597 год до н. э. Вавилонский царь Навуходоносор захватывает Иерусалим и в 586 году разрушает Храм.

516 год до н. э. Построен второй Храм.

198 год до н. э. Иерусалим захватывают Селевкиды.

63 год до н. э. Иерусалим захватывают римляне.

70 год. Император Тит разрушает второй Храм.

614 год. Иерусалим захватывают персы.

638 год. Иерусалим захватывают арабы.

691 год. Построена мечеть Омара («Купол над скалой»).

1071 год. Иерусалим захвачен сельджуками.

1099 год. Иерусалим захвачен крестоносцами.

1187 год. Иерусалим завоёван Салах ад-Дином.

¹ Это письмо было опубликовано в Израиле под давлением оппозиции только 7 июня 1994 года. Я пользуюсь текстом, который появился в израильских газетах со ссылкой на МИД. В тексте письма, который опубликован в книге Абу Мазена «Путь в Осло», последняя фраза выглядит так: «Напротив, выполнение ими их миссии будет только поощряться».

1244 год. Иерусалим захватывают хорезмийцы.

1260 год. Иерусалим захватывают мамелюки.

1517 год. Иерусалим захватывают турки-османы.

1917 год. В Иерусалим вступают английские войска под командованием генерала Алленби.

Уверен, что ни одна столица не вошла в XX век с таким шлейфом. Тяжёлый каток истории превращал дома в камни. Но люди снова и снова из камней возводили дома.

Современная история Иерусалима начинается в 1947 году. Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года, Иерусалим с окрестностями выделялся в отдельную единицу с особым международным режимом. От имени ООН Иерусалимом должен был управлять Совет по опеке. Совету было поручено разработать статус города на 10 лет. После чего жители могли бы путём референдума определить судьбу Иерусалима.

Вторжение арабских войск в Израиль в 1948 году перечеркнуло эти планы. Перемирие зафиксировало раздел Иерусалима. В декабре 1949 года Западный Иерусалим провозглашается столицей Израиля. В апреле 1950 года король Иордании Абдалла объявил Восточный Иерусалим «второй столицей» хашимитского королевства. ООН протестовала, но тщетно.

17 апреля 1950 года правительство СССР заявило, что решение ООН о выделении Иерусалима в особую территорию «не удовлетворяет ни арабское, ни еврейское население как города Иерусалима, так и Палестины в целом». При таких условиях СССР не станет далее поддерживать решение ООН об Иерусалиме и выражает надежду, что будет найдено другое решение, приемлемое и для арабов, и для евреев.

В ходе Шестидневной войны Израиль захватил Восточный Иерусалим. 28 июня 1967 года «юрисдикция и администрация» Государства Израиль были распространены на весь Иерусалим. ООН снова протестовала. Неоднократно принимались резолюции, осуждающие аннексию Восточного Иерусалима и изменение статуса Иерусалима вообще.

30 июля 1980 года Кнессет принял закон, который объявил Иерусалим «вечной и неделимой» столицей Израиля. Совет Безопасности ООН в резолюции 478 от 20 августа 1980 года осудил эту акцию Израиля. До сих пор почти все государства, включая США, рассматривают Восточный Иерусалим как «оккупированную территорию» и не признают Иерусалим столицей Израиля¹.

¹ ГА ООН практически каждый год принимает резолюции, в которых утверждает, что все законодательные и административные меры и действия, осуществлённые Израилем, оккупирующей державой, которые изменили или были направлены на изменение характера и статуса Священного города Иерусалима, в частности так называемый «основной закон» об Иерусалиме и провозглашение Иерусалима столицей Израиля, являются «недействительными и должны быть незамедлительно отменены».

Но, как хорошо известно, «Васька слушает, да ест». Израиль активно проводил линию на изменение демографической ситуации в Восточном Иерусалиме. Конфисковывались арабские земли. Строились крупные еврейские кварталы (поселения) по периметру Восточного Иерусалима. Если в 1967 году в Восточном Иерусалиме было 88 тысяч арабов и 44 тысячи евреев, то в 1996 году соответственно 170 и 160 тысяч. А всего в Иерусалиме арабы теперь составляют примерно четверть населения.

Таков общий фон, на котором развернулись дискуссии о закрытии палестинских учреждений. Израильтяне гнут и будут гнуть свою линию. Тут позиции правых и левых, если не считать тактических различий, идентичны: Иерусалим наш, и мы гарантируем свободу доступа к религиозным святыням. Но это не устраивает Арафата. Он рвётся в Иерусалим. Пожалуй, нет ни одного его публичного выступления, где бы он не говорил об Иерусалиме.

Пока я не вижу даже контуров компромисса. Арабы ни за что не согласятся «добровольно» отдать евреям мечети Омара и Аль-Акса. Израиль никогда не согласится на половину Иерусалима. В принципе такие понятия, как «никогда», «всегда», «ни за что» противопоставлены политике. Но здесь оперируют именно ими.

Однако вечных конфликтов не бывает. Жизнь, её реалии обязательно разведут политику и религию, интересы и символы. Политически ни Сирии, ни Иордании, ни Египту, ни даже Саудовской Аравии Иерусалим не нужен. Точнее, нужен только как средство давления на Израиль, средство мобилизации мусульманского (и христианского) общественного мнения против Израиля. Но как только арабские государства поймут, что Израиль нельзя сбросить в море и что свет не сошелся клином на палестинцах, таскание иерусалимских каштанов для палестинцев окажется за пределами их государственных интересов. И палестинцы проиграют.

В начале марта получил указание передать израильтянам ноту с просьбой дать агреман Богданову. И вопрос: когда думаете возвращаться?

Ноту отвёз Бенцуру. Относительно сроков написал, что после операции мне нужно шесть месяцев находиться под наблюдением оперировавших врачей (то есть до 20 мая). Этим определяются мои планы. С другой стороны, вполне понимаю, что здоровье, тем более, собственное — не аргумент. И, если это необходимо, готов освободить место в любой указанный начальством день.

Как видно, не смог совладать с эмоциями.

В Москве 12 марта во время визита Нетаньяху говорил с Примаковым. Он кряхтел, указ, говорил, президент уже подписал, но всё же

назвал 12 мая. Из-за недели не стал спорить. Говорил и с Богдановым. Объяснил ему положение дел. Он сказал, что всё понимает...¹

Вернувшись в Израиль, стал составлять программу «Прощай, Израиль!» В неё вошли 43 прощальных визита. Общего гала-приёма решил не делать. Договорились с Петровной провести в Савьоне встречи по интересам (дипломаты, бизнесмены, журналисты, художники и артисты, хорошие знакомые и т. д.). Всего набралось 9 таких групп общей сложностью человек на триста. Начали готовиться...

.....

8 марта улетел в Москву в связи с визитом Нетаньяху.

Подготовка к визиту включала в себя составление различных бумаг для лучшей ориентации начальства (о Нетаньяху и его политике). Посольство отмечало, что Нетаньяху пробился в лидеры благодаря собственной энергии, напористости, телегеничности и молодости, а также благодаря бурной деятельности Либермана и, возможно, деньгам клана Миликовских.

По своим убеждениям — искренний приверженец ортодоксального ревизионизма. Но не раб идеологии, а скорее — ортодокс с допущениями. Под воздействием груза ответственности сдвигается в сторону политического реализма. Хотя сдвиги эти имеют весьма дозированный характер. Умело использует в тактических целях давление справа и слева. Левым говорит, что вынужден считаться с правыми, а правым — что с левыми. В результате получается линия, напоминающая синусоиду.

В ходе переговоров Нетаньяху жёстко отстаивает свою позицию. Но умеет делать это изящно, модулируя искренность, откровенность, расположение. Говорит ясно, чётко. Умеет слушать аргументы и аргументированно отвечать на них. Стараётся с каждым собеседником говорить в привычной для него (собеседника) системе политических координат, подчёркивая то, что ближе и понятнее этому самому собеседнику. Способен как бы заволакивать, гипнотизировать партнёра своей логикой и убеждёностью.

Позиции Нетаньяху.

Иерусалим. Нет и намёка на компромисс. Французы никогда не будут вести переговоры о «судьбе» Парижа, а англичане — Лондона. Израильяне готовы предоставить палестинцам полные и равные права в Иерусалиме, но не над Иерусалимом.

Палестинское государство. Назвать можно как угодно. Пусть будет «государство», но без присущих государству суверенных прав. «Вроде Андорры», — сказал Нетаньяху, обидев до слёз андоррцев.

Границы. Возврата к границам 1967 года не будет. Это — «границы не мира, но войны». На Западном берегу и на Голанах возможен спор о процентах.

¹ См. дополнение 16.

Поселения. Синайская модель не повторится. Могут быть ликвидированы только отдельные изолированные поселения.

Беженцы. «Право на возвращение» — антитеза сионизму. Максимум уступок — небольшая квота для ПНА.

Сирия. Нетаньяху не пойдёт на переговоры с допереговорным обещанием отдать Голаны. Видимо, готов принять формулировку «начнём с того места, на котором остановились». А где это «место» — спор уже в ходе переговоров. На «полный уход» не согласится (не столько из-за стратегии, сколько из-за воды). Территориальный компромисс не исключён.

Ливан. «Ливан сначала» имеет для премьера скорее пропагандистское, чем реально-политическое значение. За мир с Сирией Нетаньяху согласился бы на сирийское присутствие в Ливане. Если, разумеется, Сирия гарантирует безопасность.

В тактическом плане Нетаньяху может совершать колебательные движения. Но их амплитуда задана не прагматизмом, а идеологией (принципами).

В багаже Нетаньяху, в его активе — соглашение по Хеврону (хотя тут ситуация Бородино: каждый полагает себя победителем), «мужественное решение» строить на Хар-Хоме, которое должны «проглотить» и Арафат, и Штаты, а также бурная демонстрация поддержки лидера на заседании Центра Ликуда (зал скандировал «Биби — царица Израиля»; крики «Смерть прессе!» и «Бени — предатель!»).

В пассиве — кампания по делу «Бар-Он — Хеврон». СМИ рвут Нетаньяху на части. Министров вызывают на допросы. Правительство парализовано. Нетаньяху внешне спокоен, но, видимо, напряжён до предела. Рассчитывает, что поездка в Москву укрепит его позиции.

Визит прошёл по всем правилам протокольного и политического искусства. В протокольном плане был один крупный прокол — Нетаньяху на 35 минут опоздал на обед, который давал Черномырдин. Мне пришлось крутиться ужом и заговаривать зубы начальству.

В речах и тостах стороны рассыпали комплименты друг другу. Но по существу сближения позиций не произошло.

Беседуя с Ельциным, Нетаньяху предложил, чтобы в России и в Израиле были созданы межведомственные группы для проработки программ экономического сотрудничества. Ельцин согласился. Дальше, по моему, дело не пошло. Нетаньяху просил снять возражения против оборудования по заказу Китая самолётов ИЛ-76 системой АВАКС. Ельцин сказал, что соответствующее распоряжение уже сделал¹.

Нетаньяху поднял вопрос об Иране (ядерные и ракетные технологии). Сказал, что Израиль готов мобилизовать значительные финан-

¹ См. дополнение 17.

совые средства на Западе, чтобы компенсировать России потери, если она откажется от сделок с Ираном. Ельцин поблагодарил за предложение и обещал его рассмотреть. Но подчеркнул: «Россия оставляет за собой право поддерживать отношения со всеми странами, в которых она заинтересована». В Израиле по этому поводу писали, что Ельцин согласился получить «компенсацию». Мне даже пришлось выступать с опровержениями.

Президент России выразил признательность за перерегистрацию трех участков в Иерусалиме и обратил внимание на то, что своей очереди ждут ещё два участка. Нетаньяху обещал изучить вопрос и решить его, если «не будет юридических препятствий». Насколько я понимаю, изучение затянулось.

Состоялись переговоры с Черномырдиным и Примаковым. Затрагивались такие темы, как модернизация в Израиле наших МИГов для продажи их третьим странам, прокладка газопровода Турция — дно Средиземного моря — Израиль. Но дальше намерений не пошли.

Нетаньяху был в синагоге. Встречался с еврейской общиной. В Колонном зале, где происходила эта встреча, премьер представил собравшимся Либермана: «Этот человек научил меня понимать вкус водки, вкус чёрного хлеба и вкус настоящей дружбы». До конца «дружбы» оставалось меньше года...¹

В Москве мне повезло. Попал на 80-летие родных «Известий». Гуляли в Кремле в банкетном зале Дворца съездов. Размах — как в застойные времена. Только выпивки больше. Запомнился разговор с Павлом Павловичем Бородиным. «Ну как, — спросил я его вполне бестактно, — не придётся прыгать из окна?» Имелись в виду его предшественники Павлов и Кручина. «Нет! — решительно ответил Бородин. — Пусть сами прыгают!»

.....
Произошел казус с американским послом Мартином Индиком. Депутат Кнессета Р.Зеэви назвал его «жидёнышем». За то, что Индик, как считал депутат, вмешивается в дела Израиля, давит на правительство.

Отвечая своим критикам, Зеэви писал: «Мы понимаем, что американцам важно как можно скорее добиться «мирного» урегулирования даже в ущерб будущему Государства Израиль. Поэтому Мартин Индик требует от нас уступок палестинцам...»

Может быть, всё-таки американский президент, пославший американского еврея послом в Израиль, совершил ошибку? Потому что такой еврей стремится доказать, что он безгранично предан своей стране и своему президенту. Он стремится доказать, что он больший католик, чем папа римский, и уж ни в коем случае не является агентом сионизма...

¹ См. дополнение 18.

Господин Индик, не мы вас назначили послом, поэтому мы не можем освободить вас от этой должности и отправить на вашу родину, чтобы вы оставили нас в покое на нашей родине».

В связи с этим дипломатическим скандалом вспомнили, как давал отпор американцам Менахем Бегин. Дело было в 1981 году. В ответ на распространение израильской юрисдикции на Голанские высоты Рейган приостановил действие соглашения о стратегическом сотрудничестве с Израилем. Бегин вызвал посла США Самуэля Льюиса. И произнёс гневную речь. Он сказал, что за последние шесть месяцев правительство США трижды «наказывало» Израиль. Когда израильтяне разбомбили ядерный реактор возле Багдада, американцы задержали поставку самолётов «Ф—16». Когда в ответ на террористические действия израильтяне разбомбили центры ООП в Бейруте, американцы прекратили поставку военных самолётов Израилю. И вот теперь — третий раз.

«Господин посол, — обратился Бегин к Льюису, — что, мы — ваши вассалы? Банановая республика? Правительство 14-летних юнцов, которых за плохое поведение бьют по рукам? Наше правительство, состоящее из людей, подвергавших свою жизнь опасности, воевавших и оставшихся в живых, угрозами не запугаешь. Угрозами можно достичь лишь совершенно противоположного результата.

...Господин посол, народ Израиля прожил 3 700 лет без договора о сотрудничестве с Соединёнными Штатами. Еврейский народ проживёт ещё 3 700 лет без этого договора».

Не часто с американскими послами говорят в таком тоне...

Долгое время протокол этой встречи хранился в архиве канцелярии премьер-министра. Его опубликовали ещё при Рабине. Теперь было самое время вспомнить...¹

.....
21 марта прогремел очередной взрыв в одном из кафе Тель-Авива. Ответ на Хар-Хому. Четверо убитых, 43 ранено. Накануне самого весёлого, любимого детьми праздника Пурим, когда на улицах появляются стайки празднично разодетых ребятишек.

Но решили не позволить террористам сорвать праздник. Территории были заблокированы. На дорогах выставлены заслоны. Армия окружила арабские города.

Кризис в отношениях с палестинцами продолжал углубляться.

.....
31 марта в Савьоне состоялся первый прощальный приём — для журналистов. Пели, плясали, веселились...

¹ Наверное, Барак не удосужился прочитать этот документ. Иначе он, возможно, не позволил бы американцам столь нагло вмешиваться в израильско-китайские отношения.

.....
Журналистской тематике была посвящена и запись моего разговора с журналистами, сделанная Михаилом Хейфецом, одним, кстати, из веселившихся в Савьоне.

«По просьбе Ларисы Володимеровой из Литературно-журналистского колледжа посол России в Израиле Александр Бовин — а в прошлой инкарнации журналист-международник — согласился встретиться со слушателями, желающими проникнуть в тайны журналистского мастерства. Собственно, как выяснилось, тайн особых нет, а есть работа, желание и умение оставаться самим собой и честно говорить с людьми.

Но — по порядку.

По-моему, Бовин несколько растерялся, увидев почтенный, мягко говоря, возраст собравшихся. И тем не менее...

Я как-то не очень верю, что можно научить журналистике. Грамоте можно научить, да и то, как убеждает чтение газет, — с трудом. Эрудицией можно загрузить. Но журналист — хороший, нужный людям журналист — появляется тогда, когда жизнь протащит его через свои университеты.

Тут Бовин сделал оговорку: имею в виду не журналиста-репортёра (собака укусила человека), не журналиста-ловца сенсаций (человек укусил собаку), не журналиста-очеркиста (текут мутные воды Сены, Темзы, Рейна и т. д.), а журналиста-аналитика. Сам я, сказал гость, не воспринимаю себя как журналиста. Скорее как партийного работника, которого «бросили» на журналистику. Или как учёного, для которого журналистика — нечто вроде прикладной социологии, прикладной политологии.

А как вы стали журналистом?

Совершенно случайно. Или — по усмотрению начальства. Утром (это было в апреле 1972 года) пришел на работу. Я тогда в аппарате ЦК КПСС работал. Входит фельдъегерь с пакетом. Дело обычное. Получаю, расписываюсь, вскрываю. Читаю: «О тов. Бовине А.Е.» Означенного товарища освободить от работы в ЦК и назначить политическим обозревателем газеты «Известия». За грехи, как потом выяснилось. О ком-то где-то отозвался не так, как следовало бы... Звоню главному редактору «Известий», знал его давно и хорошо. «Знаешь, что у тебя новый обозреватель?» — «Вчера поздно вечером узнал, не стал тебя беспокоить, чтобы спал спокойно».

Вот так я стал журналистом. И почти 20 лет проработал в «Известиях».

Далее пошёл разговор по существу, но именно не лекция, не поучения мэтра, а разговор, может быть, не совсем логичный, но живой, стирающий черту, которая обычно бывает между «кафедрой» и

аудиторий. Из того, что мне удалось записать, выделяю три момента, три «аксиомы Бовина».

Первая. Надо знать то, о чём пишешь. Знать не приблизительно, а досконально. Есть журналисты, которые работают с «натурой». Приехал, скажем, в Израиль или во Францию, поездил по стране, поговорил с политиками, с «улицей» — и соорудил статью. У меня другой метод. Я работаю с «бумагой» — изучаю документы, читаю книги, научные журналы. И затем, сидя у себя в кабинете, пишу. Пишу о политике Франции до поездки во Францию. И далее — Париж, встречи с министром иностранных дел, с коллегами... Тут — критический момент. Если я в кабинете не попал в точку, что-то недоучёл, ошибся, вношу, конечно, коррективы. Но, как правило, «домашние заготовки» не подводили. А «натура» — материал для разукрашивания («как сказал мне министр иностранных дел...») загодя сделанного анализа. Что так ценится редакторами и читателями. А для меня все эти «как сказал» — лишь виньетки, бантики к тексту, который был результатом работы над бумагами.

Как вы относитесь к журналистским прогнозам?

Не надо бояться не угадать, ошибиться — вот главное для «прогнозиста», — ответил Бовин. — Знания плюс опыт (интуиция) — и можно попробовать заглянуть за горизонт. Бывало ошибался. Но чаще угадывал. Везло.

Вторая аксиома. Необходимо точно знать, что вы хотите сказать читателям. То есть под каким соусом, в каком ракурсе, пропустив через какую призму, вы считаете нужным изобразить реальное, действительное, хорошо вам известное (см. аксиому № 1) положение дел. Грубо, цинично говоря, вы должны всегда контролировать степень и характер искажения действительности. Иногда эта степень стремится к нулю, иногда достигает «точности наоборот».

В данном случае, — подчеркнул Бовин, — я абстрагируюсь от нравственной оценки указанной аксиомы. Ибо сама эта оценка зависит от системы координат, в которой идёт работа. Я лишь настаиваю на том, что в любом случае убеждения, взгляды, мировоззрение журналиста отражаются на его творчестве. И лучше понимать, знать это и отдавать себе отчёт в содеянном.

Итак, как гвозди вбивал Бовин, надо, во-первых, знать, что происходит на самом деле, знать истину (при всей её относительности), и, во-вторых, что из происходящего вы хотите донести до читателя.

Думаю, тут есть о чём поспорить. Но это — в другой раз. Когда (и если) посол вновь станет журналистом.

И, наконец, аксиома третья. То, что вы хотите сказать людям, надо сказать так, чтобы вам поверили. Если аксиома № 1 сближает работу журналиста-аналитика с работой учёного, если аксиома № 2

показывает его идеологическую ипостась, то аксиома № 3 — это область собственно журналистского мастерства, профессиональной пригодности журналиста. Вы можете служить истине (или думать, что служите ей), что бывает редко, вы можете служить интересам (страны, группы, своим), что бывает гораздо чаще, но как бы то ни было, вы должны убедить людей, заставить их поверить вам. Как минимум — заставить читателей отнестись к вам серьёзно, задуматься над вашими аргументами. Аудитория пыталась выпытать у Бовина, как соотносятся его аксиомы с израильской журналистикой. Но нынешний посол оказался сильнее бывшего журналиста. И любопытство присутствовавших осталось неудовлетворённым.

От аксиом Бовин перешел к теореме. Она звучала так (и касалась не только журналистов): не следует слишком серьёзно относиться ни к своей работе, ни к самому себе. Доказательства? «Вся наша жизнь — игра!» И ещё: если ко всему, и — главное! — к самому себе относиться серьёзно, можно сойти с ума. Сказанное вовсе не означает, что можно работать кое-как, спустя рукава. «Коекакчество» недопустимо! Но можно уметь видеть себя и свою деятельность как бы со стороны, с определённой дистанции и с хорошей дозой иронии.

Когда меня спрашивают, — сказал Бовин, — какова ваша специальность, отвечаю: я дилетант высокой квалификации. Из двух установок: знать всё о чём-либо или знать что-либо обо всём — я выбираю последнюю. Так мне интереснее, веселее, если угодно, жить и работать. И тут начинается игра. Я симулирую узкий профессионализм. Если пишу о Китае, то стремлюсь написать так, чтобы китаист видел во мне коллегу. Если об Антарктиде, то должно создаться впечатление, что я — за неимением там министра иностранных дел — беседовал с пингвинами. И так далее. Бывали иногда проколы. Чем-то, помню, специалист по Кот д'Ивуар был недоволен.

Кстати, здесь за пять с лишним лет я как журналист существенно дисквалифицировался. Сузился мой горизонт: дальше Израйля и его окружения вижу с трудом. Придётся навёрстывать, хотя время становится всё дефицитнее...

И последнее, — подвёл черту Бовин, — самое-самое главное. Не помню уж где, но прочитал я про ребе Зусю из Анаполя. Перед смертью он сказал: «Когда я предстану перед Высшим судом, меня не спросят, почему я не был Авраамом, Яаковом или Моше... Меня спросят, почему я не был Зусей». Вот в этом вся штука. Главное — быть, оставаться самим собой. Иначе невозможно сохранить личность, сохранить самоуважение и уважение людей. Это трудно. Особенно журналисту. Иногда приходится — мне, во всяком случае, приходилось — кривить душой, наступать на горло собственной песне. Допуски неизбежны. Но тактика не должна превращаться в страте-

гию. Без этого стержня — оставаться самим собой — не может быть журналиста. Настоящего, разумеется.

Как вы работаете?

По старинке. Мою руки, кладу перед собою чистый лист бумаги, беру ручку и пишу. Медленно. Зато потом почти не правлю. Но попробую освоить компьютер. Чем чёрт не шутит!¹

Ваше хобби?

Я коллекционирую ощущения. Места не занимают, и пыль с них стирать не надо.

Как вы, будучи журналистом, чувствуете себя в роли объекта журналистского внимания? Например, давая интервью.

Предпочитаю, будучи всё-таки послом, отвечать на письменные вопросы. А иногда сам пишу и вопросы, и ответы. Но так (аксиома №3), чтобы никто об этом не догадался. Иногда вопросы в дрожь бросают. Вот недавно «Московский комсомолец» интересовался: правда ли, что Мосад активно вербует агентов среди евреев в России? Ну что тут ответить? Конечно, правда, сказал. Даже вашего главного редактора Пашу Гусева уже завербовали...

Что вы будете делать в России?

Жить. А в деталях разберусь чуть позже. В МИДе или в «Известиях» меня вряд ли жажнут видеть — буду портить показатели среднего возраста. Если лень не одолеет, напишу пару книг («Пять лет в «гнезде сионизма», например). Может быть, пробьюсь на телевидение. Хочу предложить программу «В бой идут одни старики». Хотя, боюсь, молодёжь не захочет конкуренции. В общем, начнётся новый виток жизни.

Что ж, любой журналист-аналитик подтвердит: всё, сказанное Бовиным, составляет азбуку нашей профессии. Только до него никто ещё не брался сформулировать «аз» и «буки». Может, потому, что слишком опасно звучит для журналистского самолюбия?»

.....
Культура в марте. Симфонический оркестр из Ришон ле-Циона. Нам бы такой в Кострому! — «Бабий яр» Шостакович — Евтушенко. Пел Анатолий Кочерга. Хор из Праги. Очищает душу. — «Титул» Галича в «Современнике». Почему-то было скучно.

¹ Чёрт, действительно, шутит. Всю эту книгу настучал, сидя перед компьютером. Тоже, правда, медленно. Ведь думать надо.

АПРЕЛЬ-97

*Последнее турне по Израилю —
— Лена Петровна: пять лет без «быта»*

Весь апрель Израиль трясла лихорадка.

Переплелись страсти вокруг дела «Бар-Он — Хеврон», противостояние по поводу строительства на Хар-Хоме, беспорядки в Хевроне. Визит Нетаньяху в Вашингтон, попытки Клинтона подвигнуть израильского премьера на очередные уступки палестинцам и предложить формулу для возобновления переговоров с Сирией ничего не дали.

12 апреля Примаков направил послания Нетаньяху и Арафату, где оценил ситуацию как кризисную и предложил предпринять «ответственные и мужественные шаги, чтобы предотвратить попятное движение в деле ближневосточного урегулирования, когда в проигрыше оказались бы все, в первую очередь — израильтяне и палестинцы».

Перес выдвигал идею правительства национального единства, где он надеялся сыграть роль «министра мира». Барак был против, ибо считал, что надо не спасать Нетаньяху, а убирать его. В конце концов финал дела «Бар-Он — Хеврон» похоронил эту идею.

.....
У меня была своя лихорадка — масса визитов, иногда несколько в один день, и приёмы в Савьоне. Публика собиралась не чопорная. Музицировали, пели (соло и хором), читали стихи (свои и чужие). Одно из моих любимых стихотворений прочитал его автор Игорь Хариф.

Внуши мгновению любовь —
Оно окажется любовью,
Но впредь уже не прекословь
Однажды данному условию.

Внуши мгновению беду —
Оно окажется бедою,
Метаньем в тягостном бреду,
А не придумкою пустою.

Послушный застывает миг
Затем, чтоб сделаться судьбою,
И повелений ждёт твоих,
И наполняется тобою.

Я даже просил Посувалюка положить эти понравившиеся ему строки на музыку. Да как-то не получилось в мидовской суете, не успел...

Начальство меня не забывало. Позвонил Вдовин и передал, что министр просил уехать 10 мая. Огорчил его, сказав, что 12-го буду на праздничном приёме у президента и улечу 13-го.

.....
17 апреля появился Посувалюк. Совершил круг почёта: Арафат, Вейцман, Нетаньяху, Моратинос, Росс. Последний ужин с ним провели в старом порту Тель-Авива, в ресторане «Муль ям» («Напротив моря»)¹. Морские гады в ассортименте. Виктор Викторович был доволен и благодетен. Рассказывал о моём преемнике. Тоже интересно...²

.....
21 апреля отправились с Леной Петровной в последнее турне по Израилю.

Посетили знаменитый Иродион — искусственный холм, который был насыпан по приказу царя Ирода. На вершине когда-то была крепость, внутри — роскошный дворец. Там же Ирод и был похоронен.

Лена Петровна взобралась на вершину. Я воздержался. Хоть колени уже и железные, но всё же...

.....
25 апреля отправил Лену Петровну в Москву.

Ей тут, конечно, нелегко приходилось. У меня — работа, суета, крутёж. А она — дома. То, чем обычно занимаются дипломатические жёны, — приёмы, хождение в гости друг к другу, покупки, сплетни разные — её не интересовало. У неё был свой мир, в котором она жила.

Инна Гольдштейн, её подруга и журналист, как-то уговорила Петровну сделать нечто вроде интервью. Вот что получилось (в отрывках).

«С Леной Петровной Бовиной я знакома несколько лет, но ни одна из наших с ней встреч так и не превратилась в интервью — мы просто говорили обо всём, начиная с «делёжки» впечатлениями об увиденном спектакле или фильме и кончая разговорами «за жизнь». Но на этот раз, собираясь к ней в гости, я прихватила с собой диктофон. Потом оказалось, что напрасно.

Она не любит паблисити, о ней не пишут, как о жёнах послов других стран, в колонках светской хроники израильские газеты. И только её друзья и знакомые здесь, в Израиле, знают, какая она, Лена Бовина. Из присущих ей свойств характера я выделила бы деликатность. Деликатный человек — это почти исчезнувшее из современного лексикона определение возвращает нас к временам, когда

¹ Тот самый мой «любимый ресторан №2», о котором я упомянул в начале записок.

² Виктора Викторовича не стало летом 1999 года, в те дни, когда я как раз писал эту книгу. Остались песни, остались фотографии, осталась добрая память о нестандартном мидовце...

доброжелательность, простота, словом, культура общения были органичны для людей, составлявших не имеющую аналогов в истории других стран общность — русскую интеллигенцию. Недаром же этот термин вошёл калькой из русского в европейские языки.

Интервью в модной интерпретации этого жанра — с обоюдным стремлением собеседников загнать друг друга в угол, агрессивной заданностью — выведать то, о чём человек не хотел бы ни вспоминать, ни говорить, и почти обязательным употреблением ненормативной лексики (это так шикарно и современно!) у нас не получилось. Мы гуляли по Савьону, где находится домашняя резиденция посла России (Бовины живут на съёмной вилле), сидели в кафе и говорили обо всём, что в этот момент казалось интересным.

— *Лена, вы здесь живёте уже четыре года, чем за это время стал для вас Израиль?*

— Я здесь нажила себе проблему — я знаю, что когда вернусь в Россию, буду скучать по Израилу. Думаю, что если бы мне пришлось поехать в какую-нибудь другую страну, то я там, наверное, пожила бы полгода, а потом уехала в Москву, домой, заниматься своими делами.

— *Александр Евгеньевич Бовин очень популярен в Израиле, он всегда в центре внимания прессы. А как вы относитесь к этому? Влияет ли статус супруги посла на ваше отношение к себе и другим?*

— Однозначно — нет. Всё это не влияет на моё поведение, не меняет ни моей самооценки, ни моих ориентаций...

— *Говорят, что быть женой посла — это профессия. вы её освоили?*

— Могу сказать, что эта профессия — не для меня. И манеры, и образ жизни у меня те, к которым я привыкла.

— *А как же блеск дипломатических приёмов?*

— А это без моего участия. Моё участие здесь, в Савьоне, где бывают и дипломаты, и гости из Москвы, друзья и знакомые израильские....

— *Значит, в такой работе вы всё-таки участвуете. А господин Бовин советуете с вами в том, что касается его служебных дел?*

— Нет, конечно. Но если он даёт интервью или пишет какую-нибудь статью, то я читаю и придираюсь к каждому слову.

— *Как складывается ваш день?*

— Как у всех неработающих женщин — уборка дома, готовка, хождение в магазин за продуктами. Один раз в неделю приходит девушка помогать по хозяйству, и если мы ждём гостей, то готовим угощение с ней вместе, в четыре руки. Но иногда я и сама обхожусь или кто-нибудь из подруг мне помогает приготовить...

— *Лена, я предлагаю донить кофе, пока не остыл, и перейти к пище духовной. Мы с вами всегда встречаемся на «русских» спектаклях, концертах. А израильская культура входит в круг ваших интересов?*

— Конечно. Мы бываем на концертах, в музеях, хорошо знакомы с израильским балетом, канторскую музыку слушали в Иерусалиме. На меня произвели впечатление выставка скульптора Ханны Орловой, экспозиции музеев Хаима Бялика, Реувена Рубина. Мой выбор посещения выставок, музеев основан на чтении газет, советах знакомых и случае.

— *А что вы читаете об Израиле?*

— Российская традиция — читать литературные журналы, тут же обмениваться с друзьями и ждать, а что скажет Лакшин... Поэтому и здесь я постоянно читаю журналы «22», «Зеркало», «Ариэль». И книги израильских писателей в русском переводе — Бартова, Алпфельда, Иегошуа, Бараша и, конечно, Оза и Агнона. Мне кажется, есть общие черты в истории литератур Израиля и России. Идеологизированность, романтизация ранних периодов становления общества. Я употребляю эти термины не в оценочном значении, это лишь скромное описание. А вообще благодаря этому новому опыту что-то изменилось в моих представлениях, я обрела много чрезвычайно богатых впечатлений.

— *Вы успели узнать Израиль?*

— Да, мы ездили по стране. Вот на Массаду пока не поднимались. Но очень хочу там побывать и обязательно буду. Я стараюсь сдерживать воспоминание о том, как однажды мы с Александром Евгеньевичем оказались в сильнейшую грозу в открытой кабине испортившегося фуникулёра и долго висели между небом и землёй. Но я верю, что в Израиле фуникулёры не портятся....

— *А что для вас значит мода?*

— Я к ней равнодушна. Женщине вроде бы не полагается так говорить, но я покупаю только то, что необходимо. И чтобы было удобно....

— *Я знаю, что у вас много знакомых здесь из числа репатриантов, а старожилы среди них есть?*

— Да, мне интересно общаться с ватиками, мне интересны их оценки происходящих событий, их взгляды на многие вещи, зачастую отличные от тех, что высказывают новые репатрианты.

У меня много друзей здесь. И благодаря этому я могу больше узнать об Израиле и лучше понять не только Израиль, но и Россию.

Я очень рада, что здесь так много евреев из России, жить здесь было их мечтой, надеждой.

Мне очень жаль, что они уехали из России — наши друзья, коллеги, соседи...»

Меня же вот что радует — хоть пять лет за всю жизнь Петровна пожила без быта в привычном советском или российском смысле этого слова. «Как в кино...»

Продолжались прощальные интервью. На этот раз — «Российские вести».

«— Вы стали первым послом СССР, а затем России в Израиле после 23-летнего перерыва в отношениях между этими странами. Считаете ли вы свою миссию, которая подходит к концу, успешной с точки зрения дипломатической, политической, культурной и т. д.?»

— Мне трудно давать оценку собственной работе. Много хотелось сделать, но не всё получилось. Продолжает чувствоваться инерция взаимного недоверия. По России ещё бродит призрак «гнезда сионизма». В Израиле вздрагивают при каждом нашем движении в сторону Тегерана или Дамаска. И тем не менее лёд тронулся. Здравый смысл, политическая прагматика постепенно берут верх над тенями прошлого. Надеюсь, точка возврата уже пройдена. И в этом немалая заслуга российского посольства, российских дипломатов.

— Каковы ваши впечатления об этой стране и её людях как дипломата, публициста, российского гражданина?

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо написать книгу. Что я и постараюсь сделать. А в общем — впечатление чуда. Возрождённая земля. Возрождённый народ. Возрождённый язык. И хотя проблем — больших и малых — тьма-тьмушая, уникальный исторический эксперимент состоялся. Люди победили судьбу.

— Как вами воспринимается феномен так называемых «русских» — еврейских эмигрантов из РФ и СНГ, в последнее время основательно пополнивших население Израиля?

— «Феномен» этот воспринимаю с болью. Мы потеряли сотни тысяч способных, знающих, энергичных людей. Потеряли, — потому что яд антисемитизма разъедал наше государство, наше общество, наши души. И что поразительно! — люди, многих из которых Россия оскорбляла, унижала, отторгала от себя, продолжают любить свои «доисторическую родину». Ностальгия — тут часто слышишь это слово.

Когда берёт тоска по родине,
По рощам выцветшим, белёсым,
Все пальмы кажутся пародией
На сосны, ели и берёзы.

Так написал ленинградский поэт.

А Израилю крупно повезло. «Русские» дали мощный импульс развитию экономики, науки и техники, культуры. Даже спорт появился... Теперь вот пробиваются в политику. И пробьются.

Притирка «русских» к существующим порядкам и структурам, их вхождение в сложившуюся элиту происходят не просто, порой мучительно. Одни крики о «русской мафии» чего стоят. Но это уже другая тема...

— *Каково, на ваш взгляд, отношение к России здесь на официальном уровне, в обществе, на уровне израильской улицы?*

— Здесь много уровней и много «улиц». На некоторых уровнях и «улицах» нас не любят и боятся. На других — к нам равнодушны. И всё же на большинстве уровней и «улиц» на Россию смотрят с надеждой.

— *Как вам видится будущее российско-израильских отношений?*

— Это будущее зависит прежде всего от того, как пойдут события в России. Предположим, что Россия превратится в «нормальную» демократическую страну и что мы, перестав играть в политический бильярд, освоим, наконец, политические шахматы. В таком случае не исключено стратегическое партнёрство между Россией и Израилем. Но не партнёрство «против», не партнёрство военно-политического характера (Израиль — США, например). Я имею в виду стратегическое партнёрство иного типа. В Израиле самая большая (в «дальнем зарубежье») община людей, говорящих и думающих по-русски. Это значит, что существуют сотни тысяч нитей, которые связывают наши страны и создают стабильную основу для партнёрства «за», для партнёрства гуманитарного профиля...

Конечно, авианосец на хайфском рейде — это важно. Но Большой в Иерусалиме или Виктук в Тель-Авиве это тоже стратегия, это может быть стратегией».

.....
И кусочки из ещё одного прощально-итогового интервью, с Мариной Аристовой из «Вестей».

«— *Александр Евгеньевич, вы впервые побывали в Израиле в 1979 году. В чём главное отличие нынешней страны от той, которую вы увидели тогда?*

— Теперь я всюду слышу русскую речь. Тогда это было редкостью. И ещё: теперь в Израиле появились прекрасные вина.

— *Что ж, связь этих двух явлений обещает нам интересное будущее. Но давайте обратимся к настоящему. Израиль — странная страна. Она образована «по декрету» и поэтому миновала обычные стадии исторического развития. Сказывается ли это, на ваш взгляд, на нынешнем состоянии государства?*

— История, прошлое любой страны сказываются на её настоящем. Однако на настоящем Израиля сказывается, скорее, отсутствие собственной истории, почти двухтысячелетняя пауза между израильскими государствами *in vivo* и *in vitro*. Если история еврейского народа исчисляется тысячелетиями, то история нынешнего еврейского государства ещё не перешагнула через полувековой рубеж. Здесь, в особенностях образования Государства Израиль, таких, как наличие враждебного окружения, разнородность, мозаичность социума, чрезмерная зависимость от внешних факторов, — источник, по-моему, мно-

гих нынешних проблем. И потом: большинство граждан Израиля — жители страны во втором, максимум в третьем поколении. Это порождает особую психологию, отличную от психологии англичан, скажем, или французов, веками укоренённых в своей земле. Отсюда — некоторая специфика нравов, институтов, всего строя жизни. Кое-что ещё выглядит как бы собранным на живую нитку.

— *Что, по-вашему, тормозит развитие Израиля?*

— По существу я уже сказал об этом, перечисляя проблемы, в которые погружено израильское общество. Далее можно идти в разных направлениях. Тормозом, несомненно, служит наличие мощнейших бюрократических, монополистических структур. Другой тормоз, на мой взгляд, — то, что можно назвать клерикализмом. В принципе я не вижу разницы между ортодоксией Торы, ортодоксией Корана или ортодоксией Евангелия. В любом из этих случаев людей стремятся лишить свободы выбора, подчинить их жизнь правилам и установлениям, принадлежащим вчерашнему дню. Обычное демократическое решение — отделение церкви от государства. Богу — Богово, кесарю — кесарево. Однако в Израиле такой подход потребовал бы нетрадиционного решения другой фундаментальной проблемы...

— *Что значит быть евреем? Кто такой еврей — человек, принадлежащий к еврейской нации, или человек, принадлежащий к еврейской религии? Вы это имели в виду?*

— Именно. Но ответить на ваши вопросы я не готов. Во всяком случае, негра или, скажем, японца, прошедшего гюр, мне трудно считать евреем. Хотя с точки зрения официальной такие люди являются стопроцентными евреями. Но можно ли их назвать чистокровными евреями? Если я правильно чувствую историю, её пульс, её тенденции, то «чистокровность» всё-таки возьмёт верх над «стопроцентностью»...

— *Не могли бы вы очень кратко, в двух словах, сформулировать своё впечатление от Торы?*

— Мудрость и жестокость. Так, пожалуй. Точно в двух словах.

— *Александр Евгеньевич, у меня сложилось впечатление, что, находясь в Израиле, вы вели себя как Бальзак, который стоял чуть в стороне и с интересом наблюдал «человеческую комедию». Рамки этого интервью не позволят, конечно, расспросить вас обо всём, о чём хотелось бы, поэтому ограничусь одним вопросом: изменилось ли ваше мнение о евреях после того, как вы наблюдали их в непосредственной близости в течение пяти лет?*

— Вы ошибаетесь. Если я и стоял в стороне, то не как писатель, собирающий материал для изображения человеческих нравов, а как неизраильтянин, нееврей, заброшенный судьбой в эту страну. А поскольку моей главной задачей было наведение мостов взаимопони-

мания между Россией и Израилем, в стороне я стоять не мог и не хотел. Мне важно было вжиться в «страну пребывания», понять её людей, её политиков и политику и довести это понимание до Москвы.

— *И вы решили свою главную задачу?*

— Её нельзя решить. Её можно и нужно постоянно решать. Что-то мне сделать удалось. Но многое осталось за пределами моих возможностей. И с точки зрения понимания, и с точки зрения воздействия на политические и экономические реалии. Говорю алгебраическими формулами, ибо не хочу утомлять вас и читателей скучной материей дипломатических будней.

— *И всё же каково ваше неалгебраическое мнение о евреях — о евреях здесь, в Израиле?*

— Ну что ж. «Ты этого хотел...» Да, моё мнение изменилось. Судя по тому, что я видел и знал в России, по тому, что читал об Израиле, я воспринимал израильских евреев как некую «соборность» (извините за термин из другого лексикона), некую внутренне спаянную общность, а израильское общество — как социум, пронизанный нитями взаимной помощи, взаимной поддержки. А тут, читая «Вести», читая «Нашу страну», другие газеты, то и дело вспоминаешь Гоббса: «Человек человеку — волк».

И такое ещё более частное наблюдение: много хороших журналистов, но весьма средняя журналистика, есть хорошие политики (учёные, музыканты, бизнесмены и т. д.), но... Количество угнетает качество — такая вот странность.

А теперь попытаюсь реабилитироваться в глазах израильтян. Я, конечно, знал, что евреи изменили облик Палестины. Но то, что я здесь увидел, — фантастика. Особенно, если учесть, что всё, что сделано, сделано в труднейших, часто — чрезвычайных условиях. Вся история Израиля — череда видимых и невидимых битв, в которых решалась судьба наконец-то возрождённого государства. Только находясь на Земле Обетованной, я смог понять и почувствовать это...

— *...А что вы думаете о месте «русских» и русскоязычной культуры в современном Израиле и о распространённом стереотипе по поводу «русского гетто»?*

— О «гетто», на мой взгляд, могут говорить только люди, ничего не понимающие в происходящем. Мы являемся свидетелями интереснейшего процесса — формирования израильской культуры. И русскоязычная культура служит одной из главных её составляющих. Наряду с идишской и арабской, надеюсь. Наряду с базовой культурой, уходящей корнями в иудейскую древность. Я, разумеется, безжалостно упрощаю, но упрощаю, чтобы яснее была видна основная мысль. А в более общем плане — и развитие сионизма, и образование Израиля, и его история во многом связаны с «русскими» (польскими,

украинскими, белорусскими) именами. Без них земля здешняя была бы «пуста и нестройна». Какое уж тут «гетто».

— *Самой острой проблемой в жизни Израиля является арабо-израильский конфликт. Существует ли, на ваш взгляд, выход из него? Насколько мне известно, вы критически относитесь и к позиции израильских левых, и к позиции правых.*

— Как политик, как дипломат, в обозримом будущем я не вижу выхода, который устроил бы обе стороны. Как журналист-международник могу предложить вам некоторые соображения. Левые трясут яблоню, не дожидаясь, пока яблоки созреют. Правые же полагают, что яблоки не созреют никогда. Моё мнение — яблоки всё-таки созреют, но ждать придётся долго, очень долго. И реальный смысл коопонсорства Америки и России (если упрочится их партнёрство) я вижу в том, чтобы не допустить взрыва на Ближнем Востоке, гарантировать длительную полосу мира, мира для переговоров, которые будут знать спады и подъёмы, паузы, большие и малые кризисы, которые будут сопровождаться террористическими актами, конфликтными ситуациями, но — и это главное! — будут продолжаться. «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними», — говорили римляне. И я уверен: изменятся времена, изменятся арабы и евреи. И тогда яблоко упадёт...

— *...Александр Евгеньевич, вам, наверное, не нужно рассказывать, какой любовью и популярностью вы пользуетесь в Израиле. Вернётся ли вы ещё в эту страну, где вас всегда ждут?*

— Спасибо за добрые слова. Если то, что вы говорите, правда, это — высшая награда, которую может заслужить посол. Что же касается моего возвращения в Израиль, то я рад буду появляться здесь, если хватит денег на билет сюда и обратно.

— *Значит, мы не прощаемся.*

.....
Культура в апреле. «Смех лангусты». Лазарев и Немоляева. Какое-то ощущение пустоты от текста. — Фестиваль поэтов и бардов в Иерусалиме. Вёл Валя Никулин. В парке. Было холодно, но весело.

МАЙ-97

*Праздник в Савьоне по случаю отъезда посла —
— Последние визиты — Последний приём —
— Последнее чтение газет — Превращение
ненастоящего посла в настоящего пенсионера*

Пошёл отсчёт последних дней.

Визиты к президенту, премьеру и министру иностранных дел.

Прошу Вейцмана не ставить Богданова в очередь и принять у него верительные грамоты до 12 июня. Чтобы на приёме, который устраивает посольство по случаю Дня Независимости России, новый посол был уже полностью полномочным. Президент обещал. И даже сказал, что сам придёт на приём. Пришёл.

.....
6 мая последняя (третья) попытка сдать вождение. И снова старый гриб меня заваливает. Друзья успокаивают тем, что здесь и по 20 раз сдают. Но у меня со временем туго. Так и уехал бесправным...

.....
8 мая обсуждаем с Носенко «незавершёнку». Она включает 9 пунктов.

1. Строительство комплекса в Иерусалиме.
2. Продолжение борьбы за перерегистрацию.
3. Строительство жилого дома в Тель-Авиве.
4. Соглашение о взаимной правовой помощи.
5. Компьютеризация экономической службы.
6. Соглашение между МИДом и «Трансаэро».
7. Оздоровление и укрепление консульской службы.
8. Медицинская страховка.
9. Создание школы.

Полезно было бы обсудить всё это с новым послом. Но в системе МИДа сдача-приёмка дел не предусмотрена. Новый посол появляется только тогда, когда удаляется старый.

В этот же день в Савьоне состоялось, как было указано в разосланном всем приглашении, **праздничное гулянье в связи с отъездом посла.** Приглашение уточняло: быть с жёнами и детьми, иметь хорошее настроение и хороший аппетит, бассейн работает, по газонам ходить.

Гулянье удалось. Главными героями были завхоз Александр Иванович Дмитриев, который всё организовывал, и дежурный комендант (он же — отличный повар) Валерий Алексеевич Луцук, который всё готовил (при помощи наших женщин, конечно).

.....
9 мая последнее посещение Старого города. Дорога скорби. Храм Гроба Господня. Голгофа.

Иерусалим стал превращаться в центр христианства после того, как в 324 году Палестина попала под власть Византийской империи. Царица Елена, мать императора Константина, заложила Храм Гроба Господня. Началось паломничество христиан. Строятся монастыри.

Евреям вход в Иерусалим был запрещён. Они могли появляться на Храмовой и Масличной горах только один день в году — 9 ава, чтобы оплакивать разрушение Храма — первого и второго¹. «По сей день неверным рабам, — повествовал монах Иероним, — запрещается входить в Иерусалим, ибо они убили слуг Бога и даже Сына Его. Им дозволено приходить в город лишь для того, чтобы оплакать его, и за деньги покупают они себе право оплакать разрушение своего города».

Всегда удивлялся: по книгам, по истории, по событиям всё это воображается большим, величественным. Как пирамиды или Исаакиевский собор. А когда видишь натуру — она обескураживающе проста, не величественна. Не знал бы — так и прошёл мимо, не заметил...

.....
12 мая — приём у президента. Последние рукопожатия, разговоры. Немного грустно.

После приёма заехал к Давиду, в грузинское заведение (оно расположено на заправке) под негрузинским названием «Кенгуру». Давид — из Тбилиси. Был когда-то по театральной части. Теперь вот по части ресторанной. С ним связан забавный эпизод.

Гостил у меня Лёва Оников. Он — тоже из Тбилиси. Зашли мы с ним в «Кенгуру». Познакомил его с Давидом. Давид долго делал вокруг нас круги. Потом спрашивает: «Простите, вы не жили на Советской улице?». Оказалось, что они в одной школе учились...

¹ 9 ава (в нашем календаре этот день «плавает») в Израиле отмечают День скорби. Именно 9 ава в истории евреев происходили трагические события:

— 1312 г. до н. э. — поколение евреев, вышедшее из Египта, не захотело войти в Землю Обетованную и было обречено умереть в пустыне.

— 422 г. до н. э. — разрушен Первый Храм.

— 70 г н. э. — разрушен Второй Храм.

— 132 г. — по приказу римского наместника распахана земля Иерусалима.

— 135 г. — римляне захватили Бейтар, последнюю крепость Бар-Кохбы.

— 1290 г. — начато массовое изгнание евреев из Англии., в 1306 г. — из Франции, в 1492 г. — из Испании.

Раз уж про О니кова... Как-то был я в Мадриде. Сидим с корреспондентом «Известий» Лёней Камыниным в баскском ресторане. Громко изъясняемся по-русски. Вдруг подходит испанец и на приличном русском спрашивает: «Вы — из Москвы?» — «Да». — «А Оникова вы не знаете?» Лет 40 назад они учились в Гнесиных...

Оникова знали все...

Под занавес дал пространное философско-заумное интервью главному редактору газеты «24 часа» Давиду Маркишу. Он — не только сын того Маркиша, но сам — добротный писатель и хороший журналист (в 1999 году стал сотрудничать с «Известиями»). Мы довольно часто с ним виделись. Было о чём поговорить. Вместе, как я уже упоминал, затеяли издание юбилейного трёхтомника Переца Маркиша. К юбилею не успели (денег не хватило), но всё-таки издали. Итак, запаситесь терпением, — последнее в Израиле интервью.

— *В эти дни — а сколько их ещё осталось до конца столетия! — многие думающие люди приходят к осторожному выводу о том, что двухтысячный год — это не только формальная веха истории, но и разделительный рубеж между двумя цивилизационными эпохами. Я не думаю, что так называемый технический прогресс, вызванный изобретением Джеймсом Уаттом паровой машины, сопоставим масштабно с изобретением компьютера. Появление персонального компьютера с его устрашающими возможностями, Интернет, взрывное расширение информационного пространства — всё это и многое другое оказывает на среднее, рядовое, так сказать, обитателя нашего мира ошеломляющее воздействие. За последние десятилетия человек, мне кажется, стал иным в значительной степени. Нет, он не поднялся на более высокую ступень своего развития — во всяком случае, мне не хотелось бы такими словами характеризовать его несомненное перемещение в иную цивилизационную плоскость. А как вы оцениваете ситуацию в мире на пороге 21 века?*

— Углубляется, принимает самые разные формы многомерный кризис цивилизации. Иногда говорят о кризисе мировой истории, о кризисе Культуры, имея в виду под Культурой всё, что не является Природой. Но замена слов не меняет сути дела — человечество проходит ныне опасную, кризисную полосу в своём развитии.

Начало кризиса можно «датировать» тем временем, когда люди получили возможность уничтожить, стереть с лица Земли всё, что «наработано» историей. Люди всегда воевали. Убивали друг друга миллионами. Гибли города. Разрушались государства. Исчезали культуры и «цивилизации». Но история продолжалась. Кто-то побеждал и шёл дальше. Теперь положение изменилось принципиально. Теперь, после полномасштабного обмена ядерными ударами, не будет победителей

и побеждённых, будут только побеждённые. И не будет истории. Она кончится. Способность цивилизации к самоубийству... Джинн выпущен из бутылки. Теоретически его можно загнать обратно. И в этом — надежда.

Другое измерение кризиса цивилизации — экологическое. С усердием маньяков мы рубим сук, на котором сидим. Стихийное, неконтролируемое развитие «второй природы», техносферы, грозит вызвать необратимые, регрессивные процессы в природе первой, в биосфере, и тем самым сделать жизнь людей невыносимой. Мы портим всё: воздух, воду, землю. Мы производим и потребляем отравленные продукты.

Развитие интеллекта, науки существенно опережает прогресс социальный, прогресс нравственный (если последний вообще имеет место). В результате мы всё больше оказываемся во власти разума, который трудно назвать разумным. Господство неразумного разума — это не парадокс, это трагический факт нашего времени. И как реакция на этот факт — бегство от разума, бегство от науки, волна иррационализма, которая накрывает нас.

Кризис цивилизации выражается и в кризисе системы международных отношений. Мы надеялись на становление нового мирового порядка, а получили новый мировой беспорядок. Вместе с двухмерной геометрией мировой политики распалась и блоковая дисциплина. Вспыхнул бунт против статус-кво. Мир захлёстывают конфликты. Тот «взрыв национализма», о котором писал А.Тойнби, кажется карнавальной петардой по сравнению с нынешним разгулом национальных эгоизмов. Все думают о себе, никто не думает обо всех.

Ещё один парадокс нашего парадоксального времени: именно пять членов Совета Безопасности ООН являются главными производителями и продавцами оружия. Индустрия смерти работает полным ходом. Появляются новые типы оружия, в том числе — оружия массового поражения. О последствиях не хочется говорить...

— *Значит, прав С.Хантингтон? «Межцивилизационные разломы» углубляются, и нас ждёт война цивилизаций — азиатской (буддийской) против европейской (христианской), мусульманской против иудейско-христианской, африканской против... Коротко говоря, балансирующая мировая система цивилизаций развалится, как разваливаются великие империи, и мир погрузится в хаос, возможно, кровавый?*

— Сомневаюсь. Хантингтон совершает, по-моему, типичную ошибку: он экстраполирует на будущее нынешнее положение вещей. Точнее, даже не положение вещей, а своё представление о нём. Разумеется, притирка друг к другу, сосуществование локальных, исторически сложившихся культур («цивилизаций») — процесс невероятно сложный. От конфликтов, от столкновений никаких гарантий нет. Но вряд ли «Западу» следует бояться союза Конфуция и Мухаммада.

Широкий философско-исторический план требует за деревьями видеть лес. Существует, на мой взгляд, главная доминанта истории. Гегель определил её как прогресс в развитии свободы. Человек, личность «главнее» нации, культуры, цивилизации. И по мере освобождения человека, преодоления отчуждённых от него сил перегородки между «цивилизациями» (по Хантингтону) будут истончаться и исчезать. И потом — глобальные проблемы, в которые мы уже погружены, требуют и глобальных способов их решения. Необходимая, неизбежная модернизация не тождественна вестернизации. Поэтому я верю, что человечество идёт — *per aspera ad astra!* — к новой цивилизации, к новому единству, которое будет не разрываться, а обогащаться, скрепляться многоцветием цивилизаций.

Сейчас мы живём по Эйнштейну: каждая «цивилизация», каждая мировая культура (как показали ещё Н.Данилевский и К.Леонтьев, а затем повторили О.Шпенглер и А.Тойнби) движется в своём историческом времени. Но впереди нас снова ждёт мир Ньютона, когда история станет действительно единой и когда исторические часы во всех культурах будут показывать одно время. Разумеется, это гипотеза. Лет через сто встретимся, тогда уточним...

— *У меня такое впечатление, что на ваших воззрениях сказывается марксистский исторический оптимизм. Но посмотрите вокруг — разве исламский фундаментализм, разве сотни разного рода сект, вырывающих людей из привычной им культуры и даже из самой жизни, разве упомянутый вами разгул национальных эгоизмов не заставляет смотреть в будущее с тревогой?*

— С тревогой — да. Ибо прогресс не предопределён. В каждой точке исторического времени есть веер возможностей. А вот какая из них станет наиболее вероятной, станет в конце концов единственной возможностью, — это решают люди. Преодоление нынешнего кризиса цивилизации не заложено в генах истории. Но возможности выйти из этого кризиса, подняться на следующий уровень цивилизации у нас есть. Сумеем ли мы ими воспользоваться — это уже вопрос не теорий, а политической, социальной практики...

Что же касается фундаментализма — мусульманского, иудейского или православного, — то он обречён. Он обречён потому, что не отвечает на те вопросы, которые ставит перед нами история. Он обречён потому, что догматизирует ритуалы и нравы давно ушедших времён. Всплеск фундаментализма вызван определёнными историческими условиями. Но условия меняются, и секуляризация необратима. Жаль только, что часто приходится платить большую цену...

— *Раз уж мы заговорили о Хантингтоне, давайте вспомним известную статью Ф.Фукуямы «Конец истории». Мне кажется, что именно вокруг этих двух имён вращались последние 10 лет споры об истории, её смысле, её нынешнем витке.*

— Вы правы. Шум был большой. И это удивительно. Ведь суждения и выводы Фукуямы и Хантингтона довольно поверхностны. Что сказал Фукуяма? Коммунизм потерпел поражение. Либеральная идеология победила. Раз и навсегда. И в этом смысле история — история борьбы либерализма за своё утверждение — кончилась. Впереди, значит, сплошной либерализм. Я утрирую, чтобы чётче выступила стержневая мысль Фукуямы. А мысль эта весьма спорная. Во-первых, потерпела поражение идеология тоталитарного коммунизма. Но идеи равенства, справедливости, свободы — базисные ценности коммунизма — вряд ли можно считать сошедшими с исторической сцены. Во-вторых, Фукуяма явно недоучёл значимость, влияние таких идеологических структур, как национализм или тот же фундаментализм, которые наверняка не намерены сдавать позиции либерализму. В-третьих, трудно считать плодотворной попытку подстричь всё будущее под либеральную гребёнку.

Что же произошло на самом деле? Подошла к «концу» не история. Подошла, по-видимому, к своему логическому завершению та полоса истории, которая была начата Французской революцией 1789 года и имела своим основным содержанием формирование рыночной экономики и либеральной демократии. Рыночный романтизм Фридмана или Хайека исчерпывает себя. Мы переживаем пороговую ситуацию. Наступает новая эпоха, новая стадия исторического развития. Попытаемся заглянуть в будущее. Какое оно, если оно будет, — технотронное? постиндустриальное? информационное? В каждом определении угадывается «кусочек», фрагмент истины, но в целом картинка ещё не складывается. Если использовать одно из самых модных ныне понятий — «парадигма» — то и в экономике, и в социальной сфере, и в политике предстоит смена парадигм, то есть выход на новые, посткризисные рубежи.

— *Говоря о посткризисной фазе, вы не упомянули о смене духовных парадигм. Или постмодернизм — я беру это слово в самом широком значении — это надолго? Повальное увлечение мистикой, оккультными «науками», астрологией, тяготение к восточным таинствам, прочерчивание границ перед рациональным подходом к окружающему нас миру — от этой «парадигмы» куда мы пойдём? Если политическое прогнозирование хоть в какой-то степени возможно, то попытка предугадать духовное развитие общества — не более, чем гадание на кофейной гуще. И всё же — что нас ждёт?*

— Трудно сказать. Пик влечения к иррациональному ещё, думается, не пройден. Бегство от разума ещё продолжается. Почему? Разум суров: это невозможно, этого не будет, это будет, но не скоро. А ведь так хочется невозможного. А если мистика, тайна, то всё становится возможным. Вдруг — счастье!

Продолжается бегство от свободы. Свобода — это тяжкое бремя выбора, ответственности. И бегут в ритуалы, в заданные модели поведения. Тайна, ритуал — это убежище для слабых духом, для взыскующих спасительной простоты.

Бессмысленно поносить науку и технику. Они в принципе находятся по ту сторону добра и зла. Другое дело — применение науки, применение техники. Здесь нравственные оценки возможны и необходимы.

Бессмысленно отворачиваться от разума, если с каждым шагом познания окружающий нас мир, Природа, Вселенная становятся всё сложнее и многозначней, если за порядком проступает хаос, если рациональное переплетается с иррациональным, сознательное с бессознательным. Таинства, мистерии, оккультизм — всё это маргинально, всё это наросты на могучем древе познания.

Нас «учат»: на самом деле нет ничего «на самом деле», «реальности» нет, а есть лишь наслоения, переплетения, игра интерпретаций. Однако я уверен, что любой «интерпретатор», если у него погаснет свет или испортится канализация, вызовет вполне реальных и отнюдь не иррациональных электрика или сантехника. Тут мистика кончается...

А если говорить серьёзно, то, конечно же, познание, «критика чистого разума» обогащают, видоизменяют формы рационализма. Но именно рационализма. Ибо даже постижение иррационального требует рациональных форм. Так уж устроена Вселенная, в которой нам суждено быть.

— *И вы, и я — люди 60-х, «шестидесятники», и «в наше время» своеобразный росток, именуемый нынче «постмодернизмом», лишь проклёвывался и с немалым трудом. Не потому, что было нельзя, а потому, что большинство из нас тяготели к иным формам, иным средствам... Вы примете постмодернизм в искусстве?*

— Во всяком случае пытаюсь понять, что это такое. И далеко не всегда успешно. В конце концов, искусство — это дело вкуса, воспитания. О чём тут спорить? Но вот теория искусства, его концептуальные основы дают пищу для споров.

Говорят, что революцию в искусстве (смену опять же парадигм) произвёл «Чёрный квадрат» Малевича. До него языком искусства были художественные образы. После него языком искусства стали знаки. Знак имеет иную природу, чем образ. И далее разматывается постмодернистская цепочка суждений: конец рационалистического подхода к искусству, конец подражанию действительности, интуитивность, иррациональность творческого процесса и его результатов. Как потребителя искусства меня эти суждения не волнуют. Если я читаю роман, смотрю картину, слушаю музыку, мне должно быть интересно. Не в смысле — забавно, а в смысле эстетического удовольствия. Так вот, постмодернистское искусство мне не интересно. Боюсь, что

оно интересно только самим постмодернистам и узкому кругу их читателей. Ну и хорошо. Пусть себе творят, только шуметь не нужно.

В Китае мне как-то дали лягушачий жир в сахарном сиропе — нечто вроде постмодернизма в гастрономии. Съел ради советско-китайской дружбы. Но большинство китайцев — и тут я с ними солидарен — застряли на домодернистских позициях, предпочитают пельмени.

— *Не перевести ли нам разговор в менее абстрактную плоскость?*

— Ну что может быть более конкретным, чем пельмени?

— *Не хитрите. В нашем случае пельмени — знак. А что вы скажете о Боге? Это для вас реальность или тоже знак? Или — знак реальности?*

— Я, как вы догадываетесь, атеист. Не идеологический атеист, а культурологический, если так можно сказать. То есть моё отношение к Богу определяется моей культурой, суммой моих знаний, моим жизненным опытом. И в данном контексте Бог для меня — знак. Знак, указывающий на определённую реальность, но не потустороннюю, а посюстороннюю. Если Бог фигурирует как некая значимая величина, как мотивация поведения, как организатор того или иного образа мышления и жизни, то это «обозначает» определённую стадию развития общества, специфику общественных отношений, уровень культуры, образованности масс.

Как вы понимаете, строго логически нельзя доказать ни существование, ни несуществование Бога. Вот тут мы переходим на почву иррационального: верить или не верить. Не логика, а психология. Когда-то Ансельм Кентерберийский изрёк: «Верю, чтобы понимать». Ему ответил Абелиар: «Понимаю, чтобы верить». Если в этих же терминах сформулировать мою позицию, то она звучит так: «Понимаю, чтобы не верить». Мне просто не нужна эта гипотеза. Она мне не помогает. Мне не о чем говорить с Богом. Я говорю с людьми.

Когда люди убивают друг друга потому, что веруют в разных богов, это значит, что боги побеждают людей. Но я уверен, что наступит время, когда люди победят богов. И тогда никто не будет бояться фундаментализма.

— *Вы как-то обошли молчанием моё замечание относительно марксизма. Не хотите возвращаться к любимым могилам?*

— Мне кажется, что хоронить марксизм преждевременно. Умер, вернее, всё ещё умирает марксизм предельно догматизированный, засушенный, превращённый в катехизис. Да, собственно говоря, такой марксизм всегда был мёртвым. Живыми были, к сожалению, люди, которые смогли превратить «марксизм» в орудие своей политики. Ну, а Маркс как был, так и остаётся одним из крупнейших учёных. Как у любого учёного, у Маркса были ошибки, заблуждения. Но ошибки гения поучительнее, чем истины, которые пережевывают посредством посредственности. Нет ни одной сколько-нибудь серьёзной теории в экономике, политике, социологии, философии, истории, ко-

торая не была бы так или иначе связана с наследием Маркса. В свидетели возьму М.Хайдеггера, который не нуждается в рекомендациях. В своей классической работе «Время и бытие» он писал: «Поскольку Маркс, осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории».

— *И всё-таки Советский Союз, тоталитарный сталинский режим, огороженный железным занавесом «лагерь социализма» также были «так или иначе» связаны с Марксом...*

— Были, конечно. Но не столько с самим Марксом, сколько с его ложными интерпретациями. И тем не менее если бы не было Советского Союза, если бы не было этой трагической и героической попытки вырваться на новые исторические орбиты, мы жили бы сегодня в другом и, боюсь, в гораздо худшем мире. Октябрьская революция, как и любое великое историческое событие, имела и свои минусы, и свои плюсы. Но если минусы больнее всего ударили по Советскому Союзу, по «лагерю социализма», то плюсы обозначились как раз за пределами «лагеря». Само существование советской страны, провозглашённые ею цели и лозунги привели, если угодно, к «мелиорации» капитализма. Была реформирована капиталистическая экономика. К власти во многих странах пришли социал-демократы. Радикально изменилась социальная сфера (8-часовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, пенсии, бесплатное образование и т.п.). Капитализм защищался, перехватывая у социализма его программные установки и умнее, эффективнее реализуя их на практике.

Даже религия не смогла остаться в стороне от общего поветрия. «Влияние Маркса на христианство, — утверждал известный критик марксизма К.Поппер, — можно, по-видимому, сравнить с влиянием Лютера на Римскую церковь...Если христианство встало сегодня на путь, отличный от того, каким оно следовало всего 30 лет назад (Поппер имеет в виду изменившуюся социальную доктрину Ватикана. — А.Б.), то этим оно в немалой степени обязано влиянию Маркса...»

Марксизм вышел на историческую арену с целью преодолеть отчуждение человека, гармонизировать отношение между равенством (справедливостью) и свободой. Пока не получилось. Советский Союз пошёл по ложному пути. Но дискредитация средств не означает дискредитацию цели. И пока большинство человечества живёт в условиях, которые трудно назвать человеческими, марксизм не позади, а впереди нас.

— *И последнее, Александр Евгеньевич, — о России. Что происходит с Россией? Куда она идет? С каким настроением вы возвращаетесь домой?*

— Факты общеизвестны. Объяснить их, дать анализ, который удовлетворял бы меня самого, не могу. Ещё многое не уложилось в голове. Старые теории не годятся, а новые не «придуманы».

Очевидно, что происходящее — сначала в СССР, потом в России и на всём постсоветском пространстве — одно из величайших проявлений того кризиса цивилизации, с которого мы начали беседу. Кризиса квазимарксистской идеологии, широко распространившейся в 20 веке, и кризиса порождённых ею социальных технологий. Мы верили, что идём в счастливое будущее, но выяснилось, что мы поднимались на Голгофу...

Ни общество, ни люди, которые волею судеб стали у государственного штурвала, оказались неподготовленными к столь резким переменам. Более ста лет назад А. Герцен писал: «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы». Такие вот дела.

Стихия обвальная «перестройки» захлестнула управленческие структуры, сломала прежние экономические механизмы, не заменив их новыми, разорвала привычные социальные связи, открыла шлюзы преступности и коррупции. Отсюда — растерянность, подавленность, охватившие миллионы людей, выбитых из обжитой колеи. Отсюда — тоска по прошлому, оплакивание «дерьмократов», массовая поддержка зюгановых и жириновских. Отсюда же — шараханье в сторону национализма и религии. Всё это понятно, но от этого не легче.

Люди устали от слов и обещаний. Придумывание «национальной идеи» ничего не даст. Надо «просто» постараться навести порядок. И сначала — наверху, в высших эшелонах власти. Легко об этом говорить. Сделать — безумно трудно. Но если Ельцин и его команда (ежели она ещё не успела деградировать в «свиту», в «двор») не сумеют сделать это, их сметут. И Ельцин останется в российской истории как человек, разваливший Советский Союз. И только.

Но я всё-таки надеюсь, что мы остановимся у края пропасти, что у президента хватит здравого смысла и воли, мужества окружить себя честными и умными (и молодыми!) людьми, коим несть числа в нашей России. Я надеюсь, что Россия сумеет превратиться в великую евразийскую демократическую державу, в страну, которая будет не отталкивать, не выталкивать из себя людей, а привлекать, притягивать их. Вот с этой надеждой я возвращаюсь домой...»

.....
13 мая в посольстве в 10.00 очередное чтение газет.

После посидел в любимом кафе «Акапулько» на улице Дизенгоф и в 13.00 был в аэропорту. Проводы просил свести к минимуму. Самолёт вылетел по расписанию. Вечером был дома.

.....
Прощание с МИДом растянулось на четыре месяца, так как столько у меня накопилось неиспользованных отпускных дней.

Все бумаги на пенсию я сдал ещё во время визита Нетаньяху. Пенсия, как выяснилось, была оформлена оперативно — с 20 марта 1997 года (370 257 рублей, с 29 апреля 1999 года стал получать посольскую — 1 374 руб. 92 коп.). Получил Указ президента № 269 от 27 марта 1997 года, коим был освобождён от обязанностей посла «в связи с уходом на пенсию».

10 сентября получил в МИДе два приказа: один об увольнении в отставку, другой — об освобождении по собственному желанию от работы в МИДе России «в связи с уходом на государственную пенсию».

Зашёл к Евгению Максимовичу. Он поблагодарил меня за проделанную работу.

.....
Вот и всё.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Извинения — Израиль и диаспора — Очень разный Израиль —
— Менталитет — Мазохисты — «Процесс пошёл» —
— Спасибо судьбе*

Мы подошли к концу.

Хочу извиниться перед теми, кого не упомянул в своих заметках.

Перед моими друзьями и знакомыми, которые своими наездами в Израиль скрашивали жизнь Лене Петровне и мне.

Перед коллегами, послами из других разных стран, которые были нашими желанными гостями и которые учили меня посольским премудростям.

Перед служителями всяческих муз, для которых ворота Савьона всегда были широко открыты.

Перед израильтянами — журналистами, писателями и поэтами, художниками и артистами, учёными, врачами и «экстрасенсами», работниками «общественного питания», — которые позволяли мне видеть и даже (возможно) понимать не политический, не официальный Израиль.

И первое, что я увидел, почувствовал, понял, — **Израиль очень, невероятно разный.** Там, как в Греции, есть всё. Моря и пустыни. Горы и равнины. Грибы и бананы. Свинина и маца. Волки и крокодилы. Синагоги (много), мечети (меньше) и церкви (совсем немного).

Но — в отличие от Греции — в Израиле много евреев. Около 5 миллионов (для сравнения: в США — 5,8 млн., в России — 0,5 млн.)¹. В общем, в диаспоре евреев больше, чем в Израиле, и, судя по всему, такое положение будет сохраняться. Нечто вроде динамического равновесия между диаспорой и Израилем. Как объяснил мне один заезжий американец: мне нравится жить в Америке, но мне приятно знать, что есть Израиль и что я могу жить там...

¹ В 1948 году Израиль населяли 806 тысяч человек (650 тысяч евреев и 156 тысяч арабов). На начало 2000 года в Израиле было 6,26 млн. человек (4,92 млн. евреев, 1,15 млн. арабов и 160 тысяч граждан неустановленного вероисповедания). За время существования государства на Землю Обетованную прибыло около 3 млн. репатриантов.

Однако проблема не в том, много или мало евреев в Израиле. Проблема в том, что они разные. На Земле Обетованной живут евреи, приехавшие из ста с лишним стран и, соответственно, принадлежащие к разным культурам и разным языковым группам. Плюс к этому иммиграция шла волнами, оставляя «на берегу» разные поколения людей, каждое из которых отмечено знаком своего времени. Таким образом, израильское общество, единый — по определению — «еврейский народ» разделены как по горизонтали, так и по вертикали, что делает социальную топографию Израиля чрезвычайно сложной и запутанной.

Если же укрупнить, усреднить картину, то можно выделить несколько главных линий, рассекающих израильский социум.

Есть Израиль западный и Израиль восточный. Западный Израиль — это Израиль ашкеназов, выходцев из Европы и Северной Америки. Восточный — это Израиль сефардов, выходцев из Северной Африки, стран Ближнего и Среднего Востока¹. Ашкеназы, — а именно они были основателями еврейского государства, — принесли на свою «историческую родину» европейскую культуру, склонность к социалистическим утопиям, скептическое, сдержанное отношение к религии и фаршированную рыбу. Сефарды, основная масса которых влилась в Израиль в 50-е годы, принесли с собой традиционный семейный уклад, религиозность, вкус к рыночной (мелкой) экономике, левантийскую вальяжность и хумус.

До середины 70-х годов сефарды явно были на вторых ролях. С пришествием Менахема Бегина положение изменилось и продолжает меняться. Но и сегодня политический, культурный Израиль это прежде всего Израиль ашкеназов. Но вот Израиль гастрономический — это Израиль сефардов. Как ни парадоксально, но в еврейском государстве господствует арабская кухня. Согласно опросам, наиболее популярны среди израильтян шуарма, фалафель и хумус (и сытно, и дешево). Разумеется, если вы будете угощать израильтянина, то вкусы изменятся. Даже ашкеназ фаршмаку или шпондре предпочтёт стейк или салмона на гриле.

Партия Труда — традиционно партия ашкеназов. Сефардам ближе Ликуд. В сентябре 1997 года лидер Аводы Эхуд Барак, пытаясь переломить настроения в сефардской общине, публично — от имени партии и от имени ашкеназийского истеблишмента — извинился перед сефардами за дискриминацию выходцев с Востока. Извинения вызвали противоречивые отклики. Ашкеназы морщились. Сефарды насто-

¹ Первоначально, в средние века, ашкеназами называли немецких евреев, а сефардами — выходцев из Испании и Португалии. Потом границы этих понятий стали более подвижными и размытыми.

женно ждали, последуют ли за извинениями изменения в приоритетах. Став премьером, Барак может наполнить свои извинения реальным содержанием. Если вспомнит...

Особняком стоит **эфиопская община**, примерно 20 тысяч человек, вывезенных из Эфиопии и оказавшихся в чуждом для них мире. В меньших масштабах повторяется история «перевоспитания» сефардов.

А ещё есть около 10 тысяч **караимов**, не признающих законы Галахи. Есть менее тысячи **самаритян**, построивших на вершине святой горы Гризим свою деревню. Есть 100 тысяч **друзов**, которые для евреев почти мусульмане, но которых сами мусульмане мусульманами не считают. И все эти маргиналы со своими заботами, проблемами, требованиями — тоже фрагменты нынешнего Израиля.

О разделительной линии, проходящей между светским и религиозным Израилем, я уже рассказывал. Логика ортодоксов проста и понятна: религия, иудаизм — это суть, смысл, стержень народа еврейского, и поэтому борьба за сохранение религиозности — это борьба за сохранение Израиля. В той системе идеологических координат, в которой был создан и существует нынешний Израиль, против этого трудно возразить. По-видимому, возражения выдвинет будущее. Но до будущего надо дожить.

В плоскости социальной Израиль можно — со всеми мыслимыми оговорками — разделить на капиталистический и социалистический. Можно поставить слово социалистический в кавычки, можно и не делать этого. Социалистический сектор Израиля связан с тем, что долгие годы у власти были люди социалистической, как уже говорилось, ориентации.

Отсюда — киббуцы, коллективные хозяйства в «деревне». Отсюда — могучие профсоюзы и государственные монополии, обросшие, как и положено, «социалистической» бюрократией. Отсюда — огромные налоги, перераспределяющие доходы богатых в пользу «бедных». Отсюда — низкая производительность труда и низкая эффективность производства.

Глобальный кризис социализма не мог не задеть Израиль. Красный цвет перестал быть цветом профсоюзов. Чиновники сопротивляются отчаянно, но Израиль постепенно освобождается от социалистических одеяний. Экономика, говорил Нетаньяху, напоминает «автомобиль, съехавший с шоссе на обочину». И чтобы вернуть машину на шоссе, надо покончить с «еврейским социализмом». Что и делается, так сказать, в четыре руки. Потому что Авода тоже стремится обрубить свой социалистический хвост. Экономика становится более эффективной, а общество — более жёстким, меркантильным, циничным.

Чтобы закрыть тему разноликого Израиля, приведу пространные размышления Гарри Резниковского. Он вспоминает Достоевского, который однажды сказал: «Россия есть игра природы, но не ума». Резниковский полагает, что Израиль, наоборот, есть игра ума, но не природы. От природы у Израиля только географические координаты. Всё остальное пришлось изобретать. Но, пишет автор, «идеальная схема создания новой страны начала давать сбой, как только в Израиле появились его первые обитатели. По мере роста населения росло и сопротивление человеческого материала... Каждый еврей ехал в свой собственный Израиль. И каждый был решительно недоволен картиной, представшей перед его глазами. Сначала эта страна была чересчур ашкеназийской, потом — чересчур сефардской. Она то утопала в кумаче, то расшибала лоб в поклонах золотому тельцу. Была невероятно суетна и раздражающе нетороплива. В ней не умели держать слово и не понимали прелести отчаянной торговли за медный грош. Среди её обитателей всегда был перебор по части нудных умников и гиперактивных недоучек.

Вавилонское пленение осталось позади, теперь евреи привыкли к вавилонскому столпотворению. И лишь смиренная рубашка иврита удерживала эту пёструю массу, не давая ей ртутными шариками раскатиться по углам.

Время работало против Израиля. Время не давало стране покоя, нужного, чтобы из раздробленных в пыль от частых столкновений микромиров возник Единый Израильский Миф — Великая Еврейская Мечта...

...Обитатели не спорили, когда им говорили, что первое поколение — лишь навоз, в котором копошатся личинки светлого будущего. Но за детей было обидно: и в этом им предлагалось жить?

Ради детей страну надо было срочно менять. И её меняли — как могли, как получалось... Пока родители строили, дети росли. Они разговаривали на иврите, у них были общие игры и общие думы, одинаковые автоматические винтовки и шнурованные ботинки единого образца. У них были свои кумиры, свои настоящие кумиры — простые парни из нашего двора, сумевшие вскарабкаться на вершину, парни из плоти и крови, а не те призрачные тени, которыми бредили их отцы. У них было общее прошлое и общее настоящее. И уже казалось, что страна вот-вот успокоится, приладится к мерному шагу молодых, подхватит мотив, который они насвистывают по дорожке в паб, и хаос сгинет под натиском гармонии.

Так всем казалось.

И тут появились мы».

«Мы», как понятно, это более полумиллиона «русских», которые сделали очень разный Израиль ещё более разным...¹

Фрагментарность, мозаичность Израиля отражается и на состоянии общественного сознания, и на израильском менталитете. Это некое весьма аморфное, зыбкое, внутренне противоречивое образование, именуемое «израильский менталитет», впитало в себя как историю еврейского народа, так и его «географию», принадлежность Востоку и Западу.

Послушаем Бердяева: «Всякая народная индивидуальность, как и индивидуальность человека, есть микрокосмос и поэтому включает в себе противоречия. Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей... По поляризованности и противоречивости русский народ можно сравнить лишь с еврейским народом. И не случайно именно у этих народов сильно мессианское сознание. Противоречивость и сложность русской души могут быть связаны с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ». Думаю, что сказанное вполне можно отнести и к «еврейской душе», не менее загадочной, чем душа русская. Ибо два потока мировой истории, европейский и азиатский, переплелись в судьбе евреев, но особенно — вспомним об ашкеназах и сефардах — в судьбе Израиля. Под воздействием этих потоков формируется и менталитет израильтян, в котором причудливо сочетаются «кусочки» восточного и западного отношения к миру, к жизни в этом мире и к самим себе.

Все эти «отношения» неотрывны от опыта, накопленного веками истории и сконцентрированного в характере и психологии евреев. **Мартин Бубер** в своих речах об еврействе цитировал немецкого писателя Якоба Вассермана: «Верно одно: фигляр и естественный человек, чувствительный к прекрасному и враждебный ему, фанатик и трусливый раб, шарлатан и азартный игрок — всё это есть в еврее...» Бубер обобщает эту характеристику: таковы природа, сама суть еврейства — «высшее в нём связано с низшим и его светлые стороны с постыдными». Ни у одного народа, продолжал Бубер, нет таких «пламенных игроков и предателей» и нет таких «возвышенных пророков и освободителей». Эти противоположности могут сталкиваться даже в одном человеке, в котором, порождая невероятные потрясения и кризисы, борются «да» и «нет»...

¹ Теперь — миллион. 7 мая 2000 года в аэропорту им. Бен-Гуриона состоялась торжественная встреча миллионного репатрианта, прибывшего в Израиль с начала Большой алии — с сентября 1989 года. Решили не выделять конкретного человека, а считать «миллионниками» всех граждан СНГ (их было 47), прилетевших данным рейсом. У трапа самолёта их встречали глава правительства Эхуд Барак, председатель Сохнута Салай Меридор, министр абсорбции Юли Тамир и многие другие важные лица.

Поляризованность, о которой писал Бердяев и которую так ясно видел Бубер, ощущается в Израиле на каждом шагу. Меня поражало сочетание, сосуществование высокого патриотизма, душевной привязанности, любви к Израилю с беспощадной, доходящей до отрицания критикой израильского общества, израильских порядков. «Сегодня слово «Эрец-Исраэль», — признаётся всемирно известный писатель **Йорам Канюк**, — вызывает у меня отвращение. У меня мороз по коже продирает, когда я слышу об «Эрец-Исраэль» и о тех, кто ей верен. Фашистское государство, превратившее землю в высшую ценность. Тфилин и винтовка, чтобы убивать врагов Бога». Именно Канюку принадлежит экстравагантная идея раздела Израиля на два государства. «С фундаменталистами невозможно достичь компромисса, — полагает Канюк. — Поэтому пусть забирают себе свой красивый горный край, живут себе в Иерусалиме и Хевроне и делают там, что хотят, а мы продолжим строительство нашего еврейского государства в Ашдоде, Тель-Авиве и Галилее»¹.

Канюк — сабра. Он родился и вырос в Израиле. **Анна Исакова**, серьёзный, умный журналист (а ныне — советник Барака по алии и абсорбции) — «ватичка». Она в Израиле с начала 70-х. Она пишет, что живёт в стране «вилл, пентхаузов, шикарных машин и роскошных «каньонов», частных лечебниц, финансовых скандалов, девиц для сопровождения с высшим образованием, массажных кабинетов и спортивных клубов, оргий богемы, великосветских раутов, министров, находящихся за границей больше, чем дома, аукционов «Сотби». В стране наёмных убийц. В стране нуворишей с базара «Кармель», населяющих шикарные дома со швейцаром у входа. В стране торговцев оружием, в стране, потребляющей больше золота и бриллиантов на душу населения, чем многие другие страны мира.

Наверное, я живу не в той стране, — уточняет Исакова. — Но именно она лежит вокруг. И в тех же границах — страна безработных, мелких государственных служащих, получающих от государства добавку к зарплате для обеспечения жизненного уровня. Живу в стране

¹ В такое же русло направляет свои филиппики гораздо менее известный Пинхас Бен-Хаим: «Нравственное и духовное банкротство, скорлупа, под которой прячется маленькое и гнилое ореховое ядрышко, — таковы итоги, к которым пришла «израильская культура» всего за несколько десятилетий своего развития, состарившись быстро, как сифилитик. К таким же итогам пришла и «израильская идеология», выродившаяся в обычный «пофигизм» ко всему и вся, что не касается собственного кармана и желудка. Но, как крошка Цахес, она продолжает отстаивать своё право на существование и готова любой ценой доказать, что она-то и несёт в себе истинную духовность и «общечеловеческие ценности».

У Израиля две столицы, два «сердца»... Но существо, рождённое с двумя сердцами, увы, нежизнеспособно. Чтобы выжить, этот монстр должен избавиться от одного из них».

распадающихся киббуцев, вечного овердрафта, бешеного потребления в долг, стране массовой алии, подвижников-поселенцев, подвижников-антипоселенцев. В стране постоянного страха и неумеренного самодовольства, в стране, развлекающейся «назло врагам» и просто из любви к удовольствиям, в стране, где есть набожные и секулярные, не ведающие, не умеющие спросить, и в стране, где не могут жить, не задавая по каждому поводу бесчисленного количества вопросов, на которые никто не знает ответов. В стране, потерявшей, по слухам, идеологию и не нашедшей, по слухам, своё национальное лицо, в стране, сплывающей в беде, разъединяющейся в благоденствии».

Сплетение добра и зла в стране оборачивается сплетением добра и зла, «да» и «нет» в психологии её жителей. А, может быть, и наоборот — люди создают страну «по образу и подобию своему». В конце концов важен результат, и о нём идёт речь.

Наконец, слово тому, кого обозначают словами «оле хадаш», вновь прибывший. **Аркадий Киреев**, попав в Израиль, понял старую притчу о евреях-тысячниках. «Когда Бог даровал евреям мудрость, то надеялся ею 999 евреев из тысячи, а тысячному отдавал всю глупость этих девяносто девяти... Так вот, почти все 999 мудрых евреев погибли в бесчисленных погромах, в гетто и Катастрофе. А большинство «тысячников» выжили и собрались в Израиле. Так что не «идеальной чистотой», а грузом тысячеликвой глупости обременено наше государство. Глупость эта живёт, оборотясь спиной к будущему... и вслепую бредёт к пропасти...

Израиль на глазах превращается в государство глупцов, живущих одним днём и слепо верящих в то, что этот день будет таким же, как вчерашний. Такое государство рискует ещё на 40 лет оказаться «государством в пустыне», только на этот раз без Моше Рабейну, отводящего от народа своего гнев Божий».

Мазохистская составляющая израильского менталитета лишь подчёркивает, оттеняет общую позитивную ориентацию молодого израильского общества. Ведь только сильные, лишённые комплексов люди способны смеяться над собой и обличать дела рук своих. А дела эти достойны уважения. **Израиль — это единственная утопия, которая выстояла на ветрах истории.** Знаменитой книге Теодора Герцля «Обновлённая страна» («Altneuland») был предпослан эпиграф: «...и если вы захотите, — это не будет сказкой». Они захотели. И это не стало сказкой.

Размышления о судьбах еврейства и об израильском менталитете выходили за круг моих посольских обязанностей. Тут я скорее удовлетворял своё личное любопытство. По линии же посольской, если отвлечься от рутины российско-израильских отношений, в центре внимания находился **мирный процесс.**

В Израиле этот самый процесс — в силу своей длительности и малой результативности — становился объектом грустного юмора. «Самым популярным словом в израильском политическом словаре, — утверждала «Наша страна», — похоже, становится слово «процесс». Слава Богу, не в криминальном значении этого слова, потому что, несмотря на уйму всяких детективных и просто криминальных историй, связанных с нашими политиками, до самих процессов дело, как правило, не доходит...

Нет, процесс в нашем политическом обиходе употребляется сейчас в том смысле, в котором он вошел в знаменитую присказку Михаила Горбачёва: «Процесс пошёл». То есть, в смысле того, что что-то такое происходит, но о результатах говорить вовсе ни к чему... Такое впечатление, что наши политики взяли на вооружение лозунг французских левых: «Цель ничто — движение всё» (слова эти принадлежат не французским левым, а немецкому социал-демократу Эдуарду Бернштейну. — *А.Б.*). Все обозреватели спорят: идёт ли так называемый мирный процесс, или он стоит, и вообще, процесс ли он, и когда процесс превратится в «просто мир».

Евреи шутили. Но нам было не до шуток. В значительной мере работа посольства вращалась вокруг мирного процесса. Не в смысле участия в нём — тут наша роль была достаточно скромной. А в смысле «отслеживания», сбора информации, сочинения многочисленных бумаг.

Пожалуй, главная особенность мирного процесса и главный подводный камень на его пути — это отсутствие, о чём я уже писал, чётко зафиксированных «конечных» целей. И ещё — стороны употребляют одни и те же слова, но вкладывают в них разный смысл. «Автономия» для палестинцев — шаг к государству, а для израильтян — шаг, блокирующий путь к государству. «Компромисс» для израильтян — уступка за уступку (мы вам землю, вы нам безопасность), но палестинцы видят ситуацию по-другому: Израиль отдаёт лишь то, что нам принадлежит по праву, мы ничего не должны Израилю, он нам должен. То есть палестинцы имеют право требовать, а Израиль обязан отдать.

В результате каждая бумага, каждая договорённость тут же, немедленно подвергаются коррозии, разъедаются несходством интерпретаций. Каждый шаг, каждое позитивное движение в русле мирного процесса сопровождаются конфликтами, кризисами, взаимными обвинениями.

Когда я уезжал из Израиля, мирный процесс был загнан в тупик. Приход к власти Барака вызвал оживление. Во всяком случае, на палестинском треке¹. Но мне думается, что мир, прочный, устойчи-

¹ См. дополнение 19.

вый мир — за пределами нынешнего политического горизонта. Слишком велик потенциал конфликтности на Ближнем Востоке. Здесь противостоят демократия и авторитаризм, секуляризм и ортодоксия, модернизм и консерватизм, западная модель развития и исламская модель. На этом фоне конфликт между иудаизмом и исламом, между евреями и арабами вряд ли может быть прекращён.

По-видимому, придётся поработать поколению внуков нынешних лидеров.

И всё-таки попробуем заглянуть за горизонт. Учтём при этом, что предвидение — сугубо рациональный акт, состоящий из логических операций, логических процедур разного рода. Предвидеть легко тогда, когда есть уверенность, что $2 \times 2 = 4$ в любой точке исторического пространства и исторического времени. Но такой уверенности может не быть. «Совершенно очевидно, — полагает известный еврейский энциклопедист и скептик Ш.Пинес, — что рационализм не согласуется с окружающей действительностью. Это, пожалуй, одно из немногих утверждений, которые не вызывают сомнений». Возможно, Пинес излишне категоричен. Но «действительность» на самом деле содержит иррациональные, алогичные факторы, которые могут перечеркнуть расчёты, основанные исключительно на рациональных соображениях.

Итак.

Если дела будут идти «штатно», логично, то процесс ближневосточного урегулирования должен привести к следующим результатам:

- арабские соседи Израиля безоговорочно признают его право на существование и гарантированную безопасность, что даст зелёный свет дипломатическим отношениям и сотрудничеству в полном объёме;
- палестинское квазигосударственное образование, юридически связанное с Израилем или/и с Иорданией, будет принято в ООН;
- полностью демилитаризованные Голанские высоты и сектор Газы будут переданы соответственно Сирии и Египту;
- Иерусалим, весь Иерусалим, останется столицей Израиля.

Остальное — детали.

Это в будущем. А в настоящем мне остаётся благодарить судьбу за то, что она дала возможность познакомиться с одной из удивительнейших стран мира и даже попытаться сделать Россию понятней Израилю, а Израиль — России.

ДОПОЛНЕНИЯ

№ 1 (стр. 23)

Данный тезис казался мне практически аксиомой. Однако, уже написав эту книгу, я наткнулся на академические материалы, где предлагались иные решения. В частности, приводились аргументы в пользу того, что России выгодно сохранять на Ближнем Востоке «контролируемую напряжённость». Почему это выгодно? Потому, говорят, что «пробуксовка» переговоров ослабит влияние США и вызовет рост заинтересованности в присутствии России. Далее. Сохранение напряжённости на Ближнем Востоке ограничит нежелательное давление стран региона на южные рубежи СНГ. Наконец, напряжённость расширяет возможности экспорта оружия. И совсем уж «наконец» — политическая нестабильность на Ближнем Востоке способствует сохранению стабильно высоких цен на энергоносители, что опять-таки выгодно России.

Любопытно. Годится для гимнастики ума. Но не годится для реальной политики. И не потому, что цинично. Политика выдерживает и не такую дозу цинизма. А потому, что непрактично. Нет гарантий, что у нас хватит ума и влияния удержать напряжённость под контролем.

№ 2 (стр. 31)

Став министром внутренних дел, Н.Щаранский решил переломить ситуацию и добиться признания нерелигиозных браков в Израиле. Он обратился с открытым письмом к премьер-министру Э.Бараку, в котором подчеркнул, что невозможно больше сохранять положение, лишаящее часть граждан страны одного из основных прав человека — права на создание семьи. «Еврейское демократическое государство, — отметил глава МВД, — не вправе игнорировать проблемы людей, прибывших сюда в полном соответствии с Законом о возвращении, но не являющихся при этом евреями по Галахе. Такая ситуация может привести к социальному взрыву». Не знаю, что ответил премьер. У него других проблем по горло. Боюсь, что Щаранскому не удастся сокрушить стену ортодоксального иудаизма...

№ 3 (стр. 73)

В конце июля 2000 года появились сообщения, что авиационные власти России и Израиля приняли решение выпустить на линию Москва — Тель-Авив ещё четыре авиакомпания (по две от каждой стороны). Каж-

дая из этих компаний будет выполнять по два «регулярных чартерных рейса» в неделю. Предполагается, что появление на указанной трассе новых перевозчиков приведёт к снижению цен на билеты и увеличит число пассажиров. Однако ни «Эл Ал», ни «Трансаэро» с этой логикой не согласны и настаивают на возвращении к прежнему порядку. Потенциальным пассажирам остается ждать развития событий...

№ 4 (стр. 103)

23 марта 2000 года посол Палестины в России г-н Хайри Наджи Абдель Фаттах аль-Ориди защитил в Дипломатической академии МИД РФ кандидатскую диссертацию на тему: «Ближневосточный мирный процесс: палестинское направление». По мнению диссертанта, в 1948 году арабские соседи Израиля были под контролем западных государств и никак не могли напасть на Израиль без их ведома. Война была «инсценирована» западными государствами, в первую очередь — Великобританией. Цель «спектакля» — оправдать действия Израиля по отношению к палестинцам. Мне неизвестно, как реагировал учёный совет академии на столь экзотическую точку зрения...

№ 5 (стр. 114)

Судьба меня балует. В год 2000 на Рождество Христово я оказался в Иерусалиме, точнее, рядом с Иерусалимом — в Вифлееме. Не в свите «первого президента России» (несколько сот человек на четырёх самолётах). А в совсем другой весьма разношёрстной компании.

Джордано Бруно, характеризуя Новый Завет, произнёс: «*Si non é vero, é ben trovato*» (в вольном переводе: если это и не правда, то хорошо придумано). И в самом деле «это» придумано настолько хорошо, что религия (разумеется, я имею в виду и Ветхий Завет, и Коран, и «священные книги» других религий), существуя тысячелетиями, пронизала историю, культуру, нравственность практически всех народов. В человеческом сознании легенды имеют такой же статус, как и факты. Поэтому, находясь в Вифлееме, присутствуя на богослужении в храме Рождества Христова, ощущаешь прикосновение к чему-то вечному, надисторическому, находящемуся почти за пределами понимания.

Центральная часть храма, где проходили торжества, принадлежит греческой ортодоксальной церкви. Командовал парадом мой давний знакомый митрополит Тимофей, правая рука патриарха Диодора. Это позволило отбить атаки палестинских блюстителей порядка, которые пытались лишить меня плацкартного, то есть сидячего места. Так что я вполне комфортно мог наблюдать торжественный ритуал, в котором принимали участие главы всех православных церквей. Весь алтарь был затоплен золотой парчой. Только наш патриарх выделялся чёрным, расшитым золотом нарядом.

Верующие погружались душой в происходящее. Глаза безбожника видели и фиксировали какие-то частные, второстепенные детали. Основная публика, судя по всему, арабы-христиане (их много в Вифлееме) и паломники-греки. Плюс туристы из разных стран. Где-то из толпы тянет головку Никита Сергеевич Михалков. Тщательное отделение «овец» (для них стулья) от «козлищ» (могут постоять). А перед первым рядом стульев стоит в парадном генеральском мундире генерал-майор Котёлкин (который был в Росвооружении), усердно молится и бьёт поклоны.

Весь город, а Вифлеем расположен в границах палестинской автономии, буквально оккупирован палестинской полицией. Ни разу в жизни не видел такого скопления служб безопасности (людей, мотоциклов и машин) на таком маленьком пространстве. Впрочем, и Вифлеем никогда не видел такое число президентов, премьеров и просто министров. Начальство проживало в Иерусалиме или Тель-Авиве. И каждый день, а то и два раза в день проносилось под рёв сирен по главной улице Вифлеема (по дороге, которая ведёт к Храму). Пару раз натыкался на наших посольских — ну с совершенно безумными глазами. Воистину день подобных визитов надо засчитывать за месяц службы.

Теперь имею грамоту «Паломник юбилейного года». В ней чёрным по желтому написано, что Бовин Александр, «следуя библейским заветам, взойшел в Иерусалим, Святой Город, столицу Израиля и отныне удостоился носить титул ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПАЛОМНИК». Бумагу подписали министр туризма Израиля и мэр Иерусалима. С точки зрения МИДа РФ или, скажем, Госдепа США, содержание грамоты не корректно, ибо Иерусалим не признается столицей Израиля. А остальное правильно.

...Всё испортил генерал-майор. Как ни вспомню Вифлеем, перед глазами, как живой, Котёлкин, который продолжает креститься...

№ 6 (стр. 249)

В 1999 году в прессе появились сообщения, что лет десять назад Вейцман (он был тогда депутатом Кнессета) получил более 300 тысяч долларов от французского миллионера Эдуарда Сарусси. Делом (получение взятки? злоупотребление служебным положением?) занялась полиция. Президент утверждал, что это был «обычный подарок друга». В конце концов, ссылаясь на истечение срока давности, прокуратура не стала возбуждать уголовное дело. Однако было доказано, что Вейцман не задекларировал полученные суммы в надлежащем порядке и не уплатил с них налоги. Израильяне любят делать пакости собственному начальству. Запахло импичментом. Вейцман сдался. Ссылаясь на ухудшение здоровья (президенту 76 лет), он объявил о своем решении оставить пост президента. Вроде бы считалось, что наибольшие шансы занять этот пост имеет неугомонный Перес. Но Кнессет предпочел Ликудника Моше Кацава.

№ 7 (стр. 379)

Летом 2000 года транснациональная корпорация «Де Бирс» отказалась от монополии на мировом рынке алмазов. Причина — на рынок стали выходить новые крупные производители драгоценных камней (Канада, Ангола). Остаётся на мировом рынке, разумеется, и «Де Бирс», добывающая около 50% алмазов. Но теперь цена алмазов будет определяться не корпорацией, а рыночными условиями, соотношением спроса и предложения. В принципе такая ситуация выгодна России. Несомненно, она будет продолжать сотрудничать с «Де Бирс». Но, видимо, увеличит продажу алмазов израильской компании Льва Леваева (в 1972 году эмигрировал в Израиль из Ташкента). Наконец, давно пора вывести на мировой уровень нашу гранильную промышленность, обработку алмазов.

№ 8 (стр. 462)

Весной 2000 года раввин Михаэль Мелькиор (министр по делам еврейской диаспоры) объявил, что он предложит правительству отменить израильский «пятый пункт» (упоминание в удостоверении личности о национальности). Тогда автоматически решалась бы и проблема «ло рашум» — эта унижительная запись была бы изъята из удостоверения. Аналогичные законопроекты вносились и раньше, но были отклонены Кнессетом. Комментируя ситуацию, один из авторов упомянутых законопроектов Роман Бронфман, лидер «русской» партии Демократический выбор (откололась от партии Шаранского), пишет: «Я убежден, что в современном государстве ни один гражданин не должен чувствовать себя ущербным в связи с национальной принадлежностью. Само упразднение «пятого пункта» — это признание государством того, что гражданство важнее национальности гражданина. А это, в свою очередь, сделает реальностью то, что до нынешнего дня было лишь красивой фразой — граждане страны имеют равные права вне зависимости от национальной принадлежности, — право сочетаться браком, разводиться, быть достойно похороненным».

№ 9 (стр. 568)

Асад скончался 10 июня 2000 года. Сердечная недостаточность. Ему было 69 лет. Место Асада занял его сын Башар, врач-офтальмолог. Его отозвали из Лондона и двинули в политику в 1994 году, после гибели в автомобильной катастрофе Басия — старшего сына Асада. Башар в хорошем темпе закончил военную академию и к 1999 году дослужился до полковника. Рассказывают, что он прост в обращении, закоренелый холостяк, любитель погулять с друзьями, фанат-компьютерщик. Специально для наследника изменили конституцию: понизили возрастной ценз для кандидата в президенты с 40 до 34 лет. На референдуме, который со-

стоялся 10 июля, кандидатуру Башара (других кандидатур, естественно, не было) поддержали 97,29% избирателей. Реальная власть, видимо, у армейской верхушки. Пока. Что дальше — неясно.

В принципе уход «дамасского сфинкса» открывает возможность кардинальных перемен в Сирии и на Ближнем Востоке. Асад принадлежит уходящему (к сожалению, медленно) времени, богатому на диктаторов и тиранов всех мастей. В начале XIX века Гегель утверждал, что история — это прогресс в развитии свободы. Казалось бы, XX век — со Сталиным, Гитлером и Мао Цзедунем, с Салазаром и Пиночетом, с Мобуту и Бокасой, с Саддамом Хусейном и Хафезом Асадом — перечеркнул оптимизм немецкого философа. Но именно судьба этих и похожих на них героев своего времени, господствующие ныне оценки их политики позволяют надеяться, что политическая траектория XXI века реабилитирует Гегеля.

№ 10 (стр. 578)

Летом 1999 года Высший суд справедливости Израиля (БАГАЦ) принял решение, запрещающее полиции и спецслужбам «оказывать физическое воздействие» в ходе следствия. Иными словами, БАГАЦ запретил пытаться подследственных, в том числе — и арабов, подозреваемых в терроризме. В общем, посылает сигнал БАГАЦ, давайте жить по законам «цивилизованного мира». Однако, как считает собкор РИА «Новости» в Израиле Андрей Правов, большинство израильтян не согласны с таким либеральным подходом: то, что годится для Швеции, не годится для Израиля. Чтобы выжить во враждебном окружении, надо быть жестоким. «То есть «решительность» властей, — пишет Правов, — их способность немедленно и точно, может быть, иногда и крайне жестоко «парировать удар» находят в израильском обществе полное понимание и одобрение. Большинство израильтян очень гордятся тем, что к их стране в регионе относятся во многих случаях пусть с ненавистью или страхом, но всё же, как им кажется, с уважением». Рискну привести аналогию: «большинство россиян» против отмены смертной казни. Эмоции захлёстывают разум. И всё-таки, думаю, даже сталкиваясь с бесчеловечными поступками, с хладнокровной жестокостью фанатиков, надо оставаться людьми.

№ 11 (стр. 597)

Почти каждое крупное политическое убийство таит в себе загадку. А раз есть загадка, неизбежно появляются и варианты разгадок. В 1999 году в Израиле вышла книжка Барри Хамиша «Кто убил Рабина?» Автор указывает на противоречия в материалах комиссии Шамгара, которая расследовала убийство Рабина. И делает неожиданный, шокирующий вывод: за спиной убийцы (или убийц) Рабина стоял «Совет по международным отношениям», которым руководит Генри Киссинджер. Хамиш полагает, что Совет принял решение ликвидировать Рабина после того, как израильский премьер не согласился на полный уход с Голанских высот. Я надеюсь, что Хамиш ошибается.

№ 12 (стр. 666)

О масштабах проблемы свидетельствуют следующие цифры. По данным Сохнута в 1989 году среди репатриантов было 94% евреев и только 6% неевреев. В 1997 году на 65% евреев приходилось уже 35% неевреев. То есть количество потенциальных кандидатов на гиюр выросло почти в восемь раз. Но далеко не все решаются на этот шаг. По словам директора равинатских судов Эли Бен-Бахана, в 1998 году в иудаизм обратились 3500 человек. А за четыре года (1995-1998) примерно 10 000 новых граждан Израиля. Где-то процентов 5-6 от вновь прибывших.

№ 13 (стр. 682)

Барак обещал, что последний израильский солдат покинет Ливан не позже, чем через год после формирования правительства. То есть — 7 июля 2000 года. Войска стали выводиться во второй половине мая. Планировался постепенный, организованный отход с разрушением укреплений, вывозом всего снаряжения и боеприпасов. Планировалось также сдерживание боевиков «Хизбаллы» подразделениями сотрудничавшей с Израилем Армии Южного Ливана. Не получилось. 22 мая началось массовое дезертирство из АЮЛ. В таких условиях вывод израильских войск превратился в беспорядочное бегство. «День позора», «Пойманы со спущенными штанами» — так звучали на следующий день заголовки «Едиот ахронот». Так и ушли — «со спущенными штанами», — как когда-то американцы из Южного Вьетнама.

Серьёзная — и политическая, и нравственная проблема — судьба солдат и офицеров ЮАЛ. Израиль выразил готовность принять до 5500 бойцов с семьями. Временно их расселили в лагере на берегу Кинерета. Выдаёт туристические визы на год с правом на работу.

Что дальше? Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан предлагает увеличить контингент расположенных на юге Ливана «голубых касок» (ЮНИФИЛ) с 4500 до 7900 человек. Американцы собираются в следующем году поставить в Израиль противоракетные системы «Наутилус», которые при помощи лазерных лучей могут сбивать снаряды «катюш».

Барак поступил мужественно. Выполнил обещание. Однако на израильско-ливанской границе сохраняется сложная, чреватая кризисными ситуациями обстановка.

№ 14 (стр. 691)

Щаранский пытался «расшить» ситуацию, ослабить опасность фиктивных браков. В августе 1999 года, став «хозяином» МВД, он утвердил новые правила, согласно которым иностранный гражданин после заключения брака может получить в МВД лишь статус временного жителя (но вместе с ним — медицинскую страховку и некоторые другие соци-

альные льготы). Только через четыре года статус временного жителя можно сменить на статус постоянного. А еще через год супруг (супруга) израильтянки (израильтянина) может получить израильское гражданство.

№ 15 (стр. 694)

Как и многие израильские генералы, Мордехай не выдержал искушения политикой. Он создал Партию центра, прошел в Кнессет и стал министром транспорта в правительстве Барака. Но — и опять же, как многие генералы, — не выдержал искушения женщинами. Где-то в начале марта 2000 года одна из секретарш его министерства пожаловалась на «непристойные предложения» Мордехая. К ней присоединились еще две дамы. В конце мая прокуратура предъявила генералу обвинение в «сексуальных домогательствах». Мордехай решительно отрицал все обвинения. Но вынужден был уйти в отставку. Кнессет лишил его депутатской неприкосновенности. Видимо, будет суд. Израиль догоняет Америку...

№ 16 (стр. 758)

Летом 2000 года мне попала книга О. Попцова «Тревожные дни царской свиты». Наткнулся там на такой пассаж: «В коридорах Совета Федерации кочует слух, подтверждаемый словами «я сам видел», что именно в феврале-марте 1997 года готовился документ по смене российского посла в Израиле и на эту должность вместо отбывающего из Тель-Авива Александра Бовина предлагался член Совета Федерации, губернатор Нижегородской области Борис Немцов. Версия по первому прочтению маловероятная и даже дикая. Но... если рассматривать события в геополитическом плане, то ничего невероятного здесь нет...

Посол России в Израиле — фигура достаточно значимая, так как именно через него возможно привлечение в экономику России не только израильских инвестиций, но, что неизмеримо больше, инвестиций мировой еврейской диаспоры, будь она в Америке, Канаде или европейских странах. Наличие молодого, способного и деятельного дипломата на этом посту, имеющего опыт и государственного чиновника, и политически значимой фигуры в России, располагающей региональными связями, — факт и отрядный, и перспективный.

Крайне любопытно: кто мог быть автором этой идеи? Противники Немцова, желающие подчеркнуть его полуеврейство? Бизнесмены либо банкиры, рассчитывающие на Немцова и еще не знающие, что, став вице-премьером, он будет их антагонистом? А, может быть, у нас появились умные политики? Но с этими выводами не станем спешить».

Не знаю, как обстояло дело на самом деле. И было ли оно вообще. Но если было, это объясняет странную и неожиданную для меня настойчивость Примакова.

№ 17 (стр. 759)

В конце концов, контракт с китайцами был заключен. Израильская компания Israel Aircraft Industry должна была по заказу КНР оснастить своим радиоэлектронным оборудованием российские самолёты. Американцы сначала ворчали, а потом, увидев, что ворчание не помогает, топнули ножкой. Конгресс решил сократить военную помощь Израилю на сумму контракта (250 млн. долларов). Министр обороны США У. Коэн предупредил израильтян, что может быть пересмотрен весь пакет военной помощи. Израильтяне сопротивлялись. «Мы не намерены, — заявил министр иностранных дел Израиля Д. Леви, — нарушать гармонию в наших отношениях с США. Но мы не можем сказать китайцам, что наша подпись — это не подпись». Однако пришлось сказать. Контракт был расторгнут. Гармония, как оказалось, требует жертв...

№ 18 (стр. 760)

Следующий визит Нетаньяху в Москву состоялся через два года и был напрямую связан с очередными выборами в Кнессет (и выборами премьера). Решив остаться в премьерском кресле, Нетаньяху рассудил в принципе правильно: к «русскому» Израилю эффективнее обращаться через российское телевидение. Правда, не помогло, но это совсем другое дело...

Мне пришлось с близкого расстояния наблюдать выборы в Израиле в 1992 и 1996 годах. Было шумно. Однако предвыборная кампания 1999 года побила, по-моему, все рекорды. Вот уж, действительно, «страсть рвалась в ключья». Причём, в центре сражений оказались не столько политические программы, сколько личность Нетаньяху. А поскольку основные СМИ находятся в руках антиликудовцев («диктатура левой риторики», как определяет ситуацию правое журналистское меньшинство), то на этой самой личности живого места не осталось.

«Биби надоел и «своим», и «чужим», — писал Давид Маркиш. — Надоели его экстравагантные выходки, его непоследовательность, его показная телевизионная решительность. Сильный лидер сильного народа — это хорошо на бумаге. Но когда лидер слаб, а усталый, нервный народ тратит силу на политическую междоусобицу — это плохо, это так плохо, что дальше некуда. Время Биби Нетаньяху подходит к концу. Премьера, скорее всего, ждёт политическое небытие — его товарищи по партии предьявят ему счет, и счет этот будет сокрушительным».

«Принцем тьмы и ненависти» — так газета «Гаарец» назвала Нетаньяху. «Он вернул нас к нормам жизни, от которых мы давно избавились, — утверждал Йоэль Маркус. — Он заново разжёг пламя племенной вражды, углубил раскол между светским и религиозным населением. Он натравил общину на общину, сектор на сектор, брата на брата. Коррупция получила надёжную защиту, мошенничество стало законным способом существования власти, ложь — истиной, а истина — ложью. Во всех полити-

ческих структурах и прежде всего в его собственном лагере нет ни одного человека, который бы ему доверял. У него не осталось ни одного друга». Его характер, его путь к власти, продолжает автор, как нельзя лучше укладываются в слова Библии: «Сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству».

Послушаем Амоса Оза: «Нетаньяху обладает легкомыслием подростка, выходящего на поиски приключений, чтобы показать всем, что он чего-то стоит. «Я очень люблю побеждать», — заявил он в самом начале каденции. И действительно, все неприятности, без которых не происходит ни одной недели, — результат его необъяснимого и неподдающегося никакой логике стремления раздуть конфликт, желания оказаться в центре какого-нибудь крупного скандала».

За два дня до выборов я встретился с основным соперником Нетаньяху — Бараком. Главным минусом политики Нетаньяху он считал «застой» по всем линиям. «Нигде нет движения вперёд». Углубляются раскол, фрагментация страны. Нетаньяху работает не на Израиль, а на сохранение своей власти. Ему, говорил Барак, нигде уже не верят — ни здесь, ни в Штатах, ни в Европе.

Выборы состоялись 17 мая. Барак обошёл Нетаньяху с разрывом в 13%. В Кнессете сторонники Барака не получили столь явного преимущества. Поэтому новому премьеру пришлось долго мучиться, формируя коалиционное правительство.

В завершение темы выборов три выразительных абзаца из статьи «Послесловие», которую в «Новостях недели» опубликовал Айзек Флаум:

«Всё. Буйнопомешанный скончался. Выборы кончились — наш позор, наш грех, наше святотатство. Поток вонючей грязи захлестнул страну. Грязи и крови, что связано воедино.

Безумные поля, засеянные портретами кандидатов. Юнцы, занятые богопротивным делом прославления человека. Испоганенные ликами заборы, ограды, стены домов.

Демократия?! Навоз нужен почве? Из дерьма цветочки вырастут? Стенка на стенку — демократия? Кровавые сопли, вопли, предательство — демократия? Шабаш легковых, фанатиков, недоумков — демократия?». Вопросы, понятное дело, риторические. Автор, что тоже понятно, излишне эмоционален. Однако, как мы теперь убеждаемся на собственном опыте, демократия, действительно, не всегда хорошо пахнет.

№ 19 (стр. 793)

Через два месяца после своей победы на выборах Барак заявил, что всеобъемлющее соглашение с Арафатом будет достигнуто в течение 15-ти месяцев. То есть к середине сентября 2000 года.

Барак, естественно, должен был начинать с того, чем кончил Нетаньяху. А Нетаньяху кончил так называемым «Соглашением Уай», подписанным 23 октября 1998 года. Нет смысла говорить здесь о содержании Соглашения, поскольку оно не выполнялось обеими сторонами. Поэтому 4 сентября 1999 года в египетском курортном городе Шарм эль-Шейх

Барак и Арафат в присутствии Х.Мубарака, М.Олбрайт и короля Хусейна (о российском «коспонсоре» уже и не вспоминали) подписали Меморандум о выполнении «Соглашения Уай». Там был график дальнейших действий с точным указанием, что переговоры об окончательном урегулировании должны завершиться не позднее 13 сентября 2000 года.

График этот выполнялся со скрипом, с большими опозданиями. Начинались, срывались и вновь начинались переговоры по окончательному урегулированию. Все нервничали. Тупик не преодолевался. Наконец, президент Клинтон, как это бывало и раньше, решил лично вмешаться в переговоры и в начале июля пригласил Барака и Арафата в Кэмп-Дэвид. Оба приняли приглашение.

В Израиле волнения и суматоха. «Национально-патриотический лагерь» опасался, что премьер не устоит перед давлением Клинтона и пойдёт на слишком большие уступки. Шаранский вышел из правительства. Покинули кабинет и представители религиозных партий ШАС и МАФДАЛ. Кнессет чуть не свалил правительство (вотум недоверия недобрал 7 голосов). «Барак, возвращайся домой!» — требовали демонстранты, наводившие 16 июля площадь Рабина в Тель-Авиве.

Зря волновались. Барак (как, впрочем, и Арафат) не согласился с условиями компромисса, которые предложил Клинтон.

Указатель некоторых имен

- Абалкин Л. И. 615
Абд Раббо Я. 435, 436
Абрамович Ш. 606
Абу Аля 332
Абу Мазен 125, 180, 331, 335, 439, 572, 755
Абезгауз Е. 172, 173, 207, 333
Абелес З. 454
Авенайс Л. 666
Авн-Ицхак Д. 737, 738, 739
Авинерн Ш. 612
Адамишин А. Л. 344, 366
Адамшина О. Н. 344
Аланн Д. 377
Айзенберг Ш. 88, 177, 294, 420
Акиев А. 231
Алексий II 112, 113, 114
Алексин А. Г. 45
Алон И. 680
Алонн Ш. 123, 204, 205, 253, 287, 345, 504, 571
Амидор Я. 478, 479
Амир И. 590, 591, 592, 593
Амор Ш. 249
Анегбн Ц. 738, 739
Анненков С. В. 303, 304, 453, 533, 534, 550, 645, 657
Аранович М. 714
Арафат Я. 20, 21, 118, 120, 125, 141, 148, 155, 156, 176, 180, 181, 186, 187, 220, 221, 231, 236, 247, 248, 250, 251, 264, 265, 274, 275, 280, 281, 287, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 346, 349, 351, 352, 357, 358, 368, 369, 370, 372, 374, 376, 386, 387, 391, 395, 411, 417, 418, 420, 426, 427, 428, 431, 433, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 452, 454, 455, 465, 466, 468, 469, 471, 473, 474, 478, 489, 492, 495, 496, 504, 506, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 520, 523, 537, 553, 554, 556, 557, 558, 563, 565, 569, 570, 572, 575, 577, 578, 579, 582—584, 586, 594, 612, 622, 623, 635, 638, 654—656, 662, 663, 665, 676, 680, 681, 685, 687, 691, 692—694, 696—698, 701—703, 715, 716, 727—729, 733, 742, 743, 754, 757, 759, 766, 767, 803, 804
Арбель Э. 739
Аренс М. 265
Арикат С. 678, 700, 702, 728
Аристова М. 581, 771
Асад Б. 798, 799
Асад Х. 155, 174, 280, 289, 317, 318, 322, 357, 368, 380, 385, 386, 409, 419, 420, 433, 439, 440, 453, 474, 478, 479, 495, 502, 511, 543, 561, 565, 566, 567, 568, 569, 610, 629, 635, 635, 680, 681, 691, 693, 695, 704, 733, 741, 798, 799
Аубен Д. 352
Афнногенов В. В. 85, 209, 545
Аялон М. 600
Бар-Илан Д. 697
Бар-Лев Х. 96, 97, 181, 183, 239, 428, 429, 430
Бар-Нер У. 434
Бар-Он Р. 737, 738, 740, 766
Бар-Селла З. 664
Барак Э. 156, 157, 158, 252, 408, 409, 434, 440, 465, 506, 543, 594, 599, 603, 610, 625, 629, 640, 642, 649, 656, 658, 659, 661, 694, 723, 761, 766, 787, 788, 790, 791, 793, 795, 801, 803, 804
Басьюн М. 154, 155, 357, 358, 452, 453, 534, 679, 684, 685
Баулнн В. В. 586, 587
Бегин Б. 249, 280, 281, 286, 287, 593, 649, 674, 676, 685, 694, 728, 729
Бегинн М. 9, 20, 33, 58, 73, 74, 117, 118, 131, 172, 247, 280, 287, 338, 562, 690, 702, 761, 787
Бегун Й. 593
Бейлин Й. 61, 94, 135, 156, 243, 244, 251, 252, 332, 344, 376, 385, 386, 419, 420, 434, 441, 476, 498, 512, 513, 517, 531, 537, 538, 539, 554, 578, 587, 588, 594, 599, 628, 649, 656, 664, 694, 727, 738, 743
Беккер Б. 458
Бен-Амн III. 158, 663, 741
Бен-Гурион Д. 60, 99, 100, 102, 104, 105, 123, 134, 156, 304, 371, 463, 465, 549, 647, 665, 714, 729, 743, 750, 753, 754
Бен-Хаим П. 662, 666, 791
Бен-Янр М. 591
Бенцур Э. 364, 479, 480, 482, 483, 498, 518, 531, 646, 680, 687, 695, 703, 704, 741, 754, 757
Березовский Б. А. 706, 735
Беренштейн Л. Е. 58, 422, 423
Блюменталь Н. 529, 530
Богданов М. Л. 28, 705, 757, 758, 775
Бодров М. 240
Бондер Н. 300
Брандес Г. 102
Бранд Я. 244
Браун У. 316, 368, 369
Бродский Г. 647, 649
Бронфман Р. 798
Булгак В. Б. 424, 597
Бург А. 61, 156, 252, 521, 522, 525, 526, 527, 571, 608, 609, 664, 694
Бутенко Б. П. 331
Буш Дж. 118, 119, 166
Бычков Е. М. 238, 253, 378, 379
Бялкн Х. 161, 715, 769
Вавилов А. И. 239, 240, 735
Вайс Ш. 210, 221, 441, 521, 552
Вайнштейн Э. 300
Вайсфельд Р. 528
Вардн М. 566
Василнскн А. 108

- Вдовин А. В. 651, 725, 767
 Вейцман Х. 247
 Вейцман Э. 71, 130, 180, 246, 247, 248, 287, 317, 318, 319, 344, 350, 369, 377, 398, 399, 408, 464, 466, 479, 480, 492, 495, 502, 505, 518, 529, 538, 539, 547, 548, 552, 553, 561, 562, 577, 589, 601, 623, 624, 629, 643, 656, 691, 697, 702, 704, 767, 775, 797
 Велнхов Е. П. 137, 208
 Вербникий В. 551
 Вертхаймер С. 382
 Визель Э. 273
 Вильнер М. 58, 279, 440, 553
 Винников П. 442, 444, 446, 457, 580
 Виноградов В. В. 301, 302, 367, 368
 Вишневский М. 668
 Войтовичский И. 137, 255
 Володимерова Л. 762
 Вольский А. И. 44, 215, 294
 Вольф Е. 503
 Вольф Л. 643
 Воронель А. 593
 Гай Е. 80
 Ганор Э. 524, 706, 707, 708
 Гензель С. 676
 Генделев М. 29, 63, 66, 67, 68, 171, 448, 460, 461, 535, 731
 Гендлер А. 529
 Гершель Т. 161, 272, 290, 500, 647, 649, 792
 Герцог Х. 667
 Гнтлер 124, 162, 268, 271, 274, 281, 290, 510, 511, 549, 578, 729, 799
 Глазунов И. С. 60, 91
 Глухих В. К. 188, 600, 601
 Глэсер С. 458
 Говрин И. 429, 431
 Гогитидзе В. Ю. 7, 397
 Голд Д. 441, 676
 Гольдберг Н. 108
 Гольдштейн Б. 393, 394, 395, 592
 Гольдштейн И. 767
 Гончар А. А. 219
 Гончаров Г. 110, 111, 498
 Горбачев М. С. 6, 7, 9—12, 17, 18, 44, 47, 48, 54, 56, 91, 118, 119, 125, 126, 190, 191, 193, 195, 197, 213, 227, 228, 229, 233, 320, 369, 384, 503, 611, 670, 671, 793
 Гордон М. 429, 431, 519
 Гохберг Я. 576
 Грачев П. С. 159, 411, 442, 495, 584, 600, 601, 603
 Грибанов А. Н. 390
 Гринченко Д. Н. 191, 192
 Гробман М. 171, 725, 726
 Громыко А. А. 8, 9, 21, 100, 101, 131, 232, 490, 541, 630
 Гроссман Я. 738
 Губерман И. 314, 477, 686
 Гудев В. В. 556, 557
 Гужански Т. 553
 Гухас В. 239
 Гуеннский В. А. 617, 706, 731, 735
 Гусман Ю. С. 672, 673
 Гуттна Н. 28, 29, 124, 171, 286, 460
 Гур Э. 135
 Даян М. 118, 129, 131, 133, 527, 565
 Даян Э. 578, 599, 622
 Даян Я. 61, 527, 649, 694
 Девятков Б. 459
 Деген И. Л. 279
 Дервинш М. 571
 Дери А. 123, 737, 738, 739
 Джареджия Э. 385
 Дзасохов А. С. 699
 Дзержинский Ф. Э. 50, 106, 107
 Дизенгоф М. 62
 Диодор 515, 796
 Дмитриев А. И. 170, 419, 550, 776
 Добровиц А. 19
 Дранкер Л. 134, 144, 276
 Дубинин С. К. 425
 Евтушенко Е. А. 22, 27, 276, 501, 765
 Ельцин Б. Н. 17, 18, 26, 44, 47, 48, 79, 80, 98, 144, 180, 186, 190, 191, 192, 195, 209, 218, 222, 232, 233, 240, 246, 275, 314, 317, 320, 344, 348, 352, 363, 403, 411, 449, 453, 470, 479, 494, 507, 514, 518, 538, 541, 553, 555, 569, 575, 576, 583, 584, 586, 611, 622, 633, 639, 660, 670, 671, 672, 673, 706, 759, 760, 784
 Ерин В. Ф. 469, 471, 497
 Ерхов А. В. 731
 Жаботинский 3. 690
 Жванецкий М. М. 171, 185
 Жирновский В. В. 47, 48, 248, 362, 363, 380, 399, 415, 443, 493, 604, 607, 671
 Журавлев М. И. 453, 454
 Замотин В. В. 497
 Зайда Т. 58
 Земцов И. 219
 Земцова М. 219
 Зезви Р. 506, 571, 694, 702, 730, 760
 Зингер И. 332, 333, 669
 Злотников С. 15, 16
 Зюганов Г. А. 415, 660, 670, 671, 672, 673
 Ибсен Г. 102
 Иванов И. С. 242, 397, 399, 402, 410, 433, 475, 517, 541, 555, 623, 624
 Иванов А. А. 753
 Игнатенко В. Н. 11
 Индик М. 679, 760, 761
 Исасев В. А. 734, 735
 Исаков С. В. 116, 254
 Исакова А. И. 213, 254, 276, 791
 Йона М. 494
 Каддун Ф. 125, 335
 Каганская М. 171
 Каландадзе П. Г. 134
 Калманович Ш. 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 528, 684
 Калугин О. Д. 528
 Каменский В. 527
 Камьянов Б. 731
 Каневский А. 459, 508, 695
 Канович Г. С. 464, 713, 740
 Калпшесва П. (она же Лнора Ган, она же гражданка Пнстолетова) 230, 446, 450, 477
 Карасин Г. Б. 516, 537, 538
 Карасова Т. А. 85, 434, 435, 469, 531, 545, 557
 Караулов А. В. 209
 Карив А. 666
 Кармон Б. 488
 Кармон И. 576
 Каспн Б. 689
 Кахалани А. 252, 476, 505, 565, 675, 682, 696, 738, 740, 741
 Кацав М. 696, 797

- Кедми Я. 198, 285, 403, 434
Кейнан Э. 243, 244, 245
Кейсар И. 49, 60, 61, 334, 363, 364, 497, 542, 585
Киреев А. 792
Кириенко В. Ф. 586, 587
Кириллин А. Д. 377
Киселев В. Б. 300
Киселева Н. Г. 480, 481, 482, 483, 484, 486, 609, 610
Киссинджер Г. 220, 403, 562, 565, 566, 655, 799
Клинберг М. 528
Клинтон Б. 125, 336, 368, 376, 380, 386, 439, 469, 470, 471, 474, 520, 583, 586, 639, 655, 697, 698, 707, 727, 741, 743, 766, 804
Кляйтман З. 411
Кобзон И. Д. 91, 92, 94, 139, 185, 276, 489, 524, 606, 607, 608, 609, 610, 735
Ковалев С. А. 44, 147
Ковалевский Г. 463
Козаков М. М. 50, 178, 219, 237, 347, 425, 632, 686
Козырев А. В. 7, 9, 53, 87, 141, 158, 159, 180, 190, 191, 199, 204, 209, 210, 211, 239, 242, 243, 244, 297, 317, 318, 342, 367, 370, 386, 393, 398, 399, 402, 405, 410, 411, 417, 440, 442, 469, 470, 472, 475, 479, 480, 489, 495, 496, 515, 517, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 547, 553, 555, 569, 579, 583, 584, 612, 613, 622, 671
Колек Т. 345
Колоколов Б. Л. 53, 222, 223, 365, 366, 422, 557
Кон И. 352
Конторер Д. 664, 683
Коптев Ю. Н. 376, 377
Косыгин А. Н. 130
Котелкин А. И. 600, 601, 797
Котов Ю. В. 9, 10, 533, 673
Кошаровский Ю. 683, 684, 689, 690
Козн А. 108, 466
Козн Г. 29, 284
Кравчук Л. М. 231
Красильников А. 461
Кристофер У. 316, 318, 331, 368, 369, 399, 417, 433, 440, 470, 471, 517, 567, 629, 639, 641, 642, 704, 729
Кричевский Б. 71, 72
Кричевский Я. 71, 72
Крылов Д. С. 532
Кузнецов Э. 11, 189, 198, 494, 606
Кульчицкий Г. 458
Куляев В. П. 586, 587
Кушнер А. С. 339
Ладыгин Ф. И. 405
Ландау У. 739
Лапидот Я. 608
Ларсен Т. 332
Лахал Ш. 138
Лебедь Ф. 713
Левин Д. 16, 51, 52, 53, 249, 351, 370, 567, 593, 628, 674, 675, 678, 683, 684, 685, 688, 693, 703, 704, 742, 802
Левин И. 501, 964
Левин У. 685
Левин Ан. 431, 432
Левинзон Ш. 529
Ленин И. 104, 169, 306, 384, 391
Лернер Г. Л. 615, 616, 617, 618, 620, 673
Лернер Н. 719
Либай Д. 212, 595
Либман А. 249, 441, 676, 684, 688, 689, 690, 695, 698, 704, 705, 707, 737, 738, 739, 740, 743, 758, 760
Ливенштейн М. 305
Ливнат Л. 729
Лиснянский И. 352
Литвинов М. М. 100
Ломов А. 528
Лонго Ю. А. 77
Лубрани У. 322
Лужков Ю. М. 40, 347, 424, 493, 494
Луккин В. П. 21, 451, 586, 613, 670, 671
Лундин Г. 528, 529
Лушук В. А. 776
Льюис С. 761
Любарский Л. 593
Любимов Ю. П. 47, 501
Люсе Ж. Д. 325, 326
Маген Ц. 684
Мазор С. 738
Майданик А. И. 183, 548
Майский И. М. 99, 100
Мальцев С. 685, 686
Манинов Я. 108
Мано М. 300, 301, 302, 303, 304
Маркарин Р. В. 704
Маркиш Д. 612, 777, 802
Маркус Й. 802
Маслов А. Ф. 116, 209, 427, 557
Матвеев М. И. 713
Мсир Г. 100, 105, 133, 212, 240, 403, 468, 549
Меламед Э. 165
Мельник М. 798
Мельман И. 201, 667, 683
Меридор Д. 112, 708
Меридор С. 674, 790
Мером Х. 527, 610, 611, 664, 694
Микунис С. 161, 279
Мило Р. 383, 384, 493, 552, 690
Мильштейн У. 601
Молхо И. 676, 742
Монтезмоло А. 467
Моратинос М. 741, 767
Мордель Г. 593, 594
Мордехай И. 46, 675, 694, 801
Москович Р. 591
Мрыкин С. Н. 586
Мубарак Х. 183, 264, 349, 350, 351, 352, 417, 473, 474, 502, 517, 558, 685, 687, 693, 697, 727, 733, 804
Муллер С. 199
Муса А. 351, 452, 473
Мушкатин И. 460
Наве Д. 676, 702
Наггар Б. 701
Намир О. 49, 123, 456, 464, 465
Насер Г. А. 130, 131, 182
Насралла Х. 321
Натше М. 701
Нестеренко Г. Н. 300
Нетаньяху Б. 21, 33, 46, 79, 97, 98, 205, 206, 248, 249, 250, 260, 265, 275, 280, 281, 287, 332, 351, 380, 398, 436, 437, 439, 441, 466, 472, 474, 476, 490, 497, 513, 538, 539, 558, 560, 563, 567, 568, 569, 583, 586, 588, 593, 618, 654, 655, 656, 661, 662, 663, 665, 673, 674, 675, 676, 679, 680, 681, 683, 684, 685, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 704, 705, 706, 707, 708, 716, 718, 720, 721, 723, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 754, 755, 757, 758, 759, 760, 766, 767, 785, 788
Незман Ю. 377
Незман Я. 675, 682
Никита архм. 113, 480

- Николаев М. Е. 213, 377, 378, 379
 Николархм. 113
 Никсон Р. 11, 403
 Новоходская Ф. 686
 Носенко В. И. 203, 357, 405, 422, 427, 469, 470, 517, 538, 555, 557, 606, 633, 645, 657, 713
 Носенк А. 76, 77, 558
 Нудель И. 593
 Нудельман М. 170, 561
 Нудельман Р. 403, 650
 Нудельман Ю. 299, 300
 Овсищев Л. 110
 Оз А. 119, 158, 537, 547, 697, 730, 769, 803
 Окунь А. 160, 354, 451
 Ольмерт Й. 679
 Ольмерт Э. 363, 364, 494, 521, 537, 538, 539, 547, 696, 743
 Ольшевский М. 686
 Онников Л. А. 35, 503, 776, 777
 Орт О. 206, 207
 Осипов Ю. С. 219
 Остер В. 550
 Памфилова Э. А. 507
 Панкин Б. Д. 9, 10, 28, 86, 342, 413, 451
 Пархомовский М. 116, 323, 324
 Пастухов Б. Н. 72, 138, 158, 196, 243, 244, 300, 302, 389, 432, 531, 628
 Перес Ш. 29, 48, 49, 117, 121, 122, 123, 148, 149, 153, 155, 156, 158, 159, 169, 180, 187, 202, 204, 211, 221, 242, 244, 252, 253, 265, 281, 319, 325, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 350, 351, 358, 364, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 385, 386, 388, 391, 395, 397, 398, 410, 417, 429, 430, 431, 434, 436, 437, 439, 440, 441, 442, 444, 452, 459, 465, 469, 470, 479, 480, 492, 494, 495, 496, 501, 513, 517, 521, 536, 537, 538, 539, 544, 548, 552, 554, 562, 567, 575, 592, 594, 595, 596, 599, 600, 601, 607, 610, 622, 623, 624, 630, 633, 639, 642, 643, 645, 653, 654, 662, 663, 664, 673, 694, 720, 723, 740, 723, 740, 741, 754, 797
 Пересыпкин О. Г. 199, 200, 533
 Петрова И. 484, 485, 486, 588, 609, 610
 Петровский В. Ф. 555
 Пинес Ш. 794
 Пинстоль П. 497
 Плешаков А. П. 70
 Полипов А. А. 425, 587
 Полонский Р. 295, 596
 Поляков В. Петр. 491, 518
 Поляков В. Порф. 85, 388
 Полянскер А. 550, 551
 Попов Г. Х. 95, 148, 149
 Попцов О. М. 360, 361, 801
 Посувалюк В. В. 147, 148, 200, 201, 244, 252, 331, 344, 385, 386, 405, 410, 419, 422, 441, 442, 444, 473, 475, 497, 517, 520, 536, 537, 538, 542, 554, 555, 568, 584, 590, 599, 610, 622, 640, 645, 646, 688, 699, 705, 731, 734, 767
 Потанин В. О. 708
 Прессанжэн И. 3, 110
 Преслер И. 583, 584
 Примаков Е. М. 7, 9, 28, 86, 91, 98, 157, 200, 297, 351, 352, 390, 404, 405, 475, 525, 529, 567, 568, 611, 612, 613, 614, 625, 628, 629, 630, 633, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 658, 659, 660, 684, 703, 704, 705, 728, 742, 757, 760, 766, 785, 801
 Прини Шема 51, 61, 343, 436, 686
 Пугачева А. Б. 27, 37, 50, 69, 162, 417, 419, 421, 554
 Пундик Р. 332
 Пэрн Я. 527
 Рабин И. 9, 26, 48, 49, 79, 93, 115, 117, 118, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 140, 155, 156, 169, 174, 180, 184, 186, 187, 189, 205, 211, 212, 221, 222, 223, 235, 238, 241, 242, 250, 251, 252, 253, 261, 264, 265, 281, 287, 296, 313, 317, 318, 319, 322, 325, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 344, 346, 349, 350, 351, 352, 357, 369, 372, 374, 375, 377, 380, 387, 388, 390, 392, 395, 397, 398, 399, 403, 410, 411, 412, 414, 417, 418, 419, 420, 427, 428, 429, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 440, 441, 442, 453, 465, 466, 469, 470, 476, 477, 479, 492, 495, 496, 497, 499, 506, 513, 514, 517, 521, 527, 529, 538, 539, 543, 548, 552, 553, 554, 558, 562, 567, 569, 574, 575, 576, 577, 578, 583, 584, 585, 586, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 600, 604, 622, 624, 649, 654, 664, 667, 673, 680, 684, 720, 722, 723, 754, 761, 799
 Рабинович И. 187
 Рабинович Р. 525, 675
 Рагер И. 138, 167
 Раделис А. 529
 Рамон Х. 61, 252, 427, 434, 476, 527, 594, 610, 664, 694
 Регев У. 305
 Резниковский Г. 789
 Рейган Р. 229, 611, 661, 761
 Ресин В. И. 494
 Ривкин В. 66
 Ривкин Ш. 714
 Рифан О. 679
 Розен Р. 689
 Розенберг М. И. 254, 255
 Розенфельд Ю. М. 657
 Росс Д. 316, 454, 767
 Рубинштейн А. 153, 189, 500
 Рубинштейн М. 242, 244, 531, 622, 624, 625
 Рубинштейн Э. 250, 264, 265, 266, 267, 288, 289, 412, 754
 Руднев В. В. 377
 Руцкой А. В. 87, 88, 89, 91, 92, 159
 Рыбкин И. П. 411
 Рыжов Ю. А. 88, 451
 Рязанов Э. А. 27, 50, 69
 Савир У. 332, 431
 Саги Г. 517, 518
 Саги У. 77
 Садат А. 181—183, 318, 502, 543, 649, 650
 Салтанов В. В. 236, 469, 471
 Сарид Й. 476, 510, 530, 580, 581, 649, 740, 755
 Саутенков А. П. 365
 Синеса Э. 488, 691
 Свела Э. 354
 Сегал А. 517, 518
 Сегев Г. 591
 Седлов Р. Ю. 587
 Сидоров В. С. 389
 Скоморохов Н. М. 369
 Слободской А. 300
 Смирнов В. Ю. 87, 253, 411, 524, 538, 540, 545, 555, 557, 608
 Смирнов Д. А. 419, 425, 427
 Смоленский А. П. 424, 735
 Снэ Э. 440, 694
 Собчак А. А. 29, 319, 320, 321
 Солодкина М. 475, 649
 Соломатин А. С. 353
 Сосковец О. Н. 453, 645, 672

- Сталин 100, 104, 105, 150, 255, 269, 649, 799
Станкевич С. Б. 320, 321
Старовойтова Г. В. 29, 44, 190, 272
Стесель И. 57, 163, 192, 413, 744
Судакова Я. 70
Суеленский Я. 576
Сыркин А. 290
- Тарновский Е. 686
Темкин Б. 518, 719
Тимор А. 110
Тихон Д. 690, 699, 705
Топаллер В. 191, 457, 592, 607
Туби Т. 279, 553
- Улин С. А. 377
- Файнштейн И. 165
Фармаковская Т. А. 390
Фарфель М. А. 183, 548
Федоренко Н. Т. 86
Фейдл Э. 334
Фельзенштейн М. Л. 108, 109
Феодосий архм. 521, 531, 600
Филатов С. А. 110, 321, 673
Финкель Л. 229
Финклер Е. 323, 324
Флаум А. 803
Фода Ф. 350
Френкель Я. 454, 708
Фухс Э. 686
- Хабер Э. 469, 470, 471, 575, 576
Хадас И. 187, 188
Хасно А. 673
Ханмский Г. 297, 661
Халиф Л. 295
Хамиш Б. 799
Хандруев А. А. 615
Хариф И. 766
Хариш М. 212, 537, 538, 539
Хасбулатов Р. И. 210, 221, 222, 223, 224, 285, 314
Хасон А. 737, 738
Хазэни Э. 376
Хейфец А. 606
Хейфец М. 248, 260, 762
Хейфец А. 738
Хилькович Ю. 686
Хлыстун В. Н. 239
Хольст Й. 332, 333
Хрущев Н. С. 54, 161
Хусейн кор. 221, 235, 236, 318, 358, 386, 419, 421, 427, 433, 455, 468, 469, 470, 474, 510, 514, 517, 586, 680, 697, 700, 727, 742, 804
Хусейн С. 166, 280, 509, 510, 611, 613, 799
Хусейни Ф. 124, 125, 140, 141, 142, 221, 223, 234, 274, 275, 398, 420, 536, 742, 754
Хэрроп У. 69
- Цабан Я. 154, 362, 423, 521, 552
Циммерман Х. 501
Цукер Д. 649, 689
Цукерман А. 592
- Черномырдин В. С. 189, 212, 241, 242, 293, 321, 390, 411, 431, 476, 480, 495, 574, 575, 576, 589, 590, 615, 622, 706, 707, 708, 731, 735, 759, 760
- Черняев А. С. 10, 125, 126, 226, 380, 670
Чеслер Х. 523, 525
Чистяков А. Ф. 15, 27, 45, 152, 357, 410, 579, 580
Чухвхин Д. С. 130, 131
Чулков Ю. А. 262, 263
- Шалес М. 652
Шамгар М. 224, 225, 719, 799
Шамир Иср. 319, 320, 617
Шамир И. 11, 20, 21, 29, 33, 38, 88, 91, 92, 117, 118, 119, 120, 121, 124, 126, 140, 155, 169, 221, 287, 321, 511, 562, 683
Шапино И. 231, 235
Шарет М. 549
Шарон А. 96, 97, 98, 124, 149, 154, 181, 260, 287, 306, 414, 418, 487, 510, 562, 649, 674, 675, 682, 685, 716
Шарон М. 497
Шарф Д. 202
Шахак-Липкин А. 543
Шахал М. 173, 174, 397, 398, 505, 607
Шеварнадзе Э. А. 6, 7, 16, 18, 195, 197, 342
Шевес Ш. 180
Шелах О. 689
Шелиш П. Б. 699
Шелов-Коведиев Ф. В. 190, 191, 193, 194, 197, 198
Шенар А. 133, 429, 430, 431, 434, 537, 684
Шер И. 431, 519, 520
Шефтель Й. 618
Шехтер Д. 309
Шилов А. М. 113, 452
Шитрит Ш. 252, 265, 465, 521, 596
Шиф З. 734
Шкаки Ф. 504
Шмидт С. О. 380, 381
Шницер М. 377
Шохат А. 454, 486, 488, 494
Шпильбер Ш. 713
Штерн Ю. 294, 561
Штиглиц М. 411, 709
Шумейко В. Ф. 411, 495, 519, 520, 521
Шумер А. 691
- Шаранский Н. 26, 81, 164, 228, 229, 230, 300, 432, 464, 465, 507, 558, 559, 560, 561, 567, 655, 675, 682, 684, 698, 699, 704, 709, 738, 740, 795, 798, 800, 804
Щедров В. И. 356
Эйтан Р. 26, 84, 181, 281, 282, 284, 285, 286, 308, 343, 414, 506, 649, 654, 674, 675, 685, 691
Элиагу М. 304
Эфендисев Ш. А. 428
Эшкол Л. 130, 131, 549
- Юла М. 332
Юрков А. Л. 735
Юрьева (Ахрименко) И. Ю. 179
- Якобсон А. 571
Яковлев А. Н. 18, 615
Яковлев Е. В. 198, 633
Якубов О. 191, 199, 328
Якушев М. И. 532, 533, 555
Ятом Д. 78, 80, 408, 584

Содержание

Введение	3
Декабрь-91	6
Верительные грамоты — Из настоящего журналиста в ненастоящего посла — Посол несуществующего государства — Премьер-министр И.Шамир — Четвёртая молодость	
Январь-92	23
Первая депеша — Первый приём — Первый ресторан — Браки заключаются не на небесах — Яков Кедми и его контора — Первая (и последняя) вилла	
Февраль-92	46
Любимов в Иерусалиме — «Заклятые друзья» Рабин и Перес — Израильские дети лейтенанта Шмидта — Битва за вежливость — Что такое Гистадрут? — 1979: первый раз в «гнезде сионизма» — Шема Принц — Кафе на улице Дизенгоф	
Март-92	70
Летайте самолетами «Трансаэро» — Менахем Бегин — «Экстрасенсы» — Иран: заботы военной разведки — Политика в стихах	
Апрель-92	84
В Каире — Хождение по МИДу — «Соседи» — Руцкой в Израиле — Помогаю Кобзону вызволять из тюрьмы Калмановича	
Май-92	96
Ариэль Шарон — 1948: обретение независимости — Война за Независимость — Кстати о сионизме — Мои друзья — ветераны — Русская духовная миссия — Введение в кибуцелогию — «У нас не террариум!»	
Июнь-92	117
Интифада — Мадрид. Начало переговоров — Левые берут власть — Фейсал Хусейни — Горбачев в Савьоне — Генералы готовятся к миру — Синайская кампания — Шестидневная война — Москва рвет отношения — Дела консульские — На Мёртвом море	
Июль-92	140
«Ориент хаус» — «Союз рыжих» — «Черкесы» в Израиле — Письмо об антисемитизме — Виктор Викторович Посувалюк — Опреснения не получилось — «Я плачу вместе с вами...»	

Август-92	153
Цфат — Египетский посол Мухаммад Басьюни — Генерал Эхуд Барак — Перес в Москве	
Сентябрь-92	163
Безр-Шева. «Караваны» и «парки» — «Русская алия»: по Ленину и по Достоевскому — Крокодилы на Голанах — Эйн-Ход — сплошные художники — «Ты — Рабин, я — Асад» — Новый год с Мастером и Маргаритой	
Октябрь-92	180
В Каире празднуют «победу» — Война Судного дня — Генерал Хаим Бар-Лев — «Братские» послы — МИД: вопросы без ответов — «Всенародное гуляние» в Савьоне	
Ноябрь-92	186
Дела переговорные — Меня начинают снимать с работы — Эйлат — Хайфа — Бахаисты — Биньямин Нетаньяху — «Конец света» в бане	
Декабрь-92	208
Первый политический отчёт — «Момент истины» — Профсоюзы не нужны — Депортация	
Январь-93	220
Сердитый Хасбулатов — Суд справедливости — «Все в руках небес, кроме колючек и ловушек» — Сионистский форум и Натан Шаранский — В Иордании	
Февраль-93	238
В московских коридорах — Сражение за недвижимость: первый этап	
Март-93	246
Президент Эзер Вейцман — Драгоценности России — «Склокоёмкость» — Нам дарят «Ладу»	
Апрель-93	256
Моя родословная — Интересы России — Смета — Пределы самоопределения — Как мы лечились — Антисемитизм — Холокост — Джихад	
Май-93	277
В Лесу Красной армии — «Ястребы»: Бени Бегин и Рафаэль Эйтан — Так говорил Жаботинский	
Июнь-93	288
Еще раз об антисемитизме — Казни египетские и бизнес в России — Медицина без мифов — Почётный консул — Страна без Конституции — Размышления после X раунда переговоров	
Июль-93	312
«Все хотят лучше жить» — «Московский вариант» — Долги Собчака и Станкевича — Ливан: операция «Расплата» — «Хизбалла» — Чеченский след в Израиле	

Август-93	325
«Двойное гражданство» — Почта из России: страдания влюблённых и бизнесменов — Тайные встречи в Осло	
Сентябрь-93	334
Израиль—ООП: «взаимное признание» — Вашингтон: «Осло—1» — «Формула счастья» — Визит А.Л.Адамишина — Немножко о Шагале	
Октябрь-93	348
Положение о посольстве — «Холодный мир» с Египтом — В больнице: «балаган гадолей» — Референтура и спецкурьеры	
Ноябрь-93	355
Аттестация и «самоаттестация» — А.Ф.Чистяков и В.И.Носенко — Безопасность и бдительность	
Декабрь-93	362
Мы тоже голосовали — Москва-Иерусалим: прерванный полет — «Цирк просит убежище...» — Шимон Перес: «Новый Ближний Восток» и многосторонние переговоры — Немного о Шимоне Пересе — Итоги года: «Народ в растерянности»	
Январь-94	376
Якутские алмазы и израильские бриллианты — Встреча с Б.Нетаньяху — Шмидт сын Шмидта — Срезаем углы	
Февраль-94	383
Рони Мило — ЧП посольского масштаба — Американский посол Эдуард Джареджан — Борьба за повышение зарплаты — Трагедия в пещере Махпела	
Март-94	397
Визиты Иванова и Козырева — «Россия сосредоточивается...» — Дипломаты и «соседи» — «Капитан Рябинкин»: крупные проекты уходят в песок	
Апрель-94	410
Палестинские камикадзе — Рабин в Москве	
Май-94	417
Соглашение «Газа—Иерихон» — Венчание А.Б.Пугачевой и Ф.Б.Киркорова — Нашествие блох — «Нищим тут не подают...»	
Июнь-94	422
В отпуске — Квартира для партизана — Школьные дела	
Июль-94	426
Арафат выезжает в Газу — Послы: Хаим Бар-Лев и Ализа Шенар	
Август-94	434
Т.А.Карасова — Палестинская хартия — Информация из тьюбика — Сюрприз Посувалюка — Обнажённая натура	

Сентябрь-94	452
Снова склоки — Банки штурмуют Израиль	
Октябрь-94	456
Испытание абсорбцией — «Русское гетто?» — Закон о возвращении — Еврейские гены — Взрыв на улице Дизенгоф — Мирный договор с Иорданией — Арафат недоволен — Муки коспонсорства — «Вокруг смеха»	
Ноябрь-94	478
Хамство в аэропорту: Киселёва и Петрова — Жилой дом для посольства — «Золотое правило» Громыко: если можно не делать, лучше не делать — О «шестидесятниках»	
Декабрь-94	492
Три подхода — Ещё одна еврейская энциклопедия. Но российская — Лужков: евреи вернутся в Москву! — Разоружение «Эл Ал» — Кризис сионизма	
Январь-95	502
И снова самоубийцы — План «разъединения» — Кому платят пенсии?	
Февраль-95	509
Ясир Арафат — Участок Эль Бирке — «Дело Сегала»	
Март-95	519
Визит Шумейко. С кем и куда ходить в Иерусалиме — Что такое Сохнут? — Наши шпионы в Израиле — «Зачастую ещё пожирая друг дружку живём...»	
Апрель-95	536
Скандалный визит Козырева — Козырев: портрет без интерьера — Забывчивость Переса — «Русская» скрипка доминирует	
Май-95	548
50-летие Победы	
Июнь-95	556
МИД недоволен... — «Русские» идут: «Израэль ба-алия» — Голаны. Сирия. Асад — По России	
Июль-95	569
Фундаментализм — Расизм в Израиле — Раввины призывают солдат к неповиновению	
Август-95	574
Рабин нервничает — Террор. Оправданы ли «жертвы мира»? — Российское представительство в Газе — Дело дельфинихи Федоры	
Сентябрь-95	582
Вашингтон: «Осло-2» — Рабин в Москве	

Октябрь-95	585
Нетаньяху пробивается к Ельцину — Арабская глубинка — Пьяные юристы	
Ноябрь-95	589
Убийство Рабина. Несостоявшийся катарсис — Черномырдин на похоронах — Проблема беженцев	
Декабрь-95	600
Визит Грачёва — Израильская армия — Выборы в Думу — Может ли Израиль остановить время?	
Январь-96	606
Кобзон в кутузке — Евгений Максимович Примаков — Лернер и «русская мафия»	
Февраль-96	622
Сражение за недвижимость: второй и последний этап — Сирийский узел — Письмо Примакову — Стихи Примакову	
Март-96	633
На Мёртвом море. В режиме самоистребления — «Россия и Израиль» (материал для размышлений)	
Апрель-96	641
Ливан: операция «Гроздь гнева» — Визит Примакова — Дипломаты и леди — Религия в Израиле — Тора — «портативное отечество евреев»...	
Май-96	651
«Конечные цели»: надо ли знать, куда идешь? — «Бермудский пятиугольник» — «Рога и копыта» — Замена коленки — Выборы: победа Нетаньяху — Кто есть еврей? Мама и гиюр — Кто есть израильтянин?	
Июнь-96	670
Суэта вокруг выборов президента России — Нетаньяху формирует правительство — «Принципы Нетаньяху» — Операция Энтеббе	
Июль-96	678
«Ливан сначала» — Почему Юлик Кошаровский не сменил Ализу Шенар — Гастроли и гастролёры	
Август-96	687
Голос из МИДа: не надо «размышленчества» — Авигдор Либерман	
Сентябрь-96	692
Новые «правила игры» — Нетаньяху встречается с Арафатом: бунт правых — Туннель Хасмонеев: бунт палестинцев	
Октябрь-96	700
Хеврон — Вейцман принимает Арафата — Визит Примакова: «химия» есть — Футбол	

Ноябрь-96	706
Казус Березовского — Нетаньяху под боем — Замена второй коленки — Что мне не нравится в израильтянах	
Декабрь-96	716
Конгресс славистов — Проблема поселений — Качество жизни — Вечно молодой Гробман	
Январь-97	727
«Осло-3», на этот раз — в Хевроне — Сбор в Аммане: тактика без стратегии — Российское посольство в Израиле — центр шпионажа на Ближнем Востоке	
Февраль-97	737
«Театр политического абсурда»: Хеврон за Бар-Она — Арафат: или Хар-Хома, или Государство Палестина — «А напоследок я скажу...»	
Март-97	753
«Неопалимая купина» — Иерусалим: делить или не делить? — Нетаньяху в Москве: визит хороший, но бесполезный — Скандал с послом США — Три «аксиомы Бовина»	
Апрель-97	766
Последнее турне по Израилю — Лена Петровна: пять лет без «быта»	
Май-97	775
Праздник в Савьоне по случаю отъезда посла — Последние визиты — Последний приём — Последнее чтение газет — Превращение ненастоящего посла в настоящего пенсионера	
Заключение	786
Извинения — Израиль и диаспора — Очень разный Израиль — — Менталитет — Мазохисты — «Процесс пошёл» — Спасибо судьбе	
Дополнения	795
Указатель некоторых имен	805

А. Е. Бовин
ЗАПИСКИ НЕНАСТОЯЩЕГО ПОСЛА

Редактор

И. В. Захаров

Корректор

Л. П. Ганичева

Художник

А. В. Кокорекин

Верстка

К. А. Лачугин

ISBN 5-8159-0118-0

9 785815 901186

Издатель Захаров

Лицензия ЛР №065779 от 1 апреля 1998 года.

Адрес: 121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9.
(Рядом с Никитскими воротами)

Телефон: 291-1217.

Директор: Ирина Евгеньевна Богат.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 24.11.00. Формат 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 15 000 экз. Заказ № 496.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
113054, Москва, Валовая, 28